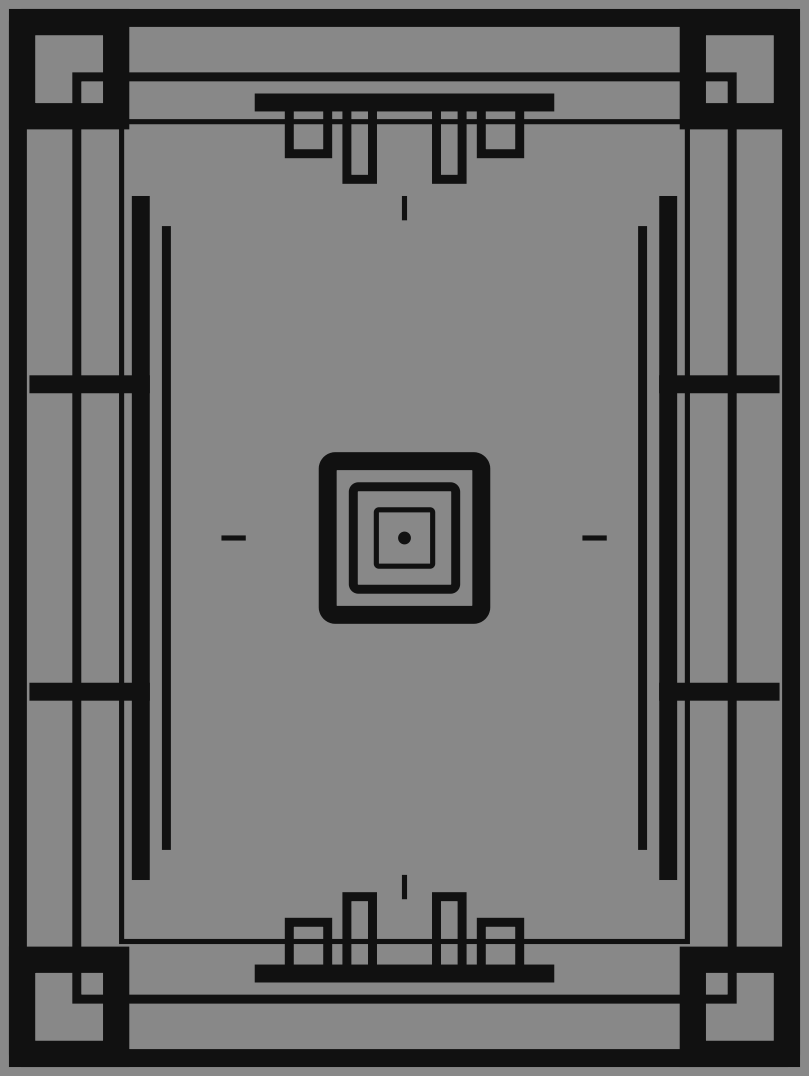

Танец с драконами
George R.R. Martin

Аннотация
ПОСВЯЩЕНИЕ
ПОЯСНЕНИЕ ПО ПОВОДУ ХРОНОЛОГИИ
Пролог
Глава 1. Тирион
Глава 2. Дейенерис
Глава 3. Джон
Глава 4. Бран
Глава 5. Тирион
Глава 6. Слуга купца
Глава 7. Джон
Глава 8. Тирион
Глава 9. Давос
Глава 10. Джон
Глава 11. Дейенерис
Глава 12. Вонючка
Глава 13. Бран
Глава 14. Тирион
Глава 15. Давос
Глава 16. Дейенерис
Глава 17. Джон
Глава 18. Тирион

Глава 19. Давос
Глава 20. Вонючка
Глава 21. Джон
Глава 22. Тирион
Глава 23. Дейенерис
Глава 24. Погибший лорд
Глава 25. Гонимый ветром
Глава 26. Своенравная невеста
Глава 27. Тирион
Глава 28. Джон
Глава 29. Давос
Глава 30. Дейенерис
Глава 31. Мелисандра
Глава 32. Вонючка
Глава 33. Тирион
Глава 34. Бран
Глава 35. Джон
Глава 36. Дейенерис
Глава 37. Принц Винтерфелла
Глава 38. Страж
Глава 39. Джон
Глава 40. Тирион
Глава 41. Перевёртыш
Глава 42. Королевский трофей
Глава 43. Дейенерис
Глава 44. Джон

Глава 45. Слепая девочка
Глава 46. Призрак Винтерфелла
Глава 47. Тирион
Глава 48. Джейме
Глава 49. Джон
Глава 50. Дейенерис
Глава 51. Теон
Глава 52. Дейенерис
Глава 53. Джон
Глава 54. Серсея
Глава 55. Рыцарь Королевской гвардии
Глава 56. Железный жених
Глава 57. Тирион
Глава 58. Джон
Глава 59. Отвергнутый рыцарь
Глава 60. Неугодный жених
Глава 61. Возрождённый грифон
Глава 62. Жертва
Глава 63. Виктарион
Глава 64. Маленькая уродливая девочка
Глава 65. Серсея
Глава 66. Тирион
Глава 67. Низвергатель королей
Глава 68. Укротитель драконов
Глава 69. Джон
Глава 70. Десница королевы

Глава 71. Дейенерис
Эпилог
ПРИЛОЖЕНИЯ
Благодарности
Об авторе
БОНУС: Глава из «Ветров зимы» – Теон

Аннотация

Великая битва окончилась, но будущее Семи королевств снова висит на волоске – новые опасности грозят державе со всех сторон. На востоке Дейенерис Таргариен – последняя из дома Таргариенов – со своими тремя драконами правит городом, построенном на прахе и смерти. Её окружают враги, и имя им легион. Многие герои устремились в путь ко двору королевы Дейенерис. Но среди них есть и юноша, который отправляется в путешествие, затаив совершенно иной замысел.

На севере простёрлась колоссальная Стена из льда и камня – крепость, что сильна лишь людьми, которые ее охраняют. Здесь Джон Сноу, 998-й лорд-командующий Ночного Дозора, принимает самый грозный вызов в своей жизни. И у него тоже есть враги – не только внутри Дозора, но и за Стеной, в краю ледяных созданий.

И скоро повсюду снова вспыхнут яростные схватки, совершатся новые предательства, и изгои и жрецы, солдаты и оборотни, лорды и простолюдины столкнутся с новыми, непре-

одолимыми на вид препятствиями. Кто-то падёт, а кто-то станет лишь сильнее перед лицом сгущающейся тьмы. Но в смутные времена судьба и политика неизбежно сплетаются в танце – величайшем из всех...

Перевод выполнен командой сайта Ночной Дозор (Цитадель Детей Света) исключительно с целью углубленного изучения английского языка.

Команда переводчиков:

Перевод: AL, angusscream, BaraTheon, crossbow, dvnd, Elenlot, elga_huneyn, komadm, kwint, Lady Sansa, MalksRather, nzambi, Ronnie, Tin, vorrivan, Vovchick21, Xanvier Xanbie, Оптикон.

Редактура: Avatarra, bitterhowl, crossbow, Darth_Raziel, donna Elza, Duncan, dvnd, i1epcuk, komadm, Lady Sansa, MalksRather, rony-robber, TheMalcolm, Tin, Vovchick21, Xanvier Xanbie, Десмонд де Рейн, Клюква, Оптикон, Сашкинс13, Эоэлла.

Общая редактура: AL, Luan, елений.

Выпуск: Xanvier Xanbie, Леди Боли.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Эта книга — моим поклонникам:

Lodey, Trebla, Stego, Pod,
Caress, Yags, X-Ray и Mr. X,
Kate, Chataya, Mormont, Mich,
Jamie, Vanessa, Ro,
Stubby, Louise, Agravaine,
Wert, Malt, Jo,
Mouse, Telisiane, Blackfyre,
Stone, Coyote's Daughter,
и всем остальным безумным мужчинам и диким женщинам
Братства Без Знамён.

Моим интернет-волшебникам:
Элио и Линде, лордам сайта **Westeros**,
Winter и Fabio с сайта **winter-is-coming**,
Питеру Гиббсу с сайта **Dragonstone**,
с которого всё начиналось.

Мужчинам и женщинам с сайта **Asshai** в Испании,
которые пели нам о медведе и деве на ярмарке;

потрясающим фанатам в Италии,
которые дали мне так много вина;
моим читателям в России, Финляндии, Германии,
Бразилии, Португалии, Франции, и Нидерландах,
и всем читателям в других дальних странах,
которые ждали этот танец,

и всем друзьям и поклонникам,
с которыми я ещё не встретился.

Благодарю за ваше терпение.

ПОЯСНЕНИЕ ПО ПОВОДУ ХРОНОЛОГИИ

Прошло немало времени между книгами, я знаю.

Так что будет полезным кое о чем напомнить.

Книга, которую держите в руках — пятый том «Песни Льда и Огня». Четвертый том назывался «Пир для Воронов». Тем не менее, «Танец» не следует за «Пиром» в традиционном значении этого слова — скорее, они бегут друг с другом в одной упряжке.

Действие обеих книг начинается непосредственно после событий «Бури Мечей». Поскольку события «Пира» развивались вокруг Королевской Гавани, на Железных Островах и в Дорне, «Танец» покажет нам север — Чёрный Замок, Стену (и земли за ней), а также Пентос и Залив Работорговцев за Узким Морем. Это сделано для того, чтобы рассказать историю Тириона Ланнистера, Джона Сноу, Дейенерис Таргариен и всех остальных персонажей, которых вы не встретили в четвертом томе. Эти две книги не следуют друг за другом — они параллельны… поделены географически,

а не хронологически.

Но лишь до определенного момента.

«Танец с Драконами» — более длинная книга, чем «Пир для Воронов», и покрывает более долгий период времени. В конце этого тома вы встретите некоторых героев «Пира для Воронов». И это означает именно то, что вы думаете: действие «Танца» вышло за временные рамки «Пира», и два потока снова слились друг с другом.

Затем будут «Ветры Зимы», в которых, я надеюсь, они будут мерзнуть вместе…..

Джордж Р. Р. Мартин

Апрель 2011

Пролог

Ночь смердела человечиной.

Варг остановился под деревом и принюхался. Его серую шкуру избороздили тени. Благоухающий хвоей ветер донёс человеческий запах сквозь другие, более слабые — тюленя, лисицы, зайца, оленя и даже волка. Эти запахи тоже принадлежали людям, варг это знал. Затхлый, кислый смрад старых шкур, почти неслышимый среди перебивавшей его вони гнили, крови и дыма. Только человек сдирал с других зверей шкуры и шерсть, и носил их на себе.

Варги, в отличие от волков, людей не боятся. От ненависти и голода скрутило брюхо. Он издал низкий рык, подзывая одноглазого брата и младшую сестру-хитрюгу, и побежал между деревьев. Его стая шла за ним по пятам. Они тоже учуяли запах. На бегу он смотрел вокруг не только своими, но и их глазами — и видел себя самого, несущегося впереди. Из длинных серых пастей теплыми белыми облачками вырывался пар. Между пальцами на лапах намерз твёрдый как камень лёд, но сейчас шла охота, и впереди

была дичь.

«*Плоть*, — думал варг, — *мясо*».

Человек-одиночка — лёгкая добыча. Он велик и силён, и зрение у него острое, но слышат люди плохо и ничего не чуют. Олени, лоси и даже зайцы быстрее людей, медведи и вепри свирепее в бою. Но в стае люди опасны. Когда волки приблизились к добыче, варг услышал скулёж человечьего щенка, хруст выпавшего прошлой ночью снега под неуклюжими лапами двуногих, лязг твёрдых шкур и длинных серых когтей, что несли с собой люди.

«*Мечи*, — прошептал ему внутренний голос, — *копья*».

Деревья отрастили ледяные клыки, скалившиеся с голых бурых ветвей. Одноглазый продрался через подлесок, сбивая с веток снег, и сородичи последовали за ним — вверх на холм и вниз по склону, пока перед ними не расступился лес, и они не увидели людей на поляне. Одна из них оказалась самкой, а меховой сверток, что она сжимала в руках — её детёнышем.

«*Оставь её напоследок*, — прошептал голос, — *самцы опаснее*».

Те что-то рычали друг другу, как обычно поступают люди, но варг учуял их страх. У одного из

них был деревянный зуб длиной в его собственный рост. Самец метнул своё оружие, но его рука дрогнула, и зуб пролетел слишком высоко.

А потом стая бросилась на них.

Его одноглазый брат сбил метнувшего зуб в сугроб и разорвал сопротивляющемуся человеку горло. Сестра подкралась к другому самцу сзади и повалила его на землю. Остались самка и детёныш — для него.

У самки тоже был зуб — маленький, костяной. Но едва челюсти варга сомкнулись на её ноге, она его выронила и упала, прижимая к себе орущего детеныша. Под шкурами сама самка оказалась кожа да кости, но зато её груди — полны молока. Самое сладкое мясо было у детёныша. Лучшие куски волк оставил брату. Стая набивала свои животы, а смёрзшийся снег вокруг тел стал розово-красным.

Далеко от этого места, в глиняной хижине с соломенной крышей и дырой вместо дымохода, на полу из утоптанной земли Варамир задрожал, кашлянул и облизал губы. Его глаза покраснели, губы потрескались, в горле першило, но вкус крови и жира все еще наполнял рот, хотя пустой желудок требовал пищи.

«*Плоть ребёнка*, — подумал варг, вспоминая

Желвака. — *Человеческое мясо*».

Неужели он пал так низко, что его уже тянет на человечину? Он почти наяву услышал рык Хаггона:

— Человек может есть мясо зверей, звери — мясо человека, но если человек ест человеческое мясо — это мерзость.

«*Мерзость*». Любимое словечко Хаггона. «*Мерзость, мерзость, мерзость*». Есть человеческое мясо — мерзость, спариваться в теле волка с волчицей — мерзость, но завладеть телом другого человека — наихудшая мерзость из всех.

«*Хаггон был слабаком, боялся собственной силы. Он умер в слезах в одиночестве, когда я отнял у него вторую жизнь*. — Варамир сам сожрал его сердце. — *Он научил меня многому, и последним, что я узнал у него, был вкус человеческой плоти*».

Однако в тот раз варг находился в теле волка. Сам он никогда не пробовал человеческое мясо, но не возражал, чтобы его стая попировала. Волки были такими же доходягами, как он сам, исхудалыми, замёрзшими, голодными. И эта добыча...

«*...двое мужчин и женщина с ребёнком на руках, бегущие от поражения навстречу смерти. Они бы всё равно скоро погибли — от холода или*

голода. Такая смерть была лучше, быстрее. Милосерднее».

— Милосерднее. — Последнее слово он произнес вслух. В горле саднило, но было приятно услышать человеческий голос, даже свой собственный. Пахло плесенью и сыростью, земля была холодной и твердой, очаг больше дымил, чем согревал. Едва не обжигаясь, Варамир подполз почти вплотную к самому пламени, время от времени кашляя и вздрагивая. В боку пульсировала боль от открывшейся раны. Кровь засохла твёрдой коричневой коркой, пропитав штаны до самых колен.

Репейница предупреждала его, что это может случиться.

— Я постаралась зашить её, как смогла, — сказала она. — Но ты должен отдыхать и позволить ране зажить, иначе она вновь откроется.

Репейница была последней из его спутников — копьеносица, крепкая, как старый корень, морщинистая, с бородавками на обветренном лице. Остальные покинули их по дороге. Один за другим, они отставали или уходили вперёд, к своим старым деревням, к Молочной реке, к Суровому Долу или навстречу одинокой смерти в лесу. Варамир не знал точно, да ему было всё равно.

«*Надо было переселиться в одного из них, когда была возможность. В одного из близнецов или в здоровяка со шрамом на лице, или в рыжего юнца*».

Впрочем, он боялся: кто-то из окружающих мог понять, что происходит. Тогда они накинулись бы на него и убили. Кроме того, его неотступно преследовали слова Хаггона, и, поэтому, этот свой шанс варг упустил.

После битвы у него были тысячи спутников, и они пробирались через лес — замёрзшие, напуганные, спасающиеся от обрушившейся на них резни у Стены. Некоторые говорили о том, чтобы вернуться к своим покинутым жилищам, другие о том, чтобы предпринять вторую атаку на ворота, но большинство понятия не имело, куда идти и что делать. Они бежали от ворон в чёрных плащах и рыцарей в серой стали, но сейчас их преследовали куда более безжалостные враги. С каждым днём на лесных тропах оставались новые и новые трупы. Кто-то умер от голода, кто-то от холода, прочие от болезней. Кого-то убили те, кто называл себя их братьями по оружию, когда они все вместе выступили на юг с Мансом Налётчиком, Королем-за-Стеной.

— Манс пал, — говорили друг другу выжившие

полными отчаяния голосами. — Манса взяли в плен. Манса убили.

— Харма мертва, Манса взяли в плен, остальные разбежались и бросили нас, — сообщила ему Репейница, зашивая его рану. — Тормунд, Плакальщик, Шестишкурый — все они храбрые воины. Где они теперь?

«*Она меня не узнала,* — догадался тогда Варамир. — *Да и с какой стати должна узнать?*» Без своих зверей он не выглядел великим человеком. «*Я был Варамиром Шестишкурым, что делил хлеб с Мансом Налётчиком*». Он стал называть себя Варамиром, когда ему было десять. «*Имя, достойное лорда, достойное песен, великое имя, внушающее страх*». Однако и он бежал от ворон, как испуганный заяц. Грозный лорд Варамир перетрусил, но он бы не вынес позора, узнай его копьеносица, поэтому ей он представился Хаггоном. Потом он сам удивлялся, отчего из всех возможных имён ему на ум пришло именно это имя. «*Я сожрал его сердце и выпил его кровь, и он всё ещё преследует меня*».

В один из дней их долгого бегства из леса прискакал всадник на тощей белой лошади и прокричал, что всем им нужно идти к реке Молочной, что Плакальщик собирает воинов, чтобы

пересечь мост Черепов и захватить Сумеречную Башню. Многие последовали за ним, но ещё больше осталось. Позже угрюмый воин в мехах и янтаре, переходя от костра к костру, убеждал выживших отправиться на север и спасаться в долине теннов. С чего он решил, что там они будут в безопасности, когда сами тенны сбежали из этого места, Варамир так и не понял, но за воином последовали сотни людей. Ещё сотни ушли с лесной ведьмой, у которой было видение о целом флоте кораблей, приплывшем, чтобы увезти вольный народ на юг.

— Мы должны пойти к морю! — кричала Матушка Кротиха, и её приверженцы повернули на восток.

Будь у него силы, Варамир и сам бы к ним присоединился. Однако море было серым, холодным и очень далёким, и он знал, что не доживёт, чтобы его увидеть. Варг уже девять раз умирал, но на этот раз умрёт по-настоящему. «*Беличий плащ,* — вспомнил он, — *он зарезал меня из-за беличьего плаща*».

Его владелица была мертва, её затылок превратился в кровавую кашу вперемешку с кусочками костей, но её плащ выглядел плотным и тёплым. Шёл снег, а Варамир потерял свои плащи у Стены.

Его спальные шкуры и шерстяное белье, сапоги из овчины и подбитые мехом рукавицы, запас медовухи и прочих съестных припасов, пряди волос, срезанные у женщин, с которыми спал, даже золотые наручи, подаренные Мансом — всё было потеряно и брошено.

«*Я сгорел и умер, и после этого я побежал, наполовину обезумевший от боли и страха*». Его до сих пор мучил за это стыд, но ведь он оказался такой не один. Другие тоже бежали — сотни и тысячи. «*Битва была проиграна. Пришли рыцари, неуязвимые в своей стали, и они убивали всех, кто остался, чтобы сражаться. Беги или умри*».

Но от смерти так легко не убежишь. Когда Варамир наткнулся в лесу на мёртвую женщину, он опустился на колени, чтобы снять с неё плащ и не заметил мальчика — пока тот не выскочил из укрытия, и, воткнув в бок Варамира длинный костяной нож, вырвал накидку из сжатых пальцев Шестишкурого.

— Его мать, — объяснила ему позже Репейница, когда мальчика и след простыл. — Это был плащ его матери, и, увидев, что ты её грабишь...

— Она умерла, — сказал Варамир, вздрогнув, когда костяная игла проткнула его плоть. — Кто-то размозжил ей голову. Какая-то ворона.

— Не вороны. Рогоногие. Я видела. — Игла стянула края раны в боку. — Дикари. А кто остался, чтобы укротить их?

«Никого. Если Манс мёртв, вольный народ обречён». Тенны, великаны и рогоногие, пещерные жители с подпиленными зубами и народ западного побережья с их костяными колесницами... все они обречены. Даже вороны. Они, возможно, ещё не знают этого, но эти ублюдки в чёрных плащах погибнут вместе с остальными. Враг идёт.

В его голове прозвучало эхо грубого голоса Хаггона:

— Ты умрёшь дюжиной смертей, мальчик, и каждая из них будет болезненной... Но после того как, придёт твоя истинная смерть, ты будешь жить снова. Говорят, вторая жизнь проще и приятней.

Уже скоро Варамир Шестишкурый узнает, так ли это. Он чувствовал вкус своей истинной смерти в едком дыме, что висел в воздухе, ощущал её в жаре под своими пальцами, когда просовывал руку под одежду, чтобы потрогать рану. Его захлёстывал холод, пробирая до костей. На этот раз, должно быть, его убьёт мороз.

Его предпоследняя смерть была от огня. *«Я сгорел»*. Сперва, в замешательстве он подумал,

что какой-то лучник со Стены пронзил его горящей стрелой... Но огонь пожирал *изнутри*. И эта боль...

До этого Варамир умирал девять раз. Однажды он умер, пронзённый копьём, другой раз от медвежьих зубов, разодравших горло, ещё раз в луже крови, родив мёртвого щенка. В первый раз он умер, когда ему было всего шесть — тогда топор собственного отца раскроил ему череп. Но даже это не принесло столько мучений, как *пожирающий заживо* огонь в его внутренностях, охвативший крылья. Когда Варамир попытался улететь, то панический полёт только раздул пламя, заставив его гореть ещё жарче. Вот только что он парил над стеной, следя орлиными глазами за передвижениями людей внизу — и вот уже пламя обратило его сердце в пепел, вышвырнув визжащий дух Варамира назад в собственную шкуру, и ещё на какое-то время он обезумел от боли. Ему хватило простого воспоминания об этом, чтобы вновь задрожать.

Тогда он и заметил, что очаг потух.

Осталась только серо-чёрная мешанина головешек, да несколько тлевших углей посреди золы. «*Дым ещё есть, ему только нужно дерево*». Скрежетнув зубами от боли, Варамир подполз к

куче наломанных веток, которые перед уходом на охоту собрала Репейница, и кинул несколько хворостин в кучу золы.

— Хватай, — прохрипел он. — Гори.

Варамир подул на угли и вознёс про себя молитву безымянным богам лесов, холмов и полей.

Боги не ответили ему. Чуть погодя пропал и дым, а в маленькой хижине становилось всё холоднее. У Варамира не было ни кремня, ни трута, ни сухих щепок для растопки. Ему не удастся разжечь огонь снова — по крайней мере, самостоятельно.

— Репейница, — позвал он хриплым, полным боли голосом. — Репейница!

У неё был острый подбородок, сплюснутый нос, а на щеке родинка с четырьмя тёмными волосками. Уродливое лицо и грубое, однако сейчас он многое бы отдал, чтобы вновь увидеть его в дверях лачуги. — «*Надо было переселиться в неё, пока она не ушла*».

Сколько её не было? Два дня? Три? Варамир не знал. В хижине было темно. Он то погружался в сон, то просыпался, не понимая толком, день на дворе или ночь.

— Жди, — сказала она. — Схожу раздобыть еды.

И он, как дурак, ждал, размышляя о Хаггоне,

Желваке и всех тех скверных поступках, что совершил за свою долгую жизнь. Но дни сменялись ночами, а Репейница так и не вернулась.

«*Она и не вернётся*».

Варамир гадал, не мог ли он чем-то себя выдать? Вдруг, глядя на него, она поняла, что он замышляет, или, может, он бормотал об этом в горячечном бреду?

«*Мерзость*», — услышал он голос Хаггона, словно тот стоял рядом, в этой самой комнате.

— Она просто уродливая копьеносица, — сказал ему Варамир. — А я великий человек. Я Варамир, варг, оборотень. Неправильно, если она останется жить, а я умру.

Ему никто не ответил — никого тут и не было. Репейница ушла и бросила его, как и все остальные.

Точно так же его бросила и собственная мать. «*Она оплакивала Желвака, но никогда не оплакивала меня*». Тем утром отец вытащил его из кровати, чтобы отвести к Хаггону, а она даже на него не взглянула. Он визжал и лягался, когда отец тащил его по лесу, пока тот его не отшлёпал, велев замолкнуть.

— Твоё место среди тебе подобных! — Вот и всё, что он сказал, швырнув сына к ногам Хаггона.

«*Он оказался не так уж неправ*, — подумал Варамир, дрожа от холода. –*Хаггон многому меня научил: охотиться и рыбачить, разделывать туши и чистить рыбу, находить дорогу в лесу. И он обучил меня обычаям варгов и поведал мне тайны оборотничества, хотя мой дар был сильнее, чем у него самого*».

Много лет спустя он попытался найти своих родителей, чтобы сказать им, что их Комок стал великим Варамиром Шестишкурым, но мать и отец давно умерли и были преданы огню. «*Перешли в деревья и реки, перешли в камни и землю. Превратились в прах и пепел*». Именно эти слова сказала его матери лесная ведьма в день, когда умер Желвак. Комок не хотел стать прахом земным — мальчик грезил о том дне, когда барды воспоют его деяния, а прекрасные девушки одарят поцелуями.

«*Когда я вырасту, то стану Королём-за-Стеной*», — обещал себе Комок. Он не стал королём, но был весьма близок к этому. Имя Варамира Шестишкурого вселяло страх в сердца людей. Он ехал в бой верхом на белой медведице тринадцати футов ростом, держал на коротком поводке трёх волков и сумеречного кота и сидел по правую руку от Манса Налётчика.

«*Это из-за Манса я оказался здесь. Зря я его послушал. Надо было влезть в шкуру моей медведицы и разорвать его на кусочки*».

Ещё до Манса Варамир был кем-то вроде лорда. Он жил один в чертоге, выстроенном из мха, земли и срубленных брёвен, который до него принадлежал Хаггону. Сюда приходили его звери. С десяток деревень платили ему дань хлебом, солью и сидром, поставляли плоды из своих садов и овощи с огородов. Мясо он добывал сам. Когда Варамир хотел женщину, то посылал сумеречного кота следовать за ней по пятам — и любая приглянувшаяся Варамиру девушка безропотно ложилась к нему в постель. Некоторые приходили в слезах, да, но всё же приходили. Варамир давал им своё семя, брал прядь их волос себе на память и отсылал обратно. Время от времени какой-нибудь деревенский герой являлся к нему с копьём в руках, чтобы уничтожить чудовище и спасти сестру, любовницу или дочь. Этих он убивал, но женщинам никогда не причинял вреда. Некоторых он даже осчастливил детьми.

«*Недоростки. Маленькие и хилые, как Комок, и никто из них не обладал даром*».

Страх заставил его, пошатываясь, подняться на ноги. Держась за бок, чтобы унять сочившуюся

из раны кровь, Варамир доковылял до двери, откинул рваную шкуру, прикрывавшую проём, и оказался перед сплошной белой стеной. «*Снег*». Неудивительно, что внутри стало так темно и дымно. Падающий снег похоронил под собой хижину.

Варамир толкнул снежную стену, и та рассыпалась — снег был всё ещё мягким и мокрым. Снаружи, словно смерть белела ночь, рваные бледные облака пресмыкались перед серебристой луной, а с небес холодно взирали тысячи звёзд. Он видел горбатые очертания хижин, погребённых под снежными заносами, и за ними бледную тень закованного в лёд чардрева. К югу и западу от холмов простиралась необозримая белая пустошь. Всё вокруг замерло, кроме летящего снега.

— Репейница, — еле слышно позвал Варамир, пытаясь представить, как далеко та могла уйти.

«*Репейница. Женщина. Где ты*?»

Вдалеке завыл волк.

Варамира пробила дрожь. Он узнал этот вой, так же как Комок когда-то узнавал голос своей матери.

«*Одноглазый*».

Самый старший из трёх, самый крупный и

свирепый. Охотник — более поджарый, быстрый и молодой, а Хитрюга — коварнее, но оба боялись Одноглазого. Старый волк был бесстрашным, безжалостным и диким.

Умерев в теле орла, Варамир потерял власть над другими своими зверьми. Его сумеречный кот убежал в лес, а белая медведица набросилась с когтями на стоявших поблизости людей, успев разорвать четверых, пока её не закололи копьём. Она убила бы и Варамира, окажись он рядом. Медведица ненавидела его и приходила в ярость каждый раз, когда варг надевал её шкуру или забирался ей на спину.

А вот его волки...

«*Мои братья. Моя стая*».

Много ночей подряд он спал среди них, его окружали их мохнатые тела, помогая сохранить тепло.

«*Когда я умру, они съедят меня и оставят только кости, которые оттают из-под снега с приходом весны*». — Эта мысль странным образом утешала. В прошлом волки Варамира частенько приходили к нему за едой — и вполне естественно, что он, в конце концов, накормит их ещё раз. Он вполне может начать свою вторую жизнь, обгладывая тёплую мёртвую плоть со своего соб-

ственного трупа.

Из всех зверей проще всего привязать к себе собак. Те живут так близко к людям, что и сами становятся почти что людьми. Вселиться в собаку, надеть её шкуру — всё равно что обуть старый разношенный башмак из мягкой кожи. Башмак по своей форме уже готов принять ногу, и собака готова принять ошейник — даже если ошейник невидим для глаз. С волками труднее. Человек может подружиться с волком, даже сломить его волю, но никому не под силу *приручить* его полностью.

— Волки и женщины вступают в супружество раз и навсегда, — не раз повторял ему Хаггон. — Ты вселяешься в волка, и это как брак. С этого дня волк — часть тебя, а ты — его часть. Вы оба меняетесь.

С другими зверями лучше не связываться, считал охотник. Коты самодовольны, жестоки и в любой момент готовы на тебя броситься. Лоси и олени — добыча для хищников: если носить их шкуру слишком долго, даже отчаянный храбрец станет трусом. Медведи, вепри, барсуки, хорьки... Хаггон всего этого не одобрял.

— Ты никогда не захочешь носить эти шкуры, мальчик. Тебе не понравится то, во что они тебя

превратят.

По его словам, птицы были хуже всего.

— Человеку не следует покидать землю. Проведи слишком много времени в облаках — и не захочешь возвращаться обратно. Я знавал оборотней, что пробовали вселяться в ястребов, сов, воронов. Потом даже в собственной шкуре они становились безразличны ко всему и только пялились в треклятые небеса.

Впрочем, так считали далеко не все оборотни. Как-то, когда Комку было десять, Хаггон сводил его на сборище себе подобных. Больше всего в кругу было варгов — волчьих братьев, но оборотни показались мальчику куда интереснее и захватывающе. Боррок так походил на своего вепря, что ему только клыков не доставало, у Орелла был орёл, у Вереск — её сумеречный кот (стоило Комку его увидеть, как он захотел сумеречного кота и себе), у Гризеллы — козы...

И никто из них не обладал силой Варамира Шестишкурого, даже сам Хаггон, высокий и мрачный, с грубыми, как камень руками. Охотник умер, обливаясь слезами, после того как Варамир отобрал у него Серую Шкуру, прокатился в теле волка и заявил, что забирает зверя себе.

«*Не достанется тебе второй жизни, старик*».

Тогда он величал себя Варамиром Троешкурым. Серая Шкура стал четвёртым, хотя старый волк был хил, почти беззуб и вскоре умер вслед за Хаггоном.

Варамир мог вселиться в любого зверя, в какого хотел, подчинить его своей воле, сделать его тело своим собственным, будь то собака или волк, медведь или барсук...

«*Репейница*», — подумал он.

Хаггон назвал бы это мерзостью, страшнейшим грехом на свете, но Хаггон мёртв, съеден и сожжён. Манс бы тоже его проклял, но Манс или убит, или попал в плен.

«*Никто не узнает. Я стану Репейницей-копьеносицей, а Варамир Шестишкурый умрёт*».

Он подозревал, что вместе со старым телом лишится своего дара, потеряет своих волков и проживет остаток жизни костлявой бородавчатой бабой... но он будет жить.

«*Если она вернётся. Если у меня хватит сил с ней справиться*».

У Варамира закружилась голова, и он обнаружил, что стоит на четвереньках, сунув руки в сугроб. Он зачерпнул пригоршню снега и сунул в рот, растёр по бороде и растрескавшимся губам, всасывая влагу. Вода оказалась такой холодной,

что он еле заставил себя её проглотить, и вновь осознал, что весь горит.

От талого снега ему только больше захотелось есть. Желудок требовал еды, а не воды. Снегопад прекратился, но поднялся ветер, который наполнил воздух снежной крупой, хлеставшей Варамира по лицу, пока тот пробирался через сугроб. Рана в боку то открывалась, то закрывалась вновь. Добравшись до чардрева, он нашёл упавшую ветку — достаточно длинную, чтобы послужить ему костылём. Тяжело опираясь на палку, Варамир поковылял к ближайшей хижине. Может быть, жители, убегая, что-нибудь забыли... куль с яблоками, кусок вяленого мяса — что угодно, что помогло бы ему продержаться до прихода Репейницы.

Варамир почти добрался до хижины, когда костыль надломился под его весом, и ноги подкосились.

Варамир не мог сказать, как долго он пролежал, марая снег кровью.

«*Меня засыплет снегом*».

Тихая смерть.

«*Говорят, замерзающие, перед самым концом чувствуют тепло — тепло и сонливость*». Хорошо будет снова ощутить тепло, хотя обидно,

что он так никогда и не увидит зелёные земли и жаркие страны за Стеной, о которых пел Манс.

— Таким, как мы, не место в мире за Стеной, — говаривал Хаггон. — Вольный народ хоть и боится оборотней, но уважает, а к югу от Стены поклонщики ловят нас и потрошат, как свиней.

«*Ты предостерегал меня*, — думал Варамир, — *но ты же и показал мне Восточный Дозор*». Ему было тогда десять, не больше. Хаггон выменял у ворон дюжину ниток янтаря и полные сани пушнины на шесть бурдюков вина, кирпич соли и медный котелок. В Восточном Дозоре торговать было лучше, чем в Чёрном замке — сюда приходили корабли, груженые товарами из сказочных земель за морем. Среди ворон Хаггон был известен как охотник и друг Ночного Дозора, и они охотно слушали вести, которые тот приносил из-за Стены. Некоторые знали, что он оборотень, но открыто об этом не говорили. Там, в Восточном Дозоре-у-моря, мальчик, которым он когда-то был, начал грезить о тёплом юге.

Варамир чувствовал, как у него на лбу тают снежинки.

«*Это не так страшно, как сгореть заживо. Дайте мне уснуть и больше не проснуться, дайте мне начать мою вторую жизнь*».

Его волки были уже недалеко — он их чувствовал. Он отбросит это бренное тело и превратиться в одного из них, охотящихся в ночи и воющих на луну. Варг станет настоящим волком.

«*Вот только которым*?»

Только не Хитрюгой. Хаггон назвал бы это мерзостью, но Варамир частенько вселялся в Хитрюгу, когда Одноглазый подминал её под себя. Впрочем, он не хотел прожить свою жизнь самкой — разве что у него не останется другого выбора. Охотник подошёл бы ему больше, он младше... хотя Одноглазый крупнее и свирепее, и когда у Хитрюги начиналась течка, её брал именно Одноглазый.

— Говорят, ты обо всём забываешь, — сказал ему Хаггон за несколько недель до своей смерти. — Когда умирает человеческое тело, душа остается жить внутри зверя, но с каждым днём воспоминания тускнеют, и зверь становится чуть менее варгом и чуть более волком, пока от человека не остаётся ничего — только зверь.

Варамир знал, что это правда. Когда он забрал себе орла, принадлежавшего Ореллу, то чувствовал в птице ярость другого оборотня. Орелла убил ворона-перебежчик Джон Сноу, и ненависть оборотня к убийце была так сильна, что

и Варамир начал чувствовать к этому зверёнышу неприязнь. Он понял, кто такой Сноу, с того самого момента, когда увидел огромного белого лютоволка, безмолвно следовавшего за хозяином по пятам. Свой своего видит издалека.

«*Манс должен был отдать этого лютоволка мне — это была бы вторая жизнь, достойная короля*».

Варамир мог бы забрать себе лютоволка, он в этом не сомневался. Дар у Сноу был силён, но юношу никто не учил владеть им, и он всё ещё боролся со своей природой, хотя благодаря ей мог бы преуспеть.

Варамир увидел, что с белого ствола на него взирают красные глаза чардрева.

«*Боги оценивают мои поступки*».

Его пробрала дрожь. Он творил дурные вещи, ужасные: воровал, убивал, насиловал. Он пожирал человечину и лакал кровь умирающих, красную и горячую, хлеставшую из разорванных глоток. Он преследовал врагов по лесу, набрасывался на них, спящих, вырывал им когтями кишки из брюха и разбрасывал по грязи. *«Как же сладко было их мясо».*

— Это был зверь, а не я, — сипло прошептал Варамир. — Этим даром наградили меня вы.

Боги не ответили. Его дыхание висело в воздухе бледными туманными облачками, и он чувствовал, как на бороде намерзает лёд. Варамир Шестишкурый закрыл глаза.

Ему снился старый сон: лачуга у моря, три скулящие собаки, женские слёзы.

«*Желвак. Она оплакивала Желвака, но никогда не оплакивала меня*».

Комок родился на месяц раньше, чем следовало, и был таким хворым, что никто не думал, что он выживет. Мать не давала ему имени почти до четырёх лет, а потом стало уже слишком поздно. Вся деревня называла его Комком — так его прозвала сестра Миха, когда он ещё находился в материнской утробе. Прозвище Желваку тоже дала Миха, но младший брат Комка родился в срок, был большим, красным, крикливым, и жадно сосал материнскую грудь. Она собиралась назвать его в честь отца.

«*Но Желвак умер. Он умер, когда ему было два года, а мне шесть — за три дня до его именин*».

— Твой младший сын сейчас с богами, — сказала его рыдающей матери лесная ведьма. — Он никогда больше не испытает боли, не будет голодать, не будет плакать. Боги забрали его назад в землю, в деревья. Боги — это всё, что окружает

нас. Они в камнях и ручьях, в птицах и зверях. Теперь твой Желвак с ними. Он будет миром и всем, что в нём есть.

Слова старухи резанули Комка как ножом.

«*Желвак видит меня. Он за мной наблюдает, он знает*».

Комок не мог от него спрятаться, не мог укрыться за материнской юбкой или сбежать с собаками от отцовского гнева.

«*Собаки. Хвостик, Нюхач, Рычун. Хорошие были псы. Мои друзья*».

Увидев, как собаки обнюхивают тельце Желвака, отец понятия не имел, какая именно из них это сделала, поэтому зарубил топором всех трёх. Его руки тряслись так сильно, что Нюхач замолк только после второго удара, а Рычун лишь после четвёртого. В воздухе стоял запах крови, и было страшно слышать скулёж умирающих псов, но Хвостик, самый старший пёс, всё-таки прибежал на зов отца — выучка одолела страх. Когда Комок надел его шкуру, было слишком поздно.

«*Нет, отец, пожалуйста*», — пытался сказать Комок, но собаки не умеют говорить по-человечески, так что он лишь жалобно заскулил. Топор расколол череп старого пса, и мальчик в лачуге истошно завопил. *«Так они и узнали».* Два дня

спустя отец потащил Комка в лес, прихватив с собой топор, и поэтому мальчик решил, что он зарубит его, как зарубил собак. Вместо этого отец отдал его Хаггону.

Варамир проснулся неожиданно, резко, дрожа всем телом.

— Проснись! — надрывался голос у него над ухом. — Подымайся, надо идти! Там их сотни!

Снег укутал его точно плотное белое одеяло. *«Как холодно».* Пытаясь пошевелиться, Варамир понял, что рука примёрзла к земле. Когда он оторвал её, часть кожи осталась под снегом.

— Вставай! — снова закричала женщина. — Они *идут*!

Репейница вернулась за ним. Она держала его за плечи и трясла, что-то крича ему в лицо. Варамир ощущал её дыхание, чувствовал его теплоту на своих окоченевших щеках. «*Сейчас*, — подумал он, — *сделай это сейчас или умри*».

Он собрал все оставшиеся в нём силы, оставил своё тело и ринулся внутрь женщины.

Репейница выгнулась дугой и закричала.

«*Мерзость*».

Кто это сказал — она? Он сам? Хаггон? Он не знал. Когда её пальцы разжались, его старое тело рухнуло обратно в сугроб. Копьеносица завизжа-

ла, яростно извиваясь на месте. Его сумеречный кот в своё время дико сопротивлялся ему, и белая медведица на какое-то время почти обезумела, кусая стволы деревьев, камни и просто воздух — но это было хуже.

— Убирайся, *убирайся*! — кричал его собственный рот. Её тело пошатнулось, упало, встало снова, размахивая руками, а ноги дёргались так и эдак, точно в каком-то нелепом танце: их души боролись за тело. Она вдохнула немного морозного воздуха, и краткий миг Варамир праздновал победу, наслаждаясь вкусом воздуха и силой молодого тела — пока её зубы не сжались и его рот не наполнился кровью. Она подняла свои руки к его лицу. Он старался опустить их, но те не слушались, и Репейница вцепилась ногтями ему в глаза.

«*Мерзость*», — вспомнил он, утопая в крови, боли и безумии. Когда он попытался закричать, она выплюнула их общий язык.

Белый свет перевернулся и пропал. На мгновение ему показалось, что он в чардреве — смотрит наружу вырезанными на стволе красными глазами, как жалко корчится на земле умирающий мужчина и пляшет под луной безумная женщина, слепая и окровавленная, роняя алые слёзы и

разрывая на себе одежду. Потом оба исчезли, и он взлетел, и растаял. Его душу унесло каким-то холодным ветром. Он был снегом и облаками, он был воробьём, белкой, дубом. Филин, охотясь за зайцем, беззвучно пролетел между его деревьями. Варамир был внутри филина, внутри зайца, внутри деревьев. Глубоко под замёрзшей землей копошились слепые черви, и он был внутри них. *«Я – лес и всё, что в нём обитает»,* — думал он ликуя. Каркая, в воздух поднялась сотня воронов — они чувствовали, как он проходит сквозь них. Огромный лось затрубил, растревожив детей у него на спине. Спящий лютоволк поднял голову и зарычал в темноту. Прежде чем их сердца затрепетали вновь, он покинул их в поисках своей стаи, своих волков: Одноглазого, Хитрюги, Охотника. Волки спасут, твердил себе он.

Это было его последней человеческой мыслью.

Истинная смерть пришла внезапно. Варамира пробрал холод, точно его с головой окунули в ледяные воды замёрзшего озера. Затем он понял, что бежит в залитых лунным светом снегах, и его сородичи несутся следом. Полмира закрыла тьма. «*Одноглазый*», — понял он, тявкнул, и Хитрюга с Охотником ответили.

Добравшись до гребня холма, волки останови-

лись. «*Репейница*», — вспомнил варг, и какая-то часть его опечалилась о том, что он потерял, а какая-то — о том, что натворил.

Мир внизу превратился в лёд. Пальцы мороза ползли навстречу друг другу вверх по чардреву. Пустая деревня уже не была пустой: между снежными холмиками бродили синеглазые тени. Одни носили бурое, другие чёрное, третьи были нагими — с белыми как снег телами. С холмов прилетел ветер, наполненный их запахами: мертвечина, засохшая кровь, провонявшие плесенью, гнилью и мочой шкуры. Хитрюга зарычала и оскалила зубы, шерсть у неё встала дыбом. *«Не люди. Не добыча. Только не эти».*

Создания внизу двигались — но живыми не были. Один за другим они поднимали головы и глядели на трёх волков на холме. Последним подняло взгляд существо, которое некогда было Репейницей. Облачение из инея, намёрзшего поверх одежды из шерсти, меха и кожи, искрилось в лунном свете и похрустывало при движении. С пальцев свисали бледно-розовые сосульки, словно десять длинных ножей из замёрзшей крови. И в ямках, где раньше находились глаза, мерцали бледно-голубые огоньки, придавая грубому лицу то, чего оно было лишено при жизни — пугаю-

щую красоту.

«Она меня видит».

Глава 1. Тирион

Он пил всю дорогу через Узкое море.

Корабль был маленьким, каюта Тириона — совсем крохотной, а капитан не позволял ему появляться наверху. Из-за ходившей ходуном под ногами палубы его постоянно мутило. Дрянная на вкус пища казалась ещё отвратительней, когда он извергал её обратно. К тому же, зачем нужны солонина, засохший сыр и червивый хлеб, если есть вино? Красное, кислое и очень крепкое. От вина тоже порой тошнило, но его было много.

— Мир до краёв наполнен вином, — бормотал Тирион в своей промозглой каюте. Отец никогда не любил пьяных, так что с того? Отец мёртв. Он его прикончил. «*Ваша стрела в живот, милорд! Только для вас. Умей я лучше управляться с арбалетом, всадил бы её в член, которым ты меня зачал, проклятый ублюдок*».

Сидя в трюме, Тирион не понимал день снаружи или ночь, и ориентировался во времени лишь по появлению в каюте юнги, приносившего ему еду, к которой он не притрагивался, да ведро со щёткой, чтобы прибрать за карликом.

— Это дорнийское? — как-то спросил его Тирион, вынимая пробку из меха. — Оно напоминает мне об одной змее, которую я знавал когда-то. Забавный был парень, пока его не придавило горой.

Юнга не отвечал. Мальчик был довольно уродливым, хотя куда привлекательнее, чем некий карлик с обрубком носа и шрамом от глаза до подбородка.

— Я тебя чем-то обидел? — вновь обратился Тирион к мальчишке, пока тот скрёб палубу. — Тебе запретили со мной разговаривать? Или какой-нибудь карлик вдул твоей матери?

Ответа вновь не последовало.

— Скажи хоть, куда мы плывём?

Джейме упоминал о Вольных городах, но никогда не говорил ничего определённого.

— Браавос? Тирош? Мир?

Тирион предпочёл бы отправиться в Дорн. «*Мирцелла постарше Томмена, и по дорнийским законам Железный Трон должен принадлежать ей. Я помогу племяннице потребовать то, что ей причитается, как и предлагал принц Оберин*».

Но Оберин мёртв, его голову размозжил закованный в броню кулак сира Грегора Клигана. А без Красного Змея за спиной станет ли Доран Мар-

телл даже думать о подобной авантюре? «*Вместо этого он может заковать меня в железо и отправить обратно к ненаглядной сестрице*». На Стене было бы безопаснее. Старый Медведь Мормонт говорил, что Ночному Дозору нужны люди вроде Тириона. «*Хотя, наверное, Мормонт уже умер, а Слинт стал новым лордом-командующим*». Вряд ли сын мясника забыл, кто отправил его на Стену. «*Неужели я хочу всю оставшуюся жизнь есть солонину с овсянкой вместе с ворами и убийцами*?» Впрочем, остаток его жизни не будет слишком долгим. Янос Слинт об этом позаботится.

Юнга сунул щётку в воду и мужественно продолжил скрести.

— Ты бывал когда-нибудь в лиссенийских борделях? — спросил карлик. — Может, это туда отправляются шлюхи?

Тирион вряд ли бы вспомнил, как сказать по-валлирийски «шлюха», и, в любом случае, поздно было вспоминать. Мальчишка уже бросил щётку в ведро и отправился прочь.

«*Мой мозг одурманен вином*». Тирион учился читать на высоком валирийском, ещё сидя на коленях у своего мейстера, хотя то, на чём общаются в девяти вольных городах... это был не то чтобы диалект, а скорее девять диалектов,

переходящих в девять разных языков. Тирион знал несколько слов на браавосском и немного говорил на мирийском. Благодаря одному знакомому ещё с Утёса наёмнику, он легко мог грязно ругаться, обозвать любого мошенником и заказать кружку эля на тирошском. «*В Дорне хотя бы разговаривают на общем языке*». Как и всё дорнийское — пища, законы — их речь была приправлена ароматами Ройна, но с этим можно справиться. «*Да, Дорн — по мне*». Вцепившись в эту мысль, словно ребёнок в куклу, карлик добрался до койки.

Тирион Ланнистер никогда не мог легко уснуть. А на борту этого корабля и подавно, хотя время от времени он ухитрялся напиваться до такого состояния, что ему удавалось ненадолго отключиться. Во всяком случае, снов он не видел. На его короткий век их и так было предостаточно. «*И разных глупостей тоже: любви, справедливости, дружбы и славы. Как и мечты стать высоким*». Теперь Тирион знал: всё это ему недоступно. Он не знал, куда отправляются шлюхи.

«Куда отправляются шлюхи», — сказал отец. *«Его последние слова, и какие!»* Арбалет *треньк-нул*, лорд Тайвин осел назад, и Тирион Ланнистер оказался в темноте, ковыляющий бок о бок с

Варисом. Должно быть, он каким-то чудом сумел спуститься по шахте на двести тридцать ступенек туда, где сияли оранжевые угли в глотке железного дракона. Но ничего этого он не помнил. Только звук арбалета и вонь от дерьма обделавшегося отца. «*Даже умирая, он ухитрился меня обгадить*».

Варис провёл его сквозь туннели, но они не перемолвились ни словом, пока не добрались до Черноводной, где Тирион одержал великую победу и оставил половину носа. Здесь карлик повернулся к евнуху и тоном, которым человек обычно говорит о том, что уколол себе палец, сообщил:

— Я убил отца.

Хозяин шептунов был одет в побитую молью грубую коричневую рясу с капюшоном, скрывавшим гладкие толстые щеки и круглую лысую голову.

— Лучше б вы не поднимались по той лестнице, — укоризненно заметил он.

— Куда отправляются шлюхи. — Тирион предупреждал отца не произносить при нём этого слова.

«*Если б я не выстрелил, он бы увидел, что это лишь пустые угрозы. Он вырвал бы у меня арбалет, как вырвал из моих рук Тишу. Отец уже*

поднимался на ноги, когда я его застрелил».

— Шаю я тоже убил, — признался он Варису.

— Вы знали, кем она была.

— Да. Но я не знал, кем был он.

Варис хихикнул:

— А теперь знаете.

«*Нужно было прикончить и евнуха тоже*». Чуть больше крови на руках, чуть меньше — какая разница? Тирион не мог сказать точно, что удержало его руку с кинжалом. Только не признательность. Варис спас его от палача, но только потому, что на него нажал Джейме. «*Джейме... нет, лучше о нём не думать*».

Вместо этого он нашарил полный мех с вином и присосался к нему, словно к женской груди. Красная кислятина потекла по подбородку, пропитав и без того испачканную тунику — ту самую, в которой он сидел в камере. Палуба под ногами качалась. Когда Тирион попытался встать, она убежала из-под ног куда-то в сторону, и он больно треснулся о переборку. «*Или это шторм*, — дошло до него, — *или же я напился сильнее, чем думал*». Его стошнило вином, и некоторое время он валялся в луже, размышляя, не утонет ли корабль.

«*Это так ты мне мстишь, отец? Всевышний*

Отец назначил тебя своей десницей?»

— Такова плата отцеубийце, — произнёс он, прислушиваясь к завывавшему снаружи ветру.

Не справедливо топить юнгу, капитана и всю остальную команду за грехи карлика, но когда боги поступали справедливо? И обступившая со всех сторон темнота жадно поглотила его.

Когда карлик очнулся вновь, голова разламывалась на части. Корабль совершал какие-то резкие круговые манёвры, хотя капитан утверждал, что они прибыли в порт. Тирион попросил его говорить потише. Здоровенный лысый матрос схватил Тириона под мышку, и, не обращая внимания на его слабые брыкания, потащил в трюм, где поджидала пустая винная бочка — низкая, маленькая и тесная даже для карлика. Всё, на что оказался способен Тирион, это обмочиться. Его запихнули в бочку вниз головой так, что колени оказались возле ушей. Обрубок носа невыносимо чесался, но руки были прижаты к телу так сильно, что он не мог даже пошевелиться, чтобы его почесать.

«*Паланкин, подходящий для человека моего телосложения*», — пронеслось в его голове, когда забили крышку. Тирион слышал чьи-то крики, пока его куда-то катили, и с каждым ударом

бился головой о дно. Мир вокруг беспрерывно вращался, бочка катилась вниз, а затем внезапно остановилась с таким треском, что он чуть не заорал. А когда в неё врезалась другая бочка, Тирион прикусил язык.

На его памяти это было самое долгое путешествие в жизни, хотя в действительности оно не могло длиться больше получаса. Его поднимали и опускали, катили и укладывали в штабеля, переворачивали, ставили ровно и вновь куда-то катили. Сквозь деревянные планки до него доносились крики людей, и один раз он расслышал неподалёку лошадиное ржание. Онемевшие ноги начало покалывать, и вскоре они ныли так, что он начисто забыл про головную боль.

Всё закончилось так же, как началось: бочку опять покатили, отчего у него закружилась голова и прибавилось ушибов. Снаружи раздавались чьи-то голоса, разговаривавшие на незнакомом языке. Кто-то принялся долбить бочку сверху, и крышка внезапно треснула. Внутрь хлынули свет и свежий воздух. Тирион жадно вдохнул и попытался встать, но только опрокинул бочку набок, вывалившись на плотно утрамбованный земляной пол.

Над ним возвышался необъятных размеров

мужчина с разделённой на две части жёлтой бородой. Толстяк сжимал в руках деревянный молоток и железное долото. Вполне способная послужить шатром на турнире рубаха, перехваченная незатянутым ремнём, демонстрировала свету огромное белое брюхо и пару больших, покрытых жёстким светлым волосом грудей, болтавшихся, словно мешки с салом. Он напомнил Тириону дохлую морскую корову, которую однажды принесло море в пещеры у подножия Кастерли-Рок.

Толстяк глянул вниз и ухмыльнулся:

— Пьяный карлик, — произнёс он на общем языке Вестероса.

— Тухлая морская корова.

Рот Тириона был полон крови, и он сплюнул её под ноги толстяку. Они находились в длинном полутёмном подвале со сводчатым потолком. У покрытых пятнами селитры стен стояло столько бочек с вином и элем, что мучимый жаждой карлик мог пить всю ночь. «*Или всю оставшуюся жизнь*».

— А ты дерзкий. Мне это нравится в карликах.

Когда толстяк рассмеялся, его плоть так затряслась, что Тирион испугался, как бы тот не упал и не раздавил его.

— Ты голоден, мой маленький друг? Устал?

— Страдаю от жажды. — Тирион поднялся на колени. — И измарался.

Толстяк принюхался.

— Ванна прежде всего. Потом еда и мягкая постель, так? Мои слуги позаботятся об этом. — Он отложил инструменты в сторону. — Мой дом — твой дом. Друг моего друга за морем — друг Иллирио Мопатиса. Да.

«*А любому другу Паука Вариса я не верю ни на грош*».

Однако с обещанной ванной толстяк не обманул. Стоило Тириону погрузиться в горячую воду и закрыть глаза, как он тут же уснул.

Проснувшись, он обнаружил, что лежит обнажённый на перине из гусиного пуха, такой пышной и мягкой, что казалось, будто тонешь в облаке. Язык словно оброс волосами, в горле пересохло, зато член был твёрд, как железный прут. Тирион скатился с кровати, разыскал горшок и, застонав от удовольствия, принялся его наполнять.

В комнате стоял полумрак, но в щели между ставнями пробивались жёлтые лучи солнечного света. Тирион стряхнул последние капли и заковылял по мирийскому ковру, мягкому, словно

первая весенняя травка. Он неуклюже вскарабкался на подоконник и распахнул ставни, чтобы посмотреть, куда благодаря Варису и всем богам его занесло.

Под окном вокруг мраморного бассейна, словно часовые на посту, возвышались шесть вишнёвых деревьев. На тонких бурых ветках не осталось ни единого листочка. Стоявший в воде обнажённый мальчик с клинком браво в руке принял боевую стойку. Парнишка был стройным и симпатичным, не старше шестнадцати лет, с прямыми светлыми волосами, доходившими ему до плеч, и выглядел совсем как живой. Только спустя какое-то время карлик понял, что это всего лишь раскрашенный мрамор, хотя меч мальчишки сверкал, как настоящая сталь.

За прудом виднелась двенадцатифутовая кирпичная стена с железными пиками наверху. За ней находился город. Вокруг залива раскинулось море нависавших одна над другой черепичных крыш. Он увидел квадратные башни, огромный красный храм и дворец на холме. В дали у горизонта, в солнечных лучах сверкало море. В бухте сновали рыбацкие лодки, их паруса трепетали на ветру, и ещё он разглядел мачты больших кораблей, стоявших в порту у причала. «*Какой-нибудь*

из них непременно идёт в Дорн или в Восточный Дозор-у-моря». Тириону нечем было заплатить за проезд, впрочем, грести сам он бы тоже не смог. «*Есть другой способ – наняться юнгой и в качестве платы позволить команде матросить меня всю дорогу через Узкое море*».

Ему стало интересно, куда же его занесло. «*Даже воздух здесь пахнет иначе*». Прохладный осенний ветерок благоухал ароматами дико-винных специй, а с улиц из-за стены до Тириона доносились еле слышные голоса. Язык был похож на валирийский, но он смог разобрать лишь одно слово из пяти. «*Нет, это не Браавос*, — решил Тирион, — *но и не Тирош*». А судя по облетевшим деревьям и холодному ветру не Лисс, не Мир и не Волантис.

Услышав звук открывшейся за спиной двери, Тирион обернулся навстречу толстому хозяину дома.

— Это Пентос, верно?

— Точно. Что ж ещё?

«*Пентос*». Что ж, это лучше, чем Королевская Гавань, большего пока сказать было нельзя.

— Куда отправляются шлюхи? — услышал он собственный вопрос.

— Здесь, как и в Вестеросе, шлюх можно найти

в любом борделе. Но тебе они не потребуются, мой маленький друг. Выбирай любую служанку. Никто не посмеет тебе отказать.

— Рабыни? — с пониманием уточнил карлик.

Толстяк погладил один из зубцов своей напомаженной жёлтой бороды — жестом, показавшимся Тириону весьма непристойным.

— Рабство в Пентосе запрещено по условиям соглашения, навязанного нам браавосцами сотню лет тому назад. И всё же, они тебе не откажут. — Иллирио отвесил неуклюжий полупоклон. — А теперь, мой маленький друг должен меня извинить. Я имею честь являться одним из магистров этого города, и нас созвал на совет принц. — Он улыбнулся, продемонстрировав полный рот кривых жёлтых зубов. — Если хочешь, можешь осмотреть дом и окрестности, но не вздумай выбираться за стену. Лучше никому не знать, что ты был здесь.

— Был? Разве я куда-то ушёл?

— Об этом мы вдоволь поговорим сегодня вечером. Мы с моим маленьким другом вместе поедим, выпьем и обсудим великие планы, не так ли?

— Да, мой толстый друг, — ответил Тирион. «*Он хочет использовать меня для своей пользы*».

Торговые принцы Вольных городов всегда думали только о собственной выгоде. «*Солдаты пряностей и сырные лорды*», — презрительно называл их отец. Если как-то утром Иллирио Мопатис вдруг решит, что от мёртвого карлика для него больше пользы, чем от живого, то уже вечером Тирион вновь окажется упакованным в бочку. «*Лучше убраться отсюда до того, как наступит этот день*». Он ни капли не сомневался, что когда-нибудь такой день настанет. Серсея его ни за что не простит, да и Джейме не поблагодарит за стрелу в отцовском брюхе.

Лёгкий ветерок взволновал воду в пруду вокруг обнажённого меченосца. Это напомнило Тириону, как Тиша трепала его волосы во время ложной весны, когда они поженились, до того, как он помог отцовским солдатам её изнасиловать. За время своего бегства он часто думал о тех солдатах, пытаясь припомнить, сколько же их было. Казалось, уж это он бы запомнил, но нет. Дюжина? Две? Сотня? Тирион не мог сказать. Солдаты были взрослыми мужчинами, высокими и сильными… хотя карлику тринадцати лет отроду все взрослые мужчины кажутся великанами. «*Тиша точно знала, сколько их было*». Каждый должен был дать ей серебряного оленя, так что девушке

оставалось просто их сосчитать. «*Серебряный от каждого из них и золотой от меня*». Отец настоял, чтобы Тирион тоже заплатил. «*Ланнистеры всегда платят свои долги*».

– Куда отправляются шлюхи? — Он вновь услышал голос лорда Тайвина и треньканье тетивы.

Магистр пригласил его осмотреть дом. В кедровом сундуке, украшенном ляписом и перламутром, Тирион нашёл чистую одежду, и, облачаясь, понял, что та сшита на ребёнка. Вещи были довольно дорогие, правда, слегка старомодные и скроены так, что штаны оказались велики, а рукава — коротки. А если бы у Тириона получилось застегнуть воротник — его лицо почернело бы похлеще, чем у Джоффри. Вдобавок, одежду побила моль. «*По крайней мере, не воняет рвотой*».

Своё исследование Тирион начал с кухни. Работавшие там две толстухи и поварёнок, с опаской наблюдали за тем, как он накладывал себе сыра, хлеба и фиг.

— Доброго утра, милые дамы, — с поклоном обратился к ним Тирион. — Вы случаем не в курсе, куда отправляются шлюхи?

Когда те не ответили, он попытался перефразировать свой вопрос на высоком валирийском, хотя вместо слова «*шлюхи*» употребил «*курти-*

занки». На сей раз повариха помоложе и потолще пожала плечами.

Ему стало интересно, что произойдёт, если он возьмёт их под руки и потащит в спальню. «*Никто не посмеет тебе отказать*», — заявил Иллирио, но что-то подсказывало Тириону, что толстяк не имел в виду этих двух поварих. Женщина помоложе, годилась ему в матери, а та, что постарше, выглядела как мать первой. Обе были почти такими же толстыми, как Иллирио, с сиськами размером с голову Тириона. «*Я просто утону в их телесах*», — пронеслось у него в голове. Существовали способы умереть и похуже этого. Например, так, как умер отец. «*Нужно было заставить его сперва сходить на горшок золотом*».

Лорд Тайвин всегда был скуп на похвалы и привязанности, но неизменно щедр, если дело касалось золота. «*Лишь одно на всём белом свете печальнее безносого карлика — нищий безносый карлик*».

Тирион оставил толстух наедине с хлебом и котлами и отправился на поиски винного погреба, в котором Иллирио прошлой ночью достал его из бочки. Найти его не составило труда. Здесь хранилось столько вина, что можно было не

просыхать сотню лет: и сладкое красное вино Простора, и сухое красное из Дорна, и янтарное вино Пентоса, и зеленый нектар из Мира, и три десятка бочек арборского золотого. И даже вино, привезённое со сказочного Востока: из Кварта, Йи Ти и Асшая, что у края Тени. Наконец, Тирион выбрал бочонок креплёного вина, помеченный личной печатью лорда Рунсфорда Редвина, дедушки нынешнего лорда Арбора. У напитка оказался терпкий, обжигающий вкус и такой глубокий пурпурный цвет, что в полумраке винного погреба он казался чёрным. Тирион наполнил чашу и ещё бутыль для полной меры и со всем этим отправился на поиски садика с вишнями, который видел из окна.

Вышло так, что Тирион ошибся дверью и не сумел отыскать бассейн, но это не имело значения. С другой стороны дома сад оказался таким же прекрасным и даже более обширным. Некоторое время Тирион слонялся по нему, прихлёбывая вино. Стена, окружавшая сад, могла бы посрамить любой заправский замок, а венчавшие её острые пики казались непривычно голыми без насаженных на них голов. Тирион представил себе, как могла бы выглядеть на одной из них голова его сестры, политая поверх золотых волос

смолой и окружённая мухами, роящимися вокруг распахнутого рта. «*О да, а голове Джейме должна достаться пика по соседству*, — решил он. — *Никто не смеет разлучать моих брата и сестру*».

Будь под рукой верёвка с крюком, ему бы удалось перебраться через эту стену — руки крепкие и весит он не так много. У него, наверняка бы, получилось перелезть, главное — не насадить себя на пику.

«*Нужно будет поискать завтра верёвку*», — решил Тирион.

За время своей прогулки он насчитал трое ворот: главный вход с привратницкой, задняя дверь около псарни и скрытая зарослями плюща садовая калитка. Последняя была заперта, остальные хорошо охранялись толстыми стражниками, с гладкими, словно детские попки, лицами. Каждый носил остроконечный бронзовый шлем. Тирион распознавал евнухов с первого взгляда. О репутации этих он кое-что слышал. Говорили, что они ничего не боятся, не чувствуют боли и до смерти преданы своему хозяину. «*Мне бы пригодилась сотня-другая таких, как они*, — подумал Тирион. — *Как жаль, что я не подумал об этом до того, как превратился в нищего*».

Он прошёл вдоль колоннады и через стрель-

чатую арку, после чего очутился в вымощенном плиткой дворике. Рядом с колодцем прачка полоскала бельё. С виду она казалась приблизительно его ровесницей, с тусклыми рыжими волосами и широким конопатым лицом.

— Хочешь вина? — спросил её Тирион. Девушка бросила на него неуверенный взгляд.

— У меня нет запасной чаши, поэтому нам придётся обходиться моей.

Прачка вернулась к своему занятию, и, отжав тунику, повесила её сушиться. Тирион с бутылью устроился на каменной скамье неподалёку.

— Скажи мне, насколько я могу доверять магистру Иллирио?

При звуке этого имени девушка подняла голову.

— Настолько?

Усмехнувшись, он скрестил короткие ноги и сделал глоток.

— Я не собираюсь играть в его игры, что бы этот торговец сыром для меня ни придумал, вот только как я могу ему отказать? Ворота охраняются. Может, ты выведешь меня, спрятав под юбкой? Я был бы так благодарен, что даже женился бы на тебе. У меня уже есть две жены, почему бы не жениться в третий раз? Ах, да — где же нам жить?

Он постарался как можно теплее улыбнуться ей, насколько на это способен человек, у которого отсутствует половина носа.

— Я не говорил, что у меня в Солнечном Копье племянница? С Мирцеллой я бы мог устроить в Дорне отличный переполох. А ещё стравить моих племянников между собой, разве это не забавно?

Прачка пришпилила одну из туник Иллирио на верёвку. Одежда была такой огромной, что вполне заменила бы парус.

— Ты права, мне следовало бы стыдиться подобных тёмных мыслей. Лучше вместо этого отправиться на Стену. Говорят, когда вступаешь в Ночной Дозор, тебе прощают все грехи. Хотя, боюсь, мне не позволят оставить тебя, милашка. В Дозоре нет женщин, нет симпатичных конопатых жёнушек, которые могли бы согреть холодную постель, только ледяной ветер, солёная треска и немного пива. Как думаете, миледи, в чёрном я буду выглядеть выше?

Карлик вновь наполнил чашу.

— Что скажешь? Север или юг? Стоит искупить старые грехи или наделать новых?

Прачка бросила на него прощальный взгляд, забрала корзину и ушла. «*Похоже, мне не удаётся долго удерживать при себе жён*, — подумал Ти-

рион. Каким-то чудом оказалось, что бутыль уже опустела. — *Может, стоит вернуться в погреб?*» От креплёного вина кружилась голова, а ступени, ведущие в подвал, были весьма крутыми.

— Куда же отправляются шлюхи? — спросил он сохнущее на верёвке бельё. Может, прачка знала? «*Не принимай слово «шлюхи» на свой счёт, детка, но вдруг ты знаешь, куда они отправляются*?»

А вообще, надо было спросить у отца. Лорд Тайвин сказал: «*Куда отправляются шлюхи*».

«*Она любила меня. Она была дочкой издольщика, она любила меня, вышла замуж, доверилась мне*».

Пустая бутыль выскользнула из рук и покатилась по плиткам двора. Поморщившись, Тирион буквально спихнул себя со скамьи и отправился следом, но подбирая бутылку, заметил несколько грибов, росших среди треснувших плит. Сверху шляпки грибов были бледными в крапинку, а рубчатая нижняя сторона — тёмно-красная, словно кровь. Карлик сорвал один и обнюхал. «*Вкусный. И смертоносный*», — подумал он. Грибов оказалось ровно семь. Может, боги пытаются ему что-то этим сказать? Он собрал их все, стащил с верёвки перчатку и, бережно завернув свою добычу, спрятал её в карман. От этих усилий у

Тириона закружилась голова, поэтому он взобрался обратно на скамью, свернулся калачиком и закрыл глаза.

Проснувшись, он снова обнаружил, что лежит в спальне, утопая в перине, а какая-то юная блондинка трясёт его за плечо.

— Милорд, — сказала она, — ваша ванна готова. Магистр Иллирио ждёт вас через час к столу.

Тирион откинулся на подушки, положив голову на руки.

— Мне снится, или ты действительно разговариваешь на общем языке?

— Да, милорд. Меня купили, чтобы услаждать короля.

Девушка была юной и стройной, с голубыми глазами и светлой кожей.

— Уверен, что ты справлялась. Мне нужно выпить.

Она налила ему чашу.

— Магистр Иллирио приказал, чтобы я тёрла вам спину и грела постель. Меня зовут...

— ...мне всё равно. Ты знаешь, куда отправляются все шлюхи?

Она зарделась.

— Шлюхи отдаются за деньги.

— Или ради украшений, платьев и замков. Но

куда они все отправляются?

Девушка не нашлась, что ответить.

— Это такая загадка, м'лорд? Я не разбираюсь в загадках. Вы скажете мне ответ?

«*Нет*, — подумал он. — *Я сам терпеть не могу загадок*».

— Я ничего тебе не скажу. Сделай милость, ответь тем же. «*Меня интересует только то, что находится у тебя между ног*», — едва не вырвалось у него. Слова уже были на языке, но каким-то чудом так и не слетели с губ. «*Она не Шая*, — напомнил себе карлик, — *всего лишь дурочка, решившая, что я играю с нею в загадки*». Честно говоря, его не интересовала даже её щель.

«*Видимо, я болен или уже умер*».

— Ты что-то говорила о ванной? Веди. Нам не следует заставлять ждать великого торговца сыром.

Пока он принимал ванну, девушка мыла его ноги, драила ему спину и расчёсывала волосы. После этого она втёрла приятно пахнущую мазь в его икры, чтобы облегчить боль, и помогла вновь облачиться в детский наряд — старомодные штаны бордового цвета и голубой бархатный дублет, подбитый парчой.

— Мой лорд желает видеть меня после трапезы?

— спросила она, зашнуровывая его обувь.

— Нет. Я завязал с женщинами. — «*Со шлюхами*».

Девушка легко пережила это разочарование, пожалуй, даже слишком.

— Если м'лорд предпочитает мальчиков, я распоряжусь, чтобы кто-нибудь ожидал его в постели.

«*М'лорд предпочёл бы свою жену. М'лорд предпочёл бы девушку по имени Тиша*».

— Только если он знает, куда отправляются шлюхи.

Девушка сжала зубы.

«*Она меня презирает*, — догадался Тирион. — *Но не сильнее, чем я сам себя презираю*».

Карлик не сомневался, что перетрахал кучу женщин, которым был отвратителен один его вид, но некоторые из них хотя бы притворялись, что испытывают к нему приязнь.

«*Немножко искреннего отвращения даже может быть освежающим, как терпкое вино после сладкого*».

— Знаешь, я передумал, — сказал он. — Жди меня в постели. И если не трудно, голая, потому что я буду слишком пьян, чтобы возиться с твоими нарядами. Рот держи закрытым, а ноги раздвину-

тыми, и мы оба отлично проведём время.

Он одарил её похотливым взглядом, в надежде, что та испугается, но в ответ получил только отвращение. «*Никто не боится карликов*». Даже лорд Тайвин не боялся, хотя у Тириона был арбалет.

— Ты стонешь, когда тебя трахают? — спросил он её.

— Если угодно м'лорду.

— Может, м'лорду угодно тебя придушить. Именно так я поступил со своей прежней шлюшкой. Думаешь, твой хозяин станет возражать? Определённо, не станет. У него сотни таких, как ты, но нет никого вроде меня.

На этот раз, когда Тирион осклабился, он увидел, что ей стало страшно.

Иллирио возлежал на пышной тахте, вкушая из деревянного блюда острый перец и мелкий лучок. Лоб толстяка был усеян капельками пота, над заплывшими жиром щеками блестели поросячьи глазки. Усыпавшие его руки драгоценности при каждом движении словно пускались в пляс: оникс и опалы, тигровый глаз и турмалин, рубины, аметисты, сапфиры, изумруды, гагат и нефрит, чёрные бриллианты и зелёный жемчуг.

«*На эти кольца я мог бы жить долгие годы*,

— умилился Тирион. — *Вот только, чтобы их забрать, мне понадобится тесак*».

— Проходи, садись, мой маленький друг, — приглашая, повёл рукой Иллирио.

Карлик вскарабкался в кресло. Оно было слишком велико для него: созданный специально, чтобы вместить необъятную задницу магистра, самый настоящий уютный трон, с толстыми ножками, способными выдержать вес его тела. Тирион Ланнистер всю жизнь прожил в мире, который был слишком большим для него, но в доме Иллирио Мопатиса это несоответствие стало совершенно нелепым.

«*Я словно мышь, угодившая в логово мамонта,* — ухмыльнулся он про себя. — *Но у мамонта неплохой винный погреб*».

Эта мысль разожгла его жажду, и Тирион попросил вина.

— Понравилась девушка, которую я к тебе отправил? — спросил Иллирио.

— Если б я хотел девушку, я бы её попросил.

— Если она тебе не угодила...

— Она делает всё, что от неё требуется.

— Надеюсь. Её обучали в Лиссе, где практикуется искусство любви. И ещё она говорит на общем языке. Король был ею очень доволен.

— Я убиваю королей, разве ты не слышал? — Тирион хищно улыбнулся поверх чаши с вином. — Мне не нужны королевские объедки.

— Как хочешь. Лучше приступим к еде.

Иллирио хлопнул в ладоши, и в комнату вбежали слуги.

Начали они с бульона, сваренного из крабов и рыбы-чёрта, и холодного супа из яиц с лаймом. Затем появились перепёлки в меду, седло барашка, гусиная печень в винном соусе, пастернак в масле и молочный поросёнок. От одного вида этого изобилия Тириону стало дурно, но он из вежливости заставил себя попробовать ложку супа, и, едва пригубив, обо всём забыл. Поварихи хоть и были старыми и толстыми, но дело своё знали отменно. Никогда прежде он не ел ничего вкуснее, даже при дворе.

Обсасывая косточки перепелки, Тирион спросил Иллирио про утренний вызов. Толстяк только пожал плечами.

— Неприятности на востоке. Астапор пал, и Миэрин тоже. Это гискарские рабовладельческие города, которые были древними даже тогда, когда мир был ещё молод.

Иллирио потянулся к нарезанному ломтями поросёнку, взял руками кусок поподжаристее и

обмакнул его в сливовый соус.

— Залив Работорговцев от Пентоса далеко, — сказал Тирион, слизывая гусиный паштет с кончика ножа.

«*Никто на свете не может быть проклят сильнее, чем убийца родичей*, — размышлял он, — *но мне начинает нравиться жить в этом аду*».

— Это так, — согласился Иллирио. — Но мир — одна большая паутина, и нельзя, прикоснувшись к одной нити, не потревожить остальные.

— Ещё вина?

Иллирио забросил в рот перец.

— Нет, кое-что получше.

Он хлопнул в ладоши.

На звук появился слуга с закрытым крышкой блюдом. Слуга поставил его перед Тирионом, и Иллирио, наклонившись через стол, снял крышку.

— Грибочки, — объявил магистр, выпустив наружу облако ароматного пара. — В масле с чесночком. Мне сказали, вкус просто изумительный. Попробуй один, дружок. Или два.

Тирион уже было поднёс толстый чёрный гриб ко рту, как что-то в голосе Иллирио вдруг заставило его замереть.

— Только после вас, милорд, — с этими словами

карлик подвинул блюдо к хозяину.

— Нет-нет, — магистр отпихнул блюдо с грибами прочь. На мгновение показалось, что из-под раздутой плоти торговца сыром выглянул озорной мальчишка. — Только после тебя. Я настаиваю. Повариха приготовила их специально для тебя.

— Правда? — Тирион припомнил повариху: обсыпанные мукой руки и тяжёлые груди с проступившими тёмно-синими венами. — Как мило с её стороны, но… не стоит.

Тирион положил гриб обратно в то же масляное озерцо, откуда прежде его выловил.

— Какой ты, однако, подозрительный, — улыбнулся Иллирио сквозь свою раздвоенную жёлтую бороду. Тирион решил, что особый золотистый блеск ей придаёт ежедневное умащивание.

— Ты что, трус? Я слышал о тебе иное мнение.

— В Семи Королевствах отравить гостя за ужином считается грубейшим нарушением гостеприимства.

— Здесь тоже, — ответил Иллирио Мопатис, потянувшись за своим кубком. — Но раз гость сам изъявляет желание расстаться с жизнью, с какой стати хозяин будет ему мешать, разве не так?

Он сделал глоток.

— Не далее как полгода назад магистр Орделло отравился грибами. Мне говорили, он не очень мучился. Небольшая резь в животе, внезапная головная боль, и все кончено. Лучше уж выбрать грибы, чем отсечение головы мечом, а? Зачем умирать, чувствуя во рту вкус крови, а не масла с чесноком?

Карлик уставился в стоявшее перед ним блюдо. От запаха масла и чеснока рот наполнился слюной. Некая часть его желала наесться грибов, даже зная, что те ядовиты. Тирион не был настолько храбр, чтобы стерпеть удар холодной сталью в брюхо, а откусить кусочек гриба вовсе не так трудно. Это напугало его сильнее, чем он мог высказать.

— Ты во мне ошибся, — услышал он свой голос.

— Разве? Интересно. Если желаешь, чтобы тебя утопили в вине, только скажи, и всё быстренько устроим. Потому что топиться по одной чаше за раз — напрасно переводить вино и тратить время.

— Ты во мне ошибся, — повторил Тирион громче. Политые маслом грибы блестели в свете лампы — такие тёмные и притягательные.

— Уверяю тебя, мне вовсе не хочется умирать. У меня… — его голос неуверенно смолк.

«*А что у меня есть? Жизнь, чтобы её прожить? Неоконченные дела? Детишки на воспитании или земли, которыми нужно править? Любимая женщина*?»

— У тебя нет ничего, — закончил вместо него мысль магистр Иллирио. — Но мы можем это исправить.

Он выхватил один гриб из масла и с удовольствием съел.

— Вкуснотища.

— Значит, грибы не ядовитые, — с раздражением произнёс Тирион.

— Нет. С какой стати мне желать тебе зла? — С этими словами магистр слопал второй гриб. — Мы должны хоть немножко доверять друг другу. Мы с тобой. Давай, ешь. — Он снова хлопнул в ладоши. — У нас ещё много работы. Мой маленький друг должен набраться сил.

Слуги внесли фаршированную фигами цаплю, телячьи котлеты, бланшированные в миндальном молоке, селёдочный паштет, жареный лук, вонючий сыр, блюда с улитками и «сладким мясом» и чёрного лебедя в оперении. Тирион отказался от лебедя, который напомнил ему об ужине с сестрой. Вместо этого он сам положил себе кусок цапли, паштет из сельди и немного

сладкого лука. Слуги не забывали наполнять его чашу вином, едва он её опустошал.

— Для такого коротышки ты пьёшь слишком много вина.

— Убийство родичей — довольно пыльная работёнка. После неё всегда хочется пить.

Глаза толстяка сверкнули, словно драгоценные камни в перстнях, украшавших его пальцы.

— В Вестеросе есть люди, считающие, что убийство лорда Ланнистера — отличное начало.

— Лучше им не упоминать об этом в присутствии моей сестрицы, иначе они быстро лишатся языка.

Карлик разломил ломоть хлеба пополам.

— А тебе, магистр, лучше не трогать моё семейство. Несмотря на то, что я убийца родичей, я по-прежнему лев.

Похоже, веселью повелителя сыров не было предела. Он шлёпнул себя по жирной ляжке и заявил:

— Вы, вестеросцы, все одинаковы. Пришпилите себе на грудь кусочек шёлка с какой-нибудь тварью и внезапно становитесь львами, драконами и орлами. Я могу отвести тебя к настоящему льву, мой маленький друг. Принц держит в своём зверинце целую стаю. Хочешь к ним в клетку?

Тирион вынужден был признать, что лорды Семи Королевств действительно слишком кичились своими гербами:

— Хорошо, — согласился он. — Ланнистеры не львы. Но я всё равно сын своего отца и собираюсь сам убить Джейме с Серсеей.

— Как странно, что ты упомянул свою очаровательную сестру, — заметил Иллирио, поедая улиток. — Королева пообещала любому, кто доставит твою голову, титул лорда, невзирая на происхождение.

Тирион ждал чего-то подобного.

— Если ты собираешься принять её предложение, то заставь раздвинуть для тебя ноги. Лучшая часть меня в обмен на лучшую часть её, будет честной сделкой.

— Я скорее обменяю тебя на золото, равное моему весу. — Торговец сыром заржал так сильно, что Тирион испугался, как бы тот не лопнул. — За всё золото Кастерли-Рок, почему бы и нет?!

— Ладно, золото забирай, — ответил карлик, убедившись, что ему не суждено утонуть в каше из полупереваренных угрей и мяса. — Но Утёс мой.

— Это так.

Магистр прикрыл рот рукой и издал могучую

отрыжку.

— Думаешь, король Станнис вернёт тебе его? Я слышал, он большой поборник справедливости. Твой брат надел белое, поэтому ты — наследник отца по всем законам Вестероса.

— Станнис, может, и вернёт мне Кастерли-Рок, — сказал Тирион. — Но есть ещё крохотная проблема — цареубийство и убийство родичей. За это он укоротит меня на голову, а я и так довольно маленький. А с чего это ты решил, будто я собираюсь присоединиться к Станнису?

— А зачем ещё тебе отправляться на Стену?

— Так Станнис на Стене? — Тирион почесал нос. — Что, во имя семи преисподних, Станнис делает на Стене?

— Мёрзнет, полагаю. В Дорне гораздо теплее. Может, ему стоило отправиться туда.

Тирион стал подозревать, что конопатая прачка знала больше слов на общем языке, чем пыталась показать.

— Моя племянница Мирцелла как раз в Дорне. И я подумывал, не сделать ли её королевой.

Иллирио улыбнулся. В это время слуги поставили перед ними чаши с черешней и сливками.

— Чем тебя обидело бедное дитя, что ты решил её убить?

— Даже убийцы родичей убивают не всех, — надулся Тирион. — Я сказал, что собираюсь короновать, а не убивать.

Торговец сыром проглотил черешню.

— В Волантисе чеканят монету с короной на аверсе и черепом на реверсе. Но монета одна и та же. Короновать её — всё равно, что убить. Дорн может и поддержит Мирцеллу, но одного Дорна недостаточно. Если ты так умён, как утверждает наш друг, ты это и сам понимаешь.

Тирион взглянул на толстяка по-новому.

«*Он прав в обоих случаях. Короновать её — равносильно тому, что убить. И я это понимаю*».

— Всё, что мне осталось — это пустые угрозы. Эта, по крайней мере, заставит мою сестрёнку залиться горючими слезами.

Магистр Иллирио вытер со рта сливки тыльной стороной толстой ладони.

— Путь к Кастерли-Рок лежит не через Дорн, мой маленький друг. И не бежит мимо Стены. Но я утверждаю, что такой путь существует.

— Я же признанный предатель, цареубийца и убийца родичей.

Эти разговоры про пути-дороги его разозлили.

«*Он думает, это всё игра?*»

— То, что сделал один король, другой может

отменить. У нас в Пентосе есть принц, мой друг. Он устраивает балы, пиры и разъезжает по городу в паланкине из слоновой кости и золота. Перед ним всегда шествуют три герольда — один с золотыми торговыми весами, второй — с железным мечом войны, а третий — с серебряным кнутом правосудия. В первый день каждого года он должен лишить девственности одну деву полей и одну деву морей. — Иллирио подался вперёд, уперевшись локтями в стол. — Но стоит посевам пропасть или случится проиграть войну, мы перережем ему глотку, дабы умилостивить богов, и изберём себе нового принца из числа сорока семейств.

— Напомни мне никогда не пытаться стать принцем Пентоса.

— А разве в Семи Королевствах что-то по-другому? В Вестеросе нет ни мира, ни правосудия, ни веры… а скоро не будет и еды. Когда люди дохнут от голода или дрожат от страха, они ищут спасителя.

— Может и ищут, но если они найдут спасителя в Станнисе…

— Нет. Это не Станнис. И не Мирцелла. Другой. —

Жёлтая улыбка стала шире.

— Другой! Сильнее Томмена, родовитее Станниса, и законнее Мирцеллы. Спаситель явится из-за моря, чтобы перевязать кровоточащие раны Вестероса.

— Прекрасные слова. — Но Тириона они не впечатлили. — Слова — ветер. И кто же он, этот проклятый спаситель?

— Дракон. — Торговец сыром увидел выражение его лица и рассмеялся: — Дракон с тремя головами.

Глава 2. Дейенерис

Она слышала, как мертвец поднимается по ступеням. Ему предшествовали медленные, размеренные звуки шагов, эхом отражающиеся от пурпурных мраморных колонн. Дейенерис Таргариен ждала на скамье из чёрного дерева, которую использовала как трон. Её веки отяжелели ото сна, а серебристо-золотые волосы растрепались.

— Ваше величество, — сказал Барристан Селми, лорд-командующий её Королевской Гвардии, — вам не обязательно на это смотреть.

Дени плотнее завернулась в львиную шкуру.

— Обязательно, он умер за меня.

Под мантией на ней была только белая льняная туника, доходившая до бёдер. Дени снился дом с красной дверью, когда её разбудила Миссандея. Одеваться было некогда.

– *Кхалиси*, — прошептала Ирри, — вы не должны прикасаться к мертвецу. Это приносит несчастье.

— Только если не убил его сам. — Чхику была крупнее Ирри, с широкими бёдрами и большой грудью. — Это все знают.

— Знают, — согласилась Ирри.

Дени не обратила на них внимания. Дотракийцы очень хорошо разбираются в лошадях, но во всём остальном — полные невежды. «*К тому же, обе ещё совсем девчонки*». Служанки были её ровесницами. Черноволосые, с бронзовой кожей, миндалевидными глазами, и хотя выглядели как взрослые женщины, всё равно оставались детьми. Они достались ей в подарок на свадьбу с кхалом Дрого. И это Дрого подарил ей шкуру и голову храккара, белого льва Дотракийского моря. Шкура была Дени велика и пахла плесенью, но создавала ощущение, будто её Солнце и Звёзды по-прежнему рядом.

Первым, сжимая в руке факел, по ступеням поднялся Серый Червь. Его шлем был украшен тремя пиками. За ним следовали четверо Безупречных, неся на плечах мёртвое тело. Их непроницаемые лица под бронзовыми остроконечными шлемами казались тоже отлитыми из бронзы.

Они положили труп к её ногам. Сир Барристан поднял окровавленное покрывало. Серый Червь поднёс факел поближе, чтобы королева могла рассмотреть мертвеца.

Его лицо было гладким и безволосым, а щёки разрезаны почти от уха до уха. Покойный был

высоким, светлокожим, с голубыми глазами. «*Уроженец Лисса или старого Волантиса, похищенный пиратами и проданный в рабство в красный Астапор*». И хотя глаза его были распахнуты, кровавыми слезами истекали раны, которым не было числа.

— Ваше величество, — произнёс сир Барристан, — в переулке, где его нашли, была нарисована гарпия...

— ...его собственной кровью. — Дейенерис уже догадалась, что произошло. Дети Гарпии по ночам устраивали резню и возле каждой жертвы оставляли свой знак. — Серый Червь, почему он оказался один? У него не было напарника? — По её приказу Безупречные ночью патрулировали город всегда парами.

— Моя королева, — ответил капитан, — ваш слуга Храбрый Щит прошлой ночью не дежурил. Он шёл... в одно место... выпить... в компании.

— Место? Что за место?

— Дом наслаждения, ваше величество.

«*Бордель*».

Половина освобождённых ею людей были из Юнкая, где Мудрые господа славились своими постельными рабами. «*Путь семи вздохов*». Не удивительно, что бордели появлялись в Миэрине

как грибы после дождя. «*Это единственное, что они умеют, и им приходится бороться за жизнь*». Цены на продукты росли с каждым днём, а плотские утехи дешевели. Она знала, что в самых бедных кварталах между ступенчатыми пирамидами миэринской знати располагались бордели на любой вкус.

«*Даже если так...*»

— Не понимаю, что евнух делал в борделе?

— Ваше величество, даже тот, кому недостает мужских частей, в душе остаётся мужчиной, — ответил Серый Червь. — Вашему слуге сказали, что Храбрый Щит иногда платил женщинам из борделя, чтобы те возлежали с ним и держали его в объятьях.

«*Кровь дракона не плачет*».

— Храбрый Щит, — повторила она, сдержав слёзы. — Так его звали?

— Если так угодно вашему величеству.

— Хорошее имя. — Добрые господа Астапора не позволяли своим рабам-солдатам иметь даже имена. После освобождения некоторые из её Безупречных вернули себе имена, данные им при рождении, а остальные придумали новые. — Известно, сколько человек напали на Храброго Щита?

— Ваш слуга не знает... много.

— Шесть или больше, — сказал сир Барристан. — Судя по ранам, атаковали со всех сторон. Его нашли с пустыми ножнами. Возможно, он успел кого-то ранить.

Дени про себя молилась, чтобы кто-то из убийц умирал прямо сейчас, корчась от боли и вцепившись в живот.

— Зачем ему так разрезали щёки?

— Милостивая королева, — сказал Серый Червь, — в горло Храброго Щита убийцы затолкали половые органы козла. Ваш слуга убрал их перед тем, как принести тело сюда.

«*Они не могли скормить ему его собственные гениталии. В Астапоре ему не оставили ни ствола, ни корня*».

— А Дети Гарпии осмелели, — сказала Дени. До сих пор убийцы ограничивались нападениями на безоружных освобождённых жителей, подстерегая тех на улицах или вламываясь по ночам к ним в дома, чтобы зарезать в постели.

— Это первый из моих солдат, убитый ими.

— Первый, но не последний, — предупредил сир Барристан.

«*Война не кончилась*, — поняла Дени, — *просто теперь я воюю с тенями*».

Она надеялась отдохнуть от убийств, восстановить и исцелить душу. Выбравшись из шкуры, королева опустилась на колени рядом с трупом и, не обращая внимания на охнувшую Чхику, закрыла убитому глаза.

— Храбрый Щит не будет забыт. Пусть его омоют, оденут в доспехи и похоронят как воина — со шлемом, щитом и копьями.

— Как прикажет ваше величество, — сказал Серый Червь.

— Отправьте дюжину людей в Храм Милостей и спросите у Синих Милостей, не приходил ли к ним человек с раной от меча. Ещё распустите слух, что мы щедро заплатим золотом за меч Храброго Щита. Расспросите мясников и пастухов, не кастрировал ли кто недавно козла. — Может, какой-нибудь козопас сознается. — Также проследите, чтобы никто из моих людей не ходил после наступления темноты один.

— Ваше приказание будет исполнено.

Дейенерис откинула волосы.

— Разыщите мне этих трусов. Найдите их, чтобы я могла показать Детям Гарпии, что значит — будить дракона!

Серый Червь отсалютовал. Безупречные вновь накрыли труп покрывалом, подняли тело и вы-

несли его прочь из зала. Сир Барристан остался. В уголках светло-голубых глаз седовласого рыцаря залегли морщины, но, несмотря на возраст, спина по-прежнему была пряма, а годы не украли искусства владения мечом.

— Ваше величество, я боюсь, что ваши евнухи плохо подходят для подобной задачи.

Дени села на свою скамью и вновь закуталась в шкуру.

— Безупречные — мои лучшие воины.

— Солдаты, а не воины, если позволит ваше величество. Они созданы для битвы, чтобы стоять плечом к плечу за щитами, ощетинившись копьями. Их учили подчиняться без страха и сомнения... а не выпытывать тайны и задавать вопросы.

— Возможно, рыцари послужили бы мне лучше? — Селми обучал для неё рыцарей, показывая детям рабов, как обращаться с копьём и длинным мечом на вестеросский манер... но чем поможет копьё против трусов, которые убивают, прячась в тени?

— Нет, не в этом деле, — мотнул головой старик. — И смею заметить, что у вашего величества нет других рыцарей, кроме меня. Пройдут годы, прежде, чем эти мальчики будут готовы.

— Кто тогда, если не Безупречные? Дотракийцы? Они справятся ещё хуже.

Дотракийцы привыкли воевать верхом. Всадники полезны в поле или холмах, а не на узких улочках и в городских переулках. За разноцветными кирпичными стенами Миэрина её власть была едва заметна. В огромных поместьях на склонах холмов до сих пор трудились тысячи рабов, выращивая оливки и зерно, овец и лошадей и добывая в шахтах медь и соль. В городских амбарах хранилось достаточно зерна, масла, оливок, сушёных фруктов и солонины, но запасы истощались. Поэтому Дени отправила свой крохотный кхаласар под предводительством трёх кровных всадников завоевать окрестности города, пока Бурый Бен Пламм со своими Младшими Сыновьями защищает её от атаки Юнкая с юга.

Болтливому, золотозубому Даарио Нахарису, с его расчёсанной натрое бородой и притаившейся под пурпурными усами хитрой улыбкой, она доверила самое сложное задание. За холмами на востоке находился хребет округлых гор из песчаника, за которым лежали Кхизайский проход и Лхазар. Если Даарио сможет убедить лхазарян вновь открыть торговые пути, то при необходимости зерно можно будет доставлять по реке

или через холмы... правда у ягнячьего народа нет причин любить Миэрин.

— Когда Вороны-Буревестники вернутся из Лхазара, возможно я смогу использовать на улицах их, — сказала она сиру Барристану. — Но пока у меня есть только Безупречные.

Дени встала.

— Прошу простить меня, сир, но я должна идти — скоро у ворот соберутся просители, и мне надо приготовить свои большие уши и вновь стать их королевой. Вызовите Резнака и Бритоголового. Я увижусь с ними, как только закончу одеваться.

— Как прикажет ваше величество, — поклонился Селми.

Великая пирамида Миэрина вздымалась в небо на восемьсот футов от обширного основания до самой вершины, где находились личные покои королевы, окружённые садами и благоухающими бассейнами. Когда Дени вышла на террасу, над городом вставал холодный рассвет. Сверкая в солнечных лучах, золотые купола храма Милости, отбрасывали густые тени позади остальных величественных ступенчатых пирамид знати. «*В каких-то из них Дети Гарпии сейчас замышляют новые убийства, а я не в силах им помешать*». Визерион почувствовал её беспокойство. Белый

дракон лежал, обвившись вокруг ствола груши и положив голову на хвост. Когда Дени прошла мимо, он открыл глаза — два озера расплавленного золота. Рога тоже были золотыми, как и шипы, спускавшиеся по спине от головы до хвоста.

— Ах ты, лентяй, — пожурила его Дени, почесав Визериону горло. Чешуя была горячей, как доспех, забытый на солнце. «*Драконы – это огонь во плоти*». Она читала об этом в одной из книг, которые сир Джорах преподнёс ей в качестве свадебного подарка. — Ты должен охотиться с братьями, — сказала она дракону. — Или вы с Дрогоном опять подрались?

Её драконы за последнее время совсем одичали. Рейегаль цапнул Ирри, а в последний раз, когда был вызван сенешаль, Визерион поджёг Резнаку его токар. «*Я уделяю им слишком мало времени*, — подумала Дени. — *Но где же мне найти для них это время*?»

Визерион, взмахнув хвостом, ударил по стволу дерева так, что с ветки сорвалась груша и, покатившись, остановилась у ног Дени. Развернув крылья, дракон, полувзлетев-полуподпрыгнув, поднялся на парапет. «*Он растёт*, — заметила она, наблюдая, как дракон поднимается в небо. — *Они все подросли. И скоро станут достаточно*

сильными, чтобы выдержать мой вес». Тогда она, как Эйегон Завоеватель полетит верхом на драконе, всё выше и выше, пока Миэрин не превратится в далёкую точку. Такую маленькую, что её можно будет закрыть пальцем...

Дени наблюдала за кружащим над городом Визерионом, пока тот не скрылся за грязными водами Скахазадхана. Только после этого она вернулась внутрь, где ждали Ирри и Чхику, чтобы расчесать ей волосы и нарядить в гискарский токар, как подобает королеве Миэрина.

Одеяние было громоздким и неудобным. Оно представляло собой длинный кусок ткани, который оборачивали вокруг бёдер, а затем, пропустив под рукой, перебрасывали концы через плечо и драпировали складки. Обёрнутая слишком свободно ткань грозила свалиться, а слишком туго — давила и заставляла семенить. Даже правильно надетый *токар* — требовал от владельца постоянно поддерживать его левой рукой. Идти *в токаре* нужно было неспешно, аккуратно, выверяя каждый шаг, чтобы случайно не наступить на свисавшие концы одеяния. Такая одежда не подходила тем, кто работает в поте лица. *Токар* предназначался исключительно для *господ*, символизируя их богатство и власть.

Захватив Миэрин, Дени хотела запретить *токары*, но совет её переубедил.

— Мать Драконов должна носить *токар*, иначе её возненавидят навеки, — предупредила Зелёная Милость, Галазза Галар. — Среди нас, ваша лучезарность, одетая в вестеросскую шерсть или мирийские кружева навсегда останется чужой — нелепой иностранкой и дикаркой-захватчицей. Королева Миэрина обязана соблюдать традиции Старого Гиса.

Бурый Бен Пламм, капитан Младших Сыновей, объяснил доходчивей:

— Тому, кто хочет править зайцами, следует отрастить длинные уши.

«Длинные уши», выбранные для сегодняшнего приёма, были сделаны из тонкого белого полотна, украшенного по краям золотыми кисточками. Лишь с третьего раза и при помощи Чхику она сумела правильно намотать на себя *токар*. Ирри принесла ей корону в виде трёхголового дракона её дома — свёрнутое кольцами тело было сделано из золота, крылья — из серебра, а головы — из слоновой кости, оникса и нефрита. Ещё до конца дня от веса короны шея и плечи устанут и будут ныть. Но, как сказал один из её предков: *«Корона и не должна быть лёгкой».* «*Наверное, это был*

Эйегон. Только который?»

Семью Королевствами правили пять Эйегонов, мог бы быть и шестой, если бы псы Узурпатора не убили сына её брата, когда тот был ещё грудным младенцем. «*Если бы он выжил, я бы сейчас вышла за него замуж*, — размышляла Дени. — *Эйегон был бы ближе мне по возрасту, чем Визерис*». Дени ещё только зачали в те дни, когда умерли Эйегон с сестрой, а их отец — её брат Рейегар — погиб ещё раньше, сражённый Узурпатором на Трезубце. Другой её брат, Визерис, умер в Вейес Дотрак, вопя от боли, с короной расплавленного золота на голове. «*Они и меня убьют, если я им это позволю. Ножи, зарезавшие Храброго Щита, предназначались мне*».

Она не забыла детей рабов, прибитых к столбам вдоль дороги от Юнкая. Никогда не забудет. Их было сто шестьдесят три — на каждую милю по одному ребёнку, рукой указывавших ей путь. Когда Миэрин пал, она приказала прибить к столбам столько же великих господ. Их медленную кончину сопровождали рои мух и вонь, ещё долго висевшая в воздухе над площадью. Хотя иногда Дени боялась, что дальше этого она не продвинулась. Миэринцы были коварны, упрямы и сопротивлялись ей при каждой возможности.

Они освободили рабов... но тут же наняли их обратно в качестве слуг за такую ничтожную плату, что многие из них едва могли себя прокормить. Слишком старых и слишком юных, непригодных к работе освобождённых рабов просто вышвырнули на улицы вместе со слабыми и больными. И всё равно великие господа собирались на своих великих пирамидах, чтобы пожаловаться на то, что королева драконов наполнила их великий город толпами немытых нищих, ворами и шлюхами.

«*Чтобы править Миэрином, я должна завоевать любовь миэринцев, как бы я их ни презирала*».

— Я готова! — сказала она Ирри.

Резнак и Скахаз ожидали королеву на верху широкой мраморной лестницы.

— Великолепная, — объявил Резнак мо Резнак, — сегодня вы так ослепительны, что мне больно на вас смотреть. — Сенешаль был наряжен в *токар* из тёмно-красного шёлка с золотой каймой. Маленький, потный человечек, благоухавший так, словно искупался в духах, говорил на ломаном высоком валирийском, сдобренном мощным гискарским акцентом.

— Вы очень любезны, — ответила Дени на том

же языке.

— Моя королева, — прорычал бритоголовый Скахаз мо Кандак. У гискарцев волосы были густыми и жёсткими, и по старинному здешнему обычаю мужчины укладывали их в причёски в виде рогов, шипов или крыльев. Побрив голову, Скахаз отринул древний Миэрин, приняв новые обычаи. Его родичи Кандаки сделали то же самое. Остальные, из страха ли, веяний моды или амбиций — Дени не могла сказать точно — последовали их примеру. Теперь их называли Бритоголовые. Скахаз был главой Бритоголовых... и злейшим предателем для Детей Гарпии и им подобных. — Мы слышали про евнуха.

— Его звали Храбрый Щит.

— Многие умрут, если не наказать убийц.

Несмотря на обритую налысо голову, лицо Скахаза было очень отталкивающим — низкий лоб, под маленькими глазками залегли большие мешки, огромный, испещрённый угрями нос и сальная кожа, скорее жёлтого, чем янтарного оттенка, обычного в этих краях. Грубое, жестокое и злое лицо. Дени могла только надеяться, что его обладатель окажется хотя бы честным.

— Как же я накажу убийц, если не знаю, кто они? — удивилась она. — Скажи мне, отважный

Скахаз.

— У вас нет недостатка во врагах, ваше величество. Их пирамиды видны с вашей террасы. Зак, Хазкар, Газин, Меррек, Лорак — все древние рабовладельческие фамилии. И Пал. Больше всех вас ненавидит Пал. Теперь этим Домом правят женщины — злобные, кровожадные старухи. Женщины не забывают... и не прощают.

«*Да*, — подумала Дени, — *когда я вернусь в Вестерос, псы Узурпатора это узнают*». Это правда, что между ней и родом Палов стояла кровь. Сам Ознак зо Пал погиб, сражаясь с Бельвасом Силачом, а его отец — командир городской стражи — умер, защищая ворота, когда те разнёс в щепки Джозо, прозванный Хреном Джозо. Три его дяди были в числе ста шестидесяти трёх распятых на площади.

— Сколько золота нам следует предложить за информацию о Детях Гарпии? — спросила Дени у Резнака.

— Награду в сто монет, если так будет угодно вашему великолепию.

— Тысяча нам нравится больше. Столько и предложите.

— Ваше величество, вы не спросили моего совета, — заметил Скахаз Бритоголовый. — Но я всё

равно скажу. За кровь платят кровью. Возьмите по мужчине из каждой семьи, что я назвал, и казните. В следующий раз заберите двоих... Третьего раза не будет.

Резнак задрожал от ужаса:

— Не-е-ет, добрейшая королева! Подобная жестокость призовёт на наши головы гнев богов! Я клянусь, мы найдём убийц, и вы увидите, что ими окажутся подлые плебеи.

Сенешаль был такой же лысый, как Скахаз, однако в его случае, дело касалось богов.

«Стоит появиться хоть одному волосу, мой парикмахер тут же с бритвой наготове», — сказал он ей в день своего возвышения. Но иногда Дени казалось, что бритва лучше бы подошла для шеи Резнака. Несмотря на свою полезность, он мало ей нравился, а доверяла ему она ещё меньше.

Бессмертные предупреждали, что ей суждено пережить три предательства. Мирри Маз Дуур — первое, сир Джорах — второе. *«Станет ли Резнак третьим, или Бритоголовый, или Даарио? А может, это окажется некто, кого я до сих пор не подозревала — сир Барристан, Серый Червь или Миссандея?»*

— Скахаз, — обратилась она к Бритоголовому, — спасибо вам за совет. Резнак, посмотрим, на что

способна тысяча золотых. — Придерживая токар, Дейенерис спустилась мимо них по широкой мраморной лестнице. Она шла медленно и очень осторожно, не то обязательно наступила бы на край одеяния и влетела бы в зал кувырком.

Миссандея объявила о её приходе. У миниатюрной помощницы был сильный приятный голос.

— Все на колени перед Дейенерис Бурерождённой, Неопалимой, королевой Миэрина, королевой андалов, ройнаров и Первых Людей, кхалиси Великого травяного моря, Разрушительницей Оков и Матерью Драконов!

Зал был полон. Вдоль колонн выстроились вооруженные щитами и копьями Безупречные, их остроконечные шлемы торчали вверх, словно ряды кинжалов. Миэринцы столпились с восточной стороны около окон. Освобождённые стояли отдельно от бывших хозяев. *«Пока они не станут рядом, в Миэрине мира не будет»*, — подумала Дени.

— Поднимитесь, — приказала она, садясь на скамью. Зал поднялся. *«По крайней мере, хотя бы это они делают вместе»*.

Резнак мо Резнак развернул список. Обычай требовал, чтобы королева начала приём с астапорского посла, бывшего раба, ныне называвшего

себя лордом Гхаэлем, хотя, похоже, никто не знал, где его земли.

У лорда Гхаэля был полный рот коричневых гнилых зубов и жёлтое, острое, как у хорька лицо. И ещё у него имелся подарок.

— Клеон Великий посылает эти туфли, в знак его любви к Дейенерис Бурерождённой, Матери Драконов.

Ирри поднесла Дени туфли и надела их ей на ноги. Туфли были сделаны из позолоченной кожи, расшитой зеленоватым речным жемчугом. *«Неужели король-мясник действительно думает, что пара симпатичных туфель поможет ему завоевать мою руку?»*

— Король Клеон очень щедр, — произнесла она, — поблагодарите его за прекрасный подарок.

«Несмотря на красоту, эти туфли явно сделаны для ребёнка». Они оказались малы даже для миниатюрных ножек Дени.

— Великий Клеон обрадуется, узнав, что сумел вам угодить, — ответил Гхаэль. — Его величество также приказал мне передать, что он готов защищать Мать Драконов от всех её врагов.

«Если он опять предложит мне выйти за Клеона, я запущу туфлей ему в голову», — подумала Дени, но на этот раз посол ни словом не обмол-

вился о женитьбе.

Вместо этого он сообщил:

— Пришло время для Астапора и Миэрина положить конец жестокому правлению мудрых господ Юнкая — заклятых врагов всех свободных людей. Великий Клеон приказал мне передать, что он и его новые Безупречные скоро выступят.

«Эти его новые Безупречные — просто глупая шутка».

— Передайте королю Клеону, что с его стороны было бы мудрым шагом заботиться о собственных садах и позволить юнкайцам заботиться о своих.

Ей не то чтобы очень нравился этот город. Она всё больше сожалела о том, что, победив его армию, покинула Юнкай, не захватив сам город. Мудрые господа вернули рабов, едва она двинулась дальше, и теперь вовсю занимались набором рекрутов, вербовкой наёмников и поиском союзников в борьбе против неё. Хотя самопровозглашенный Великим Клеон был не лучше. Король-мясник также восстановил в Астапоре рабовладение, поменяв местами бывших рабов и их хозяев.

— Я всего лишь юная девушка и мало смыслю в военном искусстве, — сказала Дени послу, — но до меня дошли слухи, что в Астапоре голодают.

Пусть король Клеон накормит своих людей, прежде чем вести их в бой. — Она взмахнула рукой, и Гхаэль откланялся.

— Великолепная, — обратился к ней Резнак мо Резнак, — не желаете ли выслушать благородного Хиздара зо Лорака?

«Опять?»

Дени кивнула. Высокий, стройный, с безупречной янтарной кожей Хиздар вышел вперёд и, подойдя к тому самому месту, где недавно лежало мёртвое тело Храброго Щита, поклонился. *«Он нужен мне»*, — напомнила себе Дени. Хиздар был богатым купцом, обладавшим множеством друзей в Миэрине и ещё больше за морем. Он бывал в Волантисе, Лиссе и Кварте. У него были родственники в Толосе и Элирии, и, судя по слухам, имел некоторое влияние в Новом Гисе, с которым юнкайцы сейчас пытались вступить в союз против Дени и её правления.

А ещё он богат. Баснословно и сказочно богат...

«И станет ещё богаче, если я удовлетворю его просьбу», — подумала она. Когда Дени закрыла в городе бойцовые ямы, их стоимость резко упала. Хиздар зо Лорак, не теряя времени даром, прибрал их к рукам, и теперь владел почти всеми ямами Миэрина.

Красно-чёрные волосы этого аристократа были уложены в виде крыльев, расходившихся в стороны от висков, и создавалось впечатление, будто его голова вот-вот взлетит. И без того вытянутое лицо казалось ещё длиннее из-за тонкой бороды, в которую были вплетены золотые кольца. Пурпурный токар украшала расшитая аметистами и жемчугом кайма.

— Ваша лучезарность знает причину, по которой я тут.

— Полагаю да, — ответила Дени. — У вас нет иных забот, кроме как меня мучить. Сколько раз я вам уже отказывала?

— Пять раз, ваше великолепие.

— Значит, теперь уже шесть. Я не открою бойцовые ямы.

— Если бы ваше величество выслушали мои аргументы...

— Я уже их слышала. Целых пять раз. Вы придумали новые?

— Нет, они старые, — согласился Хиздар. — Но слова другие. Красивые и обходительные, более подходящие, чтобы заставить королеву изменить решение.

— Меня интересует причина вашей просьбы, а не ваше красноречие. Я слышала ваши доводы

столько раз, что могу и сама просить за вас. Проверим? — Она подалась вперёд. — С самого основания Миэрина бойцовые ямы были его частью. Бои имеют под собой глубокую религиозную основу и являются кровавым жертвоприношением богам Гиса. Искусство смерти Гиса — это не резня, а демонстрация смелости, ловкости и силы, угодных богам. Победители не испытывают недостатка в еде, внимании и осыпаны почестями, а проигравших — чтят и помнят. Открывая ямы, я покажу горожанам своё уважение к их традициям и обычаям. Бойцовые ямы широко известны по всему миру. Они привлекают торговцев со всего света и пополняют казну. Все мужчины обожают кровопролитие, и ямы помогают удовлетворить это чувство. Это сделает мой город спокойнее. Для преступников, приговорённых к смерти на песке, ямы олицетворяют судебный поединок — последний шанс доказать невиновность. — Дени откинулась назад, вскинув голову. — Всё. Ну, как у меня получилось?

— Ваша лучезарность изложила суть дела намного лучше, чем я надеялся сделать это сам. Я вижу, что вы так же красноречивы, как и прекрасны. И полностью с вами согласен.

Она невольно засмеялась.

— Вы, но не я.

— Ваше великолепие, — прошептал Резнак мо Резнак ей на ухо, — обычно десятая часть прибыли бойцовых ям перечисляется в городскую казну. Эти деньги могли бы быть направлены на благородные дела.

— Могли бы, но если мы вновь откроем ямы, то должны будем взимать десятую часть со всего дохода до вычета расходов. Я всего лишь юная девушка и мало понимаю в таких делах, но я долго общалась с Ксаро Ксоаном Даксосом, чтобы это понять. Хиздар, умей вы так же хорошо выстраивать армии, как выстраиваете аргументы, то завоевали бы мир... но мой ответ «нет». В шестой раз.

— Как пожелает королева. — Он снова поклонился, так же низко, как и прежде. Жемчужины и аметисты мягко коснулись пола. Очень гибкий и изворотливый человек этот Хиздар зо Лорак.

«Он даже был бы красив, если бы не эта глупая причёска», — подумала Дени. Резнак с Зелёной Милостью упрашивали её выйти замуж за миэринца благородного происхождения, чтобы примирить город с её правлением, и Хиздар мог бы стать кандидатом, стоящим пристального внимания. *«Скорее уж он, чем Скахаз»*. Бритого-

ловый ради неё предложил отказаться от жены, но одна мысль о нём в качестве мужа заставляла Дени содрогнуться. Хиздар хотя бы умеет улыбаться.

— Великолепная, — продолжил Резнак, сверяясь со своим списком, — к вам желает обратиться благородный Граздан зо Галар. Согласны ли вы выслушать его просьбу?

— С удовольствием, — ответила Дени, разглядывая, как переливаются золото и зелёный жемчуг на подаренных Клеоном туфлях, и стараясь не замечать их тесноты. Её предупредили заранее, что Граздан — кузен Зелёной Милости, чью поддержку и совет Дени очень ценила. Жрица была голосом примирения, согласия и послушания законной власти. *«Я выслушаю её кузена со всем вниманием, чего бы тот ни попросил»*.

Оказалось, что его просьба сводится к золоту. Дени отказалась компенсировать великим господам стоимость освобождённых рабов, но миэринцы любым способом пытались выжать из неё деньги. Благородный Граздан являлся одним из них. По его словам, у него была рабыня, ткавшая замечательные ткани. Плоды её труда высоко ценились не только в Миэрине, но и в Новом Гисе, Астапоре и Кварте. Когда женщина

состарилась, Граздан купил полдюжины молоденьких девушек и приказал рабыне обучить их секретам ремесла. В настоящее время старая ткачиха уже умерла, а молодые, после освобождения, открыли мастерскую неподалёку от портовой стены и теперь торгуют собственной тканью. Газар зо Галар просил права на часть от их доходов:

— Они обязаны своим ремеслом мне, — утверждал он. — Это я вытащил их с аукционного помоста и усадил за ткацкий станок.

Дени выслушала его с невозмутимым лицом. Когда он закончил, она спросила:

— Как звали старую ткачиху?

— Рабыню? — Граздан нахмурившись, переминался с ноги на ногу. — Её звали... Эльза, вроде бы. А может Элла. Она умерла шесть лет назад. У меня было столько рабов, ваше величество...

— Хорошо, предположим, её звали Эльза. Вот наше решение. Девушки ничего вам не должны. Это Эльза научила их ткать, а не вы. А вот вы должны девушкам новый ткацкий станок — лучший из тех, что можно купить. Это за то, что вы забыли имя старухи.

Резнак вызвал бы очередного господина в *токаре*, но королева настояла, чтобы вместо этого пригласили кого-то из освобождённых. Таким

образом, она будет чередовать бывших рабов и хозяев. Всё больше и больше жалобщиков требовало денежной компенсации. После падения Миэрин подвергся жестокому разграблению. Пирамиды богачей избежали худшего, однако кварталы победнее стали ареной разбоя и насилия восставших рабов и следовавших за ней из Юнкая и Астапора орд голодных людей, прорвавшихся в сломанные ворота. Её Безупречные восстановили порядок, но резня оставила за собой целую кучу проблем. Поэтому все шли к королеве.

Следующей по очереди была богатая женщина, чьи муж и сыновья погибли, защищая городские стены. Во время кровопролития она в ужасе бежала к своему брату, а когда вернулась, обнаружила, что её дом превращен в бордель. Шлюхи нарядились в её одежды и щеголяли в её драгоценностях. Она требовала возвращения дома и ценностей:

— Одежду пусть оставят себе, — разрешила женщина. Дени пообещала ей вернуть драгоценности, но постановила, что дом та потеряла, как только оставила его.

Потом подошёл бывший раб, обвинявший некоего аристократа из рода Жаков. Мужчина недавно женился на освобождённой, которая до захва-

та города была у этого господина рабыней для постельных утех. Тот лишил её девственности, пользовался ею для своего удовольствия, и, вдобавок, наградил ребёнком. Её новый муж требовал оскопить бывшего хозяина за изнасилование, и кошель золота на содержание бастарда. Дени пообещала ему золото, но отказала в остальном:

— Когда он возлежал с ней, ваша жена считалась его собственностью, с которой он был вправе делать всё, что хотел. По закону, это не является изнасилованием. — Она видела, что её решение не понравилось просителю, но если будут кастрировать каждого, кто когда-то спал с рабыней, то скоро ей придётся править городом евнухов.

Следом вышел мальчик младше Дени, худой и испуганный, в истрёпанном сером токаре. Его голос срывался, когда он рассказывал о том, как двое домашних рабов его отца восстали в ту ночь, когда были сломаны городские ворота. Один из них убил отца, другой — его старшего брата. Потом оба изнасиловали и убили его мать. Сам мальчишка сумел сбежать, отделавшись шрамом на лице, но один из убийц его семьи остался жить в его доме, а второй стал солдатом Матери. Мальчик просил, чтобы обоих повесили.

«Я королева города, построенного на прахе и

смерти», — подумала Дени. У неё не было иного выхода, кроме как отказать ему. Перед этим она объявила всеобщее помилование для тех, кто совершил преступления во время резни, и рабов, восставших против бывших хозяев, тоже наказывать не станет.

Когда она объяснила это мальчику, тот ринулся вперёд к ней, но, запутавшись в токаре, растянулся на пурпурном мраморном полу. Огромный темнокожий евнух Силач Бельвас тут же навалился на мальчишку, а затем, подняв его одной рукой, принялся трясти, словно мастифф крысу.

— Довольно, Бельвас, — остановила Дени. — Отпусти его.

Потом она обратилась к мальчику:

— Береги этот *токар*, потому что он спас тебе жизнь. Если бы ты в гневе коснулся меня, то остался бы без руки. Ты ещё мальчик, и мы забудем о том, что здесь случилось. Тебе следует поступить так же.

Но когда он, уходя, оглянулся через плечо, Дени встретилась с ним взглядом и поняла: *«У Гарпии появился новый сын»*.

К полудню Дейенерис уже изнывала от тяжести короны и жёсткой скамьи. Но поскольку её аудиенции ожидало ещё много народа, она не

прервалась даже для трапезы. Вместо этого Дени отправила Чхику на кухню за лепёшками, оливками, фигами и сыром. Королева продолжала слушать просителей, отправляя в рот кусочки пищи и запивая их из кубка разбавленным вином. Фиги были отличные, оливки и того лучше, а вот вино оставляло во рту неприятный металлический привкус. Из мелкого светло-жёлтого местного винограда получалось удивительно плохое вино.

«Нам не следует торговать этой гадостью». К тому же, великие господа уничтожили лучшие виноградники вместе с оливковыми рощами.

После полудня к ней явился скульптор с предложением заменить стоявшую на площади Очищения голову огромной бронзовой гарпии на образ Дени. Она постаралась отказать ему со всей возможной вежливостью. В водах Скахазадхана выловили щуку неслыханного размера, и рыбак решил отнести эту рыбину королеве. Она восхитилась нелепым подарком и наградила рыбака увесистым кошелём серебра, а щуку отправила вниз на кухню. Медник преподнёс ей ослепительную кольчугу. Она приняла её с преувеличенной благодарностью. Кольчуга была сделана превосходно, к тому же полированная

медь должна красиво блестеть на солнце, хотя в настоящем бою Дени предпочла бы сталь. Это знают даже молоденькие девушки, мало понимающие в войнах.

К этому времени терпеть туфли, присланные королем-мясником, стало совсем невозможно. Она скинула их и села, подогнув одну ногу под себя и покачивая второй. Эта поза была не совсем подходящей величественной королевской особе, но Дени устала быть величественной. От короны болела голова, а ягодицы занемели.

— Сир Барристан, — позвала она, — я поняла, какое качество больше всего необходимо королю.

— Смелость, ваше величество?

— Нет, — улыбнулась Дени, — железные ягодицы. Я всё время вынуждена сидеть.

— Ваше величество слишком много делает сама. Вы должны позволить своим советникам принять на себя часть ваших забот.

— Советников-то мне хватает, а вот подушек — нет. — Она повернулась к Резнаку. — Сколько осталось просителей?

— Двадцать три, если угодно вашему великолепию, и столько же жалоб. — Сенешаль заглянул в бумаги. — Один телёнок и три козы. Остальные, наверняка, окажутся овцами или ягнятами.

— Двадцать три, — вздохнула Дени. — Мои драконы не на шутку пристрастились к баранине с тех пор, как мы стали выплачивать компенсации пастухам. Их требования доказуемы?

— Некоторые приносят обгоревшие кости.

— Любой человек может развести костёр и зажарить ягнёнка. Обгоревшие кости ничего не доказывают. К тому же, Бурый Бен Пламм утверждает, что на холмах за городом водятся красные волки, шакалы и дикие собаки. Должны ли мы платить за каждую задранную ими овцу от Юнкая до Скахазадхана?

— Нет, великолепная, — поклонился Резнак. — Отправить обманщиков прочь или прикажете их высечь?

Дейенерис заёрзала.

— Никто не должен бояться приходить ко мне. — Она не сомневалась, что какие-то из жалоб выдуманные, но была уверена и в том, что большая часть из них — истинные. Её драконы слишком выросли, чтобы довольствоваться крысами, собаками и кошками, как раньше. *«Чем больше они едят, тем больше становятся*, — предупреждал её сир Барристан. — *А чем больше становятся, тем больше едят».* Дрогон улетал особенно далеко и мог легко проглатывать по овце в день.

— Выплатите им стоимость их скота, — приказала она Резнаку. — Но в следующий раз заставьте каждого жалобщика сперва явиться в храм Милости и поклясться священной клятвой богам Гиса.

— Будет исполнено. — Резнак повернулся к просителям. — Её величество королева приказала возместить вам ущерб за утраченный скот, — объявил он на гискарском наречии. — Явитесь завтра к моим помощникам, и вам заплатят монетой или товаром, по вашему выбору.

Решение было встречено мрачным молчанием.

«Они могли бы выглядеть и повеселее, — подумала Дени. — *Они получили то, ради чего пришли. Как ещё им угодить?»*

Когда все направились к выходу, один из просителей остался — бедно одетый приземистый мужчина с обветренным лицом и копной красно-чёрных волос, остриженных на уровне ушей. В руке он держал тёмный холщовый мешок. Мужчина стоял с опущенной головой, уставившись в мраморный пол, словно забыл, где находится. *«А этому что от меня надо?»* — удивилась Дени.

— Все на колени перед Дейенерис Бурерождённой, Неопалимой, королевой Миэрина, королевой андалов, ройнаров и Первых людей, кхалиси Ве-

ликого травяного моря, Разрушительницей Оков и Матерью Драконов, — выкрикнула Миссандея высоким приятным голосом.

Когда Дени поднялась, её токар начал сползать. Она подхватила его и подтянула на место.

— Эй, ты, с мешком, — позвала она. — Ты хочешь говорить с нами? Можешь приблизиться.

Когда он поднял своё лицо, стало видно, что его глаза красны, словно свежие раны. Дени заметила, что сир Барристан белой тенью скользнул к ней ближе. Шаг за шагом, шаркая и спотыкаясь, проситель приближался неуверенной походкой, сжимая в руках мешок.

«Пьян или болен», — решила Дени. Под его сломанными жёлтыми ногтями темнела земля.

— Что это? — спросила она. — У тебя какая-то жалоба или просьба к нам? Чего ты хочешь?

Он нервно облизнул пересохшие, потрескавшиеся губы:

— Я... я принёс...

— Кости? — нетерпеливо продолжила она. — Обгорелые кости?

Мужчина поднял мешок и высыпал его содержимое на мрамор.

Это и в самом деле оказались кости — сломанные и почерневшие. Более длинные были

расколоты — из них съели костный мозг.

— Это сделал чёрный... — прохрипел человек по-гискарски. — Он спустился с неба крылатой тенью и... и... и...

«Нет, — вздрогнула она, — *нет, нет, о, нет!»*

— Ты что оглох, дурак? — заорал просителю Резнак мо Резнак. — Не слышал, что я объявил? Приходи завтра к моим помощникам, и тебе заплатят за твою овцу.

— Резнак, — тихо произнёс сир Барристан, — придержи язык и открой глаза. Это не овечьи кости.

«Нет, — подумала Дени. — *Это кости ребёнка».*

Глава 3. Джон

У подножия седого утёса, высокого, как само небо, среди чёрных деревьев бежал белый волк. Луна следовала за ним в звёздной вышине, мелькая в просветах между переплетением голых ветвей над головой.

— Сноу, — прошептала луна.

Но волк не ответил. Под его лапами поскрипывал снег, среди деревьев вздыхал ветер. Откуда-то издалека доносился зов сородичей — таких же, как он.

Они тоже охотились. Ливень, хлеставший по шкуре его чёрного брата, терзавшего тушу огромного козла, смывал кровь из раны в боку, вспоротом длинным рогом жертвы. В другом месте его младшая сестра подняла голову, чтобы пропеть луне свою песню, а сотня меньших серых братьев прервала свою охоту, чтобы к ней присоединиться. В холмах, где они находились, было теплее, и в изобилии водилась дичь. Много ночей стая его сестры лакомилась мясом украденных у людей овец, коров и лошадей, а иногда волки пробовали и человеческую плоть.

— Сноу, — хихикая, вновь позвала луна.

Белый волк неслышно бежал по следу, оставленному человеком у подножия ледяной скалы. На языке был привкус крови, а в ушах звенела песнь сотен братьев. Когда-то их было шестеро — пять пищащих слепышей в снегу подле мёртвой матери и он, одинокий, отползший в сторону, пока младшие сосали холодное молоко из её омертвевших сосков. Теперь в живых осталось четверо… и присутствия одного из них белый волк больше не чувствовал.

— Сноу, — настаивала луна.

Белый волк убегал от этого зова, мчась в пещеру ночи, где скрылось солнце. Его дыхание стыло клубами в морозном воздухе. В беззвёздные ночи огромный утёс был чёрен, как камень, тёмной громадой возвышаясь над широким простором, но когда выглядывала луна, он сиял тусклым светом и льдом, подобно замёрзшему водопаду. Волчья шуба была густой и косматой, но когда вдоль ледяной громады дул пронизывающий ветер, не спасал даже такой мех. На другой стороне ветер был ещё холоднее, и волк чувствовал это. Там находился его брат — серый, пахнущий летом.

— Сноу. — С ветки упала сосулька. Белый волк

повернулся и обнажил зубы.

— Сноу! — Деревья перед ним расступились, и волк ощетинился.

— Сноу, Сноу, Сноу! — Он услышал хлопанье крыльев.

Вылетевший из тьмы ворон с глухим стуком опустился на грудь Джона Сноу, скрежетнув когтями.

— Сноу! — каркнула птица прямо ему в лицо.

— Я слышу. — Комната была тёмной, а тюфяк — жёстким. Серый свет сочился сквозь ставни, предвещая ещё один тусклый холодный день. — Вот как ты будил Мормонта? Убери свои перья подальше от моего лица. — Джон выпростал руку из-под одеял, чтобы согнать птицу. Ворон был крупным, старым, взъерошенным, наглым и совсем не боялся людей.

— Сноу! — прокричал он, взлетев на столбик кровати. — Сноу, Сноу!

Джон сгрёб подушку и кинул, но птица вспорхнула раньше. Стукнувшись о стену, подушка порвалась, и всё её содержимое разлетелось по комнате. Как раз в этот момент в дверной проём просунулась голова Скорбного Эдда Толлетта.

— Прошу прощения, — произнёс стюард, не обращая внимания на облако перьев, — принести

м’лорду завтрак?

— Зерно, — прокаркал ворон. — Зерно, зерно.

— Зажарь ворона, — предложил Джон, — и принеси полпинты пива.

Джон до сих пор не привык к тому, что стюард приносит ему еду и накрывает на стол. Не так давно он сам подавал завтрак лорду-командующему Мормонту.

— Три зёрнышка и один зажаренный ворон, — сказал Скорбный Эдд. — Отлично, м’лорд, только Хобб уже сварил яйца, чёрную колбаску и приготовил печёные яблоки с черносливом. Печёные яблоки просто превосходны, если не считать чернослива. Лично я бы чернослив есть не стал. Как-то раз Хобб нафаршировал им курицу вместе с каштанами и морковью. Никогда не доверяйте поварам, милорд. Нашпигуют тебя черносливом, когда ты этого меньше всего ожидаешь.

— Позже. — Завтрак мог подождать, а Станнис ждать не станет. — Сегодня ночью происшествия в лагере с пленными были?

— Нет, м’лорд, с тех пор, как вы поставили охранников присматривать за другими охранниками.

— Хорошо.

Под Стеной заперли тысячу одичалых — плен-

ников Станниса Баратеона, захваченных во время разгрома орды Манса Налётчика. Среди заключённых находилось много женщин, и некоторые охранники выкрадывали их из-за частокола, чтобы согреть свою постель. Так поступали все подряд: люди короля, королевы, даже кое-кто из чёрных братьев. Мужчины есть мужчины, а это были единственные женщины на тысячу лиг вокруг.

— Сдались ещё двое одичалых, — продолжил Эдд. — Мать с девочкой, вцепившейся в её юбку, и с закутанным в мех младенцем, но он был мёртв.

— Мёртв, — повторил следом ворон. Это было одно из любимых птичьих словечек. — Мёртв, мёртв, мёртв.

Каждую ночь к ним прибивалось всё больше вольного народа — голодные и полузамёрзшие создания, спасавшиеся бегством во время битвы под Стеной только для того, чтобы приползти назад, осознав, что им негде больше укрыться.

— Вы допросили мать? — спросил Джон. Станнис Баратеон разгромил орду Манса Налётчика и захватил в плен самого Короля-за-Стеной… Но за Стеной всё ещё оставались одичалые: Плакальщик, Тормунд Великанья Смерть и ещё тысячи других.

— Да, м'лорд, — ответил Эдд. — Но она знает лишь то, что ей удалось бежать во время битвы и спрятаться в лесу. Мы досыта накормили её овсянкой и отправили за забор, а младенца сожгли.

Сожжение мёртвых детей перестало волновать Джона Сноу, а вот живых — другое дело. Он вспомнил: *«Два короля, чтобы пробудить дракона. Сперва отец, потом сын, чтобы оба умерли королями».* Эти слова прошептал один из людей королевы, когда мейстер Эйемон промывал ему раны. Джон отмахнулся, посчитав их всего лишь горячечным бредом раненого, но мейстер Эйемон придерживался другого мнения.

— В королевской крови есть сила, — предупредил старый мейстер. — И люди получше Станниса проделывали с ней вещи и похуже.

«*Король может быть жестоким и беспощадным, да, но причём тут грудное дитя? Только чудовище способно бросить живого ребёнка в огонь*».

Джон отлил в темноте, наполнив ночной горшок под недовольное бормотание пернатого любимца Старого Медведя. Волчьи сны становились всё сильнее, и он обнаружил, что помнит их, даже проснувшись. Призрак знает, что Серый

Ветер мёртв. Робб умер в Близнецах, преданный теми, кого считал друзьями, и его лютоволк погиб вместе с ним. Бран с Риконом тоже убиты, обезглавлены по приказу Теона Грейджоя, бывшего некогда воспитанником их лорда-отца… Но если сны не лгут, их лютоволки сумели спастись. Один из них появлялся у Короны Королевы и спас Джону жизнь.

«*Вероятно, это Лето. Это у него шкура была серой, а у Лохматого Песика — чёрной*».

Ему стало интересно, могла ли хоть какая-то часть души его мёртвых братьев перейти в их волков.

Джон наполнил таз из кувшина рядом с кроватью, умыл лицо и руки, надел чистую одежду из чёрной шерсти, затянул шнурки на чёрной кожаной куртке и обул пару поношенных сапог. Ворон Мормонта понаблюдал за ним проницательными чёрными глазами, а потом выпорхнул в окно.

— Считаешь меня своим рабом? — Джона обдало утренним холодом, пока он затворял окно, сделанное из толстых ромбов жёлтого стекла. Он вдохнул полной грудью, чтобы стряхнуть с себя ночной морок. Ворон улетел. «*Эта птица слишком умна*». Долгие годы она была спутником Старого Медведя, но это не помешало ей клевать

его лицо, когда тот умер.

За дверью спальни начинался лестничный пролёт, спускавшийся в большую комнату, убранство которой составляли обшарпанный сосновый стол и дюжина дубовых стульев, обитых кожей. После того, как Станнис обосновался в Королевской башне, а от сгоревшей башни лорда-командующего остался один остов, Джон расположился в скромной келье Донала Нойе, находившейся за арсеналом. Потом, разумеется, ему нужно будет подыскать себе помещение попросторнее, но сейчас, пока он свыкается с ролью командующего, и это вполне сойдёт.

Грамота, что король вручил ему на подпись, лежала на столе под серебряным кубком, когда-то принадлежавшим Доналу Нойе. Однорукий кузнец оставил после себя скудное наследство: кубок, шесть пенни, медную звезду, червлёную брошь со сломанной застёжкой и старый парчовый дублет, на котором красовался олень Штормового Предела.

«*Его настоящим сокровищем были инструменты, а также мечи и ножи, которые он ковал. Вся его жизнь прошла в кузнице*».

Джон сдвинул кубок в сторону и снова прочёл пергамент.

«*Если я поставлю здесь свою подпись, меня навсегда запомнят как лорда-командующего, предавшего Стену,* — пронеслось у него в голове. — *А если я откажусь*...»

Станнис Баратеон доказал, что он раздражительный гость, и беспокойный к тому же. Он спускался по Королевскому Тракту почти до Короны Королевы, рыская по опустевшим хижинам Кротового городка и обозревая руины фортов у Врат Королевы и Дубового Щита. Каждую ночь он взбирался на Стену с леди Мелисандрой, а днём навещал лагерь, отбирая пленных, чтобы красная женщина могла их допросить. *«Станнис не любит, когда ему отказывают».* Джон опасался, что утро будет не из приятных.

Со стороны арсенала доносилось бряцанье клинков и щитов — там снаряжалась вновь прибывшая группа парнишек и новобранцев. Джон слышал голос Железного Эммета, призывавшего их поторапливаться. Коттер Пайк был очень недоволен тем, что лишился такого бойца, но у молодого разведчика был настоящий дар к обучению новобранцев. «*Ему нравится сражаться, и он научит своих парней тоже любить драку*». По крайней мере, Джон на это надеялся.

Надев висевшие у двери на соседних крючках

плащ и пояс, Джон направился прямиком в арсенал. По пути он заметил, что подстилка, на которой обычно спал Призрак, пустовала.

В дверях стояли двое вооружённых копьями часовых в чёрных плащах и железных полушлемах.

— М'лорду нужно сопровождение? — спросил Гарс.

— Думаю, я сумею найти Королевскую башню без посторонней помощи. — Джон ненавидел эту привычку солдат таскаться за ним повсюду, куда бы он ни направился. Он чувствовал себя уткой с выводком утят.

Парни Железного Эммета заняли почти весь двор, тупые мечи лязгали друг о друга и с грохотом врезались в щиты. Джон задержался, чтобы понаблюдать, как Конь атакует Хоп-Робина, тесня того к колодцу. «*У Коня задатки неплохого бойца*», — решил он про себя. Парень силён и становится ещё сильнее, и у него есть чутьё. С Хоп-Робином всё обстояло совершенно иначе. Мало того, что тот косолап, так вдобавок к этому ещё и боится, что его ударят. «*Возможно, лучше назначить его стюардом*».

Схватка закончилась внезапно, когда Хоп-Робин очутился на земле.

— Отличный бой, — похвалил Коня Джон. — Но, наступая, ты опускаешь щит слишком низко. Либо ты исправишься, либо однажды из-за этого тебя убьют.

— Да, м'лорд. В следующий раз буду держать его повыше.

Конь поставил Хоп-Робина на ноги, и мальчишка неуклюже поклонился.

В дальнем конце двора несколько рыцарей Станниса затеяли тренировочный бой.

«*Люди короля в одном углу, люди королевы в другом*, — подметил Джон. — *Но здесь лишь малая часть их воинства. Большинству слишком холодно*».

Когда Джон проходил мимо, его громко окликнули:

— Парень! Эй, ты! Парень!

Парень было не самым худшим из того, что он слышал в свой адрес с момента избрания лордом-командующим. Он не откликнулся.

– *Сноу*, — настаивал голос. — *Лорд-командующий!*

На сей раз Джон остановился.

— Сир?

Рыцарь был выше его на шесть дюймов.

— Человек, носящий валирийскую сталь, дол-

жен пользоваться ею не только для того, чтобы чесать свой зад.

Джон встречал этого человека у замка. Послушать его — так он был знаменитейшим рыцарем. Во время битвы под Стеной сир Годри Фарринг одолел убегавшего великана — настигнув его верхом, он нанес удар копьём в спину, а потом, спешившись, отрубил уродливую маленькую голову чудища. Люди королевы прозвали его Годри Убийца Великанов. Джону вспомнилось, как пела плачущая Игритт. *«Я последний из великанов».*

— Я пользуюсь Длинным Когтем, только когда вынужден, сир.

— Но насколько хорошо, а? — Сир Годри выхватил свой меч. — Покажи-ка нам. Обещаю не делать тебе больно, парень.

«*Как мило с твоей стороны*», — подумал Джон.

— Как-нибудь в другой раз, сир. Боюсь, сейчас у меня есть неотложные дела.

— Боишься. Оно и видно, — бросил сир Годри, ухмыляясь своим приятелям. — Он боится, — повторил он тем, до кого ещё не дошло.

— Прошу меня извинить. — Джон развернулся к ним спиной.

Чёрный замок в неярком предрассветном свете казался угрюмым и заброшенным.

«*Мой отряд*, — уныло подумалось Джону, — *от него почти ничего не осталось, совсем как от этой крепости*».

От башни лорда-командующего сохранился лишь остов, общий зал стал кучей обгоревших головешек, башня Хардина выглядела так, что, казалось, развалится от любого дуновения ветра… хотя такой она была уже долгие годы. За ними возвышалась Стена — огромная, грозная и холодная, она была облеплена людьми, строители приделывали к ней новую лестницу, соединяя воедино остатки старой. Люди трудились от рассвета до заката. В отсутствие лестницы иного способа добраться до верха Стены, кроме подъёмника, не было. А тот не справится, если одичалые снова сунутся.

Над крышей Королевской башни, как раз в том месте, где не так давно с луком в руках вместе с Глухим Диком Фоллардом и Атласом прятался Джон Сноу, сражаясь с теннами и вольным народом, будто хлыст громко хлопал на ветру огромный золотой штандарт дома Баратеонов. На ступенях у входа, поёживаясь, стояли два человека королевы. Руки они засунули под мышки, а копья прислонили к косяку.

— Ваши перчатки из ткани вам не помогут,

— заявил им Джон. — Обратитесь завтра к Боуэну Маршу, он выдаст каждому из вас по паре кожаных рукавиц на меху.

— Так и сделаем, м'лорд, и спасибо вам! — ответил стражник постарше.

— Если только до этого наши хреновы руки не отмёрзнут напрочь, — добавил стражник помоложе. Пар от дыхания окутывал его морозным туманом. — Я-то думал, это в Дорнийских Марках по-настоящему холодно. Что я знал?

«*Ничего*, — подумал Джон Сноу. – *Также как и я*».

На полпути вверх по винтовой лестнице он наткнулся на спускавшегося Сэмвела Тарли:

— Ты от короля? — спросил его Джон.

Сэм кивнул:

— Мейстер Эймон послал меня с письмом.

— Понятно.

Некоторые лорды доверяли мейстерам читать за них свою корреспонденцию и докладывать о содержимом, но Станнис настаивал на том, чтобы вскрывать почту лично.

— И как Станнис его воспринял?

— Не слишком радостно, судя по его лицу. — Сэм перешёл на шёпот: — Подразумевалось, что мне не следует об этом болтать.

— Тогда не будем.

Джону стало интересно, какой из знаменосцев его отца отказал в повиновении королю Станнису на сей раз. «*Когда Кархолд выступил в его поддержку, он довольно быстро раструбил об этом всей округе*».

— Есть успехи в упражнениях с луком?

— Я раскопал отличную книгу о стрельбе из лука, но стрелять из него сложнее, чем читать об этом, — нахмурился Сэм. — У меня все руки в мозолях.

— Продолжай заниматься. Нам может пригодиться твой лук на Стене, если как-нибудь тёмной ночью к нам пожалуют Иные.

— Ох, надеюсь, что до этого не дойдёт.

За дверьми королевских покоев Джон наткнулся на новых стражников.

— К его величеству не разрешается входить с оружием, милорд, — заявил их сержант. — Отдайте мне меч. И ножи тоже.

Зная, что спорить бесполезно, Джон безропотно сдал им свой арсенал.

Внутри было тепло. Леди Мелисандра сидела у огня, рубин на шее тускло мерцал на бледной коже. Игритт была только поцелована огнём, красная жрица же сама являлась его воплощени-

ем, а её волосы — кровью и пламенем. Станнис стоял у грубо сколоченного стола, за которым когда-то восседал и обедал Старый Медведь. Весь стол покрывала огромная карта севера, нарисованная на куске потрёпанной шкуры. С одного края её прижимала к столу сальная свеча, с другой — стальная рыцарская перчатка.

Одетый лишь в шерстяные штаны и стёганый дублет король почему-то выглядел скованным и неуклюжим, словно облачённый в боевые доспехи. Кожа на лице была бледной, а борода подстрижена так коротко, что казалась нарисованной. Редкая поросль на висках — всё, что осталось от его чёрной шевелюры. В руках он держал пергамент со сломанной печатью из тёмно-зелёного воска.

Джон преклонил колено. Король бросил в его сторону хмурый взгляд и сердито потряс пергаментом.

— Поднимись. Ответь мне, кто такая Лианна Мормонт?

— Одна из дочерей леди Мейдж, сир. Младшая. Её назвали в честь сестры моего лорда-отца.

— Наверняка, чтобы завоевать его расположение. Я знаю, как всё это делается. Сколько лет этой жалкой пигалице?

Джон на мгновение задумался:

— Десять. Или что-то около того. Могу я спросить, чем она оскорбила ваше величество?

Станнис зачитал отрывок из письма:

– *«Медвежий остров не признаёт иного короля, кроме Короля Севера, и имя ему — Старк».*

Ты сказал, что ей десять, а она смеет дерзить своему законному повелителю. — Его коротко остриженная борода казалась тенью на впалых щеках. — Смотри держи это при себе, лорд Сноу. Кархолд со мной, и это всё, о чём должно быть известно. Мне вовсе не нужно, чтобы твои братья начали трезвонить направо и налево о том, что какая-то девчонка плюнула мне в лицо.

— Как прикажете, сир.

Джон знал, что Мейдж Мормонт ушла на юг с Роббом. Её старшая дочь тоже присоединилась к армии Молодого Волка. Даже если обе погибли, то у леди Мейдж имелись другие дочери, и некоторые уже обзавелись собственными детьми. Может, они тоже ушли с Роббом? Разумеется, леди Мейдж оставила бы хоть одну из старших дочерей кастеляном замка. Он не понимал, с какой стати Лианна написала Станнису, и задумался: что бы ответила девушка, если бы отправленное ей письмо было запечатано не оленем, а люто-

волком и подписано Джоном Старком, лордом Винтерфелла?

«*Слишком поздно для подобных сомнений. Ты сделал свой выбор*».

— Я отправил сорок воронов, — пожаловался король, — а в ответ не получил ничего, кроме молчания и неповиновения. Присяга своему королю является обязанностью каждого верноподданного. Но все знаменосцы твоего лорда-отца, не считая Карстарков, отвернулись от меня. Неужели на всем севере не нашлось ни одного человека чести, кроме Арнольфа Карстарка?

Арнольф приходился дядей покойному лорду Рикарду. Он стал кастеляном Кархолда, когда его племянник с сыновьями отправились с Роббом на юг, и первым прислал ворона Станнису, объявив о своей присяге. *«У Карстарков и не было иного выбора»*, — мог бы сказать королю Джон. Рикард Карстарк предал лютоволка и пролил львиную кровь. Единственной надеждой Кархолда являлся олень.

— В подобное смутное время даже люди чести сомневаются, что именно считать своим долгом. Ваше величество, вы не единственный король, требующий от них верности.

— Скажи мне, лорд Сноу, — возмутилась леди

Мелисандра, — где были эти короли, когда дикари штурмовали твою Стену?

— В тысячах лиг отсюда, и глухи к нашим просьбам, — ответил Джон. — Я этого не забыл, миледи. И не забуду. Но у знаменосцев моего отца есть жёны и дети, которых нужно защищать, и народ, который погибнет, если они сделают неверный выбор. Его величество многого от них требует. Дайте им время, и вы получите ответ.

— Такой же? — Станнис смял письмо Лианны в кулаке.

— Даже на севере люди боятся гнева Тайвина Ланнистера. Болтоны — враги ничуть не лучше. Не случайно на их знамёнах ободранный человек. Северяне уехали с Роббом, проливали за него кровь, и за него погибли. Они сыты по горло горем и смертью, а тут к ним являетесь вы с предложением перейти на службу к новому господину. И ещё вините их за то, что они отказываются? Простите, ваше величество, но некоторые из них видят в вас всего лишь очередного обречённого претендента.

— Если его величество обрёчен, то обречено всё королевство, — парировала Мелисандра. — Запомни это, лорд Сноу. Перед тобой стоит единственный истинный король Вестероса.

Лицо Джона осталось непроницаемым.

— Как скажете, миледи.

Станнис фыркнул.

— Ты скуп на слова, как иные на золотых драконов. Интересно, сколько у тебя припасено золота?

— Золота? — *«*

Не этих ли драконов собирается оживлять красная женщина? Драконов из золота?»

— Тот налог, что с нас требуют, мы платим службой, ваше величество. Дозор богат репой, но у нас худо с деньгами.

— Репа не устроит Салладора Саана. Мне требуется золото или серебро.

— За этим вам лучше обратиться в Белую Гавань. Этот город не сравнится со Староместом или Королевской Гаванью, но это всё равно процветающий порт. Лорд Мандерли богатейший среди знаменосцев моего отца.

— Как же! Лорд-Слишком-Жирный-Чтобы-Сесть-На-Коня.

В письме, что лорд Виман Мандерли отправил в ответ из Белой Гавани, говорилось о том, что он стар и немощен, и ещё кое-что. Станнис приказал Джону и об этом не распространяться.

— Возможно, его светлость порадует жена из

одичалых? — предложила леди Мелисандра. — Этот толстяк женат, лорд Сноу?

— Его леди-жена умерла много лет назад. У лорда Вимана двое взрослых сыновей и внуки от старшего из них. И он действительно слишком толст, чтобы сесть на коня. В нём, по меньшей мере, тридцать стоунов. Вель ни за что не согласится за него выйти.

— Может, ты хоть раз попытаешься дать ответ, который меня устроит, лорд Сноу? — проворчал король.

— Я надеялся, что вас устроит правда, сир. Ваши люди зовут Вель принцессой, но для одичалых она всего лишь сестра мёртвой жены их короля. Если вы собираетесь принудить её выйти замуж за того, кого она не желает, то, скорее всего, она перережет ему горло в первую брачную ночь. И даже если согласится, это не значит, что одичалые последуют за ним или за вами. Единственный, кто способен удержать их вместе для вашей пользы — это Манс Налётчик.

— Мне это известно, — невесело ответил Станнис. — Я провёл много часов, разговаривая с этим человеком. Согласен, он хитёр и многое знает о нашем истинном враге. Но даже отказ Манса от своего титула не смоет с него клеймо клятвопре-

ступника. Оставь в живых хоть одного дезертира — и это лишь подтолкнёт к дезертирству других. Нет. Законы должны быть сделаны из железа, а не из пудинга. По всем законам Семи Королевств Манс Налётчик обязан заплатить жизнью.

— Закон заканчивается на Стене, ваше величество. А вы могли бы использовать Манса с пользой для себя.

— Так и сделаю. Я сожгу его и покажу всему северу, как расправляюсь с дезертирами и изменниками. Я выберу другого вожака для дикарей. И не забывай, у меня ещё есть сын Налётчика. Когда отец умрёт, его отродье станет Королём-за-Стеной.

— Ваше величество заблуждается.

Игритт любила повторять: «*Ничего ты не знаешь, Джон Сноу!*», но он знал.

–

Ребёнок не больше принц, чем Вель — принцесса. Никто не может стать Королём-за-Стеной просто потому, что таковым был его отец.

— Вот и хорошо, — ответил Станнис. — Потому что я не потерплю в Вестеросе иных королей. Ты подписал бумагу?

— Нет, ваше величество.

«*Началось*».

Джон сжал обожжённые пальцы в кулак и вновь разжал.

— Вы просите слишком многого.

— Прошу? Я просил тебя стать лордом Винтерфелла и Хранителем Севера. А эти замки я *требую*.

— Мы уступили вам Твердыню Ночи.

— Одни крысы и развалины. Это подачка, которая не стоила дарителю ровным счётом ничего. Да твой же собственный человек, Ярвик, сказал, что потребуется полгода, чтобы сделать замок пригодным для жилья.

— Другие замки ничуть не лучше.

— Мне это известно. Но сути дела не меняет. Это всё, что у нас есть. Вдоль Стены находится девятнадцать замков, а заселены только три из них. Я же собираюсь ещё до конца года полностью укомплектовать их гарнизоны.

— Я и не спорю, сир, но в грамоте говорится, что вы передаёте эти замки своим рыцарям и лордам, чтобы те, будучи вассалами вашего величества, содержали их в качестве своих собственных.

— Короли должны быть щедрыми со своими сторонниками. Неужели лорд Эддард ничему не научил своего бастарда? Многие мои лорды и рыцари бросили на юге свои богатые земли

и крепкие замки. Неужели их верность должна остаться неоплаченной?

— Если ваше величество хочет растерять всех знаменосцев моего отца, нет ничего проще, чем сделать это, раздав северные владения южным лордам.

— Как я потеряю то, чего у меня нет? Если не забыл, я хотел отдать Винтерфелл истинному северянину. Сыну Эддарда Старка. Он же швырнул моё предложение мне в лицо.

— Станнис Баратеон со своей обидой походил на собаку с костью, глодавшую её со всех сторон.

— По праву Винтерфелл принадлежит моей сестре Сансе.

— Леди Ланнистер, ты хотел сказать? Неужели ты жаждешь увидеть, как Бес взгромоздится на трон твоего отца? Обещаю, лорд Сноу — пока я жив, этого не случится.

Джон знал, что лучше не настаивать.

— Сир, поговаривают, что вы также хотели дать земли и замки Гремучей Рубашке и магнару теннов.

— Кто тебе сказал?

Слухи ходили по всему Чёрному замку.

— Если вам так уж важно — я услышал это от Лилли.

— Кто такая Лилли?

— Кормилица, — ответила леди Мелисандра. — Ваше величество разрешили ей свободно ходить по замку.

— Но не разрешал распускать сплетни. От неё требуются лишь её сиськи, а не язык. Мне нужно от неё побольше молока и поменьше *россказней*.

— Чёрный замок не нуждается в бесполезных едоках, — согласился Джон. — Я отправлю Лилли на юг со следующим кораблём, уходящим из Восточного Дозора.

Мелисандра прикоснулась к рубину на шее:

— Лилли кормит сына Даллы вместе со своим. Не слишком ли жестоко разлучать нашего принца с молочным братом, милорд?

«*Осторожно, теперь очень осторожно*».

— Молоко матери — это всё, что их роднит. Сын Лилли крупнее и крепче. Он брыкается и щиплет принца, отталкивая того от груди. Его отцом был Крастер, жестокий и жадный человек. В ребёнке говорит его кровь.

Король удивился.

— Я считал, что кормилица — дочь этого твоего Крастера.

— Жена и дочь одновременно, ваше величество. Крастер брал в жёны всех своих дочерей.

Мальчик Лилли является плодом этого союза.

— Её собственный отец сделал ей ребёнка? — Станнис был ошарашен подобным известием. — Тогда от неё нужно немедленно избавиться. Я не потерплю подобного непотребства. Здесь не Королевская Гавань.

— Я постараюсь найти другую кормилицу. Если не найду среди одичалых, отправлю кого-нибудь поискать в горных кланах. Если угодно вашему величеству, пока что мы можем давать ребёнку козье молоко.

— Неподходящее питание для принца… но лучше, чем молоко какой-то шлюхи. — Станнис постучал пальцами по карте. — Возвращаясь к фортам…

— Ваше величество, — с холодной любезностью произнёс Джон, — я приютил и кормлю ваших людей за счёт наших драгоценных зимних запасов. Я одеваю их, чтобы они не замерзали.

Но Станнис не успокоился:

— Да, ты поделился солониной и овсянкой и отдал часть ваших чёрных лохмотьев, чтобы дать нам немного согреться. Тех самых, что одичалые содрали бы с ваших трупов, не появись я на севере.

Джон проигнорировал этот выпад:

— Я даю корм вашим лошадям, и как только будет закончена лестница, передам вам своих строителей, чтобы восстановить Твердыню Ночи. Я даже согласился разрешить заселить одичалыми Дар, навечно переданный Ночному Дозору.

— Ты предлагаешь мне пустующую и разорённую землю, но отказываешься отдать замки, которые нужны, чтобы отблагодарить моих знаменосцев и лордов.

— Эти замки строил Ночной Дозор…

— И Ночной Дозор их же бросил.

— …чтобы защищать Стену, — упрямо закончил Джон, — а не для того, чтобы подарить их южным лордам. Камни этих фортов стоят на крови и костях моих братьев, умерших давным-давно. Я не могу отдать эти крепости вам.

— Не можешь или не хочешь? — Жилы на шее короля вздулись и выпирали, словно остриё мечей. — И не забывай, я предложил тебе имя.

— У меня уже есть имя, ваше величество.

— Сноу. Есть ли на свете имя, с ещё худшим значением? — Станнис дотронулся до рукояти меча. — Да кто ты вообще такой?

— Дозорный на Стене. Меч во тьме.

— Не заговаривай мне зубы вашими присказками. — Станнис вытащил свой меч, который

называл Светозарным. — Вот он, твой меч во тьме. — Вниз и вверх по клинку скользил свет — то красный, то жёлтый, то оранжевый, отбрасывая на лицо короля яркие блики. — Даже зелёному юнцу это ясно. Ты, часом, не слепой?

— Нет, сир. Я согласен, эти замки нуждаются в гарнизонах…

— Мальчишка командующий согласен. Какое счастье!

— …Ночного Дозора.

– *У тебя нет людей.*

— Так дайте мне их, сир. Я выделю офицеров для каждого из брошенных замков, опытных командиров, которые знают не только Стену, но и лежащие за ней земли, которые отлично понимают, как выжить грядущей зимой. В ответ на то, что мы дали вам, предоставьте мне людей, чтобы пополнить наши гарнизоны. Солдатов, арбалетчиков, новобранцев. Я возьму даже раненых и калек.

Станнис недоверчиво уставился на него, а затем громко расхохотался:

— А ты смельчак, Сноу, отдаю тебе должное, но ты спятил, если решил, что мои люди наденут чёрное.

— Они могут носить плащи любого цвета, пока

будут подчиняться приказам моих офицеров, как подчинялись бы вашим.

Но король был непреклонен.

— У меня на службе лорды и рыцари, потомки благороднейших, старейших и славнейших родов. Они не захотят служить под началом убийц, браконьеров и крестьян.

«*Или бастардов, сир, не так ли?*»

— Ваш десница — контрабандист.

— Бывший контрабандист. И за это я укоротил ему пальцы. Мне сказали, что ты девятьсот девяносто восьмой командующий Ночного Дозора, лорд Сноу. Как думаешь, что скажет об этих замках девятьсот девяносто девятый? Возможно, вид твоей головы, насаженной на пику, заставит его быть более услужливым. — Король положил свой сияющий меч на карту вдоль Стены. Сталь клинка сверкала, как блики на воде. — Ты лорд-командующий до тех пор, пока я тебя терплю. И тебе лучше бы это запомнить.

— Я лорд-командующий, потому что меня избрали мои братья.

Порой по утрам Джон Сноу и сам в это не верил. Он просыпался с ощущением, что по-прежнему находится в каком-то безумном сне.

«*Это всё равно, что надеть новую одежду*,

— как-то подсказал ему Сэм. — *Поначалу чувствуешь себя странно, но когда немного её поносишь, она становится удобной*».

— Аллисер Торне жаловался на то, каким образом тебя избрали, и я не могу сказать, что без причины. — Лежащая между ними карта разделяла их, словно поле битвы, озарённое разноцветным светом сияющего меча. — Подсчёт производили слепец с подручным, этим твоим толстым дружком. А Слинт называет тебя предателем.

«*Ещё бы, кому же лучше знать об этом, как не Слинту?*»

— Предатель расскажет вам всё, что вы захотите услышать, а потом предаст. Вашему величеству отлично известно, что я был избран честно. Мой отец часто повторял, что вы справедливый человек.

«*Справедливый, но суровый*», — именно так выразился однажды лорд Эддард, однако Джон подумал, что сейчас лучше не произносить отцовскую фразу целиком.

— Лорд Эддард не был мне другом, но ему не откажешь в здравомыслии. Он отдал бы мне эти замки.

«*Никогда*».

— Я не смею говорить о том, как бы поступил мой отец. Я принёс клятву, ваше величество. Стена — моя.

— Пока. Посмотрим, как ты сумеешь её удержать, — уколол его Станнис. — Держись за свои развалины, если они так много для тебя значат. Однако обещаю, что если до конца года хоть одна крепость останется пустующей, я возьму её с твоего разрешения или без него. И если хоть одна из них падёт перед врагом, твоя голова полетит следом. А теперь убирайся.

Леди Мелисандра встала со своего места у очага.

— С вашего позволения, сир, я провожу лорда Сноу в его покои.

— Зачем? Он и так знает дорогу. — Станнис махнул на них рукой. — Делайте что хотите. Деван, еду! Варёные яйца и воду с лимоном.

После тепла королевских покоев холод на лестничной площадке, казалось, пронизывал до костей.

— Поднимается ветер, м'леди, — предупредил сержант Мелисандру, отдавая Джону его оружие. — Вам может понадобиться тёплый плащ.

— Меня согревает моя вера. — Красная женщина пошла по лестнице рядом с Джоном. — Ты

полюбился его величеству.

— Можно сказать и так. Он всего дважды грозил обезглавить меня.

Мелисандра рассмеялась.

— Ты должен бояться его недомолвок, а не слов.

Едва они ступили во двор, налетевший ветер подхватил плащ Джона и бросил его на женщину. Красная жрица отвела чёрную шерстяную ткань в сторону и просунула свою руку ему под локоть.

— Возможно, ты не так уж неправ насчёт короля одичалых. Я буду молиться, чтобы Владыка Света указал мне путь. Вглядываясь в пламя, я могу видеть сквозь камень и землю и открыть истину во тьме человеческих душ. Я могу разговаривать с давно умершими королями и нерождёнными детьми и вижу сквозь годы и мелькающие столетия, вплоть до конца дней.

— И ваше пламя никогда не ошибается?

— Никогда… хотя мы, жрецы — простые смертные, и иногда можем ошибаться, принимая то, что может случиться, за то, что должно случиться.

Джон чувствовал исходивший от неё жар, даже сквозь шерсть и варёную кожу. Вид этой идущей рука об руку пары вызывал озадаченные взгля-

ды. *«Сегодня в казармах всю ночь не смолкнут пересуды».*

— Если вы и впрямь видите в пламени завтрашний день, скажите мне, когда и где в следующий раз нападут одичалые, — сказал Джон, высвобождая руку.

— Рглор посылает нам видения по собственной воле, но я поищу в огне этого человека, Тормунда. — Красные губы Мелисандры изогнулись в улыбке. — Я и тебя видела в огне, Джон Сноу.

— Это угроза, миледи? Вы собираетесь и меня сжечь?

— Ты неверно меня понял. — Она пристально посмотрела на него. — Боюсь, я заставляю тебя нервничать, лорд Сноу.

Джон не стал этого отрицать:

— Стена неподходящее место для женщин.

— Ошибаешься. Я мечтала увидеть вашу Стену, Джон Сноу. Её возвели с помощью великого знания, и великие заклятия заключены под её льдом. Мы ходим по одному из краеугольных камней мироздания. — Мелисандра пристально посмотрела в сторону Стены, её дыхание вырывалось облаком тёплого пара. — Здесь мне самое место, также как и тебе. И очень скоро тебе весьма потребуется моя помощь. Не пренебре-

гай моей дружбой, Джон. Я видела тебя посреди бури, угнетённого, окружённого врагами со всех сторон. У тебя так много врагов. Хочешь, я назову их имена?

— Я и так знаю их имена.

— Не будь так уверен. — Рубин на её шее вспыхнул красным светом. — Не тот враг страшен, кто проклинает тебя в лицо, а тот, что встречает тебя улыбкой и точит нож, когда ты поворачиваешься спиной. Тебе лучше не отпускать далеко от себя своего волка. Я видела лёд и кинжалы в темноте. Замёрзшую красную кровь и обнажённую сталь. Она была очень холодной.

— На Стене всегда холодно.

— Ты так считаешь?

— Я это знаю, миледи.

— Тогда ничего ты не знаешь, Джон Сноу, — прошептала она.

Глава 4. Бран

«*Мы уже пришли?*»

Бран ни разу не произнёс эти слова вслух, но они постоянно были готовы сорваться с губ, пока их потрёпанный отряд продирался сквозь рощи вековых дубов, высоченных серо-зелёных стражей-деревьев, мимо мрачных гвардейских сосен и голых каштанов.

«*Может, мы уже близко?* — думал мальчик, пока Ходор взбирался по каменистому склону или спускался по хрустевшему грязному снегу в тёмные расщелины. — *Ну, сколько ещё?* — спрашивал он себя под шлёпанье копыт громадного лося, бредущего по руслу полузамёрзшего ручья. — *Сколько? Здесь так холодно. Где же трёхглазая ворона?*»

Мальчик покачивался в висевшей на спине Ходора плетёной корзине, сгибаясь и втягивая голову в плечи, когда великан конюх проходил под веткой дуба. Снова повалил густой, мокрый снег. Ходор шёл, глядя всего одним глазом — веко на втором примёрзло и не открывалось. Густая каштановая борода конюха заиндевела, а с кончиков

усов свисали сосульки. В руке он нёс длинный ржавый меч, захваченный из крипты Винтерфелла, и время от времени срубал попавшуюся на пути ветку, окатывая всё вокруг брызгами снега.

— Ход-д-д-дор, — бормотал он под стук собственных зубов.

Удивительно, но это бормотание успокаивало. С начала их путешествия от Винтерфелла к Стене Бран со спутниками коротал время за беседой и пересказом сказок, но здесь всё было иначе. Это чувствовал даже Ходор. Его *ходоры* стали звучать реже, чем по ту сторону Стены. В этом лесу царило спокойствие, несвойственное всем прочим местам, знакомым Брану. Перед тем, как повалил снег, кружил северный ветер, поднимая с земли кучи бурых листьев, чей лёгкий шелест, напомнил Брану шуршание копошащихся в буфете тараканов. Но теперь опавшая листва похоронена под белым покровом. Время от времени над головами путников пролетал ворон, хлопая широкими чёрными крыльями в холодном воздухе. Остальной мир хранил молчание.

Впереди, обходя сугробы и опустив голову, брёл лось. Его огромные развесистые рога обледенели, а на широкой спине восседал угрюмый и молчаливый следопыт. Толстяк Сэм прозвал

его Холодные Руки из-за того, что руки бледного следопыта были чёрными, твёрдыми и холодными, как железо. Тело следопыта укутывали слои шерсти, вываренной кожи и кольчуги. Низко надвинутый капюшон плаща и чёрный шерстяной шарф скрывали его лицо.

Позади следопыта сидела Мира Рид. Она обхватила руками брата, защищая того от ветра и холода теплом собственного тела. Под носом Жойена сосульками застыли сопли, и время от времени его сотрясала сильная дрожь.

«*Он выглядит таким маленьким*, — подумал Бран, увидев, как тот дрожит. — *Сейчас он кажется даже меньше меня, да и слабее, а ведь я — калека*».

Замыкал их маленький отряд Лето. Окутанный паром от собственного дыхания на морозном лесном воздухе лютоволк бежал следом за людьми, припадая на заднюю лапу, раненную стрелой ещё у Короны Королевы. Каждый раз, оказываясь в шкуре огромного волка, Бран разделял с ним эту боль. В последнее время он находился в теле Лето чаще, чем в своём. Волк чувствовал укусы холода даже несмотря на густой мех, но видел дальше, слышал и чуял лучше мальчишки, сидевшего в корзине и спелёнутого, словно младенец.

В остальное время, когда Брану надоедало быть волком, он проскальзывал в тело Ходора. Ощущая его присутствие, великан-тихоня принимался хныкать и трясти своей лохматой головой, но уже не столь яростно, как тогда в Короне Королевы.

«*Он знает, что это я*, — успокаивал себя мальчик. — *Он уже ко мне привык*».

Но в любом случае в облике Ходора Брану никогда не было уютно. Огромный конюх не понимал, что происходит, и Бран чувствовал во рту привкус его страха. В шкуре Лето — куда лучше.

«*Я — это он, и он — это я. Он чувствует то же, что и я*».

Иногда Бран ощущал, что лютоволк принюхивается к лосю, прикидывая, сможет ли победить это огромное животное. В Винтерфелле Лето рос рядом с лошадьми, но лось не лошадь, а добыча. Лютоволк чувствовал, как под лохматой шкурой лося течёт тёплая кровь. Одного запаха было достаточно, чтобы пасть наполнилась слюной, и, думая вместе с ним о вкусном, тёмном мясе, давился слюной и Бран.

С ветвей росшего рядом дуба каркнул ворон, и Бран услышал, как неподалёку захлопали крылья ещё одной крупной чёрной птицы, слетевшей на землю. Днём за ними следовало не больше

полудюжины воронов, перелетавших с дерева на дерево или путешествовавших на лосиных рогах. Остальные падальщики либо улетали далеко вперёд, либо оставались позади. Но стоило солнцу опуститься, как они возвращались и, спустившись с неба на полночных крыльях, занимали ветки всех деревьев на многие ярды в округе. Некоторые из птиц подлетали к следопыту и шептались с ним, и Брану казалось, что он понимает всё, о чём они каркают и клекочут.

«*Они – его глаза и уши. Его шпионы, сообщающие об опасностях, что таятся впереди и подкрадываются сзади*».

Вот и сейчас. Лось внезапно встал, и следопыт легко соскользнул с его спины на землю, провалившись по колено в снег. Ощетинившийся Лето зарычал. Лютоволку не нравился запах Холодных Рук.

«*Мертвечина, засохшая кровь, чуть слышный душок гнили. И холода. Запах холода сильнее всех остальных*».

— Что случилось? — спросила Мира.

— Нас преследуют, — глухо произнёс из-под шарфа Холодные Руки.

— Волки? — предположил Бран. Они уже несколько дней знали, что за ними следят. Каж-

дую ночь путники слышали протяжный вой стаи, и с каждой ночью он становился всё ближе.

«*Охотники, голодные. Они чуют нашу слабость*».

Дрожащий Бран часто просыпался от холода задолго до рассвета и в ожидании появления солнца прислушивался к звукам отдалённой волчьей переклички.

«*Раз есть волки, значит, есть и добыча*», — обычно думал Бран, пока до него не дошло, что это *они* — волчья добыча.

Следопыт покачал головой.

— Нет, люди. Волки по-прежнему держатся на расстоянии. Но эти люди не такие робкие.

Мира Рид откинула с головы капюшон. Налипший на него мокрый снег глухо шлёпнулся на землю.

— Сколько их? И кто это?

— Враги. Я с ними разберусь.

— Я с тобой.

— Ты останешься. Нужно защищать мальчика. Впереди озеро, оно уже достаточно замёрзло. Дойдя до него, поверните на север и следуйте вдоль берега. Вы выйдете к рыбацкой деревушке. Спрячьтесь там, пока я вас не догоню.

Бран думал, что Мира станет пререкаться, но

вмешался её брат:

— Делай, как говорят. Он знает эти места лучше.

У Жойена были тёмно-зелёные глаза цвета мха, но Бран ещё ни разу не видел их такими смертельно уставшими, как сейчас.

«*Он словно маленький старичок*».

К югу от Стены мальчик с болот казался не по годам мудрым, но здесь выглядел таким же напуганным и потерянным, как и все остальные. И всё равно Мира его всегда слушалась.

Это было правильно. Холодные Руки повернул в ту сторону, откуда они пришли и исчез среди деревьев. Следом улетели четыре ворона. Девушка проводила его взглядом. Её щеки покраснели от мороза, при дыхании из носа вылетали струйки пара. Она вновь натянула капюшон, стукнула лося локтем, и их движение возобновилось. Но не успели они пройти и двадцати ярдов, как Мира обернулась и спросила:

— Люди? Что за люди? Он имел в виду одичалых? Почему он ничего не объяснил?

— Он сказал, что пойдёт и разберётся с ними, — ответил Бран.

— Сказал, ага. А ещё он говорил, что отведёт нас к трёхглазой вороне. Клянусь, река, через

которую мы сегодня перебрались — та же самая, через которую мы переправлялись четыре дня назад. Мы ходим кругами.

— Реки поворачивают и изгибаются, — неуверенно предположил Бран. — И здесь повсюду озёра и холмы, поэтому приходится кружить.

— Слишком уж много кружим, — настаивала на своём Мира, — и чересчур много таинственности. Мне это не нравится. И *он* мне не нравится тоже. Я ему не доверяю. Достаточно взглянуть на его руки, а ещё он прячет лицо и не говорит, как его зовут. Кто он такой? *Что* он такое? Всякий может нацепить на себя чёрный плащ. Кто угодно, любая *тварь*. Он совсем не ест, никогда не пьёт и, похоже, совсем не чувствует холода.

«*Это правда*».

Бран боялся говорить об этом, но тоже это заметил. Каждый раз, останавливаясь на ночлег, они с Ходором и Ридами жались друг к другу в поисках тепла, а следопыт ложился отдельно. Иногда Холодные Руки закрывал глаза, но Бран вовсе не считал, что тот спит. И было кое-что ещё...

— Шарф. — Бран нервно оглянулся, но поблизости не было видно ни одного ворона. Все чёрные птицы улетели вслед за следопытом. Их разговор никто не слушал, но Бран всё равно постарался

говорить тише:

— Он натянул шарф до носа, но даже когда говорит — тот никогда не покрывается инеем, как борода Ходора.

Мира бросила на него пристальный взгляд.

— Ты прав. Мы ни разу не видели его дыхания, верно?

— Не видели.

При каждом *ходоре* изо рта Ходора вылетало облако белого пара. Когда говорили Жойен с сестрой, это тоже было видно. Даже дыхание лося сопровождал тёплый пар, висевший в воздухе.

— Но раз он не дышит...

Брану вдруг вспомнились сказки, услышанные им в детстве от старой Нэн.

«*За Стеной обитают чудовища, великаны и упыри, коварные тени и ходячие мертвецы*, — рассказывала она, укрывая его колючим шерстяным одеялом. — *Но сюда им не пройти, пока крепко стоит Стена, и люди Ночного Дозора верны своему долгу. Спи, мой маленький Брандон, дитятко моё, и пусть тебе приснятся сладкие сны. Здесь нет чудовищ*».

Следопыт одет в цвета Ночного Дозора, но что, если он совсем не человек? Что, если одно чудовище ведёт их на заклание к другим чудовищам?

— Следопыт спас от мертвяков Сэма и девушку, — нерешительно произнёс Бран. — И пообещал привести меня к трёхглазому ворону.

— А почему трёхглазая ворона не может сама к нам прилететь? Почему *он* не встретил нас на Стене? У воронов есть крылья. Мой брат слабеет с каждым днём. Сколько ещё нам идти?

Жойен закашлялся.

— Пока не придём.

Они быстро добрались до обещанного озера и свернули на север, как и велел следопыт. Эта часть пути оказалась лёгкой.

Из-за снега, который шёл так давно, что Бран потерял счёт дням, замёрзшее озеро превратилось в бескрайнюю белую пустыню. В тех местах, где лёд был ровным, а берега крутыми они понимали куда идти, но там, где ветер намёл целые курганы снега, было трудно сказать, где кончается озеро и начинается берег. Ориентироваться на деревья тоже не получалось: посередине озера находилось несколько заросших лесом островов, и вместе с тем, на больших участках берега деревья не росли вовсе.

Лось сам выбирал дорогу, не обращая внимания на понукания Миры и Жойена, сидевших у него спине. В основном он старался держаться

деревьев, но там, где берег круто сворачивал на запад, предпочитал срезать путь прямо по замёрзшему озеру, хрустя копытами по ледяному насту и тараня сугробы, доходившие Брану до макушки. Здесь ветер дул заметно сильнее. Холодный северный ветер, завывавший над озером, пронизывавший сквозь шерстяную и кожаную одежду и заставлявший дрожать. Задувая в лицо, он засыпал снегом глаза и совершенно ослеплял.

В тишине прошли часы. Впереди между деревьев проступили тени — длинные пальцы сумерек. Здесь, далеко на севере, темнело рано. И Бран стал бояться прихода темноты. Каждый день казался короче предыдущего, и если днём было холодно, то ночью — просто ужасно.

Мира снова их остановила.

— Мы уже должны были приехать в деревню. — Её голос прозвучал приглушенно и неестественно.

— Может, мы её прошли? — спросил Бран.

— Надеюсь, что нет. До ночи нам обязательно нужно найти убежище.

Она не ошибалась. Губы Жойена посинели, щёки самой Миры стали багровыми, лицо Брана онемело, а борода Ходора превратилась в сплошной кусок льда. Его ноги почти до самых колен

покрылись твёрдой коркой, и Бран уже не один раз чувствовал, что конюха пошатывает. Ходор был сильнее всех на свете. Сильнее всех! Если уж даже он обессилел...

— Лето отыщет деревню, — внезапно предложил Бран, выпустив в воздух облачко пара, и не дождавшись ответа Миры, закрыл глаза и выскользнул из искалеченного тела.

Нырнув в шкуру Лето, он почувствовал, как внезапно ожил мёртвый лес. Там, где раньше царила тишина, вдруг стали слышны звуки: воющий в деревьях ветер, дыхание Ходора, лось, бьющий копытом мёрзлую землю в поисках пропитания. Нос захлестнули знакомые ароматы: влажная опавшая листва, пожухлая трава, гниющий трупик белки в кустах, кислый человеческий пот, мускусный запах лося.

«*Еда. Мясо*».

Почувствовав его интерес, лось испуганно повернул голову к лютоволку и опустил огромные рога.

«*Он не добыча*, — шепнул мальчишка зверю, с которым делил тело. — *Оставь его. Беги*».

Лето побежал. Он промчался через озеро, взметая за собой снежные вихри. Деревья стояли плечом к плечу, словно закутанные в белые пла-

щи солдаты в строю. Лютоволк нёсся по корням и камням, по старым сугробам, с треском разламывая наст. Лапы намокли и замёрзли. Следующий холм зарос соснами, и воздух благоухал острым запахом хвои. Взобравшись на вершину, Лето повертелся на месте, принюхался, а затем задрал голову и завыл.

Есть запахи. Человеческие запахи.

«*Гарь*, — уловил Бран, — *старая и выветрившаяся вонь гари*».

Пахло жжёным деревом, сажей и углём. Потухший костёр.

Он отряхнул с морды снег. Из-за порывов ветра трудно понять, откуда доносился запах. Принюхиваясь, волк поворачивался из стороны в сторону. Повсюду возвышались сугробы и одетые в снежные шубы деревья. Волк открыл пасть, пробуя холодный воздух на вкус, и из неё вырвалось облачко пара. На высунутом языке таяли падающие снежинки. Стоило волку двинуться навстречу запаху, как почти сразу рядом с ним загромыхал Ходор. Лося оказалось труднее сдвинуть с места, поэтому Бран с неохотой вернулся в своё тело и сказал:

— Туда, за Лето. Я чувствую запах.

Едва месяц проклюнулся сквозь облака, им на-

конец удалось найти озёрную деревню. Они чуть не прошли мимо неё. Из-за льда та выглядела неотличимо от дюжины других прибрежных пейзажей. Заваленные сугробами круглые каменные дома можно было легко перепутать с валунами, холмиками или поваленными деревьями, как случилось вчера с буреломом, который Жойен по ошибке принял за землянку, но раскопав его, они нашли лишь сломанные ветки и сгнившие бревна.

Деревня оказалось такой же пустой и брошенной одичалыми, как и другие, что встречались им по пути. Некоторые из тех поселений даже сожгли, словно хозяева хотели убедиться, что возвращаться некуда, но эта деревня избежала подобной участи. Под снегом они нашли дюжину хижин и крытый дёрном общинный дом, сложенный из толстых, плохо оструганных брёвен.

— По крайней мере, мы спрячемся от ветра, — сказал Бран.

— Ходор, — согласился Ходор.

Мира соскользнула со спины лося и вместе с братом помогла Брану выбраться из плетёной корзины.

— Может, одичалые оставили немного еды, — предположила девушка.

Её надежда оказалась напрасной. Внутри общинного дома они нашли лишь разбросанную по утоптанному земляному полу золу и пробиравший до костей холод. Но всё же у них имелась крыша над головой и стены из брёвен, не пропускавшие ветер. Неподалёку протекал покрывшийся льдом ручей. Лосю пришлось разбить лёд копытом, чтобы напиться. Когда Бран с Жойеном и Ходором устроились, Мира принесла им пососать несколько кусочков льда. Талая вода была настолько холодной, что Брана пробрала дрожь.

Лето не стал заходить внутрь. Бран чувствовал голод огромного волка, словно отголосок своего.

— Ступай на охоту, — сказал мальчик, — только не трогай лося.

Часть его тоже хотела отправиться поохотиться. Возможно, он и отправится, но позже.

Ужин состоял из пригоршни размолотых в кашицу желудей, настолько горьких, что Брану прошлось пересилить себя, чтобы их проглотить. Жойен к ним даже не притронулся. Младший и куда менее выносливый брат Миры с каждым днём становился всё слабее.

— Жойен, тебе нужно поесть, — уговаривала его Мира.

— Позже. Я просто хочу отдохнуть, — вяло улыбнулся Жойен. — Сегодня я не умру, сестрёнка. Обещаю.

— Ты едва не упал с лося.

— Едва не считается. Я замёрз и проголодался. Только и всего.

— Тогда поешь.

— Толчёные жёлуди? У меня и без того болит живот, от них станет только хуже. Оставь меня в покое, сестрёнка. Мне приснится жареный цыплёнок.

— Одними снами сыт не будешь. Даже зелёными.

— Сны — это всё, что у нас осталось.

«*Всё, что осталось*».

Последние припасы, прихваченные с юга, закончились десять дней назад. С тех пор их днём и ночью преследовал голод. В этом лесу даже Лето было трудно найти добычу. Им приходилось выживать на толчёных желудях и сырой рыбе. В лесу полно замёрзших ручьёв и холодных чёрных озёр, а Мира, вооружённая трезубой лягушечьей острогой, справлялась с ловлей рыбы не хуже иного мужчины с крючком и леской. Порой она возвращалась совсем посиневшая от холода, но с ещё живой добычей на зубцах. Однако прошло

уже три дня с тех пор, как Мира в последний раз поймала рыбу. В животе Брана царила такая пустота, словно эти три дня длились три года.

После того, как они, давясь, съели скудный ужин, Мира, прижавшись к стене, принялась точить свой кинжал. Ходор притулился у двери, раскачиваясь из стороны в сторону и бормоча:

— Ходор, ходор, ходор.

Бран закрыл глаза. Было так холодно, что разговаривать не хотелось, но они не смели развести огонь. Об этом Холодные Руки их предупредил особо.

«*Эти леса не такие пустынные, как вам кажется,* — сказал он ребятам. — *Вы и не представляете, что может явиться на свет из темноты*».

От воспоминания мальчик поёжился, несмотря на тепло сидевшего рядом Ходора.

Сон не шёл, да и не мог прийти. Вместо него выл ветер, кусал холод, сиял на снегу лунный свет и огонь. Бран вернулся в шкуру Лето, убежавшего на несколько лиг, и ночь окуталась запахом крови. Запах был очень сильным.

«*Кого-то убили, неподалёку*».

Плоть, наверняка, ещё тёплая. Внутри с новой силой воспрял голод и рот наполнился слюной.

«*Не лось, не олень. Не это*».

Серой тощей тенью лютоволк крался к мясу, скользя от дерева к дереву через озерца лунного света и снежные курганы. То с одной стороны, то с другой налетал порывистый ветер. Лютоволк даже потерял запах крови, нашёл и опять потерял. Во время очередной попытки его отыскать, отдалённый звук заставил его навострить уши.

«*Волк*», — моментально узнал он. Лето осторожно двинулся на звук. Вскоре запах крови вновь вернулся, но в сопровождении других: мочи, мёртвой шкуры, птичьего помёта, перьев, волка, волка и ещё одного волка.

«*Стая*».

Придётся драться за свой ужин.

Они тоже его учуяли. Волки уставились на лютоволка, едва тот вышел из тени деревьев на залитую кровью поляну. При появлении соперника самка, жевавшая кожаный сапог с остатками ноги, бросила свою добычу. Вожак, старый самец с седой белой мордой и единственным глазом, рыча и оскалив зубы, двинулся ему навстречу. За ним, тоже обнажив клыки, следовал самец помладше.

Жёлтые глаза лютоволка подмечали всё вокруг. В зарослях кустов, запутавшись в ветках, висят кишки. От распоротого живота поднимается пар,

наполненный запахом крови и мяса. Уставившаяся невидящим взором на рогатую луну голова с обглоданными до костей щеками. Пустые глазницы, шея, торчащая рваным обрубком. Блестит красно-чёрное озерцо замёрзшей крови.

«*Люди*».

Весь мир смердел ими. Живыми их было столько, сколько пальцев на человеческой лапе, но теперь — ни одного.

«*Мертвы. Их нет. Мясо*».

Когда-то они носили плащи с капюшонами, но теперь жаждущие плоти волки изорвали одежду в клочья. Бороды на лицах, которые ещё сохранились, были покрыты сосульками и замороженными соплями. Останки уже почти скрыл под собой падающий снег, такой яркий на чёрных обрывках плащей и штанов.

«Чёрные».

В нескольких милях отсюда беспокойно заёрзал маленький мальчик.

«*Чёрные. Ночной Дозор. Они из Ночного Дозора*».

Лютоволку было наплевать. Они — мясо, а он голоден.

Глаза трёх волков горели жёлтым огнём. Раздув ноздри, лютоволк повёл головой из стороны

в сторону, а потом обнажил клыки и зарычал. Волк помоложе отскочил назад. Лютоволк чувствовал в нём страх. *Прихвостень* — это он знал наверняка. А вот одноглазый ответил рычанием и двинулся навстречу, загораживая дорогу.

«*Вожак. И он меня не боится, хотя я вдвое больше*».

Их глаза встретились.

«*Варг*!»

Два зверя сцепились, волк и лютоволк, и уже не осталось времени на раздумья. Мир превратился в клубок зубов, когтей и летевшего во все стороны снега. Они катались, кружились, рвали друг друга. Остальные волки рычали и щёлкали зубами вокруг них. Челюсти лютоволка сомкнулись на скользкой от инея шерсти, на тонкой, словно высохшая ветка, конечности, но одноглазый царапнул когтями по его брюху, вырвался из хватки, перекатился и напал снова. Жёлтые клыки вцепились в горло Лето, но он стряхнул седого двоюродного брата, словно тот был крысой, и сам бросился в атаку, сбив врага на землю. Катаясь клубком, царапаясь и брыкаясь, они сражались, пока оба не покрылись ранами, и их собственная свежая кровь не раскрасила снег. Но наконец старый волк опрокинулся на спину, показав брю-

хо. Лютоволк укусил его пару раз, обнюхал зад и задрал над ним лапу.

Хватило пары щелчков зубами и угрожающего рычания, чтобы прихвостень и самка признали его своим вожаком. Теперь стая принадлежала ему.

И добыча тоже. Принюхиваясь, лютоволк переходил от человека к человеку, пока не остановился у самого крупного из тел, безликого, вцепившегося в чёрную железяку. Обрубок второй руки был перемотан у запястья жгутом. Из перерезанного горла медленно сочилась кровь. Волк коснулся её языком, лизнул разорванное безглазое лицо — нос и щёки, а потом, впившись зубами в шею, вырвал из неё кусок и проглотил. Ещё никогда мясо не казалось ему таким вкусным.

Покончив с трупом, он подошёл к следующему и сожрал самые лучшие куски. Вокруг падал снег, а с веток деревьев за ним наблюдали вороны: нахохлившиеся, темноглазые и молчаливые птицы. Остальные волки довольствовались объедками: первым — старый волк, за ним — самка и уже потом — младший самец-прихвостень. Теперь они принадлежали ему. Они стали его стаей.

«*Нет*, — прошептал мальчик. — *У нас другая*

стая. Леди мертва и, возможно, Серый Ветер тоже, но где-то остались Лохматый Пёсик, Нимерия и Призрак. Ты помнишь Призрака?»

Образ падающего снега и пирующих волков начал бледнеть. Его лица коснулось дыхание тепла, успокаивая, словно материнский поцелуй.

«*Огонь*, — подумал он. — *Дым*».

Нос дёрнулся, почуяв запах жареного мяса. Лес исчез. Вернувшись в общинный дом и своё искалеченное тело, Бран уставился на огонь. Мира Рид переворачивала над пламенем кусок свежего, шипящего и подрумянивающегося красного мяса.

— Как раз вовремя, — сказала девушка. Бран потёр глаза тыльной стороной ладони и, извернувшись, сел, привалившись спиной к стене. — Едва не проспал свой ужин. Следопыт добыл кабаниху.

Позади девушки Ходор жадно вгрызался в кусок горячего подгоревшего мяса, кровь и жир стекали по его бороде, а между пальцев вился дымок.

— Ходор, — жуя, бормотал конюх. — Ходор, ходор.

Его меч лежал на земляном полу рядом с ним. Опустившись на колени, Жойен Рид откусывал от своей порции маленькие кусочки и пережёвывал

каждый из них не меньше дюжины раз прежде, чем проглотить.

«*Следопыт добыл кабаниху*».

Холодные Руки стоял у двери с вороном на руке. Вдвоём с птицей они пристально следили за огнём. В двух парах чёрных глаз отражались отблески пламени.

«*Он не ест,* — вспомнил Бран, — *и боится огня*».

— Ты предупреждал, чтобы мы не разводили костёр, — напомнил он следопыту.

— Стены скрывают свет, да и рассвет близок. Пора отправляться в путь.

— Что случилось с людьми? С преследовавшими нас врагами?

— Они вас не побеспокоят.

— Кто это был? Одичалые?

Мира переворачивала мясо, чтобы прожарить другую сторону, Ходор жевал и глотал, счастливо бормоча себе под нос, и только Жойен заметил, как Холодные Руки, повернувшись к Брану, впился в него взглядом.

— Враги.

«*Дозорные*».

— Ты их убил. Ты и вороны. Их лица разорваны в клочья, а глаза выклеваны.

Холодные Руки не стал отрицать.

— Они же были твоими братьями. Я видел. Волки разодрали их одежду, но я всё равно знаю. Их плащи чёрные, как твои руки.

Холодные Руки ничего не ответил.

— Кто же ты? *Почему у тебя чёрные руки?*

Следопыт посмотрел на свои руки, словно увидел их в первый раз.

— Когда сердце человека перестаёт биться, кровь стекает к конечностям и застывает. — Его голос клокотал в горле, в тонкой и худой, как и он сам, шее. — Руки и ноги опухают и чернеют, словно пудинг. Остальное тело становится белым, как молоко.

Мира Рид поднялась на ноги. С зажатой в её руке остроги свисал дымящийся кусок недожаренного мяса.

— Покажи своё лицо.

Следопыт не сделал ни малейшей попытки подчиниться.

— Он мёртв, — сглотнув комок в горле, произнёс Бран. — Мира, он какая-то мёртвая тварь. Чудовища не могут выйти, пока крепко стоит Стена и люди Ночного Дозора остаются верны своему долгу. Так рассказывала старая Нэн. Он пришёл встречать нас к Стене, но не смог за неё

пройти и вместо этого отправил за нами Сэма с одичалой девушкой.

Рука Миры в перчатке крепче сжала древко остроги.

— Кто тебя послал? Трёхглазая ворона — кто это?

— Друг. Сновидец, колдун. Называйте, как хотите. Он последний зелёный древовидец.

Дверь общинного дома со стуком распахнулась. Снаружи завывал ночной ветер — мрачный и чёрный. Все деревья вокруг были усеяны каркающими воронами. Холодные Руки не пошевелился.

— Ты чудовище, — сказал Бран.

Следопыт смотрел на Брана, словно остальных не существовало на свете.

— Твоё чудовище, Брандон Старк.

— Твоё, — эхом подхватил ворон на его плече. Птицы за дверью принялись каркать, пока весь лес не наполнился криками падальщиков: «*Твоё, твоё, твоё!*»

— Жойен, это ты видел во сне? — спросила Мира у брата. — Кто он? Что он такое? И что нам теперь делать?

— Идти со следопытом, — ответил Жойен. — Мы заехали слишком далеко, Мира, чтобы возвра-

щаться обратно. Мы не доберёмся живыми до Стены. Либо отправимся вместе с чудовищем Брана, либо умрём.

Глава 5. Тирион

Они выехали из Пентоса через Рассветные Врата, хотя Тириону так и не удалось увидеть рассвет даже краем глаза.

— Всё будет выглядеть так, словно ты вовсе не посещал Пентоса, мой маленький друг, — пообещал магистр Иллирио, плотно задернув бархатные занавеси паланкина. — Никто не должен видеть, как ты покидаешь город — как никто не видел твоего прибытия.

— Никто, кроме матросов, упихавших меня в бочку, мальца со щёткой, что за мной прибирался, девицы, которую ты прислал согреть мне постель, и той подлой конопатой прачки. Ах да, и твоих стражников. Если ты не отрезал им с яйцами заодно и головы, они должны знать, что ты тут не один.

Паланкин на толстых кожаных ремнях несла восьмёрка исполинских лошадей-тяжеловозов. Рядом с носилками шагали четверо евнухов — по двое с каждой стороны, остальные плелись позади, охраняя обоз.

— Безупречные не дают воли языку, — заверил

его Иллирио, — а галера, что тебя привезла, сейчас находится на пути в Асшай. Вернётся года через два, если море будет к ней милостиво. Что до моей челяди, она меня любит — никто меня не предаст.

«*Ну-ну, лелей эту надежду, мой жирный друг. Когда-нибудь мы высечем эти слова на твоей могиле*».

— Мы должны быть на борту этой галеры, — сказал карлик, — до Волантиса быстрее всего добраться морем.

— Море опасно, — ответил Иллирио. — Осень — это сезон частых штормов, да и пираты, устроившие себе логово на Ступенях, рыщут оттуда по морю и грабят честных людей. Будет нехорошо, если мой маленький друг попадет к ним в лапы.

— Но на Ройне тоже есть пираты.

— Речные пираты, — торговец сыром зевнул, прикрыв рот тыльной стороной ладони. — Капитаны-таракашки, охочие до хлебных крошек.

— Поговаривают и о каменных людях.

— Да, эти бедолаги существуют на самом деле. Но к чему о них говорить? День слишком хорош для подобных бесед. Скоро мы доберемся до Ройна, и там ты избавишься от Иллирио и его толстого пуза. А пока будем есть и спать. У нас

есть сладкое вино и острые закуски, так зачем вспоминать о болезнях и смерти?

«*И правда, зачем*?»

У Тириона в ушах опять прозвучал щелчок арбалета, и он задумался. Паланкин покачивался из стороны в сторону, умиротворяющее движение точно мать баюкает на руках ребенка.

«*И откуда мне знать, на что это похоже*?»

Его зад удобно устроился на шёлковых подушках с гусиным пухом, стенки из пурпурного бархата образовывали над головой полог, сберегая приятное тепло, несмотря на то что снаружи уже царила осенняя прохлада.

За носилками тащился целый караван мулов, навьюченных сундуками, бочонками, кадками и корзинами со съестным, чтобы властелин сыров, чего доброго, не оголодал в дороге. Сперва они попробовали острые сосиски и запили их тёмным вином из голубики. На обед им достались заливные угри и красное дорнийское. Вечером — ветчину, вареные яйца и жареных жаворонков, фаршированных чесноком и луком. Светлое пиво и мирийские огненные вина должны были облегчить пищеварение.

При всех своих удобствах паланкин был медлителен, и карлик в скором времени преисполнился

нетерпением.

— И сколько же дней нам ползти до реки? — спросил он Иллирио наутро. — С такой-то скоростью к тому времени, когда я наконец увижу драконов твоей королевы, они вырастут крупнее трех эйегоновых.

— Это было бы неплохо — большой дракон грознее маленького, — магистр пожал плечами. — Я бы, конечно, и сам с радостью встретил бы королеву Дейенерис в Волантисе, но в этом мне придется положиться на вас с Грифом. От меня будет больше толку в Пентосе. Я буду прокладывать путь к её возвращению. Но пока я с тобой... знаешь, я стар, толст и нуждаюсь в удобствах. Выпей-ка вина.

— Скажи, — спросил Тирион, прихлебывая из чаши, — какое вообще дело магистру Пентоса до того, кто носит вестеросскую корону? В чём выгода от этой затеи, милорд?

Толстяк слизнул жир с губ.

— Я старый человек, уставший от этого мира и его подлостей. Неужели так странно, что прежде, чем придет мой срок, я хочу сделать доброе дело — вернуть милой юной девочке то, что принадлежит ей по праву рождения?

«*Ага, а потом ты предложишь мне волшебные*

доспехи и дворец в Валирии».

— Если Дейенерис всего лишь милая юная девочка, Железный Трон порежет её на милые крохотные кусочки.

— Не бойся, мой маленький друг, в её жилах течет кровь Эйегона-Дракона.

«*И, кроме того, кровь Эйегона Недостойного, Мейегора Жестокого и Бейелора Околпаченного*».

— Расскажи мне о ней.

Толстяк погрузился в раздумья.

— Когда Дейенерис впервые попала в мой дом, она была почти ребенком. При этом она была красивее даже моей второй жены — так пленительна, что меня самого одолевало искушение завладеть ей. Желание страшное и потаённое — я знал, что совокупление с ней не принесет мне добра, так что я вместо этого вызвал к себе наложницу и яростно совокуплялся с ней, пока безумие не прошло само собой. Честно говоря, не думал, что Дейенерис выживет среди конных владык.

— Но это не помешало тебе продать её кхалу Дрого.

— Дотракийцы ничего не покупают и ничего не продают. Скажем так, её брат Визерис подарил её Дрого, чтобы завоевать дружбу кхала. Тщеславный молодой человек, и жадный к тому же.

Визерис не только страстно желал вернуть трон своего отца, но и получить Дейенерис, и крайне неохотно уступил её другому. В ночь накануне свадьбы он попытался прокрасться в её постель, заявив, что если ему не достанется её рука, он завладеет хотя бы её девичеством. Если бы я из предосторожности не поставил у дверей стражу, Визерис одним махом разрушил бы планы, вынашиваемые годами.

— Как видно, это был тот ещё дуралей.

— Что ж, Визерис был сыном Безумного Короля. Дейенерис же... Дейенерис — совсем другое дело, — толстяк сунул в рот жареного жаворонка и шумно стал его жевать, хрустя косточками. — Напуганное дитя, нашедшее приют в моем доме, умерло в Дотракийском море, и возродилось в огне и крови. Теперь это имя носит драконья королева, истинная Таргариен. Когда я послал за ней корабли, чтобы привезти домой, она отправилась к Заливу Работорговцев. За самое короткое время она захватила Астапор, поставила Юнкай на колени и разграбила Миэрин. Если она двинется на запад по старым валирийским дорогами, следующим будет Мантарис. Если морем... значит, её флот должен будет пополнить запасы воды и провизии в Волантисе.

— Что по суше, что по морю — от Миэрина до Волантиса долгий путь, — заметил Тирион.

— Пятьсот пятьдесят лиг — это для дракона по прямой. Через пустыни, горы, болота, облюбованные демонами руины. Многие погибнут по дороге, но те, кто выживут, станут сильнее к тому времени, когда выйдут к Волантису... а вот там их должны ждать вы с Грифом вместе с подкреплениями и флотом, чтобы переправить за море в Вестерос.

Тирион постарался припомнить всё, что он знал о Волантисе — самом древнем и гордом из Девяти Вольных Городов. Что-то здесь было нечисто, и хоть у Тириона и осталось только полноса, он учуял подвох.

— Говорят, что в Волантисе на одного свободного приходится пятеро рабов. С чего бы это триархам помогать королеве, расстроившей им работорговлю? — он нацелил палец на Иллирио. — Собственно говоря, зачем тебе ей помогать? В Пентосе рабство запрещено законом, но в этом деле у тебя самого рыльце в пушку, если не в перьях. И все-таки ты плетешь интриги в её пользу, а не против. Зачем? Что ты рассчитываешь получить от Дейенерис Таргариен?

— Что, опять? И настырный же ты коротышка,

— Иллирио засмеялся и шлепнул себя по животу. — Ну как прикажешь. Король-Попрошайка поклялся, что назначит меня своим мастером над монетой и даст лордство к тому же. Как только он нацепил бы свою золотую корону, мне были бы предоставлены замки на выбор... даже Кастерли Рок, если бы я захотел.

Тирион хрюкнул, вино потекло у него из обрубка на месте носа.

— Слышал бы это мой отец.

— О, твоему лорду-отцу не о чем беспокоиться. На что мне какой-то утес? Мой дом достаточно велик, и уж точно покомфортнее, чем ваши вестеросские замки с их сквозняками. Вот мастер над монетой... — толстяк очистил очередное яйцо, — монеты я люблю. Разве есть на свете звук приятнее, чем звон золота?

«*Вопли сестры*».

— А ты уверен, что Дейенерис Таргариен сдержит слово, данное её братом?

— Может сдержать, а может и не сдержать, — Иллирио откусил половинку яйца. — Я же говорю тебе, мой маленький друг — не всё на свете делается ради корысти. Веришь, не веришь, но даже у толстых старых дурней вроде меня бывают друзья, которым я помогаю из чистой симпатии.

«*Лжец*, — подумал Тирион. — *В этой затее ты надеешься выиграть что-то повесомее золота и замков*».

— Да, нечасто в наши дни встретишь кого-то, кто ценит дружбу дороже золота.

— Чистая правда, — поддакнул толстяк, пропустив иронию мимо ушей.

— А как это вышло, что ты так сдружился с Пауком?

— Наше детство прошло вместе на улицах Пентоса.

— Варис же из Мира.

— Да, он был из Мира. Я встретил его вскоре после того, как он попал в Пентос, удрав из-под носа у работорговцев. Днём он спал в канализации, а по ночам шастал по крышам, как кот. Я был не богаче его — юный головорез в замаранных шелках, добывающий себе пропитание мечом. Возможно, ты заметил статую у моего пруда? Это я. Пито Маланон изваял её, когда мне было шестнадцать. Чудесная вещь, хотя сейчас у меня при виде её слёзы на глаза наворачиваются.

— Время не щадит никого — я вот тоже до сих пор оплакиваю свой нос. Но Варис...

— В Мире он был королем воров, пока кто-то из конкурентов не донёс на него властям. В Пентосе

его выдавал акцент, а когда стало известно, что он евнух, его стали презирать и бить. Почему из всех возможных защитников он выбрал именно меня — понятия не имею, но мы заключили соглашение. Варис шпионил за ворами помельче и уводил их добычу. Я предлагал свою помощь их жертвам, обещая за вознаграждение вернуть их ценности. В скором времени весь город знал, что если у кого что-то пропало, надо обращаться ко мне, а за Варисом гонялись все до единого грабители и карманники: одна половина хотела перерезать ему глотку, другая — продать свою добычу. Мы оба разбогатели — и стали ещё богаче, когда Варис начал натаскивать своих мышек.

— В Королевской Гавани он держал птичек.

— Тогда мы называли их мышками. Воры постарше были глупы и озабочены лишь тем, чтобы превратить наворованное в вино. Варис предпочитал маленьких сирот — мальчиков и девочек. Он выбирал детей поменьше ростом, потише и половчее; учил их лазать по стенам и дымоходам. Ещё он обучил их читать. Мы оставили золото и драгоценности обычным ворам; вместо них наши мышки воровали письма, учётные книги, карты... со временем они стали читать их и оставлять на прежнем месте. «*Тайны стоят дороже серебра*

и сапфиров», — говаривал Варис. Именно так. Я сделался таким важным человеком, что кузен самого пентосского принца выдал за меня свою незамужнюю дочь, а слухи о талантах евнуха пересекли море и достигли ушей некоего короля. Очень боязливого короля, который не доверял ни собственному сыну, ни супруге, ни своему деснице — другу детства, ставшему с годами горделивым и самоуверенным. Думаю, продолжение этой истории ты знаешь и без меня, верно?

— Большей частью, — признал Тирион. — Вижу, передо мной непростой торговец сыром.

Иллирио склонил голову.

— Добрые слова, мой маленький друг... и я со своей стороны вижу, что ты очень сообразителен, как и говорил лорд Варис, — он улыбнулся, обнажив кривые жёлтые зубы, и громко потребовал ещё кувшин огненного мирийского.

Когда магистр наконец уснул в обнимку с винным кувшином, Тирион подполз по подушкам, высвободил посудину из объятий толстяка и налил себе чашу. Он осушил её, зевнул и наполнил снова.

«*Быть может, если я выпью достаточно огненного вина,* — сказал он себе, — *мне приснятся драконы*».

Когда он был маленьким и очень одиноким ребенком в недрах Кастерли Рок, в ночных грезах он нередко летал на драконах, вообразив себя потерянным принцем-Таргариеном или каким-нибудь валирийским владыкой драконов, парящим высоко над горами и долами. Как-то раз, когда дядюшки спросили у него, что он хочет получить в подарок на именины, Тирион попросил дракона.

— Необязательно большого. Он может быть маленьким, как я.

Дядя Герион заявил, что это самая смешная шутка, которую он когда-либо слышал, но дядя Тигетт сказал:

— Последний дракон умер сто лет назад, малыш.

Это было так несправедливо, что Тирион плакал весь вечер, пока не заснул.

Теперь, если властелин сыров не врет, дочь Безумного Короля высидела трех драконов. «*Это на два больше, чем нужно даже Таргариену*». Тирион почти сожалел, что убил отца. Было бы дивным удовольствием увидеть лицо лорда Тайвина в тот момент, когда бы ему доложили, что на Вестерос идет войной королева-Таргариен с тремя драконами и при поддержке лукавого

евнуха и торговца сыром толщиной с половину Кастерли Рок.

Карлик так набил живот, что ему пришлось расстегнуть ремень и распустить завязки штанов. Благодаря рассчитанной на ребёнка одежде, которой его снабдил радушный хозяин, он чувствовал себя десятифунтовой колбасой, втиснутой в оболочку для пятифунтовой.

«*Если мы будем столько есть каждый день, к моменту встречи с королевой я буду размером с Иллирио*».

Снаружи паланкина смеркалось, внутри было и вовсе темно. Тирион слышал храп Иллирио, скрип кожаных ремней, медленный цокот лошадиных подков по камню валирийской дороги, но сердце его желало услышать биение кожистых крыльев.

Когда он проснулся, солнце уже взошло. Лошади всё также тащились по дороге, паланкин поскрипывал и качался на ремнях между ними. Тирион чуть отдернул занавеску, чтобы взглянуть, что снаружи. Но там было не на что смотреть, кроме золотистых полей, бурых вязов с голыми ветками и самой дороги, широкого каменного тракта, подобно копью протянувшегося до самого горизонта. Он раньше читал о валирий-

ских дорогах, но впервые видел такую своими глазами. Старая Валирия дотянулась на запад до Драконьего Камня, но так и не вступила на сам вестеросский материк.

«*Странно. Богатства Семи Королевств лежали дальше к западу, и у Валирии были драконы. Конечно, они знали, что там, на западе*».

Он слишком много выпил накануне. Голова трещала, и даже лёгкого покачивания паланкина было достаточно, чтобы желудок Тириона грозил вывернуться наизнанку. Он не жаловался, но Иллирио Мопатису и так все было ясно.

— Давай, выпей со мной, — предложил толстяк. — Как говорится, избавься от жгущего нутро дракона.

Он налил обоим из графина ежевичного вина — такого сладкого, что оно привлекало мух даже больше, чем мёд. Тирион отогнал их и выпил до дна. Вкус был таким приторным, что ему понадобилось приложить усилие, чтобы удержать вино в себе. Впрочем, вторая чаша пошла легче. Аппетита у него всё равно не было, и когда Иллирио предложил ему миску ежевики в сливках, Тирион от неё отказался.

— Мне приснилась королева, — сказал карлик. — Я встал перед ней на колени и произнёс слова

присяги, но она приняла меня за моего брата Джейме и скормила своим драконам.

— Будем надеяться, что этому сну не суждено сбыться. Ты умный бес, как Варис и говорил, а Дейенерис понадобятся умные люди. Сир Барристан — рыцарь доблестный и верный, но что-то я не припомню, чтобы кто-либо называл его хитроумным.

— У рыцарей один-единственный способ решения всех проблем: копьё наперевес и в атаку. У карликов другой взгляд на мир. А что же ты сам? Ты ведь тоже умен.

— Ты мне льстишь, — Иллирио махнул рукой. — Увы, я не приспособлен к путешествиям, поэтому я посылаю тебя к Дейенерис вместо себя самого. Ты уже оказал Её Величеству огромную услугу, убив своего отца, и надеюсь, принесешь ей ещё немало пользы. Дейенерис, в отличие от своего брата, совсем не глупа и найдет тебе хорошее применение.

«*В качестве растопки*?» — подумал Тирион, любезно улыбаясь.

В тот день они только трижды меняли лошадей, зато останавливались каждые полчаса, чтобы Иллирио мог вылезть из паланкина и помочиться.

«*Наш властелин сыров размером со слона, но*

мочевой пузырь у него с напёрсток», — подумал карлик. Он воспользовался одной из таких остановок, чтобы рассмотреть дорогу поближе. Он знал, что обнаружит. Это была не утоптанная земля, не булыжник и не каменные плиты, а сплошная полоса оплавленного камня, торчащая на полфута над землёй, чтобы дождь и талая вода стекали на обочину. В отличие от грязных троп, называемых дорогами в Семи Королевствах, по валирийским дорогам могли проехать три повозки в ряд, и им не были страшны ни время, ни колеса. Они всё также были надёжны и неизменны, даже спустя четыреста лет после того, как Рок погубил Валирию. Тирион поискал трещины или борозды в камне, но нашёл только кучку навоза, оставленную одной из лошадей.

Навоз заставил его вспомнить об отце.

«*Ты ведь сейчас в аду, не так ли, отец? В миленькой промозглой преисподней, откуда ты можешь наблюдать, как я помогаю дочери Безумного Эйериса сесть на Железный Трон*?»

Они продолжили своё путешествие. Иллирио извлек суму с жареными каштанами и снова заговорил о драконьей королеве.

— Боюсь, наши вести о королеве Дейенерис уже устарели. К этому моменту она должна была уже

покинуть Миэрин. Она наконец сколотила себе войско из наёмных оборванцев, дотракийских пастухов и Безупречных. Она без колебаний поведёт их на запад, отвоёвывать трон своего отца.

Магистр Иллирио открыл горшок улиток с чесноком, понюхал и улыбнулся.

— В Волантисе, будем надеяться, ты получишь более свежие вести о Дейенерис, — сказал он, высасывая улитку из раковины. — Драконы и девицы непостоянны, так что, быть может, тебе придется поменять планы. Гриф будет знать, что делать. Хочешь улитку? Чеснок из моих собственных садов.

«*Поедь я верхом на улитке, и то добрался бы быстрее, чем в твоих носилках*».

Тирион отказался от блюда.

— Ты возлагаешь большие надежды на этого Грифа. Ещё один друг детства?

— Нет. Ты бы назвал его наемником, но он из Вестероса. Дейенерис нужны люди, достойные её дела, — Иллирио поднял руку. — Знаю-знаю! Ты думаешь: «Наёмники ценят золото выше чести, этот Гриф продаст меня сестре». Нет. Я доверяю Грифу, как доверял бы брату.

«*Еще одна смертельная ошибка*».

— Значит, и мне стоит относиться к нему так

же.

— Пока мы здесь разговариваем, Золотое Братство движется к Волантису. Там они будут ждать прихода нашей королевы с востока.

«*Под златом злой клинок*».

— Я слышал, что Золотое Братство заключило контракт с одним из Вольных Городов.

— С Миром, — Иллирио ухмыльнулся. — Контракт можно и разорвать.

— В сыре упрятано ещё больше золота, чем я думал, — сказал Тирион. — Как тебе удалось этого добиться?

Магистр пошевелил пальцами в воздухе.

— Некоторые контракты пишут чернилами, а некоторые — кровью. Это всё, что я скажу.

Карлик задумался.

Золотое Братство, по всеобщему мнению, было самым прославленным вольным отрядом. Его основал лет сто назад Злой Клинок, бастард Эйегона Недостойного. Когда другой Великий Бастард попытался отнять Железный Трон у своего законнорожденного сводного брата, Злой Клинок присоединился к мятежу. Дейемон Чёрное Пламя пал на Красном поле, и его восстание умерло вместе с ним. Выжившие, но отказавшиеся склониться сторонники Чёрного Пламени

бежали за Узкое море. Среди них были младшие сыновья Чёрного Пламени, Злой Клинок и сотни безземельных рыцарей и лордов, которым, чтобы прокормиться, вскоре пришлось стать наёмниками. Кто-то присоединился к Рваному знамени, кто-то — к Младшим сыновьям или Поклонникам Девы. На глазах Злого Клинка мощь дома Чёрного Пламени рассыпалась в прах, и он создал Золотое Братство, чтобы удержать изгнанников вместе.

И с того дня члены Золотого Братства жили и умирали на Спорных землях, сражаясь то за Мир, то за Лис, то за Тирош в их бессмысленных междоусобицах, и грезили об утраченной земле своих отцов. Это были изгнанники и дети изгнанников, обездоленные и непрощённые... но всё же первоклассные бойцы.

— Преклоняюсь перед твоим даром убеждения, — сказал Тирион Иллирио. — Как тебе удалось уговорить Золотое Братство присоединиться к нашей милой королеве, если они на протяжении почти всей своей истории воевали *против* Таргариенов?

Иллирио отмахнулся от этого замечания, как от мухи.

— Чёрный дракон или красный — это всё равно дракон. Когда Мейлис Ужасный пал на Ступе-

нях, род Чёрного Пламени пресёкся по мужской линии, — торговец сыром усмехнулся в раздвоенную бороду. — Дейенерис даст изгнанникам то, чего им никогда не могли дать ни Злой Клинок, ни все отпрыски Чёрного Пламени: возможность вернуться домой.

«*Огнем и мечом*». Именно такого возвращения домой Тирион желал и себе.

— Десять тысяч мечей — поистине царский подарок. Её Величество будет польщена.

Магистр дёрнул головой, его щеки затряслись.

— Я бы не стал загадывать, что сможет польстить Её Величеству.

«*Как благоразумно*». Тирион уже насмотрелся на благодарность королей. Едва ли королевы чем-то от них отличаются.

Вскоре магистра сморил сон, и Тирион остался размышлять в одиночестве. Как Барристан Селми отнесётся к самой возможности идти в бой вместе с Золотым Братством? Во время Войны Девятигрошевых Королей он проложил себе кровавый путь сквозь их ряды, чтобы зарубить последнего из претендентов рода Чёрного Пламени.

«*Восстания порождают страннейшие союзы — и нет страннее того, что у меня с этим толстяком*».

Торговец сыром проснулся на очередной смене лошадей и послал за новой корзиной еды.

— Как далеко мы заехали? — спросил Тирион, когда они набивали желудки холодными каплунами с гарниром из моркови, изюма, дольками лаймов и апельсинов.

— Это Андалос, друг мой. Отсюда пришли твои предки-андалы. Они отобрали эту землю у волосатых людей, живших здесь до них, родичей волосатых людей Иба. Сердце древнего королевства Хугора лежит севернее, но мы проедем по его южным границам. В Пентосе эти земли называют просто Равнинами. Дальше на восток — Бархатные холмы, туда-то мы и направляемся.

«*Андалос*». Как учили септоны, когда-то по холмам Андалоса в человеческом облике бродили Семеро.

— Отец простёр руку в небеса и сорвал семь звёзд, — процитировал Тирион по памяти, — и одну за другой разместил их на лбу Хугора, увенчав его лучезарной короной.

Магистр Иллирио с любопытством поглядел на него.

— Вот уж не знал, что мой маленький друг так набожен.

Карлик пожал плечами.

— Запомнилось с детства. Я знал, что мне не стать рыцарем, так что я решил стать Верховным септоном. Хрустальная корона добавляет фут к росту того, кто её носит. Я изучал священные писания и молился до волдырей на коленях. Окончилось всё печально: я достиг известного возраста и влюбился.

— В девицу? О, я знаю, каково это, — Иллирио запустил правую руку в левый рукав и вытянул серебряный медальон. Внутри был портрет женщины с большими голубыми глазами и золотыми волосами с редкими серебряными прядями. — Это Серра. Я наткнулся на неё в лисенийском доме подушек и привел к себе, чтобы она грела мою постель, но в конце концов на ней женился. Я — чья первая жена была кузиной пентосского принц! Ворота дворца передо мной навеки закрылись, но мне было всё равно. Это была более чем скромная плата за Серру.

— Как она умерла? — Тирион знал наверняка, что она мертва: ни один мужчина не будет так нежно рассказывать о женщине, которая его оставила.

— В Пентос на обратном пути из Нефритового моря зашла браавосская торговая галера. «Сокровище» везла гвоздику и шафран, чёрный янтарь

и нефрит, багряную парчу и зелёный шёлк... и серую смерть. Мы перебили гребцов, стоило им сойти на берег, и сожгли стоявший на якоре корабль, но крысы сбежали по веслам и доплыли до набережной. Прежде чем прекратиться, мор унес две тысячи жизней, — магистр Иллирио захлопнул медальон. — Я храню её руки в своей опочивальне. Они были такими мягкими...

Тирион подумал о Тише. Он смотрел на поля, по которым когда-то ходили боги.

— И какие боги могли создать крыс, чуму и карликов?

Ему на ум пришло ещё одно место из «Семиконечной звезды».

— Дева привела ему девушку, стройную как ива, и с глазами глубокими, как синие озера, и Хугор объявил, что возьмет её в жены. И тогда Мать наделила её плодородием, а Старица возвестила, что она родит королю сорок четыре могучих сына. Воин даровал мощь их рукам, а Кузнец сковал каждому железный доспех.

— Ваш Кузнец, должно быть, был ройнаром, — колко вставил Иллирио. — Андалы переняли искусство обработки железа у ройнаров, которые жили вдоль реки. Это все знают.

— Кроме наших септонов, — Тирион показал на

поля. — И кто живет на этих ваших Равнинах?

— Земледельцы и работяги, прикрепленные к земле. Тут есть сады, хутора, прииски... У меня самого есть тут кое-какие владения, хотя я редко их навещаю. Зачем мне тратить на них время, когда к моим услугам мириады услад Пентоса?

— Мириады услад.

«*И высокие крепкие стены*».

Тирион поболтал вино в чаше.

— Мы от самого Пентоса не видели ни одного города.

— Тут есть руины, — Иллирио ткнул куриной косточкой в занавеску. — По этим местам проходят конные владыки, если какому-нибудь кхалу взбредёт в голову поглядеть на море. Дотракийцы не слишком-то любят города — это и в Вестеросе знают.

— Подкараульте один такой кхаласар, перебейте, и в следующий раз дотракийцы как следует подумают, прежде чем переправляться через Ройн.

— Дешевле откупаться от врагов едой и подарками.

«*Додумайся я принести хорошего сыра на Черноводную, может, нос и по сей день был бы при мне*». Лорд Тайвин всегда презирал Вольные

Города. «*Они воюют деньгами вместо оружия*, — говорил он. — *У золота есть своё применение, но войны выигрывают железом*».

— Дай врагу золота, и он вернется и потребует ещё, говорил мой отец.

— Тот самый отец, которого ты убил? — Иллирио выкинул из паланкина очередную кость. — Наёмники не устоят против дотракийских крикунов — проверено Квохором.

— И твой доблестный Гриф? — усмехнулся Тирион.

— Гриф — другое дело. У него есть сын, в котором он души не чает. Мальчика называют Юным Грифом. Отважнее парня на свете нет.

Вино, пища, солнце, покачивание паланкина и жужжание мух — всё вокруг словно сговорилось вогнать Тириона в сон. Так что он засыпал, просыпался, пил. Иллирио пил вместе с ним чашу за чашей. Когда небо окрасилось багрянцем, толстяк захрапел.

Этой ночью Тириону Ланнистеру приснилась битва, залившая кровью холмы Вестероса. Он был в самом пекле, сея вокруг смерть секирой размером с себя самого; рядом с ним дрались Барристан Отважный и Злой Клинок, а в небе парили драконы. В этом сне у него были две головы, и у

обеих не было носа. Врагами командовал его отец, и Тирион убил его снова. Затем он убил своего брата Джейме и, смеясь при каждом ударе, рубил его лицо топором, пока оно не превратилось в кровавую кашу. Лишь когда битва закончилась, он понял, что его вторая голова плачет.

Когда он проснулся, его короткие ноги налились железом. Иллирио ел оливки.

— Где мы? — спросил его Тирион.

— Мы все ещё на Равнинах, мой торопливый друг. Скоро дорога выведет нас в Бархатные холмы. Оттуда мы поднимемся к Гоян Дроэ, что на Малом Ройне.

Гоян Дроэ был ройнарским городом, пока валирийские драконы не превратили его в дымящееся пепелище.

«*Я оставляю за спиной не только лиги, но и века*, — подумал Тирион, — *движусь назад во времени — в те дни, когда землёй правили драконы*».

Тирион засыпал, просыпался и снова засыпал — то днем, то ночью. Бархатные холмы оказались сущим разочарованием.

— Да у половины шлюх в Ланниспорте титьки больше, чем эти холмы, — заявил он Иллирио. — Надо вам переименовать их в Бархатные соски.

Они видели круг из стоячих камней, которые,

по словам Иллирио, поставили великаны, потом глубокое озеро.

— Тут было логово разбойников, которые грабили проезжих на дороге, — сообщил Иллирио. — Говорят, они по сей день обитают там, под водой. Тех, кто вздумает порыбачить на озере, утаскивают вниз и съедают.

К следующему вечеру им встретился каменный валирийский сфинкс, припавший к земле у дороги. У него было тело дракона и женский лик.

— Драконья королева, — сказал Тирион. — Хороший знак.

— Вот только короля у неё нет, — Иллирио показал на гладкий каменный постамент, где раньше стоял второй сфинкс. Камень зарос мхом и цветущими лозами. — Конные владыки соорудили под ним деревянные колёса и увезли в Вейес Дотрак.

«*Это тоже знак*, — подумал Тирион, — *и совсем не такой хороший*».

Этой ночью он напился сильнее обычного и в какой-то момент разразился песней:

Он в глухую ночь оседлал коня, и покинул замок тайком,

Вихрем он по улицам мчался, ненасытной страстью влеком.

Туда, где жила она: его тайный клад, услада

его и позор.

Но он отдал бы замок и цепь свою — за улыбку и нежный взор.

Продолжения он не знал, кроме припева:

Золотые руки всегда холодны, а женские — горячи.

Руки Шаи били его по лицу, когда золотые руки цепи Десницы впились в её горло. Он не помнил, были они горячими или нет. Когда силы покинули её, удары стали прикосновениями мотыльков, порхающих вокруг его лица. Каждый раз, когда он закручивал цепь туже, золотые руки всё глубже впивались ей в горло. «*И он отдал бы замок и цепь свою – за улыбку и нежный взор*». Поцеловал ли он её последний раз, когда она была уже мертва? Он не помнил... но прекрасно помнил, когда они поцеловались впервые — в шатре на Зелёном зубце. Как сладки были её уста.

Он помнил и тот первый раз, когда поцеловался с Тишей. «*Она не умела целоваться, как и я сам. Мы тыкались носами, но когда я коснулся её языка моим, она затрепетала*». Тирион закрыл глаза и попытался вспомнить её лицо, но увидел только своего отца, согнувшегося над отхожим местом с задранной до пояса ночной рубашкой.

— Куда отправляются шлюхи, — произнес лорд

Тайвин, и арбалет *тренькнул*.

Карлик перевернулся на живот и зарылся тем, что у него осталось от носа, в шёлковые подушки. Сон разверзся перед ним бездонным колодцем, и он с радостью бросился вниз и позволил тьме пожрать себя.

Глава 6. Слуга купца

«Приключение» дурно пахло.

На нём было шестьдесят весел и парус; длинный и узкий остов сулил быстрое плавание.

«*Кораблик маловат, но нам сгодится*», — подумал Квентин, когда впервые увидел судно, но это было до того, как он поднялся на борт и как следует принюхался. — «Свиньи», — решил он поначалу, но, сделав второй вдох, изменил мнение. Свиньи пахнут и того лучше. Это же была перебившая портовые запахи рыбы и солёного воздуха вонь мочи, гнилого мяса, нечистот, смрад мертвечины, мокнущих язв и загнивших ран.

— Меня тошнит, — признался он Геррису Дринкуотеру. Изнывая от жары, они ждали владельца судна, палуба которого источала такое зловоние.

— Если капитан пахнет так же, как и его корабль, как бы он не принял твою блевотину за духи, — ответил Геррис.

Квентин уже был готов предложить попытать счастья с другим судном, когда хозяин всё-таки явился — с парой гнусного вида матросов по обе руки. Геррис поприветствовал его улыбкой. Хотя

по-волантийски он говорил хуже Квентина, но в силу их маскарада вести переговоры приходилось именно ему. В Дощатом городе виноторговца изображал Квентин, но фиглярство ему приелось, так что в Лисе при пересадке с корабля на корабль дорнийцы поменялись ролями. На «Жаворонке» Клетус Айронвуд стал торговцем, а Квентин — его слугой, но в Волантисе, после того как Клетуса убили, роль хозяина принял Геррис.

Рослый и пригожий, с сине-зелёными глазами и песочными волосами, опалёнными солнцем, телом стройным и ладным, Геррис держался важно, с достоинством, граничащим с высокомерием. Он никогда не проявлял неловкости, и даже тогда, когда к нему обращались на незнакомом языке, ухитрялся как-то объясниться. Квентин рядом с ним выглядел довольно невзрачно — коротконогий, коренастый, крепко сбитый, с волосами тёмными, как свежая земля. Лоб — слишком высокий, челюсть — чересчур квадратная, нос — без меры широкий.

«*У тебя доброе, простое лицо*, — как ему однажды сказала девушка, — *но тебе надо почаще улыбаться*».

Улыбки никогда не давались Квентину Мартеллу, как и его лорду-отцу.

— И насколько быстро ваше «Приключение»? — спросил Геррис на корявом подобии высокого валирийского.

Хозяин «Приключения» распознал его акцент и ответил на общем языке Вестероса:

— Нет судна быстрее его, достопочтенный лорд. «Приключение» может обогнать ветер. Скажите, куда вы держите путь, и я доставлю вас туда без промедления.

— Мне и двоим моим слугам надо попасть в Миэрин.

Это заставило капитана задуматься.

— Мне доводилось бывать в Миэрине. Да, я могу отыскать город... но зачем? В Миэрине больше нет рабов, там не получишь прибыли. Серебряная королева положила всему конец. Она даже закрыла бойцовские ямы, так что бедному моряку нечем развлечь себя, пока в порту наполняют его трюмы. Скажи, мой вестеросский друг, что такого есть в Миэрине, что тебе приспичило туда отправиться?

«*Самая прекрасная женщина в мире*, — подумал Квентин, — *и моя суженая, если боги будут милостивы*».

Иногда по ночам он лежал без сна, воображая себе её лицо и фигуру и размышляя, зачем такой

женщине из всех принцев мира выбирать мужем именно его.

«*Я из Дорна*, — повторял он себе, — *ей понадобится Дорн*».

Геррис ответил капитану той самой выдумкой, которую дорнийцы состряпали заранее:

— Моя семья занимается виноделием. У моего отца обширные виноградники в Дорне, и он послал меня найти новые рынки. Надеемся, что честному миэринскому народу придется по вкусу наш товар.

— Вино? Дорнийское вино? — капитана это не убедило. — Города работорговцев воюют, разве вы этого не знаете?

— Мы слышали, что друг с другом воюют Астапор и Юнкай. Миэрина это не касается.

— Пока нет. Но скоро будет. Прямо сейчас посланник из Жёлтого Города нанимает мечи в Волантисе. Длинные Копья уже отчалили в Юнкай, Гонимые Ветром и Рота Кошки последуют за ними, как только пополнят свои ряды. И Золотое Братство движется на восток. Все это дело известное.

— Как скажете. Я занимаюсь вином, а не войнами. Гискарское вино — дрянная штука, тут спорить нечего. Миэринцы хорошо заплатят за

мои прекрасные дорнийские вина.

— Мертвецам всё равно, какое вино пить, — хозяин «Приключения» перебирал пальцами бороду. — Сдается мне, я не первый капитан, к которому вы обратились. И не десятый.

— Нет, — признал Геррис.

— И который же? Сотый?

«*Около того*», — подумал Квентин. Волантийцы любили похваляться, что в их глубокой гавани можно потопить всю сотню островов Браавоса. Квентин никогда не видел Браавоса, но без труда в это поверил. Пышный, пошлый и прогнивший Волантис присосался к устью Ройна горячим влажным поцелуем, растянувшись по холмам по обе стороны реки. Суда были повсюду, они шли по реке или выходили в море, теснились у причалов и пристаней, принимая груз на борт или сгружая; военные корабли, китобои и торговые галеры, карраки и ялики, когги большие и малые, ладьи, корабли-лебеди, суда из Лиса, Тироша и Пентоса; квартийские огромные, как дворцы, перевозчики пряностей; суда из Толоса, Юнкая и с Василисков. Их было так много, что Квентин, впервые обозревая порт с палубы «Жаворонка», заявил своим друзьям, что они не задержатся тут дольше, чем на три дня.

Но прошло уже двадцать дней, а они по-прежнему торчали здесь, без корабля. Им отказали капитаны «Мелантины», «Дочери триарха» и «Поцелуя русалки». Помощник капитана на «Отважном страннике» рассмеялся им в лицо. Хозяин «Дельфина» обругал их, заявив, что они впустую тратят его время, а владелец «Седьмого сына» обвинил в пиратстве. И это лишь за первый день.

Только капитан «Оленёнка» объяснил им, причину отказа.

— Да, я в самом деле отправляюсь на юг, — сказал он им за чашей разбавленного вина. — Мы обойдем вокруг Валирии, а оттуда пойдем на восход. В Новом Гисе пополним запасы воды и провизии, затем во все весла двинемся к Кварту и Нефритовым Вратам. Каждое путешествие сулит опасности, а долгое — тем более. Зачем мне искать лишнюю беду на свою голову, заходя в Залив Работорговцев? «Оленёнок» — мой единственный источник к существованию, и я не буду им рисковать, завозя троих сбрендивших дорнийцев в самое пекло войны.

Квентин уже начал думать, что лучше бы им было купить собственный корабль в Дощатом городе. Но это привлекло бы к ним ненужное

внимание: у Паука везде были глаза и уши, даже в стенах Солнечного Копья.

— Если цель твоего путешествия откроется, Дорну придется туго, — предупредил его отец, когда они наблюдали как резвятся дети в прудах и фонтанах Водных Садов. — Не заблуждайся, то, что мы делаем — измена. Доверяй только своим товарищам и старайся не привлекать внимания.

Так что Геррис Дринкуотер ответил капитану «Приключения» своей самой обезоруживающей улыбкой.

— По правде сказать, я уже потерял счёт трусам, отказавшимся нас везти. Но в Купеческом доме мне сказали, что вы человек другого сорта — похрабрее. Такой, что может рискнуть всем за соответствующую сумму.

«*Контрабандист*», — подумал Квентин. Именно так им и обрисовали капитана «Приключения» другие торговцы в Купеческом доме. Хозяин этого постоялого двора о нем сказал:

— Он контрабандист и работорговец, наполовину пират, наполовину наводчик, но может статься так, что это ваша последняя надежда.

Капитан потер большим пальцем об указательный.

— И какую же сумму вы считаете соответству-

ющей подобному путешествию?

— Втрое больше, чем вы обычно берете за провоз до Берега Работорговцев.

— За каждого? — капитан обнажил зубы в чем-то, что должно было быть улыбкой, но вышло хищным оскалом. — Возможно. Да, я буду похрабрее многих. Скоро собираетесь отправиться в путь?

— Да хоть завтра.

— По рукам. Приходите за час до рассвета со своими друзьями и винами. Лучше нам отчалить, пока Волантис спит — никто не станет задавать нам неудобные вопросы о цели нашего плавания.

— Как скажете. За час до рассвета.

Улыбка капитана стала ещё шире.

— Рад, что могу вам помочь. Нас ждет приятнейшее путешествие, верно?

— Уверен в этом, — сказал Геррис.

Капитан велел принести эля, и они вдвоем выпили за удачное плавание.

— Приятный человек, — заметил Геррис, когда они спускались к подножию пристани, где их ждал нанятый *хатай*. Воздух налился тяжёлым жаром, от яркого солнца обоим приходилось щуриться.

— И город приятный, — согласился Квентин.

«*Слащавый настолько, что скоро зубы повыпадают*».

Здесь в изобилии выращивали сладкую свёклу и подавали её почти в каждом блюде. Волантийцы варили из неё холодную похлебку — густую и жирную, как пурпурный мед. Вина у них тоже были сладкие.

— Боюсь, наше беззаботное путешествие окажется недолгим. Этот приятнейший человек не собирается везти нас в Миэрин. Слишком уж быстро он согласился на наше предложение. Он возьмет с нас втридорога, спору нет, но как только мы окажемся на борту и выйдем в море, он перережет нам глотки и заберёт остальное золото.

— Или прикует к вёслам рядом с теми несчастными, которых мы уже нанюхались. Нет, сдается мне, надо поискать контрабандиста получше.

Возница ждал их у своего *хатая*. В Вестеросе эту повозку назвали бы просто телегой, разве что она была украшена больше, чем любая виденная Квентином дорнийская телега, и запряжен в нее был не бык и не лошадь. *Хатай* тянула карликовая слониха цвета грязного снега. На улицах Старого Волантиса этих животных было

полным-полно.

Квентин предпочел бы пойти пешком, но они были очень уж далеко от места, где остановились. Кроме того, владелец Купеческого дома предупредил их, что пешие прогулки уронят их в глазах как чужеземных капитанов, так и коренных волантисцев. Уважаемые люди ездили либо в паланкинах, либо в *хатаях*... и по случайному стечению обстоятельств двоюродный брат хозяина как раз владел несколькими такими повозками и был рад оказать гостям услугу.

Их возница был одним из рабов его брата — маленький человечек с вытатуированным на щеке колесом, почти голый, в одной набедренной повязке и сандалиях. У него была кожа цвета тикового дерева, глаза — как два уголька. Он помог дорнийцам забраться на выложенную подушками скамью между огромными деревянными колёсами двуколки и сам влез на спину слонихи.

— К Купеческому дому, — велел ему Квентин, — но езжай вдоль причалов.

Вдали от гавани и морского ветра, на улицах и в проулках Волантиса стояла такая духота, что можно было утонуть в собственном поту, по крайней мере, на этой стороне реки.

Возница крикнул что-то слонихе на местном

языке, и она стронулась с места, мотая хоботом из стороны в сторону. Двуколка, накреняясь, потащилась следом; возница улюлюкал, сгоняя с пути матросов и рабов. Их было нетрудно отличить друг от друга: все рабы были татуированы. Маска из голубых перьев, молния от нижней челюсти до брови, монета на щеке, леопардовые пятна, череп, кувшин. Мейстер Кедри говорил, что на одного свободного в Волантисе приходится пять рабов — правда, он не дожил до возможности проверить свои расчеты. Он погиб в то утро, когда пираты взяли «Жаворонка» на абордаж.

В тот день Квентин потерял еще двоих друзей — Уильяма Уэллса с его веснушками и кривыми зубами, отчаянного копьеносца, и Клетуса Айронвуда — красавца, несмотря на косоглазие, вечно возбуждённого, вечно смеющегося. Полжизни Клетус был лучшим другом Квентина, брат во всём, но не по крови.

— Поцелуй за меня свою невесту, — прошептал ему Клетус перед смертью.

Пираты влезли на борт в предрассветной темноте, когда «Жаворонок» стоял на якоре у берегов Спорных земель. Ценой двенадцати жизней экипажу удалось отбиться. После этого члены команды обобрали убитых пиратов, сняв с них

пояса, обувь и оружие, разделили содержимое кошельков, стащили кольца с пальцев и выдрали самоцветы из ушей. Один из пиратов был так толст, что корабельному коку пришлось отрезать ему тесаком пальцы, чтобы снять кольца. Понадобилось три матроса, чтобы поднять его и выбросить в море. Остальных пиратов швырнули следом — без молитв и церемоний.

С собственными мертвецами обошлись получше. Моряки зашили тела в парусину и, чтобы те утонули поскорее, нагрузили камнями для балласта. Капитан со своей командой помолился о душах погибших товарищей. Затем он обернулся к дорнийским пассажирам — из шести взошедших на борт в Дощатом городе в живых осталось трое. Даже Громадина — бледный, изнурённый морской болезнью и едва стоящий на ногах — вылез из недр корабельного трюма, чтобы проводить покойных в последний путь.

— Кому-то из вас надо произнести поминальную речь по своим убитым. Потом мы предадим их морю, — сказал капитан дорнийцам.

Вызвался Геррис, хотя ему пришлось солгать, поскольку нельзя было выдавать ни их личности, ни цель их путешествия.

«*Для них все не так должно было закончить-*

ся».

— Мы будем рассказывать об этом путешествии своим внукам, — объявил Клетус в тот день, когда они выехали из замка его отца.

Уилл скорчил рожу и сказал:

— Ты хотел сказать — шлюхам в тавернах, в надежде заглянуть им под юбку.

Клетус похлопал его по спине.

— Чтобы были внуки, нужно сначала завести детей, а чтобы были дети — надо заглянуть под пару-тройку юбок.

Позже в Дощатом городе дорнийцы пили за будущую невесту Квентина, отпускали сальные шутки по поводу его грядущей брачной ночи, говорили о том, что они увидят, о том, что совершат, о славе, которую они завоюют.

«*А все, что выпало на их долю — парусиновый мешок с камнями*».

Сколь ни горевал он по Уиллу и Клетусу, потеря мейстера Кедри ощущалась острее всего. Кедри свободно владел всеми языками Вольных Городов, даже гискарским диалектом, на котором общались на побережье Залива Работорговцев.

— Мейстер Кедри поедет с вами, — в ночь перед отправлением сказал отец. — Слушайся его советов. Он посвятил полжизни изучению Вольных

Городов.

Но на взгляд Квентина, даже если мейстер был бы сейчас с ними, дела шли бы ничуть не лучше.

— Я бы продал свою мамашу за глоток свежего воздуха, — пожаловался Геррис, когда повозка пробиралась через портовую толчею. — Тут влажно, как у Девы в дырке, а нет ещё и полудня. Ненавижу этот город.

Квентин был с ним согласен. Гнетущая влажная жара высосала из него все силы и заставила чувствовать себя грязным. Хуже всего было то, что и ночь не приносила облегчения. На горных лугах к северу от владений лорда Айронвуда воздух после захода солнца всегда был свеж, каким бы жарким ни был прошедший день. В Волантисе же ночью стояла та же духота, что и днем.

— Утром «Богиня» отчалит к Новому Гису, — напомнил ему Геррис, — По крайней мере, мы окажемся чуть ближе к цели.

— Новый Гис на острове, и порт там гораздо меньше здешнего. Да, мы будем ближе к цели, но мы можем там и застрять. И Новый Гис заключил союз с Юнкаем, — эта новость Квентина не удивила: Новый Гис и Юнкай — гискарские города. — Если и Волантис присоединится к их союзу...

— Нам нужен вестеросский корабль, — пред-

ложил Геррис, — какой-нибудь торговец из Ланниспорта или Староместа.

— Мало кто заплывает так далеко, а те, кто добирается сюда — набивает трюмы шёлком и пряностями с Нефритового моря и тут же поворачивает домой.

— Может, тогда браавосский? Говорят, их корабли с багряными парусами доплывают до самого Асшая и островов в Нефритовом море.

— Браавосцы — потомки беглых рабов. Они не торгуют в Заливе Работорговцев.

— У нас хватит золота, чтобы купить себе корабль?

— И кто будет им управлять? Ты? Я? — Дорнийцы никогда не были мореплавателями — с тех самых пор, как Нимерия сожгла свои десять тысяч кораблей. — Моря вокруг Валирии опасны и кишат пиратами.

— Хватит с меня уже пиратов. Не будем покупать корабль.

«*Для него это все еще игра*, — понял Квентин, — *точно такая же, когда он повел нас шестерых в горы искать старое логово Короля-Стервятника*».

Не в духе Герриса Дринкуотера думать о будущем поражении, а тем паче — о смерти. Похоже,

его не образумила даже смерть друзей.

«*Он предоставляет решать мне — он знает, что моя осторожность может тягаться с его смелостью*».

— Возможно, Громадина прав, — сказал Геррис. — Плевать на море, завершим путешествие сушей.

— Ты знаешь, почему он так говорит, — ответил Квентин, — он скорее умрёт, чем ещё раз ступит на палубу корабля.

Громадина всю дорогу промаялся морской болезнью. В Лисе он четыре дня приходил в себя. Им пришлось остановиться в гостинице, где мейстер Кедри уложил Громадину в постель с периной и поил отварами и настоями, пока щеки пациента снова не порозовели.

Попасть в Миэрин сушей было возможно, что правда, то правда. Добраться туда можно было по старым валирийском дорогам. Мощеные тракты древней Валирии в народе называли драконьими дорогами, но та, что вела на восток — из Воланти-са в Миэрин, заслужила более зловещее название: дорога демонов.

— Дорога демонов слишком опасна, и добираться по ней чересчур долго, — сказал Квентин. — Как только слухи о королеве дойдут до Коро-

левской Гавани, Тайвин Ланнистер отправит за ней своих людей.

В этом его отец был уверен.

— А к его приказам наверняка прилагается нож. Если они доберутся до неё первыми...

— Будем надеяться, что её драконы учуют убийц первыми и сожрут, — отозвался Геррис. — Что ж, если мы не можем найти корабль, и ты против поездки верхом, мы можем вернуться в Дорн.

«*Признать поражение и приползти назад в Солнечное Копье, поджав хвост*?»

К невыносимому разочарованию отца, под испепеляющие насмешки песчаных змеек? Доран Мартелл вложил судьбу Дорна в руки Квентина — и он не подведет отца, пока жив.

Хатай грохотал окованными железом колёсами, нагретый солнцем воздух дрожал над улицей, делая окружавшее похожим на наваждение. Между складами и причалами в порту теснились всевозможные лавки и ларьки. Здесь можно было купить свежих устриц, там — железные цепи и оковы, тут — фигурки для кайвассы, выточенные из слоновой кости и нефрита. Тут же были и храмы, куда моряки приходили поклониться своим чужеземным богам, располагавшиеся бок о бок с борделями, с балконов которых женщины

подзывали к себе мужчин.

— Глянь-ка на эту, — подтолкнул его Геррис. — Кажется, она в тебя влюбилась.

«*И сколько же стоит любовь шлюхи*?»

По правде сказать, девушки заставляли Квентина чувствовать себя не в своей тарелке, особенно симпатичные.

Когда Квентин впервые приехал в Айронвуд, он по уши влюбился в Инис, старшую дочь лорда Айронвуда. Хотя он ни разу ни одним словом не выдал свои чувства, мечты о ней он лелеял годами... пока её не выдали замуж за сира Риэна Аллириона, наследника Дара богов. Когда Квентин видел её в последний раз, она кормила грудью сына, а ещё один цеплялся ей за юбку.

После Инис были близняшки-Дринкуотеры — пара смуглых девчушек, обожавшая охотиться с соколом, лазать по скалам и вгонять Квентина в краску. Одна из них подарила ему первый поцелуй — хотя он так и не узнал, которая именно. Они были дочерьми рыцаря-ленника. Двойняшки были не подходящего для женитьбы происхождения, хотя Клетус считал, что это не мешает с ними целоваться.

— Когда ты женишься, то сможешь взять одну из них в любовницы. Или обеих, почему бы и

нет?

У Квентина нашлась не одна причина «почему нет», так что он постарался избегать близняшек, и второго поцелуя не было.

Не так давно его стала повсюду преследовать младшая дочь лорда Айронвуда. Гвинет было почти двенадцать, и это была невысокая, тщедушная девочка, чьи чёрные глаза и тёмные волосы выделяли её среди родни — все они были голубоглазые блондины, как на подбор. Она, впрочем, была умна, скора и на язык, и на руку, и твердила Квентину, что ему надо дождаться, пока она расцветёт — тогда она сможет выйти за него замуж.

Но это было до того, как принц Доран вызвал его в Водные Сады. Теперь в Миэрине его ждала самая прекрасная женщина в мире, и он должен был исполнить свой долг и попросить ее руки.

«*Она мне не откажет. Она должна чтить договор*».

Дейенерис Таргариен понадобится Дорн, чтобы покорить Семь Королевств, а значит — ей понадобится Квентин.

«*Хотя это не значит, что она меня полюбит. Может, я ей совсем не понравлюсь*».

Там, где река встречалась с морем, улица дела-

ла поворот, и у этого изгиба толпились торговцы животными, выставлявшие на продажу разноцветных ящериц, огромных пестрых змей и проворных маленьких мартышек с полосатыми хвостами и ловкими розовыми лапками.

— Может быть, твоей серебряной королеве понравится мартышка, — заметил Геррис.

Квентин не имел представления, как выглядит Дейенерис Таргариен. Он пообещал отцу, что привезет её в Дорн, но всё чаще и чаще ему в голову лезли мысли, достоин ли он этого предприятия.

«*Я никогда об этом не просил*», — думал он.

За широкой голубой гладью Ройна ему была видна Чёрная Стена, воздвигнутая валирийцами еще в те времена, когда Волантис был не более чем заставой на границе их империи — огромный овал из оплавленного камня двести футов высотой и такой толщины, что по его вершине могли в ряд проскакать наперегонки шесть запряженных четверками колесниц, что и происходило каждый год во время праздника в честь основания города. Чужеземцам и вольноотпущенникам не позволялось входить внутрь иначе как по приглашению живших внутри потомков Старой крови, способных проследить свою родословную до времен самой Валирии.

Здесь движение стало оживленнее. Они находились у западного конца Долгого моста, соединявшего две части города. Упряжки, телеги и хатаи теснились на улице либо съехав с моста, либо пробираясь к нему. Повсюду, как тараканы, были бесчисленные рабы, снующие по делам своих хозяев.

Ближе к Рыбной площади и Купеческому дому на перекрестке раздались громкие возгласы, и откуда ни возьмись явилась дюжина копьеносцев-Безупречных в изукрашенных латах и плащах из тигровых шкур, растолкавших народ, освобождая путь триарху, восседавшему на спине слона. Слон триарха, серокожий исполин, нёс на себе покрытые эмалью доспехи тонкой работы, которые тихо позвякивали при каждом движении. Башня на его спине была так высока, что задела крышей верх узорчатой каменной арки.

— Триархов считают столь возвышенными, что их ногам не дают прикасаться к земле в течение всего года службы, — объяснил Квентин своему спутнику. — Они ездят везде на слонах.

— Перегораживая улицы и оставляя нам, убогим, кучи навоза на дороге, — сказал Геррис. — Зачем Волантису три принца, когда Дорн обходится одним-единственным — никак не

уразумею.

— Триархи — не короли и не принцы. Волантис — республика, как и Валирия старых времен. Все свободнорожденные землевладельцы допущены к управлению государством. Даже женщины могут голосовать, если у них есть земля. Троих триархов избирают среди выходцев из благородных семейств, способных доказать, что они по прямой линии происходят из старой Валирии, и служат они до первого дня нового года. Ты тоже знал бы всё это, если бы озаботился чтением книги, которую тебе дал мейстер Кедри.

— Там не было картинок.

— Там были карты.

— Карты не считаются. Если бы он рассказал мне, что там про тигров и слонов, я, может, и попытался бы почитать. А так она подозрительно смахивала на книгу по истории.

Когда их хатай достиг края Рыбной площади, слониха подняла хобот и затрубила — ни дать ни взять огромная белая гусыня, не желающая проталкиваться сквозь находившуюся впереди толчею повозок, паланкинов и пеших прохожих. Возница пнул её пятками, заставив двинуться дальше.

Тут было множество торговцев рыбой, и все

они криком восхваляли утренний улов. Квентин понимал в лучшем случае одно слово из двух, но тут не надо было знать языка, чтобы узнать рыбу. Здесь торговали треской, рыбами-парусниками и сардинами, бочками мидий и устриц. Перед одним прилавком свисали угри, другой выставлял напоказ гигантскую черепаху весом не меньше лошади, подвешенную за ноги на железных цепях. В кадках с морской водой и водорослями шебуршились крабы. Некоторые торговцы жарили куски рыбы с луком и свеклой или продавали перчёную рыбную похлебку в маленьких железных котелках.

В центре площади под надтреснутой безголовой статуей давно уже мёртвого триарха собиралась толпа — какие-то карлики давали представление. Коротышки нацепили на себя деревянные доспехи, изображая рыцарей на турнире. Квентин видел, как один из них сел верхом на собаку, другой попытался взгромоздиться на свинью... чтобы тут же съехать с неё набок под хохот толпы.

— Выглядит весело, — сказал Геррис. — Остановимся и посмотрим на бой? Тебе не помешало бы развеяться, Квент. Ты выглядишь дряхлым стариком, который полгода не ходил на горшок.

«*Мне восемнадцать, я на шесть лет младше*

тебя, — подумал Квентин. — *Я не старик*».

Вслух он сказал:

— Не нужны мне шуты-карлики. Разве что у них есть корабль.

— Думается, крошечный.

Четырехэтажный Купеческий дом возвышался над доками, пристанями и окружавшими его складами. Здесь торговцы из Староместа и Королевской Гавани перемешались с негоциантами из Браавоса, Пентоса и Мира, волосатыми иббенийцами, бледнолицыми странниками из Кварта, чёрными как уголь приезжими с Летних Островов в плащах из перьев и даже с носящими маски заклинателями теней из Асшая у Тени.

Квентин спустился с *хатая* на землю и почувствовал, как камни мостовой обжигают ноги даже сквозь кожаные подметки. В тени перед Купеческим домом стоял стол на козлах, разукрашенный полосатыми бело-синими флажками, трепетавшими при каждом дуновении ветра. За столом развалились четверо наёмников сурового вида, подзывающих криками прохожих мужчин и юношей.

«*Гонимые ветром*», — вспомнил Квентин. Сержанты набирали рекрутов, пополняя ряды наёмников перед отправкой в Залив работор-

говцев.

«*И с каждым вступившим к ним на службу у Юнкая становится мечом больше. Мечом, который хочет испить крови моей суженой*».

Один из Гонимых что-то крикнул им.

— Я не говорю на вашем языке, — ответил Квентин. Он умел читать и писать на высоком валирийском, но ему редко удавалось поговорить — к тому же волантийское яблочко очень уж далеко укатилось от валирийской яблони.

— Вестеросцы? — спросил мужчина уже на общем языке.

— Дорнийцы. Мой хозяин торгует вином.

— Хозяин? И хрен с ним. Ты раб, что ли? Присоединяйся к нам, будешь сам себе хозяином. Хочешь умереть в постели? Мы научим тебя владеть копьем и мечом, ты пойдешь в бой рядом с Оборванным Принцем и вернёшься домой богаче лорда. Мальчики, девочки, золото, всё что захочешь — если хватит мужества протянуть руку и взять! Мы — Гонимые ветром, и трахаем богиню смерти в зад.

Двое наёмников начали горланить какую-то походную песню. Квентин понимал достаточно, чтобы уловить смысл.

«*Мы — Гонимые ветром*, — пели они. — *Неси нас*

ветер на восток в Залив Работорговцев, мы убьем короля-мясника и трахнем королеву драконов».

— Если бы Клетус и Уилл были с нами, мы могли бы прихватить Громадину и перебить эту шайку, — сказал Геррис.

«*Клетус и Уилл мертвы*».

— Не обращай на них внимания, — сказал Квентин.

Пока дорнийцы шли к дверям Купеческого дома, наёмники провожали их насмешками, называя их бесхребетными трусами и пугливыми девицами.

Громадина ждал их в покоях на втором этаже. Хотя капитан «Жаворонка» вовсю расхвалил им этот постоялый двор, Квентин вовсе не собирался оставлять свои вещи и золото без присмотра. В каждом порту есть воры, крысы и шлюхи, а в Волантисе всего этого было сверх меры.

— Я уже собирался отправиться на ваши поиски, — сказал им сир Арчибальд Айронвуд, отодвигая засов, чтобы впустить их внутрь. Громадиной его прозвал собственный кузен Клетус, но прозвище было заслуженным. Арч был шести с половиной фунтов ростом, с широченными плечами, огромным брюхом, ногами толщиной с древесный ствол, ручищами толщиной с окорок

и начисто лишенным шеи. От какого-то недуга в детстве у него выпали все волосы, и его лысый череп напоминал Квентину гладкий розовый булыжник.

— Ну, — потребовал он, — что сказал контрабандист? Будет у нас лодка?

— Корабль, — поправил его Квентин. — Да, он согласен взять нас на борт, но увезёт не дальше ближайшей преисподней.

Геррис сел на продавленную кровать и стянул башмаки.

— С каждой минутой возвращение в Дорн кажется мне всё заманчивее.

Громадина заявил:

— Я снова повторю, что лучше всего нам двинуться по дороге демонов. Может, она и не такая опасная, как говорят. А если и так, то тем больше мы прославимся, если её одолеем. Дринк с мечом, я со своим молотом — такого никакой демон не переварит.

— И что если Дейенерис будет мертва к тому моменту, как мы до неё доберемся? — спросил Квентин. — Нам нужен корабль. Даже если это «Приключение».

Геррис хохотнул.

— Ты, видно, сходишь с ума по Дейенерис силь-

нее, чем я думал, раз уж ты готов терпеть этот смрад месяцами. Дня через три я сам буду заклинать их убить меня. Нет уж, мой принц, умоляю, только не «Приключение».

— У тебя есть вариант получше? — осведомился Квентин.

— Есть. Он только сейчас пришел мне в голову. Там, конечно, есть свои опасности, и ты его достойным делом не назовешь... но он доставит тебя к твоей королеве куда быстрее, чем дорога демонов.

— Излагай, — сказал Квентин Мартелл.

Глава 7. Джон

Джон перечитывал письмо снова и снова, пока слова не начали рябить и прыгать у него перед глазами.

«*Я не могу это подписать. И не подпишу*».

Он чуть не бросил пергамент в огонь, однако вместо этого отложил его и сделал глоток эля — от вчерашнего одинокого ужина осталось еще полкружки.

«*Мне придется подписать. Они выбрали меня лордом-командующим. Стена — моя, и Дозор тоже мой. Ночной Дозор не принимает участия в войнах*».

Он испытал облегчение, когда в дверь заглянул Скорбный Эдд и доложил, что снаружи ждет Лилли. Джон отложил письмо мейстера Эйемона в сторону.

— Я с ней поговорю, — он со страхом ждал этого разговора. — Разыщи Сэма, после мне надо будет поговорить и с ним.

— Он наверное внизу, с книгами. Мой старый септон говорил, что книги — это разговоры мертвецов. Мертвецам следует помалкивать, вот что

я скажу. И зачем кому-то слушать, о чём болтают мертвецы? — Бормоча себе под нос что-то о червях и пауках, Скорбный Эдд ушёл.

Лилли, войдя в комнату, тут же опустилась на колени. Джон обошел вокруг стола и поднял её на ноги.

— Передо мной не надо вставать на колени. Это только для королей.

Хотя Лилли была уже и женой, и матерью, Джону она казалась ещё сущим ребёнком — худенькая малютка, укутанная в один из старых плащей Сэма. Плащ был ей так велик, что под его складками можно было бы спрятать еще несколько таких же девочек.

— С детьми всё хорошо? — спросил Джон.

Одичалая робко улыбнулась из-под капюшона.

— Да, м'лорд. Я боялась, что у меня не хватит молока на двоих, но чем больше они сосут, тем его больше. Они крепкие малыши.

— Мне придется сказать тебе кое-что неприятное, — у него с языка чуть не сорвалось «попросить», но в последний момент Джон сдержался.

— Про Манса? Вель умоляла короля пощадить его. Она говорила, что выйдет замуж за кого-нибудь из поклонщиков и не тронет его и пальцем, только бы Мансу сохранили жизнь. А этого Костя-

ного Лорда пощадят. Крастер поклялся, что убьёт его, если тот хоть раз покажется у нашего дома. Манс за всю жизнь не сделал и половины того зла, что совершил Костяной Лорд.

«*Да, Манс всего лишь повёл армию против королевства, которое когда-то поклялся защищать*».

— Манс принес нашу присягу, Лилли. Потом он сменил свой плащ, женился на Далле и объявил себя Королем-за-Стеной. Сейчас его жизнь в руках короля. Но мы говорим не о нём, а о его сыне. Сыне Даллы.

— О малыше? — её голос задрожал. — Но он не нарушал присяги, м'лорд. Он только спит, плачет и сосёт молоко, только и всего. Он никому не причинял вреда. Не дайте его сжечь! Спасите его, пожалуйста!

— Только ты можешь это сделать, Лилли, — и Джон объяснил ей, как.

Другая женщина на её месте завизжала бы, обругала его, прокляла всеми семью преисподними. Другая в ярости кинулась бы на него с кулаками, дала пощёчину, попыталась бы выцарапать глаза. Другая крикнула бы ему в лицо, что не подчинится.

Лилли же только помотала головой:

— Нет! Прошу вас, нет!

Ворон услышал это и тоже каркнул:

– *Нет*!

— Если откажешься, ребёнка сожгут. Не завтра и не послезавтра... но рано или поздно Мелисандре понадобится пробудить дракона, поднять ветер или сотворить ещё какие-то чары, для которых нужна королевская кровь. От Манса к тому времени останутся только кости да пепел, так что она потребует сжечь его сына, и Станнис ей не откажет. Если ты не увезешь ребенка, *она сожжёт его*.

— Я уеду, — сказала Лилли, — я заберу его, я заберу обоих — малыша Даллы и своего.

Слезы катились у неё из глаз. Если бы они не блестели в свете свечи, Джон так бы и не понял, что она плачет.

«*Жены Крастера, наверное, научили своих дочерей плакать только в подушку. Может быть, они уходили куда-нибудь выплакаться — подальше от крастеровых кулаков*».

Джон сжал правую руку в кулак.

— Заберёшь обоих, и люди королевы погонятся за тобой и приведут обратно. Мальчика сожгут... и тебя вместе с ним.

«*Если я буду её успокаивать, она подумает, что слезами можно меня пронять. Ей придется*

понять, что я не отступлюсь».

— Ты заберешь только одного ребенка, и это будет сын Даллы.

— Мать не может бросить сына, а если бросит — будет проклята навеки. Только не *сына*. Мы *спасли* его вместе с Сэмом. Пожалуйста, прошу вас, м'лорд! Мы спасли его от мороза.

— Говорят, смерть от холода почти безболезненна. Огонь же... Лилли, ты видишь свечу?

Она посмотрела на пламя.

— Да.

— Поднеси руку к огню. Дотронься до него.

Ее большие карие глаза сделались еще больше. Она не сдвинулась с места.

— Сделай это.

«*Убей мальчишку*».

— Давай.

Затрепетав, девушка протянула вперед руку — гораздо выше дрожащего огонька свечи.

— Ниже. Пусть он тебя поцелует.

Она опустила руку — на дюйм, потом еще на один. Когда пламя лизнуло ее кожу, Лилли отдернула руку и захныкала.

— Смерть от огня ужасна. Далла умерла, дав жизнь этому ребенку, но ты его выкормила и вынянчила. Ты спасла собственного сына ото

льда, теперь спаси её сына от пламени.

— Но они же сожгут моего малыша. Красная женщина — если ей не достанется сын Даллы, она сожжет моего.

— Твой сын не королевской крови. Мелисандра ничего не добьётся, предав его огню. Станнису надо, чтобы одичалые воевали на его стороне — он не сожжёт невинного младенца без причины. С твоим ребенком все будет хорошо. Я найду ему кормилицу, и его воспитают в Черном Замке, здесь, под моей защитой. Он научится охотиться и ездить верхом, владеть мечом, топором и луком. Я даже прослежу, чтобы его научили читать и писать, — Сэму бы это понравилось. — Когда он вырастет, я расскажу ему, кто он, и отпущу на все четыре стороны — искать тебя, если он того пожелает.

— Вы сделаете из него ворону, — она утёрла слезы тыльной стороной маленькой белой руки. — Я не хочу. Не хочу.

«*Убей мальчишку*», — подумал Джон.

— Нет. Ты это сделаешь, иначе — я обещаю — в тот день, когда они сожгут ребенка Даллы, умрёт и твой сын.

– *Умрёт*, — каркнул ворон Старого Медведя, — *умрёт, умрёт, умрёт*.

Лилли сгорбилась и съёжилась на стуле, уставившись на пламя свечи; на её глазах блестели слезы. Наконец Джон сказал:

— Можешь идти. Никому об этом не рассказывай и будь готова к отъезду за час до рассвета. За тобой придут мои люди.

Девушка поднялась на ноги — бледная и бессловесная, она вышла за дверь, не оглядываясь. Джон слышал шаги в арсенале — Лилли выскочила из него почти бегом.

Поднявшись из-за стола, чтобы прикрыть дверь, Джон увидел Призрака — тот растянулся за наковальней и грыз бычью кость. При появлении Джона крупный белый лютоволк поднял голову.

«*Давно пора было тебе вернуться*».

Джон сел за стол и в очередной раз перечитал письмо мейстера Эйемона.

Сэм появился несколько минут спустя, сжимая в руках стопку книг. Стоило ему войти, как ворон Мормонта перелетел к нему и стал требовать зерна. Сэм с радостью оказал ему эту услугу, протянув горсть зерна из мешочка за дверью. Ворон с радостью изо всех сил клюнул его в руку. Сэм заорал, птица порхнула в сторону, зернышки рассыпались по полу.

— Этот негодник клюнул тебя до крови? — спро-

сил Джон.

Сэм торопливо стянул перчатку.

— Да. *Кровоточит*.

— Мы все проливаем кровь во имя Дозора. Впредь носи перчатки потолще, — Джон ногой указал на кресло рядом. — Садись и взгляни на это, — он передал Сэму пергамент.

— Что это?

— Бумажный щит.

Сэм медленно прочитал:

— Письмо к королю Томмену?

— В Винтерфелле Томмен вместе с Браном дрались на деревянных мечах, — припомнил Джон. — На нем было столько подушек, что его можно было принять за фаршированного гуся. Бран сшиб его наземь, — Джон прошел к окну и отворил ставни. Воздух снаружи был холодным и бодрил, пусть небо и затянуло серой пеленой. — Но Бран мертв, а пухлый и розовощекий Томмен теперь сидит на Железном Троне с короной на золотых кудрях.

Сэм при этих словах странно посмотрел на него и какое-то время колебался, точно хотел что-то сказать. Наконец он сглотнул и перевел взгляд на пергамент.

— Письмо не подписано.

Джон покачал головой.

— Старый Медведь сто раз молил Железный Трон о помощи. А они отправили ему Яноса Слинта. Ни одно письмо не заставит Ланнистеров нас полюбить. Особенно, если они узнают о том, что мы помогаем Станнису.

— Только чтобы защитить Стену, а не ради его мятежа. Именно об этом тут и сказано.

— Вряд ли лорд Тайвин поймет разницу, — Джон забрал письмо. — Зачем ему помогать нам? Он и раньше не помогал.

— Что ж, он не захочет, чтобы говорили о том, что пока король Томмен играл в свои игрушки, король Станнис прибыл защитить королевство. Это собьет спесь с Ланнистеров.

— Я желаю уничтожить род Ланнистеров до основания, а не сбивать с них спесь.

Джон поднес письмо к глазам и прочитал:

– Ночной Дозор не принимает участия в войнах Семи Королевств. Наши клятвы принадлежат всему королевству, и оно сейчас в опасности. Станнис Баратеон помог нам против врага из-за Стены, хоть мы и не его сторонники...

Сэм ерзал в кресле.

— Отлично. Не его. Ведь не его?

— Я предоставил Станнису кров, пищу и Ночной

форт, а также согласился расселить свободных в Даре. Это всё.

— Лорд Тайвин скажет, что это уже чересчур.

— Станнис говорит, что этого недостаточно. Чем больше ты даешь королю, тем больше ему хочется. Мы идем по хрупкому ледяному мосту, и с каждой стороны — пропасть. Даже одному королю и то тяжело угодить. А угодить сразу двоим — почти невозможно.

— Это так, но... если Ланнистеры всё же победят, и лорд Тайвин решит, что, помогая Станнису, мы предали короля, то это может означать конец всему Ночному Дозору. У него за спиной есть Тиреллы и вся мощь Хайгардена. Он уже один раз разбил лорда Станниса на Черноводной.

— Черноводная — всего лишь одна битва. Робб победил во всех битвах, но проиграл войну и потерял голову. Если Станнису удастся поднять Север...

Сэм поколебался и заметил:

— Ланнистеры заполучили северян на свою сторону. Лорда Болтона и его бастарда.

— У Станниса есть Карстарки. Если ему удастся привлечь Белую Гавань...

— Если, — подчеркнул Сэм. — А если нет... милорд, даже бумажный щит куда лучше, чем

никакой.

— Я тоже так думаю.

«*И мейстер Эйемон тоже*, — но Джон почему-то надеялся, что Сэм будет думать иначе. — *Это всего лишь чернила и пергамент*».

Вздохнув, Джон взял перо и расписался.

— Запечатывай.

«*Пока я не передумал*».

Сэм поспешно подчинился. Джон оттиснул на воске печать лорда-командующего и протянул письмо Сэму.

— Захвати это с собой к мейстеру Эйемону. И передай, чтобы он отправил птицу в Королевскую Гавань.

— Сделаю, — с облегчением сказал Сэм. — Милорд, могу я спросить... Я видел выходившую Лилли. Она чуть ли не плакала.

— Вель присылала её снова умолять меня насчёт Манса, — солгал Джон. Они немного поговорили о Мансе, Станнисе и Мелисандре Ассшайской, пока ворон не доклевал зерна на полу и не завопил:

– *Кровь*!

— Я отсылаю Лилли, — сказал Джон. — Вместе с мальчиком. Нам придется разыскать другую кормилицу для его молочного брата.

— Пока ищем, может помочь козье молоко. Оно полезнее для детей, чем коровье, — Сэму явно было неудобно откровенно рассуждать о грудях и молоке, и он вдруг заговорил о стародавних временах и каких-то юношах-командующих, умерших столетия назад. Джон оборвал его:

— Расскажи мне что-нибудь полезное. Расскажи мне о нашем враге.

— Иные, — Сэм облизнул губы. — О них упоминается в летописях, хотя не так часто, как я думал. По крайней мере в тех, что я разыскал и прочёл. Но уверен, я ещё много чего не смог найти. Часть древних книг развалилась на части. Страницы очень ломкие и рассыпаются от малейшего прикосновения. А по-настоящему древние книги... либо уже совсем превратились в труху, либо глубоко зарыты там, где я еще не искал, либо... что ж, может статься так, что таких книг и в природе не существует и никогда не было. Древнейшие летописи были написаны, когда Андалы только пришли в Вестерос. Первые Люди выбивали руны на камнях, поэтому всё, что мы думаем, что знаем о Веке Героев, Веке Рассвета и Длинной Ночи, дошло до нас в пересказе септонов, сделанном на тысячу лет позднее. В Цитадели есть архимейстеры, которые ставят под

сомнение всю эту историю. Эти древние легенды полны королей, правивших сотни лет назад, и рыцарей, сражавшихся за тысячи лет до того, как *появилось* рыцарство. Ты знаешь сказки про Брандона Строителя, Симеона Звездноглазого, Ночного Короля... мы считаем тебя девятьсот девяносто восьмым лордом-командующим Ночного Дозора, но в самом древнем свитке, который я обнаружил, упоминается шестьсот семьдесят четыре командующих, что говорит о том, что записи велись...

— С давних пор, — прервал его Джон. — Так что насчёт Иных?

— Я нашел упоминания о драконьем стекле. Дети Леса издревле передавали его в дар Ночному Дозору и в Век Героев давали по сотне обсидиановых кинжалов в год. Иные приходят вместе с холодами, на этом сходятся все легенды. Или же с их приходом становится гораздо холоднее. Иногда они появляются посреди снежной бури и тают, едва небеса очистятся. Они сторонятся солнечного света и появляются по ночам... либо же с их приходом наступает тьма. Одни истории рассказывают, что они ездят на телах погибших животных. На медведях, лютоволках, мамонтах, лошадях — это для них неважно, лишь бы живот-

ное было мертво. То, что убило Малыша Паула, оседлало дохлую лошадь, так что очевидно — это правда. Но другие записи твердят и о гигантских ледяных пауках. Я понятия не имею, что это за штука. Погибших в битве с Иными нужно сжигать, иначе мертвяки восстанут и превратятся в их рабов.

— Это мы знаем. Вопрос в том, как с ними сражаться?

— Если верить легендам, доспехам Иных обычное железо нипочем, а их собственные мечи настолько холодны, что могут ломать сталь. Однако их пугает огонь, и они уязвимы для обсидиана. Я обнаружил одну запись времен Долгой Ночи, в которой говорится, что последний из героев убивал Иных мечом из драконьей стали.

— Драконья сталь? — это название было Джону в новинку. — Валирийская сталь?

— Я тоже сразу о ней подумал.

— Значит, если мне удастся убедить всех лордов Семи Королевств передать нам свои валирийские мечи, все будут спасены? Это не так уж и трудно.

«*Не труднее, чем убедить их отдать нам свои богатства и замки*». Джон горько рассмеялся.

— Ты не смог разыскать, кто они такие — эти Иные, откуда приходят и чего хотят?

— Нет еще, милорд. Но, может, я просто читал не те книги. Остались ещё сотни, которых я не просмотрел. Дайте мне побольше времени, и я разыщу все, что смогу.

— Времени больше нет. Тебе нужно идти собираться, Сэм. Ты отправляешься вместе с Лилли.

— Отправляюсь? — Сэм вытаращился на него с открытым ртом, словно не понимая смысла слов. — Куда отправляюсь? В Восточный Дозор, милорд? Или... куда я...

— В Старомест.

— Старомест? — пискнул Сэм тоненьким голоском.

— Эйемон едет с вами.

— Эйемон? Мейстер Эйемон? Но... ему сто два года, милорд. Он не может... ты отправляешь нас вместе? А кто же присмотрит за воронами? Если кто-нибудь заболеет или поранится, кто же...

— Клидас. Он много лет служил Эйемону.

— Клидас всего лишь стюард, и у него неважно с глазами. Вам нужен мейстер. А мейстер Эйемон настолько слаб, что морское путешествие... Он же может... он такой старый и...

— Его жизнь будет в опасности. Я тоже беспокоюсь, Сэм, но здесь риск гораздо выше. Станнис знает, кто такой Эйемон. Если красной женщине

нужна королевская кровь для её чар...

— Ох, — с толстых щёк Сэма пропала краска.

— Дареон встретит вас у Восточного Дозора. Я надеюсь, его песни помогут нам заполучить с юга немного людей. «Черная Птица» доставит вас в Браавос. Оттуда вы самостоятельно отправитесь в Старомест. Если ты не передумал объявить мальца Лилли своим бастардом, сможешь переправить её с ребенком на Рогов Холм. Или Эйемон постарается похлопотать для неё о месте прислуги в Цитадели.

— Моим б-б-бастардом. Да, я... моя мать и сёстры помогут Лилли с ребенком. Дареон не хуже меня сможет присмотреть за ней до самого Староместа. А я... я каждый вечер тренировался в стрельбе из лука, как ты и приказал... да, за исключением того времени, когда я был в хранилищах, но ты сам велел мне разыскать побольше сведений об Иных. От лука у меня болят плечи и все пальцы в мозолях, — он показал Джону руку. — Но я всё равно упражняюсь. Теперь я гораздо чаще попадаю в цель, но всё равно худший лучник на свете. А ещё мне нравятся истории, которые рассказывает Ульмер. Нужно чтобы кто-то их записал в книгу.

— Ты так и сделаешь. В Цитадели есть и пергамент, и чернила, а также луки. Я хочу, чтобы ты

не переставал тренироваться. Сэм, в Ночном Дозоре сотни людей, способных выпустить стрелу, но очень мало умеющих читать и писать. Мне нужно, чтобы ты стал моим новым мейстером.

— Милорд, я… мне нужно быть здесь, с книгами…

— …и ты будешь — когда вернёшься.

Сэм поднес руку к горлу.

— Милорд! Цитадель… они же заставляют вскрывать трупы. Я не могу надеть цепь.

— Ты можешь. И наденешь. Мейстер Эйемон стар и слеп. Силы его покидают. Кто займёт его место, когда он умрет? Мейстер Муллин в Сумеречной Башне скорее боец, а не учёный, а мейстера Хармуна из Восточного Дозора чаще видят пьяным, чем трезвым.

— Попроси Цитадель прислать нового мейстера…

— Я так и собираюсь поступить. Нам нужны все, кто поможет. Но Эйемона Таргариена заменить непросто.

«*Всё пошло не так, как я планировал*». Джон заранее знал, что с Лилли будет тяжело, но он не сомневался, что Сэм с радостью променяет опасности Стены на тепло Староместа.

— Я был уверен, что такой вариант тебя устро-

ит, — озадаченно сказал он Сэму. — В Цитадели столько книг, что никому на свете не удастся прочитать за всю жизнь. Тебе бы там понравилось, Сэм. И я уверен, что так и будет.

— Нет. Я мог бы прочесть книги, но... мейстер должен быть и целителем, а от к-к-крови я падаю в обморок, — у него затряслись руки, словно в подтверждение этих слов. — Я Сэм Пугливый, а не Сэм Смертоносный.

— Пугливый? И чего ты боишься? Упреков старцев? Сэм, ты своими глазами видел мертвецов, пришедших на Кулак Первых Людей, с почерневшими руками и ярко-голубыми глазами. Ты даже убил Иного.

— Это д-д-драконье стекло, а не я.

— Тихо, — оборвал его Джон. После слёз Лилли на страхи толстяка у него просто не осталось терпения. — Ты лгал и интриговал, чтобы сделать меня лордом-командующим. И подчинишься мне. Ты отправишься в Цитадель и выкуешь цепь. И если будет нужно, то станешь вскрывать трупы. По крайней мере, в Староместе мёртвые не станут возражать.

— Милорд. М-м-мой отец, лорд Рендилл, он, он, он... жизнь мейстера — это жизнь раба. А сын из рода Тарли никогда не наденет цепь.

Мужчина с Рогова Холма не станет кланяться и прислуживать мелким лордам. Джон, я не смею не подчиниться моему отцу.

«*Убей мальчишку*, — подумал Джон. — *Мальчишка в тебе и в нем — убей обоих, ты, проклятый ублюдок*».

— У тебя больше нет отца. Только братья. Только мы. Твоя жизнь принадлежит Ночному Дозору, поэтому ступай, собери вещи и отправляйся с теми, кто тебе дорог, в Старомест. Вы отправляетесь за час до рассвета. И вот тебе ещё один приказ. Отныне и навсегда — не смей называть себя трусом. За минувший год ты повидал больше, чем другие за всю свою жизнь. Справишься и в Цитадели, но появишься там как полноправный брат Ночного Дозора. Я не в силах приказать тебе стать храбрым, но могу приказать спрятать свой страх подальше. Ты принес клятву, Сэм. Помнишь?

— Я... я постараюсь.

— Не надо стараться. Подчиняйся приказу.

– *Подчиняйся*! — захлопал чёрными крыльями ворон Мормонта.

Сэм обмяк.

— Как прикажет милорд. А... а мейстер Эйемон знает?

— Это была наша общая задумка, — Джон рас-

пахнул перед ним дверь. — Никаких прощаний. Чем меньше людей будет знать об этом, тем лучше для всех. За час до рассвета, у кладбища.

Сэм бежал от него — точно так же, как и Лилли.

Джон устал.

«*Мне надо поспать*».

Он полночи корпел над картами, писал письма и строил планы вместе с мейстером Эйемоном. Но когда он повалился на свою узкую кровать, сон к нему не пришёл. Он помнил, с кем ему предстоит сегодня встретиться, и его мысли без конца возвращались к последним словам мейстера Эйемона:

— Позвольте, милорд, дать вам один последний совет, — сказал ему старец, — тот самый совет, который я дал своему брату, когда мы с ним расставались в последний раз. Ему было тридцать три года, когда Великий совет решил, что он должен занять Железный Трон. У него к тому времени были уже собственные сыновья, но в душе он всё ещё оставался ребёнком. Ему была присуща невинность — кротость, за которую мы так его любили. «*Убей в себе мальчишку*, — сказал я ему в тот день, когда отправился морем на Стену. — *Чтобы править, надо быть мужчиной*

— Эйегоном, не Эггом. Убей мальчишку, и пусть родится мужчина», — старик потрогал лицо Джона. — Вы вдвое младше, чем был тогда Эгг, и ваше бремя, боюсь, куда тяжелее. Власть не приносит вам особой радости, но сдается мне, у вас достанет силы сделать то, что должно. Убей в себе мальчишку, Джон Сноу. Зима почти пришла. Убей мальчишку, и пусть родится мужчина.

Джон накинул плащ и вышел наружу. Он каждый день совершал обход Чёрного Замка, проверяя часовых на постах и выслушивая их донесения из первых рук, наблюдал за Ульмером и его учениками на стрельбище, беседовал с людьми короля и королевы, гулял по гребню Стены и смотрел на лес. Белой тенью за ним следовал Призрак.

Когда Джон поднялся на Стену, на ней нёс дозор Кедж Белоглазый. Кедж отметил сорок с лишним своих именин, из них тридцать — на Стене. Его левый глаз был слеп, правый — видел не слишком хорошо. За Стеной — на лошади и с топором в руках — он ничем не уступал любому другому разведчику Дозора, но с другими дозорными никогда не ладил.

— Спокойный день, — сказал он Джону. — Докладывать не о чем, кроме неумех-следопытов.

— Что за «неумехи»? — переспросил Джон.

Кедж ухмыльнулся:

— Пара рыцарей. Поехали на юг от Стены по Королевскому тракту. Когда Дайвин увидел, как они скачут — сказал, что олухи-южане ошиблись дорогой.

— Ясно, — сказал Джон.

Чуть больше ему удалось выудить из самого Дайвина, пока старый лесничий хлебал ячменную похлебку в казармах.

— Так точно, м'лорд, я их видел. Это были Хорп и Мэсси. Станнис послал их куда-то, но не сказал, куда, зачем и когда они вернутся.

Сиры Ричард Хорп и Джастин Мэсси оба были людьми королевы, и оба занимали важные места в королевском совете.

«*Если бы Станнис хотел что-то разведать, пары обычных вольных всадников хватило бы за глаза*, — рассудил Джон, — *а вот рыцари лучше подойдут в качестве вестников или послов*».

Коттер Пайк из Восточного Дозора сообщил, что Луковый Рыцарь с Салладором Сааном отплыли в Белую Гавань договариваться с лордом Мандерли. Ничего удивительного, что Станнис высылает новые посольства — его величество не отличался терпеливостью.

Когда вернутся «неумехи» — это уже был другой вопрос. Пусть это и были рыцари, но они не знали Севера.

«*На Королевском тракте за ними будут наблюдать, и не только друзья,* — впрочем, это Джона не касалось. — *Пусть Станнис хранит свои секреты, а я милостью богов буду хранить свои*».

В эту ночь Призрак спал рядом с его кроватью, и в кои-то веки Джону не снились волчьи сны. Однако же сам он спал урывками, проворочавшись в постели несколько часов, прежде чем провалиться в кошмар. Там была Лилли — плачущая, умоляющая оставить её детей в покое, но он вырвал младенцев из её рук, отрубил им головы, поменял местами и велел ей пришить их на место.

Когда он проснулся, над постелью в темноте спальни маячил Скорбный Эдд.

— М'лорд? Пора. Час волка, вы просили разбудить.

— Принеси чего-нибудь горячего, — Джон откинул простыни.

К тому времени, как он оделся, Эдд вернулся, с дымящейся кружкой в руках. Джон ждал подогретого вина, но с удивлением обнаружил суп — жиденькую похлебку, которая пахла луком

и морковью, но ни лука, ни моркови в ней не было.

«*В моих волчьих снах запахи крепче*, — подумал он, — *и вкус еды в них сильнее. Призрак и то живее меня*».

Пустую кружку он оставил на кузнечном горне.

В это утро на страже у дверей стоял Кегс.

— Я хочу поговорить с Бедвиком и Яносом Слинтом, — сказал ему Джон. — Чтоб к рассвету оба были здесь.

Мир снаружи был черным и застывшим.

«*Холодно, но не смертельно — пока что нет. С восходом солнца станет теплее. Если боги будут милостивы, Стена снова заплачет*».

Когда они добрались до кладбища, походная колонна уже выстроилась. Джон назначил командиром колонны Чёрного Джека Балвера, с ним была дюжина конных следопытов и две телеги. Одну из них доверху загрузили сундуками, ящиками и мешками — провизией для путешествия. Над второй был установлен жёсткий полог из вываренной кожи — от ветра. Мейстер Эйемон, укутанный в медвежью шкуру, из-за которой он казался ростом с ребенка, уселся позади. Тут же стояли Сэм и Лилли. Глаза у девушки были крас-

ными и опухшими, но в руках у нее был крепко спеленутый младенец. Джон не имел понятия, чей это был сын — её или Даллы. Он видел их вместе всего несколько раз. Ребенок Лилли был постарше, ребенок Даллы покрепче и поздоровее, но они были примерно одинакового возраста и роста, так что едва ли кто-то, кто не знал их толком, смог бы отличить одного младенца от другого.

— Лорд Сноу, — позвал его мейстер Эйемон. — Я оставил у себя книгу. Это вам. Она называется «Нефритовый Сборник». Её написал волантийский путешественник Коллокво Вотар, который отправился на восток и посетил все страны у Нефритового моря. Там есть отрывок, который вы можете найти интересным. Я попросил Клидаса его отметить.

— Не сомневайтесь, я её прочитаю.

Мейстер Эйемон вытер нос.

— Знание — это оружие, Джон. Вооружайся до того, как ринуться в бой.

— Хорошо.

Джон почувствовал, что ему на лицо упало что-то мокрое и холодное. Подняв глаза, он понял, что идёт снег.

«*Дурной знак*».

Он повернулся к Чёрному Джеку Балверу:

— Езжай так быстро, как сможешь, но никакого бездумного риска. У тебя на руках старик и грудной младенец. Следи, чтобы они были сыты и в тепле.

— И вы тоже, м'лорд, — Лилли не спешила лезть в повозку. — И присматривайте за остальными. Найдите другую кормилицу, как говорили. Вы обещали мне, что найдете.. И мальчик… сын Даллы… я имею в виду маленького принца… найдите ему хорошую женщину, чтобы он вырос большим и сильным.

— Даю слово.

— И не давайте ему имени, пока не минует два года. Плохая примета давать имена грудным детям. Вы, вороны, этого не знаете, но это истинная правда.

— Как прикажете, миледи.

— Не называйте меня так! Я — мать, а не леди. Я жена Крастера, дочь Крастера и мать.

Она отдала младенца Скорбному Эдду, забралась в повозку и укуталась в меха. Когда Эдд вернул ей ребенка, Лилли приложила его к груди. Сэм, покраснев, отвернулся в сторону и взгромоздился на свою кобылу.

— Отправляемся, — скомандовал Балвер, щёлк-

нув кнутом. Двуколки покатились вперёд.

Сэм ненадолго задержался.

— Что ж, — сказал он, — прощайте.

— И ты прощай, Сэм, — откликнулся Эдд. — Твой корабль не утонет, не бойся. Они тонут, только когда я на борту.

Джон вспоминал прошлое.

— Впервые я увидел Лилли, когда она пряталась за стеной замка Крастера. Она была худой темноволосой девочкой с огромным животом и до смерти боялась Призрака. Он носился среди её кроликов — думаю, она боялась, что он разорвет ей утробу и съест ребенка… но она боялась не волка, не так ли?

— Она смелее, чем сама думает, — отозвался Сэм.

— Как и ты, Сэм. Езжай. Лёгкой тебе дороги. Береги их с ребёнком и Эйемона.

Холодные капли на лице напомнили Джону о том дне, когда он прощался с Роббом во дворе Винтерфелла, не подозревая, что они видятся в последний раз.

— И накинь капюшон. У тебя вся голова в снегу.

Когда маленькая колонна скрылась вдалеке, небо на востоке из чёрного сделалось серым, а

легкий снежок перешёл в настоящий снегопад.

— Великан ожидает приказов лорда-командующего, — напомнил ему Скорбный Эдд, — и Янос Слинт тоже.

— Да, — Джон взглянул на Стену, нависшую над головой ледяным утесом. «*Сто лиг длиной из конца в конец, семьсот футов вышиной*». В вышине сила Стены, в длине её слабость. «*Стена сильна людьми, которые ее обороняют*». Мужества у людей в Ночном Дозоре хватало, но их самих было слишком мало, чтобы решить все задачи, которые перед ними стояли.

Великан ждал его в арсенале. Настоящее его имя было Бедвик, он был чуть меньше пяти футов ростом — самый низкорослый в Дозоре. Джон сразу перешел к делу:

— Нам нужно больше дозорных на Стене. Нужны путевые замки, где патрули смогут погреться, поесть горячего и сменить лошадей. Я размещаю гарнизон в Ледовом Пороге, а тебя назначаю его командиром.

Великан сунул мизинец в ухо, вычищая серу.

— Командиром? Меня? М'лорд знает, что я сын издольщика, и на Стену меня отправили за браконьерство?

— Ты двенадцать лет служил в разведчиках.

Ты выбрался и с Кулака Первых Людей, и из замка Крастера и вернулся сюда, чтобы поведать о своих приключениях. Новички смотрят на тебя снизу вверх.

Коротышка засмеялся.

— На меня одни карлики смотрят снизу вверх. Милорд, я и читать не умею — в лучшем случае подписаться смогу.

— Я послал в Старомест за новыми мейстерами. Тебе я выделю двух воронов — воспользуешься ими, если будет что-то срочное. Если не будет — посылай конных гонцов. Пока у нас не появятся новые мейстеры и новые вороны, я хочу наладить цепочку сигнальных огней по гребню Стены.

— И сколько же бедолаг мне дадут под начало?

— Двадцать — из Дозора. И вдвое меньше — из людей Станниса.

«*Слишком старых, юных или раненых*».

— Это будут далеко не лучшие его люди, и никто из них не наденет чёрное, но они будут тебе повиноваться. Постарайся их использовать. Из тех дозорных, что я тебе даю, четверо — люди из Королевской Гавани, прибывшие на Стену вместе с лордом Слинтом. Держи с ними ухо востро, это первое, а второе — следи, чтобы верхолазы с той стороны не пытались влезть на Стену.

— Следить-то мы можем, м'лорд, но если до гребня Стены доберется достаточно верхолазов, тридцати человек не хватит, чтобы скинуть их обратно.

«*И трех сотен не хватит*», — эту мысль Джон оставил при себе. Само собой, верхолазы очень уязвимы при подъеме — их можно засыпать дождём камней, копий, горшков с горящей смолой, и им останется только отчаянно цепляться за лёд. Иногда Стена, как кажется, сама стряхивает их — точно пёс стряхивает блох. Джон сам видел это однажды, когда под Ярлом — любовником Вель — рухнул ледяной выступ, отправив его прямиком на тот свет.

Всё будет по-другому, если верхолазам удастся добраться до гребня Стены незамеченными. Дай им время, и они вырубят себе во льду опоры для рук и ног, соорудят наверху собственные укрепления и спустят вниз веревки и лестницы для тысяч одичалых, что полезут за ними. Именно так Стену одолел Реймунд Рыжебородый — Реймунд, который был Королём-за-Стеной в дни деда его деда. В то время лордом-командующим был Джек Масгуд. До того как Реймунд Рыжебородый пришел с севера, его назвали Весёлым Джеком, а после и до самой смерти — Джеком-Засоней.

Воинство Реймунда нашло свой конец на берегах Долгого озера, попав в клещи между лордом Вилламом из Винтерфелла и Пьяным Великаном Хармондом Амбером. Рыжебородого убил Артос Безжалостный, младший брат лорда Виллама. Дозорные прибыли на поле боя слишком поздно, чтобы принять участие в бою, но как раз вовремя, чтобы похоронить павших — так велел им в своем гневе Артос Старк, оплакивавший обезглавленное тело своего брата.

Джон не хотел остаться в истории Джоном Сноу-Засоней.

— У тридцати человек шансов отбиться всё равно больше, чем у ни одного, — сказал он Великану.

— Что верно, то верно, — согласился коротышка. — Речь только о Ледовом Пороге, или милорд намерен восстановить и прочие крепости?

— Со временем я везде выставлю гарнизоны, — пообещал Джон. — Но пока что мы ограничимся Ледовым Порогом и Серым Стражем.

— И как, м'лорд уже решил, кто будет командовать в Сером Страже?

— Янос Слинт, — ответил Джон. «*Боги праведные*». - Не будь у него совсем никаких способностей, он не стал бы командующим золотых

плащей. Слинт родился сыном мясника. Когда умер Мэнли Стокворт, он был капитаном Железных Ворот. Джон Аррен повысил Слинта, доверив ему охрану Королевской Гавани. Лорд Слинт не может быть таким дурнем, каким кажется.

«*И я хочу держать его подальше от Аллисера Торне*».

— Может и так, — сказал Великан, — но, будь моя воля, я бы отправил его на кухню к Трехпалому Хоббу — репу чистить.

«*Если я так сделаю, то никогда больше не осмелюсь её есть*».

Прошла половина утра, прежде чем Янос Слинт откликнулся на приказ лорда-командующего. Джон чистил Длинный Коготь. Другой бы отдал меч стюарду или оруженосцу, но лорд Эддард приучил сыновей ухаживать за собственным оружием самостоятельно. Когда Кегс и Скорбный Эдд привели Слинта, Джон поблагодарил их и велел Слинту сесть.

Тот сел, насупившись, и скрестил на груди руки, сделав вид, что не видит обнажённой стали в руках лорда-командующего. Джон протирал полуторный меч промасленной ветошью, смотрел, как играет на лезвии утренний свет и прикидывал, насколько легко клинку будет рассечь

кожу, жир и сухожилия, отделив уродливую голову Слинта от туловища. С человека снимаются все его прошлые грехи и преступления, когда он надевает чёрное, все его прежние клятвы и обязанности — но Джону все равно было сложно думать о Яносе Слинте как о брате.

«*Этот человек — мой враг. Он участвовал в убийстве отца и сделал всё что мог, чтобы убить и меня*».

— Лорд Янос, — Джон точил свой меч. — Я назначаю вас командиром Серого Стража.

Это застало Слинта врасплох.

— Серый Страж... Это у Серого Стража ты перебрался через Стену со своими приятелями-одичалыми.

— Именно. Признаюсь, крепость сейчас в жалком состоянии. Вы восстановите её, как сумеете. Начнёте с расчистки леса. Можете взять камень из обрушившихся построек, чтобы укрепить те, что еще стоят.

«*Труд будет тяжким и изнурительным*, — мог бы он добавить. — *Ты будешь спать на камнях, у тебя не останется сил, чтобы жаловаться и плести заговоры, и когда ты забудешь, что значит жить в тепле, быть может, ты вспомнишь, что значит быть человеком*».

— У вас под началом будет тридцать человек: десять из Сумеречной башни, десять отсюда и десять из тех, что нам предоставил король Станнис

Лицо Слинта сделалось лиловым, отвисшие щеки задрожали.

— Ты думаешь, я не вижу, что ты задумал? Яноса Слинта так просто не одурачить. Меня назначили охранять Королевскую Гавань ещё тогда, когда ты пачкал пеленки. Оставь себе свои развалины, бастард.

«*А я ведь даю тебе шанс, милорд — куда больше, чем ты дал моему отцу*».

— Вы меня не поняли, милорд, — сказал Джон. — Это не предложение, это приказ. До Серого Стража сорок лиг. Соберите своё оружие и доспехи, попрощайтесь с кем хотите, и завтра на рассвете будьте готовы отправиться в путь.

— Нет, — Янос Слинт вскочил на ноги, опрокинув стул. — Я не собираюсь покорно отправиться умирать на морозе. Янос Слинт не будет подчиняться приказам бастарда-изменника! У меня есть друзья, предупреждаю — здесь и в Королевской Гавани тоже. Да я был лордом Харренхолла! Отдай свои руины кому-нибудь из тех слепых олухов, что за тебя голосовали — я их не возьму!

— Возьмёте.

Слинт не снизошел до ответа — он пнул опрокинутый стул в сторону и вышел.

«*Он всё ещё считает меня мальчишкой, — подумал Джон, — зелёным мальчишкой, которого можно запугать гневными словесами*».

Ему осталось только надеяться, что за ночь лорд Янос одумается.

Утро показало, что эта надежда была напрасной.

Джон застал Слинта за завтраком в трапезной. Тут же был и Аллисер Торне, и несколько их приятелей. Они смеялись над чем-то, когда Джон спустился по лестнице вместе с Железным Эмметом и Скорбным Эддом, а за ними шли Малли, Конь, Рыжий Джек Крэбб, Расти Флауэрс и Оуэн-Олух.

Трехпалый Хобб раскладывал по мискам кашу из котла. Люди королевы, люди короля и чёрные братья расселись за разными столами, кто-то склонился над миской с кашей, кто-то набивал желудок поджаренным хлебом с беконом. За одним столом Джон увидел Пипа и Гренна, за другим Боуэна Марша. Воздух пропах дымом и жиром, звон ножей и ложек эхом отдавался от сводчатого потолка.

Все разговоры оборвались одновременно.

— Лорд Янос, — сказал Джон, — я даю вам один последний шанс. Положите ложку и идите в конюшню — я велел оседлать и взнуздать вашу лошадь. Путь до Серого Стража долог и труден.

— Тогда тебе лучше туда поторопиться, мальчик, — Слинт засмеялся, забрызгав себе грудь кашей. — Самое подходящее место для тебя и тебе подобным. Подальше от людей порядочных и богобоязненных. На тебе клеймо зверя, бастард.

— Вы отказываетесь подчиниться моему приказу?

— Засунь свой приказ в свою бастардову задницу, — заявил Слинт, тряся щеками.

Аллисер Торне тонко улыбнулся, устремив на Джона черные глаза. За другим столом засмеялся Годри Убийца Великанов.

— Что ж, ваша воля, — Джон кивнул Железному Эммету. — Отведите лорда Яноса к Стене...

«*...и заприте его в ледяной камере*», — мог бы он сказать. День или десять в тесном ледяном гробу заставят его дрожать, лихорадить и молить об освобождении — Джон не сомневался. — «*И стоит ему выйти на свободу, как они с Торне снова начнут плести интриги*».

«*...и привяжите его к лошади*», — мог бы он сказать. Если уж Слинт не хочет ехать в Серый Страж

командиром, он может поехать поваром. «*Тогда только вопрос времени, когда он дезертирует. А скольких братьев он прихватит с собой*?»

— ...и повесьте, — закончил Джон.

Лицо Яноса Слинта враз побелело, как молоко, ложка вывалилась у него из пальцев. Эдд и Эммет пересекли зал, гремя сапогами по каменному полу. Рот Боуэна Марша открылся и закрылся, не произведя ни звука. Сир Аллисер Торне потянулся к рукояти меча.

«*Ну, давай*, — подумал Джон. Длинный Коготь висел у него за спиной. — *Обнажи сталь. Дай мне повод сделать то же самое*».

Половина трапезничающих вскочила на ноги. Южные рыцари и латники, верные королю Станнису или красной женщине, или обоим, и давшие присягу братья Ночного Дозора. Кто-то голосовал за Джона Сноу на выборах лорда-командующего, другие отдавали свои голоса за Боуэна Марша, сира Денниса Маллистера, Коттера Пайка... и кое-кто — за Яноса Слинта.

«*А таких были сотни, насколько я помню*».

Джон задумался, сколько же из тех человек собралось сейчас в подвальной трапезной. Какое-то мгновение мир балансировал на острие меча.

Затем Аллисер Торне убрал от меча руку и от-

ступил в сторону, давая Скорбному Эдду пройти. Скорбный Эдд взял Яноса Слинта под одну руку, Железный Эммет под другую. Вдвоём они стащили его со скамьи.

— Нет, — протестовал Янос Слинт, у него изо рта падали кусочки каши, — нет, отпустите меня. Он же мальчишка, *бастард*. Его отец — предатель. На нем клеймо зверя, этот его волк... Отпустите! Вы ещё пожалеете о том дне, когда притронулись к Яносу Слинту! У меня есть друзья в Королевской Гавани. Я предупреждаю... — всё время, пока его не то вели, не то тащили к лестнице, он продолжал протестовать.

Джон вышел наружу, и следом за ним трапезная сразу опустела. У клети подъемника Слинт на какой-то момент вырвался и попытался завязать драку, но Железный Эммет ухватил его за горло и бил о прутья, пока тот не перестал сопротивляться. К этому моменту на улицу выскочили все, кто находился в Черном Замке. Даже Вель оказалась у окна, её длинная золотая коса была перекинута через плечо. Станнис в окружении своих рыцарей вышел на лестницу перед Королевской Башней.

— Если мальчишка думает, что может меня запугать, он ошибается, — говорил Янос Слинт. — Он не посмеет меня повесить. У меня есть

друзья, влиятельные друзья, вы еще увидите... — остальное унес ветер.

«*Это неправильно*», — подумал Джон.

— Прекратите.

Эммет повернул назад, нахмурившись.

— Милорд?

— Я не буду его вешать. Приведите его сюда.

— Помогите нам Семеро, — услышал Джон выкрик Боуэна Марша.

На лице Яноса Слинта появилась улыбка не слаще прогорклого масла. Она исчезла, как только Джон сказал:

— Эдд, принеси мне колоду, — и вытащил Длинный Коготь из ножен.

К тому времени, как ему отыскали подходящий чурбан для рубки дров, Янос Слинт отступил в клеть подъемника, но Железный Эммет вытащил его наружу.

— Нет, — рыдал Янос Слинт, пока Эммет наполовину толкал, наполовину тащил его по двору. — Отпустите меня... вы не смеете... когда Тайвин Ланнистер об этом узнает, вы пожалеете...

Эммет пинком опрокинул его на землю. Скорбный Эдд поставил ему ногу на спину, не давая подняться с колен; Эммет подтолкнул чурбан ему под голову.

— Будет легче, если ты не будешь дёргаться, — предупредил его Джон. — Дернешься, чтобы избежать удара — смерть всё равно наступит, но она будет куда мучительнее. Вытяни шею, милорд.

Бледный утренний свет взбежал по клинку, когда Джон взялся за рукоять обеими руками и поднял меч над головой.

— Если у тебя есть что сказать напоследок, сейчас самое время, — произнес он, ожидая последней брани.

Янос Слинт вывернул шею, чтобы взглянуть на лорда-командующего.

— Прошу вас, милорд. Сжальтесь. Я... я поеду, я поеду, я...

«*Нет*, — подумал Джон, — *эту дверь ты уже закрыл*».

Длинный Коготь опустился.

— Можно я заберу себе сапоги? — спросил Оуэн-Олух, когда голова Яноса Слинта покатилась по грязной земле. — Они почти новые. Мехом подбиты.

Джон взглянул на Станниса. На мгновение их взгляды встретились. Затем король кивнул и ушел назад в башню.

Глава 8. Тирион

Он проснулся в одиночестве и обнаружил, что паланкин остановился.

На месте, где раньше пролёживал бока Иллирио, осталась только гора смятых подушек. В горле у карлика пересохло и першило. Ему снилось... что ему снилось? Он не помнил.

Снаружи доносилась речь на незнакомом языке. Тирион спустил ноги за занавесь и спрыгнул на землю. Магистр Иллирио стоял около упряжки, а над ним возвышались два всадника. На обоих под бурыми суконными плащами были куртки из поношенной кожи, но мечи у них были в ножнах, и толстяк не казался в опасности.

— Мне надо отлить, — объявил карлик. Он вразвалочку отошел от дороги, развязал штаны и справил нужду на терновый куст. На это ушло немало времени.

— По крайней мере, ссыт он знатно, — заметил голос за спиной.

Тирион стряхнул последние капли и заправился.

— Это ещё наименьший из моих талантов.

Видели бы вы, как я хожу по большой нужде, — он повернулся к магистру Иллирио. — Твои знакомые? Смахивают на разбойников. Мне поискать топор?

— Топор? — фыркнул всадник покрупнее — дюжий мужчина с косматой бородой и копной рыжих волос на голове. — Хэлдон, ты слышал? Этот коротышка хочет с нами драться!

Его спутник был старше, с чисто выбритым, морщинистым лицом аскета и волосами, стянутыми в узел на затылке.

— Маленьким людям свойственно доказывать свое мужество недостойной похвальбой, — заявил он. — Ему и утку не убить.

— Давайте сюда утку, — пожал плечами Тирион.

— Ну, если ты настаиваешь, — пожилой всадник взглянул на своего спутника.

В ответ дюжий мужчина извлек из ножен полуторный меч.

— Утка — это я, болтливый ночной горшок.

«*Боги, смилуйтесь*».

— Я имел в виду утку поменьше.

Верзила взорвался хохотом.

— Хэлдон, ты слышал? Он хочет Утку поменьше!

— Мне бы хватило и Утки потише, — человек по имени Хэлдон изучил Тириона холодными серыми глазами, потом повернулся к Иллирио. — У вас какие-то ящики для нас?

— И мулы, чтобы их тащить.

— Мулы слишком медлительны. У нас есть вьючные лошади, перегрузим ящики на них. Утка, займись.

— И почему это Утка вечно крайний? — верзила сунул меч в ножны. — Чем *ты* занимаешься, Хэлдон? Кто из нас двоих рыцарь, ты или я?

И, тем не менее, он спешился и потопал к навьюченным мулам.

— Как поживает наш юноша? — полюбопытствовал Иллирио, пока Утка таскал туда-сюда ящики. Тирион насчитал шесть дубовых ящиков с железными засовами. Впрочем, Утка носил их с легкостью, водрузив на плечо.

— Ростом он уже с Грифа. Три дня назад он опрокинул Утку в поилку для лошадей.

— Меня *не* опрокинули. Я сам упал с коня, чтобы его рассмешить.

— Значит, проделка удалась, — ответил Хэлдон, — я сам обхохотался.

— Там в одном из ящиков для него гостинец — засахаренный имбирь. Мальчик всегда его

обожал, — голос Иллирио звучал до странности грустно. — Я думал, что смогу доехать с вами до самого Гоян Дроэ. Прощальный пир, прежде чем вы пуститесь вниз по течению...

— Нет времени пировать, милорд, — ответил Хэлдон. — Гриф хочет отправиться вниз по реке, как только мы вернемся. Из низовьев пришли грозные вести. К северу от Кинжального озера видели дотракийцев — разведчиков из кхаласара старого Мото, а за ним через Квохорский лес идет и кхал Зекко.

Толстяк издал неприличный звук.

— Зекко навещает Квохор каждые три — четыре года. Обычно квохорцы дают ему мешок золота, и Зекко возвращается восвояси на восток. Что до Мото, его люди немногим младше его, и с каждым годом их становится всё меньше. Настоящая угроза — это...

— Кхал Поно, — закончил за него Хэлдон. — Если слухи верны, Мото и Зекко бегут от него. Последний раз Поно видели в верховьях Сельхору с кхаласаром в тридцать тысяч человек. Гриф не хочет попасться ему на переправе, если Поно вдруг решится пересечь Ройн, — Хэлдон поглядел на Тириона. — Твой карлик ездит верхом не хуже, чем ссыт?

— Он ездит, — вмешался Тирион, не дав властелину сыра ответить за него, — хотя он ездит лучше, если под ним специальное седло и лошадь, которую он знает как следует. И ещё он умеет говорить.

— Вот как, значит. Я Хэлдон, врачеватель нашего маленького братства. Кое-кто называет меня Полумейстером. Мой спутник — сир Утка.

— Сир Ролли, — поправил верзила. — Ролли с Утиного Поля. Любой рыцарь может посвятить в рыцари другого, и Гриф посвятил меня. А тебя как зовут, карлик?

Иллирио поспешно ответил:

— Его зовут Йолло.

«*Йолло? Звучит как кличка для обезьянки*». Кроме того, это было пентошийское имя, а любому дураку было ясно, что Тирион не пентошиец.

— В Пентосе меня звали Йолло, — быстро сказал он, чтобы по возможности поправить ситуацию, — но мать дала мне другое имя: Хугор Хилл.

— И кто же ты: маленький король или маленький бастард? — поинтересовался Хэлдон.

Тирион понял, что с Хэлдоном-Полумейстером ему придется держать ухо востро.

— Любой карлик — бастард в глазах собственного отца.

— Без сомнения. Итак, Хугор Хилл, ответь мне на такой вопрос: как Сервин Зеркальный Щит победил дракона Урракса?

— Приблизился, укрывшись за своим щитом. Урракс видел только свое отражение в щите, пока Сервин не всадил ему копьё в глаз.

Хэлдона это не впечатлило.

— Даже Утка знает эту побасенку. Как звали рыцаря, что попытался применить ту же уловку против Вхагара во времена Танца драконов?

Тирион ухмыльнулся.

— Сир Байрон Сванн. Дракон зажарил его заживо... вот только это была Сиракс, а не Вхагар.

— К моему сожалению, ты неправ. Мейстер Манкан в «Истинном повествовании о Танце драконов» пишет...

— ... что это была Вхагар. Великий мейстер Манкан заблуждался. Оруженосец сира Байрона стал свидетелем смерти своего господина и много позже описал его дочери обстоятельства дела. В его воспоминаниях речь шла о Сиракс, драконе Рейениры, что намного логичнее, чем версия Манкана. Сванн был сыном лорда из Марки, а Штормовой предел принял сторону Эйегона. Вхагар же была драконом брата Эйегона — принца Эйемонда. Зачем Сванну пытаться убить её?

Хэлдон поджал губы.

— Попытайся не свалиться с коня, иначе отправишься назад в Пентос пешком. Наша скромница не будет ждать ни мужа, ни полумужа.

— По мне нет ничего лучше скромниц — разве что распутницы. К слову: куда отправляются все шлюхи?

— Я что — похож на человека, который ходит по шлюхам?

Утка прыснул.

— Он не осмелится. Иначе Лемора заставит его молить об искуплении грехов, мальчик захочет пойти вместе с ним, а Гриф просто отрежет ему член и запихнет его ему в глотку.

— Ну, — сказал Тирион, — мейстеру член и не нужен.

— Только вот Хэлдон мейстер только наполовину.

— Раз тебя так веселит этот карлик, Утка, — сказал Хэлдон, разворачивая коня, — ты его и вези.

Утке потребовалось еще немного времени, чтобы закончить с погрузкой ящиков Иллирио на трёх вьючных лошадей. К этому времени Хэлдон уже скрылся вдали. Утку это, казалось, не заботило. Он забрался в седло, ухватил Тириона за шиворот и посадил перед собой.

— Держись как следует за луку, и всё будет в порядке. Ход у этой кобылы хороший, ровный, а драконья дорога гладка, как девичья попка.

Разобрав поводья, сир Ролли пустил лошадь скорой рысью.

— Удачи, — закричал им вслед Иллирио. — Передайте мальчику — я сожалею, что не буду гостем на его свадьбе. Я присоединюсь к вам уже в Вестросе. Клянусь руками моей милой Серры.

Когда Тирион последний раз оглянулся на Иллирио Мопатиса, магистр стоял в своей парчовой мантии у паланкина, опустив массивные плечи. Его силуэт таял за поднятой копытами пылью, властелин сыров выглядел почти маленьким.

Через четверть мили Утка поравнялся с Хэлдоном-Полумейстером, и с этого момента они ехали бок о бок. Тирион вцепился в луку седла, неудобно растопырив ноги и мрачно ожидая от ближайшего будущего судорог в мышцах, волдырей и натёртых ссадин.

— Любопытно, как посмотрят на нашего карлика пираты с Кинжального озера? — спросил Хэлдон.

— Как на карликовую котлетку? — предположил Утка.

— Хуже Урхо Немытого среди них никого нет,

— сообщил Хэлдон. — Он способен убить человека на месте одной вонью.

Тирион пожал плечами.

— К счастью, у меня нет носа.

Хэлдон одарил его тонкой улыбкой.

— Если мы встретим леди Корру на «Ведьминых зубах», ты можешь лишиться и кое-чего ещё. Ее называют Коррой Жестокой. Команда её корабля состоит из прекрасных девиц, и они оскопляют каждого мужчину, попадающего им в руки.

— Ужасы какие. Я ведь могу и штаны обмочить.

— Лучше не надо, — мрачно предупредил сзади Утка.

— Ну как скажешь. Если мы встретим эту леди Корру, я нацеплю юбку и скажу, что я — Серсея, всемирно известная бородатая женщина из Королевской Гавани.

На этот раз Утка засмеялся, а Хэлдон сказал:

— Забавный ты малыш, Йолло. Говорят, Лорд в Саване исполнит любое желание того, кто заставит его рассмеяться. Возможно, Его Серейшество прихватит тебя, чтобы украсить свой каменный двор.

Утка беспокойно поглядел на спутника.

— Не стоит о нем шутить, когда мы так близко

к Ройну. Он все слышит.

— Поистине утиная мудрость, — сказал Хэлдон. — Прошу прощения, Йолло — нечего так бледнеть, я просто шутил. Князь Горестей не раздает свои серые поцелуи кому попало.

«*Свои серые поцелуи*», — при этой мысли у него по коже побежали мурашки. Смерть уже не пугала Тириона Ланнистера, но серая хворь — дело другое.

«*Лорд в Саване* — это просто легенда, — говорил он себе, — *точно такая же, как рассказы о призраке Ланна Умного, который якобы обитает в стенах Кастерли Рок*».

В любом случае он решил придержать язык.

Молчание карлика не осталось незамеченным, и Утка начал рассказывать ему о себе. По его словам, отец Утки был оружейником в Горьком Мосту, так что у него с рождения в ушах стоял звон металла, и он с младых ногтей учился владеть мечом. Рослый и пригожий парень привлек к себе внимание старого лорда Касвелла, который взял Утку на службу к себе в стражу — но тому хотелось большего. Он видел, как чахлый сын Касвелла становится пажом, потом оруженосцем и, наконец, рыцарем.

— Это был худосочный подлипала с испитой

мордочкой, но у старого лорда были четыре дочери и один-единственный сын, так что этому сыну никто не мог и слова поперек сказать. Другие оруженосцы на тренировках боялись тронуть его даже пальцем.

— Но ты такой робостью не отличался, — Тириону было ясно как божий день, что будет дальше.

— На мои шестнадцатые именины отец выковал мне меч, — сказал Утка. — Лоренту меч настолько понравился, что он забрал подарок себе, а мой треклятый папаша даже пикнуть не посмел. Когда я стал возражать, Лорент сказал мне в лицо, что мои руки созданы для того, чтобы держать молот, а не меч. Что ж, я сходил за молотом и отделал его как следует, переломал ему руки и половину ребер. После такого мне пришлось как можно скорее покинуть Простор. Я переплыл море и вступил в Золотое Братство. Тут я несколько лет был подмастерьем кузнеца, пока сир Гарри Стрикленд не взял меня к себе в оруженосцы. Когда Гриф прислал весточку, что ему нужен наставник для его сына во владении мечом, Гарри отправил меня.

— И Гриф посвятил тебя в рыцари?

— Через год.

Хэлдон-Полумейстер тонко улыбнулся.

— Почему бы тебе не рассказать нашему маленькому другу, откуда взялось прозвище?

— Рыцарю ведь нужно не только имя, — объяснил верзила, — ну, мы были в поле, когда он меня посвятил в рыцари, я поднял голову и увидел уток... только не надо теперь смеяться.

После заката они остановились на ночлег в заросшем дворе за старым каменным колодцем. Пока Хэлдон и Утка поили лошадей, Тирион попрыгал на месте, чтобы унять судороги в икрах. Из щелей между булыжниками и на затянутых мхом стенах, когда-то бывших большой каменной усадьбой, проросли жёсткая бурая трава и небольшие деревца. Позаботившись о животных, всадники разделили скромный ужин из солонины и холодной фасоли, запив его пивом. Для Тириона эта простая пища была приятной переменой после всех яств, отведанных с Иллирио.

— Эти ящики, что мы вам привезли, — сказал он за едой, — я сперва подумал, что в них золото для Золотого Братства, пока не увидел, как сир Ролли закидывает себе один из них на плечо. Будь он набит монетами, ты не поднял бы его так легко.

— Да там просто доспехи, — пожал плечами Утка.

— И одежда, — добавил Хэлдон. — Парадные

одеяния для всей нашей братии. Тонкое сукно, бархат, шелка. К королеве не пристало являться в лохмотьях... и с пустыми руками. Магистр был так добр, что снабдил нас подобающими подарками.

С восходом луны они снова сели на лошадей и пустились в путь на восток под звёздным покровом. Впереди тонкой серебряной лентой, перекинутой через леса и поля, светилась древняя валирийская дорога. На какое-то время Тирион Ланнистер почувствовал себя почти умиротворенным.

— Ломас Долгоход говорил правду: эта дорога — чудо.

— Ломас Долгоход? — спросил Утка.

— Давно умерший книжник, — ответил Хэлдон. — Он всю жизнь странствовал по миру и описал увиденные им земли в двух книгах: «Чудеса» и «Рукотворные чудеса».

— Мой дядя подарил мне обе книги, когда я был ещё ребенком, — сказал Тирион. — Я зачитал их до дыр.

— «*Боги создали семь чудес, и смертные — еще девять*», — процитировал Полумейстер. — Со стороны людей было довольно нечестиво обставить богов на два чуда. Каменные дороги Валирии были одним из чудес Долгохода — пятым, по-

моему.

— Четвёртым, — сказал Тирион, который в детстве выучил назубок все шестнадцать чудес света. Его дядя Герион любил во время пиров ставить Тириона на стол, чтобы тот перечислил все по памяти. «*И мне это нравилось, не правда ли? Стоять посреди мисок, в центре всеобщего внимания, показывая всем, какой я умненький маленький бес*». Годы спустя он все ещё лелеял мечту, что когда-нибудь сам объедет весь свет и увидит чудеса Долгохода своими глазами.

Лорд Тайвин разбил эту мечту за десять дней до шестнадцатых именин своего сына-карлика, когда Тирион попросился в путешествие по Девяти Вольным Городам, какие в том же возрасте совершили его дядья.

— На моих братьев я мог положиться, зная, что они не навлекут позор на род Ланнистеров, — ответил его отец. — И не женятся на шлюхах.

Когда Тирион напомнил ему, что через десять дней он станет свободным совершеннолетним мужчиной и будет волен странствовать, куда пожелает, лорд Тайвин ответил:

— Никто не свободен. Только дети и дураки думают иначе. Хочешь ехать — изволь: надевай пестрый наряд и стой на голове, развлекая пе-

речных лордов и сырных королей. Но помни, ты сам оплатишь своё путешествие, и оставь мысль о возвращении.

На чём своеволие Тириона и прекратилось.

— Хочешь заняться чем-то полезным — значит, займешься чем-то полезным, — после этого сказал ему отец. И в честь шестнадцатых именин Тириона поставили заведовать всеми сточными трубами и водными резервуарами Кастерли Рок. «*Наверное, он надеялся, что я туда провалюсь*». Но Тирион его и в этом разочаровал: сточные трубы никогда не работали и вполовину так хорошо, как в те времена, когда ими заведовал Тирион.

«*Мне нужна чаша вина, чтобы смыть с языка привкус Тайвина. Или, ещё лучше, целый бурдюк*».

Они ехали всю ночь — Тирион то забывался сном, вцепившись в луку седла, то вдруг опять просыпался. Иногда он начинал клониться с седла на сторону, но сир Ролли каждый раз его подхватывал и возвращал в вертикальное положение. К рассвету ноги карлика ныли от боли, а ягодицы были стерты до крови.

Только на следующий день они достигли расположенных у реки руин Гоян Дроэ.

— Наконец-то, легендарный Ройн, — кисло сказал Тирион, поглядев на сонную зеленую реку

с холма.

— Малый Ройн, — поправил его Утка.

— Ясно.

«*Милая речка, не спорю, но самый мелкий из зубцов Трезубца втрое шире, и все три текут куда как быстрее*».

Город тоже не впечатлил. Гоян Дроэ никогда не был большим городом — это Тирион помнил из истории; но место было милое, полное зелени и цветов: город каналов и фонтанов. «*Пока не началась война, и не прилетели драконы*». Сейчас, тысячу лет спустя, каналы заросли грязью и тростником, превратившись в болото, в котором плодились рои мух. Разбитые камни храмов и дворцов вросли в землю, и берег реки плотно зарос корявыми старыми ивами.

Среди запустения всё-таки жила горстка людей, разбивших среди сорных трав небольшие огороды. Цоканье железных копыт по валирийской дороге заставило большинство местных устремиться назад в свои тёмные норы, откуда они выползали; на свету задержались только самые смелые, чтобы посмотреть на проезжих всадников тупыми, нелюбознательными глазами. Маленькая голая девочка с испачканными по колено в грязи ногами никак не могла отвести от

Тириона глаз.

«*Она в жизни не видела карликов*, — понял он, — *тем более безносых*».

Он состроил ей рожу и высунул язык. Девочка заплакала.

— Что ты с ней сделал? — спросил Утка.

— Послал воздушный поцелуй. Все женщины плачут, когда я их целую.

За спутанными ивами дорога вдруг кончилась, и им пришлось свернуть на север и ехать вдоль воды, пока прибрежные заросли вдруг не оборвались. За ними оказалась древняя каменная пристань, наполовину ушедшая под воду, со всех сторон окруженная высокой бурой травой.

— Утка! — раздался крик. — Хэлдон!

Тирион повернул голову и увидел подростка, забравшегося на крышу какой-то приземистой дощатой лачуги и размахивающего широкополой соломенной шляпой. Это был стройный, хорошо сложенный парень, длинноногий, с копной тёмно-синих волос на голове. На взгляд карлика, ему было лет пятнадцать — шестнадцать или около того.

Лачуга оказалась палубной надстройкой «Скромницы» — ветхой одномачтовой посудины. Широкий корпус и небольшая осадка

делали её как нельзя более подходящей для того, чтобы ходить вверх по самым узким протокам и перебираться через песчаные отмели. «*Неказистая девица,* — подумал Тирион, — *но дурнушки, бывает, оказываются в постели самыми страстными*». Ходившие по рекам Дорна лодки частенько ярко раскрашивали и покрывали вычурной резьбой, но эта была не из таких. Она была выкрашена в болотный серо-бурый цвет с блеклыми и шелушащимися бортами; большой изогнутый румпель был прост и невзрачен. «*На вид сущий хлам,* — подумал он, — *но, уверен, в этом-то и дело*».

Утка заулюлюкал в ответ. Кобыла пошлепала по мелководью, приминая камыши. Подросток соскочил с надстройки на палубу лодки, и наружу выглянули прочие члены команды «Скромницы». За румпелем показалась пожилая пара с ройнарскими чертами лица, из дверей надстройки вышла симпатичная септа в мягком белом облачении, откинув с глаз локон темных волос.

«*А вон там, без сомнения, Гриф*».

— Хватит орать, — сказал тот. Над рекой повисла неожиданная тишина.

«*С этим хлопот не оберешься*», — сразу сообразил Тирион.

Накидка Грифа была сделана из шкуры ройнского рыжего волка вместе с головой. Под шкурой он носил коричневую кожаную куртку с нашитыми железными кольцами. Чисто выбритое лицо Грифа было похоже на надетую на нем куртку — такое же плотное и кожистое, с морщинками в углах глаз. Хотя волосы у него, как и у сына, были выкрашены в синий цвет, брови и корни волос оставались рыжими. На поясе висели меч и кинжал.

Если Гриф и был рад снова видеть Утку и Хэлдона, он это умело скрыл — зато не потрудился скрыть свое неудовольствие при виде Тириона.

— Карлик? Это что ещё такое?

— Знаю-знаю, вы надеялись на круг сыра, — Тирион повернулся к Юному Грифу и одарил его самой своей обезоруживающей улыбкой. — Синие волосы сослужат тебе добрую службу в Тироше, но в Вестеросе дети будут кидаться в тебя камнями, а девушки смеяться в лицо.

Мальчик смутился.

— Моя мать была из Тироша. Я крашу волосы в память о ней.

— Что это за существо? — потребовал ответа Гриф.

Ответил Хэлдон:

— Иллирио прислал вам письмо с разъяснениями.

— Так давай его сюда. А карлика в мою каюту.

«*Ох, и не нравятся мне его глаза*», — подумал Тирион, когда в полумраке каюты наемник сел напротив него за сучковатый дощатый стол с сальной свечой посередине. Глаза у Грифа были бледные, холодные, льдисто-голубые. Тирион терпеть не мог бледных глаз: у лорда Тайвина глаза были бледно-зелёные с золотыми искорками.

Он смотрел, как наёмник читает письмо. Само то, что Гриф умел читать, кое-что о нём говорило: многие ли наёмники могут похвастаться подобным талантом? «*Он даже почти не шевелит губами*», — заметил Тирион.

Наконец Гриф оторвался от пергамента и сощурил свои бледные глаза.

— Тайвин Ланнистер убит? Твоими руками?

— Моим пальцем. Вот этим, — Тирион выставил палец Грифу напоказ. — Лорд Тайвин сидел в нужнике, и я вогнал ему арбалетный болт в брюхо, чтобы посмотреть, не испражняется ли он, и правда, золотом. Оказалось — нет. Жаль, золото бы мне пригодилось. Ещё я убил свою мать — немного раньше. Да, и еще моего племянника Джоффри — отравил на его собственном свадеб-

ном пиру и смотрел, как он задыхается. Торговец сыром об этом не упомянул? Еще, прежде чем завязать, я собираюсь пополнить список своими братом и сестрой — если смогу этим угодить вашей королеве.

— Угодить ей? Иллирио тронулся рассудком? Он вообразил, что Её Величество с радостью возьмет себе на службу человека, открыто признающего себя цареубийцей и предателем?

«*Отличный вопрос*», — подумал Тирион, но вслух ответил:

— Король, которого я убил, занимал её трон, и все, кого я предал, были львами. Так что, сдается мне, я уже сослужил ей хорошую службу, — он почесал обрубок носа. — Не бойтесь, вас я убивать не буду — вы мне не родственник. Можно мне взглянуть на письмо? Люблю читать о самом себе.

Гриф проигнорировал просьбу, поднес письмо к свече и смотрел, как пергамент чернеет, загибается и занимается пламенем.

— Таргариены и Ланнистеры — смертельные враги. Ради чего тебе поддерживать дело королевы Дейенерис?

— Ради золота и славы, — охотно ответил карлик. — Да, и из ненависти. Если вы когда-нибудь

встречали мою сестру, то поймете.

— В ненависти я разбираюсь прекрасно.

По тому, как Гриф выговорил это слово, Тирион понял, что тот говорит правду. «*Его самого питает ненависть, и она же много лет согревает его по ночам*».

— Значит, у нас есть нечто общее, сир.

— Я не рыцарь.

«*Лжец, и прескверный. Неуклюжее и глупое вранье, милорд*».

— А вот сир Утка говорит, что в рыцари его посвятили вы.

— Утка слишком много болтает.

— Говорящая утка сама по себе — диво дивное. Неважно, Гриф. Ты не рыцарь, а я — Хугор Хилл, маленькое чудовище. Твоё маленькое чудовище, если тебе угодно. Даю слово, мне не нужно ничего, кроме как верно служить твоей драконьей королеве.

— И как ты собираешься ей служить?

— Языком, — он один за другим облизнул пальцы. — Я могу подсказывать Её Величеству, о чем думает моя милая сестра — если называть это мышлением. Я могу давать её командирам советы, как победить на поле брани моего брата Джейме. Я знаю, какие лорды храбры, а какие

трусливы, какие верны, а какие продажны. Я могу завоёвывать для неё союзников. И я знаю намного-намного больше о драконах, чем твой полумейстер. Ещё я смешной и ем немного. Считай меня вашим преданным бесом.

Гриф подумал немного.

— Понятно, карлик. В моем отряде ты займешь самое последнее место. Держи язык за зубами и делай, что говорят, иначе пожалеешь.

«*Да, отец*», — чуть не сказал Тирион.

— Как скажете, милорд.

— Я не лорд.

«*Лжец*».

— Это была просто любезность с моей стороны, друг мой.

— Я тебе и не друг.

«*Не рыцарь, не лорд и не друг*».

— Какая жалость.

— Избавь меня от своих насмешек. Я беру тебя с собой до Волантиса. Если ты окажешься послушным и полезным — можешь остаться с нами и служить королеве, как сможешь. Если от тебя будет больше проблем, чем пользы — покатишься на все четыре стороны.

«*Да, и все четыре стороны ведут на дно Ройна, где то, что осталось от моего носа, доедят*

рыбы».

— Валар дохаэрис.

— Можешь спать на палубе или в трюме, как больше нравится. Исилла приготовит тебе постель.

— Как мило с её стороны, — Тирион неуклюже поклонился и пошел наружу, но у двери каюты обернулся.

— Что если мы найдем королеву и обнаружим, что драконы оказались пьяными моряцкими побасенками? Мир полнится подобными выдумками. Грамкины и снарки, призраки и упыри, русалки, каменные гоблины, крылатые кони, крылатые свиньи... крылатые львы.

Гриф хмуро поглядел на него.

— Я тебя ясно предупредил, Ланнистер. Держи язык на привязи или с ним расстанешься. На карту поставлено королевство. Наши жизни, наша репутация, наша честь. Это не игра, в которую мы играем ряди твоего развлечения.

«*Конечно, это игра*, — подумал Тирион, — *игра престолов*».

— Как скажете, капитан, — пробормотал он, поклонившись ещё раз.

Глава 9. Давос

Небо на севере вспорола молния, высветив черный силуэт башни Ночного Светоча на фоне бело-синего неба. Спустя шесть ударов сердца, точно далекая барабанная дробь, прокатился гром.

Стражники сначала провели Давоса Сиворта по мосту из черного базальта, потом под железной решёткой со следами ржавчины. За ней был глубокий ров с соленой водой и подъёмный мост, поддерживаемый парой толстенных цепей. Внизу плескались зелёные волны, обдавая фундамент замка фонтанами брызг. За мостом оказалась ещё одна надвратная башня, больше первой, её камни сплошь обросли зелёными водорослями. Давос со связанными руками, спотыкаясь, проковылял через грязный двор, холодный дождь застилал ему глаза. Стражники тычками погнали его вверх по лестнице, вглубь тёмной каменной твердыни Волнолома.

Внутри капитан стражи стащил промокший плащ и, чтобы не намочить потёртый мирийский ковер, повесил плащ на гвоздь. Нащупав

связанными руками застежку, Давос сделал то же самое. Он не забыл правил приличия, которым научился за годы службы на Драконьем Камне.

Лорд сидел в одиночестве в своём сумрачном чертоге и ужинал традиционным сестринским рагу с хлебом и пивом. В толстые каменные стены было вбито десятка два креплений для факелов, но заняты были только четыре, и ни один из факелов не был зажжён. Скудный мерцающий свет давали лишь две сальные свечи. Давосу было слышно, как снаружи по стенам лупит дождь, и где-то под протекающей крышей мерно капает вода.

— М'лорд, — сказал капитан, — мы нашли этого человека в «Китовом брюхе», где он пытался купить себе место на корабле, отплывающем с острова. При нём было двенадцать драконов и вот это.

Капитан положил изъятый предмет на стол перед лордом. Это была широкая лента из чёрного бархата, отделанная золотой парчой, на которой были видны три печати: коронованный олень, оттиснутый на золотистом воске, пылающее алое сердце и белая десница.

Промокший Давос покорно ждал — с него капала вода, запястья саднили под глубоко вре-

завшейся в кожу веревкой. Одно слово лорда — и его вздернут на Висельных воротах Сестрина Городка. Но, по крайней мере, сейчас он не дрожал под дождем, и под ногами вместо шаткой палубы был твёрдный камень. Он вымок до нитки, устал, все тело у него немилосердно ныло, горе и предательство лишили его сил, и уж чем-чем, а бурями он точно был сыт по горло.

Лорд утер рот тыльной стороной ладони и взял ленту, чтобы рассмотреть ее получше. За окнами на пол-удара сердца сверкнула бело-голубая молния.

«*Раз, два, три, четыре*», — считал Давос время от вспышки до удара грома. Когда тот стих, он стал прислушиваться к звуку капель и приглушенному рокоту волн под ногами — там, в подземельях, под огромными каменными сводами Волнолома бурлило море. Он вполне может оказаться и там, внизу, прикованным к мокрому каменному полу, ожидая, когда в подземелье ворвется прилив.

— «*Нет*, — пытался он успокоить себя, — *это смерть для контрабандиста, а не для десницы короля. Будет дороже продать меня твоей королеве*».

Лорд пощупал ленту, нахмурившись при виде печатей. Это был некрасивый человек — рослый,

жирный, с широкими плечами гребца и, казалось, полностью лишённый шеи. Его подбородок и щёки покрывала местами уже побелевшая грубая серая щетина. Над массивным выпуклым лбом блестел голый череп. Нос у лорда был бесформенный и красный, покрытый сетью лопнувших жилок, губы толстые, а на правой руке между указательным, средним и безымянным пальцами у него виднелось что-то вроде перепонки. Давос слышал, что у некоторых сестринских лордов на руках и ногах перепонки, но всегда считал эти рассказы моряцкими байками.

Лорд откинулся назад.

— Разрежьте верёвку, — сказал он, — и снимите с него перчатки. Хочу посмотреть на его руки.

Капитан повиновался. Когда он поднял руку пленника, за окном вновь блеснула молния, отбросив тень от укороченных пальцев Давоса Сиворта на грубое и жестокое лицо Годрика Борелла, лорда Сладкой Сестры.

— Кто угодно может украсть ленту, — сказал лорд, — но эти пальцы не обманут. Ты — Луковый Рыцарь.

— Так меня прозвали, милорд, — Давос и сам был лордом и уже много лет как рыцарем, но в глубине души он так и остался тем, кем был

всегда — безродным контрабандистом, получившим свое рыцарство в награду за трюм с луком и соленой рыбой. — Были прозвища и похуже.

— Да. Изменник. Мятежник. Перебежчик.

Последнее его задело:

— Перебежчиком я никогда не был, милорд. Я человек короля.

— Это если Станнис — король, — суровые чёрные глаза лорда изучающее смотрели на Давоса. — Большинство рыцарей, высадившись на моих берегах, ищет меня в моих чертогах, а не в «Китовом брюхе». Это место — притон контрабандистов. Никак ты взялся за старое, Луковый Рыцарь?

— Нет, милорд. Мне нужно было попасть в Белую гавань. Король отправил меня с посланием к тамошнему лорду.

— Тогда ты попал не туда и не к тому лорду, — Годрика Борелла это позабавило. — Это Сестрин Городок на Сладкой Сестре.

— Я знаю.

В Сестрином Городке и в помине не было ничего сладкого — это был мерзкий городишко — грязный, мелкий и запущенный, пропахший свиным навозом и гниющей рыбой. Давосу он врезался в память ещё в старые годы. Три Се-

стры уже несколько веков были излюбленным прибежищем контрабандистов, а до того служили логовом пиратов. Улицы Сестрина Городка поверх грязи были вымощены досками, дома — сплошь мазанки, крытые соломой. На Висельных Воротах вечно болтались повешенные с торчащими наружу потрохами.

— Не сомневаюсь, что здесь у тебя есть друзья, — заявил лорд. — У каждого контрабандиста есть приятели на Сёстрах. Некоторые из них и мои друзья тоже, а кто мне не друг, того я вешаю. Я оставляю их задыхаться в петле с болтающимися между колен собственными кишками, — сверкнувшая за окнами молния снова озарила зал, два мгновения спустя прогрохотал гром. — Если ты плыл в Белую Гавань, то как оказался в Сестрином Городке? Что привело тебя сюда?

«*Приказ короля и предательство друга*», — мог бы сказать Давос. Но вместо этого он ответил:

— Бури.

От Стены отплыли двадцать девять кораблей. Давос бы сильно удивился, если хотя бы половина из них осталась на плаву. На протяжении всего пути вдоль берега их преследовали чёрное небо, злые ветры и проливные дожди. Галеры «Оледо» и «Сын Старухи» налетели на скалы у Скагоса,

острова единорогов и людоедов, где не решался высаживаться даже сам Слепой Бастард. Большой когг «Саатос Саан» пошел ко дну у Серых Скал.

— Станнис за это заплатит, — бушевал Салладор Саан. — Он заплатит за них звонкой монетой, за каждый корабль!

Словно какой-то злой бог вытрясал из них плату за лёгкое путешествие на север, когда постоянный южный ветер легко донес их от Драконьего Камня до Стены. Очередной бурей с «Обильного урожая» сорвало всю оснастку, так что Салле пришлось вести его на буксире. Десятью лигами севернее Вдовьего Дозора море, в который уже раз разбушевавшись, швырнуло «Урожай» на одну из галер, что вели его на буксире, и потопило оба корабля. Остальной лиссенийский флот разметало по всему Узкому морю — некоторые капитаны добрались до каких-то портов, других так больше никогда и не видели.

— Салладор Нищий, вот кем меня сделал твой король, — жаловался Салладор Саан Давосу, когда остатки его флота тащились по заливу Челюстей. — Салладор Разбитый. Где мои корабли? И где моё золото? Где всё золото, что мне обещали!

Когда Давос опять попытался убедить лиссенийца, что тот получит свою плату, Салла

взорвался.

— Когда, когда? Завтра? Через месяц? Когда вернётся красная комета?! Он обещает мне золото и драгоценности, всё время обещает, но этого золота я в глаза не вижу! Он дал мне свое слово, да, королевское слово, даже заверенное письменно. Но будет ли Салладор Саан сыт королевским словом? Сможет ли утолить свою жажду пергаментами и восковыми печатями? Сможет ли уложить обещания в постель и трахать их до визга?

Давос пытался убедить Саана сохранить верность Станнису. Если Салла бросит короля и его дело, говорил он, то потеряет всякую надежду получить всё то золото, что ему задолжали. В конце концов, король Томмен, одержав победу, вряд ли будет оплачивать долги своего побежденного дяди. Поэтому единственная надежда Саллы — это оставаться на стороне Станниса до тех пор, пока тот не отвоюет Железный Трон. Иначе он не увидит ни медяка из обещанных денег. Ему надо просто потерпеть.

Возможно, какой-нибудь лорд с хорошо подвешенным языком и уболтал бы лиссенийского пирата, но Давос был всего лишь Луковым Рыцарем, и его слова заставили Саллу взбелениться

пуще прежнего.

— Я терпел на Драконьем Камне, — говорил он, — когда красная женщина жгла деревянных богов и орущих людей. Я терпел весь долгий путь до Стены. Я терпел холод в Восточном Дозоре — мёрз и терпел, терпел и мёрз. Но сейчас я говорю «тьфу». Тьфу на твое терпение, и тьфу на твоего короля! Мои люди голодны. Они хотят ещё раз трахнуть своих жён и пересчитать сыновей, хотят увидеть Ступени и любимые сады Лисса. А вот чего они точно не хотят, так это льда, бурь и пустых обещаний! Тут на Севере слишком холодно, и становится все холоднее.

«*Я знал, что этот день придет*, — говорил себе Давос. — *Я любил старого плута, но, слава богам, у меня никогда не хватало глупости ему доверять*».

— Бури, — лорд Годрик выговорил это слово так нежно, как другой произнес бы имя любимой. — На Сёстрах бури считали священными задолго до прихода андалов. В старину мы поклонялись другим богам: Владычице Волн и Владыке Небес. Каждый раз, когда они делят ложе, поднимается буря.

Он подался вперед:

— Короли всегда смотрели на Сёстры сквозь

пальцы — да и что им до нас? Мы бедны и незначительны. Но вот теперь бури швырнули в мои руки тебя.

«*Меня в ваши руки швырнул друг*», — подумал Давос.

Лорд Годрик повернулся к капитану стражи:

— Оставь меня с этим человеком. Помни, его здесь никогда не было.

— Не было, м'лорд. Никогда, — капитан ушёл, оставив на ковре влажные следы сапог. Под полом билось в скалы под замком, волновалось и рокотало море. Дверь захлопнулась со звуком, напомнившим грохот далекого грома, и тут же, словно в ответ, за окнами сверкнула зарница.

— Милорд, — сказал Давос, — если вы отправите меня в Белую гавань, светлейший государь сочтет это дружеским участием.

— Я могу отправить тебя в Белую гавань, — согласился лорд. — Или в мою личную преисподнюю — там, где постуже и помокрее.

«*Сестрин Городок сам по себе преисподняя*», — Давос изначально боялся худшего. Три Сестры всегда были ветреными сучками, верными только самим себе. Считалось, что они служат Арренам из Долины, но власть Орлиного гнезда над островами была в лучшем случае незначи-

тельной.

— Если Сандерленд узнает о том, что ты в моих руках, то немедленно потребует тебя выдать.

Борелл правил Сладкой, Лонгторп — Длинной, а Торрент — Малой Сестрой, и все трое служили Тристону Сандерленду, лорду Трёх Сестер.

— Он продаст тебя королеве за горшок ланнистерского золота. Ведь бедняге нужен каждый дракон — у него семь сыновей, и все должны стать рыцарями, — лорд снова взял деревянную вилку и принялся за мясо. — Я проклинал богов, которые дарили мне только дочерей, пока не услышал, как Тристон убивается из-за стоимости боевых коней. Знал бы ты, сколько рыбы надо выловить и продать, чтобы купить приличные кольчугу и латы.

«*И у меня было семь сыновей, но четверо из них сгорели*».

— Лорд Сандерленд присягнул на верность Долине, — сказал Давос. — По закону он должен передать меня леди Аррен.

Лучше уж к ней, чем к Ланнистерам, решил он. Пусть она и не принимала участия в Войне пяти королей, Лиза Аррен была дочерью Риверрана и родной теткой Молодого Волка.

— Лиза Аррен мертва, — сказал лорд Годрик,

— убита каким-то певцом. Долиной правит лорд Мизинец. Где пираты? — внезапно сменил он тему.

Давос не ответил, и лорд постучал ложкой по столу:

— Где лиссенийцы? Торрент с Малой Сестры видел их паруса, а до него их видели Флинты во Вдовьем дозоре. Оранжевые, зеленые и розовые паруса. Салладор Саан. Где он?

— В море.

Салладор сейчас идет вокруг Перстов, следуя в Узкое море — он возвращается на Ступени с теми несколькими кораблями, что у него остались. Возможно, он прибавит к ним еще несколько, если наткнется в море на каких-нибудь подходящих купцов. «*Немного попиратствует, чтобы скоротать дорогу*».

— Светлейший государь послал его на юг — тревожить Ланнистеров и их друзей.

Эту ложь он отрепетировал, пока грёб к Сестрину Городку. Рано или поздно мир узнает, что Салладор Саан бросил Станниса Баратеона, оставив его без флота, но эта весть будет исходить не из уст Давоса Сиворта.

Лорд Годрик помешал рагу:

— И что, этот старый пират Саан отправил тебя

к берегу вплавь?

— Я добрался до берега в шлюпке, милорд.

Салладор Саан дождался, пока по левому борту «Валирийки» не покажется огонь Ночного Светоча, и только тогда посадил Давоса в шлюпку. По крайней мере, на это их старой дружбы хватило. Лиссенийцы, конечно, охотно взяли бы его с собой на юг, но Давос отказался. Станнису был нужен Виман Мандерли, и это дело он доверил Давосу. Он не может предать доверия своего короля, сказал он Салле.

— Тьфу, — бросил в ответ пиратский вожак, — тебя погубят его почетные поручения, старина. Он тебя просто убьет.

— Мне никогда не доводилось принимать под своей крышей Десницу короля, — сказал лорд Годрик. — Любопытно, заплатит ли Станнис за тебя выкуп?

«*Вот и мне интересно, заплатит ли*?»

Станнис даровал Давосу земли, титулы и должности, но будет ли он выкупать золотом жизнь своего Лукового Рыцаря? «*У него нет золота. Если бы оно было, Салла остался бы с ним*».

— Милорд, если вам угодно об этом спросить, вы найдете его в Чёрном Замке.

Борелл прорычал:

— И Бес тоже в Черном Замке?

— Бес? — Давос подумал, что ослышался. — Он ведь в Королевской гавани, его приговорили к смерти за убийство племянника.

— Стена узнает обо всем последней, как говаривал мой отец… Карлик сбежал. Он проскользнул сквозь решетку темницы и голыми руками разорвал своего отца на части. Стражники видели, как он убегает — весь красный от макушки до пят, точно искупался в крови. Королева обещала сделать лордом любого, кто его убьёт.

Давос слушал и не верил:

— Вы хотите сказать, что Тайвин Ланнистер убит?

— Да, своим собственным сыном, — лорд глотнул пива. — Когда мы были на Сёстрах королями, мы не оставляли карликов в живых. Мы бросали их в море в жертву богам. Септоны, благочестивые олухи, заставили нас отказаться от этого обычая. Зачем еще богам придавать человеку подобный облик, если не в знак того, что он чудовище?

«*Лорд Тайвин мертв. Это все меняет*».

— Милорд, позвольте мне отправить ворона на Стену. Светлейший государь захочет узнать о смерти лорда Тайвина.

— Он узнает, но не от меня. И не от тебя, пока ты под моей дырявой крышей. Я никому не предоставлю повода говорить, что словом или делом помог Станнису. Сандерленды ввязали Сестёр в два восстания Блэкфайров, за что нам всем пришлось горько поплатиться.

Лорд Годрик махнул вилкой в сторону кресла:

— Садись, сир, пока тебя не свалило. В моём чертоге холодно, темно и сыро, но гостеприимностью я не обделен. Мы отыщем тебе сухую одежду, но для начала тебе надо поесть.

Он крикнул, и в чертог заглянула женщина.

— У нас гость, надо его накормить. Принеси хлеба, пива и рагу.

Пиво было тёмным, хлеб чёрным, рагу белым, как сливки, и подано внутри чёрствого каравая, из которого вынули мякиш. В рагу попадались лук, морковь, ячмень, белая и жёлтая репа, а еще устрицы, кусочки трески, крабьего мяса — и всё это плавало в жирной сливочно-масляной подливе. Это было кушанье того сорта, что согревает до самых костей — то, что надо в промозглую ночь. Давос благодарно зачерпнул еду ложкой.

— Случалось уже пробовать сестринское рагу?

— Да, милорд, — то же самое блюдо подавали на Трёх Сёстрах повсюду, во всех постоялых дворах

и трактирах.

— Мое рагу лучшее из того, что ты мог пробовать раньше. Его готовит Гелла, дочь моей дочери. Ты женат, луковый рыцарь?

— Да, милорд.

— Жалко. Гелла не замужем. Из неказистых женщин выходят самые лучшие жёны. Там в рагу три вида крабов: красные, паучьи и крабы-завоеватели. Я не ем паучьих крабов ни в каком виде, кроме как в сестринском рагу. При этом чувствую себя наполовину каннибалом, — милорд указал на штандарт, висевший над холодным темным очагом. Там был изображен паучий краб — белый на серо-зелёном поле. — До нас дошли слухи, что Станнис сжег своего Десницу.

«*Прежнего Десницу*». Мелисандра отдала Алестера Флорента своему богу на Драконьем Камне, чтобы наворожить тот самый ветер, что доставил их на север. Лорд Флорент молчал и крепился, пока люди королевы привязывали его к столбу, и он сохранял достоинство, насколько его вообще может сохранять полуголый человек. Но когда пламя лизнуло его ноги, он начал кричать — и, если верить красной женщине, его крики гнали их до самого Восточного Дозора у Моря. Для Давоса этот ветер был просто невыносим. Ему казалось,

что он пахнет горелой плотью, а в его свисте в корабельных снастях слышались вопли боли.

«*На его месте мог быть я*», — подумал Давос.

— Я не сгорел, — заверил он лорда Годрика, — хотя в Восточном Дозоре чуть было не превратился в ледышку.

— Уж такова Стена.

Женщина принесла им свежий каравай хлеба — горячий, только из печи. Давос, сам того не желая, уставился на её руку.

— Да, у неё та же родовая примета, что и у всех Бореллов на протяжении последних пяти тысяч лет. Это дочь моей дочери, но не та, что готовит рагу, — он разломил каравай пополам и протянул краюху Давосу. — Ешь, это хороший хлеб.

Так оно и было, хотя Давоса устроила бы и чёрствая корка. Поданный хлеб означал, что в этих стенах его приняли как гостя — хотя бы на одну ночь. У лордов Трёх Сестёр была самая скверная репутация, и сквернее всего она была у Годрика Борелла, лорда Сладкой Сестры, Защитника Сестрина Городка, Властителя Волнолома и Хранителя Ночного Светоча... Но даже лорды, промышляющие грабежом на разбитых судах, чтят законы гостеприимства.

«*По крайней мере, я увижу рассвет*, — сказал

себе Давос. — *Я принял его хлеб и соль*».

Правда, рагу оказалось не только солёным, но у него был и иной странный привкус.

— Уж не шафран ли это? — шафран стоил дороже золота, и Давос до сих пор пробовал его лишь однажды, на Драконьем Камне, когда на пиру король Роберт послал ему половину рыбины.

— Он самый, из Кварта. И перец тоже, — лорд Годрик взял щепотку и посыпал содержимое своей хлебной тарелки. — Нет ничего лучше молотого чёрного перца из Волантиса. Бери сколько хочешь, если тебя тянет на перчёное. У меня этого добра сорок сундуков. Я уж не говорю про гвоздику и мускатный орех, и про фунт шафрана тоже. Я забрал его у одной косоглазой девицы, — он расхохотался. Давос заметил, что у лорда Сладкой Сестры еще сохранились все зубы, хотя большинство из них пожелтело, а один в верхнем ряду почернел и почти полностью сгнил. — Она направлялась в Браавос, но буря занесла её в залив Челюстей и разбила о мои скалы. Как видишь, ты не единственный подарок, который мне приподнесли бури. Наше море коварно и жестоко.

«*Но не коварнее людей*», — подумал Давос. Предки лорда Годрика были королями-пиратами до

тех пор, пока их не завоевали Старки огнём и мечом. С тех пор сестринцы оставили пиратство Салладору Саану и ему подобным и принялись грабить разбитые корабли. Сигнальные огни, горевшие на побережье Трёх Сестёр, должны были предупреждать суда о мелях и рифах, указывая кораблям верный путь. Но в штормовые или туманные ночи кое-кто из сестринцев зажигал ложные огни, направляющие неосторожных капитанов на погибель.

— Бури оказали тебе услугу, выкинув к моим дверям, — сказал лорд Годрик. — В Белой Гавани тебя ожидал бы куда более холодный прием. Ты опоздал, сир. Лорд Виман намерен преклонить колено, и отнюдь не перед Станнисом, — он глотнул пива. — Мандерли по сути своей не северяне. Они перекочевали на Север не более, чем девять веков назад, прихватив с собой своё золото и своих богов. Они были великими лордами на Мандере, пока не зарвались настолько, что зелёные руки Гарднеров дали им тумака. Волчий король отобрал у них золото, но наделил землёй и позволил чтить своих богов, — хозяин зачерпнул рагу ломтем хлеба. — Если Станнис думает, что пузан сядет в одну лодку с оленем, он жестоко ошибается. Двенадцать дней тому назад

в Сестрин Городок для пополнения запасов воды заходила «Львиная звезда». Знаешь этот корабль? Багряные паруса и золотой лев на носу. А на борту толпа Фреев, направляющихся в Белую Гавань.

— Фреи? — уж чего-чего, а этого Давос не ожидал. — Мы слышали, что Фреи убили сына лорда Вимана.

— Да, — согласился лорд Годрик, — и пузан так разгневался, что принес обет жить на одном хлебе и вине, пока не отомстит. Но до исхода того же дня он снова начал пихать себе в рот пироги и устрицы. Между Сёстрами и Белой Гаванью все время ходят корабли. Мы продаем им крабов, рыбу и козий сыр, а они снабжают нас лесом, шерстью и шкурами. И от всех я слышу, что его лордство разжирел пуще прежнего — вот чего стоят все его обеты. Слова — ветер, а ветры, которые Мандерли пускает ртом, значат не больше, чем те, что он пускает задом, — лорд Годрик отломил себе ещё хлеба, чтобы макнуть в подливу. — Фреи привезли жирному дурню мешок костей. Это называется любезностью — вручить отцу кости его сына. Если бы это был мой сын, я бы тоже ответил любезностью и отблагодарил Фреев, перевешав их всех с выпущенными кишками на воротах. Но пузан для этого слишком благороден,

— он сунул хлеб в рот, прожевал и проглотил. — Фреи у меня поужинали. Один из них сидел как раз там, где сейчас сидишь ты. Представился как «Рейегар» — я чуть было ему в лицо не расхохотался. Он потерял жену и собирается раздобыть себе новую в Белой Гавани. Вороны так туда-сюда и снуют. Лорд Виман и лорд Уолдер заключили соглашение и хотят скрепить его браком.

Давос почувствовал себя так, словно лорд Годрик только что саданул ему под дых. «*Если это правда, то мой король пропал*».

Станнис отчаянно нуждался в Белой Гавани. Если Винтерфелл был сердцем Севера, то Белая Гавань была его вратами. Устье реки вот уже столетия не замерзало даже в самые лютые зимы — сейчас, когда зима была близко, это значило очень многое. Много значило и серебро. У Ланнистеров было всё золото Кастерли Рок, а женитьбой они добыли себе и богатства Хайгардена. Казна же Станниса была истощена.

«*По крайней мере, я должен попытаться. Вдруг найдется способ расстроить этот брак*».

— Мне надо попасть в Белую Гавань, — сказал он. — Милорд, умоляю, помогите мне!

Лорд Годрик приступил к самой хлебной посудине, разламывая своими ручищами размякший

от подливы хлеб на куски.

— Я не люблю северян, — заявил он. — Мейстер говорит, что две тысячи лет назад Старки изнасиловали Сестёр. Но Сестрин Городок ничего не забыл. До этого мы были свободными людьми, и у нас правили свои короли. Потом нам пришлось склонить колено перед Долиной, чтобы выгнать северян вон. Волк и сокол дрались за наши земли тысячу лет, пока не обглодали весь жир и мясо с костей этих бедных островов. Что же до твоего короля Станниса, то когда он был у Роберта мастером над кораблями, он без моего разрешения прислал флот в гавань и вынудил меня повесить с десяток моих добрых друзей. Людей вроде тебя, кстати. Он даже грозился повесить меня самого, если какой-нибудь корабль выбросит на скалы из-за того, что Ночной Светоч невовремя погас. И мне пришлось всё это проглотить, — он съел кусок хлебной посудины. — Теперь Станнис, поджав хвост, приполз на Север. Так скажи мне, почему я должен хоть в чём-то ему помогать?

«*Потому что он твой законный король,* — подумал Давос. — *Потому что он сильный и справедливый человек, единственный, кто может восстановить государство и защитить его от нависшей на севере угрозы. Потому что у него*

есть волшебный меч, сияющий солнечным светом». Эти слова застряли у него в горле, потому что ни одно из них не могло поколебать лорда Сладкой Сестры, и ни на пядь не приближало его к Белой Гавани. «*Какого ответа он ждет? Я должен пообещать ему золото, которого у нас нет? Знатного мужа для дочери его дочери? Земли, звания, титулы*?» Алестер Флорент пытался сыграть в эту игру, и король за это сжег его.

— Десница, кажется, проглотил язык и потерял вкус и к рагу, и к действительности, — лорд Годрик утер рот.

— Лев мёртв, — медленно произнес Давос. — Вот ваша действительность. Тайвин Ланнистер мертв.

— Ну и что?

— Кто сейчас правит в Королевской Гавани? Не Томмен, он ещё слишком мал. Значит, Сир Киван?

Свет свечей отражался в чёрных глазах лорда Годрика.

— Будь оно так, ты был бы в цепях. Правит королева.

Давос понял: «*Он сомневается. Он не хочет оказаться на стороне проигравшего*».

— Станнис держал Штормовой предел против

Тиреллов и Редвинов. Он отнял Драконий Камень у последних Таргариенов. Он разбил Железный флот у Ярмарочного острова. Королю-ребенку его не одолеть.

— Но у этого короля-ребенка есть все богатства Кастерли Рок и вся мощь Хайгардена. За него стоят Болтоны и Фреи, — лорд Годрик потер подбородок. — Тем не менее, в этом мире нет ничего неизбежного, кроме зимы. Нед Старк сказал это моему отцу в этом самом чертоге.

— Нед Старк был здесь?

— В самом начале восстания Роберта. Безумный Король потребовал от Орлиного гнезда выдать Старка, но Джон Аррен отказался повиноваться. Чаячий Город, впрочем, остался верен трону. Потому-то, чтобы попасть к себе домой и созвать знамёна, Старку пришлось пересечь горы у Перстов и найти рыбака, который согласился бы перевезти его через Челюсти. Они попали в бурю и рыбак утонул, но его дочка доставила Старка на Сёстры, прежде чем их лодка пошла ко дну. Говорят, он оставил её с кошельком серебра и бастардом в утробе. Она назвала сына Джоном Сноу, в честь Джона Аррена.

Что бы там ни было, когда лорд Эддард попал в Сестрин Городок, мой отец сидел там, где сижу

я. Наш мейстер умолял отца выдать голову Старка Эйерису. Нам бы досталась знатная награда — Безумный Король был щедр, когда кому-то удавалось его порадовать. Однако к тому времени мы знали, что Джон Аррен взял Чаячий Город. Роберт первым взобрался на стену и лично убил Марка Графтона. «*Этот Баратеон не знает страха,* — сказал я, — *он сражается как король*». Мейстер посмеялся надо мной и сказал, что принц Рейегар неизбежно подавит это восстание. Вот тогда Нед Старк и ответил: «*В этом мире нет ничего неизбежного, кроме зимы. Мы можем потерять наши головы, это верно, но что будет, если мы победим*?». И мой отец позволил ему продолжить свой путь с головой на плечах. «*Если ты проиграешь, — предупредил Старка мой отец, — тебя здесь никогда не было*».

— Как и меня, — закончил Давос Сиворт.

Глава 10. Джон

Король за Стеной предстал перед всеми с накинутой на шею петлёй из пеньковой верёвки и связанными руками.

Другой конец верёвки был обмотан вокруг луки седла сира Годри Фарринга. На Убийце Гигантов и его коне красовались посеребрённые стальные доспехи с чернением. На Мансе Налётчике не было ничего, кроме лёгкой туники, едва прикрывавшей закоченевшие от холода голые ноги.

«*Им следовало оставить ему плащ,* — подумал Джон, — *тот самый, что вышила алым шёлком какая-то одичалая*».

Не удивительно, что Стена плакала.

— Манс знает Зачарованный лес лучше любого следопыта, — Джон предпринял последнюю попытку убедить его величество Станниса, что Король за Стеной полезнее им живым, чем мертвым. — Он знает Тормунда Великанью Смерть. Он сражался с Иными. У него был рог Джорамуна, но он не стал в него трубить и не разрушил Стену, хотя мог это сделать.

Но Станнис и бровью не повёл, оставаясь глух

к доводам Джона. Закон гласит предельно ясно: расплата за дезертирство — смерть.

Стоявшая под плачущей Стеной леди Мелисандра воздела к небу бледные руки:

— Мы все совершаем выбор, — провозгласила она. — Каждый из нас — мужчины и женщины, старики и молодые, знать и простолюдины. — Вместе с королём она наблюдала за происходящим с возведённого над ямой деревянного помоста. Звук её голоса навеял Джону мысли об анисе, мускате и гвоздике. — Мы выбираем свет или тьму. Добро или зло. Истинного бога или ложного.

Налетевший ветер нещадно трепал посеребрённые сединой каштановые волосы Манса. Король за Стеной откинул их с лица связанными руками и улыбнулся. Но тут он увидел клетку, и мужество изменило ему. Люди королевы сделали её из нарубленных в Зачарованном лесу деревьев. Для решётки они связали и переплели между собой не только зелёные гибкие прутья, но и истекающие смолой лапы сосен, и даже белые, словно кость, ветви чардрева. А потом они подвесили клетку высоко над ямой, набитой дровами, листьями и хворостом.

Лишь взглянув на неё, король одичалых отпря-

нул назад.

— Нет, — закричал он. — *Пощады*! Это несправедливо, я не король! Они...

Сир Годри натянул веревку, и Король за Стеной, беспомощно дёрнувшись, упал, захлебнувшись собственным криком. Сир Годри проделал оставшийся путь, волоча беднягу за собой по земле. Люди королевы втащили окровавленного Манса в клетку. Чтобы поднять её наверх понадобилась дюжина солдат.

Мелисандра следила за подъемом:

— Свободный народ! Вот он ваш лживый король. А вот рог, который, по его словам, уничтожит Стену. — Люди королевы вынесли вперед рог Джорамуна.

Чёрный, длиной не менее восьми футов, рог обвивали потемневшие от времени золотые кольца, испещрённые рунами Первых Людей. Джорамун умер тысячи лет тому назад, но Манс сумел разыскать его могилу под ледником в Клыках Мороза.

«*И подул Джорамун в свой Рог Зимы, и восстали из земли гиганты.* — Игритт как-то упомянула при Джоне, что Манс так и не нашёл рог. — *Либо она солгала, либо тот держал это в секрете даже от близких ему людей*».

На высоко поднятый рог через решётки деревянного частокола были устремлены тысячи глаз истощённых и одетых в жалкие лохмотья пленников, которых в Семи Королевствах называли *одичалыми*. Сами же они величали себя свободным народом. Но сейчас они не выглядели ни дикими, ни свободными — только голодными, напуганными и продрогшими.

— Это — Рог Джорамуна? — вопросила Мелисандра. — Нет. Лучше зовите его Рогом Тьмы! Если Стена падёт, на нас обрушится ночь. Вечная ночь, которой не будет конца. Этого не должно случиться и не случится! Владыка Света узрел, что его дети в беде, и послал им своего героя, возрождённого Азора Ахаи. — Она протянула руку к Станнису, и большой рубин на её шее запульсировал ярким светом.

«*Он — камень, а она — пламя*».

Лицо короля осунулось, под запавшими глазами залегли чёрные тени. Станнис был облачён в посеребрённые латы с выгравированным на нагруднике пылающим сердцем, находившемся прямо поверх его собственного. С широких плеч короля ниспадал подбитый мехом парчовый плащ. Чело украшала корона из красного золота с зубцами в виде языков пламени. Рядом с ним

стояла Вель — высокая и прекрасная. Её короновали простым обручем из потемневшей бронзы, но в нём она выглядела намного царственнее, чем Станнис в золотом венце. Она бесстрашно взирала перед собой немигающим взглядом. На ней было надето белое с золотой отделкой платье, а сверху наброшен горностаевый плащ. Светлые, медового цвета волосы девушки были заплетены в длинную косу, перекинутую на грудь через правое плечо. Мороз сделал Вель ещё красивее, покрыв её щеки легким румянцем.

На леди Мелисандре короны не было, но все и так знали, кто настоящая королева Станниса Баратеона. Вовсе не та невзрачная женщина, оставленная королём дрожать от холода в Восточном Дозоре у Моря. Официально считалось, что король не хочет привозить сюда королеву Селису с их дочерью, пока не обустроят Ночной Форт. Джон жалел их. Стена не могла предоставить тех удобств, в которых привыкли жить южные дамы и благородные девицы, а уж Ночной Форт и подавно. Даже в лучшие времена он считался мрачным местом.

— Свободный народ! — воскликнула Мелисандра. — Узри участь выбравших тьму!

Рог Джорамуна внезапно охватил огонь.

С шипением и треском вырвавшиеся на волю, извивающиеся желто-зелёные языки пламени принялись лизать его со всех сторон.

Конь Джона испуганно вздрогнул. И тут и там выстроившиеся в шеренгу воины пытались успокоить вставших на дыбы лошадей. Из-за частокола донесся стон свободного народа, увидевшего, как сгорает их надежда. Некоторые из них принялись кричать и сыпать проклятьями, но большинство хранило молчание. Казалось, что на какое-то мгновение в воздухе вспыхнули выгравированные на золоте древние руны. Люди королевы, раскачав рог, бросили его в яму.

В клетке, вцепившийся связанными руками в петлю на шее Манс Налётчик что-то бессвязно кричал про предательство и колдовство, отрекался от короны, подданных, собственного имени и вообще от всего, кем он был. Он то требовал пощады, то проклинал красную женщину, то заливался истеричным хохотом.

Не желая показаться перед своими собратьями брезгливым, Джон, не отводя взгляда, наблюдал за происходящим. Он привёл сюда две сотни бойцов, больше половины которых были из гарнизона Чёрного Замка. Конные воины с длинными копьями в руках выстроились в мрачные

шеренги. Низко надвинутые капюшоны скрывали их лица… и тот факт, что большинство были стариками или зелёными юнцами. Свободный народ боялся Дозора. Джону хотелось, чтобы, отправившись в свои новые дома к югу от Стены, одичалые унесли этот страх с собой.

Горящий рог упал в набитую дровами и листьями яму, и спустя несколько мгновений там уже вовсю полыхал огонь. Вцепившись связанными руками в прутья клетки, Манс зарыдал и стал молить о пощаде. А когда пламя коснулось его ног, он принялся скакать по клетке, словно исполняя какой-то странный танец. Его крики слились в один протяжный вопль ужаса и боли. Король за Стеной метался по клетке, словно горящий лист или охваченный пламенем свечи мотылёк.

Джон вдруг вспомнил песню:

«Братья, вышел мой срок, мой конец недалёк,
Не дожить мне до нового дня,
Но хочу я сказать: мне не жаль умирать,
Коль дорнийка любила меня».

Вель застыла на помосте, словно соляной столб. — «*Она не заплачет и не отвернется*, — Джон попытался представить, что сделала бы на её месте Игритт? — *Всё-таки женщины сильнее нас*».

Он поймал себя на мысли, что думает о Сэме,

мейстере Эйемоне, о Лилли и младенце. — «*Она проклянёт меня на смертном одре, но я не видел иного выхода*».

От Восточного Дозора пришёл доклад о сильных штормах, бушевавших по всему Узкому морю. — «*Я ведь хотел их спасти, а что если вместо этого отправил на корм крабам*?»

Прошлой ночью ему приснился тонущий Сэм, смертельно раненая стрелой Игритт — на самом деле, стрела была не его, но во сне была пущена именно им — и Лилли, плачущая кровавыми слезами.

Джон решил, что уже насмотрелся достаточно.

— Давай! — Скомандовал он.

Ульмер из Королевского Леса, вонзив копьё в землю, взял лук и выхватил из колчана чёрную стрелу. Милашка Доннел Хилл, откинув капюшон, проделал тоже самое. Гарт Серое Перо и Бородатый Бен наложили стрелы, согнули луки и спустили тетиву.

Одна из стрел поразила Манса в грудь, другая в живот, третья в горло. Четвертая, задрожав, вонзилась в одну из деревянных перекладин клетки и тут же вспыхнула, охваченная огнём. Под женский плач, слившийся с отражённым от Стены эхом, король одичалых обмяк, бессильно

упал на днище клетки и загорелся.

— Теперь его дозор окончен, — прошептал Джон. Прежде чем сменить чёрный плащ на подбитый ярко-красным шёлком, Манс Налётчик был дозорным.

Стоявший на помосте Станнис недовольно поморщился. Джон предпочёл не встречаться с ним взглядом. От деревянной клетки отпало прогоревшее днище, и рёшетка начала разваливаться. Чем выше взметались языки пламени, тем больше чёрных или ещё тлеющих вишнёво-красных прутьев падало вниз.

— Владыка Света создал солнце, луну и звёзды, чтобы они освещали нам путь. Он дал нам огонь, чтобы сдерживать тьму, — произнесла Мелисандра, обращаясь к одичалым. — Ничто не устоит перед его пламенем.

— Ничто не устоит перед его пламенем, — хором повторили за ней люди королевы.

Вихрем взметнулось вокруг красной женщины её темно-алое платье, взвившиеся рыжие волосы подобно ореолу окружили её лицо, а на пальцах, словно длинные когти, заплясали жёлтые язычки огня.

— СВОБОДНЫЙ НАРОД! Ваши ложные боги вам не помогут. Вас не спас ваш лживый рог. Ваш

лжекороль принёс вам только смерть, страдания и горечь поражения… но вот стоит истинный король. УЗРИТЕ ЕГО ВЕЛИЧИЕ!

При этих словах Станнис Баратеон выхватил из ножен Светозарный.

Клинок, словно ожив, замерцал всеми красками огня: красным, жёлтым и оранжевым. Джон видел это представление и раньше… но не совсем *такое*. Такого ему видеть не доводилось. Светозарный казался солнцем, выкованным из стали. Когда Станнис поднял меч над головой, всем, кто стоял рядом, пришлось отвернуться или прикрыть глаза. Лошади шарахнулись в сторону, а одна из них сбросила всадника. Даже пламя в огненной яме съёжилось перед этим шквалом света, подобно маленькой собачонке, поджавшей хвост при виде огромного пса. Красные, оранжевые и розовые всполохи, отплясывая на льду, катились по Стене.

«*Может это и есть сила королевской крови*?»

— В Вестеросе только один король, — произнёс Станнис. По сравнению с мелодичным голоском Мелисандры, его голос прозвучал резко. — Этим мечом я отстою свои права и уничтожу тех, кто на них покусился. Преклоните колени, и я обещаю вам пищу, землю и справедливость. Склонитесь

и живите. Или уходите и умирайте. Выбор за вами, — он вложил Светозарный в ножны, и мир снова померк, словно солнце зашло за тучи. — Откройте ворота.

— Открыть ворота! — словно протрубив в горн, вскричал сир Клейтон Саггс.

— Открыть ворота! — подхватил сир Корлисс Пенни, отдавая распоряжение страже.

— Открыть ворота! — заорали сержанты. Воины бросились выполнять приказание. Из земли вытащили заострённые колья, через глубокие канавы перекинули доски, и ворота частокола широко распахнулись. Джон Сноу махнул рукой. Чёрные ряды его бойцов раздались в стороны, освобождая дорогу к Стене, где Скорбный Эдд раздвигал железные створки ворот.

— Идите, — призывала Мелисандра, — Идите к свету… или бегите обратно во тьму. — В яме у её ног потрескивало пламя. — Если вы выбираете жизнь, то идите ко мне.

И они пошли. Медленно, прихрамывая и опираясь на собратьев, пленники начали выбираться из своего грубо смастерённого острога.

«*Если хотите есть, лучше идите ко мне*, — подумал Джон. — *Проситесь на службу и не околеете от холода и голода*».

Неуверенно, опасаясь подвоха, первые пленники перешли по мосткам сквозь кольцо частокола в сторону Мелисандры и двинулись к Стене. Увидев, что ушедшим не причинили никакого вреда, за ними последовали и другие. Потом больше, пока ручеёк не превратился в настоящий поток. Облачённые в полушлемы и кожаные с железными нашлёпками камзолы люди королевы выдавали каждому проходящему — мужчине, женщине или ребенку — кусочек чардрева: похожую на обломок кости белую палочку или пучок красных листьев.

«*Частица старых богов, чтобы накормить нового бога*», — Джон сжал пальцами рукоятку меча.

Жар от огненной ямы ощущался даже на расстоянии, а уж для проходивших мимо неё одичалых он должен был просто обжигать. Джон видел, как, приближаясь к пламени, съёживаются мужчины, а детишки начинают плакать. Несколько человек устремилось в лес. Сноу заметил, как туда свернула молодая женщина, прижимая к груди двух младенцев. Она оборачивалась при каждом шаге, чтобы убедиться, что её никто не преследует, а, добравшись до края леса, бросилась бежать. Один старик, схватив ветку чардрева,

размахивал ею как оружием до тех пор, пока его не проткнули копьями солдаты королевы. Тем, кто шёл следом за стариком, пришлось обходить его тело, и сир Корлисс скомандовал бросить труп в огонь. После этого число одичалых, выбравших лес, увеличилось. Теперь свободу выбирал примерно каждый десятый.

Но большинство из них брели к Стене. Ведь позади оставались лишь холод и смерть, а впереди всегда поджидает надежда. Одичалые плелись, сжимая в руках кусочки чардрева, пока не приходило время бросить их в пламя. Рглор был завистливым божком, ненасытным. Новый бог пожирал тело старого, отбрасывая на покрасневшую Стену гигантские чёрные тени Станниса и Мелисандры.

Первым перед королём преклонил колени новый магнар теннов Сигорн — точная копия отца, только моложе и меньше ростом: худой, лысеющий мужчина в бронзовых поножах и кожаной с бронзовыми чешуйками рубахе. Следующим подошёл Гремучая Рубашка в своём шлеме из черепа великана и бряцающем доспехе из костей и вываренной кожи. Под доспехами скрывалось жалкое, никчёмное существо со сломанными коричневыми зубами и пожелтевшими белками

глаз.

«*Мелкая, злобная, завистливая тварь, жестокость которой могла сравниться только с её тупостью*».

Джон ни секунды не верил в его верность клятве. Ему было интересно, что чувствовала в этот момент Вель, глядя, как Гремучая Рубашка преклоняет колени, получая прощение.

За ним последовали другие вожди, пониже рангом. Два вожака кланов рогоногих с чёрными ороговевшими ногами. Старая колдунья, почитаемая людьми, населявшими берега Молочной. Отощавший темноглазый мальчик двенадцати лет, сын Альфина Убийцы Ворон. Халлек, брат Хармы Собачьей Головы, с её свиньями. И все они склонили колени перед королём.

«*Для такого спектакля сегодня слишком холодно*», — подумал Джон.

Он предупреждал Станниса, что свободный народ не уважает «поклонщиков»:

— Позвольте им сохранить лицо, и они скорее вас полюбят.

Но Его Величество не стал слушать:

— Мне нужны их мечи, а не поцелуи.

Преклонившие колени одичалые проходили в ворота мимо рядов чёрных братьев. Джон от-

рядил Коня, Атласа и еще полдюжины дозорных с факелами проводить людей сквозь Стену. На противоположной стороне их ждала горячая луковая похлёбка, чёрный хлеб с колбасой и одежда: плащи, штаны, обувь, туники и перчатки из добротной кожи. А переночевать они смогут в стогах свежей соломы, греясь у костров. Этому королю нельзя было отказать в логике. Однако рано или поздно Тормунд Великанья Смерть снова нападет на Стену, и когда пробьёт этот час, Джон посмотрит, на чью сторону встанут новые подданные Станниса.

«*Можно даровать им помилование и землю, но свободный народ сам избирает себе короля, и им был Манс, а не ты*».

К Джону подъехал Боуэн Марш.

— Вот уж не думал, что доживу до такого дня.

С тех пор, как Боуэн оправился от раны, полученной на мосту Черепов, и лишился одного уха, лорд-стюард заметно похудел.

«*Теперь он совсем не похож на гранат*», — решил Джон.

— Мы проливали кровь, чтобы задержать одичалых в Теснине. Там полегло множество добрых парней, наших друзей и братьев. И во имя чего? — спросил Марш.

— Королевство проклянет нас за это. — Голос сира Аллисера Торне сочился ядом. — Все честные люди в Вестеросе при упоминании Ночного Дозора будут отворачиваться и плевать нам вслед.

«*Да что ты понимаешь в людской чести*?»

— Разговорчики в строю.

С тех пор, как лорд Янос лишился головы, сир Аллисер притих, но злоба никуда не исчезла. Джон сначала подумывал передать ему пост, от которого отказался Слит, но предпочёл держать рыцаря под боком. «*Из них двоих этот всегда был опаснее*». Вместо этого Джон вызвал из Сумеречной Башни старого стюарда, чтобы передать ему командование над Серым Стражем.

Он рассчитывал, что создание двух новых гарнизонов что-то изменит.

«*Дозор нанес свободному народу кровавую рану, но, в конце концов, мы не можем надеяться их остановить*. — Сожжение Манса Налётчика ничего не меняет. — *Нас по-прежнему слишком мало, а их слишком много. И без разведки мы всё равно что слепы. Мне нужно отправить людей за Стену. Но если я так поступлю, вернутся ли они обратно*?»

Туннель под Стеной был узким и извилистым, а одичалые в своём большинстве были либо ста-

ры, либо больны, либо ранены, поэтому колонна шла чрезвычайно медленно. К тому времени, когда последние из них опустились на колени, уже наступила ночь. Огонь в яме почти угас, и тень короля на Стене стала вчетверо меньше прежней.

«*Мороз*, — подумал Джон Сноу, выдохнув белое облачко пара, — *и становится все холоднее. Этот балаган слишком затянулся*».

К частоколу жалась группа из двух десятков одичалых, и среди них четверо великанов — высоченных, лохматых созданий с покатыми плечами и огромными, словно стволы деревьев, ногами с большими ступнями. Даже этих громил пустили бы за Стену, но один из них отказался идти без своего мамонта, а трое других не могли оставить сородича. Остальные одичалые были родственниками или друзьями тех, кто лежал при смерти или уже умер, и они не хотели бросать тела дорогих им людей ради миски лукового супа.

Дрожавшие от холода люди и те, кто уже так закоченел, что даже не мог дрожать, молча, выслушали слова короля, эхом отразившиеся от Стены.

— Вы вольны идти куда захотите, — объявил

им Станнис. — Расскажите своим людям о том, что здесь произошло. Передайте всем, что вы видели истинного короля, и он приглашает их в своё королевство, если они пообещают соблюдать мир. Иначе им лучше сбежать или спрятаться. Я больше не потерплю нападений на мою Стену.

— Одна страна, один бог, один король! — прокричала леди Мелисандра.

Люди королевы подхватили клич, отбивая ритм копьями по щитам:

– Одна страна, один бог, один король! СТАННИС! СТАННИС! ОДНА СТРАНА, ОДИН БОГ, ОДИН КОРОЛЬ!

Джон заметил, что ни Вель, ни братья Ночного Дозора не присоединились к скандированию. Оставшиеся в живых одичалые под шумок растворились среди деревьев. Великаны ушли последними: двое верхом на мамонте, остальные — пешими. За частоколом остались лишь мертвецы. Джон увидел, что Станнис спускается с помоста рука об руку с Мелисандрой.

«*Она словно его красная тень, никогда не оставляет его надолго одного*».

Следом за ними шла почётная королевская стража: сиры Годри, Клейтон и ещё дюжина рыцарей, все из людей королевы. Лунный свет от-

ражался на их доспехах, а ветер раздувал плащи.

— Лорд-стюард, — обратился Джон к Маршу, — разберите частокол на дрова и предайте тела огню.

— Будет исполнено, милорд, — Марш выкрикнул приказы, и группа его подчинённых, выйдя из строя, бросилась ломать деревянную стену. Лорд-стюард, хмурясь, наблюдал за их действиями:

— Эти одичалые… по-вашему, они сдержат клятву, милорд?

— Некоторые да. Но не все. Среди нас ведь тоже встречаются трусы, обманщики, слабаки и дураки. Так и у них.

— Наша клятва… мы поклялись защищать королевство…

— Как только свободный народ обживёт Дар, они тоже станут его частью, — напомнил Джон. — Настали лихие времена, и грядут ещё худшие. Мы уже встречались с нашим врагом лицом к лицу, и оно белое с ярко голубыми глазами. Свободный народ тоже знает это лицо. В этом Станнис прав. Мы должны объединиться с одичалыми.

— Объединиться против общего врага, с этим я не могу не согласиться, — кивнул Боуэн Марш. — Но это вовсе не значит, что мы должны про-

пускать за Стену десятки тысяч полуголодных дикарей. Пусть возвращаются в свои деревни и там сражаются с Иными, а мы запечатаем ворота. Это нетрудно. Отелл рассказал мне как это сделать. Всё, что требуется — завалить туннель камнями и залить водой через бойницы. Стена довершит остальное. Холод, тяжесть… через месяц от ворот и следа не останется. Любому противнику придется прорубать себе путь сквозь стену.

— Или взбираться наверх.

— Вряд ли, — не согласился Боуэн Марш. — Они не налётчики, чтобы красть себе жён или добро. С Тормундом старые бабки, дети, отары овец, коз, и даже мамонты. Ему будут нужны ворота, а их осталось всего трое. Если его люди полезут на Стену, так что ж? Против них бороться проще, чем выудить вилкой рыбку из котелка.

«*Да, вот только рыбка не вылезает из котелка с копьём наперевес, чтобы проткнуть тебе брюхо*».

Джону и самому приходилось взбираться на Стену.

Марш продолжил:

— Стрелки Манса истратили на нас десять тысяч стрел, судя по тому количеству, что мы собрали. Наверх долетело не больше сотни. По

большей части им помог в этом ветер. Наверху от стрел погиб только Рыжий Алин из Розового леса, да и то он умер от того, что грохнулся на землю, а не от ранения в ногу. Донал Нойе пал, защищая ворота. Рыцарский подвиг, да… но будь ворота запечатаны, наш храбрый оружейник до сих пор был бы с нами. И не важно, выступит против нас сотня врагов или сто тысяч — пока мы удерживаем верх Стены, а они сидят внизу, нам никто не страшен.

«*Он не так уж неправ*».

Орда Манса разбилась о Стену, словно волна о каменный берег, хотя её защитники были лишь горсткой стариков, зелёных юнцов и калек. И всё же то, что предлагал Боуэн, шло вразрез с внутренним чутьём Джона.

— Если мы запечатаем ворота, то не сможем отправлять разведку, — заметил он, — и окажемся всё равно, что слепы.

— Последний рейд лорда Мормонта стоил Дозору четверти состава, милорд. Нужно сохранить то, что у нас осталось. С каждой новой смертью мы слабеем, а наши силы и так слишком разрознены… Мой дядя любил повторять: «*Займи высоты, и ты выиграешь битву*». У нас же нет высот выше Стены, лорд-командующий.

— Станнис обещает земли, еду и справедливость каждому одичалому, преклонившему перед ним колени. Он никогда не позволит нам запечатать ворота.

Марш помедлил:

— Лорд Сноу, я не из тех, кто пересказывает сплетни, однако ходят слухи, что вы становитесь слишком… дружны с лордом Станнисом. Некоторые даже предполагают, что вы… э…

«*Ага, мятежник, предатель, бастард и еще варг в придачу*».

Может, Яноса Слинта больше и нет в живых, но посеянная им ложь вовсю процветает.

— Мне известно, что про меня говорят, — Джон слышал шушуканье, видел, как люди сворачивают в другую сторону, чтобы не встречаться с ним, когда он идет по двору. — А что они от меня хотят? Чтобы я повернул оружие против Станниса и одновременно сражался с одичалыми? У его величества втрое больше бойцов, чем у нас, и, кроме того, он наш гость и находится под защитой закона гостеприимства. Помимо всего, мы перед ним в большом долгу.

— Лорд Станнис оказал нам помощь, когда мы в ней нуждались, — согласился Марш. — Но он всё равно бунтовщик, и его участь незавидна. Так

же, как и наша, если Железный Трон объявит нас изменниками. Нужно удостовериться, что мы выбираем верную сторону.

— Я вовсе не собираюсь выбирать чью-то сторону, — ответил Джон. — Но я не так уверен в исходе этой войны, как вы, милорд. Особенно учитывая, что лорд Тайвин мертв.

Если верить дошедшим до них по Королевскому тракту слухам, Десница Короля был убит на горшке собственным сыном-карликом. Джон общался с Тирионом Ланнистером, правда, недолго.

«*Он пожал мне руку и назвал другом*».

Было трудно поверить, что этот человек мог поднять руку на собственного отца, но факт смерти лорда Тайвина не подлежал сомнению.

— В Королевской Гавани остался львёнок, а мы знаем, что Железный Трон перемалывал и более взрослых людей.

— Может он и мальчик, милорд, но… многие любили короля Роберта, и большинство всё ещё признает Томмена его сыном. А чем больше люди узнают лорда Станниса, тем меньше его любят, и ещё меньше — леди Мелисандру с её кострами и этим мрачным божеством. Они ропщут.

— Они роптали и при лорде Мормонте. Он мне как-то сказал, что люди любят жаловаться на

своих жён и хозяев. Те, у кого нет жены, вдвое сильнее клянут своих господ. — Сноу посмотрел на частокол. Две стены уже были повалены, третья должна вот-вот рухнуть. — Оставляю тебя заканчивать начатое, Боуэн. Убедись, что все трупы сожгли. И спасибо за совет. Обещаю подумать над всем, что ты мне сказал.

Когда Джон направился к воротам, в воздухе всё ещё висел дым и пепел. Рядом с входом он спешился, чтобы провести подо льдом на южную сторону свою невысокую лошадку. Перед ним, освещая путь факелом, шагал Скорбный Эдд. Пламя лизало потолок, и по мере их продвижения им на головы падали ледяные капли.

— Какое облегчение, милорд, что рог сгорел, — произнес Эдд. — Не далее как прошлой ночью мне снилось, будто стою я на Стене, и только пристроился помочиться, как вдруг кому-то вздумалось погудеть в рог. Нет, я не жалуюсь. Этот сон куда лучше предыдущего, в котором Харма Собачья Голова скормила меня своим свиньям.

— Харма мертва, — напомнил ему Джон.

— Но свиньи-то нет. Они смотрели на меня словно Смертоносный на сало. Я не утверждаю, что одичалые желают нам зла. Мы свергли их богов, покромсали на куски и заставили сжечь,

но взамен дали им луковый суп. Разве может какой-то бог сравниться с миской доброго лукового супа? Я бы ни за что не устоял.

Одежда Джона провоняла дымом и смрадом жжёной плоти. Он знал, что нужно что-нибудь поесть, но ему больше хотелось побыть в чьем-то обществе, а не утолять голод. — «*Выпить бокал вина наедине с мейстером Эйемоном, перекинуться парой слов с Сэмом, посмеяться над шутками с Пипом, Гренном и Жабой*». — Но Эйемон с Сэмом далеко, а остальные друзья...

— Сегодня я буду ужинать вместе со всеми.

— На ужин говядина со свёклой, — похоже, Скорбный Эдд всегда был в курсе того, что подадут к столу. — Хобб сказал, что у нас закончился хрен. А что толку в варёной говядине без хрена?

С тех пор, как одичалые сожгли столовую, дозорные перебрались обедать в каменный подвал под арсеналом.

Сводчатый потолок и два ряда квадратных колонн, разделявших помещение пополам, делали его похожим на склеп. Вдоль стен громоздилась бочки с вином и элем. Войдя внутрь, Джон огляделся. За ближним к лестнице столом играли в кости четверо строителей, а рядом с очагом, тихо беседуя, сидела группа следопытов и несколько

людей короля.

Собравшаяся за отдельным столом молодежь наблюдала, как Пип протыкает свёклу ножом.

— Ночь темна и полна свёклы, — торжественно провозгласил Пип, насадив корнеплод на острие.– Так давайте помолимся, дети мои, об оленине с луком и вкусной подливой.

Его товарищи — среди них Гренн, Жаба и Атлас — заржали.

Сноу шутку не поддержал.

— Только дураки смеются над чужими молитвами, Пип. И, кроме того, это опасно.

— Если красный бог обиделся, то пусть поразит меня молнией.

Улыбки исчезли.

— Но мы подшучивали только над жрицей, — сказал Атлас, уступчивый паренек, зарабатывавший в Староместе торговлей собственным телом. — Это была всего лишь шутка, м'лорд.

— У вас свои боги, а у неё — свои. Оставьте её в покое.

— Она-то наших в покое не оставляет, — возразил Жаба. — Называет Семерых ложными богами, милорд. И старых богов тоже. Она заставила одичалых сжечь ветки чардрева. Вы же сами видели.

— Леди Мелисандра мне не подчиняется. А вы — да. Я не хочу кровопролития между дозорными и людьми короля.

Пип похлопал Жабу по плечу.

— Хорош квакать, храбрая Жаба, и перечить нашему Великому Лорду Сноу. — Он вскочил на ноги и отвесил дурашливый поклон. — Прошу прощения. Теперь я не буду даже ушами шевелить без вашего высочайшего дозволения.

«*Он принимает все это за игру*». — Джон лишь хотел расшевелить его мозги.

— Шевели ушами, сколько влезет. Меня больше беспокоит твой язык.

— Я присмотрю, чтобы он вёл себя потише, — пообещал Гренн. — А если не будет, то я его стукну, — и, слегка поколебавшись, добавил, — не хотите ли отужинать с нами, милорд? Оуэн, ну-ка подвинься и дай Джону сесть.

Джону больше ничего и не требовалось. — «*Нет, — подумал он, — те дни прошли*». — И, осознав эту правду, Сноу почувствовал внутри такую боль, словно его пырнули ножом в живот. Они избрали его своим командующим. Теперь Стена его, как и их жизни. — «*Лорд может любить своих подчиненных,* — словно наяву услышал он голос отца, *— но не может быть им другом. Однажды ему*

придется вынести им приговор или отправить на смерть».

— В другой раз, — солгал лорд-командующий. — Эдд, ужинай сам. У меня остались незавершённые дела.

Казалось, снаружи стало ещё холоднее. В окне Королевской Башни, расположенной напротив замка, он заметил огонёк свечи. На крыше башни, глядя на возвышающуюся Стену, стояла Вель. Станнис держал её взаперти в комнате, находящейся прямо над его собственными покоями, но разрешал выходить на укрепления, чтобы размяться.

«*Она выглядит такой одинокой,* — подумал Джон. — *Одинокой и прекрасной*». — Игритт была по-своему симпатична с рыжими, словно поцелованными огнём, волосами, но только благодаря улыбке её лицо расцветало. Вель не нужно было улыбаться. Одно её появление при любом королевском дворе заставило бы мужчин повыворачивать шеи.

И всё же её тюремщики не любили принцессу одичалых. Она презирала их как «поклонщиков» и трижды пыталась сбежать. Стоило одному из солдат в её присутствии зазеваться, как она стянула у него кинжал и воткнула ему в горло.

Ударь она всего лишь на дюйм левее, и он был бы мёртв.

«*Одинокая, прекрасная и смертельно опасная*, — подумал Джон. — *И она могла быть моей. А вместе с ней Винтерфелл и родовое имя моего отца*». — Но вместо этого он выбрал чёрный плащ и ледяную стену. Взамен он выбрал честь. — «*Честь бастарда*».

Джон пересёк двор. Справа от него возвышалась мерцающая огоньками искрящегося льда наверху, и окутанная тенью внизу Стена. Сквозь решётку в воротах был виден оранжевый отблеск костра — там прятались от ветра часовые. Джон слышал скрип цепей и скрежет раскачивающейся корзины подъемника. Должно быть там наверху часовые жались к жаровням, перекрикиваясь под шум ветра. Без этого нельзя — замолчав, останешься наедине со своими мыслями и можешь забыться и заснуть.

«*Я должен ходить по льду. Стена — моя*».

Сноу проходил под остовом башни лорда-командующего мимо того места, где у него на руках умерла Игритт, когда рядом возник Призрак. Из пасти волка вылетали облачка тёплого пара, а сиявшие в лунном свете глаза напоминали огненные озёра. Рот Джона наполнился привку-

сом крови, и он понял, что этой ночью во время охоты Призрак кого-то убил. — «*Только не это*, — подумал Джон. — *Я же человек, а не волк*». — Он сплюнул и, не снимая перчатки, вытер рот тыльной стороной руки.

Клидас по-прежнему жил в комнатах под воронятней. Джон постучал. Послышались шаркающие шаги, и в приоткрытую щелочку двери выглянул мейстер, державший в руке лучину.

— Я помешал? — спросил Джон.

— Совсем нет. — Клидас растворил дверь пошире. — Я готовил вино со специями. Не желает ли, милорд, бокал?

— С удовольствием. — Джон стянул перчатки и размял окоченевшие пальцы.

Клидас вернулся к очагу, чтобы помешать вино.

«*Ему уже почти шестьдесят. Совсем старик. Он кажется молодым только по сравнению с Эйемоном*».

Клидас был маленького роста, полный, с блекло-розовыми, словно у кого-то ночного существа, глазами и практически лысый — лишь на макушке торчало несколько седых волос. Джон обхватил обеими руками поданную Клидасом чашу с вином, вдохнул аромат специй и сделал

глоток. По груди разлилось приятное тепло. Он сделал новый глоток — на этот раз побольше, чтобы смыть привкус крови во рту.

— Люди королевы говорят, что Король за Стеной умер как трус. Будто он умолял о пощаде и отрицал, что был королем.

— Так и есть. Сегодня Светозарный горел ярче обычного. Сиял словно солнце. — Джон поднял чашу. — За Станниса и его волшебный меч. — Вино показалось горьким на вкус.

— Его величество — непростой человек. Как и большинство из тех, кто носит корону. Мейстер Эймон говорил, что многие хорошие люди оказывались скверными королями, и наоборот — из некоторых плохих людей получались хорошие короли.

— Ему лучше знать. — При Эймоне Таргариене на Железном Троне сменилось девять королей. Он сам был сыном короля, братом короля и дядей короля. — Я просмотрел ту книгу, что мне оставил мейстер Эймон — «Нефритовый свиток». Там есть страницы, где рассказывается об Азоре Ахаи и его мече Светозарном, который тот закалил в крови своей жены. Если Ватар не лжёт, меч навсегда сохранил тепло Ниссы-Ниссы и никогда не остывал. Во время сражений клинок раскалялся,

и когда Азор Ахаи вонзал его в брюхо монстра, кровь у того закипала, из пасти начинал валить дым, глаза лопались и вытекали, а тело вспыхивало огнём.

Клидас захлопал глазами.

— Меч, хранящий своё тепло… …

— …очень пригодился бы здесь, на Стене.

Джон отставил чашу и натянул чёрные перчатки из кротовой кожи.

— Жаль, что меч Станниса холодный. Было бы интересно взглянуть, как *этот* Светозарный поведет себя в бою. Спасибо за вино. Призрак, ко мне.

Джон Сноу накинул на голову капюшон плаща и толкнул дверь. Белый волк последовал за ним в ночь.

В арсенале было темно и тихо. Джон кивнул часовым и прошёл в свою комнату мимо стоявших в ряд, словно безмолвные стражи, стоек для копий. Сняв пояс с ножнами, он повесил его на вбитый у двери гвоздь, а на соседний — плащ. Стянув перчатки, Сноу долго возился, зажигая свечу онемевшими пальцами. Свернувшийся калачиком на коврике Призрак вскоре заснул, а Джон так и не прилёг. Обшарпанный сосновый стол был весь завален рапортами разведчиков

вперемежку с картами Стены и лежащих за нею земель. А поверх них валялось письмо из Сумеречной Башни, написанное размашистым почерком сира Денниса Маллистера.

Сноу вновь перечел послание из Сумеречной Башни, заточил перо и открыл пузырек с густыми чернилами. Он написал пару писем: одно — ответ сиру Деннису, второе — Коттеру Пайку. Они оба требовали от него подкрепления. Он решил отправить Хальдера с Жабой на запад в Сумеречную Башню, а Гренна с Пипом в Восточный Дозор у Моря. Из-за вязких чернил все слова получались какими-то оборванными, корявыми и неуклюжими, но Джон, вооружившись терпением, писал дальше.

Когда наконец он отложил перо, в комнате стало так прохладно и сумрачно, что ему показалось, будто стены сжались вокруг него. Сидевший на окне ворон Старого Медведя разглядывал его своими проницательными черными глазками. — «*Мой последний товарищ,* — печально подумал Джон. — *Лучше уж мне пережить тебя, иначе ты склюёшь и мое лицо тоже*». — Призрак не в счёт. Волк был больше, чем друг. Он был частью его самого.

Сноу встал из-за стола и поднялся по ступеням

к своей узкой койке, которая когда-то принадлежала Доналу Нойе.

«*Такова моя участь*, — раздеваясь, понял он. — *Отныне и до конца моих дней*».

Глава 11. Дейенерис

— Что? — вскрикнула Дени, когда Ирри осторожно потрясла её за плечо. Снаружи царила беззвездная ночь. «*Что-то не так*», — сразу догадалась она.

— Это Даарио? Что случилось?

Во сне они с Даарио были мужем и женой — простыми людьми, которые жили простой жизнью в высоком каменном доме с красной дверью. Во сне он покрывал её поцелуями — целовал губы, шею, грудь.

— Нет, кхалиси, — прошептала Ирри, — это ваш евнух Серый Червь и безволосые. Вы примете их?

— Да.

Дени обнаружила, что её волосы всклокочены, а ночная рубашка смята и спутана.

— Помоги мне одеться. И принеси чашу вина — мне надо взбодриться.

«*И утопить в вине мой сон*».

Она услышала приглушенные всхлипы.

— Кто это плачет?

— Миссандея, ваша рабыня, — у Чхику в руках

была лучина.

— Моя служанка. У меня нет рабов, — но Дени никак не могла понять суть. — Почему она плачет?

— Она плачет по тому, кто был ей братом, — объяснила Ирри.

Остальное она узнала от Скахаза, Резнака и Серого Червя, когда те предстали перед ней. Ещё до того, как они успели сказать хоть слово, Дени знала, что вести будут недобрые. Одного взгляда на уродливое лицо Бритоголового было достаточно.

— Дети Гарпии?

Скахаз кивнул, мрачно скривив рот.

— Сколько убито?

Резнак заломил руки:

— Д-девятеро, ваше великолепие. Отвратительное преступление, чудовищное. Ужасная, ужасная ночь.

«*Девять*». Это слово резануло её точно ножом. Каждую ночь под ступенчатыми пирамидами Миэрина шла невидимая война. Каждое утро с восходом солнца находили свежие трупы и рядом гарпий, нарисованных кровью на стене. На смерть был обречен любой вольноотпущенник, разбогатевший сверх меры или сказавший что-то лишнее. «*Но девять за одну ночь*...». Это пугало.

— Рассказывайте.

Доложил Серый Червь:

— Ваши слуги были убиты, когда обходили дозором улицы Миэрина, охраняя дарованный вашим величеством порядок. Все были хорошо вооружены копьями, щитами и короткими мечами. Ходили они по двое, и по двое же были убиты. Ваши слуги Черный Кулак и Кетерис были убиты из самострелов в Лабиринте Маздана. Ваши слуги Моссадор и Дуран были убиты камнями, сброшенными со стены у реки. Ваши слуги Эладон Златовласый и Верное Копьё были отравлены в винной лавке, куда они пристрастились заглядывать каждый вечер после обхода.

«*Моссадор*». Дени стиснула кулаки. Миссандея и ее братья были выкрадены из родного дома в Наате разбойниками с островов Василиска и проданы в рабство в Астапор. Ребенком Миссандея проявила такой талант к языкам, что добрые господа определили её в писцы. Моссадору и Марселену так не повезло: их оскопили и сделали Безупречными.

— Удалось схватить кого-либо из убийц?

— Ваши слуги арестовали хозяина лавки и его дочерей. Они клянутся, что ничего не знают, и молят о пощаде.

«*Все они клянутся, что ничего не знают, и молят о пощаде*».

— Отдайте их Бритоголовому. Скахаз, раздели их и допроси.

— Будет сделано, ваша милость. Как мне их допрашивать — мягко или с пристрастием?

— Для начала мягко. Послушай, что они скажут и какие назовут имена. Может, они тут и ни при чём, — она поколебалась. — Благородный Резнак сказал «девять». Кто еще?

— Трое вольноотпущенников убиты в собственных домах, — сообщил ей Бритоголовый. — Ростовщик, сапожник и арфистка Рилона Ри. Прежде чем убить, ей отрезали пальцы.

Королеву передернуло. Рилона Ри играла на арфе дивно, словно сама Дева. Будучи ещё рабыней в Юнкае, она играла для всех высокородных семей. В Миэрине Рилона стала предводительницей вольноотпущенников и представляла их в совете Дени.

— Кого-нибудь ещё арестовали, кроме торговца вином?

— Нет, о чём с горечью сознаётся ваш слуга. Просим простить нас.

«*Милосердие*, — подумала Дени. — *Будет им милосердие дракона*».

— Скахаз, я передумала. Допрашивай торговца с пристрастием.

— Сделаю. Или я могу сурово допрашивать дочерей на глазах у отца. Это должно выжать из него пару имен.

— Поступай, как считаешь нужным, но добудь мне имена, — гнев полыхал в ней огнем. — Убийств Безупречных больше не будет. Серый Червь, прикажи своим людям вернуться в казармы. Они будут охранять мои стены, ворота и меня саму. С этого дня порядок в Миэрине будут поддерживать сами миэринцы. Скахаз, набери новую стражу и составь её поровну из Бритоголовых и вольноотпущенников.

— Слушаю и повинуюсь. Сколько стражников мне набрать?

— Сколько понадобится.

Резнак мо Резнак разинул рот от удивления:

— Ваше великолепие, но откуда взять деньги на жалованье такому количеству людей?

— У пирамид. Назовем это платой за кровь. Я буду взымать с каждой пирамиды по сто золотых за каждого вольноотпущенника, убитого Детьми Гарпии.

Бритоголовый заулыбался.

— Будет сделано, — сказал он, — но вашей луче-

зарности следует знать, что великие господа Жак и Меррек готовятся оставить свои пирамиды и покинуть город.

Дейенерис уже осточертели и Жак, и Меррек, и все миэринцы, великие и малые — в равной степени.

— Пусть уходят, но проследите, чтобы они не взяли с собой ничего, кроме одежды на теле. Удостоверьтесь, что их золото останется у нас, и запасы провизии тоже.

— Ваше великолепие, — возроптал Резнак мо Резнак, — мы не знаем достоверно, что эти благородные господа хотят присоединиться к вашим врагам. Скорее, они просто перебираются в свои поместья в холмах.

— В таком случае они не будут возражать, если мы сбережём их богатства в стенах города. В холмах не на что тратить деньги.

— Они боятся за своих детей, — сказал Резнак.

«*Да*, — подумала Дейенерис, — *как и я*».

— Значит, мы должны сберечь и их. Я потребую от каждого из них двоих детей, и с других пирамид тоже. Мальчика и девочку.

— Заложники, — просветлел Скахаз.

— Пажи и виночерпии. Если великие господа будут возражать, объясните им, что в Вестеросе

служить при дворе — это великая честь для ребенка, — договаривать она не стала. — Идите и сделайте, как я велела. Мне нужно оплакать моих мертвецов.

Дени вернулась в покои на вершине пирамиды и обнаружила на лежанке заплаканную Миссандею, пытающуюся изо всех сил приглушить звуки рыданий.

— Идем, поспишь со мной, — сказала она маленькой переводчице. — До рассвета ещё много часов.

— Ваше величество добры к вашей служанке, — Миссандея скользнула под простыни. — Он был хорошим братом.

Дени обняла девочку.

— Расскажи мне о нем.

— Когда мы были маленькими, он учил меня лазать по деревьям. Он мог поймать рыбу голыми руками. Однажды я увидела, как он спал в саду, а над ним порхала сотня бабочек. Он был так красив в то утро. Ваша служанка... я хотела сказать, я любила его.

— Как и он тебя, — Дени пригладила волосы девочки. — Только скажи, моя милая, и я отошлю тебя из этого ужасного места. Я найду где-нибудь корабль и отправлю тебя домой. В Наат.

— Лучше я останусь с вами. В Наате мне будет страшно. Вдруг опять придут работорговцы? С вами я чувствую себя в безопасности.

«*Безопасность*». От этого слова глаза Дени наполнились слезами.

— Я хочу, чтобы ты была в безопасности.

Миссандея была всего лишь маленькой девочкой, но рядом с ней Дейенерис чувствовала себя такой же маленькой.

— Ни с кем я не чувствовала себя в безопасности. Разве что с сиром Виллемом, но он умер, и Визерис... Я хочу уберечь тебя, но... так тяжело... быть сильной. Мне не всегда ясно, что делать. Но я должна знать. Я — всё, что у них есть. Я их королева... я их... я их...

— ...Мать, — шепнула Миссандея.

— Мать драконов. — Дени задрожала.

— Нет. Мать всем нам, — Миссандея обняла её крепче. — Вашему величеству надо поспать. Скоро придёт рассвет, и соберется ваш двор.

— Мы обе будем спать, и нам приснятся сны о лучших временах. Закрой глаза, — когда девочка послушалась, Дени поцеловала её в веки. Миссандея хихикнула.

Целовать Миссандею, однако же, было проще, чем заснуть. Дени закрыла глаза и попыталась

думать о доме — о Драконьем Камне, Королевской Гавани и всех других местах, о которых ей рассказывал Визерис — местах в другой, более доброй, стране... но мысли её точно корабли, подхваченные встречным ветром, постоянно возвращались к Заливу Работорговцев. Когда Миссандея сонно засопела, Дени выбралась из её объятий и вышла на предрассветный воздух — опереться на холодный кирпичный парапет и поглядеть на город. Перед ней рассыпались тысячи крыш, и луна расцветила их оттенками слоновой кости и серебра.

Где-то внизу под этими крышами собирались Дети Гарпии и плели заговоры, чтобы убить её саму и всех, кто её любит, и снова заковать её детей в цепи. Где-то внизу голодный ребенок просил молока. Где-то в постели умирала старуха. Где-то обнимались мужчина и женщина, страстно срывая друг с друга одежду. Но здесь, наверху, лишь лунный свет блестел на стенах пирамид и арен, ничем выдавая того, что происходит внизу. Наверху была только Дейенерис — одна.

Она была от крови дракона. Она могла убить Детей Гарпии, и детей этих Детей, и детей их детей. Но дракон не может накормить голодного ребенка или облегчить боль умирающей.

«*И кто осмелится полюбить дракона*?»

Дени поняла, что снова думает о Даарио — с его золотым зубом и трёхзубой бородой, с сильными руками, покоящимися на рукоятях парных аракха и стилета — рукоятях чеканного золота в виде обнажённых женщин. В день его отъезда, прощаясь, он легко поглаживал их подушечками пальцев.

«*Я ревную к рукоятке меча*, — осознала она, — *к женщинам из золота*».

Она поступила мудро, отправив его к ягнячьим людям: она была королевой, а Даарио Нахарис не годился в короли.

— Прошло уже много времени, — сказала она только вчера сиру Барристану. — Что если Даарио предал меня и переметнулся к моим врагам?

«*Три измены должна ты испытать*».

— Что если он встретил другую женщину, какую-нибудь лхазарянскую принцессу?

Она знала, что старый рыцарь не любит Даарио и не доверяет ему. Несмотря на это, он всё равно галантно ответил:

— Нет на свете женщины прекраснее вашего величества. Только слепой может в этом сомневаться, а Даарио Нахарис не слеп.

«*Нет*, — подумала она, — *у него глаза тёмно-си-*

ние, почти фиолетовые, и золотой зуб блестит, когда он улыбается».

Впрочем, сир Барристан был уверен, что Даарио вернется, и Дени могла только молиться, чтобы он оказался прав.

«*Ванна поможет мне успокоиться*».

Она прошлёпала босиком по траве к своему бассейну на террасе. Вода холодила кожу, заставив ее покрыться мурашками. Подплыла стайка мелких рыбешек и принялась пощипывать руки и ноги Дейенерис. Она закрыла глаза и отдалась воде.

Тихий шелест заставил её открыть глаза. Дени с легким всплеском села в бассейне.

— Миссандея? — позвала она. — Ирри? Чхику?

— Они спят, — прозвучал ответ.

Под деревом хурмы стояла женщина в плаще с капюшоном, касаясь травы длинными полами. Под капюшоном виднелось твердое блестящее лицо.

«*Она носит маску*, — вспомнила Дени, — *деревянную маску, покрытую тёмно-красным лаком*».

— Куэйта? Это сон? — она щипнула себя за ухо и поморщилась от боли. — Ты снилась мне на «Балерионе», когда мы впервые попали в Астапор.

— Это был не сон. Ни тогда, ни сейчас.

— Что ты здесь делаешь? Как прошла мимо моей стражи?

— Я пришла другим путем. Твои стражники меня не видели.

— Стоит мне позвать, и они убьют тебя.

— Они будут клясться тебе, что меня здесь нет.

— Так ты здесь?

— Нет. Послушай меня, Дейенерис Таргариен. Стеклянные свечи горят. Скоро придет бледная кобылица, а за ней и другие. Кракен и темное пламя, лев и грифон, сын солнца и скомороший дракон. Не верь никому из них. Помни Бессмертных. Берегись надушенного сенешаля.

— Резнак? Отчего мне его бояться? — Дени встала в бассейне. По её ногам стекала вода, и от ночного холода руки покрылись мурашками. — Если ты хочешь меня о чём-то предупредить, говори ясно. Чего ты хочешь, Куэйта?

В глазах заклинательницы теней блеснул лунный свет.

— Показать тебе путь.

— Я помню путь. На север через юг, на запад через восток, назад, чтобы продвинуться вперед. И чтобы обрести свет, я должна пройти через тень, — она отжала свои серебряные волосы. — Мне надоели загадки. В Кварте я была нищей попро-

шайкой, здесь я королева. Я приказываю тебе...

— Дейенерис. Помни Бессмертных. Помни, кто ты.

— Я от крови дракона. — «*Но мои драконы рычат во тьме*». — Я помню Бессмертных. «Дитя троих» — так они назвали меня. Трёх коней они обещали мне, три огня и три измены. Одну из-за крови, одну из-за золота, одну из-за...

— Ваше величество? — Миссандея стояла в дверях королевской опочивальни с фонарем в руках. — С кем вы разговариваете?

Дени метнулась взглядом к дереву. Там не было никого — ни плаща с капюшоном, ни лаковой маски, ни Куэйты.

«*Тень. Воспоминание. Никто*».

Она была от крови дракона, но сир Барристан говорил, что кровь эта может быть дурной.

«*Неужели я схожу с ума*?»

Когда-то её отца называли Безумным.

— Я молилась, — сказала она наатийке. — Скоро рассветёт. Стоит перекусить перед приемом.

— Я принесу вам что-нибудь на завтрак.

Снова оставшись одна, Дени обошла вокруг пирамиды в надежде найти Куэйту — мимо сгоревших деревьев и обугленной земли там, где её люди пытались пленить Дрогона. Но она не услы-

шала ничего, кроме ветра в кронах фруктовых деревьев, и не встретила в садах ни одной живой души, лишь нескольких белесых мотыльков.

Миссандея вернулась к ней с дыней и чашей сваренных вкрутую яиц, но Дени не хотелось есть. Как только небо посветлело, и звезды угасли одна за другой, Ирри и Чхику помогли ей облачиться в токар из лилового шёлка с золотой бахромой.

Когда Резнак и Скахаз явились к королеве, она обнаружила, что смотрит на них с подозрением, помня о трех изменах. «*Берегись надушенного сенешаля*». Она опасливо потянула носом в сторону Резнака мо Резнака. «*Я могу приказать Бритоголовому арестовать его и подвергнуть дознанию*». Предотвратит ли это исполнение пророчества? Или его место просто займет какой-нибудь другой предатель?

«*Пророчества неоднозначны,* — напомнила она себе, — *и Резнак может быть именно тем, кем кажется, и не более*».

Скамья из чёрного дерева в пурпурном зале оказалась доверху завалена атласными подушками. Это зрелище вызвало у неё легкую улыбку. «*Дело рук сира Барристана*». Старый рыцарь был хорошим человеком, но иногда чересчур простодушным.

«*Это была просто шутка, сир*», — подумала она, но всё равно села на подушки.

Бессонная ночь скоро дала о себе знать. Дени едва подавляла зевоту, слушая, как Резнак толкует о ремесленных гильдиях. Похоже, каменотесы были недовольны королевой, и каменщики тоже. Некоторые бывшие рабы начали тесать камень и класть кирпичи, лишая работы членов гильдий — и подмастерьев, и самих мастеров.

— Вольноотпущенники слишком мало берут за свой труд, — говорил Резнак. — Некоторые называют себя подмастерьями или даже мастерами, а эти звания принадлежат по праву только ремесленникам — членам гильдий. Каменотёсы и каменщики почтительно просят вашу милость поддержать их древние права и обычаи.

— Вольноотпущенники мало берут за свой труд, потому что хотят есть, — указала ему Дени. — Если я запрещу им тесать камень или класть кирпичи, скоро у моего порога выстроятся свечники, ткачи и ювелиры, требуя не допускать бывших рабов и до этих ремесел.

Она немного подумала.

— Запишите указ: отныне только членам гильдии разрешается называть себя подмастерьями и мастерами... при том условии, что гильдия будет

допускать в свои ряды любого вольноотпущенника, способного доказать нужные навыки.

— Так будет объявлено, — сказал Резнак. — Угодно ли будет вашей милости выслушать благородного Хиздара зо Лорака?

«*Он что — никогда не отступится*?»

— Пусть подойдет.

Хиздар в этот раз пришел без токара. Теперь он надел простые серо-синие одежды и, кроме того, побрился. «*Он сбрил бороду и обстриг волосы*», — поняла она. Хиздар зо Лорак присоединился к бритоголовым — правда, совсем волос он не лишился, но, по крайней мере, нелепых крыльев у него на голове уже не было.

— У тебя отменный цирюльник, Хиздар. Надеюсь, ты пришел ко мне всего лишь показать его работу, а не мучить меня разговорами о бойцовых ямах.

Он склонился в глубоком поклоне.

— Боюсь, ваше величество, что должен.

Дени скривилась. Даже её собственные люди никак не оставляли эту тему. Резнак мо Резнак подчеркивал, что казну пополняют налогами. Зеленая Милость уверяла, что открытие ям угодно богам. Бритоголовый считал, что этот жест придаст ей народную поддержку против Детей

Гарпии. «*Пусть дерутся*», — ворчал Силач Бельвас, который когда-то и сам был бойцом в ямах. Сир Барристан предлагал заменить их турнирами — по его словам, ученики-сироты уже сбивали копьями кольца и дрались затупленным оружием. Дени знала, что это предложение безнадёжно, хоть и исходит из благих побуждений. Миэринцы хотели видеть кровь, а не боевое искусство — иначе бойцы носили бы латы. Похоже, только маленькая Миссандея разделяла убеждения королевы.

— Я отказывала тебе шесть раз, — напомнила Дени Хиздару.

— У вашей лучезарности семь богов, так что, возможно, в седьмой раз вы одарите меня своей благосклонностью. Сегодня я пришел не один. Выслушате ли моих друзей? Здесь их тоже семеро.

Он по очереди вывел их вперед.

— Это Кразз. Это Барсена Черноволосая, еще доблестнее его. Вот Камаррон по прозвищу Несчётный и Гогор-Гигант. Это Пятнистый Кот, это Бесстрашный Иток. И наконец, Белакво-Костолом. Они здесь, чтобы поддержать мою просьбу и молить вашу милость об открытии бойцовых ям.

Дени знала эту семерку — если не в лицо, то по имени. Все они были из числа самых знаменитых

бойцовых рабов Миэрина... и именно бойцовые рабы, освобожденные из цепей её «канавными крысами», возглавили восстание, которое положило город к её ногам. Она у них в неоплатном долгу.

— Я выслушаю вас, — согласилась она.

Один за другим они просили ее снова открыть бойцовые ямы.

— Но почему? — осведомилась она, когда Бесстрашный Иток закончил говорить. — Вы больше не рабы, обречённые умирать ради прихоти хозяев. Я вас освободила. Ради чего вам желать смерти на багряном песке?

— Я тренировался с трёх лет, — сказал Гогор-Гигант, — и убивал с шести. Мать Драконов говорит, что я вольный человек — так почему я не волен сражаться?

— Если ты хочешь сражаться — сражайся за меня. Присягни своим мечом Детям Матери, или Свободным Братьям, или Храбрым Щитам. Научи других вольноотпущенников драться.

Гогор покачал головой.

— Раньше я сражался за хозяина. Ты говоришь «сражайся за меня». Я хочу сражаться за себя, — великан ударил себя в грудь кулаком размером с окорок. — Ради золота. Ради славы.

— Гогор говорит за нас всех, — у Пятнистого Кота через плечо была переброшена леопардовая шкура. — Последний раз, когда меня продавали, дали триста тысяч монет. Когда я был рабом, я спал на мехах и ел красное мясо с костей. Теперь, когда я свободен, я сплю на соломе и ем солёную рыбу, когда её удается достать.

— Хиздар клянется, что победитель будет оставлять себе половину всех собранных у ворот денег, — сказал Кразз. — *Половину*, он в этом поклялся, а Хиздар — честный человек.

«*Нет, он хитрый человек*», — Дейенерис почувствала себя в ловушке.

— А проигравшие? Что они получат?

— Их имена будут высечены на Вратах Судьбы среди имен других славных павших, — объявила Барсена. Как говорили, за восемь лет она не оставила в живых ни одной женщины, с которой сходилась в бою на арене. — Все люди смертны, мужчины и женщины... но не все останутся в памяти людей.

Дени не нашлась, что ответить.

«*Если именно этого и хочет мой народ, разве у меня есть право им отказать? Миэрин был их городом до того, как стать моим, и это свои собственные жизни они хотят расточать*».

— Я обдумаю всё, что вы сказали. Благодарю вас за беседу, — она встала. — Продолжим завтра.

— Все на колени перед Дейенерис Бурерожденной, Неопалимой, королевой Миэрина, королевой андалов, ройнаров и Первых Людей, кхалиси Великого травяного моря, Разрушительницей Оков и Матерью Драконов, — объявила Миссандея.

Сир Барристан проводил Дени до её покоев.

— Расскажите мне историю, сир, — попросила Дени, когда они поднимались по лестнице. — Какую-нибудь историю о доблести и с хорошим концом. — Она отчаянно нуждалась в историях с хорошим концом. — Расскажите, как вы спаслись от Узурпатора.

— Ваше величество, нет ничего доблестного в бегстве без оглядки.

Дени уселась на подушку, скрестив ноги, и поглядела на него.

— Пожалуйста. Младший узурпатор выгнал вас из Королевской Гвардии…

— Джоффри, да. Под предлогом моего преклонного возраста, хотя истина была очевидна: мальчишка хотел отдать белый плащ своему псу — Сандору Клигану, а его мать хотела, чтобы лордом-командующим стал Цареубийца. Когда они объявили мне об отставке, я… я сбросил плащ, как

они велели, швырнул свой меч к ногам Джоффри и сказал нечто неразумное.

— Что именно вы сказали?

— Правду... но правда при том дворе никогда не была в чести. Я вышел из тронного зала с высоко поднятой головой, хотя не знал, куда иду. У меня не было другого дома, кроме Башни Белого Меча. Я знал, что моя родня найдёт мне приют в Харвестхолле, но не хотел навлечь на их головы гнев Джоффри. Я собирал свои вещи, и вдруг понял, что, приняв прощение Роберта, сам навлек на себя беду. Он был хорошим рыцарем, но плохим королём и не имел никакого права на тот трон, который занимал. Вот тогда я понял, что должен искупить свою вину — найти законного короля и служить ему верой и правдой, отдавая ему все силы, какие у меня остались.

— Моему брату Визерису.

— Таково было моё намерение. Когда я пошел к конюшням, золотые плащи попытались меня схватить. Джоффри даровал мне замок, где я мог бы умереть, но я с презрением отказался от его дара, поэтому он заменил замок на темницу. За мной явился сам начальник Городской Стражи, и вид моих пустых ножен придал ему храбрости — но у него с собой было всего три стражника,

а при мне ещё был мой кинжал. Один из них попытался меня схватить, но я располосовал ему лицо и ускакал верхом. Когда я несся к воротам, то услышал, как Янос Слинт отдал приказ догнать меня. Улицы за стенами Красного Замка были наводнены людьми — если бы не это, я легко бы ушел. Но они перехватили меня на Речных Вратах. Золотые плащи, гнавшиеся за мной от замка, заорали караульным у ворот, что меня надо остановить, так что стража скрестила копья и преградила мне путь.

— Но у вас же не было меча. Как вам удалось прорваться сквозь них?

— Один истинный рыцарь стоит десяти стражников. Я застал часовых у ворот врасплох — затоптал одного конем, ухватил его копье и проткнул им горло моего ближайшего преследователя. Другой прекратил погоню, как только я оказался за воротами. А потом я гнал коня во весь опор вдоль реки, пока город не скрылся из виду. В тот же вечер я продал коня за пригоршню медяков и какие-то лохмотья, а на следующее утро присоединился к потоку простонародья, устремившегося в город. Я выехал через Грязные Ворота, а вернулся через Божьи — с грязью на лице, щетиной на щеках и без оружия, если не

считать деревянной клюки. В лохмотьях и перепачканных грязью башмаках я выглядел просто ещё одним стариком, бежавшим от войны в город. Я заплатил оленя «золотому плащу», и тот разрешил мне пройти. Королевская Гавань кишела людьми низкого сословия, искавшими там спасения от войны, и я скрылся среди них. У меня было мало серебра, но мне надо было оплатить плавание через Узкое море, поэтому я ночевал в септах и переулках, и питался в дешевых харчевнях. Я отпустил бороду и притворился старцем. Я был на площади и видел, как лорд Старк лишился головы. Потом я отправился в Великую Септу и возблагодарил богов за то, что Джоффри лишил меня плаща.

— Старк был изменником и умер как изменник.

— Ваше величество, — сказал Селми, — Эддард Старк сыграл свою роль в падении вашего отца, но он не держал против вас злого умысла. Когда евнух Варис доложил нам, что вы понесли ребенка, Роберт хотел вас убить, но лорд Старк был против. Он не одобрил убийства ребенка и сказал королю, чтобы тот поискал себе другого десницу.

— Вы разве забыли о принцессе Рейенис и принце Эйегоне?

— Никогда. Но это дело рук Ланнистеров, ваше величество.

— Ланнистеры или Старки — какая разница? Визерис называл их псами Узурпатора. Если на ребенка спустили свору собак, какая разница, которая из них разорвет ему горло? Все псы в равной степени виновны. Вина... — слова застряли у нее в горле.

«*Хаззея*», — подумала она и внезапно для себя сказала тихим, как шёпот ребёнка, голосом:

— Я хочу взглянуть на яму. Пожалуйста, сир, отведите меня вниз.

По лицу старика прошла тень неодобрения, но не в его обычаях было прекословить королеве.

— Слушаю и повинуюсь.

Лестница для прислуги была кратчайшим путём вниз, но это был путь крутой, прямой и узкий, скрытый в стенах пирамиды. Сир Барристан прихватил с собой фонарь, чтобы королева не оступилась в темноте.

Вокруг, теряя окраску и отступая в темноту вслед за фонарем, теснились кирпичи двадцати различных цветов и оттенков. Трижды они миновали часовых-Безупречных, стоявших неподвижно, точно высеченные из камня. Единственными звуками в тишине были шаги Дени и

сира Барристана по ступеням.

На нижнем уровне в Великой Пирамиде Миэрина царили безмолвие, пыль и тени. Внешние стены здесь были тридцати футов толщиной. Здесь, внутри, звуки шагов отдавались эхом от сводов из разноцветного кирпича и неслись по стойлам, хлевам и кладовым. Они прошли под тремя массивными арками и дальше по освещенному факелами уклону в подземелья под пирамидой, мимо резервуаров с водой, темниц и пыточных камер, где раньше бичевали рабов, сдирали с них кожу и жгли калёным железом. И в конце концов вышли к огромным железным дверям с заржавевшими петлями. Здесь тоже был пост Безупречных.

Повинуясь королеве, один из них принёс железный ключ. Двери отворились, скрежетнув петлями. Дейенерис Таргариен вступила в тёмное пекло и остановилась на краю глубокой ямы. В сорока футах внизу её драконы подняли головы. В полумраке загорелись четыре глаза — два цвета расплавленного золота и два — цвета бронзы.

Сир Барристан придержал ее за руку.

— Не подходите ближе.

— Думаете, они смогут причинить вред *мне*?

— Не знаю, ваше величество, и предпочел бы

не подвергать вас опасности только ради того, чтобы это проверить.

Рейегаль зарычал, и язык желтого пламени на полмгновения обратил тьму в день. Огонь лизнул стены, и Дени ощутила лицом жар, точно из печи. На другой стороне ямы Визерион расправил крылья, разогнав застоявшийся воздух. Он попытался взлететь к ней, но натянувшиеся цепи не пустили его, и он упал на брюхо. Его ноги были прикованы к полу цепями в кулак толщиной, на шею был надет железный хомут, соединённый со стеной за спиной дракона. На Рейегале были такие же цепи. В свете фонаря его чешуя отливала нефритом, сквозь зубы поднимался дым. На полу под ногами драконов были разбросаны кости — треснутые, обугленные, разгрызенные. Воздух был неприятно жарок и пах серой и жареным мясом.

— Они подросли, — голос Дени эхом отразился от закопченных каменных стен. Капля пота стекла у нее по лбу и упала на грудь. — Правда, что драконы никогда не прекращают расти?

— Если у них хватает пищи и места для роста. Хотя, будучи прикованными здесь...

Великие господа использовали эту яму в качестве темницы. Она могла бы с легкостью вместить

пятьсот человек... и годилась для двух драконов.

«*Надолго ли? Что будет, когда они станут слишком велики для неё? Набросятся ли они друг на друга с огнём и когтями? Зачахнут и ослабеют, будут лежать с запавшими боками и сморщенными крыльями? Погаснет ли их пламя перед смертью*?»

Что за мать оставит своих детей чахнуть во тьме?

«*Если я буду в этом раскаиваться, я обречена,* — убеждала себя Дени... Но как ей не раскаиваться? — *Я должна была понять, к чему всё идет. Неужели я была слепа, или просто сама закрыла глаза на правду, чтобы не видеть цену власти*?»

Когда она была маленькой, Визерис рассказал ей все сказки про драконов. Он любил о них рассказывать. Она знала, как пал Харренхолл, она знала о битве на Пламенном Поле и Танце Драконов. Один из её предков — Эйегон Третий — видел когда-то, как его собственную мать сожрал дракон, принадлежавший его дяде. И были еще бесчисленные песни, в которых деревни или целые королества жили в страхе перед каким-нибудь драконом, пока не появлялся храбрый рыцарь, способный убить дракона, и спасал их. В Астапоре её дракон огнем выжег глаза работор-

говцев. По пути в Юнкай, когда Даарио принес к её ногам головы Саллора Смелого и Прендаля на Гхезна, её дети полакомились ими. Драконы людей не боятся. И дракон, подросший, чтобы питаться овцами, может так же просто съесть и ребёнка.

Ее звали Хаззея, и ей было четыре года.

«*Если ее отец не лгал. Но мог и солгать*».

Никто, кроме него не видел дракона. Он принес в подтверждение своих слов обгорелые кости — но обгорелые кости ничего не доказывали. Он мог сам убить девочку и сжечь её труп. И был бы не первым отцом в Миэрине, который избавился от лишнего рта — так говорил Бритоголовый.

«*Это могли сделать Дети Гарпии — подделать нападение дракона, чтобы город меня возненавидел*».

Дени хотелось в это верить... но если это было так, почему отец Хаззеи ждал, пока зал для приемов опустеет, прежде чем обратиться к королеве? Если он хотел настроить против неё миэринцев, то рассказал бы о своей беде, когда зал был полон народа.

Бритоголовый упрашивал её казнить просителя.

— По крайней мере, вырвите ему язык. Ложь

этого человека может погубить нас всех, ваше величество.

Вместо этого Дени предпочла заплатить отцу Хаззеи за жизнь его дочери. Никто не мог сказать ей, сколько стоит жизнь ребенка, так что она распорядилась выдать ему в сто раз больше, чем платила раньше за овец.

— Я вернула бы тебе Хаззею, если бы могла, — сказала она отцу, — но некоторые вещи не под силу даже королеве. Её кости упокоятся в Храме Милости, и в память о ней день и ночь будет гореть сотня свечей. Приходи ко мне каждый год в день её именин, и другие твои дети не будут ни в чем нуждаться... но ты не должен никому об этом рассказывать.

— Люди будут спрашивать, — сказал убитый горем отец. — Они будут спрашивать меня, куда делась Хаззея и как умерла.

— Её укусила змея, — сказал ему Резнак мо Резнак. — Её утащил голодный волк. Её забрала внезапная лихорадка. Говори им, что хочешь, но не упоминай драконов.

Когти Визериона скребли по камням, огромные цепи гремели, когда он пытался снова выбраться к ней из ямы. Когда ему это не удалось, он издал рык, запрокинул назад, насколько мог, голову и

выдохнул золотое пламя на стену за собой.

«*Как скоро его огонь станет таким жарким, что будет раскалывать камни и плавить железо*?»

Когда-то — не так уж и давно — он мог сидеть у неё на плече, обвив руку хвостом. Когда-то она кормила его ломтиками жареного мяса с руки. Его заковали в цепи первым. Дейенерис сама привела его в яму и закрыла внутри с несколькими быками. Наевшись, он заснул, и на него спящего надели цепи.

С Рейегалем было сложнее. Возможно, он слышал, как буйствует в темнице его брат, несмотря на разделявшие их стены из кирпича и камня. В конце концов, на него пришлось набросить сеть из толстых железных цепей, пока он грелся на солнце у нее на террасе. Дракон сопротивлялся так яростно, бился и кусался, что его спуск по лестнице для слуг занял три дня. Во время этого спуска заживо сгорели шесть человек.

А Дрогон...

«*Крылатая тень*», — так назвал его отец девочки. Он был самым крупным из тройки, самым свирепым, самым диким, с чёрной как ночь чешуёй и глазами, точно огненные плошки.

Дрогон охотился далеко от дома, а когда возвра-

щался — любил греться под солнцем на вершине Великой Пирамиды, где когда-то стояла миэринская гарпия. Трижды они пытались захватить его там, и трижды упустили. Сорок её самых храбрых людей рисковали своей жизнью, пытаясь его захватить, почти все получили ожоги, а четверо скончалось. Последний раз она видела Дрогона на закате в вечер третьей попытки. Чёрный дракон летел на север — через Скахазадан, к высоким травам Дотракийского моря. Он больше не вернулся.

«*Мать драконов*, — думала Дейенерис. — *Мать чудовищ. Что я выпустила в мир? Я королева, но мой трон стоит на сожжённых костях и зыбучих песках*».

Но как без драконов удержать Миэрин, а тем более отвоевать Вестерос?

«*Я от крови дракона*, — думала она. — *Если они чудовища, то и я тоже*».

Глава 12. Вонючка

Узник впился в крысу зубами, и та завизжала, дико извиваясь в его руках в неистовой попытке вырваться. Брюшко — самая нежная часть. Он вгрызся во вкусное мясо, тёплая кровь потекла по губам. От удовольствия на глаза навернулись слёзы. Пленник проглотил мясо, и в животе заурчало. После третьего укуса крыса перестала сопротивляться, и он почувствовал себя почти довольным.

За дверью темницы послышались голоса.

Прекратив от страха даже жевать, он замер на месте с набитым кровью, мясом и шерстью ртом, не смея ни проглотить это, ни выплюнуть. Окаменев, узник в ужасе прислушивался к шарканью сапог и звяканью железных ключей.

«*Нет*, — взмолился он, — *нет, о боги, пожалуйста, не сейчас, только не сейчас*. — Он так долго ловил эту крысу. — *Если её найдут, то отнимут, донесут об этом, и лорд Рамси меня накажет*».

Крысу, конечно, следовало бы спрятать, но голод был *слишком силён*: вот уже два, а то и три дня без крошки во рту. Здесь, в темноте под

землёй, трудно сказать точно, сколько прошло времени. Его руки и ноги стали худыми как палки, а пустой живот, наоборот, раздулся, и так болел от голода, что было невозможно уснуть. Стоило закрыть глаза — и перед ним вставала леди Хорнвуд. После свадьбы лорд Рамси запер её в башне и уморил голодом. Перед смертью она дошла до того, что съела собственные пальцы.

Скрючившись в дальнем углу темницы, несчастный вцепился в свою добычу и вгрызся в неё остатками зубов, пытаясь проглотить как можно больше тёплой плоти, до того как откроется дверь. Из уголков рта стекали струйки крови. Мясо было жилистым, но таким сочным, что аж подташнивало. Он жевал и глотал, вытаскивая мелкие косточки из лунок в дёснах, оставшихся от выбитых зубов. Жевать было больно, но узник был так голоден, что не мог остановиться.

Звуки становились всё громче.

«*Боги, пожалуйста, пусть это не за мной*», — молил он, отрывая одну из лапок крысы. За ним давно никто не приходил. Есть и другие камеры, другие пленники. Их крики слышались иногда даже сквозь толстые каменные стены.

«*Громче всех кричат женщины*».

Он обсосал мясо с лапки и попытался выплю-

нуть косточку в сторону, но та, вывалившись изо рта, застряла в бороде.

«*Уходите*, — молил пленник, — *идите себе дальше, не трогайте меня, пожалуйста, пожалуйста*».

Но как раз в тот момент, когда шаги раздались совсем рядом, их звук вдруг смолк прямо за дверью и звякнули ключи. Крыса выпала у него из рук. Пленник вытер окровавленные пальцы о штаны.

— Нет, — пробормотал он, – не-е-ет. — Перебирая пятками по покрытому соломой полу, он попытался вжаться в угол, в промозглые каменные стены темницы.

Нет ничего ужаснее звука поворачивающегося в замке ключа. В глаза ударил свет, и узник пронзительно вскрикнул, невольно прикрывая лицо руками. Голова так раскалывалась от боли, что он выцарапал бы себе глаза, если бы только осмелился.

«*Уберите свет, делайте что хотите, только в темноте, пожалуйста, ну пожалуйста*».

— Это не тот, — произнес мальчишеский голос. — Взгляни на него. Наверное, мы ошиблись камерой.

— Последняя камера слева, — ответил другой

мальчишка. — Это же последняя камера слева, разве нет?

— Ага. — Молчание. — Что он сказал?

— Похоже, ему не нравится свет.

— А тебе бы понравился, если бы ты так выглядел? — мальчик смачно харкнул. — Ну и вонища от него. Я сейчас задохнусь.

— Он жрал крыс, — сказал второй мальчик. — Смотри.

Первый мальчишка засмеялся.

— Точно. Вот умора.

«*Мне пришлось*».

Пока он спал, крысы кусали его, грызли пальцы на руках и ногах, и даже лицо, так что он не колебался, когда удалось поймать мерзавку. Выбор был невелик: съешь сам или съедят тебя.

— Да, — пробормотал пленник. — Да, да, я ел их, а они — меня, пожалуйста…

Мальчики подошли ближе, солома мягко зашуршала под их ногами.

— Отвечай, — произнёс один из них — тот, что был поменьше ростом, худенький, но смышленый. — Ты помнишь, кто ты?

От страха всё внутри сжалось, и он застонал.

— Говори. Как твоё имя?

«*Мое имя*, — стон застрял в горле. Они учили,

как его зовут, да, учили, но это было так давно, что стерлось из памяти. — *Если отвечу неправильно, то лишусь ещё одного пальца, или даже хуже. Он, он…*» — Не надо думать об этом, это невыносимо. Челюсть свело судорогой, а в глаза словно вонзились тысячи иголок. В висках стучала кровь.

— Пожалуйста, — пропищал он тонким и слабым, как у столетнего старика голосом. А может он и правда старик?

«*Сколько времени я уже здесь*?»

— Уйдите, — пробормотал узник сквозь сломанные зубы и изувеченные пальцы, крепко сжимая веки, чтобы не смотреть на нестерпимо яркий свет. — Пожалуйста, забирайте крысу, только не трогайте меня…

— Вонючка. Тебя зовут — Вонючка. Вспомнил? — сказал более высокий мальчишка, державший в руках факел. У второго парнишки в руках была связка железных ключей.

— Вонючка? — по его щекам покатились слезы. — Я помню. Да, помню, — он открыл и закрыл рот. — Меня зовут Вонючка. Вонючка-колючка. — В темноте имя не нужно, так что его легко забыть.

«*Вонючка, Вонючка, меня зовут Вонючка*».

При рождении его нарекли иначе. В предыдущей жизни он был кем-то другим, но здесь и

сейчас — Вонючкой. Он вспомнил.

И мальчиков вспомнил. Они были одеты в одинаковые серебристо-серые дублеты из овечьей шерсти, украшенные тёмно-синей окантовкой. Оба оруженосцы, обоим по восемь лет, и обоих звали Уолдерами Фреями.

«*Да, Уолдер Большой и Уолдер Малый*».

Причём тот, что повыше — Малый, а тот, что пониже — Большой, и это ужасно веселило мальчишек и путало всех остальных.

— Я знаю вас, — прошептал он потрескавшимися губами. — Я знаю, как вас зовут.

— Пойдёшь с нами, — приказал Уолдер Малый.

— Ты нужен его светлости, — добавил Уолдер Большой.

От страха у него свело живот.

«*Они всего лишь дети*, — подумал пленник. — *Двое восьмилетних мальчишек*».

Он точно справится с двумя восьмилетками. Даже ослабший, как сейчас, он мог бы выхватить факел, отобрать ключи и кинжал, висевший на боку Уолдера Малого, и сбежать.

«*Нет. Нет, это слишком просто. Это ловушка. Если я сбегу, то лишусь ещё одного пальца и последних зубов*».

Он уже сбегал раньше. Казалось, это было мно-

го лет назад. Тогда он ещё был сильным, ещё был непокорным. В тот раз это была Кира с ключами. Она сказала, что украла их. Что знает задние ворота, которые никогда не охраняются.

— Отвезите меня обратно в Винтерфелл, м'лорд, — молила она, бледная и дрожащая.– Я не знаю дороги. Одной мне не сбежать. Пожалуйста, пойдёмте со мной.

Так он и сделал. Охранник со спущенными до лодыжек штанами валялся смертельно пьяный в луже вина, дверь в подземелья была открыта, а задние ворота не охранялись — всё как она и сказала. Дождавшись, когда луна скроется за тучами, они выскользнули из замка и, спотыкаясь о камни, пошлёпали через Плачущую Воду. А когда, чуть не околев от холода в ледяной реке, они выбрались на другой берег, он её поцеловал.

— Ты спасла нас, — сказал он.

«*Дурак. Дурак*»

Это была ловушка. Игра. Розыгрыш. Лорд Рамси любил охоту и предпочитал загонять двуногую дичь. Всю ночь они бежали через тёмный лес, но когда взошло солнце, за деревьями послышался звук рога, а потом они услышали лай гончих.

— Нужно разделиться, — предложил он Кире, когда собаки были уже совсем близко. — Двоих

они выследить не смогут.

Но девчонка с ума сошла от страха и отказалась уходить, даже когда он поклялся, что соберёт войско железных людей и вернётся за ней, если поймают именно её.

Меньше, чем через час, их схватили. Одна собака повалила его на землю, а другая вцепилась в ногу карабкавшейся на холм Кире. Остальная стая кружила вокруг с лаем и рычанием, угрожающе оскаливаясь, стоило им лишь пошевелиться. Собаки не выпускали их, пока не подъехал Рамси Сноу со своими загонщиками. Тогда он всё ещё был бастардом, а не Болтоном.

— Вот вы где, — сидя в седле и улыбаясь им свысока, сказал он. — Меня огорчил такой ваш уход. Неужели вам так быстро наскучило моё гостеприимство?

Тогда Кира и запустила камнем ему в голову, но промахнулась на целый фут.

— Придётся вас наказать, — улыбнулся Рамси.

Вонючка помнил, с каким страхом и отчаянием смотрела на него Кира. В тот момент она казалась как никогда юной, почти ребенком. Но он ничем не мог помочь.

«*Это из-за неё нас поймали,* — вспоминал он. — *Один из нас мог бы скрыться, если бы мы раз-*

делились, как я предлагал».

От воспоминаний перехватило дыхание. Со слезами на глазах Вонючка отвернулся от факела.

«*Что ему надо от меня на этот раз*? — с отчаянием подумал он. — *Почему бы просто не оставить меня в покое? Сейчас я ничем не провинился. Неужели нельзя просто оставить меня в темноте?*»

У него была крыса. Толстая, тёплая и трепещущая.

— Может, стоит его помыть? — спросил Уолдер Малый.

— Пусть воняет, его светлости это нравится, — ответил Уолдер Большой, — поэтому он и назвал его Вонючкой.

«*Вонючка, меня зовут — Вонючка. Вонючка-злючка,* — ему пришлось запомнить это. — *Служи, подчиняйся и помни, кто ты, и тогда тебе больше не причинят вреда. Господин пообещал, его светлость обещал мне*».

Да и не осталось сил сопротивляться, даже будь у него желание. Их выбили, выморили голодом, сорвали вместе с кожей. Когда Уолдер Большой помог ему подняться, а Уолдер Малый, подгоняя факелом, выгнал вон из камеры, узник пошёл послушно, как собака. Будь у него хвост, он бы

поджал его между ног.

«*Если бы у меня был хвост, Бастард бы его отрезал*. — Мысль пришла неожиданно. Дурная мысль. Опасная. Его светлость больше не бастард. — *Болтон, а не Сноу*».

Мальчишка-король на Железном Троне признал лорда Рамси законным сыном и дал ему право носить отцовское имя. Имя Сноу напоминало тому о незаконнорожденности и приводило в бешенство. Вонючка должен помнить об этом. И своё имя. Надо помнить своё имя. На какое-то мгновение оно вылетело из памяти, и он так испугался, что оступился на крутой лестнице, ведущей из подземелий, и порвал о камень штаны, ободравшись до крови. Уолдеру Малому пришлось ткнуть его факелом, чтобы заставить подняться на ноги и идти дальше.

На Дредфорт опускалась ночь, и над восточными стенами замка поднималась полная луна. В её слабом свете тени от высоких треугольных зубцов на мерзлой земле казались рядом острых чёрных клыков. Воздух был холодным, сырым и полным полузабытых ароматов. — «*Свобода*, — подумал Вонючка. — *Это запах свободы*». — Он не знал, как долго пробыл в подземельях, но, по крайней мере, не меньше полугода. — «*Или даже*

больше. А что, если прошло пять лет, или десять, или двадцать? Заметил бы я? Что, если там, внизу, я сошёл с ума, и половина моей жизни уже прошла?» — Да нет же, это глупость. Не могло пройти столько времени. Мальчишки всё ещё оставались мальчишками. За десять лет они бы стали мужчинами. Не надо об этом забывать. — «*Не давай ему свести тебя с ума. Пусть он отрежет тебе пальцы на руках и ногах, вырвет глаза, отрежет уши, но лишить тебя разума он не сможет, если не поддашься*».

Уолдер Малый шёл впереди с факелом в руке, Вонючка безропотно плёлся следом, а Уолдер Большой — сразу за ним. Когда они проходили мимо псарни, залаяли собаки. Ветер закружил по двору, пробирая до костей сквозь грязные лохмотья так, что узник покрылся гусиной кожей. Ночной воздух был холодным и сырым, но снега совсем не было, хоть зима явно была на носу. Интересно, доживёт ли он до снега? — «*Сколько пальцев останется у меня на руках и на ногах*? — Вонючка поднял руку и поразился тому, какая она бледная и худая. — *У меня руки старика*». — А может он ошибся насчёт мальчишек? Что, если они на самом деле вовсе не Малый и Большой Уолдеры, а сыновья тех мальчиков, которых он

знал?

Большой зал утопал в дымном полумраке. Справа и слева горели факелы, зажатые в выступающих рядами из стен костяных руках. Высоко над головой проходили почерневшие от дыма деревянные стропила, а свод потолка терялся в тени. Спёртый воздух был полон запахами вина, пива и запечённого на огне мяса. От всех этих ароматов в животе Вонючки громко заурчало, и рот наполнился слюной.

Подталкиваемый Уолдером Малым, пленник, спотыкаясь, прошёл мимо длинных столов, за которыми ели воины гарнизона. Он кожей чувствовал на себе их взгляды. На лучших местах возле помоста расположились любимцы Рамси — Бастардовы Мальчики. Костяной Бен — старик, что ухаживал за любимыми охотничьими гончими его светлости. Дэймон по прозвищу Дэймон Станцуй-для-Меня — светловолосый и юный на вид. Ворчун, лишившийся языка за опрометчивые разговоры в присутствии лорда Русе. Кислый Алин. Живодёр. Жёлтый Хрен. И хоть Вонючка не мог назвать по именам всех сидевших дальше, но помнил их внешне: дружинники, офицеры, солдаты, тюремщики и палачи. Впрочем, тут были и чужаки, чьих лиц он не знал. Некоторые

из них прикрывали нос, когда он проходил мимо, другие смеялись над его видом.

«*Гости*, — подумал Вонючка, — *друзья его светлости, а меня привели для их увеселения*».

По коже пробежал мороз.

Бастард восседал за головным столом в кресле своего лорда-отца и пил из отцовской чаши. Вместе с ним на помосте расположились два пожилых человека. Вонючка с первого взгляда понял, что оба они знатного происхождения. Один — худощавый, с ледяными глазами, длинной белой бородой и суровым, как зимний холод, лицом. На нём была заношенная до дыр засаленная куртка из медвежьей шкуры. Под ней виднелась плетеная кольчуга, которую тот не снял даже за столом. Второй лорд — тоже худой, но кроме того — сутулый и кособокий. Он склонился над своим блюдом, словно стервятник над падалью. У него были жадные серые глаза, жёлтые зубы и почти седая спутанная борода, раздвоенная на конце. На покрытой пятнами голове торчало лишь несколько седых волосков. Однако на его плечах красовался отделанный чёрным соболиным мехом серый шерстяной плащ — мягкий и добротный, а застежкой служила кованная серебряная пряжка в виде звезды с расходящимися

лучами.

Рамси был облачён в чёрные и розовые цвета: чёрные сапоги, чёрный пояс с ножнами, чёрный кожаный камзол поверх розового бархатного дублета, в прорезях которого виднелся тёмно-красный атлас. В его правом ухе блестел гранат в форме капли крови. Однако несмотря на всё великолепие наряда он по-прежнему был некрасив: ширококостный, с покатыми плечами, с той рыхлостью, которая с годами грозила превратиться в полноту. Кожа его была розовой и прыщавой, нос — широким, рот — маленьким, а волосы — длинными, тёмными и ломкими. Несмотря на толстые мясистые губы, самыми заметными в его внешности оставались отцовские глаза: маленькие, близко посаженные, необычно блеклые, призрачно-серые — так порой называют этот оттенок, но на самом деле — абсолютно бесцветные, как два осколка мутного льда.

Завидев Вонючку, Рамси улыбнулся, скривив рот.

— Вот и он. Мой старый закадычный друг. Вонючка был со мной с детских лет. Его подарил мне отец, в знак своей любви, — рассказал он сидевшим рядом мужчинам.

Лорды обменялись взглядами.

— Я слышал, твой слуга погиб, — произнес тот, у которого одно плечо было выше другого. — Говорили, его убили Старки.

Лорд Рамси хихикнул.

— Железнорожденные сказали бы на это: то, что уже мертво, никогда не умрёт, но восстанет сильнее и твёрже. Как Вонючка. Хотя смердит от него, как от трупа, в этом вы правы.

— От него несёт испражнениями и старой блевотиной. — Кривобокий старик отшвырнул в сторону кость и вытер пальцы о скатерть. — У тебя есть какая-то важная причина, чтобы навязывать нам его общество во время еды?

Второй лорд, прямой старик в плетёной кольчуге, изучал Вонючку хмурым взглядом.

— Посмотри-ка внимательней, — посоветовал он другому лорду. — Поседевший, похудевший на три стоуна, да, но не слуга. Разве не узнаешь?

Кривобокий вновь окинул пленника взглядом и вдруг фыркнул.

— Он? Не может быть! Старков воспитанник. Смешливый такой, вечно улыбался.

— Теперь он улыбается реже, — признался Рамси. — Кажется, я сломал часть его красивеньких беленьких зубиков.

— Лучше бы ты перерезал ему горло, — ответил

лорд в кольчуге. — С собаки, напавшей на хозяина, нужно спускать шкуру.

— О, шкуру я с него тоже содрал, местами, — подтвердил Рамси.

— Да, мой господин. Я был плохим, мой господин. Дерзким и… — Вонючка облизал губы, пытаясь придумать, что же ещё сделал.

«*Служи и подчиняйся*, — напомнил он сам себе, — *и тогда уцелеет хотя бы то, что осталось. Служи, подчиняйся, и помни своё имя. Вонючка, Вонючка-канючка*».

— … плохим и…

— У тебя рот в крови, — заметил Рамси. — Ты снова грыз пальцы, Вонючка?

— Нет. Нет, мой господин, клянусь.

Вонючка однажды пытался откусить собственный безымянный палец — с того содрали кожу и он ужасно болел. Лорд Рамси никогда не отрезал пальцы просто так. Он предпочитал снять с них кожу. Голая плоть начинала сохнуть, трескаться и гноиться. Вонючку и секли, и вздергивали на дыбу, и резали, но даже эти муки были несравнимы с болью оголённой плоти. Она просто невыносима, она сводит с ума. Рано или поздно жертва обязательно взмолится: — «*Пожалуйста, я больше не могу, не могу, прекратите, отрежьте*

его». — И лорд Рамси окажет эту услугу. Вот в такую игру они играли. Достаточно было взглянуть на руки и ноги Вонючки, чтобы понять, что он хорошо усвоил правила этой игры. Но однажды он забылся и попытался прекратить мучения сам — зубами. Рамси это не понравилось, и оплошность стоила Вонючке ещё одного пальца на ноге.

— Я ел крысу, — пробормотал он.

— Крысу? — Блеклые глаза Рамси блеснули в свете факелов. — Все крысы в Дредфорте принадлежат моему лорду-отцу. Как ты посмел съесть одну из них без моего разрешения?

Не зная, что ответить, Вонючка промолчал. Одно неверное слово — и он может лишиться очередного пальца на ноге или даже на руке. У него уже не было двух пальцев на левой руке и мизинца на правой. А на ногах — трёх пальцев на левой и мизинца на правой. Иногда Рамси шутил, не уравнять ли ему правую и левую стороны.

«*Мой господин всего лишь шутил*, — пытался себя успокоить Вонючка. — *Он говорил, что не хочет делать мне больно. Он так поступает, только когда я виноват*».

Его лорд — добрый и милосердный. Он мог бы снять кожу с лица Вонючки за те слова, что тот говорил, пока не выучил своё истинное имя и

место.

— Это становится утомительным, — произнёс лорд в плетёной кольчуге. — Убей его, и покончим с этим.

Лорд Рамси наполнил свою чашу пивом.

— Это испортит наш праздник, милорд. Вонючка, у меня для тебя хорошие новости. Я собираюсь жениться. Мой лорд-отец везёт мне девчонку Старков. Дочь лорда Эддарда, Арью. Ты же помнишь малютку Арью, верно?

«*Арья-Босоножка*, — чуть не сказал он, — *Арья-Лошадка*».

Младшая сестра Робба, с каштановыми волосами, вытянутым лицом, тощая, как палка, и вечно чумазая.

«*Красивой была Санса*».

Когда-то он думал, что Сансу могут выдать за него, и лорд Эддард назовёт его сыном, но это были всего лишь детские фантазии. Что же касается Арьи…

— Я помню её. Арью.

— Она станет леди Винтерфелла, а я — её лордом.

«*Она же совсем ещё ребенок*».

— Конечно, мой господин. Поздравляю вас.

— Придёшь ли ты ко мне на свадьбу, Вонючка?

Он замешкался.

— Если вы пожелаете, мой господин.

— Да, я хочу этого.

Он снова заколебался. Вдруг это какая-то жестокая ловушка?

— Конечно, мой господин. Если это доставит вам удовольствие. Это такая честь для меня.

— Тогда надо вытащить тебя из этого ужасного подземелья. Отскрести до розового цвета, переодеть в чистое и покормить. Хочешь вкусной нежной овсянки? Или кусок горохового пирога с беконом? У меня для тебя небольшое задание. Но тебе понадобится восстановить силы, если хочешь мне служить. А я знаю, что ты хочешь.

— Да, мой господин. Больше всего на свете, — его била дрожь. — Я — ваш Вонючка. Пожалуйста, позвольте мне вам служить. Пожалуйста.

— Ты так славно просишь — как я могу отказать? — улыбнулся Рамси Болтон. — Я еду на войну, Вонючка. И ты поедешь со мной, чтобы привезти домой мою девственную невесту.

Глава 13. Бран

Что-то в вороньем крике заставило Брана задрожать всем телом. «*Я уже почти взрослый*, — пришлось ему напомнить себе, — *я должен быть храбрым*».

Но сам пронизывающий морозный воздух пропитался страхом. Даже Лето был напуган. Шерсть у него на загривке встала дыбом. По склону холма протянулись голодные чёрные тени. Деревья согнулись и искривились под весом наросшего на них льда. Некоторые и на деревья-то не были похожи. Засыпанные смерзшимся снегом от корней до кроны, они возвышались на холме, подобно гигантским, чудовищным и уродливым существам, сгорбившимся под порывами ледяного ветра.

— Они здесь, — следопыт обнажил свой меч.

— Где? — тихо спросила Мира.

— Близко. Я не знаю. Где-то здесь.

Ворон снова каркнул.

— Ходор, — прошептал Ходор. Руки он засунул себе подмышки. С колючих зарослей его бороды свисали сосульки, а усы превратились в замёрзший, окрасившийся в красный цвет заката пучок

соплей.

— Волки тоже близко, — предупредил их Бран, — те, что преследовали нас. Лето чует их каждый раз, когда мы оказываемся с подветренной стороны.

— Волки последнее, о чем нам сейчас стоит беспокоиться, — сказал Холодные Руки. — Мы должны подняться наверх. Скоро стемнеет. Хорошо бы вам оказаться внутри до наступления ночи. Их привлекает ваше тепло.

Он взглянул на запад, где сквозь деревья, словно отблеск далекого костра, смутно проглядывал свет заходящего солнца.

— Это единственный вход? — спросила Мира.

— Второй в трёх лигах к северу, на дне ущелья.

Дальнейших объяснений не требовалось. Даже Ходор не смог бы спуститься в ущелье с Браном, висящим у него за спиной, а для Жойена что пройти три лиги, что пробежать тысячу — было всё едино.

Мира осмотрела холм:

— Кажется, путь свободен.

— *Кажется*, — мрачно проворчал следопыт. — Ты чувствуешь холод? Здесь что-то есть. *Но где?*

— Может, это внутри пещеры? — предположила Мира.

— Пещера защищена. Они не могут войти, — разведчик показал направление мечом. — Вход находится вон там. Та расселина в скале между чардревами, на полпути к вершине.

— Я вижу её, — сказал Бран.

Туда влетали и вылетали обратно вороны.

Ходор переступил с ноги на ногу.

— Ходор.

— Трещина в скале, вот всё, что вижу я, — сказала Мира.

— Там есть проход. Спуск внутри скалы, сперва он отвесный и извилистый. Если сможете добраться туда, будете в безопасности.

— А как же ты?

— Пещера защищена.

Мира изучала расселину в холме:

— От нас до неё не больше тысячи ярдов.

«*Но все эти ярды идут в гору*», — подумал Бран. Холм был крутым и лесистым. Снегопад закончился три дня назад, но выпавший снег не собирался таять. Под деревьями земля была укрыта белым покровом, чистым и нетронутым.

— Здесь никого нет, — храбро заявил Бран. — Посмотрите на снег. На нём нет следов.

— Белые Ходоки ступают по снегу легко, — ответил следопыт. — Там, где они прошли, вы не

найдёте следов.

Спустившийся с неба ворон уселся ему на плечо. С ними осталась только дюжина этих больших чёрных птиц. Остальные рассеялись по пути. С каждым рассветом, их становилось всё меньше.

– *Иди,* — раздался птичий клекот. — *Иди, иди.*

«Трёхглазая ворона, — подумал Бран. — *Древовидец*».

— Это не так уж далеко, — сказал он. — Небольшой подъем, и мы в безопасности. Может, даже сможем разжечь костер.

Все они, кроме разведчика, замёрзли, промокли и проголодались, а Жойен Рид ослаб настолько, что не мог идти без посторонней помощи.

— Ступай один. — Мира Рид склонилась над своим братом.

Тот привалился к стволу дуба, его бил сильный озноб, глаза закрылись. Часть лица, видневшаяся между капюшоном и шарфом, стала бледной, как окружавший их снег, но в нём всё ещё теплилось слабое дыхание. Мира несла его весь день. — «*Еда и огонь вернут его к жизни*», — пытался убедить себя Бран, хотя он и сам не очень-то в это верил.

— Я не могу одновременно сражаться и нести Жойена, подъем слишком крут, — добавила Мира. — Ходор, ты отнесёшь Брана в эту пещеру.

— Ходор, — сказал Ходор, хлопая в ладоши.

— Жойену просто нужно поесть, — печально сказал Бран.

Прошло двенадцать дней с того дня, как лось упал в третий и последний раз. Тогда Холодные Руки, присев рядом с ним в сугроб, пробормотал благословение на каком-то странном языке и перерезал ему горло. Когда из раны хлынула алая кровь, Бран разревелся, как девчонка. Он никогда ещё не чувствовал себя таким ущербным, как тогда, беспомощно наблюдая, за Мирой Рид и Холодными Руками, разделывающими храброго зверя. Ведь он так долго нёс их. Бран сказал себе, что не станет есть его мясо, что лучше ходить голодным, чем питаться другом, но, в конце концов, он поел дважды — один раз сам и ещё раз в шкуре Лето. Каким бы отощавшим и голодным ни был лось, мяса, заготовленного следопытом, хватило на семь дней. Они прикончили последние куски, сгрудившись вокруг костра в развалинах старого городища.

— Ему нужно поесть, — согласилась Мира, гладя брата по лбу. — Нам всем нужно, но здесь нет еды. *Ступай.*

Бран смахнул слезу и почувствовал, как она замерзает у него на щеке. Холодные Руки взял

Ходора за руку:

— Темнеет. Если их ещё здесь нет, то скоро будут. Иди.

Промолчав на этот раз, Ходор стряхнул снег с ног, и, с Браном на спине, стал подниматься вверх, продираясь сквозь сугробы. Рядом, с мечом в чёрной руке, их сопровождал Холодные Руки. Лето шёл следом. В некоторых местах сугробы были выше его роста, и крупный лютоволк, очередной раз провалившись под тонкий наст, был вынужден останавливаться и отряхивать снег. Пока они подымались, Бран неуклюже повернулся в своей корзине. Он увидел, как Мира, подставив руку, пытается поднять брата на ноги. — «*Он слишком тяжел для неё. Она оголодала, и уже не такая сильная как прежде*». — Другой рукой она держалась за свою лягушачью острогу, для опоры вонзив её в землю. Мира ещё только начинала преодолевать крутой подъём, младшего брата она скорее волочила, чем несла. Потом Ходор прошёл между двумя деревьями, и Бран потерял их из виду.

Холм становился всё круче. Под ногами Ходора похрустывал снег. Один раз ему под ногу попал камень, великан поскользнулся и едва не покатился с холма. Его спас, поймав за руку,

следопыт.

— Ходор, — сказал конюх. Каждый порыв ветра наполнял воздух мелкой белой пылью, сверкающей в последних отсветах дня, подобно осколкам стекла. Вокруг кружили вороны. «*Осталось всего восемьдесят ярдов*, — подумал Бран, — *это совсем близко*».

На границе крутого участка с нетронутым снегом Лето внезапно остановился. Лютоволк повернул голову, принюхался и зарычал. Шерсть встала дыбом, и он начал пятиться.

— Ходор, стой, — сказал Бран. — Ходор. *Подожди*.

Что-то было не так. Лето чуял это, и он тоже. «*Что-то плохое. Что-то рядом с нами*».

— Нет, Ходор, вернись.

Холодные Руки продолжал карабкаться вверх, и великан хотел идти следом.

— Ходор, ходор, ходор,– громко проворчал он, заглушая возражения Брана. Он тяжело дышал, наполняя воздух призрачным туманом. Конюх сделал шаг, потом другой. Снега было по пояс, и склон оказался очень крутым. Ходор наклонился вперед, цепляясь руками за камни и деревья. Ещё шаг. Ещё. Потревоженный великаном снег скатывался вниз, превращаясь позади в неболь-

шую лавину.

«*Шестьдесят ярдов*». Бран приподнялся, чтобы лучше видеть вход в пещеру. Затем он увидел кое-что ещё.

— Огонь! — В маленькой расщелине между чардревами мерцал свет, алое пламя, зовущее сквозь сгущающуюся тьму. — Смотрите, кто-то…

Ходор вскрикнул. Он повернулся, споткнулся и упал.

Высокий конюх резко повернулся, и у Брана голова пошла кругом. От внезапного толчка у мальчика перехватило дыхание. Его рот наполнился кровью, а Ходор дёргался и катался, давя спиной искалеченного ребенка.

«*Что-то держит его за ногу*». — На краткий миг Бран решил, что, должно быть, это корень зацепился за его лодыжку… пока мнимый корень не пошевелился. «Это рука», — заметил он, а потом упырь целиком выбрался из-под снега.

Ходор пнул его, ударил облепленным снегом сапогом прямо в лицо твари, но мертвец, казалось, этого даже не почувствовал. Они покатились вниз по склону, молотя и вцепившись друг в друга. После очередного кувырка Брану в нос и рот набился снег, но мгновение спустя он перевернулся снова. Что-то ударило его по голове — то ли

камень, то ли кусок льда, то ли кулак мертвеца, мальчик так и не понял — и вылетел из корзины. Отплёвываясь от снега, Бран растянулся на склоне. В сжатой руке остались клочья волос, вырванных из головы Ходора.

Вокруг из-под снега поднимались упыри.

«*Два, три, четыре*», — Бран сбился со счета. Они вставали резко, вздымая облака снега. На некоторых были надеты чёрные плащи, на других — поношенные шкуры, на третьих не было ничего. Тела мертвецов были бледными, руки почернели, а глаза горели, подобно голубым звездам.

Трое упырей набросились на следопыта. Бран видел, как Холодные Руки рубанул одного из них по лицу. Тварь продолжала наступать, оттесняя следопыта в руки двух остальных. Ещё двое, неуклюже спускаясь по склону, двинулись в сторону Ходора. — «*Мира поднимается прямо к ним в объятья*», — вдруг понял Бран. В бессильном ужасе он хлопнул по снегу и закричал об опасности.

Что-то его схватило.

И вот тогда его крик превратился в вопль. Бран набрал в руку снега и бросил, но мертвец даже не моргнул. Одна чёрная рука схватила мальчика за лицо, другая за живот. Казалось, пальцы твари

были из железа. — «*Он сейчас выпустит из меня кишки*».

Внезапно между ними оказался Лето. Бран мельком заметил, как, словно ветхая ткань, рвётся кожа, услышал хруст костей. Он увидел, как оторвалась от руки кисть, и как продолжали извиваться бледные пальцы, заметил чёрные полинявшие лохмотья на месте разорванного рукава. «*Чёрное*, — подумал он. — *Он носил чёрное, был дозорным*». — Лето отбросил в сторону оторванную руку, развернулся и вонзил зубы в шею мертвеца. Дёрнув головой, серый лютоволк вырвал у твари большую часть горла вместе с ошметками бледного гнилого мяса.

Оторванная кисть всё ещё шевелилась. Бран откатился от неё подальше. Лёжа на животе, вцепившись в снег, он мельком увидел над головой бледные заснеженные деревья, и рыжеватое свечение между ними.

«*Пятьдесят ярдов*». — Если он сможет проползти пятьдесят ярдов, упыри его не достанут. Перчатки промокли. Он полз, цепляясь за камни и корни. Полз на свет. — «*Чуть-чуть, ну, ещё чуть-чуть. Потом ты сможешь отдохнуть у огня*».

К этому моменту последний луч света уже исчез за деревьями. Настала ночь. Холодные

Руки рубился в кольце мертвецов. Лето терзал поваленного противника, вцепившись зубами в лицо. Никто не обращал внимания на Брана. Он прополз ещё немного, волоча за собой бесполезные ноги. — «*Если только я смогу добраться до этой пещеры…*»

— Хоооодор, — донесся откуда-то снизу стон.

Внезапно он перестал быть Браном, искалеченным, ползущим по снегу мальчиком. Он стал Ходором, борющимся с пытающимся выдавить его глаза упырем на полпути к вершине холма. Заревев, Бран нетвердо встал на ноги и отбросил тварь назад. Мертвец упал на одно колено, но начал подниматься снова. Бран сорвал с пояса меч Ходора. Глубоко внутри он слышал всхлипывания бедного Ходора, но снаружи он был семью футами ярости с древним железом в руке. Он поднял меч, и, крякнув, обрушил его на мертвеца, разрубив шерсть и ржавую кольчугу, сгнившую кожу, кости и плоть под ними.

– *ХОДОР!* — проревел он, и ударил снова. На этот раз он снёс мертвецу голову с плеч и на доли мгновения возликовал… пока пара мертвых рук не нащупала его горло.

Обессиленный, Бран отступил, но тут появилась Мира, и вогнала свою лягушачью острогу

глубоко в спину мертвеца.

— Ходор, — снова взревел Бран, жестом призывая её подниматься выше. — *Ходор, ходор*.

Жойен слабо вздрагивал на земле, там же, где его оставила Мира. Бран подошёл к нему, отбросил меч, и, подняв мальчика на руки, пошатываясь, встал.

– *ХОДОР!* — проревел он.

Мира повела их вверх по склону, пронзая мертвецов острогой, когда они приближались слишком близко. Твари не чувствовали боли, но были медленными и неуклюжими.

— Ходор, — с каждым шагом бормотал Ходор. — Ходор, ходор. Бран задумался, что подумает Мира, если он внезапно признается ей в любви.

Прямо над ними на снегу танцевали пылающие фигуры.

«*Упыри*, — понял Бран, — *кто-то поджёг их*».

Мир завертелся у него перед глазами. Белые деревья, чёрное небо, алое пламя — всё кружилось, вращалось и двигалось. Ему казалось, что он спотыкается. Он слышал, как кричал Ходор:

— Ходор ходор ходор ходор. Ходор ходор ходор ходор. Ходор ходор ходор ходор ходор.

Из пещеры тучей вылетели вороны, и он увидел маленькую девочку с факелом в руке, размахи-

вающую им из стороны в сторону. На мгновение Брану показалось, что это его сестра Арья… Какое безумие, ведь он знал, что младшая из его сестер в тысяче лиг отсюда, или вовсе мертва. И всё же она была здесь — тощая, дикая, взлохмаченная, кружащаяся в лохмотьях. Глаза Ходора наполнились слезами, которые сразу же замёрзли.

Всё вывернулось наизнанку и перевернулось вверх ногами, Бран снова оказался в своем теле, наполовину засыпанный снегом. Нависший над ним горящий мертвец казался очень высоким на фоне одетых в белые саваны деревьев. Бран успел увидеть, что этот был голым, и тут ближайшее дерево стряхнуло с себя снег и засыпало его с ног до головы.

Следующим, что он почувствовал, была постель из сосновых иголок, и тёмная каменная крыша над головой. — «*Это пещера. Я в пещере*». — Во рту всё ещё стоял привкус крови от прокушенного языка, но рядом горел огонь, тепло разливалось по его телу, и он никогда ещё не чувствовал ничего более приятного. Рядом всё деловито обнюхивал Лето, и сидел насквозь промокший Ходор. Мира баюкала Жойена, положив его голову себе на колени. Над ними, сжимая в руках факел, стоял кто-то похожий на Арью.

— Снег, — произнес Бран. — Он упал на меня. Засыпал.

— Спрятал тебя. А я тебя оттуда вытащила, — Мира кивнула на девочку. — Вообще-то спасла нас она. Её факел… Огонь их убивает.

— Огонь *жжет* их. Он всегда голоден.

Голос был не Арьин, он вообще не мог принадлежать ребенку. Это был женский голос, высокий и нежный, наполненный странной музыкой, не похожей ни на что из того, что он слышал, и печалью, от которой, казалось, готово было разорваться его сердце. Бран сощурился, желая рассмотреть её получше. Это *действительно* была девочка, но меньше чем Арья ростом, её кожа под плащом из листьев была пятнистой, как у лани. Глаза были необычно большими и влажными, золотисто-зелёными, с узкими, как у кошки, зрачками. — «*Ни у кого нет таких глаз*». — В её волосах переплелись каштановые, красные и золотые пряди — смесь осенних цветов с вплетёнными в них веточками, лозой и засушенными цветами.

— Кто ты? — спросила Мира Рид.

Бран знал ответ:

— Она дитя. Дитя леса. — Он поежился от удивления ничуть не меньше, чем от холода. Они

попали в одну из сказок Старой Нэн.

— Первые Люди называли нас детьми, — произнесла маленькая женщина. — Великаны назвали нас *вох-дэк-нэг-грэн*, людьми-белками, потому что мы были маленькими, юркими и любили деревья, но мы не белки и не дети. На Истинном Языке наше имя означает «*поющие песню земли*». Мы пели наши песни уже десять тысяч лет, прежде чем на вашем языке было произнесено первое слово.

— Но сейчас ты говоришь на Всеобщем языке, — сказала Мира.

— Для него. Для малыша Брана. Я родилась во времена драконов, и две сотни лет бродила по миру людей, наблюдая, прислушиваясь и изучая. И могла бы бродить до сих пор, но мои ноги больны, а сердце мое истомилось, поэтому я направила свои стопы домой.

— Две сотни лет? — сказала Мира.

Дитя улыбнулось:

— Люди, вот кто настоящие дети.

— У тебя есть имя? — спросил Бран.

— Только когда я в нём нуждаюсь.

Она махнула факелом в сторону чёрной расщелины в задней стене пещеры: — Нам нужно вниз. Вы должны пойти со мной.

Бран снова задрожал:

— Но следопыт…

— Он не может войти.

— Они убьют его.

— Нет. Они убили его давным-давно. Идем. Внизу теплее, и никто не причинит вам вреда. Он ждет тебя.

— Трёхглазая ворона? — спросила Мира.

— Древовидец.

С этими словами она ушла, так что у них не осталось другого выхода, кроме как пойти следом. Мира помогла Брану забраться обратно в висевшую на спине у Ходора корзину, хотя та была изрядно помятой и мокрой от растаявшего снега. Затем девушка ещё раз подняла своего брата на ноги. Его глаза открылись:

— Что? — произнёс он. — Мира? Где мы?

Увидев костер, он улыбнулся:

— Мне приснился очень странный сон.

Проход был узким, извилистым и таким низким, что вскоре Ходору пришлось пригнуться, но съёжившийся изо всех сил Бран всё равно задевал и ударялся головой о потолок. При каждом ударе, ему в глаза и на волосы сыпалась земля. А один раз он стукнулся лбом о торчащий из стены толстый белый корень, от которого отходили

усики, опутанные нитями паутины.

Шелестя плащом из листьев, Дитя Леса шло впереди с факелом в руке, но проход поворачивал так часто, что Бран вскоре потерял её из виду. Теперь единственным освещением им служил свет, отражённый от стен. Пройдя ещё немного, они увидели, что пещера разделяется, но левый проход был чёрен, как смоль, так что даже у Ходора хватило ума последовать за факелом.

Тени двигались так, что казалось, будто двигаются и сами стены. Бран видел больших белых змей, вползающих и выползающих прямо из земли вокруг него, его сердце затрепетало от страха. Он подумал, что они вляпались в гнездо молочных змей или гигантских могильных червей, тихих, бледных и мягких. — «*У могильных червей есть зубы*».

Ходор тоже испугался.

— Ходор, — захныкал он, не желая идти дальше.

Но когда Дитя Леса остановилась, поджидая отставших, то свет её факела замер, и Бран увидел, что «змеи» оказались всего-навсего корнями, похожими на тот, о который он ударился головой.

— Это корни чардрева, — сказал он. — Помнишь сердце-древо в богороще, Ходор? Белое дерево

с красными листьями? Дерево не может тебе навредить.

— Ходор.

Ходор двинулся вперед, спеша за провожатой и её факелом, уходящими всё глубже под землю. Они миновали ещё одно ответвление, затем другое, и вошли в гулкую пещеру, размером с Великий Чертог Винтерфелла. В ней было полно каменных зубцов, свисающих с потолка, и ещё больше торчащих из пола. Дитя Леса в плаще из листьев показывало между ними путь. Время от времени она останавливалась и нетерпеливо махала им факелом. «*Сюда* — казалось, говорил он, — *сюда, сюда, быстрее*».

После этого ответвлений стало ещё больше, как и пещер, и откуда-то справа до Брана донесся звук падающей воды. Посмотрев в ту сторону, он увидел глядящие им вслед, светившиеся в свете факела глаза с узкими зрачками. «*Ещё Дети Леса*, — сказал он себе, — *«девочка» живет здесь не одна*». Но ему также припомнились и сказки Старой Нэн о детях Генделя.

Повсюду оказались корни: они прорастали сквозь землю и камень, закрывали одни проходы и поддерживали потолок в других. — «*Все оттенки цветов исчезли*», — неожиданно понял Бран.

Мир состоял из чёрной земли и белого дерева. У сердце-древа в Винтерфелле корни походили на ноги великана, но эти были ещё толще. И Брану никогда не доводилось видеть их в таком количестве. «*Должно быть там, над нами, растет целая роща чардрев*».

Свет снова померк. Несмотря на маленький рост, «дитя, которое не было ребенком» когда хотела, могла двигаться быстро. Когда Ходор поспешил за ней, что-то хрустнуло у него под ногами. Он остановился так резко, что Мира и Жойен едва не врезались ему в спину.

— Кости, — сказал Бран. — Это кости. — Пол коридора был завален костями птиц и зверей. Но там были и другие кости — большие, которые, должно быть, принадлежали великанам, и маленькие, которые вполне могли принадлежать Детям Леса. С обеих сторон из выдолбленных в камне ниш на них взирали черепа. Бран увидел медвежий и волчий, полдюжины человеческих, и почти столько же черепов великанов. Все остальные были небольшие и странной формы. — «*Они принадлежат Детям Леса*». — Внутри ниш росли корни, они обвивались вокруг, проникали внутрь и прорастали наружу каждого из черепов. Поверх некоторых из них восседали вороны, наблюдая

за пришедшими блестящими чёрными глазами.

Последняя часть путешествия во тьме оказалась самой крутой. Ходор проделал последний спуск на ягодицах, под треск ломаемых костей, шорох земли и гальки. «Девочка» ждала их около естественного моста над зияющей пропастью. Там внизу, в темноте, Бран услышал звук льющейся воды: «*Подземная река*».

— Нам придётся перейти через него? — спросил Бран после того, как Риды скатились вслед за ним. Предстоящее его пугало. Если Ходор споткнётся на таком узком мосту, то они будут долго падать.

— Нет, мальчик, — ответило Дитя Леса: — Обернись.

Она подняла свой факел вверх, и его свет, казалось, стал падать по-другому и как-то изменился. Один миг пламя было красным и жёлтым, наполняя пещеру алым сиянием; затем все цвета растаяли, оставив лишь чёрный и белый. За спиной ахнула Мира. Ходор повернулся.

Перед ними в гнезде из сплетённых корней чардрева, словно на троне, обнимавшем его увядшее тело, как мать обнимает ребенка — спал мертвенно-бледный лорд в чёрных одеждах.

Его тело было настолько истощённым, а одежда истлевшей, что сперва Бран принял его за

ещё один труп, за мертвеца, который умер так давно, что сквозь него проросли корни. Кожа, которую ещё можно было разглядеть на теле лорда-мертвеца, была белой, за исключением кроваво-красного пятна, расползшегося с его шеи на щеку. Белые волосы были редкими и тонкими, словно те усики на древесных корнях, и такими длинными, что касались пола. Вокруг его ног, подобно змеям, обвились корни. Один из них пронзал бедро сквозь штанину и выходил из плеча. Прямо из черепа росла россыпь тёмно-красных листьев, а на лбу торчали серые грибы. Остатки белой кожи плотно обтягивали лицо, но даже она истончилась, и то тут то там сквозь неё проступали бурые и жёлтые кости.

— Вы трёхглазая ворона? — услышал Бран свой голос. — «*У трёхглазой вороны должно быть три глаза. У него есть только один, да и тот красный*». — Бран чувствовал, что глаз изучает его, сияя в свете факела словно омут, наполненный кровью. Из глазницы второго глаза рос тонкий белый корень, спускающийся вниз по щеке к шее.

— …Ворона? — Голос бледного лорда был сухим. Губы двигались медленно, будто забыли, как произносить слова. — Когда-то, да. В чёрных одеждах и с чёрной кровью.

Одежда на нём сгнила и выцвела, покрылась пятнами мха, местами её источили черви, но было видно, что когда-то она была чёрной.

— Я много кем был, Бран. Теперь я таков, каким ты меня видишь, и сейчас ты понимаешь, почему я не мог придти к тебе… иначе как во снах. Я долгое время наблюдал за тобой, наблюдал тысячей глаз и одним. Я видел твое рождение, так же как и рождение твоего лорда-отца. Я видел твой первый шаг, слышал твое первое слово, был частью твоего первого сна. Я наблюдал за твоим падением. И сейчас ты, наконец-то, пусть и с опозданием, пришёл ко мне, Брандон Старк.

— Я здесь, — сказал Бран, — но только я сломан. Сможешь ли ты… сможешь ли ты исправить меня… то есть, мои ноги?

— Нет, — ответил бледный лорд. — Это выше моих сил.

Глаза Брана наполнились слезами. «*Мы проделали такой долгий путь*». По пещере разносилось эхо подземной реки.

— Ты никогда не сможешь ходить, Бран, — пообещали его бледные губы, — но ты полетишь.

Глава 14. Тирион

В кои-то веки он не ворочался, а просто лежал без движения на груде старых мешков, служивших ему постелью, прислушиваясь к ветру в снастях и к плеску реки за бортом.

Над мачтой повисла полная луна. *«Она следует за мной вниз по реке и следит, словно какой-то огромный глаз»*, — несмотря на тепло пахнущих плесенью шкур, которыми укрылся Тирион, у него по коже побежали мурашки. *«Мне нужно выпить чашу вина. А лучше — дюжину»*. Но скорее луна ему подмигнёт, чем этот паскуда Гриф даст ему промочить горло. Вместо этого карлик вынужден был пить воду, ночью — обречен на бессонницу, а днём на пот и дрожь в руках.

Карлик сел и сжал голову руками. *«Мне что-нибудь снилось?»*. — Но все воспоминания об увиденном сне улетучились.

Ночи никогда не были нежны с Тирионом Ланнистером. Ему не спалось даже на мягких перинах. На «Скромнице» же он обустроил себе постель на крыше надстройки — с бухтой пенькового троса вместо подушки. Здесь ему нравилось

куда больше, чем в тесном трюме. Воздух был посвежее, и речные звуки приятнее, чем храп Утку. За эти удобства пришлось расплачиваться: крыша была жесткой, и проснувшись, он ощущал боль и ломоту во всём теле, а ноги сводило судорогой.

Теперь их кололо, икры отекли и были на ощупь твёрдыми, как камень. Он помассировал, пытаясь избавиться от судороги, но когда он встал, то поморщился от боли. — *«Мне надо помыться»*. Его детская одежонка провоняла, и сам он тоже. Остальные часто купались в реке, но пока что он к ним не присоединялся. На отмелях он видел черепах такого размера, что они могли бы перекусить Тириона пополам; Утка прозвал их «костегрызами». Кроме того, он не хотел, чтобы Лемора видела его голым.

Вниз с крыши вела деревянная лестница. Тирион натянул башмаки и спустился на корму, где у железной жаровни, закутавшись в волчью шкуру, сидел Гриф. Наёмник нёс ночную вахту в одиночестве — он вставал, когда весь остальной отряд укладывался в постель, и шёл спать с восходом солнца.

Тирион присел на корточки напротив и погрел руки над углями. За рекой пели соловьи.

— Скоро день, — сказал он Грифу.

— Ещё нескоро. Нам нужно плыть дальше.

Будь на то воля Грифа, «Скромница» шла бы по реке день и ночь, но Яндри и Исилла наотрез отказались рисковать судном и плыть в темноте. На Верхнем Ройне было полно топляков и коряг, любая из которых могла продырявить корпус «Скромницы». Гриф и слышать об этом не хотел. Он хотел в Волантис.

Взгляд наёмника постоянно блуждал, высматривая в ночи... — *«Что? Пиратов? Каменных людей? Охотников за рабами?».* — Карлик знал, на реке были свои напасти, но сам Гриф казался Тириону гораздо опаснее, чем любая из них. Он напоминал Тириону Бронна, хотя у того было присущее наёмникам висельное чувство юмора, а у Грифа никакого чувства юмора не было и в помине.

— Убил бы за чашу вина, — пробормотал Тирион.

Гриф не ответил. — *«Ты умрешь, прежде чем успеешь её осушить»,* — казалось, говорили его блеклые глаза. В первую свою ночь на «Скромнице» Тирион напился в стельку. На следующий день, когда он проснулся, у него в голове точно воевали драконы. Гриф поглядел, как карлика

рвёт за борт, и сказал:

— Больше ты пить не будешь.

— Вино помогает мне уснуть, — запротестовал Тирион. *«Я топлю в нём свои сны»*, — мог бы добавить он.

— Значит, бодрствуй, — неумолимо ответил Гриф.

На востоке небо над рекой окрасил первый бледный свет дня. Воды Ройна потихоньку сделались из чёрных синими — в тон волосам наёмника. Гриф поднялся на ноги.

— Остальные скоро встанут. Палуба твоя.

Соловьи смолкли, но вместо них запели речные жаворонки. По тростникам зашлепали цапли, оставляя цепочки следов на песчаных наносах. Облака пламенели: розовые и фиолетовые, бордовые и золотые, жемчужные и шафранные. Одно облако было похоже на дракона. — «*Если человек хоть раз в жизни видел дракона в полете, пусть остаётся дома и возделывает свой сад*, — написал некогда какой-то автор, — *потому что на белом свете нет большего чуда*». Тирион почесал шрам и попытался припомнить, чьи это слова. Мысли о драконах последнее время не выходили у него из головы.

— Доброе утро, Хугор, — септа Лемора вышла

на палубу в своём белом облачении, перехваченном тканым поясом семи цветов радуги. Волосы свободно падали ей на плечи. — Как спалось?

— Неважно, добрая леди. Мне снова снились вы, — *«И сон был наяву»*. Он не мог заснуть, так что приласкал себя рукой, воображая на себе септу с прыгающими грудями.

— Грешный сон, без сомнения, ведь ты грешник. Помолишься со мной и попросишь прощения за свои грехи?

«Разве что мы будем молиться по обычаю Летних островов».

— Нет, но передай Деве от меня долгий и сладкий поцелуй.

Посмеиваясь, септа прошла к носу. У неё было заведено каждое утро купаться в реке.

— Определенно, эту посудину назвали не в вашу честь, — заметил Тирион, глядя, как она раздевается.

— Мать и Отец создали нас по своему образу и подобию, Хугор. Мы должны гордиться нашими телами, как божьим творением.

«Боги явно были пьяны, когда дело дошло до меня», — карлик смотрел, как Лемора спускается в воду. От этого зрелища у него каждый раз кое-что поднималось. Было что-то чудесное в

грязных помыслах о том, как бы сорвать с септы незапятнанные белые одежды и раздвинуть ей ноги. *«Попрание невинности»*, — думал он... хотя Лемора была не так уж невинна, как казалась на первый взгляд. У неё на животе были растяжки, какие бывают только у рожавших женщин.

Яндри и Исилла поднялись вместе с солнцем и занялись своими делами. Яндри, проверяя снасти, время от времени метал короткие взгляды в сторону септы Леморы. Его жена Исилла, маленькая смуглая женщина, не обращала на это внимания. Она подбросила древесной щепы в жаровню на корме, поворошила угли обгоревшим ножом и начала месить тесто для утренней выпечки.

Когда Лемора забиралась обратно на палубу, Тирион смаковал зрелище — как между грудей у неё текут струйки воды и как горит золотом в утреннем свете её гладкая кожа. Леморе было уже за сорок, красивой её не назовешь, но миловидной — вполне. *«Лучше похоти только пьянство»*, — рассудил Тирион. Вид Леморы заставил его почувствовать себя снова живым.

— Ты видел черепаху, Хугор? — спросила его септа, выжимая воду из волос. — Большую, с гребнистым панцирем?

Черепах проще всего было увидеть как раз

ранним утром. Днём они плавали на глубине или прятались в ямах у берега, но сейчас, когда солнце только-только встало, черепахи всплывали на поверхность. Некоторым нравилось сопровождать судно. Тирион насчитал с дюжину разных видов: большие черепахи и маленькие, плоскоспинные и красноухие, мягкопанцирные черепахи и «костегрызы», коричневые черепахи, зелёные черепахи, чёрные черепахи, когтистые черепахи и рогатые черепахи, черепахи с панцирями гребнистыми и узорчатыми, с завитками цвета золота, нефрита или сливок. Некоторые были так велики, что могли бы унести на спине человека. Яндри клялся, что в старые времена ройнарские принцы переправлялись на них через реку. Он и его жена были родом с Зеленокровой — пара дорнийских сирот, вернувшихся домой к Матери-Ройн.

— Проглядел я этот гребнистый панцирь. — «*Смотрел-то я на голую женщину*».

— Какая жалость, — Лемора надела облачение через голову. — Уверена, ты встаёшь так рано только ради того, чтобы полюбоваться черепахами.

— И на восход солнца тоже, — по разумению Тириона, это было всё равно что смотреть, как

из воды выходит обнаженная купальщица. Одни девицы красивее других, но все без исключений дарят надежды. — Признаю, черепахи просто изумительны. Для меня нет большего удовольствия, чем зрелище пары красивых... панцирей.

Септа Лемора засмеялась. Как и все остальные на борту «Скромницы», она хранила свои секреты — ну и пусть. — «*Я не хочу с ней знакомиться, я хочу её трахнуть*». — И она это тоже знала. Когда Лемора вешала на шею хрустальный знак септы, пристроив его в ложбинке между грудей, она послала Тириону дразнящую улыбку.

Яндри поднял якорь, вытянул с крыши надстройки один из шестов и оттолкнул судно от берега. Пара цапель подняла головы глянуть, как «Скромница» медленно уходит от берега на стремнину. Потихоньку лодка пошла вниз по реке, Яндри ушёл к румпелю. Исилла переворачивала лепёшки. Она поставила на жаровню железную сковороду с куском бекона. Иногда она готовила лепёшку с беконом, иногда бекон с лепёшкой. Раз в две недели на завтрак могла попасться рыба, но сегодня пришлось обойтись без неё.

Когда Исилла отвернулась, Тирион утащил лепёшку с жаровни, успев отскочить как раз во-

время, чтобы избежать удара грозной деревянной поварешкой. Лепёшки лучше всего есть с пылу с жару, когда они сочатся мёдом и маслом. Запах жареного бекона вскоре выманил из трюма и Утку. Он жадно обнюхал жаровню, получил по лбу ложкой от Исиллы и пошёл на корму облегчиться.

Тирион присоединился к нему.

— Чудное зрелище, — заметил он, мочась за борт, — карлик и утка делают великий Ройн ещё полноводнее.

Яндри оскорбленно фыркнул.

— Матерь-Ройн не нуждается в твоей воде, Йолло. Это величайшая река в мире.

Тирион стряхнул последние капли.

— Соглашусь, она достаточно велика, чтобы утопить карлика. Мандер не уступит ей шириной, и Трезубец — около устья — тоже. А Черноводная будет и поглубже.

— Ты не знаешь реку. Подожди и увидишь сам.

Бекон запёкся корочкой, лепёшки стали золотисто-коричневыми. На палубу, позёвывая, вышел Юный Гриф.

— Всем доброе утро.

Парень был ниже Утку, но, судя по телосложению, ему ещё было куда расти. *«Этот безбородый*

мальчишка, несмотря на синие волосы, уложит в постель любую девушку в Семи Королевствах. Его глаза заставят их растаять». Как и отец, Юный Гриф был голубоглаз, но если у отца глаза были бледно-голубые, у сына — темные. При свете фонаря они казались чёрными, а в сумерках отливали пурпуром. Ресницы у Юного Грифа были длинные, как у женщины.

— Чую бекон, — сказал парень, натягивая башмаки.

— Отличный бекон, — сказала Исилла. — Садись.

Она подала им завтрак на корме, пичкая Юного Грифа лепёшками и лупя Утку ложкой по пальцам каждый раз, когда тот пытался ухватить себе бекона сверх положенного. Тирион разделил стенки двух лепёшек, заложил в середину бекон и отнес одну Яндри, стоявшему у руля. После он помог Утке поднять большой треугольный парус «Скромницы». Яндри вывел судно на середину реки, где течение было сильнее. «Скромница» была отличным судном: осадка у неё была такая маленькая, что она могла легко пройти даже по самым мелким протокам и преодолеть отмели, которые бы заставили завязнуть большие суда, а с поднятым парусом, идя по течению — развить

превосходную скорость. На верхнем Ройне, как уверял Яндри, скорость была вопросом жизни и смерти.

— Выше Горестей уже тысячу лет царит беззаконие.

— И людей тут нет, насколько я вижу, — Тирион углядел на берегу какие-то руины: остатки каменной кладки, заросшие лозами, мхом и цветами, но больше никаких признаков человеческого жилья.

— Ты не знаешь реки, Йолло. Пиратские корабли могут шастать по любым протокам, а в руинах часто прячутся беглые рабы. Охотники за рабами редко забираются так далеко на север.

— Лучше уж охотники за рабами, чем одни сплошные черепахи, — Тирион не был беглым рабом и не боялся, что его схватят. Да и пираты едва ли стали бы нападать на судно, идущее вниз по течению: всё ценное добро везли вверх по реке, из Волантиса.

Когда с беконом было покончено, Утка похлопал Юного Грифа по плечу.

— Время обзавестись парой синяков. Сегодня, пожалуй, мечи.

— Мечи? — Юный Гриф ухмыльнулся: — Мечи — это хорошо.

Тирион помог ему одеться для поединка — в плотные бриджи, стёганый дублет и стальной нагрудник, помятый и старый. Сир Ролли натянул на себя рубаху из вываренной кожи и кольчугу. Оба надели на головы шлемы и выбрали из груды оружия в сундуке затупленные мечи. Противники перешли на корму и встали наизготовку. Вся остальная компания собралась наблюдать за тренировочным боем.

Если бы эти двое сражались на булавах или затупленных секирах, более рослый и сильный сир Ролли быстро одолел бы противника; с мечами их шансы несколько выравнивались. Ни тот, ни другой в это утро не взял щита, так что бой сводился к парированию ударов, и кружению взад и вперёд по палубе. Над рекой разносился лязг мечей. Юный Гриф бил чаще, зато удары Утку были сильнее. Спустя какое-то время верзила начал уставать: взмахи его меча стали чуть слабее, чуть ниже. Юный Гриф парировал их все и сам ринулся в яростную атаку, заставившую сира Ролли отступить. Когда они достигли края кормы, юноша скрестил свой меч с мечом Утку и врезался плечом в грудь противнику, так что верзила сверзился в реку.

Он вынырнул из воды, фыркая, изрыгая ру-

гательства и громко требуя выловить его, пока какой-нибудь «костегрыз не откусил ему причиндалы». Тирион бросил ему конец.

— Я думал, утки плавают получше, — заметил он, вместе с Яндри вытаскивая рыцаря на борт «Скромницы».

Сир Ролли схватил Тириона за шиворот.

— Посмотрим, как плавают карлики, — рявкнул он и швырнул Тириона в Ройн головой вперёд.

Хорошо смеётся тот, кто смеется последним — Тирион сносно мог грести руками и греб... пока ему не свело судорогой ноги. Юный Гриф протянул ему шест.

— Ты не первый, кто вздумал меня утопить, — сказал Тирион Утке, выливая речную воду из башмака. — В день, когда я родился, отец бросил меня в колодец, но я был так страшен, что жившая там русалка выкинула меня обратно.

Он стянул второй башмак, затем прошёлся колесом по палубе, обрызгав всю компанию.

Юный Гриф захохотал:

— Где ты этому выучился?

— У скоморохов, — соврал Тирион. — Моя мать любила меня больше всех других детей, потому что я был таким маленьким, и не отнимала от груди, пока мне не исполнилось семь. Братья

приревновали, запихнули меня в мешок и продали в скомороший балаган. Когда я попытался сбежать, хозяин балагана отрезал мне полноса, так что у меня не оставалось выбора, кроме как ездить с ними и учиться развлекать людей.

На самом деле всё было иначе. Зачаткам акробатики он научился у дяди в шесть или семь лет. Тирион увлёкся ею и полгода вволю ходил колесом по Кастерли Рок, равно вызывая улыбки на лицах септонов, оруженосцев и слуг. Даже Серсея, наблюдая за ним, засмеялась раз или два.

Всё это оборвалось в тот день, когда после недолгого пребывания в Королевской Гавани вернулся отец. За ужином Тирион вздумал удивить отца, пройдясь по всей длине стола на руках. Лорд Тайвин этому не обрадовался.

— Мало того, что ты уродился карликом, так может ты и дурак в придачу? Ты — лев, а не мартышка.

«А ты теперь труп, отец, так что я могу дурачиться сколько угодно».

— У тебя настоящий талант веселить людей, — сказала Тириону септа Лемора, когда он вытирал ноги. — Ты должен поблагодарить Небесного Отца — он всех детей своих наделяет дарами.

— Так и есть, — жизнерадостно согласился

карлик. — *«А когда я умру, похороните меня с арбалетом в руках, чтобы я мог отблагодарить Небесного Отца за его дары точно так же, как отблагодарил земного».*

Его одежда ещё не высохла после вынужденного купания и неприятно липла к ногам и рукам. Когда септа Лемора увела Юного Грифа для наставления в таинствах веры, Тирион стащил мокрую одежду и натянул сухую. Утка громко загоготал, когда карлик снова появился на палубе, и рыцаря нельзя было в этом винить. В новой одежде Тирион выглядел комично. Дублет у него был разделён посередине: левая сторона из пурпурного бархата с бронзовыми застежками, правая — из жёлтого сукна с зелёным цветочным узором. Бриджи тоже были двухцветными: правая штанина равномерно зелёная, левая — в красно-белую полоску. Один из сундуков Иллирио был набит детской одеждой, старомодной, но добротной. Септа Лемора распорола все костюмы и затем сшила их половинка к половинке, наделав шутовских нарядов. Гриф даже заставил Тириона помогать с ножницами и иглой. Без сомнения, он хотел унизить карлика, но Тириону шить нравилось. Общество Леморы было ему приятно, несмотря на её склонность бранить его

за каждое грубое слово в адрес богов. — *«Если Гриф хочет, чтобы я корчил из себя шута — я так и поступлю».* — Карлик знал, что где-то от его проделок бесится лорд Тайвин, и это немного подсластило пилюлю.

Однако остальные его обязанности были совсем не шутовскими. — *«У Утку меч, у меня перо и пергамент».* — Гриф велел Тириону записать всё, что тот знает о драконах. Задача была не из легких, но карлик напряженно над ней работал каждый день. Старательно карябая пергамент, сидя, скрестив ноги, на крыше .

Тирион в своё время прочитал немало книг о драконах, но львиная доля этой писанины представляла собой досужие домыслы, которым нельзя было доверять, да и книги, которыми его снабдил Иллирио, были явно не те, что надо. Ему бы здорово пригодился полный текст «Огней Фригольда» — составленной Галендро истории Валирии. В Вестеросе не было ни одной полной копии книги, даже та, что хранилась в Цитадели, недосчитывалась двадцати семи свитков. — *«В Старом Волантисе наверняка есть библиотека — может, там я найду лучшую копию, если мне удастся попасть за Чёрные Стены, в сердце города».*

Куда меньшие надежды он возлагал на труд септона Барта «Драконы, змеи и виверны: их необычная история». Барт был сыном кузнеца, но при Джейехерисе Миротворце стал королевским Десницей. Его враги утверждали, что он скорее чародей, нежели септон, и Бейелор Благословенный, вступив на трон, приказал уничтожить все рукописи Барта. Лет десять назад Тириону довелось прочесть уцелевший фрагмент «Необычной истории», но он сомневался, что какая-либо из книг Барта найдется по эту сторону Узкого моря. Ещё меньше были шансы найти отрывочный, напитанный кровью трактат анонимного автора, который называли «Кровь и огонь» и иногда «Смерть драконов» — считалось, что его единственный уцелевший экземпляр хранится где-то взаперти в подземельях Цитадели.

Когда на палубу вышел зевающий Полумейстер, карлик как раз записывал всё, что мог припомнить о брачных играх драконов, хотя взгляды Барта, Манкана и Томакса по этому вопросу значительно расходились. Хэлдон прошёл к корме, чтобы помочиться на солнечную дорожку на воде, рассыпающуюся блёстками при каждом порыве ветра.

— К вечеру мы доплывем до места слияния

Ройна с рекой Нойн, Йолло, — громко сказал он Тириону.

Карлик оторвал взгляд от своих записок.

— Меня зовут Хугор, а Йолло у меня в штанах. Хочешь, чтобы я его выпустил погулять?

— Лучше не надо — черепах перепугаешь, — улыбка Хэлдона была остра, как лезвие ножа. — Так как там называлась улица в Ланниспорте, где ты родился, Йолло?

— Это был переулок, и названия у него не было.

Тирион с язвительным удовольствием выдумывал детали красочной жизни Хугора Хилла, так же известного как Йолло, бастарда из Ланниспорта. — *«Лучшая ложь та, что приправлена щепоткой правды»*. — Карлик понимал, что акцент выдает в нём уроженца Западных Земель, причем уроженца благородного, так что Хугор должен был быть ублюдком какого-нибудь дворянчика. Хугор родился в Ланниспорте — потому что Тирион знал этот город гораздо лучше, чем Старомест или Королевскую Гавань, а все карлики рано или поздно оказываются в больших городах, даже те, кого деревенские мамаши рожают на грядке с репкой. В деревнях нет ни кунсткамер, ни скоморошьих представлений... зато предостаточно

колодцев для нежданных котят, трехголовых телят и младенцев вроде него.

— Вижу, ты опять портишь хороший пергамент, Йолло, — Хэлдон завязал бриджи.

— Не всем же тут быть полумейстерами, — Тириону свело руку; он отложил перо и размял короткие пальцы. — Не хочешь ещё раз сыграть в кайвассу?

Полумейстер его постоянно обыгрывал, но это был хоть какой-то способ убить время.

— Вечером. Я даю урок Юному Грифу — составишь компанию?

— Почему бы и нет. Должен же кто-то исправлять твои ошибки.

На «Скромнице» было четыре каюты. Яндри и Исилла делили одну, Грифы — вторую. У септы Леморы и у Хэлдона тоже были свои собственные каюты. Полумейстерова каюта была самой большой. Одну стену в ней занимали книги и корзины, набитые старыми свитками и пергаментами; на другой были полки, заставленные мазями, целебными травами и снадобьями. Через круглое окошко, забранное волнистым жёлтым стеклом, внутрь лился золотистый свет. Из мебели тут были койка, письменный стол, стул с табуретом и полумейстеров столик для кайвассы,

уставленный резными деревянными фигурками.

Занятие начали с языков. Юный Гриф знал общий язык как свой родной, и бегло говорил на высоком валирийском и вульгарных диалектах Пентоса, Тироша, Мира и Лисса, а также на торговом жаргоне моряков. Волантийский диалект был для него в новинку, как и для Тириона, так что каждый день они учили новые слова, а Хэлдон поправлял их ошибки. С миэринским было сложнее: корни у него были тоже валирийские, но это деревце привили к грубому и некрасивому языку Старого Гиса.

— Чтобы правильно говорить по-гискарски, надо жужжать носом, как пчела, — пожаловался Тирион.

Юный Гриф засмеялся, но Полумейстер только сказал:

— Повторим.

Мальчик повиновался, хотя на этот раз, произнося «з-з-з-з», закатил глаза. *«У него лучше слух, чем у меня,* — был вынужден признать Тирион, *— хотя, держу пари, на язык я проворнее».*

За языками последовала геометрия. В ней мальчик был уже не так искусен, но Хэлдон был терпеливым наставником, да и Тирион сумел принести им кое-какую пользу. Он научился

тайнам квадратов, кругов и треугольников у мейстеров своего отца в Кастерли Рок, и они вспоминались быстрее, чем он мог ожидать.

К тому времени, как они перешли к истории, Юный Гриф начал уставать.

— Мы прошли историю Волантиса, — сказал ему Хэлдон. — Ты можешь объяснить Йолло разницу между «тигром» и «слоном»?

— Волантис — старейший из Девяти Вольных Городов, первое дитя Валирии, — со скукой в голосе ответил парень. — После поглотившего Валирию Рока, волантийцам было приятно считать себя наследниками древней Валирии и полноправными властителями мира, но они не сошлись в вопросе, как именно достигнуть господства. Древние роды предпочитали меч, тогда как купцы и ростовщики отстаивали мирную торговлю. Со временем боровшиеся за власть группировки стали называть соответственно «тиграми» и «слонами».

«Тигры» оставались у власти почти сто лет после Рока Валирии. Какое-то время они преуспевали: волантийский флот захватил Лисс, армия взяла Мир, и в течение двух поколений всеми тремя городами управляли из Чёрных Стен Волантиса. Победы закончились, когда «тиг-

ры» попытались поглотить и Тирош. К войне на стороне Тироша присоединился Пентос вместе со Штормовым Королем Вестероса, Браавос дал лиссенийским изгнанникам сотню боевых кораблей, с Драконьего Камня на Черном Ужасе вылетел Эйегон Таргариен, а Мир и Лисс подняли восстания. Война опустошила Спорные Земли, но освободила Лисс и Мир от волантийского ига. «Тигры» пережили и другие поражения: флот, который они отправили на захват Валирии, пропал в Дымящемся Море; Квохор и Норвос разбили их силы на Ройне, на Кинжальном озере, где в битве сошлись огненные галеры. С востока пришли дотракийцы, заставив простой народ побросать свои хижины, а знать свои поместья, пока от Квохорского леса до верховьев Сельхору не остались лишь трава и руины. За сто лет войн Волантис был разбит, разорён и обезлюдел. Именно тогда к власти пришли «слоны», которые правят по сей день. Иногда «тиграм» удается избрать своего триарха, иногда нет, но всегда не более одного, так что уже триста лет городом правят «слоны».

— Верно, — сказал Хэлдон. — А нынешние триархи?

— Малакво — «тигр», Нессос и Донифос — «слоны».

— И какой урок мы можем извлечь из волантийской истории?

— Хочешь покорить мир — обзаведись драконами.

Тирион не мог удержаться от смеха.

Позже, когда Юный Гриф ушёл на палубу помогать Яндри с парусами и снастями, Хэлдон установил столик для игры в кайвассу. Тирион посмотрел на него своими разноцветными глазами и сказал:

— Способный мальчик, и ты хорошо его учишь. Как мне ни грустно признать, у доброй половины лордов Вестероса образование будет поскромнее. Языки, история, песни и счет — недурной набор для сына какого-то наёмника.

— Книга в верных руках может быть опаснее меча, — ответил Хэлдон. — Постарайся на этот раз оказать мне достойное сопротивление, Йолло — ты играешь в кайвассу так же плохо, как кувыркаешься.

— Я пытаюсь внушить тебе ложное чувство уверенности, — заявил Тирион, когда они расставляли фигурки по обе стороны резной деревянной ширмы. — Ты думаешь, что учишь меня играть, но порой дело обстоит не так, как кажется на первый взгляд. Быть может, я научился этой игре

у нашего торговца сыром — как тебе?

— Иллирио не играет в кайвассу.

«Нет, — подумал карлик, — *зато он играет в игру престолов, а ты с Грифом и Уткой в ней всего лишь пешки. Он отправляет вас, куда захочет, и если захочет — пожертвует вами, как он пожертвовал Визерисом»*.

— Что ж, тогда позор на твою голову — если я играю плохо, то это твоя вина.

Полумейстер хихикнул.

— Йолло, мне будет тебя не хватать, когда пираты перережут тебе глотку.

— И где эти хваленые пираты? Я уже начинаю думать, что вы с Иллирио их выдумали.

— Больше всего их на реке между Ар-Ноем и Горестями. Выше руин Ар-Ноя рекой правят квохорцы, а за Горестями на Ройне царят волантийские галеры, но ни тот город, ни другой не претендует на воды между ними, поэтому там владения пиратов. На Кинжальном озере множество островов, где они прячутся в потаенных пещерах и секретных оплотах. Готов?

— Играть? Несомненно. К встрече с пиратами? Чуть менее.

Хэлдон убрал ширму, и они стали изучать расстановку фигур друг у друга.

— Ты учишься, — заметил Полумейстер.

Тирион был уже готов взяться за дракона, но передумал. В прошлый раз он ввел фигуру в бой слишком рано, и Хэлдон побил её своим требушетом.

— Если мы всё-таки встретим этих сказочных пиратов, я, может быть, присоединюсь к ним. Скажу, что меня зовут Хугор Полумейстер, — он двинул всадника к горам Хэлдона.

Хэлдон сделал встречный ход слоном.

— Тогда уж «Хугор Полоумный».

— Полу-умный? Мне и половины ума хватит, чтобы помериться с тобой силами, — Тирион сделал ход рыцарем, чтобы поддержать всадника. — Как насчет ставки на выигрыш?

Полумейстер вскинул бровь.

— И сколько?

— Денег у меня нет — играть будем на секреты.

— Гриф мне язык отрежет.

— А, боишься? И я бы на твоем месте боялся.

— Скорее у меня черепахи полезут из задницы, чем ты выиграешь у меня в кайвассу, — Полумейстер выдвинул вперёд своего копьеносца. — По рукам, коротышка.

Тирион протянул руку за драконом.

Три часа спустя карлик наконец выбрался на

палубу облегчиться. Утка и Яндри воевали с парусом, Исилла стояла у руля. Солнце нависло над тростниковыми зарослями на западном берегу, порывами налетал ветер. *«Мне нужен бурдюк вина»*, — подумал карлик. Ноги у него затекли от сидения на табурете, а голова кружилась так, что он чудом не свалился в реку.

— Йолло, — окликнул его Утка. — Где Хэлдон?

— Лёг спать — неважно себя чувствует. У него черепахи лезут из задницы, — он оставил недоумевающего рыцаря на палубе и поднялся к себе на крышу. На востоке за скалистым островом сгущалась ночная тьма.

Здесь его и нашла септа Лемора.

— Чувствуешь в воздухе приближение бури, Хугор Хилл? Впереди Кинжальное озеро, где рыщут пираты. А за ним лежат Горести.

«Только не мои. Все свои горести я ношу с собой, — он подумал о Тише и месте, куда отправляются шлюхи. — *Почему бы и не в Волантис? Быть может, я найду её там. Нельзя оставлять надежды»*. — И что он ей скажет? — *«Прости, любимая, что я дал им тебя изнасиловать. Я думал, ты шлюха. Сможешь ли ты меня простить? Я хочу вернуться в наш домик, чтобы мы, как прежде, были мужем и женой».*

Остров скрылся позади. Впереди по левому берегу Тирион увидел руины: перекосившиеся стены и упавшие башни, проломленные купола и ряды сгнивших деревянных колонн, улицы, заросшие грязью и пурпурным мхом.

«Ещё один мертвый город — в десять раз больше Гоян Дроэ». Теперь здесь жили огромные черепахи-костегрызы. Тирион смотрел, как они греются на солнце — коричневые и чёрные бугры с зазубренными гребнями, спускающимися от центра панциря. Несколько черепах увидело «Скромницу» и соскользнуло с берега в реку, оставив только круги на воде. Не лучшее место для купания.

Потом за кривыми стволами полузатопленных деревьев и широкими залитыми водой улицами он увидел серебрящийся отблеск солнечного света на воде.

«Другая река, — понял он сразу, — *она впадает в Ройн».*

Чем уже оставалась полоска земли между реками, тем выше становились здания, пока город не окончился застроенной косой на слиянии рек. Здесь лежали развалины колоссального дворца из розового и зелёного мрамора, его обвалившиеся купола и сломанные башенки нависали над

арочными галереями. У причалов, где когда-то могли пришвартоваться разом полсотни кораблей, спали «костегрызы».

Теперь Тирион знал, где находится. *«Это был дворец Нимерии, и эти руины — всё, что осталось от Ни-Сара, её города».*

— Йолло, — закричал Яндри, когда «Скромница» проходила мимо мыса, — что ты там говорил о вестеросских реках, которые шире Матери-Ройн?

— Я не знал, — громко ответил ему Тирион. — В Семи Королевствах нет ни одной реки шириной хоть в половину этой.

Этот новый приток Ройна был ничуть не уже той реки, по которой они приплыли, и сам по себе был под стать Мандеру или Трезубцу.

— Здесь, у Ни-Сара, Мать принимает на свое лоно Буйную Дочь Нойн, — сказал Яндри, — но она не достигнет своей наибольшей ширины, пока не встретит и остальных своих дочерей. У Кинжального озера к ней присоединится Койн, Черная Дочь, несущая золото и янтарь с Секиры и еловые шишки из Квохорского леса. Южнее Мать встретит Лхорулу, Ласковую Дочь с Золотых полей. Там, где они сливаются, некогда стоял Хроян, город празднеств, где вместо улиц каналы, а дома из золота. Затем Ройн долго-долго течет на юг и

на восток, пока, наконец, к ней не подкрадётся Селхору, Робкая Дочь, что прячет своё русло в излучинах и зарослях тростника. Там Матерь-Ройн разливается так широко, что плывущий по середине реки не видит берега ни справа, ни слева. Сам увидишь, мой маленький друг.

«Увижу», — подумал карлик, заметив на воде рябь — прямо по курсу, меньше чем в шести футах от судна. Он уже собирался привлечь внимание Леморы, когда на поверхность всплыло нечто, да с таким всплеском, что «Скромницу» закачало из стороны в сторону.

Это была ещё одна черепаха — рогатая черепаха исполинских размеров; её темно-зелёный панцирь, испестрённый бурыми пятнами, оброс водяным мхом и чёрными речными моллюсками. Гигант поднял голову и издал горловой трубный рев — громче любого боевого рога, какой только доводилось слышать Тириону.

— Мы благословенны, — зарыдала от счастья Исилла, слёзы текли у неё по лицу, — мы благословенны, благословенны.

Утка заулюлюкал, следом Юный Гриф. Хэлдон выскочил на палубу, чтобы узнать причину переполоха... но слишком поздно. Гигантская черепаха снова скрылась под водой.

— Что это вы так расшумелись? — спросил Полумейстер.

— Черепаха, — ответил Тирион. — Черепаха размером больше нашей посудины.

— Это был он, — закричал Яндри, — Речной Старик.

«Почему бы и нет? — Тирион ухмыльнулся. *— Чудеса и явления богов всегда сопутствуют рождению королей».*

Глава 15. Давос

«Весёлая Повитуха» прокралась в Белую Гавань с вечерним приливом. Её залатанные паруса трепетали при каждом порыве ветра.

И хотя когг был очень старым, его и в молодости вряд ли можно было назвать красавцем. Нос корабля украшала деревянная фигура женщины. Её смеющееся лицо и попка младенца, которого она держала за ногу, казались рябыми от червоточин. Корпус судна покрывали бесчисленные слои унылой коричневой краски, а паруса посерели и обтрепались по краям. Корабль был явно не из тех, на какой захочется полюбоваться ещё разок, разве только из любопытства, чтобы понять, каким чудом ему удаётся до сих пор держаться на плаву. «Весёлую Повитуху» в Белой Гавани знали, как скромное судно, много лет возившее товары между Гаванью и Сестриным городком.

Не на такой прием рассчитывал Давос Сиворт, отплывая с Саллой и его флотом. Поначалу, всё выглядело предельно просто. Вороны не помогли королю Станнису завоевать верность Белой Гавани, поэтому его величество принял решение

отправить к лорду Мандерли посланника для переговоров. Чтобы продемонстрировать силу, Давос собирался прибыть на борту флагманской галеры Саллы «Валирийки», во главе остального лиссенийского флота. Все их корабли были раскрашены яркими полосами: чёрные чередовались с жёлтыми, розовые с голубыми, зелёные с белыми, красные с золотыми. Лиссенийцы обожали сочные цвета, а Салладор Саан перещеголял в этом всех.

«*Салладор Сверкающий*», — вспомнил Давос. Но бури перечеркнули все его планы.

В результате приходится проникать в город тайком, точно так же, как двадцать лет назад. И пока он не разузнает, как обстоят дела в городе, разумнее не называться лордом, а притвориться простым моряком.

На восточном берегу, в устье реки Белый Нож, его взору предстали воздвигнутые из выбеленного камня стены Белой Гавани. Давос отметил, что город укреплен намного лучше, чем шесть лет назад. На пристани, разделявшей гавань на внутреннюю и внешнюю, теперь возвышалась каменная стена тридцати футов высотой и почти милю длиной, с башнями через каждые сто ярдов. От Тюленьей Скалы, где когда-то лежали одни

руины, поднимался столб дыма. «*Хороший знак. Или плохой. В зависимости от того, чью сторону выберет лорд Виман*».

Давос всегда любил этот город, ещё с тех пор, как впервые приплыл сюда юнгой на «Бродячей Кошке». Белая Гавань была намного меньше, чем Старомест или Королевская Гавань. Однако в городе царили чистота и порядок. Красивые, сложенные из выбеленного камня, дома с темно-серой черепицей на крутых скатах крыш радовали глаз, а по прямым и широким мощёным улицам с лёгкостью можно было попасть в любое нужное тебе место. Роро Угорис, чудаковатый хозяин «Бродячей Кошки», утверждал, что он по запаху способен отличить один порт от другого. По его словам, города походили на женщин — у каждого свой особый аромат. Старомест благоухал цветами, словно надушенная вдовушка. Ланниспорт — свежестью и землёй, как молочница с пропахшими дымом волосами. Королевская Гавань воняла, будто немытая шлюха. Запах Белой Гавани был острым, соленым, и слегка отдавал рыбой.

— Она пахнет так, как и должна пахнуть русалка, — улыбался Роро. — Морем.

«*А запах-то остался прежним*», — подумал

Давос. Правда, теперь к нему добавился запах горящего торфа, тянувшийся от Тюленьей Скалы. Этот морской утёс, высотой не менее пятидесяти футов, серо-зелёной громадиной нависал над подходом к внешней гавани. Его вершину венчало кольцо побитых ветром и дождями валунов — поселение Первых людей, опустевшее и заброшенное сотни лет назад. Но сейчас оно не пустовало. Давос заметил скорпионы и огнеметы, укрытые за камнями, и арбалетчиков, несущих между ними стражу.

«*Должно быть, там наверху холодно и сыро*».

Раньше, на камнях у подножия скалы грелось множество тюленей, и всякий раз, когда «Бродячая Кошка» отчаливала из Белой Гавани, Слепой Бастард заставлял Давоса их пересчитывать.

«*Чем больше тюленей возле скалы, тем больше удачи в пути*», — говаривал Роро. Сейчас же на камнях тюленей не оказалось. Дым и солдатня распугали их.

«*Умный человек, наверняка, увидел бы в этом предупреждение. Будь у меня хоть капля здравого смысла, я бы уплыл вместе с Саллой*». Он смог бы пробраться обратно на юг, к Марии и сыновьям.

«*Я отдал королю пятерых сыновей. Четверо из них погибли, пятый служит у него оруженосцем.*

Я имею полное право позаботиться о тех двух мальчиках, что у меня остались. Как же давно я их не видел».

В Восточном Дозоре чёрные братья рассказывали, что Мандерли из Белой Гавани недолюбливают Болтонов из Дредфорта. Железный Трон возвысил Русе Болтона, объявив Хранителем Севера, и все считали, что Виман Мандерли встанет на сторону Станниса. «*Белая Гавань не выстоит в одиночестве. Городу нужен союзник и защитник. Лорд Виман нуждается в короле Станнисе не меньше, чем Станнис в нем*». По крайней мере, так считали в Восточном Дозоре.

Сестрин городок разрушил эти надежды. Если лорд Боррелл не обманул, и Мандерли собираются объединиться с Болтонами и Фреями… нет, он даже не хочет об этом думать. Скоро он и так узнает всю правду. Давос только надеялся, что ещё не всё потеряно

«*Стена на пристани скрывает внутреннюю гавань*», — подметил он, пока «Весёлая Повитуха» спускала паруса. Внешняя гавань больше, но внутренняя лучше укреплена: с одной стороны городская стена, с другой — громада Волчьего Логова, а теперь к этому добавилась ещё и стена на причале. В Восточном Дозоре у Моря Коттер

Пайк рассказал Давосу, что лорд Виман строит боевые галеры. Должно быть, за этими стенами скрывается несколько десятков кораблей, ожидающих приказа выйти в море.

На холме, позади мощных стен, окружавших город, гордо возвышался Новый Замок. Давос разглядел куполообразную крышу Снежной Септы, украшенную огромными статуями Семерых. Удрав из Простора, Мандерли принели свою веру на север. Правда, в Белой Гавани имелась и богороща — нечто несуразное, похожее на клубок из корней, веток и камней, да к тому же скрытая от человеческих глаз полуразрушенными мрачными стенами Волчьего Логова, древней крепости, служившей теперь обычной тюрьмой. В Белой Гавани в основном слушались септонов.

Водяной, герб Дома Мандерли, был повсюду: он реял над башнями Нового Замка, над Тюленьими Воротами и вдоль городских стен. В Восточном Дозоре северяне уверяли, что Белая Гавань никогда не откажется от своей клятвы верности Винтерфеллу, но Давос что-то нигде не заметил лютоволка Старков. *«Впрочем, не видно и львов. Лорд Виман пока ещё не присягнул Томмену, иначе бы поднял его штандарт»*.

На пристанях царила суета. С беспорядочно

сгрудившихся у рыбного рынка лодчонок сгружали улов. Среди прочих посудин выделялись три каяка — длинные, узкие, идеально подходящие для плаванья по Белому Ножу, с его быстрыми течениям и скалистыми порогами. Впрочем, Давоса больше заинтересовали морские суда: пара каррак, таких же неказистых и потрёпанных, как «Весёлая Повитуха», торговая галера «Штормовая Плясунья», когги «Бравый Магистр» и «Рог Изобилия», галеас из Браавоса, с фиолетовым корпусом и парусами…

…и стоявший чуть поодаль боевой корабль.

Едва Давос увидел судно, его надежды развеялись, как дым. Чёрный с золотом корпус, а на носу фигура льва, вздымающего лапу. «Львиная Звезда», гласили буквы на корме, прямо под развевающимся на ветру флагом с гербом малолетнего короля, сидевшего нынче на Железном Троне. Ещё год назад Давос не сумел бы прочитать название корабля, но на Драконьем Камне мейстер Пилос обучил его грамоте. Правда, на этот раз чтение не доставило ему никакого удовольствия. Давос молился, чтобы эта проклятая галера сгинула в тех же штормах, что разметали по морю флот Саллы, но боги не вняли его мольбам. Фреи были здесь, и ему придётся встретиться

с ними лицом к лицу.

«Весёлая Повитуха» встала на якорь в самом конце потрепанного непогодами деревянного пирса внешней гавани, подальше от «Львиной Звезды». Когда её экипаж пришвартовался и опустил трап, капитан подковылял к Давосу. Кассо Могат — полукровка родом с берегов Узкого Моря, зачатый систертонской шлюхой и китобоем из Иббена, был всего пяти футов роста. А крашенные в болотно-зелёный цвет копна волос и бакенбарды делали его похожим на цветущий пень. Но, несмотря на эту странную внешность, он был отличным моряком и строгим капитаном. — Как долго вас не будет?

— Минимум сутки. Возможно, дольше. — Давос давно усвоил, что власть предержащие любят заставлять себя ждать. Он подозревал, что они делают это специально, чтобы заставить просителя поволноваться, а заодно лишний раз продемонстрировать, кто тут главный.

— «Повитуха» задержится здесь на три дня. Не дольше. В Сестрином городке ждут моего возвращения.

— Если всё пойдёт хорошо, я вернусь завтра утром.

— А если это ваше «всё» пойдет не так?

«*Тогда я вообще могу не вернуться*».

— В этом случае, не стоит меня ждать.

Пока он спускался по трапу, на борт поднялись таможенники. До простых моряков им не было дела — их интересовал груз, поэтому они направились к капитану. Давос ничем не отличался от других. Обычный мужчина среднего роста с загорелым и обветренным как у простолюдина лицом, тёмными волосами и бородой, которые морской солёный воздух припорошил сединой.

Одет он тоже был по-простому: старые сапоги, коричневые бриджи, голубая рубаха и шерстяной плащ с деревянной застёжкой, а просоленные кожаные перчатки скрывали изуродованные пальцы, обрубленные Станнисом много лет назад.

Его никак нельзя было принять за лорда, и уж тем более за Десницу. В таком виде куда сподручнее и проще выяснять, что творится в городе.

Давос зашагал вдоль пристани, направляясь к рыбному рынку. На «Бравый Магистр» грузили бочки с мёдом, сложенные вдоль пирса в штабеля по четыре штуки. За ними играли в кости трое матросов, чуть дальше рыбачки наперебой расхваливали покупателям свой товар. Неподалёку от них шустрый мальчишка бил в барабан, а в

кругу, сооруженном из натянутых корабельных канатов, для речных рыбаков танцевал старый облезлый медведь. Тюленьи Ворота охраняли двое копейщиков, с гербами дома Мандерли на груди. Но они были слишком заняты заигрыванием с портовой шлюхой, чтобы обратить внимание на Давоса. Ворота были открыты, решётка поднята, и он вошел внутрь, смешавшись с толпой.

За воротами располагалась мощёная брусчаткой площадь, в центре которой бил фонтан — скульптура водяного, высотой в двадцать футов от хвоста до короны. Несмотря на то, что его борода стала бело-зелёной от разъевшего камень лишайника, а один из зубцов трезубца отломали ещё до рождения Давоса, выглядел водяной всё равно внушительно. Местные жители прозвали его Старик-Рыбоног. И хотя площадь носила имя какого-то давно почившего правителя, никто не называл её иначе, как площадь Рыбонога.

Сегодня здесь было многолюдно. Одна из женщин развешивала на трезубце постиранное тут же в фонтане исподнее. В тени колонн толковали о делах писари и менялы, а неподалёку демонстрировали свои умения фокусник, травница и никудышный жонглёр. На одном из каменных парапетов мужчина торговал яблоками, а рядом

женщина предлагала селёдку с рубленым луком. Под ногами у прохожих сновали дети и цыплята. Раньше, когда Давосу доводилось бывать на площади Рыбонога, обитые железом дубовые ворота Старого Монетного двора всегда оставались закрытыми. Но сегодня их распахнули настежь. Заглянув внутрь, Давос увидел сотни женщин, детей и стариков. Одни сидели на разбросанных на полу шкурах, другие готовили еду на разведённых тут же костерках.

Давос остановился под колоннадой, и купил за полпенни яблоко.

— Значит теперь разрешено селиться в Старом Монетном дворе? — спросил он у торговца.

— А им больше некуда податься. Большинство из них простолюдины, жившие в деревнях у Белого Ножа, да ещё люди Хорнвудов. Когда Болтонский бастард принялся бесчинствовать, все они захотели укрыться за стенами. Понятия не имею, на кой они сдались его светлости. Почти все явились, не имея за душой ничего, кроме своего рванья.

Давос почувствовал укол вины. *«Они нашли убежище в городе, который война обошла стороной, а я собираюсь вновь бросить их в это пекло».*

Он откусил яблоко, и ему вновь стало стыдно за

то, что он может себе позволить купить яблоко, а они — нет.

— На что же они живут? Откуда берут еду?

Продавец яблок пожал плечами:

— Кто-то клянчит милостыню, кто-то ворует. Многие девчонки торгуют тем, что может предложить женщина, когда ей не остаётся ничего другого. А мальчишки выше пяти футов роста легко находят себе место в казармах его светлости, лишь бы могли удержать копьё.

«*То есть, он набирает людей. Это хорошо... или плохо, смотря зачем он это затеял*». Яблоко было сухим и безвкусным, но Давос заставил себя откусить от него ещё раз:

— Правда ли, что лорд Виман хочет присоединиться к Бастарду?

— Ну-у, — ухмыльнулся торговец, — как только в следующий раз его светлость пожалует прикупить яблочек, обязательно спрошу.

— Я слышал, его дочь выходит замуж за кого-то из Фреев.

— Внучка. Я тоже слыхал, да его светлость почему-то забыл пригласить меня на свадьбу. Вы вроде доедать не будете? Так я заберу оставшееся, там хорошие семена.

Давос бросил ему огрызок. Яблоко оказалось

отвратное, но новость о том, что Мандерли собирает войско, стоила полпенни. Давос обошёл вокруг фонтана, рядом с которым девушка продавала свежее козье молоко. Стоило ему очутиться в этом городе, как на него нахлынули воспоминания. Раньше трезубец Старика-Рыбонога указывал на переулок, где продавали жареную треску, покрытую хрустящей золотисто-коричневой корочкой. Вон там находился бордель. В нём было намного чище, чем в других, и моряк мог приятно провести время с женщиной, не боясь, что его убьют или ограбят. А вон там, в одном из домов, прилепившихся к стенам Волчьего Логова словно ракушки к старому кораблю, была пивоварня, где варили вкуснейшее густое чёрное пиво. В Браавосе или в Порт-Иббене бочку такого пива можно было продать по цене арборского золотого. Но это, правда, если только от местных выпивох оставалось что-то на продажу.

Вина, вот чего ему захотелось — кислого, темного и терпкого. Он перешёл площадь и спустился по лестнице в погребок «Ленивый Угорь», расположившийся прямо под складом, в котором хранили овечью шерсть. В его бытность контрабандистом, печальная слава «Угря» гремела по всей Белой Гавани. Все знали, что шлюхи там

самые старые, вино самое плохое, а пироги с мясом, полные жира и хрящей, и в лучшие дни были несъедобными, а в худшие — так и просто отравой. Большинство местных избегало этот погребок, оставляя его морякам, не знавшим забегаловок получше. Зато в «Ленивом Угре» никогда нельзя было столкнуться ни с городской стражей, ни с таможенниками.

Некоторые вещи никогда не меняются. Время в «Угре», казалось, застыло. Всё тот же сводчатый чёрный от копоти потолок, утоптанный земляной пол и дикая вонь от дыма, тухлого мяса и засохшей рвоты. Толстые сальные свечи на столах больше чадили, чем светили. В этом полумраке вино, заказанное Давосом, казалось скорее коричневым, чем красным. За столиком у двери выпивали четыре шлюхи. Когда Давос зашёл в дверь, одна из них многообещающе улыбнулась ему, но он отрицательно помотал головой. Женщина что-то тихо шепнула своим товаркам, и те залились смехом. Впрочем, после этого они больше не обращали на него внимания.

Давос окинул «Угорь» взглядом, однако не увидел никого, кроме шлюх и хозяина. Но в погребке было множество перегородок и темных ниш, позволявших уединиться от посторонних глаз.

Он сел в одну из них, привалился спиной к стене, отставил кружку и принялся ждать.

Вскоре он поймал себя на том, что смотрит на очаг. Красная женщина видела в огне будущее, но Давосу Сиворту, сколько бы он туда ни вглядывался, являлись лишь тени прошлого: горящие корабли, огненная цепь, зелёные сполохи, прорезавшие тучи, и нависавший над всем этим Красный замок. Давос был простым человеком, достигшим высоких постов по воле случая, войны и Станниса. Он не понимал, почему боги забрали четырех молодых и сильных парней, его сыновей, но пощадили их усталого отца. Иногда, по ночам, он думал, что выжил лишь для того, чтобы спасти Эрика Шторма…

…Но ведь теперь мальчик-бастард короля Роберта находится в безопасных Ступенях, а Давос всё ещё жив.

«*Неужели у богов припасено для меня ещё какое-то дело*? — размышлял он. — *Если так, Белая Гавань определенно может быть одним из них*». Он отхлебнул немного вина, и вылил полкружки на пол себе под ноги.

После заката, лавки «Угря» заполнились моряками. Давос подозвал хозяина и заказал ещё вина. Вместе с вином ему принесли свечу.

— Хотите что-нибудь поесть? — спросил хозяин. — Есть пироги с мясом.

— А с каким мясом?

— Обыкновенным. Свежим.

Шлюхи загоготали.

— Он имеет в виду — как всегда, с тухлятиной, — рассмеялась одна из них.

— Закрой свой поганый рот! Сама ж их трескала.

— Какого только дерьма я не ела, но это не значит, что оно мне нравится.

Как только хозяин отошёл от его столика, Давос задул свечу, и откинулся поглубже в тень. Моряки лучшие сплетники на свете, особенно когда вино течет рекой, пусть и такое дешёвое. От него требовалось лишь слушать.

Но почти всё, о чём тут болтали, он уже слышал в Сестрином городке от лорда Годрика и посетителей «Китового Брюха». Тайвин Ланнистер умер, убит собственным сыном-карликом, а труп его так смердел, что ещё несколько дней после похорон никто не мог войти в Великую септу Бейелора. Леди Гнезда убита менестрелем. Мизинец правит Долиной, но Бронзовый Джон Ройс уже поклялся, что вышвырнет его оттуда. Бейлон Грейджой тоже умер, а его братья передрались за

Морской Трон. Сандор Клиган стал разбойником и бесчинствует в землях Трезубца. Мир, Лисс и Тирош снова ведут войну. На востоке бушует восстание рабов.

Другие новости были поинтереснее. Роберт Гловер в городе и пытается набрать войско, но безуспешно. Лорд Мандерли глух к его просьбам. По слухам, он ответил, что Белая Гавань устала от войны.

«Это плохо».

Ризвеллы и Дастины неожиданно напали на реке Горячке на Железных Людей и сожгли их ладьи.

«Ещё хуже».

Болтонский Бастард отправился на юг вместе с Хозером Амбером, чтобы, объединившись с ними, отбить Ров Кейлин.

— Амбер Смерть Шлюхам, собственной персоной, — утверждал один из местных, привезший груз шкур и древесины с верховий Белого Ножа, — вместе с тремя сотнями копейщиков и сотней лучников. А с ними кое-кто из людей Хорнвудов и Сервинов тоже.

«Это было хуже всего».

— Если Лорд Виман хорошо соображает, лучше бы ему отправить своих людей сражаться, — вы-

сказал своё мнение старик, сидевший в конце стола. — Лорд Русе теперь Хранитель. Честь Белой Гавани обязывает ответить на его призыв.

— Да что эти Болтоны вообще знают о чести? — проворчал владелец «Угря», вновь наполняя их кружки коричневым вином.

— Лорд Виман никуда не выдвинется. Тяжёл стал на подъём.

— Я слышал, он сильно сдал. Говорят, только спит, да вопит от горя. А большую часть времени слишком болен, чтобы встать с постели.

— Скорее уж слишком толст.

— Толстый он или худой, это ничего не меняет, — буркнул владелец «Угря». — У львов его сын.

Ни один из них даже словом не обмолвился о короле Станнисе. Словно никто не знал, что его величество прибыл на север помочь защитникам Стены. Одичалые, упыри и гиганты были темой всех разговоров в Восточном Дозоре. Но здесь, похоже, никто об этом даже не задумывался.

Давос придвинулся поближе к огню.

— Я думал, Фреи убили его сына. Об этом судачат в Сестрином городке.

— Они убили сира Вендела, — ответил хозяин. — Его кости покоятся в Снежной Септе в окружении свечей. Можете взглянуть на них, коли

охота. А сир Вилис всё ещё в плену.

«Всё хуже и хуже». Он знал, что у лорда Вимана было два сына, но думал, что оба мертвы. *«Если у Железного Трона есть заложник...»* Давос был отцом семерых сыновей, и потерял четырёх из них на Черноводной. Он знал, что сделает всё, что от него потребуют боги или люди, ради защиты оставшихся трёх. Стеффон и Станнис в тысяче лиг от этой кровавой мясорубки и им ничего не угрожает, но Деван в Чёрном Замке. Он оруженосец короля. Короля, чей взлёт или падение зависят от Белой Гавани.

Его собутыльники заговорили о драконах.

— Да ты совсем сбрендил, — возмутился матрос «Штормовой Плясуньи». — Король-Попрошайка уже несколько лет как мёртв. Какой-то дотракийский табунщик отрезал ему голову.

— Это нам так сказали, — возразил старик. — А может, врут. Он умер на другом конце света, если вообще умер. Поди докажи. Коли король пожелает, чтоб я помер, может я его и уважу, прикинувшись трупом. Никто из нас не видел его тела.

— А я вот, к примеру, не видел трупов ни Джоффри, ни Роберта, — проворчал владелец «Угря». — Скажешь, они тоже живы? А может и Бейелор

Благословенный просто проспал все эти годы?

Старик насупился:

— Принц Визерис был не единственным драконом, верно? Почему вы так уверены, что они убили именно сына принца Рейгара? Совсем младенца.

— И разве не было ещё какой-то принцессы? — поддакнула шлюха, предупредившая о тухлятине в пирогах.

— Две, — припомнил старик. — Дочь Рейегара и его сестра.

— Дейена, — уточнил один из рыбаков. — Так звали его сестру. Дейена с Драконьего Камня. Или всё-таки Дейера?

— Дейеной звали жену короля Бейелора, — возразил матрос. — Я служил на корабле, названном в её честь. «Принцесса Дейена».

— Если бы она была женой короля, то величалась бы королевой.

— Бейелор никогда не имел королевы. Он был святым.

— По-твоему, он не женился на собственной сестре? — удивилась шлюха.

— Он просто ни разу не спал с ней, вот и всё. После того, как его короновали, запер её в башне. И остальных сестёр тоже. Всех трёх.

— Дейенела, — громко произнёс хозяин. — Вот как её звали. Я о дочери Безумного Короля, а не о сраной бейелоровой жене.

— Дейенерис, — подал голос Давос. — Нареченной в честь Дейенерис, вышедшей замуж за принца Дорна во времена правления Дейерона Второго. Но я не знаю, что с ней стало.

— Я знаю, — сказал браавосский матрос, в чёрной шерстяной куртке, тот самый, что и завёл разговор о драконах.

— Когда мы прибыли в Пентос, мы пришвартовались рядом с торговцем под названием «Косоглазка». Мне довелось выпивать с помощником их капитана. Он рассказал мне забавную байку о какой-то девчушке, пытавшейся зафрахтовать его корабль из Кварта до Вестероса для себя и трёх драконов. Её волосы были серебряными, а глаза фиалковыми. Помощник мне поклялся, что лично отвел её к капитану, но тому не понравилась эта затея. Потом капитан ему сказал, что гвоздика и шафран более выгодный груз. И специи не поджигают паруса.

По погребку прокатился взрыв хохота, но Давос не смеялся вместе с остальными. Он знал, что случилось с «Косоглазкой». Боги жестоко пошутили над её капитаном, позволив ему переплыть

полмира, а затем направив на ложный маяк почти у самого дома.

«Он был храбрее меня», — подумал Давос, пробираясь к двери. Одно плавание на восток, и смельчак мог жить, как лорд, до конца своих дней. Когда Давос был моложе, то тоже мечтал о таком путешествии, но годы летели, сгорая словно мотыльки в пламени свечи, а подходящее время всё никак не наступало.

«В один прекрасный день, — пообещал он себе. *— Однажды, когда война закончиться, а король Станнис сядет на Железный Трон, и больше не будет нуждаться в луковых рыцарях, я возьму Девана, Стеффа и Станни, если они успеют подрасти, и мы вместе посмотрим на этих драконов, и на все остальные чудеса света».*

Огоньки в масляных светильниках, освещавших улицу, дрожали под порывами сильного ветра. С заходом солнца похолодало, но Давос помнил, как ночами в Восточном Дозоре его до костей пробирал с воем налетавший из-за Стены ветер, заставляя кровь стыть в жилах — от него не спасал даже самый тёплый плащ. По сравнению с ним, ветерок в Белой Гавани казался летним бризом.

Неподалёку было ещё много мест, где он мог

бы наслушаться вдосталь: гостиница, славящаяся своими пирогами с миногами; пивная, в которой частенько выпивали работяги и таможенники; балаган, где всего за пару пенни, можно посмотреть похабное представление. Но Давос чувствовал, что услышал достаточно. «Я опоздал». По привычке он потянулся к груди, где когда-то на кожаном ремешке висел мешочек с останками его пальцев. Но теперь там было пусто. Он потерял свою удачу в пламени Черноводной, когда лишился своего корабля и сыновей.

«Что же мне теперь делать? — Давос поплотнее запахнул плащ. — *Подняться на холм, войти в ворота Нового Замка и обратиться с просьбой, заведомо зная о бесполезности этого занятия? Вернуться в Сестрин городок? Уплыть обратно к Марии и моим мальчикам? Купить лошадь и нестись вскачь по Королевскому Тракту, чтобы доставить Станнису весть о том, что у него нет ни друзей в Белой Гавани, ни надежды на успех?»*

Королева Селиса в ночь перед отплытием флота устроила пир для Саллы и его капитанов. К ним присоединился Коттер Пайк и четверо высокопоставленных офицеров Ночного Дозора. Даже принцессе Ширен разрешили присутствовать. Пока подавали лосося, сир Акселл Флорент раз-

влекал гостей рассказом о принце Таргариене, у которого была ручная обезьянка. Принц любил наряжать питомца в одежду своего мертвого сына и делал вид, что это его ребёнок. Сир Акселл утверждал, что время от времени принц даже подыскивал мартышке невесту. Лорды, удостоенные такой чести, всегда вежливо, но твёрдо отказывали.

— Даже разодетая в шелка и бархат, обезьянка остаётся обезьянкой, — закончил рассказ сир Акселл. — Принц поумнее знал бы, что обезьянке не под силу заменить мужчину.

Люди королевы смеялись, а некоторые открыто ухмылялись Давосу в лицо. *«Я не обезьянка,* — подумал он. — *Я такой же лорд, как и вы, а как человек, так получше многих».* Но это воспоминание всё равно продолжало больно жалить.

Тюленьи Врата были закрыты на ночь, и Давос не мог вернуться на «Весёлую Повитуху» до рассвета. Ему предстояло провести здесь всю ночь. Он посмотрел на Старика-Рыбонога со сломанным трезубцем. *«Я прошёл сквозь ливни, кораблекрушения и бури. Я не вернусь, не завершив то, ради чего пришёл, каким бы безнадежным это ни казалось».* Возможно, он и потерял удачу вместе с остатками своих пальцев, но он не обе-

зьянка в бархате. Он — Десница короля.

Замковая Лестница была настоящей широкой улицей, вымощенной белым камнем, которая поднималась прямо от воды у Волчьего Логова и взбегала по холму к Новому Замку. Дорогу Давосу освещали мраморные русалки с чашами, наполненными горящим китовым маслом. Дойдя до вершины, он оглянулся. Отсюда были видны гавани. Обе. Внутренняя, скрытая стеной причала, была битком набита галерами. Давос насчитал двадцать три. Лорд Виман может и был толстяком, но явно не был лентяем.

Ворота в Новый Замок были закрыты, но в ответ на его крик дверь в караульной будке отворилась, и оттуда вышел охранник, чтобы узнать, в чём дело. Давос показал ему чёрно-золотые ленты на королевских печатях.

— Мне необходимо встретиться с лордом Мандерли лично, — твердо заявил он. — Это дело касается его и только его одного.

Глава 16. Дейенерис

Гладкие, выбритые тела танцоров, покрытые маслом, блестели в свете факелов, перелетавших из рук в руки под бой барабанов и трель флейты. Всякий раз, когда два факела встречались в воздухе, между ними, кружась, проскакивала обнажённая девушка. Свет пламени выхватывал из темноты блестящие ноги, руки, груди и ягодицы.

У танцующих мужчин была эрекция. Это возбуждало, хотя, по мнению Дейенерис Таргариен, и выглядело комично. Все мужчины были высокими, с длинными ногами, плоскими животами и рельефными, будто выточенными из камня, мускулами. Даже их лица почему-то казались одинаковыми… что было весьма странно, так как у одного кожа была тёмной как эбеновое дерево, у другого молочно-белой, а у третьего отсвечивала начищенной медью.

«Они специально пытаются меня распалить?» — Дени поёрзала на шёлковых подушках. Её Безупречные в шипастых шлемах стояли у колонн, неподвижные словно статуи, с ничего не выражающими гладкими лицами. Чего нельзя

было сказать о полноценных мужчинах. Резнак мо Резнак смотрел с открытым ртом и влажно блестевшими губами. Хиздар зо Лорак, разговаривая с соседом, не отводил глаз от танцующих девушек. Безобразное лоснящееся лицо Бритоголового было как всегда сурово, но и он ничего не упускал.

Разгадать же мысли почётного гостя было сложнее. Бледный худой крючконосый мужчина, сидевший с ней за головным столом, великолепно выглядел в бордовых шёлках, расшитых золотыми нитями. Он элегантно, маленькими кусочками ел фигу, и его лысая голова блестела в свете факелов. Когда Ксаро Ксоан Даксос поворачивался вслед за танцорами, выложенные вдоль его носа опалы мягко мерцали.

В честь гостя Дейенерис оделась по моде Кварта, в шёлковый фиолетовый наряд особого кроя из тончайшей ткани, оставлявший левую грудь открытой. Её серебристо-золотые волосы струились по плечу, ниспадая почти до соска. Половина мужчин в зале украдкой бросали на неё взгляды, но не Ксаро. *«Так же, как в Кварте»*. Её красота не действовала на купеческого старшину. *«А найти его слабое место надо».* Словно в ответ на её молитвы, он прибыл из Кварта на галеасе

«Шёлковое Облако» в сопровождении тринадцати галер. После отмены рабства, торговля Миэрина сошла на нет, но в силах Ксаро было её восстановить.

Под нарастающий бой барабанов три девушки взвились в воздух над факелами. Танцоры поймали их за талии и опустили на свои члены. Дени смотрела, как женщины выгнули спины и обвили ногами своих партнёров, пока плакали флейты и мужчины двигались в такт музыке. Наблюдать половой акт было для неё не в новинку — дотракийцы совокуплялись так же открыто, как их кобылы и жеребцы. Однако она впервые видела, чтобы похоть совмещали с музыкой.

Лицо Дени пылало. «*Это всё вино*». Но почему-то её мысли неожиданно обратились к Даарио Нахарису. Его посыльный прибыл этим утром. Вороны-Буревестники возвращались из Лхазара. Её капитан ехал назад, везя с собой дружбу Ягнячьих Людей. *«Еда и торговля, — напомнила она себе, — он не подвёл меня и не подведёт. Даарио поможет мне спасти город».* Королеве не терпелось увидеть его лицо, погладить бороду, разделённую на три пряди, поделиться с ним своими бедами… но Вороны-Буревестники всё ещё в нескольких днях пути, за Кхизайским проходом, а ей нужно

править королевством.

Между фиолетовыми колоннами висел дым. Танцоры опустились на колени и склонили головы.

— Вы были великолепны, — сказала им Дени. — Мне редко доводилось видеть такую грацию и красоту.

Она подозвала Резнак мо Резнака, и сенешаль спешно подошёл к ней. Капельки пота усыпали лысую морщинистую голову.

— Проводите наших гостей в купальни, пусть освежатся. И принесите им еды и питья.

— Это большая честь для меня, Великолепная!

Дейенерис протянула свою чашу, чтобы Ирри вновь её наполнила. Вино было сладким и крепким, с сильным ароматом восточных пряностей, гораздо лучше слабых гискарских вин, что ей наливали в последнее время. Ксаро внимательно осмотрел фрукты на блюде, поднесенном ему Чхику, и выбрал хурму такого же оранжевого цвета, как и коралл в его носу. Он откусил кусочек и скривил губы:

— Терпкая.

— Милорд предпочитает что-нибудь послаще?

— Сладость приедается. Вяжущие язык фрукты и острые на язычок женщины придают вкус

жизни. — Ксаро откусил ещё кусочек, прожевал и проглотил. — Дейенерис, милая королева, не могу передать словами, какое удовольствие для меня вновь наслаждаться вашим присутствием. Кварт покинула девочка, потерянная и прекрасная. Я боялся, что она уплыла навстречу своей гибели, однако теперь нахожу её здесь, на престоле, хозяйкой древнего города, окружённой могучей армией, что выросла из мечты.

«Нет, — подумала она, — *из крови и огня»*.

— Я рада твоему появлению. Приятно вновь увидеть твоё лицо, друг мой.

«Я не доверяю тебе, но ты мне нужен. Мне нужны твои Тринадцать, твои корабли, твои товары».

В течение многих веков Миэрин и его братья Юнкай и Астапор были оплотом работорговли, местом, где дотракийские кхалы и пираты с Островов Василиска продавали своих пленников, а остальной мир покупал их. Без рабов Миэрину практически нечего было предложить торговцам. В Гискарских холмах было полно меди, но теперь этот металл уже не ценился так, как в прежние времена, когда миром правила бронза. Кедры, когда-то возвышавшиеся вдоль всего побережья, исчезли, поваленные топорами Старой Империи

или спалённые драконьим огнём во время войн Гиса с Валирией. Без деревьев почва высохла под горячим солнцем, и пыльные бури унесли её плотными красными тучами. «Эти бедствия и превратили моих людей в работорговцев», — сказала ей Галазза Галар в Храме Милости.

«Значит, я стану тем бедствием, которое превратит этих работорговцев обратно в людей», — поклялась себе Дени.

— Я должен был прийти, — томно ответил Ксаро. — Даже в таком далеком отсюда Кварте до моих ушей дошли ужасные истории. Я плакал, слушая их. Говорят, твои враги обещают богатство, славу и сотню рабынь-девственниц любому, кто убьёт тебя.

— Дети Гарпии. — *«Откуда он знает об этом?»* — По ночам они пачкают стены и убивают спящих ни в чем не повинных освобождённых. А когда всходит солнце, прячутся как тараканы. Они боятся моих Медных Зверей.

Скахаз мо Кандак создал новый дозор, о котором она просила, состоящий из равного числа освобождённых рабов и миэринских Бритоголовых. Они днём и ночью патрулировали улицы в тёмных капюшонах и медных масках. Дети Гарпии обещали ужасную смерть любому преда-

телю, посмевшему служить королеве драконов, в том числе своим родным и близким, поэтому люди Бритоголового ходили в масках шакалов, сов и прочих зверей, пряча свои истинные лица.

— У меня была бы причина опасаться Детей Гарпии, окажись я одна на улице ночью, голой и безоружной. Они — трусливые твари.

— Нож труса может убить королеву так же легко, как и нож героя. Я спал бы спокойнее, зная, что отрада моего сердца держит своих свирепых лошадников поблизости. В Кварте трое кровных всадников никогда не отходили от тебя. Где они теперь?

— Агго, Чхого и Ракхаро всё ещё служат мне. — *«Он играет со мной»*. Дени тоже умела играть в эти игры. — Я всего лишь юная девушка и мало смыслю в таких вещах, но люди постарше и мудрее говорят, что нельзя удержать Миэрин без контроля внутренних земель — к западу от Лхазара и до Юнкайских холмов на юге.

— Мне дороги не твои земли, а ты сама. Случись с тобой беда, этот мир потеряет свой вкус.

— Милорд очень добр, что так заботится обо мне, но меня хорошо охраняют, — Дени указала в сторону Барристана Селми, державшего руку на рукояти меча. — Барристан Отважный, так его

называют. Уже дважды он спасал меня от убийц.

Ксаро бросил беглый взгляд на Селми.

— Барристан Старый, ты сказала? Медвежий рыцарь был моложе и предан тебе.

— Я не желаю говорить о Джорахе Мормонте.

— И не удивительно. Он был груб и волосат. — Купеческий старшина наклонился над столом. — Лучше поговорим о любви, мечтах и желаниях, и о Дейенерис — прекраснейшей женщине в мире. Я пьянею, глядя на тебя.

Напыщенные квартийские любезности были ей не в новинку.

— Если ты пьян, то дело в вине.

— Ни одно вино и вполовину не одурманивает так, как твоя красота. Мой дом кажется пустым как гробница, с тех пор, как Дейенерис покинула его, и все удовольствия Королевы Городов теперь на вкус как пепел. Почему ты оставила меня?

«Меня выгнали из твоего города под страхом смерти».

— Пришло время. Кварт желал, чтобы я ушла.

— Кто? Чистокровные? В их венах течёт вода. Гильдия Пряностей? У них творог между ушей. А все Бессмертные мертвы. Тебе следовало взять меня в мужья. Я почти уверен, что просил твоей руки. Даже умолял.

— Лишь полсотни раз, — поддразнила его Дени. — Ты слишком легко сдался, милорд. Ведь с тем, что я *должна* выйти замуж согласны все.

– У *кхалиси* должен быть кхал, — подтвердила Ирри, вновь наполняя чашу королевы. — Это известно.

— Мне следует попросить снова? — спросил Ксаро. — Нет, я знаю эту улыбку. Жестокая королева, играющая сердцами мужчин. Простые купцы вроде меня — лишь булыжник под твоими расшитыми самоцветами сандалиями.

Одинокая слеза медленно скатилась по его бледной щеке.

Дени слишком хорошо его знала, чтобы растрогаться. Квартийские мужчины могли расплакаться в любой момент по собственному желанию.

— О, прекрати! — она взяла вишню из вазы на столе и бросила, целясь в нос Ксаро. — Может я и молода, но не настолько глупа, чтобы выходить замуж за человека, предпочитающего моей груди блюдо с фруктами. Я заметила, что ты смотрел на танцоров, а не на девушек.

Ксаро смахнул другую слезу.

— Как и ваше величество, полагаю. Видишь, мы похожи. Если ты не возьмёшь меня в мужья, я согласен быть твоим рабом.

— Мне не нужны рабы. Я освобождаю тебя.

Усеянный драгоценными камнями нос Ксаро был заманчивой целью. На этот раз Дени кинула в него абрикос.

Ксаро поймал его в воздухе и откусил кусочек.

— Откуда взялось это безумие? Значит, мне повезло, что ты не освободила моих собственных рабов, пока гостила у меня в Кварте?

«Я была королевой-попрошайкой, а ты был Ксаро из Тринадцати, — подумала Дени, — *и хотел от меня только драконов».*

— Твои рабы выглядели довольными, с ними хорошо обращались. Лишь в Астапоре у меня раскрылись глаза. Знаешь ли ты, как готовят Безупречных?

— Жестоко, не сомневаюсь. Когда кузнец куёт меч, чтобы закалить сталь, он кладёт клинок в огонь, бьёт по нему молотом, а затем погружает в ледяную воду. Если хочешь вырастить сочный фрукт, следует поливать дерево.

— Это дерево поливали кровью.

— А как ещё вырастить солдата? Вашей лучезарности понравились мои танцоры. Может ты удивишься, узнав, что это рабы, взращенные и обученные в Юнкае? Они танцевали с тех самых пор, как научились ходить. Как иначе достичь

такого *совершенства*? — Ксаро глотнул вина. — Они ещё и мастера эротических искусств. Я думал подарить их вашему величеству.

— Конечно, дари, — Дени не была удивлена. — Я освобожу их.

Купец содрогнулся.

— И что они будут делать со своей свободой? С тем же успехом можно дать рыбе кольчугу. Они были созданы танцевать.

— Созданы кем? Их хозяевами? А может, твои танцоры предпочитают строить, печь хлеб или возделывать землю. Ты их спрашивал?

— А может, твои слоны хотели бы быть соловьями. И ночи в Миэрине наполнились бы громогласным рёвом вместо сладких песен, а деревья шатались бы под весом огромных серых птиц. — Ксаро вздохнул. — Дейенерис, моя отрада, под этой очаровательной юной грудью бьётся нежное сердце… но послушай совета человека старше и мудрее. Вещи не всегда таковы, какими кажутся. Многое, что кажется дурным, может быть и хорошим. Например, дождь.

— Дождь?

«Он принимает меня за дуру или за ребёнка?»

— Мы проклинаем дождь, когда он обрушивается на наши головы, однако без него будем

голодать. Миру *нужен* дождь… и рабы. Ты кривишься, но это правда. Посмотри на Кварт. В искусстве, музыке, магии, торговле, во всём, что отличает нас от животных, Кварт возвышается над остальным человечеством, как ты на вершине этой пирамиды… но внизу величие Королевы Городов покоится, как на кирпичах, на спинах *рабов*. Спроси себя, если все люди должны будут копаться в грязи ради еды, кто поднимет глаза, чтобы созерцать звёзды? Если каждый из нас будет надрывать спину, строя лачугу, кто будет возводить храмы во славу богов? Чтобы одни могли быть великими, другие должны стать рабами.

Ксаро был слишком красноречив. Дени нечего было возразить, у неё лишь появилось неприятное ощущение в животе.

— Рабство — не то же самое, что дождь, — настаивала она. — Я попадала под дождь и меня продавали. Это *не одно и то же*. Ни один человек не хочет *быть чьей-то собственностью*.

Ксаро томно пожал плечами.

— Так случилось, что сойдя на берег в твоём прекрасном городе, я увидел на берегу реки человека, некогда гостившего у меня, торговца редкими пряностями и лучшими винами. Он

был гол по пояс, обгорел на солнце и, кажется, копал яму.

— Не яму. Канал, чтобы отвести воду от реки на поля. Мы собираемся сажать бобы. А бобовым полям нужна вода.

— Как любезно со стороны моего старого друга помогать тебе копать канал. И как это на него не похоже. Возможно, у него не было выбора? Нет, конечно же нет. Ведь в Миэрине нет рабов.

Дени покраснела.

— Твоего друга обеспечивают едой и крышей над головой. Я не могу вернуть ему богатство. Бобы нужны Миэрину больше, чем редкие пряности, а бобам требуется вода.

— Моих танцоров ты тоже отправишь копать каналы? Милая королева, когда мой друг увидел меня, он упал на колени и умолял купить его в рабство и забрать обратно в Кварт.

Её будто ударили.

— Так купи его.

— Если тебе угодно. *Он-то* точно будет рад. — Ксаро положил ладонь ей на руку. — Есть истины, которые поведает только друг. Я помог тебе, когда ты пришла в Кварт попрошайкой, и преодолел многие лиги и бурные моря, чтобы помочь тебе вновь. Можем ли мы где-нибудь поговорить от-

кровенно?

Дени чувствовала тепло его пальцев. *«В Кварте он тоже был теплым,* — вспомнилось ей, — *пока не отпала во мне нужда».* Она поднялась на ноги и сказала:

— Идём.

Ксаро последовал за ней мимо колонн к широкой мраморной лестнице, ведущей в её покои на вершине пирамиды.

— О наипрекраснейшая из женщин, — заговорил он, когда они начали подъем, — сзади слышны шаги. За нами идут.

— Уверена, мой старый рыцарь тебя не испугает. Сир Барристан поклялся хранить мои тайны.

Дени вывела Ксаро на террасу, возвышавшуюся над городом. В чёрном небе над Миэрином плыла полная луна.

— Прогуляемся? — Дени взяла его под руку. Воздух был полон ароматами ночных цветов. — Ты говорил о помощи. В таком случае начни со мной торговать. У Миэрина есть соль на продажу, и вино…

— Гискарское вино? — лицо Ксаро скривилось. — Море предоставляет Кварту столько соли, сколько ему нужно, но я с удовольствием возьму все оливки, что ты мне продашь. И оливковое

масло.

— Мне нечего тебе предложить. Работорговцы сожгли все деревья. — Оливы росли на берегу Залива Работорговцев многие века, но когда армия Дени наступала, миэринцы предали свои древние рощи огню, оставив ей выжженную пустыню. — Мы снова засаживаем землю, но оливковому дереву нужно семь лет, чтобы начать плодоносить, и тридцать, чтобы его можно было назвать действительно плодовитым. Как насчёт меди?

— Красивый металл, но ненадёжный, как женщина. А вот золото… золото *искренне*. Кварт с радостью заплатит тебе золотом… за рабов.

— Миэрин — свободный город свободных людей.

— Бедный город, который когда-то был богат. Голодный город, который когда-то был сыт. Кровавый город, который когда-то был мирным.

Обвинения жалили Дени. В них была большая доля правды.

— Миэрин вновь станет богатым, сытым и мирным, а также свободным. Если тебе нужны рабы, иди к дотракийцам.

— Дотракийцы людей порабощают, а гискарцы рабов воспитывают. И чтобы достичь Кварта, лошадникам придётся гнать своих пленников

через красную пустыню. Погибнут сотни, если не тысячи… и множество лошадей. Вот почему ни один кхал не пойдёт на такой риск. Более того, Кварт не желает видеть ни один кхаласар подле своих стен. Вонь всех этих лошадей… не в обиду тебе, *кхалиси*.

— Запах лошади — честный запах. Чего не всегда можно сказать о некоторых великих лордах и купеческих старшинах.

Ксаро не обратил внимания на колкость.

— Дейенерис, позволь мне, как и положено другу, быть с тобой честным. Ты *не* сделаешь Миэрин богатым, сытым и мирным. Ты лишь разрушишь его, как и Астапор. Ты ведь знаешь, что у Рогов Хаззата была битва? Король-мясник скрылся в своём дворце, а его новые Безупречные бежали за ним по пятам.

— Это мне известно. — Бурый Бен Пламм послал ей весточку о битве. — Юнкайцы обзавелись новыми наёмниками, и на их стороне сражались два легиона из Нового Гиса.

— Два скоро превратятся в четыре, а потом в десять. К тому же юнкайцы отправили посланников в Мир и Волантис, чтобы нанять ещё мечей. Рота Кошки, Длинные Копья, Гонимые Ветром. Говорят, что мудрые господа купили даже Золо-

тое Братство.

Её брат Визерис однажды угощал капитанов Золотого Братства в надежде, что они примут его сторону. *«Они съели его угощение, выслушали его просьбы и посмеялись над ним».* Дени тогда была маленькой девочкой, но запомнила это.

— У меня тоже есть наёмники.

— Два отряда. Если надо будет, юнкайцы пошлют против тебя двадцать. И выступят они не одни. Толос и Мантарис заключили с ними союз.

Дурные вести, если им верить. Дейенерис тоже отправила делегации в Толос и Мантарис, надеясь обрести друзей на западе и уравновесить враждебный Юнкай на юге. Её посланники так и не вернулись.

— Миэрин заключил союз с Лхазаром.

В ответ Ксаро лишь тихо рассмеялся:

— Дотракийские лошадники называют лхазарян *Ягнячьими Людьми*. Когда ты стрижёшь их, они лишь блеют. Это не воинственный народ.

«Даже робкий друг лучше никакого».

— Пусть мудрые господа последуют примеру лхазарян. Я пощадила Юнкай однажды, но больше не совершу такой ошибки. Если они осмелятся напасть на меня, я разрушу их Жёлтый Город до основания.

— И пока ты громишь Юнкай, моя милая, Миэрин восстанет за твоей спиной. Не закрывай глаза на эту опасность, Дейенерис. Твои евнухи превосходные солдаты, но их слишком мало, чтобы противостоять войскам, что пошлёт против тебя Юнкай, едва падёт Астапор.

— Мои освобождённые… — начала было Дени.

— Рабыни, цирюльники и каменотёсы не выигрывают сражений.

Дени надеялась, что он окажется неправ. Раньше освобождённые были просто сбродом, но теперь она организовала мужчин подходящего возраста в отряды и приказала Серому Червю сделать из них солдат. *«Пусть думает что хочет».*

— Ты забыл? У меня есть *драконы*.

— Правда? В Кварте тебя редко можно было увидеть без дракона на плече… однако, насколько я вижу, теперь это красивое плечико так же прекрасно и открыто, как твоя прелестная грудь.

— Мои драконы выросли, а плечи нет. Они охотятся далеко в поле. *«Хаззея, прости меня»*. Дени не знала, как много было известно Ксаро, какие слухи дошли до него. — Спроси у добрых господ Астапора о моих драконах, если сомневаешься. «*Я видела, как глаза работорговца лопнули и стекли по его щекам»*. Скажи правду, старый друг, зачем

ты отыскал меня, если не для торговли?

— Чтобы преподнести подарок королеве моего сердца.

— Продолжай.

«Что за ловушка на этот раз?»

— Подарок, о котором ты просила меня в Кварте. Корабли. В заливе стоит тринадцать галер. Твоих галер, если ты примешь их. Я привёл тебе флот, который отвезёт тебя домой, в Вестерос.

«Флот». Это было больше, чем она могла надеяться, поэтому насторожилась. В Кварте Ксаро предлагал ей тридцать кораблей… за одного дракона.

— И что ты хочешь за эти корабли?

— Ничего. Я более не желаю драконов. Я видел их работу в Астапоре по пути сюда, когда моё «Шёлковое Облако» зашло в порт за водой. Корабли твои, милая королева. Тринадцать галер и люди на вёслах.

«Тринадцать. Ну конечно». Ксаро был одним из Тринадцати. Несомненно, он убедил каждого из своих собратьев отдать по одному кораблю. Она слишком хорошо знала купеческого старшину, чтобы поверить, что тот пожертвует *своими* тринадцатью кораблями.

— Мне нужно подумать. Могу ли я осмотреть

корабли?

— Ты стала подозрительной, Дейенерис.

«Всегда была».

— Я стала мудрой, Ксаро.

— Делай, что пожелаешь. Когда твои сомнения рассеются, поклянись мне, что незамедлительно отправишься в Вестерос — и корабли твои. Поклянись своими драконами, семиликим богом и прахом своих предков, и *уходи*.

— А если я решу подождать год или три?

Лицо Ксаро омрачилось.

— Это меня очень сильно опечалит, моя сладкая отрада… пусть ты кажешься молодой и сильной, но вряд ли проживёшь так долго. Не здесь.

«Одной рукой он предлагает мне пряник, а другой показывает кнут».

— Юнкайцы не так уж и страшны.

— У тебя есть враги не только в Жёлтом Городе. Опасайся людей с холодными сердцами и синими губами. Не прошло и двух недель после твоего ухода из Кварта, как Пиат Прей с тремя собратьями-колдунами отправился искать тебя в Пентосе.

Дени это больше развеселило, чем напугало.

— В таком случае хорошо, что я свернула с пути. От Пентоса до Миэрина полмира.

— Это так — согласился он, — но рано или поздно до них дойдёт весть о королеве драконов в Заливе Работорговцев.

— Это должно напугать меня? Я боялась четырнадцать лет, милорд. Каждое утро в страхе просыпалась и каждую ночь со страхом ложилась спать… но все эти напасти сгорели дотла в тот день, когда я вышла из огня. Теперь лишь одно пугает меня.

— И что же это, милая королева?

— Я всего лишь маленькая глупенькая девочка, — Дени поднялась на цыпочки и поцеловала Ксаро в щёку, — но не настолько, чтобы тебе рассказать. Мои люди осмотрят корабли. Затем ты получишь ответ.

— Как скажешь, — он легонько дотронулся до её обнажённой груди и прошептал: — Позволь мне остаться и убедить тебя.

На мгновение она почувствовала искушение. Возможно, танцоры всё-таки возбудили её. *«Я могла бы закрыть глаза и представить, что это Даарио».* Воображаемый Даарио был бы безопаснее настоящего. Но она оттолкнула эту мысль.

— Нет, милорд. Благодарю, но нет. — Дени выскользнула из его объятий. — В другой раз, быть может.

— В другой раз, — рот Ксаро изображал печаль, но глаза выдавали скорее облегчение, чем разочарование.

«Будь я драконом, я бы улетела в Вестерос, — подумала она, когда он ушёл. — *И мне не нужны были бы ни Ксаро, ни его корабли»*. Дени задумалась над тем, сколько людей поместится на тринадцати галерах. Чтобы перевезти её с *кхаласаром* из Кварта в Астапор, понадобилось три галеры, но это было до того, как она обзавелась восемью тысячами Безупречных, тысячей наёмников и огромной толпой освобождённых. *«А драконы, что мне делать с ними?»*

— Дрогон, — тихо прошептала Дени, — где ты?

На мгновение она почти увидела, как он летит по небу, затмевая звёзды своими чёрными крыльями.

Оставив ночь за спиной, она повернулась к Барристану Селми, молча стоявшему в тени.

— Мой брат однажды загадал мне вестеросскую загадку. Кто слушает всё, но не слышит ничего?

— Рыцарь Королевской Гвардии, — голос Селми звучал серьёзно.

— Ты слышал предложение Ксаро?

— Да, ваше величество, — разговаривая с Дени, старый рыцарь изо всех сил старался не смотреть

на её обнажённую грудь.

«Сир Джорах не стал бы отводить взгляд. Он любил меня как женщину, тогда как сир Барристан — лишь как свою королеву». Мормонт был осведомителем её врагов в Вестеросе, но давал ей хорошие советы.

— Что ты думаешь об этом? И о Ксаро?

— О Ксаро ничего. Но эти корабли… ваше величество, с ними мы могли бы быть дома до конца этого года.

У Дени никогда не было дома. Только здание с красной дверью в Браавосе…

— Опасайся квартийцев, дары приносящих, особенно купцов из Тринадцати. Здесь какая-то ловушка. Возможно, корабли прогнили, или…

— Будь они непригодны для плавания, то не смогли бы доплыть сюда из Кварта, — заметил сир Барристан, — но ваше величество поступили мудро, настояв на осмотре. На рассвете я пойду к галерам с адмиралом Гролео, его капитанами и четырьмя десятками матросов. Мы исследуем каждый дюйм этих кораблей.

Это был хороший совет.

— Да, так и сделайте.

«Вестерос. Дом». Но если она уйдёт, что станет с её городом? *«Миэрин никогда не был твоим*

городом, — казалось, шептал голос её брата, *— твои города на том берегу моря. Твои Семь Королевств, где тебя поджидают враги. Ты была рождена, чтобы принести им кровь и огонь».*

Сир Барристан прочистил горло и заговорил:

— Этот колдун, которого упомянул купец…

— Пиат Прей, — Дени попыталась вспомнить его лицо, но в памяти всплыли лишь губы. Вино колдунов — «вечерняя тень» — сделало их синими. — Если бы чары колдунов могли убить меня, я уже была бы мертва. Я оставила от их дворца лишь пепел.

«Дрогон спас меня, когда они собирались высосать из меня жизнь. Дрогон сжёг их всех».

— Как скажете, ваше величество. И всё же, я буду настороже.

Дени поцеловала его в щёку.

— Я знаю. Проводи меня обратно на пир.

На следующее утро Дени проснулась полной надежд, как было, когда она впервые вступила в Залив Работорговцев. Скоро рядом с ней опять будет Даарио, и они вместе отправятся в Вестерос. *«Домой».* Одна из её юных заложниц, полненькая и застенчивая девушка по имени Меззара, дочь правителя пирамиды Меррек, принесла ей завтрак и Дени весело обняла её, поблагодарив

поцелуем.

— Ксаро Ксоан Даксос предложил мне тринадцать галер, — сообщила она Ирри и Чхику, когда они одевали её для выхода в суд.

— Тринадцать — плохое число, *кхалиси*, — прошептала Чхику на дотракийском, — все это знают.

— Все знают, — согласилась Ирри.

— Тридцать было бы лучше, — сказала Дейенерис. — А ещё лучше три сотни. Но и тринадцати может хватить, чтобы доставить нас в Вестерос.

Дотракийские девушки переглянулись.

— Отравленная вода проклята, кхалиси, — произнесла Ирри, — кони не могут пить её.

— Я не собираюсь её пить, — пообещала им Дени.

Этим утром её ждали только четверо просителей. Как всегда, первым перед ней предстал лорд Шаэль, и выглядел он ещё несчастнее, чем обычно.

— Ваша лучезарность, — простонал он, упав на мрамор у её ног, — армии юнкайцев надвигаются на Астапор. Умоляю вас, выступите на юг всеми своими силами!

— Я предупреждала твоего короля, что эта война — настоящее безумие, — напомнила ему Дени.

— Он не хотел и слушать.

— Клеон Великий лишь хотел свергнуть подлых рабовладельцев Юнкая.

— Клеон Великий и сам рабовладелец.

— Я знаю, что Мать Драконов не оставит нас в час опасности. Дайте нам ваших Безупречных для защиты наших стен.

«И кто тогда будет защищать мои стены?»

— Многие из освобождённых прежде были рабами в Астапоре. Возможно, кто-нибудь из них захочет помочь защитить твоего короля. Это их выбор как свободных людей. Я дала Астапору свободу. Защищать её вам.

– Тогда мы все погибли. Ты дала нам смерть, а не свободу, — Шаэль вскочил на ноги и плюнул ей в лицо.

Силач Бельвас схватил посла за плечо и так сильно швырнул на мраморный пол, что Дени услышала как клацнули его зубы. Бритоголовый собирался довершить дело, но она остановила его.

— Довольно, — сказала Дейенерис, вытерев щеку краем своего токара. — Никто ещё не умирал от плевка. Уведите его.

Шаэля вынесли ногами вперёд, оставив на полу несколько выбитых зубов и кровавый след. Дени

с радостью отослала бы оставшихся просителей… но она оставалась их королевой, поэтому выслушала и постаралась рассудить по справедливости.

Вскоре, осмотрев корабли, вернулись адмирал Гролео и сир Барристан. Дени собрала совет, чтобы выслушать их. От Безупречных присутствовал Серый Червь, от Медных Зверей Скахаз мо Кандак. В отсутствие её кровных всадников за дотракийцев говорил морщинистый, кривоногий и косоглазый *джакка рхан* по имени Роммо. Освобождённых рабов представляли капитаны трёх сформированных ею отрядов: Моллоно Йос Доб от Храбрых Щитов, Саймон Полосатая Спина от Свободных Братьев и Марселен от Детей Матери. Резнак мо Резнак застыл у локтя королевы, а позади неё, скрестив руки, стоял Силач Бельвас. Недостатка в советниках не было.

Гролео был несчастнейшим человеком с тех пор, как его корабль разломали, чтобы построить осадные машины для захвата Миэрина. Дени попыталась утешить его, назвав своим лордом-адмиралом, но это был пустой титул: миэринский флот уплыл в Юнкай, когда армия Дени подступала к городу, так что старик из Пентоса был адмиралом без кораблей. Однако сейчас сквозь

косматую просоленную бороду королева увидела улыбку, которую с трудом могла припомнить.

— Итак, корабли в порядке? — с надеждой спросила Дени.

— Вполне, ваше величество. Старые корабли, да, но почти все хорошо сохранились. Корпус «Чистокровной Принцессы» изъеден червями. Я бы не стал отправляться на ней в открытое море. «Нарракке» не помешал бы новый руль и снасти, а на «Ящерице в лентах» несколько вёсел треснуло, однако эти галеры ещё послужат. Гребцы — рабы, но если мы предложим им честную плату, многие останутся. Всё, что они умеют — это грести. Тех, что уйдут, можно будет заменить моими матросами. Путь до Вестероса долог и тяжёл, но я считаю, что эти корабли достаточно надёжны, чтобы доставить нас туда.

Резнак мо Резнак издал жалобный стон:

— Значит, это правда. Ваша милость хочет покинуть нас, — он заломил руки. — Едва вы уйдёте, юнкайцы восстановят власть великих господ, и нас, ваших верных слуг, предадут мечу, а наших милых жён и дочерей изнасилуют и продадут в рабство.

— Только не моих, — прорычал Скахаз Бритоголовый, — я убью их собственноручно.

Он хлопнул по рукояти меча.

Ей словно дали пощёчину.

— Если вы опасаетесь последствий моего ухода, отправляйтесь со мной в Вестерос.

– Куда бы ни шла Мать Драконов, Дети Матери идут за ней, — заявил Марселен, выживший брат Миссандеи.

— Но как? — спросил Саймон Полосатая Спина, прозванный так за сетку шрамов на спине и плечах — напоминание о побоях в бытность им астапорским рабом. — Тринадцать кораблей… этого не достаточно. И сотни кораблей может не хватить.

— Деревянные лошади плохие, — возразил Роммо, старый *джакка рхан*, — дотракийцы поедут верхом.

— Мы можем двигаться по земле вдоль берега, — предложил Серый Червь. — Корабли будут держаться рядом и снабжать колонны провиантом.

— Такое возможно только до руин Бхораша, — ответил Бритоголовый. — За ними кораблям придётся свернуть на юг мимо Толоса и Кедрового Острова и обогнуть Валирию, пока пешие войска будут идти в Мантарис по старой драконьей дороге.

— По дороге демонов, как её сейчас называют,

— вступил Моллоно Йос Доб. Пухлый командир Храбрых Щитов с выступающим брюшком и руками в чернилах больше походил на писца, чем на солдата, но он и умён был как писец. — Многие, очень многие погибнут.

— Оставшиеся в Миэрине позавидуют мёртвым, — простонал Резнак. — Нас обратят в рабство или бросят в ямы. Всё будет как раньше, если не хуже.

— Где ваше мужество? — вспылил сир Барристан. — Её величество освободила вас от цепей. Теперь ваше дело точить мечи и защищать свою свободу, когда она уйдёт.

— Храбро сказано для беглеца на закат, — огрызнулся в ответ Саймон Полосатая Спина. — Оглянешься ли ты, чтобы посмотреть как мы умираем?

— Ваше величество…

— Великолепная…

— Ваша милость…

— Довольно! — Дени стукнула по столу. — Никого не бросят умирать. Вы все мой народ! — Мечты о доме и любви ослепили её. — Я не оставлю Миэрин, как Астапор. Как ни грустно, но Вестерос подождёт.

Гролео был ошеломлён:

— Мы должны принять эти корабли. Если мы откажемся от подарка…

Сир Барристан преклонил перед ней колено:

— Моя королева, ваше королевство нуждается в вас. Здесь вы не желанны, но в Вестеросе люди будут стекаться под ваши знамёна тысячами, и с ними великие лорды и благородные рыцари. *«Она вернулась!* — будут они радостно кричать. *— Сестра принца Рейегара наконец-то дома!»*

— Если они так любят меня, то подождут, — Дени встала. — Резнак, пригласи Ксаро Ксоан Даксоса.

Она приняла купеческого старшину без свиты, сидя на скамье из отполированного эбенового дерева, на подушках, принесённых сиром Барристаном. Купеческого старшину сопровождали четыре квартийских матроса, неся на плечах свёрнутый гобелен.

— Я привёз ещё один подарок королеве моего сердца, — объявил Ксаро. — Он хранился в моей семье с давних пор, ещё до Рока, поглотившего Валирию.

Матросы развернули гобелен на полу. Он был старым, пыльным, выцветшим… и огромным. Дени пришлось придвинуться к Ксаро, чтобы разобрать рисунок.

— Карта? Она прекрасна!

Гобелен занимал половину комнаты. Голубые моря, зелёная суша, чёрные и коричневые горы. Города обозначались звёздами, вышитыми золотыми или серебряными нитями. *«Здесь нет Дымящегося Моря,* — осознала Дени. — *Валирия ещё не остров».*

— Вот Астапор, Юнкай и Миэрин, — указал Ксаро на три серебряных звезды у голубого Залива Работорговцев. — Вестерос… где-то там. — Его рука неопределённо махнула вдаль. — Ты повернула на север, а должна была продолжать идти на юго-запад, через Летнее море, но с моим подарком скоро окажешься там, где и должна находиться. Прими мои галеры с открытым сердцем и направь свои вёсла на запад.

«Если бы я только могла».

— Милорд, я с радостью приму эти корабли, но не могу пообещать того, о чём ты просишь, — Дени взяла его за руку. — Отдай мне галеры, и клянусь, что Миэрин будет другом Кварта, пока не погаснут звёзды. Позволь мне торговать, и тебе достанется достойная часть прибыли.

Довольная улыбка Ксаро исчезла с его губ.

— О чём ты говоришь? Ты не уплывёшь?

— Я не могу.

Слёзы наполнили его глаза и поползли по носу вдоль изумрудов, аметистов и чёрных алмазов.

— Я сказал Тринадцати, что ты прислушаешься ко мне. Грустно, что я так ошибся. Забирай корабли и уплывай, иначе погибнешь в муках. Ты даже не представляешь, сколько у тебя врагов.

«И один из них стоит сейчас передо мной, проливая фальшивые слёзы». Сознавать это было печально.

— Когда я отправился в Зал Тысячи Тронов и умолял Чистокровных сохранить тебе жизнь, то сказал, что ты всего лишь ребёнок, — продолжал Ксаро, — но Эгон Эмерос Франт встал и ответил: «Она — *глупый* ребёнок, безумный и безрассудный, её слишком опасно оставлять в живых». Пока твои драконы были малы, они были чудом. Выросшие — они смерть и разрушение, огненный меч, занесённый над миром, — он вытер слёзы. — Я должен был убить тебя в Кварте.

— Я была гостьей под твоей крышей и вкушала твои еду и питьё, — ответила Дени. — В память о том, что ты сделал для меня, я прощу тебе эти слова… на этот раз… но никогда больше не смей угрожать мне.

— Ксаро Ксоан Даксос не угрожает. Он обещает.

Её печаль обратилась в ярость.

— А я обещаю тебе, что если ты не уйдёшь до восхода солнца, мы узнаем, смогут ли слёзы лжеца погасить драконий огонь. Вон, Ксаро. *Немедленно*!

Он ушёл, но оставил карту. Дени вновь села на скамью и направила свой взгляд через синее шёлковое море на далёкий Вестерос. *«Когда-нибудь»*, — пообещала она себе.

На следующее утро галеас Ксаро исчез, но «подарок» ей остался стоять в Заливе Работорговцев. Длинные красные вымпелы развевались на мачтах тринадцати квартийских галер, трепеща на ветру. Когда Дейенерис спустилась принимать просителей, её ожидал посыльный с кораблей. Он не сказал ни слова, но положил у её ног чёрную атласную подушку, на которой лежала окровавленная перчатка.

— Что это? — спосил Скахаз. — Кровавая перчатка…

— …означает войну, — закончила королева.

Глава 17. Джон

— Осторожнее, здесь крысы, милорд, — Скорбный Эдд, держа фонарь в руке, вёл Джона вниз по ступеням.

— Они издают ужасный визг, если на них наступить. Помнится, когда я был маленьким, моя матушка визжала точно также. Думаю, в ней самой было что-то от крысы — каштановые волосы, маленькие блестящие глазки, и очень любила сыр. Может, и хвост был, но я никогда не проверял.

Все строения Чёрного Замка соединялись лабиринтом подземных туннелей, которые братья называли червоточинами. Под землей было темно и мрачно, поэтому летом червоточинами пользовались редко. Но когда задували зимние ветра и начинались метели, туннели становились самым быстрым способом передвижения по замку. И сейчас стюарды уже вовсю пользовались ими — проходя по туннелю, Джон видел горящие свечи в некоторых стенных нишах и слышал эхо шагов идущих впереди людей.

Боуэн Марш ожидал их на перекрестке, где

встречались четыре червоточины. С ним был Вик Посошник, высокий и тощий как копьё.

— Это подсчёты, которые мы сделали три урожая назад, — сказал Марш Джону, протягивая тому толстую стопку бумаг, — Для сравнения с нашими нынешними запасами. Начнем с амбаров?

Они двигались сквозь серый подземный сумрак. У каждой кладовой была массивная дубовая дверь, закрытая на железный замок размером с тарелку.

— Бывают кражи? — спросил Джон.

— Пока нет, — произнес Боуэн Марш. — Но когда наступит зима, ваша светлость, будет разумно выставить здесь стражу.

Вик Посошник носил ключи на кольце вокруг шеи. Для Джона все они выглядели одинаковыми, но Вик каким-то образом находил подходящий ключ для каждой двери. Оказавшись внутри, он доставал из сумки кусок мела размером с кулак и помечал каждую посчитанную им бочку или мешок. В это время Марш сравнивал старые подсчёты с новыми.

В амбарах хранились овес, пшеница, ячмень и бочонки с мукой грубого помола. В овощехранилищах с балок свисали связки лука и чеснока; полки заполняли мешки с морковью, пастерна-

ком, редиской, белой и жёлтой репой. В одной из кладовых хранились круги сыра, настолько огромные, что требовалось два человека, чтобы сдвинуть их с места. В следующем помещении, возвышаясь на добрые десять футов, громоздились бочонки с солёной говядиной, свининой, бараниной и треской. С потолочных балок под коптильней свисали три сотни окороков и три тысячи длинных чёрных колбасок. В ларе для специй они обнаружили перец, гвоздику, корицу, горчицу, кориандр, шалфей, мускатный орех, петрушку и куски соли. В другой кладовой хранились яблоки, груши, сушёный горох и инжир, мешки грецких орехов, каштанов, миндаля, кусочков копчёного лосося и запечатанные воском глиняные кувшины оливок в масле. В следующей нашлись горшки с зайчатиной, оленьи окорока в мёду, квашеная капуста, маринованная свёкла, лук и яйца, а также солёная сельдь.

По мере того, как они продвигались от одной кладовой к другой, в червоточинах становилось всё холоднее. Вскоре Джон уже мог различить в свете фонаря своё дыхание:

— Мы под Стеной.

— Почти что внутри неё, — сказал Марш. — В таком холоде мясо не портится. Для долгого хра-

нения заморозка куда лучше, чем соление.

Освещая путь фонарём, Скорбный Эдд повёл их дальше, вверх по деревянной лестнице, находившейся за проржавевшей дверью. Наверху они обнаружили туннель длиной с Великий Чертог Винтерфелла, хотя и не шире любой червоточины. Ледяные стены обросли щетиной из железных крюков. К каждому из них были подвешены освежёванные туши: оленьи и лосиные, половинки туш говядины; с потолка свисали огромные свиные окорока, обезглавленные овцы и козы, имелись даже лошадиная и медвежья туши. Все припасы покрывал иней.

Когда они завершили все подсчёты, Джон стащил перчатку с левой руки и коснулся висевшей рядом туши. Он почувствовал, что пальцы примёрзли, а когда попытался оторвать их, то ободрал кожу. Кончики пальцев окоченели: «А чего ты ждал? Над твоей головой возвышается целая гора льда, которая весит больше, чем способен подсчитать даже Боуэн Марш». Но, всё равно, помещение казалось слишком уж холодным.

— Всё хуже, чем я опасался, милорд, — закончив, произнёс Марш. Его голос звучал мрачнее, чем у Скорбного Эдда.

Джон только что подумал, что собранного здесь

хватит, чтобы накормить мясом весь белый свет. *«Ничего ты не знаешь, Джон Сноу»*.

— Как так? Похоже, тут ещё полно еды.

— Лето было долгим. Урожаи были обильны, а лорды щедры. У нас было достаточно запасов на три года зимы. На четыре — при экономном расходе. Но сейчас, если мы продолжим кормить всех этих людей короля, людей королевы и одичалых… В одном только Кротовом Городке тысяча бесполезных ртов, и они всё прибывают. Вчера у ворот объявились ещё трое, и дюжина днём раньше. Так продолжаться не может. Поселить их на Даре — это, конечно, прекрасно, но сейчас уже слишком поздно для посевов. Мы перейдём на репу и гороховую похлёбку ещё до конца этого года. А после будем пить кровь наших собственных лошадей.

— Превосходно, — подал голос Скорбный Эдд. — Ничто не сравнится с чашкой горячей лошадиной крови в холодную ночь. Мне, пожалуйста, посыпьте её щепоткой корицы.

Лорд Стюард не обратил на него внимания:

— Ещё будут болезни, — продолжил он, — кровоточащие дёсны и выпадающие зубы. Мейстер Эйемон говорил, что лимонный сок и парное мясо могут помочь с этим справиться, но у нас уже год

как закончились лимоны, и недостаточно корма, чтобы содержать скот. Нам придётся пустить под нож всех животных, кроме нескольких для разведения. Давно пора. В прошлые зимы еду можно было доставлять по Королевскому Тракту с юга, но с этой войной… Я знаю, сейчас ещё осень, но если это будет угодно милорду, я бы всё-таки посоветовал перейти на зимний рацион.

«Людям это понравится».

— Что ж, если это необходимо. Мы урежем порцию каждого на четверть.

«Если мои братья уже жалуются на меня, то что они скажут, когда им придётся есть снег и жёлуди?»

— Это должно помочь, милорд.

Тон Лорда Стюарда явно давал понять, что, по его мнению, это вряд ли сильно им поможет.

Скорбный Эдд произнёс:

— Теперь я понимаю, для чего король Станнис пустил одичалых за Стену. Он хочет, чтобы мы питались ими.

Джон не мог не улыбнуться:

— До этого не дойдёт.

— О, это хорошо, — сказал Эдд. — Потому что они кажутся чересчур жилистыми, а мои зубы уже не так остры, как раньше.

— Если бы у нас было достаточно денег, мы бы могли закупить еду на юге и доставить её морем, — сказал Лорд Стюард.

«Могли бы, — подумал Джон, — *если бы у нас было золото и желающие продавать нам еду»*. У них не было ни того, ни другого. *«Мы можем надеяться только на Гнездо»*. Долина Аррен славилась своими плодородными землями и, кроме того, до сих пор была нетронута войной. Джон задумался, как отнесётся сестра леди Кейтилин к перспективе кормить незаконнорожденного сына Неда Старка. Мальчишкой он чувствовал, что леди жалела для него каждый кусок.

— Если потребуется, мы всегда сможем охотиться, — вставил Вик Посошник. — В лесах ещё полно дичи.

— А также одичалых и чего похуже, — сказал Марш. — Я не пошлю туда охотников, милорд. Не пошлю.

«Нет. Ты бы навеки закрыл наши ворота и запечатал бы их льдом и камнем». Джон знал, что половина Чёрного Замка разделяла взгляды Лорда Стюарда. Но другая половина презирала их.

— Ага, запечатайте ворота и отращивайте ваши жирные чёрные задницы на Стене, а вольный народ полезет по Мосту Черепов или через ворота,

которые вы считали запечатанными пятьсот лет назад, — громко вещал старый лесовик Дайвен за ужином две ночи тому назад. — Нет у нас людей, чтобы уследить за сотнями лиг Стены. Тормунд Великанья Смерть и этот грёбаный Плакальщик знают это не хуже нас. Видали хоть раз на пруду замёрзшую утку, у которой лапы в лёд вмёрзли? Так и с воронами бывает.

Большинство разведчиков соглашалось с Дайвеном, тогда как стюарды и строители поддерживали Боуэна Марша.

Но основной трудностью было не это. Здесь и сейчас главной проблемой была еда.

— Даже если нам этого хочется, мы не можем заставить короля Станниса и его людей голодать, — сказал Джон. — Если понадобится, он заберёт это всё силой. А у нас недостаточно людей, чтобы его остановить. Одичалых тоже надо кормить.

— Как, милорд? — спросил Боуэн Марш.

«Если бы я только знал».

— Мы найдём способ.

К тому времени как они выбрались на поверхность, полуденные тени уже удлинились. Обтрёпанные серо-белые лохмотья облаков, исполосовавшие небо, походили на рваные знамёна. Двор за пределами арсенала был пуст, но внут-

ри Джон увидел ожидающего его королевского оруженосца. Деван был худеньким мальчиком двенадцати лет с каштановыми волосами и карими глазами. Они наткнулись на него у кузницы — парень не смел даже шелохнуться, пока Призрак обнюхивал его с ног до головы.

— Он не причинит тебе вреда, — сказал Джон, но мальчик вздрогнул от звука его голоса, и это внезапное движение заставило лютоволка обнажить зубы.

— Нет! — произнёс Джон. — Призрак, оставь его. Уйди.

Волк вернулся назад к своей кости, не издав при этом ни единого звука.

Деван выглядел таким же бледным, как и Призрак, на его лице выступил пот:

— М-милорд. Его величество т-требует вашего присутствия.

Мальчик был облачён в золотые и чёрные цвета Баратеонов, с нашитым пылающим сердцем — знаком людей королевы — поверх своего собственного.

— Ты хотел сказать *«просит»*, — сказал Скорбный Эдд. — Его величество *просит* присутствия лорда-командующего. Вот как бы я это сказал.

— Брось, Эдд.

Джон был не в настроении для подобных перепалок.

— Вернулись сир Ричард и сир Джастин, — сказал Деван. — Вы пойдёте, милорд?

Следопыты-неумехи. Масси и Хорп ездили на юг, а не на север. Всё, что они узнали, не имело отношения к Ночному Дозору, но Джону всё же было любопытно:

— Если его величеству угодно.

Он последовал за юным оруженосцем обратно через двор. Призрак тихо шёл следом, пока Джон не сказал:

— Нет. Останься!

Вместо этого лютоволк убежал.

В Королевской Башне у Джона отобрали оружие и проводили к королю. В покоях было жарко и людно. Станнис и его капитаны сгрудились над картой севера. «Неумехи» тоже были здесь. Среди присутствующих был и Сигорн, молодой магнар Теннов, одетый в кожаный хауберк, расшитый бронзовыми пластинами. Гремучая Рубашка сидел, царапая сломанным жёлтым ногтем оковы на запястье. Каштановая поросль покрывала его впалые щёки и скошенный подбородок, пряди грязных волос падали на глаза.

— А вот и он, — произнёс Гремучая Рубашка,

увидев Джона, — храбрый мальчуган, который убил связанного Манса Налётчика, сидевшего в клетке.

Большой камень прямоугольной формы, который украшал один из железных браслетов, мерцал красноватым светом.

— Нравится тебе мой рубин, Сноу? Знак любви от Красной Женщины.

Джон не обратил на него внимания и преклонил колено:

— Ваше величество, — произнёс Деван, — я привёл лорда Сноу.

— Я вижу. Лорд-командующий, полагаю, ты знаком с моими рыцарями и капитанами.

— Имею такую честь.

Он постарался разузнать всё возможное об окружении короля. *«Люди королевы — все до единого».*

Джона поразило, что рядом с королём не было никого из его собственных людей, но на то существовали свои причины. Если то, что слышал Джон, было правдой, на Драконьем Камне люди короля навлекли на себя гнев Станниса.

— Есть вино. Или вода с лимоном.

— Благодарю, но не стоит.

— Как пожелаешь. У меня есть для тебя подарок,

лорд Сноу, — король указал рукой на Гремучую Рубашку. — Он.

Леди Мелисандра улыбнулась:

— Вы говорили, что вам нужны люди, лорд Сноу. Полагаю, Костяной Лорд всё ещё на что-нибудь годен.

Джон был ошеломлён:

— Ваше величество, этому человеку нельзя доверять. Если я оставлю его здесь, кто-нибудь перережет ему глотку. Если я пошлю его на разведку, он просто вернётся назад к одичалым.

— Только не я. Я порвал с этими проклятыми дурнями.

Гремучая Рубашка постучал по рубину на запястье:

— Спроси свою красную ведьму, бастард.

Мелисандра тихо заговорила на незнакомом языке. Рубин на её шее стал медленно пульсировать, и Джон увидел, что меньший камень на запястье Гремучей Рубашки тоже начал мерцать, то вспыхивая, то снова темнея.

— Пока он носит этот камень, он связан со мной кровью и душой, — произнесла красная жрица. — Этот человек будет верно служить тебе. Пламя не лжёт, лорд Сноу.

«*Пламя, может, и нет,* — подумал Джон, — *а*

вот ты — да».

— Я буду ходить для тебя в разведку, бастард, — заявил Гремучая Рубашка. — Буду давать тебе мудрые советы или, если пожелаешь, петь песенки. Я даже буду за тебя сражаться. Только не проси меня надеть ваш плащ.

«Ты его недостоин», — подумал Джон, но придержал язык.

Перебранка на глазах короля ни к чему хорошему не приведёт.

— Лорд Сноу, расскажи мне о Морсе Амбере, — сказал король Станнис.

«Ночной Дозор не принимает ничью сторону, — подумал Джон, но другой голос внутри него произнёс: – *Слова не мечи».*

— Он старший из дядюшек Большого Джона. Его называют Воронье Мясо. Ворон однажды принял его за мёртвого и выклевал глаз. Он поймал птицу в кулак и откусил ей голову. В молодости Морс был суровым воином. Его сыновья погибли на Трезубце, жена — при родах. А его единственную дочь утащили одичалые тридцать лет тому назад.

— Так вот почему он хочет эту голову, — сказал Харвуд Фелл.

— Этому Морсу можно доверять? — спросил

Станнис.

«Неужели Морс Амбер преклонил колено?»

— Вашему величеству следует заставить его принести присягу перед его сердцедревом.

Годри Убийца Гигантов расхохотался:

— Я и забыл, что вы, северяне, поклоняетесь деревьям.

— Что за бог позволит собакам на себя мочиться? — спросил приятель Фарринга Клейтон Саггс.

Джон решил не обращать на них внимания:

— Ваше величество, могу я узнать, присягнули ли вам Амберы?

— Половина из них, и то лишь в том случае, если я соглашусь на условия этого Вороньего Мяса, — раздраженно ответил Станнис. — Ему нужен череп Манса Налётчика в качестве кубка, а также прощение для своего брата, который отправился на юг, чтобы присоединиться к Болтону. Смерть Шлюхам, так его зовут.

Сира Годри позабавило и это:

— Что за имена у этих северян! Неужели он откусил голову шлюхе?

Джон холодно взглянул на него:

— Можно и так сказать. Одной шлюхе, которая пятьдесят лет назад пыталась обокрасть его в Староместе.

Это могло показаться странным, но старый Иней Амбер был уверен, что его младший сын имеет задатки мейстера. Морс любил похвалять-ся рассказом о вороне, который лишил его глаза, но историю Хозера пересказывали только шёпотом… В основном потому, что шлюха, которую тот выпотрошил, была мужского пола.

— Другие лорды также присоединились к Болтону?

Красная жрица скользнула к королю:

— Я видела город с деревянными стенами и деревянными улицами, полными людей. Знамёна развевались над его стенами: лось, боевой топор, три сосны, длинные топоры, скрещенные под короной, голова лошади с горящими глазами.

— Хорнвуд, Сервин, Толхарт, Рисвелл и Дастин, — перечислил сир Клейтон Саггс. — Все предатели. Ланнистеровы собачонки.

— Рисвеллы и Дастины связаны с домом Болтонов браком, — сообщил им Джон. — Остальные потеряли своих правителей в сражениях. Я не знаю, кто теперь ими управляет. Но Воронье Мясо точно не собачонка. Ваше величество поступит правильно, если примет его условия.

Станнис сжал зубы:

— Он сообщил мне, что Амбер ни при каких

условиях не будет воевать с Амбером.

Джон не удивился:

— Если дело дойдёт до драки, посмотрите, где реет знамя Хозера, и поставьте Морса на другом фланге.

Убийца Гигантов возразил:

— Все подумают, что его величество слаб. Я же считаю, что нам нужно показать силу. Сожжём Последний Очаг дотла и отправимся на войну с башкой Вороньего Мяса на копьё, это послужит уроком следующему лорду, которому вздумается присягнуть только наполовину.

— Отличный план, только если вы хотите настроить весь север против себя. Половина лучше, чем ничего. Амберы не питают любви к Болтонам. И если Смерть Шлюхам примкнул к Бастарду, то, возможно, лишь потому, что Ланнистеры держат в заложниках Большого Джона.

— Это предлог, а не причина, — заявил сир Годри. — Если племянник умрёт в заточении, эти дядюшки сами смогут получить земли и титул лорда.

— У Большого Джона есть сыновья и дочери. На севере дети мужчины всё ещё наследуют вперёд его дядьёв, сир.

— Если только не умирают до этого. Мёртвые

дети всегда последние в очереди.

— Скажете такое при Морсе Амбере, сир Годри, и вы узнаете о смерти намного больше, чем вам бы хотелось.

— Я убил настоящего великана, мальчишка. С чего это я должен бояться какого-то блохастого северянина, который намалевал такого же у себя на щите?

— Тот великан убегал. Морс не будет.

Высокий рыцарь покраснел:

— Парень, у тебя острый язык здесь, в королевских покоях. Но во дворе ты запоёшь по-другому.

— Ох, оставь, Годри, — сказал сир Джастин Масси, гибкий, полноватый улыбчивый рыцарь с копной белокурых волос. Масси был одним из тех самых «неумех». — Я уверен, мы все знаем, какой у тебя гигантский меч. Тебе нет нужды лишний раз махать им у нас перед носом.

— Единственная вещь, которой тут размахивают, это твой язык, Масси.

— Молчать, — оборвал их Станнис. — Пойми меня, лорд Сноу. Я задержался здесь в надежде, что одичалые окажутся достаточно глупы, чтобы предпринять ещё одну атаку на Стену. Поскольку они не оказали мне такого одолжения, самое время заняться другими врагами.

— Понимаю.

Джон насторожился: *«Чего он от меня хочет?»*

— Мне не нравятся лорд Болтон и его сын, но Ночной Дозор не может поднять против них оружие. Наши обеты запрещают…

— Знаю я о ваших обетах. Избавь меня от твоих нравоучений, лорд Сноу. У меня и без вас достаточно сил. Я хочу выступить на Дредфорт.

Он улыбнулся, увидев потрясение на лице Джона:

— Тебя это удивляет? Хорошо. То, что удивляет одного Сноу, может удивить и другого. Болтонский Бастард ушёл на юг, захватив с собой Хозера Амбера. На этом сходятся и Морс Амбер, и Арнольф Карстарк. Это может означать только одно — удар по Рву Кейлин, дабы открыть путь на север его лорду-отцу. Бастард, должно быть, думает, что я слишком занят одичалыми, чтобы побеспокоить его. Прекрасно. Мальчишка подставил мне свою шею. И я собираюсь её перерубить. Русе Болтон, может, и вернётся на север, но когда он это сделает, то обнаружит, что его замок, стада, урожай — всё принадлежит мне. Если я смогу застать Дредфорт врасплох…

— Вы не сможете, — вырвалось у Джона.

Он словно ткнул палкой в осиное гнездо. Один

из людей королевы засмеялся, другой сплюнул, ещё один выругался, а все остальные одновременно заговорили:

— У мальчишки по венам течёт кисель, — сказал сир Годри Убийца Гигантов.

А лорд Свит фыркнул:

— Трус за каждым кустом видит разбойника.

Станнис поднял руку, призывая к тишине.

— Объяснись.

«С чего начать?»

Джон подошёл к карте. По её углам стояли свечи, не давая пергаменту свернуться. Клякса горячего воска медленно, как ледник, расплывалась по Тюленьему Заливу.

— Чтобы добраться до Дредфорта, вашему величеству придётся пройти вниз по Королевскому Тракту через Последнюю Реку, повернуть на юго-восток и пересечь Одинокие Холмы, — показал он на карте. — Это земли Амберов, где они знают каждое дерево и каждый камень. Королевский Тракт тянется вдоль их западной границы на сотню лиг. Морс порежет вас на лоскуты, если только вы не примите его условия и не склоните его на свою сторону.

— Очень хорошо. Предположим, я так и сделаю.

— Это привёдет вас к Дредфорту, — произнёс Джон, — но замок узнает о вашем приближении, если только ваше войско не в состоянии опередить ворона или линию сигнальных огней. Рамси Болтон легко отрежет вам пути к отступлению, и вы останетесь вдали от Стены, без пропитания и убежища в окружении врагов.

— Только если он откажется от осады Рва Кейлин.

— Ров Кейлин падет ещё до того, как вы достигнете Дредфорта. Как только лорд Русе соединится с Рамси, они будут в пять раз превосходить вас числом.

— Мой брат выигрывал сражения и с худшим перевесом.

— Вы полагаете, что Ров Кейлин быстро падет, Сноу, — возразил Джастин Масси, — но железные люди — отважные бойцы, и, насколько я слышал, Ров ни разу не был взят.

— С юга — да. Небольшой гарнизон Рва Кейлин может уничтожить любую армию, идущую по гати. Но руины уязвимы с севера и востока.

Джон повернулся к Станнису:

— Сир, это смелый ход, но риск…

«Ночной Дозор не принимает ничью сторону. Баратеон или Болтон — для меня разницы быть

не должно».

— Если Русе Болтон застанет вас под своими стенами с основными силами, то всем вам придёт конец.

— Риск — это часть войны, — объявил сир Ричард Хорп, худой рыцарь с обезображенным шрамами лицом, на чьём стёганом дублете были изображены три мотылька «мёртвой головы» на серо-жёлтом поле.

— Каждое сражение — это игра, Сноу. Тот, кто ничего не делает, тоже рискует.

— Риски бывают разные, сир Ричард. В этом случае… риск непомерно велик — слишком мало времени и слишком далеко. Я знаю Дредфорт. Это сильный замок, каменный, с толстыми стенами и массивными башнями. Вы обнаружите, что он хорошо подготовлен к приходу зимы. Столетия назад дом Болтонов восстал против Короля Севера, и Харлон Старк осадил Дредфорт. Ему пришлось морить их голодом два года. Чтобы иметь хоть какую-то надежду занять замок, вашему величеству потребуются осадные машины, башни, тараны…

— Осадные машины при необходимости можно построить, — сказал Станнис. — Если потребуется, можно срубить деревья на тараны. Арнольф

Карстарк пишет, что в Дредфорте осталось менее пятидесяти человек, половина из которых слуги. Сильный замок, который плохо обороняется — слаб.

— Пятьдесят человек внутри замка стоят пяти сотен снаружи.

— Это зависит от людей, — сказал Ричард Хорп. — Там будут старики и подростки — люди, которых Бастард не счёл пригодными для сражения. Наши собственные люди закалены и проверены на Черноводной, и их поведут рыцари.

— Вы видели, как мы прошли сквозь одичалых, — сир Джастин откинул со лба светлую прядь. — Карстарки пообещали присоединиться к нам у Дредфорта, да к тому же, у нас будут наши одичалые. Три сотни боеспособных мужчин. Лорд Харвуд подсчитал их, когда они проходили через врата. Их женщины тоже способны сражаться.

Станнис бросил на него кислый взгляд:

— Не за меня, сир. Я не желаю, чтобы за мной по пятам следовали вопящие вдовы. Женщины останутся здесь вместе со стариками, ранеными и детьми. Они послужат гарантией преданности своих мужей и отцов. Одичалые сформируют мой авангард. Им будет командовать магнар, а их собственные вожаки будут офицерами. Но

сначала мы должны их вооружить.

«Он хочет разорить наш арсенал, — понял Джон. *— Еда и одежда, земли и замки, а теперь ещё и оружие. С каждым днём он затягивает меня всё глубже. Слова, может, и не мечи, а вот мечи оставались мечами».*

— Я мог бы найти триста копий, — сказал он скрепя сердце. — И столько же шлемов, если вы возьмете старые и ржавые.

— Доспехи? — спросил магнар. — Броня? Кольчуги?

— Когда умер Донал Нойе, мы потеряли последнего оружейника.

Остальное Джон оставил невысказанным. *«Дай одичалым броню, и они станут вдвойне опаснее для страны».*

— Варёной кожи будет достаточно, — сказал сир Годри. — Когда начнётся битва, выжившие смогут обобрать павших.

«Те немногие, кто останется в живых». Если Станнис поставит вольный народ в авангард, то большинство из них довольно скоро погибнет.

— Морсу Амберу, может, и доставит удовольствие пить из черепа Манса, но вот смотреть, как одичалые топчут его земли — вряд ли. Со времён Рассвета вольный народ разорял земли Амберов,

пересекая Тюлений Залив ради золота, овец и женщин. Одной из таких похищенных была дочь Вороньего Мяса. Ваше величество, оставьте одичалых здесь. Взяв их, вы только обратите против себя знаменосцев моего лорда-отца.

— Мне кажется, знаменосцы твоего отца в любом случае не проявят симпатии к моему делу. Я полагаю, они видят во мне…как ты там меня назвал, лорд Сноу? Ещё одного обречённого претендента?

Станнис уставился на карту. Довольно долго был слышен только скрежет королевских зубов:

— Оставьте меня. Все вы. Лорд Сноу, останься.

Столь бесцеремонный роспуск очень не понравился Джастину Масси, но ему не оставалось ничего другого, кроме как улыбнуться и откланяться. Хорп последовал за ним после того, как смерил Джона взглядом. Клейтон Саггс осушил свою чашу и что-то пробормотал Харвуду Феллу, от чего тот рассмеялся. Среди сказанного им прозвучало «мальчишка». Саггс был высоко забравшимся межевым рыцарем, столь же грубым, сколь и сильным. Последним ушёл Гремучая Рубашка. У двери он отвесил Джону шутливый поклон, ухмыляясь полным ртом гнилых и сломанных зубов.

«Все» явно не включало леди Мелисандру, *«Красную тень короля»*. Станнис попросил у Девана ещё лимонной воды. Когда его чаша была наполнена, король выпил и произнёс:

— Хорп и Масси претендуют на место твоего отца. Масси хочет ещё и принцессу одичалых. Когда-то он служил оруженосцем у моего брата Роберта и перенял его аппетит к женским прелестям. Если я прикажу, Хорп возьмёт Вель в жёны, но на самом деле он жаждет лишь битвы. Оруженосцем он грезил о белом плаще, но Серсея Ланнистер высказалась против, и Роберт оставил его ни с чем. Быть может, не зря. Сиру Ричарду слишком нравится убивать. Кого бы ты избрал лордом Винтерфелла, Сноу? Шутника или убийцу?

Джон ответил:

— Винтерфелл принадлежит моей сестре Сансе.

— Я уже выслушал всё, что следовало о леди Ланнистер и её правах.

Король отставил чашу в сторону:

– *Ты* мог бы дать мне север. Знаменосцы твоего отца сплотились бы вокруг сына Эддарда Старка. Даже лорд Слишком-Жирный-Чтобы-Сесть-На-Лошадь. Белая Гавань служила бы базой снабжения

и безопасным местом, куда в случае нужды я мог бы отступить. Ещё не поздно исправить твою глупость, Сноу. Преклони колено, присягни мне этим бастардовым мечом и поднимись Джоном Старком, лордом Винтерфелла и Хранителем Севера.

«Сколько ещё раз он заставит меня сказать это?»

— Мой меч принадлежит Ночному Дозору.

Станнис посмотрел на него с отвращением:

— Твой отец тоже был упрям. Честь — так он называл это. Что ж, и у чести есть своя цена, как к своему прискорбию узнал лорд Эддард. Если тебя это утешит, Хорпу и Масси придётся разочароваться. Я больше склоняюсь к тому, чтобы отдать Винтерфелл Арнольфу Карстарку. Хорошему северянину.

— Северянину.

«Лучше уж Карстарк, чем Болтон или Грейджой», — сказал себе Джон, но это не особенно его утешило.

— Карстарки бросили моего брата среди врагов.

— После того как твой брат отрубил голову лорду Рикарду. Арнольф в то время был на расстоянии тысячи лиг. В нём течет кровь Старков.

Кровь Винтерфелла.

— Не больше, чем у половины других Домов севера.

— Эти твои другие Дома мне не присягнули.

— Арнольф Карстарк — сгорбленный старик, и даже в юности он не был таким бойцом, каким был лорд Рикард. Трудности кампании прикончат его.

— У него есть наследники, — сказал Станнис. - Двое сыновей, шестеро внуков и несколько дочерей. Будь у Роберта законнорожденные сыновья, многие погибшие до сих пор были бы живы.

— Вашему величеству следует объединиться с Морсом Воронье Мясо.

— Дредфорт послужит тому доказательством.

— Вы всё-таки планируете его штурм?

— Вопреки совету великого лорда Сноу? Да. Хорп и Масси, быть может, честолюбивы, но они правы. Я не буду сидеть без дела, в то время как звезда Русе Болтона становится ярче, а моя заходит. Я должен нанести удар и показать северу, что со мной всё ещё нужно считаться.

— Водяного Мандерли не было среди стягов, которые леди Мелисандра видела в своём пламени, — сказал Джон. — Если бы у вас была Белая Гавань и рыцари лорда Вимана…

— «Если» — любимое слово глупцов. Мы не получили ни слова от Давоса. Быть может, он так и не добрался до Белой Гавани. Арнольф пишет, что в Узком Море были ужасные шторма. Как бы то ни было, у меня нет времени горевать или ждать капризов лорда Слишком-Жирного. Будем считать, что Белая Гавань для меня потеряна. Без наследника Винтерфелла за моей спиной я могу надеяться захватить север только мечом. Для этого мне придётся позаимствовать страницу из биографии моего брата. Хотя сомневаюсь, чтобы сам Роберт прочёл хоть чью-нибудь биографию. Я должен нанести моим врагам смертельный удар до того, как они поймут, что я выступил против них.

Джон понял, что его слова были напрасны. Станнис захватит Дредфорт или погибнет, попытавшись сделать это. *«Ночной Дозор не принимает ничью сторону*, — говорил голос, но другой отвечал ему, — *Станнис борется за страну, железные люди — за рабов и богатства».*

— Ваше величество, я знаю, где вы сможете отыскать подкрепление. Отдайте мне одичалых, и я с радостью расскажу вам, где и как.

— Я отдал тебе Гремучую Рубашку. Этого довольно.

— Я хочу их всех.

— Некоторые из твоих братьев говорят, что ты и сам наполовину одичалый. Это правда?

— Для вас вольные люди только мишени для стрел. Я же могу более разумно использовать их на Стене. Отдайте мне одичалых, чтобы я использовал их по моему усмотрению, и я покажу вам, где искать победу… и людей.

Станнис потёр затылок:

— Ты торгуешься, как старуха с треской, лорд Сноу. Может быть, Нед Старк состругал тебя с какой-то рыбачьей жёнушкой? Сколько людей?

— Две тысячи. Может быть, три.

— Три тысячи? Что это за люди?

— Гордые. Бедные. Колючие, когда задета их честь, но при этом свирепые бойцы.

— Лучше бы это не было какой-то бастардской уловкой. Куплю ли я три тысячи за три сотни? Да, куплю. Я не полный дурак. Если я к тому же оставлю с тобой девушку, дашь ли ты мне слово, что присмотришь за нашей принцессой?

«Она не принцесса».

— Как пожелаете, ваше величество.

— Нужно требовать, чтобы ты поклялся перед деревом?

— Нет.

«Это, что, была шутка?» Со Станнисом не так легко так сразу и не поймёшь.

— Тогда по рукам. Ну что, где эти люди?

— Вы найдёте их здесь.

Джон протянул свою обожжённую руку через карту, к западу от Королевского Тракта и к югу от Дара.

— Эти горы? — Станнис стал подозрительным. — Я не вижу здесь ни одного замка. Ни дорог, ни городов, ни селений.

— Карта — это ещё не земля, так часто говорил мой отец. — В этих высокогорных долинах и на горных лугах тысячи лет живут люди под властью вождей кланов. Вы могли бы назвать их мелкими лордами, но они не используют таких титулов между собой. Лучшие воины кланов сражаются огромными двуручными мечами, а люд попроще метает камни из пращи или дерётся дубинкой из горного ясеня. Задиристый народ, надо сказать. Когда они не сражаются друг с другом, то пасут свои стада, рыбачат в Ледовом Заливе и разводят самых норовистых лошадей, на которых вам когда-либо приходилось ездить.

— И ты считаешь, что они будут сражаться за меня?

— Если вы их попросите.

— Почему я должен умолять о том, что и так принадлежит мне?

— Я говорил — просить, а не умолять. — Джон убрал руку. — Отправка писем здесь не поможет. Вашему величеству придётся самому к ним отправиться. Отведайте их хлеб и соль, выпейте их эля, послушайте их волынщиков, похвалите красоту их дочерей и отвагу их сыновей, и вы получите их мечи. Кланы не видели короля с тех пор, как Торрхен Старк преклонил колено, и ваш приезд окажет им честь. Прикажете им сражаться за вас, и они посмотрят друг на друга и скажут:

«Кто этот человек? Он мне не король».

— О скольких кланах ты говоришь?

— О двух десятках, маленьких и больших. Флинты, Вуллы, Норри, Лиддли... заполучите Старого Флинта и Большое Ведро, остальные последуют за ними.

— Большое Ведро?

— Он из Вуллов. У него самое большое пузо в горах и больше всего людей. Род Вуллов рыбачит в Ледовом Заливе и пугает своих детей тем, что их унесут железные люди, если они будут плохо себя вести. Однако для того, чтобы добраться до них, вашему величеству придётся пересечь

земли Норри. Они живут ближе всего к Дару и всегда были друзьями Дозору. Я мог бы дать вам проводников.

— Мог бы? — переспросил Станнис, — или дашь?

— Дам. Они вам понадобятся. А также я дам вам несколько надёжных лошадок — тропы наверху немногим шире козьих.

— Козьи тропы? — глаза короля сузились. — Я говорю о том, чтобы двигаться быстро, а ты тратишь моё время на козьи тропы?

— Когда Молодой Дракон завоевывал Дорн, он использовал козьи тропы, чтобы обойти дорнийские сторожевые башни на Костяном Пути.

— Я тоже знаю эту историю, но Дейерон многое приукрасил в этой своей тщеславной книжонке. Ту войну выиграли корабли, а не козьи тропы. Дубовый Кулак уничтожил Деревянный Город и прошёл до середины Зеленокровной, пока основные дорнийские силы стояли на Принцевом Перевале. — Станнис постучал пальцами по карте. — Эти горные лорды не будут препятствовать моему продвижению?

— Разве что пирами. Ведь каждый будет пытаться переплюнуть соседей своим гостеприимством. Мой лорд-отец говорил, что никогда не ел и в

половину так хорошо, как объезжая кланы.

— Полагаю, ради трёх тысяч человек я смогу потерпеть немного каши и волынок, — произнёс король, хотя его тон свидетельствовал, что ему будет трудно вынести даже это.

Джон повернулся к Мелисандре:

— Миледи, должен предупредить — в этих горах правят старые боги. И кланы не потерпят надругательства над их сердце-древами.

Это, похоже, позабавило её:

— Не бойся, Джон Сноу, я не потревожу твоих дикарей и их тёмных богов. Моё место здесь, с тобой и твоими отважными братьями.

Это последнее, чего хотелось бы Джону, но до того, как он успел возразить, король произнёс:

— Куда мне вести этих ваших здоровяков, если не в Дредфорт?

Джон бросил взгляд на карту:

— В Темнолесье, — постучал он пальцем. — Если Болтон собирается бороться с железными людьми, вы должны сделать то же самое. Темнолесье — это лишь холм с частоколом, посреди густого леса, к нему легко подобраться незамеченным. Сам замок деревянный, защищённый лишь земляным валом и частоколом из брёвен. Очевидно, что путь сквозь горы отнимет больше времени,

но там ваше войско останется незамеченным, чтобы внезапно появиться почти у самых ворот Темнолесья.

Станнис потер подбородок:

— Когда Бейлон Грейджой восстал в первый раз, я побил железных людей на море, где они наиболее свирепы. На земле же, застигнутые врасплох… да. Я одержал победу над одичалыми и их Королем-за-Стеной. Если я смогу разбить и железных людей, север поймёт, что у него снова есть король.

«А у меня будет тысяча одичалых, — подумал Джон, *— и никакой надежды прокормить хотя бы половину из них».*

Глава 18. Тирион

«Скромница» продвигалась сквозь туман подобно слепцу, осторожно нащупывающему путь в незнакомой комнате.

Септа Лемора молилась. Сквозь белую пелену её голос звучал тихо и слабо. Гриф ходил по палубе. Под плащом из волчьей шкуры тихо позвякивала кольчуга. Время от времени он касался своего меча, словно проверяя, на месте ли тот. Утка с правого борта, а Ядри — с левого отталкивали лодку шестами. Исилла встала у руля.

— Не нравится мне это место, — пробормотал Хэлдон Полумейстер.

— Испугался легкого тумана? — поддел его Тирион, хотя, по правде говоря, туман был довольно-таки густым.

Вглядываясь с носа «Скромницы» в белую завесу, Юный Гриф держал наготове третий шест, чтобы оттолкнуть судно от любого появившегося по курсу препятствия. Нос и корма корабля освещались фонарями, но туман был таким плотным, что с середины палубы карлик видел на их месте лишь парящие в пустоте огоньки. Тириону

поручили следить за жаровней, поддерживая в ней огонь.

— Это не простой туман, Хугор Хилл, — настаивала Исилла. — Тут веет колдовством, да ты бы и сам это учуял, будь у тебя нос. Здесь сгинуло множество путешественников, лодок, пиратов, а также больших речных галер. В тщетных попытках отыскать солнце, они в отчаянии скитаются в тумане, пока безумие или голод не забирают их жизни. Тут бродят духи тех, кто не нашел покоя, а там, внизу, под водой — измученные души.

— Вон одна из них, — пошутил Тирион. Справа по борту, из тёмных глубин к ним тянулась рука, достаточно большая, чтобы опрокинуть лодку. Из реки торчали лишь кончики двух пальцев, но, когда «Скромница» проплывала мимо, он разглядел сквозь водяную рябь всю руку и взирающее вверх бледное лицо. Несмотря на шуточки, в сердце Тириона закралась тревога. Это было плохое место, полное отчаяния и смерти. *«Исилла права. Туман и, правда, неестественный»*. Что-то мерзкое водилось в этих водах и отравляло воздух. *«Неудивительно, что каменные люди свихнулись».*

— И оставь свои смешки, — предупредила Исилла. — Шепчущие мертвецы ненавидят тёплых

и живых и постоянно ищут новые проклятые души, чтобы те присоединились к ним.

— Сомневаюсь, что у них найдётся саван моего размера.

Карлик помешал угли кочергой.

— Голод терзает каменных людей куда сильнее, чем ненависть, — из-за обмотанного вокруг рта и носа жёлтого шарфа голос Хэлдона Полумейстера звучал приглушённо. — Ни один нормальный человек не станет есть то, что растёт в этих туманах. Трижды в год триархи Волантиса посылают вверх по реке галеру с провизией, но корабли милосердия часто запаздывают, порой вместо продуктов, привозят новых едоков.

— В реке должна быть рыба, — произнес Юный Гриф.

— Я бы не стала есть рыбу из этих вод, — сказала Исилла. — Ни за что на свете.

— А лучше бы и этот туман не вдыхать, — добавил Хэлдон. — На нас может пасть проклятие Гарина.

«Единственный способ не вдыхать туман — это не дышать вовсе».

— Проклятие Гарина — всего лишь серая хворь, — сказал Тирион.

Эта зараза часто встречалась у детей, особенно

во влажных, холодных районах. Поражённая плоть затвердевала, покрывалась коркой и трескалась. Впрочем, карлик читал, что болезнь можно остановить. Мейстеры утверждали, что хорошо помогают лимоны, горчичные компрессы и обжигающе горячие ванны, а септоны настаивали, что лучшее лекарство — молитва, жертвоприношение и пост. Тогда недуг пройдёт, оставив своих юных жертв изуродованными, но живыми. И мейстеры, и септоны соглашались в том, что детей, отмеченных серой хворью, не способна поразить более редкая смертельная форма этой болезни или её ужасная стремительная сестра — серая чума.

— Во всём виновата сырость, — сказал карлик. — Вредные испарения в воздухе. А вовсе не проклятья.

— Завоеватели тоже не верили, Хугор Хилл, — возразила Исилла. — Люди Волантиса и Валирии подвесили Гарина в золотой клетке и смеялись, когда тот призывал на их головы гнев Матери. Но ночью воды поднялись и поглотили врагов. С того дня и до сих пор нет им покоя. Они все ещё там, под водой, те, кто когда-то были повелителями огня. Их холодное дыхание поднимается из тьмы, порождая эти туманы, а плоть так же

бесчувственна, как и сердца.

Тирион почесал отчаянно зудевший обрубок носа. *«А старуха-то, похоже, права. Поганое местечко. Такое чувство, что я вновь стою в нужнике и смотрю, как умирает отец».* Карлику подумалось, что он бы тоже свихнулся, доведись ему проводить свои дни в этом сером бульоне, наблюдая, как плоть и кости превращаются в камень.

Юный Гриф, похоже, не разделял его опасений.

— Пусть только попробуют побеспокоить нас, и мы покажем, из чего сделаны.

— Мы сделаны из плоти и костей по образу и подобию Отца и Матери. Молю тебя, не нужно тщеславных речей, — попросила септа Лемора. — Гордыня — тяжкий грех. Каменные люди тоже были гордецами, а Лорд в Саване — самый гордый из всех.

Лицо Тириона раскраснелось от жара тлеющих углей.

— Так Лорд в Саване действительно существует? Или это какая-то легенда?

— Лорд в Саване правит этими туманами со времён самого Гарина, — ответил Яндри. — Кое-кто считает, что он и есть Гарин, восставший из своей подводной могилы.

— Мертвые не восстают, — возразил Хэлдон Полумейстер. — Ни один человек не проживёт тысячу лет. Да, Лорд в Саване существует. Их было не меньше десяти. Когда один умирал, его место занимал другой. Теперешний — корсар с Островов Василиска, считавший, что на Ройне добыча богаче, чем в Летнем Море.

— Да, я тоже это слышал, — кивнул Утка. — Но мне больше нравится другая история. Та, в которой говорится, что Лорд в Саване не такой, как другие каменные люди. Он был каменным изваянием, пока из тумана не вышла серая женщина и не поцеловала его холодными, точно лёд, губами.

— Хватит! — крикнул Гриф. — Замолчите все.

— Что это было? — выдохнула септа Лемора.

— Где?

Тирион не видел вокруг ничего, кроме тумана.

— Что-то шевельнулось. Я заметила рябь на воде.

— Черепаха, — весело сказал принц. — Крупный костогрыз, и только.

Он вытянул свой шест вперёд и оттолкнулся им от возвышающегося зелёного обелиска.

Сырой и промозглый туман обволакивал судно со всех сторон. Яндри и Утка, осторожно оттал-

киваясь, налегли на шесты — каждый со своего борта. Из серых клочьев тумана показался затонувший храм. «Скромница» проплыла мимо винтовой мраморной лестницы, которая поднималась из ила и обрывалась в воздухе. За ней вырисовывались другие силуэты: обломанные шпили, безголовые статуи и деревья с огромными, даже большими, чем их лодка, корнями.

— Это был самый красивый и богатый город на реке, — сказал Яндри. — Хройен, праздничный город.

«Слишком богатый, — подумал Тирион, — *и слишком красивый. Не стоит искушать драконов».* Они плыли посреди затонувшего города. В тумане послышался звук хлопающих кожистых крыльев, и над ними пронеслось бледное и едва различимое в белом мареве существо. Карлик задрал голову, чтобы получше рассмотреть, что же это было, но оно исчезло так же внезапно, как и появилось.

Прошло немного времени, и перед ними замаячил свет.

— Эй, на корабле, — донёсся до них чей-то голос. — Вы кто?

— «Скромница», — прокричал в ответ Яндри.

— «Зимородок». Вверх или вниз?

— Вниз. Шкуры, мёд, эль и жир.

— Вверх. Ножи, иглы, кружева, лён и вино со специями.

— Что слышно в старом Волантисе? — спросил Яндри.

— Война, — ответили ему.

— Где? — закричал Гриф. — Когда?

— Когда год сменится, — пришёл ответ. — Нессос и Малакво подружились, и у слонов проступают полоски.

Голос становился всё тише по мере того, как удалялось от них другое судно. И, глядя ему вслед, они наблюдали за его уменьшающимися огнями, пока те совсем не скрылись в белой пелене.

— Разумно ли, кричать сквозь туман лодкам, которые мы не видим? — спросил Тирион. — Что, если это пираты?

На их счастье Озеро Кинжалов — место, кишащее пиратами, они спокойно миновали ещё ночью, никем незамеченные. Однажды Утка увидел корпус корабля, который, по его заверениям, принадлежал Урхо Немытому. «Скромница» шла по ветру, и Урхо, если это и в самом деле был он, не проявил к ним никакого интереса.

— Пираты не плавают через Горести, — ответил Яндри.

— Слоны с полосками? — пробормотал Гриф. — О чём это он? Нессос и Малакво? Иллирио заплатил триарху Нессосу достаточно, чтобы купить его восемь раз.

— Золотом или сыром? — усмехнулся Тирион.

— Придержи-ка при себе свою очередную остроту, если только не сможешь разрезать ею туман, — набросился на него Гриф.

«Да, отец, — чуть было не брякнул карлик, — *я буду вести себя тихо. Благодарю вас».*

Он мало что знал о волантийцах, но ему казалось, что у слонов и тигров имеются веские причины, чтобы объединиться перед лицом драконов.

«Может, сыроторговец неправильно оценил ситуацию. Человека можно купить за золото, но только кровь и сталь сохранят его преданность».

Карлик вновь разворошил и раздул угли, чтобы те ярче горели. *«Ненавижу. Ненавижу этот туман. Ненавижу это место, и ещё меньше мне нравится Гриф».* У Тириона сохранились ядовитые грибы, прихваченные им из дома Иллирио, и порой он с трудом боролся с искушением подсыпать их в ужин Грифу. Беда в том, что тот почти ничего не ел.

Утка и Яндри налегли на шесты, Исилла повернула румпель. Юный Гриф оттолкнул «Скромницу» от разрушенной башни, глядевшей на них слепыми черными глазницами окон. Отсыревший парус их лодки поник и свисал вниз, словно мокрая, тяжелая тряпка. Вода под килем стала глубже, и шесты перестали касаться дна, но течение несло их дальше, пока…

Тирион увидел лишь, как из реки поднялось что-то гигантское, горбатое и зловещее. Он принял это за поросший лесом холм или какую-то скрытую туманом огромную скалу, покрытую мхом и папоротником. Но когда «Скромница» подошла ближе, форма этого холма стала более чёткой, превратившись в разрушенный и заросший лесной замок. Часть вздымавшихся вверх стройных шпилей были разбиты, словно сломанные копья. То тут, то там появлялись и снова исчезали башни с обвалившимися крышами. Мимо проплывали залы и галереи, изящные контрфорсы, ажурные арки, точёные колонны, террасы и беседки.

Всё разрушено, запущено, разорено.

Здесь плотным ковром рос серый мох, оплетая груды камней и обволакивая башни. По высоким каменным стенам стелились чёрные лианы,

вползая под сводчатые проходы сквозь окна и двери. Туман скрывал три четверти дворца, но Тириону вполне хватило увиденного, чтобы понять, что твердыня этого острова когда-то была в десять раз крупнее Красного Замка и в сотню раз прекраснее. Теперь он догадался, где они находились.

— Дворец Любви, — прошептал карлик.

— Это ройнарское название, — произнес Хэлдон Полумейстер, — но уже тысячу лет это место называют Дворцом Горестей.

Вид развалин уже сам по себе вселял уныние, но ещё печальнее было знание о былой славе этого места. *«Когда-то тут звенел смех*, — подумал Тирион. — *Сады пестрели цветами, и в солнечных лучах сияли золотом фонтаны. Раньше эти ступени оглашались звуком шагов влюблённых, а под этим разрушенным храмом скреплялись поцелуем браки».* Его мысли вернулись к Тише, которая так недолго была его женой. *«Во всем виноват Джейме*, — подумал он в отчаянии. — *Моя родная кровь, мой сильный старший брат. Когда я был маленьким, он приносил мне игрушки: обручи от бочек, кубики и вырезанного из дерева льва. Он подарил мне моего первого пони и научил ездить на нём верхом. Когда он сказал, что заплатил тебе*

за меня, я даже не заподозрил подвоха. Да и с чего? Это ведь был Джейме, а ты просто какой-то девушкой, игравшей роль. Я боялся этого с самого начала, с того момента, когда ты впервые мне улыбнулась и позволила коснуться твоей ладони. Мой собственный отец не смог полюбить меня. С чего же влюбляться тебе, если не ради золота?»

Сквозь серые клочья тумана он вновь услышал низкий дрожащий звук тренькнувшей тетивы, стон, который издал лорд Тайвин, когда стрела пронзила его живот, шлепок ягодиц, когда тот, умирая, плюхнулся обратно на камень.

— Куда отправляются все шлюхи, – сказал отец перед смертью.

«И куда же? — хотел спросить у него Тирион. *— Куда отправилась Тиша, отец?»*

— Сколько ещё нам мыкаться в этом тумане?

— Ещё час, и выберемся из Горестей, — ответил Хэлдон Полумейстер. — После этого путешествие станет намного приятнее. У каждой излучины нижнего Ройна лежат поселения. Сады и зреющие на солнце виноградники, поля пшеницы, рыбаки на реке, горячие ванны и сладкие вина. Селхорис, Валисар и Волон Терис –окруженные стенами городки такого размера, что в Семи Королевствах считались бы крупными городами. Думаю, я…

— Впереди свет, — предупредил Юный Гриф.

Тирион тоже его заметил. *«„Зимородок" или ещё какая-нибудь лодка»*, — убеждал он себя, но чувствовал, что это не так. Карлик с яростью потёр зудевший нос. По мере приближения «Скромницы», свет становился всё ярче. На расстоянии он казался лишь звёздочкой, маняще мерцающей сквозь туман, но вскоре превратился сперва в два, потом в три, а затем и в целый ряд мигающих над водой огоньков.

— Мост Мечты, — объявил Гриф. — На нём каменные люди. Некоторые при нашем приближении начнут стенать, но досаждать нам не станут. Большинство каменных людей — жалкие существа, неуклюжие и безмозглые. Умирая, они все сходят с ума, но именно тогда и становятся наиболее опасны. Если потребуется, отгоняйте их факелами. Но ни в коем случае не позволяйте им к себе прикоснуться.

— Может, они нас даже не увидят, — предположил Хэлдон Полумейстер. — Туман скроет нас, пока не доберёмся до моста, а потом уплывём до того, как они поймут, что здесь кто-то был.

«Каменные глаза слепы», — подумал Тирион. Он знал, что серая хворь начинается с конечностей: покалывание в пальцах, почернение ногтей,

потеря чувствительности. По мере того, как онемение распространяется по руке или вверх по ногам, плоть становится холодной и твердой, а кожа жертвы принимает сероватый оттенок, напоминающий цвет камня. Он слышал поговорку, что есть три хороших лекарства от серой хвори: топор, меч и тесак. Насколько было известно Тириону, отсечение поражённых участков иногда останавливало распространение болезни, но не всегда. Многие жертвовали рукой или ногой, а затем обнаруживали, что сереет другая конечность. Когда это происходило, надежда умирала. Слепота была обычным делом, если зараза добиралась до лица. На последних стадиях болезнь поражала мускулы, кости и внутренние органы.

Приближавшийся впереди мост становился всё больше и больше. «Мост Мечты», назвал его Гриф, вот только эта мечта разбилась вдребезги. Тянущиеся из Дворца Горестей к западному берегу реки арки из светлого камня исчезали в тумане. Половина из них была разрушена — обвалилась под тяжестью серого мха и толстых чёрных лиан, выползающих из воды, словно змеи. Широкий деревянный пролёт моста насквозь прогнил, но некоторые фонари, указывающие путь, всё ещё горели. Когда «Скромница» подобралась ближе,

Тирион разглядел силуэты каменных людей, бесцельно шатавшихся на свету вокруг фонарей, словно ленивые серые мотыльки. Некоторые из них были голыми, другие — укутаны в саваны.

Гриф вытащил свой длинный меч.

— Йолло, зажги факелы. Парень, проводи септу Лемору в её каюту и останься с ней.

Юный Гриф упрямо посмотрел на своего отца.

— Она и сама знает, где её каюта. Я хочу остаться.

— Мы поклялись вас защищать, — мягко произнесла Лемора.

— Я не нуждаюсь в защите. Я умею пользоваться мечом не хуже Утки. Я наполовину рыцарь.

— И наполовину мальчишка, — сказал Гриф. — Делай, как велено. Сейчас же.

Тихо ругнувшись, юноша бросил свой шест на палубу. Туман странным эхом отразил звук удара, и на какой-то миг показалось, что вокруг них повсюду падают шесты.

— Почему я должен бежать и прятаться? Хэлдон остаётся, и Исилла. Даже Хугор.

— Да, — подтвердил карлик, — но я такой маленький, что могу спрятаться за уткой.

Тирион сунул полдюжины факелов в тлеющие угли жаровни и наблюдал, как загораются

промасленные тряпки. *«Не смотри на огонь»,* — говорил он себе. После огня невозможно ничего разглядеть в ночи.

— Ты *карлик,* — презрительно произнёс Юный Гриф.

— Тебе удалось раскрыть мой секрет, — согласился Тирион. — Да, я меньше, чем половина Хэлдона, и всем плевать, выживу я или умру. *«По крайней мере, целиком»*. — Но ты… ты — это всё.

— Карлик, — сказал Гриф, — я тебя предупредил.

Из тумана до них донесся прерывистый стон, слабый и высокий.

Лемора, задрожав, обернулась.

— Спасите нас Семеро.

Впереди менее чем в пяти ярдах показался разрушенный мост. Вокруг его опор, точно пена, брызжущая изо рта безумца, бурлила вода. Сорока футами выше, под мерцающими фонарями, стонали и что-то бормотали каменные люди. Большинство не обращало на «Скромницу» внимания, словно она была просто плывущим бревном. Вцепившийся в свой факел Тирион понял, что почти не дышит. Потом они оказались под мостом. С обеих сторон сквозь занавеси серого мха проглядывали белые каменные опоры,

вокруг которых сердито пенилась вода. На какой-то миг показалось, что они врежутся в правую опору, но Утка поднял шест и оттолкнул судно назад к середине канала. Несколько мгновений спустя, корабль выплыл из-под моста.

Не успел Тирион перевести дух, как Юный Гриф схватил его за руку.

— Что ты имел в виду? Я — *всё*? Что ты хотел этим сказать? Почему я — всё?

— Почему? — переспросил Тирион. — Забери каменные люди Яндри или нашу прекрасную Лемору, мы бы о них погрустили и поплыли дальше. А если бы мы потеряли тебя, то всё дело пошло бы прахом. Годы сумасшедших интриг торговца сыром и одного евнуха были бы потрачены зря… разве не так?

Мальчик посмотрел на Грифа.

— Он знает, кто я.

«И если бы не знал раньше, узнал бы теперь». К тому времени «Скромница» оставила Мост Мечты далеко позади. Всё, что осталось — это тающий свет за кормой, а скоро исчезнет и он.

— Ты Юный Гриф, сын Грифа-наемника, — ответил Тирион. — Или, быть может, сам Воин в обличье смертного? Дай-ка рассмотреть тебя поближе.

Он поднял факел, чтобы свет упал на лицо Юного Грифа.

— Угомонись, — приказал Гриф, — или пожалеешь.

Карлик не обратил на него внимания.

— Из-за синих волос, твои глаза кажутся голубыми, это хорошо. И история о том, что этот цвет — в честь твоей покойной тирошийской матушки, такая трогательная, что я чуть слезу не пустил. Однако какой-нибудь любопытный человек призадумается, зачем какому-то наёмничьему отродью нужна порченная септа, чтобы наставлять его в вере, или мейстер без цепи для изучения истории и языков? А умный человек подумает о том, зачем вашему отцу межевой рыцарь, чтобы учить вас сражаться, вместо того, чтобы просто отослать на обучение в один из вольных отрядов? Очень похоже, что кто-то хочет вас спрятать, чтобы подготовить к… чему? В этом весь вопрос, но я уверен, что в своё время узнаю ответ. Должен признать, что в вас есть благородные черты мёртвого мальчика.

Юноша покраснел:

– Я не мёртвый.

— Почему это? Мой лорд-отец завернул вас в алый плащ и положил рядом с вашей сестрой у

подножия Железного Трона, в подарок новому королю. Те, кто нашли в себе силы заглянуть под него, утверждали, что у вас недоставало полголовы.

Парень в замешательстве отступил на шаг.

— Ваш?..

— ...*Отец,* да. Тайвин из дома Ланнистеров. Возможно, ты о нём слыхал.

Юный Гриф засомневался.

— Ланнистер? Ваш отец...

— ...Мёртв. От моей руки. Если вашей милости угодно называть меня Йолло или Хугор, пусть будет так, но знайте, что я родился Тирионом из рода Ланнистеров, родной сын Тайвина и Джоанны, к смерти которых приложил руку. Тебе скажут, что я цареубийца, убийца родичей и лжец, и всё это будет правдой... но, в конце концов, мы все тут сборище лжецов, разве не так? Взять хотя бы вашего фальшивого отца. Гриф, да? — карлик хохотнул. — Ты должен благодарить богов за то, что Варис-Паук — один из участников вашего заговора. Гриф смог бы обмануть это кастрированное чудо не больше, чем меня. Его милость заявил, что он «не лорд и не рыцарь». Ну а я не карлик. Слова не делают это правдой. Кто бы смог лучше воспитать младшего сына принца Рейегара, чем

его близкий друг Джон Коннингтон, бывший лорд Гнезда Грифона и Десница короля?

— Заткнись, — взволнованно произнес Гриф.

Слева по борту из воды высовывались два пальца огромной каменной руки. «*Да сколько здесь таких?*» — задумался Тирион, вздрогнув от пробежавшего по спине холодка. Мимо медленно проплывали Горести. Вглядываясь в туман, он увидел разбитый шпиль, безголового героя и вырванное из земли древнее дерево. Его торчавшие вверх огромные изогнутые корни вылезали через крышу и окна разрушенного купола. *«Почему всё это кажется таким знакомым?»*

Впереди изящной спиралью поднималась из воды покосившаяся лестница из светлого мрамора, резко обрываясь в десяти футах у них над головами. *«Нет,* — подумал Тирион. — *Это невозможно».*

— Впереди, — голос Леморы дрожал. — Свет.

Взгляды всех устремились вперед. И тогда все увидели огонёк.

— «Зимородок». Он, или что-то другое, похожее на него, — сказал Гриф, но вновь вытащил свой меч.

Никто не произнёс ни слова. «Скромницу» несло по течению. Её парус не поднимали с того

времени, как они вошли в Горести. Она могла двигаться только вместе с рекой. Утка, прищурившись, сжимал свой шест обеими руками. Через какое-то время Яндри перестал отталкиваться. Все глаза были прикованы к далекому свету. Когда судно подошло ближе, он превратился в два, а затем в три огонька.

— Мост Мечты, — понял Тирион.

— Непостижимо, — произнес Хэлдон Полумейстер. — Мы оставили его позади. Реки текут только в одну сторону.

— Матерь-Ройн течёт, куда ей угодно, — пробормотал Яндри.

— Спасите нас Семеро, — взмолилась Лемора.

Впереди наверху взвыли стоявшие на пролете моста каменные люди. Некоторые указывали на них руками.

— Хэлдон, уведи принца вниз, — приказал Гриф.

Но уже было слишком поздно. Течение вцепилось в них своими зубами. Корабль неумолимо сносило к мосту. Яндри вытянул шест, чтобы не врезаться в опору. От этого движения их повело в сторону через занавес бледного серого мха. Тирион почувствовал, как мягкие, словно пальцы шлюхи усики мха касаются его лица. Потом поза-

ди него раздался оглушительный шум, и палуба внезапно накренилась. Карлик чуть не упал, и его повело в другую сторону.

На лодку грохнулся каменный человек.

Упав на крышу каюты с такой силой, что «Скромница» закачалась, он что-то проревел на незнакомом Тириону языке. За ним последовал второй, приземлившись рядом с румпелем. Потрепанные бурями и дождями доски раскололись под его весом, и Исилла вскрикнула.

Утка оказался к ней ближе всех. Здоровяк не стал тратить время на поиски меча. Вместо этого он размахнулся шестом, ударил каменного человека в грудь и сшиб его в реку. Тот тут же пошел ко дну без единого звука.

Вторым каменным человеком, слезшим с крыши каюты, занялся Гриф. Мечом в правой руке и факелом в левой он отогнал существо. Их движущиеся тени плясали на покрытых мхом стенах, пока течение несло «Скромницу» под мостом. Когда каменный человек двинулся к корме, Утка преградил ему путь с шестом в руках. Как только незваный пассажир двинулся вперёд, Хэлдон Полумейстер взмахнул перед ним вторым факелом и заставил отступить. Тому ничего не оставалось, кроме как двинуться прямо на Грифа. Капитан

скользнул вбок, блеснуло лезвие его меча. От удара стали о затвердевшую серую плоть во все стороны полетели искры, но всё же отрубленная рука серого человека упала на палубу. Гриф пнул её в сторону. Подоспевшие Яндри и Утка шестами столкнули существо за борт в чёрные воды Ройна.

Между тем «Скромница» выплыла из-под моста.

— Со всеми разобрались? — спросил Утка. — Сколько прыгнуло?

— Двое, — дрожа, ответил Тирион.

— Нет, трое, — произнёс Хэлдон. — Последний у тебя за спиной.

Карлик повернулся. Позади него стоял каменный человек.

Прыгнув, он сломал ногу, и из-под гнилой ткани его штанов и разорванных серых мышц торчал обломок бледной кости, покрытой коричневой кровью. Несмотря на это, серый человек продолжал тянуться к Юному Грифу. Громадная серая рука казалась окоченевшей, но когда он попытался схватить мальчишку, между его пальцев, выступила кровь. Застыв, словно каменный истукан, юноша просто стоял и смотрел. Его ладонь лежала на рукояти меча, но, похоже, он забыл,

зачем тот нужен.

Тирион подставил Юному Грифу подножку и, когда тот упал, перепрыгнул через него и ткнул факелом в лицо каменного человека, заставив его отступить. Припадая на сломанную ногу, он прикрывался от огня неуклюжими серыми руками. Карлик, переваливаясь, шёл следом, размахивая факелом и тыча им прямо в глаза серому человеку. *«Ещё немного. Назад, ещё один шаг, ещё один»*. На самом краю палубы, существо бросилось на Тириона, и, схватившись за факел, вырвало его из рук. *«Твою мать»*, — подумал Тирион.

Каменный человек выбросил факел, и чёрные воды с мягким шипением погасили пламя. Серый человек взревел. Когда-то он был жителем Летних Островов; его подбородок и половина щеки обратились в камень, но там, где кожа ещё не стала серой, её цвет был чёрным, как полночь. Когда он схватил факел, его кожа потрескалась и порвалась. С пальцев текла кровь, но он, казалось, этого не замечал. *«Хоть какое-то утешение»*, — подумал Тирион. Несмотря на то, что серая хворь смертельна, она, видимо, не была болезненной.

– *Отойди*! — закричал кто-то издалека, а другой голос сказал:

— Принц! Защищайте мальчика!

Каменный человек двинулся вперёд, раскинув руки в стороны.

Тирион ударил его плечом.

Ощущение было такое, будто он врезался в стену замка, однако эта стена опиралась на сломанную ногу. Каменный человек отступил, схватившись за карлика. Они упали в реку с ужасным всплеском, и Матерь-Ройн поглотила обоих.

Внезапный холод поразил Тириона, как удар молота. Идя ко дну, он чувствовал, как по его лицу шарит каменная рука. Другая сжала запястье, утаскивая его вниз, во мрак. Ослепший, наглотавшийся воды, задыхающийся, тонущий, Тирион лягался и крутился, пытаясь сбросить сжимавшие его руку пальцы, но окаменевшая кисть не поддавалась. Изо рта шли пузыри. С каждой минутой мир становился всё чернее. Карлик не мог дышать.

«Утонуть не самое страшное. Существуют и более ужасные способы умереть». И, честно говоря, он уже умер давным-давно в Королевской Гавани. Остался только призрак, маленькое мстительное привидение, задушившее Шаю и пронзившее стрелой кишки великого лорда Тайвина. Ни один человек не будет горевать о таком, каким он стал. *«Я не дам покоя Семи Ко-*

ролевствам, — подумал Тирион, погружаясь всё глубже. — *Они не смогли полюбить меня живого, так пусть страшатся мертвого».*

Когда он открыл рот, чтобы проклясть их, чёрная вода заполнила его легкие, и вокруг сомкнулась тьма.

Глава 19. Давос

— Его светлость готов выслушать тебя, контрабандист.

Рыцарь носил серебряные доспехи. Его поножи и перчатки были украшены чернёным узором, в котором угадывались переплетённые водоросли. Под рукой рыцарь держал шлем, сделанный в виде головы короля водяных, с перламутровой короной и рельефной бородой из прядей чёрного и нефритового цвета. Его собственная борода была седой, как зимнее море.

Давос встал.

— Могу ли я узнать ваше имя, сир?

— Сир Марлон Мандерли.

Он был на голову выше Давоса и на три стоуна тяжелее, с серо-синими глазами и надменной манерой речи.

— Я имею честь быть двоюродным братом лорда Вимана и командую его гарнизоном. Следуй за мной.

Давос прибыл в Белую Гавань посланником короля, но превратился в пленника. Его покои были большими, просторными и красиво обставлен-

ными, но снаружи стояла охрана. Из своего окна он мог видеть улицы Белой Гавани за пределами крепостных стен, но ему не разрешали по ним пройтись. Ему была видна даже гавань, и он наблюдал, как «Веселая Повитуха» покидала залив. Кассо Могат прождал четыре дня до отправления вместо трех. С тех пор прошло ещё две недели.

Придворные стражники лорда Мандерли носили плащи из сине-зеленой шерсти и вместо обычных копий были вооружены серебряными трезубцами. Один шёл впереди него, другой — сзади, и ещё по одному — с каждой стороны. Они брели мимо выцветших знамён, разбитых щитов и проржавевших мечей — свидетелей сотен древних побед, и мимо десятков растрескавшихся и изъеденных червями деревянных фигур, когда-то служивших украшением кораблей.

У входа в чертог его светлости стояли два мраморных водяных, младших родственников Старика-Рыбонога. Когда охранники распахнули двери, глашатай ударил посохом об старый дощатый пол и звонко объявил:

— Сир Давос из дома Сивортов.

Хоть он и бывал в Белой Гавани много раз, но Давос никогда не ступал в Новый Замок, и уж тем более не входил в Чертог Водяного. Его сте-

ны, пол и потолок были сделаны из деревянных досок, хитро подогнанных вместе, и украшенных всевозможными морскими созданиями. Приближаясь к помосту, Давос ступал по нарисованным крабам, моллюскам и морским звездам, притаившимся среди запутанных зарослей чёрных водорослей и костей утонувших моряков. На стенах по обе стороны, в нарисованных сине-зеленых глубинах рыскали бледные акулы, а среди скал и затонувших кораблей скользили угри с осьминогами. Между высокими арочными окнами плавали огромные косяки сельди и трески. Выше, рядом со свисающими со стропил старыми рыболовными сетями, была изображена поверхность моря. Справа от Давоса на фоне восходящего солнца безмятежно скользила боевая галера, слева боролся с бурей, рвущей в клочья его паруса, потрепанный старый когг. За помостом среди нарисованных волн сцепились борющиеся кракен и серый левиафан.

Давос надеялся поговорить с Виманом Мандерли наедине, но застал двор в полном сборе. Придворные располагались вдоль стен, и на пять женщин приходился лишь один мужчина. Те немногие, кого он увидел, были седобородыми старцами либо еще не доросли до того, чтобы на-

чать бриться. Также тут были септоны и святые сёстры в белых и серых рясах. В главной части зала стояла дюжина мужчин, одетых в синие и серебристо-серые цвета дома Фреев. Их внешнее сходство не заметил бы только слепой; некоторые из них носили герб Близнецов — две башни, соединённые мостом.

Давос умел читать по лицам задолго до того, как мейстер Пилос научил его читать слова на бумаге.

«Эти Фреи были бы рады увидеть мой труп», — понял он с первого взгляда.

В голубых глазах Вимана Мандерли он не смог найти ни капли радушия. Мягкий трон его светлости был достаточно широким, чтобы вместить трёх обычных людей, тем не менее Мандерли едва в нём помещался. Его светлость развалился на сидении. Его плечи обвисли, ноги были широко расставлены, руки лежали на подлокотниках, как будто их вес был слишком велик для хозяина.

«Боги, смилуйтесь — подумал Давос, когда увидел лицо лорда Вимана, — краше в гроб кладут». Кожа его светлости была бледно-серого цвета.

Как гласит старая поговорка, короли и трупы всегда привлекают свиту. Так же и с Мандерли. Слева от высокого сиденья стоял мейстер почти

столь же толстый, как и его господин, толстогубый и румяный человек с золотыми кудрями. Сир Марлон занял почетное место по правую руку его светлости. На мягком табурете у ног лорда сидела пухлая розовощёкая дама. За Виманом стояли две молодые женщины, судя по виду — сёстры. Каштановые волосы старшей были собраны в длинную косу. У младшей, не старше пятнадцати лет, девушки коса была выкрашена в ярко-зелёный цвет.

Никто не снизошел до того, чтобы представиться Давосу. Первым заговорил мейстер:

— Ты стоишь перед Виманом Мандерли, лордом Белой Гавани и хранителем Белого Ножа, Щитом веры, Защитником обездоленных, Верховным судьёй Мандера, Рыцарем Ордена Зелёной руки. В Чертоге Водяного принято, чтобы вассалы и просители становились на колени.

Луковый рыцарь преклонил бы колено, но Десница короля такого себе позволить не мог. Сделать это означало показать, что король, которому он служит, менее значим, чем толстая светлость на троне.

— Я явился не в качестве просителя, — ответил Давос, — и у меня тоже есть титулы. Лорд Дождливого леса, адмирал Узкого моря, Десница короля.

Пухлая женщина на стуле закатила глаза:

— Адмирал без кораблей, Десница без пальцев, на службе у короля без трона. Кто перед нами — рыцарь или ответ на детскую загадку?

— Он посланник, дочка, — прервал её лорд Виман, — лук — предвестник слез. Станнису не понравился ответ, что принесли ему вороны. Поэтому он и послал к нам этого... этого контрабандиста.

Он покосился на Давоса сквозь наполовину скрывавшие глаза складки жира:

— Думаю, ты уже бывал в нашем городе и таскал деньги из наших карманов и еду с нашего стола. Интересно, сколько же ты у меня украл?

«Недостаточно для того, чтобы ты начал голодать».

— Я уже заплатил за своё прошлое в Штормовом Пределе, милорд.

Давос снял перчатку и поднял левую руку с четырьмя обрубленными пальцами.

— Всего четыре фаланги за всю воровскую жизнь? — спросила женщина с табурета. Её волосы были желтыми, а лицо — круглым, розовым и мясистым. — Ты легко отделался, Луковый рыцарь.

Давос не стал отрицать.

— Если милорд позволит, я бы просил о личной аудиенции.

Милорд не позволил.

— У меня нет секретов ни от моих родственников, ни от моих вассалов и рыцарей, ни от моих друзей.

— Милорд, — заявил Давос — я не хотел бы, чтобы мои слова были услышаны врагами его величества... или вашей светлости.

— Возможно у Станниса и есть враги в этом зале. У меня нет.

— А люди, убившие вашего сына? — уточнил Давос. — Эти Фреи были хозяевами на Красной Свадьбе.

Один из Фреев — высокий долговязый рыцарь, чисто выбритый, но с седыми усами, тонкими, как мирийский стилет — шагнул вперед:

— Красная Свадьба дело рук Молодого Волка. На наших глазах он превратился в зверя и разорвал горло моему двоюродному брату, безобидному простаку Динь-Дону. Он убил бы и моего лорда отца, не встань сир Вендел на его пути.

Лорд Виман сморгнул слезы:

— Вендел всегда был храбрым мальчиком. Я не удивился, узнав, что он умер героем.

От столь чудовищной лжи у Давоса чуть че-

люсть не отвисла:

— Вы утверждаете, что Вендела Мандерли убил Робб Старк? — спросил он у Фрея.

— И многих других. Моего сына Титоса и мужа моей дочери в том числе. Когда Старк обернулся волком, его северяне сделали то же самое. На всех них была печать зверя. Укушенный оборотнем сам становится им, это все знают. Всё, что я и мои братья могли сделать, это перебить северян прежде, чем они убили всех нас.

Рассказывая эту сказку Фрей ухмылялся, и Давосу захотелось ножом стереть его улыбку с губ:

— Сир, могу я узнать ваше имя?

— Сир Джаред, из дома Фреев.

— Джаред из дома Фреев, я называю вас *лжецом*.

Сир Джаред похоже удивился:

— Некоторые плачут, нарезая лук, но я лишен подобной слабости, — прошелестела сталь в ножнах, и он обнажил меч. — Если вы действительно рыцарь, сир, защищайте свою клевету собственным телом.

Лорд Виман выпучил глаза:

— Я не допущу кровопролития в Чертоге Водяного. Спрячьте ваш клинок, сир Джаред, иначе я буду вынужден просить вас покинуть наше

общество.

Сир Джаред вложил меч в ножны.

— Слова капитана — закон на корабле, и раз я взошел к вам на борт, ваша светлость, я подчинюсь... но я хочу посчитаться с этим луковым лордом, прежде чем он покинет этот город.

— Кровь! — взвыла женщина на табурете. — Вот чего эта гнилая луковица хочет от нас, милорд. Видите, как он сеет раздоры? Отошли его прочь, заклинаю. Он хочет крови твоих подданных, крови твоих храбрых сыновей. Отправь его обратно. Если королева услышит, что ты дал аудиенцию этому предателю, она может усомниться в нашей преданности. Она могла бы... она может... она...

— До этого не дойдёт, дочка, — успокоил её лорд Виман. — У Железного Трона не будет причин в нас сомневаться.

Давосу не понравились эти слова, но он не для того проделал такой далёкий путь, чтобы держать язык за зубами:

— Мальчик на Железном Троне — узурпатор. И я не изменник, а Десница Станниса Баратеона Первого, законного короля Вестероса.

Жирный мейстер откашлялся:

— Станнис Баратеон был братом нашего покойного короля Роберта, да воздаст ему Отец по

справедливости. Томмен же плоть от плоти Роберта. В таком случае законы наследования ясны. Сын идёт перед братом.

— Мейстер Теомор говорит правду, — заметил лорд Виман. — Он мудр в подобных вопросах и всегда давал мне хорошие советы.

— Законнорожденный сын идет перед братом, — согласился Давос, — но Томмен, называемый Баратеоном, рождён вне закона, так же как и его брат Джоффри. Они были зачаты Цареубийцей, вопреки всем законам богов и людей.

Заговорил другой Фрей:

— То, что он говорит, является изменой, милорд. Станнис отрубил ему его воровские пальцы. Вы должны отрезать его *лживый* язык.

— Лучше отрубите голову, — предложил сир Джаред. — Или же пусть он встретиться со мной в поединке чести.

— Что Фреи знают о чести? — бросил Давос в ответ.

Четверо Фреев рванулись к нему, но лорд Виман остановил их, подняв руку.

— Назад, друзья мои. Я выслушаю его, перед тем... перед тем как с ним разберусь.

— Можете ли вы предоставить какие-либо доказательства этого инцеста, сир? — спросил

мейстер Теомор, сложив свои мягкие руки на животе.

«Эдрик Шторм, — подумал Давос, — но я отправил его подальше за Узкое море, чтобы уберечь от костра Мелисандры».

— У вас есть слово Станниса Баратеона, что всё, сказанное мной, это правда.

— Слова это ветер, — сказала молодая женщина, стоявшая за высоким сиденьем лорда Вимана, красавица с длинной каштановой косой. — Мужчина солжет, чтобы добиться своего, это вам скажет любая девушка.

— Для доказательства нужно больше, чем неподтверждённые слова какого-то лорда, — заявил мейстер Теомор. — Станнис Баратеон далеко не первый, кто солгал, чтобы занять престол.

Розовая женщина указала пухлым пальцем на Давоса.

— Мы не намерены участвовать измене, понял? Мы в Белой Гавани люди мирные, законопослушные и верные. Прекрати лить яд в наши уши, иначе мой добрый отец бросит тебя Волчье Логово.

«Чем я мог обидеть её?»

— Не имею чести знать имя миледи.

Розовая женщина сердито фыркнула и позво-

лила мейстеру ответить.

— Леди Леона является женой сира Виллиса, сына лорда Вимана. В настоящее время он пленник Ланнистеров.

«В ней говорит страх. Если Белая Гавань поддержит Станниса, её муж ответит своей жизнью. Как я могу просить лорда Вимана обречь сына на смерть? Что бы я сделал на его месте, если бы заложником был Деван?»

— Милорд, я молюсь, чтобы вашему сыну не причинили вреда, как и любому другому человеку из Белой Гавани

— Еще одна ложь, — сказала леди Леона со своего табурета.

Давос решил, что будет лучше не обращать на неё внимание.

— Когда Робб Старк восстал против бастарда Джоффри, называемого Баратеоном, Белая Гавань его поддержала. Лорд Старк пал, но его война продолжается.

— Робб Старк был моим сеньором, — возразил лорд Виман. — А кто такой Станнис? Почему он нас беспокоит? Насколько помню, никогда прежде он не находил нужным посетить север. Теперь же он передумал и просит милостыню, как побитая шавка.

— Он пришёл, чтобы спасти королевство, милорд — продолжал настаивать Давос — чтобы защитить ваши земли от железорожденных и одичалых.

Стоявший рядом с троном сир Марлон Мандерли презрительно фыркнул:

— В Белой Гавани уже много столетий не видели одичалых, а железные люди и вовсе никогда не беспокоили этот берег. Может, лорд Станнис предложит заодно защищать нас от снарков и драконов?

По Чертогу Водяного прокатился смех, но леди Леона у ног лорда Вимана зарыдала:

— Железные люди с островов, одичалые из-за Стены... и теперь этот предатель со своими преступниками, мятежниками и колдунами. — Она указала пальцем на Давоса. — О да, мы слышали о вашей красной ведьме. Она заставит нас отвернуться от Семерых и преклоняться перед огненным демоном!

Давос не любил красную жрицу, но не мог оставить слова леди Леоны без ответа.

— Леди Мелисандра жрица Красного бога. Королева Селиса приняла её веру, наряду со многими другими, но большинство последователей его величества до сих пор поклоняются Семерым. И

я среди них.

Он молился, чтобы никто не попросил его рассказать о септе на Драконьем Камне или о богороще Штормового Предела.

«Если они спросят, мне придётся им рассказать. Станнис не позволяет мне лгать».

— Семеро защищают Белую Гавань, — объявила леди Леона. — Мы не боимся твою красную королеву или её бога. Пусть насылает любые заклинания, какие захочет. Молитвы благочестивых людей оградят нас от зла.

— Действительно, — лорд Виман похлопал леди Леону по плечу. — Лорд Давос, если вы лорд, я знаю, чего ваш так называемый король хотел бы от меня. Стали, серебра и преклонённого колена. — Он перенес свой вес, оперевшись на локоть. — Лорд Тайвин, до того как его убили, предлагал прощение Белой Гавани за то, что мы поддержали Молодого Волка. Он пообещал, что мой сын вернётся ко мне, как только я заплачу выкуп в три тысячи драконов и докажу свою верность. Русе Болтон, нареченный Хранителем Севера, требует, чтобы я отказался от своих претензий на земли и замки лорда Хорнвуда, но клянется, что мои остальные владения останутся нетронутыми. Уолдер Фрей, его тесть, предлагает мне в

жёны одну из своих дочерей. А также мужей для дочерей моего сына, стоящих за моей спиной. Эти предложения кажутся мне щедрыми, хорошая основа для справедливого и прочного мира. Вы просите меня отвергнуть их. Поэтому я спрашиваю у вас, Луковый Рыцарь — что даст мне лорд Станнис взамен присяги ему?

«Войну, горе и крики горящих людей», — мог бы ответить Давос.

— Шанс исполнить свой долг, — вместо этого ответил он. Именно такой ответ Виман Мандерли получил бы от Станниса.

«Десница должен говорить голосом короля».

Лорд Виман откинулся на спинку трона:

— Долг. Понимаю.

— Белая Гавань недостаточно сильна, чтобы выстоять в одиночку. Вы нуждаетесь в его величестве так же, как он нуждается в вас. Вместе мы сможем победить наших общих врагов.

— Милорд, — произнёс сир Марлон в своих богато украшенных серебром доспехах, — вы разрешите мне задать несколько вопросов лорду Давосу?

— Как пожелаете, кузен. — Лорд Виман закрыл глаза.

Сир Марлон повернулся к Давосу:

— Сколько северных лордов поддержали Станниса? Ответьте нам.

— Арнольф Карстарк поклялся присоединиться к Его величеству.

— Арнольф не истинный лорд, а всего лишь кастелян. Какими замками в настоящее время владеет лорд Станнис?

— Его величество избрал своим престолом Ночной Форт. На юге он владеет Штормовым Пределом и Драконьим Камнем.

Мейстер Теомор откашлялся:

— Вынужден заметить, что Штормовой Предел и Драконий Камень слабо защищены и, без всякого сомнения, скоро падут. А Ночной Форт всего лишь заброшенные руины, мрачное и ужасное место.

Сир Марлон продолжил:

— Ответьте нам, сколько людей Станнис может вывести на битву? Сколько рыцарей? Сколько лучников, вольных всадников, ополчения?

«Слишком мало», — знал Давос. Станнис привёл с собой на север всего пятнадцать сотен людей... но если он проговориться об этом, его миссия здесь будет обречена. Он попытался подыскать слова, но не смог.

— Ваше молчание — лучший ответ на мой

вопрос, сир. Ваш король принесёт нам только новых врагов.

Сир Марлон повернулся к своему высокородному кузену:

— Ваша светлость спрашивали Лукового рыцаря, что предлагает нам Станнис. Позвольте мне ответить. Он предлагает нам поражение и смерть. Он предлагает вам сесть на коня из воздуха и сражаться мечом из ветра.

Жирный лорд медленно, как будто даже эти усилия были для него непосильны, открыл глаза:

— Мой кузен, как всегда, зрит в корень. Есть что-нибудь ещё, что вы хотите добавить, Луковый Рыцарь, или мы можем положить конец этому фарсу? Я уже утомился от вашего вида.

Давос почувствовал укол отчаяния.

«Его величество должен был послать другого человека, лорда, или рыцаря, мейстера — любого, кто сумел бы говорить за короля не столь косноязычно».

— Смерть, — услышал он собственный голос — о да, смерть грядет. Ваша светлость на Красной Свадьбе потеряли сына. А я потерял четырёх на Черноводной. А почему? Потому что Ланнистеры украли трон. Если вы сомневаетесь во мне, поезжайте в Королевскую Гавань и посмотрите

на Томмена собственными глазами. Это увидит даже слепой. Что вам предлагает Станнис? Месть. Месть за моих сыновей и за ваших, за ваших мужей и ваших отцов, за ваших братьев. Месть за вашего убитого лорда, за вашего убитого короля, за ваших убитых принцев. Месть!

— Да, — взметнулся молодой женский голос, тонкий и высокий. Он принадлежал подростку со светлыми бровями и длинной зелёной косой.

— Они убили лорда Эддарда, леди Кейтилин и короля Робба. Он был нашим королем! Он был храбр и добр, а Фреи убили его. И раз лорд Станнис обещает отомстить за него, то мы должны к нему присоединиться.

Мандерли потянул её к себе.

— Вилла, каждый раз, когда ты открываешь рот, у меня появляется желание отправить тебя к Молчаливым Сёстрам.

— Я только сказала…

— Мы слышали, что ты сказала, — оборвала старшая сестра девушки. — Детские глупости. Не говори гадостей про наших друзей Фреев. Ведь один из них в ближайшем времени станет твоим господином и мужем, а ты — его женой.

— Нет, — заявила девочка, помотав головой. — Не хочу. Ни за что не стану. Они убили короля.

Лорд Виман покраснел:

— Станешь. Когда назначенный день придёт, ты произнесёшь свадебные клятвы. Или присоединишься к Молчаливым Сестрам и больше никогда не заговоришь.

Бедная девушка выглядела подавленной:

— Дедушка, пожалуйста ...

— Тише, дитя, — сказала леди Леона. — Ты слышала своего лорда-деда. Тише! Ты ничего не знаешь

— Я знаю про клятву, — настаивала девушка. — Мейстер Теомор, скажите им! За тысячу лет до Завоевания было дано обещание, и в Волчьем Логове мы торжественно поклялись перед богами, старыми и новыми. Тогда мы были слабыми и не имели союзников, тогда мы были изгнаны из своих домов, и сама наша жизнь была под угрозой. Тогда Волки приняли и накормили нас, и защитили нас от врагов. Этот город построен на дарованной ими земле. Взамен мы поклялись, что навсегда останемся их подданными. Людьми Старков!

Мейстер потеребил свою цепь.

— Да, торжественная клятва была принесена Старкам из Винтерфелла. Но Винтерфелл пал и династия Старков угасла.

— Потому что они их убили!

Вмешался ещё один Фрей:

— Лорд Виман, вы позволите?

Виман Мандерли кивнул:

— Да, Рейегар. Мы всегда рады слышать ваши благородные суждения.

Рейегар Фрей ответил на комплимент поклоном. Ему было тридцать или около того, он был пузат как чайник и сутул, но одет в дорогой дублет из мягкой серой овечьей шерсти с серебряной отделкой. Его плащ был полностью из серебряной ткани с вышитым гербом и застёгнут на вороте брошью в виде башен-близнецов.

— Леди Вилла, — обратился он к девушке с зеленой косой, — верность это добродетель. Я надеюсь, вы будете так же верны Уолдеру Малому, когда будете соединены брачными узами. Что же касается Старков, то пресеклась только мужская линия этого рода. Сыновья лорда Эддарда мертвы, но его дочери живы и младшая едет на север, чтобы выйти замуж за храброго Рамси Болтона.

— Рамси Сноу, — бросила в ответ Вилла Мандерли.

— Будь по вашему. Но как бы его не называли, он скоро женится на Арье Старк. Если вы желаете сохранить верность своей клятве, будьте готовы

быть верной и ему, потому что он станет лордом Винтерфелла.

— Он никогда не станет моим лордом! Он заставил леди Хорнвуд выйти за него замуж, а потом запер в подземелье и вынудил её съесть собственные пальцы.

Одобрительное перешёптывание прокатилось по Чертогу Водяного.

— Девушка говорит верно, — заявил коренастый человек в бело-фиолетовых одеждах, чей плащ был скреплён парой скрещённых бронзовых ключей.

— Русе Болтон холоден и хитер, о да, но с Русе можно иметь дело. Мы все знаем людей и похуже. Но этот его незаконнорожденный сын... о нём говорят, что он безумен и жесток, просто чудовище.

— Говорят? — Рейегар Фрей погладил бороду и широко улыбнулся. — Его враги говорят, о да... но это Молодой Волк был чудовищем. Не мальчик, а скорее зверь — кровожадный и раздутый от гордости. И он был вероломен, о чём на свою беду довелось узнать моему высокородному деду. — Он развел руками. — Я не виню Белую Гавань, что вы его поддержали. Мой дед сделал ту же серьёзную ошибку. Во всех сражениях Молодого

Волка Белая Гавань и Близнецы сражались бок о бок под его знаменами. Робб Старк предал всех нас. Он оставил север на милость жестоких Железных Людей, чтобы выкроить себе королевство на Трезубце. Потом он бросил и речных лордов, что рисковали всем ради него, разорвав брачный договор с моим дедом, чтобы жениться на первой встречной западной потаскухе. Молодой Волк? Он был гнусным псом, и умер, как подобает псу.

В Чертоге Водяного стало тихо. Давос почувствовал повисшее в воздухе отчуждение. Лорд Виман смотрел на Рейегара, как будто тот был тараканом, которого хочется раздавить каблуком... и после, внезапно, тяжело кивнул, сотрясая свои многочисленные подбородки.

— Пёс, о да. Он принес нам только горе и смерть. Действительно, подлый пёс. Продолжай.

Рейегар продолжил:

— Горе и смерть, о да ... а этот луковый лорд принесёт еще больше своими разговорами о мести. Откройте глаза, как сделал мой лорд дед. Война Пяти Королей почти закончена. Томмен наш король, наш единственный король. Мы должны помочь ему исцелить раны этой печальной войны. Как законный сын Роберта, он наследник оленя и льва, и Железный Трон по праву принад-

лежит ему.

— Мудрые слова. И правдивые, — подтвердил Виман Мандерли.

— Неправда! — Вилла Мандерли топнула ногой.

— Замолчи, негодница, — оборвала её леди Леона, — молодые девушки должны быть усладой для глаз, а не болью для ушей.

Она схватила девочку за косу и вытащила её, визжащую, из зала.

«Увели моего единственного друга в этом зале» — подумал Давос.

— Вилла всегда была своевольным ребенком, — сказала её сестра, извиняясь. — И боюсь, что она станет своенравной женой.

Рейегар пожал плечами:

— Брак смягчит её, я уверен. Твёрдой рукой и тихим словом.

— А если нет, есть Молчаливые Сестры, — лорд Виман заерзал на троне. — Что касается вас, Луковый Рыцарь, на сегодня я слышал достаточно изменнических речей. Вы предлагаете мне рисковать моим городом ради самозваного короля и ложного бога. Вы просите принести в жертву моего единственного сына, для того чтобы Станнис Баратеон смог сесть своим сморщенным задом

на трон, на который он не имеет права. Я этого не сделаю. Ни для вас. Ни для вашего лорда. Ни для кого.

Лорд Белой Гавани поднялся на ноги. Это усилие заставило его лицо покраснеть вплоть до самой шеи:

— Вы остались контрабандистом, сир, и пришли, чтобы украсть мое золото и родных. Вы хотите обезглавить моего сына. Я думаю, что вместо этого я обезглавлю вас. Стража! Взять этого человека!

Прежде чем Давос успел хотя бы подумать о том, чтобы двинуться, он был окружен серебряными трезубцами:

— Милорд, — произнес он — я посланник.

— Разве? Вы пробрались в мой город как контрабандист. Я заявляю, что вы не лорд, не рыцарь, не посланник, а лишь вор и шпион, разносчик клеветы и измены. Я должен был бы вырвать вам раскаленными клещами язык и доставить вас в Дредфорт, чтобы с вас содрали кожу. Но Матерь милостива, и я тоже.

Он позвал сира Марлона:

— Кузен, бросьте эту тварь в Волчье Логово и отрубите ему голову и руки. Я не смогу проглотить ни крошки, пока не увижу голову этого

контрабандиста на пике, с луковицей, торчащей из этого лживого рта.

Глава 20. Вонючка

Они дали ему лошадь и знамя, мягкий шерстяной дублет, тёплый меховой плащ и отпустили. На этот раз от него не воняло.

— Возвращайся назад, взяв замок, — напутствовал Дэймон Станцуй-для-Меня, помогая трясущемуся Вонючке забраться в седло. — Или отправляйся на все четыре стороны и проверь, как далеко сможешь убежать до того, как мы тебя поймаем. Ему это понравится, это точно.

Ухмыляясь, Дэймон хлестнул по крупу лошади кнутом, и старая кобыла, заржав, потрусила прочь.

Вонючка не смел оглянуться, опасаясь, что Дэймон, Жёлтый Хрен, Ворчун и все остальные едут следом, что всё это лишь очередная шутка лорда Рамси, какая-то жестокая проверка, чтобы посмотреть, что он станет делать, если дать ему лошадь и отпустить. «*Они думают, что я сбегу*?» Глупо надеяться, что эта жалкая, хромая и полумертвая от голода кляча сможет ускакать от тех прекрасных лошадей, на которых лорд Рамси и его охотники отправятся за ним в погоню. А

Рамси ни что так не любил, как пустить своих девочек по следу какой-нибудь новой жертвы.

Кроме того, куда ему бежать? С одной стороны лагеря полные солдат Дредфорта, с другой — люди Рисвелла, пришедшие с ним из Родников, а между ними — войско Барроутона. С юга от Рва Кейлин поднималась по гати другая армия — Болтонов и Фреев — под знамёнами Дредфорта. К востоку от дороги лежало унылое и бесплодное побережье и холодное солёное море, к западу — трясины Перешейка, кишащие змеями, львоящерами и болотными дьяволами с их отравленными стрелами.

Он не побежит. Ему не сбежать.

«*Я достану им замок. Я смогу. Я должен*».

День выдался серый, сырой и туманный. Дул южный и влажный, как поцелуй, ветер. Вдали, в просветах утренней дымки, показались развалины Рва Кейлин. Кобыла приближалась к ним шагом. Из под её копыт слышался хлюпающий звук, когда она выдергивала их из серо-зеленой жижи.

«*Я ехал этим путем прежде*». Это была опасная мысль, и Вонючка тут же о ней пожалел.

— Нет, — сказал он себе. — Нет, это был совсем другой человек, это случилось до того, как ты

узнал свое имя.

Его звали Вонючка. Он должен помнить это. «*Вонючка, Вонючка, Вонючка-колючка*».

Когда тот, другой человек, ехал этим путем, его окружала армия — великое воинство севера под бело-серыми знамёнами дома Старков. Вонючка ехал один, сжимая сосновое древко мирного знамени. Когда тот, другой человек, скакал этим путём, он сидел на боевом коне, быстром и норовистом. Вонючка трясся на разбитой кляче — кожа да кости — и вел её медленно, боясь свалиться. Тот, другой человек, был хорошим наездником, а Вонючка с трудом держался в седле. Как давно это было. Он не наездник. Он даже не мужчина. Он — зверюшка лорда Рамси, хуже собаки, червяк в человеческом обличье.

— Ты будешь делать вид, что ты принц, — сказал ему лорд Рамси прошлой ночью, когда Вонючка отмокал в ванне, полной обжигающе горячей воды, — но мы-то знаем правду. Ты — Вонючка. И всегда останешься Вонючкой, как бы приятно ты не пах. Твой нос может обмануть тебя. Помни свое имя. Помни, кто ты есть.

— Вонючка, — ответил он. — Ваш Вонючка.

— Сделай для меня это небольшое одолжение, и сможешь стать моим псом и есть мясо каждый

день, — пообещал лорд Рамси. — У тебя будет искушение предать меня. Бежать или сражаться, или присоединиться к нашим врагам. Нет, молчи, не хочу слушать возражений. Солжёшь, и я заберу твой язык. На твоем месте мужчина восстал бы против меня, но мы знаем, что ты такое, верно? Предай меня, если хочешь, это неважно… но пересчитай сначала свои пальцы и прикинь цену.

Вонючка знал цену. «*Семь*, — подумал он. — *Семь пальцев. Человек вполне может обойтись семью пальцами. Семь — священное число*». Он вспомнил, как ужасна была боль, когда лорд Рамси приказал Живодёру содрать кожу с его безымянного пальца.

Воздух вокруг был тяжёлым и влажным. Вонючка осторожно объезжал блестевшие на земле небольшие лужицы, держась того, что осталось от гати, проложенной авангардом Робба Старка, чтобы ускорить продвижение войска. Там, где когда-то стояла наружная стена, теперь валялись лишь камни — громадные глыбы чёрного базальта; когда-то, должно быть, понадобилась сотня человек, чтобы доставить их сюда. Некоторые из камней так глубоко увязли в трясине, что на поверхности торчали лишь их углы; другие были раскиданы, словно забытые игрушки какого-то

бога, потрескавшиеся и рассыпающиеся, поросшие лишайником. Мокрые и сверкающие после ночного дождя, в утреннем свете они выглядели так, будто были покрыты толстым слоем чёрного масла.

За камнями возвышались башни.

Пьяная башня вот уже пятьсот лет стояла, накренившись так, будто вот-вот рухнет. Детская башня тянулась в небо, прямая, как копье, подставив разрушенную вершину ветрам и дождям. Привратная башня, широкая и приземистая, осклизлая от лишайника, была самой крупной из трёх. К северу от неё на дорожке из камней росло кривое дерево, а на восток и запад протянулись обломки разрушенной стены. «*Карстарки заняли Пьяную башню, а Амберы — Детскую*, — вспоминал Вонючка. — *Робб же поселился в Привратной*».

Если бы он закрыл глаза, то мог бы представить полотнища знамен, гордо хлопавшие на свежем северном ветру. «*Теперь всё ушло. Все погибло*». Его щеки обдувал южный ветер, а над руинами Рва Кейлин развевались лишь знамёна с изображением золотого кракена на чёрном поле.

За ним наблюдали. Он практически чувствовал устремленные на него взгляды. Подняв голову,

Вонючка заметил бледные лица, выглядывавшие из-за крепостной стены Воротной башни и через разбитую каменную кладку наверху Детской Башни, где, согласно легенде, дети леса однажды призвали молот вод, чтобы разбить земли Вестероса надвое.

Единственный сухопутный путь через Перешеек — гать, а башни Рва Кейлин затыкали путь на север, как пробка бутылку. Дорога была узкая, а руины располагались так, что любому врагу, приближающемуся с юга приходилось проходить под ними и между ними. Чтобы штурмовать любую из трёх башен, нападавший, карабкаясь по мокрым камням, заросшим склизкими гирляндами белого мха по прозвищу «шкура призрака», вынужден был подставить свою спину под стрелы двух других. Болотистая почва вокруг гати была непроходимой, бесконечной трясиной, полной засасывающих воронок, плывунов и пестревших зеленью лужаек, выглядевших надежными для неопытного глаза, а на самом деле, оказывающихся водой в тот самый миг, как на них вступишь. Всё это кишело ядовитыми змеями, источающими отраву цветами и чудовищными львоящерами с огромными, словно кинжалы, клыками. Такими же опасными были

и люди, почти всегда незаметные, но наблюдающие: болотные жители, лягушатники, грязевики. Фенны и Риды, Питы и Боггсы, Крэи и Квагги, Гринхуды и Блэкмайры — так они себя величали. Железнорожденные называли их всех болотными дьяволами.

Вонючка прошел мимо гниющего трупа лошади с торчащей в шее стрелой. При его приближении в её пустую глазницу скользнула длинная белая змея. За лошадью он заметил всадника, вернее то, что от него осталось. Лицо трупа склевали вороны, а дикие собаки, забравшись под кольчугу, сожрали внутренности. Дальше лежало ещё одно тело. Его уже почти засосало в трясину, и на поверхности виднелись только лицо и пальцы.

Чем ближе он подходил к башням, тем больше становилось трупов. Сквозь их зияющие раны проросли кровоцветы — бледные, с мясистыми и влажными, как женские губы, лепестками цветы.

«*В гарнизоне ни за что меня не узнают*». Кто-то, возможно, и вспомнил бы юношу, которым он был, пока не узнал своё имя, но Вонючка им незнаком. Он уже давно не смотрелся в зеркало, но догадывался, что выглядит стариком. Большинство его волос выпало, а те, что остались,

поседели и стали жесткими и сухими, как солома. Подземелья ослабили его, превратив в старуху, и такую тощую, что сильный порыв ветра мог сбить его с ног.

А его руки… Рамси дал ему прекрасные перчатки из чёрной кожи, мягкие и эластичные. Там, где недоставало пальцев, их набили шерстью, но, приглядевшись к ним повнимательнее, можно было заметить, что три пальца не сгибаются.

— Стой! — прокричал голос. — Чего тебе надо?

— Поговорить. — Вонючка подстегнул лошадь, размахивая мирным знаменем так, чтобы его точно заметили.

— Я пришел без оружия.

Ответа не последовало. Он догадывался, что сейчас внутри железные люди обсуждают, впустить ли его или нашпиговать его стрелами. «*Всё равно*». Быстрая смерть здесь будет в сотню раз лучше, чем возвращение к лорду Рамси с пустыми руками.

Наконец дверь сторожки открылась.

— Давай!

Вонючка поворачивался на звук голоса, когда рядом просвистела стрела. Она прилетела откуда-то справа, где лежали обломки наружной стены, наполовину поглощённые трясиной. Древко про-

шило полотнище в футе от его лица. От испуга он выронил знамя и вывалился из седла.

— Сюда, — закричал голос. — Скорее, дурень, скорее!

Вонючка взбирался по ступенькам на четвереньках, когда над его головой пролетела другая стрела. Кто-то схватил его и втащил внутрь, и Вонючка услышал, как захлопнулась дверь. Его поставили на ноги, толкнули к стене и приставили нож горлу. Бородатый мужчина стоял так близко, что Вонючка мог сосчитать волоски у него в носу.

— Кто ты? Зачем пришел? Отвечай быстро, не то я сделаю с тобой то же, что и с ним.

Стражник кивнул в сторону позеленевшего и кишащего червями тела, гниющего у двери.

— Я железнорожденный, — солгал Вонючка. Юноша, которым он был прежде, в самом деле, был железнорожденным, но Вонючка появился на свет в подземельях Дредфорта. — Посмотри на мое лицо. Я сын лорда Бейлона. Ваш принц.

Он хотел назвать имя, но слова застряли у него в горле. «*Вонючка. Я Вонючка, Вонючка-канючка*». Ему придётся ненадолго об этом забыть. Никто не сдастся такому ничтожеству, как Вонючка, даже в самом отчаянном положении. Он должен

притвориться, что снова стал принцем.

Захвативший его мужчина, прищурившись, взглянул на его лицо, а затем, обнажив коричневые зубы, подозрительно скривил рот, из которого разило элем и луком.

— Сыновья лорда Бейлона убиты.

— Мои братья. Не я. Лорд Рамси взял меня в плен после Винтерфелла. Он послал меня сюда, чтобы поговорить с вами. Вы здесь командуете?

— Я? — Мужчина опустил нож и отступил, едва не споткнувшись о тело. — Нет, м'лорд.

Видневшаяся из под его ржавой кольчуги кожаная рубаха уже начала гнить, а на тыльной стороне руки кровоточила открытая рана.

— Капитан назначил командиром Ральфа Кеннинга. Я лишь сторожу дверь, вот и все.

— А это кто?

Вонючка пнул тело.

Стражник уставился на мертвеца, словно видел его в первый раз.

— Он… он пил воду. Мне пришлось перерезать ему горло, чтобы перестал кричать. Больной живот. Воду пить нельзя, поэтому мы запаслись элем.

Стражник потер лицо с красными, воспаленными глазами.

— Раньше мы складывали трупы в подвалах. Все погреба затопило. Никто не хочет возиться с мертвецами, вот они и лежат там, где померли.

— Подвал — лучшее место для мертвых. Отдайте их воде. Утонувшему Богу.

Мужчина расхохотался.

— Там внизу нет богов, м'лорд. Только крысы и водяные змеи. Белые твари, толщиной с вашу ногу. Иногда они заползают по ступеням и кусают спящих.

Вонючка вспомнил подземелья Дредфорта, крысу, извивающуюся в зубах, вкус тёплой крови на губах. «*Если я не справлюсь, Рамси пошлет меня обратно, только сначала сдерет кожу еще с одного пальца*».

— Сколько людей осталось в гарнизоне?

— Немного, — ответил железный человек. — Я не знаю. Меньше, чем раньше. Думаю, кто-то ещё есть в Пьяной башне, но не в Детской. Дагон Кодд ходил туда пару дней назад и сказал, что осталось только двое, да и те ели мертвецов. Не поверите, но он обоих убил.

«*Ров Кейлин пал,* — понял Вонючка. — *Только никто не удосужился им это сообщить*». Он потёр рот, прикрывая разбитые зубы, и сказал:

— Я должен поговорить с вашим командиром.

— С Кеннингом? — стражник, казалось, был в замешательстве. — Вряд ли он много расскажет. Он умирает. Может, уже помер. Я не видел его с… Уже не помню сколько…

— Где он? Отведи меня к нему.

— А кто же присмотрит за дверью?

— Этот.

Вонючка пнул тело.

Мужчина захохотал.

— Точно. Почему бы и нет? Тогда идем.

Он снял факел со стены и махал им, пока тот не разгорелся.

— Туда.

Стражник провёл Вонючку сквозь дверь вверх по винтовой лестнице. Пока они поднимались, свет факела отражался от черного камня стен.

В комнате наверху лестницы было темно, дымно и ужасно жарко. На узком окне весела рваная шкура, защищая помещение от влаги, а в жаровне тлел кусок торфа. В комнате стоял отвратительный смрад: воняло плесенью, застарелой мочой, дымом и хворью. Пол покрывал грязный тростник, а в углу, на куче соломы, заменявшей кровать, дрожал под грудой мехов Ральф Кеннинг.

Рядом с ним лежало его оружие: меч, топор,

хауберк, железный шлем и щит с изображением высунувшейся из облаков руки штормового бога, бьющего молнией в бушующее море. Краска на рисунке выцвела и облупилась, а дерево под ней начало гнить.

Ральф тоже гнил. Он метался под мехами в лихорадке; его голое, бледное тело раздулось и покрылось кровоточащими язвами и струпьями. Голова Ральфа превратилось в нечто уродливое — одна щека распухла до невообразимых размеров, а налившаяся кровью шея, грозила поглотить всё лицо. Рука с той же стороны, что и опухшая щека, стала толстой, как бревно, и в ней копошились личинки. Судя по его виду, Кеннинга много дней не мыли и не брили. Из одного глаза тек гной, а борода покрылась коркой засохшей рвоты.

— Что с ним произошло?

— Стоял на парапете, и какой-то болотный дьявол пустил в него стрелу. Всего лишь оцарапал, но… их стрелы отравлены, наконечники смазаны каким-то дерьмом или чем похуже. Мы залили рану кипящим вином, но это не помогло.

«*Я не могу вести с ним переговоры*».

— Убей его, — сказал Вонючка стражнику. — Он лишился рассудка, весь распух и кишит червями.

Мужчина уставился на него.

— Капитан оставил Ральфа за главного.

— Ты бы добил умирающую лошадь.

— Какую ещё лошадь? У меня никогда не было лошади.

«*У меня была*». В голове вспыхнуло воспоминание. Улыбчивый кричал почти как человек. С горящей гривой он поднялся на дыбы, ослеплённый болью, и бил копытами. «*Нет, нет. Не мой, он не был моим. У Вонючки никогда не было лошади*».

— Тогда я убью его сам.

Вонючка схватил меч Ральфа Кеннинга, лежавший возле щита. Ему все еще хватало пальцев, чтобы обхватить рукоять. Когда он рассек клинком распухшее горло, из под прорвавшейся кожи хлынул поток черной крови и желтого гноя. Кеннинг сильно дернулся, а потом замер. Комнату наполнил ужасный смрад. Вонючка бросился к лестнице. Там воздух был влажным и холодным, зато он был чище. Побледневший, едва сдерживающий рвоту железный человек выбежал за ним. Вонючка схватил его за руку.

— Кто следующий по старшинству? Где остальные?

— Кто наверху, на укреплениях, кто в зале. Спят

или напиваются. Я отведу, если хотите.

— Пошли.

На всё Рамси дал ему всего один день.

Высокий зал из тёмного камня, несмотря на сквозняк, был полон дыма. Каменные стены покрывали пятна белого лишайника, в почерневшем за долгие годы очаге тлел торф, а все свободное место, как и много веков подряд, занимал массивный стол из резного камня. «*Вот тут я сидел, когда был здесь в последний раз,* — вспомнил Вонючка. — *Робб занял место во главе стола, Большой Джон — по правую руку, а Русе Болтон — по левую. Гловеры сидели рядом с Хелманом Толхартом. Карстарк и его сыновья — напротив*».

За столом, развалившись, выпивали две дюжины железнорожденных. Когда он вошёл, лишь немногие удостоили его скучающим взглядом, но большинство не обратило внимания. Все были ему незнакомы. Кое-кто из них носил плащи с застёжками в виде серебряной трески. Коддов недолюбливали на Железных Островах: мужчин считали ворами и трусами, а женщин — потаскухами, спавшими с родными отцами и братьями. Его не удивило, что, дядя оставил здесь именно их, когда Железный Флот отправился домой. «*Это*

очень упростит мне задачу».

— Ральф Кеннинг мертв, — объявил Вонючка. — Кто здесь за главного?

Пьяные тупо уставились на него. Один засмеялся. Другой сплюнул. Наконец, мужчина из Коддов сказал:

— А кто спрашивает?

— Сын лорда Бейлона.

«*Вонючка, меня зовут Вонючка, Вонючка-отключка*».

— Я прибыл по приказу Рамси Болтона, лорда Хорнвуда и наследника Дредфорта, пленившего меня в Винтерфелле. Его войско стоит к северу от вас, войско его отца — к югу, но лорд Рамси готов проявить милосердие, если вы сдадите ему Ров Кейлин до захода солнца.

Он вытащил письмо, которое ему дали, и бросил на стол перед забулдыгами.

Один из них поднял его, перевернул, рассматривая печать из розового воска, и спустя какое-то время сказал:

— Пергамент. Что с него толку? Нам нужны сыр и мясо.

— Ты хотел сказать сталь, — произнес сидевший рядом с ним старик с обрубком на месте левой руки. — Мечи. Топоры. И луки, ещё сотню

луков, да стрелков в придачу.

— Железнорожденные не сдаются, — произнес третий голос.

— Скажи это моему отцу. Лорд Бейлон преклонил колено, когда Роберт проломил его стену. Иначе бы он погиб. Так же как и вы, если не сдадитесь. — Вонючка указал на пергамент. — Сломайте печать. Прочитайте. Это условия, при которых вам сохранят жизнь, написанные собственной рукой лорда Рамси. Сложите оружие, и отправляйтесь со мной, тогда его светлость накормит вас, позволит уйти невредимыми на Каменный Берег и найти корабль домой. Иначе вы умрете.

— Это угроза?

Один из Коддов вскочил на ноги.

Глядя на его выпученные глаза, широкий рот и мертвенно бледную кожу, можно было подумать, что отец зачал его с рыбой, но всё же это был крупный мужчина, да ещё с длинным мечом.

— Дагон Кодд никому не сдается.

«*Нет, пожалуйста, вы должны выслушать*». От мысли, что с ним сделает Рамси, если он приползет в лагерь, не приведя гарнизон, он едва не обмочился. «*Вонючка, Вонючка, Вонючка-ссыкучка*».

— Это ваш ответ? — Он едва расслышал собственный голос. — Эта треска говорит за всех вас?

Стражник, встретивший его у двери, казалось, был уже не так уверен.

— Виктарион приказал нам держаться, это правда. Я слышал это собственными ушами. Держитесь здесь до моего возвращения, так он сказал Кеннингу.

— Да, — подтвердил однорукий. — Именно так и сказал. Его призвало Вече, но он поклялся вернуться с короной из плавника на голове и тысячей мужей за спиной.

— Мой дядя никогда не вернется, — ответил им Вонючка. — Вече короновало его брата Эурона, а Вороньего Глаза волнуют другие сражения. Вы думаете, мой дядя ценит вас? Это не так. Вы те, кого он оставил умирать. Он поступил с вами, как с грязью, которую счищает со своих сапог, сойдя на берег.

Слова достигли цели. Вонючка видел это в их глазах, в том, как они смотрели друг на друга или хмурились над своими чашами. «*Они все боялись, что их бросили. Но потребовался я, чтобы превратить страх в уверенность*». Здесь не было ни родичей знаменитых капитанов, ни крови

великих родов Железных Островов. Тут сидели лишь сыновья рабов и морских жен.

— Если мы сдадимся, то сможем уйти? — спросил однорукий. — Так говорится в этой писульке?

Он толкнул свиток с до сих пор несломанной печатью.

— Сам прочти, — ответил Вонючка, почти уверенный, что никто из них не умеет читать. — Лорд Рамси обращается со своими пленниками достойно, пока они держат слово.

«*Он забрал только пальцы на руках и ногах — и это ещё милостиво, хотя мог отрезать язык или снять кожу с ног от пятки до бедра*».

— Сдайтесь, и он пощадит вас.

— Лжец. — Дагон Кодд обнажил свой длинный меч. — Ты тот, кого зовут Перевёртышем. Почему мы должны верить твоим обещаниям?

«*Он пьян*, — понял Вонючка. — *За него говорит эль*».

— Верьте во что хотите. Я доставил послание лорда Рамси. Теперь мне пора возвращаться. На ужин у нас дикий кабан и репа, вымоченные в крепком красном вине. Тем, кто пойдет со мной, будут рады на пиру. Остальные умрут в течение дня. Лорд Дредфорта приведёт своих рыцарей по

гати, а его сын отправит за вами своих людей с севера. Пощады не будет. Тем, кто умрет в бою, очень повезёт. Оставшихся в живых кинут болотным дьяволам.

— Достаточно, — прорычал Дагон Кодд. — Ты решил запугать железнорожденных словами? Убирайся. Беги к своему хозяину прежде, чем я вспорю тебе брюхо, выпущу кишки и заставлю их съесть.

Он собирался сказать что-то ещё, но внезапно вытаращил глаза — с громким хрустом, прямо в середину его лба вонзился метательный топор. Меч Кодда выскользнул из его пальцев. Он задергался, как рыба на крючке, а потом упал лицом на стол.

Метнувший топор однорукий старик поднялся из-за стола, сжимая в руке другой топорик.

— Кто ещё хочет умереть? — поинтересовался он у остальных собутыльников. — Скажите, и я об этом позабочусь. — От лужи крови, где упокоился Дагон Кодд, по камню растекались красные ручейки.

— Что до меня, то я собираюсь жить, а не оставаться гнить здесь.

Один из мужчин глотнул эля. Другой перевернул свою кружку, чтобы смыть струйку крови,

пока та не добралась до места, где он сидел. Все молчали. Однорукий сунул метательный топор обратно за пояс, и Вонючка понял, что победил. Он почти что снова почувствовал себя мужчиной. «*Лорд Рамси будет мною доволен*».

Неловкими движениями из-за отсутствующих пальцев, но благодарный за те, что лорд Рамси ему оставил, Вонючка самолично спустил знамя с кракеном. Прошла добрая половина дня, прежде, чем железнорожденные собрались в путь. Их оказалось больше, чем он думал: сорок семь в Привратной башне и ещё восемнадцать в Пьяной. Двое из них были безнадежны, ещё пятеро — слишком слабы, чтобы идти. Но всё же оставалось пятьдесят восемь бойцов. Если бы лорд Рамси пошел на штурм руин, то, несмотря на всю свою слабость, они смогли бы положить втрое большее число противников. «*Он верно поступил, послав меня*», — говорил себе Вонючка, взбираясь на лошадь, чтобы вывести потрепанную колонну через болото к лагерю северян.

— Оставьте оружие здесь, — сказал он сдавшимся. — Мечи, луки, кинжалы. Вооруженных сразу же убьют.

Обратный путь занял втрое больше времени, чем когда он ехал один. Для четверых неходячих

соорудили грубые носилки; пятого нёс на спине его сын. Это замедляло движение, и все железнорожденные понимали, как они уязвимы для отравленных стрел болотных дьяволов. «*Умру, так умру*». Вонючка только молился, чтобы лучник знал свое дело, и смерть была быстрой и безболезненной. «*Умереть, как мужчина, а не повторить судьбу Ральфа Кеннинга*».

Однорукий, прихрамывая, ковылял впереди процессии. По его словам, звали его Адрак Хамбл и дома на Большом Вике его ждали одна островная жена и три морских.

— Когда я уплывал, три из четырёх были брюхаты, — поделился с Вонючкой однорукий, — а у Хамблов частенько рождаются близнецы. Первое, что придётся сделать по возвращении, это пересчитать своих новых сыновей. Может, даже назову одного в вашу честь, м'лорд.

«*Да, назови его Вонючкой*, — подумал он, — а *если будет плохо себя вести, сможешь отрезать ему пальцы на ногах и кормить крысами*». Вонючка повернул голову и сплюнул, думая о том, а не был ли Ральф Кеннинг счастливчиком.

К тому времени, как перед ними показался лагерь лорда Рамси, с синевато-серого неба заморосил легкий дождик. Часовой молча наблюдал

за шагавшими людьми. Воздух пропитался дымом от кухонных костров. Колонна всадников, возглавляемая лордиком с лошадиной головой на щите взяла их в кольцо. «*Один из сыновей лорда Рисвелла,* — узнал его Вонючка. — *Роджер, а может Рикард*». Он не мог их различить.

— Это все? — спросил всадник на рыжем жеребце.

— Те, кто остался в живых, милорд.

— Я думал, будет больше. Мы три раза их атаковали, и три раза они нас отбрасывали.

«*Мы — железнорожденные*», — с внезапной гордостью подумал Вонючка, и на миг вновь стал принцем, сыном лорда Бейлона, кровью Пайка. Но даже думать так было опасно. Он должен помнить свое имя. «*Вонючка, меня зовут Вонючка, Вонючка-закорючка*».

Они были у самого лагеря, когда лай своры гончих возвестил о приближении лорда Рамси, сопровождаемого Амбером Смерть Шлюхам и полудюжиной любимчиков: Живодёром, Кислым Алином, Дэймоном Станцуй-для-Меня, Большим и Малым Уолдерами. Вокруг них, рыча и щёлкая зубами на незнакомцев, носились собаки. «*Девочки бастарда*», — сказал про себя Вонючка, прежде чем вспомнил, что никто никогда, нико-

гда, никогда не должен использовать это слово в присутствии Рамси.

Вонючка спешился и преклонил колено.

— Милорд, Ров Кейлин ваш. Вот его последние защитники.

— Так мало. Я надеялся на большее. Они так упорно сопротивлялись. — Бледные глаза лорда Рамси засияли. — Вы должно быть, голодали. Дэймон, Алин, присмотрите за ними. Вино, эль и столько еды, сколько пожелают. Живодёр, покажи раненых нашим мейстерам.

— Да, милорд.

Несколько железнорожденных пробормотали слова благодарности, прежде чем потащиться к кухонным кострам в центре лагеря. Один из Коддов даже попытался поцеловать кольцо лорда Рамси, но собаки отогнали его, а Элисон отгрызла ему кусок уха. Не обращая внимания на текущую по шее кровь, тот подскакивал, кланялся и восхвалял милосердие его светлости.

Когда последние из них ушли, Рамси Болтон с улыбкой повернулся к Вонючке, взял его за затылок, притянул его к себе и, поцеловав в щеку, прошептал:

— Мой старый приятель Вонючка. Неужели они и правда приняли тебя за своего принца?

Какие идиоты эти железные люди. Боги смеются над ними.

— Всё, чего они хотят, это отправиться домой.

— А чего хочешь ты, мой милый Вонючка? — нежно, как любовник, прошептал Рамси. Изо рта у него сладко пахло вином и гвоздикой. — Такая доблестная служба заслуживает награды. Я не могу вернуть тебе твои пальцы, но наверняка тебе что-нибудь от меня нужно. Может тебя отпустить? Освободить от службы? Хочешь пойти с ними, вернуться на свои унылые острова в сером холодном море, снова стать принцем? Или предпочтешь остаться моим верным слугой?

По спине пробежал холодок. «*Будь осторожен*, — сказал себе Вонючка, — *очень, очень осторожен*». Ему совсем не понравилась улыбка его светлости, то, как блестели его глаза, и как сверкала в уголке рта слюна. Он уже видел такое. «*Ты не принц. Ты Вонючка, просто Вонючка, Вонючка-белоручка. Дай ему тот ответ, который он хочет*».

— Милорд, — ответил он. — Моё место здесь, с вами. Я ваш Вонючка. Я хочу лишь одного — служить вам. Все чего я прошу… мех вина — достаточная награда для меня… красного вина, самого крепкого, что есть, столько вина, сколько

может выпить мужчина…

Лорд Рамси расхохотался.

— Ты не мужчина, Вонючка. Ты всего лишь моя зверушка. Но ты получишь свое вино. Уолдер, позаботься об этом. И не бойся, я не верну тебя в подземелья, даю слово Болтона. Вместо этого мы сделаем из тебя пса. Мясо каждый день, и я даже оставлю тебе достаточно зубов, чтобы ты смог его есть. Можешь спать рядом с моими девочками. Бен, у тебя найдется для него ошейник?

— Сделаем, м'лорд, — ответил старый Костяной Бен.

Старик сделал даже больше. Той ночью в придачу к ошейнику Вонючке досталось потрепанное одеяло и половинка цыпленка. Ему пришлось сражаться за мясо с собаками, но это было лучшее, что он ел со времен Винтерфелла.

А вино… вино было тёмным и кислым, но крепким. Присев на корточки среди собак, Вонючка пил, пока не закружилась голова и его не вырвало. Он вытер рот и выпил ещё, а потом лег и закрыл глаза. Когда он проснулся, собака слизывала блевотину с его бороды, а темные облака закрывали месяц. Где-то в темноте кричали люди. Вонючка отпихнул собаку, перевернулся и снова заснул.

На следующее утро лорд Рамси отправил троих всадников вниз по гати, чтобы сообщить отцу о том, что путь свободен. Над Привратной Башней — там, где Вонючка спустил золотого кракена Пайка, подняли ободранного человека дома Болтонов. Вдоль истлевших досок дороги на вбитых прямо в болото деревянных кольях гнили красные, истекающие кровью тела. «*Шестьдесят три*, — Вонючка точно знал их число. — *Их шестьдесят три*». У одного не доставало половины руки. У другого в зубах был зажат пергамент с так и не сломанной печатью.

Три дня спустя авангард войска Русе Болтона прошел через руины и мимо ряда их жутких стражей: четыре сотни конных Фреев в серо-голубом, наконечники их копий сверкали в лучах пробивавшегося сквозь тучи солнца. Возглавляли отряд двое сыновей лорда Уолдера. Один — здоровяк с массивной выпирающей челюстью и толстыми мускулистыми руками. Другой — лысый с голодными, близко посаженными глазами, острым носом и жидкой каштановой бороденкой, еле прикрывавшей его безвольный подбородок. «Хостин и Эйенис». Вонючка помнил их по тому времени, когда ещё не знал свое имя. Хостин был подобен быку — терпеливый, но беспощадный,

если его вывели из себя, и слыл самым свирепым бойцом на службе у лорда Уолдера, а старший, Эйенис — безжалостнее и намного умнее, командир, не боец. Оба слыли матерыми вояками.

Далеко позади от этого отряда под развевающимися на ветру потрепанными знаменами шагали северяне. Вонючка смотрел, как они шли — их было очень мало, и в основном пешие. Он вспомнил огромное войско, отправившееся на юг с Молодым Волком под лютоволком Винтерфелла. С Роббом на войну отправилось около двадцати тысяч мечей и копий, назад вернулись только двое из десяти, и большинство из них — воины Дредфорта.

В центре самой многолюдной части колонны ехал человек в тёмно-серых доспехах и тунике из кроваво-красной кожи. Его рондели, прикрывавшие подмышки, были выполнены в форме человеческих голов с открытыми в предсмертном крике ртами. С плеч ниспадал розовый шерстяной плащ с вышитыми на нём капельками крови, а на глухом шлеме развевался длинный шлейф из красного шёлка. «*Ни одному болотному жителю не удастся убить Русе Болтона отравленной стрелой*», — заметив всадника, подумал Вонючка. Позади него скрипел тарантас, запряжённый

шестью сильными тягловыми лошадьми. Спереди и сзади его прикрывали арбалетчики, а тёмно-синие бархатные занавески скрывали пассажиров от посторонних глаз.

Дальше тянулись обозы: громыхающие телеги, прогнувшиеся под тяжестью провизии и военных трофеев, и повозки, заполненные ранеными и калеками. А за обозом снова шли Фреи. По меньшей мере, тысяча, может и больше: лучники, копейщики, вооруженные косами и заострёнными кольями крестьяне, вольные всадники, конные лучники, и для усиления отряда — сотня рыцарей.

Вновь обряженный в лохмотья, в ошейнике и на цепи, Вонючка с другими собаками следовал по пятам за лордом Рамси. Его светлость шагнул вперёд, чтобы приветствовать своего отца, но когда всадник в темной броне снял шлем, его лицо оказалось совсем не таким, как помнил Вонючка. Улыбка Рамси угасла, на лице вспыхнул гнев.

— Что это за шутки?!

— Просто предосторожность, — прошептал Русе Болтон, выглянув из-за занавесок крытой повозки.

Лорд Дредфорта мало походил на своего сына-бастарда: самое обычное, чисто выбритое

лицо, гладкая кожа. Его нельзя было назвать ни красивым, ни уродливым. Ни одного шрама, хотя Русе участвовал в сражениях, и, несмотря на то, что ему было сильно за сорок, морщины ещё не избороздили его лицо, и лишь слабые намёки на них свидетельствовали о его возрасте. Губы были такими тонкими, что когда он их сжимал, казалось, что они вовсе исчезали. В нём была какая-то вечность, постоянство; на лице Русе Болтона гнев и радость выглядели почти одинаково. Всё, что у него было общего с Рамси — это глаза. «*Холодные, словно лед.* — Вонючка задумался, плакал ли когда-нибудь Русе Болтон. — *Если так, не ледяные ли слезы катились по его щекам*?»

Когда-то юноша по имени Теон Грейджой любил высмеивать Болтона на советах Робба Старка, передразнивая его тихий голос и отпуская шутки о пиявках. «*Наверняка, он был в бешенстве. Это не тот человек, с которым можно шутить*». Стоило только раз взглянуть на Болтона, как ты понимал, что в его мизинце больше жестокости, чем во всех Фреях вместе взятых.

— Отец.

Лорд Рамси преклонил колено перед своим родителем.

Лорд Русе какое-то время его изучал.

— Можешь встать.

Он повернулся, чтобы помочь двум молодым женщинам выйти из повозки.

Первая была маленького роста, очень толстая, с круглым красным лицом и тремя подбородками, видневшимися из-под соболиного капюшона.

— Моя новая жена, — представил её Русе Болтон. — Леди Уолда, это мой незаконнорождённый сын. Поцелуй мачехе руку, Рамси.

Тот так и сделал.

— И я уверен, ты вспомнишь леди Арью. Твою наречённую.

Девочка была худенькой и выше, чем он помнил, но этого и следовало ожидать. «*В этом возрасте девчонки быстро растут*». Она была одета в платье из серой шерсти с белой атласной подкладкой, а поверх накинут плащ из горностая, застёгнутый серебряной волчьей головой. Тёмные каштановые волосы спадали до середины спины. А ее глаза…

«*Это не дочь лорда Эддарда*».

У Арьи были отцовские глаза, серые глаза Старков. Девочка её возраста могла отрастить волосы, стать выше, её грудь могла округлиться, но она не могла поменять цвет глаз. «*Это маленькая подружка Сансы, дочка стюарда. Джейни, так ее*

звали. Джейни Пуль».

— Лорд Рамси.

Девочка сделала реверанс. И это тоже было неправильно. «*Настоящая Арья Старк плюнула бы ему в лицо*».

— Я молюсь о том, чтобы стать вам хорошей женой и родить сильных сыновей- наследников.

— Так и будет, — пообещал Рамси. — И скоро.

Глава 21. Джон

Свеча погасла, превратившись в лужицу воска, но сквозь ставни уже пробивался утренний свет . Джон опять заснул за работой. На столе громоздились высокие стопки книг. Сноу сам принёс их из пыльных хранилищ, где провёл с фонарем полночи. Сэм был прав, книги отчаянно нуждались в том, чтобы их рассортировали, внесли в списки и привели в порядок. Но не умеющие писать и читать стюарды не справятся с таким заданием. Придется ждать возвращения Сэма.

«*Если он вернется*». Джон беспокоился за Сэма и мейстера Эйемона. Коттер Пайк написал из Восточного Дозора, что у берегов Сагоса «Штормовая ворона» видела обломки галеры. Было ли разбитое судно «Чёрной птицей», одним из наемных кораблей Станниса Баратеона, или принадлежало какому-нибудь торговцу, команда распознать не смогла. «*Я хотел отправить Лилли и ребенка в безопасное место. Неужели вместо этого я отправил их в могилу?*»

У локтя Джона стоял остывший едва тронутый вчера ужин. Скорбный Эдд заполнил миску до

предела, надеясь, что похлёбка из трех сортов мяса — печально известное блюдо Трёхпалого Хобба — размягчит черствый хлеб. Братья шутили, что три сорта мяса — это баранина, баранина и баранина, но скорее то были морковка, лук и репа. На остатках варева блестела плёнка застывшего жира.

После того, как Станнис освободил бывшие покои Старого Медведя, Боуэн Марш убеждал Джона перебраться туда. Но он не соглашался. Переезд в эти комнаты выглядел бы так, словно возвращения короля не ждут.

Когда Станнис выступил на юг, обитателей Чёрного Замка охватила странная вялость. Как будто и вольный народ, и чёрные братья затаили дыхание в ожидании вестей. Дворы и обеденный зал опустели, от башни лорда-командующего остались лишь стены, от старого общего зала — груда обугленных досок, а башня Хардина, казалось, вот-вот упадёт под порывом ветра. Единственным признаком жизни был отдаленный звон мечей, доносившийся со двора арсенала. Железный Эммет кричал Хоп-Робину, чтобы тот закрылся щитом. «*Нам всем стоило бы закрыться щитами*».

Джон умылся, оделся и вышел из оружейной. Во

дворе он остановился, чтобы подбодрить парой слов Хоп-Робина и других подопечных Эммета. И в очередной раз отказался от предложенного Таем сопровождения. С ним и так едет достаточно людей, а если дело дойдёт до кровопролития, два лишних бойца ничем не помогут. Хотя Джон взял с собой Длинный Коготь, да и Призрак бежал следом.

К тому времени, когда Сноу добрался до конюшни, Скорбный Эдд уже оседлал и взнуздал его лошадь. Под бдительным присмотром Боуэна Марша повозки выстраивались в ряд. Лорд-стюард быстрым шагом обходил вереницу, в суматохе отдавая приказы. Его раскрасневшиеся от мороза щёки стали ещё ярче, когда он заметил Джона.

— Лорд-командующий, вы всё ещё настаиваете на этой...

— ...безумной глупости? — закончил Джон. — Признайтесь, вы ведь хотели сказать именно это, милорд. Да, настаиваю. И наш спор давно закончен. Восточный Дозор нуждается в людях. Сумеречная Башня, Серый Дозор и Ледовый Порог, несомненно, тоже. Остальные четырнадцать крепостей пустуют, и слишком большие участки Стены остаются без присмотра и защиты.

Марш поджал губы:

— Лорд-командующий Мормонт...

— ...мёртв. И он пал не от рук одичалых, а от рук своих же братьев по клятве, тех, кому доверял. Ни вы, ни я не знаем, что бы он сделал или не сделал на моем месте, — Джон повернул свою лошадь. — Довольно разговоров. В сторону!

Скорбный Эдд слышал всю перепалку. Когда Боуэн Марш поспешил прочь, он кивнул в его сторону и сказал:

— Гранаты. Они полны косточек. Человек может подавиться насмерть. Я б лучше выбрал репку. Никогда не слышал, чтобы репа причинила кому-нибудь зло.

Именно в такие моменты Джону больше всего не хватало мейстера Эйемона. Клидас хорошо заботился о воронах, но у него не было и десятой части знаний и опыта Эйемона Таргариена, а его мудрости и того меньше. Боуэн — по-своему хороший человек, но ранение, полученное на Мосту Черепов, ожесточило его, и теперь все свои разговоры он сводил к необходимости запечатать ворота. Отелл Ярвик был одновременно бесстрастен, лишён воображения и молчалив, а Первые Разведчики, казалось, гибли чуть ли не сразу после назначения. «*Ночной Дозор потерял много отличных людей*, — размышлял Джон,

когда повозки наконец двинулись. — *Старый Медведь, Куорин Полурукий, Донал Нойе, Джармен Баквелл, мой дядя...*»

Пока вереница выдвигалась на юг по Королевскому тракту, начал падать снежок. Длинный ряд повозок следовал мимо полей, ручьёв и поросших лесом холмов. Сопровождали груз по дюжине копьеносцев и лучников. В последние несколько посещений Кротового городка братья столкнулись с недовольством. Некоторые его жители устраивали давку, кое-кто выкрикивал проклятия, и многие провожали их угрюмыми взглядами. Боуэн Марш считал, что лучше не рисковать, и хотя бы в этом они с Джоном были согласны.

Лорд-стюард возглавлял колонну. Чуть позади ехали Джон и Скорбный Эдд Толлет. В полумиле к югу от Чёрного Замка Эдд заставил свою лошадку подойти ближе к лошади Сноу и сказал:

— М'лорд? Взгляните-ка туда. На большого пьянчугу на холме.

Пьянчугой называли древний ясень, за столетия изогнувшийся под порывами ветра. Теперь у него появилось лицо. Печальный рот, сломанная ветка вместо носа. Два глубоко вырезанных в стволе глаза смотрели на север вдоль Королев-

ского тракта, в сторону замка и Стены.

«*Всё-таки одичалые принесли с собой своих богов*». Джон не удивился. Людям нелегко отказаться от своих богов. Представление, устроенное леди Мелисандрой под Стеной, внезапно показалось фальшивым, как фиглярский фарс.

— Он чем-то похож на тебя, Эдд, — сказал Джон, пытаясь обратить всё в шутку.

— Да, м'лорд. У меня на носу не растут листья, но во всем остальном... Леди Мелисандра будет недовольна.

— Она этого не увидит. Проследи, чтобы никто ей не сказал.

— Но она многое видит в своём огне.

— Дым и пепел.

— И горящих людей. Наверное, меня. С листьями на носу. Я всегда боялся сожжения, но надеялся умереть перед этим.

Джон бросил последний взгляд на дерево, размышляя, кто же вырезал на нем лицо. Он выставил караулы вокруг Кротового городка, чтобы охранять женщин одичалых от его братьев-ворон, а также чтобы помешать вольному народу учинять набеги на юг. Несомненно, тот, кто вырезал лицо на ясене, пробрался мимо часовых. И если один человек сумел проскользнуть через

кордоны, сумеют и другие. «*Я мог бы еще удвоить стражу*, — угрюмо подумал он. — *Выделить больше людей, в ущерб дозору на Стене*».

Повозки продолжали медленно ползти через метель на юг по замерзшей грязи. Спустя милю обнаружилось второе лицо, вырезанное на каштане, растущем возле превратившегося в лед ручья. Глаза дерева смотрели на старый дощатый мост.

— Вдвое больше неприятностей, — объявил Скорбный Эдд.

Листья с каштана давно облетели, но его голые коричневые ветви не пустовали. На низком, вытянувшемся над ручьем суке сидел нахохлившийся от холода ворон. Заметив Джона птица расправила крылья и каркнула. Джон поднял кулак и свистнул. Черный ворон слетел вниз, с криком:

– *Зерно, зерно, зерно*.

— Это зерно для вольного народа, — сказал ему Джон. — Не для тебя.

Про себя он подумал, не придется ли им всем перейти на воронье мясо прежде, чем закончится надвигающаяся зима.

Джон не сомневался, что братья на повозках тоже заметили это лицо. Все промолчали, но для

любого зрячего послание было ясно как день. Однажды Джон слышал от Манса Налётчика, что большинство преклонивших колени — просто овцы.

— Собака может пасти овечье стадо, — говорил Король-за-Стеной, — но кое-кто из вольного народа — сумеречные кошки, кое-кто — камни. Одни рыскают, где хотят, и разорвут ваших псов на клочки. Другие не сдвинутся с места, пока их не пнёшь.

И сумеречные кошки, и камни едва ли отрекутся от богов, которых почитали всю жизнь, чтобы склониться перед едва знакомыми.

Прямо на север от Кротового городка на огромном дубе, обозначавшем границу поселения, был вырезан третий страж. Глубокие глаза пристально глядели на Королевский тракт. «*А лицо-то недружелюбное*», — отметил Джон. Лица, которые вырезали на стволах чардрев Первые Люди и Дети Леса в далёком прошлом, чаще всего были суровыми и жестокими, но огромный дуб выглядел особенно разгневанным. Казалось, он вот-вот выдернет корни из земли и с рёвом кинется на людей. «*Его раны так же свежи, как раны людей, что его вырезали*».

Основная часть Кротового городка находилась

под землёй, укрытая от холода и снега, поэтому он всегда был больше, чем казался. И сейчас это было заметнее, чем когда-либо раньше. Магнар теннов, готовясь штурмовать Чёрный Замок, мимоходом предал пустую деревню огню. Наверху остались лишь груды обгоревших балок и старые, черные от копоти камни. Но внизу, под замёрзшей землей, уцелели туннели, убежища и глубокие подвалы, и именно там укрывались люди вольного народа, ютились в темноте, как кроты, в честь которых и был назван город.

Повозки встали полукругом перед остатками бывшей деревенской кузницы. Неподалёку стайка детей с разрумянившимися лицами строила снежную крепость, но при виде одетых в чёрное братьев они разбежались и юркнули в подземные норы. Спустя несколько мгновений из-под земли стали появляться взрослые. И с ними пришло зловоние: вонь немытых тел и грязной одежды, дерьма и мочи. Джон видел, как один из братьев сморщил нос и сказал что-то своему соседу. «*Пошутил про воздух свободы*», — догадался он. Слишком многие из его подчинённых насмехались над вонью дикарей в Кротовом городке.

«*Дурацкое предубеждение*», — подумал Джон. Люди вольного народа ничем не отличались

от бойцов Ночного Дозора, кто-то был чистым, кто-то грязным, но большинство бывали порой чистыми, порой грязными. А эта вонь — просто запах тысячи людей, набившихся битком в подвалы и туннели, рассчитанные не более чем на сотню.

Одичалым происходящее было не в новинку. Безмолвно они встали в очереди у повозок. На каждого мужчину приходились три женщины, многие с детьми — бледными тощими созданиями, цепляющимися за юбки. Джон увидел лишь несколько младенцев. «*Грудные дети умерли во время перехода*, — понял он, — *а те, кто пережил битву, умерли в королевском лагере для пленных*».

Бойцы держались лучше. Три сотни боеспособных мужчин, как утверждал Джастин Масси на совете. Их сосчитал лорд Харвуд Фелл. «*Еще есть копьеносицы — пятьдесят-шестьдесят, возможно, даже сотня*». Джон знал, что при подсчете Фелла учитывались и раненые. Таких он увидел множество — на грубых костылях, безруких с пустыми рукавами, с одним глазом или половиной лица, безногих, которых несли товарищи. Все они были с серыми лицами, изможденные. «*Сломленные люди*, — подумал Джон. — *Мерт-*

вецы с чёрными руками — не единственный вид живых трупов».

Однако не все бойцы пали духом. Полудюжина теннов в бронзовых доспехах стояли группой на лестнице одного из подвалов, молча наблюдая и не делая попыток присоединиться к остальным. В развалинах старой деревенской кузницы Джон заметил большого лысого человека, в котором узнал Хеллека, брата Хармы Собачьей Головы. Однако свиньи Хармы исчезли. «Съедены, без сомнения». Двое в мехах были рогоногими, столь же дикими, сколь и тощими, они ходили босиком даже по снегу. «*Среди этих овец все еще встречаются волки*».

Ему об этом напомнила Вель в их последнюю встречу.

— Между вольным народом и поклонщиками больше сходства, чем различий, Джон Сноу. Мужчины остаются мужчинами, а женщины — женщинами, не важно, по какую сторону Стены они родились. Хорошие люди и плохие, герои и негодяи, люди чести и лжецы, трусы и изуверы... у нас, как и у вас, довольно тех и других.

«*Она права*». Сложность заключалась в том, чтобы отличить одних от других, отделить овец от волков.

Чёрные братья начали раздавать съестное. Они привезли куски твёрдой солонины, вяленую треску, сухие бобы, репу, морковь, мешки ячменной и пшеничной муки, маринованные яйца, бочки с луком и яблоками.

Джон услышал, как Волосатый Хэл говорил одной женщине:

— Ты можешь взять или яблоко, или луковицу, но что-то одно. Ты должна сделать выбор.

Женщина, кажется, не поняла.

— Мне нужно два яблока и две луковицы. По одному мне и моему мальчику. Он болеет, но яблоко поставит его на ноги.

Хэл покачал головой.

— Он должен прийти и сам взять своё яблоко. Или луковицу. Но не то и другое сразу. И ты тоже. Ну, что выбираешь — яблоко или луковицу? Поспеши, ещё многие ждут своей очереди.

— Яблоко, — сказала она, и получила одно, старое, высохшее, маленькое и вялое.

— Шевелись, женщина! — крикнул мужчина, стоявший на три места дальше неё. — Тут холодно.

Женщина не обратила внимания на крик.

— Дайте еще одно, — сказала она Волосатому Хэлу. — Это для сына. Пожалуйста. Это такое

маленькое.

Хэл взглянул на Джона. Тот покачал головой. Яблоки и так скоро закончатся. А если каждому, кому захочется, давать по два яблоку, опоздавшим не достанется ни одного.

— Отходи! — сказала девочка, стоявшая за женщиной, и толкнула её в спину. Женщина пошатнулась, уронила яблоко и упала. Остальные продукты выпали из ее рук. Бобы рассыпались, репа закатилась в грязную лужу, мешок муки порвался и его драгоценное содержимое вывалилось в снег.

Поднялись злые крики на старом и общем языках. Еще большая сутолока разразилась у другой повозки.

— Этого недостаточно, — ворчал старик. — Вы, проклятые вороны, хотите уморить нас голодом.

Сбитая с ног женщина ползала на коленях, собирая свою снедь. Джон увидел проблеск обнаженной стали парой ярдов дальше. Его лучники наложили стрелы на тетивы.

Он повернулся в седле:

— Рори, утихомирь их.

Рори поднял огромный рог к губам и дунул.

Суматоха и толкотня прекратились. Головы обернулись. Заплакал ребенок. Ворон Мормонта

перешел с левого плеча Джона на правое, кивая головой и бормоча:

– *Сноу, Сноу, Сноу*.

Джон подождал, пока стихли последние отголоски, пришпорил лошадь и выехал вперед, чтобы все могли его видеть.

— Мы кормим вас так, как можем, даём столько пищи, сколько можем выделить. Яблоки, лук, репа, морковь... впереди долгая зима, а наши закрома не бездонны.

— Вы вороны едите досыта, — Хеллек выступил вперед.

«*Пока что*».

— Мы охраняем Стену. Стена защищает королевство... а теперь — и вас. Вы знаете, кто наш враг. И знаете, что грядет. Некоторые из вас сталкивались с ними раньше. Мертвецы и белые ходоки, трупы с синими глазами и чёрными руками. Я тоже их видел и отправил одного в ад. Они убивают, а потом посылают ваших же мертвецов против вас. С ними не совладали ни великаны, ни тенны, ни кланы ледяной реки, ни рогоногие, ни вольный народ... и чем короче дни, а ночи — длиннее, тем возрастает их могущество. Вы покинули свои дома и бежали от них на юг сотнями и тысячами... зачем? Чтобы оказаться в

безопасности. Что ж, вашу безопасность обеспечивает Стена. И *мы*, чёрные вороны, которых вы презираете.

— Безопасность и голод, — сказала сидевшая на корточках женщина с обветренным лицом, копьеносица, судя по виду.

— Хотите есть лучше? — спросил Джон. — Еда предназначена для бойцов. Помогите нам охранять Стену — и будете есть так же хорошо, как любой из ворон.

«*Или так же плохо, когда запасы станут подходить к концу*».

Воцарилась тишина. Одичалые обменялись настороженными взглядами.

– *Есть*, — пробормотал ворон. — *Зерно, зерно*.

— Драться за тебя? — прозвучал голос с сильным акцентом. Сигорн, молодой магнар теннов, говорил на общем языке сильно запинаясь. — Не драться за тебя. Убить тебя — лучше. Убить ваших всех.

Ворон забил крыльями:

– *Убить, убить*.

Отец Сигорна, старый магнар, погиб под обрушившейся лестницей во время штурма Чёрного Замка. «*Я чувствовал бы то же самое, если бы кто-нибудь попросил меня присоединиться к Лан-*

нистерам ради общей цели», — сказал себе Джон.

— Твой отец пытался убить нас всех, — напомнил он Сигорну. — Магнар был храбрым человеком, но всё же потерпел поражение. А если бы выиграл... кто бы тогда защищал Стену? — Он отвернулся от теннов. — Стены Винтерфелла тоже были крепкими, но теперь замок лежит в руинах, сожжённый и разрушенный. Стена сильна людьми, которые её обороняют.

Старик, прижимающий к груди репу, сказал:

— Вы убивали нас, вы морили нас голодом, а теперь хотите сделать из нас рабов.

Коренастый краснолицый мужчина громко прокричал:

— Я скорее стану ходить голым, чем надену черные лохмотья на свою задницу.

Одна из копьеносиц рассмеялась:

— Даже твоя жена не хочет видеть тебя голым, Баттс.

Дюжина голосов зазвучала одновременно. Тенны кричали на старом языке. Маленький мальчик расплакался. Джон Сноу дождался, пока все не угомонятся, после чего повернулся к Волосатому Хэлу и спросил:

— Что ты сказал той женщине?

Хэл растерялся.

— Вы имеете в виду, насчет еды? Яблоко или луковица? Это всё, что я сказал. Они должны сделать выбор.

– *Вы должны сделать выбор*, — повторил Джон Сноу. — Все вы. Никто не требует от вас принять наши обеты, и мне не важно, каким богам вы поклоняетесь. Мои боги — старые боги, боги Севера, но вы можете оставить себе красного бога, или Семерых, или любого другого, который слышит ваши молитвы. Нам нужны копья и луки. Нам нужны глаза на Стене.

Я возьму каждого мальчика старше двенадцати лет, который знает, как держать копьё и натягивать лук. Я возьму ваших стариков, раненых и калек, даже тех, кто больше не может сражаться. Для них есть другие задания. Делать стрелы, доить коз, собирать дрова, убирать конюшни... работе нет конца. Да, я возьму и ваших женщин тоже. Мне не нужны стыдливые девы, нуждающиеся в защите, но я приму столько копьеносиц, сколько явится.

— А девочек? — спросила девочка, такая же юная, как Арья, когда Джон видел её последний раз.

— Шестнадцати лет и старше.

— Ты берешь мальчишек с двенадцати.

В Семи Королевствах двенадцатилетние мальчики часто уже были пажами или оруженосцами, многие годами тренировались с оружием. Двенадцатилетние девочки оставались детьми. «*Но это одичалые*».

— Как хотите. Беру мальчиков и девочек с двенадцати лет. Но только тех, кто готов слушаться. Это требование одинаково для всех. Я не прошу вас кланяться мне, но назначу вам своих капитанов и сержантов, которые будут говорить вам, когда вставать и когда спать, где есть, когда пить, что надевать, когда доставать мечи и выпускать стрелы. Люди Ночного Дозора служат всю жизнь. Я не стану просить этого от вас, но пока вы на Стене, будете мне подчиняться. Не выполните приказ — отрублю вам голову. Спросите братьев, если сомневаетесь. Они видели, как я это делал.

– *Отрублю*! — крикнул ворон Старого Медведя. — *Отрублю, отрублю, отрублю*.

— Выбор за вами, — сказал им Джон Сноу. — Те, кто хотят помочь нам удерживать Стену, вернутся в Чёрный Замок со мной, и я позабочусь об их вооружении и пище. Остальные — забирайте лук и репу и уползайте назад, в свои норы.

Девочка первой шагнула вперед:

— Я могу драться. Моя мать была копьеноси-

цей.

Джон кивнул. «*Ей, возможно, даже нет двенадцати*», — подумал он, глядя, как она протискивается между парой стариков, но не мог отказать своему единственному новобранцу.

За девчонкой последовала пара подростков, мальчишки не старше четырнадцати лет. Потом покрытый шрамами мужчина без глаза.

— Я тоже их видел, мертвецов. Даже вороньё лучше них.

Высокая копьеносица, старик на костылях, круглолицый мальчик с сухой рукой, юноша, чьи рыжие волосы напомнили Джону об Игритт.

А потом Хеллек.

— Я не люблю вас, вороны, — прорычал он, — но и Манс мне никогда не нравился, не более чем моей сестре. Но мы дрались за него. Почему бы не подраться за вас?

И тогда будто прорвало плотину. Хеллек был выдающимся человеком. «*Манс не ошибся*».

— Вольный народ следует не за именами или маленькими зверьками, вышитыми на туниках, — говорил ему Король-за-Стеной. — Они не станут танцевать за монетки, им не важно, как ты себя величаешь, какова твоя должность и кто был твоим предком. Они следуют за силой. Они

следуют за человеком.

Родичи Хеллека последовали за ним, затем один из знаменосцев Хармы, потом люди, сражавшиеся вместе с ней, а следом те, кто слышал легенды об их доблести. Седобородые старики и зеленые юнцы, воины в расцвете сил, раненые и калеки, немало копьеносиц, даже трое из рогоногих.

«*Но ни один из теннов*». Магнар развернулся и исчез в туннелях, за ним по пятам последовали его подручные в бронзовых доспехах.

К тому времени, когда было роздано последнее вялое яблоко, повозки переполнились одичалыми, людей было на шестьдесят три больше, чем утром, когда вереница повозок отправилась из Чёрного Замка.

— Что вы собираетесь с ними делать? — спросил Джона Боуэн Марш, когда они ехали назад по Королевскому тракту.

— Обучить их, вооружить и распределить. Отправить туда, где они нужны. В Восточный Дозор, Сумеречную Башню, Ледовый Порог, Серый Дозор. Я собираюсь открыть еще три крепости.

Лорд-стюард оглянулся:

— А женщины? Наши братья не привыкли к присутствию женщин, милорд... Их клятва... бу-

дут драки, насилие...

— Эти женщины носят ножи и прекрасно умеют ими пользоваться.

— Рано или поздно какая-нибудь из этих копейщиц перережет глотку одному из наших братьев. Что тогда?

— Тогда мы потеряем бойца, — сказал Джон, — но только что мы получили шестьдесят три новобранца. Вы отлично умеете считать, милорд. Поправьте меня, если я ошибаюсь, но мои подсчеты говорят, что в таком случае у нас останется шестьдесят два.

Марша это не убедило:

— К нам добавились шестьдесят три рта, милорд... но сколько из них действительно бойцы, и на чьей стороне они будут сражаться? Да, они, скорее всего, поддержат нас, если Иные придут к воротам... но если это будет Тормунд Великанья Смерть или Плакальщик с десятью тысячами воющих убийц, что тогда?

— Тогда и узнаем. Пока же будем надеяться, что до этого никогда не дойдет.

Глава 22. Тирион

Ему снились отец и Лорд в Саване. В этом кошмаре они были единым целым. Сдавив его в каменных объятиях, отец склонился, чтобы подарить веявший могильным холодом поцелуй… и тут Тирион проснулся. Во рту пересохло, и чувствовался привкус крови, а сердце колотилось как бешеное.

— Наш мёртвый карлик, похоже, воскрес, — произнёс Хэлдон.

Тирион потряс головой, чтобы окончательно придти в себя.

«*Горести. Я упал в воду в Горестях*».

— Я не умер.

— Ну, на это мы ещё посмотрим. — Над ним возвышался Полумейстер. — Утка, будь послушной птичкой и вскипяти немного бульона для нашего друга. Он наверняка голоден.

«Я на борту "Скромницы", — догадался Тирион, лежа под колючим пледом, от которого разило уксусом. *— Горести остались позади. Это был лишь сон. Мне всё это привиделось, когда я тонул».*

— Почему от меня воняет уксусом?

— Это всё Лемора. Говорят, растирания уксусом помогают от серой хвори. Лично я в этом сомневаюсь, но попробовать-то можно, хуже не будет. Гриф вытащил тебя из воды, а она откачала воду из лёгких, хоть ты и был холодный, как ледышка, а губы уже посинели. Яндри предлагал выбросить тебя обратно за борт, но парень не позволил.

«Принц».

Воспоминания обрушились на него, словно ураган: каменный человек тянет к нему покрытые трещинами серые руки, из пальцев сочится кровь.

«Он был тяжёлым, словно валун, и тянул вниз за собой».

— Меня спас Гриф?

«*Как же он меня ненавидит, раз не дал умереть».*

— Сколько я проспал? И где мы?

— В Селорисе. — Хэлдон вытащил из рукава миниатюрный ножик. — Вот, держи. — Легким движением руки он метнул нож в Тириона.

Карлик испугано отшатнулся когда лезвие, задребезжав, воткнулось в палубу у него между ног.

— Зачем? — удивился он, выдернув нож.

— Снимай ботинки и уколи по очереди все

пальцы на руках и ногах.

— Звучит довольно… болезненно.

— Надеюсь, что так и будет. Приступай.

Тирион стащил с себя ботинки, затем стянул чулки и недоуменно уставился на свои ноги. На его взгляд, они выглядели не лучше и не хуже, чем обычно. Он осторожно потыкал острием ножа большой палец.

— Сильнее, — потребовал Хэлдон Полумейстер.

— Нужно до крови?

— Если понадобится…

— Я же себе все пальцы изрежу.

— Мы тут не в считалочки пальцев играем. Посмотрим, что ты почувствуешь. Если боль — можешь спать спокойно, а нет — начинай бояться.

«Серая хворь».

Тирион скривился и с силой ткнул ножом в следующий палец. Увидев выступившую на месте укола бусинку крови, он тихо ругнулся.

— Больно. Теперь ты счастлив?

— Сейчас спляшу на радостях.

— Ну и вонючие у тебя ноги, Йолло, похлеще моих, — скривился Утка, принёсший бульон. — Гриф ведь предупреждал, что не стоит прикасаться к каменным людям.

— Ага, вот только подзабыл предупредить их, что не следует прикасаться ко мне.

— Ты не просто тыкай ножом в пальцы, а проверяй, нет ли там серых омертвевших участков кожи и не чернеют ли ногти, — наставлял Хэлдон. — Если увидишь такие признаки — режь. Лучше остаться без пальца, чем без ноги. Лучше лишиться руки, чем провести остаток дней, рыдая на Мосту Мечты. Закончишь с первой ногой — принимайся за вторую, затем руки.

Опустив злосчастную ногу, карлик закинул на неё другую и вновь принялся колоть себя ножом.

— А палец между ног мне тоже потыкать?

— Проверь. Вреда не будет.

— Это тебе вреда не будет… А может его просто отрезать, всё равно никакой пользы.

— Да пожалуйста! Высушим, набьём чем-нибудь и продадим за огромные деньги. Причиндалы карлика обладают магической силой.

— Я годами твердил о том же всем женщинам, — усмехнулся Тирион, ткнул острием ножа подушечку большого пальца на руке и быстро сунул его в рот, чтобы отсосать выступившую кровь. — И сколько времени мне себя истязать? Когда точно мы узнаем, что я здоров?

— Честно? — прищурился Полумейстер. — Ни-

когда. Ты пол реки выхлебал — может, серая хворь уже расползается по твоему телу, превращая внутренности в камень. Сначала сердце и лёгкие, а потом всё остальное. И если я прав, то покалывание пальцев и обтирания уксусом тебя не спасут. Как закончишь, отправляйся есть суп.

Бульон был хорош. Правда, Тирион заметил, что Полумейстер сел на другой конец стола, стараясь держаться подальше от него. «Скромница» пришвартовалась к потрёпанному пирсу на восточном берегу Ройна. Со стоявшей на якоре двумя пирсами ниже волантийской галеры сходили на берег солдаты. Пристань была буквально утыкана жавшимися друг к дружке торговыми лавками, палатками и складами. А за сложенной из песчаника стеной в красных лучах заходящего солнца полыхали огнём городские башни и купола.

«И всё же это не город».

Селорис до сих пор считался большой деревней, и управляли им из Старого Волантиса. Это был не Вестерос.

На палубу вышла Лемора, а следом за ней принц. Увидев Тириона, она бросилась к нему и крепко обняла.

— Благодарение Матери! Я молилась за тебя,

Хугор.

«Ну хоть ты за меня молилась».

— За это я на тебя не в обиде.

Приветствие Юного Грифа было более сдержанным. Наследничек трона пребывал в дурном настроении, злясь, что его заставили остаться на «Скромнице» и не позволили сойти на берег вместе с Яндри и Исиллой.

— Мы лишь хотим уберечь тебя, — успокаивала юношу Лемора. — Уж больно нынче времена неспокойные.

— По пути из Горестей в Селорис на восточном берегу мы трижды видели всадников, скакавших вдоль реки на юг. Дотракийцев. Однажды они пронеслись так близко от нас, что было слышно, как звенят колокольчики в их косах, и иногда ночами за восточными холмами сияло зарево от их костров. Еще нам встретились военные суда — волантийские речные галеры, полные солдат-рабов. Триархи, как видно, опасаются атаки на Селорис, — рассказал Полумейстер.

Тирион практически сразу понял, что к чему. Селорис единственный среди таких же крупных прибрежных поселений располагался на восточном берегу Ройна, отчего он был уязвимее для табунщиков, чем города на другой стороне.

«Даже если так, не велика добыча. Будь я на месте кхала, то сделал бы вид, что хочу напасть на Селорис, заставив волантийцев броситься на его защиту, а сам повернул бы на юг и рванул прямо на Волантис».

— Я умею пользоваться мечом, — настаивал на своём Юный Гриф.

— Даже храбрейшие из твоих предков в опасные времена держались поближе к гвардейцам.

Лемора сменила рясу септы на наряд, скорее подходящий жене или дочери зажиточного торговца. Тирион присмотрелся к ней повнимательнее. Он довольно легко раскусил, кто скрывается под синими крашеными волосами Грифа и Юного Грифа, Яндри и Исилла, похоже, были теми, кем казались, а Утка даже проще, чем пытался изобразить. Но вот Лемора...

«Кто же она на самом деле? Зачем она здесь? Полагаю, не ради золота. Что для неё значит этот принц? Была ли она когда-нибудь настоящей септой?»

Хэлдон тоже заметил смену её наряда.

— И как же нам реагировать на эту внезапную утрату веры? Я бы предпочел видеть вас в облачении септы, Лемора.

— А на мой вкус, уж лучше голой, — хмыкнул

Тирион.

Лемора наградила его укоризненным взглядом.

— Потому что душа у тебя нечестивая. Одеяние септы выставляет напоказ нашу связь с Вестеросом, привлекая ненужное внимание. — Она повернулась к принцу Эйегону. — Вы не единственный, кому приходится прятаться.

Похоже, парня это мало успокоило.

«Идеальный принц, но при этом совсем ещё ребенок, ничего не смыслящий в жизни и её превратностях».

— Принц Эйегон, раз уж мы оба застряли на судне, не окажете ли вы мне честь сыграть со мной партию в кайвассу, дабы скоротать за ней время? — предложил юноше Тирион.

Принц бросил на него настороженный взгляд.

— Меня уже мутит от кайвассы.

— Вы хотите сказать, что до тошноты надоело проигрывать карлику?

Как и рассчитывал Тирион, эти слова задели парня за живое:

— Пойди принеси доску и фигуры. На этот раз я разобью тебя в пух и прах.

Они уселись, скрестив ноги, прямо на палубу возле каюты, и игра началась. Юный Гриф по-

строил свою армию для атаки, выведя вперед дракона, слонов и боевого коня.

«Стратегия юнца, столь же глупая, сколь и смелая. Рискнуть всем ради быстрой победы».

Карлик предоставил принцу сделать первый ход. Хэлдон, стоя позади них, наблюдал за игрой.

Когда принц потянулся к своему дракону, Тирион кашлянул.

— На вашем месте я бы не стал этого делать. Большая ошибка выводить дракона так скоро, — невинно улыбнулся он. — Ваш отец знал, чем грозит храбрецу безрассудство.

— Ты знал моего настоящего отца?

— Видел пару раз. Когда Роберт его убил, мне было лишь десять лет, и мой собственный отец прятал меня в Утёсе. Нет, не могу сказать, что я знал принца Рейегара. Не так хорошо, как ваш мнимый отец. Лорд Коннингтон ведь был лучшим другом принца, верно?

Юный Гриф откинул со лба прядь синих волос.

— Они вместе служили оруженосцами в Королевской Гавани.

— Наш лорд Коннингтон — воистину самый преданный друг. А как же иначе, раз он до сих пор так верен внуку короля, отобравшего у него земли и титулы, а затем отправившего в изгна-

ние. А зря. Когда мой отец захватил Королевскую Гавань, друг Рейегара был бы там весьма кстати и мог помешать размазать по стене королевские мозги драгоценного сыночка своего венценосного приятеля.

Парень покраснел.

— Я же тебе говорил. Убили не меня, а сына какого-то кожевника из Вонючей Канавы, чья жена умерла во время родов. Бедняк продал младенца лорду Варису за кувшин арборского золотого. Сыновей у него хватало, а вот арборского вина попробовать не довелось. Варис забрал меня у моей матери, поменяв на мальца из «канавы».

— Да уж. — Тирион передвинул своих слонов. — И как только этот «принц из канавы» благополучно окочурился, евнух, не теряя времени, тайно переправил вас через Узкое море к своему толстому дружку. Сыроторговец спрятал вас на лодке и нашёл лорда-изгнанника, согласившегося назваться вашим отцом. Прелестная история, без сомнений. Когда вы завоюете Железный Трон, барды воспоют ваше спасение во всех красках… если, конечно, наша прекрасная Дейенерис соизволит взять вас в мужья.

— Она так и сделает. Должна сделать.

— Должна? — Тирион скептически поцокал

языком. — Неподходящее слово для ушей королевы. Конечно, вы для неё отличная партия. Умный, смелый, да к тому же красавец — о таком мечтает любая девица. Но Дейенерис Таргариен — не какая-то там девица. Она вдова дотракийского кхала, мать драконов и покорительница городов — прямо-таки, Эйегон Завоеватель с сиськами. Она может оказаться не такой уж и сговорчивой, как вам бы хотелось.

— Она согласится. — Эйегон выглядел сбитым с толку. По всему было видно, ему и в голову не приходило, что его невеста откажется выйти за него замуж. — Ты её совсем не знаешь. — И схватив фигуру боевого коня, принц с грохотом опустил её на доску.

Карлик пожал плечами.

— Я знаю, что она провела детство в изгнании, бедствуя, живя лишь мечтами и надеждами. В вечных бегах из города в город, всегда в опасности, в страхе. И никого не было рядом, кроме полубезумного брата… Брата, продавшего её девственность дотракийцу за обещание дать армию. Я знаю, что где-то в степях вылупились её драконы, и она сама заново родилась вместе с ними. Знаю, что она горда. А как иначе? Что у нее осталось кроме гордости? Она сильна. А как

по-другому? Дотракийцы презирают слабость. Будь Дейенерис слаба, то сгинула бы вместе с Визерисом. Я знаю, что она жестока. Астапор, Юнкай и Миэрин — отличное тому доказательство. Она пересекла бескрайние степи и Красную пустыню, на её жизнь не раз покушались, против неё строили заговоры и использовали тёмное колдовство. Она оплакала брата, мужа и сына. Втоптала города работорговцев в пыль своей изящной ножкой. И как, по-вашему, отреагирует эта королева, когда, представ перед ней с протянутой рукой, вы пролепечете: «Доброго утра тебе, тетушка. Я — восставший из мертвых твой племянник Эйегон. Я всю жизнь прятался на лодке, но теперь смыл синюю краску с волос и хотел бы забрать одного дракона… ах да, я уже говорил, что у меня больше прав на Железный Трон, чем у тебя?»

Эйегон скрипнул зубами от ярости.

— Я приду к своей тете *не* с протянутой рукой. Я явлюсь к ней как родич, во главе армии.

— Малюсенькой такой армии.

«Ну вот, это его хорошенько разозлило». Этот разговор напомнил карлику беседы с Джоффри. *«У меня просто дар злить принцев».*

— У королевы Дейенерис огромное войско, но вы не имеете к нему никакого отношения.

— Тирион передвинул своих арбалетчиков на соседнюю клетку.

— Говори, что хочешь. Она станет моей невестой, лорд Коннингтон позаботится об этом. Я верю ему, как родному.

— Может, нарядитесь шутом вместо меня? Не доверяйте *никому*. Ни своему мейстеру без цепи, ни лже-отцу, ни подлизе Утке, ни очаровательной Леморе, ни одному из этих милых друзей, растивших вас с колыбели. И в первую очередь не доверяйте сыроторговцу, Пауку и этой юной драконьей королеве, на которой вознамерились жениться. Конечно от всего этого недоверия у вас начнется несварение желудка и бессонница, но уж лучше страдать от бессонницы, чем заснуть вечным сном. — Карлик передвинул черного дракона через горную цепь. — Но кто я такой, чтобы вас учить? Ваш приемный отец — великий лорд, а я всего лишь скрюченный коротышка, похожий на мартышку. И все же, на вашем месте я бы поступил иначе.

Последняя фраза привлекла внимание парня.

— Иначе? Как именно?

— Будь я на вашем месте? Я бы отправился не на восток, а на запад. Высадился в Дорне и созвал знамена. Семь Королевств никогда ещё не были

такой легкой добычей, как сейчас. На железном Троне сидит мальчишка, на севере хаос, речные земли разорены, в Штормовом Пределе и на Драконьем Камне хозяйничают повстанцы. Когда наступит зима, в королевстве разразится голод. И кто же будет со всем этим разбираться? Кого беспрекословно слушается мальчик, правящий Семью Королевствами? Конечно же, мою ненаглядную сестрицу! Больше некого. Моего брата Джейме влекут сражения, а не власть. Много раз ему нужно было лишь протянуть руку — и вот она власть, но он просто отмахнулся от всех этих возможностей. Мой дядя Киван мог бы стать неплохим регентом, если бы кто-то возложил на него эти обязанности, но он никогда не возьмёт их сам. Боги создали его исполнителем, но не лидером. – *«Предположим, таким его сделали не только боги, но и мой отец».* — Мэйс Тирелл с радостью захапал бы себе скипетр, но мои родственнички не из тех, кто останется тихо стоять в сторонке. И все вокруг ненавидят Станниса. Кто же остался? Оп-ля-ля — только Серсея.

— Вестерос изранен и истекает кровью. Ни секунды не сомневаюсь, что и сейчас моя сестрица залечивает эти раны… солью. Серсея деликатна, как король Мейегор, самоотверженна, как Эйегон

Недостойный, и мудра, как Эйерис Безумный. Она никогда не забывает пренебрежения — настоящего или только кажущегося. Она считает осторожность трусостью, а инакомыслие — неповиновением. И жадности её нет предела. Она жадна до власти, до почестей, жадна до любви. До сих пор правление Томмена держится лишь на союзах, которые так тщательно создавал мой отец. Но близок день, когда она все их разрушит, все до единого. Высаживайтесь и созывайте знамёна. Никто не оставит ваш призыв без ответа — ни лорды всех мастей, ни простой люд. Но не тяните с этим, мой принц. Можно упустить момент. Волна, поднимающая вас на своем гребне, скоро покатится вниз. Постарайтесь прибыть в Вестерос до того, как моя сестра падёт и кто-то более сообразительный займёт её место.

— Но, — растерялся принц Эйегон, — как же мы победим без Дейенерис и её драконов?

— А вам и не *обязательно* побеждать, — ответил Тирион. — Всё, что вам нужно сделать — это созвать знамена, сплотить своих сторонников и продержаться до тех пор, пока Дейенерис не присоединится к вам со своей армией.

— Ты же сам сказал, что она может меня не принять?

— Пожалуй, я слегка преувеличил. Может она и сжалится, когда вы приползете просить её руки, — пожал плечами карлик. — Вы правда готовы рискнуть своим троном, понадеявшись на женскую прихоть? Но если вы отправитесь в Вестерос… о, тогда совсем другое дело. Вы уже мятежник, а не попрошайка. Храбрый, безрассудный, истинный наследник Таргариенов, идущий по стопам Эйегона Завоевателя. Дракон!

— Говорю же, я знаю нашу юную королеву. Стоит ей услышать, что убитый сын её брата Рейегара жив, что этот храбрый мальчик, горя желанием отомстить за своего отца и вернуть Железный Трон роду Таргариенов, поднял над Вестеросом драконье знамя её предков и мужественно сражается, окруженный со всех сторон неприятелем… она примчится к вам на всех парусах. Вы последний из её рода, а Мать Драконов, эта Разбивающая Цепи, прежде всего — *спасительница.* Девушка, утопившая в крови города рабовладельцев, лишь бы совершенно чужие ей люди не томились в оковах, едва ли оставит в беде сына собственного брата. И когда, прибыв в Вестерос, она увидит вас в первый раз, то вы встретитесь на равных, как мужчина и женщина, а не как королева и проситель. Неужели после

этого она сможет не влюбиться в вас? — Улыбаясь, он схватил своего дракона и передвинул его на другой край доски. — Надеюсь, ваше величество простит меня. Ваш король в ловушке. Поражение в четыре хода.

Принц изумленно уставился на игральную доску:

— Мой дракон…

— …слишком далеко, чтобы спасти вас. Вам следовало переместить его в центр битвы.

— Но ты же сказал…

— Я солгал. Не верьте *никому*, и держите дракона поблизости.

Юный Гриф резко вскочил на ноги и пнул игральную доску. Фигурки разлетелись во все стороны и, подпрыгивая, покатились по палубе «Скромницы».

— Собери их, — приказал юноша.

«В конце концов, может он и правда Таргариен».

— Как пожелает ваше величество. — Тирион опустился на четвереньки и принялся подбирать фигурки, ползая по палубе.

День близился к вечеру, когда на «Скромницу» вернулись Яндри и Исилла. Едва поспевавший за ними носильщик толкал перед собой тачку,

доверху нагруженную провизией: солью, мукой, свежим маслом, завернутыми в полотно окороками, мешками с апельсинами, яблоками и грушами. На плече Исиллы красовалась громадная, размером с Тириона, щука, а Яндри тащил на загривке бочонок с пивом.

Увидев стоявшего у сходней карлика, Исилла остановилась так резко, что Яндри врезался в нее и соскользнувшая с её плеча щука чуть было не шлепнулась обратно в реку. Подоспевший Утка еле успел схватить рыбину. Уставившись на Тириона, Исилла сделала странный жест, как будто протыкая воздух тремя пальцами.

«Знак, ограждающий от зла».

— Давай помогу тебе с рыбешкой, — предложил Тирион Утке.

— Нет, — одёрнула Исилла. — Не приближайся. И не смей трогать еду, кроме той, что ешь сам.

Карлик послушно поднял над головой руки:

— Как прикажешь.

Яндри опустил винный бочонок на палубу.

— Где Гриф? — спросил он у Хэлдона.

— Спит.

— Тогда буди. Мы принесли новости, которые будут ему интересны. В Селорисе только и говорят, что о королеве. По слухам, она до сих

пор торчит в Миэрине под осадой. Если верить базарным байкам, то Старый Волантис скоро присоединится к войне против неё.

Хэлдон поджал губы.

— Сплетням рыботорговцев доверять нельзя. Но думаю, Гриф захочет это услышать. Вы ж его знаете, — и Полумейстер спустился в каюту.

«Девчонка так и не выступила на запад».

Без сомнения, у неё были на это веские причины. Между Миэрином и Волантисом не менее пятисот лиг пустынь, гор, болот, да древних руин. Плюс Мантарис с его зловещей репутацией.

«Город монстров, но если она отправится по суше, то где же еще ей достать еды и воды? Морем, конечно, быстрее, но если у нее нет кораблей…»

Тем временем на палубу, где Исилла поливала лимонным соком скворчавшую на жаровне щуку, вышел Гриф. На наемнике была надета кольчуга, плащ из волчьей шкуры, мягкие кожаные перчатки и тёмные шерстяные штаны. Если он и удивился, увидев здравствующего Тириона, то не подал вида, если не считать его обычной хмурости. Он отвел Яндри к румпелю и стал с ним что-то обсуждать. Они разговаривали слишком тихо, чтобы карлик мог услышать хоть слово.

Наконец Гриф подозвал Хэлдона.

— Надо выяснить, правдивы ли слухи. Ступай на берег и разузнай, что сможешь. Каво наверняка в курсе. Если только ты его найдёшь. Проверь «Речника» и «Расписную Черепаху», да ты и сам знаешь, где ещё он бывает.

— Сделаю. И возьму с собой карлика. Четыре уха лучше, чем два. К тому же, вы помните, как Каво относится к кайвассе.

— Как хочешь. Постарайтесь вернуться до восхода. Если вас что-то задержит, то отправляйтесь к «Золотому Братству».

«Речь истинного лорда», — подумал про себя Тирион.

Хэлдон накинул на плечи плащ с капюшоном, а Тирион сменил пёстрый самодельный шутовской наряд на более неприметный серый. Гриф выдал каждому из них кошель серебра из сундука Иллирио. «Для развязывания языков».

Пока они шли по набережной, закат сменили сумерки. Карлик и Полумейстер шагали то мимо пустых судов с поднятыми сходнями, то мимо кораблей, на которых толпились вооруженные люди, провожавшие их настороженными взглядами. Висевшие над прилавками у городской стены бумажные фонарики освещали мощеную дорогу разноцветными огоньками.

Тирион наблюдал, как лицо Хэлдона становилось то зелёным, то красным, то фиолетовым. Где-то впереди сквозь какофонию иноземного говора пробивалась странная музыка — нежные, высокие ноты флейты переплетались с грохотом барабана, а неподалёку заливалась лаем собака.

И, конечно, на причале сновали шлюхи. Речной или морской порт всегда оставался портом, а там, где матросы, непременно крутятся и потаскухи.

«*Не об этом ли говорил мой отец? Может, все шлюхи отправляются к морю?*»

Шлюхи Ланниспорта и Королевской Гавани — свободные женщины. В Селорисе их сёстры по ремеслу были рабынями, на что указывала татуировка в виде слезинок под правым глазом.

«Большей частью старые и страшные, как грех, если не хуже». От их вида даже трахаться почти расхотелось.

Тирион почувствовал на себе любопытные взгляды. Глядя, как он вперевалочку ковыляет на своих коротких ногах, шлюхи принялись шептаться и хихикать, прикрывая рты ладошками. *«Можно подумать, никогда карликов не видали».*

Речные ворота охранял взвод волантийских копейщиков. В стальных когтях, торчавших из их латных рукавиц, отражались огни факелов.

Шлемы, сделанные в виде тигриных морд, не скрывали лиц с зелёными полосами-татуировками на щеках. Тирион знал, как солдаты-рабы Волантиса гордятся своими тигриными полосками.

«Тоскуют ли они по воле? — размышлял он. *— И что станут делать, если эта юная королева дарует им свободу? Кем ещё они могут быть, если не тиграми? Кто я, если не лев?»*

Один из тигров, увидев карлика, сказал что-то остальным, и те засмеялись. Когда Тирион со своим спутником подошли к воротам, стражник стянул с руки когтистую рукавицу вместе с провонявшей потом перчаткой, а затем, обхватив карлика за шею, грубо потер его голову. Всё произошло так внезапно, что ошарашенный случившимся Тирион даже не сопротивлялся, а лишь спросил у Полумейстера:

— Зачем он это сделал?

— Он говорит, что потереть голову карлика — к удаче, — объяснил Хэлдон, перекинувшись со стражником парой слов на чужом языке.

Тирион выдавил улыбку.

— Скажи ему, что отсосать у карлика — к ещё большей удаче.

— Лучше не надо. Тигры славятся своими ост-

рыми зубами.

Тем временем другой стражник, нетерпеливо помахивая факелом, дал им понять, что можно проходить. Хэлдон Полумейстер уверенным шагом направился в Селорис, а Тирион заковылял вслед за ним.

Их взору открылась огромная ярко освещенная площадь, даже в это позднее время заполненная людьми. Над воротами постоялых домов и борделей раскачивались на железных цепях фонари, сделанные из разноцветного стекла, а не бумаги, в отличие от тех, что висели перед городской стеной. Справа перед храмом из красного камня горел костер. Стоявший на балконе жрец в алых одеждах что-то вещал собравшейся вокруг пламени группке людей. А чуть дальше, напротив постоялого двора, за игрой в кайвассу коротали время путешественники. В здание, судя по всему бордель, беспрерывно то входили, то выходили пьяные солдаты. Рядом с конюшней женщина стегала мула. Мимо прогрохотала двухколёсная телега, запряжённая белым карликовым слоном.

«Другой мир, — подумал Тирион, — *но не так уж он и отличается от моего».*

На площади возвышалась статуя из белого мрамора, изображавшая безголового всадника на

боевом коне. И конская сбруя, и доспехи статуи выглядели роскошно.

— А это кто такой? — заинтересовался Тирион.

— Триарх Хоронно. Волантийский герой Кровавого Века. Его выбирали триархом на протяжении сорока лет, а потом он устал от выборов и провозгласил себя пожизненным триархом. Волантийцы, впрочем, не оценили эту шутку и вскоре после этого его казнили — разорвали пополам, привязав к двум слонам.

— Статуе явно не хватает головы.

— Он был тигром. Когда к власти пришли слоны, их сторонники вошли в раж и поотбивали головы у статуй тех, кто, по их мнению, был виновником всех войн и смертей. — Полумейстер пожал плечами. — Это случилось уже в другую эпоху. Пойдём-ка лучше послушаем, о чём говорит жрец. Могу поклясться, что там прозвучало имя Дейенерис.

Перейдя через площадь, они присоединились к толпе у храма, которая становилась всё больше и больше. Зажатый между возвышающимися над ним людьми карлик понял, что за всеми этими задницами вряд ли много увидишь. Тирион слышал почти каждое слово, произнесенное жрецом, но не улавливал смысл.

— Ты понимаешь, о чём он говорит? — спросил он у Хэлдона на общем языке.

— Обязательно бы понял, если бы один карлик не орал мне в ухо.

— Я не *орал*. — Скрестив на груди руки, Тирион вертел головой, рассматривая лица мужчин и женщин, остановившихся послушать жреца. И куда бы он ни взглянул, всюду маячили татуировки.

«Рабы. Четверо из пяти — рабы».

— Жрец призывает волантийцев отправиться на войну, — объяснил ему Полумейстер. — Но на правильной стороне, в качестве воинов Владыки Света — Рглора, создавшего солнце и звезды, извечного борца с тьмой. Нессос и Малакво отвернулись от света, жёлтые гарпии с востока посеяли тьму в их сердцах. Он говорит о…

– *Драконах*. Это слово я понял. Он сказал «драконы».

— Угу. Драконы явились, чтобы вознести её к славе.

— Её. Дейенерис?

Хэлдон кивнул.

— Бенерро послал из Волантиса весть дальше по миру. Её пришествие — это исполнение древнего пророчества. Из дыма и соли была она

рождена, дабы сотворить мир заново. Она — возродившийся Азор Ахаи… и её победа над тьмой принесёт лето, которому не будет конца… сама смерть преклонит пред ней колени, а те, кто падет, сражаясь за неё, переродятся заново…

— А я обязан переродиться в этом же теле? — спросил Тирион. Люди всё прибывали. Он чувствовал, что давка растёт.

— Кто такой Бенерро?

Хэлдон вздёрнул бровь.

— Первосвященник красного храма Волантиса, Пламя Истины, Свет Мудрости, Первый Служитель Владыки Света, Раб Рглора.

Единственным известным Тириону красным жрецом был Торос из Мира. Дородный, добродушный, в заляпанной винными пятнами одежде гуляка, который вечно ошивался при дворе Роберта, напиваясь вдрызг лучшими королевскими винами и воспламеняя свой меч ради турнирных схваток.

— Я предпочитаю толстых, безнравственных и циничных жрецов, — сказал он Хэлдону. — Тех, что, развалившись на мягких атласных подушках, трескают сладости и вставляют маленьким мальчикам. Беду приносят те, кто искренне верит в богов.

— Возможно, у нас получится использовать нынешнюю беду себе на пользу. Я знаю, где мы можем найти ответы.

Хэлдон направился мимо безголовой статуи к расположенному на площади большому каменному постоялому двору. Над дверью висел ярко раскрашенный панцирь огромной черепахи. Внутри, словно далёкие звёзды, мерцали тусклые красные огоньки сотни свечей. Воздух сочился ароматами жареного мяса и специй, а рабыня с вытатуированной на щеке черепахой разливала бледно-зелёное вино.

Хэлдон остановился на пороге.

— Вон там, те двое.

В нише за резным каменным столом для игры в кайвассу сидели два человека. Прищурившись от красного света свечей, они смотрели на расставленные на доске фигуры. Первый был тощим мужчиной болезненного вида с редеющими чёрными волосами и длинным острым носом, а второй — широкоплечий и толстопузый, с длинными вьющимися локонами, спускавшимися ниже воротника. Оба, не отрываясь, смотрели на доску, пока Хэлдон не втиснул между ними свой стул:

— Мой карлик играет в кайвассу лучше вас

обоих вместе взятых.

Оторвавшись от игры, здоровяк недовольно взглянул на непрошеных гостей и произнёс какую-то фразу на языке Старого Волантиса. Он говорил слишком быстро, чтобы Тирион смог понять смысл сказанного. Тощий откинулся на спинку стула и спросил на общем языке:

— Он продается? Коллекции диковинок триарха не помешал бы играющий в кайвассу карлик.

— Йолло не раб.

— Какая жалость. — Тощий передвинул ониксового слона.

Его соперник, игравший алебастровой армией, неодобрительно поджал губы и переставил своего боевого коня.

— Зря, — заметил Тирион, игравший свою роль знатока кайвассы.

— И верно, зря, — согласился тощий, сделав ответный ход боевым конем, за которым последовала череда быстрых ходов. — Ты продул, друг мой, — улыбнулся тощий.

Здоровяк кинул сердитый взгляд на доску и, ворча что-то на своем родном языке, поднялся из-за стола. Его противник рассмеялся:

— Да ладно тебе. Карлик так сильно не воняет.

Он жестом пригласил Тириона занять освобо-

дившееся место.

— Твоя очередь, коротышка. Выкладывай серебро, глянем, насколько ты хорош в игре.

«В какой именно игре?» — чуть было не брякнул Тирион, вскарабкиваясь на стул.

— Мне играется лучше на сытый желудок и с чашей вина в руке. — Проявив гостеприимство, тощий подозвал рабыню, чтобы заказать еду и питье.

— Благородный Каво Ногарис служит таможенным офицером здесь, в Селорисе. Мне ни разу не удалось победить его в кайвассу, — с почтением произнёс Хэлдон.

Тирион всё понял.

— Может, мне улыбнется удача. — Он развязал кошель и принялся столбиком выкладывать на доску монеты, пока Каво одобрительно не улыбнулся.

Игроки расставляли фигуры каждый на своей стороне перегороженного ширмой игрового поля.

— Что слышно из низовий? Будет ли война? — спросил тем временем Хэлдон.

Каво пожал плечами.

— Юнкайцы рвутся воевать. Они называют себя Мудрыми Господами. Не знаю, как там у них

с мудростью, но в хитрости недостатка нет. Их посол прибыл к нам с сундуками, набитыми золотом и драгоценными камнями, и двумя сотнями рабов: едва расцветших девочек и ещё не бреющихся мальчиков, обученных пути семи вздохов. Мне рассказывали, что его взятки щедры, а пиры запоминаются надолго.

— Юнкайцы подкупили ваших триархов?

— Только Нессоса. — Каво убрал ширму и пристально оглядел расположение войск Тириона. — Малакво, может, стар и беззуб, но он всё ещё тигр, а Донифоса больше не переизберут. Город жаждет войны.

— Но почему? — удивился Тирион. — До Миэрина много лиг по морю. Чем же милая деточка обидела Старый Волантис?

— Милая? — засмеялся Каво. — Если хоть половина историй, дошедших до нас из Залива Работорговцев, правдива, эта *деточка* — настоящий монстр. Говорят, она кровожадна, и тех, кто скажет слово поперёк, сажают на колья, и они умирают долгой мучительной смертью. Говорят, она колдунья, кормящая своих драконов новорожденными младенцами, клятвопреступница и богохульница, что она нарушает перемирия, угрожает послам и вымещает свой гнев на тех,

кто служил ей верой и правдой. Говорят, её похоть невозможно утолить: она совокупляется с мужчинами, женщинами, евнухами и даже с псами и детьми. Горе тому любовнику, что не сможет её удовлетворить. Она отдается мужчинам, взамен забирая их души.

«Прекрасно, — подумал Тирион, — *если она отдастся мне, пусть забирает мою маленькую невзрачную душонку».*

— Под «говорят» ты подразумеваешь тех работорговцев-изгнанников, которых она вышвырнула из Астапора и Миэрина, — ухмыльнулся Хэлдон. — Пустая клевета.

— В любой клевете есть доля правды, — возразил Каво. — К тому же, главный грех девчонки неоспорим. Это самонадеянное дитя взяло на себя смелость уничтожить торговлю людьми, однако Заливом Работорговцев дело далеко не заканчивается. Это часть всемирного морского промысла, и драконья королева замутила воду. За Чёрными Стенами лорды из древних родов спят неспокойно, прислушиваясь, как их рабы точат на кухне длинные ножи. Рабы обрабатывают наши поля и ухаживают за нашим скотом, чистят наши улицы, учат наших детей. Они сторожат наши стены, гребут на наших галерах,

сражаются за нас в битвах. А теперь, оглядываясь на восток, они видят там эту сияющую издалека юную королеву, эту Разбивающую Цепи. Этого не потерпят не только представители древних родов, бедняки тоже ненавидят её. Даже последний попрошайка — и тот стоит выше раба. А эта драконья повелительница хочет отобрать у него последнее утешение в жизни.

Карлик переставил вперед своего копьеносца. Каво ответил лёгкой кавалерией. Тирион передвинул арбалетчика на одну клетку и сказал:

— Красный жрец на улице, похоже, считает, что Волантис должен сражаться на стороне серебряной королевы, а не против неё.

— Красным жрецам лучше бы попридержать языки, — нахмурился Каво Ногарис. — Уже начались потасовки между их прихожанами и теми, кто поклоняется иным богам. Яростные речи Бенерро приведут лишь к тому, что он навлечет на себя большую беду.

— Какие речи? — спросил карлик, крутя в руке фигурку простолюдина.

Волантиец с досадой отмахнулся.

— В Волантисе каждую ночь тысячи рабов и вольноотпущенников наводняют храмовую площадь, чтобы послушать болтовню Бенерро о

кровоточащих звездах и огненном мече, который очистит мир. Из его проповедей следует, что Волантис наверняка сгорит в огне, если триархи поднимут оружие против серебряной королевы.

— Ну, такой ход событий даже я мог бы предсказать. А вот и еда.

На ужин принесли тарелку с жареной козлятиной, кусками разложенной на нарезанном кольцами луке. Приправленное специями мясо, сочащееся кровью внутри и покрытое хрустящей корочкой снаружи, источало вкуснейший аромат. Тирион схватил кусок. Козлятина оказалась такой горячей, что он обжёг пальцы, но такой вкусной, что он тут же потянулся за следующим куском. Карлик запил его бледно-зеленым волантийским ликёром, вкус которого по сравнению с теми напитками, что он пил последнее время, более всех напоминал вино.

— Отлично, — заявил он и, приподняв пальцами своего дракона, убрал одного из слонов Каво. — Самая сильная фигура в игре. У Дейенерис Таргариен, как известно, таких три.

— Три, — согласился Каво, — каждый против трех тысяч врагов. Граздан мо Эраз не единственный посол, которого отправили из Жёлтого Города. Когда мудрые господа поведут свои вой-

ска против Миэрина, легионы из Нового Гиса выступят на их стороне. Толосийцы. Элирийцы. Даже дотракийцы.

— Дотракийцы топчутся и у ваших собственных ворот, — сказал Хэлдон. — Кхал Поно.

Каво отмахнулся бледной рукой.

— Табунщики приходят, мы дарим им подарки, табунщики уходят.

Он снова передвинул свою катапульту, накрыл ладонью алебастрового дракона Тириона и убрал его с поля.

Остальные фигуры постигла та же участь, хотя карлик и продержался ещё с дюжину ходов.

— Пришло время для горьких слез, — подытожил Каво, сгребая кучку серебра. — Ещё партию?

— Думаю, хватит, — помотал головой Хэлдон. — Мой карлик получил урок смирения. Пожалуй, нам лучше вернуться на корабль.

Костер на площади всё ещё пылал, но жрец ушел, и толпа разошлась. В окнах борделя мерцали огоньки свечей, а изнутри доносился женский смех.

— Ночь только началась, — заметил Тирион, — а Каво наверняка рассказал нам далеко не всё. Зато шлюхи много чего слышат от мужчин, которых обслуживают.

— Ты так соскучился по женщинам, Йолло?

— Заскучаешь тут, когда вся любовь в собственных руках.

«Вполне вероятно, что Селорис именно то место, куда отправляются шлюхи. Тиша может быть здесь прямо сейчас с вытатуированными на щеке слезами».

— Я ж чуть не утонул. После такого мужчине необходима женщина. Кроме того, хочу удостовериться, что мой дружок не окаменел.

Полумейстер рассмеялся.

— Буду ждать тебя в таверне у ворот. Не затягивай там с этим делом.

— На этот счет можешь не переживать. Большинство женщин предпочитают закончить со мной как можно быстрее.

Бордель оказался довольно скромненьким по сравнению с теми, что карлик частенько посещал в Ланниспорте и Королевской Гавани. Хозяин хоть и говорил только по-волантийски, зато отлично понимал звон серебра. Он провел карлика под аркой в длинную пахнущую ладаном комнату, где скучали четыре полураздетые рабыни. На взгляд Тириона, двум из них было не меньше сорока, а самой младшей пятнадцать или шестнадцать. Привлекательными их вряд ли можно

было назвать, но они были и не такими страшными, как те, что он видел в доках. Одна была явно беременна. Другая просто толстуха с железными кольцами в сосках. И у каждой — татуировка в виде слез под глазом.

— У тебя есть девушка, говорящая на языке Вестероса? — спросил Тирион.

Хозяин недоумённо прищурился, и карлик повторил свой вопрос на Высоком Валирийском. Пару слов, похоже, тот всё-таки понял и ответил на Волантийском, но Тирион смог разобрать лишь фразу «закатная девушка» и решил, что хозяин имеет в виду девушку из Закатных Королевств.

В борделе была лишь одна такая, но совсем не Тиша. Конопатое лицо и бронзовые кудри девушки говорили о том, что грудь у неё тоже покрыта веснушками, а волосы между ног — рыжие.

— Сойдёт, — кивнул Тирион. — И принеси кувшин. Красное вино к красноволосой красавице.

Шлюха с отвращением рассматривала его безносое лицо.

— Я пугаю тебя, лапуля? Мерзкое чудовище, как сказал бы мой отец, если б не гнил в могиле.

Девушка хоть и выглядела как уроженка Вестероса, но не знала ни слова на общем языке.

«Возможно, она попала в рабство ещё ребёнком».

Её комната оказалась совсем маленькой, но на полу лежали мирийский ковёр и матрас, набитый перьями, а не соломой.

«Видал и похуже».

— Скажешь, как тебя зовут? — спросил Тирион, когда она протянула ему чашу с вином. — Нет?

Вино оказалось крепким и кислым и не нуждалось в переводе.– Пожалуй, самое время наведаться в твою пещерку. — Он вытер рот тыльной стороной ладони. — Ты хоть раз спала с монстром? Почему бы не сделать это сейчас? Долой одежду и марш в постель, если ты не против. А если и против, всё равно это ничего не меняет.

Девушка застыла столбом, удивлённо уставившись на Тириона, пока он не забрал у неё кувшин и не принялся задирать ей юбки. Тут она поняла, что от неё требуется, хотя и не проявила особой активности. У Тириона так долго не было женщины, что он кончил уже после третьего толчка.

Слезая с девушки, карлик чувствовал скорее стыд, чем удовлетворение.

«Это было ошибкой. Какой же жалкой тварью я стал».

— Тебе не знакома женщина по имени Тиша?

— спросил он, наблюдая, как его семя вытекает из нее на постель. Шлюха не ответила.

— Ты знаешь, куда отправляются шлюхи?

Девушка продолжала молчать.

«Она как неживая… Я только что поимел труп».

Её спина была исполосована шрамами, а глаза ничего не выражали, застыв, как у мертвеца. *«У нее даже нет сил ненавидеть меня».*

Ему захотелось вина. Много вина. Тирион схватил кувшин и поднес к губам. Он пил так жадно и быстро, что вино красными струйками полилось по подбородку и закапало с бороды на матрас. В тусклом свете свечей оно выглядело таким же тёмным, как и вино, отравившее Джоффри. Допив, Тирион отшвырнул в сторону кувшин, перекатился на край лежанки и сполз вниз. Он пошарил рукой по полу, надеясь найти ночной горшок, но того нигде не было.

Внезапно подкатила тошнота, и Тирион, грохнувшись на колени, облевал ковёр — тот самый великолепный пушистый мирийский ковёр, прекрасный, как сама ложь.

Шлюха жалобно вскрикнула.

«Они накажут за это её», — устыдился за себя Тирион.

— Отрежь мне голову и отвези ее в Королевскую Гавань, — посоветовал он девушке. — Моя сестра сделает тебя леди, и больше никто не посмеет сечь тебя розгами. — Поняв, что до неё не доходит, о чём он говорит, Тирион раздвинул ей ноги и, пристроившись между ними, взял её снова. Хотя бы это она способна понять.

Вскоре вино закончилось, и сам Тирион обессилел, так что он поднял с пола тряпьё девушки и швырнул его к двери. Она поняла намек и поспешно убралась из комнаты, оставив его в одиночестве лежать в темноте на продавленном матрасе.

«Я вдрызг пьян».

Он не смыкал глаз, боясь заснуть. Там, за занавесом сна подстерегали Горести. Крутые скользкие каменные ступени уносились в бесконечную высь, и где-то там наверху поджидал Лорд в Саване.

«Не хочу встречаться с ним».

Он неуклюже оделся в темноте и наощупь нашёл выход на лестницу.

«Гриф сдерет с меня шкуру. Ну и ладно… Если и есть на свете карлик, заслуживающий такой участи, то это я».

Внезапно на середине лестницы его нога скольз-

нула в пустоту. Лишь чудом избежав падения, он с грохотом съехал по лестнице. Сидевшие внизу шлюхи удивлённо наблюдали за его спуском. Приземлившись у подножия лестницы, Тирион с усилием поднялся на ноги и отвесил им поклон.

— Я куда как проворнее, когда пьян. Боюсь, что испортил ваш ковёр, — повернулся он к хозяину заведения. — Девушка не виновата. Позвольте мне заплатить за него. — И, вытащив из кармана горсть монет, швырнул её прямо ему в лицо.

— Бес, — произнес за спиной чей-то низкий голос.

В темном углу комнаты сидел мужчина с елозившей у него на коленях шлюхой.

«А эту мне не показали. Я бы выбрал её вместо конопатой».

Девушка была моложе других: стройная, красивая, с длинными серебристыми волосами. Скорее всего лиссенийка… но мужчина, на чьих коленях она сидела, был из Семи Королевств. Дюжий и плечистый, лет сорока, а может и старше. Несмотря на большие залысины на лбу, его щёки и подбородок покрывала жёсткая щетина, а на руках густо росли волосы, даже на костяшках пальцев.

Тириону совсем не понравилось, как выглядит

этот незнакомец, и ещё меньше — большой чёрный медведь, украшавший его одеяние.

«Шерсть. Он носит шерстяную одежду в такую жару. На такое хватит мозгов только у рыцаря».

— Приятно в такой дали от дома услышать родной язык, — сделав над собой усилие, поприветствовал незнакомца карлик. — Но боюсь, вы меня с кем-то спутали. Меня зовут Хугор Хилл. Позвольте угостить вас чашей вина, друг мой.

— Я и так уже достаточно пьян. — Рыцарь отпихнул шлюху, поднялся на ноги и, сняв висевший на стене позади него меч, вытащил клинок из ножен...

Сталь скользнула по коже с лёгким шорохом. Пламя свечей отражалось в широко распахнутых глазах шлюх, с жадностью взиравших на эту сцену. Хозяин заведения бесследно испарился.

— Ты мой, Хугор.

Пытаться сбежать было так же безнадёжно, как и драться. Тирион так опьянел, что не смог бы даже заговорить зубы рыцарю. Карлик беспомощно развёл руками.

— И что же ты со мной сделаешь?

— Отвезу тебя к королеве, — ответил рыцарь.

Глава 23. Дейенерис

Галазза Галар прибыла в Великую Пирамиду в сопровождении дюжины Белых Милостей — благородных девушек, слишком юных, чтобы провести положенный год служения в садах удовольствий при храме. Вместе они представляли собой прекрасную картину — гордая старица в зелёном в окружении одетых в белые мантии и вуали маленьких девочек, воплощавших саму невинность.

Королева тепло поприветствовала гостей и поручила Миссандее проследить, чтобы девочек накормили и развлекли, пока они с Зелёной Милостью ужинают наедине.

Повар приготовил им роскошную трапезу — ягнёнка в меду, благоухающего растёртой мятой и поданного с её любимым лакомством — мелкими зелёными фигами. Двое из лучших её «воспитанников» подносили еду и наполняли чаши. Это были брат с сестрой — волоокая Квезза и тощий мальчик по имени Гразхар, приходившиеся родственниками Зелёной Милости. Та приветствовала их поцелуями и спросила, хорошо ли

они справлялись со своими обязанностями.

— Они оба очень милы, — заверила жрицу Дени. — Квезза иногда поёт для меня. У неё красивый голос. А сир Барристан обучает Гразхара и других мальчиков традициям западного рыцарства.

— Они мои кровные родственники, — сказала Зелёная Милость, пока Квезза наполняла её чашу тёмно-красным вином. — Отрадно слышать, что они угодили вашей лучезарности. Надеюсь, и я смогу быть полезной.

У старой женщины были седые волосы и пергаментно-тонкая кожа, но годы не затуманили её зелёных, в тон облачению, печальных и полных мудрости глаз.

— Да простит меня ваша лучезарность, вы выглядите… утомленной. Вы хорошо высыпаетесь?

Дени едва не рассмеялась:

— Не очень. Вчера под покровом ночи три галеры из Кварта поднялись вверх по Скахазадхану. Дети Матери обстреляли их паруса горящими стрелами и забросали палубы горшками со смолой, но кораблям удалось ускользнуть, почти неповрежденными. Квартийцы намерены перекрыть реку так же, как перекрыли бухту. И теперь они не одни. К ним присоединились три галеры из Нового Гиса и каррака из Толоса.

В ответ на предложенный ею союз толосийцы объявили её шлюхой и потребовали вернуть Миэрин под власть великих господ. Но это было лучше, чем ответ от Мантариса, доставленный в кедровом сундуке караванным путем. Внутри она обнаружила головы трёх своих посланников, пересыпанные солью.

— Возможно, нам помогут ваши боги. Попросите их наслать бурю и прогнать корабли из бухты.

— Я помолюсь и принесу жертву. Может, боги Гиса меня и услышат. — Галазза Галар отхлебнула вина, не отрывая взгляда от Дени. — Внутри стен штормы бушуют не меньше, чем снаружи. Минувшей ночью погибло ещё несколько вольноотпущенников, по крайней мере, мне так сказали.

— Трое, — с горечью ответила Дейенерис. — Трусы вломились к ткачихам. Те никому не причиняли вреда, лишь создавали прекрасные произведения. У меня над кроватью висит подаренный ими гобелен. Прежде чем перерезать женщинам горло, Дети Гарпии изнасиловали их и сломали ткацкий станок.

— Мы наслышаны об этом. И до сих пор, ваша лучезарность находила в себе смелость отвечать на резню милосердием. Вы не причинили вреда

никому из детей-заложников.

— Пока нет. — Дени прониклась симпатией к своим юным подопечным. Одни из них были застенчивыми, другие — отважными, некоторые — милыми, некоторые — угрюмыми, но все вместе — невинными.

— Если я казню своих чашниц, кто же будет наливать мне вино и прислуживать за ужином? — ответила она, стараясь, чтобы это прозвучало как шутка.

Жрица не улыбнулась.

— Говорят, что Бритоголовый собирается скормить их вашим драконам. Жизнь за жизнь. За каждого зарезанного солдата Медных тварей он отнимет жизнь у ребенка.

Дени поковыряла еду в тарелке. Она не осмеливалась посмотреть туда, где стояли Гразхар и Квезза, боясть расплакаться.

«*Бритоголовый намного жестокосерднее меня*». Они полдюжины раз ссорились из-за заложников.

— Дети Гарпии посмеиваются в своих пирамидах, — сказал этим утром Скахаз. — Что пользы в заложниках, если вы их не казните? — В его глазах она всего лишь слабая женщина.

«*Мне хватило Хаззеи. Что хорошего в мире,*

купленном кровью малых детей?»

— Эти убийства не их деяние, — слабым голосом ответила Дени Зеленой Милости. — Я не мясник.

— И Миэрин благодарен за это, — сказала Галазза Галар. — Мы слышали, что Король-Мясник из Астапора мертв.

— Убит собственными солдатами после приказа выступить и атаковать юнкайцев. — В её словах звучала горечь. — Тело ещё не успело остыть, а его место уже занял другой, назвавшись Клеоном Вторым. Всего через восемь дней ему перерезали горло, и убийца потребовал корону себе. Как и любовница первого Клеона. Жители Астапора прозвали их Король-Горлорез и Королева-Шлюха. Их последователи сражаются друг с другом на городских улицах, а юнкайцы со своими наемниками ждут под стенами города.

— Да, скорбные времена. Ваша лучезарность, могу ли я осмелиться дать вам совет?

— Вы знаете, как высоко я ценю вашу мудрость.

— Тогда внемлите мне сейчас и вступите в брак.

— Ах, — Дени ожидала этого.

— Вы часто говорили о том, что вы всего лишь юная девушка. Глядя на вас, видишь девушку,

слишком юную и хрупкую для таких испытаний. Рядом с вами должен быть король, чтобы помочь нести это бремя.

Дени наколола ломоть ягненка и, откусив кусочек, медленно прожевала:

— Скажите, способен ли король надуть щеки и сдуть корабли Ксаро обратно в Кварт? Может ли он хлопнуть в ладоши и прорвать осаду Астапора? Накормить досыта моих детей и вновь принести мир на наши улицы?

— А вы? — спросила Зеленая Милость. — Король не бог, но сильный мужчина способен на многое. Когда мой народ смотрит на вас, то видит прибывшую из-за морей завоевательницу, явившуюся убить нас и превратить наших детей в рабов. Король в силах это изменить. Король из благородного гискарского рода может примирить город с вашим правлением. Иначе я опасаюсь, что оно закончится, как и началось — кровью и огнём.

Дени продолжала ковырять еду в тарелке.

— И кого боги Гиса прочат мне мужем и супругом?

— Хиздара зо Лорака, — решительно произнесла Галазза Галар.

Дени даже не потрудилась притвориться удив-

ленной:

— Почему Хиздар? Скахаз тоже высокого происхождения.

— Скахаз из рода Кандак, Хиздар — Лорак. Да простит меня ваша лучезарность, но только истинный гискарец способен уловить разницу. Мне часто приходилось слышать, что вы от крови Эйегона Завоевателя, Джейехериса Мудрого, Дейерона Юного Дракона. Благородный Хиздар наследник Маздхана Великолепного, Хазрака Красивого и Зхарака Освободителя.

— Его предки мертвы, как и мои. Разве Хиздар призовёт их тени, чтобы защитить Миэрин от врагов? Мне нужен муж с кораблями и мечами. Вы же предлагаете мне предков.

— Мы древний народ. Предки важны для нас. Вступите в брак с Хиздаром зо Лораком и родите сына. Его отцом станет гарпия, а матерью — дракон. В этом ребенке исполнятся пророчества, и ваши враги растают, как снег.

«*Жеребец, который покроет весь мир*». Дени знала истинную цену пророчествам. Они сотканы из слов, а слова — только ветер. Не будет у Лорака ни сына, ни наследника, в котором объединятся дракон и гарпия. «*Когда солнце встанет на западе и опустится на востоке, когда высохнут моря*

и ветер унесёт горы, как листья», — только тогда её лоно сможет зачать ребенка…

…но у Дейенерис Таргариен есть другие дети. Десятки тысяч человек, когда она разбила их цепи, провозгласили её матерью. Она подумала о Храбром Щите, о брате Миссандеи, о той женщине — Рилоне Ри, так прекрасно игравшей на арфе. Никакой брак не вернёт их к жизни, но если супруг поможет остановить жестокие убийства, тогда ради погибших она обязана выйти замуж.

«*Если я вступлю в брак с Хиздаром, не отвратит ли это от меня Скахаза*?» Бритоголовому она доверяла больше, чем Хиздару, но на троне он стал бы настоящим бедствием: слишком вспыльчив и злопамятен. Она не видела выгоды от брака с мужчиной, которого ненавидят так же, как и её. Насколько могла судить Дени, Хиздар пользовался большим уважением.

— А что думает об этом мой предполагаемый супруг? — спросила она Зелёную Милость.

«Что он замышляет на мой счет?»

— Ваше величество может спросить его самого. Благородный Хиздар ожидает внизу. Позовите его, если изволите.

«*Ты слишком много себе позволяешь, жрица*», — подумала королева, но проглотила гнев и за-

ставила себя улыбнуться.

— Почему бы нет? — Она послала за сиром Барристаном и попросила старого рыцаря привести к ней Хиздара. — Там долгий подъем. Отправьте Безупречных ему помочь.

Пока благородный Хиздар поднимался, Зелёная Милость закончила трапезу:

— Я удалюсь, если это угодно вашему великолепию. Не сомневаюсь, что вам и благородному Хиздару нужно многое обсудить.

Пожилая женщина смахнула капельку меда с губ, одарила Квеззу и Гразхара прощальным поцелуем в лоб и опустила на лицо шелковую вуаль.

— Я возвращаюсь в Храм Милости и помолюсь, чтобы боги подсказали нашей королеве мудрое решение.

Когда она вышла, Дени позволила Квеззе вновь наполнить чашу, отпустила детей и приказала, чтобы к ней допустили Хиздара зо Лорака.

«*Если он осмелится произнести хоть слово о своих драгоценных Бойцовых Ямах, я прикажу вышвырнуть его с террасы*».

Хиздар носил простую зелёную мантию под стёганым камзолом. Он вошел с торжественным лицом и низко поклонился.

— Вы мне даже не улыбнётесь? — спросила Дени. — Неужели я вас так сильно пугаю?

— Я всегда становлюсь серьёзным в присутствии такой красоты.

Хорошее начало.

— Выпейте со мной. — Дени сама наполнила его чашу. — Вам известно, почему вы здесь. Похоже, Зелёная Милость полагает, что если я возьму вас в мужья, то все мои печали вмиг рассеются.

— Я никогда не сделал бы столь смелого заявления. Мужчины рождены для борьбы и страданий. Наши враги исчезают лишь с нашей смертью. Однако я могу стать вам опорой. У меня есть золото, друзья, влияние, и в моих жилах течет кровь Старого Гиса. Я никогда не был женат, однако у меня двое внебрачных детей, мальчик и девочка, поэтому я способен подарить вам наследников. Я могу примирить город с вашим правлением и положить конец всей этой ночной поножовщине на улицах.

— Сможете ли? — Дени вгляделась в его глаза. — Почему ради вас Дети Гарпии решат отложить свои ножи? Вы один из них?

— Нет.

— А признались бы мне, будь это так?

— Нет, — рассмеялся он.

— Бритоголовый знает, как добиться правды.

— Не сомневаюсь, что Скахаз быстро заставит меня сознаться. Проведя день с ним, я стану одним из Детей Гарпии. Два — и стану самой Гарпией. Три — и окажется, что в детстве я приложил руку к убийству вашего отца в Закатных Королевствах. Затем он посадит меня на кол, и вы сможете полюбоваться моей смертью… но потом убийства продолжатся, — Хиздар наклонился ближе. — Или же выходите за меня замуж и позвольте мне остановить их.

— С чего это вдруг вы *захотели* мне помочь? Ради короны?

— Не стану отрицать, корона будет мне к лицу. Однако есть и многое другое. Что странного в том, что я хочу защитить свой собственный народ, как вы защищаете своих вольноотпущенников? Миэрин не вынесет еще одну войну, ваша лучезарность.

Хороший ответ, и честный.

— Я вовсе не хотела войны. Я сокрушила юнкайцев, но пощадила их город, хотя могла бы разграбить его. Я отказалась присоединиться к выступившему против них королю Клеону. Даже сейчас, когда Астапор в осаде, я не вмешиваюсь. А Кварт… Я не причинила его жителям никакого

вреда…

— Намеренно — нет. Но Кварт — торговый город, и он любит звон серебряных монет и блеск золота. Когда вы уничтожили работорговлю, на земли от Вестероса и до самого Асшая обрушились невзгоды. Кварт зависит от торговли рабами, так же как Толос, Новый Гис, Лисс, Тирош, Волантис… список длинный, моя королева.

— Пусть приходят. В моем лице они найдут врага посуровее, чем Клеон. Я скорее погибну в бою, чем позволю вернуть моих детей в цепи.

— Возможен и другой вариант. Думаю, юнкайцы согласятся, чтобы все ваши вольноотпущенники остались свободными при условии, что ваша милость отныне не станет вмешиваться в работорговлю и обучение рабов в Жёлтом городе. Дальнейшего пролития крови не потребуется.

— За исключением крови тех, кого юнкайцы будут продавать и обучать, — добавила Дени. Но она понимала, что отчасти он прав.

«*Возможно, это лучшее, на что мы можем надеяться*».

— Вы так и не сказали, что любите меня.

— Полюблю, если это доставит удовольствие вашей лучезарности.

— Это не ответ влюбленного мужчины.

— Что такое любовь? Вожделение? Любой полноценный мужчина, увидевший вас хоть раз, возжаждет обладать вами, Дейенерис. Однако я хочу заключить с вами брак не поэтому. Перед вашим приходом Миэрин умирал. Нами правили старцы с иссохшими членами и старухи, чьи морщинистые щели были сухи, как пыль. Сидя на вершинах пирамид, они потягивали абрикосовое вино и рассуждали о былой славе Старой Империи, в то время как целые века уносились прочь, растирая в пыль сами кирпичи, из которых построен город. Обычаи и осторожность сжимали Миэрин стальной хваткой, пока вы не пробудили нас кровью и огнем. Наступили новые времена, и теперь многое стало возможным. Выходите за меня.

«*Он недурён*, — подумала Дени, — *и говорит, как настоящий король*».

— Поцелуйте меня, — велела ему она.

Он вновь взял её руку и поцеловал пальцы.

— Не так. Целуйте, словно я ваша жена.

Хиздар нежно обнял Дени за плечи, словно птенца, склонился и прижал свои губы к её губам. Его поцелуй был легким, сухим и мимолетным. Дени не почувствовала никакого волнения.

— Мне… поцеловать вас ещё? — спросил он.

— Нет. — На террасе был бассейн для купания, и когда она входила в воду, мелкие рыбки пощипывали её за ноги. Даже они целовались с большим пылом, чем Хиздар зо Лорак. — Я вас не люблю.

Хиздар пожал плечами:

— Возможно, это придет со временем. Иногда такое случается.

«*Но не с нами*, — подумала она. — *И не рядом с Даарио. Я вожделею его, а не тебя*».

— Я хочу однажды вернуться в Вестерос, чтобы потребовать наследие моего отца — Семь Королевств.

— Однажды все мы умрём, но не к добру постоянно думать о смерти. Я предпочитаю жить сегодняшним днем.

Дени сложила руки вместе:

— Слова — лишь ветер, даже такие, как «*любовь*» или «*мир*». Я же больше доверяю делам. Рыцари в моих Семи Королевствах, желая доказать девам, что достойны их любви, совершают подвиги. Они отправляются на поиски волшебных мечей, сундуков с золотом или выкрасть корону из драконьего клада.

Хиздар удивленно приподнял брови:

— Единственные драконы, которых я знаю — ваши, а волшебные мечи ещё большая редкость.

Если пожелаете, я с удовольствием доставлю вам кольца, короны и сундуки с золотом.

— Я желаю мир. Вы сказали, что поможете остановить резню на улицах. Я велю вам так и сделать. Положите конец ночной войне, милорд. Мир — вот тот подвиг, которого я от вас жду. Дайте мне девяносто мирных дней и ночей, и я поверю, что вы достойны трона. Можете это сделать?

Хиздар, казалось, задумался:

— Девяносто дней и ночей без убийств, и на девяносто первый мы вступаем в брак?

— Возможно, — с притворной застенчивостью произнесла Дени. — Юные девушки славятся непостоянством. Может, я захочу ещё и волшебный меч.

Хиздар рассмеялся:

— Тогда, лучезарная, вы получите и его. Ваше желание для меня — закон. Велите вашему сенешалю начать подготовку к нашей свадьбе.

— Ничто так не порадует благородного Резнака.

Узнай жители Миэрина о предстоящей свадьбе, и одно это даст ей передышку в несколько ночей, даже если все усилия Хиздара ни к чему не приведут.

«*Бритоголовый вряд ли обрадуется, но Резнак*

мо Резнак запляшет от радости». Дени не знала, кто из них беспокоит её больше. Ей нужны Скахаз и Бронзовые Твари, и она уже научилась подвергать сомнению советы Резнака. «*Опасайся надушенного сенешаля*». Может Резнак, Хиздар и Зелёная Милость сговорились и устроили мне западню?»

Как только Хиздар зо Лорак покинул её, вернулся сир Барристан в своем длинном белом плаще. Годы, проведенные на службе в Королевской Гвардии, научили белого рыцаря оставаться незаметным, когда она принимала гостей, но он всегда находился поблизости.

«*Он все знает*, — сразу поняла Дени, — *и не одобряет этого*». Морщины вокруг его рта стали ещё резче.

— Итак, — сказала она ему, — по-видимому, мне снова предстоит вступить в брак. Вы рады за меня, сир?

— Как прикажет ваше величество.

— Хиздар не тот муж, которого бы вы избрали для меня.

— Мне не по чину выбирать вам мужа.

— И правда, — согласилась Дени, — но для меня важно, чтобы вы поняли. Мой народ истекает кровью. Гибнет. Королева не принадлежит себе,

её удел — государство. Передо мной стоит выбор — брак или кровавая бойня. Свадьба или война.

— Ваше величество, дозволено ли мне высказаться прямо?

— Как всегда.

— Есть третий вариант.

— Вестерос?

Он кивнул:

— Я поклялся служить и защищать ваше величество, куда бы вы ни отправились. Мое место подле вас — здесь или в Королевской Гавани… но ваше место там, в Вестеросе, на Железном Троне вашего отца. Семь Королевств никогда не признают Хиздара зо Лорака своим королем.

— Не более чем Миэрин признает Дейенерис Таргариен своей королевой. В этом Зелёная Милость права. Рядом со мной должен быть король, наследник старого гискарского рода. Иначе они всегда будут видеть во мне неотёсанную дикарку, вломившуюся в их врата, посадившую их родню на кол и похитившую их богатства.

— В Вестеросе в вас видели бы потерянную дочь, вернувшуюся порадовать отцовское сердце. Ваши добрые подданные любили бы вас и встречали бы ваше появление приветствиями.

— До Вестероса далеко.

— Задержка не сделает его ближе. И чем скорее мы покинем это место...

— Знаю, знаю, — Дени не находила слов, чтобы заставить его понять. Ей хотелось в Вестерос так же сильно, как и ему, но вначале она обязана излечить Миэрин. — Девяносто дней — долгий срок. Хиздар может потерпеть неудачу. И если так, попытка дает мне время. Время заключить союзы, укрепить оборону...

— А если он преуспеет? Что тогда сделает ваше величество?

— Выполнит свой долг, — от этих слов у неё онемел язык. — Вы видели свадьбу моего брата Рейегара. Скажите, он женился по любви или по зову долга?

Старый рыцарь колебался:

— Принцесса Элия была хорошей женщиной, ваше величество. Доброй и умной, с благородным сердцем и веселым нравом. Я знаю, что принц питал к ней нежные чувства.

«*Нежность*, — подумала Дени. Как много значит это слово. — *Возможно, со временем я смогу относится с нежностью к Хиздару зо Лораку*».

Сир Барристан продолжил:

— Я видел также свадьбу вашего отца и матери. Да простит меня моя королева, но между ними

не было и следа нежности, и королевство дорого за это заплатило.

— Зачем они поженились, если не любили друг друга?

— Так приказал ваш дед. Лесная ведьма заверила его, что в их потомстве родится принц, обещанный в пророчествах.

— Лесная ведьма? — удивилась Дени.

— Она прибыла ко двору вместе с Дженни из Старых Камней. Из-за крошечного росточка и нелепого вида люди называли её карлицей. Но она нравилась леди Дженни, утверждавшей, что та была одной из Детей Леса.

— И что с ней стало?

— Летний Замок.

Роковые слова.

Дени печально вздохнула.

— А теперь оставьте меня. Я очень устала.

— Как прикажете, — поклонившись, сир Барристан повернулся, чтобы уйти, но задержался в дверях. — Прошу прощения. Ваше величество, к вам посетитель. Должен ли я сказать ему придти завтра?

— Кто это?

— Нахарис. Вороны-Буревестники вернулись в город.

«*Даарио*». Сердце затрепетало в её груди.

— Как давно… где же он?.. — Казалось, она не может вымолвить ни слова.

Сир Барристан, похоже, понял:

— Ваше величество были вместе со жрицей, когда он прибыл. Я знаю, вы бы не захотели, чтобы вас прервали. Новости капитана могут подождать и до завтра.

— Нет.

«*Как же я засну, зная, что мой воитель так близко?*»

— Позовите его немедля. И… я больше не нуждаюсь в вас сегодня вечером. С Даарио я в безопасности. Да, будьте так любезны, пришлите Ирри и Чхику. И Миссандею.

«*Мне нужно переодеться и навести красоту*».

Она так и сказала вошедшим служанкам.

— Что ваше величество пожелает надеть? — спросила Миссандея.

«*Звёздный свет и морскую пену*, — подумала Дени, — *дымку шёлка, что, соскользнув, обнажит левую грудь, услаждая взор Даарио. Да, и цветы для волос*». С первой встречи во время всего пути из Юнкая в Миэрин командир Ворон-Буревестников каждый день дарил ей цветы.

— Принесите серое льняное платье с выши-

тым жемчугом лифом. И мою белую львиную накидку. — Завернувшись в львиную шкуру, подаренную ей Дрого, она всегда чувствовала себя в безопасности.

Дейенерис приняла командира Ворон-Буревестников на террасе, сидя на резной каменной скамье под грушевым деревом. По усыпанному тысячью звёзд небу над городом плыл месяц. Даарио Нахарис вошел к ней с самодовольным видом. «*Он всегда самодовольный, даже когда просто стоит неподвижно*». На капитане наёмников красовались полосатые панталоны, заправленные в высокие сапоги из пурпурной кожи, белая шелковая рубашка и кольчужная безрукавка из золотых колец. Его раздёленная на три части борода была выкрашена в пурпур, изогнутые усы вызолочены, а длинные вьющиеся волосы расчесаны на прямой пробор. На одном бедре он носил стилет, а на другом дотракийский аракх.

— Лучезарная королева, — приветствовал ее Даарио, — за время моего отсутствия вы стали ещё прекрасней. Как такое возможно?

Королева успела привыкнуть к подобным восхвалениям, и, тем не менее, комплимент из его уст трогал её куда больше, чем произнесённый

кем-нибудь вроде Резнака, Ксаро или Хиздара.

— Капитан. Нам рассказали, что вы сослужили добрую службу в Лхазаре.

«*Я так по тебе тосковала*».

— Ваш капитан живёт, чтобы служить своей жестокой королеве.

— Жестокой?

В его глазах сверкнул лунный свет:

— Он мчался впереди всех своих людей, стремясь поскорее узреть ее лицо. И лишь для того, чтобы его заставили томиться от вожделения, пока она с какой-то иссохшей старухой ест ягненка и фиги.

«*Никто не доложил мне, что ты тут*, — подумала Дени, — *Иначе я бы сделала глупость и сразу же послала за тобой*».

— Я ужинала с Зелёной Милостью. — Видимо, Хиздара лучше не упоминать. — Мне срочно понадобился её мудрый совет.

— У меня только одна срочная потребность — Дейенерис.

— Послать за едой? Вы должно быть голодны?

— Я не ел два дня, но сейчас, когда я здесь, мне достаточно вашей красоты.

— Моя красота не наполнит ваш живот. — Она сорвала грушу и бросила ему. — Съешьте это.

— Как прикажет моя королева, — он откусил кусок плода, блеснув золотым зубом. Сок потек по его пурпурной бороде.

Девушка внутри неё до боли желала поцеловать его. «*Его поцелуи крепкие и грубые*, — говорила она себе, — *и его не тронет, если я закричу или прикажу прекратить*». Но часть её, принадлежавшая королеве, знала, что это глупо:

— Расскажите о своём путешествии.

Он небрежно пожал плечами:

— Юнкайцы послали каких-то наемников перекрыть Кхизайский Проход. Длинные Копья — так они себя называют. Мы нагрянули к ним ночью и отправили нескольких в ад. В Лхазаре я убил двух своих сержантов, задумавших украсть драгоценные камни и золотое блюдо — дары для Овечьих Людей, доверенные мне моей королевой. В остальном всё прошло, как я обещал.

— Сколько людей вы потеряли в сражении?

— Девять, — ответил Даарио,– но дюжина Длинных Копий решили, что лучше стать Воронами-Буревестниками, чем быть трупами. Поэтому нас вернулось на трое больше. Я объяснил, что они проживут дольше, сражаясь вместе с драконами, а не против них, и они разглядели смысл в моих словах.

Это заставило её насторожиться:

— Они могут шпионить на Юнкай.

— Эти люди слишком тупы для шпионов. Вы не знаете их.

— Также как и вы. Вы им доверяете?

— Я доверяю всем своим людям, лишь пока могу дотянуться и пронзить их, — улыбнулся он в ответ на её подозрения и сплюнул семечко. — Мне следует принести вам их головы? Я сделаю это, если вы прикажете. Один плешивый, двое других с косами, а четвёртый выкрасил бороду в четыре разных цвета. Скажите-ка, какой шпион будет носить такую бороду? Пращник может попасть камнем в глаз комара за сорок шагов, а уродливый хорошо управляется с лошадьми, но если моя королева скажет, что они должны умереть…

— Я так не говорила, я только… не спускайте с них глаз, и это всё, — произнеся это, Дени почувствовала себя глупо. Она всегда немного терялась в присутствии Даарио.

«*Застенчивая, глупая девчонка. Что он обо мне подумает*?», — и поэтому решила сменить тему.

— Овечьи Люди пришлют нам провизию?

— Зерно прибудет на барже по Скахазадхану, моя королева, а другие товары придут караваном

через Кхизай.

— Нет, только не по Скахазадхану. Река для нас закрыта. И море тоже. Вы наверняка видели корабли в бухте. Квартийцы отогнали треть нашего рыболовецкого флота, а ещё треть захватили. Остальные слишком перепуганы, чтобы покинуть порт. Это положило конец даже той скудной торговле, что мы вели.

Даарио отбросил огрызок груши в сторону:

— У квартийцев в жилах молоко вместо крови. Покажите им ваших драконов, и они убегут.

Дени не хотелось говорить о драконах. Несмотря на то, что Дрогон не вернулся в город, фермеры до сих пор приходили ко двору с обгорелыми костями, предъявляя претензии за пропавших овец. Кое-кто утверждал, что видел, как дракон летал севернее реки, над пастбищами Дотракийского Моря. А внизу, в своей темнице, Визерион порвал одну из цепей. С каждым днем они с Рейегалем все больше дичали. Однажды Безупречные сообщили, что стальные двери накалились докрасна, и в тот день никто не посмел к ним даже прикоснуться.

— Астапор тоже в осаде.

— Это мне известно. Один из Длинных Копий прожил достаточно долго, чтобы поведать нам о

том, что в Красном Городе люди едят друг друга. Он сказал, что скоро придет и черед миэринцев, поэтому я отрезал ему язык и скормил его желтой собаке. Ни одна собака не станет есть язык лжеца. А когда желтая съела, я понял, что тот не врал.

— В городе тоже идет война. — Дени рассказала о Детях Гарпии и Медных Тварях, о крови на мостовой. — Меня повсюду окружают враги: и в городе, и за его пределами.

— Нападайте! — воскликнул он. — Человек, окруженный врагами, беззащитен. Попробуйте обороняться, и пока вы отбиваете меч, вам в спину вонзится топор. Нет. Когда противостоишь множеству врагов, выбери слабейшего, убей его, втопчи в землю и беги.

— И куда мне бежать?

— В мою постель. В мои объятья. В моё сердце. — Золотые рукояти аракха и стилета Даарио были выкованы в виде фигурок обнажённых женщин в развратных позах. Он потер их большими пальцами ужасно непристойным жестом и похотливо улыбнулся.

Дени почувствовала, что кровь бросилась ей в лицо. Это выглядело так, словно он ласкал её.

«*Сочтет ли он меня распутницей, если я затащу его в постель?*» С Даарио ей хотелось

побаловаться. «*Нам не стоит встречаться наедине. Он слишком опасен, чтобы быть рядом со мной*».

— Зелёная Милость сказала, что я должна сделать гискарца королем, — произнесла Дени, волнуясь. — Она убеждала меня вступить в брак с благородным Хиздаром зо Лораком.

— С этим? — Даарио усмехнулся. — Почему не с Серым Червем, если вас прельщает евнух в постели? Вы так хотите короля?

«*Я хочу тебя*».

— Я хочу мира. Я дала Хиздару девяносто дней, чтобы положить конец убийствам. Если он преуспеет, то я выйду за него замуж.

— Выходите за меня. Я справлюсь за девять дней.

«*Ты же знаешь, я не могу*», — чуть не сказала она.

— Вы сражаетесь с тенями, когда следует сражаться с теми, кто их отбрасывает, — продолжил Даарио. — Говорю вам — убейте их всех и заберите их сокровища. Прошепчите приказ, и ваш Даарио сложит их головы в груду выше этой пирамиды.

— Если бы знать кто они...

— Зхак, Пал и Меррек. Эти и все остальные. Великие господа. Кто же ещё?

«*Его храбрость не уступает кровожадности*».

— У нас нет доказательств, что это их рук дело. По-вашему, я пойду на убийство собственных подданных?

— Ваши подданные с радостью зарежут вас.

Его не было так долго, что Дени почти забыла, кто он такой. Наёмники коварны по натуре, напомнила она себе.

«*Переменчивый, вероломный, жестокий. Он никогда не станет лучше, чем есть. У него никогда не будет истинного королевского величия*».

— Пирамиды сильны, — пояснила она ему. — Взять их можно только огромной ценой. Как только мы атакуем хоть одну — остальные восстанут против нас.

— Тогда выманите их из пирамид под каким-нибудь предлогом. Свадьба вполне сгодится. Почему бы и нет? Обещайте вашу руку Хиздару, и все великие господа придут посмотреть на бракосочетание. А когда они соберутся в Храме Милости, позвольте нам разделаться с ними.

Дени пришла в ужас. «*Он просто монстр. Пусть он и обходителен — и всё же чудовище остается чудовищем*».

— Вы принимаете меня за Короля-Мясника?

— Лучше уж быть мясником, чем мясом. Все

короли — мясники. Разве королевы чем-то отличаются?

— Эта — да.

Даарио пожал плечами:

— Большинство королев нужны лишь для того, чтобы согревать постель короля и рожать ему сыновей. Если вы хотите стать такой королевой, то лучшее — вступить в брак с Хиздаром.

Дени вспыхнула от гнева:

— Вы забыли кто я?

— Нет. А вы?

«*За подобную дерзость Визерис снял бы с него голову*».

— Я от крови дракона. Не смейте меня поучать. — Когда Дени встала, львиная накидка соскользнула с её плеч и упала на пол. — Оставьте меня.

Даарио резко поклонился:

— Я живу, чтобы повиноваться.

Когда он ушел, Дейенерис, снова призвала сира Барристана:

— Я хочу, чтобы Вороны-Буревестники опять отправились в поход.

— Ваше величество? Они ведь только что вернулись…

— Я желаю, чтобы они ушли. Пусть патрулируют юнкайское приграничье и защищают

караваны, проходящие через Кхизайский Проход. Отныне Даарио должен докладывать вам. Оказывайте ему столько почета, сколько потребуется, и следите, чтобы его людям хорошо платили, но ни в коем случае не допускайте его ко мне.

— Как скажете, ваше величество.

Этой ночью Дени не могла уснуть, без конца ворочаясь и крутясь в постели. Она даже дошла до того, что позвала Ирри. Дени надеялась, что ласки служанки помогут ей заснуть, но вскоре вытолкала дотракийку прочь. Ирри была очаровательной, мягкой и желанной, но не могла заменить Даарио.

«*Что я наделала*? — думала Дени, свернувшись калачиком в своей пустой постели. — *Я так долго ждала его возвращения, а теперь отослала прочь*».

— Он сделал бы из меня чудовище, — прошептала она, — королеву мясников. Но потом ей вспомнились улетевший Дрогон и драконы в темнице. «*На моих руках тоже есть кровь, как и на сердце. Не такие уж мы с Даарио разные. Оба чудовища*».

Глава 24. Погибший лорд

«*Почему так долго*?» — тревожился Гриф, расхаживая по палубе «Скромницы». Неужели они потеряли Хэлдона, как и Тириона Ланнистера? Может, его схватили волантийцы? «*Надо было послать с ним Утку*». На Хэлдона, как показал Селхорис, где он позволил карлику сбежать, полагаться нельзя.

Корабль пришвартовался в одной из самых убогих частей длинной и запутанной речной пристани между накренившейся лодкой, которая уже много лет не покидала причал, и ярко раскрашенной баржей фигляров. Шумные и жизнерадостные лицедеи постоянно цитировали друг другу монологи и почти всё время пребывали в подпитии.

День выдался жаркий и душный, как и все остальные после отплытия из Горестей. Свирепое южное солнце обжигало кишащую людом пристань Волон Териса, но жара волновала Грифа в последнюю очередь. Золотое Братство разбило лагерь в трёх милях к югу от города, оказавшись значительно севернее, чем он ожидал. И триарх

Малакво тоже отправился на север во главе пяти тысяч пехотинцев и тысячи всадников, чтобы отрезать их от дельты реки. Дейенерис Таргариен находилась на другом конце света, а Тирион Ланнистер мог быть где угодно. Если это угодно богам, то его отрубленная голова была на полпути к Королевской Гавани, но, скорее всего, карлик находился поблизости и в полном здравии, пьянствуя и замышляя новые козни.

— В каких семи преисподних носит Хэлдона? — пожаловался Гриф леди Леморе. — Сколько нужно времени, чтобы купить трёх лошадей?

Она пожала плечами.

— Милорд, не будет ли безопаснее оставить мальчика на борту корабля?

— Безопаснее, да, но не мудрее. Теперь он мужчина и должен встать на путь, для которого был рожден.

Грифу давно надоели эти пустые споры. Он устал от скрытности, ожидания и осторожности. «*У меня нет времени на предосторожности*».

— Мы с таким трудом столько лет скрывали принца Эйегона, — напомнила Лемора. — Знаю, что придёт время смыть краску с его волос и объявить его настоящее имя. Но не сейчас и не в лагере наемников.

— Если Гарри Стрикленд замыслил дурное, прятать принца на «Скромнице» бесполезно, это его не спасет. Под началом у Стрикленда десять тысяч мечей против одного нашего у Утки. Эйегон воплощает всё, что только можно ожидать от принца. Стрикленд и остальные должны увидеть его. Они его сторонники, в конце концов.

— Потому что их купили и заплатили им золотом. Десять тысяч вооруженных чужаков, ещё лагерные прихлебатели и маркитантки. А для того, чтобы всё погубить, достаточно одного предателя. Представь, сколько заплатит Серсея Ланнистер за законного наследника Железного Трона, раз обещала за голову Хугора титул лорда? Вы не знаете этих людей, милорд, ведь прошла дюжина лет с тех пор, как вы покинули Золотое Братство, а ваш старый друг мертв.

«*Чёрное Сердце*». Когда Гриф видел его в последний раз, Майлз Тойн был полон жизни. Трудно поверить, что его больше нет. «*Остался лишь позолоченный череп на шесте, а на месте Майлза сидит Бездомный Гарри Стрикленд*». Лемора права, он понимал это. Кем бы ни были их предки в Вестеросе до изгнания, теперь люди Золотого Братства — наёмники, а наёмникам не стоит доверять. И все же…

Прошлой ночью ему опять снилась Каменная Септа. Один, с мечом в руке, он бежал от дома к дому, выбивал двери, взбегал по лестницам, прыгал с одной крыши на другую, а в ушах стоял звон далеких колоколов. Глубокий бронзовый набат и серебряный перезвон гремели в его черепе. Сводящая с ума какофония становилась временами такой громкой, что, казалось, его голова вот-вот лопнет.

Со времени Колокольной битвы прошло семнадцать лет, но от перезвона колоколов у него до сих пор сводило внутренности. Пусть говорят, что королевство было потеряно в тот момент, когда принц Рейегар пал от молота Роберта на Трезубце. Но Битвы на Трезубце не случилось бы, сразу грифон оленя в Каменной Септе.

«*В тот день колокола звонили по всем нам. По Эйерису и королеве, по Элии Дорнийской и её маленькой дочери, по каждому верному мужчине и честной женщине в Семи Королевствах. И по моему серебряному принцу*».

— По плану мы должны были объявить об Эйегоне, только когда встретимся с Дейенерис, — продолжала Лемора.

— Тогда мы считали, что девочка направляется на запад. Наша драконья королева превратила

этот план в пепел, и благодаря толстому дураку из Пентоса мы схватили драконихy за хвост и обожглись до костей.

— Как же Иллирио мог предвидеть, что девочка решит остаться в Заливе Работорговцев?

— Так же, как не смог предугадать, что Король-Попрошайка умрет молодым или что кхал Дрого последует за ним в могилу. Очень немногое из того, на что рассчитывал толстяк, исполнилось.

Гриф ударил по эфесу меча затянутой в перчатку рукой.

— Я плясал под дудку толстяка долгие годы, Лемора. И что толку? Принц вырос. Его время…

— Гриф, — громкий голос Яндри перекрыл звон колокола на судне лицедеев, — Хэлдон появился.

Так и есть. Полумейстер, весь взмыленный и грязный, шел вдоль берега к трапу на причале. Под мышками на его тонкой льняной мантии расплывались темные пятна пота, длинное лицо выражало точно такую же скорбь, как и в Селхорисе, когда, вернувшись на «Скромницу», он признался, что карлик сбежал. Тем не менее, он вёл за собой трех лошадей, это было самое главное.

— Приведи мальчишку, — велел Гриф Леморе, — и проследи, чтобы он был готов.

— Как скажете, — безрадостно откликнулась она.

«*Да будет так*». Гриф привязался к Леморе, но это не означало, что ему требуется её одобрение. Ей поручили наставлять принца в вопросах Веры, и с этим Лемора справилась. Но молитвы не вернут мальчику Железный Трон. Это должен сделать Гриф. Однажды он подвел принца Рейегара, но, покуда в теле теплится жизнь, такое не повторится с его сыном.

Лошади Хэлдона Грифу не понравились.

— Это лучшее, что ты смог найти? — упрекнул он Полумейстера.

— Да, — раздраженно ответил Хэлдон, — и лучше не спрашивай, во сколько они нам обошлись. На другой стороне реки появились дотракийцы, и половина жителей Волон Териса решила поскорее убраться куда-нибудь подальше, так что конина с каждым днем растет в цене.

«*Лучше бы я сам пошёл*». После Селхориса он перестал доверять Хэлдону. «*Он позволил болтливому карлику одурачить себя, разрешил ему войти в бордель одному, пока сам, как дурак, болтался на площади*». Владелец публичного дома клялся, что коротышку похитили, приставив нож к горлу, но Гриф не поверил. Бес был достаточно

умен, чтобы устроить побег. Он сам мог нанять того пьяного похитителя, о котором рассказывали шлюхи. «*Я тоже виноват. После того, как карлик встал между Эйегоном и каменным человеком, я ослабил бдительность. Надо было перерезать ему глотку при первой встрече*».

— Думаю, сойдут и эти, — бросил он Хэлдону. — Лагерь всего в трёх милях к югу отсюда.

«Скромница» могла доставить их гораздо быстрее, но он предпочитал держать Гарри Стрикленда в неведении о своём местонахождении. Кроме того, было мало приятного в том, чтобы шлёпать по мелководью и взбираться на какой-нибудь грязный берег. Такое появление больше пристало наемнику с собственным сыном, а не великому лорду и принцу.

Гриф внимательно оглядел юношу с головы до ног, когда тот появился из каюты в сопровождении Леморы. Принц надел начищенные до блеска чёрные сапоги, чёрный плащ, подбитый кроваво-алым шёлком, на поясе висели меч и кинжал. Волосы вымыты, подстрижены и заново окрашены в темно-синий цвет. Из-за них глаза тоже казались голубыми. На шее висела цепь из воронёного железа с тремя крупными квадратными рубинами, дар магистра Иллирио. «*Красное*

и чёрное. Цвета дракона». Неплохо.

— Ты выглядишь, как подобает принцу, — приветствовал он мальчика, — отец гордился бы тобой.

Юный Гриф провел рукой по волосам:

— Меня уже мутит от этой синей краски, нам следовало бы смыть её.

— Уже скоро, — Гриф тоже был бы рад вернуть настоящее обличье, хотя его рыжие волосы давно поседели. Он хлопнул парня по плечу.– Ну что, едем? Твоя армия ждёт твоего появления.

— Мне нравится, как это звучит. Моя армия, — На лице юноши расцвела и исчезла улыбка. — Хотя моя ли? Они — наемники. Йолло предупреждал меня никому не доверять.

— Это мудро, — согласился Гриф. Командуй Золотым Братством Чёрное Сердце, всё было бы по- другому, но Майлз Тойн умер четыре года назад, а Гарри Стрикленд — человек иного склада. Правда, он не собирался сообщать это мальчику. Карлик уже успел посеять в его юной головке достаточно сомнений. — Не всякий человек тот, за кого себя выдает, поэтому принцам нужно быть особенно осторожными… но если зайти по этой дороге слишком далеко, то недоверие отравит тебя, сделает трусливым и подозрительным. «*Ко-*

роль Эйерис стал таким, под конец даже Рейегар понял это».

— Лучше придерживайся золотой середины. Пусть люди добиваются твоего доверия преданной службой… а когда они покажут себя, будь великодушным и благодарным.

— Я запомню, — кивнул мальчик.

Они дали принцу лучшую лошадь — большого светло-серого, почти белого мерина. Гриф и Хэлдон ехали рядом на лошадях поменьше. Дорога бежала на юг под высокими белыми стенами Волон Териса добрых полмили. Затем они оставили город за спиной, следуя вдоль извилистого русла Ройна, через ивовые рощи и маковые поля, мимо высокой деревянной ветряной мельницы, лопасти которой, вращаясь, скрипели, словно старые кости.

Когда они нашли Золотое Братство подле реки, солнце уже клонилось к закату. Этот лагерь одобрил бы даже сир Эртур Дейн — небольшой, аккуратный, хорошо защищённый. Вокруг лагеря пролегал глубокий ров с заострёнными кольями, палатки стояли ровными рядами с широкими проходами между ними. Отхожие места были устроены около реки, так что течение уносило нечистоты прочь. Коновязи располагались север-

нее, за ними у воды паслись две дюжины слонов, выщипывая хоботами пучки тростника. Гриф с одобрением взглянул на огромных серых зверей. «*Ни один боевой конь в Вестеросе не выстоит против них*».

На высоченных древках по всему периметру лагеря развевались боевые штандарты из золотой парчи. Под ними, контролируя все подходы, прохаживались закованные в броню часовые с копьями и арбалетами. Гриф опасался, что под началом Гарри Стрикленда, который, казалось, предпочитал дружить с подчинёнными, нежели налегать на дисциплину, отряд может расслабиться. Но, похоже, его опасения оказались беспочвенны.

У ворот Хэлдон что-то сказал командиру караула, и вестовой отправился к капитану. Явившийся к ним на зов оставался таким же уродливым, каким его запомнил Гриф. Неуклюжий увалень с огромным животом, с лицом, испещрённым старыми шрамами; правое ухо выглядело так, будто его изгрызла собака, левого вообще не было.

— Они что, сделали тебя капитаном, Флауэрс? — поприветствовал его Гриф. — Я думал, у Золотого Братства высокие стандарты.

— Хуже того, педрила, — парировал Франклин

Флауэрс, — меня ещё и в рыцари посвятили.

Он крепко схватил Грифа за руку и обнял, да так, что у того кости затрещали.

— Выглядишь ужасно даже для человека, который двенадцать лет как мертв. Синие волосы? Я чуть не обделался, когда Гарри объявил, что ты возвращаешься. А-а, Хэлдон, ледяная ты щелка, рад и тебя видеть. Никак не вытащишь копье из задницы?

Он повернулся к Юному Грифу.

— А это, должно быть...

— Мой оруженосец. Парень, познакомься с Франклином Флауэрсом.

Принц кивнул.

— Флауэрс — это имя бастарда. Вы родом из Простора.

— Да, моя мать была прачкой в Сидр Холле, пока один из сыночков лорда не изнасиловал её. На мой взгляд, моё яблоко тоже от яблоньки Фоссовеев, только червивое.

Флауэрс провел их за ворота.

— Следуйте за мной. Стрикленд созывает всех офицеров к себе в шатёр. На военный совет. Проклятые волантийцы потрясают копьями и требуют посвятить их в наши планы.

Бойцы Золотого Братства болтались у своих

палаток, играя в кости, выпивая и отмахиваясь от мух. Гриф гадал, сколько из них знали, кем он был. «*Совсем немного. Двенадцать лет — большой срок*». Даже сражавшиеся с ним бок о бок люди могут не признать в морщинистом гладковыбритом и синеволосом наемнике Грифе огненнобородого лорда-изгнанника Джона Коннингтона. Большинство из них слышали, что Коннингтон спился насмерть в Лиссе, после того как был с позором изгнан из отряда за воровство из казны. Стыд за эту ложь все еще стоял комком в горле, но Варис настаивал, что это необходимо.

— Нам не нужны песни об отважном изгнаннике, — жеманно хихикнул евнух, — погибших героями помнят долго, а воры, трусы и пьяницы забываются скорее.

«*Что евнух знает о мужской чести*?» Гриф пошёл на поводу у Паука ради мальчишки, да только это не означало, что он смирился хоть на толику. «*Дайте мне дожить до того дня, когда мальчик окажется на Железном троне, и Варис заплатит за это унижение и за многое другое. Тогда посмотрим, кого забудут скорее*».

Шатер капитан-генерала был из золотой парчи, окружённый кольцом копий с насаженными на них позолоченными черепами. Один, необычай-

но уродливый, был крупнее остальных. Ниже висел второй, не больше детского кулачка. «*Мейелис Чудовище и его безымянный братец*». Другие черепа походили друг на друга, хотя некоторые треснули и раскололись под ударами, лишившими жизни их владельцев. Ещё один щерился остро заточенными зубами.

— Который из них Майлз? — спросил Гриф.

— Вон тот. В конце, — показал Флауэрс. — Подожди. Я доложу о тебе.

Он скользнул в палатку, оставив Грифа любоваться золочёным черепом старого друга. При жизни сир Майлз Тойн был страшен, как смертный грех. Его знаменитый предок, черноволосый и галантный Терренс Тойн, о ком барды слагали песни, отличался столь прекрасным лицом, что перед ним не смогла устоять даже любовница короля. А Майлзу достались оттопыренные уши, кривая челюсть и самый огромный нос, который когда-либо видел Джон Коннингтон. Но всё это не имело значения, когда он улыбался. Чёрное Сердце — так его прозвали солдаты в честь эмблемы на щите. Майлзу, похоже, очень нравилось прозвище и скрытый в нем смысл.

— Капитан-генерала должны бояться и враги, и друзья, — как-то признался он. — Гораздо удобнее,

когда люди думают, что я жесток.

На самом деле всё было иначе. Солдат до мозга костей, свирепый, но справедливый, Тойн отечески заботился о своих подчиненных и всегда благоволил к изгнаннику Джону Коннингтону.

Смерть лишила его ушей, носа и человеческого тепла. Улыбка осталась, превратившись в позолоченный оскал. Все черепа скалились, не исключая Злого Клинка на высокой пике в центре. «*Чему он усмехается? Он погиб побеждённым и одиноким, сломленным и на чужбине*». Находясь на смертном одре, сир Эйегон Риверс отдал знаменитый приказ, повелев очистить свой череп, покрыть золотом и нести впереди, когда отряд переправится обратно через море, чтобы отвоевать Вестерос. Преемники Злого Клинка последовали его примеру.

Джон Коннингтон мог бы стать одним из его преемников, если бы его судьба в изгнании сложилась по-другому. Он провел пять лет в отряде, поднимаясь в званиях и, прославившись, стал правой рукой Тойна. Останься он и, вполне возможно, сидел бы на месте Гарри Стрикленда после смерти Майлза. Но Гриф не сожалел об избранном пути. «*Я-то вернусь в Вестерос отнюдь не черепом на палке*».

Флауэрс вышел из шатра.

— Заходи.

Когда они вошли, высшие офицеры Золотого Братства встали с табуреток и походных кресел. Старые друзья приветствовали Грифа улыбками и объятиями, новички были более сдержанны. «*Не все здесь так уж нам рады, как пытаются меня убедить*». В некоторых улыбках ему чудился стальной оскал. Ещё совсем недавно большинство из них верило, что лорд Джон Коннингтон благополучно покоится в могиле, и, без сомнения, многие считали, что это самое подходящее место для человека, кравшего у братьев по оружию. На их месте Гриф думал бы также.

Сир Франклин представил всех присутствующих. Некоторые из капитанов наёмников, подобно Флауэрсу, носили имена бастардов: Риверс, Хилл, Стоун. Другие называли фамилии, некогда мелькавшие в истории Семи Королевств. Гриф насчитал двух Стронгов, трех Пиков, по одному Мадду, Мандрейку и Лотстону, а также пару Коулов. Он знал, что среди них есть самозванцы — в вольных отрядах человек мог назвать себя как угодно. Независимо от имени, наёмники блистали кричащей роскошью. Как и многие их собратья по ремеслу, они держали своё богат-

ство при себе: усыпанные самоцветами клинки, инкрустированные доспехи, массивные гривны благородных металлов и тончайшие шелка ослепляли взгляд. Все присутствующие носили на предплечьях целое состояние в виде тяжеленных золотых браслетов. Каждый браслет означал год службы в рядах Золотого Братства. Марк Мандрейк с обезображенным оспой лицом и дыркой на щеке в том месте, где было выжжено рабское клеймо, носил ещё и цепь из золотых черепов.

Не все капитаны были вестеросцами. Черный Балак, беловолосый уроженец Летних островов с кожей чёрной как сажа, командовал лучниками ещё в дни Чёрного Сердца. Его плащ, сделанный из зелёных и оранжевых перьев, производил великолепное впечатление. Горис Эдориен, который заменил Стрикленда на посту казначея, носил через плечо шкуру леопарда, по плечам бледного как смерть волантийца волнами спадали кроваво-красные намасленные локоны, а остроконечная бородка была чёрной. Командира разведчиков Гриф видел впервые, лиссениец Лисоно Маар обладал сиреневыми глазами, платиновыми волосами и губами, которым позавидовала бы шлюха. Поначалу Гриф чуть не принял его за женщину. Ногти Маара были

покрашены в пурпурный цвет, в мочках ушей сверкали капли аметистов и жемчуга.

«*Лицемеры, зыбкие тени,* — думал Гриф, вглядываясь в их лица, — *призраки забытых войн, проигранных сражений и проваленных мятежей, братство побежденных и павших, лишённых чести и наследства. Это и есть моя армия. Наша единственная надежда*».

Он повернулся к Стрикленду.

Бездомный Гарри мало походил на воина: тучный, с большой круглой головой, спокойными серыми глазами и редкими волосами, которые он зачёсывал набок, пытаясь скрыть лысину. Стрикленд сидел в походном кресле, отмачивая ноги в кадке с соленой водой.

— Прости, что не встаю, — приветствовал он. — Переход выдался изнурительным, мои ноги стерлись до волдырей. Проклятье.

«*Даешь слабинку, голосишь, как старуха*». Стрикленды были частью Золотого Братства со дня основания, прадед Гарри потерял титулы и земли, поддержав Чёрного Дракона во время первого мятежа Чёрного Пламени.

— Золотой в четвертом поколении, — хвастался Гарри, как будто четыре поколения изгнания и поражения достойны гордости.

— Я могу приготовить вам мазь, — сообщил Хэлдон, — и существуют такие минеральные соли, которые сделают вашу кожу плотнее.

— Как мило с твоей стороны, — Стрикленд махнул оруженосцу, — Уоткин, подай вина нашим друзьям.

— Спасибо, не стоит, — сказал Гриф. — Мы обойдемся водой.

— Как будет угодно.

Капитан-генерал улыбнулся принцу.

— А это, должно быть, твой сын.

«*Он знает*? — удивился Гриф, — *как много Майлз ему открыл*?» Когда дело касалось тайны, Варис был непоколебим. В планы, которые они с Иллирио строили с Чёрным Сердцем, были посвящены только они сами. Остальные в отряде оставались в неведении. Чего они не знают, того не выболтают.

Но теперь настало время открыться.

— Ни один отец не может мечтать о более достойном сыне, — ответил Гриф, — но этот юноша не моей крови и не носит моего имени. Милорды, я представляю вам Эйегона Таргариена, первенца Рейегара, Принца Драконьего Камня, и принцессы Элии Дорнийской… скоро, с вашей помощью, он станет Эйегоном, шестым этого

имени, королем андалов, ройнаров и Первых Людей, владыкой Семи Королевств.

Ответом на его речь было молчание. Кто-то прочистил горло, один из Коулов наполнил свой кубок из графина с вином. Горис Эдориен поигрывал завитым локоном и что-то бурчал себе под нос на неизвестном Грифу языке. Ласвел Пик кашлянул, Мандрейк и Лотстон переглянулись. «*Они знают*, — понял, наконец, Гриф, — *они все знают*».

Он повернулся к Стрикленду.

— Когда ты им сказал?

Капитан-генерал пошевелил в воде покрытыми волдырями пальцами.

— Когда мы добрались до реки. В Братстве начались волнения, и на то были веские причины. Мы отказались от легкой войнушки в Спорных Землях и чего ради? С чего бы ещё мы продолжили изнывать от этой проклятой богами жары, наблюдая, как тают наши деньги, а мечи покрываются ржавчиной, пока я отвергаю выгоднейшие контракты?

От этой новости по коже Грифа поползли мурашки.

— Кто?

— Юнкай. Эмиссар, которого они послали об-

хаживать Волантис, уже снарядил три вольных отряда к Заливу Работорговцев. Он хотел, чтобы мы стали четвёртым, и предлагал вдвое больше, чем нам платили мирийцы, и, вдобавок, раба для каждого солдата, десять для офицеров и сто прекраснейших дев для меня.

«*Проклятая преисподняя*!»

— Потребовались бы тысячи рабов для такой платы. Где же юнкайцы планируют найти столько?

— В Миэрине.

Стрикленд поманил оруженосца.

— Уоткин, подай полотенце. Вода остывает, и мои пальцы сморщились, как изюм. Нет, не это, давай мягкое.

— Ты им отказал, — продолжил Гриф.

— Я сказал, что подумаю над их предложением. — Гарри морщился, пока оруженосец вытирал ему ноги.

— Осторожнее с пальцами. Представь, что это виноградины с тонкой кожицей, парень. А ты хочешь вытереть их, не раздавив. Промакивай, а не три. Да, вот так.

Он снова повернулся к Коннингтону.

— Прямой отказ был бы неумным ходом. Люди справедливо могли задаться вопросом, не выжил

ли я из ума.

— Твоим мечам скоро найдётся работа.

— Неужели? — вступил Лисоно Маар. — Полагаю, ты знаешь, что таргариенская девчонка все ещё не выступила на запад.

— Мы слышали эти россказни в Селхорисе.

— Это не россказни. Так и есть. А вот причину понять труднее. Выпотрошить Миэрин, почему бы и нет? Я бы поступил так же на её месте. Города работорговцев смердят золотом, а завоевание требует денег. Но зачем там задерживаться? Страх? Безумие? Лень?

— Не имеет значения, — Гарри Стрикленд раскатал пару полосатых шерстяных чулок. — Она в Миэрине, мы здесь, а недовольство волантийцев из-за нашего присутствия растет с каждым днем. Мы пришли, чтобы поддержать короля и королеву, которые повели бы нас домой в Вестерос, но девчонке, видимо, больше нравится сажать оливковые деревья, а не сражаться за трон отца. Тем временем её враги набирают силу. Юнкай, Новый Гис, Толос. Кровавая Борода и Принц в лохмотьях — оба будут на стороне её противников… и совсем скоро на неё обрушится и флот Старого Волантиса. А что у неё есть? Наложницы с палками?

— Безупречные, — парировал Гриф, — и драконы.

— Драконы, конечно, — подхватил капитан-генерал, — но маленькие, только вылупились из яиц.

Стрикленд осторожно надел чулок и подтянул его до лодыжки.

— Какой от них прок, когда все эти армии возьмут её город в кольцо?

Тристан Риверс забарабанил пальцами по колену.

— Тем больше причин добраться до неё как можно скорее. Я говорю: раз Дейенерис не идет к нам, то мы должны идти к ней.

— А что, мы научились ходить по воде, сир? — поинтересовался Лисоно Маар. — Сколько можно повторять, мы не можем добраться до серебряной королевы морем. Я лично пробирался в Волантис под личиной торговца, чтобы выяснить, на сколько кораблей мы можем рассчитывать. Гавань кишит галерами, коггами и карраками всех мастей и размеров, но при всём этом мне пришлось разговаривать с контрабандистами и пиратами. У нас в отряде десять тысяч бойцов, я уверен, что это лорд Коннингтон ещё помнит, ведь он пять лет служил вместе с нами. Пятьсот рыцарей, у

каждого по три коня. Пять сотен оруженосцев, тоже верхом. А слоны? Мы не должны забывать о слонах. Пиратского корабля не хватит. Нам понадобится целый пиратский флот… и даже если мы найдем его — из Залива Работорговцев пришла весть, что Миэрин в морской блокаде.

— Мы можем притвориться, что приняли предложение юнкайцев, — посоветовал Горис Эдориен. — Позволим судам Юнкая доставить нас на восток, затем вернём им их золото под стенами Миэрина.

— Один разорванный контракт уже большое пятно на честном имени отряда, — Бездомный Гарри сделал паузу, массируя больную ногу.

— Позвольте мне напомнить вам, это Майлз Тойн заключил секретный договор, а не я. Я бы выполнил его обязательства, да только как? Очевидно, что таргариенская девчонка никогда не пойдёт на запад. Вестерос был королевством её отца, а Миэрин — её собственное. Если она разобьет Юнкай, то станет королевой Залива Работорговцев. Если нет — умрёт задолго до того, как мы до нее доберемся.

Его слова не стали неожиданностью для Грифа. Гарри всегда был рассудительным, ему лучше удавалось пробивать контракты, чем доспехи

врагов. У Стрикленда нюх на золото, но вот вопрос — есть ли у него вкус к битве?

— Есть путь по суше, — заметил Флауэрс.

— Дорога демонов — это смерть. Если решимся на подобный марш, половина наших людей дезертирует, а половину остальных мы похороним на обочине. Мне неприятно это говорить но, возможно, магистр Иллирио с друзьями совершил ошибку, сделав ставку на эту девочку-королевочку.

«*Нет*, — подумал Гриф. — *Главную ошибку они совершили, положившись на тебя*».

— Ну, так сделайте ставку на меня, — неожиданно вмешался принц Эйегон. — Дейенерис — сестра принца Рейегара, но я его сын. Я единственный дракон, который вам нужен.

Гриф положил затянутую в чёрную кожу руку на плечо принца.

— Смелые слова, но подумай, что ты говоришь.

— Я подумал, — не уступил парень. — Почему я должен бежать со всех ног к своей тете, словно попрошайка? У меня больше прав на трон. Пусть она приходит ко мне… в Вестерос.

Франклин Флауэрс засмеялся:

— Это мне нравится. Поплыть на запад, а не на восток. Оставим маленькой королеве её оливки

и посадим принца Эйегона на Железный Трон. Парень-то кремень.

Капитан-генерал выглядел так, будто ему влепили пощечину.

— У тебя на солнце мозги сварились, Флауэрс? Нам нужна девка. Нам нужна свадьба. Если Дейенерис примет нашего крошку-принца и сделает своим супругом, то и Семь Королевств поступят так же. Без неё лорды только посмеются над его притязаниями и назовут самозванцем и мошенником. И как ты хочешь добраться до Вестероса? Вы слышали Лисоно. Судов не нанять.

«*Этот человек боится сражаться*, — понял Гриф, — *как они могли выбрать его преемником Чёрного Сердца*?»

— Кораблей нет для Залива Работорговцев, Вестерос — другое дело. Восток закрыт для нас, но не море. Не сомневаюсь, триархи будут только рады спровадить нас. Они даже помогут нам снарядиться для возвращения в Семь Королевств. Ни одному городу не нравится армия, стоящая у порога.

— Он прав, — поддержал Коннингтона Лисоно Маар.

— Лев уже учуял запах дракона, — заявил один из Коулов, — но внимание Серсеи приковано

к Миэрину и к другой королеве. Она ничего не знает о нашем принце. Как только мы высадимся и развернем знамена, многие сразу примкнут к нам, а за ними последуют и другие.

— Некоторые, — возразил Бездомный Гарри, — отнюдь не многие. У сестры Рейегара есть драконы, а у его сына — нет. Мы не настолько сильны, чтобы взять королевство без Дейенерис и её армии. Её Безупречных.

— Первый Эйегон взял Вестерос без евнухов, — сказал Лисоно Маар, — почему бы шестому Эйегону не поступить так же?

— План…

— Какой план? — перебил капитан-генерала Тристан Риверс. — План жирдяя? Который меняется с каждой луной? Сперва Визерис должен был присоединиться к нам во главе пятидесяти тысяч дотракийцев. Но Король-Попрошайка умер, его заменила сестра, эта маленькая нежная девочка, которая направлялась в Пентос с тремя вылупившимися драконами. Вместо этого она повернула на Залив Работорговцев, оставляя за собой след из сожжённых городов. И жирдяй решил, что мы должны ждать её в Волантисе. Этот план тоже потерпел крах, как и все предыдущие.

— С меня хватит планов Иллирио. Роберт Ба-

ратеон завоевал Железный Трон и без всяких драконов. Мы можем сделать то же самое. А если я не прав, и королевство не встанет за нас, то мы всегда можем бежать обратно за Узкое море, как однажды поступил Злой Клинок и другие после него.

Стрикленд упрямо покачал головой.

— Риск…

— … сильно уменьшился после смерти Тайвина Ланнистера. Семь Королевств никогда еще не были столь удобны для завоевания. На Железном Троне сидит мальчишка ещё моложе, чем предыдущий, а мятежники вылезают как грибы после дождя.

— Пусть так, — не сдавался Гарри, — в одиночку мы не можем надеяться…

Гриф был сыт по горло трусостью капитан-генерала.

— Мы будем не одни, Дорн поддержит нас, должен поддержать. Принц Эйегон — сын и Элии тоже, не только Рейегара.

— Это так, — сказал мальчик, — и кто же противостоит нам в Вестеросе? Женщина.

— Женщина Ланнистеров, — гнул свое капитан-генерал. — Эта сучка держит рядом с собой Цареубийцу, имей в виду, и в их распоряже-

нии золото Кастерли Рок. Иллирио говорит, что мальчишка помолвлен с девочкой Тиреллов, это значит, мы встретимся со всей мощью Хайгардена.

Ласвел Пик грохнул кулаком по столу.

— Даже век спустя у некоторых из нас всё ещё есть друзья в Просторе. Мощь Хайгардена может оказаться совсем не такой, какой её представляет Мейс Тирелл.

— Принц Эйегон, — обратился к наследнику Тристан Риверс, — мы ваши люди. Вы желаете, чтобы вместо востока мы отправились на запад?

— Да, — горячо вскричал Эйегон. — Если моя тётя хочет оставить себе Миэрин, пусть забирает. Я же с вашей помощью и вашими мечами завоюю Железный Трон. Если не будем мешкать и ударим во всю силу, то сможем одержать ряд легких побед, прежде чем Ланнистеры даже прознают о нашей высадке. Это привлечет людей на нашу сторону.

Риверс одобрительно улыбался, остальные обменивались задумчивыми взглядами. Затем Пик сказал:

— Уж лучше умереть в Вестеросе, чем на дороге демонов.

Марк Мандрейк рассмеялся в ответ:

— А я лучше выживу, завоюю земли и какой-нибудь огромный замок.

Франклин Флауэрс ударил по эфесу меча и произнес:

— Если там я смогу прикончить несколько Фоссовеев, то я с вами.

Когда все они заговорили одновременно, Гриф понял, что ветер переменился. «*Такого Эйегона я ещё не видел*». Конечно, это было неблагоразумно, но его уже тошнило от благоразумия, мутило от секретов и трясло от ожидания. Победа или смерть, он снова увидит Гнездо Грифонов перед смертью и будет похоронен в склепе подле отца.

Один за другим люди Золотого Братства поднимались, преклоняли колено и возлагали мечи к ногам принца. Последним был Бездомный Гарри Стрикленд со своими покрытыми волдырями ногами.

Когда они вышли из шатра капитан-генерала, солнце окрасило западный небосклон в красный цвет и отбрасывало ярко-алые блики на золотые черепа, насаженные на копья. Франклин Флауэрс предложил принцу пройтись по лагерю и познакомиться, как он выразился, с ребятами. Гриф согласился.

— Но помни, пока мы не пересечем Узкое Море,

для всех в отряде он должен оставаться Юным Грифом. В Вестеросе мы отмоем его волосы и облачим в доспехи.

— Понял, — Флауэрс хлопнул по спине Юного Грифа. — Пошли, начнем с поваров. Полезное знакомство.

Когда они удалились, Гриф повернулся к Полумейстеру.

— Скачи к «Скромнице» и возвращайся с леди Леморой и сиром Ролли. Ещё нам понадобятся сундуки Иллирио, все деньги и доспехи. Передай Яндри и Исилле нашу благодарность, их участие на этом закончено. Они не будут забыты, когда Его Величество вернет своё королевство.

— Как прикажете, милорд.

Гриф ушел в палатку, которую ему предоставил Бездомный Гарри.

Предстоящая дорога была полна опасностей, но что с того? Все люди смертны. Единственное, о чём он молил — это время. Он так долго ждал, несомненно, боги даруют ему несколько лет — достаточно, чтобы увидеть мальчика, которого он называл сыном, на Железном троне. Чтобы вернуть свои земли, имя и честь. Чтобы, наконец, смолкли колокола, громко звонящие в его снах, стоит ему только закрыть глаза.

Уединившись в палатке, при свете золотисто-багровых лучей заходящего солнца, пробиравшихся сквозь открытый полог, Джон Коннингтон скинул плащ из волчьих шкур, стянул через голову кольчугу, затем уселся на походный стул и снял перчатку с правой руки. Ноготь среднего пальца стал чёрным, как гагат, а серость доползла почти до первого сустава. Кончик безымянного пальца тоже начал темнеть, и когда он коснулся его острием кинжала, то ничего не почувствовал.

«*Смерть*, — он знал это, — *но медленная. У меня ещё есть время. Год, два, может пять. Некоторые каменные люди прожили целых десять. Времени достаточно, чтобы переправиться через Узкое море и снова увидеть Гнездо Грифонов. Положить конец династии Узурпатора и посадить сына Рейегара на Железный Трон*».

Тогда лорд Джон Коннингтон сможет умереть спокойно.

Глава 25. Гонимый ветром

Весть пронеслась по лагерю порывом горячего ветра: «*Она приближается. Её войска выступили маршем. Она движется на юг, к Юнкаю, чтобы предать город огню, а его жителей — мечу, и мы отправляемся на север, чтобы встретится с ней*».

Лягушонок узнал об этом от Дика-Соломинки, тот от Старого Костлявого Билла, которому поведал об этом выходец из Пентоса по имени Мирио Миракис, чей двоюродный брат был чашником у Принца в Лохмотьях.

— Его братец слышал это в штабной палатке из уст самого Кагго, — настаивал Дик-Соломинка. — Мы выступаем ранним утром, вот увидите.

Так и вышло. Капитаны и офицеры огласили приказ Принца в Лохмотьях:

— Свернуть палатки, навьючить мулов, седлать лошадей, с рассветом выступаем на Юнкай.

— Навряд ли юнкайские ублюдки будут рады видеть нас в своем Жёлтом Городе, да ещё увивающимися за их дочерьми, — пророчил Бакк, косоглазый мирийский арбалетчик, чьё

имя переводилось как «боб», — но в Юнкае мы сможем запастись провизией, возможно, сменим лошадей, а там уж отправимся в Миэрин, чтобы сплясать с королевой драконов. Так что поторапливайся, Лягушонок, и не забудь как следует заточить меч своего господина. Он может понадобиться ему в самое ближайшее время.

В Дорне Квентин Мартелл был принцем, в Волантисе — слугой купца, но на берегу Залива Работорговцев он стал всего лишь Лягушонком, оруженосцем огромного лысого дорнийского рыцаря, которого наёмники прозвали Зелёным Потрохом. В отряде Гонимых Ветром имена раздавали, как вздумается, и могли изменить их в любой момент. Они прозвали Квентина Лягушонком за то, как резво он подскакивал, когда Громадина отдавал приказы.

Даже предводитель Гонимых Ветром держал своё имя втайне. Некоторые отряды наёмников были основаны ещё во времена хаоса и кровопролития — эпохи, что пришла вслед за Роком, обрушившимся на Валирию. Другие, едва появившись вчера, исчезали назавтра. Отряду Гонимых Ветром было тридцать лет, и во главе его всегда стоял один единственный предводитель — вкрадчивый пентошийский господин с грустными

глазами, прозванный Принцем в Лохмотьях. Его волосы и кольчуга были серебристо-серыми, а изодранный плащ пестрел лоскутами разных цветов: синего, серого и лилового, красного, золотого и зелёного, пурпурного, багряного и лазурного — все они были выцветшими на солнце. Дик-Соломинка рассказывал, что, когда Принцу в Лохмотьях исполнилось двадцать три года, магистры Пентоса избрали его своим новым правителем всего через несколько часов после того, как обезглавили прежнего. Но вместо того, чтобы начать править, он пристегнул меч к поясу, оседлал своего любимого скакуна и бежал в Спорные Земли, не собираясь возвращаться. Он ходил в походы вместе с Младшими Сыновьями, Стальными Щитами и Воинами Девы, а затем с пятью братьями по оружию создал Гонимых Ветром. Из шести основателей в живых остался он один.

Лягушонок понятия не имел, было ли в этих рассказах хоть слово правды. С тех пор как они в Волантисе вступили в отряд Гонимых Ветром, он видел Принца в Лохмотьях лишь издали. Дорнийцы были новичками, неопытными новобранцами, мишенью для стрел; их было трое среди двух тысяч. Предводитель отряда предпочитал более благородную компанию.

— Я не оруженосец. Я заслужил свои шпоры в Дорне. Я такой же рыцарь, как и ты, — возражал Квентин Геррису Дринкуотеру, прозванному Геррольдом Дорнийцем, чтобы отличать его от Геррольда Краснозадого и Чёрного Геррольда. Впрочем, иногда его звали просто Дринк. Прозвище закрепилось за ним после того, как Громадина назвал его так по ошибке.

Но Геррис был прав — им с Арчем было велено охранять Квентина, то есть ему следовало держаться как можно ближе к Громадине.

— Из нас троих Арч — лучший боец, — отметил Дринкуотер, — но только у тебя есть шанс взять королеву драконов в жёны.

«*Взять в жёны или сразиться с ней; так или иначе, наша встреча близка*». Но чем больше Квентин слышал о Дейенерис Таргариен, тем сильнее страшился этой встречи. Юнкайцы утверждали, что она кормит своих драконов человеческой плотью и купается в крови девственниц, чтобы её кожа оставалась гладкой и мягкой.

Боб смеялся над этими баснями, но обожал посудачить о распущенности серебряной королевы.

— Один из её военачальников происходит из рода, в котором мужское достоинство достигает фута в длину, — рассказывал он, — но для неё

даже такой недостаточно велик. Она жила с дотракийцами и привыкла сношаться с жеребцами, а теперь ни один мужчина не способен заполнить её.

Книжник, смышленый волантийский боец, который вечно что-то читал, уткнувшись носом в очередной потрёпанный свиток, считал королеву драконов кровожадной и сумасшедшей.

— Кхал убил её брата, чтобы сделать её королевой. А она убила своего кхала, чтобы стать *кхалиси*. Она практикует жертвоприношения, лжет как дышит и ради забавы убивает своих же поданных. Она нарушала договоры о перемирии, пытала посланников… Её отец был таким же безумцем. Это у неё в крови.

«*В крови*». Король Эйерис II был *безумцем* — и все жители Вестероса об этом знали. Он изгнал двух своих Десниц и сжег живьём третьего. «*Должен ли я жениться на ней, если Дейенерис окажется такой же кровожадной, как и её отец*?» Принц Доран никогда не упоминал о такой перспективе.

Лягушонок был бы рад покинуть Астапор. Красный город больше походил на ад. Юнкайцы забаррикадировали разбитые ворота, чтобы удержать мёртвых и умирающих в городе, но

увиденное на улицах, вымощенных красным кирпичом, будет преследовать Квентина Мартелла всю оставшуюся жизнь. Река, захлебывающаяся трупами. Жрица в разорванной рясе, посаженная на кол и покрытая облаком блестящих зелёных мух. По улицам шатаются окровавленные и грязные умирающие люди. Дети, дерущиеся за полусырые тушки щенят. Вопящий в яме нагой последний вольный король Астапора, затравленный сворой голодных псов. И пожары, повсюду пожары. Он мог видеть их с закрытыми глазами: пламя вырывалось из каменных пирамид, оказавшихся выше любого виденного им замка. Столбы жирного дыма уходили ввысь, извиваясь, словно громадные чёрные змеи.

Когда дуло с юга, воздух пах гарью даже в трёх милях от города. Астапор продолжал тлеть за разваливающимися стенами из красного камня, несмотря на то что основные очаги пламени уже потухли. Пепел лениво плыл по ветру, подобно толстым серым хлопьям снега. Хорошо, что скоро уходить.

Громадина согласился:

— Давно пора, — высказался он.

Лягушонок застал его играющим в кости с Бобом, Книжником и Старым Костлявым Биллом. И

он снова был в проигрыше. Наёмникам нравился Зелёный Потрох. Он играл так же бесстрашно, как и сражался, но с меньшим успехом.

— Мне нужны мои доспехи, Лягушонок. Ты отчистил кольчугу от крови?

— Да, сир.

Кольчуга Зелёного Потроха была старой и тяжёлой, не единожды залатанной, сильно поношенной. То же самое можно было сказать про его шлем, горжет, поножи, рукавицы и разномастные латы. Снаряжение Лягушонка было немногим лучше, а у сира Герриса — значительно хуже. *«Братская сталь»* — так прозвал её оружейник. Квентин не спрашивал, сколько людей до него носило этот хлам и сколько в нём погибло. Отменные доспехи остались в Волантисе вместе с их золотом и подлинными именами. Богатые рыцари знатного рода не уплывали за Узкое Море, чтобы продать свои мечи. Если только их не изгоняли с позором.

— Я скорее выдам себя за бедняка, чем за злодея, — заявил Квентин, когда Геррис изложил им суть плана.

Чтобы сняться с лагеря, Гонимым Ветром хватило меньше часа.

— Итак, мы выступаем, — с громадного боевого

коня объявил всем Принц в Лохмотьях на классическом высоком валирийском языке, которым владело большинство в отряде. Пятнистый зад жеребца был покрыт попоной из рваных полосок ткани, оторванных от сюрко поверженных противников Принца. Его плащ был сшит из таких же лоскутов. Принц был стар — ему было за шестьдесят, и тем не менее он сидел в высоком седле прямо и говорил так громко, что его голос был отчетливо слышен в любой точке поля.

— Астапор был на закуску — в Миэрине попируем, — сказал он, и толпа наёмников взорвалась громкими возгласами одобрения. Бледно-голубые шёлковые вымпелы на их копьях развевались по ветру на фоне вскинутых к небу двузубых бело-голубых знамен Гонимых Ветром.

Троица дорнийцев вторила остальным. Молчание могло привлечь лишнее внимание. Когда Гонимые Ветром шли севернее прибрежной дороги, следуя вдоль неё за Кровавой Бородой и Ротой Кошки, Лягушонок поравнялся с Геррольдом Дорнийцем.

— Скоро, — произнес он на общем языке Вестероса. В отряде были и другие вестеросцы, но не так уж много и ни одного поблизости. — Время пришло.

— Только не здесь, — предупредил Геррис с натянутой улыбкой на лице. — Мы обсудим это вечером, когда разобьем лагерь.

От Астапора до Юнкая по старой гискарской дороге миль сто, плюс ещё пятьдесят от Юнкая до Миэрина. У вольных наёмников резвые скакуны, и они могли добраться до Юнкая за шесть дней быстрой езды или за восемь неспешной. Легионам Старого Гиса требовалось в полтора раза больше времени, чтобы одолеть то же расстояние пешим ходом. А что касалось юнкайцев и их рабов-воинов…

— Удивительно, как с такими-то полководцами они ещё не отправились прямиком в море, — сказал Боб.

Юнкайцы недостатка в военачальниках не испытывали. Старый герой по имени Юрхаз зо Юнзак был главнокомандующим, однако Гонимые Ветром видели его только издали. Он перемещался в паланкине настолько громадном, что для его переноски требовалось сорок рабов.

А вот его подчиненных нельзя было не заметить. Юнкайские лордики кишели повсюду подобно тараканам. Похоже, половину из них звали Газдан, Граздан, Маздан или Газнак; искусство отличать одно гискарское имя от другого

было подвластно лишь немногим из Гонимых Ветром. Поэтому взамен они придумывали им клички на свой манер.

Самым видным из них был Жёлтый Кит — до неприличия толстый человек, всегда облачённый в жёлтый шёлковый токар с золотистой каймой. Он был до того тяжел, что даже не мог стоять без посторонней помощи и страдал недержанием, из-за чего от него всегда несло мочой. Вонь была настолько острой, что никакие духи не могли её перебить. Поговаривали, что толстяк был богатейшим человеком в Юнкайе и питал особую страсть к уродцам. Среди его рабов были мальчик с козлиными копытами, бородатая женщина, двуглавое чудовище из Мантариса и гермафродит, согревавший постель своего хозяина по ночам.

— И жеребчик, и кобылка, — сказал им Дик-Соломинка. — А ещё у него был собственный великан. Киту нравилось наблюдать, как он трахает его рабынь. Но теперь великан преставился. Слышал, что толстяк готов отдать мешок золота за нового.

Ещё была Генерал-Девица, разъезжавшая на белой кобыле с рыжей гривой. Она командовала сотней рослых рабов-воинов, которых сама же

взрастила и выучила. Каждый из них был юн, строен, мускулист и практически гол, не считая набедренной повязки на теле, жёлтого плаща и длинного бронзового щита с инкрустациями эротического толка. Их хозяйка, не старше шестнадцати лет от роду, считала себя юнкайской Дейенерис Таргариен.

Маленький Голубь не был карликом, но мог сойти за такового в полумраке. Однако это не мешало ему хорохориться и расхаживать подобно гиганту: широко расставляя пухлые ноги и выпячивая небольшую, но широкую грудь. Его воины были выше всех, кого когда-либо видели Гонимые Ветром: самый мелкий из них был семи футов ростом, а самый высокий достигал восьми. Все были длинноногими, а ходули, прикреплённые к нижней части вычурных доспехов, ещё больше прибавляли им роста. И даже лица их были вытянутыми. Их торсы были обтянуты броней из покрытых розовой эмалью чешуек; на головах они носили удлинённые шлемы с острыми стальными клювами и покачивающимися гребнями из розовых перьев. У каждого на бедре был длинный кривой меч, а в руках — копье с него ростом с листовидными лезвиями на обоих концах.

— Маленький Голубь их разводит, — сообщил

Дик-Соломинка. — Он скупает рослых рабов со всего света, спаривает мужчин с женщинами и оставляет самый рослый молодняк для своей армии Цапель. Он надеется, что рано или поздно ходули не понадобятся.

— Может быть, пара сеансов на дыбе ускорят процесс, — предположил Громадина.

Геррис Дринкуотер рассмеялся.

— Грозная компания. Нет ничего страшнее этих ходоков в розовой чешуе и перьях. Если бы на меня напал один из них, я бы намочил штаны со смеху.

— Некоторые считают, что цапли величественны, — сказал Костлявый Билл. — Разве что их величества едят лягушек, стоя на одной ноге.

— Цапля — трусливая птица, — заявил Громадина. — Как-то я, Дринк и Клетус отправились на охоту. Мы набрели на бродящих в болотах цапель и видели, как они лакомились головастиками и мальками. Выглядели они мило, да, но когда в небе показался ястреб, цапли с испугу взмыли в небо, словно увидали дракона. Такой ветер подняли, что я вывалился из седла. Клетус вложил стрелу в лук и подстрелил одну. На вкус, как утка, но не такая жирная.

Но даже Цапли Маленького Голубя блекли

перед сумасбродством братьев, которых наёмники прозвали Звенящими Лордами. В прошлую стычку с Безупречными королевы драконов юнкайские рабы-воины были разбиты и бежали. Звенящие Лорды придумали способ избежать этого в следующий раз: они сковали своих солдат группами по десять человек — запястьями и у щиколоток.

— Ни один из этих несчастных ублюдков не сможет убежать, пока не побегут все остальные, — усмехаясь объяснял Дик-Соломинка. — А если они и побегут, то уж точно не быстро.

— Эти грёбаные дурни и шагают-то еле-еле, — заметил Боб. — Звон цепей за десять лиг слышно.

Их было много, таких же безумцев или даже ещё хуже: Лорд Дрожащие Щеки, Пьяный Завоеватель, Зверолов, Мягколицый, Кролик, Каретник, Надушенный Герой. У одних было двадцать солдат, у других насчитывалось двести, а то и две тысячи. Всех рабов они обучали и экипировали сами. Каждый был богат, заносчив и являлся сам себе и командиром, и командующим, не подчинявшимся никому, кроме Юрхаза зо Юнзака. Простых наёмников они презирали, но зато были охочи до распрей по вопросам старшинства

столь же бесконечных, сколь и непонятных.

За время, которое понадобилось Гонимым Ветром, чтобы проскакать три мили, юнкайцы отстали на две с половиной.

— Стая жёлтых вонючих шутов, — пожаловался Боб. — Они до сих пор не понимают, почему отряды Ворон-Буревестников и Младших Сыновей переметнулись к королеве драконов.

— Полагают, что из-за золота, — сказал Книжник. — Думаешь, почему нам так много платят?

— Золото сладко, да жизнь слаще, — ответил Боб. — В Астапоре мы сражались с калеками. Захочешь ли ты встретиться с настоящими Безупречными, зная, что на твоей стороне такой вот сброд?

— В Астапоре мы сражались с Безупречными, — вставил Громадина.

— Я имею в виду, с *настоящими* Безупречными. Оттяпанные тесаком мясника яйца и остроконечная шляпа не сделают из мальчишки Безупречного. У королевы драконов отборный товар — такой, что не сломается и не разбежится, если пёрнуть в их сторону.

— А ещё у неё есть драконы, — Дик-Соломинка поднял глаза к небу, как будто одного только упоминания о драконах было достаточно, чтобы

натравить чудищ на их отряд. — Держите мечи наготове, ребятки. Близится настоящая битва.

«*Настоящая битва*», — подумал Лягушонок. Слова застряли в его горле. Битва под стенами Астапора казалась ему самой что ни на есть настоящей, однако он знал, что наёмники считали иначе.

— Это бойня, а не битва, — заявил потом воин и певец Дензо Дхан. Дензо был капитаном, ветераном сотни битв. Опыт Лягушонка ограничивался тренировочными площадками и турнирными аренами, поэтому он не ставил под сомнение слова закалённого воина.

«*Сначала казалось, что это битва*». Он вспомнил, как скрутило кишки, когда на рассвете его разбудили пинком. Фигура Громадины грозно нависла над ним.

— Полезай в доспехи, соня, — проревел он. — Мясник решился дать бой. Вставай, если не хочешь стать ему мясом.

— Король-Мясник мертв, — сонно протестовал Лягушонок. Они узнали об этом, как только сошли с кораблей, что доставили их из Старого Волантиса. Говорили, что второй король Клеон умер вскоре после того, как вступил на престол, и теперь во главе Астапора стояли шлюха и су-

масшедший брадобрей, сторонники которых боролись друг с другом за право управлять городом.

— Возможно, нам соврали, — ответил Громадина. — Либо появился другой мясник. Либо тот первый восстал из могилы, чтобы загубить пару юнкайских душ. Какая к чёрту разница, Лягушонок. *Напяливай свои доспехи.*

Десять человек, что спали в палатке, к тому времени были уже на ногах. Они спешно натягивали штаны и ботинки, ныряли в длинные кольчужные рубахи, пристегивали нагрудные латы, затягивали ремни на поножах и наручах, хватали шлемы, щиты и портупеи. Геррис, как всегда, был первым, кто полностью облачился в свои доспехи, Арч также не заставил себя долго ждать. Вместе они помогли Квентину надеть его снаряжение.

В трёх сотнях ярдов от них через городские ворота хлынул поток новоиспечённых Безупречных Астапора. Армия выстраивалась рядами у покрытых трещинами стен из красного кирпича. Свет утренней зари отражался от острых бронзовых шлемов и наконечников длинных копий.

Троица Дорнийцев выскочила из палатки, чтобы присоединиться к бойцам, бросившимся

к коновязи. «*Битва*». Квентин учился владеть копьем, мечом и щитом с тех пор, как начал ходить, но сейчас это не значило ровным счетом ничего. «*Воин, дай мне храбрости*», взмолился Лягушонок, услышав вдалеке барабанный бой: «БУМ-бум-БУМ-бум-БУМ-бум». Громадина указал Лягушонку на Короля-Мясника, неуклюже восседавшего на бронированном боевом коне. На короле были доспехи из медных чешуек, которые ярко поблескивали в свете утреннего солнца. Лягушонок вспомнил, как Геррис подскакал к нему перед боем и сказал:

— Что бы ни случилось, держись ближе к Арчу и помни — ты единственный, кто может заполучить девушку.

В это время астапорцы начали сближаться.

Живой или мёртвый, Король-Мясник смог застать Мудрых господ врасплох. Юнкайцы метались взад-вперед в развевающихся по ветру токарах, пытаясь привнести хоть какой-то порядок в ряды полуобученных рабов-воинов, а тем временем копья Безупречных прорывались через линию осаждающих. Юнкайцы могли потерпеть поражение, если бы не помощь их союзников, презираемых ими же наёмников. Гонимые Ветром и Рота Кошки оседлали лошадей в считанные

минуты и нанесли удар по флангу астапорской армии как раз тогда, когда с противоположной стороны через лагерь юнкайцев прорвался легион Нового Гиса и столкнулся с Безупречными, копьем к копью, щитом к щиту.

Дальше была резня, но в этот раз Король-Мясник был по другую сторону тесака. Кагго сразил его. Прорвавшись сквозь королевскую охрану на своем чудовищном боевом коне, он раскроил Клеона Великого от плеч до бедра одним ударом своего кривого валирийского *аракха*. Лягушонок не был при этом, но очевидцы утверждали, что медная кольчуга Клеона разошлась, словно шелк, и из раны хлынула тошнотворная вонь и сотня извивающихся могильных червей. Клеон был давно мертв. Отчаявшиеся астапорцы достали его из могилы, надели на него доспехи и привязали к лошади в надежде ободрить Безупречных.

Падение мертвого Клеона положило конец битве. Новоиспеченные Безупречные побросали копья и щиты и обратились в бегство. Однако Астапор наглухо запер перед ними свои ворота. Лягушонок принял участие в последующей бойне, гоняясь верхом за испуганными евнухами в компании с другими Гонимыми Ветром. Не отставая от Громадины, он бил мечем направо

и налево. Конный клин проходил сквозь толпу Безупречных подобно наконечнику копья. Когда они прорвались на другую сторону поля, Принц в Лохмотьях развернул отряд и повел его вновь сквозь живую массу. И только в этот раз Лягушонку удалось разглядеть лица под остроконечными бронзовыми шлемами и понять, что большинство было не старше его самого. «*Зелёные мальчишки, взывающие к матерям*», — думал он, но продолжал убивать. К тому времени как Лягушонок покинул поле боя, его меч был весь в крови, а рука так устала, что он едва мог поднять ее.

«*И все-таки это не настоящая битва,*– думал он. — *Настоящая битва впереди, и нам надо бежать до того, как она начнется, иначе мы рискуем оказаться не на той стороне*».

Этой ночью Гонимые Ветром разбили лагерь на берегу Залива Работорговцев. Лягушонку выпало первым стоять в карауле и его послали присматривать за коновязью. Геррис встретился с ним сразу после заката, как только над водной гладью засиял месяц.

— Громадина тоже должен придти, — сказал Квентин.

— Он ушёл искать Старого Костлявого Билла,

чтобы проиграть ему остатки своего серебра, — проговорил Геррис. — Оставь его в покое. Он сделает всё, что мы скажем, хотя ему это вряд ли понравится.

— Верно, — самому Квентину жутко не нравилось, как обстоят дела. Плыть на переполненном корабле, мотающемся по воле ветра и волн из стороны в сторону, питаться чёрствым хлебом, кишащим долгоносиками, до беспамятства напиваться темным ромом, спать на куче заплесневелой соломы, вдыхать смрад чужих тел… Он ожидал всего этого, когда ставил свою подпись на куске пергамента в Волантисе, тем самым присягая на верность Принцу в Лохмотьях и поступая к нему на службу сроком в один год. Все это трудности, с которыми приходится мириться, неотъемлемая часть любых приключений.

Но теперь им предстояло совершить предательство. Юнкайцы привезли их из Старого Волантиса, чтобы они воевали за Жёлтый Город, но теперь дорнийцы собирались нарушить клятву и перейти на сторону противника. Это значило оставить своих новоиспеченных братьев по оружию. Гонимые Ветром не та компания, в которой хотел бы оказаться Квентин, но он пересек вместе с ними море, делил мясо и мед, сражался с

ними бок о бок, травил байки с теми, чью речь понимал. И если все его россказни были ложью, ну что ж, такова цена дороги к Миэрину.

— Эта затея не сделает вам чести,– предупреждал их Геррис ещё тогда, в Купеческом доме.

— Дейенерис возможно уже на полпути к Юнкаю, вместе со своей армией, — сказал Квентин, проходя вдоль лошадей.

— Она могла бы выступить, — ответил Геррис, — но это не так. Мы слышали нечто подобное ранее. Астапорцы были убеждены, что Дейенерис идет на юг со своими драконами, чтобы снять осаду. Но она не пришла, и вряд ли её стоит ждать сейчас.

— Мы не можем знать наверняка. Нам нужно исчезнуть, пока мы не ввязались в битву с армией женщины, которую я должен взять в жёны.

— Подожди, пока доберемся до Юнкая, — Геррис указал на холмы. — Эти земли принадлежат юнкайцам. Здесь никто не захочет кормить или укрывать трёх дезертиров. К северу от Юнкая — ничейные земли.

Он был прав. Но Квентину всё ещё было не по себе.

— Громадина завёл слишком много друзей. Он знает, что мы изначально планировали бежать

из отряда и найти Дейенерис, но ему явно претит мысль оставить людей, вместе с которыми он сражался. Если мы прождём слишком долго, создастся такое впечатление, что мы собираемся дезертировать накануне битвы. Он никогда не пойдет на это. Ты знаешь его не хуже меня.

— Когда бы мы ни сбежали, это будет дезертирством, — возразил Геррис. — Принц в Лохмотьях не жалует дезертиров. Он пошлёт охотников, и да помогут нам Семеро, когда они нас настигнут. Если повезет, отсекут только ноги, чтобы мы больше не смогли бежать. А если не повезет — отдадут Милашке Мерис.

Последний аргумент заставил Квентина задуматься. Милашка Мерис его пугала. Она была родом из Вестероса, выше его — без малого шести футов ростом. После двадцати лет, проведённых в вольных отрядах, в ней не осталось ничего милого — ни внутри, ни снаружи.

Геррис взял его за руку.

— Подождем. Ещё несколько дней, и всё. Мы пересекли полмира, потерпим еще пару лиг. Где-то к северу от Юнкая нам должно повезти.

— Как скажешь, — с сомнением сказал Лягушонок…

…но раз в жизни боги услышали его, и удача

пришла к ним намного раньше, чем предполагалось.

Случилось это двумя днями позже. Хью Хангерфорд остановил коня подле их костра и сказал:

— Дорнийцы, вас требуют в палатку командира.

— Которого из нас? — спросил Геррис. — Мы все дорнийцы.

— Всех троих.

Угрюмый воин занимал пост казначея отряда до тех пор, пока Принц в Лохмотьях, уличив его в воровстве, не отрезал ему три пальца. Теперь Хангерфорд был простым сержантом.

«*Что могло случиться*?» До сей поры Лягушонок сомневался, что их командир имел какое-либо представление о его существовании. Хангерфорд поскакал прочь, лишив их возможности расспросить его о подробностях. Всё, что они могли сделать, это собраться вокруг Громадины и подчиниться приказу.

— Не признавайтесь ни в чём и будьте начеку, — сказал Квентин своим друзьям.

— Я всегда начеку, — ответил Громадина.

Когда дорнийцы пришли, огромный шатёр из парусины серого цвета, который Принц в Лохмотьях любил называть своим холщовым

замком, уже был переполнен. Квентину хватило мгновения, чтобы понять, что бо?льшая часть собравшихся была из Семи Королевств либо отпрысками вестеросцев. Изгнанники или дети изгнанников. Дик-Соломинка утверждал, что в отряде было около шестидесяти вестеросцев; добрая треть которых сейчас находилась в шатре, включая самого Дика, Хью Хангерфорда, Милашку Мерис и златовласого Льюиса Ланстера, лучшего лучника в отряде.

Дензо Дхан и Кагго тоже были там. *Кагго-Трупобой* — так теперь называли воина, но только не в его присутствии: он был вспыльчив, а его кривой чёрный меч выглядел столь же опасным, как и хозяин. Мир знал сотни валирийских мечей и лишь несколько *аракхов*. Ни Кагго, ни Дхан не были вестеросцами, но оба служили капитанами и пользовались особым уважением Принца в Лохмотьях.

«*Его верные помощники — правая рука и левая. Назревает что-то серьезное*».

Разговор начал сам Принц в Лохмотьях.

— Пришёл приказ от Юрхаза, — начал он. — Выжившие астапорцы выползают наружу из своих дыр. В городе не осталось ничего, кроме трупов, поэтому они пытаются выбраться за его пределы.

Их сотни, может быть тысячи, все голодные и больные. Юнкайцы не желают видеть их у стен Жёлтого Города. Нам приказано прогнать их прочь — назад к Астапору либо на север к Миэрину. Если королева драконов возжелает принять их к себе — на здоровье. У половины из них кровавый понос, но даже здоровые — это лишние рты.

— Юнкай ближе, чем Миэрин, — возразил Хью Хангерфорд. — Что если они не захотят повернуть?

— На этот случай у вас есть мечи и копья, Хью. Хотя, возможно, от стрел проку будет больше. Держитесь подальше от больных. Я направляю половину сил к холмам. Пятьдесят патрулей, по двадцать всадников в каждом. Кровавая борода получил такой же приказ, значит, Кошки также будут на месте.

Воины обменялись взглядами, некоторые начали тихо перешептываться. Несмотря на то, что Гонимые Ветром и Рота Кошки были на службе у Юнкая, год назад на территории Спорных Земель они сражались по разные стороны фронта, и с тех пор их неприязнь никуда не делась. Кровавая борода, свирепый командир Кошек, буйный кровожадный гигант, не скрывал своего презрения к «седобородым старикам в лохмотьях».

Дик-Соломинка прочистил горло.

— Прошу прощения, но все находящиеся здесь — из Семи Королевств. М'лорд до сих пор не делил отряды по крови или языку. Зачем объединять нас?

— Справедливый вопрос. Вы направитесь на запад к холмам, затем обогнете Юнкай по дороге к Миэрину. Если наткнетесь на астапорцев, гоните их на север или убейте. Но знайте, что цель не в этом. За Жёлтым Городом вы, скорее всего, столкнетесь с патрулями королевы драконов, Младшими Сыновьями или Воронами-Буревестниками. Сойдут и те, и другие. Вы должны примкнуть к ним.

— Примкнуть к ним? — спросил рыцарь-бастард, сир Орсон Стоун. — Вы хотите, чтобы мы пошли на предательство?

— Совершенно верно, — ответил Принц в Лохмотьях.

Квентин Мартелл чуть не рассмеялся. «*Боги сошли с ума*».

Вестеросцы в беспокойстве переминались с ноги на ногу. Некоторые уставились в чаши с вином, словно надеялись найти там немного мудрости. Хью Хангерфорд нахмурился.

— Вы считаете, что королева Дейенерис при-

мет нас…

— Да.

— … если даже и примет, то какую роль мы будем играть? Шпионов? Убийц? *Послов?* Или вы собираетесь сменить сторону?

— Позволь решать это Принцу, Хангерфорд, — сердито проговорил Кагго. — Всё, что от тебя требуется — исполнять приказы.

— Повинуюсь, — Хангерфорд поднял свою искалеченную руку.

— Будем откровенны, — сказал Дензо Дхан, воин-бард, — юнкайцы не внушают доверия. Независимо от исхода этой войны, Гонимые Ветром должны остаться в выигрыше. Наш Принц мудро оставляет все дороги открытыми.

— Командовать вами будет Мерис, — сказал Принц в Лохмотьях. — Она в курсе замысла. Думаю, Дейенерис Таргариен охотнее примет женщину.

Квентин взглянул на Милашку Мерис. Когда её мертвые холодные глаза остановились на нём, он содрогнулся. «*Не нравится мне это*».

У Дика-Соломинки тоже были сомнения.

— Девчонка должна быть полной дурой, чтобы поверить нам. Даже если Мерис с нами. *Особенно* если она с нами. Черт, да *я сам* не доверяю Мерис,

хоть и трахнул её пару раз.– Он ухмыльнулся, однако никто не засмеялся. Не говоря уже о самой Мерис.

— Мне кажется, ты ошибаешься, Дик, — ответил Принц в Лохмотьях. — Вы все вестеросцы. Земляки. Вы говорите на том же языке, что и она, поклоняетесь тем же богам. Что до мотивов, то вы все пострадали от моих рук. Дик, я сек тебя чаще, чем любого другого воина под моим началом, и твоя спина послужит хорошим доказательством. Хью отсекли три пальца в наказание. Мерис была изнасилована половиной отряда. Не нашего отряда, говоря по правде, но это можно не упоминать. Уилл-Лесник… ну, что я могу сказать... ты просто подонок. Сир Орсон обвиняет меня в том, что я отправил его брата в Горести, а сир Люцифер всё ещё негодует по поводу рабыни, которую Кагго отобрал у него.

— Мог бы и вернуть после того как попользовался, — пожаловался Люцифер Длинный. — Не было причин убивать её.

— Она была уродиной, — ответил Кагго. — Чем не причина.

Принц в Лохмотьях продолжил, как ни в чем не бывало.

— Веббер, ты мечтаешь вернуть земли, поте-

рянные в Вестеросе. Ланстер, я убил мальчишку, которого ты так любил. Дорнийцы, вы думаете, что вас обманули. В Астапоре вы получили меньше того, что было обещано в Волантисе, и мне досталась львиная доля награбленного.

— Последнее — чистая правда! — высказался сир Орсон.

— Зерно истины делает ложь правдоподобной, — сказал Принц в Лохмотьях. — У каждого из вас достаточно причин, чтобы бросить меня. И Дейенерис Таргариен известно, что наёмники — народец непостоянный. Младшие Сыновья и Вороны-Буревестники взяли юнкайское золото, но не задумываясь перешли на её сторону, как только обстоятельства стали складываться в её пользу.

— Когда мы выступаем? — спросил Льюис Ланстер.

— Сию же секунду. Остерегайтесь Кошек и Длинных Копий, на которых вы можете напороться. Никто, кроме собравшихся здесь, не знает, что ваше бегство — это часть плана. Выберете неудачный момент для побега, и вас покалечат за дезертирство либо выпотрошат за измену.

Троица дорнийцев молча покинула палатку командира. «*Двадцать всадников, говорящих на*

общем языке, — подумал Квентин. — *Теперь толком и не пошепчешься*».

Громадина хлопнул его по спине.

— Ну что, Лягушонок, охота на драконов начинается.

Глава 26. Своенравная невеста

Аша Грейджой сидела в великом чертоге Галбарта Гловера, попивая вино Галбарта Гловера, когда мейстер Галбарта Гловера принес ей письмо.

— Миледи, — как всегда, когда мейстер обращался к ней, он казался взволнованным. — Птица с Барроутона.

Он подал ей пергамент так, будто хотел поскорее от него избавиться. Послание было туго скручено и скреплено каплей твердого розового сургуча.

«*Барроутон*, — Аша пыталась вспомнить, кто правил в Барроутоне. — *Какой-нибудь северный лорд, навряд ли он дружелюбно настроен*».

И эта печать… Болтоны из Дредфорта шли в бой под розовыми знамёнами, покрытыми вышитыми каплями крови. Само собой, они будут использовать и розовый сургуч.

«*Я держу в руках отраву*, — подумала она. — *Мне следует сжечь письмо*». Вместо этого она сломала печать. Клочок кожи слетел ей на колени. По мере чтения скупых коричневых строк

её чёрное настроение становилось все чернее. «*Чёрные крылья, чёрные вести*». Вороны никогда не приносят хорошие новости. Последнее сообщение, пришедшее в Темнолесье, было от Станниса Баратеона, он требовал присяги. Но нынешнее было ещё хуже.

— Северяне взяли Ров Кейлин.

— Бастард Болтона? — спросил Кварл, стоявший рядом с ней.

— Рамси Болтон, лорд Винтерфелла, так он подписывается. Но там есть и другие имена. Свои подписи оставили леди Дастин, леди Сервин и четверо Рисвелов. Рядом с ними коряво нацарапан гигант, герб кого-то из Амберов.

Подписи были поставлены мейстерскими чернилами, сделанными из сажи и смолы, но сообщение над ними было нацарапано чем-то коричневым крупным, угловатым почерком. В письме говорилось о взятии Рва Кейлин, о триумфальном возвращении Хранителя Севера в свои земли, о скорой свадьбе. Первые слова послания гласили: «*Я пишу это письмо кровью железных людей*». Последние: «*Я посылаю каждому из вас по кусочку принца. Задержитесь в моих землях и разделите его судьбу*».

Аша считала своего младшего брата мёртвым.

«*Лучше умереть, чем пережить подобное*». Клочок кожи упал ей на колени. Она поднесла его к свече и смотрела, как он сворачивается, пока огонь не поглотил его остатки, и пламя не начало лизать пальцы.

Мейстер Галбарта Гловера переминался с ноги на ногу рядом с ней.

— Ответа не будет, — сообщила она ему.

— Могу я поделиться этими известиями с леди Сибеллой?

— Как хочешь. — Аша не могла сказать, порадует ли Сибеллу Гловер взятие Рва Кейлин. Леди Сибелла почти что поселилась в богороще, молясь за своих детей и благополучное возвращение мужа. «*Похоже, ещё одна молитва останется без ответа. Её сердце-древо так же слепо и глухо, как и наш Утонувший Бог*». Роберт Гловер и его брат Галбарт отправились на юг вместе с Молодым Волком. Если дошедшие до них рассказы о Красной Свадьбе были правдивы хотя бы наполовину, вряд ли они снова вернутся на север. «*По крайней мере, её дети живы, и это благодаря мне*». Аша оставила их в Десяти Башнях на попечении своих тётушек. Младшая дочь леди Сибеллы всё ещё была грудничком, и Аша рассудила, что девочка слишком хрупка, чтобы подвергать её опасно-

стям ещё одной бурной переправы. Девушка сунула письмо в руки мейстера.

— Вот. Пусть утешится этим, если сможет. Можешь идти.

Мейстер склонил голову и удалился. После его ухода Трис Ботли повернулся к Аше.

— Если Ров Кейлин пал, Торрхенов Удел скоро последует за ним. Потом настанет наш черёд.

— Не так быстро. Щербатый пустит им кровь.

Торрхенов Удел не был развалинами вроде Рва Кейлин, и Дагмер был железным до мозга костей. Он скорее умрёт, чем сдастся.

«*Если бы мой отец все еще был жив, Ров Кейлин никогда бы не пал*». Бейлон Грейджой знал, что Ров был ключом к северу. Эурон тоже это знал; ему просто было всё равно. Так же как ему было безразлично и то, что будет с Темнолесьем и Торрхеновым Уделом.

— Эурону не интересны завоевания Бейлона. Мой дядюшка гоняется за драконами.

Вороний Глаз собрал всю мощь Железных Островов на Старом Вике и взял курс далеко в Закатное Море со своим братом Виктарионом, следующим за ним, как побитая дворняжка. На Пайке не осталось никого, чтобы просить о помощи, кроме её лорда мужа.

— Мы остались одни.

— Дагмер размажет их, — настаивал Кромм, который не полюбил ни одну женщину хотя бы в половину так же сильно, как битву. — Они всего лишь волки.

— Волки перебиты. — Аша сковырнула розовый воск ногтем большого пальца — Их убили эти живодёры.

— Мы должны направиться в Торррхенов Удел и присоединиться к сражению, — призывал Квентон Грейджой, её дальний родственник и капитан «Солёной Девки».

— Да, — согласился Дагон Грейджой, ещё более дальний родственник. Дагон Пьяница, как его называли, но пьяный или трезвый — он любил сражаться. — Почему вся слава должна достаться Щербатому?

Двое слуг Галбарта Гловера внесли жаркое, но тот клочок кожи отбил у Аши аппетит. «*Мои люди потеряли всякую надежду на победу*, — мрачно подумала она. — *Всё, на что они надеются — это хорошая смерть*». И волки, несомненно, ее им обеспечат. «*Рано или поздно они придут, чтобы вернуть себе этот замок*».

Солнце садилось за высокие сосны Волчьего Леса, когда Аша поднималась по деревянным

ступеням в спальню, принадлежавшую некогда Галбарту Гловеру. Она выпила слишком много вина, и теперь её голова трещала. Аша Грейджой любила своих людей: капитанов и команду, но половина из них были дураками. «*Храбрые дураки, но всё-таки дураки. Идти к Щербатому, да, как будто мы можем…*»

Темнолесье и Дагмера разделяло много лиг, состоявших из высоких холмов, густых лесов и северян, которых было больше, чем она могла представить. У Аши было четыре галеры и почти две сотни человек… Включая Тристифера Ботли, на которого нельзя положиться. Несмотря на все его разговоры о любви, она не могла представить Триса, спешащего в Торрхенов Удел, чтобы умереть вместе с Дагмером Щербатым.

Кварл увязался за ней до спальни Галбарта Гловера.

— Убирайся, — сказала она ему. — Я хочу побыть одна.

— Все, что тебе нужно — это я.

Он попытался поцеловать её.

Аша оттолкнула его.

— Тронешь меня еще раз и я…

— Что?

Он вытащил свой кинжал.

— Раздевайся, девчонка.

— Трахай себя сам, безбородый мальчишка.

— Я лучше тебя трахну.

Один быстрый взмах ножа расшнуровал её безрукавку. Аша потянулась к своему топору, но Кварл отбросил нож и схватил её за запястье, выворачивая руку, пока оружие не выскользнуло из пальцев. Он толкнул её на кровать Гловера, грубо поцеловал и разорвал на ней рубашку, обнажив грудь. Когда она попыталась пнуть его в пах, он увернулся и раздвинул ей ноги коленями.

— Сейчас я тебя поимею.

— Сделай это, — выплюнула она, — и я убью тебя во сне.

Она была вся мокрая, когда он вошел в неё.

— Будь ты проклят, — сказала она. — Будь ты проклят, будь ты проклят, будь ты проклят.

Он сосал её соски, пока она не закричала - наполовину от боли, наполовину от удовольствия. Её лоно стало целым миром. Она забыла про Ров Кейлин и Рамси Болтона с его кусочком кожи, забыла и вече, своё поражение, изгнание, врагов и своего мужа. Имели значение только его прикосновения, его рот, объятия, только его естество внутри неё. Он продолжал, пока она не закричала, продолжал, когда она заплакала, и не

останавливался до тех пор, пока не оставил своё семя внутри неё.

— Я замужняя женщина, — напомнила она после. — Ты изнасиловал меня, безбородый мальчишка. Мой лорд муж отрежет тебе орешки и нарядит в платьице.

Кварл скатился с неё в сторону.

— Если сможет подняться со стула.

В комнате было холодно. Аша поднялась с кровати Гловеров и сняла свою разорванную одежду. Безрукавке потребуются новые завязки, но рубашка испорчена окончательно. «*Всё равно она мне никогда не нравилась*». Она бросила её в огонь. Остальное осталось сваленным в кучу возле кровати. Грудь болела, и семя Кварла стекало по ее бедру. Ей нужно будет заварить лунного чая, иначе она может принести в этот мир еще одного кракена. «*Да какая разница? Мой отец мертв, мать умирает, с брата сдирают кожу, и я ничего не могу с этим поделать. И я замужем. Обручена и уложена в постель, вот только с разными мужчинами*».

Когда она скользнула обратно под меха, Кварл уже спал.

«*Теперь твоя жизнь принадлежит мне. Куда я дела свой кинжал*?»

Аша прижалась к его спине и провела руками по его телу. На островах он был известен как Кварл Девица, отчасти, чтобы отличать его от Кварла Пастуха, Странного Кварла Кеннинга, Кварла Быстрого Топора и Кварла Невольника, но в большей степени — за его гладкие щеки. Когда Аша встретила его впервые, Кварл пытался отращивать бороду. Она, смеясь, называла это «пушком на персике». Кварл признался, что никогда не видел персиков, и тогда она предложила ему присоединиться к ней в следующем плавании на юг.

Тогда всё ещё стояло лето, на Железном Троне сидел Роберт, Бейлон мечтал о Морском Троне, и в Семи Королевствах царил мир. Аша шла на «Чёрном Ветре» вдоль побережья, чтобы торговать. Они побывали на Ярмарочном Острове, и в Ланниспорте, и во многих портах помельче перед тем, как добрались до Арбора, где персики всегда были крупными и сладкими.

— Видишь, — сказала она, приставив один к щеке Кварла.

Она дала ему укусить, и по подбородку Кварла побежал сок, а ей пришлось его слизывать.

Ту ночь они провели наслаждаясь персиками и друг другом, и когда вновь расцвело, Аша была

сытой, липкой, и такой счастливой, как никогда прежде. «*Это было шесть лет назад, или семь*?» Лето осталось смутным воспоминанием, и с тех пор как Аша в последний раз наслаждалась персиками, прошло три года. Хотя она всё ещё наслаждалась Кварлом. Может, капитаны и короли её не захотели, зато хотел он.

У Аши были и другие любовники; с кем-то она делила постель полгода, с кем-то — полночи. Кварл доставлял ей больше удовольствия, чем все остальные вместе взятые. Он, может, и брился раз в две недели, но не колючая борода делает мужчину мужчиной. Ей нравилось чувствовать его гладкую, мягкую кожу под своими пальцами. Нравилось, как его длинные прямые волосы падали ему на плечи. Нравилось, как он целовался. Нравилось, как он ухмылялся, когда она водила пальцами по его соскам. Волосы меж его ног были темнее, чем песочные волосы на голове, но они хорошо смотрелись в сочетании с её собственной грубой чёрной порослью. Ей нравилось и это. У него было тело пловца — длинное и стройное, без единого шрама.

«*Застенчивая улыбка, сильные руки, умелые пальцы и два надежных меча. Что ещё может пожелать женщина*?» Она с радостью вышла

бы замуж за Кварла, но она была дочерью лорда Бейлона, а Кварл — простолюдин, внук раба. «*Не достоин того, чтобы выйти за него замуж, но вполне сойдёт для того, чтобы сыграть на его флейте*». Пьяная и улыбающаяся, она заползла обратно под меха и взяла в рот его достоинство. Кварл заворочался во сне, и через какое-то время он начал твердеть. К тому времени, как он снова напрягся, Кварл проснулся, а она стала мокрой. Аша набросила меха на свои голые плечи и оседлала любовника, вводя его в себя так глубоко, что она уже не могла понять, у кого из них был член, а у кого щель. В этот раз они достигли высшей точки вместе.

— Моя милая леди, — пробормотал он после сонным голосом. — Моя милая королева.

«*Нет*, — подумала Аша, — *я не королева, и никогда ей не буду*».

— Спи.

Она поцеловала его щеку, прокралась через спальню и распахнула ставни. Луна была почти полной, а ночь такой необыкновенно ясной, что она могла видеть увенчанные снегом горные вершины. «*Холодно, мрачно и неприветливо, но как красиво в лунном свете*». Горные хребты мерцали бледным и неровным светом, как ряд острых

зубов. Предгорья и холмы терялись в их тени.

Море было ближе, всего пять лиг на север, но Аша не смогла его разглядеть. Слишком много холмов на пути. «*И деревья, так много деревьев*». Волчий лес, как называли его северяне. Почти каждую ночь слышно волков, зовущих друг друга сквозь тьму. «*Океан листьев. А хочется, чтобы это был настоящий океан*».

Темнолесье, может, и ближе Винтерфелла к морю, но, на её вкус, всё равно слишком далеко. В воздухе пахло соснами, а не солью. На северо-востоке от этих суровых гор стояла Стена, где поднял свои знамена Станнис Баратеон. «*Как говорится, враг моего врага — мой друг, но другая сторона этой монеты заключается в том, что враг моего друга — мой враг*». Железнорождённые были врагами северных лордов, в которых так отчаянно нуждался этот Баратеон. «*Я могла бы предложить ему своё красивое молодое тело*», — подумала она, убирая прядь волос с глаз, но Станниса связывал брак, как и её саму. К тому же, он и железные люди издавна враждовали. Во время первого восстания её отца Станнис разбил Железный флот у Ярмарочного Острова и захватил Большой Вик от имени своего брата.

Покрытые мхом стены Темнолесья охватывали

широкий холм с плоской вершиной. Его венчал похожий на пещеру великий чертог со сторожевой башней, поднимающейся на пятьдесят футов вверх. Под холмом был двор с конюшнями, загоном, кузницей, колодцем и овчарней, защищенный глубоким рвом, покатым земляным валом и частоколом из бревен. Внешние укрепления имели овальную форму, повторяя рельеф земли. Там было двое ворот, каждые охранялись парой квадратных деревянных башен, а по периметру стены были проложены боевые ходы. С южной стороны на частоколе сильно разросся мох и до середины покрывал башни. К востоку и западу разлеглись голые поля. Там были посеяны ячмень и овес, но они были затоптаны во время штурма, когда Аша захватила замок. Череда заморозков убила все последующие посевы, оставив после себя только грязь, пепел и чахлые гниющее побеги.

Замок был старый, но отнюдь не из крепких. Она отобрала его у Гловеров, а Бастард Болтона заберет у неё. По крайней мере, её он не освежует. Аша Грейджой не собиралась сдаваться живой. Она умрёт так же, как жила — с топором в руке и с улыбкой на губах.

Её лорд отец дал ей тридцать кораблей для

захвата Темнолесья. Осталось четыре, включая её «Чёрный Ветер», а один принадлежал Трису Ботли, который присоединился к ней, когда другие бежали. «*Нет, это несправедливо. Они отплыли домой, чтобы присягнуть своему королю. Если кто и сбежал, так это я*». При одном воспоминании об этом её охватывал стыд.

— Уходи, — призывал Чтец, когда капитаны несли её дядю Эурона с холма Нагги, чтобы вручить ему корону из плавника.

— Сказал ворон вороне. Пойдём со мной. Ты понадобишься мне, чтобы поднять людей Харло.

Тогда она ещё собиралась бороться.

— Люди Харло здесь. Те, с кем считаются. Некоторые из них кричали имя Эурона. Я не допущу на Харло междоусобицы.

— Эурон безумен. И опасен. Этот дьявольский рог…

— Я слышал его. Ступай Аша. Когда Эурона коронуют, он примется тебя искать. Не смей показываться ему на глаза.

— Если я выступлю с другими моими дядьями…

— Ты погибнешь изгоем, все будут против тебя. Когда ты выкрикнула на вече своё имя перед капитанами, то покорилась их решению. Теперь ты

не можешь пойти против него. Только однажды решение вече было отменено. Прочти Хейерега.

Только Родрик Чтец мог говорить о каких-то древних книгах, когда их жизни балансировали на острие меча.

— Если ты остаешься, то и я тоже, — упрямо заявила она.

— Не будь дурой. Сегодня Эурон являет миру улыбающийся глаз, но наступит завтра… Аша, ты дочь Бейлона, и твои права на трон сильнее, чем его. Так что до тех пор, пока ты дышишь, ты представляешь для него угрозу. Останешься, и он убьёт тебя или выдаст замуж за Рыжего Моряка. И я не знаю, что из этого хуже. Уходи. У тебя не будет другой возможности.

Аша пришвартовала «Чёрный Ветер» на дальней стороне острова как раз на такой случай. Старый Вик не был большим. Она могла вернуться на борт своего корабля до восхода солнца и быть на полпути к Харло до того, как Эурон поймет, что её нет. Всё же она колебалась, пока её дядя не сказал:

— Сделай это ради любви ко мне, дитя. Не заставляй меня смотреть на твою погибель.

И она уехала. С начала к Десяти Башням, попрощаться с матерью.

— Может пройти много времени, прежде чем я приду снова, — предупредила Аша.

Леди Аланнис не поняла.

— Где Теон? — спросила она. — Где мой малыш?

Леди Гвинесса только хотела знать, когда вернется лорд Родрик.

— Я на семь лет его старше. Десять Башен должны быть моими.

Аша ещё была в Десяти Башнях, загружая провизию, когда до неё дошла весть о её замужестве.

— Моей своенравной племяннице нужна твердая рука, — поговаривали, что так, по слухам, сказал Вороний Глаз, — и я знаю того, кто сможет её приручить.

Он выдал её замуж за Эрика Айронмейкера и на время своей охоты за драконами назначил Сокрушителя Наковален правителем Железных Островов. В своё время Эрик был великим человеком, бесстрашным жнецом, который мог похвастать тем, что плавал с дедом её деда, с тем самым Дагоном Грейджоем, в чью честь назвали Дагона Пьяницу. Старухи на Ярмарочном Острове всё ещё пугали своих внуков рассказами о лорде Дагоне и его людях. «*Я задела гордость Эрика на Вече*, — размышляла Аша. — *Вряд ли он это*

забудет».

Она должна была отдать своему дядюшке должное. Одним ударом он превратил соперника в союзника, защитил острова в своё отсутствие и убрал Ашу с дороги. «*И ещё хорошенько посмеялся*». Трис Ботли сказал, что её место на свадьбе занял тюлень.

— Надеюсь, Эрик не настаивал на исполнении супружеского долга, — сказала она.

«*Я не могу вернуться домой*, — подумала она, — *но и не смею дальше оставаться здесь*». Тишина леса угнетала её. Аша провела свою жизнь на островах и кораблях. Море никогда не молчало. Звук волн, омывающих скалистый берег, был у неё в крови, но в Темнолесье волн не было… Только деревья, бесконечные деревья, гвардейские сосны и страж-деревья, буки, ясени и древние дубы, каштаны, железные деревья и ели. Звук, который они издавали, был мягче, чем у моря, и она слышала его только, когда дул ветер; потом ей начинало казаться, что вздохи доносятся отовсюду, будто бы деревья перешептывались на языке, которого она не могла понять.

Сегодня шепот казался громче обычного. «*Прилив из мертвых коричневых листьев*, — говорила себе Аша, — *голые ветви скрипят на ветру*». —

Она отвернулась от окна и от этого леса. — «*Мне снова нужна палуба под ногами. Или, по крайней мере, еда в животе*». Она выпила слишком много вина сегодня, но съела слишком мало хлеба и совсем не попробовала проклятого жаркого.

Лунный свет был достаточно ярким, чтобы она смогла найти свою одежду. Она натянула толстые чёрные штаны, стёганную тунику и зелёную кожаную безрукавку, покрытую стальными пластинами. Оставив Кварла с его снами, она тихо спустилась по внешней лестнице, ступени которой поскрипывали под её босыми ногами. Один из часовых увидел, как она спускается, и махнул ей копьем. Она свистнула ему в ответ. Когда она пересекала внутренний двор в направлении кухни, собаки Галбарта Гловера начали лаять. «*Хорошо*, — подумала она, — *это заглушит звук деревьев*».

Она отрезала полоску жёлтого сыра от кругляка размером с колесо телеги, когда в кухню вошел Трис Ботли, закутанный в толстый меховой плащ.

— Моя королева.

— Не смейся надо мной.

— Ты всегда будешь править моим сердцем. Никакая куча дураков, кричащих на Вече, не

может этого изменить.

«*Ну что мне делать с этим мальчишкой*?» Аша не сомневалась в его преданности. Он не только был её защитником на холме Нагги, выкрикивая её имя, но и пересёк море, чтобы присоединиться к ней потом, бросив своего короля, родню и дом. «*Но он не посмел открыто выступить против Эурона*». Когда Вороний Глаз отплыл со своим флотом, Трис просто отстал, сменив курс только тогда, когда другие корабли скрылись из виду. Хотя даже это требовало определённой храбрости; он никогда не сможет вернуться на острова.

— Сыру? — спросила она его, — Там ещё есть окорок и горчица.

— Мне нужна не еда, миледи. Вам это известно, — в Темнолесье Трис отпустил себе густую коричневую бороду. Он утверждал , что это помогает согревать лицо.

— Я видел тебя из сторожевой башни.

— Если ты должен стоять на страже, то что делаешь здесь?

— Там Кромм и Хаген Рог. Сколько нам нужно глаз, чтобы смотреть, как шелестят листья в лунном свете? Нам нужно поговорить.

— Опять? — она вздохнула, — Ты знаешь дочь Хагена — ту, с рыжими волосами. Она управляет

кораблём не хуже всякого мужчины, и у неё хорошенькое личико. Ей семнадцать, и я видела, как она на тебя заглядывается.

— Мне не нужна дочь Хагена. — он почти коснулся её, но затем передумал. — Аша, время уходить. Ров Кейлин был единственным, что сдерживало волну. Если мы останемся здесь, северяне нас всех перебьют, ты это знаешь.

— Хочешь, чтобы я бежала?

— Я хочу, чтобы ты жила. Я люблю тебя.

«*Нет*, — подумала она. — *Ты любишь какую-то невинную девушку, которая существует только в твоей голове, испуганное дитя, нуждающееся в твоей защите*».

— Я не люблю тебя, — сказала она прямо, — и я не побегу.

— Что здесь такого, за что стоит держаться, кроме сосен, грязи и недругов? У нас есть корабли. Поплыли со мной, и мы начнём жизнь заново на море.

— Станем пиратами?

Это было заманчиво. «*Отдать волкам их мрачные леса и вернуться в открытое море*».

— Будем купцами, — настаивал он. — Мы поплывём на восток, как и Вороний Глаз, но мы вернёмся назад с шелками и пряностями вместо

драконьего рога. Одно плавание в Яшмовое море, и мы будем богаты как боги. У нас может быть дом в Староместе или в одном из Вольных Городов.

— У тебя, меня и Кварла?

Она заметила, как он вздрогнул при упоминании имени Кварла.

— Дочери Хагена может понравиться идея отправиться с тобой в Яшмовое море. Я всё еще дочь кракена. Моё место…

— Где? Ты не можешь вернуться на острова. Если только ты не хочешь воссоединиться со своим лордом мужем.

Аша попыталась представить себя в постели с Эриком Айронмакером, раздавленной его массой, мучающейся в его объятиях. «*Лучше он, чем Рыжий Моряк или Левша Лукас Кодд*». Сокрушитель Наковален когда-то был ревущим гигантом, пугающе сильным, отчаянно преданным, совершенно бесстрашным. «*Может это и неплохо. Он, похоже, умрёт, когда попытается в первый раз исполнить свой супружеский долг*». Это сделает её вдовой Эрика, это может быть хорошо или же станет намного хуже, в зависимости от решения его внуков. «*И моего дядюшки. В конце концов, все ветра принесут меня обратно к Эурону*».

— У меня есть заложники на Харло, — напом-

нила она ему. И остался Мыс Морского Дракона … Если я не могу получить королевство моего отца, почему не создать своё собственное?

Мыс Морского Дракона не всегда был так слабо заселён, как сейчас. Старые руины всё ещё можно было разыскать среди его холмов и болот, остатки древних твердынь Первых Людей. На возвышенностях были круги чардрев, оставленных Детьми Леса.

— Ты цепляешься за Мыс Морского Дракона, как утопающий цепляется за соломинку. Разве есть на Морском Драконе что-нибудь, способное хоть кого-то привлечь? Там нет шахт, нет золота, нет серебра, нет даже олова или железа. Земля слишком влажная для пшеницы или кукурузы.

«*Я не собираюсь выращивать пшеницу или кукурузу*».

— Что там? Я скажу тебе. Две длинные береговые линии, сотни скрытых бухточек, выдры в озёрах, лосось в реках, моллюски вдоль побережья, колонии тюленей в море, высокие сосны для постройки кораблей.

— Кто построит эти корабли, моя королева? Где ваша милость найдет подданных для её королевства, если даже северяне позволят тебе владеть им? Или ты собираешься править царством тю-

леней и выдр?

Она печально засмеялась.

— Выдрами было бы проще управлять, чем людьми, это уж точно. А тюлени умнее. Нет, ты, быть может, прав. Лучшим решением для меня будет возвращение на Пайк. На Харло есть те, кто будет рад моему возвращению. И на Пайке тоже. И Эурон не завоевал друзей на Блэктайде, убив лорда Бейлора. Я могла бы разыскать дядюшку Эйерона, поднять острова.

Никто не видел Мокроголового с самого Вече, но его «утопленники» говорили, что он прячется на Большом Вике и скоро выйдет из тени, чтобы призвать гнев Утонувшего Бога на головы Эурона и его приспешников.

— Сокрушитель Наковален тоже ищет Мокроголового. Он преследует утопленников. Слепого Берона Блэктайда схватили и допрашивали. Даже на Старика Серую Чайку надели кандалы. Как ты найдёшь жреца, если не могут все люди Эурона?

— Он мой родич. Брат моего отца.

Это был жалкий ответ, и Аша понимала это.

— Знаешь, что я думаю?

— Подозреваю, что скоро узнаю.

— Я думаю, что Мокроголовый мертв. Я думаю, Вороний Глаз перерезал ему глотку. Поиски Ай-

ронмейкера ведутся только для того, чтобы мы поверили, будто он сбежал. Эурон боится прослыть братоубийцей.

— Никогда не говори такого при моем дяде. Скажешь, что Вороний Глаз боится убить родича, и он прикончит одного из своих собственных сыновей только для того, чтобы доказать, что ты не прав.

Аша почувствовала, что почти протрезвела. Тристифер Ботли всегда оказывал на неё подобное влияние.

— Даже если ты отыщешь своего дядю Мокроголового, вы оба потерпите неудачу. Вы оба участвовали в Вече, так что вы не можете сказать, что оно прошло не по правилам, как сделал Торгон. Вы связаны с его решением законами богов и людей. Вы…

Аша нахмурилась.

— Погоди. Торгон? Какой Торгон?

— Торгон Опоздавший.

— Он был королём в Век Героев, — она помнила о нем только это. — А что с ним?

— Торгон Грейайрон был старшим сыном короля. Но король был старым, а Торгон неугомонным, и так случилось, что когда его отец умер, он совершал набеги на Мандере из своей крепости на

Сером Щите. Его братья не оповестили его, вместо этого быстро созвали Вече, думая, что один из них будет коронован короной из плавника. Но капитаны и короли вместо этого выбрали Уррагона Гудбразера. Первое, что сделал новый король — это приказал предать смерти всех сыновей старого короля, что и было сделано. После этого люди прозвали его Злым Братом, хотя убитые и не приходились ему родней. Он правил почти два года.

Теперь Аша вспомнила.

— Потом Торгон вернулся домой…

— …и сказал, что Вече прошло не по правилам, ведь его не было там, чтобы заявить о своих правах. Злой Брат оказался столь же никчёмным, сколь и жестоким, и сохранил мало друзей на островах. Жрецы его осудили, лорды восстали, а собственные капитаны разрубили его на куски. Торгон Опоздавший стал королем и правил сорок лет.

Аша взяла Триса Ботли за уши и поцеловала в губы. Он был красным и запыхавшимся, когда она отпустила его.

— Что это было? — произнес он.

— Это называется поцелуй. Утопи меня за мою глупость, Трис. Я должна была помнить…

Она внезапно замолкла. Когда Трис попытался заговорить, она зашикала на него, прислушиваясь.

— Это боевой рог. Хаген.

Первая её мысль была о муже. Мог ли Эрик Айронмейкер проделать весь этот путь, чтобы предъявить свои права на своенравную жёнушку? «*В конце концов, Утонувший Бог любит меня. Я не знала, что делать, и он послал мне врагов, чтобы с ними сражаться*». Она вскочила и засунула кинжал обратно в ножны.

— Битва сама пришла к нам.

Выбравшись во двор замка в сопровождении неотстающего Триса, она перешла на бег, но, несмотря на это, опоздала. Бой уже закончился. У восточной стены недалеко от задних ворот Аша обнаружила двух истекающих кровью северян и стоящих над ними Лоррена Длинного Топора, Шестипалого Харла и Злого Языка.

— Хаген и Кромм заметили, как они лезут через стену, — объяснил Злой Язык.

— Только эти двое? — спросила Аша.

— Пятеро. Мы убили двоих до того, как они перелезли, и Харл убил еще одного на стене. Эти двое добрались до двора.

Один человек был мёртв, его кровь и мозги

покрывали лезвие большой алебарды Лоррена, но другой ещё тяжело дышал, хотя копье Злого Языка пришпилило его к земле посреди расползающейся кровавой лужи. Оба были одеты в варёную кожу и пёстрые плащи коричневого, зелёного и чёрного цвета. К их головам и плечам были прикреплены ветки, сучья и листья.

— Кто ты? — спросила Аша раненого.

— Флинт. А ты кто?

— Аша из дома Грейджоев. Это мой замок.

— Темнолесье — владение Галбарта Гловера. Это не место для кальмаров.

— Вас там ещё много? — спросила Аша.

Когда он не ответил, она схватилась за копье и повернула, северянин закричал от боли, кровь рекой хлынула из его раны.

— С какой целью вы пришли?

— За леди, — произнес он, вздрагивая. — О, боги, прекрати. Мы пришли за леди. Вызволить её. Только мы впятером.

Аша заглянула в его глаза. Когда она увидела в них ложь, то оперлась на копье, проворачивая его.

— Сколько вас еще? — произнесла она. — Скажи мне или твоя агония продлится до самого рассвета.

— Много, — наконец сказал он между криками боли. — Тысячи. Три тысячи, четыре…. Аййй…. Пожалуйста…

Она вытащила копьё и вогнала ему в горло двумя руками. Мейстер Галбарта Гловера утверждал, что горные кланы слишком разрозненны, чтобы объединиться без Старка. «*Быть может, он не лжет. Быть может, он просто заблуждается*». Она познала, каково это, на Вече своего дядюшки.

— Этих пятерых послали, чтобы открыть ворота перед главным ударом, — сказала она. — Лоррен, Харл, приведите мне леди Гловер и её мейстера.

— Живыми или мертвыми? — спросил Лоррен Длинный Топор.

— Живыми и невредимыми. Злой Язык, поднимайся на эту треклятую башню и скажи Кромму и Хагену смотреть в оба. Если они заметят хотя бы зайца, я хочу об этом знать.

Вскоре двор Темнолесья был заполнен перепуганными людьми. Её собственные люди надевали броню или взбирались на боевые ходы. Подданные Галбарта Гловера испуганно смотрели на это и перешёптывались между собой. Стюарда Гловера понадобилось выносить из подвала, так как он потерял ногу во время штурма замка.

Мейстер шумно протестовал, пока Лоррен не ударил его в лицо бронированным кулаком. Леди Гловер появилась из богорощи под руку со своей служанкой.

— Я предупреждала вас, что этот день настанет, миледи, — сказала она, когда увидела тела на земле.

Мейстер подался вперед, кровь капала из его разбитого носа.

— Леди Аша, молю вас, спустите ваши знамена и позвольте мне выторговать вам жизнь. Вы обращались с нами справедливо и с уважением. Я расскажу им об этом.

— Мы обменяем вас на детей.

Глаза Сибеллы Гловер были красны от слез и бессонных ночей.

— Гавейну четыре. Я пропустила его именины. А моя милая девочка…Верните моих детей, и вам не причинят вреда. Вам и вашим людям.

Последние слова были ложью, Аша знала это. Её, быть может, обменяют и отправят на Железные Острова в заботливые руки её мужа. Её родичей тоже выкупят, как и Триса Ботли и ещё кое-кого из её людей, у чьих родственников есть достаточно денег для выкупа. Для остальных — топор, петля или Стена. «*Всё же у них есть*

право выбора».

Аша забралась на бочонок, чтобы все могли её видеть.

— Волки пришли за нами, оскалив свои зубы. Они будут у наших ворот ещё до восхода солнца. Бросим ли мы наши копья и топоры? Станем ли молить о пощаде?

— Нет, — Кварл Девица обнажил свой меч.

— Нет, — вторил ему Лоррен Длинный Топор.

— Нет, — прогремел Рольф Карлик, настоящий медведь среди людей, который был на голову выше всех в ее команде. — Никогда.

И рог Хагена снова заревел с высоты, звеня по всему двору.

— Ау-у-у-у! — ревел боевой рог — протяжный и низкий звук, от которого стыла кровь в жилах. Аша начинала ненавидеть звук рога. На Старом Вике дьявольский рог её дяди протрубил поминальный звон по её мечтам, и теперь Хаген возвещал о том, что могло стать последним её часом на земле. «*Если я должна погибнуть, то умру с топором в руке и с проклятиями на устах*».

— На стены, — приказала Аша Грейджой своим людям.

Сама она с Трисом Ботли за спиной направилась к сторожевой башне.

Деревянная сторожевая башня была самым высоким строением по эту сторону гор, возвышаясь на двадцать футов над самыми крупными страж-деревьями и корабельными соснами в окрестных лесах.

— Там, капитан, — сказал Кромм, когда она забралась на платформу.

Аша видела только деревья и тени, залитые лунным светом холмы и снежные вершины вдали. Потом она заметила, что деревья подползают ближе.

— Ого, — засмеялась она. — Эти горные козлы прикрылись сосновыми лапами.

Деревья двигались, подкрадываясь к замку, как неспешный зелёный прилив. Она вспомнила историю, которую слышала в детстве, о Детях Леса и их сражениях с Первыми Людьми, когда их древовидцы превратили деревья в воинов.

— Нам не справимся с таким количеством, — сказал Трис Ботли.

— Мы управимся со всеми, кто явится, салага, — уверял Кромм. — Чем больше появится, тем больше славы. О нас будут слагать песни.

«*Ага, вот только о чем будут петь — о вашей отваге или о моей глупости*?» Море было в пяти долгих лигах. Может лучше остаться и принять

бой за глубокими рвами и деревянными стенами Темнолесья? «*Эти деревянные стены не сильно помогли Гловерам, когда я взяла их замок*, — напомнила она себе. — *С чего вдруг они должны послужить мне лучше*?»

— Завтра мы будем пировать под волнами, — Кромм погладил свой топор, будто не мог дождаться этого.

Хаген опустил рог.

— Если мы умрем с сухими ногами, как мы найдём путь в водные чертоги Утонувшего Бога?

— В этих лесах полно маленьких ручейков, — заверил его Кромм. — Все они впадают в реки, а реки впадают в море.

Аша не была готова умереть — не здесь и не сейчас.

— Живому проще найти море, чем мёртвому. Пусть волки забирают свои мрачные леса, мы отправляемся к кораблям.

Ей было любопытно, кто командует её врагами. «*Будь я на его месте, перед тем, как нападать на Темнолесье, я заняла бы побережье и спалила наши корабли*». Хотя волкам было не так легко это провернуть без собственных судов. Аша никогда не оставляла на берегу больше половины своих кораблей. Другая половина оставалась в

безопасности в море с приказом поднять паруса и плыть на Мыс Морского Дракона, если северяне займут побережье.

— Хаген, труби в свой рог и заставь лес задрожать. Трис, надень броню, пора тебе опробовать твой славный меч.

Когда она заметила, как он побледнел, то ущипнула его за щеку.

— Пролей немного крови под луной вместе со мной, и я обещаю тебе по поцелую за каждого убитого.

— Моя королева, — произнес Тристифер. — Здесь у нас есть стены, но если на берегу мы обнаружим, что волки захватили наши корабли или увели их…

— То мы умрем, — закончила она весело, — но, по крайней мере, мы умрем с мокрыми ногами. Железнорождённые сражаются лучше, когда чувствуют запах моря и слышат шум волн за спиной.

Хаген быстро протрубил три коротких гудка — сигнал, который у железнорождённых означал отступление к кораблям. Снизу раздавались крики, лязг копий и мечей, ржание лошадей. «*Слишком мало лошадей и слишком мало всадников*». Аша пошла к лестнице. Во дворе она нашла

Кварла Девицу, ожидавшего рядом с её гнедой кобылой, её шлемом и метательными топорами. Железные люди выводили лошадей из конюшен Галбарта Гловера.

— Таран! — закричал голос у подножия стен. — У них есть таран!

— Которые ворота? — спросила Аша, седлая лошадь.

— Северные!

За покрытой мхом деревянной стеной Темнолесья внезапно раздался звук труб.

«*Трубы? Волки с трубами*?». Что-то было не так, но у Аши не было времени на раздумья.

— Открывайте южные ворота, — скомандовала она, когда северные начали сотрясаться под ударами тарана.

Она вытащила метательный топор с короткой рукоятью из-за пояса, надетого через плечо.

— Час совы прошел, братья мои. Наступает час копья, меча и топора. Приготовьтесь. Мы отправляемся домой.

Сотня глоток заревела: «*Домой*!» и «*Аша*!». Трис Ботли поскакал рядом с ней на высоком чалом жеребце. Во дворе её люди сгрудились в кучу, подняв щиты и копья. Пеший Кварл Девица занял свое место между Злым Языком и Лорреном

Длинным Топором. Когда Хаген стал спускаться с лестницы на сторожевой башне, волчья стрела попала ему в живот и отправила на землю вниз головой. Его дочь подбежала к нему в слезах.

— Заберите её, — приказала Аша.

Не было времени на рыдания. Рольф Карлик посадил девушку на свою лошадь, её рыжие волосы развевались на ветру. Аша услышала треск северных ворот, когда в них снова ударил таран. «*Возможно, нам придется прорубать себе дорогу*», — подумала она, когда южные ворота распахнулись перед ними». Путь был свободен. Надолго ли?

— Выдвигаемся!

Аша ударила пятками бока своей лошади.

К тому времени, как пешие и всадники добрались до деревьев на дальней стороне влажного поля, где под луной гнили мертвые побеги озимой пшеницы, отступающие перешли на рысь. Аша оставила верховых позади в качестве арьергарда, чтобы заставить отстающих поторопиться и убедиться, что никто не остался сзади. Вокруг сомкнулись высокие сосны и корявые старые дубы. Темнолесье было названо очень метко. Деревья были огромными и темными, какими-то пугающими. Их ветви сплелись друг с другом и

скрипели от каждого дуновения ветра, а верхние сучья царапали лунный лик. «*Чем раньше мы уберемся отсюда, тем лучше*, — подумала Аша. — *Деревья ненавидят нас в глубине своих деревянных душ*».

Они двигались на юго-юго-восток, пока деревянные башни Темнолесья не скрылись из виду, и лес не поглотил звуки труб. «*Волки получили назад свой замок*, — подумала она. — *Возможно, они этим удовольствуются и позволят нам уйти*».

Трис Ботли ехал сбоку от нее.

— Мы идем не туда, — произнёс он, указывая на луну, просвечивающую сквозь полог из ветвей. — Мы должны повернуть на север, к кораблям.

— Сначала на запад, — настаивала Аша. — На запад до восхода солнца. Потом на север.

Она повернулась к Рольфу Карлику и Роггону Рыжебородому, её лучшим всадникам.

— Езжайте вперед и убедитесь, что путь чист. Я не хочу неожиданностей, когда мы доберёмся до берега. Если наткнетесь на волков, возвращайтесь назад и доложите.

— Если будет о ком, — пообещал Роггон сквозь свою огромную рыжую бороду.

После того, как разведчики исчезли среди деревьев, оставшиеся железнорождённые возоб-

новили движение, но продвигались они слишком медленно. Деревья скрывали от них луну и звезды, земля под ногами была тёмной и ненадёжной. До того как они успели пройти полмили, кобыла её родича Квентона оступилась в яме и сломала переднюю ногу. Квентону пришлось перерезать ей горло, чтобы прекратить её мучения.

— Нам нужно сделать факелы, — предложил Трис.

— Огонь наведет на нас северян.

Аша тихо выругалась, размышляя о том, насколько разумно было оставить замок. «*Нет. Если бы мы остались и стали сражаться, то все уже были бы мертвы*». Но блуждание в темноте тоже ни к чему хорошему не приведет. «*Эти деревья убьют нас, если смогут*». Она сняла шлем и откинула влажные от пота волосы.

— Солнце взойдёт через пару часов. Мы остановимся здесь и отдохнём до восхода.

Остановиться было легко, отдохнуть сложнее. Никто из них не спал, даже Дейл Соня — моряк, прославившийся тем, что мог вздремнуть даже между взмахами весел. Несколько человек разделили мех с сидром, захваченный из запасов Гловера, передавая из рук в руки. Те, кто захватил еду, делились с теми, кто этого не сделал. Её

родич Квентон Грейджой послал троих людей взобраться на верхушки деревьев, чтобы посмотреть, не видно ли в лесу факелов. Кромм точил свой топор, а Кварл Девица — меч. Лошади щипали мёртвую бурую траву. Рыжеволосая дочь Хагена взяла за руку Триса Ботли и попыталась увести за деревья. Когда он отказался, она ушла с Шестипалым Харлом.

«*Хотела бы я поступить так же*». Было бы приятно в последний раз забыться в объятиях Кварла. У Аши было плохое предчувствие. Доведется ли ей ещё раз ступить на палубу «Чёрного Ветра»? А если да, то куда она отправится? «*Острова для меня закрыты, если только я не желаю склонить колени, раздвинуть ноги и терпеть объятия Эрика Айронмакера. Ни один порт Вестероса не обрадуется дочери кракена*». Она могла бы заняться торговлей, как, кажется, хотел Трис, или отправится на Ступени, чтобы там присоединиться к пиратам. «*Или…*»

— Я посылаю каждому из вас кусочек принца, — пробормотала она.

Кварл ухмыльнулся.

— Я скорее получу кусочек тебя, — прошептал он, — Сладенький кусочек, который…

Что-то вылетело из кустов и приземлилось с

лёгким стуком посреди них, ударяясь и подпрыгивая. Оно было круглым, тёмным и влажным, с длинными волосами, которые намотались сверху, пока оно катилось. Когда эта штука остановилась среди корней дуба, Злой Язык сказал:

— Рольф Карлик уже не так высок как прежде.

Половина её людей уже были на ногах, нашаривая свои щиты, копья и топоры. «*Они тоже не зажигали огней*, — подумала Аша, — *И они знают эти леса намного лучше нас*».

Потом деревья заполнили все вокруг, и на её людей с ревом налетели северяне . «*Волки*, — подумала она, — *Они воют, как проклятые волки. Боевой клич севера*». Её железнорождённые заревели в ответ, и битва началась.

Ни один певец никогда не сложит песню об этом сражении. Ни один мейстер не напишет летопись для одной из любимых книг Чтеца. Знамёна не реяли, боевые рога не трубили, великий правитель не собирал вокруг себя людей, чтобы сказать последние торжественные слова. Они дрались в предрассветном мраке, тени против теней, спотыкаясь о корни и камни, в грязи, перемешанной с гниющей листвой под ногами. Железнорождённые сражались в броне и просоленной коже, северяне — в мехах, шкурах и

сосновых ветках. Луна и звезды взирали с высоты на их сражение, бледный свет пробивался сквозь клубок спутанных веток у них над головами.

Первый человек, приблизившийся к Аше Грейджой, умер у её ног с метательным топором промеж глаз. Это дало ей достаточно времени, чтобы взять в руку щит.

— Ко мне! — закричала она, но взывала ли она к своим людям или к врагам, даже Аша не могла сказать наверняка. Северянин с топором замаячил перед ней, размахивая обеими руками, рыча в бессловесной ярости. Аша подняла щит, принимая удар, потом подобралась ближе и кинжалом выпустила ему кишки. Когда он упал, его вой зазвучал по-другому. Она развернулась и обнаружила еще одного волка у себя за спиной, полоснула его по лбу, ниже шлема. Его рубящий удар попал между грудью и животом, но броня отразила его, и Аша воткнула кинжал врагу в горло, оставив его захлебываться собственной кровью. Чужая рука схватила её за волосы, но те были слишком короткими, чтобы можно было хорошенько ухватиться и запрокинуть голову. Аша впечатала каблук сапога в ступню нападавшего и вывернулась, когда он завопил от боли. Когда она развернулась, мужчина уже лежал на

земле и умирал, сжимая клок её волос. Над ним стоял Кварл, сверкнув глазами в лунном свете, с длинного меча стекала кровь.

Злой Язык вслух считал убитых им северян, выкрикнув «четыре», когда упал один и «пять» мгновение спустя. Лошади ржали и лягались, в ужасе закатывали глаза, обезумевшие от резни и кровопролития… Все кроме большого чалого жеребца Триса Ботли. Трис забрался в седло, и его конь вставал на дыбы и описывал круги, а всадник рубил мечом. «*Я буду должна ему поцелуй-другой еще до конца ночи*», — подумала Аша.

— Семь, — закричал Злой Язык, но рядом с ним, подогнув под себя ногу, растянулся Лоррен Длинный Топор, а тени всё прибывали, издавая крики и шелестя листвой. «*Мы воюем с кустами*», — подумала Аша, убив человека, на котором было больше листьев, чем на окрестных деревьях. От этой мысли она расхохоталась. Смех привлек к ней других волков. Их она тоже убила, размышляя, не начать ли ей самой вести счёт. «*Я замужняя женщина, а это мой грудной ребеночек*». Она воткнула кинжал в грудь северянина сквозь мех, шерсть и вареную кожу. Его лицо было так близко, что она смогла почувствовать кислый запах его дыхания, и его рука оказалась

у неё на горле. Аша почувствовала, как железо царапает кость, когда её острие скользнуло по ребру. Потом мужчина вздрогнул и умер. Когда она отпустила противника, то почувствовала такую слабость, что едва не повалилась сверху.

Позже она оказалась спина к спине с Кварлом, слыша кряхтение и ругань вокруг, когда храбрецы прорубались сквозь тени, заставляя тех звать мамочку. Куст двинулся на неё с копьем таким длинным, что хватило бы проткнуть её на пару с Кварлом, насмерть приколов друг другу. «*Лучше так, чем умирать в одиночестве*», — подумала она, но её родич Квентон убил копьеносца до того, как тот успел достать её. Мгновение спустя, другой куст убил Квентона, вогнав топор в основание его черепа.

Позади неё прокричал Злой Язык:

— Девять, и будьте вы все прокляты.

Из-за деревьев выбежала голая дочка Хагена, преследуемая двумя “волками”. Аша вытащила метательный топор и поразила одного из них в спину. Когда он упал, девушка опустилась на колени, подняла его меч и заколола второго, потом вскочила на ноги, вымазанная в крови и грязи с развевающимися рыжими волосами и бросилась в сражение.

Где-то посреди приливов и отливов схватки Аша потеряла Кварла, потеряла Триса, потеряла их всех. Кинжал тоже куда-то пропал, как и все метательные топоры; вместо них у неё в руке оказался короткий меч с широким толстым лезвием, почти как мясницкий тесак. Даже под страхом смерти она не могла бы ответить, откуда он у неё взялся. Рука болела, во рту был привкус крови, ноги дрожали, и бледные лучи рассвета пробивались сквозь деревья. «*Неужели так долго? Сколько же мы сражаемся*?»

Её последним противником был северянин с топором, крупный мужчина, лысый и бородатый, одетый в залатанную и покрытую ржавчиной кольчугу, что могло значить только то, что он был их вождем или лучшим бойцом. Он вовсе не обрадовался, когда обнаружил, что сражается с женщиной.

— Сука! — орал он каждый раз, когда наносил по ней удар, забрызгав своей слюной её щеки. — Сука! Сука!

Аша хотела прокричать ему что-нибудь в ответ, но в горле так пересохло, что она была способна только на кряхтение. Топор крушил её щит, вгрызаясь в древесину при каждом ударе и вырывая длинные светлые щепки, когда волк выдергивал

его обратно. Скоро у неё на руке будет болтаться только куча щепок, годных разве что на растопку. Она отступила и выбросила потрепанный щит, потом отступила ещё раз и заплясала влево и вправо, и снова влево, пытаясь уклониться от занесенного над ней топора.

А потом её спина уперлась в дерево, и Аше дальше танцевать было некуда. Волк занёс над ней топор, чтобы расколоть её голову надвое. Аша пыталась отскочить вправо, но ноги застряли в корнях, поймав её в капкан. Она вывернулась, оступившись, и топор попал в висок, скрежетнув сталью о сталь. Мир стал красным, черным, и снова красным. Ногу молнией пронзила боль, и откуда-то издалека она услышала голос северянина, заносящего топор для последнего удара:

— Ты проклятая сука.

Взревела труба.

«*Это неправильно*, — подумала она, — *в водных чертогах Утонувшего Бога нет труб. Под волнами морской народ славит своего господина воем раковин*».

Ей снились горящие красные сердца и чёрный олень в золотом лесу с пламенем, исходящим от его рогов.

Глава 27. Тирион

Когда они добрались до Волантиса, небо на западе ещё полыхало багрянцем, а на востоке одна за другой загорались звёзды, мерцая на чёрном бархате ночи.

«А звезды тут как в Вестеросе», — подметил Тирион.

Возможно, он даже насладился бы этой красотой, если бы не тот факт, что его связали, словно гуся, и перекинули поперёк седла. Карлик давно бросил попытки ослабить верёвки — узлы были завязаны слишком прочно — и теперь безвольно висел в седле, словно мешок со снедью.

«Зато я сберегу свои силы», — успокаивал он себя, хоть и не мог взять в толк, что ему за польза от этих сил.

С наступлением темноты все въезды в город закрывались, и охранявшие северные врата стражники раздраженно ворчали на запоздалых путников.

Его похититель пристроился в конец очереди прямо за повозкой, гружённой лимонами и апельсинами. Один из стражников махнул факелом,

пропуская повозку, однако восседающий на боевом коне и закованный в кольчугу здоровенный андал, вооруженный длинным мечом, привлёк к себе пристальное внимание. Вызвали капитана. Пока они с рыцарем беседовали по-волантийски, один из стражников стянул с руки когтистую латную рукавицу и потёр карлику голову.

— Удача из меня так и прёт, друг мой, — заверил стражника Тирион. — Перережь мои путы и будешь щедро вознагражден.

Но похититель услышал его слова.

— Прибереги свои посулы для говорящих на твоем языке, Бес, — посоветовал он, когда волантийцы пропустили их в ворота.

Миновав их, путники поехали дальше вдоль массивных городских стен.

— Ты говоришь на моем языке. Могу я переубедить тебя обещаниями, или ты твёрдо решил стать лордом ценой моей головы?

— Я уже был лордом по праву рождения. Мне ни к чему бесполезные титулы.

— Но это единственное, что ты получишь от моей милейшей сестрицы.

— А я думал, что Ланнистеры всегда платят свои долги.

— О, до последнего пенни… но ни монетки

сверх того, милорд. Ты, конечно, получишь обещанный кусок мяса, но соусом благодарности его не польют, и, в конце концов, он вряд ли утолит голод.

— Возможно и так, но всё чего я хочу — чтобы ты ответил за свои преступления. Проливший родную кровь проклят в глазах богов и людей.

— Боги слепы. А люди видят лишь то, что хотят видеть.

— Я вижу тебя насквозь, Бес, — в голосе рыцаря послышались мрачные нотки. — Я совершил много такого, чем не могу гордиться, вещи, навлекшие позор на мой род и фамильное имя… Но убить родного отца? Да как у кого-то поднялась на такое рука?

— Дай мне арбалет, спусти штаны, и я покажу. *«Причем с удовольствием».*

— По-твоему это тема для шуток?

— По-моему, вся жизнь — шутка. Твоя, моя, да любая.

Внутри городских стен их взору предстало множество зданий, принадлежавших разным гильдиям, рынков и бань. Посреди широких площадей журчали фонтаны. За каменными столами люди играли в кайвассу, потягивая вино из стеклянных бокалов при свете изысканных

светильников, которые держали рабы, разгоняя тьму. Вдоль мощёных дорог росли пальмы и кедры, и почти на всех перекрестках возвышались статуи. Карлик отметил, что у многих из них не доставало голов, но даже в таком виде они выглядели внушительно в лиловых сумерках.

Чем дальше боевой конь брёл на юг вдоль реки, тем меньше и беднее становились торговые лавки, а вместо деревьев по обочинам теперь тянулись унылые ряды пней. Булыжная мостовая заросла осокой, а затем под копытами коня зачавкала жидкая грязь цвета детской неожиданности. Мостики, перекинутые через питающие Ройн притоки, опасно поскрипывали под весом всадника. Разбитые ворота стоявшего на реке заброшенного форта были распахнуты настежь, словно беззубый рот старика. Между его парапетами то там, то сям мелькали козы.

«Старый Волантис, первое дитя Валирии, — подумал карлик. — *Гордый Волантис, король Ройна и господин Летнего Моря, обитель благородных лордов и прекрасных дам, наследников древней крови».* Здесь никого не смущали ни оравы носившихся по переулкам вопящих голых детишек, ни бретёры, поигрывающие рукоятью меча у дверей питейных заведений, ни снующие повсюду, слов-

но тараканы, сутулые рабы с татуированными лицами.

«Великий Волантис, самый большой и многолюдный среди девяти Вольных Городов». Древние войны сильно уменьшили население Волантиса, и целые кварталы погрязли в болоте, на котором был выстроен город.

«Прекрасный Волантис, город фонтанов и цветов». Теперь же одни фонтаны пересохли, а полуразрушенные бассейны других были полны протухшей застоявшейся воды. Сквозь каждую трещинку в стенах и мостовых пустила побеги цветущая виноградная лоза, а молодые деревца оплели своими корнями заброшенные магазинчики и храмы с обвалившимися сводами.

А затем им в ноздри ударил запах. Витавшая в жарком, влажном воздухе резкая, тошнотворная вонь заполнила все вокруг.

«Пахнет рыбой, цветами и слоновьим дерьмом. Сладостью и землей, дохлятиной и гнилью».

— Этот город смердит, как старая шлюха, — заключил Тирион. — В точности, как грязная потаскуха, надушившая интимные места в надежде, что этим сможет перебить вонь от её промежности. Не то чтобы я жаловался. У шлюх ведь как: молоденькие пахнут лучше, но старые

более искусны.

— Тебе об этом известно больше, чем мне.

— Ну как же, как же. А бордель, где мы встретились, ты, должно быть, принял за септу? А девица, елозившая у тебя на коленях — твоя непорочная сестра?

Услышав эти слова, рыцарь нахмурился.

— Попридержи-ка лучше свой язык, пока я не завязал его узлом.

Тирион проглотил вертевшийся на языке ответ. Его опухшие губы до сих пор помнили, что случилось в прошлый раз, когда он разозлил рыцаря.

«Тяжелая рука и отсутствие чувства юмора — весьма неудачное сочетание».

Это он понял по дороге из Селориса. Тирион подумал о ботинке, вернее — о спрятанных в нём грибах. Похититель обыскал его не так тщательно, как следовало бы.

«У меня всегда останется в запасе этот вариант. По крайней мере, Серсея не получит меня живым».

Дальше к югу вновь стали появляться признаки благополучия. Заброшенные здания попадались всё реже, вокруг больше не носилась голозадая детвора, а бретёры, мелькавшие в дверных проемах, были одеты роскошнее. Путники проехали

несколько постоялых дворов, в которых, судя по внешнему виду, человек мог провести ночь, не боясь, что ему перережут глотку. Вдоль набережной, покачиваясь под порывами ветра, на железных столбах висели фонари. Улицы становились всё шире, а здания — внушительнее. Некоторые были увенчаны куполами из цветного стекла. В сумерках внутри зажигали огни, и купола начинали светиться синим, красным, зелёным и фиолетовым.

Но, несмотря на это, что-то заставляло Тириона нервничать. Он знал, что к западу от Ройна причалы Волантиса кишели матросами, торговцами и рабами, а винные лавки, постоялые дворы и бордели обеспечивали им развлечения. В восточной же части города чужестранцы встречались намного реже.

«Мы здесь нежеланные гости»,– подумал карлик.

Когда они впервые встретили на дороге слона, Тирион не мог оторвать от него глаз. У них в Ланниспорте в зверинце жила слониха, правда она умерла, когда ему было семь лет… но это огромное, серое чудище выглядело в два раза больше неё.

Чуть позже они поравнялись на дороге с гораз-

до меньшим слоном — белым, как старая кость, и тянувшим за собой богато украшенную повозку.

— А волокуша без вола — всё равно волокуша? — спросил карлик у своего похитителя. Шутка осталась без ответа, и Тирион вновь замолчал, задумчиво наблюдая за виляющим задом карликового белого слона, бредущего впереди.

В Волантисе было полно карликовых белых слонов. По мере приближения к Чёрной Стене и населённым районам около Длинного Моста им встретилось не меньше дюжины этих созданий. Большие серые слоны также не были редкостью — огромные зверюги, тащившие на своих спинах целые замки. А вечером, когда город окутал полумрак, на улицу высыпали навозные телеги, управляемые полуголыми рабами, в обязанности которых входило сгребать дымящиеся кучки, наложенные слонами — и большими, и маленькими. Над каждой такой повозкой вился рой мух, и на щеках рабов-ассенизаторов были вытатуированы мухи — как символ их ремесла.

«Подходящее занятие для моей сестрицы, — усмехнулся про себя Тирион. — *Как бы она мило смотрелась с совочком в руках и мухами, вытатуированными на своих милых розовых щечках».*

К тому времени они уже продвигались вперед

так медленно, что скорее ползли, чем ехали. Дорога вдоль реки была буквально забита людьми, направлявшимися на юг. Толпа тащила их за собой, словно река бревно. Тирион разглядывал окружающих. У девяти человек из десяти на щеках были знаки невольников.

— Столько рабов, куда они все идут?

— На закате красные жрецы зажгут свои костры, а первосвященник произнесет речь. Я бы предпочел обойти его стороной, но чтобы попасть на Длинный Мост, нам придётся пройти мимо красного храма.

Через три квартала улица вывела их на широкую освещённую факелами площадь, где находился храм.

«Спасите меня, Семеро, да он же раза в три больше Великой септы Бейелора».

Дивное зрелище колонн, ступеней, опор, мостов, куполов и башен, перетекавших друг в друга так, словно всё здание было вытесано из единой скалы, поражало своей грандиозностью. Храм Бога Света по масштабам не уступал Холму Эйегона. Его стены были расписаны сотнями оттенков красного, жёлтого, золотого и оранжевого цветов, переходящих один в другой, словно облака на закате. Изящные спиральные башни взвивались

ввысь подобно застывшему огню — языками танцующего пламени, устремлёнными в небо. *«Огонь, обращенный в камень».* Огромные ночные костры горели перед ступенями храма, и в их свете первосвященник обратился к толпе.

«Бенерро». Жрец стоял на вершине колонны из красного камня, соединённой узким каменным мостиком с высокой террасой, на которой расположились прислужники и младшие жрецы. Прислужники были облачены в бледно-жёлтые и ярко-оранжевые робы, а жрецы и жрицы — в красные.

На расстилавшейся перед ними огромной площади было не протолкнуться. Многие из верующих носили клочок красной ткани либо на рукаве, либо в виде повязки на лбу. Все взгляды были устремлены на первосвященника.

— Расступитесь! — орал рыцарь, пытаясь пробиться сквозь толпу. — Освободите дорогу! — Недовольно ворча, волантийцы отходили в сторону, провожая всадника сердитыми взглядами.

Зычный голос Бенерро долетал до самых удаленных уголков площади. Жрец был высоким, худым, узколицым и светлокожим. От подбородка и щёк к бритой макушке, обвивая глаза и тонкие губы, словно ярко-красная маска, по его лицу

поднимались нарисованные языки пламени.

— Это что, татуировка раба? — спросил Тирион.

Рыцарь кивнул.

— Красный храм покупает их ещё детьми и затем растит из них жрецов, храмовых проституток и воинов. Взгляни, — он указал на ступени, где перед дверями храма застыл строй мужчин в богато украшенных доспехах и оранжевых плащах. Все они сжимали в руках копья с наконечниками в форме языков пламени. — Огненная Длань. Священные воины Владыки Света, защитники храма.

«Огненные рыцари».

— Ну и сколько же пальцев у этой Длани?

— Ровно тысяча. Ни больше, ни меньше. На месте потухшего возгорается новое пламя.

Бенерро ткнул пальцем в луну, сжал руку в кулак и развёл руки в стороны. Голос вещавшего быстро усиливался, достигнув самой высокой ноты, и тут из пальцев жреца с громким шипением вырвались языки пламени. Толпа замерла. Жрец стал чертить в воздухе огненные символы.

«Валирийские глифы». Тирион узнал лишь два из десяти: первый был *Рок*, а второй — *Тьма*.

Из толпы послышались крики. Женщины ры-

дали, а мужчины потрясали кулаками.

«Ой, не нравится мне всё это».

Карлик прекрасно помнил тот день, когда Мирцелла отплывала в Дорн, и бунт, вспыхнувший, когда они возвращались в Красный Замок.

Тирион не забыл, что Хэлдон Полумейстер предлагал привлечь красного жреца на сторону Молодого Грифа. Но после того как он увидел этого человека собственными глазами, эта идея показалась ему не самой удачной. Оставалась надежда, что у Грифа будет больше здравого смысла.

«Некоторые союзники куда опаснее врагов. Но Лорд Коннингтон должен будет додуматься до этого своей головой. Моя же к тому времени уже украсит собой пику».

В это время жрец указывал рукой на Чёрную Стену позади храма — туда, где, стоя на парапетах, взирала вниз закованная в броню стража.

— О чём он говорит? — спросил Тирион у рыцаря.

— Дейенерис угрожает опасность. Тьма следит за ней, и прихвостни ночи строят планы её убийства, взывая в храмах *лжи* к своим ложным богам… плетут заговоры вместе с безбожными чужаками…

Волосы на спине у Тириона встали дыбом.

«Принц Эйегон не найдет здесь друзей».

Красный жрец говорил о древнем пророчестве, предсказавшем пришествие героя, который спасет мир от тьмы.

«Одного героя. Не двух. У Дейенерис есть драконы, а у Эйегона их нет». Карлику не нужно было быть пророком, чтобы догадаться, как Бенерро и его последователи отреагируют на появление второго Таргариена. *«Гриф тоже поймёт это, наверняка»,* — подумал он, удивляясь, что ему самому было до этого дело.

Не обращая внимания на проклятия, рыцарь смог пробить себе путь через площадь. А когда один из мужчин попытался преградить ему путь, он взялся за рукоять меча и вытянул из ножен клинок — ровно настолько, чтобы можно было увидеть фут обнаженной стали. Мужчина моментально испарился, и перед ними тут же появился свободный проход. Рыцарь пустил коня рысью, и толпа осталась позади. Какое-то время Тирион ещё слышал затихающий голос Бенерро и ответные крики толпы — грозные, словно раскаты грома.

Наконец они подъехали к конюшне. Рыцарь спешился и колотил кулаком в дверь до тех пор,

пока к ним не выбежал запыхавшийся раб с вытатуированной на щеке конской головой.

Пока похититель будил хозяина и торговался с ним о цене за коня и седло, карлика грубо спихнули на землю и привязали к столбу.

«Продать коня дешевле, чем плыть с ним через полмира». Тирион чувствовал, что его ближайшее будущее тесно связано с пребыванием на корабле. В конце концов, может он действительно пророк?

Покончив с торгом, рыцарь перекинул свой меч, щит и седельную сумку через плечо и спросил дорогу к ближайшей кузнице. И хотя та тоже была заперта, дверь быстро открыли на крик рыцаря.

Кузнец оглядел Тириона, затем кивнул и принял горсть монет.

— Иди сюда, — позвал рыцарь пленника, достал кинжал и разрезал путы .

— Спасибо, — поблагодарил его карлик, растирая затекшие запястья.

В ответ рыцарь лишь рассмеялся:

— Прибереги свою благодарность для того, кто её заслуживает, Бес. Следующая часть моего плана вряд ли придется тебе по душе.

Он оказался прав.

Массивные чугунные кандалы оказались ужасно тяжёлыми — каждое из колец, насколько мог судить карлик, весило добрые два фунта. А цепи делали их еще тяжелее.

— Видимо, я кажусь намного страшнее, чем себе представлял, — признался Тирион, когда было заковано последнее кольцо. Каждый удар молота пронзал руку болью почти до самого плеча. — Или ты испугался, что я дам дёру на своих маленьких, кривых ногах?

Кузнец не поднимал головы во время своей работы, но рыцарь мрачно посмеивался.

— Меня заботит твой рот, а не ноги. В оковах ты — раб. Никто не будет слушать слова раба — даже те, кто знает язык Вестероса.

— Всё это ни к чему, — возразил Тирион. — Обещаю, что буду послушным маленьким пленником. Честно-пречестно.

— Тогда докажи это и заткнись.

Тириону ничего не оставалось, как склонить голову и прикусить язык, ожидая, пока скрепят между собой цепи: сначала между запястьями, от них к лодыжкам, а затем скрепили и их тоже.

«Эти треклятые штуковины весят больше меня самого».

Но, по крайней мере, он всё ещё дышал. Похи-

титель мог запросто отрубить ему голову: ведь голова — это всё, что требовала Серсея. Не отчекрыжив её при первой возможности, похититель совершил большую ошибку.

«Волантис и Королевскую Гавань разделяет половина мира. А в дороге, сир, может приключиться всё что угодно».

Остаток пути они прошли пешком. Лязгая и гремя цепями, Тирион изо всех сил старался не отставать от рыцаря, размашисто шагавшего впереди. Каждый раз, когда расстояние между ними увеличивалось, похититель резко дергал за цепь с такой силой, что карлик, спотыкаясь, кубарем летел вперед.

«Могло быть и хуже. Он мог погонять меня кнутом».

Волантис разделялся устьем Ройна — местом, где река целуется с морем — на две половины, соединённые между собою Длинным Мостом. К востоку от реки располагались самые старые и богатые районы, но там не жаловали наёмников, варваров и прочий неотесанный люд, поэтому им пришлось перебираться на западный берег.

Входом на Длинный Мост служила арка из чёрного камня, украшенная изображениями сфинксов, мантикор, драконов и других зага-

дочных существ. Тянущийся за аркой мост был построен валирийцами на пике своей славы — дорога из плавленого камня, лежащая на массивных опорах. Ширина моста едва позволяла проехать в ряд двум повозкам, поэтому фургонам приходилось при встрече замедлять ход.

Им повезло, что они шли пешком. Проехав лишь треть моста, телега, гружённая дынями, зацепилась за повозку, везущую шёлковые ковры, застопорив тем самым движение. Большая часть пешеходов также остановилась, чтобы поглазеть, как ругаются друг на друга возчики. Но рыцарь схватил Тириона за цепь и буквально пробил для них путь сквозь толпу. В давке какой-то мальчишка попытался стянуть у рыцаря кошель, однако резкий удар локтем остановил воришку, в кровь разбив ему нос.

По обе стороны моста высились здания: торговые лавки и храмы, таверны и постоялые дворы, бордели и салоны, где играли в кайвассу. Многие из них были трёх или четырёхэтажными, и каждый последующий этаж нависал над предыдущим, а верхние почти соприкасались друг с другом. Из-за этого мост был похож на освещённый факелами тоннель. Вдоль пролётов располагались торговые ряды. Ткачи и кружев-

ницы демонстрировали свои товары бок о бок со свечниками и стеклодувами, а торговки рыбой продавали угрей и устриц. В дверях каждой ювелирной лавки торчал охранник, а у торговцев специями — даже по двое, поскольку пряности ценились вдвое дороже золота. В просветах между домами путник мог увидеть отблеск реки, катившей свои воды под мостом, через который он шёл. К северу Ройн превращался в широкую отражавшую звёзды на водной глади чёрную ленту в пять раз шире Черноводной в Королевской Гавани. А к югу река открывала свои объятия солёному морю.

В центральной части моста, словно связки лука, висели отрубленные руки воров и карманников. Тут же на всеобщее обозрение были выставлены три головы — две мужские и женская. Прибитые под ними таблички гласили, за что казнили этих людей. Останки охраняла пара копейщиков, одетых в отполированные шлемы и серебристые кольчужные рубашки. Щёки стражей пресекали зёленые, словно нефрит, тигриные полосы. Время от времени охранники проявляли заботу о покойных, размахивая копьями, чтобы отпугнуть подлетавших пустельг, чаек и ворон. Но минуту спустя птицы снова кружили вокруг голов.

— Что они совершили? — невинно поинтересовался Тирион.

Рыцарь бросил взгляд на таблички.

— Женщина была рабыней, поднявшей руку на свою госпожу. Тот, что постарше — обвинён в подготовке восстания и шпионаже в пользу драконьей королевы.

— А молодой?

— Убил своего отца.

Тирион вновь взглянул на разлагающуюся голову.

«Выглядит так, словно он улыбается».

Рыцарь задержался у лежавшей на фиолетовом бархате драгоценной диадемы, затем пошёл дальше, но через пару шагов остановился у лавки кожевника, чтобы выторговать пару перчаток. Тирион был несказанно рад остановкам. Он уже начал задыхаться от быстрого темпа, а из натёртых оковами запястий сочилась кровь.

Пройдя Длинный Мост, они пересекли портовый район на западном берегу. Его освещенные факелами улицы были наводнены матросами, рабами и подвыпившими гуляками. В какой-то момент мимо них протопал слон, таща на спине замок с дюжиной полуголых рабынь. Девицы размахивали руками, завлекая прохожих видом

мелькавших грудей и выкрикивая «Малакво, Малакво». Они представляли собой такое восхитительное зрелище, что Тирион чуть было не вляпался в одну из навозных куч, которыми слон помечал свой путь. В последнюю секунду рыцарь успел спасти его от этой неприятности, дёрнув за цепь с такой силой, что карлик отлетел в сторону, чуть не пропахав носом землю.

— Нам ещё далеко? — спросил он.

— Вон туда. На Площадь Рыботорговцев.

Их целью оказался Купеческий дом — уродливое четырёхэтажное здание, расположившееся на набережной между складов, борделей и таверн, словно гигантский толстяк, окружённый детьми. Его общий зал, размером затмивший половину великих чертогов в замках Вестероса, представлял собой тускло освещённый лабиринт, состоящий из сотни уединенных альковов и укромных углов. От их почерневших балок и покрытых трещинами потолков эхом отражался гул голосов матросов, купцов, капитанов, менял, грузоотправителей и работорговцев, лгавших, проклинавших и надувавших друг друга на полусотне различных языков.

Тирион одобрил выбор гостиницы. Рано или поздно «Скромница» прибудет в Волантис, а это

был самый крупный постоялый двор города, и именно его чаще всего выбирали перевозчики, торговцы и капитаны. В лабиринтах общего зала совершалось бесчисленное количество сделок. Тирион был достаточно наслышан о Волантисе, чтобы знать это наверняка. Если Гриф появится здесь с Уткой и Хэлдоном, карлик вновь получит свободу.

А до тех пор нужно запастись терпением. Его время ещё придет.

Комнаты наверху вряд ли можно было назвать хоромами, а самые дешёвые находились на четвёртом этаже. Втиснутая в угол здания каморка под наклонной крышей, которую снял его похититель, имела низкий потолок, продавленную кровать с вонючей периной и покатый пол, напомнивший Тириону о пребывании в Орлином Гнезде.

«По крайней мере, тут хотя бы есть стены».

Кроме того, в комнате были окна. Они являлись главным удобством жилища — наряду с железным кольцом, вмурованным в стену. К этому кольцу было очень удобно привязывать рабов, и похититель не преминул им воспользоваться, приковав Тириона сразу же после того, как зажёг сальную свечу.

— А может не надо? — запротестовал карлик, бряцая оковами. — Куда я отсюда денусь? Удеру через окно?

— С тебя станется.

— Мы на четвёртом этаже, а я не умею летать.

— Зато умеешь падать, а мне ты нужен живым.

«Да уж, только непонятно зачем. Серсее всё равно — доставят меня живым или мёртвым».

Тирион тряхнул цепями.

— Я знаю, кто ты такой, сир, — это было не так уж трудно понять. Медведь на одежде, руки на щите, потерянное наследство, о котором тот упомянул. — Я знаю, *что* ты есть. И если ты знаешь, кто я, то должен знать и о том, что я был Десницей Короля и заседал в Королевском совете вместе с Пауком. Возможно, тебе будет любопытно услышать, что именно он отправил меня в это путешествие. — *«Паук и Джейме, но про брата упоминать не следует».* — Я точно такое же его орудие, как и ты. Нам не следует враждовать.

Но эти слова рыцарю не понравились.

— Паук платил мне, не стану этого отрицать, но я никогда не был его орудием. И теперь моя верность принадлежит другому человеку.

— Серсее? Тогда ты полный идиот. Единствен-

ное, что нужно моей сестре — моя голова, а у тебя отлично наточенный меч. Почему бы не завершить этот фарс прямо сейчас и не облегчить жизнь нам обоим?

Рыцарь засмеялся.

— Это что, одна из твоих уловок? Просить о смерти в надежде, что я позволю тебе жить? — он направился к двери. — Пойду принесу тебе что-нибудь с кухни.

— Как мило с твоей стороны. А я подожду тебя здесь.

— Знаю, — и всё же, выйдя за дверь, рыцарь запер её большим железным ключом. Купеческий Дом славился своими замками.

«Надежно как в тюрьме, — с горечью подумал Тирион. — *Но, по крайней мере, тут есть окна».*

Он понимал, что шансов освободиться от цепей почти не было, но счел своим долгом хотя бы попробовать. Попытавшись вытащить руку из оков, он лишь ещё больше ободрал кожу, и запястье стало скользким от крови. Рывки цепи и выкручивание её в надежде выдернуть кольцо из стены также не имели успеха. «*Да пошло оно всё»,* — чертыхнулся карлик, бухнувшись на пол, насколько позволяла цепь. Его ноги свело судорогой. Это будет ужасно неудобная ночь. *«Не*

сомневаюсь, что лишь первая из многих».

В комнате стояла духота, и рыцарь перед уходом распахнул ставни, чтобы впустить свежий воздух. К счастью, в этой зажатой в углу здания под самой крышей конуре имелось два окна. Одно из них выходило на Длинный Мост и Чёрную цитадель Старого Волантиса за рекой, а второе — на площадь перед зданием. Мормонт назвал её Площадью Рыботорговцев.

Тирион обнаружил, что может смотреть в окно, если натянет цепь до предела.

«Не такой долгий полет, как из воздушных камер Лизы Аррен, но от этого не менее смертельный. Возможно, если бы я был пьян…»

Даже в этот час площадь была заполнена людьми: горланящими матросами, разгуливающими в поисках клиентуры шлюхами и спешащими по своим делам торговцами. Красная жрица пронеслась куда-то в сопровождении дюжины одетых в хлещущие по ногам рясы прислужников с факелами в руках. Чуть в стороне, у таверны, двое игроков сражались в кайвассу при свете фонаря, который держал стоящий возле них раб. Тирион слышал, как поёт какая-то женщина. Слов он не разобрал, но мелодия показалась ему тихой и печальной.

«Знай я, о чём она поет, то наверняка бы заплакал».

А совсем неподалёку собралась толпа вокруг пары жонглеров, перебрасывающих друг другу пылающие факелы.

Вскоре вернулся похититель, неся в руках две кружки и жареную утку. Пинком захлопнув дверь, он разорвал утку и кинул карлику половину. Тот попробовал поймать её на лету, но из-за цепи не смог поднять высоко руки. В результате, горячая жирная птица шлепнулась ему прямо на голову и, соскользнув по лицу, брякнулась на пол. Присев на корточки, Тирион попытался дотянуться до неё руками, но лязгнувшая цепь вновь не позволила ему это сделать. Лишь с третьей попытки он наконец-то добрался до утки и со счастливым видом впился зубами в мясо.

— А что насчет эля, чтобы помочь птичке доплыть до желудка?

Мормонт протянул ему кружку.

— Большая часть Волантиса сейчас напивается, почему бы и тебе не напиться.

Эль оказался сладким на вкус и пах фруктами. Тирион отхлебнул большой глоток и удовлетворенно рыгнул. Кружка была оловянной и очень тяжелой.

«Может опустошить её и швырнуть ему в голову? — Размышлял карлик. — *Если повезет, раскрою ему череп. А если сильно повезет, то кружка пролетит мимо, и он забьёт меня кулаками до смерти».*

Тирион сделал еще глоток.

— Сегодня какой-то праздник?

— Третий день их выборов. Третий из десяти дней безумия. Парады с факелами, речи, ряженые, менестрели, танцоры, бретёры, дерущиеся до смерти во славу своего кандидата, слоны с написанными на боках именами потенциальных триархов. Жонглеры, которых ты видел, наняты Метисо.

— Напомни мне, что бы я проголосовал за кого-то другого. — Тирион облизал жир с пальцев. Толпа внизу швыряла жонглерам монетки. — А другие потенциальные триархи тоже устраивают подобные представления?

— Они делают всё, что, по их мнению, обеспечит им голоса, — ответил Мормонт. — Еда, выпивка, зрелища… Элиос послал на улицы сотню хорошеньких рабынь, чтобы те ублажали его избирателей.

— Тогда я точно за него, — решил Тирион. — Приведи мне рабыню.

— Они для свободнорожденных волантийцев, у которых достаточно имущества, чтобы голосовать. А в западной части города избирателей очень мало.

— И это продолжается десять дней? — засмеялся карлик. — Мне бы такое понравилось. И всё же три короля, или даже два — многовато. Я пытаюсь представить себе, как бы мы с сестрицей и моим храбрым братцем вместе правили Семью Королевствами. И года бы не прошло, как один из нас прикончил бы двух других. Странно, что триархи не делают то же самое.

— Некоторые пробовали. Возможно, волантийцы умные, а мы, вестеросцы, дураки. Волантис переживал трудные времена, но никогда не страдал от триархов-мальчишек. Когда избирали безумца, коллеги сдерживали его до окончания срока. Подумай о людях, которые остались бы живы, если бы у Эйериса Безумного было два соправителя.

«Вместо этого у него был мой отец», — подумал Тирион.

— Кое-кто в Вольных Городах считает нас, живущих по ту сторону узкого моря, — дикарями, — продолжал рыцарь. — А те, кто так не думает, — детьми, взывающими к сильной руке отца.

— Или матери.

«Серсее это понравится. Особенно когда он предстанет перед ней с моей головой».

— Похоже, вы хорошо знаете этот город.

— Я провел здесь около года. — Рыцарь поболтал в кружке остатки эля. — Когда Старк отправил меня в изгнание, я вместе со своей второй женой отправился в Лисс. Браавос подошел бы мне больше, но Линесса хотела жить там, где теплее. И вместо того, чтобы служить у браавосцев, я сражался с ними на Ройне. Но на каждый заработанный мною серебряник, жёнушка успевала тратить десять. К тому времени, как я вернулся в Лисс, она уже обзавелась любовником, радостно заявившим мне, что если я не оставлю жену и не покину город, то меня продадут в рабство за долги. Так я попал в Волантис… в двух шагах от рабства, имея при себе лишь меч да одежду, что была на мне.

— И теперь вы хотите вернуться домой.

Рыцарь осушил кружку до дна.

— Завтра я найду нам корабль. Кровать моя. Весь пол в твоём распоряжении, вернее, та часть, на которую хватит цепи. Поспи, если сможешь. А если нет, считай свои преступления. Это должно занять тебя до утра.

«На твоей совести тоже имеются преступления, Джорах Мормонт»,– подумал карлик, но мудро решил, что лучше оставить эту мысль при себе.

Сир Джорах повесил меч на стойку кровати, скинул сапоги и стащил с себя кольчугу. Затем снял шерстяную и кожаную одежду и пропитанную потом рубаху, оголив покрытый шрамами мускулистый торс, заросший тёмными волосами.

«Если бы мне удалось его освежевать, то я мог бы продать его шкуру на шубу», — размышлял Тирион, пока Мормонт устраивался на продавленной вонючей перине.

Вскоре рыцарь захрапел, оставив пленника наедине с его цепями. Сквозь широко открытые окна лился лунный свет. С площади доносились звуки: обрывки пьяной песни, вопли кота, далёкий звон стали о сталь.

«Кто-то скоро умрет», — подумалось Тириону.

Ободранные запястья саднило, а цепи не позволяли нормально сесть, не говоря уже о том, чтобы вытянутся во весь рост. Карлик кое-как пристроился, боком прислонившись к стене, но вскоре руки стали неметь. Он начал двигать ими, чтобы

вернуть чувствительность, однако вместе с ней вернулась и боль. Стиснув зубы, чтобы подавить крик, Тирион задумался о той боли, что испытал его отец, когда арбалетный болт пробил ему пах, и о том, что чувствовала Шая, когда он затягивал цепь вокруг её лживой глотки, и как мучилась Тиша, когда её насиловали. Его страдания были ничем по сравнению с тем, что пришлось испытать им, но от этой мысли легче ему не стало.

«Пусть это кончится».

Сир Джорах перевернулся на бок, и теперь Тирион видел лишь его широкую, волосатую, мускулистую спину.

«Даже избавься я от цепей, мне бы всё равно пришлось перелезать через него, чтобы достать меч. Вот если вынуть кинжал…»

Или найти ключ, открыть дверь, сползти вниз по лестнице, а там, через общий зал…

«И что потом? Друзей у меня нет, денег тоже, я даже не говорю на местном языке».

Наконец усталость победила боль, и Тирион забылся беспокойным сном. Но каждый раз, когда очередная судорога пронзала его тело, карлик вскрикивал во сне, звеня цепями. Проснувшись, он обнаружил, что уже наступило утро — яркое и золотое, как лев Ланнистеров. Всё тело нещад-

но ломило, отдаваясь болью в каждом мускуле. Снизу доносились крики рыботорговцев, а по булыжной мостовой грохотали колеса с железными ободьями.

Над ним возвышался Джорах Мормонт.

— Если я отцеплю тебя от кольца, будешь делать всё, что я скажу?

— И танцевать тоже? Боюсь, сплясать у меня не получится. Ног совсем не чувствую. Может они отвалились? А в остальном я весь ваш. Честное ланнистерское.

— У Ланнистеров нет чести, — но всё же сир Джорах отцепил кандалы от стены. Сделав всего пару шагов на дрожавших ногах, Тирион упал. Кровь в затекших руках снова начала циркулировать, вызвав при этом такую боль, что из глаз карлика брызнули слезы. Закусив губу, он произнес:

— Куда бы мы ни пошли, вам придется меня туда катить.

Но вместо этого рыцарь подхватил его за цепи, сковывающие запястья, и понес.

Общий зал Купеческого дома представлял собой тёмный лабиринт ниш и гротов, выстроенных вокруг центрального двора. Его стены были увиты цветущей виноградной лозой, отбрасывающей

замысловатую узорчатую тень на плиточный пол, между камнями которого пророс зелёный и фиолетовый мох. Из света в тень и обратно сновали рабыни, разнося кружки с элем, вином и каким-то зелёным пахнущим мятой напитком со льдом. В этот ранний утренний час в зале был занят лишь каждый двадцатый столик.

И за одним из них восседал карлик — с гладко выбритыми розовыми щеками, копной каштановых волос, густыми бровями и сплющенным носом. Расположившись на высоком табурете и сжимая в руке деревянную ложку, он пялился своими покрасневшими глазками в миску с кашей.

«Мерзкий маленький ублюдок», — подумал Тирион.

Карлик почувствовал на себе его взгляд, поднял голову и, увидев Тириона, выронил ложку.

— Он на меня посмотрел, — предупредил Тирион Мормонта.

— Ну и что?

— Он знает меня. Знает кто я.

— Прикажешь таскать тебя в мешке, чтобы никто не увидел? — Рыцарь коснулся рукояти своего меча. — Если ему вздумается тебя отобрать, пусть подойдёт и попробует.

«Ты хотел сказать — подойдёт и умрёт, — по-

думал Тирион. — *Что он может сделать такому здоровяку? Он ведь всего лишь карлик».*

Сир Джорах занял столик в тихом уголке и заказал еду и питьё. Они утолили голод тёплой, свежей лепешкой, розовой рыбьей икрой, медовой колбасой, жареной саранчой и запили всё это горьким чёрным элем. Тирион набросился на еду, словно его морили голодом.

— У кого-то нынче утром аппетит хоть куда, — заметил рыцарь.

— Я слышал, в аду еда никудышная, — Тирион увидел, как в дверь вошел человек. Новый посетитель был высокий, сутулый, с острой покрытой пятнами фиолетовой бородой. *«Какой-то тирошийский купец».* Вместе с ним в помещение ворвались звуки улицы: крики чаек, женский смех, голоса рыботорговцев. На мгновенье Тириону показалось, что он увидел Иллирио Мопатиса, но это был всего лишь один из карликовых белых слонов, проходивший мимо входной двери.

Мормонт откусил кусок лепешки, намазав её икрой.

— Ждешь кого-то?

— Никогда не знаешь, кого занесет ветром. Единственную любовь, призрак отца или утку. — Карлик сунул в рот саранчу и захрустел ею.

— Для жука очень даже недурно.

— Прошлой ночью здесь вовсю обсуждали Вестерос. Какой-то изгнанный лорд нанял Золотое Братство, чтобы отвоевать свои земли. Половина капитанов в Волантисе отплыла вверх по течению в Волон Терис, чтобы предложить лорду услуги по перевозке армии.

Тирион чуть не подавился саранчой:

«Он что, надо мной издевается? Что ему известно о Грифе и Эйегоне?»

— Вот дерьмо, — хмыкнул карлик. — А я - то собирался нанять Золотое Братство, чтобы отвоевать себе Утес.

«Может это лишь уловка Грифа, чтобы посеять ложные слухи? Если только…»

Неужели бедный наследничек всё-таки заглотил наживку? И теперь направляется не на восток, а на запад, оставив надежды на свадьбу с королевой Дейенерис? *«Отказавшись от драконов… и Гриф позволил бы ему сделать это?»*

— Я также с удовольствием найму и вас, сир. Трон моего отца — мой по праву. Присягните мне, и как только я его верну, тотчас вас озолочу.

— Однажды я уже видел озолочённого человека. Не слишком приятное зрелище. Мой меч станет твоим лишь в одном случае — торча из

твоего живота.

— Верное средство от запора, — улыбнулся Тирион. — Можете спросить у моего отца.

Он потянулся за элем и долго пил, прикрываясь кружкой, чтобы никто не мог прочитать по его лицу, о чём он думает. Видимо, этот план — какая-то уловка, призванная усыпить бдительность волантийцев.

«Под ложным предлогом посадить людей на корабли и захватить их, как только те выйдут в море. Не это ли замыслил Гриф?»

Это могло сработать. Золотое Братство насчитывало десять тысяч опытных и дисциплинированных воинов.

«Но не моряков. Грифу придется приставить клинок к горлу каждого матроса, а когда они доберутся до залива работорговцев, им предстоит воевать...»

Вернулась служанка.

— Вдова примет вас следующим, сир. Вы принесли для неё дар?

— Да. Спасибо. — Сир Джорах сунул монету в ладонь девушки и отослал её.

Тирион нахмурился.

— Что еще за вдовушка?

— Портовая вдова. На востоке от Ройна её до

сих пор за глаза называют шлюхой Вогарро.

Карлику это ничего не объяснило.

— А Вогарро?..

— Он был из «слонов», семь раз становился триархом, очень богатый, имел большую власть в доках. Пока другие строили корабли и плавали на них, он возводил причалы и склады, хранил там товары, менял деньги, страховал судовладельцев от морских опасностей, впрочем, не брезговал и работорговлей. А когда влюбился в одну из постельных рабынь, прошедшую обучение в Юнкае по пути семи вздохов, случился огромный скандал… и ещё больший крик поднялся, когда он освободил её и сделал своей женой. После его смерти она продолжила его дело. Но, поскольку вольноотпущенникам запрещено жить в пределах Чёрной Стены, ей пришлось продать поместье Вогарро и поселиться в Купеческом Доме. С тех пор прошло тридцать два года, а вдова до сих пор живет тут. Вон она, позади тебя, на противоположной стороне двора, принимает людей за обычным столом. Нет, не оборачивайся. У неё посетитель. Вот закончит, и будет наша очередь.

— И чем тебе может помочь эта старая ведьма?

Сир Джорах встал.

— Сейчас увидишь. Посетитель уходит.

Тирион, грохоча железом, спрыгнул со стула.

«Должно быть познавательно».

В её манере сидеть было что-то коварное, а то, как она смотрела, можно было сравнить лишь со взглядом рептилии. Сквозь белые жидкие волосы просвечивал розовый череп, а под глазом — в том месте, где когда-то была татуировка в виде слезы — виднелись едва заметные шрамы. По столу были разбросаны остатки её завтрака — сардиньи головы, косточки от оливок, кусочки лепешки. Тирион отметил, насколько удачно выбрано место для «обычного стола» — за спиной у неё возвышался громадный камень, а из заросшего листвой алькова, куда входили и выходили посетители, открывался прекрасный вид на парадный вход, в то время как она, оставаясь в тени, была почти незаметна.

Оглядев Тириона, старуха улыбнулась.

— Карлик, — промурлыкала она на общем языке бархатно зловещим голосом, в котором лишь слегка улавливался акцент. — Похоже, в последнее время Волантис просто кишит карликами. А этот умеет делать трюки?

«Ага, — чуть не брякнул Тирион. — *Дай мне арбалет, и я покажу тебе свой любимый».*

— Нет, — ответил сир Джорах.

— Жаль. Когда-то у меня была обезьянка, вытворявшая разные хитрые трюки. Твой карлик напомнил мне о ней. Ты привел его в качестве дара?

— Нет. Я принес вам это. — Сир Джорах достал пару перчаток и бросил их на стол, рядом с другими дарами. Этим утром вдове уже поднесли серебряный кубок, веер, украшенный вырезанными из нефрита полупрозрачными ажурными листьями, и старинный бронзовый кинжал с выгравированными на нём рунами. На фоне этих сокровищ перчатки выглядели дешевыми и безвкусными.

— Перчатки для моих бедных, старых, морщинистых рук. Как мило.

Вдова даже не притронулась к ним.

— Я купил их на Длинном Мосту.

— Человек может купить на Длинном Мосту что угодно. Перчатки, рабов, обезьянок. — Годы согнули её позвоночник и наградили горбом, но глаза старухи оставались чёрными и блестящими. — Теперь скажите старой вдове, чем она может быть вам полезна.

— Нам нужно как можно скорее попасть в Миэрин.

Одно слово, и мир Тириона Ланнистера пере-

вернулся вверх дном.

Одно слово. *«Миэрин».* Неужели он не ослышался?

Одно слово.

«Миэрин, он сказал Миэрин, он везет меня в Миэрин».

Миэрин означал жизнь. Или, по крайней мере, надежду.

— И почему вы пришли ко мне? — спросила вдова. — У меня нет кораблей.

— Многие капитаны перед вами в долгу.

«Он сказал, что доставит меня к королеве. Да, но к какой именно? Он не собирается продавать меня Серсее, а отдаст меня Дейенерис Таргариен. Вот почему он не отрубил мне голову. Мы направляемся на восток, а Гриф вместе со своим принцем плывут на запад, проклятые глупцы!»

Ну, это уж слишком.

«Заговоры на заговорах, а в итоге все дороги ведут в пасть дракона».

С его губ сорвался истерический смех, который Тирион не смог удержать.

— У твоего карлика припадок, — взглянув на Тириона, заметила вдова.

— Мой карлик должен быть тихим, а не то я заткну его кляпом.

Тирион прикрыл рот руками.

«Миэрин!»

Портовая вдова больше не обращала на него внимания.

— Может, выпьем? — предложила она. В воздухе кружили пылинки. Служанка наполнила две зелёные стеклянные чаши для сира Джораха и вдовы. В горле у Тириона тоже пересохло, но ему не налили. Вдова сделала глоток и, прежде чем проглотить, поболтала вино во рту.

— Изгнанники плывут на запад, или, по крайней мере, именно это слышали мои старые уши. А все те капитаны, что у меня в долгу, расталкивают друг друга локтями, пытаясь переправить их туда и урвать немного золота из казны Золотого Братства. Наши благородные триархи выделили дюжину военных кораблей, эскортировать флот до Ступеней. Даже старый Донифос дал свое согласие. Восхитительное приключение. И всё же вы направляетесь в другую сторону, сир.

— У меня дела на востоке.

— И что же это за дела, интересно знать? Точно уж не рабы — серебряная королева положила этому конец. Кроме того, она закрыла бойцовские ямы, так что это и не жажда крови. Что еще может предложить Миэрин вестеросскому

рыцарю? Кирпичи? Оливки? *Драконов*? А, вот в чем дело, — старуха злобно улыбнулась. — Я слышала, что серебряная королева кормит их плотью младенцев, а сама купается в крови девственниц и каждую ночь совокупляется с новым любовником.

Губы сира Джораха сжались.

— Юнкайцы льют яд в ваши уши. Миледи не должна верить таким грязным слухам.

— Я не леди, но даже шлюха Вогарро знает вкус лжи. Но многое верно, всё же… у драконьей королевы много врагов… Юнкай, Новый Гис, Толос, Кварт… ах да, и вскоре к ним присоединится Волантис. Так вы желаете отправиться в Миэрин? Подождите немного, сир. Совсем скоро военные корабли отчалят на восток, чтобы низвергнуть серебряную королеву, и тогда каждому мечу найдется работа. Тигры любят обнажать когти, и даже слон может убить, если его испугать. Малакво жаждет славы, а Ниэссос большей частью своего богатства обязан работорговле. Позвольте Элиосу, Паркелло или Беличо стать триархами, и флот выйдет в море.

Сир Джорах нахмурился.

— Если Донифос вернется…

— Скорее вернется Вогарро, а мой дорогой су-

пруг уже тридцать лет как мертв.

Позади них орал какой-то матрос.

— И они называют это элем? Дерьмо! Да обезьянья моча крепче этого пойла!

— Её ты точно выпил, — ответил ему другой голос.

Тирион обернулся, надеясь, что услышал голоса Утки и Хэлдона. Но вместо них он увидел незнакомые лица… и стоявшего в сторонке карлика, впившегося в него взглядом. Тириону казалось, что он уже видел это лицо.

Вдова потягивала вино маленькими глоточками.

— Некоторые из первых слонов были женщинами, — рассказала она. — Именно они победили тигров и покончили со старыми войнами. Трианну переизбирали четыре раза. Увы, это было триста лет назад. С тех пор в Волантисе не было ни одной женщины-триарха, хотя знатные дамы и имеют право голоса. Конечно, не такие твари, как я, а женщины, рождённые в благородных семьях, живущие в старинных дворцах за Чёрной Стеной. Наследники Старой Крови скорее предпочтут получить голоса своих псов и детей, чем вольноотпущенников. Нет, изберут Беличо или, возможно, Элиоса, но, в любом случае, будет

война. Или они так думают.

— А что считаете вы? — поинтересовался сир Джорах.

«Хорошо, — подумал Тирион. — *Верный вопрос».*

— О, по-моему, война будет, но совсем не та, какой хочется им. — Сверкая глазами, старуха наклонилась вперед. — Я думаю, что у красного Рглора в этом городе последователей больше, чем у всех других богов вместе взятых. Вы слышали проповедь Бенерро?

— Прошлой ночью.

— Бенерро видит будущее в своих огнях, — сказала вдова. — Вам известно, что триарх Малакво пытался нанять Золотое Братство, чтобы зачистить Красный Храм и предать Бенерро мечу? Он не посмел использовать тигриные плащи. Половина из них также поклоняются Владыке Света. Ох, в Волантисе нынче тяжелые времена даже для морщинистых старых вдов. Но, видимо, и вполовину не такие тяжелые, как в Миэрине. Так скажите мне, сир… зачем вы ищете серебряную королеву?

— Это моё дело. Я могу щедро заплатить за проезд. У меня есть серебро.

«Дурак, — подумал Тирион. — *Она ждёт платы*

другой монетой, ей нужно уважение. Разве ты не слышал её слова?»

Тирион вновь оглянулся назад. Карлик пересел поближе к их столику. И, кажется, в руке у него был нож. У Тириона от ужаса зашевелились волосы на затылке.

— Можете оставить свое серебро при себе, мне и золота хватает. И избавьте меня от своих угрюмых взглядов, сир. Я слишком стара, чтобы пугаться чьего бы то ни было грозного вида. Похоже, вы серьезный человек и, без сомнения, отлично владеете мечом, но это мой мир. Стоит мне шевельнуть пальцем, и вы отправитесь в Миэрин в трюме галеры прикованным к веслу. — Старуха раскрыла свой нефритовый веер. Послышался шелест листьев, из заросшей арки выскользнул человек и встал слева от неё. Его лицо было обезображено шрамами, а в руках он сжимал короткий и тяжелый, как тесак, меч. — «*Ты должен поговорить с Портовой вдовой*», — посоветовал тебе кто-то, но этот кто-то забыл предупредить: «*Остерегайся вдовьих сынков*». Впрочем, сегодня такое приятное утро, поэтому я спрошу ещё раз. Зачем ты ищешь Дейенерис Таргариен, чьей смерти желает половина мира?

Лицо Джораха Мормонта потемнело от гнева,

но он ответил:

— Чтобы служить ей. Защищать. Умереть за неё, если будет нужно.

Его слова рассмешили вдову.

— Ты хочешь *защитить* её, я правильно поняла? От такого множества врагов, что я даже не смогу их сосчитать, которые точат на неё свои бесчисленные мечи… *и, по-твоему, в это должна поверить бедная вдова*? В то, что ты настоящий благородный вестеросский рыцарь, готовый пересечь полмира, чтобы придти на помощь этой… ну, она конечно уже не дева, хотя, возможно, ещё прекрасная, — старуха вновь рассмеялась. — Рассчитываешь порадовать её карликом? Думаешь, она будет купаться в его крови или ограничится отсечением головы?

Сир Джорах колебался.

— Карлик…

— Я знаю, что это за карлик и кем он является, — её черные глаза ожгли Тириона тяжелым, как камень, взглядом. — Убийца родни, цареубийца, душегуб и двуличная тварь. *Ланнистер.* — Последнее слово она выплюнула, словно проклятие. — А что *ты* планируешь предложить драконьей королеве, маленький человечек?

«Свою ненависть», — хотел сказать Тирион,

но вместо этого лишь развел руками, насколько позволили ему оковы.

— Всё, что она сможет с меня поиметь. Мудрые советы, острый ум, немного кривляния. Мой член, если он ей понадобится. Мой язык, если первое не понадобится. По её желанию я поведу в бой армию или буду чесать ей пятки. И единственное, что я попрошу в награду — дозволение изнасиловать и убить мою сестру.

Слушая карлика, старуха вновь улыбнулась...

— Этот, по крайней мере, честен, — заключила она. — А вот вы, сир... я знавала дюжину вестеросских рыцарей и тысячу искателей приключений того же пошиба, но ни один из них не был так безупречен, как вы тут себя расписали. Мужчины — дикие звери, эгоистичные и жестокие. Они говорят нежные слова, но за ними всегда скрываются тёмные мотивы. Я не верю вам, сир. — Она махнула в их сторону, словно отгоняя надоедливых мух, жужжащих у нее над ухом. — Если хотите добраться до Миэрина, плывите сами. У меня вы помощи не найдете.

И в этот момент разверзлись семь преисподних.

Сир Джорах встал, вдова захлопнула веер, её покрытый шрамами человек выскользнул из тени...

а позади них вскрикнула девушка. Тирион обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть несущегося на них карлика. *«Да это же девушка,* — внезапно догадался он. *— Девушка, наряжённая в мужскую одежду. И, по-моему, она хочет выпустить мне кишки своим ножом».*

На какое-то мгновение сир Джорах, вдова и человек со шрамами словно окаменели. Зеваки с соседних столиков, потягивающие эль и вино, предпочли не вмешиваться. Цепи сковывали движения Тириона, но он, исхитрившись, вытянул вперед сразу обе руки и схватил стоявший на столе кувшин. Сжав его в руках, он развернулся и, выплеснув всё, что там было, прямо в лицо карлице, отпрянул, спасаясь от ножа. Но кувшин разбился, а Тирион грохнулся на пол, больно ударившись головой. Девушка вновь бросилась на него. Тирион откатился в сторону, когда карлица вонзила нож в пол, выдернула и взмахнула им снова…

…и вдруг взлетела вверх, брыкаясь из всех сил, в попытках вырваться из железной хватки сира Джораха.

— Нет! — вопила она на общем языке Вестероса. — Отпустите меня! — Тирион слышал, как порвалась её одежда, когда карлица в очередной

раз попыталась освободиться.

Мормонт одной рукой схватил её за шиворот, а другой вырвал из маленьких цепких пальцев нож.

— Прекрати!

На крики прибежал хозяин заведения с дубиной наперевес, но, увидев разбитый кувшин, грязно выругался и потребовал объяснить, что здесь произошло.

— Драка карликов, — посмеиваясь, ответил тирошиец с фиолетовой бородой.

Тирион, моргая, уставился на извивавшуюся в воздухе девочку.

— Почему? — спросил он. — Что я тебе сделал?

— Они убили его, — растерявшая весь свой боевой дух карлица болталась в руках Мормонта, словно тряпичная кукла, а из её глаз текли слезы. — Моего брата. Они схватили его и убили.

— Кто его убил? — спросил Мормонт.

— Матросы. Матросы из Семи Королевств. Их было пятеро, и все пьяные. Они видели, как мы разыгрывали на площади рыцарский турнир, и пошли за нами, но когда поняли, что я девушка, меня отпустили, а моего брата схватили и убили. *Они отрезали ему голову.*

И тут в голове у Тириона словно сверкнула

молния: «*Они видели, как мы разыгрывали на площади рыцарский турнир*», — он понял, кем была эта девушка.

— Ты ездила верхом на свинье? — спросил карлик. — Или на собаке?

— На собаке, — прорыдала она. — На свинье всегда ездил Оппо.

«Карлики со свадьбы Джоффри».

Это с их выступления началась тогда заваруха.

«Как странно встретить их вновь за полмира оттуда».

Хотя и не так уж странно.

«Если они не глупее собственной свиньи, то сбежали из Королевской Гавани в ту же ночь, когда умер Джофф. Ещё до того, как Серсея взвалила бы на них часть вины за смерть её сына».

— Отпустите девушку, сир, — попросил он Джораха Мормонта. — Она не причинит нам вреда.

Сир Джорах опустил карлицу на пол.

— Мне жаль твоего брата… но мы не виноваты в том, что его убили.

— Виноваты! — Девушка бросилась в ноги рыцарю, пытаясь прикрыть разорванной и залитой вином туникой свои маленькие, хилые грудки. — Это он был им нужен. Они думали, что Оппо — это *он!* — Девушка плакала, готовая умолять о

помощи любого, кто готов был её слушать. — Он должен умереть так же, как умер мой бедный брат. Пожалуйста. Хоть кто-то, помогите мне. Кто-нибудь убейте его.

Хозяин заведения схватил её одной рукой и рывком вздёрнул на ноги. Он кричал на волантийском языке, требуя назвать того, кто заплатит ему за нанесенный ущерб.

Портовая вдова окатила Мормонта ледяным взглядом.

— Говорят, рыцари защищают слабых и заступаются за невинных. А я самая прекрасная дева во всем Волантисе. — Её смех был полон презрения. — Как тебя зовут, дитя?

— Пенни.

Старуха окликнула хозяина на языке Старого Волантиса. Тирион знал достаточно, чтобы понять, что она просит того отвести карлицу наверх, в её комнаты, угостить вином и подобрать какую-нибудь одежду взамен испорченной.

Когда они ушли, вдова уставилась на Тириона своими чёрными сияющими глазами.

— На мой взгляд, монстры должны быть размером побольше. В Вестеросе ты стоишь титула лорда, маленький человек. Но подозреваю, что здесь ты менее ценен. Впрочем, кое-чем я смогу

тебе помочь. Волантис, очевидно, не самое безопасное место для карликов.

— Вы слишком добры, — Тирион улыбнулся ей своей лучшей улыбкой. — Может, избавите меня от этих прелестных железных браслетиков? У монстра осталась всего половина носа, и он ужасно чешется. А цепи слишком коротки, чтобы я мог до него дотянуться. Я с радостью преподнесу их вам в дар.

— Как щедро. Но в своё время мне уже пришлось носить железо, и теперь я предпочитаю золото и серебро. Как не прискорбно, но это Волантис, где кандалы и цепи стоят дешевле чёрствого хлеба, а помогать рабам бежать запрещено законом.

— Я не раб.

— Каждый, кого захватили работорговцы, поет эту грустную песню. Я не смогу помочь тебе… здесь, — она снова наклонилась вперед. — Через два дня из Нового Гиса отплывает в Кварт ког «Селейсори Кхоран». Он везёт на борту олово и железо, тюки шерсти и кружев, пятьдесят мирийских ковров, труп, замаринованный в рассоле, двадцать банок драконьего перца и одного красного жреца. Будьте на этом корабле, когда он поднимет якорь.

— Будем, — пообещал Тирион. — И спасибо

вам.

Сир Джорах нахмурился.

— Но нам нужно не в Кварт.

— Судно никогда не доберется до Кварта. Бенерро видел это в своих огнях, — старая карга коварно улыбнулась.

— Как скажете, — усмехнулся Тирион. — Если бы я был волантийцем, свободным и с благородной кровью, то при голосовании за триарха вы получили бы мой голос, миледи.

— Я не леди, — ответила вдова. — Я всего лишь шлюха Вогарро. Вам, наверное, лучше исчезнуть отсюда до прихода тигров. Если доберетесь до вашей королевы, передайте ей послание от рабов Старого Волантиса. — Она дотронулась до бледного шрама, скрывавшего стертую татуировку слезы на её морщинистой щеке. — Сообщите ей, что мы ждем. Попросите, чтобы пришла поскорее.

Глава 28. Джон

Услышав приказ, сир Аллисер скривился в подобии улыбки, хотя взгляд его оставался холодным и жёстким, словно кремень.

— Значит, бастард посылает меня на смерть.

– *Смерть*! — прокричал ворон Мормонта. — *Смерть, смерть, смерть*!

«*От тебя никакого толку*». Джон прогнал птицу.

— Бастард посылает тебя на разведку. Найти наших врагов и убить, если потребуется. Ты хорошо владеешь клинком и был мастером над оружием здесь и в Восточном Дозоре.

Торне прикоснулся к рукояти своего меча.

— Я потратил треть своей жизни, пытаясь обучить дураков и деревенщин, бестолочей и мошенников. Вряд ли от этого будет много пользы в лесу.

— С тобой пойдет Дайвен и ещё один опытный разведчик.

— Мы научим вас всему, что требуется, сир, — прокудахтал Дайвен. — Покажем, как подтирать вашу знатную задницу листьями, прям как

настоящий разведчик.

Кедж Белоглазый засмеялся, а Чёрный Джек Бульвер сплюнул. Сир Аллисер сказал лишь:

— Ты бы хотел, чтобы я отказался. Тогда ты сможешь лишить меня головы, как Слинта. Я тебе такого удовольствия не предоставлю, бастард. Молись, чтобы меня убил какой-нибудь одичалый. Те, кого убивают Иные, не умирают… И они помнят. Я вернусь, Лорд Сноу.

— Надеюсь на это. — Джон никогда не считал сира Аллисера своим другом, но, несмотря ни на что, они оставались братьями. А никто и не говорил, что братьев непременно надо любить.

Не так-то легко посылать людей в лес, зная, что, скорее всего, они никогда не вернутся. «*Все они — закаленные бойцы*», — сказал себе Джон… Но его дядя Бенджен со своими разведчиками тоже были опытными, и всё равно Зачарованный Лес поглотил их без следа. Двое из них всё же вернулись на Стену, но уже бездушными тварями. Не в первый и не в последний раз Джон вновь задумался над тем, что же случилось с Бенджеком Старком. «*Может, разведчики найдут какую-нибудь зацепку*», — сказал он себе, не веря этому в глубине души.

Дайвен возглавит вылазку, Чёрный Джек Буль-

вер и Кедж Белоглазый — две других. Они хотя бы стремились исполнить свой долг.

— Как же хорошо снова оказаться в седле, — сказал Дайвен у ворот, цыкая деревянными зубами. — Прошу извинить меня, м'лорд, но мы только нахватали заноз в задницы от постоянного сидения.

Никто в Чёрном Замке не знал леса так, как Дайвен — все деревья, ручьи и съедобные растения. Он знал, как охотиться и как самому не стать добычей. «*Торне даже в лучших руках, чем того заслуживает*».

Джон следил за всадниками с вершины Стены — три группы по три человека, у каждого — по паре воронов. С такой высоты их лошади казались не больше муравьев, Джон не смог бы отличить разведчиков друг от друга. Но он и так знал их. Каждое имя было словно отметина на его сердце. «*Восемь хороших людей*, — размышлял он, — *и еще один… что ж, посмотрим*».

Когда последний из разведчиков скрылся среди деревьев, Джон со Скорбным Эддом начали спускаться в подвесной клети. Несколько снежинок медленно падали вниз, танцуя под порывами ветра. Одна следовала за клетью, паря прямо за прутьями. Снежинки падали быстрее, чем спус-

калась клеть, и пропадали где-то под ней. Там порыв ветра подхватывал их и вновь подбрасывал вверх. Джон, если бы захотел, мог бы поймать их, просунув руку через прутья.

— Прошлой ночью мне приснился страшный сон, м'лорд, — признался ему Скорбный Эдд, — вы были моим стюардом, подавали мне еду, убирались в моих покоях. Я был лордом-командующим и не мог присесть ни на минуту.

Джон даже не улыбнулся.

— Моя жизнь и есть твой страшный сон.

На лесистых берегах к востоку и к северу от Стены количество одичалых все увеличивалось, об этом докладывали моряки Коттера Пайка. Повсюду видели лагеря, строящиеся плоты, даже пытались чинить корпус разбитого кога. Едва их замечали, одичалые тут же пропадали в лесах, но, без сомнения, всегда возвращались, едва суда скрывались из вида. Между тем, сир Денис Маллистер по ночам продолжал наблюдать костры к северу от Теснины. Оба командира требовали пополнений.

«*И где же мне найти им людей*?»

Джон отдал им по десятку одичалых, населявших Кротовый городок: юнцов, стариков, нескольких раненых и калек, способных выпол-

нять простую работу. Оставшиеся недовольными Пайк и Маллистер прислали ему свои жалобы.

«*Когда я просил людей, то имел в виду братьев Ночного Дозора — обученных и дисциплинированных, в чьей преданности я не усомнюсь*», — писал сир Денис. Коттер Пайк ответил резче: «*Я мог бы повесить их вдоль Стены как предупреждение другим одичалым. Другого прока я в них не вижу*». Мейстер Хармун написал: «*Я бы не доверил им даже мой горшок выносить. И потом, десять — это слишком мало*».

Железная клеть спускалась вниз, скрипя и грохоча на ходу, пока, наконец, не остановилась в полуфуте от земли у самого подножия Стены. Скорбный Эдд открыл дверцу и спрыгнул вниз, свежевыпавший снег захрустел под его сапогами. Джон последовал за ним.

Во дворе арсенала на кого-то кричал Железный Эммет. Звон мечей раззадорил Джона. Он напомнил ему дни, когда жизнь была теплее и проще. Винтерфелл, где он сражался на мечах с Роббом под пристальным взглядом сира Родрика Касселя. Сир Родрик был жестоко убит Теоном-Перевёртышем и его железными людьми при попытке северян отбить Винтерфелл. Великая крепость дома Старков была разрушена. «*Все мои*

воспоминания отравлены».

Увидев Джона, Железный Эммет поднял руку, и бой прекратился:

— Чем могу служить, Лорд-командующий?

— Кто трое лучших твоих бойцов?

Эммет ухмыльнулся:

— Эррон. Эмрик. Джейс.

Конь и Хоп-Робин принесли лорду-командующему кольчугу с поддоспешником, поножи, латный воротник и шлем с забралом, чёрный щит с железным ободом для левой руки и затупленный длинный меч для правой. Меч блестел серебром в утреннем свете и был почти новым. «*Один из последних, сделанных Доналом. Жаль, что он не успел заточить его при жизни*». Лезвие меча было короче, чем у Длинного Когтя, к тому же он был выкован из обычной стали, а потому весил больше. Удары станут медленнее.

— Сойдёт, — Джон повернулся к соперникам. — Начнём.

— С кем из нас вы сразитесь первым? — поинтересовался Эррон,

— Со всеми сразу.

— Трое на одного? — недоверчиво спросил Джейс. — Так нечестно.

Он был одним из новобранцев, сыном сапож-

ника с Ярмарочного Острова. Это всё объясняло.

— Верно. Подойди сюда.

Когда тот подошел, Джон плашмя ударил парнишку мечом по голове, повалив с ног. В мгновение ока на груди поверженного оказался сапог, а лезвие меча у горла.

— Война не бывает честной, — сказал ему Джон, — теперь двое на одного, а ты мёртв.

Услышав хруст гравия, он понял, что близнецы приближаются. «*Из этих всё же выйдут разведчики*». Он резко повернулся, блокировав атаку Эррона краем щита, а удар Эмрика мечом.

— Это же не копья! — прокричал Джон, — подходите ближе.

Он пошел в атаку, показывая им, как это делается. Сначала Эмрик. Джон ударил его по голове и плечам — справа, слева и опять справа. Парень поднял щит и неуклюже контратаковал. Джон ударил своим щитом в щит Эмрика и попытался опрокинуть, метя в голень… Но не успел, потому что Эррон, подскочив, с треском двинул его по бедру сзади, отчего Джон упал на одно колено. «*Синяк будет*». Он принял следующий удар на щит, затем поднялся на ноги и начал теснить Эррона через весь двор. «*Он быстрый*, — подумал Джон, скрещивая с ним мечи — раз, другой и

третий. — *Но ему нужно окрепнуть*». Увидев облегчение в глазах Эррона, Джон понял, что Эмрик вновь оказался за его спиной. Он развернулся и ударил Эмрика по спине, толкнув навстречу брату. К этому времени Джейс поднялся на ноги, так что Джон вновь повалил его на спину.

— Ненавижу, когда мертвецы поднимаются. Ты почувствуешь то же, когда встретишься с упырём, — отступив, он опустил меч.

— Большая ворона легко может заклевать маленьких, — раздалось злобное ворчание за его спиной, — у неё что — кишка тонка сразиться с человеком?

Гремучая рубашка стоял, прислонившись к стене. Грубая щетина покрывала его впалые щеки, и тонкие коричневые волоски росли вокруг его маленьких жёлтых глаз.

— Ты сильно приукрашиваешь собственные достоинства, — сказал Джон.

— Ага, я бы и тебя малость разукрасил.

— Станнис сжёг не того человека.

— Ага, — одичалый ухмыльнулся, обнажив ряд коричневых гнилых зубов. — Он сжёг человека, которого должен был сжечь на глазах у всех. Мы делаем то, что должны, Сноу. Даже короли.

— Эммет, найди ему доспехи. Пусть наденет

сталь, а не свои старые кости.

Одетый в кольчугу и латы Костяной Лорд казался прямее и выше. Его плечи выглядели шире и мощнее, чем мог предположить Джон. «*Это доспехи, а не человек*, — сказал он себе. — *Даже Сэм показался бы грозным, если заковать его в доспехи работы Донала Нойе*». Одичалый отмахнулся от щита, предложенного Конем, попросив вместо этого двуручный меч.

— Он так сладко поёт, — сказал он, разрезая мечом воздух, — Лети сюда, Сноу. Сейчас от тебя полетят перья.

Джон стремительно атаковал.

Гремучая Рубашка сделал шаг назад и встретил нападавшего ударом двуручного меча. Если бы Джон не успел выставить вперед щит, то удар разбил бы его нагрудник, переломав половину ребер. Сила удара заставила его пошатнуться, отозвавшись болью в руке. «*Он бьет сильнее, чем я думал*». Его проворство оказалась ещё одним неприятным сюрпризом. Обмениваясь ударами, они кружили друг вокруг друга. Костяной Лорд держал удар так же хорошо, как и наносил. Казалось бы, двуручный меч должен быть более громоздким, чем длинный меч Джона, но одичалый управлялся с ним с ошеломляющей

скоростью.

Ученики Железного Эммета поначалу подбадривали Джона, но безжалостный напор атак Гремучей Рубашки заставил их замолчать. «*Долго он так продолжать не сможет*», — сказал себе Джон. Приняв на щит очередной удар, он крякнул. Даже затупленный, двуручный меч расколол щит и погнул его железный обод. «*Он скоро устанет. Он обязательно устанет*». Джон рубанул одичалого по лицу, Гремучая Рубашка откинул голову назад. Джон обрушил удар на нагрудник противника, но одичалый проворно взмахнул клинком. Двуручный меч со звоном врезался в наплечник Джона, а рука под ним онемела. Джон отпрянул. Костяной Лорд со сдавленным смехом последовал за ним. «*У него нет щита*, — напомнил себе Джон, — *и этот огромный меч не подходит для парирования. На каждый его удар я должен отвечать двумя*».

Только отчего-то у Джона это не получалось, а те удары, которые достигали цели, казалось, не имели никакого эффекта. Одичалый всегда успевал отскочить или уклониться в сторону, меч Джона только вскользь касался его плеча или руки. Вскоре он понял, что тратит больше сил, пытаясь отразить удары противника, и про-

пускает половину их. Его щит теперь годился только для растопки очага. Джон стряхнул его с руки. Пот струился по его лицу, заливая глаза под шлемом. «*Он слишком сильный и слишком быстрый*, — понял он, — *и с этим мечом у него передо мной преимущество*». Бой был бы совсем другим, будь у Джона Длинный Коготь, но…

Увидев, что одичалый вновь замахивается, Джон бросился вперед. Столкнувшись, они упали, их ноги запутались. Сталь ударила о сталь. Оба потеряли мечи и теперь катались по земле. Одичалый ударил Джона коленом между ног. Джон ответил ударом кулака в латной перчатке. Каким-то образом Гремучая Рубашка оказался сверху и схватил Джона за голову. Он ударил его о землю, затем откинул забрало его шлема.

— Будь у меня кинжал, у тебя бы стало одним глазом меньше, — прорычал он прежде, чем Конь и Железный Эммет оттащили его от лорда-командующего.

— Отпустите меня, проклятые вороны, — проревел он.

Джон поднялся на колено. В голове звенело, а рот наполнился кровью. Он сплюнул её и сказал:

— Хороший бой.

— Ты льстишь себе, ворона. Я даже не вспотел.

— В следующий раз вспотеешь, — сказал Джон. Скорбный Эдд поднял его на ноги и снял шлем. На нём появилось несколько новых вмятин.

— Отпустите его. — Джон бросил шлем Хоп-Робину, который тут же его уронил.

— Милорд, — сказал Железный Эдд, — он угрожал вам, мы все слышали. Он сказал, будь у него кинжал…

— У него есть кинжал. Вон там, на поясе.

«*Всегда есть кто-то быстрее и сильнее тебя,* — сказал однажды сир Родрик Джону и Роббу. — *И лучше встретиться с ним в учебном бою, чем на поле битвы*».

— Лорд Сноу, — прозвучал тихий голос.

Он повернулся и увидел Клидаса, стоящего под разрушенной аркой с письмом в руке.

— От Станниса? — Джон надеялся получить от короля послание. Он помнил, что Ночной Дозор не принимает ничью сторону. Для Джона не должно иметь никакого значения, какой король вышел победителем. И все же имело. — Из Темнолесья?

— Нет, милорд, — Клидас протянул ему пергамент. Он был туго скручен и запечатан розовым сургучом. Только в Дредфорте используют такой. Скинув перчатку, Джон сломал печать и достал

письмо. Увидев подпись, он забыл о своем поражении.

«*Рамси Болтон, Лорд Хорнвуда*», — было написано крупным заостренным почерком. Коричневые чернила отставали хлопьями, когда Джон провел по ним пальцем. Под росписью Болтона поставили свои печати и подписи лорд Дастин, леди Сервин и четверо Рисвеллов. Рядом кто-то грубо изобразил великана Дома Амберов.

— Скажите, что в письме, милорд? — спросил Железный Эммет.

Джон не видел причины скрывать правду.

— Ров Кейлин захвачен. Трупы железных людей с ободранной кожей висят на столбах вдоль Королевского тракта. Русе Болтон созывает знамена, чтобы поклясться в верности Железному трону и отпраздновать свадьбу своего сына с… — его сердце дрогнуло. «*Нет, этого не может быть. Она погибла в Королевской гавани вместе с отцом*».

— Лорд Сноу? — Тусклые покрасневшие глаза Клидаса смотрели на него с волнением. — Вам нехорошо? Вы кажется…

— Он женится на Арье Старк. Моей младшей сестре, — её образ предстал перед ним — вытянутое испачканное лицо, угловатые движения,

острые локти и колени, спутанные волосы. Конечно, всё что нужно отмоют и расчешут, но он не мог представить Арью в свадебном платье и уж тем более в постели с Рамси Болтоном. Неважно, насколько она напугана, она никогда этого не покажет. Если он попытается поднять на неё руку, она ответит ему тем же.

— Ваша сестра, — сказал Железный Эммет, — сколько ей?

«*Сейчас ей одиннадцать*, — подумал Джон, — *она еще ребенок*».

— У меня больше нет сестры. Только братья. Только вы.

Леди Кейтилин была бы рада услышать от него такой ответ. Но от этого произнести подобное было не легче. Его пальцы сжали пергамент. «*Если бы я мог с той же легкостью сдавить горло Рамси Болтона*».

Клидас откашлялся.

— Ответ будет?

Джон покачал головой и ушел.

К вечеру синяки, подаренные ему Гремучей Рубашкой, побагровели.

— Потом они пожелтеют и исчезнут, — сказал он ворону Мормонта, — я стану жёлтым, как сам Костяной Лорд.

– *Костяной*, — согласилась птица, — *костяной, костяной*.

Он услышал отдаленный гул голосов, доносившийся с улицы — слишком тихий, чтобы разобрать слова. «*Как будто они за тысячу лиг отсюда*». Это была леди Мелисандра со своими последователями у ночного кострища. Каждый вечер на закате красная женщина обращалась с вечерней молитвой к своему красному богу с просьбой внять их призывам во тьме. «*Ибо ночь темна и полна ужасов*». Когда большинство людей королевы ушло вместе со Станнисом, её паства поредела: полсотни одичалых из Кротового городка, несколько рыцарей из охраны, оставленных ей королем, и около дюжины чёрных братьев, принявших её красного бога.

Джон чувствовал себя дряхлым, словно шестидесятилетний старик. «*Тёмные сны*, — думал он, — *и чувство вины*». Его мысли всё время возвращались к Арье. «*Я ничем не могу помочь ей. Я отказался от семьи, принеся клятву. Если бы один из братьев сказал мне, что его сестра в опасности, я бы ответил, что его это больше не касается*». Дав присягу, твоя кровь становится чёрной. «*Чёрной, как сердце бастарда*». Однажды он попросил Миккена выковать для Арьи бре-

терский меч, лёгкий, как раз для ее руки. «*Игла*». Интересно, сохранила ли она её.

«*Коли острым концом*», — сказал он ей. Но если она попытается проткнуть Бастарда, это будет стоить ей жизни.

– *Сноу*, — пробормотал ворон Лорда Мормонта, — *Сноу*, *Сноу*.

Внезапно стало просто невыносимо.

За дверью он нашел Призрака, старавшегося разгрызть бычью кость и добраться до костного мозга.

— Когда ты вернулся? — лютоволк поднялся, оторвавшись от кости. В дверях, опёршись на копья, стояли Малли и Кегс.

— Там ужасно холодно, м'лорд, — предупредил сквозь рыжую бороду Малли, — вы надолго?

— Нет, просто подышу свежим воздухом, — Джон вышел в ночь.

На небе высыпали звезды, и вдоль Стены гулял ветер. Казалось, даже луне было холодно, и она покрылась гусиной кожей. При первом же ледяном дуновении ветра, пробравшемся сквозь все слои шерсти и кожи, Джон застучал зубами. Он прошёл во двор, навстречу укусам ветра. Плащ на плечах громко захлопал. Призрак шел следом. «*Куда я иду? Что я делаю*?» В Чёрном Замке было

спокойно и тихо, его коридоры и башни покоились во тьме. «*Мой пост*, — подумал Джон, — *мой дом, моя служба. Всё обратилось в руины*.

В тени Стены лютоволк потёрся о его пальцы. На мгновение ночь ожила тысячей запахов, и Джон услышал хруст ледяной корки на лежалом снегу. Кто-то стоит за спиной, внезапно понял он. Кто-то, пахнущий теплом летнего дня.

Обернувшись, он увидел Игритт.

Она стояла у сгоревшей башни Лорда-командующего, окутанная дымкой тьмы и воспоминаний. Лунный свет освещал её поцелованные огнем рыжие волосы. Сердце Джона едва не выпрыгивало из груди.

— Игритт, — произнес он.

— Лорд Сноу, — голос принадлежал Мелисандре.

Он отпрянул от удивления.

— Леди Мелисандра, — он сделал шаг назад, — я перепутал вас с другим человеком.

«*Ночью любая одежда кажется серой*». Хотя её всё же была красной. Он не понимал, как мог принять её за Игритт. Леди Мелисандра была выше, стройнее и старше, хотя лунный свет и омолодил её. Воздух, выдыхаемый красной женщиной, становился туманом, а от её обнаженных

рук в ночном воздухе струился пар.

— Вы себе пальцы отморозите, — предупредил Джон.

— Если на то будет воля Рглора. Силы Ночи не тронут того, в чьём сердце горит святое пламя.

— Ваше сердце меня не волнует. Только руки.

— Сердце — единственное, что имеет значение. Не отчаивайся, лорд Сноу. Отчаяние — оружие врага, чьё имя запретно. Твоя сестра для тебя не потеряна.

— У меня нет сестры, — слова ранили, словно кинжалы. «*Что ты знаешь о моём сердце, жрица? Что ты знаешь о моей сестре*?»

Мелисандра развеселилась:

— И как же её зовут, эту младшую сестру, которой у тебя нет?

— Арья, — хрипло прозвучал его голос, — она моя сводная сестра.

— Да, ведь ты бастард. Я не забыла. Я видела твою сестру в своём огне, убегающую от уготованной ей свадьбы. Сюда, к тебе. Девочка в серых одеждах на умирающей лошади, я видела это ясно, как днем. Этого ещё не случилось, но так будет, — она посмотрела на Призрака, — Могу я прикоснуться к твоему... волку?

Это встревожило Джона:

— Лучше не стоит.

— Он не тронет меня. Ты зовешь его Призраком, верно?

— Да, но…

— Призрак, — нараспев произнесла Мелисандра.

Лютоволк осторожно подошел к ней. Он обошел её вокруг, принюхиваясь. Когда Мелисандра протянула руку, он обнюхал и её, а затем коснулся пальцев носом.

Джон вздохнул:

— Он не всегда такой…

— … тёплый? Тепло тянется к теплу, Джон Сноу, — её глаза казались двумя красными звездами, горящими в ночи. На шее блестел красный рубин, словно третий глаз, он был ярче других. Джон увидел, что глаза Призрака светились похоже, когда свет отражался в них.

— Призрак, — позвал он, — ко мне.

Лютоволк поглядел на него как на незнакомца.

Джон нахмурился:

— Как странно…

— Думаешь? — она наклонилась и почесала Призрака за ухом, — Ваша Стена — странное место, но здесь много силы, которой ты можешь воспользоваться. Сила в тебе и твоем звере. Отка-

завшись от неё, ты совершаешь большую ошибку. Прими её. Используй.

«*Я не волк*», — подумал он.

— И как же я это сделаю?

— Я могу тебе показать, — Мелисандра положила руку на Призрака, и он лизнул её в лицо. — Владыка Света создал нас разными в своей мудрости, мужчинами и женщинами, двумя половинами великого целого. В нашем соединении и есть сила. Сила давать жизнь. Сила создавать свет. Сила отбрасывать тени.

— Тени, — когда он произнес это слово, мир показался темнее.

— Каждый человек, ступающий по земле, отбрасывает тень в этот мир. Кто-то — короткую и слабую, а кто-то — длинную и тёмную. Обернись, Лорд Сноу. Луна поцеловала тебя и высекла во льду твою тень длиной в двадцать футов.

Джон бросил взгляд через плечо. Тень была здесь, как и было сказано, словно выгравированная на Стене в лунном свете. «*Девочка в серых одеждах на умирающей лошади, — подумал он, — едет сюда, к тебе. Арья*». Он повернулся обратно к красной жрице. Джон чувствовал её тепло. «*У неё есть сила*». Мысль пришла неожиданно, схватив его железной хваткой, но это была не та

женщина, перед которой он хотел бы оказаться в долгу, даже ради своей младшей сестры.

— Далла как-то сказала мне одну вещь. Сестра Вель, жены Манса Налётчика. Она говорила, что волшебство — это меч без рукояти. Нельзя взять его, не поранившись.

— Мудрая женщина, — Мелисандра поднялась, её красные одежды трепетали на ветру. — Меч без рукояти всё равно остается мечом, а меч — отличное оружие против врагов. Послушай меня, Джон Сноу. Девять ворон полетели в белый лес, чтобы найти твоих врагов. Трое из них мертвы. Они ещё не умерли, но их поджидает смерть, и они скачут ей навстречу. Ты послал их, чтобы они были твоими глазами во тьме, но они вернутся к тебе без глаз. Я видела их бледные мёртвые лица в своем пламени. Пустые глазницы, кровавые слезы, — она откинула свои красные волосы, глаза её светились красным. — Ты мне не веришь. Но увидишь сам. И это прозрение будет стоить ровно три жизни. Небольшая цена за мудрость, скажу я тебе… Но не только ты её платишь. Вспомни это, когда увидишь слепые изуродованные лица своих мертвецов. И когда это случится — прими мою помощь, — дымка окутывала её бледную кожу, на мгновение показалось, что между её пальцев

плясало тусклое колдовское пламя. — Прими мою помощь, — повторила она, — и позволь мне спасти твою сестру.

Глава 29. Давос

Даже во мраке Волчьего Логова Давос Сиворт чувствовал, что этим утром что-то идёт не так.

Он проснулся от звука голосов и подкрался к двери своей камеры, но из-за толщины дерева не смог разобрать ни слова. Наступил рассвет, но Гарт не принёс ему кашу, которую давали на завтрак каждый день. Это его обеспокоило. В Волчьем Логове все дни одинаковы, а любая перемена не сулила ничего хорошего. «*Может, сегодня я умру. Вероятно, прямо сейчас Гарт сидит с оселком и оттачивает Леди Лу*».

Луковый рыцарь не забыл, что сказал ему напоследок Виман Мандерли.

«*Бросьте эту тварь в Волчье Логово и отрубите ему голову и руки. Я хочу, чтобы их принесли мне прежде, чем я приступлю к трапезе*, — приказал жирный лорд. — *Я не смогу проглотить ни крошки, пока не увижу на пике голову этого контрабандиста с торчащей из его лживого рта луковицей*».

Каждую ночь он засыпал с этими словами и каждое утро с ними же и пробуждался. А если

случалось забыть, Гарт всегда с удовольствием напоминал. Давоса он прозвал «мертвецом». Приходя утром, Гарт всегда произносил:

— Вот, каша для мертвеца.

А на ночь он говорил:

— Задуй свечу, мертвец.

Однажды Гарт пришёл со своими дамами, чтобы представить их мертвецу.

— Шлюха не очень хороша собой, — сказал он, поглаживая прут из холодного чёрного железа, — но если я раскалю её докрасна и позволю коснуться твоего члена, ты начнёшь звать свою мамочку. А вот и моя Леди Лу. Это она заберёт твою голову и руки, когда лорд Виман прикажет.

Давос никогда не видел топора больше и острее Леди Лу. Другие надзиратели болтали, что Гарт натачивал её целыми днями. «*Я не стану молить о пощаде*», — Давос решил пойти на смерть как рыцарь, попросив лишь о том, чтобы голову отрубили прежде рук. Он надеялся, что Гарт не настолько жесток, чтобы отказать ему в этом.

Из-за двери доносились слабые и приглушённые звуки. Давос поднялся и прошёлся по камере. По сравнению с обычными, эта была большой и, как ни странно, даже уютной. Он подозревал, что когда-то она служила опочивальней како-

му-то лорду. Помещение было втрое больше его капитанской каюты на «Чёрной Бете» и даже просторнее каюты Салладора Саана на «Валирийке». И хотя единственное окно давно заложили камнями, камера до сих пор могла похвастаться очагом, достаточно вместительным, чтобы поставить в него котёл. Также имелся и нужник, встроенный в угол стены. Из грубо отёсанных досок, покрывавших пол, торчали щепки, а тюфяк вонял плесенью, но эти неудобства были мелочью в сравнении с тем, чего ожидал Давос.

Еда его тоже удивила. Вместо баланды, чёрствого хлеба и гнилого мяса — обычной тюремной пищи — ему приносили свежевыловленную рыбу, ещё тёплый хлеб, баранину со специями, репу, морковь и даже крабов. Гарт был от этого не в восторге.

— Мёртвый не должен питаться лучше живого, — сетовал он, и не единожды.

У Давоса были меха, чтобы не мёрзнуть по ночам, дрова, чтобы поддерживать огонь, чистая одежда и сальная свеча. Когда он попросил бумагу, перо и чернила, Терри принёс всё на следующий день. Когда он попросил книгу, чтобы совершенствоваться в чтении, Терри вернулся с «Семиконечной Звездой».

Но, несмотря на все удобства, тюрьма оставалась тюрьмой. Её стены были сложены из массивных камней — столь толстых, что он не слышал ни звука снаружи. Дубовая дверь была обита железом, и его надзиратели запирали её на засов. Четыре тяжёлых железных цепи свисали с потолка в ожидании того дня, когда лорд Мандерли решит заковать его и отдать Шлюхе на растерзание. «*Быть может, сегодня именно такой день. Возможно, в следующий раз Гарт откроет дверь не затем, чтобы принести мне кашу*».

В животе заурчало — верный признак того, что утро прошло, а еды всё не было. «*Худшее в этом не сама смерть, а то, что не знаешь когда или как она придёт*». В свою бытность контрабандистом Давос повидал тюрьмы и подземелья, но он делил их с другими узниками, так что всегда было с кем поговорить, поделиться своими страхами и надеждами. Но только не здесь. В Волчьем Логове Давос Сиворт оставался наедине со своими надзирателями.

Он знал, что в подвале замка была и настоящая тюрьма — подземные темницы, камеры пыток и сырые карцеры, где в темноте скреблись огромные чёрные крысы. Тюремщики рассказывали,

что все помещения сейчас свободны.

— Здесь только мы, Лук, — сказал ему главный надзиратель, сир Бартимус — одноногий, слепой на один глаз рыцарь с обезображенным шрамами мертвенно-бледным лицом. Напиваясь — а пьян сир Бартимус был почти каждый день — он любил хвастать тем, что спас жизнь лорду Виману в Битве у Трезубца. Волчье Логово было его наградой.

В остальном это «мы» состояло из повара, которого Давос никогда не видел, шести стражников в казармах на первом этаже, пары прачек и двух тюремщиков, следивших за узником. Младшим из них был Терри — сын одной из прачек, парнишка четырнадцати лет. Старшим — Гарт, огромный, лысый и немногословный мужчина. Каждый день надзиратель надевал одну и ту же грязную кожаную безрукавку, а на его лице, казалось, навеки застыла сердитая мина.

Годы жизни контрабандиста научили Давоса видеть людей насквозь, и он понимал, что Гарт — дурной человек. Луковый рыцарь старался поменьше говорить в его присутствии. С Терри и сиром Бартимусом он был не так молчалив: благодарил за еду, поощрял их рассказывать о себе и своих чаяниях, вежливо отвечал на вопросы тю-

ремщиков и никогда излишне не обременял их своими. Когда он просил о чём-то, это всегда была какая-нибудь мелочь: лохань с водой и кусочек мыла, книга, чтобы почитать, побольше свечей. Большинство его просьб удовлетворяли, за что Давос испытывал искреннюю благодарность.

О лорде Мандерли, короле Станнисе или Фреях никто из них не упоминал, зато рассказывали о других вещах. Терри, как подрастёт, хотел отправиться на войну, чтобы стать рыцарем и сражаться. Ещё он любил жаловаться на свою мать. По его словам, она спала с двумя стражниками. Мужчины служили в разных караулах, и никто из них не подозревал о сопернике, но когда-нибудь кто-то из них прознает об этом, и дело дойдёт до кровопролития. Иногда ночью парень даже приносил в камеру мех с вином и за выпивкой расспрашивал Давоса о жизни контрабандиста.

Сира Бартимуса не интересовал окружающий мир или вообще хоть что-нибудь, произошедшее после того, как он потерял ногу по вине сбросившей его лошади и мейстерской пилы. Но он полюбил Волчье Логово, и ничто не доставляло ему большего удовольствия, чем рассказывать долгую и кровавую историю этого места. Рыцарь

поведал Давосу, что Логово намного древнее Белой Гавани. Его построил Джон Старк, чтобы защитить устье Белого Ножа от морских разбойников. Это место принадлежало многим родственникам короля севера — младшим сыновьям, братьям, дядьям, кузенам. Некоторые передавали замок своим сыновьям, внукам или побочным ветвям, которые пошли от дома Старков. Грейстарки продержались дольше всех, владея Волчьим Логовом в течение пяти столетий, пока не решили присоединиться к восстанию Дредфорта против Старков из Винтерфелла.

После их падения замок прошёл через много рук. В течение столетия им владел род Флинтов, Локи — почти два. Здесь правили, поддерживая порядок на реке по поручению Винтерфелла, Слэйты, Лонги, Холты и Эшвуды. Однажды крепость захватили разбойники из Трёх Сестер, сделав её своим оплотом на севере. Во время войн между Винтерфеллом и Долиной твердыню осадил Старый Сокол Осгуд Аррен, а сжёг — его сын, прозванный Когтем. Когда старый король Эдрик Старк стал слишком слаб, чтобы защитить своё королевство, Волчье Логово захватили работорговцы со Ступеней. Прежде чем увезти за море,

они клеймили пленников раскалённым железом и пороли плетьми, и эти же самые чёрные каменные стены были тому свидетелями.

— Потом пришла суровая и долгая зима, — продолжал сир Бартимус. — Белый Нож глубоко промёрз, даже устье покрылось льдом. Задувшие северные ветра заставили работорговцев ютиться внутри, у костров. А пока они грелись, на них напал новый король. То был Брандон Старк по прозвищу Ледяной Взгляд — правнук Эдрика Снежной Бороды. Он отвоевал Волчье Логово, раздел работорговцев догола и отдал рабам, которых нашёл закованными в подземельях. Говорят, они развесили кишки бывших хозяев на ветвях сердце-древа как подношение богам. Старым богам, не этим новым, пришедшим с юга. Ваши Семеро не знают зиму, а зима не знает их.

Давос не мог отрицать правоту этих слов. Помня то, что он повидал в Восточном Дозоре у Моря, ему тоже не хотелось узнать зиму.

— В каких богов вы верите? — спросил он одноногого рыцаря.

— В старых. — Когда сир Бартимус ухмылялся, его лицо походило на голый череп. — Мои предки жили здесь до прихода Мандерли. Наверняка, мои родичи были среди тех, кто развешивал те

кишки на дереве.

— Я не знал, что северяне приносят кровавые жертвы своим сердце-древам.

— Вы, южане, много чего не знаете о севере, — ответил сир Бартимус.

Он был прав. Давос сел у свечи и посмотрел на письма, которые нацарапал слово за словом во время своего заточения.

«*Я был лучшим контрабандистом, чем рыцарем,* — писал он своей жене, — *лучшим рыцарем, чем королевским Десницей, лучшим Десницей, чем мужем. Мне очень жаль. Мария, я любил тебя. Пожалуйста, прости меня за то зло, что я тебе причинил. Если Станнис проиграет в этой войне, наши земли тоже будут потеряны. Отвези мальчиков через Узкое Море в Браавос и научи их не думать обо мне дурно, если сумеешь. В случае, если Станнис получит Железный Трон, род Сиворт-тов выживет и Деван останется при дворе. Он поможет тебе пристроить других ребят к знатным лордам, где они смогут служить пажами и оруженосцами и станут рыцарями*».

Это был лучший совет, который он мог ей дать, но ему хотелось бы, чтобы он прозвучал мудрее.

Давос написал каждому из троих оставшихся у него сыновей, чтобы помочь детям запомнить

отца, который заплатил собственными пальцами за возможность дать им имена. Его письма к Стеффону и юному Станнису были краткими, чопорными и нескладными. По правде говоря, он знал их хуже, чем старших мальчиков, которые сгорели или утонули на Черноводной. Девану он написал больше, рассказал, как гордится тем, что его сын служит оруженосцем короля, и напомнил, что его долг, как старшего, защищать свою леди-мать и младших братьев.

«*Передай его величеству, что я сделал всё, что мог,* — закончил он. — *Мне жаль, что я подвёл его. Я потерял свою удачу вместе с костяшками в тот день, на горящей реке у Королевской Гавани*».

Давос медленно просмотрел письма, перечитывая каждое по несколько раз, раздумывая, не стоит ли заменить или добавить какое-нибудь слово. По мнению Давоса, у человека должно быть что сказать, когда он стоит на пороге смерти, но слова давались ему с трудом. «*Моя жизнь была не такой уж плохой,* — старался он убедить себя. — *Я поднялся из Блошиного Конца до титула королевского Десницы, я научился читать и писать*».

Он всё ещё сидел, сгорбившись над письмами,

когда услышал, как гремят в замке железные ключи. Мгновение спустя дверь камеры распахнулась.

Вошедший — высокий измождённый человек с испещрённым морщинами лицом и копной бурых волос — не принадлежал к числу его тюремщиков. На его бедре висел длинный меч, а ярко-красный плащ скреплялся на плече массивной серебряной брошью в виде рыцарской перчатки, сжатой в кулак.

— Лорд Сиворт, — произнёс мужчина, — у нас мало времени. Пожалуйста, следуйте за мной.

Давос настороженно оглядел незнакомца. Его смутило это «пожалуйста». Людям, которые вот-вот лишатся головы и рук, не часто оказывают подобные любезности.

— Кто вы?

— Роберт Гловер, если угодно милорду.

— Гловер. Ваши владения — Темнолесье.

— Владения моего брата Галбарта. Были и остаются ими благодаря вашему королю Станнису. Он отобрал Темнолесье у захватившей его железной суки и предлагает вернуть законным владельцам. Пока вы находились в заключении в этих стенах, лорд Давос, много чего случилось. Ров Кейлин пал, а Русе Болтон вернулся на север

с младшей дочерью Неда Старка. С ним пришло войско Фреев. Болтон послал воронов, созывая всех северных лордов в Барроутон. Он требует принесения присяги и заложников… И свидетелей на свадьбу Арьи Старк и его бастарда Рамси Сноу. Благодаря этому браку Болтоны собираются заявить о своих правах на Винтерфелл. Так вы пойдёте со мной или нет?

— А какой у меня выбор, милорд? Идти с вами или остаться с Гартом и Леди Лу?

— Кто эта Леди Лу? Одна из прачек? — Гловер начинал терять терпение. — Я всё объясню, если вы пойдёте.

Давос поднялся.

— Если мне суждено умереть, молю милорда позаботиться о том, чтобы мои письма были доставлены.

— Даю слово… Но если вы и умрёте, то не от руки Гловера или лорда Мандерли. Теперь поспешим. За мной.

Гловер провёл его через тёмный зал, а потом — вниз по стёртым ступеням. Они пересекли замковую богорощу, где росло огромное сердцедрево, чьи ветви переплелись в невообразимый клубок. Вырастая, дерево задушило все дубы, вязы и берёзы и протянуло свои толстые сучья через

выходящие на него стены и окна. Его корни были толщиной с человеческий торс, ствол — таким широким, что вырезанное на нём лицо казалось одутловатым и сердитым. За чардревом Гловер открыл проржавевшую железную калитку и остановился, чтобы зажечь факел. Когда тот хорошенько разгорелся, мужчина повёл Давоса вниз по ступеням в сводчатый подвал с влажными стенами, покрытыми белой соляной коркой. Под ногами на каждом шагу хлюпала морская вода. Они прошли через несколько подвалов, рядов сырых вонючих клетушек, совсем непохожих на место, где содержался Давос. Потом перед ними оказалась глухая каменная стена, но стоило Гловеру нажать на неё, как та повернулась, открыв их взгляду длинный узкий туннель с ещё большим числом ступеней, на сей раз ведущих наверх.

— Где мы? — спросил Давос, когда они поднимались. Его слова слабо отдавались эхом в темноте.

— Лестница под лестницей. Проход идёт под замковой лестницей к Новому Замку. Потайной ход. Лучше, чтобы вас не видели, милорд. Предполагается, что вы мертвы.

«*Каша для мертвеца*».

Давос взбирался по лестнице.

Они прошли через ещё одну стену, обшитую досками и оштукатуренную с обратной стороны. Комната за ней оказалась тёплой, уютной и хорошо обставленной. На полу лежал мирийский ковёр, на столе горели восковые свечи. Где-то неподалёку слышались звуки труб и скрипок. На стене висела овечья шкура с картой севера, краски на изображении потускнели. Под картой сидел Виман Мандерли — громадный лорд Белой Гавани.

— Пожалуйста, садитесь.

Лорд Мандерли был облачен в роскошный бархатный дублет мягких сине-зелёных тонов, отделанный золотой нитью по краям, на вороте и рукавах. Горностаевый плащ скреплялся на плече золотым трезубцем.

— Вы голодны?

— Нет, милорд. Ваши тюремщики хорошо меня кормили.

— Есть вино, если хотите.

— Милорд, мой король поручил мне вести с вами переговоры. Я не должен с вами выпивать.

Лорд Виман вздохнул.

— Знаю, что обошёлся с вами весьма постыдно. У меня были на то свои причины, но, пожалуйста, сядьте и выпейте, прошу вас. Выпейте за благо-

получное возвращение моего мальчика. Вилис — мой старший сын и наследник. Он дома. Вы слышите звуки праздничного пира. В Чертоге Водяного вкушают пирог с миногами и оленину с жареными каштанами. Винфрид танцует со своим наречённым Фреем. Остальные Фреи произносят тосты за нашу дружбу.

Кроме музыки Давос слышал невнятный гомон множества голосов, стук кубков и блюд. Он промолчал.

— Я только что пришёл с высокого стола, — продолжил лорд Виман. — Я, как всегда, слишком много съел, а вся Белая Гавань знает, что с животом у меня просто беда. Будем надеяться, моих друзей Фреев не обеспокоит затянувшийся визит в нужник.

Он перевернул чашу.

— Ну вот. Вы будете пить, а я нет. Присядьте. Времени мало, а нам нужно многое обсудить. Роберт, вина Деснице, будь добр. Лорд Давос, вы, возможно, не в курсе, но вы мертвы.

Роберт Гловер наполнил чашу вином и предложил Давосу. Тот понюхал и выпил.

— И как же я умер, позвольте узнать?

— От топора. Ваши руки и голова выставлены на Тюленьих Воротах, лицом к гавани. К этому

времени вы хорошенько сгнили, хотя мы и окунули вашу голову в смолу до того, как насадить на пику. Говорят, чёрные вороны и морские птицы повздорили из-за ваших глаз.

Давос беспокойно поёрзал. Странное это чувство — быть мёртвым.

— Кто умер вместо меня, если угодно милорду?

— Какая разница? У вас обыкновенное лицо, лорд Давос. Надеюсь, вы не обиделись на мои слова. У этого человека были волосы и кожа того же цвета, нос похожей формы, два уха, неотличимые от ваших, длинная борода, которую можно было подстричь как у вас. Можете не сомневаться, мы хорошенько его просмолили, а луковица, засунутая ему в рот, исказила черты лица. Сир Бартимус позаботился о том, чтобы пальцы его левой руки стали такой же длины, как и ваши. Если вас это утешит, он был преступником. Его смерть принесла больше добра, чем он сделал за всю свою жизнь. Милорд, я не желаю вам зла. Ненависть, изображённая мной в Чертоге Водяного, всего лишь представление для наших друзей Фреев.

— Милорду стоило стать лицедеем, — сказал Давос. — Вы и ваши люди были весьма убедительны. Ваша невестка как будто всерьёз желала мне смерти, а маленькая девочка…

— Вилла, — улыбнулся лорд Виман. — Вы заметили, какой храброй она была? Даже когда я угрожал вырвать ей язык, она напомнила мне о долге Белой Гавани по отношению к Старкам из Винтерфелла, о долге, который никогда не будет уплачен. Вилла говорила от чистого сердца, как и леди Леона. Простите её, если можете, милорд. Она глупая, напуганная женщина, а мой мальчик, Вилис — смысл её жизни. Не каждый мужчина в душе Эйемон Драконий Рыцарь или Симеон Звездоглазый, и не каждая женщина так же отважна, как моя Вилла и её сестра Винфрид… Которая обо всём знала и всё же бесстрашно сыграла свою роль.

— Когда имеешь дело с обманщиками, даже честному человеку приходится лгать. Я не осмеливался бросить вызов Королевской Гавани до тех пор, пока мой последний оставшийся в живых сын находился в плену. Лорд Тайвин Ланнистер сам написал мне, что Вилис у него. Он сказал, что для того, чтобы вернуть его целым и невредимым, я должен раскаяться в измене, сдать город, присягнуть мальчишке-королю на Железном Троне… И преклонить колено перед Русе Болтоном, новоявленным Хранителем Севера. Стоило мне отказаться, и Вилис умер бы как

предатель, Белую Гавань взяли бы приступом и разграбили, а моих людей постигла бы участь Рейнов из Кастамере.

— Я толст, и многие считают, что из-за этого я глуп и слаб. Быть может, Тайвин Ланнистер был одним из таких людей. В ответ я послал ему ворона с сообщением, что преклоню колено и открою мои ворота *после* возвращения сына, но не раньше. Так обстояло дело, когда умер Тайвин. Потом объявились Фреи с костями Вендела… По их словам, чтобы заключить мир и скрепить его браком. Но я не собирался давать им то, что они хотят, до возвращения Вилиса, целого и невредимого, а они не собирались отдавать Вилиса, пока я не докажу свою преданность. Ваше появление позволило мне это сделать. Вот в чём причина моего грубого обращения с вами в Чертоге Водяного, вот почему голова и руки гниют над Тюленьими Воротами.

— Вы сильно рисковали, милорд, — произнёс Давос. — Если бы Фреи разгадали ваш обман…

— Я вовсе не рисковал. Если бы Фреи взяли на себя труд взобраться на мои ворота, чтобы внимательно рассмотреть человека с луковицей во рту, я бы обвинил своих тюремщиков в ошибке и показал вас, чтобы их успокоить.

У Давоса по спине пробежал холодок.

— Понимаю.

— Надеюсь на это. Мне сказали, у вас тоже есть сыновья.

«*Трое*, — подумал Давос, — *хотя было семь*».

— Вскоре мне придётся вернуться на пир, чтобы провозгласить тост в честь моих друзей Фреев, — продолжал Мандерли. — Они следят за мной, сир, приглядывают днём и ночью, пытаясь учуять малейший душок предательства. Вы видели их: высокомерного сира Джареда и его племянника Рейегара — этого нахального червяка, называющегося именем дракона. За ними стоит Саймонд, звенящий монетами. Этот платит нескольким моим слугам и двум рыцарям. Одна из служанок его жены пролезла в постель моего собственного шута. Если Станнис задаётся вопросом, почему мои письма столь сухие, то это лишь потому, что я не могу доверять даже своему мейстеру. Теомор больше внимает голосу разума, чем сердца. Вы слышали его в моём чертоге. Предполагается, что, надевая цепь, мейстеры отказываются от старых привязанностей, но я не могу забыть, что Теомор родился Ланнистером из Ланниспорта и приходится дальним родственником Ланнистерам с Кастерли Рок. Меня окружают враги и

мнимые друзья, лорд Давос. Они наводнили мой город, как тараканы, и ночью я чувствую, как они ползают по мне.

Пальцы толстяка сжались в кулак, а подбородки задрожали.

— Мой сын пришёл в Близнецы как гость. Он отведал хлеба и соли лорда Уолдера и повесил свой меч на стену, чтобы пировать с друзьями. А они убили его. *Убили* — говорю я, и пусть Фреи подавятся своими баснями. Я пью с Джаредом, шучу с Саймондом, обещаю Рейегару руку своей любимой внучки… Но не думайте, будто это значит, что я забыл. Север помнит, лорд Давос. Север помнит, а представление почти окончено. Мой сын дома.

Что-то в словах лорда Вимана заставило Давоса вздрогнуть.

— Если вы хотите справедливости, милорд, взгляните на короля Станниса. Нет никого справедливей его.

Вмешался Роберт Гловер:

— Ваша преданность делает вам честь, милорд, но Станнис Баратеон остаётся вашим королём, не нашим.

— Ваш король мёртв, — напомнил им Давос. — Убит на Красной Свадьбе вместе с сыном лорда

Вимана.

— Молодой Волк мёртв, — согласился Мандерли, — но этот отважный мальчик был не единственным сыном лорда Эддарда. Роберт, приведи парня.

— Сейчас, милорд.

Гловер выскользнул за дверь.

«*Парень*?» Возможно ли, что один из братьев Робба Старка пережил гибель Винтерфелла? Может Мандерли прячет наследника Старков в своём замке? «*Найдёныш или подставной мальчик*?» Давос рассудил, что север пошёл бы за любым из них… Но Станнис Баратеон не будет иметь дела с самозванцем.

Парнишка, вошедший в дверь за Робертом Гловером, не был Старком и не мог даже надеяться сойти за него. Он был взрослее убитых братьев Молодого Волка, по виду лет четырнадцати-пятнадцати, а его глаза казались и того старше. Из-под шапки спутанных тёмно-каштановых волос выглядывало дикое, точно звериная мордочка, лицо с широким ртом, острыми носом и подбородком.

— Кто ты? — спросил Давос.

Мальчик глянул на Роберта Гловера.

— Он немой, но мы обучаем его грамоте. Он

схватывает всё на лету.

Гловер вытащил кинжал из-за пояса и дал юноше.

— Напиши своё имя для лорда Сиворта.

В комнате не оказалось пергамента. Мальчик вырезал буквы на деревянной перекладине на стене: *В…Е…К…С.* Он с силой нажал на кинжал на последней букве. Закончив, Векс подбросил кинжал, поймал и стал любоваться своей работой.

— Векс — железнорождённый. Он служил оруженосцем Теона Грейджоя. Векс был в Винтерфелле, — Гловер присел. — Что известно лорду Станнису о случившемся в замке?

Давос припомнил истории, которые они слышали.

— Винтерфелл захватил Теон Грейджой, который когда-то был воспитанником лорда Эддарда. Он убил двух младших сыновей Старка и выставил их головы над замковыми стенами. Когда северяне пришли изгнать его, он вырезал весь замок, вплоть до последнего ребёнка, а потом сам был убит бастардом лорда Болтона.

— Не убит, — сказал Гловер. — Пленён и увезён в Дредфорт. Бастард сдирает с него кожу.

Лорд Виман кивнул.

— Мы все слышали историю, что вы расска-

зали, в ней столько же лжи, сколько в пудинге — изюма. Это Бастард Болтона вырезал обитателей Винтерфелла… Тогда он звался Рамси Сноу, пока мальчишка-король не сделал его Болтоном. Сноу не всех убил. Он пощадил женщин: связал их и увёл в Дредфорт, чтобы поохотиться.

— Поохотиться?

— Он знатный охотник, — ответил Виман Мандерли, — а женщины — его любимая дичь. Он раздевает их догола, выпускает в лес и даёт полдня форы, прежде чем, трубя в рога, пойти по следу с гончими. Время от времени какой-нибудь женщине удаётся сбежать и рассказать о случившемся, но большинство не столь удачливы. Когда Рамси их настигает, то насилует, свежует, отдаёт тела своим собакам и привозит кожу несчастных в Дредфорт в качестве трофея. Если они устраивают ему хорошую охоту, он перерезает им горло до того, как освежевать. В противном случае всё происходит в обратном порядке.

Давос побледнел.

— Боги смилуйтесь. Разве кто-то может…

— Зло у него в крови, — откликнулся Роберт Гловер. — Рамси — бастард, плод насилия. Он Сноу, и не важно, что там говорит мальчишка-король.

— Был ли когда-нибудь снег настолько чёрным?

— вопросил лорд Мандерли. — Рамси захватил земли лорда Хорнвуда, силой взял в жёны его вдову, потом запер в башне и забыл про неё. Говорят, перед смертью она ела собственные пальцы. И, следуя своим взглядам на королевскую справедливость, Ланнистеры наградили её убийцу маленькой девочкой Неда Старка.

— Болтоны всегда были столь же жестоки, сколь коварны, но этот — чудовище в человеческом обличье, — сказал Гловер.

Лорд Белой Гавани склонился вперёд.

— Фреи не лучше. Они говорят о варгах и оборотнях и утверждают, что это Робб Старк убил моего Вендела. Какая наглость! На самом деле они не надеются, что северяне поверят их выдумкам, но считают, что мы должны притворяться, что поверили, или умереть. Русе Болтон лжёт по поводу своей роли в Красной Свадьбе, а его бастард лжёт об уничтожении Винтерфелла. И всё же, пока они удерживали Вилиса, у меня не было иного выбора, кроме как хлебать всё это дерьмо и нахваливать.

— А теперь, милорд? — спросил Давос.

Он надеялся услышать, как лорд Виман скажет: «*А теперь я присягну на верность королю Станнису*». Но вместо этого толстяк улыбнулся странной

мимолётной улыбкой и произнёс:

— А теперь мне нужно ехать на свадьбу. Я слишком жирный, чтобы сесть на лошадь, как легко может заметить любой имеющий глаза. В детстве я любил кататься верхом, в юности держался в седле достаточно хорошо, чтобы порой срывать аплодисменты на турнирах, но те дни прошли. Моё тело стало тюрьмой более жуткой, чем Волчье Логово. И всё-таки я должен отправиться в Винтерфелл. Русе Болтон хочет, чтобы я преклонил колено. Под его бархатными манерами скрывается сталь. Я поеду на барже и на носилках в сопровождении сотни рыцарей и моих добрых друзей из Близнецов. Фреи добрались сюда морем. У них с собой нет лошадей, поэтому я дам каждому из них верховую лошадь в качестве гостевого дара. Хозяева на юге всё ещё вручают гостевые дары?

— Некоторые да, милорд. В день отъезда гостей.

— Тогда вы, быть может, меня поймете, — Виман Мандерли с трудом поднялся на ноги. — Я уже больше года строю боевые корабли. Некоторые вы видели, но большая их часть сокрыта в верховьях Белого Ножа. Даже учитывая понесённые потери, у меня всё ещё больше тяжёлой кавалерии, чем у

любого другого лорда к северу от Перешейка. Мои стены крепки, а в закромах полно серебра. Старый Замок и Вдовий Дозор последуют за мной. В число моих знаменосцев входят дюжина мелких лордов и сотня рыцарей-землевладельцев. Я могу гарантировать Станнису верность всех земель к востоку от Белого Ножа: от Вдовьего Дозора и Рамсгита до Бараньих Голов и верховьев Сломанной Ветви. Я обещаю исполнить всё это, если вы согласитесь на мою цену.

— Я могу сообщить ваши условия королю, но…

Лорд Виман прервал его:

— Я сказал, если *вы* согласитесь на мою цену. Не Станнис. Мне нужен не король, а контрабандист.

Роберт Гловер взял слово:

— Мы могли бы никогда не узнать всего, что произошло в Винтерфелле, когда сир Родрик Кассель попытался отнять замок у железных людей Теона Грейджоя. Бастард Болтона утверждает, что Грейджой убил сира Родрика во время переговоров. Векс говорит, что это не так. Пока он не выучит больше букв, мы не узнаем и половину правды… Но он пришёл к нам, зная «да» и «нет», а с этим можно многого добиться, если сумеешь задать правильные вопросы.

— Это Бастард убил сира Родрика и жителей

Винтерфелла, — сказал лорд Виман. — Он перебил и железных людей Грейджоя. Векс видел, как зарубили тех, кто хотел сдаться. Когда мы спросили его, как он выбрался, он взял кусочек мела и нарисовал дерево с лицом.

Давос обдумал его слова.

— Его спасли старые боги?

— Можно и так сказать. Он забрался на сердцедрево и спрятался среди листвы. Люди Болтона обыскали богорощу дважды и убили тех, кого там обнаружили, но никто не догадался влезть на дерево. Так всё было, Векс?

Парень подбросил кинжал Гловера, поймал и кивнул.

— Он долго сидел на дереве, спал в ветвях, не осмеливаясь спуститься. В конце концов, он услышал внизу голоса, — сказал Гловер.

— Голоса мёртвых, — произнёс Виман Мандерли.

Векс поднял пять пальцев, кольнул каждый кинжалом, потом загнул четыре из них и кольнул оставшийся ещё раз.

— Шестеро, — догадался Давос. — Их было шестеро.

— Двое из них были убитыми сыновьями Неда Старка.

— Как мог немой сказать такое?

— С помощью мела. Он нарисовал двух мальчиков… И двух волков.

— Парень — железнорождённый, поэтому решил, что лучше не показываться им на глаза, — сказал Гловер. — Он слушал. Шестеро ненадолго задержались в развалинах Винтерфелла: четверо пошли в одну сторону, двое в другую. Векс украдкой последовал за двумя: за женщиной и мальчиком. Ему приходилось держаться с подветренной стороны, чтобы волк его не учуял.

— Он знает, куда они направились, — заметил лорд Виман.

Давос понял.

— Вы хотите получить мальчика?

— У Русе Болтона дочь лорда Эддарда. Чтобы ему помешать, Белой Гавани нужен сын Неда… И лютоволк. Волк докажет, что мальчик на самом деле тот, кем мы его называем, если Дредфорт попытается оспорить его происхождение. Такова моя цена, лорд Давос. Провези контрабандой моего сюзерена, и я признаю Станниса Баратеона своим королём.

Старая привычка заставила Давоса Сиворта потянуться к шее. Его костяшки приносили ему удачу, а он почему-то чувствовал, что удача по-

требуется, чтобы выполнить то, о чём просит Виман Мандерли. Но костяшек там не оказалось, и он сказал:

— Вам служат люди и получше меня. Рыцари, лорды и мейстеры. Зачем вам нужен контрабандист? У вас есть корабли.

— Корабли-то есть, — согласился Мандерли. — Но мои люди — речники или рыбаки, никогда не заплывавшие дальше Челюстей. Для этого дела мне нужен человек, который плавал в более мрачных водах и знает, как ускользнуть от опасностей незамеченным и невредимым.

— Где мальчик? — Давос почему-то знал, что ответ ему не понравится. — Куда вы хотите, чтобы я отправился, милорд?

— Векс. Покажи ему, — сказал Роберт Гловер.

Немой подбросил кинжал, поймал, а потом метнул его в карту, изображённую на овечьей шкуре, украшавшей стену лорда Вимана. Кинжал вонзился в неё и задрожал. Потом парень осклабился.

На какое-то мгновение Давос задумался, не попросить ли Вимана Мандерли вернуть его назад, в Волчье Логово, к сиру Бартимусу с его историями и Гарту с его смертоносными дамами. В Волчьем Логове даже заключённые ели кашу

по утрам. Но есть в этом мире и такие места, где голод утоляют человеческой плотью.

Глава 30. Дейенерис

Каждое утро королева выходила на западные укрепления и считала паруса в Заливе Работорговцев.

Сегодня получилось двадцать пять, хотя некоторые из них были слишком далеко и, к тому же, двигались, так что трудно было назвать точное количество. Иногда она пропускала корабль или считала один и тот же дважды.

«*Какая разница? Для того чтобы задушить, нужны всего десять пальцев*».

Вся морская торговля прекратилась, и её рыбаки боялись даже высунуть нос в залив. Самые отчаянные все-таки ловили рыбу в реке, хотя и это было опасно, большинство же отсиживалось за сложенными из разноцветного кирпича стенами Миэрина.

В заливе были и миэринские корабли — боевые и торговые галеры, находившиеся в море во время первой осады города. Сейчас они вернулись и присоединились к флотам Кварта, Толоса и Нового Гиса.

Совет её адмирала оказался бесполезным, если

не сказать хуже.

— Спустите на них драконов, — предложил Гролео. — Пусть юнкайцы отведают драконьего огня — сразу очистят путь торговцам.

— Нас окружают корабли, а мой флотоводец только и знает, что говорить о драконах, — сказала Дени. — Ты адмирал или кто?

— Адмирал без кораблей.

— Так построй корабли.

— Боевые корабли из кирпича не построишь. А работорговцы выжгли все леса на двадцать миль от города.

— Тогда езжай на двадцать первую милю! Я дам тебе телеги, рабочих, мулов — всё, что понадобится.

— Я моряк, а не корабел. Меня отправили к вам с приказом привезти ваше величество назад в Пентос. Вместо этого вы завели нас сюда и разобрали мой «Садулеон» по досочке. Я больше никогда его не увижу. И возможно, никогда не увижу ни свой дом, ни старуху-жену. Это не я отказался от кораблей Даксоса. В конце концов, я не могу воевать с квартийцами на рыбацких лодках!

Его выпад встревожил королеву, и Дени даже какое-то время думала, не окажется ли седой пентошиец одним из предсказанных ей предателей.

«*Нет, он всего лишь несчастный и тоскующий по дому старик*».

— Но должны же мы хоть что-нибудь предпринять.

— Да, и я уже говорил, что именно. Все корабли сделаны из канатов, смолы и холстины, из квохорской сосны, соторосского тика, старых дубов Норвоса Великого, тиса, ясеня или ели. Одним словом, из дерева, ваше величество. А дерево горит. Драконы...

— Я не желаю больше слышать о моих драконах. Оставь меня. Иди, помолись своим пентошийским богам и попроси у них бурю, которая потопит наших врагов.

— Ни один моряк не станет просить богов о буре, ваше величество.

— Мне надоело слушать, чего ты не будешь делать. Ступай.

— Сейчас наши амбары полны, — напомнил оставшийся с ней сир Барристан, — и по приказу вашего величества были высажены бобы, виноград и пшеница. Ваши дотракийцы выгнали работорговцев с холмов и освободили их рабов от цепей. Так что бывшие невольники тоже занимаются посевами, а потом привезут свой урожай на рынок в Миэрин. И ещё у вас будет поддержка

лхазарян.

«*Даарио завоевал для меня их дружбу, чего бы это ему ни стоило*».

— Ягнячьи люди. Ах, если бы у ягнят были клыки!

— Тогда, несомненно, волки стали бы осторожнее.

Это её рассмешило.

— Как учатся ваши сироты, сир?

Старый рыцарь улыбнулся:

— Прекрасно, ваше величество. Спасибо, что спросили. — Мальчишки были его гордостью. — У четырёх или пяти есть все задатки будущих рыцарей. А может даже и всей дюжины.

— Хватило бы и одного, окажись он таким же, как вы.

Очень скоро может прийти день, когда ей понадобятся любые рыцари.

— Они смогут устроить для меня турнир? Я хотела бы посмотреть.

Визерис рассказывал ей о рыцарских состязаниях, которые посещал в Семи Королевствах. Сама же Дени никогда в жизни турнира не видела.

— Мальчики еще не готовы, ваше величество. Придет время, и они с удовольствием продемонстрируют вам свое искусство.

— Надеюсь, этот день близок.

Она поцеловала бы своего доброго рыцаря в щеку, но как раз в этот момент в дверях показалась маленькая наатийка.

— Чего тебе, Миссандея?

— Ваше величество, Скахаз просит аудиенции.

— Пригласи его.

Бритоголового сопровождали две Медных Твари: один в маске сокола, другой — с личиной шакала. Под медью были видны только глаза.

— Ваша лучезарность, прошлым вечером видели, как Хиздар вошел в пирамиду Жаков и покинул её лишь глубокой ночью.

— Сколько пирамид он уже посетил? — спросила Дени.

— Одиннадцать.

— И сколько дней прошло со времени последнего убийства?

— Двадцать шесть, — глаза Бритоголового сверкнули яростью. Он по своей инициативе послал Медных Тварей следить за нареченным женихом королевы и примечать все, что тот делает.

— Пока что Хиздар держит слово.

— Да, но каким образом? Дети Гарпии больше не берутся за оружие, а почему? Потому что бла-

городный Хиздар их вежливо попросил? Говорю вам, он один из них, вот почему они ему повинуются. Может, он и есть Гарпия.

— Если Гарпия вообще существует.

Скахаз был убежден, что в Миэрине у Детей Гарпии есть высокородный вожак — тайный полководец, повелевающий армией теней. Дени не разделяла его убеждения. Медные Твари отловили уже множество Детей Гарпии. Тех из них, кого оставили в живых, подвергали суровому допросу, и они сообщали имена... слишком много имен, на её взгляд. Отрадно было бы думать, что все смерти — работа одного-единственного врага, которого можно схватить и казнить, но Дени подозревала, что на самом деле все не так. «*Имя моим врагам — легион*».

— Хиздар зо Лорак умеет убеждать, и у него много друзей. Кроме того, он богат. Возможно, он купил это перемирие золотом или убедил других аристократов, что наш с ним брак в их же интересах.

— Если он и не Гарпия, то знает, кто это. Мне не составит труда выяснить истину. Разрешите подвергнуть Хиздара допросу, и я добьюсь от него признания.

— Нет, — сказала она, — не верю я этим при-

знаниям. Их у тебя слишком много, и все бесполезны.

— Ваша лучезарность...

— Нет, я сказала.

Бритоголовый насупился, что сделало его уродливое лицо еще безобразнее:

— Это ошибка. Великий господин Хиздар дурачит вашу милость. Неужели вы хотите уложить змею в собственную постель?

«*Кого я хочу уложить к себе в постель, так это Даарио. Но отослала его прочь ради себя и вас всех*».

— Продолжайте следить за Хиздаром зо Лораком, но не причиняйте ему никакого вреда. Слышишь меня?

— Я не глухой, ваше великолепие. Будет исполнено. — Скахаз вытянул из рукава пергаментный свиток. — Вашей милости стоит на это взглянуть. Это полный список миэринских кораблей и их капитанов, участвующих в морской блокаде. Все они — великие господа.

Дени изучила свиток. В нем значились все правящие семьи Миэрина: Хазкары, Мерреки, Кваззары, Жаки, Раздары, Газины, Палы, даже Резнаки и Лораки.

— И что мне с ним делать?

— У каждого капитана, упомянутого в этом списке, есть родня в городе. Сыновья и братья, жёны и дочери, матери и отцы. Прикажите моим Медным Тварям схватить их. Если жизнь заложников будет в ваших руках, то и корабли снова станут вашими.

— Если я пошлю Медных Тварей в пирамиды, это послужит сигналом к открытой войне в городе. Я должна доверять Хиздару и надеяться на мир.

Дени поднесла пергамент к свече и под сердитым взглядом Скахаза наблюдала, как сгорают в пламени имена.

Впоследствии сир Барристан признался королеве, что её брат Рейегар гордился бы ею. Дени вспомнилось, как когда-то в Астапоре сир Джорах сказал: «*Рейегар сражался отважно, благородно, по-рыцарски — и погиб*».

Спустившись в пурпурный мраморный зал, она обнаружила его почти пустым.

— Разве сегодня нет просителей? — спросила Дени Резнака мо Резнака. — Никто не молит о правосудии и не требует серебра за овцу?

— Нет, ваша милость. Горожане боятся.

— Им нечего бояться.

Но, как она узнала в тот же вечер, причин

для страха хватало с лихвой. Когда её юные заложники Миклаз и Кезмия подавали королеве скромный ужин, состоящий из осенних овощей и имбирного супа, Ирри доложила, что из храма вернулась Галазза Галар вместе с тремя Синими Милостями.

— С ними Серый Червь, кхалиси. Они просят о встрече и говорят, что это срочно.

— Проводи их в мой зал. И позови Резнака со Скахазом. Зеленая Милость сказала, о чём пойдёт речь?

— Об Астапоре, — ответила Ирри.

Рассказ начал Серый Червь:

— Он явился из утреннего тумана — умирающий всадник на бледной лошади. Кобылица, шатаясь, доковыляла до городских ворот. Её бока порозовели от крови и пены, а глаза выпучились от ужаса. Всадник закричал: «*Он горит, он горит*!» и рухнул из седла. Послали за вашим слугой, и он велел отнести всадника к Синим Милостям. Когда ваши слуги внесли умирающего за ворота, он снова воскликнул: «*Он горит*!». Позже мы обнаружили, что под токаром был сущий скелет — одни кости да истощенная лихорадкой плоть.

Следом продолжила одна из Синих Милостей:

— Безупречные отнесли вестника в храм, где мы его раздели и омыли холодной водой. Под покрытой грязью одеждой сестры обнаружили половину стрелы у него в бедре. Древко было обломано, но наконечник остался внутри, и рана омертвела, наполнив его кровь ядом. Мужчина умер менее чем через час, не переставая твердить: «*Он горит*».

— Он горит, — повторила Дейенерис. — Кто это «он»?

— Астапор, ваша лучезарность, — ответила другая Синяя Милость. — Один раз вестник произнес это: «*Астапор горит*».

— Возможно, за него говорила лихорадка.

— Ваша лучезарность мудры, — ответила Галазза Галар, — но Эззара видела кое-что ещё.

Синяя Милость по имени Эззара сложила руки.

— Моя королева, — прошептала она, — его хворь вызвала не стрела. Он опорожнился себе под ноги, и не единожды. Засохшая кровь вместе с испражнениями пятнами покрывала его ноги до колен.

— Серый Червь сказал, что его лошадь тоже была в крови.

— Это правда, ваше величество, — подтвердил евнух. — Бока бледной кобылицы кровоточили

от его шпор.

— Может, и так, ваша лучезарность, — сказала Эззара, — но эта кровь была перемешана с калом, и ею пропитались его штаны.

— У него было кровотечение из кишок, — добавила Галазза Галар.

— Наверняка сказать нельзя, — произнесла Эззара, — но, возможно, Миэрину надо опасаться кое-чего пострашнее, чем юнкайские копья.

— Мы должны молиться, — сказала Зеленая Милость. — Этого человека нам послали боги — он предвестник грядущего. Это знак.

— Знак чего? — спросила Дени.

— Знак гнева и разрушения.

Ей не хотелось в это верить.

— Это просто человек. Всего лишь один больной человек со стрелой в ноге. Его сюда принесла лошадь, а не боги.

«*Бледная кобылица*». Дени резко поднялась с места.

— Благодарю вас за совет и за всё, что вы сделали для этого несчастного.

Перед уходом Зеленая Милость поцеловала пальцы Дени.

— Мы будем молиться за Астапор.

«*И за меня. Молись за меня, госпожа*». Если

Астапор пал, юнкайцев уже ничто не удержит от наступления на север.

Она повернулась к сиру Барристану:

— Отправь в холмы конных гонцов, пусть найдут моих кровных всадников. Еще отзови Бурого Бена и Младших Сыновей.

— И Ворон-Буревестников, ваше величество?

«*Даарио*».

— Да, да. — Всего три ночи назад ей приснился Даарио, лежащий мертвым на обочине дороги. Он смотрел в небо невидящим взглядом, а воронье ссорилось над его трупом. В другие ночи она ворочалась в постели, воображая, что он её предал — как уже однажды поступил со своими товарищами — капитанами Ворон-Буревестников. «*Он принес мне их головы*». Что если Даарио увел свой отряд назад в Юнкай и продал её за горшок золота? «*Нет, он этого не сделает. Или сделает*?»

— И Ворон-Буревестников тоже. Немедленно пошлите за ними гонцов.

Первыми вернулись Младшие Сыновья — спустя восемь дней после того, как королева послала за ними. Когда сир Барристан доложил, что встречи с ней ждет капитан наёмников, Дени сперва решила, что это Даарио, и сердце едва не вы-

прыгнуло у неё из груди. Однако этим капитаном оказался Бурый Бен Пламм.

У Бурого Бена было морщинистое обветренное лицо с кожей цвета старого тика, седые волосы и морщины в углах глаз. Дени была так рада увидеть это смуглое загрубевшее лицо, что не сдержалась и обняла наемника. Он сощурился от удивления.

— Я слышал, ваше величество собирается выйти замуж, но никто мне не сказал, что женихом окажусь я.

Они дружно рассмеялись, в то время как Резнак ворчал себе под нос, но смех резко оборвался, когда Бурый Бен сказал:

— Мы поймали троих астапорцев. Вашей милости лучше послушать, что они скажут.

— Приведите.

Дейенерис приняла их во всем великолепии своего зала с зажжёнными свечами на мраморных колоннах. Увидев, что астапорцы умирают от голода, она тут же послала за едой. Из дюжины беженцев, вместе покинувших Красный Город, сюда добрались только трое: каменщик, ткачиха и сапожник.

— А что случилось с остальными вашими спутниками? — спросила королева.

— Убиты, — ответил сапожник. — По холмам к северу от Астапора бродят юнкайские наемники, выслеживая тех, кто бежал от огня.

— Так значит, город пал? У него были мощные стены.

— Так и было, — сказал каменщик, сутулый мужчина со слезящимися глазами. — Мощные, но старые и обветшалые.

Ткачиха подняла голову:

— Каждый день мы говорили друг другу, что драконья королева вернется. — У женщины было узкое лицо, тонкие губы и мёртвые пустые глаза. — Говорили, что Клеон послал за вами, и вы идете на помощь.

«*Он за мной посылал*, — подумала Дени, — *это, по крайней мере, правда*».

— Под нашими стенами юнкайцы уничтожали наши посевы и истребляли наши стада, — продолжил сапожник. — В городе начался голод. Мы ели кошек, крыс и кожу. Лошадиная шкура считалась настоящим лакомством. Король-Горлорез и Королева-Шлюха обвиняли друг друга в людоедстве. На тайных сборищах мужчины и женщины тянули жребий, и тех, кому доставался чёрный камень, убивали и съедали. Винившие во всех наших бедах Кразниса мо Наклоза разгромили и

сожгли его пирамиду.

— Другие обвиняли Дейенерис, — сказала ткачиха. — Но большинство жителей всё ещё любили вас. «*Она идёт*, — говорили мы друг другу. — *Она идёт во главе великого войска с едой для всех и каждого*».

«*Я едва могу прокормить мой собственный народ. Поведя армию в Астапор, я бы потеряла Миэрин*».

Сапожник рассказал им, как тело Короля-Мясника вытащили из гробницы и одели в медные доспехи, так как Зелёной Милости Астапора явилось видение, что он избавит свой народ от юнкайцев. Невыносимо смердящие останки Клеона Великого привязали на спину истощённой лошади, чтобы он повел на вылазку остатки своих новых Безупречных. Но это войско попало прямо в железные зубы легиона из Нового Гиса и полегло до последнего человека.

— После этого Зелёную Милость посадили на кол на площади Кары и оставили там умирать. Выжившие из пирамиды Ульгоров закатили великое пиршество, длившееся полночи, а последнее блюдо запили отравленным вином, чтобы наутро не проснуться. Потом началось моровое поветрие — кровавый понос убил в городе

ещё три четверти жителей, пока толпа умирающих не тронулась рассудком и не перебила стражу на главных воротах.

Старый кирпичник возразил:

— Нет, это была толпа здоровых людей, бегущих от мора.

— Да какая разница? — отмахнулся сапожник. — Стражу разорвали в клочья, а ворота распахнули настежь. Легионы Нового Гиса хлынули в Астапор, а за ними — юнкайцы и конные наёмники. Королева-Шлюха пала в бою с проклятием на устах. Король-Горлорез сдался захватчикам и был брошен в бойцовую яму, где его разорвали голодные псы.

— И даже тогда некоторые продолжали говорить, что вы идете, — вставила ткачиха. — Они клялись, что видели вас на драконе — высоко в небе над лагерями юнкайцев. Каждый день мы высматривали вас.

«*Я не могла прийти*, — подумала королева. — *Я не осмелилась*».

— И что случилось, когда город пал? — спросил Скахаз. — Что тогда?

— Началась резня. В Храме Милостей собрались больные, пришедшие просить богов об исцелении. Легионеры заложили двери и подожгли

храм факелами. Не прошло и часа, как весь город был охвачен пожарами. Они ширились и сливались друг с другом. Улицы заполнили обезумевшие мечущиеся толпы, пытавшиеся спастись от огня. Но бежать было некуда — на воротах стояли юнкайцы.

— Но вы-то сбежали, — заметил Бритоголовый. — Как вам это удалось?

Ему ответил старик:

— Я кирпичник, как мой отец и отец моего отца. Дед построил наш дом как раз вплотную к городской стене. Так что было несложно каждую ночь вытаскивать из нее несколько кирпичей. Когда я рассказал об этом друзьям, они помогли мне укрепить туннель, чтобы он не обрушился. Мы решили, что нужно иметь свой собственный путь для бегства.

«*А ведь я оставила править вами Совет*, — думала Дени. — *Из лекаря, учёного и жреца*».

Она помнила Астапор таким, каким в первый раз его увидела — сухим и пыльным городом за стенами из красного кирпича, видящим дурные сны наяву, но все еще полным жизни. «*На Черве были острова, где целовались влюблённые, но в то же самое время на площади Кары с людей сдирали кожу на ремни и оставляли их ободранные*

тела мухам».

— Хорошо, что вы пришли сюда, — сказала она астапорцам. — В Миэрине вы будете в безопасности.

Сапожник её поблагодарил, старый кирпичник поцеловал ей ноги, но ткачиха лишь кинула на Дени тяжелый взгляд. «*Она знает, что я лгу*, — подумала королева. — *Знает, что я не могу защитить их. Астапор в огне, и Миэрин будет следующим*».

— Вскоре беженцев станет гораздо больше, — объявил Бурый Бен, когда астапорцев увели. — У этих троих были лошади. Большинство же идёт пешком.

— И сколько их может быть? — спросил Резнак.

Бурый Бен пожал плечами:

— Сотни. Тысячи. Больные, обожжённые, раненые. Кошки и Гонимые Ветром шастают по холмам с копьями и плетьми, гонят их на север и вырезают тех, кто отстанет.

— Ходячие рты. И, по вашим словам, *больные*? — Резнак в отчаянии заломил руки. — Ваша милость не должны пускать их в город!

— Я бы тоже не стал этого делать, — согласился Бурый Бен Пламм. — Я, конечно, не мейстер, но

знаю, что гнилые яблоки надо держать подальше от свежих.

— Это не яблоки, Бен, — возразила Дени. — Это мужчины и женщины, больные, голодные и напуганные.

«*Мои дети*».

— Я должна была отправиться в Астапор.

— Ваше величество не смогли бы их спасти, — сказал сир Барристан. — Вы предостерегали короля Клеона от этой войны с Юнкаем. Он был глупцом, обагрившим руки в крови.

«*И что, мои руки чище*?»

Ей вспомнилось, слова Даарио, что все короли должны быть либо мясниками, либо мясом.

— Клеон был врагом нашего врага. Если бы я присоединилась к нему на Рогах Хаззата, мы вместе разбили бы юнкайцев.

Бритоголовый возразил:

— Если бы вы увели Безупречных на юг к Хаззату, Дети Гарпии...

— Знаю, знаю. Опять Ероих.

Бурый Бен Пламм растерялся:

— Кто это — Ероих?

— Девушка, которую, как мне казалось, я спасла от изнасилования и мучений. Моё доброе дело в конце концов обернулось для неё куда худшей

судьбой. Всё, что я сделала в Астапоре, так это породила ещё десять тысяч Ероих.

— Ваше величество не могли предвидеть...

— Я королева. Предвидеть — мой долг.

— Что сделано, то сделано, — произнес Резнак мо Резнак. — Ваша милость, умоляю, поскорее сделайте благородного Хиздара своим королем. Он сможет договориться с мудрыми господами и заключить для нас мир.

— И на каких же условиях?

«*Берегись надушенного сенешаля*», — сказала ей Куэйта. Женщина в маске уже предсказала ей приход бледной кобылицы — может она была права и в отношении благородного Резнака?

— Может я и юная девушка, не сведущая в войне, но не ягнёнок, который забредёт с блеянием в гнездо к гарпиям. У меня всё ещё есть мои Безупречные. У меня есть Вороны-Буревестники и Младшие Сыновья. У меня есть три полка вольноотпущенников.

— И драконы, — с хищной улыбкой напомнил Бурый Бен Пламм.

— Запертые, в цепях! — воскликнул Резнак мо Резнак. — Какая польза от драконов, которыми никто не может управлять? Даже Безупречным становится не по себе, когда они отворяют двери,

чтобы накормить их.

— Неужели они боятся ручных зверушек королевы? — Бурый Бен весело прищурился. Седой капитан Младших Сыновей был плотью от плоти вольных отрядов, в его жилах текла кровь доброй дюжины разных народов, но он всегда любил драконов, а они любили его.

— Зверушек? — взвизгнул Резнак. — Точнее чудовищ! Чудовищ, поедающих детей! Мы не можем...

— Молчать, — отрезала Дейенерис. — Мы не будем об этом говорить.

Ярость в её голосе, заставила Резака отшатнуться:

— Простите меня, ваше великолепие, я не...

Бурый Бен Пламм оборвал его на полуслове.

— Ваше величество, у юнкайцев есть три наёмных отряда против наших двух, и поговаривают о том, что они послали в Волантис за Золотым Братством. Эти ублюдки могут выставить десять тысяч солдат. Ещё у юнкайцев четыре гискарских легиона, а может и больше. И я слышал, что они отправили гонцов через всё Дотракийское море, возможно, чтобы натравить на нас какой-нибудь большой кхаласар. По мне, без драконов нам не обойтись.

Дени вздохнула:

— Прости, Бен. Я не осмелюсь выпустить драконов на волю.

Она видела, что это был не тот ответ, которого он ожидал.

Пламм почесал свои бакенбарды:

— Если у нас не будет драконов, что ж... лучше уйти, пока юнкайские паскуды не захлопнули ловушку... Только сначала стребуем с работорговцев денег за наш уход. Они ведь платят кхалам, чтобы дотракийцы не трогали их города, так почему бы не заплатить и нам? Продадим им Миэрин назад и подадимся на запад с полным обозом золота, драгоценностей и всего такого.

— Ты предлагаешь мне, чтобы я ограбила Миэрин и бежала? Этому не бывать! Серый Червь, мои вольноотпущенники готовы к битве?

Евнух скрестил на груди руки:

— Они не Безупречные, но вас не подведут. Ваш слуга клянется в этом копьем и мечом, ваша милость.

— Хорошо. Очень хорошо, — Дейенерис посмотрела на окружавших ее людей — на насупившегося Британоголового, на сира Барристана с его морщинистым лицом и грустными голубыми глазами, на бледного и потного Резнака мо

Резнака, на седовласого и крепкого, как старая кожа, Бурого Бена, на Серого Червя, безбородого, бесстрастного, с ничего не выражающим лицом. «*Здесь должен быть Даарио и мои кровные всадники. Если нас ожидает битва, кровь моей крови должна быть со мной*». — Ей также не хватало сира Джораха Мормонта. — «*Он лгал мне, доносил на меня, но любил меня и всегда давал хорошие советы*».

— Я уже однажды разбила юнкайцев и разобью снова. Но где? И как?

— Вы хотите встретить их в поле? — недоверчиво поинтересовался Бритоголовый. — Это безрассудство. Наши стены выше и толще, чем стены Астапора, да и защитники у нас храбрее. Юнкайцам этот город так просто не взять.

Сир Барристан возразил:

— Думаю, не стоит позволять им окружить Миэрин. Их войско собрано с миру по нитке, и это работорговцы, а не солдаты. Если мы застанем их врасплох...

— Это едва ли, — возразил Бритоголовый. — У юнкайцев есть друзья в стенах города — они дадут им знать.

— Какую армию мы сможем собрать? — спросила Дени.

— Недостаточно большую, прошу вашего королевского прощения, — ответил Бурый Бен Пламм. — А что говорит Нахарис? Если мы хотим дать битву, нам понадобятся его Вороны-Буревестники.

— Даарио все еще на задании.

«*Боги, что я наделала? Неужели послала его на смерть*?»

— Бен, я хочу, чтобы твои Младшие Сыновья провели разведку. Где наши враги находятся, как быстро продвигаются, сколько у них людей, как они расположены.

— Нам понадобится провизия. И свежие лошади.

— Само собой. Сир Барристан вас всем обеспечит.

Бурый Бен почесал подбородок:

— Возможно, мы сумеем переманить кое-кого из них на нашу сторону. Если ваша милость снабдит нас несколькими мешками золота и драгоценностей… на подарки их командирам, так сказать… Тогда, как знать?

— Купить их, почему бы и нет? — задумчиво произнесла Дени. Она знала, что с наёмниками Спорных Земель это происходит сплошь да рядом. — Да, прекрасно. Резнак, займись этим. Когда

Младшие Сыновья покинут город, закрой ворота и удвой стражу на стенах.

— Будет сделано, ваше великолепие, — сказал Резнак мо Резнак. — А что делать с астапорцами?

«*Мои дети*».

— Они пришли сюда за помощью — за пищей, кровом и защитой. Мы не можем от них отвернуться.

Сир Барристан нахмурился:

— Ваше величество, мне случалось видеть, как кровавый понос уничтожал целые армии, если ему давали беспрепятственно распространиться. Сенешаль прав, мы не можем пустить астапорцев в Миэрин.

Дени беспомощно посмотрела на него. Хорошо, что драконы не плачут.

— Ладно, как скажете. Будем держать их за стенами, пока эта... эта напасть не прекратится. Разбейте для них лагерь у реки, к западу от города. Поделимся с ними едой, какой сможем. Может быть, удастся отделить больных от здоровых.

Все сановники смотрели на неё.

— Не вынуждайте меня повторять дважды. Идите и выполняйте то, что я велела.

Дени встала, проскользнула мимо Бурого Бена и сбежала вниз по лестнице навстречу желанно-

му уединению на террасе.

Миэрин и Астапор разделяли три сотни лиг, но ей мерещилось, что небо на юго-западе стало темнее, будто его застилал дым от горящего Красного Города. «*Из кирпича и крови построен Астапор, и люди в нем из кирпича и крови*, — вертелся у нее в голове старый стишок. — *Лишь прахом и костями остался Астапор, и люди в нём — лишь прах и кости*». Она попыталась вспомнить лицо Ероих, но облик мертвой девушки таял словно дым.

Когда Дейенерис наконец повернулась, то увидела рядом с собой сира Барристана, закутавшегося от вечерней прохлады в белый плащ.

— Сможем ли мы воевать? — спросила она его.

— Люди всегда могут воевать, ваше величество. Лучше спросите, сможем ли мы победить. Пасть в бою легко, выиграть — другое дело. Вольноотпущенники толком не обучены и ни разу не бывали в битве. Ваши наёмники раньше служили врагу, а тот, кто хоть раз поменял хозяина, без колебаний сменит его ещё раз. У вас есть два дракона, которые не покоряются человеку, а третий, быть может, навсегда потерян. Вне этих стен у вас нет друзей, кроме лхазарян, а те не настроены воевать.

— У нас крепкие стены.

— Они не стали крепче, чем были, когда мы стояли с другой стороны. И вместе с нами в этих стенах сейчас находятся Дети Гарпии. И все эти великие господа — те, чьих детей вы не стали убивать, и те, чьих детей убили.

— Знаю, — вздохнула королева. — Что посоветуете, сир?

— Дать сражение, — ответил сир Барристан. — Миэрин переполнен людьми, в нём слишком много голодных ртов и недругов. Боюсь, долгой осады мы не выдержим. Позвольте мне встретить врага по пути на север, чтобы я мог сам выбрать место для битвы.

— Встретить врага, — повторила она. — С вольноотпущенниками, которых вы сами назвали необученными, и которые ни разу не бывали в бою.

— Все мы были такими когда-то, ваше величество. Мы подкрепим их Безупречными. И если бы у меня было пятьсот рыцарей...

— Или пять. И если я отдам тебе Безупречных, Миэрин некому будет охранять, кроме Медных Тварей.

Сир Барристан не стал спорить, и Дени закрыла глаза.

«*Боги*, — взмолилась она, — *вы забрали у меня*

кхала Дрого, мое солнце и звезды. Вы забрали нашего храброго сына, не дав ему сделать даже вздоха. Вы уже отняли у меня мою кровь. Помогите мне, молю вас. Дайте мне мудрость увидеть грядущий путь и силу сделать то, что необходимо, чтобы защитить моих детей».

Боги не ответили.

Снова открыв глаза, Дейенерис сказала:

— Я не могу воевать одновременно с двумя врагами — внешним и внутренним. Если я хочу оборонять Миэрин, необходимо, чтобы город был на моей стороне. Весь город. Мне нужен… нужен… — она не смогла этого произнести.

— Ваше величество? — вежливо переспросил сир Барристан.

«*Королева принадлежит не себе, а своему народу*».

— Мне нужен Хиздар зо Лорак.

Глава 31. Мелисандра

В покоях Мелисандры никогда не было по-настоящему темно.

Три сальные свечи горели на подоконнике, чтобы отгонять ужасы ночи. Ещё четыре мерцали у её кровати — по две с каждой стороны. В очаге днем и ночью горел огонь. Первый урок, который должны были выучить её слуги — огонь никогда, ни в коем случае не должен погаснуть.

Красная жрица закрыла глаза и прочитала молитву, потом открыла их, чтобы ещё раз вглядеться в пламя. «*Ещё раз*». Она должна убедиться. Многие жрецы и жрицы до неё были сбиты с толку ложными видениями — видели то, что хотели, а не то, что посылал им Владыка Света. Сейчас Станнис, король, который нёс на своих плечах судьбу мира, возрождённый Азор Ахаи, шёл на юг навстречу опасности. Несомненно, Рглор удостоит её видением его будущего.

«*Покажи мне Станниса, Владыка,* — молила она. — *Покажи мне твоего короля, твоё орудие*».

Перед ней заплясали видения — золотые и алые, мерцающие, обретающие очертания и

тающие, перетекающие друг в друга — странные фигуры, пугающие и соблазнительные. Она снова видела безглазые лица, уставившиеся на неё кровоточащими провалами. Потом башни у моря, разрушенные захлестнувшей их тёмной, поднявшейся из глубин волной. Тени в форме черепов и черепа, оборачивающиеся туманом; тела, сливающиеся в вожделении — переплетённые, извивающиеся, впивающиеся друг в друга ногтями. Через огненную завесу были видны огромные крылатые тени, кружащие по тяжёлому синему небу.

«*Девочка. Я должна снова найти её — серую девочку на умирающей лошади*». Джон Сноу будет ждать от неё этого, причем скоро. И недостаточно будет просто сказать, что девочка сбежит. Он захочет большего, ему захочется знать, когда и где, а ей нечего ответить. Она видела её только однажды. «*Девочка, серая как пепел, и пока я смотрела, она рассыпалась в прах и развеялась*».

В очаге возникли очертания лица. «*Станнис*? — подумала она на какой-то миг… но нет, это не его черты. — *Деревянное лицо, мертвенно бледное*». Не враг ли это? Во вспыхнувшем пламени плавала тысяча красных глаз. «*Он видит меня*». Рядом с ним мальчик с волчьим лицом запроки-

нул голову и завыл.

Красная жрица вздрогнула. По её бедру стекала кровь, чёрная и дымящаяся. Внутри неё горел огонь, агония, экстаз — переполняющий, обжигающий, преображающий. Мерцание огня — настойчивое, словно рука любовника — рисовало узоры у неё на коже. Незнакомые голоса звали её из далекого прошлого. Она услышала женский крик: «*Мелони*!» Мужской голос объявил: «*Лот семь*». Она рыдала, и слёзы её были пламенем. И всё-таки она проглотила их.

С тёмного неба падали снежинки, а им навстречу поднимался пепел; серое и белое кружились одно вокруг другого, горящие стрелы перелетали через деревянную стену, и мертвецы брели в молчании сквозь холод под большим серым утесом, где в сотне пещер горели огни. Потом поднялся ветер, и пришла белая мгла, невыносимо холодная, и один за другим огни угасли. После этого остались лишь черепа.

«*Смерть*, — подумала Мелисандра. — *Черепа — это смерть*».

Пламя мягко потрескивало, и в этом треске она услышала прошелестевшее имя «*Джон Сноу*». Перед ней колыхалось его длинное лицо, обозначенное красными и оранжевыми языками

пламени, появляясь и вновь исчезая, тень, наполовину видимая в мерцающей завесе. Вот он человек, теперь волк, теперь снова человек. Но черепа были и здесь, повсюду вокруг него. Мелисандра и прежде видела угрозу для него и пыталась предупредить юного лорда-командующего. «*Его окружают враги, кинжалы во тьме. Но он меня не слушает*».

Неверующие обычно отмахивались, пока не становилось слишком поздно.

— Что вы видите, миледи? — тихо спросил мальчик.

«*Черепа. Тысячи черепов и опять мальчишку-бастарда. Джона Сноу*».

Когда её спрашивали, что она видит в своём пламени, Мелисандра всегда отвечала: «*Много чего*», но видеть было гораздо сложнее, чем произносить эти слова. Это искусство, и, как любое другое искусство, оно требовало таланта, дисциплины, обучения. И боли тоже. Рглор говорил со своими избранными через священный огонь — на языке золы, углей и мерцающего пламени. Языке, по-настоящему понятном только богу. Мелисандра совершенствовалась в своём искусстве бесчисленные годы и уплатила свою цену. Даже в её ордене не было никого, кто мог бы сравниться с

ней в мастерстве прозрения тайн, полуоткрытых и полускрытых в священном огне.

И всё же теперь она не могла даже найти своего короля.

«*Я молю показать Азора Ахаи, а Рглор показывает мне только Сноу*».

— Деван, — позвала она, — пить.

В горле пересохло и саднило.

— Да, миледи.

Мальчик налил воды из каменного кувшина у окна и поднес ей чашу.

— Благодарю.

Мелисандра сделала глоток и улыбнулась ему, заставив покраснеть. Она знала, что мальчик был почти влюблен в неё. «*Он боится меня, желает и поклоняется мне*».

Но пребывание здесь не радовало Девана. Парень очень гордился своей службой королевским оруженосцем, и его задело приказание Станниса остаться в Чёрном Замке. Как и у любого мальчика в таком возрасте, его голова была забита мечтами о славе. Без сомнения, он воображал, какие подвиги совершил бы в Темнолесье. Его сверстники отправились на юг оруженосцами королевских рыцарей, чтобы сражаться вместе с ними. Приказ остаться должен казаться Девану

наказанием за какую-то его провинность или, быть может, за провинность его отца.

На самом деле, он был здесь, потому что об этом попросила Мелисандра. Четверо старших сыновей Давоса Сиворта пали в битве на Черноводной, когда зелёный огонь поглотил королевский флот. Деван был пятым, и здесь для него безопаснее, чем рядом с королем. Лорд Давос будет за это благодарен не более самого мальчика, но ей казалось, что Сиворт уже достаточно хлебнул горя. Он во многом заблуждался, но его преданность Станнису несомненна. Она видела это в своем пламени.

В отличие от большинства её слуг, Деван был шустрым, сообразительным и способным. Уходя на юг, Станнис оставил ей дюжину своих людей, но почти все они были бесполезны. Его величество нуждался в каждом мече, так что все, кого он мог оставить, были либо стариками, либо калеками. Один из них ослеп после удара в голову во время битвы у Стены, другой — охромел после того, как павшая лошадь раздробила ему ноги. Сержант лишился руки от удара великаньей дубинки. Трое стражей были евнухами, кастрированными по приказу Станниса за изнасилование женщин одичалых. Ещё двое были

пьяницами и один — трусом. Последнего следовало бы повесить, это признавал сам король, но тот происходил из благородной семьи, и его отец и братья были верны с самого начала.

Красная жрица понимала, что оставленная стража скорее придавала ей должный статус в глазах чёрных братьев, но вряд ли от кого-то из оставленных Станнисом можно ждать помощи в случае опасности. Это было неважно. Мелисандра Асшайская не боялась за себя. Её защитит Рглор.

Она сделала ещё глоток воды, отставила чашу в сторону, моргнула, потянулась и поднялась со своего кресла, чувствуя, что мускулы затекли и болели. После столь долгого созерцания пламени ей потребовалось время, чтобы привыкнуть к тусклому свету. Её глаза высохли и устали, но если их потереть, будет только хуже.

Она заметила, что пламя почти погасло.

— Деван, ещё дров. Который час?

— Почти рассвет, миледи.

«*Рассвет. Нам дарован ещё один день. Славься, Рглор. Ужасы ночи отступили*». Как это часто бывало, Мелисандра провела ночь в своём кресле у огня. После ухода Станниса она редко использовала постель. Пока тяжесть целого мира лежала на её плечах, у неё не было времени на сон. К тому же

она боялась снов. «*Сон — это маленькая смерть, сны — это шёпот Иного, который затянет всех нас в свою вечную ночь*». Она предпочитала сидеть, омываемая алым светом священного огня своего красного владыки с раскрасневшимися от волн тепла, словно от поцелуев любовника, щеками. Порой ночами она дремала, но не больше часа. Мелисандра надеялась, что когда-нибудь сможет совсем не спать.

«*Мелони*, — подумала она. — *Лот семь*».

Деван подкладывал свежие поленья в очаг, пока пламя снова не взметнулось вверх — горячее и неистовое, разогнав тени обратно по углам комнаты, поглотив попутно все нежеланные видения. «*Тьма отступила снова… ненадолго. Но за Стеной враг набирает силу, и если он одержит победу, рассвет никогда не придет вновь*». Она задумалась, не его ли лицо смотрело на неё из пламени. «*Нет. Конечно же, нет. Его лик был бы страшнее — холодным, чёрным и слишком ужасным, чтобы видеть его и остаться в живых*». Деревянный человек, которого она видела, и мальчик с волчьим лицом… они наверняка были его слугами… его лучшими бойцами, как Станнис для неё.

Мелисандра подошла к окну и распахнула став-

ни. Снаружи восток только начинал светлеть, и утренние звезды ещё висели в чёрном как смоль небе. Чёрный Замок уже ожил — люди в чёрных плащах шли через двор, чтобы подкрепиться миской каши перед тем, как сменить своих братьев на Стене. Несколько снежинок влетело в окно, кружась на ветру.

— Не желает ли миледи утолить голод? — спросил Деван.

«*Еда. Да, мне следует поесть*». Иногда она забывала об этом. Рглор давал ей всё питание, в котором нуждалось её тело, но лучше скрывать это от смертных.

Ей нужен Джон Сноу, а не поджаренный хлеб и бекон, но было бесполезно посылать Девана к лорду-командующему. Он не явится на её зов. Сноу до сих пор предпочитал жить за арсеналом — в двух скромных комнатах, которые раньше занимал покойный кузнец Дозора. Быть может, он считал себя недостойным Королевской Башни или, возможно, ему всё равно. Это ошибка, ложная скромность юности, по сути — та же гордость. Правителю неразумно пренебрегать атрибутами власти, ибо сама власть в немалой степени проистекает от таких атрибутов.

Мальчик, однако, был не так прост. Он не

приходил в покои Мелисандры, как проситель, настаивая на том, чтобы она сама явилась к нему, если ей понадобится что-то сказать. А когда приходила, заставлял ждать или вообще отказывался принять. Хоть это было разумно.

— Я буду крапивный чай, варёное яйцо и хлеб с маслом. Свежий хлеб, если не трудно, не жареный. Заодно найди одичалого. Передай ему, что нам надо поговорить.

— Гремучую Рубашку, миледи?

— И поскорей.

Пока мальчик отсутствовал, Мелисандра умылась и сменила одежду. В её рукавах было полно потайных карманов, и она тщательно их проверила, как делала каждое утро, чтобы убедиться, что все порошки на месте. Порошки, чтобы окрашивать пламя в зелёный, синий или серебристый цвета, порошки, чтобы пламя ревело, шипело и взметалось выше человеческого роста, порошки, чтобы создавать дым. Дым для правды, дым для страсти, дым для страха и густой чёрный дым, способный убить человека наповал. Красная жрица вооружилась щепоткой каждого.

Резной сундук, который она привезла из-за Узкого моря, теперь был на три четверти пуст. Несмотря на то, что Мелисандра знала, как сде-

лать новые порошки, ей недоставало многих редких ингредиентов. «*Моих заклинаний должно хватить*». На Стене она стала сильнее — даже больше, чем в Асшае. Здесь каждое слово и действие заключали в себе гораздо больше могущества, и она могла творить недоступное ей прежде. «*Тени, которые я призову здесь, будут громадными, и ни одно создание тьмы против них не выстоит*». С подобными чарами ей скоро не понадобятся ничтожные фокусы алхимиков и пиромантов.

Она закрыла сундук, заперла и спрятала ключ в очередном потайном кармане своих юбок. Потом раздался стук в дверь. Судя по нерешительному звуку, это был её однорукий сержант.

— Леди Мелисандра, пришёл Костяной Лорд.

— Зовите, — Мелисандра села обратно в кресло рядом с очагом.

Одичалый был одет в безрукавку из варёной кожи с бронзовыми заклепками под поношенным плащом, пестревшим оттенками зелёного и коричневого. «*Без костей*». Ещё его окружали тени — клочья рваного серого тумана, едва заметные, скользящие по лицу и меняющие форму на каждом шагу. «*Уродливо. Как и его костяные латы*». Вдовий пик на лбу, близко посаженные

тёмные глаза, впалые щеки, усы, изгибающиеся как черви надо ртом, полным сломанных гнилых зубов.

Мелисандра почувствовала тепло в ложбинке на шее, когда её рубин откликнулся на близость своего раба.

— Ты снял костяной доспех, — заметила она.

— Бряцание едва не свело меня с ума.

— Кости защищают тебя, — напомнила Мелисандра. — Чёрные братья тебя не любят. Деван сказал, что не далее как вчера ты поругался с кем-то из них за ужином.

— Немного. Я ел суп с бобами и беконом, пока Боуэн Марш рассуждал о высоких материях. Старый Гранат подумал, что я шпионю за ним и заявил, что не потерпит убийц на их совещаниях. Я ответил, раз это так, то им не стоит совещаться у очага. Боуэн покраснел и поперхнулся, но дальше дело не зашло.

Одичалый сел на подоконник и вытащил кинжал из ножен.

— Если какая-то ворона захочет всадить мне клинок между ребер, пока я ужинаю, то пусть только попробует. Стряпня Хобба будет вкуснее, если её приправить капелькой крови.

Мелисандра не обратила внимания на обна-

жённую сталь. Если бы одичалый хотел причинить ей вред, она бы увидела это в пламени. Видеть опасность, угрожающую ей самой, — это первое, чему она научилась, ещё будучи наполовину ребёнком — маленькой рабыней, на всю жизнь связанной с великим красным храмом.

— Тебя должны беспокоить их глаза, а не ножи, — предупредила она.

— Чары, да.

На чёрном железном браслете на его запястье запульсировал рубин. Одичалый стукнул по камню кончиком лезвия. Сталь отозвалась тихим щелчком.

— Я чувствую его, когда сплю. Коже тепло — даже сквозь железо. Нежно, как поцелуй женщины. Твой поцелуй. Но иногда в моих снах он загорается, и твои губы превращаются в зубы. Каждый день я задумываюсь о том, как было бы просто его снять, но не решаюсь. Неужели я должен и проклятые кости носить?

— Заклинание соткано из тени и внушения. Люди видят то, что ожидают увидеть. Кости — это часть тебя. «*Не ошиблась ли я, спасая его?*»

— Если чары разрушатся, тебя убьют.

Гремучая Рубашка начал вычищать грязь из-под ногтей кончиком кинжала.

— Я пел песни, сражался в битвах, пил летнее вино, пользовал жену дорнийца. Человек должен умирать, как он жил. Для меня — это с оружием в руке.

«*Он мечтает умереть? Неужели его коснулся враг? Смерть — его вотчина, мёртвые — его солдаты*».

— Для твоего оружия очень скоро найдётся работа. Враг приближается, настоящий враг. Еще до вечера разведчики лорда Сноу с невидящими и кровоточащими глазами.

Одичалый прищурился. Серые глаза превратились в карие. Мелисандра видела, как с каждым мерцанием рубина меняется их цвет.

— Вырванные глаза — примета Плакальщика. Лучшая ворона, как он любит повторять, — слепая ворона. Иногда мне кажется, что он хотел бы избавиться и от собственных глаз, так сильно они слезятся и чешутся. Сноу считает, что вольный народ пойдёт за Тормундом, потому что сам бы так поступил. Ему нравится Тормунд, и старому мошеннику он тоже пришелся по душе. Но если это окажется Плакальщик… то не будет ничего хорошего. И для него, и для нас.

Мелисандра мрачно кивнула, будто приняла его слова близко к сердцу, но этот Плакальщик

ничего не значил. Никто из вольного народа ничего не значил. Они потерянные, обреченные люди, которым суждено сгинуть с лица земли, так же как исчезли Дети Леса. Но он не хотел бы это услышать, а она не могла рисковать потерять его, только не сейчас.

— Как хорошо ты знаешь север?

Он убрал лезвие.

— Так же как любой налётчик. Некоторые места лучше, другие хуже. Север большой. А что?

— Девочка, — сказала она. — Девочка в сером на умирающей лошади. Сестра Джона Сноу.

Кто ещё это мог быть? Она ехала к нему за защитой, это Мелисандра видела ясно.

— Я видела её в пламени, но лишь раз. Мы должны завоевать доверие лорда-командующего, а единственный способ — это спасти ее.

— Хочешь сказать, я должен её спасти? Костяной Лорд? — он рассмеялся. — Никто никогда не доверял Гремучей Рубашке, разве что идиоты. А Сноу не такой. Если его сестра нуждается в спасении, он отправит своих ворон. Я бы так и сделал.

— Он не такой, как ты. Он принёс свои обеты и намерен им следовать. Ночной Дозор не принимает чью-либо сторону. Но ты — не дозорный. Ты можешь делать то, чего он не может.

— Если твой упрямый лорд-командующий позволит. Твой огонь показал тебе, где найти эту девочку?

— Я видела воду. Глубокую, синюю и спокойную, с тонкой корочкой льда. Она тянулась и тянулась бесконечно.

— Длинное Озеро. Что ещё ты видела вокруг этой девочки?

— Холмы. Поля. Деревья. Один раз оленя. Камни. Она держится далеко от поселений. И когда есть возможность, едет через маленькие ручейки, чтобы сбить преследователей со следа.

Он нахмурился.

— Это всё усложняет. Ты говоришь, она ехала на север. Озеро было на востоке от нее или на западе?

Мелисандра прикрыла глаза, вспоминая.

— На западе.

— Тогда она идет не по Королевскому тракту. Умная девочка. В той стороне меньше соглядатаев и проще укрыться. И несколько убежищ, которыми я сам время от времени пользовался…

Звук боевого рога заставил его прерваться и вскочить на ноги. Мелисандра знала, что по всему Чёрному Замку повисла такая же внезапная тишина, и все мужчины и мальчики повернулись

к Стене, прислушиваясь и ожидая. Один долгий сигнал рога означал возвращение разведчиков, но два…

«*Настал этот день*, — подумала красная жрица, — *теперь лорду Сноу придётся меня выслушать*».

Издав долгий заунывный звук, рог умолк, тишина, казалось, растянулась на часы. Наконец одичалый разрушил затянувшееся молчание.

— Лишь один. Разведчики.

— Мёртвые разведчики. — Мелисандра тоже поднялась. — Ступай, надень свои кости и жди. Я вернусь.

— Я пойду с тобой.

— Не будь дураком. Когда они это увидят, один вид любого одичалого распалит их гнев. Оставайся здесь, пока они не остынут.

Деван поднимался по ступеням Королевской Башни навстречу Мелисандре. Она спускалась в сопровождении двух стражников, оставленных ей Станнисом. Мальчик нёс на подносе позабытый ею завтрак.

— Я ждал, пока Хобб вытащит свежие буханки из печи, миледи. Хлеб ещё горячий.

— Оставь завтрак в моих покоях. –Одичалый несомненно его съест. — Я нужна лорду Сноу за

Стеной.

«*Он пока не знает об этом, но скоро…*»

Снаружи начинался лёгкий снежок. К тому времени, как Мелисандра с эскортом подошла к воротам, там уже собралась толпа ворон, но они расступились перед красной жрицей. Впереди под толщей льда уже шёл лорд-командующий в компании Боуэна Марша и двадцати копейщиков. Вдобавок Сноу послал на Стену дюжину лучников на случай, если враг скрывается в соседнем лесу. Стражники на воротах не были людьми королевы, но всё-таки дали пройти Мелисандре.

В узком извилистом туннеле, который тянулся под Стеной, было темно и холодно. Морган шёл перед ней с факелом, а Меррел — позади с топором. Оба были безнадёжные пьяницы, но в этот ранний час они были трезвы. Люди королевы, по крайней мере, по названию, здорово её боялись. А Меррел, когда не был пьян, мог казаться грозным. Сегодня она не нуждалась в сопровождающих, но Мелисандра взяла за правило — куда бы она ни направлялась, брать с собой пару стражников. Это несло определённое послание. «*Атрибуты власти*».

К тому времени, как они втроём вышли наружу, пошёл сильный снег. Рваное белое одеяло

прикрыло изрытую и истерзанную землю, которая тянулась от Стены до края Зачарованного Леса. Джон Сноу и его чёрные братья собрались вокруг трёх копий, воткнутых ярдах в двадцати от выхода из туннеля.

Копья были ясеневые, восьми футов в длину. Левое было слегка кривое, но остальные — прямые и гладкие. На острие каждого насадили по отрубленной голове. Их бороды покрывал лёд, а падающий снег ложился на них белым капюшоном. На том месте, где раньше были глаза, остались лишь пустые глазницы — чёрные и кровавые дыры, глядевшие на них с немым укором.

— Кто это? — спросила Мелисандра ворон.

— Чёрный Джек Бульвер, Волосатый Хэл и Гарт Серое Перо, — мрачно ответил Боуэн Марш. — Земля наполовину смёрзлась. У одичалых наверняка ушло полночи на то, чтобы вбить копья так глубоко. Они все ещё могут оставаться поблизости. И следить за нами.

Лорд-стюард покосился на деревья.

— Их там может быть сотня, — сказал чёрный брат с угрюмым лицом, — Может, и тысяча.

— Нет, — произнёс Джон Сноу. — Они оставили свои дары тёмной ночью, а потом сбежали.

Его огромный белый лютоволк бродил, при-

нюхиваясь вокруг сугробов, потом задрал лапу и пометил копьё с головой Черного Джека Бульвера.

— Если бы они все еще были здесь, Призрак учуял бы их запах.

— Я надеюсь, Плакальщик сжёг тела, — угрюмо сказал Скорбный Эдд. — Иначе они могут явится за своими головами.

Джон ухватил копье, на котором торчала голова Гарта Серое Перо, и резко выдернул его из земли.

— Уберите остальные, — приказал он, и четыре вороны поспешили исполнить приказание.

Щёки Боуэна Марша раскраснелись от холода.

— Нам не следовало отправлять разведчиков.

— Не время и не место бередить эту рану. Не здесь, милорд. Не сейчас.

Занятым копьями он сказал:

— Заберите головы и сожгите. Оставьте от них только кости.

И лишь потом он обратил внимание на Мелисандру.

— Миледи. Прогуляемся, если вам угодно.

«*Наконец-то*».

— Если угодно лорду-командующему.

Когда они шли в туннеле под Стеной, Мелисанд-

ра взяла его под руку. Впереди двигались Морган и Меррел, по пятам за ними следовал Призрак. Жрица не заговаривала, но нарочно замедлила шаг, и там, где она проходила, начинал таять лёд. «*Он не сможет этого не заметить*».

Под железной решеткой зиявшей бойницы Сноу, как она и ожидала, нарушил молчание:

— Что с остальными шестью?

— Я их не видела, — ответила Мелисандра.

— Посмотрите?

— Конечно, милорд.

— Сир Деннис Маллистер прислал ворона из Сумеречной Башни, — сказал ей Джон Сноу. — Его люди видели огни в горах на дальней стороне Теснины. По мнению сира Денниса, одичалые стягивают силы. Он считает, что они собираются снова атаковать Мост Черепов.

— Некоторые из них, возможно.

Могли ли черепа в её видении обозначать этот мост? Почему-то Мелисандре казалось, что нет.

— Если это и произойдёт, то атака будет не более чем отвлекающим маневром. Я видела башни у моря, затопленные чёрной и кровавой волной. Туда придётся самый тяжёлый удар.

— Восточный Дозор?

«*Он ли*?» Мелисандра посещала Восточный

Дозор у Моря вместе с королём Станнисом. Это там его величество оставил королеву Селису и их дочь Ширен, когда отправился со своими рыцарями в поход к Чёрному Замку. Башни в её пламени выглядели иначе, но так часто случалось с видениями.

— Да. Восточный Дозор, милорд.

— Когда?

Она развела руками.

— Завтра. В следующем месяце. Через год. А если вы начнете действовать, возможно, сможете предотвратить то, что я видела. «*Иначе какой смысл в видениях*?»

— Хорошо, — сказал Сноу.

К тому времени, как они вышли из-под Стены, толпа ворон у ворот увеличилась до двух десятков. Люди сгрудились вокруг них. Мелисандра знала некоторых по имени: Трёхпалый Хобб, Малли с жирными рыжими волосами, недалёкий парень по прозвищу Оуэн Олух, пьяница-септон Селладар.

— Это правда, м'лорд? — произнёс Трёхпалый Хобб.

— Кто это? — спросил Оуэн Олух. — Это ведь не Дайвен, так?

— И не Гарт, — сказал один из людей королевы,

известный ей как Альф из Раннимада, который одним из первых отрёкся от семи ложных богов ради истины Рглора. — Гарт слишком умён для этих одичалых.

— Сколько? — спросил Малли.

— Трое, — ответил им Джон. — Чёрный Джек, Волосатый Хэл и Гарт.

Альф из Раннимада взвыл так громко, что мог разбудить спящих в Сумеречной Башне.

— Уложи его в постель и влей в него сонного вина, — сказал Джон Трёхпалому Хоббу.

— Лорд Сноу, — тихо произнесла Мелисандра. — Не пройдёте ли вы со мной в Королевскую Башню? Я должна ещё кое-чем с вами поделиться.

Он долго смотрел ей в лицо своими холодными серыми глазами. Его правая рука сжималась, разжималась и снова сжималась.

— Как пожелаете. Эдд, отведи Призрака в мои покои.

Мелисандра восприняла это как намёк и тоже отпустила свою стражу. Они вместе и только вдвоём прошли через двор. Падал снег. Она шла так близко к Джону Сноу, как только осмеливалась. Достаточно близко, чтобы почувствовать исходящее от него словно чёрный туман недоверие. «*Он меня не любит и никогда не полюбит,*

но будет использовать. Это хорошо». В самом начале Мелисандра танцевала тот же танец со Станнисом Баратеоном. На самом деле, у юного лорда-командующего и её короля общего больше, чем они могут признать. Станнис был младшим сыном, живущим в тени своего старшего брата, так же как и Сноу, рождённый бастардом, всегда жил в тени своего законнорождённого брата — павшего героя, прозванного Молодым Волком. Оба по натуре были неверующими, недоверчивыми и подозрительными. Честь и долг — вот единственные боги, которым они поклонялись от всего сердца.

— Вы не спросили о своей сестре, — произнесла Мелисандра, когда они взбирались по винтовой лестнице Королевской Башни.

— Я уже говорил. У меня нет сестры. Мы оставляем наших родных, когда приносим обеты. Я не могу помочь Арье, так же как я…

Сноу прервался, когда они зашли в её покои. Сидевший у стола одичалый намазывал кинжалом масло на ломоть тёплого чёрного хлеба. Она обрадовалась, увидев, что тот надел костяной доспех. Разбитый череп великана, служивший ему шлемом, лежал на подоконнике за его спиной.

Джон напрягся.

— Ты.

— Лорд Сноу.

Одичалый ухмыльнулся, приоткрыв тёмные сломанные зубы. Рубин на его запястье мерцал как тусклая красная звезда.

— Что ты здесь делаешь?

— Утоляю голод. Присоединяйся.

— Я не преломлю с тобой хлеб.

— Тебе же хуже. Буханка все ещё тёплая. Хобб хотя бы на это способен.

Одичалый откусил кусок.

— Так же легко я мог навестить и тебя, милорд. Стражники у твоей двери — это просто недоразумение. Тот, кто взобрался на Стену полсотни раз, может довольно легко забраться в окно. Но что пользы тебя убивать? Вороны просто выберут кого-нибудь ещё хуже.

Он прожевал и проглотил.

— Я слышал о твоих разведчиках. Тебе следовало бы послать с ними меня.

— Чтобы ты выдал их Плакальщику?

— Мы тут говорим о предательствах? Как там звали твою одичалую жену, Сноу? Игритт, не так ли?

Одичалый повернулся к Мелисандре.

— Мне понадобятся лошади. Полдюжины хо-

роших лошадей. И в одиночку я не смогу ничего сделать. Несколько копьеносиц из Кротового Городка подойдут. Женщины для этого годятся лучше всего. Им девочка доверится скорее, и они помогут мне осуществить одну задуманную мною хитрость.

— О чём он говорит? — спросил её лорд Сноу.

— Ваша сестра, — Мелисандра положила ладонь ему на руку. — Вы не можете ей помочь, а он сможет.

Сноу вырвал руку.

— Я так не думаю. Вы не знаете эту тварь. Гремучая Рубашка может хоть сотню раз вымыть руки, и всё равно они останутся в крови. Он скорее изнасилует и убьёт Арью, чем спасет её. Нет. Если вы видели в своем пламени это, миледи, то, должно быть, вам в глаза попала зола. Если он попытается покинуть Чёрный Замок без моего позволения, я сам отрублю ему голову.

«*Он не оставляет мне выбора. Да будет так*».

— Деван, оставь нас, — сказала она, и оруженосец вышел и закрыл за собой дверь.

Мелисандра коснулась рубина на шее и произнесла слово.

Звук странно отразился от углов комнаты и червём заполз им в уши. Одичалый услышал од-

но слово, ворона другое. Ни то, ни другое не было тем, которое слетело с её губ. Рубин на запястье одичалого потемнел, вокруг него замелькали и исчезли вспышки света и тени.

Кости остались на месте — грохочущие рёбра, когти и зубы вокруг торса, огромная пожелтевшая ключица на плечах. Разбитый череп великана остался прежним — жёлтым, покрытым трещинами, ухмыляющимся своей темной и дикой улыбкой.

Но вдовий пик исчез с головы. Каштановые усы, выпирающий подбородок, бледно-жёлтая кожа и тёмные глаза — всё растаяло. В длинных каштановых волосах поползли седые пряди. В уголках рта залегли морщинки. Неожиданно он стал выше, чем раньше, шире в груди и в плечах, длинноногим и худым, а лицо — обветренным и чисто выбритым.

Серые глаза Джона Сноу расширились.

— Манс?

— Лорд Сноу, — Манс - Налётчик не улыбался.

— Она же сожгла тебя.

— Она сожгла Костяного Лорда.

Джон Сноу повернулся к Мелисандре.

— Что это за колдовство?

— Называйте, как хотите. Чары, наваждение,

иллюзия. Рглор — Владыка Света, Джон Сноу, и он дарует своим слугам способность ткать свет так, как другие вяжут спицами.

Манс - Налётчик усмехнулся.

— Я и сам сомневался, Сноу, но почему было не дать ей попытаться? Или это, или позволить Станнису меня зажарить.

— Кости помогают, — сказала Мелисандра. — Кости помнят. На таких вещах строятся сильнейшие чары. Башмаки мертвеца, прядь волос, мешочек с костяшками пальцев. С помощью шёпота и молитвы тень человека может покинуть его и обернуться вокруг другого словно плащ. Сущность владельца не меняется, только внешность.

Она объяснила это, будто всё так легко и просто. Им не нужно знать, как трудно это было сделать, и чего ей это стоило. Этот урок Мелисандра заучила задолго до Асшая — чем меньше усилий на вид требует колдовство, тем больше люди боятся чародея. Когда пламя лизало Гремучую Рубашку, рубин на её шее раскалился так, что она боялась, как бы её собственная плоть не начала дымиться и чернеть. К счастью, лорд Сноу избавил её от этой агонии своими стрелами. Станнис кипел от гнева, но она вздохнула с облегчением.

— У нашего лжекороля плохие манеры, — сказала Мелисандра Джону Сноу, — но он не предаст тебя. Помни, у нас его сын. И он обязан тебе своей жизнью.

— Мне? — удивился Сноу.

— Кому же ещё, милорд? Как говорят ваши законы, только кровью можно искупить преступления, а Станнис Баратеон — не тот человек, который пойдет против закона… Но как вы мудро заметили, законы людей заканчиваются у Стены. Я говорила вам, что Владыка Света услышит ваши молитвы. Вы хотели найти способ спасти свою младшую сестру и при этом сохранить честь, которая так много значит для вас, обеты, которые вы принесли перед вашим деревянным богом, — она ткнула бледным пальцем. — Вот он, лорд Сноу, спаситель Арьи. Дар Владыки Света… и мой.

Глава 32. Вонючка

Сначала он услышал лай приближавшихся к дому девочек. Отразившийся эхом от каменных плит стук копыт заставил его подскочить. Цепи на нём загремели. Та, что обвивала лодыжки, была не больше фута длиной и сильно укорачивала шаг, не давая двигаться быстро. Но Теон, стараясь изо всех сил, с грохотом вскочил со своего тюфяка. Рамси Болтон вернулся и захочет, чтобы его Вонючка был под рукой и прислуживал ему.

Снаружи, под холодным осенним небом, охотники въезжали в ворота. Заливаясь лаем, девочки носились вокруг возглавлявшего процессию Костлявого Бена. За ним следовали Живодёр, Кислый Алин и Дэймон Станцуй-для-Меня со своим длинным смазанным жиром кнутом. Потом появились Уолдеры на серых жеребятах, подаренных им леди Дастин. На Кровавом, рыжем жеребце с норовом под стать хозяйскому, ехал его светлость. Он смеялся. Вонючка знал, что это может быть или очень хорошо или очень плохо.

Привлечённые запахом Вонючки собаки повисли на нём прежде, чем он сообразил, какая

где. Девочки любили Вонючку; он часто спал с ними, а иногда Костлявый Бен даже разрешал ему с ними ужинать. Стая с лаем пронеслась по каменным плитам и окружила его. Наскакивая на ноги, собаки принялись подпрыгивать, чтобы лизнуть его немытое лицо. Хелисента схватила зубами левую руку и так яростно сжимала, что Вонючка испугался, как бы не потерять ещё пару пальцев. Красная Джейн бросилась ему на грудь и опрокинула навзничь. Она была поджарой и мускулистой, а Вонючка — седым измождённым человеком с серой кожей и хрупкими костями.

К тому времени, как он оттолкнул Красную Джейн и поднялся на колени, всадники уже готовились спешиваться. Две дюжины верховых уехало, и столько же вернулось, а это значило, что поиски не увенчались успехом. Это плохо. Рамси не любит вкус поражения. «*Он захочет причинить кому-нибудь боль*».

В последнее время его господину приходилось сдерживаться, ведь Барроутон был полон людей, в которых нуждались Болтоны. Рамси понимал, что нужно быть осторожным с Дастинами, Рисвеллами и его собственными дружками-лордиками. С ними он всегда был учтив и улыбчив, но за закрытыми дверьми представлял собой

нечто иное.

Рамси Болтон был одет, как и подобает лорду Хорнвуда и наследнику Дредфорта. Плащ из волчьих шкур, защищая от осеннего холода, был скреплён на правом плече желтыми волчьими клыками. На одном боку Рамси носил фальшион с широким и тяжёлым, словно у тесака мясника, лезвием, а на другом — длинный кинжал и небольшой, но острый как бритва кривой нож для свежевания. Все три клинка имели рукояти из жёлтой кости.

— Вонючка, — позвал его светлость, возвышаясь в седле на Кровавом, — от тебя разит. Я чую твой запах через весь двор.

— Я знаю, милорд, — пришлось сказать Вонючке. — Прошу прощения.

— Я принёс тебе подарок.

Рамси обернулся, снял что-то с седла и швырнул.

— Лови!

Вонючка стал неуклюжим из-за своих цепей, оков и недостающих пальцев, чем был до того, как он узнал свое имя. Брошенная ему в руки голова, отскочила от обрубков пальцев и упала под ноги. От неё во все стороны полетели черви. Из-за запекшейся на ней корки крови, понять,

чья она, было невозможно.

— Я велел тебе поймать её, — сказал Рамси. — Подними.

Вонючка попытался поднять голову за ухо, но это оказалось плохой идеей — зелёная плоть сгнила, и в руке осталось только ухо. Малый Уолдер рассмеялся, и спустя мгновение остальные тоже стали хохотать.

— Хватит, — произнёс Рамси. — Просто позаботься о Кровавом. Я загнал ублюдка.

— Да, милорд. Позабочусь.

Вонючка поспешил к коню, оставив отрубленную голову собакам.

— Сегодня ты пахнешь как поросячье дерьмо, Вонючка, — сказал Рамси.

— Для него это уже достижение, — улыбнулся Дэймон Станцуй-для-Меня, скручивая свой хлыст.

Малый Уолдер спрыгнул с седла.

— Можешь и за моим конём поухаживать, Вонючка. И за конём моего маленького кузена.

— Я сам позабочусь о своём, — возразил Большой Уолдер.

Малый Уолдер стал любимчиком лорда Рамси и с каждым днём все больше походил на него, но младший Фрей был сделан из другого теста

и редко принимал участие в жестоких забавах своего кузена.

Вонючка не обратил на оруженосцев внимания. Он повёл Кровавого в конюшни, шарахаясь в сторону, когда конь лягался. Охотники прошли в дом — все, кроме Костлявого Бена, который, ругаясь, пытался разнять дравшихся за отрубленную голову собак.

Большой Уолдер прошёл следом в конюшню, ведя своего скакуна. Снимая уздечку с Кровавого, Вонючка бросил взгляд на Большого Уолдера.

— Кто это был? — спросил он тихо, чтобы другие конюхи не услышали.

— Никто.

Большой Уолдер снял седло со своего серого.

— Просто старик, которого мы встретили по дороге. Он вёл старую козу и четырёх козлят.

— Его светлость убил его из-за коз?

— Его светлость убил его за то, что тот обратился к нему, как к лорду Сноу. Хотя козлятина была ничего. Мы подоили козу и поджарили козлят.

«*Лорд Сноу*». Вонючка кивнул. Его цепи звенели, пока он боролся с подпругой. «*Как бы его ни называли, лучше держаться от Рамси подальше, когда он в гневе. И даже когда спокоен*».

— Вы нашли ваших кузенов, милорд?

— Нет. Я и не думал, что найдём. Они мертвы. Лорд Виман убил их. На его месте я бы так и поступил.

Вонючка промолчал. Некоторые мысли лучше держать при себе, даже если ты в конюшне, а его светлость в замке. Одно неверное слово могло стоить ему ещё одного пальца на ноге или даже на руке.

«*Но, по крайней мере, не языка. Он никогда не заберет мой язык. Ему нравится слушать, как я умоляю его избавить меня от боли. Ему нравится заставлять меня умолять*».

Всадники были на охоте шестнадцать дней и ели только чёрствый хлеб и солонину, не считая случайно попавшейся козлятины, поэтому вечером лорд Рамси приказал устроить пир, чтобы отметить его возвращение в Барроутон. Их хозяин, седовласый однорукий мелкий лорд по имени Харвуд Стаут, знал, что не стоит отказывать, хотя теперь его кладовые, наверняка, были почти пусты. Вонючка слышал, как слуги Стаута ворчат о том, что Бастард и его люди проедают зимние запасы.

— Говорят, он уложит в постель дочурку лорда Эддарда, — жаловалась повариха Стаута, не подозревая, что Вонючка подслушивает, — но

поимеют-то нас, когда придут снега, помяните мое слово.

Но раз лорд Рамси приказал устроить пир, тот должен состояться. В чертоге Стаутов на козлах поставили столы. Забили бычка. И как только зашло солнце, неудачливые охотники принялись вкушать жаркое и рёбрышки, ячменный хлеб, кашу из моркови и гороха, запивая всё это внушительным количеством эля.

Малому Уолдеру выпало следить за тем, чтобы чаша лорда Рамси не пустела, а Большой Уолдер наливал остальным гостям за высоким столом. Вонючку приковали у дверей, чтобы его аромат не портил пирующим аппетит. Он поужинает позже — теми объедками, которые решит ему оставить лорд Рамси. А вот собаки весело носились по залу и изрядно развлекли гостей, когда Мод и Серая Джейн вцепились в одного из псов лорда Стаута из-за особенно мясистой косточки, брошенной им Коротким Уиллом. Вонючка был единственным человеком во всем зале, не следившим за схваткой трёх собак. Он смотрел на Рамси Болтона.

Собачий бой окончилась смертью хозяйского пса — старого и не имевшего ни единого шанса. Он был один против двух, а суки Рамси — молоды,

сильны и свирепы. Костлявый Бен, любивший собак больше, чем их хозяин, рассказал Вонючке, что все они названы в честь крестьянок, на которых Рамси, будучи ещё бастардом, охотился вместе с первым Вонючкой, а потом насиловал и убивал.

— В честь тех, кто устраивал ему хорошую охоту. Те, что рыдают, умоляют и не бегут, не возрождаются суками.

Вонючка не сомневался, что в следующем помёте, родившимся на псарне Дредфорта, будет Кира.

— А ещё он их натаскивает на волков, — разоткровенничался Костлявый Бен.

Вонючка промолчал. Он-то знал, с какими волками должны расправиться девочки, но не имел ни малейшего желания смотреть, как они будут драться за его отрубленный палец.

Двое слуг выносили останки мертвого пса, а старая женщина достала тряпку, грабли и ведро, чтобы убрать пропитанную кровью солому, когда двери зала распахнулись, впустив порыв ветра, и внутрь вошла дюжина мужчин в серых кольчугах и шлемах, расталкивая побледневших молодых стражников Стаута в кожаных бригантинах и красно-коричневых плащах. Среди пирующих

воцарилась внезапная тишина. Один только лорд Рамси отбросил в сторону кость, которую обгладывал, вытер рот рукавом, улыбнулся жирными губами и произнес:

— Отец.

Лорд Дредфорта спокойно обвел взглядом остатки пира, мёртвого пса, гобелены и закованного в цепи Вонючку.

— Вон, — велел он пирующим своим тихим, как шёпот голосом. — Сейчас же. Все до единого.

Люди лорда Рамси вскочили из-за столов, побросав тарелки и чаши. Костлявый Бен прикрикнул на девочек, и те бросились за ним. Некоторые до сих пор сжимали в зубах кости. Харвуд Стаут сухо поклонился и покинул зал без единого слова.

— Освободи Вонючку и забери с собой, — прорычал Рамси Кислому Алину, но его отец взмахнул бледной рукой и произнёс:

— Нет, оставь его.

Даже личные стражники лорда Русе вышли, захлопнув за собой двери. Когда эхо затихло, Вонючка остался в зале наедине с двумя Болтонами, отцом и сыном.

— Ты не отыскал наших пропавших Фреев.

Русе Болтон произнес это скорее утвердительно, чем вопросительно.

— Мы поехали туда, где, по словам лорда Миноги, они разделились, но девочки не взяли след.

— Вы спрашивали о них в деревнях и заимках.

— Пустая трата слов. Крестьяне ни на что не обращают внимания.

Рамси пожал плечами:

— Какая разница? Мир обойдётся без парочки Фреев. Их полным-полно в Близнецах, на случай если нам понадобится ещё один.

Лорд Русе оторвал маленький кусочек от горбушки хлеба и проглотил.

— Хостин и Эйенис беспокоятся.

— Если они так хотят, отправь их на поиски.

— Лорд Виман винит себя. Его послушать, он особенно привязался к Рейегару.

Лорд Рамси пришел в бешенство. Вонючка видел это по его рту, изгибу толстых губ, по тому, как напряглась его гортань.

— Этим дуракам следовало бы остаться с Мандерли.

Русе Болтон пожал плечами

— Носилки лорда Вимана движутся со скоростью улитки… и, несомненно, здоровье и габариты его светлости не позволяют ему путешествовать дольше нескольких часов в день при регулярных остановках для трапезы. Фреям не

терпелось добраться до Барроутона и воссоединиться со своей родней. Разве можно винить их за то, что они поехали вперед?

— Если они и в самом деле поехали. Ты веришь Мандерли?

Бледные глаза его отца сверкнули.

— А что, похоже? И всё же его светлость пребывает в крайнем расстройстве.

— Не в таком сильном, чтобы перестать есть. Лорд Свин, должно быть, прихватил с собой половину запасов Белой Гавани.

— Сорок телег полных еды. Бочки с обычным и пряным вином, бочонки свежевыловленных миног, стадо коз, сотню свиней, ящики крабов и устриц, огромную треску… Лорд Виман любит покушать, как ты мог заметить.

— Я заметил то, что он не привез заложников.

— Я тоже.

— Что ты собираешься с этим делать?

— Хороший вопрос, — лорд Русе нашёл пустую чашу, протер скатертью и наполнил из кувшина. — Мне кажется, Мандерли не одинок в своей любви к пирам.

— Это тебе следовало устроить пир в честь моего возвращения, — возразил Рамси, — и он должен был состояться в Кургане, а не в этом

нужнике.

— Курган и его кухни не мои, чтобы я ими распоряжался, — мягко произнёс его отец. — Я всего лишь гость. Замок и город принадлежат леди Дастин, а она тебя не выносит.

Лицо Рамси потемнело.

— А сможет она меня выносить, если я отрежу ей сиськи и скормлю моим девочкам? Сможет ли она меня выносить, если я сдеру с неё кожу и сделаю себе сапоги?

— Вряд ли. И эти сапоги дорого нам обойдутся. Они будут стоить нам Барроутона, верности Дастинов и Рисвеллов.

Русе Болтон сел за стол напротив сына.

— Барбри Дастин — младшая сестра моей второй жены, дочь Родрика Рисвелла, сестра Роджера, Рикарда и моего тезки Русе, кузина остальных Рисвеллов. Она любила моего покойного сына и подозревает, что ты причастен к его гибели. Леди Барбри — женщина, знающая, что такое затаить обиду. Будь благодарен за это. Барроутон предан Болтонам во многом потому, что она все ещё винит Неда Старка в смерти своего мужа.

— Предан? — бушевал Рамси. — Да она поплёвывает на меня свысока. Придёт день, когда я спалю её драгоценный деревянный город. Пусть

плюёт на него, посмотрим, сможет ли она погасить пламя.

Русе сделал такое лицо, будто эль, который он пил, неожиданно прокис.

— Иногда ты заставляешь меня сомневаться, моё ли ты семя. Мои предки много кем были, но только не глупцами. Нет, замолчи, я слышал достаточно. Да, сейчас мы сильны. У нас есть могущественные друзья в лице Ланнистеров и Фреев, и неохотная поддержка большей части севера… Но что, как ты думаешь, произойдёт, когда объявится один из сыновей Неда Старка?

«*Все сыновья Неда Старка мертвы*, — подумал Вонючка. — *Робб убит в Близнецах, а Бран и Рикон… Мы обмакнули их головы в смолу…*»

В голове стучало, он не хотел вспоминать прошлое до того, как узнал своё имя. Это слишком тяжёлые воспоминания, почти такие же болезненные, как нож для свежевания Рамси...

— Волчата Старка мертвы, — сказал Рамси, глотнув еще немного эля из чаши, — и таковыми и останутся. Пусть только покажут свои мерзкие рожи, и мои девочки разорвут этих волков на куски. Чем раньше они объявятся, тем скорее я снова их убью.

Старший Болтон вздохнул.

— Снова? Это, конечно же, оговорка. Ты никогда не убивал сыновей лорда Эддарда, этих двух прелестных мальчишек, которых мы так обожали. Это работа Теона Перевёртыша, помнишь? Сколько наших сомнительных друзей, по-твоему, осталось бы с нами, если бы открылась правда? Только леди Барбри, которую ты хочешь пустить на сапоги… Плохие сапоги, кстати. Человеческая кожа не такая прочная, как бычья, и не будет так же долго носиться. Указом короля ты теперь Болтон. Постарайся вести себя соответственно. О тебе ходят слухи, Рамси. Я слышу их отовсюду. Люди боятся тебя.

— Хорошо.

— Ошибаешься. Это не хорошо. Обо мне никогда не ходили слухи. Думаешь, иначе я сидел бы здесь? Твои забавы — это твоё дело, я не буду попрекать тебя ими, но стоит быть более благоразумным. Мирная земля, тихий народ. Это всегда было моим правилом. Сделай его своим.

— За этим ты оставил леди Дастин и жирную свинью-жену? Чтобы прийти сюда и велеть мне вести себя тихо?

— Не совсем. Есть новости, которые ты должен услышать. Лорд Станнис наконец покинул Стену.

Рамси приподнялся, улыбка заиграла на его широких влажных губах.

— Он идёт на Дредфорт?

— Увы, нет. Арнольф не понимает этого. Он клянётся, что сделал всё, что мог, чтобы тот заглотил наживку.

— Подозрительно. Поскреби Карстарка и найдёшь Старка.

— После того как Молодой Волк поскрёб лорда Рикарда, это утверждение может быть не так справедливо, как прежде. Но это не важно. Лорд Станнис отобрал Темнолесье у железных людей и вернул его дому Гловеров. Что хуже, к нему присоединилась горные кланы: Вуллы, Норри, Лиддлы и все остальные. Его сила растёт.

— Наша больше.

— Пока.

— Самое время раздавить его. Позволь мне пойти на Темнолесье.

— После твоей женитьбы.

Рамси стукнул чашей о стол, и остатки эля разлились по скатерти.

— Мне надоело ждать. У нас есть девчонка, дерево и достаточно лордов, чтобы засвидетельствовать. Я женюсь на ней завтра, засажу ей между ног сына и выступлю ещё до того, как

высохнет её девичья кровь.

«*Она будет молиться, чтобы ты ушел,* — подумал Вонючка, — *и молиться, чтобы ты никогда не вернулся к ней в постель*».

— Ты засадишь в неё сына, — согласился Русе Болтон, — но не здесь. Я решил, что ты женишься на девчонке в Винтерфелле.

Эта перспектива явно не обрадовала лорда Рамси.

— Я разрушил Винтерфелл, или ты забыл?

— Нет, это ты забыл… Железные люди разрушили Винтерфелл и вырезали всех его жителей. Теон Перевёртыш.

Рамси подозрительно взглянул на Вонючку.

— Да, это сделал он, и всё же… свадьба в этих развалинах?

— Даже разрушенный Винтерфелл остаётся домом леди Арьи. Какое место подойдет лучше для свадьбы, осуществления брака и заявления о твоих правах? Но это только часть дела. Было бы глупо самим выступать на Станниса. Пусть Станнис сам идёт к нам. Он слишком осторожен, чтобы атаковать Барроутон… но он обязан явиться в Винтерфелл. Его горцы не оставят дочь их драгоценного Неда такому, как ты. Станнис либо выступит, либо потеряет их… А учитывая, какой

он осмотрительный полководец, Станнис призовёт всех своих друзей и союзников. И Арнольфа Карстарка.

Рамси облизал свои потрескавшиеся губы.

— И попадётся нам.

— Если так будет угодно богам.

Русе поднялся на ноги.

— Ты женишься в Винтерфелле. Я сообщу лордам, что мы выступаем через три дня, и приглашу их к нам присоединиться.

— Ты Хранитель Севера. Прикажи им.

— Приглашение даст тот же результат. Власть вкуснее, когда подслащена хорошими манерами. Тебе лучше запомнить это, если надеешься когда-нибудь править.

Лорд Дредфорта взглянул на Вонючку.

— Да, и освободи своего питомца. Я его забираю.

— Забираешь? Куда? Он мой. Ты не можешь его забрать.

Русе это, кажется, позабавило.

— Всё, что у тебя есть, дал тебе я. Не забывай об этом, бастард. Что до этого… Вонючки… раз уж ты не сломал его окончательно, он всё еще может быть нам полезен. Сходи за ключами и сними с него цепи до того, как я начну жалеть о том дне,

когда изнасиловал твою мать.

Вонючка видел, как скривился рот Рамси, и на губах заблестела слюна. Он опасался, что тот запрыгнет на стол с кинжалом в руке. Вместо этого Рамси покраснел, отвёл взгляд своих блеклых глаз от ещё более блеклых отцовских и отправился на поиски ключей. Но когда он встал на колени, чтобы снять кандалы с запястий и лодыжек Вонючки, то наклонился и прошептал:

— Не говори ему ни слова и запоминай всё, что он скажет. Я верну тебя, что бы эта сучка Дастин ни говорила. Кто ты?

— Вонючка, милорд. Ваш человек. Я Вонючка, Вонючка-подлючка.

— Правильно. Когда мой отец вернёт тебя, я заберу ещё один палец, позволив тебе выбрать, какой именно.

Непрошеные слёзы побежали по щекам.

— Почему? — вскрикнул Вонючка, сорвавшимся голосом. — Я не просил забирать меня у вас. Я сделаю всё, что пожелаете, я буду служить, подчиняться, я… пожалуйста, не…

Рамси влепил ему пощёчину.

— Забирай, — сказал он отцу. — Он даже не мужчина. Меня тошнит от его запаха.

Когда они вышли наружу, над деревянными

стенами Барроутона поднималась луна. Вонючка слышал, как на равнинах за городом завывает ветер. Между Курганом и скромным замком Харвуда Стаута у восточных ворот было меньше мили. Лорд Болтон предложил ему лошадь

— Ты можешь ехать?

— Я… милорд, я… думаю да.

— Уолтон, помоги ему забраться в седло.

Даже без оков Вонючка двигался, как старик. Его плоть болталась на костях, а Кислый Алин и Костлявый Бен говорили, что у него судороги. А запах… даже кобыла, которую ему привели, метнулась в сторону, когда он попытался её оседлать.

Но лошадь оказалась спокойной и знала дорогу к Кургану. Когда они выехали из ворот, лорд Болтон занял место рядом с Вонючкой. Стража держалась позади на почтительном расстоянии.

— Как мне тебя называть? — спросил лорд, когда они ехали по широким прямым улицам Барроутона.

«Вонючка, я Вонючка, Вонючка-липучка».

— Вонючка, — ответил он, — если угодно милорду.

— М’лорду.

Губы Болтона раскрылись, показав четверть

дюйма его зубов. Это могло быть улыбкой.

Теон не понял.

— Милорд? Я сказал…

— … «*Милорд*», а должен был сказать «*м'лорд*». Твой язык выдает твоё происхождение каждым сказанным словом. Если хочешь казаться настоящим крестьянином, говори так, будто у тебя рот набит землёй или ты слишком глуп, чтобы понять, что там два слога, а не один.

— Если это угодно ми… м'лорду.

— Уже лучше. От тебя довольно мерзко воняет.

— Да, м'лорд. Прошу прошения, м'лорд.

— За что? Твой запах — дело рук моего сына, не твоё. Я прекрасно это понимаю.

Они проехали мимо конюшни и постоялого двора с закрытыми ставнями и нарисованным на вывеске стогом пшеницы. Вонючка услышал льющуюся из окна музыку.

— Я знал первого Вонючку. От него воняло, но не потому, что он не мылся. По правде говоря, я никогда не встречал более чистоплотного создания. Он мылся трижды в день и носил цветы в волосах, как девушка. Как-то раз, когда моя вторая жена ещё была жива, его поймали на воровстве духов из её спальни. За это он получил от меня дюжину ударов хлыстом. Даже его кровь пахла

не как у всех. На следующий год он попытался еще раз. В этот раз он выпил духи и едва не умер. Но это ни к чему не привело. Он родился с таким запахом. Проклятье, как говорили в народе. Боги заставили его вонять, чтобы люди знали, что у него душонка с гнильцой. Мой старый мейстер утверждал, что это признак болезни, но парень был здоров, как бык. Никто не мог находиться рядом с ним, и он спал со свиньями… до того дня, когда мать Рамси появилась у моих ворот с требованием дать слугу моему бастарду, который рос диким и неуправляемым. Я дал ей Вонючку. Это должно было быть забавным, но он и Рамси стали неразлучны. Хотел бы я знать… Рамси испортил Вонючку, или Вонючка — Рамси. — Его светлость посмотрел на нового Вонючку своими бледными и холодными, словно две луны, глазами. — Что он нашёптывал, когда снимал с тебя оковы?

— Он… он сказал…

«*Он сказал ничего тебе не говорить*».

Слова застряли у него в горле, он начал кашлять и задыхаться.

— Дыши глубже. Я знаю, что он сказал. Чтобы ты шпионил за мной и не выдавал его секреты.

Болтон усмехнулся.

— Как будто у него есть секреты. Кислый Алин,

Лутон, Живодёр и все остальные — откуда, он думает, они взялись? Неужели и правда верит, что они его люди?

— Его люди, — повторил Вонючка.

От него ждали какого-то ответа, но он не знал, что сказать.

— Мой бастард рассказывал тебе, откуда он взялся?

Это Вонючка к своему облегчению знал.

— Да, ми… м'лорд. Вы встретили его мать во время конной прогулки и были сражены её красотой.

— Сражён?

Болтон рассмеялся.

— Он использовал это слово? Да у мальчика душа менестреля… Но если ты веришь этой басенке, то ты еще тупее первого Вонючки. Даже про прогулку — ложь. Охотясь на лису вдоль Плачущих Вод, я наткнулся на мельницу и увидел молодую крестьянку, стирающую бельё в реке. Старый мельник завёл новенькую молодую жену, девицу вдвое моложе себя. Высокую, стройную и здоровую. Длинные ноги и маленькие упругие груди, точно две спелые сливы. Хорошенькая по-крестьянски. Я понял, что хочу её, в тот самый миг, как увидел. Я имел на неё право. Мейстеры

скажут, что король Джейехерис отменил право первой ночи, чтобы ублажить свою сварливую королеву, но там, где живут старые боги, живут и старые обычаи. Амберы тоже сохранили первую ночь, что бы они там ни говорили. Некоторые горные кланы тоже, а на Скагосе… что ж, только сердце-древа ведают, что они творят на Скагосе.

— Мельник женился без моего ведома и согласия. Одурачил меня. Поэтому я повесил его и взял своё под тем самым деревом, на котором он болтался. По правде говоря, девица едва ли стоила веревки. Лиса ускользнула, а на обратном пути в Дредфорт мой любимый жеребец охромел, так что, в общем и целом, это был плохой день.

— Год спустя та самая девица имела наглость явиться в Дредфорт с вопящим краснолицым чудовищем, которое, как она заявила, родилось от меня. Мне следовало бы высечь мамашу и бросить её ребенка в колодец… но у младенца и правда были мои глаза. Она сказала, что, когда брат её покойного мужа увидел эти глаза, то избил её в кровь и выгнал с мельницы. Это рассердило меня, потому я отдал мельницу ей и вырезал деверю язык, чтобы убедиться в том, что он не побежит в Винтерфелл с баснями, которые могут обеспокоить лорда Рикарда. Каждый год

я посылал бабе поросят, цыплят и кошель звезд — при условии, что она никогда не расскажет мальчику, кто его отец. Мирная земля, тихий народ — это всегда было моим правилом.

— Прекрасное правило, м'лорд.

— Но женщина ослушалась. Ты видишь, что такое Рамси. Она воспитала его, она и Вонючка, вечно нашёптывающий на ухо о его правах. Он должен был молоть зерно и радоваться. Неужели Рамси в самом деле верит, что сможет когда-нибудь править севером?

— Он сражается за вас, — выпалил Вонючка. — Он силён.

— Быки сильны. Медведи. Я видел, как сражается мой бастард. Это не совсем его вина. Его наставником был Вонючка, первый Вонючка, а он никогда не обучался воинскому искусству. Рамси свиреп, соглашусь с тобой в этом, но он машет мечом, как мясник рубит мясо.

— Он никого не боится, м'лорд.

— А стоило бы. Страх, вот что сохраняет тебе жизнь в этом мире предательства и обмана. Даже здесь, в Барроутоне, вороны кружат в ожидании момента вкусить нашу плоть. На Сервинов и Толлхартов нельзя положиться, мой жирный друг лорд Виман замышляет измену, а Смерть

Шлюхам… Амберы могут казаться простаками, но и им не чуждо определенное коварство. Рамси должен бояться их всех, как боюсь я. Передай ему это, когда увидишь его в следующий раз.

— Передать ему… сказать, чтобы боялся?

Вонючке стало нехорошо от одной мысли об этом.

— М'лорд, если я это сделаю, он…

— Я знаю.

Лорд Болтон вздохнул.

— У него дурная кровь. Ему нужно поставить пиявок. Пиявки высосут всю дурную кровь, всю ярость и боль. Ни один человек не может мыслить здраво, когда в нём столько гнева. Но Рамси… боюсь, его испорченная кровь отравит даже пиявок.

— Он ваш единственный сын.

— Сейчас. Когда-то у меня был ещё один. Домерик. Тихий мальчик, но очень одарённый. Он четыре года служил пажом леди Дастин и три года в Долине оруженосцем лорда Редфорта. Он играл на высокой арфе, читал книги и скакал как ветер. Лошади… мальчик был ими одержим, леди Дастин подтвердит. Даже дочь лорда Рикарда не могла за ним угнаться, а она сама была наполовину лошадью. Редфорт говорил, что он многого

добьётся на турнирах. Великий боец должен в первую очередь быть великим наездником.

— Да, м'лорд. Домерик. Я… я слышал это имя…

— Рамси убил его. Мейстер Утор называл это кишечными коликами, а я скажу — яд. В Долине Домерик подружился с сыновьями Редфорта. Он тоже захотел иметь поблизости брата, поэтому поехал к Плачущим Водам, чтобы разыскать моего бастарда. Я запретил ему, но Домерик был взрослым мужчиной и считал себя умнее своего отца. Теперь его кости покоятся под Дредфортом вместе с костями его братьев, которые умерли ещё в колыбели. А мне остался Рамси. Скажите, милорд… если за убийство родичей проклинают, что тогда делать отцу, когда один его сын убивает другого?

Вопрос напугал Вонючку. Однажды он услышал, как Живодёр сказал, будто Бастард убил своего законнорождённого брата, но никогда не осмеливался этому верить. «*Он может ошибаться. Братья иногда умирают, и это не значит, что их убили. Мои братья погибли, а я не убивал их*».

— У милорда есть новая жена, чтобы даровать ему сыновей.

— И как это понравится моему бастарду? Леди Уолда из Фреев и кажется плодовитой. Я странно

привязался к моей толстой маленькой жёнушке. Две предыдущие не издавали в постели ни звука, а эта визжит и извивается. Я нахожу это довольно милым. Если она будет выбрасывать сыновей так же активно, как забрасывает в себя пироги, то Дредфорт скоро будет ломиться от Болтонов. И Рамси, конечно же, убьет их всех. Это к лучшему. Я не проживу достаточно долго, чтобы увидеть моих новых сыновей взрослыми, а маленькие лорды — проклятие любого дома. Хотя Уолду опечалит их смерть.

У Вонючки пересохло в горле. Он слышал, как воет ветер сквозь ветви вязов, росших вдоль улицы.

— Милорд, я…

— М'лорд, помнишь?

— М'лорд. Если мне позволено узнать… зачем я вам? Я бесполезен, я даже не мужчина, я сломан, и… этот запах…

— Ванна и новая одежда сделают запах приятнее.

— Ванна?

Вонючка почувствовал, как у него сжались все внутренности.

— Я… я бы не стал, м'лорд. Пожалуйста. У меня… раны, я… и эти вещи, лорд Рамси дал мне их,

он… он сказал, что я не должен их снимать, он приказал беречь их.

— Ты одет в лохмотья, — довольно терпеливо объяснил лорд Болтон. — Одежда грязная, драная, вся в пятнах, воняет кровью и мочой. К тому же она тонкая. Тебе, должно быть, холодно. Мы оденем тебя в овечью шерсть, мягкую и тёплую. Может, в подбитый мехом плащ. Хочешь?

— Нет.

Он не может позволить отобрать у него одежду, данную ему лорд Рамси. Он не может позволить им *увидеть* его тело.

— Может, ты предпочёл бы шёлк и бархат? Насколько я помню, когда-то тебе они нравились.

— Нет, — настаивал Вонючка. — Нет, я хочу только эту одежду. Одежду Вонючки. Я Вонючка, Вонючка-вздрючка.

Его сердце стучало, как барабан, а голос превратился в испуганный писк.

— Я не хочу ванну. Пожалуйста, м'лорд, не забирайте мою одежду.

— Ты, по крайней мере, позволишь нам её постирать?

— Нет. Нет, м'лорд. Пожалуйста.

Он обхватил себя обеими руками и сгорбился в седле, опасаясь, что Русе Болтон может приказать

своей страже разорвать его одежду прямо здесь, на улице.

— Как хочешь.

Бледные глаза Русе Болтона казались пустыми в лунном свете, будто за ними никого не было.

— Ты должен понять, что я не желаю тебе зла. Я в долгу перед тобой.

— Правда?

Какая-то его часть кричала: «*Это ловушка, он играет с тобой, сын лишь тень своего отца*». Лорд Рамси постоянно играл с его надеждами.

— За что вы в долгу передо мной, м'лорд?

— За север. Старки были обречены с той самой ночи, когда ты захватил Винтерфелл. — Он небрежно взмахнул рукой. — Всё это лишь делёжка добычи.

Их короткая поездка окончилась у деревянных стен Кургана. Знамёна реяли на его квадратных башнях, хлопая на ветру: ободранный человек Дредфорта, боевой топор Сервинов, сосны Толлхарта, водяной Мандерли, скрещённые ключи старого лорда Локки, великан Амберов, каменная рука Флинтов и лось Хорнвуда. У Стаутов — красно-коричневое знамя с золотом, у Слэйтов — серое поле с двумя белыми лентами. Четыре лошадиные головы представляли Рисвеллов из

Родников: серая, чёрная, золотая и коричневая. Шутили, что Рисвеллы не могли договориться даже о цвете своих гербов. И над всем этим развевался «олень и лев» мальчика, который сидел на Железном Троне в тысячах лиг от них.

Вонючка слышал вращение крыльев старой мельницы, когда они въезжали в ворота на поросший травой двор. Им навстречу вышли мальчишки-конюхи, чтобы забрать лошадей.

— Сюда, пожалуйста.

Лорд Болтон проводил его в замок, над которым развевались знамёна покойного лорда Дастина и его вдовы. На первом была изображена корона над скрещёнными топорами; на втором к ним добавилась золотая конская голова Родрика Рисвелла.

Вонючка поднимался в замок по широкой деревянной лестнице на трясущихся ногах. Он остановился, чтобы дать им отдохнуть, глядя на покрытые травой склоны Великого Кургана. Некоторые говорили, что это могила Первого короля, который привёл Первых Людей в Вестерос. Другие утверждали, что, судя по размерам кургана, здесь погребён какой-то король великанов. Некоторые даже считали, что это вообще не курган, а просто холм, но если так, то это был

одинокий холм, ведь большая часть подвластных Кургану земель была плоской и продувалась всеми ветрами.

Внутри, у очага, стояла женщина, греющая ладони над углями гаснущего огня. Она была с головы до пят одета в чёрное и не носила ни золота, ни драгоценных каменьев, но было очевидно, что она знатного происхождения. Несмотря на морщинки в уголках рта и, особенно, вокруг глаз, женщина до сих пор оставалась стройной, статной и привлекательной. Её наполовину седые каштановые волосы были собраны на затылке во вдовий узел.

— Кто это? — спросила она. — Где юноша? Твой бастард отказался его отдать? Этот старик — его… о, боги, будьте милосердны, что это за запах? Это существо обмаралось?

— Он был с Рамси. Леди Барбри, позвольте представить вам законного правителя Железных Островов, Теона из рода Грейджоев.

«*Нет*, — подумал Вонючка, — *не произносите это имя, Рамси услышит, он узнает, узнает, он сделает мне больно*».

Она поджала губы.

— Не такого я ожидала.

— Он все, что у нас есть.

— Что твой бастард с ним сотворил?

— Содрал немного кожи, как я понимаю. Несколько небольших кусочков. Ничего существенного.

— Он безумен?

— Возможно. Это имеет значение?

Вонючка не мог больше этого слушать.

— Пожалуйста, м'лорд, м'леди, это какая-то ошибка.

Он упал на колени, дрожа как лист в зимнюю бурю, слёзы бежали по его впалым щекам.

— Я не он, я не Перевёртыш, он погиб в Винтерфелле. Меня зовут Вонючка.

Он должен помнить своё имя.

— Вонючка-белоручка.

Глава 33. Тирион

Только на седьмой день плаванья отправившейся из Волантиса «Селейсори Кхоран» Пенни наконец показалась из своей каюты. Она выползла на палубу — ни дать ни взять какая-нибудь робкая лесная зверушка, выбирающаяся после долгой зимней спячки.

Смеркалось, и красный жрец разжёг ночной огонь в большой железной жаровне посередине корабля, а команда собралась вокруг для молитвы. Голос Мокорро напоминал рокот барабана, доносившийся нараставшим гулом откуда-то из глубин его мощного тела.

— Благодарим тебя за солнце, что согревает нас, — молился он. — Благодарим тебя за звёзды, что охраняют нас в плавании через холодное черное море.

Жрец был огромным — выше сира Джораха и толще его в два раза, одетым в красные одежды, расшитые оранжевыми атласными языками пламени по краям рукавов, подолу и воротнику. Кожа жреца была чёрной как сажа, волосы — белыми как снег, а на щеках и на лбу вытату-

ированы жёлтые и оранжевые языки пламени. У него имелся железный посох, длиной не уступавший росту хозяина и увенчанный драконьей головой; когда жрец бил им о палубу, пасть дракона изрыгала потрескивающее зелёное пламя.

Его стражники — пять рабов-воинов Огненной Длани — пели ответные слова молитвы. Они возносили песнопения на языке Старого Волантиса, но Тирион слышал много молитв, чтобы уловить суть. «*Зажги наш огонь и защити нас от тьмы*… и снова пятое-десятое… *озари наш путь и согрей нас, ночь темна и полна ужасов, убереги нас от всякой жути*… и так далее в том же духе».

Впрочем, он не стал озвучивать эти свои мысли. Тирион Ланнистер вовсе не нуждался в богах, но на этом корабле разумнее было выказывать определенное почтение к красному Рглору. Как только корабль отошел достаточно далеко от берега, Джорах Мормонт снял с Тириона кандалы, и Бесу не хотелось давать рыцарю повод снова их на него нацепить.

«Селейсори Кхоран» представляла собой неуклюжую лохань водоизмещением пятьсот тонн с глубоким трюмом, высокими надстройками на носу и корме и одной-единственной мачтой между ними. На баковой надстройке торчала

нелепейшая резная фигура — какой-то изъеденный червями деревянный сановник со свитком подмышкой, по виду страдающий запором. Тирион в жизни не видел более уродливого корабля.

Команда была ничуть не краше. Капитан — чёрствый сквернослов с брюшком и близко посаженными алчными глазами — прескверно играл в кайвассу и совсем не умел проигрывать. Ещё на корабле служили четыре его помощника — все вольноотпущенники, и пятьдесят приписанных к кораблю рабов — у каждого на щеке было вытатуировано грубое подобие носовой фигуры кога. Сколько ни твердил Тирион морякам, что его зовут Хугор Хилл, они предпочитали звать его Безносым.

Три помощника и добрых три четверти команды были рьяными почитателями Владыки Света. В отношении капитана Тирион был не совсем уверен — тот каждый раз выходил к вечерней молитве, но никакого участия в ней не принимал. Однако настоящим хозяином «Селейсори Кхоран» был Мокорро — по крайней мере, на время этого путешествия.

— Владыка Света, благослови раба твоего Мокорро и озари ему путь в тёмных краях этого мира, — гудел красный жрец. — Защити твоего

благочестивого раба Бенерро. Даруй ему отвагу. Даруй ему мудрость. Наполни его сердце огнем.

В этот момент Тирион заметил Пенни — та наблюдала за представлением с крутой лестницы, ведущей под кормовую надстройку. Карлица стояла на нижней ступеньке, так что видна была только голова. Под капюшоном в свете жаровни ярко блестели её большие глаза. При ней была собака — тот самый большой серый пес, на котором она ездила во время потешных турниров.

— Миледи, — тихо позвал Тирион. Конечно, никакая она не леди, но он никак не мог заставить себя произнести эту её нелепую кличку и, тем более, не собирался называть ее «девушка» или «карлица».

Она отпрянула назад:

— Я... я вас не заметила.

— Немудрено, я же невелик.

— Мне... мне было нехорошо...

Пес гавкнул.

«*Убита горем, ты хотела сказать*».

— Если я могу чем-то помочь...

— Нет, — и она тут же скрылась внизу — в каюте, которую делила со своими псом и свиньёй. Тирион не мог её винить. Команда «Селейсори Кхоран» несказанно обрадовалась, стоило ему

ступить на борт: в конце концов, карлик сулит удачу. Матросы терли ему голову на счастье так часто и рьяно, что Тирион чудом не лишился всей шевелюры. Но вот Пенни встретили куда более неоднозначно: она, конечно, тоже была карлицей, но при этом — женщиной, а женщина на судне — к беде. На каждого матроса, пытавшегося потереть ей голову на счастье, приходилось трое, бормочущих себе под нос проклятия при ее появлении.

«*И мой вид только бередит её раны. Мерзавцы отрезали её брату голову в надежде, что это моя голова, и все же я сижу тут, словно какая-то проклятая горгулья, и твержу свои глупые утешения. На её месте единственным моим желанием было бы спихнуть меня в море*».

Сам он не испытывал к девушке ничего, кроме жалости. Она не заслужила того кошмара, с которым столкнулась в Волантисе — и её брат тем более не заслуживал уготованной ему участи. Последний раз, когда Тирион видел карлицу — перед тем, как они покинули порт, её заплаканные глаза были похожи на две страшные ямы, красневшие на бледном изнуренном лице. К тому времени, как «Селейсори Кхоран» поднял паруса, Пенни закрылась в каюте со своими животными,

но ночью оттуда доносились её рыдания. Только вчера Тирион слышал, как один из помощников капитана заявил, что не худо бы выкинуть карлицу за борт, пока она не утопила судно в слезах. Тирион был не вполне уверен, что он шутит.

Когда вечерняя молитва окончилась, команда вновь разбрелась по кораблю — кто-то на вахту, кто-то ужинать, выпить рому или в свой гамак спать. Мокорро, как и все прежние ночи, остался у огня. Красный жрец спал днём, но бодрствовал в тёмное время суток, поддерживая священное пламя, чтобы поутру к ним могло вернуться солнце.

Тирион присел напротив на корточки и вытянул зябнущие от ночного холода руки над жаровней. Первое время Мокорро даже не замечал его, таращась в мерцающее пламя, словно забывшись в каком-то наваждении. «*Неужели он и правда, как утверждает, видит грядущее*?» Если так, то это зловещий дар. Наконец, жрец поднял глаза и встретился взглядом с Тирионом.

— Хугор Хилл, — сказал он, торжественно склонив голову. — Ты пришел помолиться со мной?

— Кое-кто сказал мне, что ночь темна и полна ужасов. Что ты видишь в этом огне?

— Драконов, — ответил Мокорро на общем язы-

ке Вестероса. Он говорил по-вестеросски очень хорошо, почти без акцента — без сомнения, это была одна из причин, по которым верховный жрец Бенерро выбрал именно его донести свет веры в Рглора до Дейенерис Таргариен. — Драконов — старых и молодых, истинных и ложных, светлых и тёмных. И тебя. Маленького человечка с большой тенью, замешанного во все это.

— Замешанного? Это ты про такого-то душку, как я? — Тириону это почти польстило. «*Именно этого он и добивается — любому дураку приятно слышать, какой он важный*». — Может, это ты Пенни видел в огне. Мы почти одного роста.

— Нет, друг мой.

«*Друг мой? Это когда же, интересно знать, мы успели подружиться?*»

— Не узрел ли ты там, долго ли ещё нам плыть до Миэрина?

— Не терпится увидеть избавительницу мира?

«*И да, и нет. Избавительница мира может отчикать мне голову или скормить драконам на десерт*».

— Нет, это не про меня, — сказал Тирион. — Для меня главное — маслины. Боюсь, что состарюсь и умру, прежде чем попробую хоть одну. По мне, быстрее добраться вплавь по-собачьи, чем на

этом судне. Вот скажи, этот ваш Селейсори Кхоран был триархом или черепахой?

Красный жрец усмехнулся:

— Ни то, ни другое. «Кхоран» — это... не правитель, а тот, кто ему служит и советует, помогает вести дела. Вы, вестеросцы, сказали бы «стюард» или «магистр».

«*Или Десница короля*?» — это его позабавило.

— А «селейсори»?

Мокорро дотронулся до носа:

— Источающий приятный аромат. Как это по-вашему — благоухающий? Душистый?

— Так значит, «Селейсори Кхоран» означает «вонючий стюард», примерно так?

— Скорее, «благоухающий стюард».

Тирион криво улыбнулся:

— Я, пожалуй, остановлюсь на «вонючем». Но спасибо за наставление.

— Рад, что просветил тебя. Возможно, когда-нибудь ты позволишь также наставить тебя в истине Рглора.

— Когда-нибудь.

«*Когда моя голова окажется на пике*».

Каморку, которую он делил с сиром Джорахом, можно было назвать каютой только из вежливости. Сырая, тёмная, зловонная клетушка, куда

едва влезли два спальных гамака — один над другим. Мормонт растянулся в нижнем, медленно покачиваясь в такт движению корабля.

— Девушка, наконец, высунула нос на палубу, — сообщил ему Тирион. — Стоило ей завидеть меня, как она рванула обратно вниз.

— Зрелище из тебя неприглядное.

— Ну, не всем же быть красавчиками вроде тебя. Девчушка отчаялась. Я бы не удивился, если бы бедняжка прокралась наверх только для того, чтобы перемахнуть через борт и утопиться.

— Бедняжку зовут Пенни.

— Я знаю, как её зовут, — это имя Тирион возненавидел. Брат карлицы умер под именем Грош, но по-настоящему его звали Оппо. «*Грош и Пенни. Самые мелкие монеты, наименее ценные — и, что хуже всего, они сами выбрали себе такие прозвища*». От этого Тириону стало горько.

— Как бы её ни звали, ей нужен друг.

Сир Джорах сел в гамаке:

— Ну так подружись с ней. Хоть женись на ней, мне-то что.

И от этого его горечь только усилилась:

— Подобное к подобному, так вы считаете? Не поискать ли вам и себе медведицу, сир?

— Это ты настоял на том, чтобы мы её взяли.

— Я сказал, что мы не можем оставить её в Волантисе. Это не значит, что я собираюсь её поиметь. Она моей смерти хочет, не забыли? Я последний человек на свете, кого она выберет себе в друзья.

— Вы оба карлики.

— Да, и её брат был карлик, и погиб потому, что какие-то пьянчуги приняли его за меня.

— Чувствуешь за собой вину?

— Нет, — ощетинился Тирион. — На моей совести уже достаточно грехов, но к этой смерти я непричастен. Может, я и питал некую неприязнь к ней с братом за те роли, которые они сыграли в ночь свадьбы Джоффри, но никогда не желал им зла.

— Конечно-конечно, ты безобидное создание. Невинен, как агнец, — сир Джорах поднялся на ноги. — Девочка-карлица — это твое бремя. Целуй, убей или избегай — как тебе больше понравится. Мне до неё дела нет.

Он задел плечом Тириона, протискиваясь из каюты.

«*Неудивительно, что его дважды изгнали*, — подумал Тирион. — *Я бы его тоже прогнал, если бы мог. Холодный, задумчивый, угрюмый, без чувства юмора — и это еще его достоинства*».

Сир Джорах проводил большую часть дня за разглядыванием моря, меряя шагами носовую надстройку или облокотившись о перила.

«*Ждёт встречи со своей серебряной королевой. Стремится к Дейенерис, желая лишь, чтобы корабль шёл как можно скорее. Возможно, я поступил бы так же, если бы в Миэрине меня ждала Тиша*».

Может ли Залив Работорговцев быть тем самым местом, куда отправляются шлюхи? Маловероятно. Из прочитанного Тирион знал, что города работорговцев как раз наоборот — поставляют шлюх. «*Мормонту следовало бы прикупить себе одну*». Миленькая рабыня чудесным образом исправила бы его характер... особенно какая-нибудь с серебряными волосами, вроде той шлюшки, которую Мормонт насадил на свой член в Селхорисе.

На реке Тириону пришлось терпеть Грифа, но, по крайней мере, тогда его развлекали тайны, которыми окружал себя капитан «Скромницы», да и остальная компания на речном судне держалась по-свойски. Увы, на коге все были именно теми, кем казались, общий язык искать было особо не с кем, и кроме красного жреца интересных людей здесь не было. «*Он и, может быть, Пенни. Но*

девушка меня ненавидит, как ей и следует».

Жизнь на борту «Селейсори Кхоран» оказалась для Тириона невероятно скучна. За весь день не находилось занятия интереснее, чем колоть себе пальцы ножом. На реке хоть были чудеса, на которые можно полюбоваться: гигантские черепахи, разрушенные города, каменные люди, обнажённые септы. Не угадаешь, что может скрываться за очередным поворотом реки. На море же дни и ночи не отличались друг от друга. Первое время после Волантиса ког шел вдоль берега, и Тирион мог смотреть на попадавшиеся мимоходом мысы, наблюдать за стаями морских птиц, взлетавших со скал и развалин сторожевых башен, считать оставшиеся за кормой голые бурые острова. Он видел и множество других кораблей — рыбацкие лодки, неуклюжие торговые суда, величавые галеры, взбивавшие волны веслами в белую пену. Потом они отошли дальше от берега, и остались только море и небо, воздух и вода. Вода как вода, небо как небо. Разве что иногда с облачком. «*Слишком много синевы вокруг*».

Ночи были еще хуже. И в лучшие-то времена Тирион плохо спал, а нынешние были далеко не лучшими. Попытки уснуть грозили ему кошмарами, а в них его ждали Горести и каменный король

с отцовским лицом. У Беса остался небогатый выбор — либо забираться в гамак и слушать, как внизу храпит Джорах Мормонт, либо торчать на палубе и созерцать море. В безлунные ночи море от горизонта до горизонта было черно, как мейстерские чернила. Тёмное, глубокое, пугающее, жутковато-прекрасное — вглядываясь в него, Тирион ловил себя на том, что думает, как легко перемахнуть через планшир и кануть вниз во тьму. Один крошечный всплеск — и жалкая сказочка-жизнь окончится. «*Но что, если ад существует, и отец ждет меня там*?»

Лучшим событием каждого вечера становился ужин. Еда была не то чтобы хороша, но её было много, поэтому туда Тирион и проследовал. Камбуз, где он принимал пищу, был тесным и неудобным помещением с таким низким потолком, что пассажирам ростом повыше постоянно грозила опасность проломить череп — в первую очередь это касалось рослых рабов-воинов Огненной Длани. Как бы Тириону ни нравилось хихикать над этим, он всё же предпочёл есть в одиночестве. Для него очень быстро стало невыносимым сидеть за переполненным столом с людьми, говорящими на другом языке, прислушиваться к их беседам и шуткам, не понимая

ни слова. Особенно тягостно стало с тех пор, как он начал всякий раз задумываться, не над ним ли смеются.

На камбузе же хранились и книги. Капитан оказался заядлым книгочеем, так что держал на судне аж три тома: книгу стихов о море (один другого хуже), залапанный томик постельных похождений юной рабыни в лиссенийском доме подушек и четвертый (последний) том «Жизни триарха Беличо» — знаменитого волантисского патриота, чья непрерывная череда завоеваний и триумфов безвременно оборвалась, когда его съели великаны. Тирион прочитал все три книги к третьему дню плавания. За отсутствием другого чтения он взялся за них снова. Книжка про рабыню была написана хуже остальных, зато увлекательнее, и именно её Тирион прихватил с собой, почитать в тот вечер за ужином из свёклы с маслом, холодной ухи и галет — таких черствых, что ими можно было забивать гвозди.

Он читал рассказ девушки о том дне, когда её с сестрой схватили работорговцы, когда на камбуз заглянула Пенни.

— Ох, — сказала она. — Я думала... я не хотела беспокоить м'лорда, я...

— Ты меня ничуть не беспокоишь. Надеюсь, ты

не собираешься попытаться убить меня вновь?

— Нет, — она отвела взгляд, и её лицо зарделось.

— В таком случае я не возражаю против приятной компании. На нашем судне с этим туго, — Тирион закрыл книгу. — Подходи, садись, ешь.

До сих пор девушка оставляла почти всю еду нетронутой у двери каюты — к нынешнему дню она должна была оголодать.

— Уха почти съедобная. По крайней мере, рыба в ней свежая.

— Нет, я... я как-то подавилась рыбной костью, и не могу есть рыбу.

— Тогда выпей вина, — он налил чашу и пододвинул ей. — Угощение от нашего капитана. По правде сказать, оно больше похоже на мочу, чем на арборское золотое, но даже моча лучше на вкус, чем этот чёрный смолистый ром, который пьют матросы. Возможно, вино поможет тебе уснуть.

Девушка даже не притронулась к чаше:

— Благодарю, м'лорд, но я не буду, — отступила она. — Не хотела вас беспокоить.

— Ты собираешься провести всю свою жизнь в бегах? — спросил Тирион, прежде чем Пенни успела выскользнуть за дверь.

Это её остановило. Щеки у неё стали ярко-розовыми, и Тирион испугался, что она сейчас опять заплачет. Вместо этого карлица с вызовом надула губки и заявила:

— Вы и сами в бегах.

— Это верно, — признал он. — Но я бегу *куда-то*, а ты *откуда-то*, и между этими понятиями огромная разница.

— Нам бы не пришлось убегать, если бы не вы.

«*Хватило же ей смелости сказать мне это в лицо*».

— Это ты про Королевскую Гавань или про Волантис?

— И про то, и про другое, — у неё на глаза навернулись слезы. — Про все. Ну почему вы не могли сразиться с нами на пиру, как хотел король? Вы бы не поранились. Чего вам стоило, м'лорд, сесть на нашего пса и, сразившись с нами, порадовать мальчика? Просто маленькая потеха — они бы над вами посмеялись, вот и все.

— Они бы надо мной посмеялись, — повторил Тирион. «*Вместо этого я заставил их смеяться над Джоффом. Какая каверза вышла, а*?»

— Брат говорил, что смешить людей хорошо. Благородное занятие, и почетное. Брат говорил... он... — По её лицу побежали хлынувшие слезы.

— Мне жаль твоего брата, — Тирион уже говорил ей те же слова и раньше, в Волантисе, но тогда она была так убита горем, что едва ли слышала их.

Сейчас она услышала.

— Жаль. Вам жаль, — её губы дрожали, щеки были мокры от слез, глаза покраснели. — Мы бежали из Королевской Гавани в ту самую ночь. Брат сказал, что так будет лучше, до того как кто-нибудь заинтересуется, не причастны ли мы к смерти короля, и станет нас пытать, чтобы это узнать. Сначала мы поехали в Тирош. Брат думал, что это достаточно далеко — но не тут-то было. Там у нас был знакомый жонглёр. Он много лет подряд каждый день жонглировал у Фонтана Пьяного Бога. Он был стар, и руки у него стали уже не такие ловкие, как прежде, и иногда он ронял мячи и гонялся за ними по площади, но тирошийцы все равно смеялись и кидали ему монетки. Однажды утром мы услышали, что его тело нашли в храме Триоса. У Триоса три головы, и за дверями храма стоит его большая статуя. Старика разрубили натрое и запихали Триосу в три пасти. Тело сшили обратно, вот только головы при нем не было.

— Её отнесли моей милой сестрице. Он тоже

был карлик?

— Да, невысокий. Как вы и как Оппо-Грош. Вам и жонглера жаль?

— До этой самой минуты я не знал, что он жил на свете, но... да, мне его жаль.

— Он умер из-за вас. Его кровь у вас на руках.

Обвинение задело Тириона особенно после недавних слов Джораха Мормонта.

— Его кровь на руках моей сестры и тех скотов, что его зарезали. На моих руках... — Тирион повернул руки ладонями вверх, осмотрел, сжал в кулаки, — ...на моих руках запеклась старая кровь, да. Назови меня убийцей родичей — не ошибешься. Цареубийцей — я и это приму. Я убивал матерей, отцов, племянников, мужчин и женщин, королей и шлюх. Однажды меня разозлил певец, и я сварил из паскуды похлёбку. Но я никогда не убивал ни жонглеров, ни карликов, и не надо меня винить за то, что случилось с твоим окаянным братом.

Пенни ухватила чашу вина, которую ей налил Тирион, и выплеснула ему в лицо. «*Прямо как моя милая сестра*». Он услышал, как хлопнула дверь камбуза, но не видел, как ушла карлица — глаза щипало, мир расплылся. «*Вот и подружились*».

Тирион Ланнистер имел небогатый опыт общения с другими карликами. Его лорд-отец не приветствовал никаких напоминаний об уродстве сына, и скоморошьи балаганы с лилипутами скоро научились держаться подальше от Ланниспорта и Кастерли Рок, не желая гневить лорда Ланнистера. С годами Тирион узнал о карлике-шуте, которого держал дорнийский лорд Фаулер, о карлике-мейстере, служащем где-то на Перстах, и о карлице в рядах молчаливых сестёр, но никогда не испытывал ни малейшего желания встретиться с ними. До него доходили и менее достоверные слухи — о ведьме-невеличке, живущей на каком-то холме в Речных Землях, и о карлице-шлюхе из Королевской Гавани, которая прославилась тем, что давала собакам себя сношать. О последней Тириону поведала его собственная милая сестрица, даже предложившая привести суку с течкой, если ему охота попробовать. Когда он вежливо спросил, не себя ли она имела в виду, Серсея плеснула ему в лицо вином из чаши. «*Помнится, то было красное, а это золотое*». Тирион утерся рукавом. Глаза все еще щипало.

После этого он не видел Пенни до самого дня бури.

Солёный воздух в то утро застыл и налился

тяжестью, но небо на западе окрасилось огненно-красным, и его располосовали низкие тучи, светившиеся ярко, точно ланнистерский багрянец. Моряки забегали по палубе, задраивая люки, они стравливали снасти, очищали палубу и найтовили всё, что не было прибито намертво.

— Надвигается скверный ветер, — предупредил Беса один из матросов. — Безносому лучше уйти вниз.

Тириону прекрасно запомнилась буря, от которой ему пришлось натерпеться, когда он пересекал Узкое море — как прыгала под ногами палуба, какие жуткие скрипы издавал корабль, как во рту стоял привкус вина и блевотины.

— Нет уж, Безносый останется тут наверху. — Если уж боги вздумали его прибрать, то лучше уж утонуть в море, а не захлебнуться собственной рвотой.

Над головой полоскался холстяной парус кога, точно шкура какого-то огромного зверя, встряхивающегося после долгого сна. Затем раздался громкий треск, заставивший всех на корабле обернуться.

Ветра отогнали ког далеко от прежнего курса. За кормой на кроваво-красном небе громоздились друг на дружке чёрные тучи. К середине

утра уже стало видно, как на западе полыхают молнии, вдалеке гремел гром. Море взволновалось, тёмные валы накатывали и бились о борта «Вонючего стюарда». Вот тогда команда решилась спустить парус. Посередине корабля Тирион только путался под ногами, поэтому он взобрался на бак и притаился, чувствуя вкус холодных струй дождя на лице. Ког ходил вверх-вниз и вставал на дыбы выше, чем любая лошадь, на которой ему доводилось ездить верхом; судно поднималось на каждой волне и ухало следом вниз, встряхивая Тириона так, что клацали зубы. И всё равно, тут наверху было лучше, чем внизу в душной каюте — хотя бы видно, что происходит.

Шторм улёгся только к вечеру, и Тирион Ланнистер промок до нитки, но почему-то испытывал ликование... ещё более усилившееся, когда он обнаружил Джораха Мормонта вдрызг пьяным в луже блевотины на полу каюты.

После ужина Тирион засиделся в кубрике, отметив своё спасение несколькими кружками чёрного смолянистого рома, распитого с корабельным коком. Это был здоровенный волантиец, жирный и неотёсанный, который знал на общем языке только одно слово — «дрючить», зато неистово играл в кайвассу, особенно в подпитии.

В этот вечер они сыграли три партии: Тирион выиграл первую, две другие проиграл. После этого Бес решил, что с него достаточно, и выкатился на палубу подышать свежим воздухом и изгнать ромовые пары и кайвассных слонов из головы.

Он нашел Пенни на баке — там, где обычно обретался сир Джорах. Карлица стояла у перил за гнусной полусгнившей носовой фигурой кога и глядела куда-то за чернильное море. Со спины она казалась маленькой и уязвимой, как ребенок.

Тирион решил, что лучше уйти и не беспокоить её, но было уже поздно — она его услышала.

— Хугор Хилл.

— Если тебе так угодно.

«*Мы оба знаем, кто я*».

— Извини, что помешал. Я ухожу.

— Нет, — лицо Пенни было бледное и грустное, но непохоже, что она плакала. — Я извиняюсь. За вино. Это не вы убили моего брата или того бедного старика в Тироше.

— Я сыграл свою роль, хотя и невольно.

— Я так по нему скучаю. По брату. Я...

— Я понимаю, — он осознал, что думает о Джейме. «*Считай, что тебе повезло — твой брат умер, не успев тебя предать*».

— Я думала, что хочу умереть, — призналась

она, — но сегодня, когда началась буря и мне казалось, что корабль вот-вот утонет, я... я...

— Ты поняла, что все-таки ещё хочешь пожить.

«*И я тоже. Что-то общее у нас все-таки есть*».

Зубы у девушки были кривые, и поэтому она стеснялась улыбаться — но сейчас улыбнулась.

— Вы правда сварили из певца похлебку?

— Кто — я? Нет. Я и готовить-то не умею.

Пенни захихикала — совсем как милая девчушка, которой она и была... Семнадцать-восемнадцать лет, не старше девятнадцати.

— Что он наделал, этот певец?

— Сочинил обо мне песню.

«*Там жила она, его тайный клад, наслажденье его и позор. И он отдал бы замок и цепь свою за улыбку и нежный взор*». Странно, как быстро вспомнились слова — быть может, он никогда их и не забывал. «*Золотые руки всегда холодны, ну а женские — горячи...*».

— Наверное, это была очень плохая песня.

— Не совсем. Конечно, это были не «Рейны из Кастамере», знаешь ли, но некоторые места в ней... ну...

— Что там было?

Он засмеялся.

— Нет, тебе точно не захочется послушать моё пение.

— Мама пела нам, когда мы были детьми. Брату и мне. Она всегда говорила, что неважно, как ты поешь, если тебе нравится песня.

— Она была...

— ...Невеличкой? Нет, но наш отец — да. Его собственный папаша продал его работорговцу, когда отцу было три, но с годами он стал таким знаменитым скоморохом, что сам купил себе свободу. Он объездил все Вольные Города и Вестерос тоже. В Староместе его звали Боб-Попрыгун.

«*А то как же*». Тирион постарался не поморщиться.

— Теперь он уже умер, — продолжала Пенни. — И мама тоже. Оппо... кроме него, у меня не было семьи, и теперь его тоже нет, — она отвернулась и устремила взгляд вдаль на море. — Что мне делать? Куда идти? Я ничего не умею, кроме как выступать с потешным турниром, а для него нужны двое.

«*Нет*, — подумал Тирион, — *туда тебе путь заказан, девочка. Даже и не проси меня, даже не думай*».

— Найди себе какого-нибудь сиротку, — предложил он.

Пенни его, похоже, не услышала.

— Это отец придумал устраивать потешные турниры. Он сам выдрессировал первую свинью, но к тому времени здоровье ему уже не позволяло на ней ездить, так что его место занял Оппо. Я всегда ездила на собаке. Мы как-то выступали перед морским владыкой Браавоса, и он так хохотал, что потом дал каждому из нас... дорогой подарок.

— Это там вас нашла моя сестра? В Браавосе?

— Ваша сестра? — растерялась девушка.

— Королева Серсея.

Пенни покачала головой.

— Она никогда не... к нам в Пентосе пришел мужчина. Осмунд. Нет, Освальд. Что-то в таком роде. Это Оппо встречался с ним, не я. Оппо за нас обо всем договаривался. Брат всегда знал, что делать и куда нам ехать дальше.

— Дальше нам ехать в Миэрин.

Карлица озадаченно поглядела на него.

— Кварт, вы хотели сказать. Мы направляемся в Кварт через Новый Гис.

— Нет, в Миэрин. Ты прокатишься на псе перед драконьей королевой и уйдешь от неё, получив столько золота, сколько весишь сама. Лучше налечь на еду, чтобы предстать перед её величеством миленькой и пухленькой.

Пенни не улыбнулась в ответ.

— Но одна-то я только и могу, что ездить кругами. И даже если я насмешу королеву, куда мне идти потом? Мы никогда не оставались долго на одном месте. Поначалу зрители покатываются со смеху, но к четвертому или пятому представлению уже знают всё наперед. Тут-то они перестают смеяться, так что приходится двигаться дальше. Больше всего денег мы собирали в больших городах, но мне всегда нравились маленькие. В таких местах у людей нет серебра, но они кормили нас за своими столами, и детишки повсюду следовали за нами.

«*Это потому что они в своем загаженном захолустье в жизни не видели карликов*, — подумал Тирион. — *Треклятая мелюзга будет бегать и за двухголовым козленком, если такой появится. Пока им не надоест его блеяние и его не зарежут на ужин*».

Но он не хотел снова вгонять Пенни в слезы, поэтому сказал:

— У Дейенерис доброе сердце и щедрая душа, — это было как раз то, что ей нужно было услышать. — Не сомневаюсь, она найдет тебе место при дворе. Безопасное место, куда не дотянется моя сестрица.

Пенни обернулась к нему.

— И вы там тоже будете.

«*Если только Дейенерис не решит, что хочет ланнистерской крови за всю ту таргариенскую, что пролил мой брат*».

— Буду.

После этого карлица стала куда чаще показываться на палубе. На следующий день — во второй его половине, когда воздух был теплее, а море спокойнее, Тирион встретил посередине корабля Пенни и её пятнистую хрюшку.

— Ее зовут Милашка, — застенчиво сказала ему девушка.

«*Хрюшка-Милашка и Девочка-Пенни*, — размышлял он, — *с кого-то спросится за это*». Пенни дала Тириону желудей, и он покормил Милашку с руки. Свинья сопела и повизгивала.

«*Только не думай, девочка, что я не вижу, что у тебя на уме*», — подумал он.

Скоро они стали и ужинать вместе: в одни вечера вдвоем, в другие — в компании телохранителей Мокорро. Тирион прозвал их «перстами», потому что они были воинами Огненной Длани и их было пятеро. Пенни посмеялась — милый звук, и не из тех, что ему часто приходилось слышать. Её потеря была слишком свежа, а горе

слишком глубоко.

Скоро карлица с его подачи начала называть судно «Вонючим стюардом», хотя и обижалась на Тириона, когда тот величал Милашку «беконом». Чтобы загладить вину, Тирион попытался научить Пенни играть в кайвассу, но скоро понял, что это гиблое дело.

— Нет, — повторял он раз за разом, — летает дракон, слоны так не ходят.

В тот же вечер Пенни подступила к нему с вопросом, не хочет ли он с ней сразиться.

— Нет, — ответил Тирион. Только потом до него дошло, что это «сразиться» означало вовсе не турнирную схватку. Он все равно ответил бы «нет», но, по крайней мере, не так бестактно.

Вернувшись в каюту, которую он делил с Джорахом Мормонтом, Тирион несколько часов вертелся в гамаке, то погружаясь в сон, то просыпаясь снова. Во сне была сплошная серость, каменные руки тянулись к нему из тумана, и лестница вела наверх, к отцу.

Наконец он сдался, встал и пошел на палубу подышать ночным воздухом. На ночь большой полосатый парус «Селейсори Кхоран» убирали, и на палубе было безлюдно. Только один из помощников стоял на кормовом мостике, да Мокорро

сидел посередине корабля у своей жаровни, где среди углей все еще плясали маленькие язычки огня.

На небе виднелись только самые яркие звёзды, и все жались к западу. На северо-востоке небо заливало тусклое красное сияние, цветом похожее на кровоподтёк. Тирион в жизни не видел, чтобы луна была такой крупной — чудовищная, распухшая, выглядевшая так, словно проглотила солнце и проснулась в горячке. Её отражение, плывшее по морю за кораблем, мерцало красным на каждой волне.

— Который час? — спросил Бес Мокорро. — Не может же это быть рассвет, разве что восток сменил место. И почему небо красное?

— Над Валирией небо всегда красное, Хугор Хилл.

Холодок пробежал у него по спине:

— Мы что, близко к ней?

— Ближе, чем хотела бы команда, — пробасил Мокорро. — У вас в Закатных Королевствах знают истории о Валирии?

— Некоторые моряки говорят, что увидевший её берега обречен.

Сам он в эти басни не верил — во всяком случае, не больше, чем его дядя. Когда Тириону было

восемнадцать, Герион Ланнистер отправился в Валирию с намерением возвратить потерянный фамильный меч дома Ланнистеров, а заодно и другие сокровища, пережившие Рок. Тирион отчаянно хотел отправиться вместе с дядей, но его лорд-отец обозвал путешествие «нелепой авантюрой» и запретил сыну принимать в ней участие.

«*Возможно, он не так уж и ошибался*».

Прошло уже почти десять лет с того дня, как «Смеющийся лев» отчалил из Ланниспорта, а Герион так и не вернулся. Люди, которых лорд Тайвин направил на его поиски, проследили путь Гериона до Волантиса, где от дяди сбежало полкоманды, и он купил рабов, чтобы их заменить. Ни один свободный не решился устроиться на судно, капитан которого открыто говорил, что намерен идти в Дымящееся Море.

— Так мы видим на облаках отсветы Четырнадцати Огней?

— Четырнадцати или четырнадцати тысяч — кто решится их сосчитать? Смертным неразумно вглядываться в эти огни, друг мой. Это огни божьего гнева, с ними не сравнится никакое людское пламя. Мы, люди — ничтожные создания.

— И некоторые еще ничтожнее других.

«Валирия». Писали, что в день Рока все до единого холмы на пятьсот миль вокруг разверзлись и заволокли небо пеплом, дымом и огнём — адским огнём, таким жарким и жадным, что были поглощены и истреблены даже драконы в небесах. В земле открылись огромные расселины, пожиравшие дворцы, храмы, целые города. Озёра выкипели или обратились в кислоту, горы взорвались, пламенные фонтаны извергли на тысячу футов в воздух расплавленные камни, из красных облаков дождём падали драконье стекло и чёрная кровь демонов, к северу земля раскололась, осела и обрушилась вниз, а бурлящее море ворвалось и залило провал. Величайший город на свете был уничтожен в мгновение ока, легендарная империя исчезла в один день, и Земли Долгого Лета были сожжены, затоплены и опустошены.

«*Империя, выстроенная кровью и огнем — валирийцы пожали то, что посеяли*».

— Наш капитан собирается проверить, действует ли проклятие?

— Наш капитан предпочел бы находиться лиг на пятьдесят дальше в море — не так близко к этому проклятому берегу, но я велел ему держаться кратчайшего курса. Дейенерис ищут и другие.

«*Гриф и его юный принц*». Что если все эти разговоры об отправлении Золотого Братства на запад были только уловкой? Тирион собрался было что-то сказать, но затем подумал как следует. Похоже, что в пророчестве, которым руководствовались красные жрецы, было место только для одного героя. Второй Таргариен мог бы только сбить их с толку.

— И ты видишь этих других в своем огне? — осторожно спросил он.

— Только их тени, — сказал Мокорро. — Одну из них лучше всего: она огромна и ужасна, у неё один-единственный чёрный глаз и десять длинных щупалец, и плывет она по морю крови.

Глава 34. Бран

Луна была тонкой и острой, как лезвие ножа. Бледное солнце вставало, садилось и снова вставало. Красные листья шептались на ветру. Тёмные тучи затянули небеса и обратились в бурю. Засверкали молнии, прогремел гром, а мертвецы с чёрными руками и ярко-синими глазами всё бродили вокруг расщелины в холме, но не могли войти. Внутри холма на троне из чардрева сидел сломанный мальчик, слушая шёпот в темноте, а вороны сновали вверх-вниз по его рукам.

— Ты никогда снова не будешь ходить, — пообещала трёхглазая ворона, — но ты полетишь.

Иногда откуда-то снизу доносился звук песни. Старая Нэн назвала бы поющих *Детьми Леса*. Но на Истинном Языке, которым не владеет никто из людей, они называли себя «*теми, кто поёт песнь земли*». Однако вороны могли на нём разговаривать. Их маленькие чёрные глазки были полны секретов. Слыша эти песни, вороны каркали на Брана и клевали его кожу.

Луна была полной. Звёзды плыли по чёрному

небу. Капли дождя падали и замерзали, а ветви деревьев ломались под тяжестью льда. Бран и Мира придумали имена тем, кто пел песнь земли: Ясень и Листочек, Весы и Чёрный Нож, Снежные Локоны и Угольки. Листочек сказала, что их настоящие имена слишком длинны для человеческой речи. Только она умела говорить на общем языке, поэтому Бран так и не узнал, что думают остальные о своих новых именах.

После пробирающего до костей холода земель за Стеной, в пещерах было благословенно тепло, а когда сквозь скалу просачивался холод, поющие разжигали костры, чтобы прогнать его обратно. Внизу не было ни ветра, ни снега, ни льда, ни мертвецов, пытающихся тебя схватить — только сны, приглушённый свет и поцелуи воронов. И шёпот в темноте.

«Последний древовидец» — называли его поющие, но во снах Брана он по-прежнему оставался трёхглазой вороной. Когда Мира Рид спросила про его настоящее имя, он издал странный звук, который мог означать смех.

— У меня было много имён, когда я был подвижнее. Но даже у меня когда-то была мать, и имя, которое она дала, держа меня у своей груди — Бринден.

— У меня есть дядя, тоже Бринден, — сказал Бран. — На самом деле он дядя моей мамы. Его зовут Бринден Чёрная Рыба.

— Быть может, твоего дядю назвали в мою честь. Некоторых всё ещё называют. Не так часто, как прежде. Люди забывают. Только деревья помнят.

Его голос был таким тихим, что Брану приходилось напрягаться, чтобы расслышать.

— Большая его часть перешла в дерево, — объяснила поющая, которую Мира назвала Листочком. — Он намного пережил свой срок, но все-таки живёт. Ради нас, ради тебя, ради человечества. В его плоти осталось совсем немного силы. У него тысяча глаз и ещё один, но ему много за чем надо присматривать. Однажды ты узнаешь.

— Что узнаю?

Потом Бран спросил об этом Ридов, когда те пришли с ярко пылающими факелами в руках, чтобы перенести его из большой пещеры обратно в небольшую комнатку, где поющие соорудили для них кровати.

— Что помнят деревья?

— Тайны старых богов, — ответил Жойен Рид.

Еда, тепло и отдых помогли ему оправиться от трудностей путешествия, но теперь он стал пе-

чальнее, угрюмее и смотрел устало, и тревожно.

— Истины, которые знали Первые Люди, теперь забыты в Винтерфелле… но не в диких местах. Мы живём ближе к зелени в наших болотах, и мы помним. Земля и вода, почва и камень, дубы, вязы и ивы — они были здесь до нас и останутся, когда нас не станет.

— Так же, как и ты, — сказала Мира.

Это расстроило Брана. *«А что если я не хочу оставаться, когда не будет тебя?»* — едва не спросил он, но прикусил язык. Он уже почти взрослый мужчина и не хочет, чтобы Мира считала его плаксой.

— Возможно, вы тоже можете быть древовидцами? — сказал он вместо этого.

— Нет, Бран, — теперь печально звучал голос Миры.

— Немногим дано испить из зелёного источника в смертном теле, понимать шелест листьев и видеть глазами деревьев, глазами богов, — произнёс Жойен. — Большинству не так повезло. Боги дали мне лишь зелёные сны. Моей задачей было доставить тебя сюда. На этом моя роль заканчивается.

Луна была чёрной дырой в небесах. Волки выли в лесу, вынюхивая в сугробах мертвецов. С холма

вспорхнула стая воронов, прокричав своими пронзительными голосами и взмахнув чёрными крыльями над белым миром. Красное солнце вставало, садилось и вновь вставало, окрашивая снег в оттенки красного и розового. Под холмом Жойен предавался размышлениям, Мира беспокойству, а Ходор бродил по тёмным туннелям с мечом в правой руке и факелом в левой. Или это был Бран?

«Никто не должен об этом узнать».

Огромная пещера, заканчивавшаяся пропастью, была чёрной, как смола, как дёготь, чернее вороньих крыльев. Свет заглядывал сюда непрошеным гостем и скоро уходил вновь; кухонные костры, свечи и тростник горели недолго, а потом затухали, и их короткие жизни подходили к концу.

Поющие сделали Брану собственный трон, подобный тому, на котором восседал лорд Бринден: белое чардрево с вкраплениями красного, мёртвые ветви были переплетены с живыми корнями. Трон поставили в большой пещере у пропасти, где в темноте раздавалось эхо текущей внизу воды. Поющие смастерили сиденье из мягкого серого мха. Когда Бран опускался на своё место, его укрывали тёплыми мехами.

Там он и сидел, слушая хриплый шёпот своего учителя.

— Не бойся темноты, Бран, — слова лорда сопровождались слабым шорохом дерева и листьев и легким покачиванием его головы. — Сильнейшие деревья пускают свои корни в самых тёмных уголках земли. Темнота будет твоим плащом, твоим щитом, твоим материнским молоком. Темнота сделает тебя сильным.

Луна была тонкой и острой, как лезвие ножа. Снег бесшумно падал с небес, укутывая мачтовые сосны и страж-деревья в белое. Сугробы стали такими глубокими, что закрыли вход в пещеру белой стеной. Чтобы выбраться наружу и поохотиться со стаей Лету каждый раз приходилось рыть в ней ход. Бран не часто бывал с ними в эти дни, но ночью иногда наблюдал за ними сверху.

Летать было даже лучше, чем лазить.

Надеть шкуру Лета стало для него всё равно, что прежде — до того, как он сломал спину — натянуть штаны. Смена своей шкуры на чёрные как ночь вороньи перья давалась труднее, но не настолько, как он боялся, особенно с этими воронами.

— Дикий жеребец брыкается, лягается и кусается, когда его седлают, — объяснил лорд Бринден.

— Но лошадь, которая узнала одного ездока, примет и другого. Молодые или старые, все эти птицы были оседланы. Выбирай одну и лети.

Бран безо всякого успеха попробовал одну птицу, потом другую, но третий ворон посмотрел на него умными чёрными глазами, склонил голову, каркнул, и скоро не мальчик смотрел на ворона, а ворон смотрел на мальчика. Песнь реки внезапно стала громче, факелы засветились немного ярче, чем прежде, и воздух наполнился незнакомыми запахами. Когда он попробовал заговорить, получился лишь крик, а первый полёт закончился тем, что он врезался в стену и вернулся в своё сломанное тело. Ворон остался невредим. Он подлетел к мальчику и сел на руку. Бран погладил его перышки и снова скользнул в него. Скоро он уже вовсю летал по пещере, лавируя между длинными, свешивавшимися с потолка каменными зубцами, даже парил над пропастью и нырял в её холодные чёрные глубины.

Потом он понял, что был не один.

— Кто-то ещё был в вороне, — признался мальчик лорду Бриндену, вернувшись в собственное тело. — Какая-то девушка. Я почувствовал её.

— Это женщина тех, кто поёт песнь земли, — ответил учитель. — Она давно мертва, но часть

её осталась, так же как и ты останешься в Лето, если телу мальчика суждено однажды умереть. Тень души. Она не причинит тебе вреда.

— Во всех птицах есть поющие?

— Во всех, — ответил лорд Бринден. — Это поющие научили Первых Людей посылать сообщения с воронами… только в те дни птицы умели говорить. Деревья помнят, а люди забывают. Поэтому теперь они пишут сообщения на пергаменте и привязывают их к лапкам птиц, которые никогда не делили с ними шкуру.

Бран вспомнил, как Старая Нэн однажды рассказывала ему такую же историю, но, когда он задал вопрос Роббу, правда ли это, брат рассмеялся и спросил, не верит ли он заодно и в грамкинов. Бран пожалел, что сейчас Робба с ними не было. *«Я бы сказал ему, что летаю, и он не поверил бы. Тогда мне бы пришлось ему показать. Держу пари, он тоже смог бы научится летать, и Арья, и Санса, даже малыш Рикон и Джон Сноу. Мы все могли бы стать воронами и жить в вороньей башне мейстера Лювина».*

Но это была лишь ещё одна глупая мечта. Иногда Бран гадал, не сон ли это. Может быть, он заснул в снегу и ему приснилось безопасное, тёплое место. *«Ты должен проснуться,* — говорил он

себе, — *ты должен проснуться прямо сейчас или ты умрёшь».* Раз или два мальчик по-настоящему сильно щипал себя за руку, но не добился ничего, кроме боли. Сначала Бран пытался считать дни, отмечая, когда он просыпался и ложился, но под землей сон и пробуждение плавно перетекали друг в друга. Сны становились уроками, уроки — снами, явью было то ли все, то ли ничего. Он уже сделал что-то или ему это только приснилось?

— Только один из тысячи рождается оборотнем, — объяснил лорд Бринден как-то после того, как Бран научился летать. — И лишь один оборотень из тысячи может стать древовидцем.

— Я думал, что древовидцы — это такие волшебники Детей леса, — сказал Бран. — Поющих, я имею в виду.

— В каком-то смысле. У тех, кого вы называете Детьми Леса, глаза золотые как солнце, но изредка среди них рождается кто-то с глазами красными, как кровь, или зелёными, точно мох на деревьях в сердце леса. Этими знаками боги отмечают избранных, получивших дар. Избранные не сильны, и их срок жизни на земле скоротечен, ведь в каждой песне должна быть гармония. Но потом, в деревьях, они живут по-настоящему долго. Тысяча глаз, сотня шкур, мудрость глубокая,

как корни древних деревьев. *Древовидцы.*

Бран не понял и попросил объяснить Ридов.

— Ты любишь читать книги, Бран? — спросил его Жойен.

— Некоторые. Мне нравятся истории про сражения. Моя сестра Санса любит истории с поцелуями, но они такие глупые.

— Чтец успевает прожить тысячу жизней до того, как умрёт, — произнес Жойен. — Человек, который ничего не читает — лишь одну. У поющих нет книг. Нет чернил, пергамента, письменности. Всё это им заменяют деревья и, в первую очередь, чардрева, в которые они переходят после смерти: в листья, ветви и корни. И деревья помнят. Все их песни и заклинания, истории и молитвы — всё, что они знали об этом мире. Мейстеры скажут тебе, что чардрева посвящены старым богам. Поющие верят, что они и есть *боги*. Когда поющие умирают, они сами становятся частью богов.

Глаза Брана расширились:

— Они собираются *убить* меня?

— Нет, — ответила Мира. — Жойен, ты его пугаешь.

— Это не ему нужно бояться.

Луна была полной. Лето рыскал в молчаливом лесу длинной серой тенью, которая становилась

всё более тощей с каждой новой охотой, ведь живую добычу было не найти. Оберег у входа в пещеру всё ещё мешал мертвецам войти. Пусть снег снова укрыл большинство из них, они по-прежнему оставались там — сокрытые, застывшие, выжидающие. К ним присоединились другие мертвецы, которые когда-то были мужчинами, женщинами и даже детьми. На голых коричневых ветках сидели мёртвые вороны, их крылья покрылись корочкой льда. Сквозь кустарник продрался огромный похожий на скелет белый медведь. Половина плоти с его головы отвалилась, обнажив череп. Лето со своей стаей напал на зверя и разодрал на части. Потом они наелись, хотя мясо было подгнившим, полузамёрзшим и продолжало шевелиться, даже когда они его жевали.

Внутри холма по-прежнему хватало еды. Здесь росли грибы сотни видов. В чёрной реке плавала слепая белая рыба, на вкус не хуже любой другой. У них был сыр и молоко от коз, живших в пещерах вместе с поющими, даже ячмень, овёс и сушёные фрукты, заготовленные за долгое лето. Почти каждый день они ели кровяную похлебку из ячменя, лука и кусочков мяса. Жойен считал, что это белка, а Мира сказала, что крыса. Брану

было всё равно. Мясо было вкусным, к тому же — после тушения — мягким.

Обширные и молчаливые пещеры, казалось, находились вне времени, простираясь глубоко вниз под холмом, служили пристанищем более чем трём десяткам живых поющих и костям тысяч умерших.

— Людям не стоит бродить по этим местам, — предупредила их Листочек. — Река, которую вы слышите, стремительна и темна, и глубоко-глубоко внизу впадает в подземное море. А есть ручейки, которые текут даже глубже, бездонные ямы и неожиданные провалы, забытые пути, ведущие прямо к центру земли. Даже мой народ не исследовал их все, а мы живем здесь тысячи тысяч человеческих жизней.

Хотя жители Семи Королевств называли их *Детьми Леса*, Листочек и её народ совсем не были похожи на детей. Называть их *«маленький мудрый лесной народ»* было бы ближе к истине. Они были меньше людей, так же как и волк меньше лютоволка, но это не значит, что он щенок. Кожа у них орехового оттенка с пятнами более светлого цвета, как у оленя, а уши большие, способные слышать недоступное человеку. Глаза поющих тоже огромные и по-кошачьи золотистые, способ-

ные видеть в туннелях, там, где глаза мальчика видели лишь темноту. На руках у них по три пальца, не считая большого, с острыми чёрными когтями вместо ногтей.

И они *пели*. Пели на Истинном Языке, поэтому Бран не понимал слов, но их голоса были чисты, как зимний воздух.

— А где живут остальные? — спросил однажды Бран у Листочка.

— Ушли в землю, — ответила она ему. — В камни, в деревья. До прихода Первых Людей все земли, которые вы называете Вестеросом, являлись нашим домом, но даже в те дни нас было очень мало. Боги даровали нам долгие жизни, но сделали так, чтобы нас было мало, иначе мы заполонили бы мир, как олени заполонили бы лес, если бы на них не охотились волки. Это происходило на заре времен, когда наше солнце только восходило. Теперь оно заходит, и мы медленно вымираем. Великаны тоже почти исчезли — те, кто были нашими братьями и нашей погибелью. Великих львов западных холмов истребили, единороги почти все исчезли, мамонтов осталось несколько сотен. Лютоволки нас всех переживут, но придёт и их час. В том мире, который создали люди, для них места нет, как и для нас.

Она казалась печальной, и Бран тоже загрустил. Только потом он подумал: *«Люди бы не грустили. Люди бы гневались. Они бы ненавидели и жаждали кровавого отмщения. Там, где люди сражались бы и убивали, поющие пели печальные песни».*

Однажды Мира и Жойен решили посмотреть на реку, несмотря на предостережение Листочка.

— Я тоже хочу пойти, — сказал Бран.

Мира мрачно посмотрела на него. Она объяснила, что река в шестистах футах под ними, вниз по крутым склонам и извилистым проходам, а в конце придётся спускаться по веревке.

— Ходор ни за что не сможет карабкаться с тобой на спине. Прости, Бран.

Бран помнил времена, когда никто не мог лазать лучше него, даже Робб и Джон. Часть мальчика хотела накричать на друзей за то, что бросают его, а другая — разрыдаться. Но он уже почти взрослый мужчина и потому промолчал, однако после их ухода скользнул в тело Ходора и последовал за ними.

Крупный конюх больше не боролся с ним, как в первый раз в озерной башне во время бури. Когда Бран входил в него, Ходор каждый раз сворачивался калачиком и прятался, словно растерявшая весь свой боевой дух собака. У него внутри, где-то

глубоко, было потайное место — пещерка, где даже Бран не мог до него добраться. *«Никто не желает тебе зла, Ходор,* — сказал он про себя взрослому ребёнку, чьё тело занял. — *Я только хочу ненадолго снова стать сильным. Я верну его тебе как всегда».*

Никто не догадывался, что он носил тело Ходора. Брану нужно было только улыбаться, делать, что ему велят и, время от времени, бормотать «ходор». Так он мог следовать за Мирой и Жойеном, радостно ухмыляясь, и никто не подозревал, что это на самом деле он.

Бран часто увязывался за ними, хотели они того или нет. В конце концов, Риды всё-таки обрадовались тому, что он пошёл с ними. Жойен довольно легко спустился вниз по верёвке, но после того, как Мира поймала слепую белую рыбу своей острогой, и пришло время возвращаться, он не смог подняться наверх на ослабевших руках, поэтому они обвязали вокруг Жойена верёвку, и Ходор вытянул его наверх.

— Ходор, — мычал он с каждым рывков верёвки. — Ходор, Ходор, Ходор.

Луна была тонкой и острой, как лезвие ножа. Лето раскопал чёрную заиндевевшую отрубленную руку, которая сжимала пальцы, стараясь

уползти по смерзшемуся снегу. На ней всё ещё было достаточно мяса, чтобы набить пустой желудок, и, съев его, лютоволк разгрыз кости, чтобы добраться до костного мозга. Только после этого рука вспомнила, что она мертва.

Бран питался вместе с Лето и его стаей как волк, на закате кружил с другими воронами над холмом, высматривая врагов, чувствуя ледяное касание ветра, и в качестве Ходора исследовал пещеры. Он нашёл пещеры, которые были набиты костями, глубокие провалы, место, где с потолка свешивались скелеты гигантских летучих мышей. Он даже пересёк узкий каменный мостик над пропастью и на дальней стороне обнаружил ещё больше ходов и пещер. Одна была полна поющих, приросших, как Бринден, к своим тронам. Переплетённые корни чардрев проросли прямо сквозь их тела. Большинство казались мёртвыми, но когда он проходил мимо, глаза поющих раскрывались и следили за светом факела, а один из них открывал и закрывал свой сморщенный рот, будто пытался заговорить.

— Ходор, — сказал им Бран и почувствовал, как настоящий Ходор сжался в своём убежище.

Сидевший на своем троне из корней в большой пещере полутруп-полудерево лорд Бринден

больше походил не на человека, а, скорее, на какое-то пугающее изваяние из перекрученного дерева, древних костей и гниющей шерсти. Единственное, что казалось живым в этой бледной развалине, в которую превратилось его лицо, был красный глаз, сияющий, как последний уголёк в погасшем костре, окружённый кривыми корнями и ошмётками белой кожи, свисавшими с жёлтого черепа.

Его вид до сих пор пугал Брана: эти корни чардрева, вползающие змеями внутрь и выползающие наружу из его сморщенной плоти, грибы, прорастающие из щёк, белый древесный червь, который высовывался из пустой глазницы. Мальчику больше нравилось при потушенных факелах. В темноте он мог представить, что с ним шёпотом беседует трёхглазая ворона, а не какой-то жуткий говорящий труп.

«Однажды я стану таким же». Эта мысль ужаснула Брана. Достаточно и того, что он сломан и не может ходить. Неужели ему суждено потерять всё остальное и провести всю жизнь с прорастающим сквозь него чардревом? По словам Листочка лорд Бринден все свои силы черпал из дерева. Он не ел, не пил, а только спал, видел сны и наблюдал. *«Я собирался стать рыцарем,* – вспомнил

Бран. — *Я бегал, лазал и сражался»*. Казалось, это было тысячу лет назад.

Кто он теперь? Лишь сломанный мальчик Бран, Брандон из дома Старков, принц погибшего королевства, лорд сгоревшего замка, наследник руин. Бран думал, что трёхглазая ворона окажется чародеем, мудрым старым волшебником, который исцелит его ноги, но это была лишь ещё одна глупая детская мечта. *«Я слишком взрослый для подобных фантазий,* — говорил он себе. — *Тысяча глаз, сотня шкур, мудрость глубокая, как корни древних деревьев».* Это не хуже, чем быть рыцарем. *«Ну, почти так же».*

Луна была чёрной дырой в небесах. Снаружи продолжал жить мир. Снаружи вставало и садилось солнце, сменялась луна, завывали холодные ветра. Внутри холма Жойен Рид, к огорчению своей сестры, становился всё более угрюмым и отчуждённым. Мира часто сидела с Браном у их небольшого очага, разговаривая о том, о сём, поглаживая спавшего между ними Лето, пока её брат в одиночестве бродил по пещерам. В солнечные дни Жойен даже взбирался к выходу. Он стоял там часами, глядя на лес. Мальчик был укутан в меха, но всё равно дрожал.

— Он хочет домой, — объяснила Мира Брану.

— И даже не попытается противостоять своей судьбе. Говорит, что зелёные сны не лгут.

— Он храбрый, — ответил Бран. *«Человек может быть отважным, только когда боится».* Он до сих пор помнил эти отцовские слова, сказанные в тот самый день, когда они нашли волчат.

— Он глупый, — возразила Мира. — Я надеялась, что, когда мы найдем трёхглазую ворону… Теперь я вообще не понимаю, зачем мы пришли.

«Ради меня», — подумал Бран.

— Из-за его зелёных снов, — произнес он.

— Из-за его снов. — Голос Миры был полон горечи.

— Ходор, — сказал Ходор.

Мира заплакала.

В такие моменты Бран ненавидел свою беспомощность.

— Не плачь, — попросил он.

Он хотел обнять её, крепко прижать к себе, как поступала в Винтерфелле его мать, когда ему было больно. Мира находилась прямо здесь, всего в нескольких футах от него, но в то же время так далеко, словно в сотне лиг. Чтобы коснуться её, ему бы пришлось ползти по земле на руках, волоча за собой ноги. Пол был грубым и неровным, и путь получился бы медленным, полным

шишек и царапин. *«Я мог бы войти в Ходора,* – подумал он. — *Ходор смог бы обнять её и похлопать по спине».* Мысль была неуютной, но Бран продолжал её обдумывать, когда Мира убежала в темный туннель. Он слушал, как удаляются её шаги, пока не осталось слышно ничего, кроме голосов поющих.

Луна была тонкой и острой, как лезвие ножа. Дни проходили мимо, один за другим, каждый короче предыдущего. Ночи становились всё длиннее. Солнечный свет не проникал в пещеры под холмом. Лунный свет тоже никогда не касался этих каменных залов. Даже звёзды были здесь чужаками. Всё это принадлежало внешнему миру, где время следовало своему твердому распорядку: день, ночь, день, ночь, день.

— Время пришло, — произнёс лорд Бринден.

От того, как он это сказал, по спине Брана пробежали мурашки.

— Время для чего?

— Для следующего шага. Для того, чтобы пойти дальше смены тел и понять, что значит быть древовидцем.

— Деревья научат его, — сказала Листочек.

Она кивнула другой поющей, и та вышла вперед. Это была беловолосая поющая, которую Мира

назвала Снежные Локоны. Она держала в руках чашку из чардрева с вырезанной на ней дюжиной лиц, похожих на лики сердце-древ. Внутри чаши была белая кашица — густая и жирная, с тёмно-красными прожилками.

— Ты должен съесть это, — объяснила Листочек. Она протянула Брану деревянную ложку.

Мальчик нерешительно посмотрел на чашу.

— Что это?

— Кашица из семян чардрева.

Брану было тошно даже на неё смотреть. Красные прожилки — это, скорее всего, лишь сок чардрева, предположил Бран, но в свете факелов они выглядели совсем как кровь. Он окунул ложку в кашицу и засомневался.

— Это сделает меня древовидцем?

— Твоя кровь делает тебя древовидцем, — ответил лорд Бринден. — А это поможет пробудить твой дар и обвенчает тебя с деревьями.

Бран не хотел жениться на дереве… но кто ещё захочет выйти замуж за сломанного мальчика вроде него? *«Тысяча глаз, тысяча шкур, мудрость глубокая, как корни древних деревьев. Древовидец».*

Он стал есть.

Было горько, но не так горько, как желудёвая

каша. Первая ложка пошла с трудом. Его едва не стошнило. Вторая была приятнее. Третья показалась почти вкусной. Остальное он съел с жадностью. Почему он считал её горькой? У неё был вкус меда, свежего снега, перца, корицы и последнего поцелуя матери. Пустая чашка выскользнула из его пальцев и стукнулась о пол пещеры.

— Я не чувствую никакой разницы. Что будет дальше?

Листочек коснулась его ладони.

— Деревья научат тебя. Деревья помнят.

Она подняла руку, и поющие принялись тушить в пещере факелы один за другим. Темнота сгущалась и подползала к ним.

— Закрой глаза, — сказала трёхглазая ворона. — Выскользни из своей шкуры, как ты делаешь, когда соединяешься с Лето. Но в этот раз войди в корни. Следуй за ними к поверхности земли, к деревьям на вершине холма, и расскажи мне, что ты увидишь.

Бран закрыл глаза и выскользнул из своего тела. *«В корни,* — подумал он. — *В чардрево. Нужно стать деревом».* На какой-то миг он видел пещеру в её чёрном одеянии, услышал бегущую внизу реку.

Потом он неожиданно оказался дома.

На камне у глубокого чёрного пруда в богороще сидел лорд Эддард Старк, вокруг него, словно старческие скрюченные руки, росли бледные корни сердце-древа. Лорд Эддард чистил промасленной тряпицей лежавший у него на коленях двуручный меч Лёд.

– *Винтерфелл*, — прошептал Бран.

Его отец поднял глаза.

— Кто здесь? — спросил он, оборачиваясь... и Бран, испугавшись, отступил. Отец, чёрный пруд и богороща растворились, и он вновь оказался в той же пещере, бледные толстые корни чардрева обнимали его, как мать обнимает свое дитя. Перед ним вспыхнул факел.

— Расскажи нам, что ты видел.

Издали Листочек выглядела похожей на девочку не старше Брана или одной из его сестер. Она утверждала, что прожила уже две сотни лет.

У Брана сильно пересохло в горле. Он сглотнул.

— Винтерфелл. Я вернулся в Винтерфелл. Я видел отца. Он не мёртв, не мёртв, я видел его, он возвратился в Винтерфелл, он всё ещё жив.

— Нет, — ответила Листочек. — Его больше нет, мальчик. Не пытайся вернуть его к жизни.

— Но я его *видел*.

Бран чувствовал, как твёрдое дерево давит ему на щёку.

— Он чистил Лёд.

— Ты видел то, что хотел увидеть. Твоё сердце тоскует по отцу и по дому, поэтому ты и видел это.

— Человек должен научиться смотреть прежде, чем сможет что-то разглядеть, — сказал лорд Бринден. — Ты видел тени прошлого, Бран. Ты смотрел глазами сердце-древа в твоей богороще. Время для деревьев идет не так, как для людей. Солнце, земля и вода, а не дни, годы или столетия — вот что понимает чардрево. Для людей время — это река. Мы все захвачены её течением, несёмся из прошлого в настоящее — всегда в одном направлении. Жизнь деревьев иная. Они пускают корни, растут и гибнут в одном и том же месте, и эта река их не двигает. Дуб становится желудем, желудь — дубом. А чардрево… тысяча человеческих лет для него всего лишь миг, и сквозь эти врата мы с тобой можем заглянуть в прошлое.

— Но, — произнёс Бран, — он слышал меня.

— Он слышал шёпот ветра, шелест листьев. Ты не можешь с ним поговорить, попробуй, если хочешь. Я знаю. У меня есть свои призраки. Брат, которого я любил, брат, которого я ненавидел,

женщина, которую я желал. Я всё ещё вижу их через деревья, но ни одно моё слово не достигло их ушей. Прошлое остаётся прошлым. Мы можем извлекать из него уроки, но не можем его изменить.

— Я увижу отца снова?

— Когда овладеешь своим даром, сможешь смотреть куда захочешь и видеть то, что видели деревья, будь это вчера, в прошлом году или тысячу веков назад. Люди проживают свои жизни в плену бесконечного настоящего, между туманом памяти и морем теней, которое есть всё, что мы знаем о днях грядущих. Некоторые мотыльки живут один день, но им это малое время, должно быть, кажется таким же долгим, как годы и десятилетия для нас. Дуб может прожить три сотни лет, красное дерево — три тысячи. Чардрево живёт вечно, если его не трогать. Для него времена года проходят, как взмах крыла мотылька, и прошлое, настоящее и будущее едины. И ты сможешь видеть не только свою богорощу. Поющие вырезают глаза на своих сердце-древах, чтобы пробудить их, и это первые глаза, которыми учится пользоваться древовидец… но когда-нибудь ты сможешь видеть далеко за пределы видимости деревьев.

— Когда? — захотелось знать Брану.

— Через год или три, или десять. Этого я не видел. Со временем это случится, я обещаю. Но теперь я устал, и меня зовут деревья. Мы продолжим завтра.

Ходор отнес Брана назад, в его комнату, тихо бормоча «Ходор», а Листочек шла впереди с факелом в руке.

Мальчик надеялся, что встретит Миру и Жойена, и он сможет рассказать им о том, что видел, но их уютное жилище в скале было холодным и пустым. Ходор опустил Брана на постель, укрыл мехами и разжёг костёр. *«Тысяча глаз, сотня шкур, мудрость глубокая, как корни древних деревьев».*

Глядя на огонь, Бран решил, что не заснёт до возвращения Миры. Наверняка Жойен будет недоволен, но Мира за него порадуется. Он не помнил, как закрыл глаза.

… Но потом каким-то образом он снова вернулся в Винтерфелл, в богорощу. Бран смотрел сверху вниз на отца. В этот раз лорд Эддард казался намного моложе. Его волосы были каштановыми, в них не было и намёка на седину; он склонил свою голову.

— Пусть они растут близкими, как братья. Пусть

между ними будет только любовь, — молил он, — и путь моя леди-жена найдёт в своем сердце силы простить…

— Отец, — голос Брана был шёпотом ветра, шелестом листьев. — Отец, это я. Это Бран. Брандон.

Эддард Старк поднял голову и, нахмурившись, долго смотрел на чардрево, но не сказал ни слова. *«Он меня не видит»*, — понял в отчаянии Бран. Он хотел протянуть руку и коснуться отца, но все, что мог — это наблюдать и слушать. *«Я внутри сердце-древа, смотрю его красными глазами, но чардрева не могут разговаривать, поэтому и я не могу».*

Эддард Старк продолжил молиться. Бран почувствовал, как его глаза наполнились слезами. Но были это его слёзы или слёзы чардрева? *«Если я заплачу, прольёт ли и дерево слезы?»*

Остальные слова его отца потонули во внезапном стуке дерева о дерево. Эддард Старк растворился, как туман в лучах утреннего солнца. Теперь в богороще плясали двое детей, крича друг на друга, сражаясь сломанными ветками. Девочка была старше и выше. *«Арья!»* — отчаянно подумал Бран, когда та вскочила на камень и кольнула мальчика. Но это не могло быть правдой. Если девочка — Арья, то мальчик — сам Бран,

а у него никогда не было таких длинных волос. *«И я никогда не проигрывал Арье бой на мечах, а эта девочка победила».* Она хлестнула мальчика по бедру так сильно, что его нога подогнулась, и он упал в пруд, где начал плескаться и кричать.

— Тихо, дурачок, — сказала девочка, отбрасывая свою ветку в сторону. — Это всего лишь *вода*. Ты хочешь, чтобы Старая Нэн услышала и побежала рассказывать отцу?

Она встала на колени и потянула брата из пруда, но до того, как вытащила, они оба исчезли.

После этого видения стали сменяться всё быстрее и быстрее до тех пор, пока Бран не почувствовал головокружение. Он больше не видел ни отца, ни похожую на Арью девочку. Но он увидел обнажённую беременную женщину, которая вынырнула из чёрного пруда, преклонила колени перед деревом и попросила старых богов послать ей сына, который за неё отомстит. Потом появилась девушка с каштановыми волосами, стройная, как копье, которая встала на цыпочки, чтобы поцеловать в губы молодого рыцаря ростом с Ходора. Темноглазый юноша, бледный и болезненный, срезал три ветки с чардрева и сделал из них стрелы. Само дерево усыхало, с каждым видением становилось всё меньше, в

то время как меньшие деревья превращались в поросль и исчезали, чтобы уступить место другим деревьям, которые так же уменьшались и исчезали. Теперь Бран видел высоких и суровых лордов в мехах и кольчугах. Некоторые лица он помнил по изваяниям в крипте, но они исчезли до того, как он смог припомнить их имена.

Потом он увидел, как бородатый мужчина поставил пленника на колени перед сердце-древом. Седовласая женщина с бронзовым серпом в руке пошла к ним по темно-красным листьям.

— Нет, — крикнул Бран. — *Нет, не надо*!

Но они не могли его слышать, как и отец. Женщина схватила пленника за волосы, приставила серп к его горлу и резанула. И через туман столетий сломанный мальчик мог только смотреть, как ноги мужчины дергались на земле… но пока из него багровой волной вытекала жизнь, Брандон Старк чувствовал привкус крови.

Глава 35. Джон

К полудню после семи дней полумрака и снегопада солнце наконец-то пробилось сквозь тучи. Сугробы намело выше человеческого роста, но стюарды работали лопатами целый день и, насколько это было возможно, расчищали дорожки. Солнечные лучи отражались от Стены, и каждая трещина и расщелина на ней отливали синевой.

Стоя на семисотфутовой высоте, Джон Сноу вглядывался в Зачарованный лес. Внизу меж деревьев кружил северный ветер, сметая с верхних веток снежную крупу тонкими белыми шлейфами, похожими на ледяные знамена. Всё вокруг застыло в безмолвии. «*Никаких признаков жизни*». Не то чтобы это успокаивало. Не живых он боялся. И всё же…

«*Солнце вышло. И снег перестал. Возможно, другой такой возможности не выпадет еще целый месяц, а может, и до конца зимы*».

— Пусть Эммет соберёт своих новобранцев, — приказал он Скорбному Эдду. — Нам потребуются сопровождающие. Десять следопытов, вооружённых драконьим стеклом. Я хочу, чтобы они были

готовы выйти через час.

— Да, м'лорд. А кто за главного?

— Командовать буду я.

Уголки губ Эдда опустились ниже обычного.

— Кое-кто сказал бы, что лорду-командующему подобает сидеть в тепле и безопасности к югу от Стены. Я, конечно, такого не говорил, но кое-кто скажет.

Джон улыбнулся:

— Пусть этот кое-кто лучше помолчит в моем присутствии.

Плащ Эдда с хлопаньем взметнулся под неожиданно налетевшим порывом ветра.

— Лучше спуститься, м'лорд. Похоже, ветер не прочь смахнуть нас со Стены, а летать я пока ещё не научился.

На землю они спустились на подъёмнике. Ветер был порывистым и холодным, как дыхание ледяного дракона из сказок Старой Нэн, которые Джон слушал в детстве. Тяжёлая клеть раскачивалась и время от времени задевала краем Стену, низвергая россыпи льдинок, сверкавших в лучах солнца, словно осколки стекла.

«*Стекло бы здесь пригодилось*, — подумал Джон. — *Чёрному Замку нужны теплицы, вроде тех зимних садов, что были в Винтерфелле. В них*

мы могли бы выращивать овощи даже в самую лютую зиму».

Лучшее стекло делали в Мире, но добротный прозрачный лист ценился на вес пряностей, а зелёное и жёлтое стекло для этого дела не годилось.

«*Что нам необходимо, так это золото. Будь у нас достаточно денег, мы могли бы купить в Мире учеников-стеклодувов и мастеров-стекольщиков, привезти их на север и предложить свободу в обмен на обучение своему ремеслу нескольких наших новобранцев… так можно было бы всё организовать. Если бы у нас было золото. Но его нет*».

У подножья Стены Джон нашёл резвящегося в снегу Призрака. Большой белый лютоволк, похоже, любил свежевыпавший снег. Заметив Сноу, он вскочил на лапы и отряхнулся. Скорбный Эдд спросил:

— Призрак идёт с вами?

— Да.

— Умный волк, что уж. А я?

— Ты нет.

— Умный лорд, что уж. Призрак — куда лучший выбор. Мои-то зубы уже не годятся для того, чтобы кусать одичалых.

— Если боги будут милостивы, одичалых мы не встретим. Приготовь мне серого мерина.

Весть быстро разнеслась по всему Чёрному Замку. Эдд ещё седлал серого, когда Боуэн Марш пересёк двор и перехватил Джона у конюшни.

— Милорд, надеюсь, вы передумаете. Новички могут принести свои обеты и в септе.

— Септа — дом новых богов. Старые боги живут в лесу, и те, кто чтит их, произносит слова клятвы перед чардревом. Вы знаете это не хуже меня.

— Атлас родом из Староместа, Эррон и Эмрик из западных земель. Это не их боги.

— Я не указываю людям, какому богу им поклоняться. Они могли выбрать Семерых или Владыку Света красной женщины, но выбрали богорощу, несмотря на все опасности, которые с этим связаны.

— Там может подстерегать Плакальщик.

— Богороща всего в двух часах езды, даже по сугробам. Мы вернёмся к полуночи.

— Слишком далеко. Это неразумно.

— Неразумно, — согласился Джон, — но необходимо. Эти люди собираются посвятить свои жизни Ночному Дозору, вступив в братство, история которого насчитывает тысячи лет. У этой клятвы особый смысл, как и у наших традиций.

Она объединяет всех нас — молодых и старых, простолюдинов и благородных. Она делает нас братьями.

Он хлопнул Марша по плечу.

— Обещаю вам, мы вернёмся.

— Да, милорд, — ответил лорд-стюард, — но вот живыми ли? Или вернутся только ваши головы с вырванными глазами и насаженные на пики? Вы будете возвращаться затемно, а сугробы кое-где доходят до груди. Я вижу, вы берёте с собой опытных бойцов, и это хорошо, но Чёрный Джек Бульвер знал эти леса не хуже их. Даже Бенджен Старк, ваш дядя, он…

— У меня есть кое-что, чего у них не было, — Джон повернул голову и свистнул. — Призрак, ко мне!

Лютоволк отряхнул снег со спины и подбежал к Джону. Разведчики расступились, пропуская его. Одна кобыла негромко заржала и отпрянула в сторону, но Рори усмирил её, резко натянув поводья.

— Стена ваша, лорд Боуэн.

Сноу, взяв лошадь под уздцы, повел её в ворота и дальше в ледяной туннель, извивающийся под Стеной.

У ледяного подножия безмолвно стояли высо-

кие деревья, словно закутанные в толстые белые плащи. Пока следопыты и новобранцы строились, Призрак сновал рядом с лошадью Джона, а потом остановился и принюхался — пар от его дыхания стыл в воздухе.

— Что такое? — спросил Джон. — Там кто-то есть?

Лес был пуст, насколько хватало глаз. Правда, хватало их не слишком далеко.

Призрак помчался к деревьям, скользнул между двумя соснами в белых одеяниях и исчез в облаке снега. «*Он хочет поохотиться, но на кого*? — Джон не столько боялся за лютоволка, сколько за одичалых, на которых тот мог наткнутся. — *Белый волк в белом лесу, тихий как тень. Те и не почувствуют его приближения*».

Сноу даже не попытался последовать за ним. Призрак вернётся, когда захочет, но не раньше. Джон пришпорил коня. Его люди ехали следом, копыта их низкорослых лошадок проваливались сквозь корку наста в рыхлый снег. Неспешным шагом всадники вступили в лес, и Стена позади скрылась из виду.

Сосны и страж-деревья кутались в толстые белые облачения, с голых ветвей лиственных деревьев свисали сосульки. Джон отправил Тома

Ячменное Зерно вперед на разведку, хотя дорога к белой роще была наезжена и хорошо знакома. Большой Лиддль и Люк из Лонгтауна скрылись в подлеске с восточной и западной стороны от дороги, получив задание прикрывать колонну с флангов. Все были опытные разведчики, вооруженные не только сталью, но и обсидианом, и с боевыми рогами, притороченными к седлу, чтобы в случае нужды призвать подмогу.

Остальные тоже были надежными людьми. «*По крайней мере, хороши в бою и верны своим братьям*». Джон ничего не знал об их прежней жизни, но не сомневался, что у многих прошлое такое же чёрное, как и плащ. Однако здесь, на севере, он мог доверить им свою спину. Они двигались, защищаясь от пронизывающего ветра под низко надвинутыми капюшонами. Некоторые обмотали свои лица шарфами. Однако Джон узнавал их даже такими. Имя каждого было запечатлено у него в сердце. Ведь это его люди, его братья.

С ними ехали ещё шестеро — молодые и старые, бывалые и новички. «*Шесть человек, готовых произнести слова клятвы*». Конь родился и вырос в Кротовом городке, Эррон и Эмрик прибыли с Ярмарочного острова, Атлас — из борделей Ста-

роместа на другом конце Вестероса. Эти были совсем мальчишками. Кожаному и Джаксу уже перевалило за сорок. Дети Зачарованного леса, успевшие завести детей и даже внуков, двое из шестидесяти трёх новобранцев, ушедших с Джоном Сноу на Стену после его речи. Пока лишь они решили надеть чёрное. Железный Эммет утверждал, что все новобранцы готовы — по крайней мере, настолько, насколько это вообще возможно. Они с Джоном и Боуэном Маршем оценили каждую кандидатуру со всех сторон и распределили: Кожаного, Джакса и Эмрика в следопыты, Коня в строители, Эррона и Атласа в стюарды. Пришло время приносить обеты.

Железный Эммет ехал во главе колонны верхом на самом уродливом коньке, какого Джон когда-либо видел — лохматой животине, состоящей, казалось, из одной только гривы и копыт.

— Говорят, в Распутной Башне вчера произошли какие-то беспорядки, — сказал мастер над оружием.

— В Башне Хардина.

Среди тех шестидесяти трёх новобранцев, пришедших из Кротового городка, было девятнадцать девушек и женщин. Джон разместил их в той же заброшенной башне, где спал сам, будучи

новичком на Стене. Двенадцать женщин-копьеносиц вполне могли защитить и себя, и девушек помоложе от нежелательного внимания со стороны чёрных братьев. Кто-то из тех, кому дали от ворот поворот, и придумал для башни новое оскорбительное название. Джон не собирался потворствовать этому зубоскальству.

— Три пьяных дурака перепутали Башню Хардина с борделем, вот и все. Они теперь в ледяных камерах, размышляют о своей ошибке.

Железный Эммет скривился:

— Мужчины есть мужчины. Обеты — всего лишь слова, а слова — ветер. Надо было приставить к женщинам стражу.

— А кому сторожить самих сторожей?

«*Ничего ты не знаешь, Джон Сноу*». Однако он учился, и Игритт была его учителем. Сам не сдержав клятвы, как он мог ожидать большего от своих братьев? Но легкомысленное отношение к женщинам одичалых таило свои опасности. «*Мужчина может владеть женщиной, и мужчина может владеть ножом*, — однажды сказала ему Игритт, — *но никто не может владеть и тем, и другим*». Боуэн Марш по-своему прав. Башня Хардина — хворост, ждущий лишь искры.

— Я собираюсь заселить еще три замка, — ска-

зал Джон. — Глубокое Озеро, Тёмный Чертог и Длинный курган. Гарнизоны наберём из вольного народа под командованием наших офицеров. В Длинном кургане поселим только женщин, не считая командующего и главного стюарда.

Он не сомневался, что найдутся желающие пробраться и туда. Но, по крайней мере, достаточно большое расстояние сделает такие вылазки непростым делом.

— И кто ж тот бедолага, что станет ими командовать?

— Я еду рядом с ним.

Смесь ужаса и удовлетворения, отразившаяся на лице Эммета, стоила мешка золота.

— Что я такого сделал, что вы меня так ненавидите, милорд?

Джон рассмеялся:

— Не бойся, дружище, ты будешь не один! Я собираюсь отправить Скорбного Эдда твоим помощником и стюардом.

— Копьеносицы придут в восторг. Может, стоило отдать один из замков магнару?

Улыбка Джона увяла.

— Возможно, и стоило, если бы я мог ему доверять. Боюсь, Сигорн винит меня в смерти своего отца. Что ещё хуже, его воспитывали и обучали

отдавать приказы, а не выполнять их. Не путай теннов с вольным народом. Мне говорили, что «магнар» на древнем языке означает «лорд», но для своего народа Стир был скорее богом, и его сын вылеплен из того же теста. Я не требую от людей преклонять колено, но подчиняться они обязаны.

— Да, м'лорд, но всё же хорошо было бы что-нибудь сделать с магнаром. Если теннов игнорировать, беды с ними не оберешься.

«*Беды — удел лорда-командующего*», — мог бы ответить Джон. Его визит в Кротовый городок повлёк за собой немало бед, и женщины — самая незначительная из них. Как он и опасался, Хеллек оказался настоящим варваром, а у некоторых чёрных братьев ненависть к одичалым въелась в самую плоть. Один из людей Хеллека уже успел отрезать ухо одному из строителей, и, хотел Сноу того или нет, это была только первая кровь. Он должен как можно скорее заселить старые замки, чтобы отправить брата Хармы в гарнизон Глубокого Озера или Темного Чертога. Однако пока ни один из них не годился для проживания, а Отелл Ярвик и его строители всё ещё пытались восстановить Твердыню Ночи.

Бывали ночи, когда Джон размышлял, не со-

вершил ли он прискорбной ошибки, не позволив Станнису уничтожить всех одичалых. «*Ничего я не знаю, Игритт*, — подумал он, — *и, похоже, так никогда и не узнаю*».

В полумиле от поляны между ветвей облетевших деревьев краснели косые лучи осеннего солнца, окрашивая сугробы в розовый цвет. Всадники пересекли замёрзший ручей, протекавший между двумя выщербленными покрытыми ледяным панцирем скалами, а затем двинулись по извилистой звериной тропе на северо-восток. Каждый порыв ветра вздымал в воздух облака ледяной крупы, от которой жгло глаза и перехватывало дыхание. Джон замотал шарфом рот и нос и надвинул пониже капюшон.

— Уже недалеко, — сказал он своим людям.

Никто не ответил.

Джон почуял Тома Ячменное Зерно ещё до того, как увидел. Или это Призрак почуял? В последнее время Джон Сноу порой ощущал себя единым целым с лютоволком, даже когда бодрствовал.

Первым, отряхиваясь от снега, появился огромный белый волк. Спустя пару мгновений его догнал Том.

— Одичалые, — шепнул он Джону. — В бого-роще.

Джон скомандовал всадникам остановиться.

— Сколько?

— Я насчитал девятерых. Часовых нет. Некоторые возможно мертвы или спят. Большинство, похоже, женщины. Один ребёнок, а ещё с ними великан. По крайней мере, я видел одного. Они разожгли костёр и задымили всю округу. Дурачьё.

«*Их девять, а нас семнадцать*». Четверо его людей были всего лишь желторотыми мальчишками, и уж точно среди них не было ни одного великана.

Однако Джон не собирался поворачивать обратно. «*Если одичалые живы, возможно, мы сможем забрать их с собой. А если мертвы, что ж… однодва мёртвых тела могут и пригодиться*».

— Дальше пойдём пешком, — приказал он, легко спрыгивая на замёрзшую землю. Снег доходил ему до лодыжек. — Рори, Пейт, останетесь с лошадьми.

Джон мог поручить это и новобранцам, но они должны получить боевое крещение. Почему бы и не сейчас?

— Рассредоточьтесь и постройтесь полумесяцем. Я хочу окружить рощу с трёх сторон. Не растягиваться и не терять из вида тех, кто идет

справа и слева от вас. Снег заглушит наши шаги. Если застанем их врасплох — меньше вероятность того, что придется проливать кровь.

Сумерки быстро приближались. Солнечные лучи исчезли вместе с проглоченным лесом на западе последним краешком солнца. Розовые сугробы вновь побелели — наступающая темнота выпила из них весь цвет. Вечернее небо стало серым, точно выцветший плащ. Выглянули первые робкие звезды.

Джон Сноу разглядел впереди белый ствол в короне из тёмно-красных листьев, который не мог быть ничем иным, кроме как чардревом. Он протянул руку за спину и вытянул Длинный Коготь из ножен. Взглянул направо и налево, кивнув Атласу и Коню, и проследил, как они передают приказ дальше по цепочке. Все одновременно, шумно дыша, устремились к богороще, продираясь сквозь сугробы слежавшегося снега. Призрак белой тенью бежал рядом с Джоном.

Девять чардрев примерно одного возраста и величины образовали кольцо по краю поляны. На каждом было вырезано лицо, и ни одно из них не было похоже на другое. Одни улыбались, другие рыдали, третьи, словно кричали. В сгущающихся сумерках их глаза казались чёрными, но Джон

знал, что при свете дня они станут кроваво-красными. «*Словно у Призрака*».

Костер в центре поляны едва теплился. От него остался лишь пепел, тлеющие угли, да несколько сломанных веток, не желавших гореть и дымящих. Но даже в этом огне было больше жизни, чем в сгрудившихся подле него одичалых. Когда Джон вышел из-за кустов, его заметил только один из них — ребёнок, который начал плакать, цепляясь за обтрепанный плащ своей матери. Женщина подняла глаза и охнула. Поляна к тому времени уже заполнилась разведчиками, выскользнувшими из-за белых как кость стволов. В руках поблескивала готовая убивать сталь.

Великан заметил их самым последним. Он спал, свернувшись у огня, но что-то его разбудило — то ли детский плач, то ли хруст снега под чёрными сапогами, то ли громкий вздох. Зашевелившись, гигант стал похож на оживший валун. Потом он сел, фыркнул, потер огромными неуклюжими ручищами глаза, прогоняя сон… и тут увидел Железного Эммета со сверкающим мечом в руке. С ревом вскочив на ноги, исполин громадной ручищей ухватился за молот и вскинул его над головой.

В ответ Призрак оскалил клыки. Джон схватил

волка за загривок:

— Мы не хотим здесь драться.

Он знал, что его люди способны справиться с великаном, но это будет им дорого стоить. Как только прольется кровь, одичалые кинутся в драку. Большинство из них, если не все, расстанутся с жизнью, но могут погибнуть и некоторые его братья.

— Это священное место. Сдавайтесь, и мы…

Великан снова взревел, да так, что от этого звука всколыхнулись листья на деревьях, и ударил о землю молотом, шестифутовая рукоять которого была сделана из узловатого дуба, а венчал её каменный набалдашник величиной с буханку хлеба. От удара земля содрогнулась. Кое-кто из одичалых начал нашаривать свое оружие.

Джон Сноу крепче сжал Длинный Коготь, когда неожиданно заговорил Кожаный, стоявший на дальнем конце поляны. Несмотря на то, что его слова звучали отрывисто и гортанно, Джон расслышал знакомую мелодику слов и узнал древний язык. Кожаный говорил долго. Когда он закончил, великан ответил. Его речь походила на кряхтение пополам с рычанием, и Джон ни слова не смог разобрать. Однако Кожаный обвёл рукой деревья, сказав что-то ещё, великан тоже указал

на деревья, скрипнул зубами и выронил молот.

— Готово, — произнес Кожаный. — Они не будут драться.

— Отличная работа. Что ты ему сказал?

— Что здесь и наши боги тоже. Что мы пришли помолиться.

— Так и поступим. Сталь в ножны, все вы. Сегодня обойдёмся без кровопролития.

Том Ячменное Зерно говорил, что одичалых девять, и так оно и было, только двое оказались мертвы, а один так слаб, что едва ли мог дотянуть до утра. Оставалось шестеро: женщина с ребенком, два старика, раненый тенн в покореженных бронзовых доспехах, и один из Рогоногих, чьи босые ступни были так сильно отморожены, что Джон с первого взгляда понял, что тот уже никогда не сможет ходить. Вскоре он выяснил, что большинство из них не были знакомы друг с другом, до того как собрались на поляне. Когда Станнис разбил войско Манса Налётчика, они бросились в лес, спасаясь от расправы, какое-то время скитались, теряя друзей и родных, погибших от голода и мороза, и наконец добрались сюда, слишком слабые и слишком усталые, чтобы продолжать путь.

— Здесь живут боги, — сказал один из стари-

ков. — Это место ничуть не хуже других для того чтобы умереть.

— Стена отсюда всего в нескольких часах пути на юг, — обратился к ним Джон. — Почему бы не поискать там убежища? Другие сдались. Даже Манс.

Одичалые обменялись взглядами. В конце концов, один из них произнес:

— До нас дошли слухи. Вороны сожгли всех, кто сдался.

— Даже самого Манса, — добавила женщина.

«*Мелисандра*, — подумал Джон, — *тебе и твоему огненному богу еще много за что придется ответить*».

— Все, кто пожелают, могут отправиться с нами. В Чёрном Замке вы найдете пищу и приют, а Стена защитит от тех, кто рыщет в этих лесах. Даю слово, никого из вас не сожгут.

— Слово вороны, — ответила женщина, крепче прижимая к себе ребенка. — Но кто подтвердит, что ты сдержишь его? Кто ты?

— Лорд-командующий Ночного Дозора, сын Эддарда Старка из Винтерфелла, — Джон повернулся к Тому Ячменное Зерно. — Пусть Рори и Пейт приведут лошадей. Я не намерен задерживаться здесь ни минутой дольше, чем необходимо.

— Как прикажете, м'лорд.

До возвращения оставалось выполнить еще одно дело — то, ради которого они и пришли. Железный Эммет вызвал вперёд своих воспитанников, а остальные с почтительного расстояния наблюдали, как те преклонили колена перед чардревами. К тому времени последние проблески дня погасли, и единственными источниками света остались звезды в вышине и слабое красноватое мерцание гаснущего костра в центре поляны.

Эта шестерка в своих чёрных капюшонах и чёрных одеяниях казалась отлитой из тени. Их хором звучащие голоса терялись в бесконечности ночи.

— Ночь собирается, и начинается мой дозор, — говорили они, как и тысячи до них. У Атласа голос был сладким, словно песня, у Коня — хриплым и срывающимся, у Эррона — нервным и писклявым. — Он не окончится до самой моей смерти.

«*Пусть эта смерть придет нескоро*, — Джон Сноу опустился в снег на одно колено. — *Боги моих отцов, защитите этих людей. И Арью тоже, мою маленькую сестренку, где бы она ни была. Молю вас, позвольте Мансу найти её и вернуть мне невредимой*».

— Я не возьму себе ни жены, ни земель, не стану отцом, — обещали новобранцы, и на звук их голосов эхом откликались минувшие года и столетия. — Я не надену корону и не буду добиваться славы. Я буду жить и умру на своём посту.

«*Боги леса, дайте мне силу сделать то же самое*, — безмолвно молился Джон Сноу. — *Даруйте мне мудрость понять, что должно быть сделано, и смелость, чтобы это исполнить*».

— Я — меч во тьме, — произнесли шестеро, и Джону показалось, что их голоса меняются, становясь сильнее и увереннее. — Я — Дозорный на Стене. Я — огонь, который разгоняет холод; я — свет, который приносит рассвет; я — рог, который будит спящих; я — щит, который охраняет царство людей.

«*Щит, который охраняет царство людей*». Призрак ткнулся носом в его плечо, и Джон обнял лютоволка одной рукой. Он чувствовал запах нестиранных штанов Коня и благовоний, которыми Атлас умащивал свою бороду, густой острый запах страха и нестерпимую мускусную вонь великана. Он мог слышать биение собственного сердца. Когда он смотрел через поляну на женщину с ребенком, на двух седобородых стариков, на Рогоногого с искалеченными ступнями, то видел

только людей.

— Я отдаю свою жизнь и честь Ночному Дозору среди этой ночи и всех, которые грядут после неё.

Джон Сноу поднялся первым:

— Встаньте, воины Ночного Дозора.

Он подал Коню руку, поднимая того на ноги.

Ветер усиливался. Пора было отправляться.

Обратная дорога заняла гораздо больше времени, чем путь на поляну. Поступь великана была тяжелой, медлительной, несмотря на длину и размер его ног, и он всё время норовил остановиться, чтобы стряхнуть своим молотом снег с нижних веток. Женщина ехала на одной лошади с Рори, её сын — с Томом Ячменное Зерно, а старики — с Конем и Атласом. Однако тенн боялся лошадей и, несмотря на свои раны, предпочел брести рядом. Рогоногий не мог сидеть в седле, и его пришлось привязать к крупу лошади как тюк с зерном. Так же поступили с белолицей старухой, чьи руки и ноги были точно хворостинки — им не удалось заставить её встать.

И то же самое они сделали с двумя трупами, что повергло Железного Эммета в замешательство.

— Они же только задержат нас, милорд, — сказал он Джону, — надо их разрубить и сжечь.

— Нет, — ответил Джон. — Возьмём их с собой. Они мне нужны.

За всё время их обратного пути луна в небе так и не появилась, только изредка проглядывали звёзды. Мир был чёрно-белым и безмолвным, а путь — долгим, медленным, бесконечным. Снег набивался в сапоги и облеплял ноги, ветер скрипел в соснах, хлопал плащами и срывал их с плеч. Джон различил в вышине красную комету, следящую за путниками сквозь лишённые листвы ветви огромных деревьев. Вольный народ называл её Вором. «*Лучшее время, чтобы украсть женщину — когда Вор в Лунной деве*», — утверждала Игритт. Она, правда, ничего не упоминала о лучшем времени для того, чтобы украсть великана. «*Или двух мертвецов*».

Уже светало, когда путники вновь увидели Стену.

Рог караульного приветствовал их звуком, слетавшим с высоты, словно крик какой-то огромной хриплой птицы. Один долгий сигнал, означавший «Разведчики возвращаются». Большой Лиддль отвязал свой боевой рог и протрубил в ответ. У ворот им пришлось ненадолго задержаться, пока Скорбный Эдд Толлет снимал запоры и сдвигал железный засов. Увидев перед собой раз-

ношерстную толпу одичалых, Эдд поджал губы и внимательно посмотрел на великана.

— Чтобы протащить этого через туннель, может понадобиться масло, милорд. Послать кого-нибудь в кладовую?

— Думаю, он и так пролезет. Без масла.

Тот действительно пролез… точнее, прополз на четвереньках. «*А он у нас большой мальчик. Четырнадцать футов, не меньше. Крупнее Мега Могучего*». Мег погиб прямо здесь, подо льдом, схлестнувшись в смертельной схватке с Доналом Нойе. «*Хороший был человек. Стена потеряла слишком много хороших людей*». Джон отвел Кожаного в сторону.

— Присмотри за ним. Ты говоришь на его языке. Проследи, чтобы его накормили, и подыщи ему тёплое местечко у огня. Оставайся с ним и смотри, чтобы к нему никто не лез.

— Есть, — ответил Кожаный, и неуверенно добавил: — м'лорд.

Джон отправил живых одичалых заниматься своими ранами и отмороженными конечностями. Он надеялся, что горячая еда и тёплая одежда помогут быстро восстановить силы большинству из них, хотя Рогоногий, скорее всего, потеряет обе ступни. Трупы Джон приказал отнести в ледник.

Вешая плащ на крючок у двери, Джон отметил, что приходил Клидас, но ушел, не дождавшись его. На столе лежало письмо. «*Из Восточного Дозора или из Сумеречной Башни*», — решил он с первого взгляда. Но печать на письме была не чёрная, а золотая с оленьей головой в обрамлении пылающего сердца. «*Станнис*». Джон сломал затвердевший воск, расправил пергамент и принялся читать. «*Рука мейстера, но слова короля*».

Станнис захватил Темнолесье, и все горные кланы присоединились к нему. Флинты, Норри, Вуллы, Лиддли.

«*Мы также получили помощь — неожиданную, но весьма своевременную, от дочери Медвежьего острова. Алисанна Мормонт, которую в народе прозвали Медведицей, устроила засаду, спрятав воинов на рыбацких суденышках, и застала железных людей врасплох, когда те двинулись от побережья. Корабли дочери Грейджоя сожжены или захвачены, её люди убиты или сдались в плен. За капитанов, рыцарей, известных воинов и прочих людей хорошего рода я полагаю получить выкуп, остальных повешу…*»

Ночной Дозор принес клятву не принимать ни одной из сторон в междоусобицах и войнах королевства. Однако Джон Сноу прочел эти строки не

без удовольствия. Он вернулся к чтению.

«*…вести о нашей победе разлетаются, и к нам присоединяется всё больше северян. Рыбаки, свободные всадники, жители холмов, фермеры из глубин Волчьего леса и жители деревень, покинувшие свои дома на каменистом берегу, спасаясь от железных людей; выжившие после битвы у стен Винтерфелла, когда-то присягнувшие Хорнвудам, Сервинам, Толхартам. Сейчас нас пять тысяч, и наша численность всё растет. Мы получили вести о том, что Русе Болтон выдвинулся к Винтерфеллу со всеми своими силами, чтобы обвенчать своего бастарда с твоей сестрой. Нельзя позволить ему восстановить замок. Мы выступаем им навстречу. Арнольф Карстарк и Морс Амбер присоединятся к нам. Если смогу, то спасу твою сестру, и найду ей лучшую партию, чем Рамси Сноу. Вы с братьями должны удерживать Стену, пока я не вернусь*».

Подписано было другой рукой:

«*Писано при свете Владыки, за подписью и печатью Станниса из дома Баратеонов, первого этого имени, короля андалов, ройнаров и Первых Людей, властителя Семи Королевств и Хранителя областей*».

Как только Джон отложил письмо в сторону,

пергамент снова свернулся, словно пытаясь сохранить свои секреты. Сноу и сам до конца не понимал, какие чувства вызывает у него только что прочитанное. У стен Винтерфелла и раньше случались сражения, но ни разу они не обходились без участия Старка с одной из сторон.

— Замок — пустая скорлупа, — сказал он. — Это больше не Винтерфелл, а его призрак.

Даже думать об этом было больно, не то что произнести вслух. И всё же…

Он размышлял о том, сколько человек сможет повести в бой старик Воронье Мясо, и сколько мечей сумеет наколдовать Арнольф Карстарк. Половина Амберов будет по другую сторону поля — с Хозером по прозвищу Смерть Шлюхам, сражаясь под знаменем с ободранным человеком Дредфорта, а лучшая часть обоих домов отправилась вместе с Роббом, чтобы никогда не вернуться. Винтерфелл сам по себе даже в руинах дает значительное преимущество тому, кто им владеет. Роберт Баратеон понял бы это сразу и двинулся наперерез, чтобы захватить замок, используя форсированные марши и ночные переходы, которыми он так славился. Будет ли его брат столь же дерзким?

«*Вряд ли*». Станнис был осторожным команду-

ющим, а его войско представляло собой недоваренное месиво из воинов горных кланов, южных рыцарей, людей короля и королевы, сдобренное несколькими северными лордами. «*Он должен выступить на Винтерфелл немедленно или не выступать совсем*», — подумал Джон. Не ему советовать королю, но…

Он снова взглянул на письмо. «*Если смогу, то спасу твою сестру*». Неожиданная забота от Станниса, обрезанная жестким «*если смогу*» и припиской «*и найду ей лучшую партию, чем Рамси Сноу*». Что если Арья не будет сидеть на месте, дожидаясь спасения? Что если пламя леди Мелисандры предсказало верно? Могла ли его сестренка уйти от таких преследователей? «*Как бы она сумела сделать это? Арья всегда была умной и сообразительной, но, в конце концов, она всего лишь маленькая девочка, а Русе Болтон не тот человек, который станет беспечно обращаться с таким ценным трофеем*».

Что если его сестра никогда и не попадала к Болтону? Эта свадьба могла стать предлогом для того, чтобы заманить Станниса в ловушку. Насколько Джон знал, лорд Дредфорта ни разу не дал Эддарду Старку повода для недовольства, однако отец никогда не доверял Русе с его шелестящим

голосом и тусклыми блеклыми глазами.

«*Серая девушка на умирающей лошади, бегущая от свадьбы*». Эти слова заставили его отпустить Манса Налётчика и шестерых копьеносиц на север. «*Молодых и красивых*», — как сказал Манс. Несожженный, король назвал несколько имен, а Скорбный Эдд сделал всё остальное — тайком вывез их из Кротового городка. Теперь это казалось безумием. Возможно, было бы лучше убить Манса сразу же, как только тот открылся. Джон невольно восхищался Королём за Стеной, но тот был клятвопреступником и перебежчиком. Ещё меньше Джон верил Мелисандре. И всё же именно на них он возложил свои надежды. «*Чтобы спасти мою сестру. Вот только братья Ночного Дозора не могут иметь сестер*».

Ещё в Винтерфелле, когда Джон был мальчишкой, его любимым героем был Молодой Дракон — мальчик-король, отправившийся на завоевание Дорна в возрасте четырнадцати лет. Несмотря на свое низкое происхождение, а может и благодаря ему, Джон Сноу мечтал о том, как вырастет и поведёт людей к славе, как когда-то король Дейерон, или о том, как сам станет завоевателем. Теперь он уже взрослый, Стена под его властью, но всё, чего у него в достатке

— это сомнений. И у него не слишком получалось справиться даже с ними.

Глава 36. Дейенерис

В лагере беженцев стоял такой отвратительный смрад, что Дени чудом не стошнило.

Сир Барристан сморщил нос и заявил:

— Вашему величеству не стоит оставаться здесь и дышать этими ядовитыми испарениями.

— Я от крови дракона, — напомнила ему Дени. — Ты разве видел когда-нибудь, чтобы дракон страдал от поноса?

Визерис часто заявлял, что Таргариенам нипочём болезни обычных людей, и до сих пор ей не случалось в этом сомневаться. Дени не забыла, как ей приходилось мёрзнуть, голодать и бояться, но не помнила, чтобы хоть раз болела.

— Всё равно, — ответил старый рыцарь, — мне будет спокойнее, если ваше величество вернется в город. — В полумиле позади виднелись разноцветные кирпичные стены Миэрина. — Кровавый понос — истинный бич любой армии со времен Рассветных Веков. Предоставьте нам раздавать еду, ваше величество.

— С завтрашнего дня. Сегодня я здесь. И я хочу это видеть.

Она дала Серебрянке шенкеля; остальные потрусили за ней. Чхого ехал впереди, Агго и Ракхаро чуть следом — с длинными дотракийскими кнутами, чтобы удерживать больных и умирающих на расстоянии. Справа от неё на серой в яблоках лошади скакал сир Барристан, слева — Саймон Полосатая Спина из Свободных Братьев и Марселен из Детей Матери. Шесть десятков солдат двигалось вслед за капитаном на случай, если понадобится защищать продуктовые телеги. Дотракийцы, Медные Звери, вольноотпущенники — все ехали верхом, объединённые лишь отвращением к этой своей обязанности.

Астапорцы тащились за ними жуткой вереницей, которая только удлинялась с каждым пройденным ими ярдом. Некоторые говорили на языках, которые королева не понимала. Другие уже и говорить не могли. Многие протягивали к Дени руки или становились на колени, когда Серебрянка проезжала мимо.

— Мать, — звали они королеву на наречиях Астапора, Лисса и Старого Волантиса, на гортанном дотракийском и мелодичном квартийском, и даже на всеобщем языке Вестероса.

— Мать, прошу тебя... Мать, помоги моей сестре, она больна... дай еды для моих малышей... пожа-

луйста, мой старый отец... помоги ему... помоги ей... помоги мне...

«*Я ничем больше не могу вам помочь*», — в отчаянии подумала Дени. Астапорцам некуда было идти. У стен Миэрина скопились тысячи беженцев — мужчины, женщины, дети, старики, совсем юные девушки и новорождённые младенцы. Многие были больны, большинство умирало с голоду, и все — обречены. Дейенерис не посмела открыть для них ворота, но постаралась сделать то, что было в её силах — послала им целителей, Синих Милостей, заклинателей и цирюльников-хирургов. Некоторые из них сами заразились, и никто не смог хотя бы приостановить мор, что прибыл на бледной кобылице. Отделять здоровых от больных тоже оказалось бесполезно. Её Верные Щиты пытались выполнить приказ, оттаскивая мужей от жен, детей от матерей; астапорцы плакали, отталкивали солдат и швыряли в них камни. По прошествии нескольких дней больные умерли, а здоровые заболели. Разделение ничего не дало.

Даже кормить их становилось всё труднее. Каждый день королева посылала астапорцам что могла, но день ото дня их становилось всё больше, а продуктов — всё меньше. К тому же

становилось труднее найти возниц, согласных их доставлять: среди тех, кто побывал в лагере, многие уже сами страдали поносом. На других нападали на обратной дороге в город. Только вчера опрокинули одну из повозок и убили двух солдат, так что сегодня королева решила доставить продукты сама. Против этого горячо возражали все ее советники — от Резнака и Бритоголового до сира Барристана, но Дейенерис оставалась непреклонна.

— Я не отвернусь от них, — упрямо заявила она. — Королева должна знать, как страдает её народ.

Страдания были единственным, в чём не было недостатка.

— У них почти не осталось мулов или лошадей, хотя многие приехали из Астапора верхом, — доложил королеве Марселен. — Все съедены, ваше величество, а также все крысы и бродячие собаки, каких только им удалось поймать. Некоторые уже едят своих покойников.

— Человек не должен есть человеческое мясо, — произнес Агго.

— Это все знают, — согласился Ракхаро. — Они будут прокляты.

— Они уже прокляты, — возразил Саймон Полосатая Спина.

За ними плелись маленькие дети с раздутыми животами — слишком слабые или напуганные, чтобы просить еду. Истощённые люди с запавшими глазами сидели на корточках среди песка и камней, извергая из себя жизнь вонючими коричнево-красными потоками. Многие испражнялись прямо там, где спали — они так обессилели, что не могли отползти к выкопанным по приказу королевы выгребным ямам. Две женщины дрались, не поделив обугленную кость. Неподалёку мальчик лет десяти ел крысу, запихивая её в рот одной рукой, а в другой сжимая заостренную палку — на тот случай, если ещё кто-то покусится на его добычу. Дени увидела человека, валявшегося в грязи под чёрным покрывалом — когда она проехала мимо, покрывало разлетелось тысячей мух. Похожие на живые скелеты женщины сидели на земле, прижимая к себе умирающих детей. Их глаза были прикованы к Дени.

Те, у кого ещё хватало сил, кричали ей вслед:

— Мать... пожалуйста, Мать... да благословят тебя боги, Мать...

«*Да благословят меня боги,* — горько думала Дени. — *Ваш город — прах и кости, ваш народ вымирает. У меня нет для вас крова, нет лекарств, нет надежды. Только чёрствый хлеб и червивое*

мясо, засохший сыр и немного молока. Давайте, благословляйте меня, благословляйте».

Что это за мать, у которой нет молока, чтобы накормить своих детей?

— Слишком много мертвецов, — сказал Агго. — Их надо сжечь.

— Кто этим займётся? — спросил сир Барристан. — Кровавый понос повсюду, каждую ночь умирает по сотне людей.

— Нехорошо касаться мёртвых, — заявил Чхого.

— Это все знают, — в голос поддакнули Агго и Ракхаро.

— Может и так, но в любом случае это придётся сделать, — ответила Дени, немного поразмыслив. — Безупречные не боятся трупов. Я поговорю с Серым Червем.

— Ваше величество, — возразил сир Барристан, — Безупречные — ваши лучшие бойцы, мы не можем подвергнуть их риску заразиться. Пусть астапорцы сами хоронят своих мертвецов.

— Они слишком слабы, — заметил Саймон Полосатая Спина.

Дени сказала:

— Если дать им больше еды, они станут сильнее.

Саймон покачал головой.

— Не надо тратить еду на умирающих, ваша милость. У нас её и для живых не хватает.

Она знала, что он прав, но от этого было не легче.

— Мы проехали достаточно, — решила королева. — Накормим их здесь.

Она подняла руку. Телеги позади остановились, и всадники разъехались кругом, не давая астапорцам накинуться толпой на еду. Не успели они остановиться, как вокруг возникла давка, с каждой минутой становившаяся плотнее — всё новые и новые больные волочили ноги к телегам. Всадники отпихивали их назад.

— Ждите своей очереди, — кричали они астапорцам. — Не толкайтесь. Назад. Отойдите. Хлеб для всех. Ждите своей очереди.

Дени оставалось только сидеть и смотреть.

— Сир, — спросила она Барристана Селми, — разве мы больше ничего не можем сделать? У вас есть провизия.

— Провизия для солдат вашего величества. Быть может, нам придётся выдержать долгую осаду. Вороны-Буревестники и Младшие Сыновья могут беспокоить юнкайцев нападениями, но им не под силу отбросить врагов. Если бы ваше

величество позволило мне собрать армию...

— Если нам придется все-таки принять бой, я предпочту принять его на стенах Миэрина. Посмотрим, как юнкайцы попытаются взять мои укрепления, — королева смотрела, что происходит вокруг. — Если бы мы делили еду поровну...

— ...Астапорцы бы съели свою долю за считанные дни, а у нас осталось бы гораздо меньше провизии в случае осады.

Дени оглянулась на миэринские стены из разноцветных кирпичей. Воздух был наполнен мухами и плачем.

— Боги послали этот мор мне в назидание. Столько мертвецов... Я не позволю им есть трупы.

Она поманила к себе Агго.

— Езжай к воротам, приведи мне Серого Червя и пятьдесят Безупречных.

— Кхалиси, кровь твоей крови повинуется, — Агго ударил пятками по бокам лошади и поскакал прочь.

Сир Барристан смотрел ему вслед с плохо скрываемой тревогой на лице.

— Вам не следует тут больше задерживаться, ваше величество. Астапорцев накормили, как вы и приказывали. Мы больше ничего не можем

сделать для этих бедолаг. Надо возвращаться в город.

— Возвращайтесь, если желаете, сир, я вас не задерживаю. Я никого из вас не задерживаю, — Дени соскочила с лошади. — Я не могу их исцелить, но, по крайней мере, могу показать, что Мать о них не забыла.

Чхого шумно втянул воздух.

— Кхалиси, нет, — колокольчики в его косе тихо зазвенели, когда он спешился. — Нельзя к ним приближаться. Не давайте им до себя дотронуться! Не надо!

Дени прошла мимо него. На земле, в нескольких футах от них, лежал стонущий старик, вперив взгляд в серые облака. Сморщив нос от вони, королева встала рядом с ним на колени и, отодвинув грязные седые волосы, пощупала больному лоб.

— Он весь горит. Мне нужна вода, чтобы его омыть — сгодится и морская. Марселен, принесешь немного? Ещё потребуется масло для погребального огня. Кто поможет мне сжечь мертвецов?

К тому времени, как Агго вернулся вместе с Серым Червем и пятью десятками Безупречных, идущими размашистым шагом вслед за конем дотракийца, Дени удалось настолько застыдить

всю свою свиту, что ей помогали все до единого. Саймон Полосатая Спина и его люди оттаскивали живых от мёртвых и громоздили трупы в кучу, Чхого, Ракхаро и остальные дотракийцы помогали тем, кто ещё мог ходить, дойти до берега, чтобы искупаться и постирать одежду. Агго пялился на них, как на сумасшедших, но Серый Червь только преклонил перед королевой колено и сказал:

— Ваш слуга готов помочь.

Ещё до полудня в лагере полыхало с полдюжины костров. Столбы жирного чёрного дыма коптили безжалостное голубое небо. К тому времени, как Дени, наконец, отошла от погребальных костров, её дорожный наряд был весь перепачкан сажей.

— Ваша милость, — сказал Серый Червь, — ваш слуга и его братья просят дозволения искупаться в соленом море, когда мы завершим свой труд — чтобы очиститься согласно законам нашей великой богини.

Королева впервые слышала, что у евнухов есть свое собственное божество.

— Что это за богиня? Она из богов Гиса?

Серый Червь затруднился с ответом.

— Богиню зовут многими именами. Она Владычица Копий, Невеста Битвы, Матерь Воинов, но

её истинное имя является достоянием лишь тех бедняг, чьи мужские части были сожжены на её алтаре. Мы не можем обсуждать её с чужаками. Ваш слуга просит прощения.

— Как пожелаешь. Да, вы можете искупаться, если хотите. Благодарю за помощь.

— Эти недостойные живут, чтобы служить вам.

Дейенерис вернулась в свою пирамиду смертельно уставшей, не чувствуя ни рук, ни ног. Миссандея читала какой-то старый свиток, Ирри и Чхику спорили из-за Ракхаро.

— Ты для него слишком плоская, — говорила Чхику. — Похожа на мальчишку. Ракхаро не спит с мальчиками. Это все знают.

Ирри парировала:

— Все знают, что ты похожа на корову. Ракхаро не спит с коровами.

— Ракхаро — кровь моей крови. Его жизнь принадлежит мне, а не вам, — сказала им Дени. За время, проведенное вне Миэрина, Ракхаро вымахал почти на полфута, его руки и ноги стали крепкими и мускулистыми, а в волосах звенели четыре колокольчика. Сейчас, как заметили обе служанки королевы, он возвышался и над Агго, и над Чхого.

— Теперь помолчите. Мне надо помыться, — она чувствовала себя грязной, как никогда прежде.

— Чхику, помоги мне снять одежду, унеси её и сожги. Ирри, скажи Квеззе, чтобы подобрала мне наряд полегче и попрохладнее. День был очень жарким.

На террасе дул прохладный ветер. Дени удовлетворённо вздохнула, погрузившись в воду бассейна. Повинуясь её приказу, Миссандея разделась и спустилась в бассейн за госпожой.

— Ваша служанка слышала прошлой ночью, как астапорцы скребутся в стены, — сказала маленькая переводчица, растирая Дени спину.

Ирри и Чхику обменялись взглядами.

— Никто не скребся, — возразила Чхику. — Скребутся... как они могут скрестись?

— Руками, — ответила Миссандея. — Кирпичи старые, рассыпающиеся. Астапорцы пытаются сделать подкоп в город.

— Это займет у них много лет, — сказала Ирри. — Стены очень толстые. Это все знают.

— Это все знают, — согласилась Чхику.

— Мне они тоже снились, — Дени взяла Миссандею за руку. — Лагерь от города в доброй половине мили, моя милая. Никто не скребется в стены.

— Как угодно вашему величеству, — произ-

несла Миссандея. — Следует ли мне помыть вам волосы? Времени осталось немного, Резнак мо Резнак и Зелёная Милость скоро придут, чтобы обсудить...

— ...приготовления к свадьбе, — Дени со всплеском села в бассейне. — Я едва не забыла.

«*Или постаралась забыть*».

— И после них я ужинаю с Хиздаром, — она вздохнула. — Ирри, принеси мне зелёный токар — тот шёлковый, отороченный мирийскими кружевами.

— Этот токар в починке, кхалиси — кружева порвались. Зато синий токар постирали.

— Значит, синий. Им это польстит.

Она ошиблась только наполовину. Жрица и сенешаль были рады видеть королеву облачённой в токар, как подобает благородной миэринке, но ещё больше они хотели раздеть её догола. Дейенерис недоверчиво выслушала их. Когда они договорили, она заявила:

— Я не хочу никого этим оскорбить, но я не собираюсь показываться матери и сестрам Хиздара в голом виде.

— Но, — заморгал Резнак мо Резнак, — но вы должны, ваша милость. Это традиция — перед свадьбой представительницы семьи жениха

осматривают чрево невесты и э... её женские части. Чтобы убедиться, что они сложены надлежащим образом и э...

— ...Плодородны, — закончила за него Галазза Галар. — Это древний обряд, ваша величественность. При обследовании будут присутствовать три Милости и произнесут соответствующие молитвы.

— Да, — сказал Резнак, — а после вам подадут особый пирог. Женский пирог, который пекут только для невест. Мужчинам не позволено его пробовать, но я слышал, что это отменное лакомство. Волшебное.

«*А на случай, если моё чрево окажется иссохшим, а женские части скверны, у них тоже найдется специальный пирог*?»

— Хиздару зо Лораку представится возможность изучить мои женские части после свадьбы.

«*У кхала Дрого не было с ними проблем, не будет и у Хиздара*».

— Пусть его мать и сестры обследуют друг друга и сами разделят особый пирог. Я его есть не буду. И не буду мыть благородному Хиздару его благородные ноги.

— Ваше великолепие, вы не понимаете, — запротестовал Резнак. — Омовение ног — это

священная традиция. Оно означает, что вы будете в услужении у мужа. Свадебный наряд тоже полон скрытого значения. Невеста носит тёмно-красное покрывало поверх белого шелкового токара с бахромой из маленьких жемчужин.

«*Королеве зайцев нельзя выйти замуж, не надев большие уши*».

— И эти жемчужины будут греметь на каждом шагу.

— Жемчуг — символ плодородия. Чем больше жемчужин носит ваша милость, тем больше здоровых детей произведет на свет.

— И зачем мне сотня детей? — Дени обернулась к Зелёной Милости. — Если мы обвенчаемся по вестеросскому обряду...

— Боги Гиса не сочтут этот брачный союз подлинным. — Лицо Галаззы Галар скрывало покрывало из зелёного шёлка. Видны были только глаза — зелёные, мудрые и грустные. — Для горожан вы будете наложницей благородного Хиздара, а не законной женой, а ваши дети — бастардами. Нет, ваша милость должна обвенчаться с Хиздаром в Храме Милостей в присутствии всей миэринской знати, чтобы те стали свидетелями вашего брака.

«*Под каким-нибудь предлогом выманите глав*

всех семейств из их пирамид, — предлагал ей когда-то Даарио. — *Слово дракона — огонь и кровь*». Дени отбросила эту мысль как недостойную.

— Как пожелаете, — вздохнула она. — Я выйду замуж за Хиздара в Храме Милостей и буду закутана в белый токар с бахромой из мелких жемчужин. Что ещё?

— Ещё одна мелочь, ваша милость, — сказал Резнак. — Чтобы отметить ваше замужество, хорошо бы дать разрешение на открытие бойцовских ям. Это стало бы вашим свадебным даром Хиздару и вашему любящему народу — знак того, что вы восприняли древние обычаи и традиции Миэрина.

— И поступок, более других угодный богам, — добавила мягким и добрым голосом Зелёная Милость.

«*Кровавый выкуп за невесту*». Дейенерис устала воевать против ям — даже сир Барристан не верил, что ей удастся победить.

— Никакой правитель не может сделать свой народ хорошим, — сказал он ей. — Бейелор Благословенный молился, постился и строил Семерым такие храмы, о которых другие боги и мечтать не могли, но и он не смог положить конец войнам и нужде.

«*Королева должна прислушиваться к чаяниям своего народа*», — напомнила себе Дени.

— Когда мы поженимся, Хиздар станет королем. Пусть сам заново открывает ямы, если ему угодно. Я не хочу в этом участвовать.

«*Пусть кровь будет на его руках, а не на моих*».

Она встала.

— Если мой муж хочет, чтобы я омыла его ноги, пусть сначала омоет мои. Я скажу ему об этом сегодня вечером.

Любопытно, как на это отреагирует её суженый.

Беспокоиться не пришлось. Хиздар зо Лорак, облаченный в бордовый токар с золотой полосой и каймой из золотых бусин, прибыл к королеве спустя час после захода солнца. Наливая ему в чашу вино, Дени рассказала жениху о встрече с Резнаком и Зелёной Милостью.

— Эти обряды ничего не стоят, — заявил Хиздар, — просто шелуха, которую давно надо отбросить. Миэрин погряз в глупых старых обычаях.

Он поцеловал ей руку и добавил:

— Дейенерис, моя королева, я с радостью вымою вас с головы до пят, если именно это требуется, чтобы стать вашим королём и супругом.

— Чтобы стать моим королём и супругом, от

тебя требуется только принести мне мир. Скахаз сказал мне, что ты принес вести о перемирии.

— Так и есть, — Хиздар скрестил длинные ноги. Он выглядел очень довольным собой. — Юнкай согласен на мир, но не бесплатно. Уничтожение работорговли причинило всему цивилизованному миру большие убытки. Юнкай и его союзники требуют от нас их возместить, уплатив золотом и драгоценными камнями.

Золото и драгоценности — это несложно.

— Что еще?

— В Юнкае, как и прежде, будет рабство, а Астапор восстановят как рабовладельческий город, и вы не будете этому препятствовать.

— Юнкайцы возродили рабство, стоило мне отойти на две лиги от их города. Разве я повернула обратно? Король Клеон умолял меня вступить с ним в военный союз против них, но я осталась глуха к его мольбам Я не хочу войны с Юнкаем — сколько мне это повторять? Каких обещаний они требуют?

— Вот это и есть камень преткновения, моя королева, — сказал Хиздар зо Лорак. — Как ни грустно это говорить, но юнкайцы не верят вашим обещаниям. Они все бренчат одной и той же струной о каком-то посланнике, которого сожгли

ваши драконы.

— У него разве что токар обгорел, — презрительно ответила Дени.

— Возможно, но они всё равно вам не верят. И люди Нового Гиса тоже. Слова — ветер, как вы сами часто повторяли. Никакие ваши слова не гарантируют мир Миэрину. Только дела. Они хотят, чтобы мы обвенчались, и хотят видеть меня королем, чтобы я правил рука об руку с вами.

Дени снова наполнила ему кубок. Больше всего на свете ей хотелось опрокинуть графин Хиздару на голову и залить вином его самодовольную улыбку.

— Замужество или резня. Свадьба или война. Таков мой выбор?

— Я не вижу других вариантов, ваша величественность. Давайте произнесем наши клятвы перед богами Гиса и вместе будем строить новый Миэрин.

Королева обдумывала ответ, когда позади раздались шаги. «*Еда*», — решила она. Её повара обещали подать любимое кушанье благородного Хиздара — собаку в меду, фаршированную сливами и перцем. Но когда Дени обернулась, у неё за спиной стоял сир Барристан — только из бани, весь в белом и с мечом на боку.

— Ваше величество, — сказал он, поклонившись, — прошу извинить за беспокойство, но я подумал, что вы захотите узнать об этом без промедления. Вороны-Буревестники вернулись в город и принесли кое-какие вести о враге. Как мы и боялись, юнкайцы выступили в поход.

По благородному лицу Хиздара зо Лорака пробежала тень недовольства.

— Королева изволит ужинать. Наёмники могут подождать.

Сир Барристан не обратил на него внимания.

— Я предложил лорду Даарио доложить обо всём мне, как велели ваше величество. Он засмеялся и сказал, что напишет донесение собственной кровью, если только ваше величество пошлет к нему вашу маленькую служанку, чтобы та показала ему, как писать буквы.

— Кровью? — ужаснулась Дени. — Это шутка? Нет. Нет, не отвечайте, я должна сама его увидеть.

Она была юна и одинока, а юные девушки всегда могут передумать.

— Соберите моих капитанов и военачальников. Хиздар, знаю, вы извините меня.

— Миэрин прежде всего, — Хиздар радушно улыбнулся. — У нас будут и другие ночи — тысяча

ночей.

— Сир Барристан проводит вас, — Дени поспешила вернуться в свои покои и позвать служанок. Она не хотела встречать своего капитана в токаре. Королева перепробовала с десяток нарядов, пока не нашла тот, что ей понравился, но отказалась от предложенной Чхику короны.

Когда Даарио Нахарис преклонил перед ней колено, сердце чуть не выпрыгнуло у Дени из груди. Волосы капитана были перепачканы засохшей кровью, на виске зиял глубокий порез, свежий и красный, а правый рукав замаран кровью почти до локтя.

— Ты ранен? — вскричала она.

— Это? — Даарио дотронулся до виска. — Арбалетчик попытался вышибить мне глаз стрелой, но я увернулся. Я спешил домой к моей королеве, к теплу её улыбки. — Он тряхнул рукавом, разбрызгав по полу красные капли. — Это не моя кровь. Один из сержантов заявил, что нам стоит перекинуться к юнкайцам, так что я засунул руку ему в горло и вырвал сердце. Я хотел принести его в подарок моей серебряной королеве, но мне преградили дорогу четверо Кошек и начали рычать и плеваться — один из них меня едва не схватил, так что я швырнул сердце ему в лицо.

— Весьма галантно, — произнес сир Барристан, судя по тону, сочтя это намерение каким угодно, только не галантным. — Но что за вести вы принесли её величеству?

— Скверные вести, сир Дедуля. Астапор пал, и работорговцы идут с войском на север.

— Это старые новости, уже с душком, — проворчал Бритоголовый.

— Твоя мать говорила то же о поцелуях твоего папаши, — ответил Даарио. — Милая моя королева, я был бы здесь куда раньше, но в холмах кишмя кишат юнкайские наёмники — четыре вольных отряда. Вашим Воронам-Буревестникам пришлось через них прорубаться. Есть и новые вести, еще хуже прежних: юнкайская армия движется по дороге вдоль берега, и к ней присоединились четыре легиона из Нового Гиса. У них есть слоны — с сотню — в броне и с башнями на спинах. Там есть и толосские пращники, и квартийская кавалерия на боевых верблюдах. Ещё два гискарских легиона сели на корабли в Астапоре. Если наши пленники не лгут, это второе войско высадится за Скахазадханом, чтобы отрезать нас от Дотракийского моря.

Он говорил и говорил, и время от времени на мраморный пол падали капли ярко-красной кро-

ви, заставляя Дени вздрагивать.

— Сколько погибло? — спросила она, когда капитан закончил свой рассказ.

— Наших? Я не задерживался, чтобы их пересчитать. Но мы приобрели больше людей, чем потеряли.

— Очередные перебежчики?

— Очередные доблестные воины, горящие желанием присоединиться к вашему правому делу. Они понравятся моей королеве. Там есть боец с топором с Островов Василиска — настоящий громила ростом больше Бельваса. Вам стоит на него взглянуть. Ещё вестеросцы, с десяток или больше. Дезертиры из Гонимых Ветром, которым опротивел Юнкай. Из них выйдут отличные Вороны-Буревестники.

— Как скажешь, — Дени не стала с ним спорить. Скоро Миэрину понадобится каждый меч.

Сир Барристан хмуро поглядел на Даарио.

— Капитан, вы упомянули четыре вольных отряда. Мы знаем только о троих: Гонимые Ветром, Длинные Копья, Рота Кошки.

— Сир Дедуля определенно умеет считать. Младшие Сыновья перекинулись к юнкайцам, — Даарио отвернулся и плюнул на пол. — Это — Бурому Бену Пламму. В следующий раз, когда я

увижу его гнусную рожу, то разрублю его от горла до паха и вырву его чёрное сердце.

Дени собралась что-то сказать и не нашла слов. Она вспомнила, как в последний раз видела лицо Бена. «*Доброе лицо, лицо, которому можно доверять*». Смуглая кожа, седые волосы, сломанный нос, морщинки в уголках глаз. Даже драконы любили старого Бурого Бена, который хвастался, что у него самого в жилах есть капля драконьей крови. «*Три измены должна ты испытать: одну из-за золота, одну из-за крови, одну из-за любви*». Пламм — это вторая измена или третья? А сир Джорах, её грубый старый медведь? Неужели ей не найти друга, которому она сможет довериться? «*Что толку в пророчествах, которые невозможно понять? Если я выйду замуж за Хиздара до восхода солнца, разве вражеские рати испарятся, как утренняя роса, и оставят меня мирно править?*»

Слова Даарио встретили негодующим гулом. Резнак причитал, Бритоголовый что-то мрачно бормотал себе под нос, её кровные всадники клялись отомстить. Силач Бельвас ударил себя кулаком по испещренному шрамами брюху и поклялся, что съест сердце Бурого Бена со сливами и луком.

— Прошу вас, — произнесла Дени, но её, кажется, услышала одна только Миссандея. Королева поднялась на ноги. — Тихо! Достаточно слов.

— Ваше величество, — сир Барристан опустился на одно колено. — Мы ждём ваших повелений. Что прикажете?

— Действуйте, как мы условились. Собирайте провизию — сколько успеете.

«*Если я оглянусь, я пропала*».

— Нам придется закрыть ворота и выставить на стены всех, кто способен держать в руках оружие. Никого не впускать, никого не выпускать.

На мгновение в зале наступила тишина. Мужчины глядели друг на друга. Наконец Резнак спросил:

— А как же астапорцы?

Ей хотелось кричать, скрежетать зубами, рвать на себе одежду и биться о пол. Вместо этого она сказала:

— Закройте ворота. Мне в третий раз повторить?

Астапорцы были её детьми, но мать ничем не могла им помочь.

— Оставьте меня. Даарио, останься. Рану надо промыть, и у меня ещё есть к тебе вопросы.

Остальные поклонились и вышли. Дени отвела

Даарио Нахариса вверх по лестнице к себе в опочивальню, где Ирри промыла ему рану уксусом, а Чхику перевязала её белым полотном. Когда они закончили, королева отослала служанок.

— Твоя одежда в крови, — сказала она Даарио. — Сними её.

— Только если ты сделаешь то же самое, — капитан поцеловал её.

Его волосы пахли кровью, дымом и конским потом, губы были жестки и горячи. Дени затрепетала в его руках. Когда они, наконец, оторвались друг от друга, она сказала:

— Я думала, это ты меня предашь. «Один раз из-за золота, один из-за крови, один из-за любви» — так мне напророчили чародеи. Я думала... точнее не думала, что это будет Бурый Бен. Даже мои драконы, казалось, ему доверяли.

Она обняла капитана за плечи.

— Обещай, что никогда не обернешься против меня. Я этого не перенесу. Обещай.

— Никогда, любовь моя.

Она ему поверила.

— Я поклялась, что выйду замуж за Хиздара зо Лорака, если он даст мне девяносто дней мира, но сейчас... Я хотела тебя с того самого момента, как увидела — но ведь ты наёмник — непостоян-

ный, вероломный, хвастaвшийся, что у тебя была сотня женщин.

— Сотня? — Даарио усмехнулся в пурпурную бороду. — Я солгал, милая моя королева. Их была тысяча. Но дракона — никогда.

Она приблизила губы к его устам

— Так чего же ты ждёшь?

Глава 37. Принц Винтерфелла

Очаг был покрыт слоем холодной, застарелой золы. Единственное тепло в комнате исходило от зажжённых свечей. Но каждый раз, когда кто-то открывал дверь, их огонёк начинал предательски дрожать. Бледную, без кровинки в лице невесту тоже била дрожь. Её нарядили в отделанное кружевом и расшитое речным жемчугом по рукавам и лифу белое платье из овечьей шерсти, а ножки обули в красивые, но совершенно непригодные для холода туфельки из оленьей кожи.

«*У нее лицо будто вырезано изо льда*, — подумал Теон Грейджой, накидывая ей на плечи подбитый мехом плащ. — *Как у мертвеца, замерзшего в снегу*».

— Миледи. Пора.

Из-за двери доносились призывные звуки музыки: лютни, дудок и барабана.

Невеста подняла на него карие глаза, блеснувшие в свете свечей.

— Я буду ему хорошей женой, и в-верной. Я…я буду угождать ему и подарю сыновей. Он увидит, из меня получится лучшая жена, чем из насто-

ящей Арьи.

«*Скажешь это при нём, и он тебя убьет, или ещё что похуже*». Этот урок Теон выучил, будучи Вонючкой.

— Вы — настоящая Арья, миледи. Арья из дома Старк, дочь лорда Эддарда, наследница Винтерфелла. — Это её *имя*, она должна его запомнить. — Арья Босоножка. Ваша сестра называла вас Арья-Лошадка.

— Это прозвище придумала я. У неё было вытянутое, лошадиное лицо, а у меня — нет. Я всегда была симпатичной.

Из глаз девочки брызнули слезы.

— Я никогда не была такой красивой, как Санса, но все называли меня хорошенькой. А лорд Рамси считает меня хорошенькой?

— Да, — солгал Теон. — Он сам сказал мне об этом.

— Но он знает, кто я. Кто я на самом деле. Я вижу это в его взгляде. Он смотрит так сердито, даже когда улыбается, но я в этом не виновата. Говорят, лорд Рамси любит причинять людям боль.

— Миледи не следует слушать подобную… ложь.

— Говорят, что он мучил тебя. Твои руки и…

У него пересохло во рту.

— Я… заслужил это. Я рассердил его. Вы не должны его сердить. Лорд Рамси… хороший и приятный человек. Угождайте ему, и он будет добр. Станьте хорошей женой.

— Помоги мне, — вцепилась в него девочка. — Пожалуйста. Я восхищалась, наблюдая, как ты упражняешься на мечах во дворе. Ты был так красив.

Она сжала его руку.

— Если мы сбежим, я стану твоей женой или твоей… твоей шлюхой, кем пожелаешь. А ты мог бы быть моим мужчиной.

Теон выдернул свою руку.

— Я не… я ничей мужчина.

«*Мужчина помог бы ей*».

— Просто будьте Арьей, станьте его женой. Угождайте ему или… просто угождайте, и перестаньте отрицать, что вы не она.

«*Джейни, ее зовут Джейни, Джейни-унижение*».

Музыка становилась всё громче.

— Нам пора. Вытрите слезы.

«*Карие глаза. Они должны быть серыми. Кто-нибудь заметит. Кто-нибудь вспомнит*».

— Хорошо. Теперь улыбнитесь.

Сделав робкую попытку улыбнуться, девушка раскрыла дрожавшие губы, и он увидел её зубы.

«*Милые белые зубки*, — подумал Теон, — *но если она его разозлит, то они ненадолго останутся милыми*». Когда двери распахнулись, три из четырёх свечей погасли, и он повел невесту во мглу, к гостям.

— Почему я? — спросил Теон у леди Дастин, когда та сказала, что именно ему предстоит вести невесту под венец.

— Её отец и братья мертвы, мать погибла в Близнецах. Её дядья пропали, убиты или в плену.

— У неё остался брат.

«*У нее все еще есть три брата*», — мог бы сказать он.

— Джон Сноу в Ночном Дозоре.

— Брат лишь наполовину, незаконнорожденный и связанный обязательствами со Стеной. Ты был воспитанником её отца, то есть почти родня. Естественно, что именно ты выдашь её замуж.

«*Почти родня* ». Теон Грейджой рос рядом с Арьей Старк. Теон Грейджой отличил бы её от самозванки. Если собравшиеся засвидетельствовать брак северные лорды увидят, что он признаёт в подсунутой им Болтоном девице Арью, то у них не найдется причин сомневаться в ее подлинности. Стаут и Слэйт, Амбер Смерть Шлюхам, задиристые Рисвеллы, люди Хорнвуда

и кузены Сервина, жирный лорд Виман Мандерли… никто не знал дочерей Неда Старка и вполовину так хорошо, как он. А если кто-то из них вдруг начнёт сомневаться, то, наверняка, у него хватит ума оставить эти сомнения при себе.

«*Они используют меня, чтобы их ложь не выползла наружу, прикрывают мной свой обман*».

Именно ради этой роли в своём скоморошьем фарсе Русе Болтон вновь нарядил Теона лордом. А когда всё закончится, подставную Арью выдадут замуж, и брак будет осуществлен, то Теон Перевёртыш станет больше не нужен.

— Послужи нам, и после победы над Станнисом мы подумаем, как вернуть тебе трон твоего отца, — пообещал его светлость своим тихим голосом, будто специально созданным для нашептываний и лжи.

Теон не верил ни единому слову, однако понимал, что станцует для них этот танец, потому что у него нет выбора. Но потом…

«*Он вернёт меня Рамси*, — подумал он, — *а тот отрубит мне ещё несколько пальцев и снова превратит в Вонючку*».

Если только боги не смилостивятся, и Станнис Баратеон не придёт в Винтерфелл, чтобы порубить их всех, включая и самого Теона. Это лучшее,

на что он смел надеяться.

Суровый мороз сковал Винтерфелл, но, как ни странно, в богороще оказалось теплее, чем за стенами замка. Дорожки покрылись предательским гололёдом, а на разбитых стёклах теплицы в лунном свете искрился иней. У стен выросли сугробы грязного снега, заполняя каждый уголок пространства. Некоторые были такими большими, что даже завалили двери. Снег скрыл серый пепел и угли, но кое-где из сугробов торчали почерневшие балки или кучи костей с остатками кожи и волос. Длинные как копья сосульки свисали со стен и обрамляли башни, словно жёсткие, седые усы старика. Но в богороще земля не замёрзла, а от горячих источников поднимался пар — тёплый, как дыхание ребёнка.

Невесту обрядили в белое и серое — те самые цвета, в которые нарядилась бы настоящая Арья, доживи она до собственной свадьбы. И хоть на Теоне красовалось чёрное с золотом одеяние и плащ с застежкой в виде кракена, выкованной для него кузнецом из Барроутона, под капюшоном скрывались седые тонкие волосы и серая старческая кожа.

«*Ну вот я и Старк*», — подумал Теон, проходя под каменной аркой рука об руку с невестой. У

их ног клубились клочья тумана. Барабан стучал, как и сердце девушки. Трубы звучали возвышенно, мелодично и призывно. Над верхушками деревьев по тёмному небу плыл месяц, выглядывающий из-за туч, словно любопытный глаз, подсматривающий сквозь вуаль.

Теон Грейджой не был чужаком в этой богороще. Он играл здесь мальчишкой, прыгал по камням в холодном чёрном пруду под чардревом, прятал свои сокровища в дупле древнего дуба, охотился со сделанным собственными руками луком на белок. А став старше, он промывал в этих горячих источниках свои ссадины, полученные во время бессчётных упражнений с Роббом, Джори и Джоном Сноу. Он знал среди этих каштанов, вязов и гвардейских сосен кучу укромных местечек, где можно было спрятаться, когда хотелось побыть в одиночестве. Здесь он впервые поцеловал девушку. Позже другая девушка сделала его мужчиной на старом одеяле в тени того высокого серо-зелёного страж-древа.

Никогда ещё ему не приходилось видеть богорощу такой серой и призрачной, полной тёплого тумана, плывущих огоньков и шёпота, который, казалось, шёл ниоткуда и отовсюду одновременно. От горячих источников из-под корней валил

пар. Тёплые испарения поднимались от земли, окутывая деревья своим сырым дыханием, вползая вверх по стенам, чтобы закрыть серыми занавесками бойницы.

Под его ногами вилось что-то вроде дорожки, вернее, тропинки из поросших мхом растрескавшихся камней, наполовину погребённых под грязью и опавшими листьями. Ходить по ней было опасно из-за торчавших из земли толстых корней. И сейчас он вёл по ней невесту. «*Джейни, её зовут Джейни, Джейни-унижение*». Ему нельзя так думать. Стоит этому имени слететь с его губ, и можно лишиться пальца или уха. Теон шел медленно, следя за каждым шагом. Из-за недостающих пальцев на ногах он прихрамывал, когда торопился, а тут недалеко и споткнуться. Испорти Теон свадьбу лорда Рамси неверным движением, и тот исправит эту оплошность, освежевав ему провинившуюся ногу.

Туман был таким густым, что нельзя было рассмотреть ничего, кроме росших поблизости деревьев да высоких теней и тусклых огней позади. Вдоль петлявшей тропинки, между окутанных туманом ветвей бледными светлячками мерцали огоньки свечей. Всё вокруг казалось странным и потусторонним, безвременьем в

пространстве между мирами, где печально скитаются проклятые души перед тем, как заслуженно попасть в преисподнюю.

«*Значит, мы все мертвы? Станнис пришел и перебил нас во сне? Сражению только предстоит случиться, или оно уже произошло, и мы его проиграли*?»

Кое-где ярко пылали факелы, отбрасывая красные отблески на лица гостей.

В мерцающем тумане их лица казались звериными, нечеловеческими, чудовищными. Лорд Стаут стал похож на мастиффа, старый лорд Локки — на коршуна, Смерть Шлюхам — на горгулью, Большой Уолдер — на лисицу, Малый Уолдер — на рыжего быка, ему лишь кольца в носу недоставало. Лицо Русе Болтона казалось бледно-серой маской с двумя осколками мутного льда вместо глаз.

Высоко над их головами с голых коричневых веток деревьев за зрелищем наблюдало множество нахохлившихся воронов. «*Птицы мейстера Лювина*». Лювин мёртв, его башня сожжена, но вороны всё ещё оставались здесь. «*Это их дом*». Теон задумался, каково это — иметь дом.

Потом туман расступился, будто занавес на представлении лицедеев, чтобы показать новую

сцену. Перед ними появилось сердце-древо с торчащими во все стороны костлявыми ветвями. У подножия белого ствола валялись кучи красных и коричневых опавших листьев. Рассевшиеся на нём толстые вороны переговаривались друг с другом на тайном языке убийц. Под деревом стоял Рамси Болтон в высоких сапогах из мягкой серой кожи и сверкающем капельками граната чёрном бархатном дублете с полосками розового шёлка. На его лице играла улыбка.

— Кто идёт? — Его губы были влажными, а шея над воротником красной. — Кто идёт предстать перед божьим ликом?

Теон ответил:

— Арья из рода Старков пришла, чтобы выйти замуж. Взрослая и расцветшая женщина, законнорожденная и благородная, она явилась просить благословения богов. Кто пришел, чтобы взять её в жены?

— Я, — ответил Рамси. — Рамси из рода Болтонов, лорд Хорнвуда, наследник Дредфорта. Я беру её. Кто её отдает?

— Теон из рода Грейджоев, воспитанник её отца.

Он повернулся к невесте:

— Леди Арья, берёшь ли ты этого человека в

мужья?

Девушка подняла на него глаза. «*Карие глаза, не серые. Они что, все ослепли*?»

Девушка долго молчала, но её глаза умоляли.

«*Это твой шанс*, — подумал он. — *Скажи им. Скажи им сейчас. Выкрикни своё имя перед всеми, скажи им, что ты не Арья Старк. Пусть весь север узнает, как тебя заставили сыграть эту роль*».

Разумеется, для неё это означало верную смерть, да и для него тоже, но может старые боги севера смилостивятся, и в гневе Рамси убьет их быстро.

— Я беру его в мужья, — прошептала девочка.

Вокруг них в тумане мерцали сотни тусклых, как далекие звёзды, свечей. Теон отступил, а Рамси с невестой взялись за руки и, преклонив колени перед белым стволом, склонили головы в знак смирения. Резные красные глаза чардрева смотрели на них сверху вниз, а вырезанный на стволе большой красный рот словно застыл в приступе смеха. В ветвях над головой каркнул ворон.

После недолгой молчаливой молитвы мужчина и женщина вновь поднялись.

Рамси снял с невесты подбитый серым мехом белый шерстяной плащ с лютоволком Старков.

А затем заменил его грозным и наводящим ужас розовым с изображением ободранного человека плащом, сделанным из жесткой красной кожи и украшенным, как и его дублет, гранатами.

На этом всё закончилось. Свадьбы на севере проходят быстро. Теон предполагал, что причина в отсутствии священников; как бы то ни было, ему это показалось милосердным. Рамси Болтон подхватил свою жену на руки и зашагал с ней сквозь туман. Лорд Болтон и его жена леди Уолда последовали за ними, а следом потянулись и остальные гости. Музыканты снова заиграли, и бард Абель запел «Два сердца, что бьются как одно». Две женщины подхватили песню, и их сладкие голоса плавно вплелись в мелодию.

Теон задумался, а не стоит ли и ему помолиться. «*Услышат ли меня тогда старые боги*?» Это не его боги, и никогда ими не были. Он сын Пайка, он из железнорожденных, поклоняющихся Утонувшему Богу островов… но Винтерфелл находится вдалеке от моря. Уже целую вечность ни один бог не слышал его молитв. Теон не знал, кем или чем он теперь стал, почему до сих пор жив и зачем когда-то родился.

— Теон, — казалось, прошептал чей-то голос.

Он задрал голову.

— Кто это сказал?

Но вокруг не было ничего, кроме проглядывающих сквозь туман деревьев. Этот голос, подобный шелесту листьев, был холодным как ненависть.

«*Голос бога или призрака*». Сколько людей погибло, когда он взял Винтерфелл? И сколько потом, когда он его потерял?

«*В тот день умер Теон Грейджой, чтобы возродиться Вонючкой. Вонючка, Вонючка, Вонючка-визгучка*».

Внезапно ему захотелось уйти.

Когда он покинул богорощу, холод набросился на него, словно волк на добычу, пронзая своими зубами. Склонив голову, Теон зашагал в Великий Чертог, пытаясь догнать длинную череду свечей и факелов. Под ногами хрустел лёд, а налетевший внезапно ветер откинул капюшон, будто какой-то призрак ледяными пальцами открыл лицо Теона, желая заглянуть в глаза.

Для Теона Грейджоя Винтерфелл был полон призраков.

Вовсе не этот замок он помнил по лету своей юности. Повреждённый, весь в шрамах, превратившийся скорее в руины прежней крепости, ставший обителью ворон и скелетов. Величественная двойная стена всё ещё стояла, ведь

гранит не так легко поддаётся огню, но большая часть башен и других построек осталась без крыш. Некоторые из них обвалились. Солома и дерево частично или полностью сгорели в огне. Под разбитыми стёклами теплицы валялись почерневшие, замёрзшие овощи и фрукты, которые могли бы прокормить замок в течение зимы. Занесённый снегом двор был заполнен шатрами. Русе, как и его друзья Фреи, разместили свои войска в стенах замка. Среди развалин расположились тысячи человек, заняв все дворы, устроившись на ночлег в подвалах, под башнями без крыш и в пустовавших веками постройках.

Над заново отстроенными крышами кухонь и казарм клубился серый дым. Укрепления и зубчатые стены венчали снег и сосульки. В Винтерфелле не осталось никаких цветов, кроме белого и серого. «*Цвета Старков*». Теон не знал, зловещий ли это знак или обнадёживающий. Даже небо было серым. «*Серый, серый и совсем серый. Весь мир серый, куда ни глянь, всё серое, кроме глаз невесты*». Глаза невесты были карими. «*Большими, карими и испуганными*». Несправедливо было просить его о спасении. О чём она думала? Что он позовет крылатого коня и улетит с ней, как какой-то герой из любимых ею с Сансой

сказок? Он не мог спасти даже себя. «*Вонючка, Вонючка, Вонючка-канючка*».

По всему двору на пеньковых веревках висели заиндевевшие мертвецы с раздутыми белыми лицами. Когда авангард Болтона достиг замка, Винтерфелл кишел погорельцами. Из жилищ, устроенных посреди полуразрушенных башен и построек замка, под угрозой оружия выгнали больше двух десятков человек. Самых наглых и непокорных повесили, остальных заставили работать.

— Служите хорошо, — сказал им лорд Болтон, — и я буду милостив.

Камня и древесины хватало в избытке в Волчьем Лесу по соседству. Сначала поставили новые крепкие ворота взамен сгоревших, затем разобрали обвалившуюся крышу Великого Чертога и срочно возвели новую, а по окончании работ лорд Болтон повесил всех «строителей». Верный своему слову, он проявил милосердие и никого из них не освежевал.

К тому времени подошла остальная армия Болтона. Под завывания северного ветра над стенами Винтерфелла подняли оленя и льва короля Томмена, а ниже — ободранного человека Дредфорта. Теон прибыл в повозке Барбри Дастин вместе с

её милостью, людьми из Барроутона и невестой. Леди Дастин настояла на том, чтобы опекать леди Арью до самой свадьбы, но сейчас её работа была закончена. «*Теперь девушка принадлежит Рамси. Она дала брачную клятву*». Благодаря этому браку Рамси станет лордом Винтерфелла. И пока Джейни не рассердит его, он не причинит ей вреда. «*Арья. Её зовут Арья*».

Даже в подбитых мехом перчатках Теон чувствовал пульсирующую боль. Чаще всего болели именно руки, особенно отрубленные пальцы. Неужели когда-то женщины жаждали его прикосновений? «*Я провозгласил себя принцем Винтерфелла*, — подумал он, — *и вот что из этого вышло*». Он надеялся, что даже спустя сотни лет о нем будут петь песни, передавая из уст в уста истории о его отваге. Но если сейчас кто и говорил о нём, то только как о Теоне Перевёртыше, и все истории описывали лишь его вероломство. «*Это место никогда не было моим домом. Я жил здесь заложником*». Лорд Старк ни разу не обошелся с ним жестоко, но между ними всегда стояла длинная стальная тень его двуручного меча. «*Эддард всегда был добр ко мне, но в этой доброте не было теплоты. Он знал, что однажды ему, возможно, придётся меня убить*».

Глядя себе под ноги, Теон пересек двор, лавируя между шатрами. «*Тут я учился сражаться*», — вспоминал он тёплые летние деньки, проведённые в поединках с Роббом и Джоном Сноу под присмотром старого сира Родрика. Тогда он был цел и невредим и мог обхватить рукоять меча, как любой другой мужчина. Но двор хранил и более мрачные воспоминания. Именно тут Теон собрал людей Старка в ту ночь, когда Бран и Рикон бежали из замка. Стоявший подле него Рамси, тогда ещё он был Вонючкой, нашёптывал ему, что следует содрать кожу с нескольких пленников, чтобы заставить их рассказать, куда убежали мальчишки. «*Я не допущу никакого свежевания, пока я принц Винтерфелла*, — ответил Теон, не представляя, каким коротким окажется его правление. — *Никто из этих людей не помог мне. Я знал их большую часть своей жизни, но ни один не пришёл мне на помощь*». Несмотря на это, он сделал всё, чтобы защитить их, но как только Рамси сбросил с себя личину Вонючки, то убил их всех и железнорожденных Теона в придачу. «*Он сжёг моего коня*». Это зрелище стало последним из того, что ему пришлось увидеть в тот день, когда пал замок. Горевший Улыбчивый бился так, что искры огня с его гривы летели во все сто-

роны, и кричал с побелевшими от ужаса глазами. «*Здесь, в этом самом дворе*».

Возвышавшиеся перед Теоном новые двери Великого Чертога, заменившие сгоревшие прежние, из-за наскоро сколоченных сырых досок показались ему грубыми и уродливыми. На посту стояла пара сгорбившихся и дрожавших под толстыми меховыми плащами копейщиков с заледеневшими от мороза бородами. Сопровождаемый их недовольными взглядами Теон заковылял вверх по лестнице, толкнул правую дверь и скользнул внутрь.

В ярко освещённом светом факелов зале разливалось благословенное тепло, а народу собралось не меньше, чем в былые времена. Теон подождал, пока его согреет окутавшая волна тепла, а потом пошёл к передней части зала. Люди сидели на скамьях так плотно, что слугам приходилось между ними протискиваться. Даже на помосте, где расположились рыцари и лорды, было тесновато.

Неподалеку от них, пощипывая струны лютни, Абель пел «Прекрасных Дев Лета». «*Он называет себя бардом, хотя правильнее было бы — сутенёр*». Лорд Мандерли привёз из Белой Гавани музыкантов, но ни один из них не умел петь,

поэтому, когда у ворот появился Абель с лютней и шестью женщинами, его встретили с распростертыми объятьями.

— Две сестры, две дочери, жена и моя старая матушка, — заявил певец, несмотря на то, что ни одна из них не была на него похожа. — Некоторые из них танцуют, некоторые поют, одна играет на волынке и ещё одна — на барабанах. И к тому же все они хорошие прачки.

Кем бы ни являлся Абель — бардом ли или сутенёром, но голос у него был сносным, а игра неплохой. Здесь, среди руин, никто большего и не ждал.

На стенах пестрели штандарты различных родов: золотая, коричневая, серая и чёрная лошадиные головы Рисвеллов; ревущий гигант дома Амберов; каменная рука дома Флинтов из Кремневых Пальцев; лось Хорнвуда и водяной Мандерли; чёрный боевой топор Сервинов и сосны Толлхарта. Но яркие знамёна не могли полностью скрыть ни почерневших стен, ни заколоченных досками проёмов окон. Даже крыша выглядела по-другому — потемневшие от вековой сажи старые стропила заменили новыми из светлого необработанного дерева.

Самые большие знамёна висели на помосте,

за спиной у жениха и невесты — лютоволк Винтерфелла и ободранный человек Дредфорта. Вид знамени Старков поразил Теона сильнее, чем он ожидал. «*Неправильно, это неправильно, как и её глаза*». Гербом дома Пуль был голубой круг на белом поле, обрамлённый серой лентой. Вот какое знамя они должны были вывесить.

— Теон Перевёртыш, — произнёс кто-то, когда он проходил мимо столов. Один из мужчин демонстративно отвернулся от него, а другой сплюнул. «*Почему бы и нет?*» Он предатель, обманом захвативший Винтерфелл, убивший своих названных братьев, отдавший своих людей на растерзание у Рва Кейлин и уложивший названную сестру в постель к лорду Рамси. Русе Болтон мог использовать его, но настоящие северяне, скорее всего, испытывали к нему лишь презрение.

Из-за отрубленных на ноге пальцев его походка стала неуклюжей, комичной, похожей на ковыляние краба. За спиной Теона хихикнула какая-то женщина. Даже здесь, в этом холодном полуразвалившемся замке, полном снега, льда и смерти, были женщины. «Прачки» — так, приличия ради, называли маркитанток вместо привычного всем слова «шлюхи».

Теон не мог сказать, откуда те взялись. Они просто появлялись, подобно трупным червям или стервятникам, слетавшимся после битвы. Такие женщины есть в каждой армии. Одни из них — прожжённые шлюхи, способные переспать с двадцатью мужчинами за ночь и легко перепить их всех. Другие — на вид невинные девицы, но это просто профессиональная хитрость. Некоторые — фронтовые жёны, поклявшиеся солдатам в верности именем того или иного бога, но обречённые на забвение после окончания войны. Ночью они согревали мужские постели, по утрам латали сапоги, вечерами готовили ужин и обирали тела после битвы. Впрочем, некоторые из них действительно стирали. Частенько вместе с ними таскались их бастарды — грязные, жалкие существа, появившиеся на свет в каком-нибудь из военных лагерей. И вот такая потаскуха хихикала сейчас над Теоном Грейджоем. «*Пусть смеются*». Его гордость умерла здесь, в Винтерфелле; ей не было места в подземельях Дредфорта. Познавшему поцелуй ножа для свежевания смех уже не навредит.

По праву рождения и крови у него было место на помосте — в конце высокого стола, рядом со стеной. Слева сидела леди Дастин, облачённая,

как всегда, в грубую чёрную шерсть, без украшений, а справа — никого. «*Они все боятся, что моё бесчестье перекинется и на них*». Он бы точно рассмеялся, если бы только посмел.

Самое почётное место принадлежало невесте — между Рамси и его отцом. Она сидела, опустив глаза, когда Русе Болтон предложил тост за леди Арью.

— В её детях объединятся два наших древнейших рода, и долгой вражде между Старками и Болтонами придёт конец, — произнес он так тихо, что все вокруг замолчали, пытаясь расслышать его слова. — Мне жаль, что наш добрый друг Станнис не счёл нужным к нам присоединиться, — продолжал он под легкие смешки. — Мне известно, что Рамси хотел преподнести леди Арье в подарок на свадьбу его голову. — Смех становился все громче. — Когда он появится, мы устроим ему роскошный прием, как и подобает настоящим северянам. А до тех пор давайте есть, пить и веселиться… ведь зима почти пришла, друзья мои, и многие из нас не доживут до весны.

Лорд Белой Гавани предоставил для этой свадьбы еду и питье — тёмный портер и светлое пиво, красное, золотое и лиловое вино, привезенное с теплого юга на больших кораблях

и выдержанное в глубоких погребах. Гости с аппетитом накинулись на пирожки из трески, зимнюю тыкву, горы репы, огромные круги сыра, копчёную баранину и поджаренные дочерна говяжьи рёбрышки. В конце пиршества подали три огромных, размером с колесо от телеги, свадебных пирога с начинкой из моркови, лука, репы, пастернака, грибов и кусочков тушёной свинины, приправленных острым коричневым соусом. Рамси отрубал себе куски своим фальшионом, а Виман Мандерли собственной персоной ухаживал за гостями, подавая лучшие горячие кусочки сначала Русе Болтону и его тучной жене из Фреев, а затем — сиру Хостину и сиру Эйенису — сыновьям лорда Уолдера.

— Вкуснейший пирог, который вы когда-либо пробовали, милорды, — заявил толстый лорд. — Омойте его арборским золотым и насладитесь каждым кусочком. Я-то уж точно так и сделаю.

Верный своему слову Мандерли проглотил шесть кусков — по два от каждого пирога. Причмокивая, он похлопывал себя по животу, не обращая внимания на полную крошек бороду и заляпанную коричневыми пятнами от пролитого им соуса рубашку. Даже толстая Уолда Фрей не могла состязаться с ним в обжорстве, хотя сама

одолела три куска. Рамси тоже ел весьма охотно, но его бледная невеста, уставившись на стоявшее перед ней блюдо, не проглотила ни кусочка. Когда она, подняв голову, посмотрела на Теона, он увидел страх в её больших карих глазах.

Приходить в зал с мечом было запрещено, но у каждого мужчины имелся кинжал, даже у Теона Грейджоя. А чем же иначе резать мясо? И каждый раз, кидая взгляд на девушку, настоящее имя которой было Джейни Пуль, он чувствовал сталь на своем бедре. «*У меня нет возможности её спасти*, — думал Теон, — *но я легко мог бы её убить. Никто этого не ждет. Можно попросить её оказать мне честь, станцевав со мной, а потом перерезать ей горло. Разве это не милосердно? И если старые боги внимут моим мольбам, то Рамси в ярости убьет и меня*». Теон не боялся смерти. В подземельях Дредфорта он понял, что есть вещи и пострашнее. Рамси преподал ему этот урок, палец за пальцем, и он никогда его не забудет.

— Ты не ешь, — заметила леди Дастин.

— Нет.

Еда превратилось для него в муку. Рамси сломал ему столько зубов, что жевание стало пыткой. Пить было проще, хотя, чтобы не уронить кубок с вином, его приходилось сжимать двумя руками.

— Не нравится пирог со свининой, милорд? Лучший пирог со свининой, который мы когда-либо пробовали, как уверяет наш жирный друг.

Она указала чашей на лорда Мандерли.

— Вы видели когда-нибудь такого счастливого толстяка? Он чуть не пляшет. Уплетает за обе щеки.

Это было правдой. Лорд Белой Гавани как будто сошел с картины, изображавшей веселого толстячка. Он хохотал и улыбался, шутил с другими лордами и хлопал их по спине, заказывал музыкантам одну мелодию за другой.

— Певец, сыграй-ка нам «Ночь, которая закончилась», — проревел он. — Уверен, невесте она понравится. Или спой об отважном молодом Денни Флинте и заставь нас зарыдать.

Глядя на него, можно было подумать, что это его свадьба.

— Он пьян, — сказал Теон. — Топит в вине свои страхи. Трус до мозга костей.

Так ли это? Теон не был в этом уверен. Сыновья Мандерли тоже были толстыми, но они не посрамили свою честь на войне.

— Железнорожденные тоже пируют перед битвой. Ощутить вкус жизни в последний раз, когда смерть уже на пороге. Если Станнис придёт…

— Он придёт. Должен, — усмехнулась леди Дастин. — И когда это произойдёт, толстяк наложит в штаны. Его сын погиб на Красной Свадьбе, а он делит хлеб и соль с Фреями, принимает их в своём доме, обещал одному из них внучку. Он даже нарезает им пирог. Мандерли однажды бежали с юга, изгнанные врагами из своих земель и замков. В нём течёт та же кровь. Не сомневаюсь, что толстяк с радостью поубивал бы нас всех, но у него кишка тонка, несмотря на размер его пуза. Под этой потной плотью бьется сердце столь же трусливое и лакейское, как… ну… твое.

Последнее слово хлыстом ожгло Теона, но он не посмел огрызнуться в ответ. За любую дерзость ему придется заплатить своей кожей.

— Если миледи полагает, что лорд Мандерли хочет нас предать, то ей стоит рассказать об этом лорду Болтону.

— По-твоему, Русе не знает? Глупый мальчишка. Посмотри на него. Посмотри, как он смотрит на Мандерли. Русе и куска в рот не возьмёт, пока лорд Виман не отведает то же блюдо. Не сделает и глотка, пока не убедится, что Мандерли пьет из того же бочонка. Я думаю, ему даже хочется посмотреть на предательство толстяка. Это бы его позабавило. Видишь ли, Русе — совершенно бес-

чувственный. Эти пиявки, которых он так любит, много лет назад высосали из него все эмоции. Он не любит, не ненавидит, не страдает. Для него всё игра, легкое развлечение. Кто-то охотится, кто-то развлекается, бросая кости. Русе же играет людьми. Тобой и мной, этими Фреями, лордом Мандерли, своей новой пухлой жёнушкой, даже своим бастардом — мы все лишь его игрушки.

Мимо прошел слуга. Леди Дастин подняла свою чашу, чтобы ей налили вина, и жестом приказала наполнить чашу Теона.

— По правде говоря, — продолжила она, — лорд Болтон желает куда больше, чем просто быть лордом. Почему бы не стать Королем Севера? Тайвин Ланнистер мёртв, Цареубийца искалечен, Бес сбежал. Ланнистеры ушли в прошлое, а ты был так любезен, что избавил его от Старков. Старый Уолдер Фрей не будет против того, чтобы его жирная маленькая Уолда стала королевой. Белая Гавань может доставить хлопот, если лорд Виман выживет в предстоящей битве… но я более чем уверена, что не выживет. Как и Станнис. Русе уберет их обоих, как убрал Молодого Волка. И кто же у нас остаётся?

— Вы, — ответил Теон. — Останетесь вы. Леди Барроутона, Дастин по замужеству, Рисвелл по

рождению.

Ей польстили эти слова. Она глотнула вина и, сверкнув глазами, произнесла:

— Вдова из Барроутона… и да, если я захочу, то могу создать проблемы. Конечно, Русе тоже это понимает, поэтому старается угодить мне.

Она хотела сказать что-то ещё, но увидела трех мейстеров, вошедших в господскую дверь позади помоста. Первый из них был высоким, второй — толстым, а третий — очень молодым, но в робах и с цепями они выглядели, словно три серых горошины из одного чёрного стручка. До войны Медрик служил лорду Хорнвуду, Родри — лорду Сервину, а молодой Хенли — лорду Слэйту. Русе Болтон взял их всех в Винтерфелл ухаживать за воронами Лювина, чтобы можно было снова доставлять и получать послания.

Когда мейстер Медрик встал на одно колено, чтобы прошептать что-то на ухо Болтону, леди Дастин презрительно поджала губы.

— Будь я королевой, перво-наперво приказала бы убить этих серых крыс. Снуют повсюду, питаются огрызками со стола лордов, чирикают друг с другом, шепчут на ушко. Но кто на самом деле хозяева, а кто слуги? У каждого крупного лорда есть мейстер, а каждый лорд помельче желает

заполучить себе такого же. Если у тебя нет мейстера, значит, что не такая уж ты важная персона. Эти серые крысы читают и пишут наши письма, особенно для тех лордов, которые сами читать не в состоянии. И кто может ручаться, что они не искажают смысл посланий в своих интересах? Что в них хорошего, скажи мне?

— Они лечат, — ответил Теон. Похоже, именно этих слов она и ждала.

— Лечат, да. Я никогда не говорила, что они глупы. Они заботятся о нас, когда мы больны, ранены или обезумели из-за болезни родителя или ребёнка. Стоит нам стать слабыми и уязвимыми, мейстеры тут как тут. Иногда они нас исцеляют, и мы им за это благодарны. Когда их старания бессильны, они утешают нас в нашем горе, а мы им за это признательны. В благодарность мы даем им место под нашей крышей и посвящаем их во все наши тайны, разрешаем присутствовать на всех наших советах. И вскоре правитель становится подчиненным.

Именно это и произошло с лордом Рикардом Старком. Мейстер Валис — так звали его серую крысу. И разве не умно придумано, что у мейстеров только одно имя, даже у тех, у кого было два, до того как они пришли в Цитадель? От

нас скрывают, кто они на самом деле и откуда явились… но, проявив достаточно упорства, это можно узнать. Он был известен под именем Валис Флауэрс до того, как выковал свою цепь. Флауэрсы, Хиллы, Риверсы, Сноу… Эти фамилии дают незаконнорожденным детям, чтобы подчеркнуть, кто они такие, но те всегда с радостью от них избавляются. Мать Валиса Флауэрса была родом из Хайтауэров… а отец, по слухам, архмейстером Цитадели. Серые крысы не так невинны, как хотят нас уверить. А мейстеры из Староместа хуже всего. Стоило ему выковать свою цепь, как этот тайный отец с друзьями тут же отправили его в Винтерфелл наполнять уши лорда Рикарда ядовитыми словами, сладкими, словно мед. Брак с Талли был его идеей, можешь не сомневаться, он…

Она прервала свою речь, увидев, что Русе Болтон поднялся на ноги. Его бледные глаза сверкали в свете факелов.

— Друзья мои, — начал он.

В зале воцарилась такая тишина, что Теон слышал скрип стонущих от ветра досок на окнах.

— Станнис и его рыцари покинули Темнолесье под знаменем своего нового красного бога. К нему присоединились кланы северных холмов на сво-

их лохматых скакунах. Если погода не изменится, через две недели они будут тут. Амбер Воронье Мясо направляется вниз по Королевскому Тракту, в то время как Карстарки приближаются с востока. Они собираются объединиться с лордом Станнисом здесь и отобрать у нас этот замок.

Сир Хостин Фрей вскочил на ноги.

— Нужно поехать вперед им навстречу. Зачем позволять их войскам объединяться?

«*Затем, что Арнольф Карстарк только и ждёт сигнала лорда Болтона, чтобы переметнуться*», — подумал Теон, когда другие лорды стали выкрикивать своё мнение. Лорд Болтон поднял руки, призывая к тишине.

— Зал не место для таких обсуждений, милорды. Давайте продолжим в приёмной, пока мой сын будет осуществлять свой брак. Остальные оставайтесь и наслаждайтесь угощением и выпивкой.

Когда лорд Дредфорта вышел в сопровождении трех мейстеров, другие лорды и капитаны поднялись из-за стола, чтобы последовать за ним. Хозер Амбер, костлявый старик, прозванный Смерть Шлюхам, покинул пир с мрачным лицом и сердитым взглядом. Лорд Мандерли был так пьян, что потребовалось четверо крепких мужчин, чтобы

вывести его из зала.

— Нам нужна песня про Повара-Крысу, — еле ворочая языком, сказал он, когда, пошатываясь, прошёл мимо Теона, опираясь на своих рыцарей. — Певец, спой-ка нам песню о Поваре-Крысе.

Леди Дастин удалилась одной из последних. Когда она ушла, в зале сразу будто стало душно. Теон не понимал, насколько пьян, пока не поднялся на ноги. Он споткнулся у стола и выбил кувшин из рук служанки. Выплеснувшееся темно-красное вино залило ему сапоги и бриджи.

И тут кто-то схватил его за плечо. Пять пальцев железной хваткой впились в его тело.

— Ты нужен, Вонючка, — дыхнул на него смрадом гниющих зубов Кислый Алин. С ним были Жёлтый Хрен и Дэймон Станцуй-для-Меня. — Рамси сказал, что ты должен отвести его невесту к нему в постель.

«*Я сыграл свою роль*, — задрожав от страха, подумал Теон. — *Почему я*?» Но он знал, что возражать не стоит.

Лорд Рамси уже покинул зал. Несчастная и словно забытая невеста молча сгорбилась под знаменем Старков, сжимая в руках серебряный кубок. Судя по её взгляду, к тому времени, как он подошел, она уже не раз опустошила чашу. Мо-

жет, надеялась, что если напьётся, то её минует испытание. Но Теон знал, что это не так.

— Леди Арья, — произнес он. — Пойдёмте. Время исполнить ваш долг.

В сопровождении шестерых парней Бастарда Теон вывел девушку через заднюю часть зала и повёл по холодному двору в главную башню. В спальню лорда Рамси — одну из немногих комнат, почти не пострадавших от огня — вело три пролета каменных ступеней. Пока они поднимались, Дэймон Станцуй-для-Меня насвистывал, а Живодер хвастал тем, что лорд Рамси обещал ему кусочек окровавленной простыни, как знак особой благосклонности.

Спальню хорошо подготовили для завершения брачного обряда. Всю мебель заменили новой, доставленной на телеге из Барроутона. На кровать с балдахином положили перину и повесили кроваво-красные бархатные занавески, а каменный пол покрыли волчьими шкурами. В очаге потрескивал огонь, на ночном столике мерцала свеча. На столе стоял кувшин вина и две чаши, и лежала половина круга белого сыра с прожилками.

Лорд Рамси восседал в вырезанном из черного дуба кресле с красным кожаным сиденьем. На губах лорда блестела слюна.

— А вот и моя прекрасная дева. Хорошо, парни. Теперь можете нас оставить. Кроме тебя, Вонючка. Ты останься.

«*Вонючка, Вонючка, Вонючка-вздрючка*». Он чувствовал, как сводит судорогой его отрубленные пальцы: два на левой руке и один на правой. А на его боку висел кинжал, спящий в кожаных ножнах, но такой тяжелый. О, какой же тяжелый! «*На правой руке не хватает только мизинца*, — напомнил себе Теон. — *Я всё ещё могу схватить нож*».

— Милорд. Чем могу служить?

— Ты отдал мне девчонку. Кто же лучше тебя подойдет для того, чтобы распаковать подарочек? Давай-ка взглянем на маленькую дочурку Неда Старка.

«*Она не родня лорду Эддарду*, — едва не воскликнул Теон. — *Рамси знает, должен знать. Что это за новая жестокая игра*?» Девушка стояла у столбика балдахина, дрожа, как лань.

— Леди Арья, если вы повернетесь спиной, то я расшнурую ваше платье.

— Нет.

Лорд Рамси налил себе чашу вина.

— Расшнуровывать — слишком долго. Срежь его.

Теон вытащил кинжал. «*Всё, что мне нужно сделать — повернуться и заколоть его. Нож у меня в руке*».

Теперь он понял, что это за игра.

«*Ещё одна ловушка,* — прошептал он про себя, вспомнив Киру с ключами. — *Рамси хочет, чтобы я попытался убить его. А когда у меня ничего не получится, сдерёт кожу с руки, державшей клинок*».

Теон схватил невесту за подол.

— Стойте смирно, миледи.

Ниже талии платье было свободным, туда он и просунул кинжал, медленно продвигаясь наверх, чтобы не поранить тело. Сталь с легким шелестом разрезала шерсть и шёлк. Девушку трясло. Теону пришлось взять её за руку, чтобы она перестала шевелиться.

«*Джейни, Джейни, Джейни-унижение*». Он сжал её ладонь так сильно, насколько позволяла его искалеченная левая рука.

— Стойте смирно.

Наконец, платье белым ворохом упало у ног девушки.

— Бельё тоже, — приказал Рамси.

Вонючка подчинился.

Когда это было сделано, невеста осталась сто-

ять голышом посреди своего свадебного наряда, лежавшего на полу кучей бело-серых лоскутов. Груди девушки были маленькими и острыми, бёдра — узкими, словно у маленькой девочки, а ножки — тонюсенькими, как у птички. «*Дитя*». Теон позабыл, насколько она молода. «*Ровесница Сансы. Арья была бы ещё моложе*». Несмотря на пылавший в очаге огонь, в спальне было прохладно. Бледная кожа Джейни покрылась мурашками. В какой-то миг она подняла руки, чтобы прикрыть грудь, но Теон одними губами прошептал «нет», и, заметив это, она их опустила.

— Ну и как она тебе, Вонючка? — спросил лорд Рамси.

— Она….

«*Какой ответ он хочет услышать*?»

Что там девушка сказала перед богорощей? «*Они все называли меня хорошенькой*».

Сейчас она не была хорошенькой. Он видел паутинку светлых тонких линий на спине — следы от хлыста.

— … она красивая, очень… очень красивая.

Рамси улыбнулся своей пьяной улыбочкой.

— Твой член встал на неё, Вонючка? Натянул твои портки? Ты хотел бы трахнуть её первым?

Он расхохотался.

— У принца Винтерфелла есть на это законное право, как и у всех лордов с давних времен. Право первой ночи. Но ты ведь не лорд, верно? Всего лишь Вонючка. Даже не мужчина, по правде говоря. — Отхлебнув вина, Рамси швырнул через комнату чашу, и та разбилась о стену. По камню потекли багровые ручейки. — Леди Арья. Ступайте в постель. Да, на подушки, вот это хорошая жена. Теперь раздвинь ноги. Позволь нам поглядеть на твою щель.

Девушка молча подчинилась. Теон шагнул к двери. Лорд Рамси сел рядом со своей новобрачной, скользнул рукой вдоль внутренней стороны её бедра и засунул в неё два пальца. Девушка задохнулась от боли.

— Ты сухая, как старуха. — Рамси вытащил свою руку и ударил её по лицу. — Мне говорили, что ты знаешь, как доставить мужчине удовольствие. Или это ложь?

— Н-нет, милорд. Меня об-бучили.

Рамси поднялся, сполохи огня играли на его лице.

— Вонючка, иди сюда. Подготовь её для меня.

Он не сразу понял.

— Я… вы хотите сказать… м'лорд, у меня нет… я…

— Ртом, — приказал лорд Рамси. — И поторопись. Если она не будет мокрой к тому времени, как я разденусь, я отрежу тебе язык и прибью его к стене.

Где-то в богороще каркнул ворон. Кинжал всё ещё был у него в руке.

Он вложил его в ножны.

«*Вонючка, меня зовут Вонючка, Вонючка-закорючка*».

Вонючка склонился, чтобы исполнить приказ.

Глава 38. Страж

— Давайте же взглянем на голову, — приказал принц.

Продолжая наблюдать, Арео Хотах погладил рукоять секиры — своей супруги из ясеня и железа. Он следил за белым рыцарем, за сиром Бейлоном Сванном, и его спутниками, за Песчаными Змейками, каждая из которых расположилась за отдельным столом. Наблюдал за лордами и леди, слугами, старым слепым сенешалем и молодым мейстером Мильсом, обладателем шелковистой бородки и раболепной улыбки. Расположившись на границе света и тени, Хотах следил за всеми. «*Служить. Защищать. Повиноваться*» — вот его задача.

Все остальные смотрели только на резной ларец эбенового дерева с серебряными замками и петлями. Милый сундучок, конечно, но в зависимости от его содержимого скоро очень многие из собравшихся в Старом Дворце Солнечного Копья могли расстаться с жизнью.

Тихо шаркая шлепанцами по полу, мейстер Калеотт прошел через весь зал к сиру Бейлону

Сванну. Маленький круглый человечек выглядел великолепно в своём новом одеянии с широкими полосами темно-орехового цвета, перемежавшимися с тонкими алыми. Поклонившись, он принял ларец из рук белого рыцаря и понёс к возвышению, где восседал в своем кресле-каталке Доран Мартелл. По обе стороны от него сидели дочь Арианна и возлюбленная его погибшего брата, Эллария. Воздух был пропитан ароматом сотни благовонных свечей. На пальцах лордов, на поясах и сетках для волос прекрасных леди искрились драгоценные камни. Отполированный до зеркального блеска медный чешуйчатый доспех Арео Хотаха тоже сиял при свете свечей.

Под сводами чертога воцарилось молчание. «*Дорн затаил дыхание*». Мейстер Калеотт поставил ящик на пол перед креслом принца Дорана. Пальцы мейстера, обычно такие ловкие и уверенные, плохо слушались возившегося с замками хозяина. Наконец он откинул крышку, открыв взглядам лежавший внутри ларца череп. Хотах услышал, как кто-то прочистил горло, а один из близнецов Фаулеров что-то зашептал другому. Эллария Сэнд, закрыв глаза, прошептала молитву.

Капитан стражи обратил внимание, что сир Бейлон напряжён, словно натянутый лук. В от-

личие от предыдущего, новый белый рыцарь не был столь высок и красив, но оказался шире в плечах и крепче сбит, а его руки — более мускулистыми. Белоснежный плащ скреплялся на шее серебряной застёжкой в виде двух лебедей — один из слоновой кости, второй из оникса. Арео показалось, что птицы сражаются друг с другом. Человек, который их носил, тоже производил впечатление бойца. «*Этот не умрёт так же легко, как тот. Он не бросится навстречу моей секире, как сир Арис, а спрячется за щитом и дождётся моей атаки*». Что ж, если до этого дойдет, Арео будет готов, ведь его топор всегда настолько остро наточен, что им можно бриться.

Хотах позволил себе бросить короткий взгляд на ларец. Покоившийся на чёрной коже череп, казалось, ухмылялся. Все черепа скалятся, но этот выглядел особенно счастливым. «*И большим*». Капитан стражи еще не встречал настолько огромных черепов — с такими толстыми и тяжелыми надбровными дугами и массивной нижней челюстью. Череп при свете свечей сиял белизной, не уступавшей белизне плаща сира Бейлона.

— Положи на пьедестал, — распорядился принц. В глазах Дорана блеснули слезы.

Пьедесталом служила колонна из чёрного

мрамора на три фута выше мейстера Калеотта. Даже встав на цыпочки, толстенький маленький мейстер все равно не смог дотянуться до верха. Арео хотел подойти и помочь, но Обара Сэнд подоспела первой. Даже без кнута и щита она выглядела грубой и неженственной. Вместо платья на ней были надеты мужские бриджи и льняная туника до щиколоток, перепоясанная на талии поясом из медных солнц, а каштановые волосы были собраны в узел. Приняв череп из пухлых розовых ручек мейстера, она водрузила его на мраморный столб.

— Гора больше не скачет, — торжественно изрёк принц.

— Надеюсь, его смерть была долгой и мучительной, сир Бейлон? — поинтересовалась Тиена Сэнд таким тоном, словно спрашивала, идёт ли ей платье.

— Он кричал дни напролёт, миледи, — ответил белый рыцарь; было очевидно, что эти слова ему неприятны. — Его вопли разносились по всему Красному Замку.

— Почему вас это расстраивает, сир? — вступила леди Ним. Сияние свечей, проникая сквозь платье, сшитое из тонкого и прозрачного шёлка, выставляло напоказ все её прелести. Глядя на

нескромный наряд дамы, белый рыцарь явно смущался, а вот Хотах — нет. Чем больше была обнажена Нимерия, тем меньшую представляла опасность. В противном случае она могла спрятать под одеждой дюжину клинков.

— Всем известно, что сир Григор был кровожадным животным. Если кто и заслужил мучения, так это он.

— Возможно, миледи, — согласился Сванн, — но сир Григор был рыцарем, а рыцарю подобает погибать с мечом в руке. Яд — бесчестный и низкий способ убийства.

Услышав это, леди Тиена улыбнулась. Наряженная в кремово-зелёное платье с длинными кружевными рукавами, она выглядела такой невинной и скромной, что любой мужчина, взглянув на неё, решил бы, что перед ним самая непорочная из дев. Арео Хотах, знавший эту леди куда лучше, бдительно следил за каждым движением её пальцев. Нежные бледные ручки Тиены не менее, а то и более смертоносны, чем мозолистые ладони Обары.

Принц Доран нахмурился.

— Верно, сир Бейлон, но леди Ним права. Если кто и заслужил мучительную смерть, то это Григор Клиган. Он безжалостно расправился с

моей сестрой, разбил голову её младенца о стену. Я молюсь, чтобы их убийца горел в аду, а Элия и её дети обрели покой. Это правосудие, которого жаждал Дорн. Я рад, что дожил до этого момента и почувствовал его вкус. Наконец-то Ланнистеры подтвердили правоту своей хвастливой поговорки и заплатили старый долг крови.

Принц предоставил Рикассо, своему слепому сенешалю, встать и произнести тост.

— Лорды и леди, выпьем за Томмена, первого этого имени, короля андалов, ройнаров и Первых Людей, Владыку Семи Королевств.

Пока сенешаль говорил, слуги скользили между гостями, наполняя кубки креплёным дорнийским вином, тёмным как кровь и сладким как месть. Капитан не пил — он вообще никогда не пил на пирах. Принц тоже не притронулся к этому вину, поскольку у него было собственное — приготовленное мейстером Мильсом и разбавленное маковым молоком для облегчения боли в распухших суставах.

Белый рыцарь и его спутники лишь пригубили вино в рамках этикета. Также поступили принцесса Арианна, леди Джордейн, лорд Дара Богов, рыцарь Лимонной Рощи, леди Призрачного Холма… даже Эллария Сэнд, возлюбленная принца

Оберина, видевшая его смерть в Королевской Гавани. Хотах уделил больше внимания тем, кто вообще не пил: сир Дэймон Сэнд, лорд Тремонд Гаргален, близнецы Фаулеры, Дагос Манвуди, Уллер из Адова Убежища, Уилс из Костяного Пути. «*Проблемы может создать один из них*». Дорн был неспокоен и разобщён, власть принца Дорана над этими землями стала не столь прочной, как хотелось. Многие из лордов считали Мартелла слабым и жаждали открытой войны с Ланнистерами и мальчиком-королем на Железном Троне.

Тон среди них задавали Песчаные Змейки, незаконные дочери покойного брата принца Оберина — Красного Змея. Три из них присутствовали на пиру. Доран был самым мудрым из принцев, а капитану стражи не пристало обсуждать решения сюзерена, но Арео Хотах недоумевал, почему тот выпустил Обару, Нимерию и Тиену из заточения в Копье.

Тиена с недовольным возгласом отказалась поддержать тост Рикассо, а леди Ним оттолкнула чашу. Обара позволила наполнить свой кубок до краев, а затем, демонстративно перевернув его, выплеснула всё на пол и покинула зал, пока вставшая на колени служанка вытирала разлитое вино. Спустя мгновение, извинившись, за ней

последовала принцесса Арианна. «*Обара никогда не обратит свой гнев на маленькую принцессу*. — Хотах знал это. — *Они кузины, и она её любит*».

Пир продолжался до поздней ночи под ухмылки черепа на чёрной мраморной колонне. Было семь перемен блюд — в честь семи богов и семи братьев Королевской гвардии. Гостям подали суп с яйцами и лимонами, длинные зелёные перцы, фаршированные сыром и луком, пироги с миногами, тушёных в меду каплунов и сома со дна Зеленокровной — такого огромного, что понадобилось четверо слуг, чтобы доставить рыбину на пиршественный стол. После настал черёд для необычного блюда из змей: смеси семи сортов змеиного мяса, тушёной на медленном огне с добавлением драконьего перца, красных апельсинов и толикой яда для пикантности. Хотах, хоть и не пробовал это блюдо, не сомневался, что на вкус оно жгуче острое. Чтобы остудить язык и горло, принесли шербет, а в качестве десерта подали сахарные черепа. Разгрызая сладкую корочку, гости обнаруживали под ней заварной крем с кусочками сливы и черешни.

Принцесса Арианна вернулась за стол, когда подавали фаршированный перец. «*Моя маленькая принцесса*», — подумал Хотах, но Арианна

теперь стала женщиной. Пурпурные шелка, которые она носила, не оставляли в этом сомнений. В последнее время принцесса изменилась и в другом смысле. Заговор с попыткой короновать Мирцеллу провалился из-за предательства, её белый рыцарь был сражён рукой Хотаха, а сама она оказалась заточённой в Башне Копья, приговоренная к одиночеству и тишине. Эти испытания преподали девушке урок смирения, но было здесь ещё что-то — какая-то тайна, в которую её посвятил отец перед освобождением. В чём она заключалась, капитан не знал.

Принц посадил дочь на почётное место между собой и белым рыцарем. Скользнув в кресло, Арианна, улыбаясь, что-то шепнула сиру Бейлону на ухо. Рыцарь промолчал. Как заметил Хотах, тот мало ел — ложка супа, кусочек перца, ножка каплуна, немного рыбы. Бейлон пропустил пирог из миног и попробовал лишь ложечку змеиного мяса. Этого хватило, чтобы у него на лбу выступила обильная испарина. Хотах мог только посочувствовать. Когда он впервые появился в Дорне, острая пища сворачивала ему кишки в узел и сжигала язык. Но прошли годы, его волосы побелели, и теперь капитан ел всё, что ели дорнийцы.

Когда на столе появились сахарные черепа, губы сира Бейлона сжались в тонкую линию, и он одарил принца долгим взглядом, пытаясь понять, не насмехаются ли над ним. Доран Мартелл не обратил ни малейшего внимания, зато предупредительность проявила его дочь:

— Маленькая шутка поваров, сир Бейлон. В Дорне смеются даже над смертью. Прошу вас, не обижайтесь. — Она провела пальцами по руке белого рыцаря. — Надеюсь, вам понравилось в Дорне?

— Все были более чем гостеприимны, миледи.

Арианна коснулась застёжки его плаща, где бились лебеди.

— Всегда обожала лебедей. Самая красивая птица в мире по эту сторону Летних островов.

— Ваши павлины могли бы с этим поспорить, — поддержал разговор сир Бейлон.

— Могли бы, — согласилась Арианна, — но павлины — тщеславные и самолюбивые создания, кичащиеся своими яркими красками. Нет, я предпочитаю безмятежных белых и великолепных чёрных лебедей.

Сир Бейлон в ответ кивнул и отпил из кубка. «*Этого не так легко соблазнить, как его брата по клятве*, — понял Хотах. — *Несмотря на*

свой возраст, сир Арис был мальчишкой. А этот — мужчина, причём осторожный». Капитану стоило только взглянуть на белого рыцаря, чтобы заметить, как тот напряжен. «*Это место ему не слишком нравится и кажется странным*». Хотах понимал это. Когда он много лет назад прибыл сюда со своей принцессой, ему Дорн тоже показался диковинным. Прежде чем послать его за Узкое море, бородатые жрецы вдалбливали ему Общий Язык Вестероса, но дорнийцы говорили слишком быстро. Дорнийские женщины казались излишне распутными, вино — слишком терпким, а пища — чересчур острой. Дорнийское солнце светило намного жарче, чем бледное тусклое солнце Норвоса, нещадно жаря с синего неба день за днем.

Капитан знал, что путешествие сира Бейлона было короче, но имело свои недостатки. С белым братом от Королевской Гавани скакали три рыцаря, восемь оруженосцев, двадцать латников, конюхи и слуги. Но, как только они преодолели горы и оказались в Дорне, их продвижение сильно замедлилось в калейдоскопе пиров, охот и торжеств в каждом замке, попадавшемся им на пути. Добравшись, наконец, до Солнечного Копья, гонцы не обнаружили там ни принцессу

Мирцеллу, ни сира Ариса Окхарта. «*Белый рыцарь чувствует подвох*, — Хотах мог поклясться в этом, — *но есть что-то иное*». Если присутствие Песчаных Змеек его нервировало, то возвращение Обары в чертог плеснуло уксусу в рану. Она тихо пробралась на свое место и молча сидела без тени улыбки на лице, бросая по сторонам угрюмые взгляды.

Время близилось к полуночи, когда принц Доран, обратился к белому рыцарю.

— Сир Бейлон, я прочитал письмо, доставленное вами от нашей милосердной королевы. Предполагаю, что вы ознакомлены с его содержанием, сир?

Хотах заметил, как подобрался рыцарь.

— Да, милорд. Её величество сообщила мне, что я получу приказ сопроводить её дочь обратно в Королевскую Гавань. Король Томмен скучает по сестре и желает вернуть принцессу Мирцеллу ко двору с коротким визитом.

Принцесса Арианна сделала грустное лицо.

— О, мы все так полюбили Мирцеллу! Она и мой брат Тристан стали неразлучны.

— Принца Тристана также будут рады видеть в Королевской Гавани, — заметил Бейлон Сванн. — Я уверен, король Томмен захотел бы с ним

познакомиться. У его величества так мало друзей ровесников.

— Нити дружбы, завязанные в детстве, могут тянуться через всю жизнь, — согласился принц Доран. — Когда Мирцелла и Тристан поженятся, они с Томменом будут как братья. Королева Серсея права, мальчики должны встретиться и подружиться. Разумеется, Дорн будет скучать по нему, но Тристану пришло время увидеть мир за стенами Солнечного Копья.

— Уверен, Королевская Гавань тепло его примет.

«*Теперь-то он от чего вспотел*? — гадал капитан, наблюдая за рыцарем. — *В чертоге достаточно прохладно, и он почти не притрагивался к жаркому*».

— Что касается другого вопроса, затронутого королевой Серсеей, — продолжил принц Доран, — действительно, со смертью моего брата место Дорна в Малом Совете опустело, и пришло время вновь его занять. Мне льстит, что её величество считает, что мои советы могут быть ей полезны, хотя не уверен, что у меня найдутся силы для подобного путешествия. Может, мы отправимся морем?

— На корабле? — сир Бейлон был захвачен

врасплох. — Э-э… а это безопасно, мой принц? Осенью сезон бурь, как я слышал… и ещё пираты на Ступенях, они…

— Пираты. Конечно. Может, вы и правы, сир. Безопаснее вернуться тем путем, которым вы прибыли, — принц Доран любезно улыбался. — Давайте поговорим завтра. Когда мы приедем в Водные Сады, то сообщим эту новость Мирцелле. Я знаю, она будет сильно взволнована — не сомневаюсь, что девочка тоже скучает по брату..

— Я горю желанием вновь увидеть её, — поддержал сир Бейлон, — и посетить ваши Водные Сады. Слышал, что они прекрасны.

— Прекрасны и безмятежны, — согласился принц. — Прохладные бризы, сверкающая вода и детский смех. Водные Сады — моё самое любимое место на земле. Один из моих предков построил их, чтобы порадовать свою таргариеновскую невесту и избавить её от пыли и зноя Солнечного Копья. Её звали *Дейенерис*, она была сестрой короля Дейерона Благословенного, и именно этот брак сделал Дорн частью Семи Королевств. Вся страна знала, что девушка любит незаконнорожденного брата Дейерона — Деймона Чёрное Пламя и любима в ответ. Но мудрый король понимал, что благо тысяч должно перевешивать желания

двоих, пусть даже эти двое ему дороги. Именно Дейенерис заполнила сады смеющимися детьми. Сперва собственными, но позже к мальчикам и девочкам королевской крови присоединились в качестве друзей сыновья и дочери лордов и знатных рыцарей. А в один обжигающе-жаркий летний день она сжалилась над детьми конюхов, кухарок, слуг и пригласила их играть в бассейнах и фонтанах. Эта традиция не прерывается и по сей день. — Принц ухватился за колеса своего кресла и откатился от стола. — Сейчас вы должны меня извинить, сир. Эти разговоры утомили меня, а нам следует отправиться в путь на рассвете. Обара, не поможешь мне добраться до спальни? Нимерия, Тиена, а вы не хотите отправиться с нами и пожелать своему старому дяде спокойной ночи?

Обаре выпало катить кресло принца от пиршественного чертога до его покоев. Арео Хотах шел рядом с принцессой Арианной и Элларией. Мейстер Калеотт спешил следом, шаркая своими шлепанцами и баюкая череп Горы, словно младенца.

— Ты же не собираешься и правда отправить Тристана с Мирцеллой в Королевскую Гавань, — начала Обара, толкая кресло по длинной гале-

рее. Она шагала слишком широко, зло и чересчур быстро, из-за чего деревянные колёса кресла громко стучали по грубому каменному полу. — Сделай так, и девчонку мы больше не увидим, а твой сын проведёт жизнь в качестве заложника Железного Трона.

— Ты держишь меня за дурака, Обара? — вздохнул принц. — Существует множество такого, о чём ты даже не подозреваешь. Лучше не обсуждать подобные темы здесь, где нас могут подслушать. Если сумеешь удержать язык за зубами, я смогу тебя просветить. — Он вздрогнул от боли. — Помедленнее, во имя любви ко мне! Последний толчок был словно нож в колено.

Обара замедлила шаг.

— Тогда, что ты собираешься делать?

Ответ дала её сестра Тиена.

— То же, что и всегда, — промурлыкала она, — тянуть время, запутывать, увиливать. Никто не умеет делать это и наполовину так же виртуозно, как наш храбрый дядя.

— Ты несправедлива к нему, — вступилась за отца Арианна.

— Тихо, все вы, — приказал принц.

Когда двери княжеских покоев надежно закрылись за их спинами, он развернул кресло лицом

к женщинам. Это усилие заставило его охнуть, а мирийский плед, укрывавший ноги, запутался в спицах колеса при развороте. Но принц успел подхватить покрывало, прежде чем оно порвалось. Открывшиеся взгляду ноги — бледные и дряблые — выглядели ужасающе. Оба колена распухли и покраснели, пальцы казались почти багровыми и были в два раза больше обычных. Арео видел их тысячу раз, но жуткое зрелище все равно не оставило его равнодушным.

— Позволь мне помочь, отец, — шагнула вперед Арианна.

Принц выдернул покрывало из спиц.

— Я пока ещё способен самостоятельно управиться с собственным пледом. Хоть это я могу сделать.

Слишком мало. Его ноги были бесполезны уже три года, но в руках и плечах еще оставались силы.

— Подать моему принцу глоток макового молока? — спросил мейстер Калеотт.

— С этой болью и бадьи будет мало. Спасибо, не надо. Мне нужен ясный ум. Сегодня ночью вы мне больше не понадобитесь.

— Очень хорошо, мой принц, — поклонился мейстер, всё ещё сжимая в мягких пухлых ручках

череп сира Григора.

— Я возьму это. — Выдернув из рук старика череп, Обара взглянула на него, держа на расстоянии. — Разве Гора выглядел именно так? Как удостовериться, что это он? Они могли бы обмазать голову смолой. Зачем обдирать плоть до костей?

— Смола испортила бы ларец, — предположила леди Ним, когда мейстер Калеотт торопливо выбежал из покоев принца. — Никто не видел, как умер Гора, никто не видел его отрезанную голову. Признаю, это беспокоит меня, но чего добьётся эта сука королева, надув нас? Если Григор Клиган жив, рано или поздно правда всплывет. Он был восьми футов роста, другого такого в Вестеросе нет. В случае появления подобного человека Серсея Ланнистер выставит себя лгуньей на все Семь Королевств. Она должна быть полной дурой, чтобы так рисковать. Чего она могла надеяться достичь?

— Череп достаточно большой, в этом нет сомнений, — сказал принц, — и мы знаем, что Оберин тяжело ранил Григора. Все полученные с тех пор донесения говорят, что Клиган умирал медленно, в жестоких мучениях.

— Как и задумал отец, — заявила Тиена. — Сёст-

ры, по правде говоря, я знаю яд, использованный отцом. Если его копье хотя бы поцарапало кожу Горы, то Клиган мертв, и без разницы, какого он был роста. Если желаете, можете не верить вашей маленькой сестре, но никогда не сомневайтесь в нашем отце.

— Я никогда в нём не сомневалась и не стану, — рассердилась Обара, со злорадством поцеловав череп. — Обещаю, это только начало.

— Начало? — недоверчиво спросила Эллария Сэнд. — Спасите нас боги! Я хочу, чтобы всё закончилось. Тайвин Ланнистер мертв. Так же, как и Роберт Баратеон, Амори Лорх, а теперь и Григор Клиган. Все, кто приложил руку к убийству Элии и её детей, погибли. Даже Джоффри, который родился после смерти Элии. Я собственными глазами видела, как умер мальчишка, раздирая себе горло пальцами в попытках глотнуть воздуха. Кто еще должен быть убит, чтобы тени Рейенис и Эйегона упокоились в мире? Где всему этому конец?

— Это закончится в крови, как и началось, — ответила Ним. — Закончится, когда будет разрушен Кастерли Рок, и солнце воззрится на червей и личинок в его внутренностях. Это закончится, когда рухнет в прах Тайвин Ланнистер и все его труды.

— Он погиб от руки сына, — выпалила Эллария, — чего ещё желать?

— Я желаю, чтобы он погиб от моей руки, — леди Ним уселась в кресло, длинная чёрная коса упала через плечо почти до подола её платья. У неё, подобно её отцу, волосы образовали вдовий пик, под которым ярко блестели большие глаза. Ярко-алые губы сложились в нежную улыбку. — В этом случае его смерть не была бы столь легкой.

— Сир Григор выглядит одиноким, — сладким голоском септы пропела Тиена. — По-моему, он нуждается в компании.

Щеки Элларии были мокры от слез, однако тёмные глаза сияли. «*Пусть она плачет, но внутри неё есть настоящая сила*», — подумал капитан.

— Оберин хотел отомстить за Элию, теперь уже вы трое хотите отомстить за него. У меня четыре дочери, если вы не забыли. Ваши сестры. Элии четырнадцать, она уже почти женщина. Обелле двенадцать, её детство на излете. Они восхищаются вами, как Дореа и Лореза обожают их самих. Если вы погибнете, следует ли Обелле и Элии отомстить за вас, а затем Дореа и Лори мстить за них? Это так и будет происходить, поочерёдно? Я вновь спрашиваю, когда это закончится? — Эллария положила руку на череп Горы. — Я видела,

как погиб ваш отец. А вот его убийца. Может мне взять череп с собой в постель, чтобы успокоиться этой ночью? Может он заставит меня смеяться, посвятит мне песни и позаботится обо мне, когда я стану старой и немощной?

— Что вы хотите от нас, миледи? — откликнулась леди Ним. — Мы должны отбросить наши копья и улыбаться, забыв все причиненные нам обиды?

— Война придёт, хотим мы того или нет, — сказала Обара. — Мальчик-король сидит на Железном Троне, Станнис держит Стену и собирает северян под свою руку. Две королевы грызутся из-за Томмена, словно суки за сочную кость. Железные люди захватили Щиты и совершают набеги по Мандеру далеко в сердце Простора. Это означает, что Хайгардену скоро будет не до нас. Наши враги разобщены. Время пришло.

— Время для чего? Чтобы понаделать новых черепов? — Эллария Сэнд повернулась к принцу. — Они не понимают. Я больше не могу этого слышать.

— Возвращайся к своим девочкам, Эллария, — отозвался принц, — Клянусь, с ними ничего не случится.

— Мой принц, — Эллария поцеловала его в лоб

и удалилась. У Арео Хотаха защемило сердце от жалости, когда он посмотрел ей вслед. «*Она хорошая женщина*».

Когда она вышла, леди Ним сказала:

— Я знаю, Эллария очень любила отца, но, очевидно, никогда его не понимала.

Доран одарил её насмешливым взглядом.

— Она понимала его лучше, чем когда-либо удастся тебе, Нимерия. И она сделала твоего отца счастливым. В конечном счёте, доброе сердце стоит больше, чем гордость и честь. Впрочем, так это или нет, есть вещи, которые Эллария не знает и не узнает. Эта война уже началась.

Обара рассмеялась.

— Да, наша сладкая Арианна постаралась.

Принцесса залилась краской, и Хотах увидел, как гримаса злости на миг исказила лицо её отца.

— То, что она натворила, сделано не столько ради себя, сколько для вас. Я бы не спешил её высмеивать.

— Это была похвала, — возразила Обара. — Откладывай, запутывай, увиливай, прикидывайся и мешкай, как тебе нравится, дядя, но сир Бейлон должен встретиться с Мирцеллой лицом к лицу в Водных Садах. Ему очень понравится, что у неё

нет одного уха. А потом девочка расскажет, как твой капитан раскроил Ариса Окхарта от шеи до паха с помощью своей стальной супруги, затем…

— Нет, — принцесса Арианна встала с кушетки и положила руку на плечо Хотаха. — Всё было не так, кузина. Сира Ариса убил Герольд Дейн.

Песчаные Змейки переглянулись.

— Тёмная Звезда?

— Его зарубил Тёмная Звезда, — повторила маленькая принцесса, — а ещё пытался убить принцессу Мирцеллу. Вот что девочка расскажет сиру Бейлону.

— Последнее, по крайней мере, правда, — улыбнулась Ним.

— Всё правда, — сказал принц, содрогнувшись от боли.

«*Что причиняет ему боль — подагра или ложь*?»

— Сир Герольд бежал в Горный Приют, за пределы нашей досягаемости.

— Тёмная Звезда, — хихикнув, промурлыкала Тиена. — Почему бы и нет? Это его рук дело. Но поверит ли сир Бейлон?

— Поверит, если услышит это из уст Мирцеллы, — повторила Арианна.

Обара недоверчиво фыркнула:

— Она солжет сегодня, завтра, но рано или поздно скажет правду. Если позволить сиру Бейлону унести историю обратно в Королевскую Гавань, то забьют барабаны и потекут реки крови. Нельзя позволить ему уйти.

— Конечно, можно его прикончить, — сказала Тиена, — но тогда придется убить и свиту рыцаря, даже молодых сладеньких оруженосцев. Это было бы… неаккуратно.

Доран прикрыл глаза и снова открыл их. Хотах видел, как у принца под пледом дрожит нога.

— Не будь вы дочерьми моего брата, бросил бы вас троих в темницу и держал там, пока не истлеют ваши кости. Вместо этого я намереваюсь взять вас с собой в Водные Сады. Там вы получите несколько уроков, если у вас хватит ума их увидеть.

— Уроки? — откликнулась Обара. — Всё что там можно увидеть — голенькие детки.

— Да, — ответил принц. — Я рассказал сиру Бейлону историю, но не всю. Пока ребятишки барахтались в прудах, Дейенерис наблюдала за ними, сидя в тени апельсиновых деревьев, и на неё снизошло озарение. Она не могла отличить знатных отпрысков от простолюдинов. Голые, они были всего лишь детьми. Все невинные,

уязвимые, заслуживающие долгой жизни, любви и защиты. «*Вот твое королевство,* — сказала она своему сыну и наследнику, — *помни о них, что бы ты ни делал*». Моя мать передала мне её слова, когда я вырос и должен был покинуть сады. Принцу легко созвать копья, но в конце за это заплатят дети. Ради них мудрый принц не станет вести войну без веской причины, тем более войну без надежды на победу.

Я не слепой или глухой. Знаю, что все вы считаете меня слабым, трусливым и безвольным. Ваш отец знал меня лучше. Оберин был змеем — смертоносным, опасным, непредсказуемым. Никто не смел на него наступить. Я был травой — мягкой, приятно пахнущей и колеблющейся под любым ветерком. Кто же боится пройтись по траве? Но трава прячет змея от врагов и скрывает до поры его бросок. Ваш отец и я работали теснее, чем вам известно… но сейчас он мертв. Но вот вопрос, могу ли я доверять вам, его дочерям, и будете ли вы служить мне так же, как он?

Хотах изучал каждую по очереди. Обару — с грязными ногтями и обветренной кожей, с сердитыми близко посаженными глазами и каштановыми волосами. Нимерию — томную, элегантную, с золотистой кожей и длинной чер-

ной косой с вплетённой в нее красно-золотой лентой. Тиену — голубоглазую и светловолосую, тонкорукую и хихикающую, похожую на подростка.

Она-то и ответила за всех.

— Трудно сидеть сложа руки, дядя. Дай нам задание, любое, и ты увидишь, что мы настолько верны и послушны, о чём только мог мечтать любой принц.

— Рад это слышать, — ответил Доран, — но слова — ветер. Вы дочери моего брата, и я люблю вас, но усвоил, что не могу вам доверять. Я хочу услышать клятву. Присягнёте ли вы мне, и станете ли слушаться?

— Если необходимо, то да, — подтвердила леди Ним.

— Тогда прямо сейчас поклянитесь могилой вашего отца.

Лицо Обары потемнело.

— Не будь ты моим дядей…

— Но я твой дядя. И твой принц. Клянись или убирайся.

— Я клянусь, — произнесла Тиена, — могилой моего отца.

— Я клянусь, — повторила Нимерия, — Оберином Мартеллом, Красным Змеем из Дорна и

лучшим человеком, чем ты.

— Да, — последовала их примеру Обара, — я тоже. Отцом. Клянусь.

Часть напряжения, сковывавшего принца, исчезла. Он откинулся в кресле, протянул руку, и принцесса Арианна взяла его за руку, встав рядом.

— Скажи им, отец.

Принц Доран глубоко вздохнул.

— У Дорна при дворе всё ещё есть друзья. Друзья, сообщающие вещи, о которых нам не положено знать. Приглашение Серсеи — ловушка. Тристан никогда бы не доехал до Королевской Гавани. По дороге назад — где-то в Королевском Лесу — на отряд сира Бейлона нападут разбойники, и мой сын умрет. Меня призвали ко двору, чтобы я был свидетелем этого и избавил королеву от подозрений. А эти разбойники? Атакуя, они будут кричать: «Полумуж, полумуж». Сир Бейлон даже мельком увидит Беса, хотя кроме него карлика никто не заметит.

Арео Хотах не поверил бы, что хоть что-то способно до глубины души поразить Песчаных Змеек, если бы не увидел собственными глазами.

— Помилуй нас Семеро, — прошептала Тиена.

— Тристан? Почему?

— Эта женщина сошла с ума! — воскликнула Обара. — Он же всего лишь мальчик!

— Чудовищно, — сказала леди Ним, — я не могу поверить в эту историю и в то, что в это замешан рыцарь Королевской Гвардии.

— Они дали клятву повиноваться, как и мой капитан, — ответил принц. — Я тоже испытывал сомнения, но вы видели, как упёрся сир Бейлон, когда я предложил плыть морем. Корабль мог расстроить замыслы королевы.

Лицо Обары налилось кровью.

— Верните мне копьё, дядя. Серсея прислала нам голову. Мы же отправим ей мешок голов.

Принц Доран поднял руку. Суставы пальцев были похожи на вишни, почти такие же большие и темные.

— Сир Бейлон мой гость. Он вкусил хлеб и соль под моим кровом. Я не позволю его тронуть. Нет. Мы отправимся в Водные Сады, где он услышит историю Мирцеллы и пошлёт ворона своей королеве. Девочка попросит поймать ранившего её человека. Если Бейлон — мужчина, за которого я его принимаю, Сванн не откажет ей. Обара, ты поведешь его в Горный Приют, чтобы схватить Тёмную Звезду в его логове. Время, чтобы Дорн

бросил открытый вызов Железному Трону, еще не настало, нам придется вернуть Мирцеллу матери, но я не буду её сопровождать. Эта участь выпадет тебе, Нимерия. Ланнистерам это понравится не больше, чем то, что я послал к ним Оберина, но им придется это проглотить. Нам нужен голос в совете и уши при дворе. Будь осторожна, Королевская Гавань кишит змеями.

— Дядя, я люблю змей, — улыбнулась Ним.

— А как же я? — спросила Тиена.

— Твоя мать была септой. Оберин рассказывал, что она читала тебе «Семиконечную Звезду» в колыбели. Ты тоже понадобишься мне в Королевской Гавани, но на другом холме. Мечи и Звезды созваны вновь, а новый Верховный Септон отнюдь не марионетка, в отличие от своих предшественников. Постарайся втереться к нему в доверие.

— Почему бы и нет? Белые цвета мне идут, я выгляжу в них такой… чистой.

— Хорошо, — удовлетворённо произнес принц, — хорошо.

Он немного поколебался.

— Если… если произойдут определенные события, я отправлю каждой из вас весточку. В игре престолов обстоятельства могут меняться

стремительно.

— Я знаю, вы нас не подведете, кузины, — Арианна по очереди подходила к ним, брала за руки и легонько целовала в губы. — Такая яростная Обара, Нимерия, сестренка, Тиена, дорогая, я люблю вас всех. Пусть солнце Дорна осветит ваш путь.

— Непреклонные, несгибаемые, несдающиеся, — в один голос ответили Песчаные Змейки и удалились из покоев принца.

Принцесса Арианна задержалась после ухода кузин. Арео Хотах тоже остался на месте.

— Они истинные дочери своего отца, — заметил принц.

— Три Оберина с титьками, — улыбнулась маленькая принцесса.

Доран рассмеялся. Хотах так давно не слышал его смеха, что почти забыл как тот звучит.

— И всё равно настаиваю, что именно я, а не Ним, должна отправиться в Королевскую Гавань, — обратилась Арианна к отцу.

— Слишком опасно. Ты моя наследница, будущее Дорна. Твое место подле меня. Но очень скоро для тебя найдется другое задание.

— Эти последние слова, насчет событий. Ты получил известия?

Принц одарил ее лукавой улыбкой:

— Из Лисса. Там встал на якорь огромный флот, чтобы запастись пресной водой. В основном это волантийские корабли, перевозящие армию. Но ни слова о том, кто они или куда направляются. Ходят слухи о слонах.

— Не о драконах?

— О слонах. В трюме большого когга довольно легко спрятать дракона. Дейенерис наиболее уязвима на море. На её месте я бы держал себя и свои намерения нераскрытыми как можно дольше. Тогда я смог бы застать Королевскую Гавань врасплох.

— Как ты думаешь, Квентин с ними?

— Возможно. А может и нет. Мы узнаем по месту высадки, если Вестерос и в самом деле их пункт назначения. Квентин, если сможет, приведет её к Зеленокровной. Но лучше об этом не говорить. Поцелуй меня. Завтра с первыми лучами солнца мы отправимся в Водные Сады.

«*Значит, скорее всего, мы выдвинемся к полудню*», — подумал Хотах.

После, когда Арианна ушла, он отложил топор и перенес Дорана на кровать.

— Пока Гора не раздробил череп моего брата, в Войне пяти королей не погиб ни один дорниец, — тихо прошептал принц, когда Хотах накрывал

его одеялом. — Скажи, капитан, это мой триумф или мой позор?

— Не мне судить, мой принц.

«*Служить. Защищать. Повиноваться. Простые клятвы для простого человека*». Вот и все, что он знал.

Глава 39. Джон

В предрассветном холоде Вель ждала у ворот. Она куталась в плащ из медвежьей шкуры — такой огромный, что он пришёлся бы впору даже Сэму. Рядом стояла оседланная и взнузданная лошадка — косматая, серая, с бельмом на глазу. Малли и Скорбный Эдд застыли возле неё, словно незваная почетная стража. Их дыхание замерзало в холодном чёрном воздухе.

— Вы дали ей слепую лошадь? — скептически спросил Джон.

— Она лишь наполовину слепая, м'лорд, — возразил Малли, потрепав лошадь по холке, — а в остальном вполне хороша.

— Возможно, лошадь полуслепая, но я — нет, — сказала Вель. — Я знаю, куда мне идти.

— Миледи, вы не обязаны делать это. Риск...

— ...беру на себя, лорд Сноу. И я не изнеженная южная дама, а женщина свободного народа и знаю лес лучше, чем любой из ваших чернокрылых следопытов. Для меня в нём нет призраков.

«*Надеюсь, что нет*». Джон рассчитывал на это, полагая, что Вель сможет добиться успеха там, где

Чёрный Джек Бульвер и его товарищи потерпели неудачу. Джон надеялся, что свободный народ не причинит ей вреда... но они оба прекрасно знали — в лесу подстерегают не только одичалые.

— У вас достаточно еды?

— Чёрствый хлеб, заветревшийся сыр, овсяное печенье, солёные треска, говядина и баранина, мех со сладким вином, чтобы запить солёную пищу. С голоду я не умру.

— Тогда пора выезжать.

— Обещаю, лорд Сноу, я вернусь, с Тормундом или без него, — Вель взглянула на небо, на котором светилась половинка луны. — Ждите меня в первое полнолуние.

— Буду ждать.

«*Не обмани меня*, — подумал он, — *иначе Станнис отрубит мне голову*».

— Обещаешь ли ты держать принцессу подле себя? — спросил его король, и Джон пообещал.

«*Но ведь Вель — не принцесса. Я повторял ему это пятьсот раз*». Но то была лишь жалкая отговорка, слабое оправдание для нарушенной клятвы. Отец никогда бы подобного не одобрил. «*Я меч, который защищает царство людей*, — напомнил себе Джон, — *и, в конце концов, это важнее, чем честь одного человека*».

Дорога под Стеной была тёмной и холодной, как брюхо ледяного дракона, и извивалась, словно змея. Скорбный Эдд шёл впереди, освещая путь факелом. Малли нёс ключи от трёх ворот, забранных железными решётками с прутьями толщиной в человеческую руку. Стоявшие на посту у ворот копьеносцы почтительно склоняли головы перед Джоном Сноу, но открыто пялились на Вель и её лошадку.

Выйдя с северной стороны Стены через толстую дверь, сколоченную из свежесрубленной древесины, принцесса одичалых задержалась на мгновение, чтобы взглянуть на занесённое снегом поле, на котором Король Станнис выиграл битву. За полем ждал Зачарованный лес — тёмный и тихий. В свете полумесяца медовые волосы Вель отливали серебром, а щёки белели, словно снег. Она глубоко вдохнула.

— Воздух сладкий на вкус.

— У меня язык окоченел. Всё, что я чувствую, это холод.

— Холод? — Вель негромко рассмеялась. — Нет. В настоящий мороз даже дышать больно. Когда приходят Иные...

Эта мысль тревожила. Шестеро отправленных Джоном разведчиков всё ещё отсутствовали.

«*Прошло совсем немного времени. Они еще вернутся*, — но другая часть его настаивала на ином. — *Разведчики мертвы, все до единого. Ты отправил их на смерть и то же самое делаешь с Вель*».

— Передайте Тормунду мои слова.

— Возможно, он к ним не прислушается, но услышит их. — Вель легко поцеловала его в щеку. — Благодарю вас, лорд Сноу. За полуслепую лошадь, солёную треску и воздух свободы. За надежду.

Их дыхание смешалось, застыв на морозе белым туманом. Джон Сноу отступил назад и сказал:

— Единственная благодарность, которая мне нужна, это...

— Тормунд Великанья Смерть. Да. — Вель накинула на голову капюшон. Бурая шерсть медвежьей шкуры была изрядно припорошена сединой. — Перед тем, как я уйду, ответьте мне на один вопрос. Это вы убили Ярла, милорд?

— Ярла убила Стена.

— Так мне передали, но я хотела убедиться.

— Клянусь, я не убивал его.

«*Хотя, если бы всё сложилось иначе, мог и убить*».

— Тогда — прощайте, — сказала она почти шаловливо.

Но у Джона не было желания шутить. «*Тут слишком холодно и темно для игр, да и час слишком поздний*».

— Только на время. Возвращайтесь. Хотя бы ради мальчика.

— Сына Крастера? — Вель пожала плечами. — Он мне не родня.

— Я слышал, как вы ему пели.

— Я напевала для себя. Я же не виновата, если он слушал, — слабая улыбка тронула её губы. — Его это смешит. Ах, ну ладно. Он маленькое милое чудовище.

— Чудовище?

— Таково его молочное имя. Должна же я была как-то его называть. Проследите, чтобы он оставался в безопасности и тепле. Ради его матери, и ради меня. И держите мальчика подальше от красной женщины. Она знает, кто он. Видит такие вещи в своем огне.

«*Арья*», — вспомнил Джон, надеясь, что всё это правда.

— Лишь пепел и золу.

— Королей и драконов.

«*Опять драконы*». На мгновение Джон почти их увидел: извивавшиеся в ночи, тёмные крылатые силуэты парили в море пламени.

— Знай жрица правду, отобрала бы у нас мальчика. Сына Даллы, а не твоё чудовище. Одно слово на ухо королю — и со всем этим было бы покончено. — «*И со мной тоже. Станнис счёл бы это предательством*». — Почему она позволила увезти его, если поняла, что случилось?

— Потому что это ей на руку. Огонь изменчив, кто знает, как дальше поведёт себя пламя. — Вель вставила ногу в стремя, перебросила другую через лошадь и, усевшись в седле, взглянула вниз. — Помнишь, что тебе сказала моя сестра?

— Да.

«*Меч без рукояти, который невозможно взять, не поранившись*». Но Мелисандра права. Когда ты окружён врагами, даже меч без рукояти лучше, чем ничего.

— Хорошо. — Вель повернула лошадь к северу. — Тогда — до первого полнолуния.

Джон смотрел, как она уезжает, и гадал, увидит ли вновь её лицо. «*Я не изнеженная южная дама*, — вспомнил он её слова, — *а женщина свободного народа*».

— Мне плевать на её россказни, — пробормотал Скорбный Эдд, когда Вель исчезла за высокими соснами. — Воздух *уже* так холоден, что больно дышать. Я бы перестал, но будет ещё больнее.

— Он потер руки. — Это всё плохо кончится.

— Ты всегда так говоришь.

— Да, м'лорд. И обычно я прав.

Малли прочистил горло.

— М'лорд? Принцесса одичалых... то, что вы позволили ей уйти... люди могут сказать...

— ...что я сам наполовину одичалый — перевёртыш, решивший продать королевство грабителям, людоедам и великанам. — Джону не нужно было смотреть в огонь, чтобы знать, что о нём говорят. И хуже всего то, что в чём-то они были правы. — Слова — ветер, и на Стене ветер дует постоянно. Пойдем.

Было ещё темно, когда Джон вернулся в свою комнату за оружейной. Он заметил, что Призрака до сих пор нет. «*Всё еще охотится*». Огромный белый лютоволк почти всегда где-то бегал, рыская всё дальше и дальше в поисках добычи. Между Дозором и одичалыми в Кротовом городке, на холмах и полях близ Чёрного Замка дичи совсем не осталось, да и с самого начала её было не много. «*Зима близко*, — размышлял Джон, — *и надвигается быстро, слишком быстро*». Он не знал, суждено ли им ещё раз увидеть весну.

Скорбный Эдд совершил вылазку на кухню и вскоре вернулся с кружкой тёмного эля и блю-

дом, накрым крышкой. Под ней Джон обнаружил три утиных яйца, зажаренных в масле, полоску бекона, две колбаски, кровяной пудинг и полбуханки только что испечённого ещё теплого хлеба. Джон перекусил хлебом и половинкой яйца. Он съел бы и бекон, но не успел — ворон стащил его первым.

— Вор, — обругал птицу Джон, наблюдая, как та перелетела на притолоку над дверью, чтобы там съесть добычу.

– *Вор*, — согласился ворон.

Джон попробовал колбаску. Он запивал её глотком эля, когда вернулся Эдд с сообщением, что Боуэн Марш ждёт снаружи.

— С ним Отелл и септон Селладор.

«*Как быстро*». Интересно, кто сплетничает, и один ли этот кто-то.

— Пришли их сюда.

— Есть, м'лорд. В этой компании вам стоит присмотреть за колбасками. Те трое наверняка голодные.

Голодными Джон бы их не назвал. Септон Селладор, похоже, не находил себе места, мучаясь от похмелья, и остро желал усмирить опалившего его дракона, а первый строитель Отелл Ярвик выглядел так, будто проглотил что-то несъедобное.

Боуэн Марш злился. Джон видел это в его глазах, плотно сжатых губах и покрасневших круглых щеках. «*Этот румянец не от холода*».

— Присаживайтесь, прошу вас, — пригласил он. — Могу я предложить вам еду или питьё?

— Мы позавтракали в общем зале, — ответил Марш.

— А я бы ещё поел. — Ярвик опустился на стул. — Спасибо за предложение.

— Разве что немного вина, — попросил септон Селладор.

– *Зерно*! — прокричал ворон с притолоки. — *Зерно, зерно*.

— Вина для септона и тарелку для нашего первого строителя, — приказал Джон Скорбному Эдду. — Птице — ничего. — Он повернулся к своим гостям:

— Вы здесь из-за Вель.

— И из-за других дел, — добавил Боуэн Марш. — Люди беспокоятся, милорд.

«*И кто назначил вас говорить от их имени*?»

— Я тоже беспокоюсь. Отелл, как продвигается работа в Твердыне Ночи? Я получил письмо от сэра Акселла Флорента, величающего себя Десницей Королевы. Он сообщает, что королева Селиса недовольна своим жилищем в Восточном Дозоре

у Моря и желает немедленно переехать к мужу. Это возможно?

Ярвик пожал плечами:

— Мы восстановили почти всю главную башню и настелили крышу над кухнями. Королеве понадобится еда, мебель и дрова, но этого достаточно. Конечно, там не так комфортно, как в Восточном Дозоре. И довольно далеко от кораблей, если её милость пожелает покинуть нас... да, она могла бы жить там, но пройдут годы, прежде чем это место снова станет добротной крепостью. Можно и быстрее, если у меня будет больше рабочих.

— Я мог бы дать тебе великана.

Это испугало Отелла:

— То чудовище во дворе?

— По словам Кожаного, его величают Вун Вег Вун Дар Вун. Да, язык сломать можно, я знаю. Кожаный зовет его Вун Вун и этого, кажется, хватает.

Вун Вун был совсем не похож на великанов из сказок Старой Нэн — диких существ, которые по утрам готовили овсянку на крови и пожирали быков целиком, с шерстью, шкурой и рогами. Этот же гигант вовсе не ел мяса, но выглядел настоящим кошмаром, когда накидывался на корзинку корнеплодов, разгрызая лук, репу и

даже сырую твердую брюкву своими огромными квадратными зубами.

— Усердный работник, хотя будет непросто объяснить ему, что именно нужно делать. Вун Вун говорит на искаженном древнем наречии, но не понимает ни слова на Общем. Зато неутомим, и его сила удивительна — он один заменит дюжину рабочих.

— Я... милорд, люди никогда... думаю, великаны-людоеды... нет, милорд, спасибо, у меня нет лишних глаз, чтобы присматривали за подобным существом, он...

Джон Сноу не удивился.

— Как хотите. Оставим великана здесь.

По правде, он и не хотел расставаться с Вун Вуном. «*Ты ничего не знаешь, Джон Сноу*», сказала бы Игритт, но, как только появлялось свободное время, Джон разговаривал с великаном с помощью Кожаного или других представителей свободного народа, вернувшихся вместе с ними из рощи. Он узнавал все больше о великанах и их истории. Джон только жалел, что рядом нет Сэма, который бы всё это записал.

Однако нельзя сказать, что он не видел опасности, которую представляет из себя Вун Вун. В гневе великаны страшны, и его огромные руки

достаточно сильны, чтобы разорвать врага на куски. Вун Вун напоминал Джону Ходора. «*Точно как Ходор, но вдвое больше, вдвое сильнее и наполовину глупее. Эта мысль протрезвила бы даже септона Селладора. Но если у Тормунда есть великаны, Вун Вег Вун Дар Вун может помочь нам с ними договориться*».

Ворон Мормонта раздраженно заворчал, когда под ним открылась дверь, предвещая возвращение Скорбного Эдда с бутылью вина, тарелкой яиц и колбасок. Боуэн Марш с явным нетерпением ждал, пока Эдд разольёт вино по чашам, и вернулся к разговору лишь после того, как тот вышел.

— Толлетт хороший парень, и люди любят его, а Железный Эммет отличный мастер над оружием, — начал он. — Но говорят, вы собираетесь отослать их прочь.

— Нам нужны хорошие люди в Долгом Кургане.

— Люди стали называть его «Дырой Шлюхи», — сказал Марш. — Впрочем, пусть будет, как будет. Правда ли, что вы хотите, чтобы дикарь Кожаный заменил Эммета и стал мастером над оружием? Этот пост чаще всего достается рыцарям или, по крайней мере, разведчикам.

— Да, Кожаный — *дикарь*, — согласился Джон. — Согласен. Я лично испытал его на тренировочном дворе. Он так же опасен с каменным топором, как большинство рыцарей со сталью в руке. Я знаю, он не так терпелив, как бы мне хотелось, и некоторые парни его боятся... но все это к лучшему. Однажды им предстоит участвовать в настоящей битве, и им поможет подобное знакомство с ужасом.

— Он *одичалый*.

— Был им, пока не произнес клятву. Теперь он наш брат. И может научить парней чему-то большему, чем просто фехтованию. Им не повредит знание пары слов на древнем наречии и некоторые навыки свободного народа.

– *Свободные*, — заворчал ворон. — *Зерно. Король*.

— Люди ему не доверяют.

«*Какие люди*? — хотелось спросить Джону. — *Сколько их*?» Но это бы вывело его на путь, по которому он не хотел идти.

— Жаль. Что-нибудь еще?

Заговорил септон Селладор:

— Мальчишка Атлас. Говорят, ты решил сделать его своим стюардом и оруженосцем вместо Толлетта. Милорд, этот мальчишка — шлюха...

осмелюсь сказать... размалёванный мужеложец из борделей Староместа.

«*А ты — пьяница*».

— Кем он был в Староместе — не наше дело. Парень быстро учится и очень умён. Поначалу другие новобранцы презирали его, но Атлас изменил их мнение и сумел со всеми подружиться. Бесстрашный в бою и даже может читать и немного писать. Парень справится с сервировкой моего стола и уходом за моей лошадью, не так ли?

— Скорее всего, — ответил Боуэн Марш с каменным лицом, — но людям он не нравится. По традиции, оруженосцами лорда-командующего становятся парни хорошего происхождения, которых готовили для командования. Милорд, вы верите в то, что бойцы Ночной Стражи пойдут в бой за шлюхой?

Джон потерял терпение:

— Они ходили за худшими командирами! Старый Медведь оставил в наследство несколько предостерегающих записок о кое-ком из них. Наш повар из Сумеречной Башни насиловал септ. После каждой жертвы он выжигал на своем теле семиконечную звезду. Его левая рука в звёздах от запястья до локтя, и икры тоже. В Восточном

Дозоре есть человек, который поджёг дом своего отца и запер дверь. Вся его семья, все девять человек, сгорели дотла. Чем бы ни занимался Атлас в Староместе, теперь он наш брат и *будет* моим оруженосцем.

Септон Селладор отпил немного вина. Отелл Ярвик наколол колбаску на кинжал. Боуэн Марш сидел с пунцовым лицом. Ворон захлопал крыльями и прокаркал:

– *Зерно, зерно, смерть*!

Наконец, лорд-стюард прочистил горло:

— Вашей светлости, я уверен, лучше знать. Могу я спросить об этих трупах в ледяных камерах? Люди волнуются. И зачем держать мертвяков под стражей? Двое бойцов лишь напрасно тратят время, если только вы не опасаетесь, что мертвецы...

— ... восстанут? Я молюсь, чтобы так и произошло.

Септон Селладор побледнел.

— Спаси нас Семеро. — Вино закапало с его подбородка, оставив алую дорожку. — Лорд-командующий, эти мертвецы — монстры, чудовищные создания. Мерзость в глазах богов. Вы... вы же не собираетесь с ними *разговаривать*?

— А *способны* ли они говорить? — спросил

Джон Сноу. — Я так не думаю, но не могу утверждать, что знаю наверняка. Возможно, теперь они и чудовища, но перед смертью были людьми. Сколько человеческого в них осталось? Тот, которого я убил, собирался напасть на лорда-командующего Мормонта. Он точно знал, кто это и где его найти. — Мейстер Эйемон понял бы намерения Джона, он в этом не сомневался. Сэм Тарли перепугался бы, но тоже бы понял. — Мой лорд-отец говорил, что человек должен знать своих врагов. Нам почти ничего не известно о мертвецах и ещё меньше — об Иных. Поэтому мы должны изучать их.

Ответ Джона им не понравился. Септон Селладор сжал свисавший с шеи кристалл и сказал:

— По-моему, это очень неразумно, лорд Сноу. Я буду молиться Старице, чтобы она подняла свой сияющий фонарь и повела вас по пути мудрости.

Терпение Джона иссякло:

— Уверен, что всем нам не помешало бы немного мудрости. — «*Ты ничего не знаешь, Джон Сноу*». — Так, должны ли мы поговорить о Вель?

— Значит, это правда, — произнес Марш. — Вы отпустили её.

— На ту сторону.

Септон Селладор втянул воздух.

— Она пленница короля. Его величество придёт в ярость, узнав, что она исчезла.

— Вель вернется. — «*Раньше Станниса, если боги будут благосклонны*».

— С чего вы это взяли? — допытывался Боуэн Марш.

— Она так сказала.

— А если солгала? Что, если она попадет в беду?

— Что ж, тогда у вас появится шанс выбрать нового лорда-командующего, который будет вам больше по нраву. Но пока что вам придется терпеть меня, — Джон глотнул пива. — Я послал её разыскать Тормунда и передать ему моё предложение.

— Мы можем узнать, какое?

— Такое же, что я сделал в Кротовом городке. Предлагаю ему еду, кров и мир, если он присоединится к нам и будет биться с общим врагом, помогая удерживать Стену.

Боуэн Марш не удивился.

— Вы собираетесь пропустить его, — голос стюарда звучал так, словно тот знал об этом с начала беседы. — Открыть ворота ему и его последователям. Сотням, тысячам дикарей.

— Если у него столько осталось.

Септон Селладор сотворил знак звезды от зла. Отелл Ярвик заворчал. Боуэн Марш сказал:

— Кое-кто сочтет это изменой. Вы собираетесь впустить сюда одичалых. Дикарей, грабителей, насильников, которые скорее звери, чем люди.

— Тормунд не таков, — возразил Джон, — также как и Манс Налётчик. Но даже будь каждое ваше слово правдой, они остаются людьми, Боуэн. Живыми людьми, как вы и я. Зима приближается, милорды, и когда придёт, нам, живым людям, придётся всем вместе противостоять мертвецам.

– *Сноу*! — прокричал ворон лорда Мормонта. — *Сноу, Сноу*!

Джон не обратил на него внимания.

— Мы расспросили одичалых из рощи. Некоторые из них рассказывали любопытные вещи про лесную ведьму по имени Матушка Кротиха.

— Матушка *Кротиха*? — переспросил Боуэн Марш. — Странное имя.

— Считается, что она живёт в норе под дуплистым деревом. Не знаю, правда ли это, но говорят, у неё было видение, в котором прибыл флот, чтобы увезти свободный народ в безопасные места за Узкое Море. Тысячи тех, кто спасся бегством с поля боя, в отчаянии поверили ей. Матушка Кротиха повела их всех в Суровый Дол, чтобы там

молиться и ждать спасения из-за моря.

Отелл Ярвик нахмурился:

— Я не следопыт, но... поговаривают, что Суровый Дол — нечистое место. Проклятое. Даже ваш дядя так говорил, лорд Сноу. Почему они пошли *туда*?

На столе перед Джоном лежала карта. Он повернул её так, чтобы все могли видеть.

— Суровый Дол расположен в укромном заливе, его естественная бухта достаточно глубока, чтобы в ней могли пришвартоваться даже самые крупные корабли. В округе достаточно древесины и камня. Воды кишат рыбой, а неподалеку есть колонии тюленей и моржей.

— Всё это, несомненно, правда, — согласился Ярвик, — но не хотел бы я провести ночь в том месте. Вы знаете легенду.

Он знал. Суровый Дол мог стать единственным настоящим городом к северу от Стены. Но шестьсот лет тому назад его поглотила преисподняя. Его жителей взяли в рабство или съели, смотря какой версии верить, а их дома сгорели в огромном пожаре, пламя которого было столь ярким, что дозорные на Стене подумали, что солнце восходит на севере. А потом над Зачарованным лесом и Студёным Морем почти полгода падал

пепел. Купцы рассказывали, что на месте Сурового Дола осталась лишь дикая пустошь. Повсюду обгорелые деревья и жжёные кости, бухта забита раздувшимися трупами, из пещер, зияющих в огромном утесе, нависающем над поселением, доносятся леденящие кровь крики.

С той ночи прошло шесть веков, но Суровый Дол до сих пор обходили стороной. Джону говорили, что там давно нет ничего, кроме сплошных зарослей, но разведчики утверждали, что по грудам руин бродят упыри, демоны и пылающие призраки, жаждущие крови.

— Я тоже выбрал бы иное прибежище, — сказал Джон. — Но Матушка Кротиха проповедовала, что свободный народ найдёт спасение там, где однажды нашёл проклятие.

Септон Селладор поджал губы:

— Спасение можно найти только с помощью Семерых. Эта ведьма погубила их всех.

— И, возможно, спасла Стену, — сказал Боуэн Марш. — Те, о ком мы говорим — враги. Пусть они молятся среди развалин. Если их боги пришлют корабли, чтобы отвезти их в лучший мир, что ж, прекрасно. В этом мире у меня нет для них еды.

Джон сжал пальцы правой руки.

— Галеры Коттера Пайка иногда проплывают

мимо Сурового Дола. Он говорит, там нет иного крова, кроме пещер. *Рыдающие пещеры*, так называют их его люди. Матушка Кротиха и её последователи погибнут там от холода и голода. Сотни. Тысячи.

— Тысячи врагов. Тысячи *одичалых*.

«*Тысячи людей*, — подумал Джон. — *Мужчин, женщин, детей*». Внутри него кипела ярость, но когда он заговорил, его голос был спокоен и холоден.

— Вы слепы или просто не хотите видеть? Как, по-вашему, что произойдёт, когда все эти враги умрут?

С двери прокаркал ворон:

– *Мертвы, мертвы, мертвы.*

— Я скажу вам, что произойдёт, — ответил Джон. — Мёртвые снова восстанут, сотнями и тысячами. Восстанут с чёрными руками и голубыми глазами. И они *придут за нами*.

Он вскочил на ноги, пальцы правой руки рефлекторно сжимались и разжимались.

— Можете идти.

Встали все трое: вспотевший и с посеревшим лицом септон Селладор, Отелл Ярвик был подчеркнуто холоден, Боуэн Марш сжал губы и побледнел.

— Спасибо, что уделили нам время, лорд Сноу.
Они ушли, не сказав больше ни слова.

Глава 40. Тирион

У свиньи характер оказался даже лучше, чем у лошадей, на которых ему приходилось ездить. Спокойная хрюшка твёрдо стояла на ногах, позволив Тириону взгромоздиться себе на спину, и даже не взвизгнула и не пошевелилась, пока тот тянулся за щитом и копьём. Стоило карлику подобрать поводья и сжать пятками её бока, как животное с лёгкостью повиновалось. Свинью звали Милашка, сокращённо от Хрюшки-Милашки, и её ещё поросенком начали приучать к седлу и уздечке.

Раскрашенные деревянные доспехи загремели, как только Милашка потрусила рысцой по палубе. Подмышки Тириона взмокли, а из - под криво сидевшего на голове огромного шлема на шрам стекали капли пота. Но всё же на какое-то безумное мгновение он почувствовал себя Джейме, выезжающим на турнирное поле в сверкающих на солнце золотых доспехах и с копьём в руке.

Едва раздался гогот, иллюзия рассеялась. Он не рыцарь, а всего лишь карлик с палкой в руках, сидящий на свинье и веселящий расходивших-

ся пьяных от рома матросов, надеясь немного поднять им настроение. Где-то глубоко внизу, в преисподней, кипит от злости его отец и хохочет Джоффри. Тирион чувствовал, что их холодные мертвые глаза следят за этим фарсом вместе с командой «Селейсори Кхорана».

Показался его противник. Пенни ехала верхом на крупной серой собаке, при каждом движении которой полосатое копьё карлицы раскачивалось из стороны в сторону, словно в руках пьянчуги. Щит и доспехи девушки были покрыты облупившейся и выгоревшей красной краской, а латы Тириона — синей. «*Нет, не мои. Гроша. Только не мои, умоляю*».

Под улюлюканье и топот матросов Тирион лягнул бока Милашки, посылая её в атаку. Он не мог сказать наверняка, насмехаются они над ним или подбадривают, хотя и догадывался. «*Почему я вообще позволил втянуть себя в этот фарс*?»

Однако он знал ответ. Корабль уже двенадцать дней болтался в штиле в заливе Скорби. Настроение команды было никаким и ухудшалось с каждым днём, по мере того как уменьшалась их ежедневная порция рома. Оставалось много свободного времени на починку парусов, заделку течи и рыбалку. Джорах Мормонт слышал

шепотки о том, что удача карлика их подвела. Корабельный кок до сих пор, время от времени продолжал тереть его голову в надежде, что это поможет вызвать ветер, но остальные матросы начали бросать в его сторону враждебные взгляды. Ситуация с Пенни складывалась ещё хуже. Кок предположил, что удача вернется, если потискать грудь карлицы, и, вдобавок, начал называть Хрюшку-Милашку «Бекончиком». Когда Тирион придумал эту шутку, она казалась гораздо смешнее.

— Мы должны их развеселить, — взмолилась Пенни. — Нужно заставить их полюбить нас. Наше выступление поможет им забыть все обиды. Ну пожалуйста, м'лорд.

И каким-то чудом, не мытьём, так катаньем, он позволил себя уговорить. «*Или это ром постарался*». Капитанский запас вина иссяк первым, и Тирион Ланнистер обнаружил, что с помощью рома можно напиться гораздо быстрее.

Вот так он и оказался в раскрашенных деревянных доспехах Гроша, на свинье Гроша, выслушивающим наставления сестры Гроша о тонкостях шутовских представлений, приносящих ей кусок хлеба. Прелестная ирония, учитывая, что Тирион чуть не поплатился го-

ловой, отказавшись порадовать извращённое чувство юмора своего племянника и прокатиться верхом на собаке. Однако, сидя на свинье, трудно полностью оценить весь комизм положения.

Тупой конец копья Пенни задел плечо Тириона, а его собственное с громким стуком ударило в край её щита и погнулось. Пенни удержалась в седле, а он выпал. Так и было задумано.

«*Просто, как упасть со свиньи...*»

Хотя свалиться с этой конкретной хрюшки оказалось труднее, чем казалось со стороны. Вспомнив наставления девушки, Тирион сгруппировался, но всё равно со смачным «бам» ударился о палубу, прикусив до крови язык. Он представил, что ему снова двенадцать лет и он кувыркается на столе в трапезном зале Кастерли Рок. Тогда рядом был дядя Герион, оценивший его успех, а не угрюмые матросы. Их смех казался жидким и вымученным по сравнению с бурным восторгом, которым встречали выходки Гроша и Пенни на свадьбе Джоффри, а часть публики и вовсе шипела от злости.

— Эй, Безносый! Ты ездишь верхом так же ужасно, как выглядишь, — прокричал с кормы один из матросов. — У тебя, что, совсем нет яиц? Дал девчонке себя отлупить!

«*Видимо он на меня поставил*», — догадался Тирион. Карлик пропустил оскорбление мимо ушей. В прошлом приходилось слышать и похуже.

Из-за доспехов, пусть и деревянных, не удавалось подняться. Он понял, что барахтается на палубе, словно перевернутая черепаха. По крайней мере, среди матросов это вызвало некоторое веселье. «*Как жаль, что я не сломал ногу — они бы взвыли от восторга. А если бы торчали в нужнике, когда я пристрелил отца, то, наверняка, обгадились бы от смеха. Всё что угодно, лишь бы угодить треклятым ублюдкам*».

Наконец, Джорах Мормонт сжалился и помог Тириону встать на ноги.

— Ты выглядишь дураком.

«*Так и было задумано*».

— Тяжело выглядеть героически верхом на свинье.

— Поэтому я держусь от них подальше.

Тирион отцепил и снял шлем, сплюнув сгусток крови, смешанной со слюной.

— Похоже, я чуть не откусил себе пол-языка.

— В следующий раз кусай сильнее, — сир Джорах пожал плечами. — Если честно, то мне приходилось видеть бойцов и похуже.

«*Это что? Похвала*?»

— Я свалился с проклятой свиньи и прикусил язык. Куда уж хуже?

— Получить щепкой в глаз и умереть.

Пенни спрыгнула с собаки. Здоровенную серую псину звали Хруст.

— Смысл не в том, чтобы хорошо сражаться, Хугор, — среди посторонних она всегда осторожно обращалась к нему «Хугор». — А в том, чтобы заставить их смеяться и раскошелиться.

«*Что-то плохо платят за кровь с синяками*», — подумал Тирион, но придержал эти мысли при себе.

— И то и другое нам не удалось. Никто не бросил ни монетки.

«*Ни пенни, ни гроша*».

— Бросят, когда мы выступим лучше, — Пенни стащила с головы шлем, высвободив копну русых волос, доходивших до ушей. У неё были карие глаза, тёмные густые брови, а щечки — гладенькими и румяными. Вынув из специального кожаного мешочка несколько желудей, она протянула их Хрюшке-Милашке, и та, довольно похрюкивая, съела угощение прямо с руки.

— Когда мы дадим представление для королевы Дейенерис, нас осыплют серебром. Вот увидишь!

Несколько матросов топали по палубе и крича-

ли, требуя новой схватки. Громче всех, как всегда, надрывался кок. Тирион презирал этого человека, даже несмотря на то, что тот единственный на корабле более-менее сносно играл в кайвассу.

— Вот видишь, мы им нравимся, — сказала Пенни с робкой улыбкой. — Может, попробуем ещё разок, Хугор?

Он только собрался отказаться, как крик одного из помощников капитана избавил его от подобной необходимости. Давно рассвело, и капитан желал снова попытаться отбуксировать судно шлюпками. Огромный полосатый парус кога уже несколько дней безжизненно свисал с мачты, но капитан надеялся, что чуть севернее появится ветер. Однако шлюпки были очень маленькими, а ког — большим, так что буксировка превращалась в жаркую, потную, выматывающую работу, от которой руки покрывались мозолями и ныла спина, а толку в результате никакого. Поэтому команда её ненавидела. И Тирион не мог их в этом винить.

— Лучше б вдова пристроила нас на галеру, — кисло пробормотал он. — Я буду премного благодарен, если кто-нибудь поможет мне избавиться от проклятых деревяшек. Похоже, я посадил занозу прямо в промежность.

Хоть и неохотно, Мормонт всё же помог. Пенни забрала животных и увела вниз.

— Передай своей даме, что, находясь внутри, лучше пусть держит двери каюты закрытыми и чем-нибудь припрёт для верности, — посоветовал сир Джорах, отстегивая пряжки, соединявшие переднюю и заднюю части деревянных лат. — Я частенько слышу разговоры про жареные ребрышки, ветчину и бекон.

— Эта свинья — половина всего её имущества.

— А гискарцы сожрали бы и собаку в придачу, — Мормонт наконец-то разъединил нагрудник и наспинник. — Просто посоветуй ей.

— Как скажешь.

Туника карлика промокла от пота и прилипла к груди. Тирион еле стянул одежду с тела, мечтая о дуновении прохладного ветерка. Деревянные доспехи были одновременно жаркими, тяжёлыми и неудобными. Чуть ли не половину их толщины составляла сотня слоев старой краски. Он вспомнил, что на свадебном пиру Джоффри у одного из наездников латы были с изображением лютоволка Робба Старка, а второй выступал в цветах Станниса Баратеона.

— Если мы хотим порадовать королеву Дейенерис нашим турниром, нам понадобятся оба

животных, — сказал Тирион. Если матросы вобьют себе в голову зарезать Хрюшку-Милашку, ни он, ни Пенни их не остановят... а вот меч сира Джораха, по крайней мере, может дать им отсрочку.

— Значит так, Бес, ты надеешься сохранить свою голову на плечах?

— Сир Бес, если не возражаете. И ответ — да. Как только её величество поймёт, чего я стою, то станет меня холить и лелеять. В конце концов, я милый малый и знаю много полезного про свою родню. Но до тех пор мне нужно постараться её развеселить.

— Валяй дурака сколько влезет, но это не смоет твоих грехов. Дейенерис Таргариен не глупое дитя, чтобы заморочить ей голову шуточками и кувырками. Она поступит с тобой по справедливости.

«*Ох! Надеюсь, что нет*».

Тирион смерил Мормонта оценивающим взглядом разноцветных глаз.

— А как справедливая королева встретит тебя? Жаркими объятьями? Девичьим смехом? Топором палача? — он улыбнулся, заметив очевидное смятение рыцаря. — Ты правда думал, что я поверю, будто в том борделе ты выполнял важное

задание своей королевы? Защищал её, находясь на другом конце света? Или просто сбежал, потому что её величество тебя прогнала? Но зачем бы ей... а, постой-ка, ты же за ней *шпионил*. — Тирион поцокал языком. — И ты собирался заново купить её расположение, преподнеся ей меня. Я бы сказал, довольно глупая затея. А кто-нибудь даже заявил бы, что это содеяно в пьяном отчаянии. Возможно, будь на моем месте Джейме... но Джейме убил её отца, а я — всего лишь своего собственного. Думаешь, Дейенерис казнит меня и простит тебя, но может быть и наоборот. Пожалуй, это *тебе* нужно выступать верхом на свинье, а, сир Джорах? Надеть шутовские доспехи, как Флориан...

От удара дюжего рыцаря голова карлика мотнулась в сторону, он упал на бок и как следует приложился башкой о палубу. Шатаясь, он поднялся на одно колено, рот наполнился кровью. Тирион выплюнул выбитый зуб. «*Я становлюсь красивее с каждым днем, но, похоже, нащупал его больное место*».

— Сир, разве карлик сказал нечто, что вас оскорбило? — невинно поинтересовался Тирион, стирая с разбитых губ кровавые пузыри тыльной стороной ладони.

— Мне тошно от твоей болтовни, карлик, — ответил Мормонт. — У тебя ещё осталось несколько зубов. Если хочешь сохранить их до конца нашего путешествия, держись от меня подальше.

— Это будет непросто. Мы живем в одной каюте.

— Найди себе другое место для ночлега. Внизу в трюме, наверху на палубе, без разницы. Но не попадайся мне на глаза.

Тирион поднялся на ноги.

— Как хочешь, — согласился он с полным крови ртом, но здоровяк-рыцарь уже ушёл, гремя сапожищами по палубе.

Пенни нашла Тириона внизу, где тот, морщась от жжения, полоскал рот разбавленным водой ромом.

— Я узнала, что произошло. Ох! Тебе больно?

Он пожал плечами.

— Немножко крови и выбитый зуб.

«*Но мне кажется, я ударил его больнее*».

— И это — рыцарь. Как ни печально, но, в случае чего, на защиту сира Джораха мы положиться не сможем.

— Что ты сделал? Ой, у тебя губа разбита.

Она вытащила из рукава платочек и промокнула кровь.

— Что ты ему сказал?

— Немного правды, которую сир Упрямый Баран не захотел слушать.

— Не нужно было над ним насмехаться. Ты что, *ничего* не знаешь? Нельзя так разговаривать с высокими. Они могут *побить*. Сир Джорах мог даже бросить тебя в море, а матросы бы только посмеялись над тем, как ты тонешь. С высокими надо всегда держаться настороже. Будь вёселым и забавным, заставь их улыбаться и смеяться. Так всегда говорил мой отец. Разве твой собственный отец никогда не рассказывал тебе, как вести себя с высокими?

— Мой отец считал их *низко*родными, — ответил Тирион, — и вряд ли его можно было назвать весельчаком. — Тирион сделал ещё глоток разбавленного рома, прополоскал рот и сплюнул. — И всё же я понял твою мысль. Нужно научиться быть карликом. Возможно, ты будешь так добра, что поучишь меня в перерывах между поединками и ездой на свинье?

— Научу, м'лорд. С радостью, но... что это была за правда? Почему сир Джорах тебя так избил?

— Почему? Из-за любви. По той самой причине, по которой я приказал зажарить того певца. — Тирион вспомнил Шаю и её взгляд, когда он

затягивал перекрученную цепь вокруг ее горла. Цепь из золотых рук. «*Золотые руки всегда холодны, а женские — горячи*».

— Пенни, а ты девушка?

Она зарделась.

— Да. Разумеется. Кто же захочет...

— Вот ею и оставайся. Любовь — это безумие, а вожделение — смертельный яд. Береги свою девственность, будешь счастливее и не окажешься в каком-нибудь грязном борделе на берегу Ройна в объятьях шлюхи, похожей на твою бывшую любовь.

«*И не станешь метаться по свету в поисках места, куда отправляются шлюхи*».

— Сир Джорах мечтает спасти свою драконью королеву и обрести её благосклонность. Но мне кое-что известно о королевской благосклонности, и я предпочел бы владеть дворцом в Валирии. — Внезапно он замолчал. — Ты заметила? Корабль поплыл.

— Заметила.

Лицо Пенни засияло от радости:

— Мы снова плывём. Это ветер... — она помчалась к двери. — Хочу посмотреть. Давай наперегонки! — С этими словами девушка убежала.

«*Она молоденькая*, — напомнил себе Тирион,

глядя, как Пенни изо всех сил, насколько позволяли её короткие ножки, карабкается по ведущей наверх деревянной лестнице. — *В сущности, еще ребенок*». И все-таки он заразился её задором и побежал следом.

Парус вновь воспрянул к жизни: раздувался, расправляя красные, извивающиеся, словно змеи, полосы на парусине, опадал и вздымался вновь. По палубе сновали матросы и, повинуясь приказам боцманов, отданным на языке старого Волантиса, тянули канаты. Гребцы в лодках, тащившие за собой корабль, сбросили буксирный трос и бодро навалились на весла, возвращаясь обратно к когу. Подул западный ветер — резкий и порывистый, словно какой-то озорник, дёргающий за плащи и выхватывающий из рук канаты. «Селейсори Кхоран» лег на курс.

«*Возможно, мы всё-таки доберемся до Миэрина*», — подумал Тирион.

Но когда он, наконец, добрался до кормовой надстройки и огляделся, его радость померкла. «*Здесь море и небо голубые, но на западе... никогда не видел неба подобного цвета*». Вдоль горизонта тянулась гряда тяжёлых туч.

— Бастардова лента, — указал он, обращаясь к Пенни.

— Что это значит? — спросила она.

— То, что сзади к нам подкрадывается здоровенный ублюдок.

Тирион с удивлением заметил, что к ним на корме присоединился Мокорро с двумя «огненными перстами». Полдень едва наступил, а жрец со своими подопечными не появлялся на палубе раньше прихода сумерек. Жрец почтительно им поклонился.

— Ты тоже это видишь, Хугор Хилл. Это гнев божий. Нельзя насмехаться над Владыкой Света.

У Тириона появилось нехорошее предчувствие.

— Вдова сказала, что корабль никогда не попадет в порт назначения. Я-то решил, что, едва мы выйдем в море подальше от власти триархов, капитан изменит курс на Миэрин. Или же ты с помощью своих «перстов» захватишь корабль и доставишь нас к Дейенерис, но верховный жрец видел что-то иное. Так?

— Да, — зычный голос Мокорро прозвучал подобно удару похоронного колокола. — Вот что он видел. — Красный жрец поднял посох и указал его навершием на запад.

Пенни недоумевала.

— Я ничего не поняла. Что же это всё значит?

— Это значит, что нам лучше спуститься вниз. Сир Джорах прогнал меня из каюты. Можно я на время спрячусь у тебя?

— Да, — ответила девушка. — Ты был бы... ох...

Почти три часа кораблю удавалось мчаться по ветру наперегонки со штормом, но тот неуклонно приближался. Небо на западе сперва позеленело, потом посерело и, наконец, стало чёрным. Стена тёмных туч нависала позади, пенясь, как забытая на огне кастрюля с молоком. Тирион вместе с Пенни, взявшись за руки, наблюдали за ними с носовой надстройки, прячась за деревянной фигурой «стюарда» и стараясь не попадаться под ноги капитану и команде.

Прошлый шторм был захватывающим и пьянящим — внезапный шквал, оставивший после себя чувство очищения и обновления. Этот же с самого начала ощущался иначе. Капитан тоже это почувствовал. Пытаясь увильнуть от шторма, он повернул к северу, изменив курс на северо-восточный.

Его усилия оказались напрасны. Надвигающаяся буря была слишком сильной. Море взъярилось, завыл ветер. «Вонючий стюард» взмывал на гребне волны и обрушивался вниз, ударяясь всем корпусом. За кормой с неба ослепительными

пурпурными стрелами били молнии, танцуя над морем в паутине света. Им вторил гром.

— Пора прятаться, — заявил Тирион, за руку утаскивая Пенни с палубы.

Милашка с Хрустом едва не обезумели от страха. Собака без умолку лаяла, лаяла и лаяла. Едва они с Пенни вошли, она сбила Тириона с ног. Свинья обгадила всю каюту. Пока Пенни успокаивала животных, Тирион, как мог, прибрался. Потом они вместе привязали и спрятали всё, что оставалось незакрепленным.

— Мне страшно, — призналась Пенни. Их каюта уже начала раскачиваться и подпрыгивать, носимая туда-сюда разбушевавшимися, грохочущими о борт корабля волнами.

«*Есть способы умереть и похуже, чем утонуть. Твой брат или мой отец подтвердили бы это. И ещё лживая сучка Шая. Золотые руки всегда холодны, а женские — горячи*».

— Нужно во что-нибудь сыграть, — предложил Тирион. — Это поможет не думать о шторме.

— Только не в *кайвассу*, — сразу же отказалась девушка.

— Не в *кайвассу*, значит не в *кайвассу*, — согласился Тирион, и палуба под ним скакнула вверх. С такими дикими прыжками фишки будут

летать по всей каюте, сыплясь дождем на свинью и собаку. — Когда ты была маленькой, ты играла в «приди-ко-мне-в-замок»?

— Нет. Научишь?

Научу? Тирион задумался. «*Глупый карлик. Конечно же, она никогда не играла в «приди-ко-мне-в-замок»: у неё же никогда не было замка*». Это игра дворянских отпрысков, которая обучала их хорошим манерам, основам геральдики и тому, кто был союзниками их лорда-родителя, а кто — врагами.

— Это не... — он охнул. Палуба совершила новый недюжинный бросок в сторону, повалив их друг на друга. Пенни пискнула от страха. — Эта игра не подойдет, — скрипнув зубами, ответил Тирион. — Прости. Я не знаю, в какую еще игру...

— Я знаю.

И Пенни его поцеловала.

Поцелуй вышел неловким, поспешным и неуклюжим. Но он застал Тириона врасплох. Его руки сами собой взметнулись вверх, вцепившись в плечи Пенни, собираясь оттолкнуть её прочь, но он замешкался, потом притянул девушку к себе и слегка обнял. Ее сухие и твердые губы были плотно сжаты, словно кошелек скряги. «*Небольшое облегчение*», — подумал Тирион. Он ничего

от неё не хотел. Пенни ему нравилась, он её жалел, даже в чём-то восхищался, но не желал как женщину. Но он не собирался её обижать — боги и его любимая сестрица и так уже причинили ей достаточно боли. Поэтому не стал прерывать поцелуя, осторожно держа девушку за плечи и так же не разжимая губ. Вокруг сотрясался и вертелся «Селейсори Кхоран».

Наконец Пенни отодвинулась на пару дюймов. Тирион увидел в её зрачках свое отражение. «*Красивые глаза,* — подумал он, разглядев в них и кое-что еще. — *Испуг, надежду... но ни капли вожделения. Она не хочет меня, как и я её*».

Девушка опустила голову, но карлик снова приподнял её за подбородок.

— В эту игру, миледи, мы сыграть не можем.

Где-то рядом громыхнул гром.

— Я и не хотела... мне прежде не приходилось целоваться с мальчиками, но я решила, если нам суждено утонуть, то я... я...

— Это мило, — соврал Тирион, — но я женатый человек. Она была со мной на том пиру, помнишь? Леди Санса.

— Так она твоя жена? Она... она очень красивая...

«*И ненастоящая. Санса, Шая — все мои жен-*

щины... Тиша — единственная, кто любил меня по-настоящему. Так куда же отправляются шлюхи?»

— Да, милая девушка, — согласился Тирион, — и нас соединили перед лицом богов и людей. Возможно, что она для меня навсегда потеряна, но я, пока не знаю этого наверняка, должен оставаться ей верен.

— Понимаю, — Пенни отвернулась.

«*Моя идеальная пара*, — подумал Тирион с горечью. — *И все ещё настолько наивная, что верит в эту вопиющую ложь*».

Корпус судна трещал, палуба качалась, а Милашка тихо повизгивала от страха. Пенни на четвереньках пробралась к свинье, обняла её за голову и принялась шептать что-то успокаивающее. Глядя на них, трудно было сказать, кто кого утешает. Такое нелепое зрелище могло бы показаться смешным, но Тириону было не до веселья. «*Девушка заслужила большего, чем свинья*, — подумал он про себя. — *Хорошего поцелуя, немного ласки. Каждый в мире может рассчитывать хотя бы на это, вне зависимости от его роста*». Он огляделся в поисках своего кубка, но обнаружил, что ром пролился. «*Утонуть — паршиво*, — угрюмо размышлял Тирион, — *но пойти*

на дно грустным и на трезвую голову — это уж слишком».

И все-таки они не утонули… хотя порой такой исход казался лучшим. В том, чтобы спокойно утонуть, есть своя прелесть. Шторм бушевал до конца дня и почти всю ночь. Вокруг, будто плакальщики, завывали ветры, волны били о палубу, словно кулаки утонувшего великана. Позднее на судне стало известно, что одного из помощников капитана и двух матросов смыло за борт, кок ослеп, облившись горячим жиром из котла, а капитан сломал обе ноги, неудачно упав с кормовой надстройки на главную палубу. Внизу выл и лаял Хруст, покусав при этом Пенни, а Милашка снова все обгадила, превратив тесную, сырую каюту в настоящий хлев. На этот раз Тириону удалось сдержаться и его не вырвало — в основном благодаря тому, что в желудке не было вина. Пенни повезло меньше, но Тирион всё равно держал её в объятьях, пока вокруг, словно готовая рассыпаться бочка, скрипел и трещал их корабль.

Ближе к полуночи ветер, наконец, стих, и море успокоилось достаточно, чтобы Тирион сумел выбраться на палубу. То, что он там увидел, оказалось малоутешительным. Ког дрейфовал по

похожей на драконье стекло поверхности моря под россыпью звезд, но вокруг них продолжал бушевать шторм. Повсюду — на востоке, западе, севере и юге — куда бы Тирион ни кинул взор, в небе, словно чёрные горы, громоздились грозовые тучи. Их обрывистые склоны и громадные утесы оживали в голубых и пурпурных вспышках молний. Дождь прекратился, но палуба под ногами оставалась сырой и скользкой.

Тирион услышал, как внизу кто-то закричал тонким, высоким, истеричным, полным страха голосом. Ещё он услышал Мокорро. Вздымая над головой посох, красный жрец стоял на носу, вглядываясь в бурю и рокоча молитву своим громовым голосом. Посредине судна дюжина матросов и пара «перстов» сражались с перепутанным такелажем и намокшим парусом, но Тирион так и не узнал, собирались ли они его поднять или спускали. Чем бы те ни занимались, на его взгляд это была одинаково плохая затея. Так оно и вышло.

С лёгким угрожающим шепотом вернулся ветер — холодный и влажный, он погладил щёку карлика, хлопнул мокрым парусом, запутался в красной рясе Мокорро. Тирион инстинктивно схватился за ближайший поручень и, как оказа-

лось, вовремя. Не прошло и трех мгновений, как лёгкий ветерок превратился в штормовой шквал. Мокорро что-то выкрикнул, с драконьей головы навершия его посоха сорвалось зелёное пламя, тут же сгинувшее в ночи. Грянул дождь, чёрный и ослепляющий, и обе надстройки корабля — носовая и кормовая — скрылись за стеной воды. Наверху хлопнуло что-то огромное, и поднявший голову Тирион успел увидеть, как улетает парус вместе с двумя людьми, болтающимися на линях. Потом послышался громкий *треск*. «*О, треклятая преисподняя*, — успел подумать карлик, — *наверняка это мачта*».

Он увидел трос и схватился за него, пытаясь подтянуться с его помощью к ведущему вниз люку, чтобы убраться подальше от шторма, но один порыв ветра сбил Тириона с ног, а второй больно припечатал об ограждение. В него-то карлик и вцепился. Дождь, ослепляя, заливал лицо. Рот вновь наполнился кровью. Корабль под ногами стонал и рычал, словно страдающий запором толстяк, напрягшийся, чтобы облегчиться.

Потом мачта рухнула.

Тирион не видел, но слышал, как та упала. Сперва раздался *тот же* треск, а за ним — скрежет ломающегося дерева, и внезапно в воздух поле-

тели щепки и обломки. Одна щепка пролетела всего в дюйме от глаза карлика, вторая впилась в шею, а третья — через сапог и штанину — в голень. Тирион закричал от боли, но ухватился за трос с такой отчаянной силой, о которой даже и не подозревал. «*Вдова сказала, что корабль не доберется до порта назначения*», — припомнил он и засмеялся. Он хохотал и хохотал — дико, истерично, под грохот грома, удары волн и стоны корабля.

Шторм стих, и на палубу, словно бледно-розовые дождевые черви, выползли выжившие пассажиры и члены команды. К этому времени «Селейсори Кхоран» представлял собой низко сидящий сломанный остов, дрейфующий по волнам. Корабль имел крен на левый борт в десять градусов, корпус был проломлен в полусотне мест, трюм полон воды, а от мачты остался расщеплённый обломок не выше карлика. Даже носовая фигура не избежала урона, потеряв руку, державшую свитки. В шторме сгинуло девять человек команды, включая помощника, и два «перста» вместе с самим Мокорро.

«*Мог Бенерро увидеть это в своём пламени*? — задумался Тирион, узнав, что красный жрец пропал. — *А сам Мокорро*?»

— Предсказания похожи на недоученного мула, — пожаловался карлик Джораху Мормонту. — С виду кажется, что ему можно верить, но как только ты расслабишься — лягнёт тебя в голову. Эта проклятая вдова знала, что корабль не попадет по назначению, и предупредила нас, сказав, что Бенерро видел это в своем огне. Вот только я принял её слова за… да ладно, какое это теперь имеет значение? — Он скривил губы. — Важно то, что какой-то проклятый штормище в щепки разнес нашу мачту и теперь мы вынуждены бесцельно дрейфовать по заливу Скорби, пока не кончится еда и мы от голода не начнем жрать друг друга. Как думаешь, с кого они начнут — со свиньи, собаки или меня?

— Полагаю, с самого шумного.

Капитан умер на следующий день, а кок — три ночи спустя. Всё, что оставшаяся команда была в силах сделать, это сохранить корабль наплаву. Один из выживших помощников капитана, принявший командование на себя, определил, что они находятся где-то у южного берега Кедрового острова. Когда команда спустила оставшиеся шлюпки, чтобы попытаться дотянуть корабль до берега, одна затонула, а матросы из другой обрезали буксирный трос и сбежали на север,

бросив тонущий корабль и своих товарищей.

— Рабы, — презрительно бросил Джорах Мормонт.

По его собственным словам, громадный рыцарь продрых весь шторм напролет. Тирион в этом сомневался, но решил держать свои мысли при себе. Однажды ему захочется кого-нибудь укусить за ногу и для этого ему пригодятся целые зубы. Мормонт вёл себя так, будто между ними не произошло никакой размолвки, поэтому Тирион также решил делать вид, что ничего не было.

Они дрейфовали девятнадцать дней, воды и пищи становилось все меньше. Солнце палило беспощадно. Пенни вместе с собакой и свиньей спряталась в своей каюте. Тирион носил ей еду, прихрамывая на перевязанную ногу и каждую ночь обнюхивая рану. Когда нечего было делать, он развлекался тем, что колол пальцы ног и рук. Сир Джорах каждый день точил меч, доводя его до блеска. Три оставшихся в живых «перста» на закате каждого дня разжигали огонь и возглавляли команду при молитвах, не выпуская из рук копий и оставаясь в причудливых доспехах. И ни один моряк больше не пытался потереть голову кого-то из карликов.

— Может нам снова для них выступить? — спро-

сила как-то ночью Пенни.

— Лучше не стоит, — ответил Тирион. — Это только напомнит им о том, что у нас есть отличная упитанная свинья.

Хотя Милашка с каждым днём становилась всё менее упитанной, а от Хруста остались лишь кожа да кости.

Той ночью ему вновь приснилось, что он в Королевской Гавани с арбалетом в руках.

— Куда отправляются шлюхи, — произнес лорд Тайвин, но когда палец Тириона нажал на спуск и арбалет *тренькнул*, на месте отца со стрелой в животе оказалась Пенни.

Карлик проснулся от крика.

Палуба под ногами ходила ходуном, и он на миг пришёл в замешательство, решив, что снова очутился на «Скромнице». Но вонь навоза привела его в чувство. Горести остались далеко позади, за полмира, как и радости прежней жизни. Он вспомнил, как приятно было смотреть на Лемору после её утренних купаний, как на обнаженной коже септы искрились капельки воды. А теперь его единственная дама — бедняжка Пенни, хилая девушка-карлик.

Наверху что-то происходило, и Тирион, зевая, выбрался из гамака и принялся искать сапоги.

Заодно, хоть и понимал, что это бред, поискал арбалет, но, разумеется, ничего подобного не нашёл. «*Какая жалость*, — усмехнулся карлик, — *а он бы пригодился, когда кто-нибудь из высоких явится меня съесть*». Натянув сапоги, Тирион выбрался на палубу, чтобы проверить, чем вызван переполох. Пенни оказалась там раньше него, её глаза округлились от удивления.

— Парус! — крикнула она. — Вон там, видишь? Там парус, и они нас заметили. Не могли не заметить. Это *парус*.

На этот раз он расцеловал её… в обе щеки, лоб и, наконец, разок в губы. От последнего поцелуя она зарделась и засмеялась, внезапно снова смутившись, но это не имело значения. Другой корабль приближался к ним. Тирион увидел большую галеру. Её весла оставляли позади белый след на воде.

— Что это за корабль? — поинтересовался он у сира Джораха. — Можешь прочесть название?

— Мне и читать не надо. Я его чую: мы от них с подветренной стороны. — Мормонт выхватил меч. — Это работорговцы.

Глава 41. Перевёртыш

На закате повалили первые хлопья снега, а к ночи снегопад стал таким сильным, что восход луны остался незамеченным за белым занавесом.

— Боги Севера обрушили свой гнев на лорда Станниса, — объявил Русе Болтон утром, когда все собрались в Большом Чертоге Винтерфелла на завтрак. — Он здесь чужак, и старые боги его не пощадят.

Дредфортцы одобрительно закричали, стуча кулаками о длинные деревянные столы. Винтерфелл был разрушен, но его гранитные стены всё еще защищали от ветра и непогоды. Здесь имелось в достатке еды и питья, хватало огня, чтобы обсохнуть после дежурства, места, чтобы высушить одежду, уютных уголков, чтобы прилечь и поспать. Лорд Болтон приказал заготовить дров на целых полгода, так что в Великом Чертоге всегда царили тепло и уют. У Станниса ничего этого не было.

Теон Грейджой не присоединился к возгласам одобрения. Так же как и Фреи, что не ускользну-

ло от его внимания. «*Они тоже здесь чужаки*», — подумал он, глядя на сира Эйениса Фрея и его сводного брата сира Хостина. Рождённые и выросшие в речных землях Фреи никогда не видели столько снега. «*Север уже забрал трех их родичей*». Теон вспомнил так и не найденных лордом Рамси людей, пропавших между Белой Гаванью и Барроутоном.

Сидевший на помосте между двумя рыцарями лорд Виман Мандерли из Белой Гавани уминал овсянку. Правда, с меньшим удовольствием, чем те пироги со свининой, которые он уплетал на свадьбе. Неподалеку однорукий Харвуд Стаут тихо разговаривал с мертвенно-бледным Амбером Смерть Шлюхам.

Теон вместе с другими стоял в очереди к медным котлам, из которых разливали кашу в деревянные миски. Он заметил, что у лордов и рыцарей были молоко, мёд и даже немного масла, чтобы подсластить еду, но не надеялся, что ему это предложат. Недолго же ему выпало побыть принцем Винтерфелла. Он сыграл свою роль в представлении, выдав подставную Арью замуж, и стал не нужен.

— Первая зима на моей памяти, когда снегу намело выше моей головы, — рассказывал стояв-

ший перед ним человек с гербом Хорнвуда.

— Ага, но в ту зиму ты был всего три фута ростом, — отозвался всадник из Родников.

Прошлой ночью, мучаясь бессонницей, Теон задумался, как бы ускользнуть незамеченным, пока Рамси с отцом заняты своими делами. Но все ворота были заперты на засов и хорошо охранялись. Никто не мог войти в замок или покинуть его без позволения лорда Болтона. Даже если нашелся бы какой-то потайной ход, Теон не стал бы на него полагаться. Он не забыл Киру и её ключи. И даже если он выберется, куда ему податься? Отец мёртв, дядьям он не нужен. Пайк для него потерян. У него не осталось иного дома, кроме этого — среди костей Винтерфелла.

«*Разрушенный замок для сломленного человека. Здесь мне самое место*».

Он всё ещё ждал каши, когда в зал ввалился Рамси в сопровождении бастардовых мальчиков и потребовал музыки. Абель сонно потёр глаза, взялся за лютню и запел «Жену дорнийца». Одна из его прачек отбивала ритм на барабане. Но певец поменял слова. Теперь в песне он вкушал прелести не жены дорнийца, а дочери северянина.

«*За такое можно лишиться языка*, — подумал

Теон, когда ему наполняли миску. — *Он всего-навсего певец. Сдери ему лорд Рамси кожу с обеих рук — и никто слова не скажет*». Но когда, услышав новые стихи, лорд Болтон улыбнулся, а Рамси захохотал, остальные тоже принялись смеяться. Желтый Дик так развеселился, что вино брызнуло у него из носа.

Леди Арья не могла разделить их веселье. Она не выходила из своих покоев со свадебной ночи. Кислый Алин говорил, что Рамси приковал её голой к кровати, но Теон знал, что это всего лишь слухи. Не было никаких цепей — по крайней мере, видимых человеческому глазу. Только пара стражников у дверей спальни, чтобы девушка никуда не ушла. «*И голая она только когда моется*».

А мылась она почти каждый вечер. Лорд Рамси хотел, чтобы жена была чистой.

— У неё, бедняжки, нет горничных. Так что остаешься ты, Вонючка. Не одеть ли тебя в платье? — расхохотавшись, предложил он Теону. — Пожалуй, это можно устроить, если сам попросишь. А пока довольно с тебя и роли банщицы. Я не потерплю, чтобы она воняла, как ты.

Так что каждый раз, когда Рамси хотел свою жену, Теону приходилось звать служанок леди

Уолды или леди Дастин и таскать горячую воду с кухни. Хотя Арья никогда не разговаривала со служанками, те не могли не заметить её синяки. «*Сама в этом виновата. Она ему не угодила*».

— Просто будьте *Арьей*, — сказал он ей как-то раз, помогая забраться в ванну. — Ваш муж не хочет вас обижать. Он причиняет боль, только когда мы… когда мы забываемся. Лорд Рамси никогда не резал меня без причины.

— Теон… — прошептала она, рыдая.

«*Вонючка*».

Он сжал ей руку:

— Здесь я — Вонючка. *Не забывайте*, Арья.

Но девушка была не настоящей Старк, а лишь дочкой стюарда. «*Джейни, её зовут Джейни. Она не должна просить у меня спасения*». Теон Грейджой когда-то мог бы попытаться помочь ей. Но Теон был железнорожденным и куда храбрее Вонючки. «*Вонючка, Вонючка, Вонючка-закорючка*».

У Рамси сейчас есть новая игрушка для развлечений, с грудями и щёлкой… Но скоро слезы Джейни ему приедятся, и он снова возьмется за своего Вонючку.

«*Рамси освежует меня дюйм за дюймом. Когда пальцы закончатся, отнимет у меня руки, а по-*

сле пальцев на ногах — ноги. Но только когда я начну молить об этом, когда боль станет такой сильной, что я попрошу об избавлении». Вонючку точно не ждут горячие ванны. Ему запретят мыться, и он снова обрастет дерьмом. Одежда превратится в грязные и вонючие лохмотья, которые заставят носить, пока те не сгниют. Лучшее, на что он мог надеяться — возвращение на псарню, в компанию девочек Рамси. «*Кира*, — вспомнил Теон. — *Рамси назвал новую сучку Кирой*».

Он понёс миску в дальнюю часть зала и нашёл свободное место в нескольких ярдах от ближайшего факела. Большинство скамей ниже соли не пустовало ни днем, ни ночью. Там пили, играли в кости, болтали. Даже спали прямо в одежде в каком-нибудь уголке, пока сержант не будил пинком, давая понять, что пришло время снова надевать плащ и идти в караул. Но никто из этих людей не был рад обществу Теона Перевёртыша. Впрочем, и он не особо жаждал их компании.

Овсянка оказалась серой и водянистой, и после третьей ложки Теон отодвинул от себя миску. За соседним столом мужчины обсуждали бурю и размышляли, надолго ли зарядил снег.

— На весь день и всю ночь, а может и дольше, — утверждал грузный чернобородый лучник с

вышитым на груди топором Сервина.

Несколько мужчин постарше вспоминали другие бури, называя нынешнюю лишь лёгкой порошей по сравнению с виденными в зимы своей юности. Жители речных земель были в ужасе.

«*Эти южане не любят снег и холод*».

Входившие в зал с улицы тут же жались к очагам или растирали руки над жаровнями, а с их плащей, повешенных у двери, стекала вода.

В зале было дымно, хоть топор вешай. Каша уже успела окончательно застыть, когда женский голос позади него произнес:

— Теон Грейджой.

«*Меня зовут Вонючка*», — едва не ответил он.

— Чего тебе?

Она перекинула ногу через скамью и, присев рядом с ним, откинула с глаз пышную прядь тёмно-рыжих волос.

— Почему вы едите в одиночестве, м'лорд? Пойдёмте, спляшем.

Он вернулся к своей каше:

— Я не танцую.

Принц Винтерфелла был умелым танцором, но Вонючка из-за недостающих пальцев на ногах смотрелся бы нелепо.

— Оставь меня в покое. У меня нет денег.

Женщина криво усмехнулась.

— Ты принял меня за шлюху?

Это была одна из «прачек» — высокая и тощая, слишком худая, чтобы назвать её хорошенькой… но было время, когда Теон всё равно бы переспал с ней, просто из интереса: каково это, когда тебя обвивают такие длинные ноги.

— А зачем мне здесь деньги? Что на них тут купишь? Немного снега? — захохотала она. — Ты бы мог заплатить мне улыбкой. Я ни разу не видела тебя улыбающимся, даже на свадьбе твоей сестры.

— Леди Арья мне не сестра.

«*И я не улыбаюсь*, — добавил он про себя. — *Рамси ненавидел мою улыбку, поэтому прошёлся молотком по моим зубам. Я ем-то с трудом*».

— И никогда не была моей сестрой.

— Но она хорошенькая девушка.

«*Я никогда не была такой красивой, как Санса, но все говорили, что я хорошенькая*», — слова Джейни эхом отдавались у него в голове в такт барабанам двух других прачек Абеля.

Ещё одна из них затащила Малого Уолдера Фрея на стол, чтобы научить танцевать. Все мужчины хохотали.

— Оставь меня в покое, — повторил Теон.

— Я пришлась м'лорду не по вкусу? Могу прислать вам Миртл, если хотите. Или Холли, может вы её предпочтете. Всем мужчинам нравится Холли. Они мне тоже не сёстры, но они милые.

Женщина склонилась ближе. От неё пахло вином.

— Если не хотите подарить мне улыбку, то расскажите, как захватили Винтерфелл. Абель сложит об этом песню, и вы будете жить вечно.

— Как предатель. Как Теон Перевёртыш.

— Почему не как Ловкий Теон? Мы слышали, что вы совершили дерзкий поступок. Сколько воинов у вас было? Сотня? Пятьдесят?

«*Меньше*».

— Это было безумием.

— Славным безумием. Говорят, у Станниса пять тысяч, но Абель утверждает, что даже с войском, превышающим это число в десять раз, невозможно взять эти стены. Так как вы пробрались внутрь, м'лорд? Какой-то потайной ход?

«*С помощью верёвок и крюков. На моей стороне были темнота и внезапность. Замок слабо охранялся, а я застал их врасплох*», — подумал Теон, но вслух ничего не сказал. Если Абель сложит об этом песню, Рамси, наверняка, для верности проткнёт Вонючке барабанные перепонки, чтобы

тот никогда её не услышал.

— Вы можете доверять мне, м'лорд. Абель вот доверяет.

Прачка накрыла его затянутую в перчатку из кожи и шерсти ладонь своей обнажённой грубой рукой с длинными пальцами и изгрызенными ногтями.

— Вы не спросили, как меня зовут. Я Рябина.

Теон вырвал руку. Он знал, что это уловка. «*Её подослал Рамси. Очередная шутка, типа Киры с ключами. Весёлая забава, вот и всё. Думает, что я сбегу и дам ему повод наказать меня*».

Ему захотелось ударить её, стереть эту нахальную улыбку с её лица. Захотелось поцеловать её, взять прямо на этом столе и заставить выкрикивать его имя. Но он знал, что не посмеет её тронуть ни в ярости, ни в похоти. «*Вонючка, Вонючка, меня зовут Вонючка. Я не должен забывать своё имя*». Он вскочил и молча захромал к дверям на своих покалеченных ногах.

Снаружи всё ещё шёл снег. Мокрый, тяжёлый, тихий, он уже начал заметать следы тех, кто входил и выходил из зала. Сугробы были почти по колено. «*В Волчьем Лесу снег будет ещё глубже… и на Королевском Тракте, где завывает ветер, от которого нет спасенья*». Во дворе шло сражение.

Рисвеллы забрасывали парней из Барроутона снежками. Наверху, между башенками, оруженосцы лепили снеговиков. Мальчики вооружали их копьями и щитами, надевали им на головы шлемы и расставляли на внутренней стене, словно ряд снежных стражей.

— Лорд Зима привел к нам своё войско, — пошутил было один из стражей у Великого Чертога, не поняв сперва с кем говорит, но, увидев лицо Теона, отвернулся и сплюнул.

За палатками у коновязи дрожали от холода могучие боевые скакуны рыцарей из Белой Гавани и Близнецов. Захватив Винтерфелл, Рамси сжёг конюшни, и его отец построил новые, вдвое больше старых, для боевых коней и верховых лошадей своих знаменосцев и рыцарей. Остальные лошади были привязаны во дворе. Между ними ходили конюхи в капюшонах, укрывая животных попонами.

Теон направился дальше в разрушенную часть замка. Он прошел мимо развалин башни мейстера Ювина, провожаемый взглядами воронов, следивших за ним из дыры в стене и что-то каркавших друг другу. Время от времени одна из птиц издавала хриплый крик. Он постоял на пороге своей бывшей спальни, оказавшись по

щиколотку в снегу, который надуло через пустое окно, навестил руины кузницы Миккена и септы леди Кейтилин. Под Горелой Башней Теон встретил Рикарда Рисвелла, уткнувшегося носом в шею ещё одной «прачки» Абеля — пухленькой, с круглыми щёками и курносым носом. Закутанная в меховую накидку девушка стояла на снегу босиком. Теон подумал, что под плащом она, наверняка, голая. Заметив его, прачка сказала что-то Рисвеллу, от чего тот громко рассмеялся.

Теон поплёлся прочь от них. Ноги привели его за конюшни — к лестнице, которой редко пользовались. Ступеньки были крутыми и коварными. Он осторожно взобрался наверх и оказался в одиночестве на зубчатой вершине внутренней стены — вдали от оруженосцев и их снеговиков. Никто не разрешал ему свободно передвигаться по замку, но никто и не запрещал. В пределах стен он мог ходить куда угодно.

Внутренняя стена Винтерфелла была древнее и выше внешней. Её серые зубцы поднимались на сотню футов, а по углам располагались квадратные башни. Воздвигнутая много веков спустя Внешняя стена с восьмиугольными башнями вместо квадратных была на двадцать футов ниже, но толще и в лучшем состоянии. Между стенами

зиял ров — глубокий, широкий… и замёрзший. Постепенно на льду наросли сугробы. Снег намёл сугробы в проёмах между зубцами и нахлобучил на башни белые мягкие шапочки.

Внизу за крепостью, насколько хватало глаз, тянулся белый мир. Леса, поля, Королевский Тракт — всё укутала белая мягкая мантия, похоронив под собой останки Зимнего городка и скрыв почерневшие стены сожжённых Рамси домов. «*Снег спрятал раны, оставленные Сноу*»… Нет, не верно. Рамси теперь Болтон, не Сноу, только не Сноу.

Убегавший вдаль Королевский Тракт исчезал, теряясь среди полей и холмов этого бескрайнего белого пространства. А с безоблачного неба в полной тишине всё падал и падал снег. «*Где-то там замерзает Станнис Баратеон*». Попытается ли лорд Станнис захватить Винтерфелл в бурю? «*Если так, то его дело обречено*». Замок слишком силён. Несмотря на заледеневший ров, укрепления Винтерфелла оставались внушительными. Теон захватил замок хитростью, послав своих лучших людей перелезть через стены и переплыть ров под покровом ночи. Защитники даже не поняли, что на них напали, пока не стало слишком поздно. Такая уловка недоступна Станнису.

Возможно, он предпочтёт осадить замок и уморить защитников голодом. Кладовые и подвалы Винтерфелла пустовали. Вместе с Болтоном и его друзьями Фреями через Перешеек пришёл длинный обоз, леди Дастин привезла провизию из Барроутона, а лорд Мандерли — из Белой Гавани… Но войско оказалось слишком большим. Такому количеству голодных ртов их запасов надолго не хватит. «*Что ж, лорду Станнису и его людям тоже грозит голод. А ещё они замёрзли, стёрли ноги и не в том состоянии, чтобы сражаться… Но буря подстегнет их желание взять замок*».

Снег падал и над богорощей, но таял, едва коснувшись земли. Под укутанными в белые плащи деревьями земля превратилась в слякоть. В воздухе призрачными лентами клубился туман. «*Зачем я сюда пришёл? Это не мои боги. Здесь мне не место*». Перед ним возвышалось сердцедрево — белый великан с вырезанным ликом и листьями, похожими на окровавленные ладони.

Тонкая корочка льда затянула поверхность пруда под чардревом. Теон упал перед ним на колени.

— Пожалуйста, — прошептал он сквозь разбитые зубы, — я не хотел… — Слова застряли у него в горле. — Спасите меня, — наконец выговорил

он. — Пошлите мне…

«*Что? Силу? Смелость? Милосердие*?»

Но вокруг лишь тихо падал белый снег, равнодушный к его словам, да были слышны слабые тихие всхлипы.

«*Джейни*, — подумал Теон. — *Рыдает на своём брачном ложе. Кто же ещё это может быть? Боги не плачут. Или плачут*?»

Ему было слишком больно слышать звук этих рыданий. Схватившись за ветку, Теон поднялся на ноги, стряхнул снег и поковылял обратно на свет. «*В Винтерфелле живут призраки*, — подумал он, — *и я один из них*».

Вернувшись, Теон увидел, что во дворе выросло еще больше снеговиков. Оруженосцы слепили дюжину снежных лордов, чтобы те командовали снежными стражами на стенах. Самый толстый снеговик, какого Теону приходилось видеть, очевидно, изображал лорда Мандерли, однорукий — без сомнения, Харвуд Стаут, снежная леди — Барбри Дастин, а ближайший к двери, с бородой из сосулек — старый Амбер Смерть Шлюхам.

В чертоге повара половниками разливали похлёбку из говядины и овса, густо приправленную луком и морковью. Похлёбку подавали в вычищенных от мякоти караваях вчерашнего хлеба.

Объедки бросали на пол девочкам Рамси и другим собакам.

Девочки обрадовались Теону. Они узнавали его по запаху. Красная Джейн подпрыгнула, чтобы лизнуть его ладонь, а Хелисента забралась под стол и свернулась клубком у ног, обгладывая косточку. Хорошие собаки. Легко забыть, что все они носят имена девушек, убитых и затравленных Рамси.

Теон устал и достаточно проголодался, чтобы съесть немного похлёбки и запить её элем. К этому времени в зале стало шумно. Двое разведчиков Русе Болтона вернулись через Охотничьи Ворота и сообщили, что силы лорда Станниса ползут как улитки. По словам разведчиков, тяжёлые боевые кони рыцарей проваливаются в снег. Низкорослым, легконогим лошадкам горных кланов снег нипочём, но горцы боятся оторваться от остального войска. Лорд Рамси приказал Абелю сыграть походную песню в честь Станниса, продирающегося сквозь снег. Бард снова взялся за лютню, а одна из его прачек подхватила меч Кислого Алина и стала изображать Станниса, сражающегося с сугробами.

Теон допивал уже третью кружку, когда в зал вошла леди Барбри Дастин и послала за ним двух

своих рыцарей. Она оглядела представшего перед ней Теона с ног до головы и принюхалась.

— На тебе та же одежда, что была на свадьбе?

— Да, миледи. Та, что мне дали.

Это был один из уроков, которые он выучил в Дредфорте: бери, что дают, и не проси большего.

Леди Дастин как всегда была одета в чёрное, хотя на этот раз рукава её платья были отороченны беличьим мехом, а лицо обрамлял жёсткий воротник.

— Ты знаешь этот замок.

— Когда-то знал.

— Там внизу есть крипта, где в темноте спят древние Старки. Мои люди не смогли найти вход в неё. Они обыскали все подвалы, погреба и даже темницы, но…

— В крипту нельзя попасть через темницы, миледи.

— Покажешь, как туда войти?

— Там нет ничего, кроме…

— … мёртвых Старков? Так уж случилось, что все любимые мною Старки мертвы. Ты знаешь, как туда попасть или нет?

— Знаю.

Он не любил крипту, никогда не любил, но хорошо знал её.

— Покажи мне. Сержант, принесите факел.

— Миледи потребуется тёплый плащ, — предупредил Теон. — Вход снаружи.

Леди Дастин закуталась в собольи меха и вместе с Теоном покинула зал, выйдя в усилившийся снегопад. Съёжившиеся под плащами от холода стражники мало чем отличались от снеговиков. Только по морозному дыханию можно было понять, что часовые ещё живы. На стене, тщетно пытаясь разогнать тьму, горели огни. Маленький отряд во главе с Теоном с трудом прокладывал себе дорогу сквозь девственно-белую гладь снега, доходившего им почти до колен. Палатки во дворе наполовину завалило снегом, и они прогибались под его тяжестью.

Вход в крипту находился в самой старой части замка — у подножия Первой Твердыни, которую не использовали уже сотни лет. Захватив Винтерфелл, Рамси предал её огню, и большая часть того, что не сгорело, обрушилась. Остался лишь открытый всем ветрам и метелям каркас. Вокруг валялись засыпанные снегом огромные куски каменной кладки, сгоревшие балки и разбитые горгульи. Жуткое оскалившееся лицо одной из них торчало из сугроба, устремив свои слепые глаза в небеса.

«*Вот здесь нашли упавшего со стены Брана*». Теон в тот день охотился вместе с лордом Эддардом и королём Робертом, не имея ни малейшего понятия о тех ужасных новостях, что ждали их по возвращении в замок. Он вспомнил лицо Робба, когда тому рассказали о несчастье. Никто не ожидал, что разбившийся мальчик выживет. «*Боги не смогли убить Брана, как и я*», — пришла ему в голову странная мысль. Но самым странным было знать, что Бран до сих пор мог быть жив.

— Здесь. — Теон указал на громадный сугроб у подножия стены. — Под ним. Ищите разбитые камни.

У людей леди Дастин ушло минут пятнадцать на то, чтобы очистить вход, разгребая снег и откидывая щебень. После этого выяснилось, что дверь наглухо запечатало льдом, и сержанту пришлось сходить за топором. Наконец заскрипели петли, и дверь распахнулась, открыв каменные ступени, спиралью спускавшиеся во тьму.

— Вниз идти далеко, миледи,– предупредил Теон.

Леди Дастин была непреклонна.

— Берон, посвети.

Путь по истёртым за века ступеням был узким и крутым. Они шли по одному: сержант с факелом,

Теон, леди Дастин и ещё один человек позади. Теон всегда считал крипту холодной. Летом так и было, но сейчас — чем ниже они спускались, тем теплее становился воздух. Не тёплым, совсем нет, но теплее, чем на поверхности. Внизу, под землёй, царила вечная прохлада.

— Новобрачная плачет, — произнесла леди Дастин, пока они шаг за шагом осторожно шли по лестнице. — Наша маленькая леди Арья.

«*Теперь внимательно. Внимательно, внимательно*». — Он опёрся рукой о стену. Из-за движущегося света казалось, будто ступени уходят у него из-под ног.

— Как… как скажете, м'леди.

— Русе недоволен. Передай это своему бастарду.

«*Он не мой бастард*, — хотел ответить Теон, но другой голос у него внутри возразил: — *Нет. Это правда. Вонючка принадлежит Рамси, а Рамси принадлежит Вонючке. Ты не должен забывать своё имя*».

— Бесполезно рядить её в бело-серое, если девчонка не прекратит рыдать. Фреям, может, всё равно, но северянам... Они боятся Дредфорта, но любят Старков.

— Но не вы, — произнес Теон.

— Не я, — согласилась леди Барроутона. — Но остальные любят. Старик Смерть Шлюхам здесь только потому, что Фреи держат в заложниках Большого Джона. По-твоему, Хорнвуды забыли предыдущий брак Бастарда? То, как его жена умерла от голода, обгладывая собственные пальцы? Как ты считаешь, о чём они думают, слыша плач новобрачной? Драгоценной дочурки отважного Неда.

«*Нет*, — подумал он. — *Она не кровь лорда Эддарда, её зовут Джейни, она просто дочка стюарда*». — Теон не сомневался, что у леди Дастин возникли подозрения, но всё же…

— Слёзы леди Арьи вредят нам больше, чем все мечи и копья Станниса. Если Бастард намерен остаться правителем Винтерфелла, лучше ему научить свою жену смеяться.

— Миледи, — прервал её Теон. — Мы пришли.

— Ступени ведут дальше вниз, — заметила леди Дастин.

— Там нижние уровни. Более старые. Насколько я знаю, самый нижний из них частично обвалился. Я никогда там не был.

Он толкнул дверь и повел их в длинный сводчатый туннель мимо уходивших во тьму парных гранитных столпов.

Сержант леди Дастин поднял факел. По стенам скользили изменчивые тени. «*Крохотный огонёк посреди великой тьмы*». В крипте Теон всегда чувствовал себя неуютно. Казалось, статуи королей, сжимавших в каменных руках проржавевшие мечи, взирают на него своими каменными глазами. Никто из них не питал любви к железнорожденному. Теона охватил хорошо знакомый страх.

— Так много, — произнесла леди Дастин. — Ты знаешь их по именам?

— Когда-то знал… но это было давным-давно. — Теон указал пальцем. — На этой стороне Короли Севера. Последний из них — Торрхен.

— Преклонивший Колено.

— Да, миледи. После него были только лорды.

— До Молодого Волка. Где гробница Неда Старка?

— В конце. Сюда, миледи.

Их шаги отдавались эхом в туннеле, когда они проходили мимо столпов, провожаемые взглядами каменных мертвецов и их каменных лютоволков. Лица статуй пробудили слабые воспоминания. На память пришло несколько непрошеных имен, нашептанных призрачным голосом мейстера Лювина. Король Эдрик Снежная Борода, правивший севером сотню лет.

Брандон-Корабельщик, уплывший в закат. Теон Старк, по прозвищу Голодный Волк. «*Мой тёзка*». Лорд Берон Старк, заключивший союз с Кастерли Рок против лорда Пайка Дагона Грейджоя в те дни, когда Семью Королевствами управлял бастард-колдун по прозвищу Кровавый Ворон, король во всём, кроме имени.

— У этого короля нет меча, — заметила леди Дастин.

Так и было. Теон не помнил, чья это статуя, но её меч исчез, остались только следы ржавчины. Это встревожило юношу. Он слышал, что железо мечей удерживает души умерших в гробницах. Если меча нет…

«*В Винтерфелле живут призраки. И я один из них*».

Они пошли дальше. Лицо Барбри Дастин становилось жёстче с каждым шагом. «*Ей это место нравится не больше моего*». Теон услышал свой голос:

— Миледи, почему вы ненавидите Старков?

Она окинула его оценивающим взглядом.

— По той же причине, по какой ты их любишь.

Теон запнулся.

— Люблю? Я никогда… Я отобрал у них этот замок, миледи. Я… убил Брана и Рикона, насадил

их головы на пики, я…

— … отправился на юг с Роббом Старком, сражался с ним в Шепчущем Лесу и в Риверране, вернулся его послом на Железные Острова к своему отцу. Барроутон тоже послал людей к Молодому Волку. Но так мало, насколько я могла осмелиться, не рискуя навлечь на себя гнев Винтерфелла. В этом войске у меня были свои глаза и уши. Я знаю, кто ты. Я знаю, что ты. Теперь ответь на мой вопрос. Почему ты любишь Старков?

— Я… — Теон положил руку в перчатке на столп. — … я хотел быть одним из них…

— И ни за что не смог бы. У нас с тобой больше общего, чем ты думаешь.

Они остановились у стоявших рядом трёх гробниц.

— Лорд Рикард, — заметила леди Дастин, глядя на возвышавшийся посередине памятник — длиннолицый, бородатый, торжественный, с такими же каменными глазами, что и у остальных, но в них читалась печаль. — У него тоже не хватает меча.

Она была права.

— Кто-то побывал здесь и украл мечи. У Брандона тоже нет.

— Он бы разъярился.

Она стащила с руки перчатку и коснулась колена памятника. Бледная кожа на темном камне.

— Брандон обожал свой меч, любил точить его. «Хочу сделать его таким острым, чтобы им можно было обрить волосы у женщины на лобке», — говаривал он. И применять его любил. «Окровавленный клинок прекрасен», — сказал он мне однажды.

— Вы были знакомы, — произнёс Теон.

В свете факела её глаза полыхнули огнем.

— Брандона воспитывал в Барроутоне старый лорд Дастин, отец моего будущего мужа. Но большую часть времени Брандон проводил в поездках к Родникам. Ему нравилось ездить верхом. Младшая сестра пошла по его стопам. Эти двое были просто парой кентавров. А моему отцу льстило принимать наследника Винтерфелла. Ради возвышения дома Рисвеллов он бы отдал мою девственность первому встречному Старку, но в этом не было нужды. Брандон никогда не стеснялся брать то, что хотел. Сейчас я высохшая, старая вдова, но всё ещё помню вид моей девственной крови на его члене в ту ночь, когда он взял меня. Думаю, ему это зрелище тоже понравилось. Да, окровавленный клинок прекрасен. Было больно, но то была сладкая боль.

Но когда я узнала, что Брандон женится на Кейтилин Талли… В *этой* боли не было ничего сладкого. Он никогда не хотел её, можешь мне поверить. Он так и сказал мне в нашу последнюю ночь… но лорд Рикард тоже желал возвышения Старков за счёт юга — женитьба сына на дочери собственного вассала была ему ни к чему. Потом мой отец лелеял надежду выдать меня замуж за брата Брандона — Эддарда, но Кейтилин Талли заполучила и его. А я осталась с молодым лордом Дастином, пока Нед Старк не отобрал его у меня.

— Восстание Роберта…

— Мы с лордом Дастином не были женаты и полугода, когда восстал Роберт, и Нед Старк созвал свои знамёна. Я умоляла мужа остаться. У него были родичи, которых он мог послать вместо себя: дядя — признанный мастер боевого топора, двоюродный дедушка, сражавшийся на Войне Девятигрошёвых Королей. Но Дастин был мужчиной и лопался от гордости, он не мог не возглавить знамена Барроутона. В дорогу я подарила ему коня — рыжего жеребца с огненной гривой, гордость конюшен моего отца. Мой господин поклялся, что вернётся на нём домой, когда война закончится.

— На обратном пути в Винтерфелл Нед Старк

вернул мне коня. Он сказал, что лорд Дастин погиб благородно, и его тело похоронили под красными горами Дорна. Однако кости своей сестры он привёз назад, и она лежит здесь… Но я даю тебе слово, кости лорда Эддарда никогда не упокоятся рядом с ней. Я хочу скормить их своим псам.

Теон не понял:

— Его… его кости?..

Её губы изогнулись в отвратительной улыбке, напомнившей ему Рамси.

— Перед Красной Свадьбой Кейтилин Талли отправила останки лорда Эддарда на север, но твой железный дядюшка захватил Ров Кейлин и преградил путь. С тех пор я за этим слежу. Если кости когда-нибудь вынырнут из болот, то не доедут дальше Барроутона.

Напоследок она задержала взгляд на статуе Эддарда Старка.

— Мне больше нечего здесь делать.

Буран всё ещё бушевал, когда они вышли из крипты. Пока поднимались, леди Дастин молчала, но когда они вернулись к руинам Первой Твердыни, она вздрогнула и сказала:

— Тебе лучше помалкивать о том, что я говорила внизу. Понял?

Само собой.
— Прикушу язык или потеряю его.
— Русе Болтон хорошо тебя выдрессировал.
На этом она с ним рассталась.

Глава 42. Королевский трофей

Выползая из-за бревенчатого частокола длинной стальной змеёй, королевское войско покинуло Темнолесье в лучах золотого восхода.

Помятые и поцарапанные в сражениях, но до сих пор блестящие кольчуги и доспехи южных рыцарей сверкали на солнце, а их выцветшие, покрытые пятнами, рваные и штопаные знамена и сюрко всё ещё являли буйство красок на фоне зимнего леса. Лазурный и оранжевый, красный и зелёный, лиловый, синий и золотой мелькали среди голых коричневых стволов, серо-зелёных сосен, страж-деревьев и сугробов грязного снега.

Каждого рыцаря сопровождали свои оруженосцы, слуги, солдаты. За ними шагали оружейники, повара и конюхи, ряды копейщиков, воинов с топорами и лучников, пережившие сотню сражений седые ветераны и не бывавшие на поле боя зелёные мальчишки. Впереди шли кланы с холмов. Вожди и лучшие бойцы ехали верхом на мохнатых лошадках, волосатые воины маршировали рядом, в мехах, варёной коже и старых кольчугах. Некоторые раскрасили лица корич-

невым и зелёным и прицепили на головы ветки, чтобы не выделяться среди деревьев.

За главной колонной следовал обоз: мулы, лошади, волы, растянувшиеся на милю телеги и повозки, нагруженные провизией, кормом для животных, палатками и другими припасами. В арьергарде же вновь ехали рыцари в броне и кольчугах, а незаметно следующие разъезды не позволяли врагу застать армию врасплох.

Аша Грейджой ехала в обозе — в закрытой повозке, передвигавшейся на двух огромных колёсах, обитых железом. Скованная по рукам и ногам пленница денно и нощно находилась под присмотром Медведицы, храпевшей хуже любого мужика. Его величество король Станнис не оставил своему трофею никаких шансов на побег. Он собирался привезти её в Винтерфелл и показать северным лордам скованную и сломленную дочь кракена в качестве доказательства своей силы.

В пути колонну сопровождали трубы. Острия копий сверкали в лучах восходящего солнца, а росшая по обочинам трава сияла от утренней изморози. Между Темнолесьем и Винтерфеллом лежала сотня лиг непролазного леса. Три сотни миль полёта ворона.

— Пятнадцать дней, — говорили друг другу

рыцари.

— Роберт проделал бы этот путь за десять, — услышала Аша похвальбу лорда Фелла. — Роберт сразил его деда у Летнего Замка, но почему-то в глазах внука это сделало убийцу божеством. — Роберт был бы в Винтерфелле уже две недели назад и, стоя на башне, показывал нос Болтону.

— Лучше не говорить такое при Станнисе, — посоветовал Джастин Масси. — Не то он заставит нас идти не только днём, но и ночью.

«*Этот король живёт в тени своего брата*», — подумала Аша.

Её лодыжка всё ещё болела при любой попытке на неё опереться. Без сомнения, есть перелом. Опухоль спала ещё в Темнолесье, но боль осталась. Растяжение уже наверняка прошло бы. Цепи гремели от каждого её движения. Кандалы ранили не только запястья, но и гордость. Но такова цена покорности.

— Ни один человек не умер от того, что преклонил колена, — сказал ей однажды отец. — Вставший на колени может подняться вновь с клинком в руке. Кто не поклонился, пожалев спину, останется мертвым и только.

Бейлон Грейджой подтвердил правдивость своих слов, когда его первое восстание провалилось;

кракен склонился перед оленем и лютоволком только для того, чтобы подняться вновь, когда Роберта Баратеона и Эддарда Старка уже не было в живых.

Так же поступила дочь кракена в Темнолесье, когда её доставили к королю, связанную и охромевшую (но, слава богу, не изнасилованную), с пылающей от боли ногой.

— Сдаюсь, ваше величество. Поступайте со мной, как вам будет угодно. Прошу лишь пощадить моих людей.

Она беспокоилась только о Кварле, Трисе и остальных выживших в Волчьем Лесу. Уцелело всего девять. «*Наша драная девятка*», — так назвал их Кромм, самый израненный из всех.

Станнис пожаловал ей их жизни. И всё же она не чувствовала в этом человеке настоящего милосердия. Он полон решимости, вне всякого сомнения, и не испытывает недостатка в отваге. Говорили, что он справедлив… и если его справедливость беспощадна, что ж, жизнь на Железных Островах приучила Ашу Грейджой и к такому. И всё-таки король ей не нравился. Эти глубоко посаженные, голубые, прищуренные от вечной подозрительности глаза, скрывающие кипение холодной ярости. Её жизнь ничего для него не

значила. Она всего лишь заложница, трофей, выставленный напоказ северу, свидетельство способности одолеть железнорожденных.

«*Глупо с его стороны*». Победа над женщиной вряд ли поразит северян, насколько она может о них судить, а её ценность как заложника более чем ничтожна. Теперь Железными Островами правит её дядя, а Вороньему Глазу наплевать, жива она или нет. Вот мужу — жалкой развалине, навязанной ей Эуроном — возможно, и не наплевать, но Эрику Айронмакеру не хватит денег на выкуп. Но такие вещи не объяснишь Станнису Баратеону. Казалось, сам её пол оскорблял его. Она знала, что мужчины из зелёных земель предпочитают видеть своих женщин кроткими и нежными, одетыми в шелка, а не в коже и железе с метательным топором в каждой руке. Но недолгое общение с королём в Темнолесье убедило её, что и в платье она понравилась бы ему не больше прежнего. Даже с женой Галбарта Гловера, благочестивой леди Сибиллой, он хоть и был учтив, но чувствовал себя откровенно неуютно. Похоже, этот южный король принадлежит к числу мужчин, для которых женщины — существа другой расы, такие же таинственные и непостижимые, как великаны, грамкины и Дети Леса. Медведица

тоже заставляла его скрежетать зубами.

Была только одна женщина, к которой Станнис прислушивался, но её он оставил на Стене.

— По мне лучше бы она была с нами, — признался сир Джастин Масси, светловолосый рыцарь, командующий обозом. — Последний раз мы пошли в бой без леди Мелисандры на Черноводной, когда тень короля Ренли напала на нас и загнала половину войска в залив.

— Последний раз? — переспросила Аша. — Разве эта колдунья была в Темнолесье? Я не видела её.

— Едва ли это можно называть битвой, — произнёс сир Джастин, улыбаясь. — Ваши железнорожденные сражались отважно, но нас было во много раз больше, к тому же мы застигли вас врасплох. Винтерфелл же узнает о нашем приближении. И людей у Русе Болтона не меньше, чем у нас.

«*Или больше*», — подумала Аша.

Даже у пленников есть уши, и она слышала весь разговор в Темнолесье, когда король Станнис и его полководцы обсуждали этот поход. Сир Джастин выступал против него с самого начала, как и многие другие рыцари и лорды, пришедшие со Станнисом с юга. Но волки стояли на своём. Нужно отобрать Винтерфелл у Русе Болтона и вызволить дочку Неда из лап его бастарда. Так го-

ворили Морган Лиддль, Брандон Норри, Большое Ведро Вулл, Флинты и даже Медведица.

— Между Темнолесьем и Винтерфеллом сотня лиг, — сказал Артос Флинт в ту ночь, когда споры в великом чертоге Галбарта Гловера дошли до кипения. — Три сотни миль полета ворона.

— Долгий переход, — согласился рыцарь по имени Корлисс Пенни.

— Не настолько уж и долгий, — настаивал сир Годри, могучий рыцарь по прозвищу Убийца Великанов. — Мы уже прошли не меньше. Владыка Света осветит наш путь.

— А что будет, когда мы подойдем к Винтерфеллу? — произнес Джастин Масси. — Две стены, разделённые рвом, внутренняя стена высотой сотню футов. Болтон ни за что не выйдет встречать нас в поле, а для осады нам не хватит запасов.

— Не забывайте, что к нам присоединится Арнольф Карстарк, — сказал Харвуд Фелл. — Как и Морс Амбер. У нас будет столько же северян, сколько и у лорда Болтона. А к северу от замка растет густой лес. Мы построим осадные башни, тараны…

«*И погибнете тысячами*», — подумала Аша.

— Может, лучше перезимовать здесь, — пред-

ложил лорд Писбери.

– *Зимовать* здесь? — проревел Большое Ведро. — Сколько, по-вашему, пищи и фуража припас Галбарт Гловер?

Тогда сир Ричард Хорп, рыцарь с обезображенным шрамами лицом и бабочками «мёртвая голова» на плаще, повернулся к Станнису и произнёс:

— Ваше величество, ваш брат…

Король прервал его.

— Мы все знаем, что сделал бы мой брат. Роберт поскакал бы к воротам Винтерфелла в одиночку, разбил бы их своим боевым молотом и проехал по обломкам, чтобы убить Русе Болтона левой рукой, а Бастарда — правой.

Станнис поднялся.

— Я не Роберт. Но мы выступим и освободим Винтерфелл… или погибнем, попытавшись это сделать.

Какие бы сомнения ни испытывали его лорды, простые люди, похоже, верили в своего короля. Станнис разбил одичалых Манса Налётчика у Стены, изгнал Ашу и её железнорожденных из Темнолесья. Он брат Роберта, победитель в знаменитом морском сражении у Ярмарочного Острова, человек, удерживавший Штормовой

Предел в течение всего восстания Роберта, и обладатель чудесного меча, зачарованного клинка Светозарного, чьё сияние освещает ночь.

— Наши враги не так грозны, как кажутся, — убеждал Ашу сир Джастин в первый день похода. — Русе Болтона боятся, а не любят. А его друзья Фреи… Север не забыл Красную Свадьбу. Каждый лорд в Винтерфелле потерял там кого-то из родных. Станнису достаточно пустить Болтону кровь, и северяне покинут его.

«*Надейтесь на это*, — подумала Аша, — *но сперва, кровь нужно пустить. Только дурак бросит побеждающую сторону*».

В тот первый день сир Джастин навещал повозку с полдюжины раз, чтобы принести ей еды, питья и новости о продвижении. Улыбчивый, всегда с шуткой на устах, крупный и тучный, с розовыми щёками, голубыми глазами и белокурыми, как лён, развевавшимися на ветру волосами, рыцарь был внимательным надзирателем и неустанно заботился об удобстве своей пленницы.

— Он хочет тебя, — сказала Медведица после третьего визита.

На самом деле её звали Алисанна из рода Мормонтов, но она носила прозвище так же легко, как

свою кольчугу. Невысокая, коренастая, мускулистая наследница Медвежьего острова отличалась широкими бёдрами, огромной грудью и большими мозолистыми руками. Даже отправляясь спать, она не снимала кольчугу, варёную кожу и старую овечью шкуру, вывернутую наизнанку для тепла. Благодаря всему этому многослойному одеянию, она выглядела поперёк себя шире. «*И свирепо*». Иногда Аша Грейджой забывала, что они с Медведицей почти ровесницы.

— Мои земли он хочет, — отозвалась Аша. — Железные Острова.

Признаки были ей знакомы, она замечала их прежде и у других ухажёров. Наследственные владения Масси далеко на юге были для него потеряны, так что ему оставалось либо выгодно жениться, либо смириться с ролью обычного королевского рыцаря. Аша была наслышана о том, что Станнис разбил надежды сира Джастина на брак с принцессой одичалых, так что теперь рыцарь положил глаз на неё. Без сомнения, он мечтает посадить её на Морской Трон Пайка и править, как её муж и господин. Только для этого ему пришлось бы избавить её от нынешнего мужа и господина, не говоря уж о дяде, который их поженил. «*Это вряд ли*, — подумала Аша. —

Вороний Глаз проглотит сира Джастина и даже не поперхнётся».

Неважно. Отцовские земли никогда не будут принадлежать ей, за кого бы она ни вышла. Железнорожденные не умеют прощать, а Аша потерпела поражение уже дважды. Сперва на вече от своего дяди Эурона, потом в Темнолесье от Станниса. Более чем достаточно, чтобы заклеймить её, как неспособную править. Брак с Джастином Масси или с любым другим приспешничком Станниса Баратеона принёс бы больше вреда, чем пользы. «*В конце концов, дочь кракена оказалась всего лишь женщиной*, — скажут капитаны и короли. — *Посмотрите, как она раздвигает ноги перед изнеженным лордом из зелёных земель*».

Однако если сир Джастин желал заслужить её благосклонность угощеньем и разговором, Аша не собиралась ему мешать. С ним всё же лучше, чем с молчаливой Медведицей, а другой компании среди пяти тысяч врагов у неё нет. Трис Ботли, Кварл Девица, Кромм, Роггон и прочие, выжившие из её побитого отряда, остались в Темнолесье, в темницах Галбарта Гловера.

В первый день армия прошла двадцать две мили по расчётам проводников, выделенных им

леди Сибиллой. Это были следопыты и охотники из присягнувших Темнолесью кланов: Форрестеров и Вудсов, Бранчей и Боулов. Во второй день войско покрыло двадцать четыре мили, и авангард, покинув владения Гловеров, вступил в гущу Волчьего Леса.

— Рглор, пошли нам свой свет и проведи сквозь мрак, — молились верующие этой ночью — множество южных рыцарей и солдат, собравшихся вокруг ревущего рядом с королевским шатром пламени.

Аша назвала бы их людьми короля, но остальные выходцы из штормовых и коронных земель звали их людьми королевы… Хотя королевой, которой они служили, была красная женщина в Чёрном Замке, а не жена, которую Станнис оставил в Восточном Дозоре у Моря.

— О, Владыка Света, мы взываем к тебе, обрати к нам свой пламенный взор и сбереги нас от врагов и холода, — пели они огню, — ведь ночь темна и полна ужасов.

Возглавлял их огромный рыцарь по имени сир Годри Фарринг. «*Годри Убийца Великанов. Слишком громкое имя для такого человечка*». Под кольчугой Фарринг был широкогруд и мускулист. А кроме того, высокомерен, суетен, жаден

до славы, глух к предостережениям и ненасытен до похвал. Простые люди, волки и женщины вызывали у него лишь презрение. В последнем он не отличался от короля.

— Позвольте мне ехать на лошади, — попросила Аша сира Джастина, когда тот подъехал к повозке с половиной окорока. — Я схожу с ума в этих цепях. Даю вам слово, что не сбегу.

— Если бы я мог, миледи. Вы пленница короля, а не моя.

— Ваш король не поверит слову женщины.

Медведица заворчала.

— С чего бы нам верить слову железнорожденной после того, что твой брат сотворил в Винтерфелле?

— Я — не Теон, — настаивала Аша… но цепи остались на месте.

Когда сир Джастин поехал вдоль колонны, она поняла, что думает о том, как видела мать последний раз. Это было на Харло, в Десяти Башнях. В покоях матери мерцала свеча, но большая резная кровать под пыльным пологом пустовала. Леди Аланнис сидела у окна, вглядываясь в море.

— Ты привела моего малыша? — спросила она дрожащими губами.

— Теон не смог придти, — ответила Аша, глядя

на то, что осталось от женщины, которая подарила ей жизнь, матери, потерявшей двух сыновей. А третий…

«*Я посылаю каждому из вас кусочек принца*».

Чем бы ни кончилось предстоящее в Винтерфелле сражение, Аша Грейджой не надеялась, что её брат выживет. «*Теон Перевёртыш. Даже Медведица хочет насадить его голову на копьё*».

— У тебя есть братья? — спросила Аша свою надзирательницу.

— Сёстры, — грубовато, как всегда, ответила Алисанна. — Нас было пять. Все девочки. Лианна на Медвежьем Острове, Лира и Джори с нашей матерью, Дэйси убили.

— Красная Свадьба.

— Да. — Алисанна глянула на Ашу. — У меня есть сын. Ему всего два. А дочери девять.

— Ты рано начала.

— Слишком рано. Но это лучше, чем слишком поздно.

«*Выпад в мою сторону*, — подумала Аша. — *Но пусть будет так*».

— Ты замужем?

— Нет. Мои дети от медведя. — Алисанна улыбнулась. Несмотря на кривые зубы, в её улыбке было что-то располагающее. — Все женщины

Мормонтов — оборотни. Мы превращаемся в медведиц и находим пару в лесу. Это всем известно.

Аша улыбнулась в ответ.

— Все женщины Мормонтов ещё и воительницы.

Улыбка женщины погасла.

— Это вы нас сделали такими. На Медвежьем Острове каждый ребёнок учится бояться кракенов, приходящих с моря.

«*Древний обычай*». Аша отвернулась, цепи слегка звякнули. На третий день лес окружил их плотной стеной, и разбитые дороги превратились в тропы, вскоре оказавшиеся слишком узкими для широких телег. Иногда они проезжали мимо знакомых мест: каменистого холма, похожего на волчью голову, если посмотреть под определённым углом, полузамерзшего водопада, природной каменной арки, поросшей серо-зелёным мхом. Аша их помнила. Она проезжала этим путем в Винтерфелл, чтобы убедить своего брата Теона отказаться от захваченного и вернуться с ней в безопасность Темнолесья. «*И в этом я тоже потерпела неудачу*».

В тот день они прошли четырнадцать миль и были этому рады.

Когда опустились сумерки, возница съехал с

пути под дерево. Пока он распрягал лошадей, появился сир Джастин и снял кандалы с лодыжек Аши. Они с Медведицей провели её через лагерь к шатру короля. Хоть и пленница, она всё ещё оставалась Грейджой Пайка, и Станнису Баратеону доставляло удовольствие кормить её объедками с собственного стола, за которым он ужинал со своими полководцами и командирами.

Королевский шатёр почти не уступал размерами великому чертогу Темнолесья, но кроме величины в нём ничего выдающегося не было. Плотные стены из тяжелого жёлтого холста сильно выцвели, запачкались и покрылись пятнами плесени. На конце центрального опорного шеста развевался золотой королевский стяг с головой оленя внутри пылающего сердца. С трёх сторон шатёр короля окружали палатки пришедших со Станнисом южных лордов. С четвёртой стороны горел костер, вспарывая темнеющее небо языками пламени.

Дюжина мужчин рубили бревна, чтобы поддерживать огонь, когда Аша прихромала к палатке со своими надзирателями. «*Люди королевы*». Они поклонялись ревнивому Красному Рглору. Её Утонувший Бог Железных Островов в их глазах был демоном, и не прими она этого Владыку Света,

её бы прокляли и обрекли на смерть. «*Они бы сожгли меня с неменьшим удовольствием, чем эти брёвна и сломанные ветки*». Она своими ушами слышала, как после сражения в лесу некоторые именно это и предлагали. Станнис отказался.

Король стоял у палатки и смотрел на огонь. «*Что он там видит? Победу? Погибель? Лик своего красного голодного бога*?». Глаза Станниса ввалились, коротко остриженная борода выглядела тенью на впалых щеках и костлявом подбородке. Но его взгляд источал силу и свирепую решимость, которая говорила Аше, что этот человек никогда-никогда не свернёт со своего пути.

Она преклонила перед ним колено.

— Сир.

«*Достаточно ли я унижена, ваше величество? Достаточно ли я избита, согнута и сломлена на ваш вкус*?»

— Молю вас, снимите с меня эти цепи. Позвольте мне ехать верхом. Я не попытаюсь бежать.

Станнис посмотрел на неё, как на облюбовавшую его ногу собачонку.

— Ты заслужила эти оковы.

— Заслужила. Но теперь я предлагаю вам моих людей, мои корабли, мой ум.

— Твои корабли либо и так мои, либо сожжены. Твои люди… сколько их осталось? Десять? Двенадцать?

«*Девять. Шесть, если считать только способных сражаться*».

— Дагмер Щербатый удерживает Торрхенов Удел. Свирепый боец, преданный слуга дома Грейджой. Я могу отдать вам замок, как и его гарнизон.

«*Возможно*», — могла добавить она, но не стоило признаваться в сомнениях этому королю.

— Торрхенов Удел не стоит и грязи на моих сапогах. Важен только Винтерфелл.

— Снимите эти кандалы и позвольте мне помочь вам его захватить. Венценосный брат вашего величества был известен тем, что превращал побеждённых врагов в друзей. Позвольте мне сражаться за вас.

— Боги создали женщину не для сражений. Как я могу это изменить?

Станнис повернулся к костру и видениям, что плясали среди оранжевых языков пламени.

Сир Джастин Масси схватил Ашу за руку и затащил в королевский шатёр.

— Это было глупо, миледи, — сказал он ей. — Никогда не говорите с ним о Роберте.

«*Мне следовало бы догадаться*». Аша знала, как бывает с младшими братьями. Она помнила Теона мальчиком — застенчивым ребёнком, жившим в благоговейном ужасе перед Родриком и Мароном. «*С возрастом ничего не меняется*, — подумала она. — *Младший брат может дожить до ста лет, но всегда будет младшим братом*». Она громыхнула своими железными украшениями и представила, как было бы приятно зайти Станнису за спину и задушить его цепью, сковывающей её запястья.

Этим вечером на ужин в королевском шатре подали рагу из тощего оленя, пойманного разведчиком по имени Бенджикот Бранч. Но за холщовыми стенами каждый получил лишь горбушку хлеба, кусок чёрной колбаски, длиной не больше пальца, да остатки эля Галбарта Гловера.

Сотня лиг от Темнолесья до Винтерфелла. Три сотни миль полёта ворона.

— Хорошо быть вороном, — сказал Джастин Масси на четвёртый день похода, когда пошёл снег.

Всё началось с парочки небольших снегопадов. Холодно, сыро, но ничего такого, с чем они не смогли бы справиться.

Но назавтра тоже шёл снег, и послезавтра, и

послепослезавтра. Густые бороды волков покрылись ледяной коркой, а каждый чисто выбритый южанин отпустил бакенбарды, чтобы лицу было теплее, даже мальчишки. Вскоре земля впереди колонны укрылась белым одеялом, скрывшим камни, торчащие корни и бурелом, и каждый шаг стал рискованной затеей. К тому же поднялся ветер, взметая перед ними снежную пургу. Войско короля превратилось в колонну снеговиков, плетущихся сквозь доходящие до колен сугробы.

На третий день снегопада воинство короля начало разделяться. Там, где южные рыцари и лорды испытывали серьёзные трудности, горцы справлялись намного лучше. Их лошадки крепко стояли на ногах и ели меньше верховых лошадей, не говоря уже о могучих боевых конях, а их всадники чувствовали себя в снегу как дома. Многие волки носили необычную обувь. Они называли странные вытянутые штуковины, сделанные из согнутых деревяшек и полосок кожи, медвежьими лапами. Прикрепив их к подошвам сапог, люди как-то умудрялись идти по снегу, не ломая наст и не проваливаясь по самые бёдра.

У некоторых были медвежьи лапы и для лошадей. Мохнатые низкорослые лошадки носили их так же легко, как другие скакуны железные

подковы… но верховые лошади и боевые кони не желали в них ходить. Когда несколько рыцарей короля всё же попытались прикрепить их к ногам своих лошадей, крупные южные кони встали и отказывались двигаться дальше, или же пытались скинуть эти штуки. Один из боевых коней, пытаясь в них идти, сломал лодыжку.

Северяне в своих медвежьих лапах вскоре обогнали остальное войско, заняв место рыцарей в главной колонне. Следом за ними шёл сир Годри Фарринг со своим авангардом. А тем временем повозки и телеги обоза отставали всё больше и больше — настолько, что арьергарду приходилось постоянно подгонять их.

На пятый день бури обоз продвигался по череде сугробов высотой по пояс, скрывших под собой замёрзший пруд. Когда невидимый под снегом лёд сломался под тяжестью телег, холодная вода поглотила четырёх лошадей, троих возниц и двух попытавшихся их спасти людей, в том числе Харвуда Фелла. Рыцари успели вытащить его живым, но к тому времени его губы посинели, а кожа побелела как молоко. Все попытки согреть беднягу ни к чему не привели. Много часов подряд сира Харвуда Фелла била сильная дрожь, даже несмотря на то что с него срезали промокшую

одежду, закутали в теплые меха и усадили у огня. Той же ночью он провалился в лихорадочный сон, из которого так и не проснулся.

Тогда-то Аша впервые услышала, как люди королевы шепчутся о жертве, подношении их красному богу, которое может положить конец снегопаду.

— Боги севера обрушили на нас эту бурю, — сказал сир Корлисс Пенни.

— Ложные боги, — возразил сир Годри Убийца Великанов.

— С нами Рглор, — заявил сир Клейтон Саггс.

— А Мелисандра — нет, — произнес Джастин Масси.

Король молчал. Но Аша не сомневалась, что он всё слышал. Станнис сидел за высоким столом с нетронутой тарелкой остывающего лукового супа и смотрел в пламя ближайшей свечи, прикрыв глаза и не обращая внимания на разговоры вокруг. За него высказался следующий по старшинству — худощавый высокий рыцарь Ричард Хорп.

— Скоро буря должна закончиться, — объявил тот.

Но буран только усиливался. Ветер хлестал, словно плеть жестокого работорговца. Аша ду-

мала, что узнала холод на Пайке, когда ветер завывал с моря, но та стужа не шла ни в какое сравнение с теперешней. «*От такого холода люди сходят с ума*».

Даже когда колонна сошла с дороги, чтобы устроиться на ночлег, согреться было не так-то легко. Палатки намокли и отяжелели, их трудно было ставить, а снимать — ещё труднее. Если только они внезапно не падали под тяжестью выпавшего снега. Войско короля ползло через самое сердце величайшего леса Семи Королевств, и всё же сухой древесины стало почти не найти. С каждой новой стоянкой зажигалось всё меньше костров, а те, что горели, давали больше дыма, чем тепла. Часто пищу ели холодной, а то и сырой.

Даже ночные костры стали меньше и горели слабее к разочарованию людей королевы.

— Владыка Света, убереги нас от зла, — молились они в лад низкому голосу сира Годри Убийцы Великанов. — Яви вновь нам свой яркий свет, успокой эти ветра, растопи эти снега, чтобы мы могли добраться и поразить твоих врагов. Ночь темна, холодна и полна ужасов, но на твоей стороне сила, слава и свет. Рглор, наполни нас своим огнём.

Позже, когда сир Корлисс Пенни спросил вслух, не случалось ли когда-нибудь целой армии замёрзнуть до смерти в зимнюю бурю, волки расхохотались.

— Это не зима, — заявил Большое Ведро Вулл.

— Наверху, в холмах, мы говорим, что осень тебя целует, а зима хорошенько имеет. Это всего лишь осенний поцелуй.

«*В таком случае, Боже, не дай мне познать настоящую зиму*». Сама Аша была избавлена от худшего. В конце концов, она королевский трофей. Когда другие голодали, она была накормлена. Пока другие дрожали от холода, она находилась в тепле. Пока другие пробирались сквозь снег на уставших лошадях, она в своих цепях с комфортом ехала на постели из мехов внутри повозки с прочной холстяной крышей, защищавшей от снега.

Лошадям и простым солдатам приходилось труднее всего. Двое оруженосцев из штормовых земель закололи воина в споре за место ближе к огню. На следующую ночь некие жаждавшие тепла лучники как-то умудрились поджечь свою палатку — хоть соседей согрели. Боевые кони гибли от истощения и переохлаждения.

— Что такое рыцарь без лошади? — придумал

кто-то загадку. — Снеговик с мечом.

Павших лошадей резали на мясо. Запасы тоже начали истощаться.

Писбери, Кобб, Фоксглоув и другие южные лорды призывали короля разбить лагерь до окончания бури. Станнис не соглашался. Не прислушался он и к предложению людей королевы принести жертву их голодному красному богу.

Аша услышала об этом от Джастина Масси, не такого набожного, как остальные.

— Жертва докажет, что наша вера по-настоящему пылает, сир, — сказал королю Клейтон Саггс. А Годри Убийца Великанов добавил:

— Старые боги севера наслали на нас эту бурю. Только Рглор может положить ей конец. Нужно отдать ему нечестивца.

— Половина моей армии — нечестивцы, — ответил Станнис. — Сожжений не будет. Молитесь упорней.

«Никаких сожжений сегодня и завтра… но если снегопад продолжится, насколько хватит решимости короля?» Аша никогда не разделяла веру своего дяди Эйерона в Утонувшего Бога, но той ночью она взывала к Тому-Кто-Живет-Под-Волнами не менее усердно, чем когда-либо молился Мокроголовый. Буря не утихла. Поход продолжался,

замедлившись до неспешного шага, потом до ползания. Пять миль в день считалось хорошим результатом. Потом три. Затем две.

После девятого дня бури не было стоянки, во время которой мокрые и усталые полководцы и командиры не входили в палатку короля, чтобы коленопреклонённо доложить о потерях за день.

— Один мёртв, трое пропали.

— Шесть лошадей пало, одна из них моя собственная.

— Двое погибли, один рыцарь. Четыре лошади пали — боевые кони и одна верховая лошадь. Одну мы спасли, остальные умерли.

Как слышала Аша, это называлось «*холодным подсчётом*». Обоз страдал сильнее других: мёртвые лошади, пропавшие люди, перевёрнутые и разбитые телеги.

— Лошади проваливаются в снег, — докладывал Джастин Масси королю. — Люди теряются или просто садятся в снег и умирают.

— Пускай, — сердился король Станнис. — Мы поднажмём.

Северяне со своими мохнатыми коньками и медвежьими лапами справлялись намного лучше. Чёрный Доннел Флинт и его сводный брат Артос потеряли всего одного человека. Лиддлы,

Вуллы и Норри остались в полном составе. Морган Лиддл недосчитался одного мула, но, похоже, решил, что его увели Флинты.

«Сотня лиг от Темнолесья до Винтерфелла. Три сотни миль полета ворона. Пятнадцать дней». Пятнадцатый день пути миновал, а они не прошли и половины. Позади тянулся хвост из разбитых телег и замёрзших тел, погребённых под падающим снегом. Солнце, луна и звёзды не показывались так давно, что Аша начала думать, не приснились ли они ей.

На двадцатый день пути она, наконец, избавилась от цепей на лодыжках. После полудня одна из лошадей, тащивших её повозку, издохла. Замену не нашли. Оставшиеся тягловые животные требовались для перевозки провизии и фуража. Подъехавший Джастин Масси приказал пустить павшую лошадь на мясо и разрубить повозку на дрова, а потом снял цепи с лодыжек Аши, растирая её икры.

— У меня нет для вас лошади, миледи, — сказал он, — а если ехать вдвоем на моём коне, то ему тоже придет конец. Вам придется идти пешком.

Каждый шаг отдавался болью в ноге. «*От холода она скоро окоченеет*, — убеждала себя Аша. — *Через час я вообще перестану чувствовать*

ноги». Она ошибалась только в одном: на это ушло меньше времени. К тому моменту, когда темнота остановила колонну, Аша спотыкалась и тосковала по удобствам своей передвижной тюрьмы. «*От цепей я ослабла*». К ужину она так вымоталась, что заснула прямо за столом.

На двадцать шестой день «пятнадцатидневного» похода были съедены последние овощи. На тридцать второй — последняя крупа и фураж. Аша задумалась, как долго человек может протянуть на сырой, полузамёрзшей конине.

— Бранчи клянутся, что мы всего в трёх днях пути от Винтерфелла, — сказал Ричард Хорп королю этой ночью после «холодного подсчёта».

— Если мы оставим самых слабых позади, — добавил Корлисс Пенни.

— Самых слабых всё равно не спасти, — настаивал Хорп. — А те, что ещё достаточно сильны, должны добраться до Винтерфелла или тоже погибнуть.

— Владыка Света отдаст нам замок, — сказал сир Годри Фарринг. — Если бы леди Мелисандра была с нами…

Наконец, после кошмарного дня, когда колонна прошла всего милю и потеряла дюжину лошадей и четырёх человек, лорд Писбери ополчился на

северян.

— Этот поход — безумие. С каждым днем всё больше смертей, и зачем? Ради какой-то девчонки?

— Ради девочки Неда, — ответил Морган Лиддл.

Он был вторым из трёх сыновей, поэтому за глаза другие волки называли его Средним Лиддлом. Это Морган едва не убил Ашу в сражении у Темнолесья. Потом, во время похода, он подошёл к ней, чтобы извиниться… за то, что в пылу битвы называл её *щёлкой*, а не за то, что хотел раскроить ей голову топором.

— Ради девочки Неда, — вторил ему Вулл Большое Ведро. — Мы бы уже завладели и ею, и замком, если бы ваши гарцующие южные выскочки не обмочили свои атласные штанишки при виде небольшого снега.

— Небольшого снега?

Мягкий девичий рот Писбери скривился от ярости.

— Это из-за твоего дурного совета мы начали этот поход, Вулл. Я начинаю подозревать, что ты уже давно на побегушках у Болтона. Верно? Это он послал тебя, чтобы нашёптывать ядовитые слова на ухо королю?

Большое Ведро расхохотался ему в лицо.

— Лорд Гороховый Стручок. Будь ты мужчиной, я бы убил тебя за это, но мой меч сделан из слишком хорошей стали, чтобы пачкать его кровью труса, — он отпил эля и вытер рот. — Да, люди умирают. Ещё много погибнет до того, как мы увидим Винтерфелл. И что? Это война. Люди умирают на войне. Так должно быть. Так было всегда.

Сир Корлисс Пенни недоверчиво посмотрел на вождя клана.

— Вы *хотите* умереть, Вулл?

Похоже, это позабавило северянина.

— Я хочу жить вечно в стране, где лето длится тысячу лет. Я хочу замок в облаках, чтобы смотреть на весь мир сверху вниз. Я снова хочу быть двадцатишестилетним. Когда мне было двадцать шесть, я мог сражаться весь день и трахаться всю ночь. Неважно, чего мы хотим.

Зима почти пришла, мальчик. А зима и есть смерть. Пусть лучше мои люди погибнут в бою за дочурку Неда, чем от голода в одиночестве, в снегу, с замерзающими на щеках слезами. Об умерших такой смертью не поют песен. Что до меня, то я стар. Это будет моя последняя зима. Дайте мне искупаться в крови Болтона перед смертью.

Я хочу ощутить её брызги на своём лице, когда мой топор погрузится в его череп. Я хочу слизать её со своих губ и умереть с этим вкусом на языке.

— Да! — закричал Морган Лиддл. — Кровь и битва!

За ним и все жители холмов принялись кричать, стуча чашами и винными рогами по столу, наполнив королевский шатёр звоном.

Аша Грейджой сама бы с радостью кинулась в схватку. «*Один бой, чтобы положить конец этим мукам. Сталь против стали, розовый снег, разбитые щиты и отрубленные конечности. И всё закончится*».

На следующий день разведчики короля наткнулись на покинутую деревушку между двумя озёрами — захудалое местечко, всего лишь несколько хижин, общинный дом и сторожевая башня. Ричард Хорп скомандовал привал, хотя в тот день армия прошла не более полумили, и до темноты ещё было много времени. Обоз и арьергард, а с ними и Аша притащились, когда уже давно взошла луна.

— В этих озёрах есть рыба, — сказал королю Хорп. — Мы прорубим лунки во льду. Северяне знают, как это делается.

Даже в своём громоздком меховом плаще и

тяжёлых доспехах Станнис выглядел так, словно стоял одной ногой в могиле. Та жалкая плоть, что он носил на своём высоком прямом скелете в Темнолесье, растаяла во время перехода. Череп просвечивал сквозь кожу, а челюсти были сжаты так сильно, что Аша опасалась за его зубы.

— Пусть будет рыба, — сказал король, будто выплёвывая каждое слово. — Но мы выступим с первыми лучами.

Но на рассвете лагерь проснулся в снегу и молчании. Небо из чёрного стало белым, но не выглядело ярче. Аша Грейджой проснулась под грудой мехов от судорог и холода под звуки храпа Медведицы. Прежде ей не встречалась женщина, которая бы так храпела, но за время похода она привыкла к этому звуку и даже находила его успокаивающим. А вот тишина её встревожила. Трубы не играли «подъём», «седлать коней, строиться, готовиться к переходу». Боевые рога не будили северян. «Что-то не так».

Аша избавилась от мехов и выбралась наружу. Ей пришлось разгрести сугроб вставшего стеной снега, завалившего ночью палатку. Бряцая кандалами, она поднялась на ноги и вдохнула морозный утренний воздух. Снег до сих пор валил, и куда сильнее, чем перед её отходом ко сну. Озёра

исчезли, как и лес. Она видела очертания других палаток и навесов и размытое оранжевое свечение сигнального огня на сторожевой башне, но не саму башню. Буря поглотила все остальное.

Где-то впереди, за стенами Винтерфелла их ждал Русе Болтон, но войско Станниса Баратеона оказалось в ловушке из снега и льда, под угрозой голодной смерти.

Глава 43. Дейенерис

Свеча почти догорела. В лужице расплавленного воска, освещая ложе королевы, торчал огарок высотой меньше дюйма. Пламя уже угасало.

«*Скоро оно погаснет совсем*, — поняла Дени, — *и когда это произойдёт, закончится ещё одна ночь*».

Рассвет всегда наступал слишком скоро.

Она не спала — не могла и не хотела. Она даже не отважилась смежить веки, боясь, что, когда снова откроет глаза, уже наступит утро. Будь её воля, ночи длились бы вечно, но Дени могла лишь бодрствовать и пытаться смаковать каждое мгновение, пока день не превратит их в воспоминания, понемногу сходящие на нет.

Рядом с ней сном младенца спал Даарио Нахарис. Он не раз хвастался ей с самоуверенной улыбкой, что у него талант крепко спать. В поле, если верить его словам, он мог спать в седле на ходу, чтобы ринуться в бой полным сил. Ясный ли день вокруг или буря — для него это не имело значения.

— Если воин не спит, у него не останется сил

для битвы, — говорил капитан наёмников.

И его никогда не мучили кошмары. Когда Дени рассказала, как Сервина Зеркального Щита преследовали призраки павших от его руки рыцарей, Даарио лишь посмеялся.

— Если те, кого я убил, явятся нарушать мой покой, я убью их во второй раз.

«*У него совесть наёмника*, — поняла она тогда. — *А это значит, что её у него совсем нет*».

Даарио лежал на животе, легкие льняные покрывала обмотались вокруг его длинных ног, а лицо наполовину зарылось в подушки.

Дени погладила его по спине, проведя рукой вдоль позвоночника. Кожа у капитана была гладкая, почти безволосая. «*Его кожа — шелк и атлас*». Ей нравилось прикасаться к его телу. Нравилось запускать пальцы ему в волосы, разминать его уставшие после долгого дня в седле ноги, брать его член в руку и чувствовать, как тот твердеет в ладони.

Будь она обычной женщиной, то с радостью провела бы остаток жизни с Даарио — трогая его, рассматривая шрамы и расспрашивая, как он их получил. «*Я отреклась бы от короны, если бы он меня попросил*», — думала Дени... но тот не просил и никогда бы не стал просить. Пусть

Даарио и шептал ей на ухо слова любви, когда они были одним целым, Дени знала, что любит капитан драконью королеву. «*Если я откажусь от короны, он меня не захочет*». Кроме того, короли нередко теряли вместе с короной и голову, и она не видела причин, по которым для королевы должны сделать исключение.

Пламя свечи задрожало в последний раз и погасло, утонув в воске. Темнота поглотила перину и лежавшую на ней пару, затопив все углы опочивальни. Дени обняла капитана и прижалась к его спине. Она вдыхала его запах, смаковала тепло его тела и прикосновения его кожи.

— «*Запомни*, — говорила она себе. — *Запомни, каково это быть с ним*».

Дени поцеловала его в плечо.

Даарио открыл глаза и перекатился к ней.

— Дейенерис, — лениво улыбнулся он. Еще один его талант: просыпаться мгновенно, как кот. — Уже рассвет?

— Ещё нет. У нас есть немного времени.

— Лгунья. Я же вижу твои глаза — разве я увидел бы их в ночной темноте? — Даарио отбросил покрывала и сел. — Светает. Скоро настанет день.

— Я не хочу, чтобы эта ночь заканчивалась.

— Не хочешь? Почему же, моя королева?

— Сам знаешь.

— Из-за свадьбы? — засмеялся он. — Тогда выходи замуж за меня.

— Сам знаешь, я не могу.

— Ты же королева. Ты вольна делать всё, что пожелаешь. — Он погладил её по ноге. — Сколько у нас осталось ночей?

«*Две. Только две*».

— Ты знаешь это не хуже меня. Эта ночь, и ещё следующая, после чего нам придется расстаться.

— Выходи за меня замуж — и все ночи до конца времен будут нашими.

«*Если бы я могла, я бы так и поступила*». Кхал Дрого был её солнцем и звёздами, но он мёртв уже так давно, что Дейенерис почти забыла, что значит любить и быть любимой. Даарио помог ей это вспомнить. «*Я была мертва, и он вернул меня к жизни, я спала, и он меня пробудил. Мой храбрый капитан*». Однако в последнее время Даарио чересчур осмелел. Вернувшись с последней вылазки, он швырнул голову юнкайского лорда к ногам королевы и при всём честном народе целовал Дейенерис, пока Барристан Селми их не растащил. «Сир Дедуля» пришел в такую ярость, что Дени испугалась, как бы не вышло кровопролития.

— Мы не можем пожениться, моя любовь. Ты знаешь, почему.

Он вылез из постели.

— Тогда выходи замуж за Хиздара. В качестве свадебного дара я наставлю ему замечательные рога. Гискарцы обожают носить рога — делают их из собственных волос с помощью расчёсок, воска и железок.

Даарио нашел штаны и натянул их — он не утруждал себя ношением белья.

— Когда я выйду замуж, вожделеть меня станет государственной изменой, — Дени натянула покрывало, чтобы прикрыть грудь.

— Значит, стану изменником, — капитан надел через голову голубую шёлковую тунику и расчесал пальцами заново перекрашенную для его королевы бороду. Из пурпурной та вновь стала синей, как и в день их первой встречи.

— Я пахну тобой, — улыбнулся он, понюхав свои пальцы.

Дени нравилось, как блестит золотой зуб у него во рту, когда он улыбается. Ей нравились светлые волосы у него на груди. Ей нравилась сила его рук, его смех, нравилось то, как он смотрит ей в глаза и повторяет её имя, погружая член в её лоно.

— Ты прекрасен, — выпалила она, глядя, как

Даарио обувает сапоги для верховой езды и зашнуровывает их. Иногда он позволял ей сделать это за него, но, похоже, не сегодня.

«*И с этим тоже покончено*».

— Недостаточно прекрасен, чтобы ты вышла за меня замуж, — капитан снял повешенную на колышек перевязь с мечами.

— Куда ты?

— В твой город, — ответил он. — Выпить бочонок или два и затеять стычку. Давненько я никого не убивал. Может, мне стоит поискать твоего суженого.

Дени запустила в него подушкой.

— Оставь Хиздара в покое!

— Как пожелает моя королева. Ты устроишь сегодня прием для народа?

— Нет. Уже завтра я буду замужней женщиной, а Хиздар станет королём. Пусть он устраивает приемы — это его народ.

— Кто-то его, а кто-то и твой. Те, кого ты освободила.

— Ты меня укоряешь?

— Я о тех, кого ты зовешь своими детьми. Им нужна мать.

— И все-таки, ты меня укоряешь.

— Самую малость, сердечко мое. Так ты устро-

ишь прием?

— Может, после свадьбы. После того, как будет заключен мир.

— Это твое «после» никогда не наступит. Тебе надо устроить приём. Мои новобранцы не верят, что ты существуешь. Это те, кто перебежал из Гонимых Ветром — большинство из них родились и выросли в Вестеросе и наслушались сказок о Таргариенах. Они хотят увидеть тебя своими глазами. У Лягушонка для тебя какой-то подарок.

— Лягушонок? — хихикнула она. — Это ещё кто?

Даарио пожал плечами.

— Какой-то мальчишка-дорниец. Он служит оруженосцем у громадного рыцаря, которого прозвали Зелёным Потрохом. Я предложил передать подарок со мной, но они отказались.

— Умная лягушка. «Отдай мне подарок!» — Она швырнула в капитана другой подушкой. — Дошел бы этот подарок до меня?

Даарио погладил свои позолоченные усы.

— Разве я стану обкрадывать мою милую королеву? Будь подарок тебя достоин, я вложил бы его прямо в твои нежные ручки.

— Как знак твоей любви?

— Этого я бы не сказал, но заверил его, что он

сможет передать свой дар тебе лично. Ты же не выставишь Даарио Нахариса лжецом?

Дени не могла ему отказать.

— Как пожелаешь. Приводи свою лягушку завтра на прием. И остальных вестеросцев тоже.

Было бы неплохо услышать речь на общем языке от кого-то ещё, кроме сира Барристана.

— Как повелит моя королева, — Даарио низко поклонился, улыбнулся и ушёл в развевающемся за спиной плаще.

Сложив руки на коленях, Дени сидела среди скомканных простыней и чувствовала себя такой несчастной, что даже не услышала, как в опочивальню прокралась Миссандея, принёсшая хлеб, молоко и фиги.

— Ваше величество? Вам нехорошо? Ночью ваша служанка слышала ваш крик.

Дени взяла фигу. Плод был чёрный, сочный и всё ещё влажный от росы. «*Буду ли я кричать в постели Хиздара*»?

— Ты слышала лишь гул ветра.

Она откусила немного, но теперь, когда Даарио нет рядом, фрукты потеряли для неё свой вкус. Вздохнув, королева встала и позвала Ирри, чтобы та принесла ей халат, а затем вышла на террасу.

Вокруг были враги. У берега на якоре постоянно

стояло не меньше дюжины кораблей — несколько дней назад, когда солдаты высаживались на берег, их было с сотню. Юнкайцы даже привезли морем древесину и сейчас, укрывшись за рвами, строили катапульты, скорпионы и высокие требушеты. В тихие ночи она слышала, как в жарком сухом воздухе звенят молотки. «*Однако у них нет осадных башен и таранов*». Они не хотят брать Миэрин приступом — будут держать осаду, швыряя в её город камни, пока голод и болезни не поставят её народ на колени.

«*Хиздар обеспечит мне мир. Он должен*».

На ужин повара запекли ей козлёнка с финиками и морковью, но Дени смогла съесть лишь кусочек. Перспектива новой встречи с миэринцами выбила её из колеи. Сон так и не пришёл, даже когда в постель вернулся Даарио, такой пьяный, что едва держался на ногах.

Королева ворочалась и металась под покрывалами: ей снилось, что её целует Хиздар... но его губы покрывали синяки и кровоподтёки, и когда он вошел в неё, его мужское достоинство оказалось холодным как лёд.

Дени резко села — волосы растрепались, ночная рубашка смялась. Её капитан спал рядом, и всё-таки она была одна. Ей захотелось потрясти

его, разбудить, заставить обнять, взять её, помочь забыться, но она знала, что если так поступит, Даарио только улыбнется, зевнет и скажет: «*Это всего лишь сон, моя королева. Спи спокойно*».

Вместо этого она накинула на себя плащ с капюшоном и вышла на террасу. Королева подошла к парапету и постояла там, глядя на город, как уже делала сотни раз.

«*Миэрин никогда не станет моим городом. Никогда не станет моим домом*».

Бледно-розовый рассвет застал её на террасе. Дени заснула на траве, блестевшей под покрывалом росы.

— Я обещала Даарио, что устрою сегодня прием при дворе, — сказала Дейенерис своим служанкам, когда те её разбудили. — Помогите мне найти корону. Да, и какую-нибудь одежду, что-нибудь лёгкое и прохладное.

Часом позже она спустилась в тронный зал.

— Все на колени перед Дейенерис Бурерожденной, Неопалимой, королевой Миэрина, королевой андалов, ройнаров и Первых Людей, кхалиси Великого травяного моря, Разрушительницей Оков и Матерью Драконов, — объявила Миссандея.

Резнак мо Резнак согнулся в поклоне и широко улыбнулся:

— Ваше великолепие, с каждым днём вы становитесь всё прекраснее. Уверен, вас согревает перспектива скорой свадьбы — ах, моя лучезарная королева!

Дени вздохнула.

— Зовите первого просителя.

Она так долго не устраивала прием, что поток просьб и жалоб оказался ошеломительным. В дальней части зала собралась целая толпа, и люди ссорились, отвоевывая право первым обратиться к королеве. Первой, что само собой, разумеется, оказалась Галазза Галар. Она выступила вперед с высоко поднятой головой. Лицо жрицы скрывала блестящая зелёная вуаль.

— Ваша лучезарность, я предпочла бы поговорить с вами с глазу на глаз.

— Как жаль, что у меня нет на это времени, — любезным тоном ответила Дени. — Завтра я выхожу замуж. — Её предыдущая встреча с Зелёной Милостью прошла не очень хорошо. — Что вам угодно?

— Мне угодно побеседовать с вами о неслыханной дерзости некоего капитана наёмников.

«*И она осмелилась сказать это при всем дворе*? — Дени ощутила прилив гнева. — Да, храбрости ей не занимать, признаю, но если она думает, что

я готова спокойно снести очередное оскорбление, то ошибается».

— Предательство Бурого Бена Пламма потрясло нас всех, — ответила она жрице. — Но ваше предостережение несколько запоздало. А теперь, как я понимаю, вы желаете вернуться в храм и молиться о мире.

Зелёная Милость поклонилась.

— Я помолюсь и за вас.

«*Очередная пощёчина*», — вспыхнув, поняла Дени.

В остальном приём был всё той же хорошо знакомой королеве рутиной. Она сидела на подушках и, покачивая ногой от нетерпения, слушала. В полдень Чхику принесла ей блюдо с инжиром и ветчиной. Казалось, что просителям нет конца и края, и на каждых двоих, что уходили от королевы с улыбкой на устах, один покидал её с заплаканными глазами или бормоча что-то себе под нос.

Солнце уже клонилось к закату, когда перед лицом королевы предстал Даарио Нахарис со своими новыми Воронами-Буревестниками, перебежавшими к нему от Гонимых Ветром. Дени поглядывала на них, пока перед ней бубнил очередной проситель.

«*Это мой народ. Я их законная королева*». Выглядели они редким отребьем, но чего ещё ждать от наёмников. Младший был едва ли на год старше её, а самый старший, похоже, пережил уже свои шестидесятые именины. Некоторые щеголяли богатством — золотыми наручами, шёлковыми туниками, перевязями с серебряными заклепками. «Грабители». Но в большинстве наряды наёмников были просты и сильно поношены.

Когда Даарио вывел их вперёд, королева увидела, что среди них есть женщина — рослая, белокурая, в кольчуге.

— Милашка Мерис, — представил ее капитан, хотя Дени назвала бы наемницу как угодно, только не милашкой. В ней было шесть футов росту, нос изуродован, на обеих щёках пролегли глубокие шрамы, и у этой Милашки был самый холодный взгляд, какой только доводилось видеть королеве.

Облачённый в пышный, но потрёпанный наряд Хью Хангерфорд был тощим и угрюмым, с длинными ногами и узким лицом. Веббер — мал ростом, но мускулистый, с татуировками в виде пауков на голове, груди и руках. Краснолицый Орсон Стоун назвался рыцарем, как и долговязый Люцифер Лонг. Деревянный Уилл не переста-

вал с вожделением пялиться на королеву, даже преклоняя колено. У Дика-Соломинки были васильковые глаза, белые, как кудель, волосы и неприятная улыбочка. Лицо Рыжего Джека скрывала щетинистая рыжая борода, и его речь было не разобрать.

— В первом же бою он откусил себе пол-языка, — объяснил королеве Хангерфорд.

Дорнийцы выглядели совсем иначе.

— С позволения вашего величества, — представил их Даарио, — Зелёный Потрох, Геррольд и Лягушонок.

Зелёный Потрох был велик ростом и лыс, как колено, и с ручищами под стать Силачу Бельвасу, а Геррольд — стройным и высоким юношей с выгоревшими на солнце волосами и смеющимися сине-зелёными глазами. «*Готова поспорить, что эта улыбка украла немало девичьих сердец*». Его плащ из мягкого коричневого сукна, подбитый песочным шёлком, выглядел очень добротно.

Лягушонок-оруженосец оказался самым младшим из троих и наименее представительным — коренастый, крепкий парень, с тёмными волосами и глазами, квадратным лицом с высоким лбом, тяжёлой челюстью и широким носом. Щёки и подбородок Лягушонка покрывала щетина,

из-за которой он выглядел мальчишкой, отращивающим свою первую бороду. Дени понятия не имела, почему его прозвали Лягушонком.

«*Может, он лучше всех прыгает*».

— Встаньте, — произнесла она. — Даарио сказал, что вы прибыли сюда из Дорна. Дорнийцам всегда рады у меня при дворе. Солнечное Копье сохраняло верность моему отцу, даже когда Узурпатор занял его трон. Вам, видимо, пришлось преодолеть немало испытаний, чтобы попасть ко мне.

— Даже слишком много, — ответил Геррольд, симпатичный дорниец с выгоревшими на солнце волосами. — Когда мы покинули Дорн, нас было шестеро, ваше величество.

— Я скорблю о ваших утратах, — королева обернулась к его рослому спутнику. — Странное имя — Зелёный Потрох.

— Это шутка, ваше величество. Из-за кораблей. Я страдал от морской болезни весь путь от Волантиса. Вся эта качка и... в общем, не стоит об этом.

Дени хихикнула.

— Думаю, я и сама могу догадаться, сир. Вы же сир, верно? Даарио говорил, что вы рыцарь.

— С позволения вашего величества, мы все трое — рыцари.

Дени взглянула на капитана и увидела, что его глаза мечут молнии. «*Он не знал*», — поняла она.

— В рыцарях у меня всегда есть нужда.

Сира Барристана, похоже, мучили подозрения.

— Нетрудно объявить себя рыцарем в такой дали от Вестероса. Вы готовы подтвердить свою похвальбу с мечом или копьём в руках?

— Если понадобится, — ответил Геррольд. — Хотя я и не буду говорить, что кто-либо из нас ровня Барристану Смелому. Ваше величество, прошу прощения, но мы прибыли к вам под фальшивыми именами.

— Я знаю кое-кого, кто поступил точно так же, — сказала Дени. — Человек по имени Арстан Белобородый. В таком случае, сообщите мне свои настоящие имена.

— С удовольствием... можем ли мы просить у королевы разрешения переговорить в каком-нибудь месте, где будет меньше глаз и ушей?

«*Игра внутри игры*».

— Как пожелаете. Скахаз, освободи зал.

Бритоголовый прорычал приказ — Медные Твари сделали за него все остальное, выведя других вестеросцев и всех прочих сегодняшних просителей за двери. Советники королевы остались на местах.

— Итак, — продолжила Дени, — ваши имена?

Юный и ладный Геррольд поклонился.

— Сир Геррис Дринкуотер, ваше величество. Мой меч к вашим услугам.

Зелёный Потрох скрестил на груди руки.

— И мой боевой молот. Я — сир Арчибальд Айронвуд.

— А вы, сир? — обратилась королева к мальчику-Лягушонку.

— С позволения вашего величества, могу ли я сначала вручить мой подарок?

— Как пожелаешь, — с любопытством ответила Дейенерис. Когда Лягушонок двинулся вперед, Даарио Нахарис преградил ему дорогу и протянул руку в перчатке.

— Дай сюда свой подарок.

Крепыш наклонился, с каменным лицом распутал завязки сапога и вытащил из потайного кармана пожелтевший пергамент.

— Это и есть твой подарок? Жалкая грамота? — Даарио выхватил пергамент из рук дорнийца и развернул, недоверчиво разглядывая печати и подписи. — Очень мило, всё в золоте и лентах, но я не умею читать ваши вестеросские закорючки.

— Отдайте его королеве, — велел сир Барристан. — Немедленно.

Дени чувствовала, как в зале нарастает напряжение.

— Я всего лишь юная девушка — ну как можно отказывать девушке в подарке? — весело спросила она. — Даарио, пожалуйста, хватит меня дразнить. Дай сюда.

Документ был написан на общем языке Вестероса. Королева медленно развернула его, изучила печати и подписи. Когда Дени увидела в тексте «сир Виллем Дарри», её сердце забилось чуть сильнее. Она прочла пергамент от начала и до конца, а потом ещё раз.

— Позволите нам узнать, что там написано, ваше величество? — спросил сир Барристан.

— Это секретный договор, — ответила Дени, — заключенный в Браавосе, когда я была ещё маленькой девочкой. За нас подписался сир Виллем Дарри — человек, который вывез меня и брата прочь с Драконьего Камня, прежде чем до нас добрались люди Узурпатора. За Дорн подписался принц Оберин Мартелл, а морской владыка Браавоса поставил подпись в качестве свидетеля, — она протянула пергамент сиру Барристану, чтобы тот прочел его сам. — Здесь написано: союз должен быть скреплен браком. В обмен на помощь Дорна в свержении Узурпатора, мой

брат Визерис обязан жениться на дочери принца Дорана Арианне и сделать её своей королевой.

Старый рыцарь медленно прочитал договор.

— Если бы Роберт узнал об этом соглашении, он сокрушил бы Солнечное Копьё, как когда-то сокрушил Пайк, и отрубил головы и принцу Дорану и Красному Змею... да, пожалуй, и этой дорнийской принцессе тоже.

— Несомненно, именно поэтому принц Доран предпочёл сохранить договор в тайне, — предположила Дейенерис. — Если бы мой брат Визерис знал, что его ждёт дорнийская принцесса, то, войдя в брачный возраст, сразу бы отправился в Солнечное Копье.

— И тем самым подставил себя и весь Дорн под боевой молот Роберта, — сказал Лягушонок. — Мой отец предпочёл подождать, пока принц Визерис не соберёт себе армию.

— Ваш отец?

— Принц Доран, — юноша опустился на одно колено. — Ваше величество, честь имею: Квентин Мартелл, принц дорнийский и ваш покорнейший слуга.

Дени засмеялась.

Дорнийский принц покраснел. Собственные придворные и советники королевы глядели на

неё с удивлением.

— Ваша лучезарность, — спросил Скахаз Бритоголовый по-гискарски, — почему вы смеётесь?

— Его прозвали Лягушонком, — ответила Дени, — и мы только что поняли, почему. В Семи Королевствах есть детские сказки про лягушек, оборачивающихся зачарованными принцами, если их поцеловала истинная любовь.

Она улыбнулась дорнийским рыцарям и снова перешла на общий язык.

— Скажи мне, принц Квентин: ты был зачарован?

— Нет, ваше величество.

— Этого я и боялась.

«*Увы, это не зачарованный принц и даже не очаровательный. Жалко, что именно он оказался принцем, а не тот широкоплечий, с песочными волосами*».

— И все-таки ты прибыл ко мне за поцелуем и хочешь на мне жениться. Верно? Подарок, который ты мне принес — это ты сам, собственной персоной. Вместо Визериса и твоей сестры этот договор должны закрепить браком мы — если я хочу Дорн.

— Мой отец надеялся, что вы найдете меня... приемлемым.

Даарио Нахарис оскорбительно засмеялся.

— А я скажу, что ты щенок. Королеве нужен мужчина, а не сопливый мальчишка. Ты не годишься в мужья такой женщине, как она. Ты еще чувствуешь вкус молока своей матери, облизывая губы?

Сир Геррис Дринкуотер нахмурился.

— Придержи язык, наёмник. Ты говоришь с дорнийским принцем.

— И с его нянькой, вероятно, — Даарио полировал рукоятки клинков подушечками пальцев и угрожающе улыбался.

Скахаз проворчал, как умел ворчать лишь он:

— Этот мальчик служит Дорну, но Миэрину нужен король гискарских кровей.

— Я слышал об этом Дорне, — произнес Резнак мо Резнак. — Дорн — это песок, скорпионы и голые красные горы, обожжённые солнцем.

Принц Квентин ответил ему:

— Дорн — это пятьдесят тысяч мечей и копий, готовых послужить нашей королеве.

— Пятьдесят тысяч? — передразнил его Даарио. — Я вижу только троих.

— Довольно, — прервала их Дейенерис. — Принц Квентин пересек полмира, чтобы предложить мне свой дар, и я не отвечу ему грубостью,

— она повернулась к дорнийцам. — Жаль, что вы не прибыли сюда год назад. Я уже обещала выйти замуж за благородного Хиздара зо Лорака.

— Еще не поздно... — начал сир Геррис.

— Это мне решать, — оборвала его Дейенерис. — Резнак, предоставь принцу и его спутникам покои сообразно их благородному званию и удостоверься, чтобы они ни в чем не знали нужды.

— Слушаю и повинуюсь, ваша лучезарность.

Королева поднялась на ноги.

— На сегодня всё.

Даарио и сир Барристан проводили её наверх по лестнице в королевские покои.

— Это всё меняет, — сказал старый рыцарь.

— Это ничего не меняет, — ответила Дени, когда Ирри снимала с неё корону. — Что толку от трёх человек?

— Трёх рыцарей, — заметил Селми.

— Трёх лжецов, — хмуро добавил Даарио. — Они меня обманули.

— Не сомневаюсь, что ещё и подкупили.

Даарио пропустил эту фразу мимо ушей. Дени развернула пергамент и вновь перечитала. «*Браавос. Это было подписано в Браавосе — там, где мы жили в доме с красной дверью*». И отчего у неё такое странное чувство?

Она осознала, что ей вспоминается давешний кошмар. «*Иногда во снах есть зерно истины*». Мог ли Хиздар зо Лорак служить чародеям — это ли значил сон? Мог ли сон быть посланием? Что, если боги говорят ей, что надо разорвать помолвку с Хиздаром и выйти замуж за этого дорнийского принца? Её тревожило какое-то воспоминание.

— Сир Барристан, что изображено на гербе дома Мартеллов?

— Лучезарное солнце, пронзённое копьем.

«*Сын солнца*». Королеву пробила дрожь.

— Тени и шёпоты.

Что ещё там сказала Куэйта? «*Бледная кобылица и сын солнца. Ещё там был лев и дракон. Или дракон — это я*?».

Берегись надушенного сенешаля, — это она помнила.

— Сны и пророчества — ну почему их всегда преподносят загадками? Ненавижу их. Ах, оставьте меня, сир. Завтра у меня свадьба.

В эту ночь Даарио брал её всеми способами, как только мужчина может брать женщину, и она охотно ему отдавалась. В последний раз, когда солнце уже восходило, она ртом заставила его отвердеть снова, как её когда-то научила Дореа, и затем скакала на нём так дико, что у него сно-

ва открылась рана. На одно сладкое мгновение она не могла понять, он ли внутри неё или она внутри него.

Но когда солнце, наконец, взошло, и наступил новый день — день её свадьбы, — Даарио Нахарис встал, оделся и застегнул свою перевязь с блестящими золотыми развратницами.

— Куда ты? — спросила его Дени. — Я запрещаю тебе сегодня идти на вылазку.

— Моя королева жестока, — ответил капитан. — Если мне нельзя убивать твоих врагов, чем же мне занять себя на время твоей свадьбы?

— К закату у меня уже не останется врагов.

— Ещё только рассвет, моя милая королева. День долог, времени хватит ещё для одной вылазки. Я принесу тебе голову Бурого Бена Пламма в виде свадебного подарка.

— Не надо голов, — попросила Дени. — Однажды ты подарил мне цветы.

— Пусть Хиздар дарит тебе цветы. Сам-то он, конечно, не станет нагибаться за каждым одуванчиком, но у него всегда найдутся слуги, которые с радостью исполнят за хозяина эту обязанность. Я могу идти?

— Нет, — она хотела, чтобы Даарио остался и обнял её. «*Однажды он уйдет и не вернется*, — по-

думала Дени. — *Однажды какой-нибудь лучник всадит ему в грудь стрелу, или на него накинется десяток ратников с копьями, мечами и топорами — десять, возомнивших себя героями*». Пятеро из них умрут, но разве это облегчит её горе? «*Однажды я потеряю его, как потеряла мое солнце и звезды. Но, прошу вас боги, не сегодня*».

— Возвращайся в постель и поцелуй меня. — Никто не целовал её так, как Даарио Нахарис. — Я — твоя королева, и повелеваю тебе меня трахнуть.

Она хотела сказать это игриво, но Даарио помрачнел.

— Трахать королев — дело королей. Этим сможет заняться твой благородный Хиздар, когда вы обвенчаетесь. А если он окажется слишком благородным, чтобы себя утруждать, у него всегда найдутся слуги, которые с радостью исполнят за хозяина и эту обязанность. Или, может, тебе позвать в постель этого дорнийского мальчишку заодно с его смазливым дружком, почему бы и нет?

Капитан размашистым шагом вышел из опочивальни.

«*Он попытается устроить вылазку*, — поняла Дени, — *и если ему удастся добыть голову Бе-*

на Пламма, то он ворвётся на свадебный пир и швырнет её к моим ногам. Спасите меня, Семеро. И почему он не родился знатным человеком?»

Когда Даарио ушел, Миссандея принесла королеве простой завтрак из козьего сыра, оливок и изюма на десерт.

— Вашему величеству на завтрак не хватит одного вина. Вы же такая маленькая, вам сегодня понадобится много сил.

Эти слова из уст такой крошки заставили Дейенерис рассмеяться. Она так полагалась на маленькую служанку, что даже забыла, что Миссандее всего одиннадцать. Они разделили трапезу на террасе. Дени откусывала от оливки маленькие кусочки, когда девочка-наатийка посмотрела на неё глазами цвета расплавленного золота.

— Ещё не поздно сказать им, что вы решили не выходить замуж.

«*Нет, уже поздно*», — грустно подумала королева.

— Хиздар — человек древних и знатных кровей. Наш союз объединит моих вольноотпущенных и его народ. Мы станем одной семьёй, и одной семьёй станет наш город.

— Ваше величество не любит благородного

Хиздара. Ваша служанка полагает, что вы охотнее взяли бы в мужья кого-то другого.

«*Сегодня мне нельзя думать о Даарио*».

— Королева любит того, кого должна, а не того, кого хочет. — Ей расхотелось есть. — Унеси еду, — велела она Миссандее. — Мне надо вымыться.

После Чхику вытерла Дейенерис досуха, а Ирри принесла ей токар. Дени завидовала просторным шароварам из песочного шёлка и расписным жилетам, которые носили её дотракийские служанки. Им было намного прохладнее, чем ей в токаре с тяжёлой бахромой из маленьких жемчужин.

— Помогите мне обернуть это вокруг себя. Самой со всеми этими жемчугами не управиться.

Дени знала, что должна была бы предвкушать грядущую свадьбу и следующую за ней ночь. Ей вспомнилась ночь её первой свадьбы, когда кхал Дрого забрал её девственность под чужими звёздами. Она вспоминала, как боялась тогда и как была возбуждена. Будет ли с Хиздаром то же самое? «*Нет. Я уже не та девочка, которой была, и он не мое солнце и звёзды*».

Из недр пирамиды снова выпорхнула Миссандея.

— Резнак и Скахаз просят разрешения сопрово-

дить ваше величество до Храма Милостей. Резнак велел приготовить ваш паланкин.

Миэринцы редко ездили по городу верхом, предпочитая паланкины, носилки и портшезы, покоящиеся на плечах рабов.

— Лошади гадят на улицах, — заявил ей один человек из рода Закхов, — рабы — нет.

Дени освободила рабов, но паланкины, носилки и портшезы, как и раньше, заполоняли улицы, и ни один из них колдовским образом не парил в воздухе.

— Сегодня слишком жарко, чтобы сидеть в паланкине, — заявила Дени. — Оседлайте мою Серебрянку. Я не отправлюсь навстречу к моему лорду-жениху на спинах носильщиков.

— Ваше величество, — сказала Миссандея, — недостойная просит её извинить, но вы не можете ехать в токаре верхом.

Маленькая служанка в который раз оказалась права. Токар — неподходящая одежда для верховой езды. Дени скорчила гримасу.

— Как скажешь. Но не надо паланкина — я задохнусь за этими занавесями. Прикажи приготовить портшез.

Если уж ей придется носить большие уши, пусть все кролики её увидят.

Когда Дени спустилась по лестнице, Резнак и Скахаз рухнули на колени.

— Ваша милость сияет так ярко, что ослепит любого, кто осмелится взглянуть на вас, — объявил Резнак, облаченный в бордовый парчовый токар с золотой каймой. — Хиздару зо Лораку несказанно повезло с вами... и вам с ним, осмелюсь сказать. Этот брак спасёт наш город, вот увидите.

— Мы молимся об этом. Я хочу не только посадить оливы, но и увидеть, как они плодоносят.

«*И какая разница, что поцелуи Хиздара мне не в радость? Меня порадует мир. Я простая женщина или всё-таки королева*?»

— Народ кишит на улицах, как мухи. — Бритоголовый был одет в кирасу, изображавшую мускулистый торс, и чёрную складчатую юбку; под рукой он держал медный шлем в форме змеиной головы.

— Зачем мне бояться мух? Твои Медные Твари не позволят причинить мне вреда.

У основания Великой Пирамиды всегда царил полумрак. Стены в тридцать футов толщиной заглушали уличный шум и не пропускали тепло, так что внутри было прохладно и сумрачно. Комнаты придворных располагались вблизи ворот в

нижних ярусах пирамиды. В стойлах у западных стен держали лошадей, мулов и ослов, у восточных — слонов. Трое этих огромных и странных животных достались Дени вместе с пирамидой. Несмотря на подпиленные позолоченные бивни и грустные глаза, они напоминали ей мамонтов, только серых и лысых.

Силач Бельвас ел виноград, Барристан Селми наблюдал за тем, как мальчишка-конюх подтягивает подпругу на его серой в яблоках лошади. Неподалеку оживлённо беседовали трое дорнийцев, но с появлением королевы тут же замолкли. Принц опустился на одно колено.

— Ваше величество, я вынужден вас умолять. Здоровье оставляет моего отца, но его верность вашему делу крепка, как никогда. Если мои манеры или моя особа вызвали ваше неудовольствие, это моя вина, но...

— Если вы хотите угодить мне, сир, то порадуйтесь за меня, — сказала Дейенерис. — Сегодня день моей свадьбы. В Жёлтом Городе будут плясать от счастья, я не сомневаюсь, — она вздохнула. — Встаньте, мой принц, и улыбнитесь. Однажды я вернусь в Вестерос, чтобы предъявить права на трон моего отца, и обращусь за помощью к Дорну. Но сегодня юнкайцы окружили мой город

стальным кольцом. Я могу умереть прежде того дня, когда увижу Семь Королевств. Хиздар может умереть. Вестерос может поглотить море, — Дени поцеловала дорнийца в щеку. — Идём. Настало время мне выйти замуж.

Сир Барристан помог ей забраться в портшез. Квентин присоединился к своим товарищам. Бельвас крикнул, чтобы открыли ворота, и Дейенерис Таргариен выехала на свет. Селми последовал за ней на своей серой в яблоках лошади.

— Скажите, — попросила его Дени, когда процессия повернула к Храму Милостей, — если бы мои родители были бы вольны вступить в брак по велению своих сердец, на ком бы женился мой отец, и за кого вышла мать?

— Это было давным-давно. Ваше величество не знали этих людей.

— Но вы же их знали? Расскажите.

Старый рыцарь склонил голову.

— Ваша королева - мать всегда помнила о своем долге. — Сир Барристан был прекрасен в своих золотых с серебром доспехах и ниспадающем с плеч белом плаще, но говорил, точно ему с болью давалось каждое слово, и оно было верстовым столбом в пути. — Хотя в девичестве... она как-

то влюбилась в юного рыцаря из Штормовых Земель, носившего её ленту на турнире и называвшего её королевой любви и красоты. Всего лишь мимолетное чувство.

— И что случилось с этим рыцарем?

— В тот день, когда он узнал, что ваша мать выходит замуж за вашего отца, этот рыцарь навсегда отложил копье. После этого он стал набожен и, как говорят, уверял, что только Дева может занять место королевы Рейеллы в его сердце. Конечно, его страсть была бесплодна — рыцарь-ленник не пара принцессе королевской крови.

«*А Даарио Нахарис — всего лишь наёмник, недостойный чистить золотые шпоры даже рыцарю-леннику*».

— А мой отец? Была ли у него женщина, которую он любил больше своей королевы?

Сир Барристан заёрзал в седле.

— Не то чтобы... не любил. Возможно, лучше сказать «желал», но... всё это только кухонные сплетни, шепотки прачек и мальчишек с конюшни...

— Я хочу знать. Я никогда не видела моего отца, и хочу знать о нем всё. И хорошее, и... остальное.

— Как прикажете, — белый рыцарь осторожно подбирал слова. — Принц Эйерис... в молодости

увлекся одной дамой из Кастерли Рок, кузиной Тайвина Ланнистера. Когда она вышла замуж за Тайвина, на свадебном пиру ваш отец слишком много выпил, и слышали, будто он заявил: мол, как жалко, что в наши времена отменили право первой ночи. Это, конечно, была просто пьяная шутка, но Тайвин Ланнистер был не тем человеком, что мог просто взять и забыть подобные слова или... вольности, которые ваш отец позволил себе во время проводов молодых в спальню. — Сир Барристан покраснел. — Я и так уже сказал слишком много, ваше величество. Я...

— Милостивая королева, какая встреча! — Они поравнялись с новой процессией, и с другого портшеза ей улыбался Хиздар зо Лорак. «*Мой король*». Дени задалась вопросом, где сейчас находится и что делает Даарио Нахарис. «*Будь это сказкой, он прискакал бы на коне, как только бы мы подошли к храму, и вызвал Хиздара на смертный бой за мою руку*».

Обе процессии — королевы и Хиздара зо Лорака — неторопливо проследовали через весь Миэрин, пока, наконец, не вышли к сиявшему на солнце золотыми куполами Храму Милостей. «*Как красиво*», — уговаривала себя королева, и все же, словно маленькая глупая девочка, высматривала

в толпе Даарио. «*Если бы он любил тебя, то пришёл бы и похитил с мечом в руках, как Рейегар украл свою северянку*», — настаивала в ней девочка, но королева знала, что это глупо. Даже хвати её капитану безрассудства попытаться похитить королеву, Медные Твари изрубили бы его раньше, чем он приблизился к ней хоть на сто ярдов.

Галазза Галар ожидала их перед дверями храма. Зелёную Милость окружали её сестры в белых, розовых, красных, синих, золотых и пурпурных одеяниях. «*Их меньше, чем раньше*». Дени поискала глазами Эззару и не нашла. «*Неужели болезнь унесла и её*?» Хотя королева и бросила астапорцев голодать за стенами города, чтобы не пустить моровое поветрие внутрь, оно всё равно все росло. Многие пали его жертвами: вольноотпущенники, наёмники, Медные Твари, даже дотракийцы, хотя никто из Безупречных пока что не заразился. Дени молилась, чтобы самое страшное осталось позади.

Милости вынесли кресло из слоновой кости и золотой таз. Изящно придерживая свой токар, чтобы не наступить на подол, Дейенерис Таргариен опустилась на удобное бархатное сиденье. Хиздар зо Лорак встал на колени, развязал невесте сандалии и омыл ей ноги в тазу. Вокруг пели

пятьдесят евнухов, и десять тысяч глаз смотрели на королеву. «*У него нежные руки*, — подумала она, чувствуя, как стекает между пальцами теплое благовонное масло. — *Если у него окажется и нежное сердце, возможно, со временем я его полюблю*».

Когда ноги королевы были вымыты, Хиздар вытер их мягким полотенцем, заново зашнуровал сандалии и помог невесте встать. Рука об руку они последовали за Зелёной Милостью в храм, где воздух пропах фимиамом и в тени ниш возвышались боги Гиса.

Четыре часа спустя Хиздар и Дени вышли наружу уже как муж и жена, скованные у запястий и щиколоток цепочками жёлтого золота.

Глава 44. Джон

Королева Селиса обрушилась на Чёрный Замок с дочерью, её шутом, служанками, фрейлинами и эскортом из рыцарей, служивых мечников и полусотни солдат. Джон Сноу знал, что все они — люди королевы. «*Может, они и прислуживают Селисе, но по-настоящему служат Мелисандре*». Красная жрица предупредила об их прибытии почти за день до того, как прилетел ворон из Восточного Дозора.

Джон встретил королевский кортеж возле конюшен. Его сопровождали Атлас, Боуэн Марш и полдюжины стражников в чёрных плащах. Если хотя бы половина того, что говорили о королеве, правда, то не стоило появляться перед нею без собственной свиты. Иначе она могла счесть его конюхом и кинуть ему поводья своей лошади.

Снегопад, наконец, переместился на юг, дав им передышку. В воздухе даже повеяло теплом, когда Джон Сноу преклонил колено перед южной королевой.

— Ваше величество, Чёрный Замок приветствует вас и ваших людей.

Королева Селиса взглянула на него сверху вниз.

— Благодарю. Соблаговолите проводить меня к вашему лорду-командующему.

— Мои братья сочли меня достойным этой чести. Я — Джон Сноу.

— Вы? Мне говорили, что вы молоды, но… — лицо королевы Селисы казалось измождённым и бледным. На голове у неё была корона из червонного золота с зубцами в форме языков пламени — близнец той, что носил Станнис.

— … вы можете подняться, лорд Сноу. Это моя дочь, Ширен.

— Принцесса, — Джон склонил голову. Ширен была некрасивым ребенком, а серая хворь ещё больше изуродовала её — кожа на шее и части щеки была серой, ороговевшей и потрескавшейся.

— Мои братья и я к вашим услугам, — сказал он девочке.

Ширен покраснела.

— Благодарю вас, милорд.

— Полагаю, вы знаете моего родственника, сира Акселла Флорента? — продолжила королева.

— Только по письмам, присланным с воронами.

«*И по докладам*». В сообщениях, которые он

получал из Восточного Дозора у Моря, об Акселле Флоренте говорилось много, да только мало хорошего.

— Сир Акселл.

— Лорд Сноу. — Флорент, коренастый мужчина, был широким в груди, но коротконогим. Его щёки и подбородок покрывала жёсткая щетина, а из ушей и носа торчали волосы.

— Мои верные рыцари, — продолжила королева Селиса. — Сир Нарберт, сир Бенетон, сир Брюс, сир Патрик, сир Дорден, сир Малигорн, сир Ламберт, сир Перкин.

Каждый из рыцарей в свою очередь склонил голову. Шута она представлять не стала, но колокольчики на рогатом колпаке и вытатуированные по всему лицу красные и зелёные ромбы невольно притягивали взгляд. «*Пестряк*». В письмах Коттера Пайка упоминалось и о нём. Пайк считал его дурачком.

Затем королева кивнула в сторону ещё одного необычного персонажа в своем окружении: высокого сухопарого человека. Диковинная трехъярусная шляпа из пурпурного фетра только подчёркивала его рост.

— С нами благородный Тихо Несторис, посол Железного Банка Браавоса, прибывший для пере-

говоров с его величеством Станнисом.

Банкир снял шляпу и отвесил глубокий поклон.

— Лорд-командующий. Благодарю вас и ваших братьев за гостеприимство.

Он говорил на общем языке безупречно, лишь с лёгким намеком на акцент. Браавосец на полфута возвышался над Джоном. Тонкая как шпагат бородка доходила банкиру почти до пояса. Одежды тёмно-пурпурного цвета были оторочены горностаем. Узкое лицо обрамлял высокий жёсткий воротник.

— Надеюсь, что не доставлю вам чрезмерных неудобств.

— Что вы, милорд. Мы вам очень рады.

«*По правде говоря, вам мы рады куда больше, чем этой королеве*». Коттер Пайк отправил ворона с предупреждением о приезде банкира. С тех пор Сноу только о нём и думал.

Джон снова повернулся к королеве.

— Покои в Королевской Башне в распоряжении вашего величества на всё время, что вы пожелаете остаться с нами. Это наш лорд-стюард, Боуэн Марш. Он разместит ваших людей.

— Очень любезно с вашей стороны, что нашли для нас место, — слова королевы звучали вполне

вежливо, однако тон говорил: «*Вы всего лишь исполняете свой долг, и лучше бы мне эти ваши покои понравились*».

— Мы не задержимся тут надолго. В крайнем случае, на несколько дней. Отдохнув, мы собираемся сразу перебраться в нашу новую резиденцию в Твердыне Ночи. Путешествие из Восточного Дозора было утомительным.

— Как пожелаете, ваше величество, — ответил Джон. — Вы, наверняка, голодны и замёрзли. Горячий обед ждёт вас в нашем Общем зале.

— Очень хорошо, — королева оглядела двор. — Но сначала мы хотели бы побеседовать с леди Мелисандрой.

— Конечно, ваше величество. Её комнаты тоже в Королевской Башне. Сюда, пожалуйста.

Королева Селиса кивнула, взяла дочь за руку и позволила ему увести их от конюшен. Сир Акселл, браавосский банкир и все остальные последовали за ними, словно выводок гусят, закутанных в шерсть и меха.

— Ваше величество, — сказал Джон Сноу, — мои строители сделали всё возможное, чтобы подготовить Твердыню Ночи к вашему прибытию… но всё же значительная часть ещё лежит в руинах. Это большой замок, самый крупный на Стене, и

нам удалось восстановить его лишь частично. Возможно, вам было бы удобнее в Восточном Дозоре у Моря.

Королева Селиса фыркнула.

— Хватит с нас Восточного Дозора. Нам в нём не понравилось. Королева должна быть хозяйкой под своей собственной крышей. Ваш Коттер Пайк оказался неотёсанным и неприятным человеком, сварливым и скупым.

«*Послушали бы вы, что говорит о вас Коттер*».

— Мне очень жаль, но боюсь, условия в Твердыне Ночи понравятся вам ещё меньше. Мы же говорим о крепости, а не о дворце. Мрачное, холодное место. В то время как Восточный Дозор…

— Восточный Дозор небезопасен, — королева положила руку на плечо дочери. — Вот законная наследница короля. Однажды Ширен сядет на Железный Трон и будет править Семью Королевствами. Её нельзя подвергать опасности, а именно Восточный Дозор — возможная цель для нападения. Мой супруг выбрал нашей резиденцией эту Твердыню Ночи, и мы должны повиноваться. Мы… ох!

Из-за развалин башни лорда-командующего появилась гигантская тень. Принцесса Ширен взвизгнула, а три королевских рыцаря ахнули в

унисон. Послышалась ругань.

— Спасите нас Семеро, — сказал кто-то, от неожиданности позабыв про своего нового красного бога.

— Не бойтесь, — успокоил их Джон. — Ваше величество, он не причинит вреда. Его зовут Вун Вун.

— Вун Вег Вун Дар Вун, — голос великана громыхал, словно несущийся со склона горы валун. Он опустился перед ними на колени, но даже коленопреклонённый возвышался над всеми.

— Королева поклонщиков. Маленькая королева. — Этим словам его, без сомнения, обучил Кожаный.

Глаза принцессы Ширен стали огромными, как блюдца.

— Это великан! Настоящий, взаправдашний великан, как в сказках. Но почему он так чудно говорит?

— Он пока выучил всего несколько слов на общем языке, — ответил Джон. — В своих землях великаны разговаривают на древнем языке.

— Можно мне его потрогать?

— Лучше не надо, — предостерегла её мать. — Взгляни на него — что за мерзкое существо.

Королева обратила недовольный взгляд на

Джона.

— Лорд Сноу, что это чудовище делает по нашу сторону Стены?

— Вун Вун гость Ночного Дозора, так же как и вы.

Ответ не понравился ни королеве, ни её рыцарям. Сир Акселл скривился от отвращения, сир Брюс нервно хихикнул, а сир Норберт сказал:

— Мне говорили, что великаны вымерли.

— Почти полностью.

«*Игритт оплакивала их*».

— Мертвецы во тьме танцуют, — Пестряк шаркнул ногами в гротескном танцевальном па. — Я знаю, я-то знаю.

В Восточном Дозоре кто-то сшил для него пёструю накидку из бобровых шкурок, овчины и заячьего меха. Торчавшие на колпаке рога были увешаны колокольчиками и длинными коричневыми полосками беличьего меха, свисавшими до самых ушей, и при каждом шаге раздавался перезвон.

Разинув рот от изумления, Вун Вун уставился на шута, но едва протянул к нему руку, как дурак со звоном отскочил назад.

— О нет, о нет, о нет.

Вун Вун в свою очередь вскочил на ноги. Ко-

ролева сгребла в охапку принцессу Ширен и оттащила её назад, рыцари схватились за мечи, а Пестряк в смятении помчался прочь, оступился и плюхнулся задом в сугроб.

Вун Вун засмеялся. Смех великана мог бы посрамить и рев дракона. Шут заткнул уши, принцесса Ширен уткнулась лицом в меха матери, а самый смелый из людей королевы выдвинулся вперед, обнажив сталь. Джон вскинул руку, преграждая ему дорогу.

— Не стоит его злить. Уберите свой меч, сир. Кожаный, уведи Вун Вуна обратно в Башню Хардина.

— Вун Вун есть? — спросил великан.

— Есть, — согласился Джон и обратился к Кожаному:

— Я пришлю бушель овощей для него и мясо для тебя. Разведи огонь.

Кожаный ухмыльнулся.

— Я бы с удовольствием, м'лорд, но в Башне Хардина холодно как в могиле. Может, м'лорд распорядится прислать нам и вина, чтобы согреться?

— Только тебе. Не ему.

До того, как попасть в Чёрный Замок, Вун Вун никогда не пил вина, но раз попробовав, воспы-

лал к нему огромной любовью. «*Пожалуй, даже чересчур пристрастился*».

Джону сейчас хватало хлопот и без пьяного великана. Он вновь обернулся к рыцарям королевы.

— Мой лорд-отец говорил, что не стоит обнажать меч, если не собираешься его использовать.

— Я и собирался им воспользоваться. — Обветренное лицо рыцаря было чисто выбрито. Под плащом из белого меха была надета серебряная парчовая накидка, украшенная синими пятилучевыми звездами. — Я думал, что Ночной Дозор создан для защиты королевства от таких чудовищ. Никто не упоминал, что вы держите их вместо домашних зверушек.

«*Ещё один проклятый дурак-южанин*».

— А вы?..

— Сир Патрик с Королевской Горы, милорд.

— Не знаю, сир, как на вашей горе относятся к законам гостеприимства. На севере эти законы священны. Вун Вун — наш гость.

Сир Патрик улыбнулся.

— Скажите, лорд Сноу, а если появятся Иные, вы и их тоже примете по законам гостеприимства? — Рыцарь обернулся к своей королеве. — Ваше

величество, если не ошибаюсь, это Королевская Башня. Окажите мне честь?

— Если вам будет угодно.

Королева приняла предложенную руку и прошествовала мимо братьев Ночного Дозора, не удостоив их взглядом.

«*Языки пламени на её короне — самое тёплое, что в ней есть*».

— Лорд Тихо, — позвал Джон. — Задержитесь на минутку.

Браавосец остановился.

— Я не лорд. Простой человек на службе Железного Банка Браавоса.

— Коттер Пайк сообщил мне, что вы прибыли в Восточный Дозор с тремя кораблями. Галеас, галера и ког.

— Именно так, милорд. В это время года путь через море опасен. В одиночку корабль может пойти ко дну, а три корабля помогут друг другу. Железный Банк всегда предусмотрителен в подобных делах.

— Не могли бы мы перекинуться парой слов перед тем, как вы уедете?

— Я к вашим услугам, лорд-командующий. У нас в Браавосе говорят: «лучшее время — прямо сейчас». Вы согласны?

— Почему бы и не сейчас. Поднимемся ко мне в покои, или вы хотели бы посетить вершину Стены?

Банкир взглянул вверх, где на фоне неба вырисовывалась ледяная громада.

— Боюсь, там, наверху, сильный мороз.

— И ветрено к тому же. Привыкаешь ходить подальше от края. Случалось, людей сдувало. И всё же ничто на свете не сравнится со Стеной. У вас может не оказаться другой возможности, чтобы это увидеть.

— Вне всякого сомнения, на смертном одре я прокляну свою осторожность, но после долгого дня в седле тёплая комната кажется мне гораздо привлекательней.

— Тогда, в мои покои. Атлас, пожалуйста, подогрей нам вина.

В комнатах Джона за арсеналом было вполне тихо, хотя и не слишком тепло. Огонь погас довольно давно — Атлас подкармливал его не столь усердно, как Скорбный Эдд. Ворон Мормонта встретил их криком: «*Зерно*!» Джон повесил плащ на крюк.

— Вы прибыли в поисках Станниса, верно?

— Именно так, милорд. Королева Селиса предлагала отправить в Темнолесье письмо с вороном,

сообщив его величеству о том, что я ожидаю аудиенции в Твердыне Ночи. Но вопрос, с которым я собираюсь обратиться к королю, слишком деликатен, чтобы доверять его письмам.

— Долги. — «*Что же ещё*»? — Его долги? Или долги его брата?

Банкир сцепил пальцы.

— Мне не подобает обсуждать задолженность лорда Станниса или её отсутствие. Что до короля Роберта… мы действительно имели честь оказать ему поддержку в час нужды. Пока Роберт здравствовал, всё шло хорошо. Теперь же Железный Трон прекратил выплаты.

«*Неужели Ланнистеры настолько глупы*?»

— Вы не можете считать Станниса ответственным за долги его брата.

— Долг за Железным Троном, — заявил Тихо, — и кто бы на нём ни сидел, должен расплатиться. Поскольку молодой король Томмен и его советники оказались столь упрямыми, мы решили обратиться с этим вопросом к королю Станнису. Если он окажется более достойным нашего доверия, мы будем рады предоставить ему любую помощь, которая потребуется.

– *Помощь*! — закричал ворон. — *Помощь, помощь, помощь*!

По большей части Джон догадывался об этом с момента, когда узнал, что Железный Банк направил посла на Стену.

— Последнее, что нам известно — его величество выступил в поход на Винтерфелл, чтобы сразиться с лордом Болтоном и его союзниками. Вы могли бы встретиться с ним там, только это рискованно. Есть большая вероятность оказаться в гуще войны.

Тихо склонил голову.

— Служа Железному Банку, мы встречаемся со смертью лицом к лицу так же часто, как и вы, служа Железному Трону.

«*Ему ли я служу*?» Джон не был так уверен.

— Я могу предоставить лошадей, снабдить провизией, проводниками и всем, что понадобится, чтобы добраться до Темнолесья. Оттуда вам придется следовать за Станнисом самостоятельно. «*И вы, возможно, найдёте только его голову, насаженную на пику*». — Всё это — за свою цену.

– *Цена*! — закричал ворон Мормонта. — *Цена, цена*!

— У всего есть цена, разве не так? — улыбнулся браавосец. — Что же нужно Дозору?

— Ваши корабли, для начала. Со всей командой.

— Все три? Как же я вернусь в Браавос?

— Они нужны мне только для одного путешествия.

— Опасного путешествия, полагаю. Вы сказали «*для начала*»?

— Нам также потребуется кредит. Золото, чтобы прокормить нас до прихода весны. Закупить провизию и нанять корабли, которые доставят её сюда.

— До весны? — Тихо вздохнул. — Это невозможно, милорд.

Что там говорил ему Станнис? «*Вы торгуетесь, как старуха за треску, лорд Сноу. Лорд Эддард зачал вас с торговкой рыбой*?» Возможно, он был прав.

Прошло больше получаса, прежде чем невозможное стало возможным, и ещё час потребовался на согласование условий. Кувшин подогретого вина, принесённый Атласом, помог сгладить самые острые углы. К тому времени, как Джон подписал пергамент, предложенный браавосцем, оба были полупьяны и весьма недовольны. Джон счел это хорошим знаком.

С тремя браавосскими кораблями флот Восточного Дозора увеличится до одиннадцати, если считать реквизированное Коттером Пайком по

приказу Джона иббенийское китобойное судно, торговую галеру из Пентоса, которую постигла та же участь, и три потрёпанных лиссенийских военных корабля — остатки бывшего флота Салладора Саана, занесённые на север осенними штормами. Все три судна Саана нуждались в ремонте, но теперь их уже должны были привести в порядок.

Одиннадцати кораблей было недостаточно, но если тянуть ещё дольше, вольный народ в Суровом Доле перемрёт до прибытия спасателей. «*Плыть сейчас или не плыть вовсе*». И неизвестно, окажутся ли Матушка Кротиха и её последователи доведены до такого отчаяния, чтобы согласиться вверить свои жизни Ночному Дозору…

Когда Тихо Несторис покидал покои Джона, уже стемнело. Пошел снег.

— Сдаётся мне, передышка оказалась короткой, — Джон поплотнее запахнул плащ.

— Зима вот-вот нагрянет. В день, когда я покидал Браавос, каналы покрылись коркой льда.

— Через Браавос не так давно должны были проехать трое моих людей, — сказал банкиру Джон. — Старый мейстер, певец и молодой стюард, сопровождавшие в Старомест девушку из

одичалых и её ребенка. Думаю, вряд ли вы о них слышали?

— Боюсь, что так, милорд. Вестеросцы бывают в Браавосе каждый день, но по большей части приезжают и уезжают из Тряпичного порта. Корабли Железного Банка швартуются в Пурпурной Гавани. Если пожелаете, я мог бы навести о них справки, когда вернусь домой.

— Не стоит. Теперь они уже должны быть в безопасности в Староместе.

— Будем надеяться. Узкое море в это время года полно опасностей, кроме того, начали поступать тревожные сообщения о странных кораблях, замеченных на Ступенях.

— Салладор Саан?

— Лисенийский пират? Говорят, он занялся своим привычным ремеслом. А ещё и военные корабли лорда Редвина курсируют среди островов Сломанной Руки. На пути домой, конечно же. Но этих людей и эти корабли мы знаем. Нет, там были другие паруса… с дальних восточных берегов, быть может… и ходят странные слухи о драконах.

— Нам бы сюда одного. Дракон мог бы нас немного согреть.

— Милорд шутит. Простите меня, что я не сме-

юсь. Мы, браавосцы — потомки тех, кто бежал из Валирии от гнева драконьих повелителей. Мы не шутим о драконах.

«*Да, похоже, что так*».

— Приношу свои извинения, лорд Тихо.

— Не стоит, лорд-командующий. Кажется, я проголодался. От предоставления займа на такую крупную сумму золотом разыгрался аппетит. Не будете ли вы любезны объяснить мне, как пройти в вашу трапезную?

— Я сам провожу вас, — Джон сделал приглашающий жест. — Сюда.

Когда они пришли, Джон решил, что будет невежливо, если он не разделит хлеб с банкиром, и послал за едой. Известие о новоприбывших привлекло почти всех, кто не был на дежурстве или не спал, так что в помещении было душно и полно народа.

Королева с дочерью отсутствовали. Скорее всего, они обустраивались в Королевской Башне. Однако сиры Брюс и Малегорн были тут как тут, развлекая братьев новостями из Восточного Дозора и из-за моря. Три королевские фрейлины сидели рядком, и им прислуживали служанки и с дюжину воздыхателей из Ночного Дозора.

Ближе к входу Десница королевы налегал на

каплунов, срывая мясо с костей и запивая элем каждый кусок. Заметив Джона Сноу, Акселл Флорент отшвырнул в сторону кость, вытер рот тыльной стороной ладони и вразвалку двинулся к нему. Он выглядел комично — ноги колесом, грудь как бочонок, торчащие уши, но Джон знал, что лучше над ним не смеяться. Сир Акселл был дядей королевы Селисы и одним из первых принял красного бога Мелисандры. «*Если он и не убивал своих родичей, то был недалек от этого*». Мейстер Эйемон рассказывал о том, что Мелисандра сожгла родного брата Акселла Флорента, а тот ничего не предпринял, чтобы её остановить. «*Что за человек будет стоять и смотреть, как его собственного брата сжигают заживо*?»

— Несторис, — сказал сир Акселл, — и лорд-командующий. Могу я к вам присоединиться? — и опустился на скамью еще до того, как они успели ответить.

— Лорд Сноу, если позволите спросить… принцесса одичалых, о которой писал его величество король Станнис, где она, милорд?

«*За много лиг отсюда*, — подумал Джон, — *если боги милостивы, сейчас она уже отыскала Тормунда Великанью Смерть*».

— Вель — младшая сестра Даллы, которая была

женой Манса Налётчика и матерью его сына. Далла умерла в родах, а король Станнис захватил Вель и ребенка, но она не принцесса, не так, как вы себе это представляете.

Сир Акселл пожал плечами.

— Кем бы она ни была, в Восточном Дозоре говорили, что девка хороша собой. Я хотел бы увидеть её своими глазами. Некоторых из женщин этих одичалых нормальному мужчине пришлось бы повернуть лицом вниз, чтобы выполнить супружеский долг. Будьте любезны, лорд-командующий, приведите её, чтобы мы могли взглянуть.

— Она не лошадь, чтобы выводить её на осмотр, сир.

— Обещаю не смотреть ей в зубы, — усмехнулся Флорент. — И не бойтесь, я буду обращаться с ней со всем подобающим уважением.

«*Он знает, что её здесь нет*». В Чёрном Замке как в деревне — вести разносятся быстро. Об отъезде Вель не говорили в открытую, но кое-кто был в курсе, и в общем зале по ночам велись разговоры между братьями. «*Что он слышал*? — хотел бы знать Джон. — *Во что готов поверить*?»

— Прошу прощения, сир, но Вель к нам не присоединится.

— Я сам схожу к ней. Где вы держите девку?

«*Подальше от вас*».

— В безопасном месте. Довольно, сир.

Лицо рыцаря вспыхнуло.

— Милорд, вы забыли, кто я? — от него разило элем и луком. — Может, мне поговорить с королевой? Одно слово её величества, и одичалую голышом выставят в общем зале нам на обозрение.

«*Это будет нелегко устроить — даже королеве*».

— Королева никогда не злоупотребит нашим гостеприимством, — сказал Джон, надеясь, что это действительно так. — Теперь же, боюсь, мне придется удалиться, пока я не забыл о своем долге перед гостями. Лорд Тихо, прошу меня извинить.

— Да, конечно, — ответил банкир. — Не беспокойтесь.

Снаружи снегопад только усилился. Королевская Башня на другой стороне двора превратилась в громоздкую тень, падающий снег приглушал свет из её окон.

В покоях Джона встретил ворон Старого Медведя, усевшийся, как на насест, на спинку обитого кожей дубового стула. Стоило Джону войти, как птица раскричалась, требуя еды. Он взял горсть

сухого зерна из мешка, стоявшего у дверей, рассыпал по полу, и затем уселся на стул.

Тихо Несторис оставил копию заключенного между ними соглашения. Джон перечитал его трижды. «*Это было просто*, — подумал он. — *Проще, чем я смел надеяться. Легче, чем следовало*».

От этих мыслей его охватило тревожное ощущение. Браавосские деньги позволят Ночному Дозору закупить провизию на юге, когда их собственные припасы истощатся, чтобы продержаться до конца зимы, какой бы долгой она ни оказалась. «*Долгая тяжёлая зима загонит Ночной Дозор в такие долги, что мы никогда не расплатимся*, — напомнил себе Джон. — *Но если выбор стоит между долгом и смертью, лучше взять в долг*».

И всё же ему это не нравилось. А когда придет весна и время платить по счетам, наверняка понравится ещё меньше. Тихо Несторис произвел на него впечатление культурного и образованного человека, однако репутация Железного Банка Браавоса в вопросах сбора задолженностей была устрашающей. В каждом из Девяти Вольных Городов имелся свой банк, в некоторых даже несколько. Они грызлись за каждую монету, как собаки за кость, но Железный Банк был богаче и

могущественнее всех остальных вместе взятых. Когда принцы отказывались возвращать долги меньшим банкам, разорённые банкиры продавали жен и детей в рабство и вскрывали вены. Когда принцы не могли вернуть долг Железному Банку, словно из ниоткуда появлялись новые принцы и занимали их троны.

«*Бедному пухлому Томмену, возможно, ещё предстоит об этом узнать*». Без сомнения, у Ланнистеров должны быть веские причины, чтобы отказываться платить по долгам короля Роберта, и всё же это глупо. Если Станнис не станет упрямиться и примет их условия, браавосцы дадут столько золота и серебра, сколько ему потребуется. Достаточно, чтобы нанять дюжину отрядов наёмников, подкупить сотню лордов, содержать своих людей сытыми, одетыми, вооруженными и хорошо платить им. «*Если только Станнис не лежит мёртвым под стенами Винтерфелла, возможно, он только что завоевал Железный Трон*». Джону стало интересно: не это ли видела Мелисандра в своем пламени.

Он откинулся на спинку стула, зевнул и потянулся. Завтра надо набросать приказы для Коттера Пайка. «*Отправьте одиннадцать кораблей в Суровый Дол. Привезите столько людей,*

сколько сможете, женщин и детей в первую очередь». Пора поднимать паруса. «*Отправиться самому, или поручить это Коттеру*?» Старый Медведь сам повел разведчиков. «*Верно. И больше не вернётся*».

Джон прикрыл глаза — всего лишь на мгновение… и проснулся, закоченевший. Малли тряс его, а ворон Старого Медведя тихо каркал:

– *Сноу, Сноу*.

— М'лорд, вас зовут. Прошу прощенья, м'лорд. Нашли девушку.

— Девушку? — Джон сел, протирая заспанные глаза. — Вель? Вель вернулась?

— Не Вель, м'лорд. Это произошло на нашей стороне Стены.

«*Арья*». Джон выпрямился. Это, наверняка, она.

– *Дева*! — закричал ворон. — *Дева, дева*!

— Тай и Даннел наткнулись на неё в двух лигах к югу от Кротового городка. Они преследовали одичалых, сбежавших за Королевский тракт. Этих вернули, а потом ещё обнаружили и девушку. Она из благородных, м'лорд, и спрашивала о вас.

— Сколько с ней человек? — Джон подошел к умывальнику, плеснул водой в лицо. Боги, как же он устал.

— Ни одного, м'лорд. Она приехала одна. Ло-

шадь под ней едва не пала. Кожа да кости, хромая и вся в мыле. Они её прирезали, а девушку привезли, чтобы допросить.

«*Серая девушка на умирающей лошади*».

Похоже, пламя Мелисандры не лгало. Но что случилось с Мансом - Налётчиком и его копьеносицами?

— Где сейчас эта девушка?

— В покоях мейстера Эйемона, м'лорд, — обитатели Чёрного Замка до сих пор называли их так, хотя старый мейстер, скорее всего, уже находился в безопасности в тёплом Староместе. — Девушка вся посинела от холода и дрожала так, что чуть не отдала богу душу. Тай хотел, чтобы Клидас её осмотрел.

— Хорошо, — Джон снова почувствовал себя пятнадцатилетним. «*Сестренка*». Он встал и накинул плащ.

Когда они с Малли шли через двор, снегопад всё ещё продолжался. На востоке занимался золотой рассвет, но за окном леди Мелисандры в Королевской Башне мерцал красноватый огонек. «*Она что, совсем не спит? Что за игру ты ведешь, жрица? Были ли у тебя другие планы на Манса*?»

Ему хотелось верить, что это Арья. Хотелось ещё раз увидеть лицо сестры, улыбнуться и

взлохматить её шевелюру, сказать, что ей больше ничего не угрожает. «*Но здесь она не будет в безопасности. Винтерфелл сожжён и разрушен, и безопасных мест больше не осталось*».

Он не мог оставить её у себя, неважно, как сильно ему этого хотелось. Стена — не место для женщины, тем более для девушки благородного происхождения. Не собирался он и отдавать её Станнису или Мелисандре. Король захотел бы выдать Арью за одного из своих людей — за Хорпа или Мэсси, или Годри Убийцу Гигантов, и одним богам известно, какое применение нашла бы для неё красная женщина.

Лучшее, что Джон мог придумать, это отвезти Арью в Восточный Дозор, чтобы Коттер Пайк отправил её на корабле куда-нибудь за море — туда, куда не дотянутся эти вздорные короли. Конечно, придётся подождать, пока корабли вернутся из Сурового Дола. «*Она могла бы вернуться в Браавос с Тихо Несторисом. Возможно, Железный Банк нашёл бы благородное семейство, которое взяло бы ее на попечение*». Вот только Браавос был самым ближним из Вольных Городов… что делало этот выбор самым удачным и самым неудачным одновременно. «*Лорат или Порт Иббен были бы безопаснее*». И куда бы он ни отправил сестру,

Арье потребуются деньги, крыша над головой, и кто-нибудь, кто её защитит. Она же ещё ребенок.

В бывших покоях мейстера Эйемона было так тепло, что из открытой двери им с Малли навстречу, ослепив обоих, вырвалось облако пара. Внутри горел только что разожженый очаг, потрескивали поленья. Джон перешагнул через груду сырой одежды. «*Сноу, Сноу, Сноу*», — выкрикивали наверху вороны. Девушка, закутанная в шерстяной чёрный плащ в три раза больше её, свернулась калачиком подле огня и крепко спала.

Она была довольно похожа на Арью, чтобы он мог обмануться — но только на мгновение. Высокая, худая, похожая на жерёбенка девушка, одни локти да коленки, каштановые волосы заплетены в толстую косу и перевязаны кожаным шнурком. У неё было длинное лицо, заострённый подбородок, маленькие уши.

Но она была взрослой, слишком взрослой. «*Эта девушка почти одного возраста со мной*».

— Она поела? — спросил Джон у Малли.

— Только хлеб и бульон, милорд, — Клидас поднялся из своего кресла. — Мейстер Эйемон всегда говорил, что лучше не торопиться. Если дать ей больше, она не сможет переварить пищу.

Малли кивнул.

— У Даннела была с собой одна Хоббова колбаска, он предложил ей кусок, но она к нему даже не притронулась.

Джон её за это не винил. Хоббовы колбаски сделаны из жира и соли, а об остальных ингредиентах лучше и не знать.

— Наверное, надо дать ей отдохнуть.

И тут девушка села, прижимая плащ к своей маленькой бледной груди.

— Где?.. — Она, похоже, была в замешательстве.

— Чёрный Замок, миледи.

— Стена, — её глаза наполнились слезами. — Я добралась.

Клидас придвинулся ближе.

— Бедное дитя. Сколько тебе лет?

— Будет шестнадцать на следующие именины. И я не дитя, а женщина, взрослая и расцветшая, — она зевнула, прикрыв рот краем плаща. Между распахнувшимися полами выглянула голая коленка. — Вы не носите цепь. Вы мейстер?

— Нет, — ответил Клидас, — но я служил у мейстера.

«*Она действительно немного похожа на Арью*, — подумал Джон. — *Изголодавшаяся и тощая, но*

волосы у нее того же цвета, и глаза тоже».

— Мне сказали, что вы спрашивали обо мне. Я…

— Джон Сноу, — девушка отбросила назад косу. — Наши с вами семьи соединены кровными узами и узами чести. Выслушайте меня, родич. Мой дядя Креган идет за мной по следу. Вы не должны позволить ему забрать меня обратно в Карлхолд.

Джон пристально смотрел на неё. «*Я знаю эту девушку*». Было что-то такое в её глазах, в том, как она говорила, в том, как держалась. Несколько мгновений воспоминания ускользали от него, но потом он вспомнил.

— Элис Карстарк.

Эти слова отразились тенью улыбки на её губах.

— Я не была уверена, вспомните ли вы. Мне было шесть во время нашей последней встречи.

— Вы приезжали в Винтерфелл со своим отцом.

«*С отцом, которого Робб обезглавил*».

— Не помню, по какому поводу.

Она вспыхнула.

— Чтобы я могла познакомиться с вашим братом. Возможно, был ещё какой-то предлог, но настоящая причина в этом. Мы с Роббом были

почти одного возраста, и мой отец считал, что мы можем стать парой. Был пир. Я танцевала и с вами, и с вашим братом. *Он* был очень галантен и заметил, что я прекрасно танцую. Вы были угрюмы. Мой отец сказал, что этого и следует ожидать от бастарда.

— Я помню. — Это было ложью только наполовину.

— Вы до сих пор немного угрюмы, — сказала девушка, — но я прощу вам это, если вы спасете меня от моего дяди.

— От вашего дяди… то есть, от лорда Арнольфа?

— Никакой он не лорд, — пренебрежительно произнесла Элис. — Мой брат Харри — лорд по праву, и по закону его наследница — я. Дочь наследует перед дядей. Дядя Арнольф только кастелян. Он на самом деле мой двоюродный дед, дядя *моего отца*. Креган — его сын. Полагаю, он приходится мне двоюродным братом, но мы всегда звали его дядей. Теперь они хотят заставить меня звать его мужем, — она сжала кулаки. — До войны я была обручена с Дарином Хорнвудом. Мы ждали, когда я расцвету, чтобы пожениться, но Цареубийца убил Дарина в Шепчущем Лесу. Отец писал, что найдёт какого-нибудь южно-

го лорда, который женится на мне, но так и не сделал этого. Ваш брат Робб отрубил ему голову за убийство Ланнистеров, — ее рот скривился. — Я-то считала, что поход на юг был затеян ради того, чтобы убить пару-тройку Ланнистеров.

— Всё было… не так просто. Лорд Карстарк лишил жизни двух пленников, миледи. Безоружных мальчиков, оруженосцев, прямо в темнице.

Девушка не казалась удивлённой.

— Мой отец никогда не ревел, как Большой Джон, но в гневе был также опасен. Однако теперь он мёртв. Как и ваш брат. Но мы с вами здесь, и всё ещё живы. Есть ли между нами кровная вражда, лорд Сноу?

— Когда человек надевает чёрное, то оставляет всех своих врагов позади. У Ночного Дозора нет разногласий ни с Карлхолдом, ни с вами.

— Хорошо. Я опасалась… Я умоляла отца оставить одного из моих братьев кастеляном, но никто из них не хотел упустить славы и наживы, которые можно завоевать на юге. Теперь Торр и Эдд мертвы. Последнее, что мы слышали о Харри — он был пленником в Девичьем Пруду, но это было больше года назад. Может, и он тоже мертв. Я не знала, к кому еще обратиться, если не к последнему сыну Эддарда Старка.

— Почему не к королю? Карлхолд выступил за Станниса.

— Мой дядя примкнул к Станнису в надежде, что из-за этого Ланнистеры отрубят голову бедному Харри. Если брат умрет, Карлхолд перейдет ко мне, но мои дяди хотят присвоить то, что принадлежит мне по праву рождения. Как только Креган получит от меня ребенка, я им больше не нужна. Он уже успел похоронить двух жен, — она сердито отёрла слезу — так, как могла бы сделать Арья. — Вы поможете мне?

— Браками и наследованием занимается король, миледи. Я напишу Станнису о вас, но…

Элис Карстарк засмеялась, но это был смех отчаяния.

— Пишите, но не ждите ответа. Станнис умрет до того, как успеет получить ваше послание. Мой дядя позаботится об этом.

— Что вы имеете в виду?

— Арнольф спешит к Винтерфеллу, это правда, но только для того, чтобы воткнуть кинжал в спину королю. Он давным-давно продался Русе Болтону… за золото, за обещание помилования, за голову бедного Харри. Лорд Станнис идет на бойню. Так что он мне не поможет, даже если бы и захотел, — Элис встала перед ним на колени,

вцепившись в чёрный плащ. — Вы моя последняя надежда, лорд Сноу. Именем вашего отца, молю вас. Защитите меня.

Глава 45. Слепая девочка

Её ночи были светлыми, в них мерцали далёкие звёзды, и искрился в лунном сиянии снег, но, просыпаясь по утрам, она окуналась в темноту.

Открыв глаза, она слепо пялилась в окутывавший её мрак, в котором растворился сон. «*Как это прекрасно*». Девочка облизала губы, вспоминая блеяние овец, ужас в глазах пастуха, визг убитых ею одну за другой собак и рычание её стаи. С тех пор, как выпал снег, охотиться стало труднее, но прошлой ночью они славно попировали. Ягнятина, баранина, собачатина и на закуску — человеческая плоть. Некоторые из маленьких серых сестёр боялись людей, даже мертвых, но только не она. Мясо есть мясо, а люди — такая же добыча. Ночью она была волком.

Но только во сне.

Слепая девочка перекатилась на край постели и села, а затем, вскочив на ноги, потянулась, чтобы размять окоченевшее и затёкшее за ночь тело. Постелью ей служил набитый тряпьем тюфяк, брошенный прямо на каменный выступ в стене. Тихая как тень, босиком, едва касаясь

пола маленькими, мозолистыми ступнями, она скользнула к тазику, сполоснула лицо холодной водой и насухо вытерлась. «*Сир Григор*, — перечисляла девочка, — *Дансен, Рафф-Красавчик, сир Илин, сир Меррин, королева Серсея*». Её утренняя молитва. Или не её? «*Нет*, — ответила сама себе она, — *не моя. Я никто. Это молитва ночной волчицы. Когда-нибудь она найдет их и будет охотиться, узнает запах их страха и вкус крови. Когда-нибудь*».

Девочка нащупала в окружающей её темноте сваленное в кучу белье, понюхала, чтобы убедиться, что оно ещё достаточно свежее, и натянула на себя. Одеяние служки находилось там же, где она его повесила. Схватив длинную тунику из грубой и колючей некрашеной шерсти, девочка натянула её через голову одним уверенным заученным движением, а потом надела носки. Один из них был белый, а другой — чёрный, с заплаткой на мыске. По ней она всегда могла его отличить, чтобы не перепутать, на какую ногу какой надевать. Девочка очень радовалась тому, что её худенькие, но сильные и пружинистые ножки с каждым днём становились всё длиннее.

Водяному плясуну необходимы хорошие ноги. Слепая Бет — не Водяной плясун, но не навечно

же она останется Бет.

Дорога к кухне была ей прекрасно знакома, впрочем, нос всё равно прямиком бы привел её туда. «*Острый перец, жареная рыба,* — принюхавшись, определила девочка, — *и свежий испечённый Уммой хлеб*». От запахов у неё заурчало в животе. И хотя волчица ночью наелась до отвала, в животе слепой девочки было пусто. Мясом из снов не наешься — этот урок она усвоила давно.

Завтрак состоял из обжаренной в перчёном масле хрустящей сардины. Поданная на стол рыба была такой горячей, что обжигала пальцы. Девочка собрала остатки масла куском хлеба, оторванным от утреннего каравая Уммы, и запила всё кубком разбавленного водой вина. Она ела, наслаждаясь вкусами и запахами, ощущением грубой хлебной корки под пальцами, липкостью масла, жжением острого перца, попавшим в незажившую царапину на тыльной стороне ладони. «*Слушать, обонять, пробовать на вкус, чувствовать*, — напомнила себе девочка. — *У лишённых зрения есть множество других способов познавать мир*».

За спиной в комнату кто-то вошел — тихо, словно мышь, ступая по полу в туфлях на войлочной

подошве. Её ноздри затрепетали. «*Добрый человек*». Мужской запах отличался от женского, и, кроме того, в воздухе повеяло цитрусовым ароматом. Жрец обожал жевать апельсиновую кожуру, чтобы освежить дыхание.

— И кто же ты сегодня утром? — спросил он, заняв место во главе стола. «*Тук, тук*», — услышала она, а затем раздался негромкий хруст. «*Принялся за первое яйцо*».

— Никто, — ответила девочка.

— Ложь. Я тебя знаю. Ты та слепая побирушка.

— Бет. — Она раньше знавала одну Бет, в Винтерфелле, когда была Арьей Старк. Наверное, потому и выбрала это имя. А может из-за того, что оно просто очень подходило слепой девочке.

— Бедное дитя, — сказал Добрый человек. — Ты бы хотела вернуть свои глаза? Только попроси и прозреешь.

Он спрашивал об этом каждое утро.

— Может, захочу завтра. Не сегодня. — Её лицо застыло, словно неподвижная вода: скрывая всё, не выдавая ничего.

— Как пожелаешь. — Она слышала, как он очищает яйцо от скорлупы. Затем раздался тонкий серебряный звон — Добрый человек взял ложку для соли. Ему нравились круто посоленные

яйца.

— Где моя бедная слепая девочка просила милостыню прошлой ночью?

— У постоялого двора «Зелёный угорь».

— И какие три новые неизвестные вещи ты узнала?

— Морской Лорд всё ещё болен.

— Это не новость. Морской Лорд болел вчера и будет завтра.

— Или умрет.

— Тогда кончина станет новостью.

«*После его смерти, начнутся выборы, и тогда в ход пойдут клинки*». Так заведено в Браавосе. В Вестеросе умершему королю наследовал старший сын, но у браавосийцев не было королей.

— Тормо Фрегар станет новым морским лордом.

— Так говорят в гостинице «Зелёный угорь»?

— Да.

Добрый человек откусил от яйца, девочка слышала, как он жует. Он никогда не говорил с набитым ртом. Наконец, жрец проглотил пищу и сказал:

— Некоторые утверждают, что «истина в вине». Глупцы. Будь уверена, в других тавернах сплетники упоминают другие имена. — Он ещё раз

откусил, прожевал и проглотил. — Так, что ты узнала из того, что не знала раньше?

— Я узнала, что кое-кто болтает, будто Тормо Фрегар определенно станет новым морским лордом, — ответила она. — Кое-кто из пьяных людей.

— Уже лучше. А что ещё ты знаешь?

«*В Вестеросе в речных землях идет снег*». Ляпни она это вслух, и жрец бы спросил, откуда ей это известно, а ответ вряд ли бы ему понравился. Девочка прикусила губу, прокручивая в голове события прошлой ночи.

— Шлюха Сфрона родила, но не знает от кого. Думает, что от тирошийского наёмника, которого сама же и прикончила.

— Такое знать полезно. Что ещё?

— Королева морского народа выбрала взамен утонувшей новую Русалку — дочь служанки из дома Прейстанов, тринадцати лет от роду, без гроша за душой, зато красивую.

— Поначалу они все такие, но ты не можешь знать, что Русалка красива, пока не видела её собственными глазами, а глаз у тебя нет. Кто ты, дитя?

— Никто.

— Слепая Бет, нищенка — вот кого я вижу. Она

жалкая лгунья, эта Бет. Приступай к своим обязанностям. Валар моргулис.

— Валар дохаэрис. — Собрав со стола миску, кубок, нож и ложку, девочка поднялась на ноги, а затем взяла трость — пяти футов в длину, изящную и гибкую, толщиной с её палец и с обмотанной кожей рукояткой.

— Лучше чем глаза, если научишься ей пользоваться, — уверила её женщина-призрак.

Очередная ложь. Здесь ей часто лгали, чтобы испытать. Ни одна палка не заменит пару глаз, но иметь такую при себе полезно, и теперь трость всегда была у неё под рукой. Умма стала называть девочку Прутиком, однако имена ничего не значили. Она просто была собой. «*Никем. Я — никто. Всего лишь слепая девочка, простая послушница Многоликого*».

Каждый вечер после ужина женщина-призрак приносила чашку молока и велела его выпить. Напиток имел необычный горьковатый привкус, к которому слепая девочка вскоре стала испытывать отвращение. Не успевала она поднести чашку к губам, как от одного лишь запаха питья возникали рвотные позывы. И тем не менее, всякий раз она осушала чашку.

— Долго мне быть слепой? — спрашивала она.

— Пока тьма не станет для тебя столь же мила, как и свет, — отвечала женщина-призрак, — или пока не попросишь вернуть глаза. Попроси и прозреешь.

«*И тогда меня выгонят*». Лучше уж слепота. Они не заставят меня сломаться.

В день, когда она впервые проснулась слепой, женщина-призрак, взяв её за руку, повела по подвалам и тоннелям, вырубленным в скале, на которой стоял Чёрно-Белый Дом, по крутым каменным лестницам, ведущим в святилище.

— Поднимаясь, считай ступеньки, — посоветовала она. — Проведи по стенам пальцами: на них знаки невидимые глазу, но ощутимые при прикосновении.

Таков был первый урок, за ним последовало множество других.

После полудня наступало время работы с ядами и снадобьями. Она могла обнюхивать, ощупывать и пробовать на вкус вещи, которые хотела изучить. Только когда приходилось толочь яды, трогать и пробовать на вкус, становилось опасно. Некоторые, самые ядовитые зелья женщины-призрака, было опасно даже вдыхать. Обожженные кончики пальцев и покрытые волдырями губы стали обычным делом, а однажды слепая девочка

так сильно отравилась, что её рвало несколько дней.

За ужином занимались языками. Слепая девочка хорошо понимала и бегло говорила на браавосийском, практически избавившись от варварского акцента. Однако Добрый человек не был удовлетворён, он требовал, чтобы она улучшила свой Высокий валирийский и выучила языки Лисса и Пентоса.

Вечером она играла в ложь с женщиной-призраком, но без глаз игра сильно усложнилась. Иногда ей приходилось полагаться только на тон и слова, а временами женщина-призрак позволяла ощупывать своё лицо. Поначалу играть было очень и очень тяжело, почти невозможно… но однажды, когда она уже была готова завизжать от бессилия, вдруг стало намного легче. Слепая девочка научилась слышать ложь, чувствовать её в игре мышц вокруг рта и глаз.

Большая часть её обязанностей осталась прежней, но теперь девочка спотыкалась о мебель, впечатывалась в стены, роняла подносы и безнадежно терялась во внутренних помещениях храма. А один раз даже чуть не навернулась головой вниз с лестницы, и только навыки сохранять равновесие, полученные от Сирио Фореля в про-

шлой жизни, когда её звали Арьей, помогли ей вывернуться и чудом удержаться от падения.

Будь она Арри, Лаской, Кошкой или Арьей из дома Старк, то рыдала бы ночами навзрыд… но у той, что не было имени, не было и слез. Без зрения даже самая простая задача превращалась в опасную. Девочка дюжину раз обжигалась, помогая Умме на кухне, и как-то, шинкуя лук, порезала палец до кости. Два раза слепой девочке, не нашедшей свою комнату в подземелье, пришлось спать на полу у подножия лестницы. Несмотря на освоенное ею умение использовать слух, углы и ниши превращали храм в западню. Звук шагов, эхом отраженный от потолков и ног каменных истуканов, создавал впечатление движущихся стен. Неподвижный чёрный пруд тоже творил со звуками странные вещи.

— У тебя пять органов чувств, — наставлял её Добрый человек. — Научившись пользоваться четырьмя оставшимися, получишь меньше порезов, ссадин и ушибов.

Теперь она могла ощущать дуновение воздуха на своей коже, находить кухню по запаху, обоняние помогало ей отличить мужчину от женщины. Она узнавала Умму, слуг и аколитов по звуку их шагов, прежде чем их запах достигал её

носа. Исключением являлись женщина-призрак и Добрый человек, передвигавшиеся бесшумно, если только не хотели обратного. Обычно в храме горели свечи с различными ароматами, но даже простые источали тонкий запах дымившихся фитилей. Это был словно крик, и девочка смогла улавливать его, как только научилась использовать свой нос.

Мертвецы тоже пахли. Одной из её обязанностей было каждое утро находить умерших в храме, где бы те не решили закрыть глаза и прилечь, испив воды из пруда.

Этим утром она отыскала два трупа.

Первый принадлежал мужчине, испустившему дух у ног Неведомого. Одинокая свеча, мерцавшая над телом, испускала тепло, а аромат щекотал ноздри. Девочка знала, что для тех, кто имеет глаза, свеча горит багровым пламенем, окутывая мертвеца алым свечением. Перед тем, как позвать слуг унести труп, она, опустившись на колени, ощупала лицо покойного, провела пальцами вдоль щёк и носа, погладила его волосы. «*Кудрявые и густые. Красивое лицо, без морщин. Молодое*». Девочка задумалась о причинах, которые привели его сюда в поисках дара смерти. Умирающие наёмные убийцы часто приходили в

Чёрно-Белый Дом ускорить свой конец, но ей не удалось найти на трупе ран.

Второе тело принадлежало старой женщине, заснувшей навеки на ложе грёз в одной из скрытых ниш, где особенные свечи вызывали видения об утраченной любви. Сладкая смерть и милосердная, как любил говорить Добрый человек. Пальцы рассказали, что старуха умерла совсем недавно и с улыбкой на лице. Тело ещё не остыло. «*Кожа у нее такая мягкая, словно тонкие изношенные кожаные перчатки, которые складывали и мяли тысячу раз*».

Когда пришли слуги забрать тела, слепая девочка последовала за ними. Сперва она шла за звуком шагов, но как только начался спуск, принялась считать. Количество ступенек всех лестниц намертво впечаталось в память. Под храмом раскинулся лабиринт подвалов и туннелей, где легко мог потеряться даже зрячий, но она изучила там каждый дюйм, а трость помогала найти путь, если подводила память.

Трупы складывали в склепе. И во тьме подземелья слепая девочка принималась за свою работу, избавляя мертвецов от обуви, одежды и иного имущества, опустошая кошельки и подсчитывая монеты. Почти сразу после того, как у девочки

отняли зрение, женщина-призрак научила её отличать монеты друг от друга на ощупь. Ставшие ей старыми друзьями, монеты Браавоса можно легко узнать, едва проведя кончиками пальцев по их поверхности. А вот деньги из других стран и городов, особенно дальних, определить сложнее. Чаще всех попадались волантийские монетки — маленькие, размером не больше пенни, с короной на одной стороне и черепом на другой. На овальных лиссенийских монетах была изображена обнажённая женщина. На многих чеканили корабли, слонов или козлов. На монетах из Вестероса на лицевой стороне красовался профиль короля, а с другой стороны — дракон.

У старухи не было кошелька и ценностей, кроме надетого на тонкий палец кольца. У красивого мужчины девочка нашла четыре золотых дракона из Вестероса. Она водила подушечкой большого пальца по поверхности самой истертой монетки, пытаясь угадать, какой король на ней изображен, когда вдруг услышала, как за спиной тихо открылась дверь.

— Кто здесь? — окликнула она.

— Никто, — ответил зычный, грубый и холодный голос.

Голос двигался. Она отступила в сторону, и,

схватив трость, выставила её перед собой, защищая лицо. Дерево столкнулось с деревом. Удар чуть не выбил трость из руки. Девочка удержала её и рубанула в ответ… разрезав воздух там, где, по её мнению, стоял хозяин голоса.

— Не туда, — подсказали ей. — Ты что, слепая?

Девочка промолчала. Разговаривая, можно не услышать противника. Он двигается, она знала это. «*Направо или налево*?» Девочка прыгнула налево и ударила с разворота направо — безрезультатно. Ляжки внезапно обожгло резкой болью.

— Ты еще и глухая?

Она крутанулась, перебросив палку в левую руку, вихрем атаковала и вновь промазала. Слева раздался хохот. Девочка ударила направо.

На этот раз у неё получилось. Трость с треском стукнулась о его палку. Рука дернулась от сильной отдачи удара.

— Хорошо, — похвалил голос.

Слепая девочка не могла опознать, кому он принадлежит, но решила, что кому-то из послушников. Она не помнила этого голоса, но кто сказал, что слуги Многоликого не могут менять голоса так же легко, как обличья? Вместе с ней в Чёрно-Белом Доме обитали двое слуг,

трое послушников, кухарка Умма и двое жрецов, которых она называла женщиной-призраком и Добрым человеком. Иногда тайными путями сюда приходили и другие, но постоянно здесь жили только перечисленные. Её противником мог быть любой из них.

Размахивая тростью, девочка метнулась в сторону и, услышав звук сзади, ринулась туда, но ударила в пустоту. Пока она поворачивалась, его палка неожиданно оказалась у нее между ног и зацепила её за голень. Запутавшись, она споткнулась и упала на одно колено так резко, что прикусила себе язык.

Девочка замерла. «*Тихая как камень. Где он*?»

За спиной раздался смех, а затем её сильно огрели по уху и ударили по пальцам, когда она попыталась вскочить на ноги. Трость с грохотом покатилась по камням. Девочка зашипела от ярости.

— Давай. Подбери. На сегодня хватит тебя избивать.

— Никто меня не побьет. — Она ползала на четвереньках, пока не нашла трость, затем поднялась на ноги, побитая и грязная. В подвале царили тишина и спокойствие. Противник ушёл. Или ещё здесь? Он мог стоять рядом, а она и не

узнает. «*Прислушайся к его дыханию*», — прошептала про себя девочка, но ничего не услышала. Выждав ещё немного, она отложила палку и вернулась к работе. «*Будь у меня глаза, я бы его отлупила*». Однажды Добрый человек вернет ей зрение, и тогда она всем покажет.

Тело старой женщины остыло, а труп браво уже окоченел. Но ей было к этому не привыкать. Большую часть времени она проводила не с живыми, а с мертвецами. Девочка скучала по приятелям, с которыми подружилась, будучи Кошкой из Каналов: Старый Бруско с больной спиной, его дочери Талея и Брея, лицедеи с Корабля, Мерри и её шлюхи из «Счастливого порта», воры и прочая портовая мразь. По Кошке девочка скучала сильнее всего, даже сильнее чем по своим глазам. Ей нравилось быть Кошкой, гораздо больше, чем Солинкой, Голубёнком, Лаской или Арри. «*Я убила Кошку, когда прикончила певца*». Добрый человек объяснил, что они всё равно лишили бы её зрения, чтобы помочь овладеть другими чувствами, но не спустя всего полгода после появления в обители. Слепые послушники — обыденное явление в Чёрно-Белом Доме, но мало кто из них был также молод, как она. Впрочем, девочка особо не сожалела о содеянном, ведь Дареон дезертировал

из Ночного Дозора и заслужил смерть.

Все эти соображения она высказала доброму человеку.

— Разве ты богиня, чтобы решать, кому жить, а кому умереть? — спросил он. — Мы одаряем тех, кого после молитвы и жертвы отметил Многоликий. И так было всегда испокон веков. Я рассказывал об истоках нашего ордена, как первый из нас откликнулся на просьбу рабов, умолявших о смерти. Поначалу дар давался только тому, кто жаждал его… но в один из дней первый из нас услышал, как раб молит не о своей смерти, а о смерти хозяина. Он так страстно желал этого, что взамен предлагал всё, что у него имелось. Нашему первому брату показалось, что такая жертва угодна Многоликому, и он внял мольбе той же ночью. Затем, явившись к рабу, он сказал: «Ты предлагал всё, что у тебя есть, за смерть человека, но у рабов нет ничего, кроме их жизней. Вот что желает получить от тебя бог. Остаток своих дней ты проведешь у него в услужении». С этого момента нас стало уже двое. — Рука доброго человека мягко, но крепко сомкнулась вокруг её запястья. — Все люди смертны. Но мы только орудия смерти, а не её воплощения. Лишив жизни певца, ты взяла на себя функцию бога. Мы убиваем людей, но не

смеем судить их. Понимаешь?

«*Нет*», — подумала она, но сказала:

— Да.

— Ты лжёшь. Вот почему тебе придется блуждать во мраке, пока не увидишь путь. Или не пожелаешь покинуть нас. Только попроси, и мы вернем зрение.

«*Нет*», — подумала она и сказала:

— Нет.

Вечером, после ужина и короткой игры в ложь, слепая девочка обвязала свои бесполезные глаза полоской ветоши, взяла чашу для подаяний и попросила женщину-призрака помочь ей надеть личину Бет. Сразу после того как девочку ослепили, жрица обрила её наголо. Прическа лицедеев, как та выразилась, поскольку многие актеры брились, чтобы парик лучше сидел на голове. Нищим такая прическа тоже отлично подходила, чтобы не плодить в шевелюре вшей и блох. Но Бет требовался не только парик.

— Можно покрыть твоё лицо гноящимися язвами, — предложила женщина-призрак. — Но тогда хозяева таверн и постоялых дворов погонят тебя от своих дверей.

Вместо язв она избороздила её лицо шрамами от оспы и наклеила на щеку волосатую боро-

давку.

— Уродливо, да? — спросила слепая девочка.

— Некрасиво.

— Хорошо. — Она никогда не заботилась о внешности, даже будучи глупой Арьей Старк. Только отец называл её красивой. «*Он и иногда Джон Сноу*». Мать обычно приговаривала, что она была бы хорошенькой, если бы умывалась, расчесывала волосы и, по примеру сестры, уделяла больше внимания нарядам. Но для Сансы, её друзей и всех остальных она была просто Арьей-Лошадкой. Теперь все они мертвы, включая Арью, кроме сводного брата Джона. Иногда, по ночам, она слышала, как о нём говорят в тавернах и борделях Мусорной Заводи. Чёрный Бастард со Стены, так назвал его один человек. «*Спорю, что даже Джон никогда бы не узнал Слепую Бет*». От этой мысли ей стало грустно.

Под заменявшими ей одежду линялыми, но теплыми и чистыми лохмотьями, она прятала три ножа. Один за голенищем сапога, второй — в рукаве, третий — в маленьких ножнах за спиной. Браавосийцы — в большинстве своём дружелюбный народ — чаще старались помочь несчастной слепой нищенке, чем обидеть её. Но всегда находилась парочка подонков, которые

могли принять её за легкую добычу и попытаться ограбить или изнасиловать. Им и предназначались клинки, хотя до сих пор слепая девочка не прибегала к их помощи. Наряд побирушки довершали щербатая деревянная чаша для подаяний и пояс из пеньковой веревки.

Когда Титан рёвом возвестил о закате, она отправилась в путь: спустилась по лестнице, считая количество ступенек от дверей храма, а затем перешла по мосту на Остров Богов. Она знала, что туман сегодня густой и липкий, так как влажная одежда липла к телу, а воздух, овевавший её голые руки, был сырым. Туманы Браавоса творили со звуками странные вещи. «*Полгорода сегодня ночью будет полуслепым*».

Пока она шла мимо храмов, до её ушей доходили песнопения служителей культа Звёздной Мудрости, воздававших молитвы вечерним звездам. Витавший в воздухе благовонный дымок извилистым путем вёл её к огромным железным жаровням вокруг дома Владыки Света, в которых Красные жрецы зажигали огни. Вскоре она почувствовала дуновение теплого воздуха, а поклонники красного Рглора начали возносить молитвы.

— Ночь темна и полна ужасов, — повторяли

они.

«*Не для меня*». Её ночи освещал лунный свет, в них звучали песни её стаи, они были наполнены вкусом оторванного от костей свежего мяса и тёплыми родными запахами серых сестёр. Только днём она слепа и одинока.

В портовом районе она не была новичком, ведь Кошка шныряла по всем причалам и проулкам Мусорной Заводи, продавая мидий, устриц и моллюсков. Лохмотья, обритая голова и бородавка изменили её облик, но из предосторожности, она все равно держалась подальше от «Корабля», «Счастливого Порта» и других мест, где Кошка была завсегдатаем.

Слепая девочка могла отличить каждую таверну и харчевню по запаху. От «Чёрного Барочника» веяло солью, трактир Пинто смердел прокисшим вином, тухлым сыром и самим хозяином, никогда не менявшим одежду и не мывшим волосы. В «Такелажнике» прокуренный воздух всегда был приправлен ароматом жареного мяса. «Дом Семи Лампад» благоухал ладаном, «Глянцевый Дворец» — духами прекрасных молодых девушек, мечтавших стать куртизанками.

Любое из мест можно было отличить и по доносящимся оттуда звукам. В заведении Морогго и

«Зелёном Угре» почти всегда выступали певцы, в таверне «У Изгнанника» горланила песни добрая сотня пьяных посетителей. «Дом туманов» всегда заполняли гребцы змей-лодок, споривше о богах, куртизанках и о том, дурак Морской Лорд или нет. Из куда менее шумного «Глянцевого Дворца» доносились нежные шепотки, мягкий шелест шелковых платьев и мелодичный смех девушек.

Бет каждый раз просила милостыню в разных местах. Она сразу уяснила, что хозяева заведений скорее стерпят её присутствие, если она будет приходить не слишком часто. Прошлую ночь она провела на улице рядом с «Зелёным Угрем». А сегодня сразу после Проклятого Моста девочка повернула направо, а не налево, направившись в другую часть Мусорной Заводи — на окраину Затопленного Города, к таверне Пинто. Крикливый, вонючий, но, несмотря на грязную одежду и громкие угрозы, добросердечный Пинто, если таверна не была набита битком, частенько разрешал ей пройти внутрь в тепло и иногда даже угощал кружкой эля и краюхой хлеба, обильно приправляя еду различными историями. В молодости, если верить его россказням, Пинто был самым прославленным на Ступенях пиратом. Ничто на свете так не нравилось старику, как травить

бесконечные байки о своих похождениях.

Сегодня ей повезло. Таверна была почти пустой, и ей удалось приткнуться в тихом уголке недалеко от огня. Не успела она усесться, скрестив ноги, как что-то скользнуло по её бедру.

— Снова ты? — спросила слепая девочка, почёсывая за ухом забравшегося ей на колени и довольно замурлыкавшего кота. Браавос кишел кошками, а в заведении Пинто их было больше, чем в любом другом месте города. Старый пират считал, что они приносят удачу и избавляют таверну от грызунов. — Ты знаешь меня, верно? — прошептала она. Котов не одурачишь бутафорской бородавкой, они помнили Кошку из Каналов.

Ночь для слепой девочки выдалась удачная. Пинто был в весёлом расположении духа и угостил её кубком разбавленного вина, куском вонючего сыра и половинкой пирожка с начинкой из угря.

— Пинто очень хороший человек, — объявил он, а затем пустился рассказывать историю, как взял на абордаж корабль со специями. Она слышала эту байку уже не менее дюжины раз.

Время шло, и таверна постепенно заполнялась людьми. Занятый клиентами Пинто больше не

мог уделять внимание девочке, зато несколько постоянных посетителей кинули монетки в её чашу для подаяний. За другие столы уселись чужаки: пропахший кровью и ворванью иббенийский китобой, пара бандитов с напомаженными волосами, толстяк из Лората, недовольно бурчавший, что его живот еле пролез в эту конуру. Позже подошли трое лиссенийцев, моряки с потрёпанной штормом старой галеры «Добродетельной», еле доковылявшей прошлой ночью до Браавоса. Утром судно арестовали стражи Морского Лорда.

Лиссенийцы заняли ближайший к очагу столик и, потягивая из кубков чёрный как смола ром, вели тихую беседу. Гости говорили вполголоса, чтобы никто не смог их подслушать. Но она была никем и слышала практически каждое слово. На какое-то время ей даже почудилось, будто она видит их узкими желтыми глазами кота, урчавшего у неё на коленях: старика, молодого и одноухого — все светловолосые, с гладкой белой кожей уроженцев Лисса, где всё ещё была сильна кровь древней Валирии.

Наутро, когда добрый человек спросил у неё, какие три новые вещи она узнала, слепая девочка была готова.

— Я знаю, что Морской Лорд арестовал «Доб-

родетельную», перевозившую рабов. Сотни невольников — детей и женщин, прикованных цепями в трюмах.

В Браавосе, городе, который основали беглые рабы, работорговля была запрещена.

— Я знаю, откуда родом невольники. Они — одичалые из Вестероса, из места известного как Суровый Дол — древнего, разрушенного и проклятого. — В далеком прошлом, когда она была ещё Арьей Старк, старая Нэн рассказывала им сказки о Суровом Доле. — После большой битвы, в которой погиб Король-за-Стеной, одичалые обратились в бегство. Одна лесная ведьма посоветовала им отравиться в Суровый Дол, куда приплывут корабли, чтобы увезти их в теплые края. Северными штормами туда занесло два лиссенийских пиратских корабля — «Добродетельную» и «Слона». Они бросили якорь у Сурового Дола, чтобы починить повреждённые суда, и увидели тысячи одичалых. Места для всех не хватало, и пираты сказали, что возьмут только детей и женщин. У одичалых не было еды, и им пришлось согласиться. Но как только корабли оказались в море, лиссенийцы загнали всех в трюм и заковали в цепи. Они намеревались продать свою добычу в Лиссе, да только попали в новую бурю и корабли

разметало. «Добродетельная» получила сильные повреждения, и капитан был вынужден вести галеру в Браавос, но «Слон» мог доплыть до родных берегов. Лиссенийские моряки в таверне, считают, что он вернется в Суровый Дол с другими кораблями. По их словам, цены на рабов растут, а там ещё остались тысячи детей и женщин.

— Такое полезно знать. Это две вещи. Есть третья?

— Да. Я знаю, что это ты отхлестал меня. — Её трость, молнией метнувшись вперед, ударила жреца по пальцам, и его стек покатился по полу.

Добрый человек вздрогнул от боли и отдернул руку:

— Откуда слепая девочка знает это?

«*Я видела тебя*».

— Я сказала тебе три вещи, а четвертую говорить не обязана. — Может завтра она расскажет ему о коте из таверны Пинто, который прошлой ночью последовал за ней домой и сейчас, затаившись, наблюдал за ними с потолочной балки. «*Или нет*». Если у жреца есть секреты, то и у неё могут быть собственные тайны.

Вечером на ужин Умма приготовила соленых крабов. Позже ей подали чашку. Сморщив нос, слепая девочка осушила её в три длинных глотка

и, задыхаясь, выронила на пол. Язык пылал огнем, а когда она попыталась затушить его глотком вина, пожар охватил всю гортань и носоглотку.

— Вино не поможет, а вода лишь раздует пламя сильнее, — сообщила женщина-призрак. — На-ка, съешь.

В руке слепой девочки оказался кусок хлеба, она запихала его в рот, прожевала и проглотила. Это помогло. После второго куска стало еще лучше.

Когда настало утро, и её покинула ночная волчица, девочка открыла глаза и увидела горящую свечу. Прошлой ночью её не было. Дрожащее пламя покачивалось вперёд и назад, будто шлюха в «Счастливом Порту». Девочка никогда не видела более прекрасного зрелища.

Глава 46. Призрак Винтерфелла

У подножия внутренней стены нашли мертвеца со сломанной шеей. Из-под навалившего за ночь снега торчала лишь левая нога.

И никто не обнаружил бы мертвеца до самой весны, если бы его не раскопали девочки Рамси. К тому времени как Костяной Бен отогнал их, Серая Джейн успела так обглодать лицо покойника, что на опознание ушло полдня. Им оказался солдат сорока четырёх лет, пришедший на север вместе с Роджером Рисвеллом.

— Пьяница, — заявил Рисвелл. — Бьюсь об заклад, что он залез на стену помочиться, поскользнулся и упал.

И хотя все с этим согласились, Теон Грейджой всё же задумался, зачем кому-то тёмной ночью подниматься на стену по скользким от снега ступеням лишь для того, чтобы помочиться?

Когда гарнизон завтракал поджаренным на оставшемся от бекона свином жире черствым хлебом (сам бекон ели лорды и рыцари), на скамьях только и было разговоров, что о трупе.

— У Станниса есть сторонники в замке, — пред-

положил старый офицер, судя по тому, что на его плаще красовались три древа, из людей Толлхарта.

Караул только что сменился. Топая ногами, чтобы стряхнуть снег с сапог и штанов, мужчины заходили с холода, как раз успев к обеду, состоящему из кровяной колбасы, лука-порея и тёплого чёрного хлеба прямо из печи.

— Станнис? — рассмеялся один из всадников Русе Рисвелла. — Станнис давно замёрз в снегу или сбежал, поджав хвост, обратно на Стену.

— Он может стоять лагерем в пяти футах от наших стен с сотней тысяч воинов, — сказал лучник, одетый в цвета Сервина. — В такую-то бурю мы и одного не углядим.

Бесконечный, беспрерывный, беспощадный снег падал днём и ночью. Сугробы росли у стен, заполняли все проёмы и укрывали белым одеялом каждую крышу. Засыпанные снегом палатки провисали под его тяжестью. Между постройками натянули верёвки, чтобы можно было пройти через двор и не заблудиться. Часовые забились в сторожевые башни и грели над жаровнями замёрзшие пальцы, оставив охрану боевых ходов снежным стражам, слепленным оруженосцами. Снег и ветер потрудились на славу, и снеговики с

каждой ночью становились всё больше и причудливее, а на зажатых в снежных кулаках копьях выросли косматые ледяные бороды. Никто иной как Хостин Фрей, хваставшийся, что ему не страшен легкий снежок, отморозил ухо.

Хуже всего приходилось стоявшим во дворе лошадям. Тёплые попоны промокали насквозь, замерзали, и их приходилось то и дело менять. А от зажжённых для обогрева костров было больше вреда, чем пользы. Боевые кони, боявшиеся огня, метались по двору, калеча себя и других лошадей, попадавшихся им на пути. Лишь лошади в конюшне находились в тепле и безопасности, но стойла уже были переполнены.

— Боги обернулись против нас, — заявил на весь Великий Чертог старый лорд Локи. — Это их гнев. Ветер, холодный, как сама преисподняя, и снег, что никогда не кончается. Мы прокляты.

— Проклят Станнис, — возразил дредфортец. — Он-то снаружи.

— Лорду Станнису может быть теплее, чем мы думаем, — заспорил один из вольных всадников. — Его колдунья умеет призывать огонь. Возможно, её красный бог способен растопить снег.

«*Вот глупец*!» — тут же подумал Теон.

Наёмник говорил слишком громко, а рядом си-

дели Жёлтый Дик, Кислый Алин и Костяной Бен. Когда дерзкие слова достигли ушей лорда Рамси, тот послал бастардовых мальчиков схватить болтуна и вытащить на снег.

— Раз ты, похоже, так любишь Станниса, то и отправляйся к нему, — сказал он.

Дэймон Станцуй-для-Меня высек вольного всадника своим промасленным хлыстом. А затем, пока Живодёр и Жёлтый Дик делали ставки, насколько быстро он замёрзнет, беднягу потащили к Крепостным воротам.

Запертые на засов и заваленные снегом огромные главные ворота Винтерфелла так обледенели, что прежде чем поднять решетку, с неё пришлось бы срубать ледяной нарост. С Охотничьими вышло бы столько же возни, разве что ими недавно пользовались, и заледенеть они не успели, в отличие от ворот, ведущих на Королевский Тракт. Там цепи подъёмного моста покрывал твердый как камень ледяной панцирь. Таким образом, оставался лишь выход через небольшую дверь в арочном проёме внутренней стены. Впрочем, выходом из замка его можно было называть лишь наполовину: перекинутый через замёрзший ров подъёмный мост вёл к наружным укреплениям, но не к внешнему миру.

Истекающего кровью вольного всадника протащили через мост и поволокли вверх по ступеням, как он ни сопротивлялся. Живодёр и Кислый Алин, схватив всадника за руки и ноги, перекинули его через стену и сбросили вниз. Пролетев восемьдесят футов, тот рухнул в глубокий сугроб и с головой ушел в снег... но лучники на стене утверждали, что какое-то время спустя видели, как он волочил по снегу сломанную ногу, и проводили его стрелой в зад.

— Не пройдёт и часу, как он сдохнет, — не сомневался лорд Рамси.

— Или ещё до заката примется сосать член лорда Станниса, — парировал Амбер Смерть Шлюхам.

— И, чего доброго, отломает, — рассмеялся Рикард Рисвелл. — Небось, там у всех мужиков члены превратились в сосульки.

— Лорд Станнис сгинул в буре, — произнесла леди Дастин. — Умер или умирает во многих лигах отсюда. Пусть зима делает своё чёрное дело. Ещё пара дней — и снег похоронит его вместе с войском.

«*Как и нас*», — подумал Теон, удивляясь её безрассудству. Северянке следовало понимать, что нельзя говорить такое вслух. Старые боги могут

услышать.

На ужин подали гороховую кашу и чёрствый хлеб, отчего простолюдины заворчали: им было видно, как сидевшие в верхнем конце стола лорды и рыцари лакомились окороком.

Склонившийся над деревянной миской Теон доедал свою порцию каши, когда почувствовал лёгкое прикосновение к плечу и от испуга выронил ложку.

— Никогда не трогай меня, — сказал он, нагибаясь поднять с пола упавший предмет, пока до того не добрались девочки Рамси. — Никогда.

Рядом слишком близко села одна из прачек Абеля: молоденькая, пятнадцати или шестнадцати лет. Её пухлые губки так и требовали крепкого поцелуя, а растрёпанная белокурая голова — мочалки с мылом.

— Порой девушкам хочется потрогать, — улыбнулась она. — Если угодно м'лорду, я Холли.

«*Шлюха Холли*», — подумал Теон. Но довольно милая. Когда-то он, рассмеявшись, усадил бы её себе на колени, но те дни прошли.

— Что тебе нужно?

— Хочу увидеть крипту. Где она, м'лорд? Покажете мне? — Холли играла с прядкой волос, накручивая её на мизинец. — Говорят, она глу-

боко под землей, и там темно. Подходящее место для прикосновений. Под присмотром мертвых королей

— Тебя послал Абель?

— Возможно. А может, я сама себя прислала. Но если тебе нужен Абель, я могу его привести. Он споёт м'лорду прелестную песенку.

Каждое её слово убеждало Теона, что его хотят заманить в ловушку. «*Вот только чью и зачем*?» Чего ради он понадобился Абелю — какому-то певцу, сутенёру с лютней и фальшивой улыбочкой. «*Он хочет знать, как я захватил замок, но не для того, чтобы сложить об этом песню*». И тут ответ возник сам собой. «*Абель хочет выведать, как мы проникли в замок, чтобы выбраться из него тем же путем*». Лорд Болтон спеленал Винтерфелл как младенца. Никто не мог войти или выйти без его позволения. «*Певец хочет бежать, вместе со своими прачками*». Теон не мог его за это винить, но, тем не менее, ответил:

— Мне нет дела до ни до Абеля, ни до тебя с сёстрами. Просто оставьте меня в покое.

Снаружи в танце кружился снег. Теон наощупь пробрался к стене и направился вдоль неё к Крепостным воротам. Он чуть не принял стражей за пару снеговиков Малого Уолдера, но увидел

белые облачка пара, вылетавшие у них изо рта.

— Я хочу пройтись по стенам, — сказал он. Его собственное дыхание замерзало на ветру.

— Там наверху жуткий холод, — предупредил один из часовых.

— Здесь внизу не теплее. Но дело твое, Перевёртыш, — отозвался второй и махнул рукой, пропуская Теона.

Поднявшись наверх по засыпанным снегом скользким и таким коварным в темноте ступеням, он довольно быстро отыскал то место, откуда сбросили вольного всадника. Теон очистил от снега проём между двумя зубцами и перегнулся вниз. «*Можно прыгнуть*, — подумал он. — *Тот мужчина выжил, так почему и не я*?» Ну прыгнет он, и… «*И что дальше? Сломать ногу и погибнуть в снегу? Уползти прочь, чтобы замёрзнуть до смерти*?»

Это было безумием. Рамси с девочками выследят его. Красная Джейн, Джесс и Хелисента разорвут его на кусочки, если боги смилостивятся. Или, что хуже, его вернут назад живым.

— Я должен помнить своё имя, — прошептал Теон.

Утром на старом кладбище замка нашли голый окоченевший труп ворчливого оруженосца си-

ра Эйениса Фрея. Его лицо так заиндевело, что казалось маской. Сир Эйенис предположил, что мужчина слишком много выпил и заблудился в буране, хотя никто не мог объяснить, зачем тот разделся, прежде чем выйти наружу. «*Ещё один пьяница*», — подумал Теон. Вино утопит целую уйму подозрений.

Позднее, ещё до конца дня, в конюшнях обнаружили арбалетчика Флинтов с пробитым черепом.

— Лягнула лошадь, — сказал лорд Рамси.

«*Скорей уж дубина*», — решил Теон.

Он как будто второй раз смотрел одно и тоже скоморошье представление. Вот только актёры сменились. Русе Болтон играл тогдашнюю роль Теона. Мертвецы исполняли роли Аггара, Гинира Красноносого и Гелмарра Угрюмого. «*Вонючка тоже там был, — вспомнил он, — но совсем другой — Вонючка с окровавленными руками и сладкой, словно мед, ложью на устах. Вонючка, Вонючка-подлючка*».

Эти смерти привели к открытому столкновению сторонников Болтона в Великом Чертоге. Некоторые из них уже теряли терпение.

— Сколько ещё нам сидеть здесь и ждать короля, который никогда не придёт? — требовал

ответа сир Хостин Фрей. — Мы должны сразиться со Станнисом и покончить с ним.

— Оставить замок? — прокаркал однорукий Харвуд Стаут тоном, не оставлявшим сомнений, что он скорее отрубит себе оставшуюся руку. — По-вашему, мы должны напасть на него вслепую, в метель?

— Чтобы сразиться с лордом Станнисом, прежде необходимо его отыскать, — заметил Русе Рисвелл. — Наши разведчики выехали через Охотничьи ворота, но пока никто не вернулся.

Лорд Виман Мандерли хлопнул по своему огромному животу.

— Белая Гавань не боится отправиться с вами, сир Хостин. Возглавьте нас, и мои рыцари пойдут за вами.

Сир Хостин повернулся к толстяку.

— Достаточно близко, чтобы всадить копьё мне в спину, ага. Где мои родичи, Мандерли? Скажи мне? Твои гости, вернувшие тебе твоего сына.

— Хочешь сказать, его кости. — Мандерли наколол на кинжал кусок окорока. — Я хорошо их помню: бойкий на язык, сутулый Рейегар, скорый на меч дерзкий сир Джаред и вечно звенящий монетами Саймонд-шпион. Они привезли домой кости Вендела. Это Тайвин Ланнистер вернул

мне Вилиса, целого и невредимого, как и обещал. Лорд Тайвин был человеком слова, спасите Семеро его душу.

Лорд Виман сунул мясо себе в рот, шумно прожевал, причмокнул губами и произнёс:

— Дорога таит в себе много опасностей, сир. Я вручил твоим братьям гостевые дары, когда мы отправились из Белой Гавани. Мы поклялись вновь встретиться на свадьбе. Многие видели, как мы расставались.

— Многие? — передразнил Эйенис Фрей. — Или вы и ваши люди?

— На что ты намекаешь, Фрей? — Лорд Белой Гавани вытер рот рукавом. — Мне не по вкусу ваш клятый тон, сир.

— Пойдём во двор, ты, мешок с салом, и я до отвала накормлю тебя сталью, — ответил сир Хостин.

Виман Мандерли рассмеялся, но полдюжины его рыцарей тут же вскочили на ноги. Роджеру Рисвеллу и Барбри Дастин пришлось их успокаивать. Русе Болтон промолчал, но Теон Грейджой заметил в его блеклых глазах нечто такое, чего никогда не видел прежде: беспокойство, даже намёк на страх.

Этой ночью в новой конюшне под тяжестью

снега обвалилась крыша, похоронив под собой двадцать шесть лошадей и двух конюхов. На то, чтобы раскопать тела, ушла большая часть утра. Лорд Болтон ненадолго зашёл на внешний двор, чтобы взглянуть на место происшествия, а потом приказал ввести внутрь и выживших в конюшне лошадей, и привязанных во внешнем дворе. Но ещё до того, как тела выкопали, а конские туши разделали, обнаружился ещё один труп.

И от него уже было не отмахнуться. Этот явно не спьяну кувыркнулся и не лошадью был зашиблен. Покойник оказался из числа любимчиков Рамси — приземистый, золотушный, уродливый солдат по прозвищу Жёлтый Хрен. Был ли его хрен действительно жёлтым, осталось тайной, потому что его отрезали и запихали мертвецу в рот с такой силой, что выбили три зуба. Когда повара нашли его у кухонь, погребённым по шею в сугробе, и хрен, и его владелец уже посинели от холода.

— Сожгите тело, — распорядился Русе Болтон, — и не болтайте. Не хочу, чтобы об этом судачили.

Но разговоры всё же пошли. К полудню чуть ли не весь Винтерфелл знал об этой истории, зачастую из уст Рамси Болтона, чьим «мальчиком» был Жёлтый Хрен.

— Когда мы найдём того, кто это сделал, — пообещал лорд Рамси, — я сдеру с него кожу, зажарю до хрустящей корочки и заставлю съесть до последнего кусочка.

Пошли слухи, что за имя убийцы в награду дадут золотой дракон.

К вечеру в Великом Чертоге, собравшим под своей крышей сотни людей, лошадей и собак, стояла непереносимая вонь. Полы стали скользкими от грязи, тающего снега, лошадиных, собачьих и даже человеческих испражнений. Воздух пропитался запахами мокрой псины, влажной одежды и попон. Люди теснились на переполненных скамьях, но зато там была еда. Повара подали огромные обугленные снаружи и полусырые внутри куски свежей конины вместе с поджаренным луком и репой. В кои то веки простые солдаты ели то же самое, что и лорды с рыцарями.

Конина оказалась слишком жёсткой для остатков зубов Теона. Жевать было мучительно больно. Поэтому на обед он размял себе репу и лук плоской стороной своего кинжала. Потом мелко покрошил конину. Теон тщательно обсасывал каждый кусочек, а затем выплёвывал его. Так он, по крайней мере, ощутил хоть какой-то

вкус мяса и смог насытиться жиром и кровью. Но кость была ему не по зубам, пришлось кинуть её собакам и смотреть, как Серая Джейн утащила её прочь, а Сара и Ива бросились за ней по пятам.

Лорд Болтон приказал Абелю играть, пока они будут есть. Бард спел «Стальные Копья», а следом за ней «Зимнюю Деву». Когда Барбри Дастин попросила что-нибудь повеселее, он запел «Снял король корону, королева — башмачок» и «Медведь и Прекрасная Дева». Фреи подхватили, и даже несколько северян, колотя по столу кулаками в такт песне, принялись рычать:

— Медведь! Медведь!

Но шум испугал лошадей, и вскоре певцы замолкли, а музыка затихла.

Бастардовы мальчики собрались под дымящимся на стене факелом. Лутон и Живодёр бросали кости. Ворчун, усадив себе на колени женщину, тискал её грудь. Дэймон Станцуй-для-Меня смазывал свой хлыст.

— Вонючка, — позвал он, похлопав по ноге так, словно подзывал пса.

— От тебя снова воняет, Вонючка.

Теон, не найдя, что на это ответить, лишь тихо произнес:

— Да.

— Лорд Рамси собирается отрезать тебе губы, когда всё это кончится, — продолжал Дэймон, проводя по хлысту промасленной тряпкой.

«*Мои губы побывали между ног его леди. Такая дерзость не может остаться безнаказанной*».

— Как скажете.

Лутон расхохотался.

— Похоже, ему самому этого хочется.

— Пошёл вон, Вонючка, — скривился Живодёр. — Меня мутит от твоего запаха.

Остальные рассмеялись

Теон поспешил убраться, прежде чем они успели передумать. Его мучители не последуют за ним на улицу до тех пор, пока внутри будет еда, выпивка, доступные женщины и тепло. Когда он выходил из зала, Абель пел «Девы, что расцветают весной».

Снаружи валил такой густой снег, что Теон не мог ничего разглядеть уже в трёх футах от себя. Он оказался в одиночестве в белой пустоши. По обе стороны громоздились сугробы высотой по грудь. Теон поднял голову: снежинки касались его щёк, словно прохладные нежные поцелуи, а из зала доносились звуки тихой, печальной мелодии. На какой-то миг он почувствовал себя почти умиротворённым.

Но тут Теон наткнулся на идущего навстречу человека. Лицо мужчины скрывал низко опущенный капюшон развевавшегося за спиной плаща, но когда они оказались лицом к лицу, их глаза ненадолго встретились. Мужчина взялся за кинжал.

— Теон Перевёртыш. Теон Братоубийца.

— Нет. Я никогда… Я был железнорожденным.

— Ты был лишь вероломным. Как же случилось, что ты до сих пор дышишь?

— Боги со мной ещё не закончили, — ответил Теон, гадая, не был ли этот человек тем самым убийцей, ночным ходоком, что засунул в рот Желтому Хрену его собственный член и столкнул конюха Рисвеллов со стены? Как ни удивительно, страха он не испытывал. Теон стянул перчатку с левой руки. — Лорд Рамси со мной ещё не закончил.

Мужчина пригляделся и рассмеялся.

— Тогда я оставлю тебя ему.

Теон плёлся сквозь бурю, пока его руки и ноги не покрылись снегом, а ладони и ступни не окоченели. Потом он снова забрался на внутреннюю стену. Наверху, на высоте сотни футов, дул слабый ветерок, разметая снег. Все проёмы были завалены сугробами. Теону пришлось прорыть

отверстие в снежной стене… лишь для того, чтобы понять, что дальше рва ничего не видно. За внешней стеной остались одни расплывчатые тени и плывущие во тьме тусклые огни.

«*Мира больше нет*». Королевская Гавань, Ривервран, Пайк и Железные Острова, все Семь Королевств, все те места, где он бывал, о которых читал и грезил — всё исчезло. Остался лишь Винтерфелл.

Он в заточении в обществе призраков. Старых призраков из крипты и новых, которых сам же и сотворил: Миккена и Фарлена, Гинира Красноносого, Аггара, Гелмарра Угрюмого, мельничихи с Желудёвой, двух её маленьких сыновей и всех прочих. «*Моих рук дело. Мои призраки. Они все здесь, и все в ярости*».

Он подумал о крипте и о пропавших мечах.

Теон вернулся в свою комнату и только принялся снимать мокрую одежду, как к нему вошёл Уолтон Железные Икры.

— Пойдём со мной, Перевёртыш. Его светлость желает с тобой поговорить.

Чистой и сухой одежды у него не было, поэтому он вновь натянул на себя те же мокрые лохмотья и пошёл за Железными Икрами в Великий Замок, в бывшие покои Эддарда Старка. Лорд Болтон на-

ходился там не один. Рядом с ним сидела бледная и серьёзная леди Дастин. Плащ Роджера Рисвелла скрепляла железная фибула в виде конской головы. Эйенис Фрей, стоя у очага, щипал себя за покрасневшие от холода щёки.

— Мне доложили, что ты разгуливаешь по замку, — начал лорд Болтон. — Тебя видели в конюшнях, на кухнях, в казармах, на стенах, на развалинах, у старой септы леди Кейтилин. Ты входил и выходил из богорощи. Станешь отрицать?

— Нет, м'лорд. — Теон постарался исковеркать слово. Он знал, что это понравится лорду Болтону. — Не могу уснуть, м'лорд. Я просто гуляю.

Стоя с опущенной головой, он уставился на разбросанный по полу старый тростник — смотреть в глаза его светлости было бы неразумно.

— Тут прошла моя юность. Я был воспитанником Эддарда Старка.

— Ты был заложником, — уточнил Болтон.

— Да, м'лорд. Заложником.

«*Но это место было моим домом. Не настоящим домом, но лучшим из всех, что у меня когда-либо были*».

— Кто-то убивает моих людей.

— Да, м'лорд.

— Не ты, конечно же? — голос Болтона стал ещё тише. — Ты бы не отплатил подобным предательством за мою доброту.

— Нет, м'лорд, это не я. Я не стал бы. Я… только гуляю, вот и всё.

Тут подала голос леди Дастин:

— Сними перчатки.

Теон резко взглянул на неё.

— Пожалуйста, нет. Я… Я…

— Делай, как она говорит, — приказал Эйенис. — Покажи нам свои руки.

Теон снял перчатки и поднял руки, чтобы они могли их рассмотреть. «*Это не всё равно, что стоять перед ними голым. Не до такой степени плохо*». На его левой руке осталось три пальца, а на правой — четыре. На одной Рамси отрезал только мизинец, а на другой — безымянный и указательный.

— Это Бастард сделал с тобой? — спросила леди Дастин.

— Я… Я сам его об этом попросил, если угодно м'леди.

Рамси всегда заставлял его просить. «*Рамси всегда заставляет меня умолять*».

— С чего бы тебе это делать?

— Мне… Мне ни к чему так много пальцев.

— Четыре пальца достаточно, — произнес сир Эйенис Фрей, оглаживая свою жидкую каштановую бороденку, торчавшую на его безвольном подбородке, как крысиный хвостик. — Четыре пальца на правой руке. Он всё ещё способен держать меч. Кинжал.

Леди Дастин расхохоталась.

— Все Фреи такие идиоты? Кинжал? Он едва ложку удержит. По-твоему, он смог бы одолеть этого мерзкого прихвостня Бастарда и запихнуть тому в глотку его мужское естество?

— Все погибшие были сильными мужчинами, — сказал Роджер Рисвелл, — и никого из них не закололи. Убийца не Перевёртыш.

Взгляд бледных глаз Русе Болтона, острый, как Живодёров нож для свежевания, задержался на Теоне.

— Я склонен согласиться. Даже не говоря о силе, он не осмелился бы предать моего сына.

Роджер Рисвелл проворчал:

— Если не он, то кто? У Станниса в замке есть свой человек, это очевидно.

«*Вонючка не человек. Не Вонючка. Не я*». Теон задумался, не рассказала ли им леди Дастин о крипте и пропавших мечах.

— Нужно приглядеться к Мандерли, — произ-

нёс Эйенис Фрей. — Лорд Виман нас не любит.

Рисвелла это не убедило.

— Зато он любит бифштексы, отбивные и мясные пироги. Чтобы шататься по замку, ему пришлось бы выйти из-за стола, а он отлучается только в нужник, зато уж надолго.

— Я не говорю, что лорд Виман делает это сам. Он привёл с собой три сотни человек. Сотню рыцарей. Любой из них мог…

— Ночные проделки — это не рыцарская работа, — сказала леди Дастин. — К тому же лорд Виман не единственный, кто потерял родича на Красной Свадьбе, Фрей. Считаешь, что Смерть Шлюхам любит тебя сильнее? Если бы вы не удерживали Большого Джона, он бы выпустил тебе кишки и заставил их сожрать, как леди Хорнвуд съела свои пальцы. Флинты, Сервины, Толхарты, Слэйты… все они отправили людей с Молодым Волком.

— Как и дом Рисвеллов, — сказал Роджер Рисвелл.

— Даже Дастины из Барроутона, — хищно улыбнулась леди Дастин. — Север помнит, Фрей.

Рот Эйениса Фрея задрожал от негодования.

— Старк нас обесчестил. Вот что вам, северянам, стоит помнить.

Русе Болтон потёр свои потрескавшиеся губы.

— Эти склоки ни к чему не приведут, — он махнул рукой в сторону Теона. — Можешь идти. Тщательнее выбирай места для прогулок. А то, неровен час, и следующим, кого мы найдём улыбающимся кровавой улыбкой, будешь ты.

— Как скажете, м'лорд.

Теон натянул перчатки на свои изувеченные руки и ушёл, прихрамывая на искалеченную ногу.

В час волка он ещё бодрствовал, Закутавшись в тяжёлую шерстяную одежду и сальные шкуры, он наворачивал очередной круг по внутренней стене, в надежде вымотаться до такой степени, чтобы уснуть. Снег засыпал его голову и плечи, облепил ноги по колено. На этом отрезке стены ветер дул в лицо, и тающие снежинки сбегали по щекам Теона ледяными слезами.

А затем он услышал рог.

Казалось, что нависший над стенами долгий низкий стон тянется сквозь тьму, проникая прямо под кожу каждого, кто его слышит. Часовые на замковых стенах обернулись на звук, сжимая древки своих копий. В разрушенных строениях Винтерфелла лорды зашикали друг на друга, заржали лошади, а спящие заворочались в тёмных углах. Не успел затихнуть звук боевого рога, как

начал бить барабан: БУМ-дум-БУМ-дум-БУМ-дум. Словно написанное тонкими белыми струйками дыхания, из уст в уста передавалось одно единственное имя.

— Станнис, — шептали они. — Станнис здесь, Станнис пришёл, Станнис, Станнис, Станнис.

Теон задрожал. Баратеон или Болтон — ему всё равно. Станнис сдружился с Джоном Сноу на Стене, а Джон вмиг отрубит ему голову. «*Вырваться из лап одного бастарда, чтобы умереть от руки другого, какая ирония*». Теон засмеялся бы, если бы помнил, как это делается.

Стук барабанов, казалось, шёл из Волчьего леса за Охотничьими воротами. «*Они прямо у стен*». Теон пошёл на звук, как и многие другие. Но, даже дойдя до обрамлявших ворота башен, им ничего не удалось разглядеть за белой пеленой.

— Они собираются сдуть наши стены? — пошутил Флинт, когда вновь затрубил боевой рог. — Может Станнис решил, что нашёл Рог Джорамуна.

— Насколько он глуп, чтобы штурмовать замок? — спросил один из часовых.

— Станнис не Роберт, — заявил человек из Барроутона. — Вот увидите, он устроит осаду, надеясь заморить нас голодом.

— Сперва он отморозит себе яйца, — сказал другой часовой.

— Мы должны с ним сразиться, — произнёс Фрей.

«*Сделайте это*, — подумал Теон. — *Езжайте в снег себе на погибель. Оставьте Винтерфелл мне и призракам*». Он чувствовал, что Русе Болтона устроила бы такая битва. «*Ему нужно положить этому конец*». Замок был слишком переполнен, чтобы выдержать долгую осаду. Преданность многих лордов вызывала сомнения. Жирный Виман Мандерли, Амбер Смерть Шлюхам, люди Хорнвудов и Толлхартов, Локи и Флинты, Рисвеллы — все они северяне, верно служившие дому Старков в течение бесчисленных поколений. Здесь их держит лишь родная дочь лорда Эддарда, на деле — скоморошья уловка, овечка в лютоволчьей шкуре. Так почему бы не послать северян на бой до того, как обман раскроется? «*Бойня в снегу. И смерть каждого из них будет означать, что у Дредфорта стало одним врагом меньше*».

Теон размышлял, не позволят ли ему сражаться. Тогда он, по крайней мере, сможет умереть как мужчина — с мечом в руке. Рамси никогда не сделал бы ему такого подарка, но лорд Русе может «*Если я взмолюсь об этом. Я сделал всё, о*

чём он меня просил — сыграл роль, выдал девушку замуж».

Смерть была сладчайшим избавлением, на какое он только смел надеяться.

В богороще снег всё так же таял, едва коснувшись земли. От горячих прудов поднимался пар, пахнущий мхом, тиной и гнилью. В воздухе клубился тёплый туман, превращая деревья в стражей — рослых солдат в сумрачных плащах. Днем богороща была полна северян, приходивших помолиться старым богам, но сейчас Теон Грейджой находился здесь в одиночестве.

В сердце рощи его поджидало чардрево с красными всезнающими глазами. Теон остановился на берегу пруда и склонил голову перед вырезанным красным ликом. Даже здесь он слышал барабаны: бум-ДУМ-бум-ДУМ-бум-ДУМ-бум-Дум. Этот звук, казалось, шел отовсюду, словно далёкий раскат грома.

Ночь была безветренна, снег падал с холодного чёрного неба отвесно, но листья сердце-древа прошелестели его имя.

— Теон, — казалось, шептали они. — Теон.

«*Старые боги,* — подумал он. — *Они знают меня. Знают моё имя. Я был Теоном из дома Грейджой. Я был воспитанником Эддарда Старка,*

братом и другом его детей».

— Пожалуйста, — рухнул он на колени. — Меч — это всё, о чём я прошу. Позвольте мне умереть Теоном, а не Вонючкой.

По его щекам потекли невозможно горячие слезы.

— Я был железнорождённым. Сыном… сыном Пайка, островов.

Упавший сверху лист коснулся его брови и, приземлившись на гладь пруда, поплыл по воде. Красный, пятипалый, будто окровавленная ладонь.

— … Бран, — прошептало дерево.

«*Они знают. Боги знают. Они видели, что я натворил*». На какой-то странный миг ему почудилось, что на белом стволе чардрева вырезано лицо Брана, глядевшее на него своими красными глазами, полными мудрости и печали. «*Призрак Брана*», — мелькнула в голове безумная мысль. Но зачем Брану его преследовать? Он любил мальчика, никогда не причинял ему вреда. «*Мы убили не Брана и Рикона. Всего лишь сыновей мельника с Желудёвой*».

— Мне нужно было две головы, иначе надо мной бы посмеялись… Они…

И тут чей-то голос произнёс:

— С кем ты разговариваешь?

Теон развернулся, испугавшись, что его застукал Рамси, но это оказались всего лишь прачки — Холли, Рябина и ещё одна, не известная ему по имени.

— С призраками, — выпалил он. — Они шепчут мне. Они… они знают моё имя.

— Теон Перевёртыш. — Рябина выкрутила ему ухо. — Тебе были нужны две головы, верно?

— Иначе над ним посмеялись бы, — добавила Холли.

«*Они не понимают*». Теон вырвался.

— Что вам надо? — спросил он.

— Ты, — ответила третья прачка, женщина постарше — с низким голосом и седыми прядями в волосах.

— Я уже говорила. Я хочу потрогать тебя, Перевёртыш, — улыбнулась Холли.

У неё в руке блеснуло лезвие.

«*Можно закричать*, — подумал Теон. — *Кто-нибудь услышит. Замок полон вооружённых людей*». Наверняка он умрёт до того, как придёт помощь, и его кровь просочится в землю, чтобы накормить сердце-древо. «*И что в этом плохого*?»

— Тронь меня, — попросил он. — Убей меня.

В его голосе было больше отчаяния, чем вы-

зова.

— Давайте. Прикончите меня как других — Жёлтого Хрена и остальных. Это были вы.

Холли рассмеялась.

— Как мы могли бы? Мы женщины. Груди и щёлки. Мы здесь для того, чтобы нас имели, а не боялись.

— Бастард причинял тебе боль? — спросила Рябина. — Отрубал тебе пальцы, ведь так? Сдирал кожу с пальцев ног? Выбивал зубы? Бедный парень, — она погладила его по щеке. — Этого больше не случится, обещаю. Ты молился, и боги послали нас. Ты хочешь умереть Теоном? Мы дадим тебе такую возможность. Хорошая быстрая смерть, тебе едва ли будет больно.

Она улыбнулась.

— Но сначала ты споёшь Абелю. Он ждёт.

Глава 47. Тирион

— Лот девяносто семь, — распорядитель торгов щёлкнул своим кнутом. — Пара карликов, отлично обученных для вашего развлечения.

Помост, на котором велись торги, располагался в месте, где широко раскинувшийся коричневый Скахазадхан впадал в Залив Работорговцев. Тирион Ланнистер чувствовал в воздухе запах соли, смешанный с вонью выгребных канав, вырытых позади загонов для рабов. Жару он переносил намного легче, чем духоту. Сам воздух, казалось, давил на него, подобно тёплому мокрому одеялу, наброшенному на голову и плечи.

— Собака и свинья включены в стоимость лота, — объявил аукционист. — На них ездят карлики. Накормите своих гостей на очередном пиру или используйте зверей для их развлечения!

Покупатели расположились на деревянных скамьях, потягивая фруктовые напитки. Над некоторыми участниками торгов стояли рабы с опахалами. Многие хозяева были одеты в токары — особые одежды, в равной степени элегантные и непрактичные, но столь любимые потомками

древних династий Залива Работорговцев. Другие носили обычные платья: мужчины — туники и плащи с капюшонами, женщины щеголяли в разноцветных шелках. Скорее всего, шлюхи или жрицы — в этом далеком краю на вид они мало чем отличались друг от друга.

За скамьями, обмениваясь шуточками и насмехаясь над действом, стояла небольшая группа выходцев с запада. Тирион не сомневался, что это наёмники. Он заметил их мечи, длинные и короткие кинжалы, связки метательных топоров и броню под плащами. Судя по волосам, бородам и чертам лица, они были в основном уроженцами Вольных городов, хотя время от времени мелькали и те, кто вполне могли оказаться выходцами из Вестероса. Покупатели? Или просто явились поглазеть на представление?

— Кто желает сделать первое предложение по этой паре?

— Три сотни, — объявила матрона в старинном паланкине.

— Четыре, — выкрикнул чудовищно жирный юнкаец, развалившийся на носилках, словно левиафан. Закутанный в окаймленный золотом жёлтый шёлк, он выглядел раза в четыре толще Иллирио. Тирион посочувствовал рабам,

вынужденным его таскать. По крайней мере, он избежит такой участи. Как же всё-таки здорово быть карликом.

— И ещё монету сверху, — сказала старуха в фиолетовом токаре. Распорядитель бросил на неё мрачный взгляд, но ставку аннулировать не стал.

Матросы-невольники с «Селейсори Кхорана», продававшиеся поодиночке, уходили за цену от пяти до девяти сотен серебряных монет. Опытные моряки считались ценным товаром. Никто из них даже не возмутился, когда работорговцы подняли на борт их уродливого когга. Для них это всего лишь смена хозяина. Помощники капитана были свободными людьми, но Прибрежная Вдова написала им гарантийное письмо, пообещав в подобном случае уплатить выкуп. Трое оставшихся в живых служителя Пламенной Длани ещё не были проданы, но они принадлежали Владыке Света и могли рассчитывать на то, что их выкупит какой-нибудь красный храм. Гарантией этого являлись языки пламени, вытатуированные на их лицах.

У Тириона с Пенни никаких гарантий не было.

— Четыреста пятьдесят, — поступило новое предложение.

— Четыреста восемьдесят.

— Пять сотен!

Некоторые заявки выкрикивались на высоком валирийском наречии, другие — на грубом гискарском. Кто-то показывал цену движением пальца, поворотом кисти или взмахом раскрашенного веера.

— Я рада, что нас не разлучают, — прошептала Пенни.

Работорговец бросил на них угрожающий взгляд.

— Не разговаривать!

Тирион сжал плечи Пенни. Бледно-русые и чёрные пряди волос облепили его лоб, а лохмотья туники приклеились к спине — частично из-за пота, частично из-за засохшей крови. Он не был настолько глуп, как Джорах Мормонт, чтобы драться с работорговцами, но это не означало, что он избежал побоев. В его случае причиной порки стал длинный язык.

— Восемь сотен!

— И ещё пятьдесят.

— И ещё монету.

«*Да мы на целого моряка тянем*», — эта мысль позабавила Тириона. Хотя, возможно, покупатели хотели приобрести Хрюшку - Милашку.

Хорошо выдрессированные свиньи на дороге не валяются. И ставки, явно, делались не за вес.

На девяти сотнях серебра торги сбавили темп, а на девятистах пятидесяти одном, предложенных старой каргой, остановились. Распорядитель торгов, тем не менее, чувствовал, что можно выжать больше, и лучшим способом для этого было заставить карликов продемонстрировать толику своего умения. Хруста и Хрюшку - Милашку вывели на платформу. Забраться на животных без седел и уздечек оказалось делом непростым. Поэтому, как только свинья потрусила вперед, Тирион соскользнул с её зада и приземлился на свой, что вызвало приступ хохота со стороны покупателей.

— Тысяча! — предложил свою цену безобразный жирдяй.

— И одна. — Снова старуха.

Рот Пенни застыл, раззявленный в улыбке. Девушку отлично обучили шутовскому ремеслу. Её отцу за многое предстояло ответить в том крошечном аду, что предназначался для карликов.

— Двенадцать сотен. — От левиафана в жёлтом. Стоявший подле него раб протянул ему напиток. Наверняка, лимонный. Тириону сделалось не по себе от того, как эти жёлтые глазки неотрывно

глядели на платформу.

— Тринадцать сотен.

— И одна. — Это старуха.

«*Мой отец не раз говорил, что Ланнистер стоит в десять раз больше, чем любой простолюдин*».

На сумме тысяча шестьсот монет торги снова замедлились, поэтому работорговец предложил некоторым покупателям подойти и взглянуть на карликов вблизи.

— Карлица ещё молода, — уверял он. — Можете их скрестить и неплохо заработать на приплоде.

— Так у этого половины носа нет! — рассмотрев товар вблизи, посетовала старая перечница. От досады морщинистое лицо совсем сморщилось. Её тело было белым, как у личинки — завернутая в фиолетовый токар, она походила на заплесневелую сливу.

— Ещё и глаза разноцветные. Уродливое существо.

— Миледи ещё не видела моих лучших частей, — Тирион схватился за пах, чтобы она поняла, что он имел в виду.

Старая ведьма зашипела от ярости, и хлыст ужалил Тириона по затылку — резкая боль заставила его опуститься на колени, а рот наполнился

привкусом крови. Он ухмыльнулся и сплюнул.

— Две тысячи, — раздался новый голос с последнего ряда скамей.

Что нужно наёмнику от карлика? Тирион заставил себя подняться на ноги, чтобы лучше видеть. Новый покупатель оказался стариком — седовласым, но высоким и поджарым, с обветренной смуглой кожей и коротко стриженой бородой с проседью. Под его выцветшим пурпурным плащом угадывались длинный меч и пояс с кинжалами.

— Две пятьсот.

На этот раз женский голос, принадлежавший низкорослой девушке с широкой талией и тяжёлой грудью, облачённой в богато украшенный доспех. На её фигурном нагруднике из чёрной стали, инкрустированном золотом, была изображена вздымающаяся гарпия со свисающими с когтей цепями. Пара рабов-солдат подняли девушку на щите на высоту плеч.

— Три тысячи.

Смуглый мужчина продирался сквозь толпу покупателей, его приятели-наёмники расталкивали присутствующих, расчищая ему путь.

«*Давай. Подойди ближе*. — Тирион знал, как обращаться с наёмниками. Он ни секунды не

сомневался, что нужен этому человеку отнюдь не для шалостей на пирах. — *Он знает меня и хочет забрать обратно в Вестерос, чтобы продать моей сестре*».

Карлик потер рот, чтобы скрыть улыбку. Между ним и Серсеей с её Семью Королевствами лежало полмира. Мало ли что случится до того, как он туда попадет. «*Я переманил Бронна. Дайте мне хоть одну попытку, и, возможно, этого тоже удастся переманить*».

Старуха и девушка на щите отказались от гонки на трёх тысячах, но оставался ещё толстяк в жёлтом. Он бросил на наёмников оценивающий взгляд жёлтых глаз, резко провёл языком по своим желтым зубам и объявил:

— Пять тысяч серебряных монет за этот лот.

Наёмник нахмурился, пожал плечами и отвернулся.

Седьмое пекло. Тирион совершенно точно знал, что ему совсем не хотелось стать собственностью необъятного Лорда Желтопуза. От одного его вида у Тириона по коже забегали мурашки: свисавшие с носилок болезненно-землистого цвета необъятные телеса, жёлтые поросячьи глазки и распиравшие шёлк токара сиськи, крупнее, чем у Хрюшки - Милашки. А доносившийся от толстяка

запах, чувствовался даже на платформе.

— Если ставок больше нет…

— Семь тысяч! — заорал Тирион.

По скамьям волной прокатился смех.

— Карлик хочет купить сам себя, — заметила девушка на щите.

Тирион похотливо осклабился.

— Умному рабу нужен умный хозяин, а вы все смахиваете на дураков.

Это вызвало ещё больший смех покупателей, а аукционист нахмурился, в замешательстве вертя в руках хлыст и прикидывая, получится ли обратить это к своей выгоде.

— Пять тысяч — это оскорбление! — выкрикнул Тирион. — Я могу биться на рыцарских турнирах, могу петь, могу рассказывать разные забавные истории. Могу трахнуть вашу жену и заставить её стонать. Или, если предпочитаете, жён ваших врагов — это ли не лучший способ их унизить? Я убийца с арбалетом, а мужчины втрое больше меня скулят и трясутся, встретившись со мной за столом для игры в кайвассу. Я даже готовлю время от времени. Я даю за себя десять тысяч серебра! Да-да, я стою столько! Мой отец говорил, что я всегда должен платить свои долги!

Наёмник в пурпурном плаще развернулся

и, встретившись взглядом с глазами Тириона поверх рядов остальных покупателей и солдат удачи, улыбнулся. Тёплой улыбкой, отметил карлик, дружеской. Но до чего же холодны были его глаза. «*В конце концов, может, зря я хочу, чтобы нас купил он*».

Желтое чудовище заёрзало в своих носилках. По его огромному похожему на пирог лицу скользнула тень раздражения. Он пробормотал на гискарском какое-то ругательство, которое Тирион не понял, но интонация говорила сама за себя.

— Это означает очередное повышение цены? — вздернул голову карлик. — Я предлагаю всё золото Кастерли Рок.

Он услышал хлыст — свист в воздухе, тонкий и резкий — прежде, чем почувствовал удар. От него Тирион захрипел, но на этот раз смог удержаться на ногах. Мысли унеслись к началу его путешествия, когда самой большой проблемой был выбор вина, которое он выпил бы в полдень, закусив улитками. Вот что случается, когда гоняешься за драконами. Смех сорвался с его губ, забрызгав первый ряд покупателей кровью и слюной.

— Ты продан, — объявил распорядитель торгов. А потом вновь ударил его — просто потому что

мог это сделать. На этот раз Тирион упал.

Один из стражников рывком поднял его на ноги. Другой согнал Пенни с платформы, подгоняя её тупым концом копья. Следующий товар уже занял их место — девушка лет пятнадцати-шестнадцати, на этот раз не с борта «Селейсори Кхоран». Тирион её не знал. Она была того же возраста, что и Дейенерис Таргариен, или около того. Работорговец сразу раздел девушку донага. «*По крайней мере, мы избежали подобного унижения*».

Тирион перевел взгляд с лагеря юнкайцев на стены Миэрина. Его ворота, казалось, были так близко… а ведь, если верить разговорам в загонах для рабов, Миэрин до сих пор оставался свободным городом. За этими разрушающимися стенами рабство и работорговля все ещё запрещены. Всё, что нужно сделать — это добраться до ворот и проникнуть внутрь, и он снова стал бы свободным человеком.

Но, это невозможно, не бросив Пенни. А она захочет взять с собой собаку и свинью.

— Всё будет не так уж ужасно, правда? — прошептала Пенни. — Он так много за нас заплатил. Он будет добр, верно?

«*Пока мы его развлекаем*».

— Мы слишком дорого обошлись, чтобы дурно с нами обращаться, — обнадежил её Тирион, чувствуя стекавшую по спине кровь от двух последних ударов.

«*А вот когда наши представления ему наскучат… А они ведь наскучат…*»

Пока новый хозяин вступал в свои права, надсмотрщик ожидал их с двумя солдатами и повозкой, запряжённой мулом. У надсмотрщика было длинное узкое лицо, в бороду вплетены золотые нити, а жёсткие чёрно-рыжие волосы на висках казались парой когтистых рук.

— Какие вы милые создания, — сказал он. — Напоминаете моих детей… или напомнили бы, если б мои малютки не умерли. Я хорошо о вас позабочусь. Назовите ваши имена.

— Пенни, — прошептала карлица тоненьким, испуганным голоском.

«*Тирион из дома Ланнистеров, законный лорд Бобрового Утеса, ты, мерзкий червь*».

— Йолло.

— Дерзкий Йолло. Веселая Пенни. Вы теперь собственность благородного и славного Йеззана зо Каггаза, учёного и воителя, уважаемого человека среди мудрых господ Юнкая. Считайте, что вам повезло, ибо Йеззан добрый и щедрый господин.

Думайте о нем, как о своём отце.

«*Да с удовольствием*», — подумал Тирион, но на сей раз придержал язык. Он не сомневался, что скоро им придется выступать перед новым хозяином, и не хотел заработать лишний удар хлыстом.

— Ваш отец больше всего любит свои особенные сокровища, и вас он будет лелеять, — рассказывал надсмотрщик. — А обо мне думайте как о няньке, которая заботилась о вас в детстве. Все мои дети зовут меня Нянькой.

— Лот девяносто девять, — выкрикнул распорядитель торгов. — Воин.

Быстро проданную девушку, прижимающую одежду к маленьким грудям с розовыми сосками, уже сопровождали к новому хозяину. Вместо неё двое работорговцев втащили на помост Джораха Мормонта — обнажённого, если не считать набедренной повязки, с покрытой ранами от ударов хлыстом спиной и распухшим почти до неузнаваемости лицом. Запястья и лодыжки рыцаря сковывали цепи. «*Вот и попробуй то блюдо, которым потчевал меня*», — подумал Тирион, однако понял, что не испытывает радости от страданий большого рыцаря.

Даже в цепях Мормонт выглядел опасным

— громадный мордоворот, широкоплечий, с большими мощными руками. Жёсткие тёмные волосы, покрывавшие его грудь, делали рыцаря похожим скорее на зверя, чем на человека. Вокруг его глаз чернели круги — два тёмных провала на безобразно распухшем лице. На одной щеке горело клеймо — маска демона.

Когда работорговцы ринулись на палубу «Селейсори Кхоран», сир Джорах встретил их с мечом в руке, убив троих прежде, чем его оглушили. Оставшиеся члены команды с удовольствием прикончили бы его, но капитан запретил — за бойца всегда можно выручить добрую меру серебра. Поэтому Мормонта приковали к веслу, избили до полусмерти, морили голодом и заклеймили.

— Он велик и силён, — объявил распорядитель. — Полон злобы и устроит хорошее представление в бойцовых ямах. Кто предложит три сотни для начала?

Никто не предложил.

Мормонт не обращал никакого внимания на этот разношерстный сброд. Его глаза были устремлены за пределы осадных линий — на далёкий город с древними стенами из разноцветного кирпича. Тирион читал этот взгляд как книгу: так близко, и, вместе с тем, так далеко.

Бедолага вернулся слишком поздно. Охранники загонов со смехом поведали им, что Дейенерис Таргариен вышла замуж. Она выбрала своим королём миэринского работорговца — столь же богатого, сколь и благородного. И когда мирный договор будет подписан и скреплён печатями, бойцовые ямы Миэрина вновь откроются. Другие рабы говорили, что охранники лгут, и Дейенерис Таргариен никогда не замирилась бы с работорговцами. Они называли ее Мхиса. Кто-то сказал, что это означало «мать». Рабы шептались, что скоро серебряная королева выступит из своего города, разгромит юнкайцев и разобьёт цепи.

«*А потом испечёт нам лимонный пирог, поцелует наши болячки, и они тут же заживут*», — думал карлик. Он не верил, что королевские особы кинутся кого-то спасать. Возникни такая необходимость, те, скорее, предпочтут спасать самих себя.

Грибов, засунутых в его башмак, хватило бы и для него, и для Пенни. Тогда Хрусту и Хрюшке-Милашке придётся самим о себе позаботиться.

Нянька продолжал инструктировать новые приобретения своего хозяина.

— Если будете делать только то, что вам говорят, и ничего более, заживёте как маленькие

лорды — в любви и ласке, — пообещал он. — Если же ослушаетесь… но вы же никогда так не поступите? Только не вы, мои сладенькие, — он наклонился и потрепал Пенни по щеке.

— Тогда две сотни, — снизил цену распорядитель. — Такой здоровяк стоит в три раза больше. А какой прекрасный из него выйдет телохранитель! Ни один враг не посмеет к вам приблизиться!

— Пойдёмте, мои маленькие друзья, — сказал Нянька. — Я отведу вас в ваш новый дом. В Юнкае вы будете жить в золотой пирамиде Каггаза и есть из серебряной посуды, но здесь мы живём просто, в скромных солдатских палатках.

— Кто предложит сотню? — взмолился распорядитель торгов.

Наконец, заявка поступила, хотя предложили всего лишь пятьдесят серебряных монет. Покупателем оказался худой мужчина в кожаном фартуке.

— И ещё одна, — добавила старуха в фиолетовом токаре.

Один из воинов поднял Пенни и посадил её на задке упряжки.

— Кто эта старая женщина? — спросил у него Тирион.

— Зарина, — ответил воин. — Дешёвые бойцы, которые её. Мясо для героев. Твой друг умирать скоро.

«*Никакой он мне не друг*». Но Тирион Ланнистер неожиданно для себя повернулся к Няньке и сказал:

— Ты не можешь позволить ей купить его.

— Чего это ты расшумелся? — прищурился в ответ надсмотрщик.

Тирион указал рукой.

— Вон тот, он играет в нашем представлении. Медведь и прекрасная дева. Джорах изображает медведя, Пенни прекрасную деву, а я рыцаря, который её спасает. Я пританцовываю вокруг него и бью по яйцам. Очень смешно.

— Этот? — покосился на помост надсмотрщик. Ставки на Джораха Мормонта дошли до двух сотен.

— И ещё монета, — сказала старуха в фиолетовом токаре.

— Ваш медведь. Понятно.

Нянька поспешно протиснулся сквозь толпу, и, наклонившись к огромному жёлтому юнкайцу, зашептал тому на ухо. Его хозяин кивнул, тряся подбородком, а затем поднял свой веер.

— Три сотни, — произнес он хриплым голосом.

Карга фыркнула и отвернулась.

— Зачем ты это сделал? — спросила Пенни на Общем языке.

«*Хороший вопрос,* — подумал Тирион. — *Зачем*?»

— Твоё представление становилось скучным. Любому фигляру нужен танцующий медведь.

Она бросила на него укоряющий взгляд, отползла вглубь повозки и уселась, обняв Хруста с таким видом, словно пёс — её последний настоящий друг на земле. Возможно, так оно и было.

Нянька вернулся с Джорахом Мормонтом. Двое рабов-воинов запихнули его в повозку между карликами. Тот не сопротивлялся. Тирион понял, что борьба рыцаря закончилась, когда он услышал, что его королева вышла замуж. Одно слово, произнесённое шепотом, сделало то, чего не смогли добиться все кулаки, хлысты и дубины — оно сломало его. Надо было дать старухе его выкупить. От него теперь столько же толку, как от сосков на панцире.

Нянька вскарабкался на место кучера, взял в руки вожжи и они двинулись через лагерь осаждающих к огороженной территории их нового хозяина, благородного Йеззана зо Каггаза. Четверо рабов-воинов шагали рядом, по двое с каждой

стороны повозки.

Пенни не плакала, но её глаза были красными, а взгляд — несчастным, и она не отрывала его от Хруста. Неужели она думает, что всё исчезнет как туман, если не смотреть? Сир Джорах Мормонт не видел никого и ничего. Он сидел в оковах, съёжившийся и понурый.

Тирион же глядел на всех и на всё.

Юнкайский лагерь не был единым целым, а представлял собой сотню возведённых бок о бок лагерей, полумесяцем опоясывавших стены Миэрина. Целый город из шёлка и парусины с собственными проспектами и переулками, тавернами и шлюхами, хорошими и плохими районами. Между линией осады и заливом словно жёлтые грибы выросли палатки. Некоторые из них — маленькие и убогие — были всего лишь кусками старой засаленной парусины, натянутой, чтобы уберечься от дождя и солнца. А рядом стояли большие казарменные шатры, способные вместить сотню мужчин, и огромные, словно дворцы, шёлковые павильоны с водружёнными на полог блестящими гарпиями. Некоторые лагеря были выстроены в правильном порядке: палатки располагались концентрическими кругами вокруг костровой ямы, оружие и доспехи

сложены во внутреннем круге, а коновязи находились во внешнем. В других, казалось, царил полный хаос.

Вокруг Миэрина на долгие лиги вокруг простирались сухие и выжженные, плоские, голые и лишённые деревьев долины, но юнкайские корабли привезли с юга достаточно леса и шкур, чтобы построить шесть огромных требушетов. Они были установлены с трёх сторон города — со всех, кроме речной. Их окружали груды битого камня и бочки со смолой и дёгтем, ожидавшие, когда к ним поднесут огонь. Один из воинов, шагавших рядом с повозкой, перехватил взгляд Тириона и с гордостью сообщил, что каждый из требушетов имеет свое собственное имя: Драконолом, Ведьма, Дочь Гарпии, Злая Сестра, Призрак Астапора, Кулак Маздана. Возвышаясь над палатками на высоту в сорок футов, требушеты были самыми приметными объектами лагеря осаждающих.

— Один только их вид поставил драконью королеву на колени, — хвастался воин. — В этой позе она и останется, отсасывая благородный член Хиздара, иначе мы разнесем её стены в пыль.

Тирион наблюдал, как секли раба: удар за ударом, пока спина несчастного не превратилась в

кровавое месиво. Мимо, лязгая на ходу железом, прошагала группа людей, вооружённых копьями и короткими мечами, но скованных цепью по запястьям и лодыжкам. В воздухе запахло жареным мясом, и Тирион увидел, как один человек свежевал собаку, чтобы бросить её в котел.

Кроме того, он видел мёртвых и слышал умирающих. Сквозь плывший по ветру дым, запах лошадей и острый солёный дух залива пробивался смрад крови и дерьма. Понос, догадался Тирион, глядя, как двое наёмников оттаскивают от палаток труп третьего. От этой мысли у него задрожали пальцы. «*Болезнь может стереть армию с лица земли быстрее, чем сражение*», — сказал как-то его отец.

Тем больше причин для побега, и чем скорее это случится, тем лучше.

Спустя четверть мили, он обнаружил вескую причину передумать: толпу, собравшуюся вокруг трёх рабов, пойманных при попытке к бегству.

— Я знаю, что мои маленькие сокровища будут милыми и послушными, — сказал Нянька. — Смотрите, что случается с теми, кто пытается бежать.

Беглецов привязали к ряду перекладин, и пара пращников показывала на них свое искусство.

— Толосийцы, — объяснил им один из стражников. — Лучшие пращники в мире. Вместо камней они метают мягкие свинцовые шарики.

Тирион никогда не понимал смысла в пращах, ведь луки бьют намного дальше… до тех пор как не увидел этих толосийцев в деле. Их свинцовые шарики причиняли гораздо больше вреда, чем гладкие камни, которыми пользовались другие пращники. Хватило лишь раз попасть в колено одного из беглецов, и оно разлетелось месивом крови и костей, после чего нижняя часть ноги осталась болтаться на тёмно-красных сухожилиях. «*Ну, больше он бегать не будет*», — признал Тирион в тот самый момент, когда человек стал кричать. Его пронзительные вопли смешались в утреннем воздухе со смехом обозников и проклятиями тех, кто поставил целую монету на то, что пращник промахнётся. Пенни отвернулась, но Нянька схватил её за подбородок и насильно повернул голову обратно.

— Смотри, — приказал он. — И ты тоже, медведь.

Джорах Мормонт поднял голову и уставился на Няньку. Тирион видел, как напряглись руки рыцаря. «*Он задушит его, и нам всем придет конец*». Но Мормонт лишь скривился, а затем перевел

свой взгляд на кровавое представление.

На востоке в утреннем мареве мерцали массивные кирпичные стены Миэрина — убежища, к которому стремились несчастные глупцы. Как долго оно останется таковым?

К тому моменту, когда Нянька вновь взялся за вожжи, все три неудавшихся беглеца умерли. Повозка, запряжённая мулом, загрохотала дальше.

Растянувшийся на несколько акров лагерь их хозяина располагался к югу-востоку от Харрида-на, практически в его тени. «Скромная палатка» Йеззана зо Каггаза оказалась дворцом из шёлка лимонного цвета. Сиявшие на солнце позолоченные гарпии восседали на центральных шестах каждой из девяти остроконечных крыш. Со всех сторон его окружали палатки поменьше.

— Это жилища поваров, наложниц и воинов нашего благородного хозяина, а также некоторых менее привилегированных родственников, — объяснил им Нянька. — Но вам, малыши, будет оказана высокая честь — вы сможете ночевать в покоях самого Йеззана. Ему нравится держать свои сокровища под рукой.

Нахмурившись, он взглянул на Мормонта:

— К тебе это не относится, медведь. Ты большой и уродливый, тебя прикуют снаружи. — Рыцарь

промолчал. — Для начала, вы все должны примерить ошейники.

На железных с позолотой, чтобы сияли на свету, ошейниках валирийскими буквами было выгравировано имя Йеззана, а под дужками крепилась пара маленьких колокольчиков. Каждый шаг носившего ошейник сопровождался лёгким жизнерадостным перезвоном. Джорах Мормонт принял свой с озлобленным молчанием, а когда оружейник застёгивал ошейник Пенни, та заплакала.

— Такой тяжелый! — пожаловалась она.

Тирион сжал ее руку:

— Это чистое золото, — солгал он. — В Вестеросе, благородные дамы мечтают о таком ожерелье. Ошейник лучше, чем клеймо — его хоть можно снять.

Он вспомнил Шаю и то, как сияла золотая цепь, все туже и туже затягиваясь вокруг её горла.

Позже Нянька приказал приковать цепи сира Джораха к столбу возле костра, где готовили пищу, а сам повёл карликов в павильон своего господина. Он показал им места для ночлега в убранном коврами алькове, отделённом от основного шатра стенами жёлтого шёлка. Карликам предстояло разделить эту комнату с другими

сокровищами Йеззана: мальчиком с кривыми волосатыми козлиными ногами, двухголовой девочкой из Мантариса, бородатой женщиной и изящным созданием по прозвищу Сладость, наряжённым в лунные камни и мирийское кружево.

— Вы пытаетесь понять, женщина я или мужчина, — заявил Сладость, когда его привели к карликам. Затем он задрал юбки и показал, что находится под ними. — Я и то, и другое, и хозяин любит меня больше всех.

«*Ошибка природы,* — понял Тирион. — *Где-то пошутил какой-то бог*».

— Очаровательно, — ответил он Сладости, — но мы надеялись, что хоть раз обойдём всех красотой.

Сладость захихикал, но Няньке было не до смеха.

— Прибереги свои шуточки на вечер, когда будешь выступать перед нашим благородным хозяином. Ублажите его — и вас вознаградят. Если же нет… — он залепил Тириону пощечину.

— С Нянькой лучше быть поосторожнее, — посоветовал Сладость, когда надсмотрщик ушёл. — Он тут единственное настоящее чудовище.

Бородатая женщина общалась на непонятной разновидности гискарского, козлоногий мальчик

— на каком-то гортанном моряцком жаргоне, называвшемся торговым языком. Двухголовая девочка была слаба умом: одна её голова, размером не больше апельсина, совсем не разговаривала, а вторая, с подпиленными зубами, рычала на любого, кто подходил к её клетке. Но Сладость свободно изъяснялся на четырёх языках, в том числе и на высоком валирийском.

— Какой он, наш хозяин? — встревожено спросила Пенни.

— Желтоглазый и вонючий, — ответил Сладость. — Десять лет назад он ездил в Соторос, и с тех пор гниет изнутри и снаружи. Дайте ему хоть ненадолго забыть о том, что он умирает, и хозяин будет наищедрейшим человеком. Ни в чём ему не отказывайте.

Они должны были выучить правила поведения рабов не позже, чем к полудню. Домашние рабы Йеззана наполнили ванну горячей водой, и карликам разрешили помыться — сначала Пенни, затем Тириону. После чего другой раб смазал жгучей мазью раны от хлыста на его спине, чтобы те не загноились, и поставил охлаждающую припарку. Пенни подрезали волосы, Тириону подравняли бороду и выдали обоим мягкие тапочки и свежую одежду — простую, но чистую.

К вечеру Нянька вернулся и объявил, что пора обряжаться в потешные доспехи. Йеззан собирался принять у себя главнокомандующего юнкайской армией, благородного Юрхаза зо Юнзака, и карлики должны были их развлекать.

— Расковать вашего медведя?

— Не этим вечером, — сказал Тирион. — Давайте мы сперва сразимся для нашего хозяина, а медведя оставим на потом.

— Ладно. Когда закончите со своими ужимками, поможете подавать на стол. Смотрите, ничем не облейте гостей, вам же хуже будет.

Вечер начался с выступления жонглёра. За ним последовало трио энергичных акробатов. Потом вышел козлоногий мальчик и сплясал нелепый танец под аккомпанемент костяной флейты, на которой играл один из рабов Юрхаза. Тирион подумывал спросить у него, знает ли он песню «Рейны из Кастамере».

Пока они ждали своей очереди, он наблюдал за Йеззаном и его гостями. Восседавший на почетном месте человек-сушённая слива, очевидно, был главнокомандующим юнкайцев и выглядел грозно, как понос. За его спиной стояла дюжина юнкайских лордов. Кроме них присутствовали два капитана наёмников, каждый в компании

дюжины воинов из своего отряда. Один из них — элегантный седовласый пентошиец, облачённый в шелка и в плащ, сшитый из десятков разноцветных клочков окровавленной материи. Второй капитан — человек, пытавшийся купить их этим утром — смуглокожий покупатель с седеющей бородой.

— Бурый Бен Пламм, — сообщила Сладость. — Командир Младших сыновей.

«*Уроженец Вестероса, да еще и Пламм. Всё лучше и лучше*».

— Следующие вы, — сообщил им Нянька. — Будьте уморительными, мои маленькие голубчики, иначе очень пожалеете.

Хоть Тирион не владел и половиной старых трюков Гроша, но у него получилось проехаться на свинье, упасть, когда надо, перекатиться и вскочить обратно на ноги. Все это было хорошо принято. Подобное зрелище — маленькие человечки, носившиеся вокруг, словно пьянчуги, и колошматящие друг друга деревянным оружием — в лагере осаждающих у Залива Работорговцев воспринимались с не меньшим весельем, чем на свадебном пиру Джоффри в Королевской Гавани. «*Презрение*, — подумал Тирион, — *это всем понятный язык*».

Когда один из карликов падал или получал тумаки, их хозяин Йеззан смеялся громче и дольше всего — его необъятное тело ходило ходуном, словно трясущееся сало. Прежде чем присоединиться к хохоту, гости ждали, как поведет себя Юрхаз зо Юнзак. Главнокомандующий выглядел таким тщедушным, что Тирион опасался, как бы тот не помер от смеха. Когда сбитый с Пенни шлем приземлился прямо на колени кислолицего юнкайца, Юрхаз закудахтал как курица. А когда вышеуказанный лорд просунул руку внутрь шлема и вытащил оттуда сочную мякоть фиолетовой дыни, то захрипел и не мог остановиться до тех пор, пока его лицо не стало того же цвета, что и плод. Повернувшись к радушному хозяину, юнкаец прошептал что-то, что заставило того хихикнуть и облизнуть губы… Хотя Тириону показалось, что он уловил тень злобы в узких жёлтых глазках толстяка.

Потом карлики сняли с себя деревянные доспехи и пропитанную потом исподнюю одежду, и переоделись в свежие жёлтые туники, которые им приготовили для прислуживания за столом. Тириону достался штоф бордового вина, а Пенни — графин с водой. Они ходили по палатке и наполняли бокалы. Их обутые в тапочки ноги с лёгким

шорохом ступали по толстым коврам. Работа оказалась труднее, чем представлялась раньше. Вскоре ноги Тириона свело сильной судорогой, один из рубцов на спине вновь закровоточил, и сквозь жёлтый лён туники проступили красные пятна. Стиснув зубы, Тирион продолжал разливать вино.

Большинство гостей обращали на них не больше внимания, чем на остальных рабов… Пока один из юнкайцев не заорал пьяным голосом, что Йеззан должен заставить карликов трахаться, а другой потребовал рассказать как Тирион потерял свой нос. «*Я засунул его в щёлку твоей жены, и она его откусила*», — чуть не брякнул Тирион, но пережитый шторм убедил его, что умирать преждевременно, и поэтому карлик сказал: «*Его отрезали в наказание за моё неуважение, повелитель*».

Затем лорд в синем токаре, отделанном каймой с тигриными глазами, вспомнил, что во время торгов Тирион хвастался мастерством игры в кайвассу и предложил: «*Давайте проверим его*». Быстро принесли стол и набор для игры. Некоторое время спустя лорд с красным от злости лицом опрокинул стол и раскидал фигурки по коврам под смех юнкайцев.

— Надо было дать ему выиграть, — прошептала Пенни.

Бурый Бен Пламм с улыбкой поднял упавший стол.

— Теперь сыграй со мной, карлик. Когда я был моложе, Младшие Сыновья заключили контракт с Волантисом. Я обучался игре там.

— Я всего лишь раб. Мой хозяин решает, когда и с кем мне играть. — Тирион повернулся к Йеззану. — Хозяин?

Похоже, жёлтого лорда позабавила эта идея.

— Каковы ваши ставки, капитан?

— Если я выиграю, вы отдадите мне этого раба, — сказал Пламм.

— Нет, — ответил Йеззан зо Каггаз. — Но если вы победите моего карлика, получите сумму, которую я за него заплатил, золотом.

— Договорились, — согласился наемник. Разбросанные фигурки собрали с ковра, и противники сели играть.

Первую партию выиграл карлик. Пламм одолел во второй, с удвоенными ставками. Пока они готовились к третьему туру, Тирион наблюдал за своим соперником. Смуглый, с коротко стриженой жёсткой бородой серо-белого цвета, с изборождённым тысячей морщин и старыми

шрамами лицом, Пламм выглядел дружелюбно, особенно когда улыбался. «*Верный вассал*», — решил Тирион. Всеобщий любимый дядюшка, всегда улыбающийся, готовый поделиться старыми пословицами и грубоватой мудростью. Всё это — сплошная фальшь. Эти улыбки никогда не касались глаз Пламма, в которых жадность пряталась за маской осмотрительности. Жаждущий, но осторожный.

Наёмник оказался почти таким же плохим игроком, как и юнкайский лорд, но его манера игры была скорее вялой и упрямой, чем дерзкой. Каждый раз перед очередной партией он по-разному расставлял фигуры, но, в то же время, действовал всегда одинаково — консервативно, оборонительно и пассивно. Он играет не затем, чтобы победить, понял Тирион. Он играет, чтобы не проиграть. Это сработало во второй партии, когда карлик сам себя перехитрил непродуманной атакой. Однако это не принесло пользы ни в третьей, ни в четвертой, ни в пятой игре, оказавшейся последней.

К концу последней схватки, после того как его крепость была разрушена, дракон убит, по фронту наступали слоны, а тяжелая конница кружила в тылу, Пламм поднял глаза, и, улыбаясь,

произнес:

— Йолло снова победил. Победа через четыре хода».

— Через три, — постучал по своему дракону Тирион. — Мне повезло. Возможно, вам стоит хорошенько потереть мою голову перед следующей игрой, капитан. Немного удачи может пристать к вашим пальцам.

«*Ты всё равно проиграешь, но может, будешь играть получше*». Ухмыляясь, он отодвинул стол с кайвассой, подхватил штоф с вином и вернулся к своим обязанностям, сделав Йеззана зо Каггаза значительно богаче, а Бурого Бена Пламма — значительно беднее. Его колоссальных размеров хозяин свалился в пьяный сон ещё во время третьей партии, кубок выскользнул из желтоватых пальцев, и содержимое вылилось на ковер, но, может, он будет доволен, когда проснется.

Когда главнокомандующий Юрхаз зо Юнзак удалился, поддерживаемый двумя крепкими рабами, остальные гости восприняли это как сигнал к уходу. После того как палатка опустела, снова явился Нянька, сообщив слугам, что те могут устроить себе пир из объедков.

— Ешьте быстрее. Всё должно быть убрано до того как вы ляжете спать.

Тирион стоял на коленях с гудящими ногами и окровавленной ноющей от боли спиной и пытался оттереть пятно, оставленное разлитым вином благородного Йеззана на ковре благородного Йеззана, когда надсмотрщик легонько похлопал его по щеке кончиком хлыста.

— Йолло. Вы хорошо выступили. Ты и твоя жена.

— Она мне не жена.

— Тогда ты и твоя шлюха. Встать, оба.

Тирион неуверенно поднялся, одна нога дрожала под его весом. Словно стянутые в узлы мышцы ног свело такой судорогой, что Пенни пришлось подать ему руку, чтобы помочь подняться.

— Что мы сделали?

— Достаточно всего, — ответил надсмотрщик. — Нянька сказал вам, что вы будете вознаграждены, если доставите удовольствие вашему отцу, верно? Хотя благородный Йеззан, как вы могли убедиться, неохотно расстается со своими маленькими сокровищами, но Юрхаз зо Юнзак убедил его, что было бы очень эгоистично прятать таких забавных шутов. Возрадуйтесь! Чтобы отпраздновать подписание мира, вы удостоились чести сражаться в Большой Яме Дазнака. Тысячи придут на вас посмотреть! Десятки тысяч! Ох, как

же мы посмеёмся!

Глава 48. Джейме

Замок Древорон был стар. Густой мох топорщился между его древних камней и паутиной стариковских вен тянулся по стенам. Две огромные башни примыкали к главным воротам замка, башенки поменьше охраняли стену по углам. Всё было квадратным. Круглые и полукруглые башни лучше защищают от катапульт — от выпуклых стен летящие камни отскакивают чаще, однако Древорон возвели задолго до того, как строителям открылась эта мудрость.

Замок возвышался над широкой плодородной местностью, и на картах, и в народе звавшейся долиной Чернолесья. Вот только лес в этой долине не рос уже несколько тысяч лет — ни чёрный, ни коричневый, ни зелёный. Да, он был здесь когда-то, но все деревья попали под топор. Там, где в прежние времена высились дубы, выросли дома, мельницы и крепости. Голую, глинистую почву тут и там почву тут и там усеяли островки тающего снега.

Внутри стен замка, однако, сохранилась небольшая часть леса. Род Блэквудов остался верен

старым богам Первых людей и поклонялся им как в те дни, когда андалы ещё не пришли в Вестерос. Поговаривали, что возраст некоторых деревьев богорощи не меньше, чем квадратных башен Древорона; особенно старым было сердце-дерево — чардрево колоссальных размеров, чьи ветви, похожие на костлявые пальцы, царапавшие небо, были видны на лиги окрест.

На пологих холмах долины, через которую двигался Джейме Ланнистер со своим отрядом, мало что осталось от полей, ферм и фруктовых садов, в былые времена окружавших Древорон — лишь грязь и пепел, да черневшие то тут, то там остовы домов и мельниц. Пустоши заросли бурьяном, терновником и крапивой, никаких посевов не было и в помине. Куда бы Джейме ни бросил взгляд, во всём узнавал руку своего отца — даже в костях, которые они порой замечали у дороги. Кости попадались всё больше овечьи, но встречались также лошадиные и коровьи, а время от времени то человеческий череп, то обезглавленный скелет, меж рёбер которого пробивались сорняки.

Древорон не был окружён огромными войсками, как Ривердан. Осада, скорее, носила характер близких отношений. Последнее па танца, на-

чало которого терялось в веках. Вокруг замка у Джонаса Бракена было не более пяти сотен солдат. Джейме не заметил ни осадных башен, ни стенобитных орудий, ни катапульт. Бракен не собирался ломать ворота Древорона и штурмовать его высокие толстые стены. Подкреплений не предвиделось, и он решил удовольствоваться тем, что возьмет врага измором. Без сомнения, в первые дни осады случались и вылазки, и мелкие столкновения, и стрелы летели в обе стороны, но за полгода все уже слишком устали, чтобы тратить силы на такую чепуху. Теперь тут царили скука и рутина — враги дисциплины.

«*Давно пора было с этим покончить*», — подумал Джейме Ланнистер. После того, как Ривердан благополучно перешел в руки Ланнистеров, Древорон оставался последним оплотом недолговечного королевства Молодого Волка. Как только замок падёт, работу у берегов Трезубца можно считать оконченной, и Джейме будет волен вернуться в Королевскую Гавань. «*К королю*, — говорил он себе, но внутренний голос шептал: — *к Серсее*».

Наверное, ему придется встретиться с ней. Если, конечно, Верховный септон не казнит её к тому времени, когда Джейме доберется до города.

«*Немедленно возвращайся*», — писала сестра в том письме, которое он приказал Пеку сжечь еще в Ривердане. «*Помоги. Спаси меня. Ты нужен мне, как никогда прежде. Люблю тебя. Люблю. Люблю. Немедленно возвращайся*». Он действительно ей нужен, в этом сомнений не было. Что до остального… «*Она спала с Ланселем, с Осмундом Кеттлблэком, а может и с Лунатиком, почём мне знать*…» Даже если бы Джейме вернулся, он не смог бы её спасти. Каждое обвинение против неё — правда, а у него недоставало правой руки.

Когда колонна рысью двинулась с полей, караульные смотрели на них скорее с любопытством, чем со страхом. Никто не бил тревоги, что вполне устраивало Джейме. Найти шатёр лорда Бракена оказалось несложно. Им оказался самый большой шатёр в лагере, расположенный на самом удобном месте — на небольшой возвышенности у реки, откуда открывался вид на двое ворот Древорона.

И шатёр, и знамя над ним были коричневого цвета. На развевающемся полотнище красный жеребец Бракенов вставал на дыбы на золотом поле. Джейме приказал спешиться и распустил своих людей.

— Вы двое, — приказал он своим знаменосцам,

— оставайтесь со мной. Это не займёт много времени.

Джейме спрыгнул с Чести и направился в шатёр Бракена. Меч позвякивал в ножнах в такт шагам.

Стражники у входа в шатёр обменялись тревожными взглядами при его приближении.

— Милорд, — спросил один из них, — нам доложить о вас?

— Я сам о себе доложу.

Джейме откинул полог золотой рукой и нырнул внутрь.

Они так увлечённо и самозабвенно трахались, забыв обо всём на свете, что не заметили его появления. Глаза женщины были закрыты, а руки вцепились в жёсткую бурую поросль на спине Бракена. Она ахала каждый раз, когда он входил в неё. Его светлость, обнимая женщину за бёдра, лицом зарылся в её пышную грудь. Джейме откашлялся.

— Лорд Джонос.

Женщина распахнула глаза и испугано взвизгнула. Джонос Бракен скатился с неё, схватил ножны и вскочил с обнажённой сталью в руке, изрыгая проклятия.

— Семь преисподен, — начал было он, — кто посмел…

Но, заметив белый плащ и золотую кирасу Джейме, опустил меч.

— Ланнистер?

— Жаль прерывать ваше приятное занятие, милорд, — проговорил Джейме с легкой улыбкой. — Но я слегка тороплюсь. Мы можем поговорить?

— Поговорить. Конечно, — лорд Джонос вложил меч в ножны. Он был не так высок, как Джейме, но крупнее, с массивными плечами и руками, которым позавидовал бы и кузнец. Бурая щетина покрывала его щёки и подбородок. Глаза у него были карие, и в них сквозил плохо скрываемый гнев.

— Вы застали нас врасплох, милорд. Меня не предупредили, что я буду иметь удовольствие видеть вас.

«*А я, кажется, помешал тебе получить удовольствие*». Джейме улыбнулся женщине в постели. Она одной рукой прикрывала левую грудь, другой — холмик между ног, оставляя правую грудь на виду. Соски у неё были темнее, чем у Серсеи, и в три раза больше. Почувствовав взгляд Джейме, женщина прикрыла правый сосок, обнажив при этом лобок.

— Все лагерные шлюхи такие стыдливые? —

поинтересовался Ланнистер. — Чтобы продать дыни, надо выставить их напоказ.

— Вы разглядывали мои дыни с той самой минуты, как зашли, сир, — женщина нашарила одеяло и натянула его до пояса, затем, подняв руку, откинула темные волосы с глаз. — И они не на продажу.

Джейме пожал плечами.

— Прошу прощения, если вы не та, кем кажетесь. Мой младший брат, не сомневаюсь, знавал сотни шлюх, я же был в постели лишь с одной.

— Это мой военный трофей. — Бракен поднял с пола штаны и встряхнул, выворачивая. — Она принадлежала одному из дружинников Блэквуда, пока я не разрубил тому голову надвое. Опусти руки, женщина. Милорд Ланнистер хочет как следует разглядеть твои сиськи.

Джейме не обратил на это внимания.

— Вы надеваете штаны задом наперед, милорд, — сказал он Бракену. Пока Джонос чертыхался, женщина выскользнула из постели, чтобы собрать свою разбросанную одежду. Пальцы её нервно метались от груди к лобку каждый раз, как она наклонялась, поворачивалась или протягивала руку. Её попытки прикрыться, как ни странно, возбуждали куда сильнее, чем если бы

она просто ходила голой.

— Имя у тебя есть, женщина? — спросил Джейме.

— Мать назвала меня Хильди, сир.

Она натянула через голову грязную рубашку и тряхнула волосами. Лицо её было почти таким же чумазым, как и ноги, а волос между ног хватало, чтобы сойти за сестрицу Бракена, и всё же было в ней нечто притягательное. Вздернутый носик, спутанная копна волос… или то, как она присела в реверансе, как только натянула юбку.

— Вы не видели мой второй ботинок, м'лорд?

Этот вопрос, похоже, разозлил лорда Бракена.

— Я что тебе, треклятая горничная, ботинки искать? Ходи босой, если не нашла. Выметайся.

— Значит, м'лорд не возьмёт меня к себе домой помолиться вместе с его женушкой? — смеясь, Хильди бросила на Джейме бесстыдный взгляд.

— А у вас есть женушка, сир?

«*Нет, но у меня есть сестра*».

— Какого цвета мой плащ?

— Белого, — ответила она, — но рука у вас — чистое золото. Мне это нравится в мужчинах. А вам что нравится в женщинах, м'лорд?

— Невинность.

— Я сказала «в женщинах». Не в дочери.

Он подумал о Мирцелле. «*Мне придется сказать и ей*». Дорнийцам это может не понравиться. Доран Мартелл согласился обручить её со своим сыном, считая, что она от крови Роберта. «*Всё запутано и всё связано*», — думал Джейме, жалея, что не может разрубить эту паутину одним быстрым ударом меча.

— Я дал обет, — устало ответил он Хильди.

— Тогда, никаких вам дынь, — игриво проговорила девушка.

— Убирайся! — заревел на неё лорд Джонос.

Она так и сделала. Но, проходя мимо Джейме с одним ботинком и грудой одежды в руках, протянула руку и сжала его член сквозь штаны.

— Хильди, — напомнила она и полуодетая вылетела из шатра.

«*Хильди*», — повторил Джейме про себя.

— А как поживает ваша леди-жена? — спросил он у лорда Джоноса, когда девушка исчезла.

— Откуда мне знать? Спросите у её септона. Когда ваш отец спалил наш замок, она решила, что это боги наказывают нас. Теперь только и знает, что молится.

Джонос, наконец, справился со штанами и принялся затягивать тесёмки.

— Что привело вас сюда, милорд? Чёрная Рыба?

Мы слышали, что он сбежал.

— Да ну? — Джейме устроился на походном табурете. — Случаем не от него самого?

— Сир Бринден не так глуп, чтобы бежать ко мне. Он мне симпатичен, не отрицаю. Но это не помешает заковать его в цепи, покажи он нос рядом со мной или моими людьми. Ему известно, что я пошел на поклон. И Бринден должен был сделать то же самое, но он всегда упрямился. Можете спросить его брата.

— Титос Блэквуд колен не склонял, — напомнил Джейме. — Мог Черная Рыба попросить убежище в Древороне?

— Он мог попытаться, но чтобы укрыться там, нужно сначала пробраться через мои позиции, а я пока не слышал, чтобы Чёрная Рыба отрастил крылья. Титосу самому скоро понадобится убежище. В замке уже перешли на крыс и корешки. Он сдастся ещё до полнолуния.

— Он сдастся до заката. Я намерен предложить ему соглашение и вернуть его в королевское лоно.

— Ясно. — Лорд Джонос накинул коричневую шерстяную тунику с вышитым спереди красным жеребцом Бракенов. — Угодно ли милорду рог пива?

— Нет, но не стоит из-за меня мучиться от жажды.

Бракен наполнил рог, выпил половину и вытер рот.

— Вы говорили о соглашении. Что за соглашение?

— Обычное. Лорд Блэквуд обязуется покаяться в своей измене и отречься от союза со Старками и Талли. Он торжественно поклянется перед богами и людьми впредь быть верным вассалом Харренхолла и Железного Трона, и я от имени короля дарую ему прощение. Мы, конечно, заберем горшок-другой золота. Такова цена мятежа. Я также потребую заложника для уверенности в том, что Древорон не восстанет снова.

— Его дочь, — предложил Бракен, — у Блэквуда шестеро сыновей и только одна дочь. Он души в ней не чает. Сопливая малявка, ей не больше семи.

— Маловата, но, наверное, сойдёт.

Лорд Джонос допил остатки пива и отбросил рог в сторону.

— А что с обещанными нам землями и замками?

— Что это за земли?

— Восточный берег Вдовьих Купален — от

Арбалетного кряжа до Случного луга, и все острова на реке. Помольная и Лордова мельницы, руины Грязного Чертога, Охальники, Долина Битв, Старая Кузница, деревни Пряжка и Черно-пряжка, Курганы и Глинки, и торговый город на Кладбищенских грязях. Осиный лес, лес Лоргена, Зелёный Холм и Барбины Грудки. Грудки Мисси, как называют их Блэквуды, но раньше они были Барбиными. Древомед со всеми ульями. Вот, я пометил, чтобы милорд мог взглянуть, — он порылся на столе и извлек пергаментный свиток с картой.

Джейме взял его здоровой рукой, но чтобы развернуть и расправить свиток понадобилась и золотая.

— Земли немалые, — отметил он. — Ваши владения вырастут на четверть.

Бракен упрямо сжал губы.

— Все эти земли когда-то принадлежали Каменной Ограде. Блэквуды украли их у нас.

— А что насчет этой деревеньки, между Грудками? — Джейме постучал по карте позолоченными костяшками.

— Древогрош. Когда-то она тоже была нашей, но уже сотню лет как стала королевским леном. Пропустите её. Мы просим вернуть только земли,

украденные Блэквудами. Ваш лорд-отец обещал вернуть их нам, если мы заставим лорда Титоса покориться его воле.

— И всё же на пути сюда я видел знамёна Талли, реющие над замком заодно с лютоволком Старков. Полагаю, это означает, что лорд Титос не покорился.

— Мы загнали их с поля битвы за стены Древорона. Дайте мне достаточно людей для штурма, милорд, и куча Блэквудов покорно отправится в могилы.

— Если я дам вам достаточно людей, то это они заставят их покориться, а не вы. В таком случае мне придется награждать самого себя. — Джейме отпустил свиток с картой, который тут же опять свернулся. — Я оставлю его себе, вы не против?

— Карта ваша. А земли наши. Говорят, Ланнистеры всегда платят свои долги. Мы сражались за вас.

— И вполовину не так долго, как сражались против нас.

— Король нас помиловал. Мой племянник и родной сын пали от руки ваших людей. Ваш Гора украл мой урожай и спалил всё, что не смог унести. Он сжёг мой замок дотла и изнасиловал одну из моих дочерей. Я требую возмещения убытков.

— Гора мертв, как и мой отец, — сказал ему Джейме, — а кое-кто сказал бы, что оставить тебе голову на плечах было достаточным возмещением. Ты *присягнул* Старку и был верен ему, пока лорд Уолдер его не прикончил.

— Убил и его, и дюжину моих добрых родичей, — лорд Джонос отвернулся и сплюнул. — Да, я был верен Молодому Волку. Так же, как буду верен вам, пока со мной обходятся по справедливости. Я склонил колено, потому что не видел смысла умирать за мёртвых или проливать кровь Бракенов за проигранное дело.

— Как осмотрительно.

«*Хотя кое-кто мог бы сказать, что лорд Блэквуд повел себя куда благороднее*».

— Вы получите свои земли. По крайней мере, некоторую часть. Поскольку вы участвовали в покорении Блэквудов.

Похоже, такой поворот устраивал лорда Джоноса.

— Мы удовольствуемся любым наделом, который милорд сочтёт справедливым. Однако если позволите, я дам вам совет: не стоит быть слишком мягкими с этими Блэквудами. Предательство у них в крови. До того, как андалы пришли в Вестерос, на этой реке правил дом Бракенов. Мы

были королями, а Блэквуды — нашими вассалами, но они предали нас и узурпировали корону. Все Блэквуды прирожденные перебежчики. Помните об этом, заключая ваше соглашение.

— О да, я запомню, — пообещал Джейме.

Он направился из осадного лагеря Бракена к воротам Древорона. Пек ехал впереди с мирным знаменем. На пути к замку из бойниц над воротами за ними следили двадцать пар глаз. Джейме осадил Честь на краю рва — полной зеленой воды глубокой канавы, выстланной камнем и запруженной нечистотами. Джейме уже собрался скомандовать сиру Кенносу трубить в рог Херрока, когда подъемный мост начал опускаться.

Лорд Титос Блэквуд встретил его во внутреннем дворе замка верхом на боевом коне — таком же костлявом, как и он сам. Лорд Древорона был очень высок и очень худ, с крючковатым носом и косматой бородой, в которой седых волос было куда больше, чем чёрных. На его отполированной до блеска алой кирасе белело инкрустированное серебром голое мёртвое дерево, окружённое стаей взлетающих ониксовых воронов, а за плечами развевался плащ из вороньих перьев.

— Лорд Титос, — сказал Джейме, — сир. Благодарю, что впустили меня.

— Не могу сказать, что вы здесь желанный гость. Но не буду и отрицать — я надеялся, что вы придёте. Вы пришли за моим мечом.

— Я пришел, чтобы положить этому конец. Ваши люди доблестно сражались, но ваша война проиграна. Вы готовы сдаться?

— Королю. Не Джоносу Бракену.

— Я понимаю.

Блэквуд замешкался.

— Хотите, чтобы я спешился и преклонил перед вами колено, здесь и сейчас?

На них смотрела сотня глаз.

— На ветру холодно, а двор грязный, — ответил Джейме. — Можете преклонить колено на ковре в своих покоях после того, как мы заключим соглашение.

— Как великодушно с вашей стороны, — сказал лорд Титос. — Пойдемте, сир. У меня в замке, возможно, недостает провизии, но никак не учтивости.

Покои Блэквуда располагались на втором этаже похожего на пещеру деревянного замка. Когда они вошли, в камине уже горел огонь. Зала была большой и просторной. Потолок поддерживали толстые потемневшие балки из дуба, стены завешены тканными гобеленами, а пара широ-

ких решётчатых дверей выходила на богорощу. Сквозь жёлтые ромбовидные вставки из толстого стекла Джейме разглядел узловатые ветви дерева, в честь которого замок получил свое имя. Это было древнее колоссальное чардрево, в десять раз больше того, что росло в Каменном саду Кастерли Рок. Только это дерево было голо и мертво.

— Бракены отравили его, — объяснил хозяин. — Уже тысячу лет на нём не растет ни листочка. Мейстеры говорят, что ещё через тысячу лет оно обратится в камень. Чардрева никогда не гниют.

— А вороны? — спросил Джейме. — Где они?

— Прилетают в сумерках и ночуют здесь. Сотни птиц. Они покрывают дерево, словно чёрные листья, каждую ветвь, большую и малую. Вороны прилетают уже тысячи лет. Как или почему — никто не может объяснить, однако дерево призывает их каждую ночь.

Блэквуд уселся в кресло с высокой спинкой.

— Честь обязывает меня спросить о моем господине.

— Сир Эдмар сейчас на пути в Кастерли Рок в качестве моего пленника. Его жена останется в Близнецах до тех пор, пока не родится ребёнок. Тогда она и младенец присоединятся к нему. Если Эдмар не задумает бежать или бунтовать,

то проживёт долгую жизнь.

— Долгую и горькую. Жизнь без чести. До последнего его дня люди будут говорить, что он испугался боя.

«*Неправда*, — подумал Джейме, — *он боялся за своего ребенка. Он знал, чей я сын, лучше, чем моя собственная тетка*».

— Он сделал свой выбор. Его дядя пустил бы нам кровь.

— Да, в этом мы с Эдмаром похожи, — голос Блэквуда ничего не выражал. — Могу я узнать, что вы сделали с сиром Бринденом?

— Я предложил ему надеть чёрное. Вместо этого он бежал, — улыбнулся Джейме. — У вас часом его нет?

— Нет.

— А если бы был — вы бы мне сказали?

Настала очередь лорда Титоса улыбаться.

Джейме соединил руки, переплетя золотые пальцы с пальцами из плоти.

— Пожалуй, самое время обсудить соглашение.

— Мне пора становиться на колени?

— Если вам будет угодно. Или мы можем сказать, что вы так и сделали.

Лорд Блэквуд остался сидеть. Вскоре они достигли договоренности по основным пунктам:

признание, присяга, помилование, выплата определенной суммы золотом и серебром.

— Какие земли вы потребуете? — спросил лорд Титос. Когда Джейме передал ему карту, он взглянул лишь мельком и крякнул:

— Как же иначе. Перебежчик должен получить свою награду.

— Да, но он получит меньше, чем надеется — за малую службу. С какими из этих земель вы согласитесь расстаться?

Лорд Титос поразмыслил мгновение.

— Лесная Ограда, Арбалетный кряж и Пряжка.

— Руины, скалы и несколько лачуг? Полноте, милорд. Вы должны понести кару за свою измену. Он захочет хотя бы одну из мельниц.

Мельницы были важным источником дохода. Лорд получал десятину с зерна, которое мололи на мельнице.

— Тогда Лордову мельницу. Помольная наша.

— И ещё одну деревню. Курганы?

— У меня есть предки, чьи останки покоятся под камнями Курганов, — лорд Титос снова взглянул на карту. — Отдайте ему Древомед с его ульями. От этих сладостей он растолстеет и испортит себе зубы.

— Тогда решено. Всё, кроме одной последней

детали.

— Заложник.

— Да, милорд. У вас есть дочь, если я не ошибаюсь.

— Бетани, — лорд Титос выглядел пораженным. — У меня есть двое братьев и сестра. Пара вдовых тетушек. Племянницы, племянники, кузены. Я надеялся, вы удовольствуетесь…

— Это должно быть дитя от вашей крови.

— Бетани только восемь. Нежная девочка, такая смешливая. Она никогда не уезжала из замка дольше, чем на день.

— Почему бы не показать ей Королевскую Гавань? Его Величество почти одних с ней лет. Он будет рад новой подруге.

— Которую сможет повесить, если отец подруги ему не угодит? — спросил лорд Титос. — У меня четверо сыновей. Может вместо неё вы возьмете одного из них? Бену двенадцать и он жаждет приключений. Он мог бы стать вашим оруженосцем, если вам будет угодно, милорд.

— У меня столько оруженосцев, что я не знаю, куда их девать. Каждый раз, когда я собираюсь отлить, они дерутся за право поддержать мой член. И у вас шестеро сыновей, милорд, а не четверо.

— Было шестеро. Роберт, мой младший всегда

был слабеньким. Он умер девять дней назад от кишечной болезни. Лукаса убили на Красной свадьбе. Четвёртая жена Уолдера Фрея была из Блэквудов, но родство в Близнецах чтят не больше, чем законы гостеприимства. Я хотел бы похоронить Лукаса под нашим деревом, но Фреи до сих пор не сочли нужным вернуть мне его останки.

— Я прослежу, чтобы они это сделали. Лукас был вашим старшим сыном?

— Вторым. Бринден — мой старший и мой наследник. За ним идет Хостер. Боюсь, он слишком много времени проводит за книгами.

— В Королевской Гавани полно книг. Помню, мой младший брат их порой почитывал. Возможно, и вашему сыну захочется взглянуть на них. Я приму Хостера в качестве вашего заложника.

Облегчение Блэквуда было слишком явным.

— Благодарю вас, милорд, — он мгновение колебался. — Простите мою дерзость, но я бы посоветовал вам взять заложника и от лорда Джоноса. Одну из дочерей. При всём распутстве ему недостает мужской силы, чтобы зачать сыновей.

— У него был сын-бастард, погибший на войне.

— Да ну? Гарри родился бастардом, что верно, то верно, но являлся ли Джонос его отцом — вопрос щекотливый. Парень был светловолос и хорош

собой, а Джонос — ни то, ни другое, — лорд Титос поднялся со своего кресла. — Окажете ли вы мне честь, отужинав со мной?

— Как-нибудь в другой раз, милорд. — Замок голодал, Джейме было не к лицу вырывать у них изо рта последний кусок. — Я не могу задерживаться. Ривердан ждёт.

— Ривердан? Или Королевская Гавань?

— Оба.

Лорд Титос не пытался переубедить его.

— Хостер будет готов выехать через час.

И он был готов. Мальчик встретил Джейме у конюшни с перекинутым через плечо скатанным одеялом и пачкой свитков под мышкой. Ему было не больше шестнадцати, но он уже был выше отца. Почти семь футов ног и локтей, нескладный, неуклюжий мальчишка с растрёпанными волосами.

— Лорд командующий. Я ваш заложник. Хостер. Хотя все зовут меня Хос, — ухмыльнулся он.

«*Он что думает — это забава*?»

— Кто это «все»?

— Друзья. Братья.

— Я тебе не друг и не брат.

Ухмылка улетучилась с лица паренька. Джейме повернулся к лорду Титосу.

— Милорд, я не хочу, чтобы между нами возникло непонимание. Лорд Берик Дондаррион, Торос из Мира, Сандор Клиган, Бринден Талли, эта женщина — Каменное сердце… Все они вне закона, преступники и бунтовщики, враги короля и его верноподданных. Если я узнаю, что вы или ваши люди укрываете кого-нибудь из них, защищаете или помогаете им любым способом, я, не задумываясь, отправлю вам голову вашего сына. Надеюсь, вы это осознаете. И запомните: я не Риман Фрей.

— Нет, — все теплые нотки испарились из голоса лорда Блэквуда. — Я знаю, с кем имею дело. С Цареубийцей.

— Отлично. — Джейме вскочил в седло и направил Честь к воротам. — Желаю вам собрать хороший урожай и радоваться дарованному королём миру.

Он отъехал недалеко. Лорд Джонос Бракен поджидал его за воротами Древорона, как раз за пределами выстрела из арбалета. Он сидел верхом на закованном в броню коне, в кольчуге, доспехах и высоком шлеме из серой стали с плюмажем из конского волоса.

— Я видел, как они спускали знамя с лютоволком, — сказал он, когда Джейме поравнялся с

ним. — Дело сделано?

— Сделано и забыто. Отправляйтесь домой и засеивайте поля.

Лорд Бракен поднял забрало.

— Полагаю, с тех пор, как вы въехали в ворота этого замка, у меня прибавилось полей под посевы.

— Пряжка, Лесная Ограда, Древомед со всеми ульями. — Одно название он никак не мог вспомнить. — Ах да, и Арбалетный кряж.

— Мельница, — настаивал Бракен, — мне нужна мельница.

— Лордова мельница.

Лорд Джонос фыркнул

— Да, сойдет и это. Пока.

Он указал на Хостера Блэквуда, ехавшего позади Пека:

— Он вам этого дал в заложники? Вас провели, сир. Он же малахольный. Вода вместо крови. Не смотрите на его рост — любая из моих девчонок перебьет его как гнилушку.

— Сколько у вас дочерей, милорд? — спросил его Джейме.

— Пять. Две от первой жены и три от третьей.

Он слишком поздно осознал, что сболтнул лишнего.

— Отправьте одну из них ко двору. Ей будет оказана честь служить при королеве-регентше.

Лицо Бракена потемнело, когда он осознал значение этих слов.

— Так-то вы платите за дружбу Каменной Ограды?

— Стать фрейлиной королевы — великая честь, — напомнил Джейме его лордству. — Вы могли бы растолковать ей это. Мы надеемся, что девочка прибудет до конца года.

Он не стал дожидаться от лорда Бракена ответа, а вместо этого тронул Честь золотыми шпорами и пустился рысью. Его люди выстроились в боевой порядок и последовали за ним с развевающимися знаменами. Замок и лагерь вскоре исчезли за спиной, скрывшись в облаке пыли, поднятой копытами коней.

Ни разбойники, ни волки не беспокоили их по пути в Древорон, так что Джейме решил вернуться по другой дороге. Если боги будут милостивы, он может наткнуться на Чёрную Рыбу или выманить Берика Дондарриона на неравный бой.

Они ехали вдоль Вдовьих Купален, когда день подошел к концу. Джейме вызвал своего заложника, спросил у него, где находится ближайший брод, и мальчишка проводил их к нему. Пока

колонна двигалась, разбрызгивая воду по мелководью, солнце опускалось всё ниже и ниже за два травяных холма.

— Грудки, — сказал Хостер Блэквуд.

Джейме вспомнил карту лорда Бракена.

— Между холмами, должна находиться деревня.

— Древогрош, — подтвердил паренек.

— Там мы и разобьем лагерь на ночь.

Если в деревне ещё оставались жители, они могли знать о сире Бриндене или о разбойниках.

— Лорд Джонос что-то там говорил о том, чьи эти груди, — вспомнил Джейме, направляясь вместе с мальчишкой Блэквудов к темнеющим холмам и закатному небу. — Бракены называют их так, Блэквуды — этак.

— Да, милорд. Уже сотню лет или около того. Раньше их звали Материнские Грудки или просто — Грудки. Там два холма, и они похожи…

— Я вижу, на что они похожи. — Джейме поймал себя на том, что вспоминает женщину в шатре и то, как она пыталась прикрыть свои большие, тёмные соски.

— Что же изменилось сто лет назад?

— Эйегон Недостойный сделал Барбу Бракен своей любовницей, — ответил мальчик. — Го-

ворят, она была пышнотелой, и однажды, когда король приехал в Каменную Ограду и отправился на охоту, он увидел Грудки, и…

— … назвал их в честь своей любовницы.

И хоть Эйегон Четвёртый умер задолго до его рождения, Джейме помнил о нём достаточно, чтобы догадаться, что случилось дальше.

— Только потом он бросил девушку из Бракенов и увлекся кем-то из Блэквудов, верно?

— Это была леди Мелисса, — подтвердил Хостер, — её все звали Мисси. У нас в богороще есть изображающая её статуя. Она была *гораздо* красивее, чем Барба Бракен, но стройнее, и говорили, что Барба называла Мисси «плоской, как мальчишка». Когда король Эйегон узнал, он…

— … подарил ей груди Барбы, — Джейме засмеялся. — Как началась вся эта вражда между Блэквудами и Бракенами? Это есть в летописях?

— Есть, милорд, — ответил мальчик, — но одни истории были записаны их мейстерами, другие — нашими, столетия спустя после событий, которые те описывали в хрониках. Эта вражда уходит корнями во Времена Героев. Блэквуды в те дни были королями. А Бракены — мелкими лордами, знаменитыми коннозаводчиками. Вместо того чтобы платить королю налоги, они потратили

золото от продажи лошадей на наёмников, чтобы свергнуть его.

— Когда это все случилось?

— За пять сотен лет до андалов. Или за тысячу, если верить Правдивой истории. Вот только никто не знает, когда андалы пересекли Узкое море. В Правдивой истории говорится, что с тех пор прошло четыре тысячи лет, но некоторые мейстеры считают, что только две. После определённого момента все даты становятся размытыми, и четкость истории сменяется пеленой легенд.

«*Тириону бы парнишка понравился. Они могли бы болтать от заката до рассвета, споря о книгах*». На мгновение ожесточение на брата пропало — пока Джейме не вспомнил, что Бес натворил.

— Так вы сражаетесь за корону, которую одни из вас когда-то украли у других, во времена, когда род Кастерли еще владел Утесом Кастерли, в этом корень всех зол? Корона королевства, которого не существует уже тысячу лет? — хмыкнул он. — Так много лет, так много войн, так много королей… кто-то уж должен был заключить мир.

— Кое-кто пытался, милорд. Многие. Мы сто раз заключали мир с Бракенами и много раз скрепляли его брачными союзами. В каждом Бл-

эквуде есть кровь Бракенов, и в каждом Бракене — кровь Блэквудов. При Старом короле мир длился полсотни лет. Затем вспыхнула какая-то новая ссора, старые раны открылись и снова начали кровоточить. Мой отец говорит, что так всегда происходит. Пока люди помнят зло, причинённое их предкам, никакой мир долго не продержится. Так всё и продолжается век за веком — мы ненавидим Бракенов, они ненавидят нас. Мой отец считает, что конца этому не будет.

— Может и будет.

— Как, милорд? Отец говорит, что старые раны никогда не затягиваются.

— У моего отца тоже была присказка. Не стоит ранить врага, если его можно убить. Мертвецы не мстят.

— Мстят их сыновья, — добавил Хостер сконфужено.

— Только если ты не убьешь и сыновей. Спроси об этом у Кастерли, если не веришь. Спроси лорда и леди Тарбек или Рейнов из Кастамере. Спроси принца Драконьего Камня.

На мгновение тёмно-красные облака, венчающие холмы на западе, напомнили ему о детях Рейегара, завёрнутых в алые плащи.

— Поэтому вы убили всех Старков?

— Не всех, — ответил Джейме. — Дочери лорда Эддарда живы. Одна только что вышла замуж. Вторая… «*Где ты, Бриенна? Ты отыскала её*?» … если боги милостивы, она забудет о том, что она Старк. Выйдет замуж за какого-нибудь дородного кузнеца или толстолицего хозяина гостиницы, заполнит его дом детьми и сможет жить, не боясь, что однажды заявится какой-нибудь рыцарь и разобьет их головы о стену.

— Боги милостивы, — неуверенно произнес его заложник.

«*Продолжай в это верить*». Джейме пришпорил Честь.

Деревня Древогрош оказалась гораздо крупнее, чем он ожидал. Война оставила свой след и здесь: тому свидетельствовали почерневшие сады и выжженные остовы разоренных домов. Но на каждый разрушенный дом приходилось три отстроенных заново. В сгущающихся сумерках Джейме заметил свежую солому на нескольких крышах и двери из новых досок. Между утиным прудом и кузницей он наткнулся на дерево, давшее имя этому месту — высокий древний дуб. Его узловатые корни переплетались под землёй и над нею, похожие на гнездо медлительных коричневых змей. К стволу дерева были прибиты

сотни старых медных монет.

Пек уставился на дерево, затем на пустые дома.

— Где же люди?

— Прячутся, — ответил ему Джейме.

Внутри домов все очаги были погашены, но кое-где курился дымок, и ни один очаг не успел остыть. Дойная коза, которую Красавчик Гарри Меррел нашел пасущейся в огороде, казалась единственным живым существом в округе… но в деревне был и острог, не уступающий по прочности иным крепостям речных земель, с толстыми каменными стенами двенадцати футов высотой, и Джейме знал, что найдёт жителей деревни там. «*Они прячутся за стенами, стоит только поблизости появиться захватчикам, вот почему деревня до сих пор стоит. И теперь они снова прячутся — на этот раз от меня*».

Он направил Честь к воротам острога.

— Эй, вы там, внутри. Мы не причиним вам вреда. Мы люди короля.

Из-за стены над воротами показались лица.

— Это люди короля сожгли нашу деревню, — крикнул один из них. — До этого ещё одни люди короля забрали наших овец. Они были людьми другого короля, но овцам от этого не легче. Люди

короля убили Харсли и сира Ормонда и изнасиловали Лейси до смерти.

— Не мои люди, — сказал Джейме. — Вы откроете ворота?

— Откроем, когда вы уедете.

Сир Кеннос подъехал к нему ближе.

— Мы без труда выломаем эти ворота или сожжем.

— А они в это время будут бросать нам на головы камни и поливать нас стрелами, — Джейме покачал головой. — Кровавая выйдет переделка, и ради чего? Эти люди не причинили нам вреда. Мы остановимся на ночлег в их домах, но краж я не потерплю. У нас есть свои припасы.

Пока месяц карабкался вверх по небу, они разместили лошадей в деревенских стойлах и поужинали солониной, сушёными яблоками и твёрдым сыром. Джейме съел свой скромный ужин и разделил мех вина с Пеком и Хосом-заложником. Он попытался сосчитать монетки, прибитые к дубу, но тех было слишком много, и он сбился со счета. «*Зачем это все*?» Юный Блэквуд рассказал бы ему, стоило лишь спросить, но это разрушило бы тайну.

Джейме расставил часовых следить за тем, чтобы никто не покидал деревни. Разослал раз-

ведчиков, чтобы ни один враг не подобрался незамеченным. Было около полуночи, когда двое из них вернулись с женщиной, которую взяли в плен.

— Она ехала не скрываясь, м'лорд, и потребовала доставить её к вам.

Джейме вскочил на ноги.

— Миледи. Я не надеялся так скоро с вами увидеться.

«*Боги милостивые, она выглядит на десять лет старше, чем при нашей последней встрече. И что с её лицом*?»

— Эта повязка… вы ранены…

— Укус, — она коснулась рукояти меча, который он ей вручил. «*Верный клятве*». — Милорд, вы дали мне поручение.

— Девочка. Ты нашла её?

— Нашла, — ответила Бриенна, Тартская Дева.

— Где она?

— В дне пути отсюда. Я могу отвести вас к ней, сир… но вам придётся поехать одному. Иначе Пёс убьет её.

Глава 49. Джон

— Рглор, — пела Мелисандра, воздев руки навстречу падающему снегу, — ты свет в наших очах, огонь в наших сердцах, жар в наших чреслах. Твоё солнце согревает наши дни, твои звезды охраняют нас во мраке ночи.

— Славься, Рглор Владыка Света, — нестройным хором отозвались гости свадебной церемонии, прежде чем порыв ледяного ветра унёс их слова прочь.

Джон поднял капюшон плаща.

Сегодня снег был слабым — всего лишь лёгкая россыпь хлопьев, танцующих в воздухе. Но ветер, холодный, как дыхание ледяного дракона из сказок Старой Нэн, дул с востока вдоль всей Стены. Даже пламя Мелисандры дрожало от холода. Огонь сжался в траншее, слабо потрескивая под пение красной жрицы. Похоже, только Призрак не чувствовал холода.

Элис Карстарк склонилась к Джону.

— Снег во время свадьбы означает брак без любви. Моя леди-мать всегда так говорила.

Сноу взглянул на королеву Селису. «*Вероятно,*

в тот день, когда она вышла замуж за Станниса, разыгралась снежная буря». Сжавшаяся под горностаевой мантильей в окружении своих дам, служанок и рыцарей, южная королева казалась хрупкой, бледной и сморщенной. Вымученная улыбка примёрзла к её губам, но глаза переполняло благоговение. «*Она ненавидит холод, но любит огонь*. — Одного взгляда на неё было достаточно, чтобы это понять. — *Слово Мелисандры, и она с радостью войдет в пламя, обняв его, словно любовника*».

Похоже, не все люди королевы разделяли её страсть. Сир Брюс был изрядно навеселе, сир Малигорн рукой в перчатке сжимал задницу стоявшей рядом с ним дамы, сир Нарберт зевал, а сир Патрек с Королевской Горы выглядел разъярённым. Джон начал понимать, почему Станнис оставил их с королевой.

— Ночь темна и полна ужасов, — пела Мелисандра. — В одиночестве мы рождаемся и умираем, но пока ступаем через эту тёмную долину, мы черпаем силы друг у друга и у тебя, наш Владыка.

Её красные шелка и атлас извивались при каждом дуновении ветра.

— Сегодня двое пришли, дабы соединить свои

жизни и вместе встретить тьму этого мира. Наполни их сердца огнём, мой Владыка, и позволь им вечно ступать по твоему сияющему пути.

— Владыка Света, защити нас, — молила королева Селиса.

Другие голоса вторили ей. Они были преданы Мелисандре: бледные дамы, дрожащие служанки, сир Акселл, сир Нарберт, сир Ламберт, солдаты в стальных кольчугах и тенны в бронзе, даже несколько чёрных братьев Джона.

— Владыка Света, благослови своих детей.

Мелисандра стояла спиной к Стене возле глубокой траншеи, в которой пылало пламя. Жених и невеста должны будут встать напротив неё — по другую сторону огня. Сзади стояла королева с дочерью и её татуированным шутом. Закутанная в несчётное количество мехов принцесса Ширен казалась шариком, выдыхающим белые облачка сквозь закрывавший большую часть лица шарф. Венценосных особ окружали сир Акселл и люди королевы.

Лишь немногие дозорные собрались у горящей траншеи, большинство наблюдало за происходящим с крыш, окон и ступеней ведущей на Стену лестницы. Джон постарался запомнить, кто присутствовал, а кто нет. Некоторые несли

стражу, многие вернувшиеся из караула крепко спали. Но остальные в знак выражения недовольства не пришли. Отелл Ярвик и Боуэн Марш тоже отсутствовали. Септон Шейли ненадолго вышел из септы, теребя висевший у него на шее семигранный кристалл, но ушел обратно, когда начались молитвы.

Мелисандра подняла руки, и языки пламени взметнулись вверх к её пальцам, словно какой-то огромный красный пёс, прыгающий за угощением. Вихрь искр взвился ввысь навстречу падающим снежинкам.

— О, Владыка Света, мы благодарим тебя, — пела жрица голодному пламени. — Благодарим тебя за отважного Станниса, твоей милостью нашего короля. Направляй и защищай его, Рглор. Убереги его от предательства дурных людей и даруй ему силу одолеть слуг тьмы.

— Даруй ему силу, — отозвалась королева Селиса, её рыцари и леди. — Даруй ему отвагу. Даруй ему мудрость.

Элис Карстарк взяла Джона за руку:

— Сколько ещё, лорд Сноу? Если мне суждено быть погребённой под этим снегом, то пусть я умру замужней женщиной.

— Скоро, миледи, — заверил её Джон. — Скоро.

— Благодарим тебя за солнце, что нас согревает, — пела королева. — Благодарим тебя за звёзды, что охраняют нас во мраке ночи. Благодарим тебя за наши очаги и факелы, что разгоняют эту беспощадную тьму. Благодарим за наши светлые души, за огонь в наших чреслах и сердцах.

Мелисандра произнесла:

— Пусть выйдут те, кто сольется воедино.

Огни отбрасывали её тень на Стену, на бледной шее сверкал рубин.

Джон повернулся к Элис Карстарк.

— Миледи, вы готовы?

— Да. О, да.

— Вы не боитесь?

Улыбка девочки так сильно напомнила Джону о его сестрёнке Арье, что сердце едва не разорвалось на куски.

— Пусть он меня боится.

На её щеках таяли снежинки, а на волосах, покрытых кружевом, которое где-то раздобыл Атлас, начинал скапливаться снег, венчая её морозной короной. Щёки девушки раскраснелись, а глаза сияли.

— Зимняя дева, — Джон сжал её ладонь.

Магнар теннов ожидал у огня, одетый будто для битвы в мех, кожу и бронзовые доспехи.

Бронзовый меч висел у него на бедре. Жених выглядел старше своих лет из-за лысеющей головы, но когда он повернулся посмотреть, как идёт его невеста, Джон увидел в нём мальчишку. Его глаза были большими, словно блюдца, и Джон не смог бы точно сказать, что вселяло в парня такой страх: огонь, жрица или девушка. «*Элис не понимала, насколько права*».

— Кто выдаёт эту женщину замуж? — спросила Мелисандра.

— Я, — ответил Джон. — Со мной Элис из рода Карстарков, женщина взрослая и расцветшая, благородная по крови и рождению.

Он напоследок сжал её руку и отступил к остальным.

— Кто пришёл взять эту женщину? — спросила Мелисандра.

— Я, — Сигорн ударил себя в грудь. — Магнар теннов.

— Сигорн, разделишь ли ты свой огонь с Элис и согреешь ли её, ибо ночь темна и полна ужасов? — спросила Мелисандра.

— Клянусь, — обещание магнара стыло белым облачком на морозе. Снег запорошил его плечи. Уши тенна покраснели. — Пламенем красного бога клянусь, что согрею каждый её день.

— Элис, клянешься ли ты разделить свой огонь с Сигорном и согревать его, ибо ночь темна и полна ужасов?

— Пока кровь бежит по венам.

Её девичий плащ — чёрная шерсть Ночного Дозора — был подбит белым мехом, из него же солнце Карстарков на спине.

Глаза Мелисандры сияли так же ярко, как рубин на её шее.

— Тогда подойдите ко мне и станьте единым целым.

Стоило жрице поманить их, и взметнулась стена пламени, облизывая снежинки горячими оранжевыми языками. Элис Карстарк взяла своего магнара за руку.

Вместе они перепрыгнули через пламя.

? Двое вошли в пламя. — Порыв ветра поднял алые юбки красной женщины, и она опустила их. ? А выйдет один. — Её медные волосы плясали вокруг головы. ? Что объединяет огонь, никто не в силах разделить.

? Что объединяет огонь, никто не в силах разделить, ? эхом отозвались люди королевы, тенны и даже несколько чёрных братьев.

«*Разве что короли и дядюшки*», ? подумал Джон Сноу.

Креган Карстарк объявился через день после своей племянницы. С ним приехали четверо всадников, егерь и свора собак, выслеживавших леди Элис, будто оленя. Джон Сноу встретил их на Королевском Тракте на пол лиги южнее Кротового Городка, до того как те успели показаться в Чёрном Замке, заявить о правах гостя или потребовать переговоров. Один из людей Карстарка выстрелил из арбалета в Тая и за это погиб. Осталось четверо и сам Креган.

К счастью, у Дозора имелась дюжина ледяных камер: «*Места для всех*».

Геральдика, как и многое другое, заканчивалась на Стене. У теннов не было фамильных гербов, как это принято среди знати Семи Королевств, поэтому Джон предложил стюардам сымпровизировать. Их труды не пропали даром. На плаще невесты, который Сигорн набросил на плечи леди Элис, был изображен бронзовый диск на белом фоне, окружённый языками пламени, сделанными из багрового шёлка. Внимательному зрителю он мог напомнить о солнце Карстарков, но достаточно от него отличался, чтобы быть подходящим гербом для рода Теннов.

Магнар едва ли не сорвал девичий плащ с плеч леди Элис, но плащ невесты надел на неё почти

с нежностью. Когда тенн наклонился поцеловать её в щеку, облачка их дыхания смешались в воздухе. Пламя снова взревело. Люди королевы принялись петь гимны.

? Закончилось? — прошептал Атлас.

? Закончилось, закончилось, ? проворчал Малли. — И славно. Они поженились, а я почти окоченел.

Он был закутан в свою лучшую одежду — шерсть была такой новой, что едва ли успела хоть где-то протереться, но все же от ветра его щёки стали красными под стать волосам.

? Хобб подогрел вино с корицей и гвоздикой. Согреемся немного.

— А что такое гвоздика? — спросил Оуэн Олух.

Снег повалил сильнее, и огонь в траншее стал затухать. Толпа распалась на группки и потекла со двора. Люди королевы, люди короля и вольный народ одинаково сильно хотели укрыться от ветра и холода.

— Милорд будет пировать с нами? — спросил Малли у Джона Сноу.

— Скоро. — Сигорн мог бы принять отсутствие лорда-командующего за оскорбление. «*И, в конце концов, его женитьба моих рук дело*». — Но сначала мне нужно разобраться с другими делами.

Джон направился к королеве Селисе, Призрак бежал рядом с ним. Под сапогами хрустел слежавшийся снег. На то, чтобы расчистить дорожки между строениями, уходило всё больше и больше времени, и всё больше и больше людей пользовались подземными проходами, называвшимися червоточинами.

— … такой красивый обряд, — сказала королева. — Я чувствую на нас пламенный взор нашего Владыки. О, вы не можете себе представить, сколько я молила Станниса пожениться ещё раз. Это настоящий союз души и тела, благословлённый Владыкой Света. Я уверена, что подарила бы его величеству больше детей, если бы нас повенчали огнём.

«*Чтобы дать ему больше детей тебе сначала нужно уложить его к себе в постель*». Даже на Стене всем было известно, что Станнис многие годы избегал свою жену. Можно только вообразить, что его величество ответил на предложение повторно пожениться во время войны.

Джон поклонился.

— Пир ждёт, если угодно вашему величеству.

Королева подозрительно посмотрела на Призрака, потом взглянула на Джона.

— Конечно. Леди Мелисандра знает дорогу.

Заговорила красная жрица.

— Я должна побыть с огнём, ваше величество. Быть может, Рглор пошлёт мне видение его величества. Возможно, видение какой-нибудь великой победы.

— О, — королева казалась расстроенной. — Конечно же… попросим о видении нашего Владыку…

— Атлас проводит ваше величество, — предложил Джон.

Сир Малигорн вышел вперёд.

— Я провожу её величество на пир. Нам не понадобится ваш… стюард.

Мужчина так произнёс последнее слово, что Джону показалось, будто он хотел сказать нечто иное. «*Мальчишка? Зверёк? Блудник*?»

Джон снова кивнул.

? Как пожелаете. Я скоро к вам присоединюсь.

Сир Малигорн предложил свою руку, и королева сухо её приняла. Другая её рука лежала на плече дочери. Выводок королевских «гусят» тянулся за ними через двор, шагая под перезвон колокольчиков на шапке полоумного шута.

— На дне морском русалки пируют супом из морских звёзд, а прислуживают им крабы, — вещал Пестряк, пока они шли. — Я знаю, я-то знаю,

о-хо-хо.

Лицо Мелисандры помрачнело.

— Это создание опасно. Я много раз видела его в пламени. Иногда вокруг него черепа, и губы его красны от крови.

«*Странно, что ты не спалила беднягу*». Шепни она словечко на ушко королеве, и Пестряк отправился бы на корм её кострам.

— Вы видите в своём пламени дураков, но ни намёка на Станниса?

? Я вижу лишь снег, когда пытаюсь его разыскать.

«*Всё тот же бесполезный ответ*».

Клидас отправил в Темнолесье ворона, чтобы предупредить о предательстве Арнольфа Карстарка, но Джон не знал, получил ли его величество послание. Браавосский банкир также отправился на поиски Станниса в сопровождении проводников, что дал ему Джон. Но, принимая во внимание погоду и войну, вряд ли его разыскал.

— Будь король мёртв, вы бы это знали? — спросил Джон красную жрицу.

— Он жив. Станнис — избранник Владыки, ему предназначено возглавить сражение против тьмы. Я видела это в пламени, читала об этом в древнем пророчестве. Когда красная звезда закро-

воточит и сгустится тьма, Азор Ахаи возродится среди дыма и соли, чтобы пробудить драконов из камня. Драконий Камень — вот место дыма и соли.

Джон уже слышал всё это.

— Станнис Баратеон был лордом Драконьего Камня, но родился не там. Как и его братья, он появился на свет в Штормовом Пределе, — Сноу нахмурился. — И что с Мансом? Он тоже потерялся? Что показывает ваше пламя?

— Боюсь, всё тоже. Только снег.

«*Снег*». Джон знал, что на юге шёл сильный снегопад. Говорили, что в двух днях езды отсюда Королевский Тракт стал непроходимым. «*Мелисандра тоже это знает*». А к востоку над Тюленьим Заливом бушевал дикий шторм. Согласно последнему докладу, тот убогий флот, что они собрали, чтобы вызволить вольный народ из Сурового Дола, всё ещё был заперт у Восточного Дозора бурными водами.

? Вы видите в пламени танцующий пепел.

? Я вижу черепа. И тебя. Я вижу твоё лицо каждый раз, когда заглядываю в огонь. Опасность, о которой я тебя предупреждала, всё ближе.

? Кинжалы во тьме. Знаю. Простите мне мои сомнения, миледи. «*Серая девочка на умирающей*

лошади, бегущая от свадьбы» ? так вы говорили.

? И это не ошибка.

? И это не правда. Элис не Арья.

? Видение было правдивым. Это моё толкование оказалось ошибочным. Я такая же смертная, как и ты, Джон Сноу, а все смертные ошибаются.

? Даже лорды-командующие.

Манс Налётчик с его копьеносицами не вернулся, и Джон всё размышлял, не солгала ли красная женщина о своих намерениях. «*Ведёт ли она собственную игру*?»

? Вам стоит держать вашего волка поближе к себе, милорд.

— Призрак почти всегда неподалёку. — Услышав своё имя, лютоволк поднял голову. Джон почесал его за ушами. — Но теперь прошу меня простить. Призрак, за мной.

Вырезанные у подножия Стены и запертые тяжелыми деревянными дверями ледяные камеры были разными по размеру — от маленьких до очень маленьких. В самых больших из них можно было ходить, в тех, что поменьше, узникам приходилось сидеть, а самые маленькие не позволяли даже и этого.

Джон поместил своего главного пленника в самую большую камеру, дал ему кадку, чтобы

справлять нужду, достаточно шкур, чтобы не умереть от холода, и мех с вином. У стражников ушло какое-то время на то, чтобы открыть камеру, потому что замок заледенел изнутри. Ржавые петли визжали точно проклятые души, пока Вик Посошник открывал дверь на достаточную ширину, чтобы Джон мог проскользнуть внутрь. Его встретил запашок испражнений, хотя и не такой невыносимый, как он предполагал. В такой холод даже дерьмо промерзало насквозь. Джон увидел своё тусклое отражение в ледяных стенах.

В одном из углов камеры громоздилась большая, почти в человеческий рост, куча меховых шкур.

? Карстарк, ? произнёс Джон, ? просыпайся.

Шкуры зашевелились, и на тех, что смёрзлись между собой, засверкал иней. Сначала показалась рука, потом голова: спутанные и припорошенные сединой каштановые волосы, два злобных глаза, нос, рот, борода. На усах пленника висели льдинки замёрзших соплей.

— Сноу. — Пар от дыхания пленника затуманил лёд позади его головы. — Ты не имеешь права удерживать меня. Законы гостеприимства…

— Ты мне не гость. Ты пришёл к Стене без моего позволения, с оружием, чтобы увести пле-

мянницу против её воли. Леди Элис потчевали хлебом-солью. Она гость. Ты — узник. — Джон позволил паузе немного затянуться и продолжил. — Твоя племянница вышла замуж.

Креган Карстарк оскалился:

— Элис была обещана мне.

Несмотря на то, что ему было за пятьдесят, он вошёл в камеру сильным человеком, но холод лишил его этой силы и оставил окоченевшим и слабым.

— Мой лорд-отец…

— Твой отец кастелян, а не лорд. А кастелян не имеет права принимать решений, касающихся брака.

— Мой отец, Арнольф — лорд Кархолда.

— По всем известным мне законам сын наследует вперёд дяди.

Креган вскочил на ноги и отпихнул путавшиеся под ногами меха.

— Харрион мёртв.

«*Или скоро будет*».

— Дочь также наследует вперёд дяди. Если её брат мёртв, то Кархолд принадлежит леди Элис. А она вышла замуж за Сигорна, магнара теннов.

— Одичалый. Грязный убийца-одичалый.

Руки Крегана сжались в кулаки. На них были

кожаные перчатки, подбитые тем же мехом, что и затвердевший от холода плащ, свисавший с его широких плеч. Чёрное шерстяное сюрко украшало белое солнце — герб его дома.

— Я вижу, что ты такое, Сноу. Наполовину волк, наполовину одичалый, ублюдок, рождённый от предателя и шлюхи. Ты способен уложить благородную девицу в постель к какому-то вонючему дикарю. Опробовал её сам для начала? — засмеялся он. — Хочешь убить меня, так сделай это и будь проклят как братоубийца. В Старках и Карстарках течёт одна кровь.

— Я Сноу.

— Ублюдок.

— Виновен. По крайней мере, в этом.

— Пусть только этот магнар заявится в Кархолд. Мы отрубим его голову и поставим в нужнике, чтобы ссать ему в глотку.

— Сигорн предводитель двух сотен теннов, — заметил Джон. — К тому же леди Элис считает, что Кархолд откроет перед ней свои ворота. Двое ваших людей уже принесли ей присягу и подтвердили каждое её слово по поводу планов, которые ваш отец строил с Рамси Сноу. Мне сказали, что у вас имеется близкая родня в Кархолде. Ваше слово может спасти им жизнь. Сдайте замок. Леди

Элис простит предавших её женщин и позволит мужчинам надеть чёрное.

Креган покачал головой, тихонько звякнув примерзшими к его волосам кусочками льда.

— Никогда, — ответил пленник. — Никогда, никогда, никогда.

«*Мне следовало отдать его голову леди Элис и её магнару в качестве свадебного подарка*». — Джон думал об этом, но не посмел рискнуть. Ночной Дозор не принимает ничью сторону в распрях внутри страны. Некоторые сказали бы, что он и так слишком помог Станнису. «*Обезглавлю этого дурака, и скажут, что я убиваю северян, чтобы отдать их земли одичалым. Освобожу его, и он постарается разрушить то, что я сделал для леди Элис с магнаром*». Джон задумался, как бы поступил на его месте отец, и что бы предпринял дядя. Но Эддард Старк мёртв, а Бенджен потерялся в холодных чащобах за Стеной.

«*Ничего ты не знаешь, Джон Сноу*».

— Никогда — это слишком долго, — сказал Джон. — Завтра ты можешь передумать. Или через год. Но рано или поздно король Станнис вернется на Стену. А когда он это сделает, то убьёт тебя… если ты, конечно, не предпочтёшь плащ дозорного. Когда человек принимает чёрное, его

преступления стираются.

«*Даже такого человека, как ты*».

— Теперь прошу меня простить. Меня ждёт пир.

После пронизывающего холода ледяных камер в переполненном подвале было так жарко, что, спустившись, Джон чуть не задохнулся. Воздух сочился ароматами дыма, жареного мяса и пряного вина. Сноу занял своё место на помосте под слова тоста, который произносил Акселл Флорент.

— За Свет Севера: короля Станниса и его жену, королеву Селису! — проревел сир Акселл. — За Рглора, Владыку Света, и пусть он защитит нас всех! Одна страна, один бог, один король!

— Одна страна, один бог, один король! — отозвались люди королевы.

Джон выпивал с остальными. Он не мог сказать, радовалась ли хоть немного Элис Карстарк своему замужеству, но, по крайней мере, этой ночью они будут праздновать.

Стюарды внесли первое блюдо: луковый бульон с кусочками моркови и козлятины. Не особо королевское кушанье, но довольно питательное, с приятным вкусом, а главное — согревающее. Оуэн Олух взялся за скрипку, и кто-то из вольного народа присоединился к нему с дудками и бара-

банами. «*Они играли на этих же инструментах, возвещая нападение Манса Налётчика на Стену*». Джону казалось, что сейчас их музыка звучит приятнее. Вместе с бульоном подали тёплые буханки грубого чёрного хлеба. На столах стояли соль и масло. Джон помрачнел от этого зрелища. Боуэн Марш говорил, что у них достаточно соли, но последнее масло закончится в течение месяца.

Старому Флинту и Норри отвели почётные места чуть ниже помоста. Они оба были слишком стары, чтобы выступить со Станнисом, и отправили вместо себя сыновей и внуков, но зато весьма быстро прибыли в Чёрный Замок на свадьбу. Каждый взял с собой по кормилице. С Норри приехала сорокалетняя женщина, у которой была самая большая грудь, которую приходилось видеть Джону Сноу. Флинт привез девочку четырнадцати лет с плоской, как у мальчишки, грудью, но в ней хватало молока. Благодаря кормилицам мальчик, которого Вель называла Чудовищем, просто расцвёл.

За это Джон был благодарен… Но ни на миг не верил, что двое столь древних воинов покинули свои холмы лишь для этого. Каждый привёл за собой свиту грозных, как сама зима, вояк, об-

лачённых в драные шкуры и кожу. Со Старым Флинтом пришли пятеро, с Норри — двенадцать. У кого-то из воинов были длинные бороды, у кого-то — шрамы, у некоторых — и то, и другое. Все они поклонялись старым богам севера — тем же, что и вольный народ за Стеной. Тем не менее, они сидели и выпивали за брак, освящённый каким-то чудным красным богом, явившимся из-за моря.

«*Лучше так, чем, если бы они отказывались выпить*». Ни Флинт, ни Норри не опрокинули свои чаши, чтобы пролить вино на пол. Это может означать определённое снисхождение. «*Или, возможно, им просто не хочется понапрасну тратить хорошее южное вино. Им не часто доводится пить такое в своих каменистых холмах*».

В перерыве между блюдами сир Акселл пригласил королеву Селису на танец. За ними последовали другие — рыцари королевы и её дамы. Сир Брюс сначала станцевал с принцессой Ширен, а затем — с её матерью. Сир Нарберт по очереди приглашал каждую из компаньонок Селисы.

У королевы было втрое больше мужчин, чем женщин, потому даже самых застенчивых служанок втянули в танец. После пары песен некоторые из чёрных братьев вспомнили о навыках, приоб-

ретённых в юности в замках и при дворе, до того как грехи завели их на Стену, и тоже пустились в пляс. Старый разбойник Ульмер из Королевского леса, оказавшийся таким же умелым танцором, как и лучником, без сомнения потчевал своих партнёрш байками о Братстве Королевского леса: о том, как он разъезжал с Саймоном Тойном и Беном Большое Пузо и как помогал Венде Белой Лани выжигать клеймо на задницах её благородных пленников. Атлас был само изящество: он станцевал с тремя служанками, но не сделал и попытки приблизиться к высокородным дамам. Джон счёл это разумным. Ему не нравилось, как некоторые рыцари королевы смотрели на стюарда, особенно сир Патрек с Королевской Горы.

«*Этот уж точно жаждет кровопролития*, — подумал Джон, — *так и выискивает какой-нибудь повод*».

Сводчатый подвал огласился хохотом, когда Оуэн Олух начал плясать с Пестряком. Глядя на это зрелище, леди Элис улыбнулась.

— Вы часто танцуете здесь, в Чёрном Замке?

— Всякий раз, когда играем свадьбу, миледи.

— Ты знаешь, что мог бы станцевать со мной. Хотя бы из вежливости. Ты танцевал со мной раньше.

— Раньше? — поддразнил Джон.

— Когда мы были детьми, — она отщипнула кусочек от хлеба и бросила в него. — Ты и сам это прекрасно знаешь.

— Миледи следует станцевать со своим мужем.

— Боюсь, мой магнар не создан для танцев. Если не приглашаешь на танец, то хотя бы налей вина.

— Как прикажете.

Он сделал знак принести кувшин.

— Итак, — начала Элис, когда Джон наполнил её чашу, — я теперь замужняя женщина. У которой есть одичалый муж со своей маленькой одичалой армией.

— Они называют себя вольным народом. По крайней мере, большинство. Но тенны — это отдельный народ. Очень древний.

Игритт рассказала ему об этом. «*Ничего ты не знаешь, Джон Сноу*».

— Они пришли из затерянной долины на северной границе Клыков Мороза, окружённой высокими горами. Тысячи лет тенны чаще видели великанов, чем других людей. Потому они другие.

— Другие, — повторила она. — Но больше похожи на нас.

— Да, миледи. У теннов есть правители и законы.

«*Они умеют кланяться*».

— Они добывают олово и медь и производят из них бронзу, сами делают оружие и доспехи, а не крадут их. Мансу Налётчику пришлось трижды одолеть старого магнара, прежде чем Стир признал его Королём за Стеной.

— А теперь они здесь, по нашу сторону Стены. Изгнанные из своей горной твердыни прямиком в мою спальню, — криво улыбнулась она. — Сама виновата. Мой лорд отец говорил, что я должна очаровать твоего брата Робба, но мне было всего шесть, и я не знала как.

«*Да. Но теперь тебе почти шестнадцать, и мы все должны молиться за то, что ты знаешь, как очаровать своего нового мужа*».

— Миледи, как в Кархолде обстоят дела с запасами?

— Не очень. — Элис вздохнула. — Мой отец забрал на юг так много людей, что для сбора урожая остались лишь женщины и зелёные мальчишки. А вдобавок к ним — слишком старые или искалеченные, чтобы отправиться на войну, мужчины. Посевы на полях зачахли или вбиты в грязь осенними дождями. А сейчас пришли снега. Эта зима

будет суровой. Мало кто из стариков переживет её, и множество детей погибнет.

Эта история хорошо знакома многим северянам.

— Бабушка моего отца по материнской линии была из горных Флинтов, — сказал ей Джон. — Первые Флинты — так они себя называют — говорят, что другие Флинты — кровь младших сыновей, которым пришлось покинуть горы, чтобы найти земли, жён и пропитание. Там, наверху, жизнь всегда была суровой. Когда начинает падать снег и еды становится всё меньше, их молодёжи приходится идти в зимний городок, поступать на службу в замок или придумывать что-нибудь ещё. Старики собираются с последними силами и объявляют, что уходят на охоту. Некоторых находят весной. Но большинство пропадает бесследно.

— В Кархолде почти также.

Это не удивило Джона.

— Когда ваши запасы начнут подходить к концу, миледи, вспомните о нас. Пошлите ваших стариков на Стену, пусть принесут наши обеты. Здесь они, по крайней мере, не погибнут в снегу поодиночке, согреваемые одними лишь воспоминаниями. Пошлите к нам и мальчишек, если

окажутся лишними.

— Как скажешь, — она коснулась его руки. — Кархолд помнит.

Разрезали лося. Пахло лучше, чем Джон мог надеяться. Сначала он послал в башню Хардина порцию мяса для Кожаного и три блюда жареных овощей Вун Вуну, а потом сам съел здоровый кусок. «*Трёхпалый Хобб не ударил в грязь лицом*». Джон напрасно беспокоился. Две ночи назад Хобб заявился с жалобой, что вступил в Ночной Дозор для того, чтобы убивать одичалых, а не стряпать для них.

— Кроме того, я никогда не готовил свадебный пир, м'лорд. Чёрные братья не берут жён. Зуб даю, это есть в наших проклятых обетах.

Джон запивал жаркое глотком пряного вина, когда рядом с ним возник Клидас.

— Птица, — объявил он, вложив в руку Джона пергамент.

Письмо было запечатано каплей твёрдого чёрного сургуча.

«Восточный Дозор», — понял Джон ещё до того, как вскрыл печать. Письмо было написано мейстером Хармуном — Коттер Пайк не умел ни читать, ни писать, — но слова принадлежали Пайку. Они были записаны так, как он и произ-

носил их: прямо и по существу.

«Сегодня море спокойно. Одиннадцать кораблей вышли в Суровый Дол с утренним приливом: три браавосца, четыре лиссенийца, четыре наших. Два лиссенийца непригодны. Можем потопить больше одичалых, чем спасти. Воля ваша. На борту двадцать воронов и мейстер Хармун. Будем посылать доклады. Командую на «Когте». Второй — Сизарь на «Чёрном Дрозде». Сир Глендон держит Восточный Дозор».

— Тёмные крылья, тёмные вести? — спросила Элис Карстарк.

— Нет, миледи. Это долгожданные новости.

«*Хотя последняя часть меня беспокоит*». Глендон Хьюэтт — закалённый боец и к тому же сильный. Разумный выбор в отсутствии Коттера Пайка. Но он являлся единственным другом, которым мог похвастать Аллиссер Торне, и приятелем Яноса Слинта, пускай и недолго. Джон всё еще помнил, как Хьюэтт вытащил его из кровати и тяжесть его сапог, бьющих по рёбрам. «*Не тот человек, которого бы выбрал я*». Он скрутил пергамент и сунул себе за пояс.

Дальше следовало рыбное блюдо, и когда щуку обглодали до костей, леди Элис повела магнара танцевать. По тому, как он двигался, было оче-

видно, что Сигорн никогда прежде не танцевал, но он выпил достаточно пряного вина, так что это было не важно.

— Северная дева и воин одичалых, соединённые воедино Владыкой Света. — Сир Акселл Флорент занял освободившееся место Элис. — Её величество одобряет. Я близок к ней, милорд, поэтому знаю её мнение. Король Станнис тоже это одобрит.

«*Если только Русе Болтон не насадил его голову на копьё*».

— Но, увы, не все с ними согласны. — С дряблого подбородка сира Акселла свисали клочки бороды, а в ушах и носу росли жесткие волосы. — Сир Патрек считает, что составил бы леди Элис лучшую партию. Он потерял свои земли, когда ушёл на север.

— В этом зале полно тех, кто потерял намного больше, — ответил Джон. — И ещё больше людей отдали свои жизни, служа стране. Сир Патрек должен считать себя счастливчиком.

Акселл Флорент улыбнулся.

— Король мог бы сказать то же, будь он сейчас здесь. И всё же, нужно как-то наградить преданных рыцарей его величества. Они отправились за ним в такую даль и такой ценой. И мы должны

повязать этих одичалых с королём и страной. Этот брак — хорошее начало, но я знаю, что королеве пришлось бы по вкусу и замужество принцессы одичалых.

Джон вздохнул. Он устал объяснять, что Вель не настоящая принцесса. Но сколько бы раз он это ни повторял, они, похоже, не слышали.

— Вы настойчивы, сир Акселл, отдаю вам должное.

— Можно ли винить меня за это, милорд? Такой трофей нелегко завоевать. Созревшая девушка, как я слышал, и весьма привлекательная. Хорошие бёдра, хорошие груди — отлично подходит для деторождения.

— Кто станет отцом этих детей? Сир Патрек? Вы?

— А кто подошёл бы лучше? В жилах Флорентов течёт кровь старых королей Гарденеров. Леди Мелисандра может провести обряды, как она сделала это для леди Элис и магнара.

— Вам только невесты не хватает.

— Это легко исправить, — улыбка Флорента была настолько фальшивой, что казалась вымученной. — Где она, лорд Сноу? Вы отвезли её в один из ваших замков? В Серый Дозор или Сумеречную Башню? В Дыру Шлюхи с другими

женщинами? — Он придвинулся ближе. — Поговаривают, что вы припрятали её для собственных утех. Мне всё равно, пока она не понесёт дитя. Она родит сыновей мне. Если вы уже оседлали её… ну что ж, мы оба всего лишь люди, не правда ли?

Джон выслушал достаточно.

— Сир Акселл, если вы действительно десница королевы, то мне жаль её величество.

Лицо Флорента побагровело от гнева.

— Так это правда. Хочешь оставить её себе, теперь понимаю. Бастард хочет владения своего отца.

«*Бастард отказался от владений своего отца. Если бы бастард хотел Вель, ему стоило только попросить*».

— Простите меня, сир, — произнёс Джон. — Мне нужно на воздух.

«Здесь воняет». Он повернул голову.

— Это рог.

Другие тоже услышали. Музыка и смех стихли в одночасье. Танцующие замерли на месте, прислушиваясь. Даже Призрак навострил уши.

— Вы слышали? — спросила королева Селиса у своих рыцарей.

— Боевой рог, ваше величество, — ответил сир Нарберт.

Рука королевы дернулась к её горлу.

— На нас напали?

— Нет, ваше величество, — ответил Ульмер из Королевского Леса. — Это дозорные на Стене, вот и всё.

«*Один сигнал*, — подумал Джон Сноу. — *Разведчики возвращаются*».

Потом он раздался снова. Звук как будто заполнил весь подвал.

— Два сигнала, — произнёс Малли.

Чёрные братья, северяне, вольный народ, тенны, люди королевы — все затихли, вслушиваясь. Прошло пять секунд. Десять. Двенадцать. Потом Оуэн Олух засмеялся, и Джон Сноу выдохнул.

— Два сигнала, — объявил он. — Одичалые.

«*Вель*».

Тормунд Великанья Смерть наконец-то явился.

Глава 50. Дейенерис

Зал полнился юнкайским смехом, юнкайскими песнями и юнкайскими молитвами. Танцовщицы плясали; музыканты играли странные мелодии на колокольчиках, пищалках и пузырях; певцы пели древние любовные песни на непостижимом языке Старого Гиса. Вино текло рекой — не жидкое бледное пойло из Залива Работорговцев, а густые сладкие вина с Арбора и сонное вино Кварта, приправленное диковинными пряностями. Юнкайцы прибыли в город по приглашению короля Хиздара: заключить мир и засвидетельствовать возрождение знаменитых бойцовых ям Миэрина. Чтобы воздать почести гостям, благородный супруг королевы открыл врата Великой Пирамиды.

«*Ненавижу их*, — думала Дейенерис Таргариен. — *Как вышло, что я пью и любезничаю с людьми, с которых предпочла бы содрать кожу*?»

На пиру подавали дюжину разных сортов мяса и рыбы: верблюжатину, крокодила, тушки поющего кальмара, глазированных уток и шипастых личинок, а кроме того, козлятину, свинину и

конину для тех, чьи вкусы были менее изысканы. И, конечно, собачатину. По гискарским понятиям без неё пир не считался полноценным. Повара Хиздара приготовили из собак четыре вида блюд.

— Гискарцы съедят всё, что может плавать, летать или ползать, кроме человека и дракона, — предупредил её Даарио, — и держу пари, при малейшей возможности сожрут и дракона.

Одним мясом за столом не обойтись, поэтому на пиру были фрукты, каши и овощи. Воздух благоухал ароматами шафрана, корицы, гвоздики, перца и прочих дорогих пряностей.

Дени едва притронулась к яствам.

«*Заключён мир*, — повторяла она себе. — *То, чего я хотела, чего добивалась, то, ради чего я вышла замуж за Хиздара. Почему же у этого мира привкус поражения*?»

— Ещё немного, любовь моя, — заверял её Хиздар. — Скоро юнкайцы уйдут, а вместе с ними и их союзники с наёмниками. Мы получим всё, чего желали: мир, провизию, торговлю. Скоро снова откроется наш порт, и кораблям будет снова позволено в него заходить.

— Это они позволят, да, — ответила она, — но их военные корабли никуда не денутся. Юнкайцы

в любой момент могут снова взять нас за горло. *Они открыли рынок рабов прямо у моих стен!*

— Но *вне* наших стен, милая королева. Таковы были условия мира — Юнкай хочет торговать рабами как и прежде — без препон.

— В собственном городе сколько угодно, а не здесь, у меня на глазах. — Мудрые господа обустроили загоны для рабов и помост для аукционов чуть южнее Скахазадхана, где широкая река несла свои бурые воды в Залив Работорговцев. — Это плевок мне в лицо: они устроили целое представление, показывая, насколько я бессильна остановить их.

— Пустая показуха, — ответил её благородный муж. — Представление, как вы сами сказали. Пусть фиглярствуют. Когда они уйдут, мы разобьём на этом месте фруктовый рынок.

— Когда они уйдут, — повторила Дени. — И когда же? По ту сторону Скахазадхана видели всадников. Ракхаро говорит, что это дотракийские разведчики и за ними идет кхаласар. Они приведут с собой пленников. Мужчин, женщин и детей — в подарок работорговцам. — Дотракийцы не продавали и не покупали, но делали подарки и принимали ответные дары. — Вот почему юнкайцы устроили этот рынок — они уйдут отсюда

с тысячами новых рабов.

Хиздар зо Лорак пожал плечами.

— Но они уйдут, и это важнее всего, любовь моя. Юнкай будет торговать рабами, Миэрин — нет, так мы условились. Потерпите немного, и всё закончится.

Так что Дейенерис сидела на пиру молча, закутавшись в токар цвета киновари и мрачные мысли. Она отвечала только тогда, когда её спрашивали, и не переставала размышлять о мужчинах и женщинах, которыми торговали за стенами города как раз сейчас, когда она пирует с гостями. Пусть её благородный супруг произносит речи и смеётся над плоскими шутками юнкайцев. Это право короля и его долг.

За столом говорили в основном о предстоящих схватках. Барсена Черноволосая будет драться с вепрем — клыки против кинжала. В боях примут участие и Кразз, и Пятнистый Кот, а в финальном поединке сойдутся Гогор-Гигант и Белакво-Костолом. Ещё до захода солнца один из них умрёт. «*Не бывает королев с чистыми руками*», — повторяла про себя Дени. Она думала о Дореа, о Куаро, о Ероих... о маленькой девочке по имени Хаззея, которую никогда не видела. «*Пусть лучше несколько человек умрёт в ямах, чем тысячи у*

ворот. Такова цена мира, и я плачу её по своей воле. Если я оглянусь, я пропала».

Судя по виду, юнкайский главнокомандующий Юрхаз зо Юнзак застал ещё Эйегоново завоевание. Скрюченного, морщинистого и беззубого полководца принесли к столу два дюжих раба. Остальные юнкайские благородные господа производили немногим лучшее впечатление. Один из них был мелок и тщедушен, зато сопровождавшие его рабы-солдаты были до нелепости долговязы и худы. Другой — молод, ладно сложён и полон жизни, но так пьян, что Дени с трудом понимала о чём он говорит. *«И как подобным мокрицам удалось поставить меня на колени?»*

Наёмники были людьми иного склада. Все четыре отряда, состоящие на службе у Юнкая, прислали на пир своих командиров. Гонимых Ветром представлял пентошийский дворянин, известный как Принц в Лохмотьях; Длинные Копья — Гило Риган, больше похожий на сапожника, чем на солдата, и говоривший шепотом. Кровавая Борода из Роты Кошки шумел так, что хватило бы на десятерых. Это был великан с дремучей бородой, ненасытный до вина и женщин. Он орал, рыгал, громоподобно пускал ветры и щипал всех служанок, что оказывались в пределах

его досягаемости. Время от времени он усаживал одну из них себе на колени, чтобы потискать ей грудь и поласкать её между ног.

Прибыл и представитель Младших Сыновей. «*Если бы тут был Даарио, пир кончился бы кровопролитием*». Никаким обещанным миром нельзя было убедить капитана пустить Бурого Бена Пламма в Миэрин и оставить в живых. Дени поклялась, что семерым послам, включая командиров, не причинят никакого вреда, но юнкайцам клятв показалось мало. Они потребовали заложников. За троих юнкайских господ и четырёх капитанов наёмников Миэрин отправил в осадный лагерь семерых своих: родную сестру Хиздара, двух его кузенов, кровного всадника Дени Чхого, её адмирала Гролео, капитана Безупречных Героя и Даарио Нахариса.

— Оставляю тебе своих девочек, — сказал её капитан, отдавая Дени перевязь с позолоченными распутницами. — Храни их бережно до моего возвращения, любимая. Мы же не хотим, чтобы они устроили у юнкайцев кровавый переполох.

Не было на пиру и Бритоголового. После коронации Хиздар первым делом сместил его с поста начальника Медных Тварей и назначил на это место своего двоюродного брата — жирного и

одутловатого Маргаза зо Лорака.

«*Оно и к лучшему. Зеленая Милость говорит, что между Лораками и Кандаками кровная вражда, а Бритоголовый никогда не скрывал презрения к моему благородному мужу. А Даарио...*»

После свадьбы Даарио стал совсем неуправляемым. Его не радовал заключённый королевой мир, ещё меньше её замужество, а из-за обмана дорнийцев он был просто в бешенстве. Когда принц Квентин сообщил ему, что и остальные вестеросцы перекинулись к Воронам-Буревестникам по приказу Принца в Лохмотьях, только вмешательство Серого Червя и его Безупречных не позволило Даарио поубивать их всех. Лжедезертиры сейчас были надёжно упрятаны в подземельях пирамиды... но Даарио продолжал пылать гневом.

«*Для него же безопаснее оставаться в заложниках. Мой капитан не создан для мира*». Дени не могла рисковать: он мог зарубить Бурого Бена Пламма, мог осмеять Хиздара при всём дворе, спровоцировать юнкайцев или ещё как-то нарушить перемирие, ради которого ей пришлось столь многим пожертвовать. Даарио — это ходячая беда. Отныне она не должна пускать его ни в постель, ни в сердце, ни в мысли. Если он её

не предаст, то поработит — Дени не знала, что страшнее.

Когда застолье окончилось, и по настоянию королевы остатки яств унесли собравшимся внизу беднякам, высокие бокалы наполнили пряным квартийским ликёром, тёмным как янтарь. Затем началось представление.

Принадлежавший Юрхазу зо Юнзаку хор юнкайских кастратов пел песни на древнем языке Старой Империи голосами тонкими, нежными и невообразимо чистыми.

— Доводилось ли вам слышать подобное, любовь моя? — спросил её Хиздар. — Божественные голоса, не правда ли?

— Да, — согласилась она. — Хотя, по-моему, они предпочли бы сохранить кое-что присущее смертным.

Все развлекавшие их артисты были рабами. Таковы были условия мира: работорговцы могут привозить своих рабов в Миэрин, не опасаясь, что тех освободят. В обмен юнкайцы пообещали уважать права и свободы бывших рабов, освобождённых Дейенерис. Хиздар назвал это соглашение честной сделкой, но Дени чувствовала горечь. Королева выпила ещё чашу вина, чтобы её перебить.

— Если певцы вам понравились, не сомневаюсь, что Юрхаз с удовольствием нам их подарит, — заявил её благородный супруг. — Дар для скрепления мира и украшение нашему двору.

«*Он отдаст нам этих кастратов*, — подумала Дени, — *а затем отправится домой и наделает новых. В мире полно мальчиков*».

Её не развеселили и выступавшие после певцов акробаты даже тогда, когда те, встав друг на друга, образовали живую пирамиду в девять уровней. На самом верху стояла маленькая голая девочка. «*Уж не на мою ли пирамиду они намекают*? — задалась вопросом королева. — *И не я ли та девочка наверху*?»

Позже её лорд-муж вывел гостей на нижнюю террасу, чтобы жители Жёлтого Города могли полюбоваться на ночной Миэрин. Юнкайцы небольшими группками прогуливались по саду с винными чашами в руках, бродя среди лимонных деревьев и ночных цветов, и Дейенерис неожиданно столкнулась нос к носу с Бурым Беном Пламмом.

Наёмник склонился в глубоком поклоне.

— Ваша милость. Вы выглядите чудесно — как всегда. Эти юнкайки и вполовину не так хороши, как вы. Мне хотелось преподнести вам свадеб-

ный подарок, но он обошелся бы старому Бурому Бену слишком дорого.

— Не хочу я от тебя никаких подарков.

— А вот этот бы захотели — голову старого врага.

— Уж не твою ли? — елейно спросила она. — Ты меня предал.

— Позвольте заметить, что это слишком резко сказано. — Бурый Бен почесал свои пегие серо-белые бакенбарды. — Мы перешли на сторону победителя, только и всего. Мы поступали так и раньше. И не я один всё-таки. Так решили ребята.

— То есть, по-твоему, это они меня предали? Почему? Разве я плохо обращалась с Младшими Сыновьями? Или обманула вас с оплатой?

— Никогда, — ответил Бурый Бен. — Но дело не только в деньгах, ваше высокомогущество. Я понял это давным-давно, после моего первого сражения. Наутро после боя я рыскал среди мёртвых, искал, чем поживиться, так сказать. Попался мне один труп — какой-то воин с топором отхватил ему руку по самое плечо. Мертвец был весь в запекшейся крови и облеплен мухами. Может потому его больше никто и не тронул. Но подо всей этой грязью на мертвеце был дублет с бляшками,

на вид — прекрасная кожа. Я решил, что он мне подойдет, так что отогнал мух и срезал дублет с трупа. Однако проклятая одежка оказалась тяжелее, чем ей положено быть. Под подкладку оказались зашиты монеты — целое состояние. Золото, ваша милость, славное жёлтое золото. Этих денег любому бы хватило, чтобы до конца своих дней жить, как лорд. Но что хорошего они принесли этому парню? Он со всеми своими деньгами лежал в крови и грязи и без своей грёбаной руки. Вот это и был урок мне, понимаете? Серебро — милый дружок, золото — родная матушка, но когда ты мёртв, они стоят не больше того дерьма, что ты наложил перед смертью. Я же говорил вам: есть старые наёмники, и есть храбрые наёмники, но храбрых старых наёмников не бывает. Мои ребята не хотели умирать, вот и всё, и когда я сказал им, что вы не будете выпускать драконов на юнкайцев, что ж...

«*Ты решил, что я уже проиграла*, — подумала Дени, — *и разве могу я возразить, что ты был неправ*?»

— Я понимаю. — Тут она могла бы и закончить разговор, но ей стало интересно. — Вы сказали, что денег хватило бы, чтобы жить, как лорд. И как вы поступили с этим богатством?

Бурый Бен засмеялся.

— Я был глупым сопляком. Я рассказал о нём человеку, которого считал другом, а он рассказал сержанту, и мои товарищи по оружию избавили меня от этого бремени. Сержант сказал, что я слишком молод и всё равно потрачу деньги на шлюх и всё такое. Правда, он оставил мне дублет. — Пламм сплюнул. — Вы никогда больше не захотите довериться наёмнику, м'леди.

— Этот урок я выучила, и однажды непременно тебя за него отблагодарю.

Бурый Бен прищурился.

— Не надо. Знаю я, какие благодарности у вас на уме. — Он поклонился и отошёл.

Дени обратила взгляд за город. Там за стенами выстроились ровными рядами жёлтые юнкайские шатры, защищённые траншеями, вырытыми рабами. Два железных легиона из Нового Гиса, вымуштрованные и вооружённые точно так же, как Безупречные, разбили лагерь к северу от реки. Ещё два гискарских легиона остановились к востоку от города, перерезав путь на Кхизайский проход. Костры и коновязи наёмных отрядов расположились на юге. Днём к небесам рваными серыми лентами тянулись тонкие столбы дыма. Ночью со стен были видны далёкие

огни. На берегу залива раскинулась мерзость — рынок рабов у самого её порога. Сейчас, после захода солнца, его не было видно, но королева знала, что он там, и это вызывало в ней гнев.

— Сир Барристан? — тихо произнесла она.

Белый рыцарь тут же появился из ниоткуда.

— ваше величество?

— Вы слышали наш разговор?

— Я услышал достаточно. Он прав — никогда не доверяйте наёмнику.

«*Или королеве*», — подумала Дени.

— Найдётся ли среди Младших Сыновей человек, которого можно уговорить... убрать... Бурого Бена?

— Как Даарио Нахарис однажды убрал двух других капитанов Ворон-Буревестников? — Старый рыцарь явно почувствовал себя неуютно. — Возможно. Я не знаю, ваше величество.

«*Нет*, — подумала она, — *вы слишком честны и слишком благородны*».

— Если нет, у Юнкая появятся ещё три наёмных отряда.

— Головорезы и прохиндеи, отребье с тысячи побоищ, — предупредил её сир Барристан, — и их капитаны, такие же вероломные, как Пламм.

— Я всего лишь юная девушка и в таких делах

ничего не смыслю, но, сдаётся мне, их вероломность нам как раз на руку. Однажды, как вы помните, я уже переманила на нашу сторону Младших Сыновей и Ворон-Буревестников.

— Если ваше величество желает лично переговорить с Гило Риганом или Принцем в Лохмотьях, я могу привести их к вам в покои.

— Сейчас неподходящее время. Слишком много глаз, слишком много ушей. Их отсутствие заметят, даже если вы сумеете осторожно увести их от юнкайцев. Нам нужно найти безопасный способ связаться с ними... не сегодня, но в ближайшее время.

— Как прикажете. Хотя, боюсь, я не слишком подхожу для такого задания. В Королевской Гавани подобными делами занимались лорд Мизинец или Паук. Мы, старые рыцари, народ простой и годимся только для битвы. — Он похлопал по рукояти меча.

— Наши узники, — предложила Дени. — Вестеросцы, которые перекинулись от Гонимых Ветром вместе с тремя дорнийцами. Они ведь до сих пор в темницах? Используйте их.

— Вы имеете в виду освободить? Разумно ли это? Их прислали втереться к вам в доверие и предать ваше величество при первой же воз-

можности.

— Значит, они не справились. Я им не доверяю и не собираюсь. — По правде сказать, Дени уже стала забывать, как доверять кому-то. — Тем не менее, мы ещё можем их использовать. Среди них есть женщина. Мерис. Отошлите её обратно... в знак моего расположения. Если их капитан умный человек, он поймёт.

— Женщина — худшая из них.

— Тем лучше для нас. — Дени немного подумала. — Нам надо вступить в переговоры с Длинными Копьями и с Ротой Кошки.

— Кровавая Борода. — Сир Барристан помрачнел пуще прежнего. — С позволения вашего величества, я бы не стал с ним связываться. Ваше величество слишком молоды, чтобы помнить Девятигрошёвых Королей, но этот Кровавая Борода слеплен из того же теста. У него нет чести, только жажда... золота, славы и крови.

— Вы лучше меня знаете таких людей, сир. — Если Кровавая Борода на самом деле самый бесчестный и жадный из всех наёмников, его проще всего будет перекупить, но в таком деле ей было неприятно идти против совета сира Барристана. — Поступайте, как считаете нужным. Но поскорее. Если заключённый Хиздаром мир

будет нарушен, я хочу быть к этому готова. Я не верю работорговцам. — «*И не верю своему мужу*». — Они набросятся на нас при первых признаках слабости.

— Но и юнкайцы слабеют. Говорят, кровавый понос уже затронул толосийцев и перекинулся через реку на третий гискарский легион.

«*Бледная кобылица*. — Дейенерис вздохнула. — *Куэйта предупреждала, что придёт бледная кобылица. Она предупреждала и о дорнийском принце — сыне солнца. Она поведала многое, но всё загадками*».

— Не смею надеяться, что мор избавит меня от врагов. Освободите Милашку Мерис. Немедленно.

— Как прикажете. Хотя... Ваше величество, осмелюсь напомнить, что есть и другой путь...

— Дорнийский? — Дени снова вздохнула. Как и подобало статусу принца Квентина, трое дорнийцев присутствовали на пиру, хотя Резнак позаботился о том, чтобы посадить их как можно дальше от её мужа. Хиздар, вроде бы не ревнив, но ни один мужчина не обрадуется присутствию соперника рядом с его новобрачной. — Мальчик мил и любезен, но...

— Дом Мартеллов — древний и благородный, и

они преданные друзья дома Таргариенов уже более века, ваше величество. Я имел честь служить вместе с двоюродным дедом принца Квентина в Королевской Гвардии вашего отца. Более доблестного товарища по оружию, чем принц Левин, нельзя было и желать. С позволения вашего величества, Квентин Мартелл — той же крови.

— С позволения моего величества, лучше бы он явился ко мне с теми пятьюдесятью тысячами мечей, о которых упоминал. Вместо этого он привёз двух рыцарей и пергамент. Разве пергамент защитит мой народ от Юнкая? Если бы у этого принца был флот...

— Солнечное Копье никогда не было морской державой, ваше величество.

— Верно. — Знаний Дени о вестеросской истории хватало, чтобы это понимать. Десять тысяч кораблей королевы Нимерии причалили к песчаным берегам Дорна, но, обвенчавшись со своим дорнийским принцем, она сожгла все корабли до единого и навсегда отказалась от моря. — Дорн слишком далеко. Чтобы угодить одному принцу, мне пришлось бы покинуть весь мой народ. Вы должны отправить его домой.

— Дорнийцы известны своим упрямством, ваше величество. Предки принца Квентина вое-

вали с вашими без малого две сотни лет. Без вас он не уедет.

«*Значит, тут он и умрет*, — подумала Дейенерис, — *если только в нём нет чего-то большего, чем мне кажется*».

— Он всё ещё здесь?

— Пьёт со своими рыцарями.

— Приведите его ко мне. Пора ему познакомиться с моими детьми.

Тень сомнения промелькнула на вытянутом серьёзном лице Барристана Селми.

— Как прикажете.

Её царственный супруг хохотал в компании Юрхаза зо Юнзака и прочих юнкайских господ. Дени не думала, что он будет без неё скучать, но на всякий случай, если он вдруг спросит, велела служанкам говорить, что она удалилась по зову природы.

Сир Барристан вместе с дорнийским принцем ждали у лестницы. Квадратное лицо Мартелла рдело румянцем. «*Переборщил с вином*», — заключила королева, хотя принц и старался это скрыть, как мог. Если не считать цепочки из медных солнц, украшавшей пояс дорнийца, Квентин был одет очень просто. «*Его называют Лягушонком*», — вспомнила Дени. Неудивительно. Она понима-

ла почему — красавцем его не назовёшь.

Она улыбнулась.

— Мой принц, нас ждет долгая дорога вниз. Вы уверены, что хотите их увидеть?

— Если это угодно вашему величеству.

— Тогда идём.

Впереди по лестнице с факелами спускались двое Безупречных, позади шагали двое Медных Тварей, один в маске рыбы, другой — ястреба. Даже здесь, в её собственной пирамиде, в эту радостную ночь мира и празднеств, куда бы ни направилась Дейенерис, по настоянию сира Барристана с ней всегда оставалась охрана. Они проделали долгий спуск в тишине, трижды останавливаясь, чтобы передохнуть.

— У дракона три головы, — сказала Дени, когда они вышли на последний пролёт. — Мое замужество ещё не значит для вас крушения всех надежд. Я знаю, ради чего вы здесь.

— Ради вас, — ответил Квентин, являя собой неуклюжую галантность.

— Нет, — возразила Дени, — ради огня и крови.

Один из слонов при виде людей затрубил в своем стойле, а от раздавшегося в ответ из подземелий рева её бросило в жар. Принц Квентин встревожился.

— Драконы знают, когда она рядом, — объяснил ему сир Барристан.

«*Каждый ребенок узнаёт свою мать*, — подумала Дени. — *Когда высохнут моря и ветер унесет горы, как листья...*»

— Они зовут меня. Идём. — Она взяла принца Квентина за руку и повела его к яме, где держали двух драконов. — Останьтесь снаружи, — сказала Дени сиру Барристану, когда Безупречные отпирали огромные железные двери. — Принц Квентин меня защитит. — Она подвела дорнийского принца к самому краю ямы.

Вытянув шеи, драконы уставились на вошедших горящими глазами. Визерион уже разорвал одну цепь и расплавил остальные. Глубоко вонзив когти в обожжённые крошащиеся кирпичи, он висел на краю ямы, словно громадная белая летучая мышь. Всё ещё закованный Рейегаль обгладывал бычий скелет. Слой костей на дне ямы по сравнению с тем, когда Дени приходила сюда в последний раз, стал толще. А обгоревшие кирпичные стены и пол, покрывшись золой и пеплом, стали чёрно-серыми. Эти стены долго не продержатся... но за кирпичом лишь земля да камень. «*Могут ли драконы прокладывать ходы в скалах, как огненные змеи древней Валирии*?» Она

надеялась, что нет.

Дорнийский принц побелел, как молоко.

— Я... я слышал, что их трое.

— Дрогон охотится. — Остальное ему знать не нужно. — Белого зовут Визерион, зелёного — Рейегаль. Я назвала их в честь моих братьев.

Её голос отразился эхом от опалённых стен. Он звучал слабо — голос девочки, а не королевы-завоевательницы или счастливой новобрачной.

Рейегаль зарычал в ответ, и в яме красно-жёлтым факелом полыхнул огонь. Визерион ответил ему оранжево-золотым пламенем. Когда дракон расправил крылья, в воздух поднялось облако серого пепла. На лапах загремели разбитые цепи. Квентин Мартелл отскочил на фут.

Более жестокосердная женщина посмеялась бы над ним, но Дени сжала руку принца и сказала:

— Меня они тоже пугают. Ничего постыдного в этом нет. Во тьме мои дети выросли дикими и злобными.

— Вы... вы собирались на них летать?

— На одном из них. Я знаю о драконах только то, что мне рассказывал брат, когда я была маленькой, и ещё кое-что прочла в книгах. Однако известно, что Эйегон Завоеватель никогда не отваживался оседлать Вхагар или Мираксеса, а

его сёстры — Балериона Чёрного Ужаса. Драконы живут дольше людей, некоторые — сотни лет, так что у Балериона были и другие наездники после того, как Эйегон умер... но ни один наездник за всю историю не летал на двух драконах.

Визерион снова зашипел, из оскалившейся пасти повалил дым, и было видно, как глубоко в глотке бурлит золотое пламя.

— Они... они устрашающие создания.

— Они — *драконы*, Квентин. — Дени встала на цыпочки и легко поцеловала его в обе щеки. — Так же, как и я.

Юный принц сглотнул.

— Я... я тоже от крови дракона, ваше величество. Я могу проследить мою родословную до первой принцессы Дейенерис Таргариен, сестры короля Дейерона Доброго, которая вышла замуж за дорнийского принца. Это для неё он построил Водные Сады.

— Водные Сады? — Честно говоря, она почти ничего не знала о Дорне и его истории.

— Любимый дворец моего отца. Когда-нибудь я с удовольствием его вам покажу. Он из розового мрамора с бассейнами, фонтанами и видом на море.

— Звучит прекрасно. — Дени отвела принца от

ямы. «*Ему здесь не место. Ему вообще не следовало приезжать*». — Вам лучше вернуться туда. Боюсь, при моем дворе для вас небезопасно. У вас больше врагов, чем может показаться. Из-за вас Даарио выставил себя дураком, а он не из тех, кто может такое забыть.

— У меня есть рыцари. Мои верные защитники.

— Два рыцаря. У Даарио — пятьсот Ворон-Буревестников. А вам не мешало бы остерегаться и моего лорда-мужа. Знаю, он кажется мягким и любезным человеком, но не надо обманываться. Хиздар получил корону из моих рук, и ему служат несколько самых грозных бойцов в мире. Если один из них надумает заслужить милость господина, устранив его соперника...

— Я принц дорнийский, ваше величество, и не бегу от рабов и наёмников.

«*Значит, ты настоящий дурачок, Принц-Лягушонок*». Дени последний раз окинула взглядом своих одичавших детей. Она слышала пронзительные вопли драконов, когда вела мальчика к дверям, и видела блики света на кирпичах — отражение их огня. «*Если я оглянусь, я пропала*».

— Сир Барристан пришлёт пару портшезов, чтобы доставить нас обратно на пир, но подъём

по лестнице всё равно наводит на меня тоску. — За их спинами с громким лязгом закрылись огромные железные двери. — Расскажите мне об этой другой Дейенерис. Я знаю об истории королевства моего отца меньше, чем следует. Меня никогда не воспитывал мейстер. — «*Только брат*».

— С удовольствием, ваше величество, — ответил Квентин.

Было уже далеко за полночь, когда последние гости разошлись и Дени удалилась в опочивальню к своему супругу и королю. Хиздар, по крайней мере, был доволен, хотя и несколько пьян.

— Я держу слово, — сказал он ей, пока Ирри и Чхику переодевали её для постели. — Вы хотели мира, и он ваш.

«*А ты хочешь крови, и скоро мне придется тебе её дать*», — подумала Дени, но сказала только:

— Благодарю вас.

Дневные волнения лишь подогрели страсть в её супруге. Стоило служанкам удалиться, как он сорвал с неё ночную рубашку и повалил навзничь на постель. Дени обняла его и позволила войти в себя. Она знала, что Хиздар пьян и долго не продержится.

Так и вышло. После Хиздар ткнулся ей носом в

ухо и прошептал:

— Милостью богов мы зачали этой ночью сына.

В голове у Денни зазвенели слова Мирри Маз Дуур: «*Когда солнце встанет на западе и опустится на востоке. Когда высохнут моря и ветер унесет горы, как листья. Когда чрево твое вновь зачнет и ты родишь живое дитя. Тогда он вернется — но прежде не жди*». Смысл этих слов был вполне ясен: скорее кхал Дрого восстанет из мёртвых, чем она родит живое дитя. Но бывают такие тайны, которыми нельзя поделиться даже с мужем, поэтому она позволила Хиздару зо Лораку тешиться надеждами.

Её благородный супруг вскоре крепко уснул. Дейенерис осталось только вертеться и ворочаться рядом. Ей хотелось потрясти его, разбудить, потребовать обнять её, поцеловать, взять её снова, но она знала, что если так поступит, скоро он опять уснёт и оставит её одну в темноте. Что сейчас делает Даарио? Тоже не спит? Думает о ней? Любил ли он её по-настоящему? Возненавидел ли оттого, что она вышла за Хиздара? «*Не надо было пускать его к себе в постель*». Он всего лишь наёмник, не годящийся в мужья королеве, и всё же...

«*Я всё это знала и всё равно бы поступила так, как поступила*».

— Моя королева? — прозвучал в темноте нежный голосок.

Дени вздрогнула.

— Кто здесь?

— Всего лишь Миссандея. — Служанка-наатийка приблизилась к постели. — Я услышала, что вы плачете.

— Плачу? Я не плакала. Отчего мне плакать? У меня есть мир, у меня есть мой король, у меня есть всё, чего может желать королева. Тебе приснился плохой сон, вот и всё.

— Как скажете, ваше величество. — Миссандея поклонилась и собралась уйти.

— Не уходи, — попросила Дени. — Я не хочу оставаться одна.

— С вами его величество, — напомнила Миссандея.

— Его величество спит, а я не могу уснуть. Утром мне придется искупаться в крови — такова цена мира. — Она слабо улыбнулась и похлопала по постели. — Ну же, садись, поговори со мной.

— Как пожелаете. — Миссандея села рядом. — О чём мы будем говорить?

— О доме, — сказала Дейенерис. — О Наате. О

бабочках и братьях. Расскажи мне о вещах, которые тебя радуют, заставляют смеяться, о самом хорошем, что помнишь. Напомни мне, что в этом мире ещё есть добро.

Миссандея постаралась, как могла. Она всё ещё говорила, когда Дени, наконец, провалилась в сон, навстречу странным бесформенным наваждениям, полным дыма и огня.

Утро наступило слишком быстро.

Глава 51. Теон

День подкрался к ним так же незаметно, как и Станнис.

Винтерфелл давно не спал, его стены и башни были забиты укутанными в шерсть людьми в кольчугах и коже. Они ожидали нападения, которое так и не произошло. К тому времени, когда небо начало светлеть, барабаны стихли, хотя боевой рог слышали ещё трижды, с каждым разом всё ближе. А снег всё падал.

— Буря закончится сегодня, — громко утверждал один из выживших мальчишек-конюхов, — ведь зима ещё даже не наступила.

Теон бы расхохотался, если б только посмел. Он помнил сказки Старой Нэн — о метелях, что бушевали сорок дней и сорок ночей, целый год, десятилетие… о бурях, что погребали под сотнями футов снега замки, города и целые королевства.

Он сидел в задней части Великого Чертога недалеко от лошадей, наблюдая, как Абель, Рябина и похожая на мышку прачка с каштановыми волосами, которую звали Белка, поедают куски поджаренного вчерашнего хлеба. Теон утолил

голод кружкой пенистого тёмного пива, настолько густого, что его можно было жевать. Ещё пара кружек и, возможно, план Абеля покажется ему не таким безумным.

В зал, зевая, вошёл бледноглазый Русе Болтон в компании своей пухлой беременной жены, Толстой Уолды. Перед ним прошествовали несколько лордов и капитанов, и среди них Амбер Смерть Шлюхам, Эйенис Фрей и Роджер Рисвелл. На другом конце стола Виман Мандерли уплетал колбаски и варёные яйца, а, сидевший рядом с ним старый лорд Локи хлебал своим беззубым ртом жидкую кашу.

Показавшийся вскоре лорд Рамси прошагал по залу, держась за перевязь меча. «*Он с утра не в настроении*, — понял Теон. — *Барабаны всю ночь не давали ему спать, или кто-то не угодил*». Неверное слово, неуместный взгляд, смех некстати — всё это могло вызвать гнев его светлости и стоить кому-то полоски кожи. «*Пожалуйста, м'лорд, не смотрите так*». Чтобы всё понять, Рамси достаточно одного взгляда. «*Он прочтёт это по моему лицу. Узнает. Он всегда знает*».

— Ничего не получится, — повернувшись к Абелю, сказал Теон, понизив голос настолько, что даже лошади ничего бы не услышали. — Нас

поймают раньше, чем мы покинем замок. А даже если сбежим, лорд Рамси вместе с Костлявым Беном и девочками выследит нас.

— Лорд Станнис у стен, и, судя по звуку, недалеко. Нам нужно только добраться до его лагеря, — пальцы Абеля пробежали по струнам лютни. Борода певца всё ещё была каштановой, а вот длинные волосы сильно поседели. — Если Бастард погонится за нами, то может пожалеть, что дожил до этого дня.

«*Ну-ну, тешь себя этой мыслью*, — произнёс про себя Теон. — *Поверь. Убеди себя, что это правда*».

— Рамси будет выслеживать твоих женщин как дичь, — шепнул он барду. — Затравит, изнасилует и скормит собакам. Если охота ему понравится, он, возможно, назовет их именами своих новых сучек. Тебя же освежуют. Рамси, Живодёр и Дэймон Станцуй-для-Меня превратят это в забаву. Ты будешь молить о смерти.

Теон сжал запястье певца своей искалеченной рукой.

— Вы поклялись, что я не попаду вновь в его лапы. Вы дали мне слово.

Ему надо было услышать это ещё раз.

— Слово Абеля твёрдо, как дуб, — сказала Белка.

Сам Абель только пожал плечами.

— Исполню, несмотря ни на что, мой принц.

Рамси спорил с отцом, стоя на помосте слишком далеко от Теона, чтобы можно было разобрать слова, но испуганное круглое розовое лицо Толстой Уолды говорило о многом. Он услышал, как Виман Мандерли потребовал ещё колбасок, а Роджер Рисвелл засмеялся над какой-то шуткой однорукого Харвуда Стаута.

Теон размышлял, увидит ли когда-нибудь подводные чертоги Утонувшего Бога, или его призрак навсегда останется здесь, в Винтерфелле. «*Что мертво, то мертво. Лучше погибнуть, чем быть Вонючкой*». Если план Абеля не сработает, Рамси будет убивать их долго и мучительно. «*На этот раз он освежует меня с головы до пят, и никакие мольбы не помогут*». Теон не знал боли сравнимой с той, что может причинить Живодёр, орудуя ножиком. Абель быстро выучит этот урок. И ради чего? «*Джейни, её зовут Джейни, и её глаза другого цвета*». Лицедейка, играющая роль. «*Лорд Болтон знает, и Рамси тоже, но остальные слепы, даже этот проклятый бард с его коварными улыбочками. Это над тобой пошутили, певец, над тобой и твоими шлюхами-убийцами. Вы умрёте не за ту девушку*».

Он едва не открыл им правду, когда Рябина привела его к Абелю в развалины Сожжённой Башни, но в последний момент придержал язык. Певец, очевидно, хочет устроить побег дочери Эддарда Старка. Если бы он узнал, что жена лорда Рамси всего лишь дочка стюарда, то…

Двери Великого Чертога с грохотом распахнулись.

По залу пронёсся холодный ветер, и в воздухе засияли голубовато-серебристые кристаллики льда. Вошел по пояс облепленный снегом Хостин Фрей, неся на руках тело. Глядя на жуткое зрелище, люди на скамьях отставили тарелки и кубки. Все затихли.

«*Ещё одно убийство*».

Комья снега летели с плаща сира Хостина прямо на пол, когда тот тяжёлым шагом направился к высокому столу. За ним следовала дюжина рыцарей и солдат Фреев, и среди них мальчишка, которого Теон знал — Уолдер Большой. На самом деле — маленький, с хитрым лицом и худой словно жердь. Его грудь, рукава и плащ были забрызганы кровью.

Учуяв её запах лошади заржали, а собаки, принюхиваясь, выскочили из-под столов. Мужчины повставали со скамей. От холода кровь замерзла,

и одетое в доспехи из красного инея тело на руках сира Хостина сверкало в свете факелов.

— Сын моего брата Меррета. — Хостин положил труп перед помостом. — Зарезали как свинью и засунули в сугроб. Совсем ещё мальчика.

«*Уолдер Малый*, — подумал Теон, — *который на самом деле был большим*». Он посмотрел на Рябину. «*Их шесть*, — вспомнил он. — *Любая могла с ним расправиться*».

Прачка почувствовала его взгляд.

— Это не наших рук дело, — сказала она.

— Тихо, — предостерёг её Абель.

Лорд Рамси спустился с помоста к мёртвому мальчику. Его отец медленно поднялся — мрачный, с бледными глазами и застывшим лицом.

— Подлое убийство. — В кои-то веки голос Русе Болтона можно было легко расслышать. — Где нашли тело?

— У разрушенной башни, милорд, — ответил Большой Уолдер. — У той, со старыми горгульями.

Перчатки мальчишки были перепачканы кровью кузена.

— Я говорил ему — не выходить одному, но он ответил, что должен отыскать должника.

— Кого? — потребовал ответа Рамси. — Назови

мне имя. Укажи мне его, мальчик, и я сделаю тебе плащ из его кожи.

— Он не назвал, милорд. Сказал только, что выиграл серебро в кости. — Маленький Фрей запнулся. — Люди из Белой Гавани научили его играть. Не знаю, кто именно, но точно кто-то из них.

— Милорд, — прогрохотал Хостин Фрей. — Мы знаем, кто это сделал, кто убил этого мальчика и всех остальных. Не сам, конечно. Он слишком толст и труслив, чтобы убивать лично. Но по его приказу… — Фрей повернулся к Виману Мандерли. — Станешь отрицать?

Лорд Белой Гавани откусил половину колбаски.

— Признаюсь… — сказал он, вытирая губы рукавом. — …Признаюсь, что плохо знал беднягу. Он был оруженосцем лорда Рамси, верно? Сколько ему было?

— Ему исполнилось девять в последние именины.

— Такой молодой, — произнёс Виман Мандерли. — Но, может, это во благо. Если бы он выжил, то вырос бы и стал Фреем.

Сир Хостин, пнув ногой столешницу, сбил её с козел прямо в огромный живот лорда Вимана.

Кубки и тарелки разлетелись в стороны, повсюду валялись раскиданные колбаски. Дюжина людей Мандерли, извергая проклятия, вскочили на ноги. Некоторые схватились за ножи, блюда, кувшины — за всё, что могло послужить оружием.

Сир Хостин Фрей вытащил свой длинный меч из ножен и бросился на Вимана Мандерли. Лорд Белой Гавани попытался увернуться, но столешница прижала его к стулу. Лезвие прошло сквозь три из четырёх его подбородков, из которых брызнула ярко-красная кровь. Леди Уолда завизжала, вцепившись в руку мужа.

— Прекратите! — закричал Русе Болтон. — Остановите это безумие!

Его люди рванулись вперёд, а люди Мандерли перескочили через скамьи, чтобы добраться до Фреев. Один из них напал на сира Хостина с кинжалом, однако высокий рыцарь увернулся и отрубил тому руку по плечо. Лорд Виман поднялся на ноги, но сразу упал. Лорд Локи стал звать мейстера, когда Мандерли, словно огромный морж, плюхнулся на пол в растекающуюся лужу крови. Вокруг него дрались за колбаски собаки.

Понадобилось около сорока копейщиков Дредфорта, чтобы растащить дерущихся и остановить резню. К этому времени шестеро людей из Белой

Гавани и двое Фреев уже лежали мёртвыми на полу, дюжина были ранены, а один из бастардовых мальчиков, Лутон, умирал, громко зовя мамочку и пытаясь затолкать свои кишки обратно в дыру в животе. Лорд Рамси, отобрав у одного из людей Уолтона Железные Икры копьё, вогнал его в грудь Лутону, прекратив эти вопли. Но всё равно свод потолка продолжал оглашаться криками, молитвами, ругательствами, ржанием напуганных лошадей и рычанием сучек Рамси. Уолтону Железные Икры пришлось с дюжину раз ударить о пол древком копья, прежде чем в зале стало достаточно тихо, чтобы люди могли услышать Русе Болтона.

— Вижу, вы жаждете крови, — произнес лорд Дредфорта.

Рядом с ним стоял мейстер Родри с вороном на руке. Чёрные перья птицы сверкали в свете факела, точно земляное масло. «*Он мокрый*, — понял Теон. — *А в руке его светлости послание, наверняка такое же промокшее. Тёмные крылья, тёмные вести*».

— Вместо того, чтобы резать друг друга, направьте мечи против лорда Станниса. — Лорд Болтон развернул пергамент. — Его войско в трёх днях езды отсюда, погребено в снегу и голодает,

а я уже устал ждать его прихода. Сир Хостин, соберите ваших рыцарей и солдат у главных ворот. Поскольку вы так хотите сражаться, то нанесете первый удар. Лорд Виман, соберите людей Белой Гавани у восточных ворот. Они тоже выступят в поход.

Кровавые брызги, словно веснушки, покрывали щёки Хостина Фрея. Опустив обагренный почти по самую рукоять меч, он сказал:

— Как милорд прикажет. Но после того как доставлю вам голову Станниса Баратеона, я намерен закончить с Жирным лордом.

Лорда Вимана охраняли четверо рыцарей Белой Гавани, пока мейстер Медрик пытался остановить кровотечение.

— Сначала вам придется иметь дело с нами, сир, — произнес старший из них — суровый старик в забрызганном кровью плаще с изображением трёх серебряных русалок на фиолетовом фоне.

— С радостью. По очереди или со всеми сразу — мне всё равно.

— Хватит! — заревел лорд Рамси, размахивая окровавленным копьём. — Ещё одна угроза, и я всем вам кишки выпущу. Мой отец отдал приказ! Приберегите свой гнев для самозванца Станниса.

Русе Болтон одобрительно кивнул.

— Он прав. Когда покончим со Станнисом, у нас будет достаточно времени разобраться между собой. — Повернув голову, он обвёл своими бледными холодными глазами зал, и остановил взгляд на барде Абеле, стоявшем рядом с Теоном.

— Певец, — приказал он, — сыграй нам что-нибудь успокаивающее.

Абель склонил голову.

— Как угодно вашей светлости.

С лютней в руке он прошёл к помосту, ловко перепрыгивая по пути через трупы, и, положив ногу на ногу, сел за высокий стол. Под звуки незнакомой Теону тихой печальной мелодии, сир Хостин и сир Эйенис со своими людьми начали выводить из зала лошадей.

Рябина сжала Теону руку.

— Ванна. Нужно сделать это сейчас.

Он вырвался из её хватки.

— Днём? Нас заметят.

— Снег нас скроет. Ты оглох? Болтон высылает свои войска. Нужно добраться до Станниса раньше их.

— Но… Абель…

— Абель способен о себе позаботиться, — прошептала Белка.

«*Это безумие. Безнадёжное, глупое, обре-*

чённое». Теон допил последние капли пива и неохотно поднялся.

— Собери сестёр. Потребуется много воды, чтобы наполнить ванну миледи.

Белка выскользнула из зала как всегда бесшумно. Рябина вышла вместе с Теоном. После того как прачки нашли его в богороще, одна из них всегда следовала за ним по пятам, ни на миг не выпуская из виду. Они ему не доверяли. «*Да и с чего бы? Я был Вонючкой и снова могу им стать. Вонючка, Вонючка-подлючка*».

А снаружи всё так же падал снег. Снеговики оруженосцев превратились в чудовищных и бесформенных великанов десяти футов ростом. По дороге в богорощу Теон с Рябиной прошли между двух белых стен. Тропинки между Твердыней, Чертогом и башней превратились в лабиринт ледяных траншей, которые расчищали каждый час. В них было легко потеряться, но Теон знал каждый поворот.

Даже богороща оделась в белое. Пруд у подножия сердца-древа затянуло корочкой льда, а вырезанное на бледном стволе лицо отрастило усы из маленьких сосулек. В этот час не стоило даже надеяться побыть наедине со старыми богами. Рябина отвела Теона от молящихся перед

деревом северян в уединённое место около стены казармы. Они остановились у пруда, наполненного теплой вонявшей тухлыми яйцами грязью. Теон заметил, что даже она начала замерзать по краям.

— Зима близко.

Рябина зыркнула на него суровым взглядом.

— Ты не имеешь права повторять девиз лорда Эддарда. Только не ты, никогда, слышишь! После того, что ты сделал…

— Вы тоже убили мальчика.

— Я уже говорила, что это не мы.

— Слова — ветер.

«*Они ничем не лучше меня. Мы одинаковые*».

— Вы убили остальных, почему же не его? Жёлтый Хрен…

— … вонял не меньше тебя. Свинья в человечьем обличии.

— А Малый Уолдер — поросёнок. Из-за его убийства Фреи и Мандерли схватились за мечи, это умно, вы…

— Не мы.

Рябина схватила Теона за горло и толкнула к стене. Её лицо оказалось в дюйме от его глаз.

— Скажешь такое ещё раз, и я вырву твой лживый язык, братоубийца.

Он улыбнулся сквозь выбитые зубы.

— Не вырвешь. Мой язык вам понадобится, чтобы пройти мимо стражи. Вам нужна моя ложь.

Рябина плюнула ему в лицо. Отпустив его, она вытерла свои перчатки об бедра, будто испачкалась от одного прикосновения к нему.

Теон понимал, что не стоит испытывать её терпение. По-своему она не менее опасна, чем Живодёр или Дэймон Станцуй-для-Меня. Но он устал и замёрз. Голова гудела, ведь он не спал несколько дней.

— Я поступал ужасно… Предавал своих, перебегал к врагу, отправлял на смерть доверившихся мне… Но я не братоубийца.

— Да, мы уже поняли, что мальчики Старка никогда не были тебе братьями.

Это так, но Теон имел в виду другое. «*Мы не были родичами, но всё же я никогда не причинял им вреда. Мы убили сыновей мельника*». Теон не хотел думать об их матери. Он знал жену мельника много лет, даже спал с ней. «*Большие, тяжёлые груди с тёмными сосками, сладкий ротик и весёлый смех. Прелести, которых я больше не познаю*».

Но бесполезно объяснять всё это Рябине. Она не поверит его словам, как и он не верил ей.

— Мои руки обагрены кровью, но не кровью моих братьев, — произнес он устало. — И я уже наказан.

— Недостаточно.

Рябина повернулась к нему спиной.

«*Глупая женщина*». Пусть Теон и сломлен, но кинжал у него до сих пор имеется. Нет ничего проще, чем вытащить его и всадить ей между лопаток. На это он всё ещё способен, невзирая на сломанные и выбитые зубы. Это было бы даже милосердно — более быстрая и лёгкая смерть, чем та, что ожидает её и сестёр в руках Рамси, если они попадутся.

Вонючка мог бы это сделать. Наверняка он так бы и поступил, надеясь порадовать хозяина. Эти шлюхи хотят похитить жену Рамси, и Вонючка не позволил бы такому случиться. Но старые боги знали его, они звали его Теоном. «*Железнорожденный, я был железнорожденным, сыном Бейлона Грейджоя и законным наследником Пайка*». Обрубки пальцев зудели и дёргались, но кинжал остался в ножнах.

Белка привела четырёх других прачек: худенькую седовласую Миртл, Иву Колдовские Глазки с длинной чёрной косой, Френью с расплывшейся талией и огромной грудью и Холли с ножом. Они

оделись как служанки — в тёмно-серые рубища, а поверх набросили коричневые шерстяные плащи, подбитые кроличьим мехом. «*Мечей нет*, — заметил Теон. — *Ни топоров, ни молотов, никакого оружия кроме ножей*». Плащ Холли скреплялся серебряной застёжкой, а Френья с середины бёдер до груди обмоталась пеньковой верёвкой, отчего казалась толще, чем была.

Миртл принесла наряд служанки для Рябины.

— Дворы кишат дурачьём, — предупредила она. — Они собираются выехать.

— Поклонщики, — произнесла Ива с презрительной усмешкой. — Что надменный лорд прикажет, то и выполняют.

— Они умрут, — весело прощебетала Холли.

— И мы тоже, — отозвался Теон. — Даже если нам удастся пройти через стражу, как вы собираетесь вывести леди Арью?

Холли улыбнулась.

— Шесть женщин войдут и шесть выйдут. Кто обращает внимание на служанок? Мы оденем девочку Старков Белкой.

Теон посмотрел на прачку.

«*У них почти одинаковое телосложение. Может получиться*».

— А как выберется Белка?

Белка ответила сама.

— Через окно, выходящее на богорощу. Мне было двенадцать, когда брат в первый раз взял меня в поход на юг за вашу Стену. Там я и получила своё имя. Брат говорил, что я была точно белка, взбирающаяся на дерево. С тех пор я перебиралась через Стену шесть раз, туда и обратно. Думаю, я в состоянии спуститься с какой-то каменной башни.

— Доволен, Перевёртыш? — спросила Рябина. — Давайте закончим начатое.

Огромная кухня Винтерфелла занимала целое строение, расположенное на случай пожара в стороне от главных башен и построек. Внутри постоянно витали разнообразные запахи — ароматы жареного мяса сменяли запахи лука или свежего хлеба. Русе Болтон поставил стражу у дверей. С такой оравой голодных ртов каждый кусочек еды ценился на вес золота. Но стражники знали Вонючку. Они любили поддразнивать его, когда он приходил за горячей водой для ванны леди Арьи. Впрочем, никто из них не осмеливался заходить дальше. Для всех Вонючка был зверушкой лорда Рамси.

— Принц Вони явился за горячей водой, — увидев Теона и служанок, провозгласил один из

стражей и распахнул перед ними дверь. — Скорее, а то этот чудесный тёплый воздух выйдет.

Войдя внутрь, Теон схватил проходившего мимо поварёнка за руку.

— Горячей воды для м'леди, мальчишка, — приказал он. — Шесть полных вёдер, и смотри, погорячее. Лорд Рамси желает видеть её румяной и чистой.

— Да, м'лорд, — ответил мальчик. — Сейчас, м'лорд.

«Сейчас» заняло намного больше времени, чем хотелось бы Теону. Все большие котлы были грязными, поэтому мальчишке пришлось сперва вычистить один из них. Казалось, что прошла целая вечность, пока вода закипела, и две вечности, пока наполняли шесть деревянных вёдер. Всё это время женщины Абеля ждали, скрывая лица под капюшонами. «*Они неправильно себя ведут*». Настоящие служанки дразнят поварят, заигрывают с поварами, чтобы те разрешили им попробовать по кусочку от разных блюд. Рябина и её коварные сёстры не хотели привлекать к себе внимание, но вскоре их угрюмое молчание вызвало подозрительные взгляды стражников.

— А где Мэйси, Джесс и другие девушки? — спросил один из них Теона. — Те, что обычно

приходят.

— Они не угодили леди Арье, — солгал он. — В последний раз вода остыла ещё до того, как наполнили ванну.

В клубящемся над водой паре таяли падающие снежинки. Процессия двинулась обратно через лабиринт ледяных траншей. С каждым шагом вода расплескивалась и остывала. Проходы были забиты людьми: рыцарями в броне, шерстяных сюрко и меховых плащах; солдатами с копьями за плечами; стрелками с луками и колчанами стрел; вольными всадниками; конюхами, ведущими боевых коней. Фреи с изображением двух башен и люди Белой Гавани с водяным и трезубцем тащились сквозь метель в противоположные стороны, обмениваясь при встрече настороженными взглядами, но не вынимая мечей. Не здесь. «*Но в лесу всё может измениться*».

Вход в Великий Замок охраняли полдюжины закалённых вояк из Дредфорта.

— Ещё одна проклятая ванна? — спросил офицер, увидев вёдра с горячей водой. Он засунул руки подмышки, чтобы не отморозить. — Она прошлой ночью мылась. Как женщина может испачкаться в собственной постели?

«*Ещё как может, если делит её с Рамси*», — по-

думал Теон, вспоминая брачную ночь и всё, что их с Джейн заставляли делать. — Приказ лорда Рамси.

— Тогда заходи, пока вода не замёрзла, — сказал офицер. Двое стражников распахнули створки двери.

В коридоре было почти так же холодно, как и снаружи. Холли отряхнула снег с сапог и откинула капюшон.

— Думала, будет труднее.

Её дыхание замерзало на морозе.

— Наверху, у спальни м'лорда, тоже есть стража, — предупредил Теон. — Люди Рамси.

Он не посмел назвать их бастардовыми мальчиками, не здесь. Никогда не знаешь, кто может услышать.

— Опустите головы и наденьте капюшоны.

— Делай, как он говорит, Холли, — сказала Рябина. — Тебя могут узнать. Нам не нужны неприятности.

Теон поднимался первым. «*Я взбирался по этим ступеням тысячу раз*». Будучи мальчишкой, он взбегал вверх по лестнице, а спускаясь, прыгал через три ступеньки. Однажды Теон прыгнул прямо на Старую Нэн и сшиб её с ног. За это ему задали самую серьёзную за всё время пребывания

в Винтерфелле трёпку. Но она показалась ему почти нежной по сравнению с теми тумаками, что он получал от родных братьев в Пайке. На этих ступенях Теон вместе с Роббом часто разыгрывали эпические битвы, сражаясь деревянными мечами. Это была хорошая тренировка. Тогда он узнал, как тяжело пробиваться вверх по винтовой лестнице, которую защищает уверенный противник. Сир Родрик часто повторял, что хороший боец может сдержать сотню противников, напавших снизу.

Но это было давно. Все они мертвы. Джори, старый сир Родрик, лорд Эддард, Харвин и Халлен, Кайн и Десмонд, Толстый Том, Алин со своими мечтами о рыцарстве, Миккен, выковавший ему первый настоящий меч. Наверняка и Старая Нэн.

И Робб. Робб, который был Теону больше братом, чем любой из сыновей Бейлона Грейджоя. «*Убит на Красной Свадьбе, зарезан Фреями. Я должен был быть с ним. Где я был? Мы должны были погибнуть вместе*».

Теон так внезапно остановился, что Ива едва не налетела на него. Он упёрся в дверь спальни Рамси. А охраняли её двое бастардовых мальчиков: Кислый Алин и Ворчун.

«*С нами старые боги*». У Ворчуна нет языка, а

у Кислого Алина — мозгов (как говаривал лорд Рамси). Один груб, другой подл, но оба провели всю свою жизнь, служа Дредфорту. Они делали то, что им велели.

— Мы принесли горячую воду для леди Арьи, — сказал им Теон.

— Сам бы помылся, Вонючка, — усмехнулся Кислый Алин. — Воняешь, как лошадиная моча.

Ворчун крякнул, соглашаясь. Или, быть может, этот звук означал смех. Но Кислый Алин открыл дверь в спальню, и Теон провёл в неё женщин.

В эту комнату не заглядывал дневной свет. Всё покрывал полумрак. Последнее полено слабо потрескивало в очаге среди затухающих углей. На столе, возле смятой и пустой постели, мерцала свеча. «*Девочка сбежала*, — подумал Теон. — *Выбросилась в отчаянии из окна*». Но буря запечатала закрытые ставнями окна снегом и инеем.

— Где она? — спросила Холли.

Её сестры выливали воду в большую круглую бочку. Френья закрыла дверь спальни и загородила её своей спиной.

— Где она? — повторила вопрос Холли.

Снаружи дули в рог. «*Труба. Фреи собираются на войну*». Теон чувствовал зуд в отсутствующих пальцах.

И тут он увидел девушку, забившуюся в самый тёмный уголок спальни. Она свернулась клубком на полу под кучей волчьих шкур. Теон и не заметил бы её, если бы та не дрожала. Джейни закуталась в меха, чтобы спрятаться. «*От нас? Или она ждала своего мужа*?» От мысли, что Рамси может прийти, Теону захотелось кричать.

— Миледи, — Теон не мог заставить себя назвать её Арьей и не смел произнести её имя — Джейни. — Не прячьтесь. Это друзья.

Меха раздвинулись. Показался блестящий от слёз глаз. «*Тёмный, слишком тёмный. Карий*».

— Теон?

— Леди Арья, — шагнула к ней Рябина. — Вы сейчас же должны пойти с нами. Мы отвезём вас к вашему брату.

— Брату? — Девочка выглянула из-под волчьих шкур. — У меня… У меня нет братьев.

«*Она забыла, кто она. Она забыла своё имя*».

— Это так, — сказал Теон, — но когда-то у вас были братья. Трое: Робб, Бран и Рикон.

— Они мертвы. У меня больше нет братьев.

— У вас есть сводный брат, — сказала Рябина. — Лорд Вор?на.

— Джон Сноу?

— Мы отвезём вас к нему, если поторопитесь.

Джейни натянула меха на подбородок.

— Нет. Это какая-то ловушка. Это он, это мой… вас послал мой господин, мой милый господин, это просто проверка моей любви к нему. Я люблю, люблю, люблю его больше всего на свете. — Слеза скатилась у неё по щеке. — Скажите ему, скажите. Я сделаю всё, что он пожелает… чего бы он ни захотел… с ним или… с собакой или… пожалуйста… Ему не нужно отрезать мне ноги, я не попытаюсь сбежать, никогда. Я подарю ему сыновей, клянусь, клянусь…

Рябина тихо присвистнула.

— Будь он проклят.

— Я хорошая девочка, — прохныкала Джейни. — Они *обучили* меня.

Ива нахмурилась.

— Кто-то должен её успокоить. Тот стражник немой, но не глухой. Они услышат.

— Подними её, Перевёртыш. — У Холли в руке появился нож. — Подними, или это сделаю я. Нам нужно идти. Подними маленькую сучку на ноги и вдохни в неё немного храбрости.

— А что если она закричит? — спросила Рябина.

«*Тогда мы все покойники*, — подумал Теон. *— Я говорил им, что это безумие, но никто не*

слушал». Абель обрёк их на верную смерть. Все певцы полоумные. В песнях герой всегда спасает деву из замка чудовища, но жизнь — это не песня, а Джейни — не Арья Старк. «*Её глаза не того цвета, и здесь нет героев, только шлюхи*». Всё же он опустился рядом с ней на колени, раздвинул меха и коснулся её щеки.

— Ты знаешь меня. Я Теон, помнишь. Я знаю тебя. Я знаю твоё имя.

— Имя? — она покачала головой. — Моё имя…

Он приложил палец к её губам.

— Мы поговорим об этом позже. А теперь веди себя тихо. Пойдем с нами. Со мной. Мы заберём тебя отсюда. Заберём у него.

Её глаза расширились.

— Пожалуйста, — прошептала она. — О, пожалуйста.

Теон подал ей руку. Обрубки пальцев дрожали, когда он поднимал её на ноги. Волчьи шкуры упали, обнажив голое тело с маленькими бледными грудками, покрытыми следами укусов. Он услышал, как одна из женщин громко вздохнула. Рябина сунула Теону свёрток с одеждой.

— Одень её. Снаружи холодно.

Белка разделась до нижнего белья и принялась копаться в резном кедровом сундуке, в поисках

тёплых вещей. В конце концов, она надела один из стёганых дублетов лорда Рамси и поношенные штаны, топорщившиеся вокруг её ног, будто парус корабля во время шторма.

С помощью Рябины Теон нарядил Джейни Пуль в одежду Белки. «*Если боги будут милостивы, а стражники слепы, то она пройдет*».

— Сейчас мы выйдем из комнаты и спустимся по лестнице, — сказал девушке Теон. — Опусти голову и прикрой лицо капюшоном. Иди за Холли. Не беги, не плачь, не разговаривай, не смотри никому в глаза.

— Будь со мной рядом, — попросила Джейни. — Не оставляй меня.

— Я рядом, — пообещал Теон. Тем временем Белка скользнула в кровать леди Арьи и укрылась одеялом.

Френья открыла дверь спальни.

— Ты хорошо её помыл, Вонючка? — спросил Кислый Алин, когда они вышли.

Ворчун стиснул грудь проходившей мимо него Ивы. Им повезло — коснись он Джейни, та бы наверняка закричала, и Холли пришлось бы перерезать Ворчуну глотку спрятанным в рукаве ножом. Ива просто вывернулась и пошла дальше.

На миг у Теона слегка закружилась голова.

«*Они даже не взглянули. Они ничего не увидели. Мы увели девочку у них из-под носа*!»

Но на лестнице страх вернулся. Что если они наткнутся на Живодёра, Дэймона Станцуй-для-Меня или Уолтона Железные Икры? Или на самого Рамси? «*Боги, прошу вас, только не Рамси, только не он*». Много ли проку в том, что девушку вывели из спальни? Они всё еще в замке, где все ворота заперты на засов, а стены забиты стражниками. Наверняка охрана снаружи здания их остановит. Холли с её ножом мало чем поможет против шестерых мужчин с мечами, копьями и в броне.

Но снаружи столпившиеся у стен стражники стояли, повернувшись спиной к пронизывающему ветру и падающему снегу. Даже офицер едва взглянул на них. Теону вдруг стало жалко этих людей. Рамси освежует их, узнав, что его жена сбежала. Теон даже не хотел думать, что тот сделает с Ворчуном и Кислым Алином.

Не пройдя и десяти ярдов от двери, Рябина бросила своё пустое ведро, и её сестры сделали то же самое. Великий Замок позади них уже скрылся из виду. Двор напоминал белую пустошь, полную тихих звуков, которым чудно вторила буря. Вокруг поднимались ледяные траншеи глубиной

сначала по колено, потом по пояс, а последние выше их голов. Теон и его спутницы находились в самом сердце Винтерфелла среди множества невидимых им строений. Всё бы выглядело точно так же, потеряйся они в Землях Вечной Зимы, в тысяче лиг за Стеной.

— Холодно, — хныкала Джейни Пуль, ковыляя рядом с Теоном.

«*А скоро станет ещё холоднее*». За замковыми стенами их уже поджидает ощерившаяся ледяными зубами зима. «*Если мы сможем уйти так далеко*».

— Туда, — произнёс он, когда они подошли к перекрёстку трёх траншей.

— Френья, Холли, ступайте с ними, — сказала Рябина. — Мы останемся с Абелем. Не ждите нас.

С этими словами она повернулась и, направившись в Великий Чертог, вскоре скрылась за сугробами. Ива и Миртл поспешили за ней, хлопая плащами на ветру.

«*Всё безумнее и безумнее*», — подумал Теон. В успех побега не верилось, даже когда его сопровождали шесть женщин Абеля, а всего с двумя точно ничего не выйдет. Но они слишком далеко зашли, чтобы вернуть девочку в спальню и притвориться, что ничего этого не было. Теон,

взяв Джейни за руку, потащил её к Крепостным воротам. «*Не ворота, а одно название*, — напомнил он себе. — *Даже если стража позволит им пройти, через внешнюю стену хода нет*». Ночью стражники пропускали Теона, но тогда он был один. С тремя служанками за спиной так просто это не получится, а если стражники заглянут под капюшон Джейни и признают в ней жену лорда Рамси…

Проход повернул налево. Перед ними, за снежной завесой, виднелись Крепостные ворота, охраняемые двумя стражниками. Укутанные в шерсть, кожу и меха, они походили на медведей, только с восьмифутовыми копьями.

— Кто идёт? — спросил один из них.

Теон не узнал голос. Лицо мужчины скрывал шарф. Виднелись лишь глаза.

— Вонючка, это ты?

«*Да*», — хотел ответить он, но вместо этого услышал свой голос:

— Теон Грейджой. Я… Я привёл вам женщин.

— Вы бедняжки должно быть совсем замёрзли, — сказала Холли. — Давайте-ка я вас согрею.

Она скользнула мимо копья стражника, потянулась к его лицу, спустила шарф и поцеловала в губы.

Одновременно с поцелуем ему в шею под самым ухом вошёл клинок. Теон увидел, как округлились глаза мужчины. Когда Холли отступила, её губы были измазаны кровью, хлынувшей изо рта падающего стражника.

Второй всё ещё стоял в замешательстве, когда Френья схватилась за древко его копья. После недолгой борьбы женщина выхватила у него оружие и ударила древком в висок. Стражник покачнулся, Френья развернула копьё и воткнула ему в живот.

Джейни Пуль пронзительно закричала.

— О, твою мать, — выругалась Холли. — Это наверняка привлечёт поклонщиков. Бежим!

Теон одной рукой зажал рот Джейни, другой обхватил её за талию и повёл мимо мёртвого и умирающего стражников, через ворота и замёрзший ров. Видимо, старые боги до сих пор присматривали за ними: подъёмный мост был опущен, чтобы защитники Винтерфелла могли быстрее добраться до внешней стены. Сзади послышался сигнал тревоги и топот бегущих ног. На внутренней стене взревела труба.

Остановившись на подъёмном мосту, Френья развернулась.

— Уходите. Я задержу поклонщиков здесь.

Она всё ещё сжимала сильными руками окровавленное копьё.

К тому времени, как они добрались до лестницы, Теона шатало. Он перекинул девушку через плечо и полез наверх. Джейни перестала сопротивляться, да и весила немного… Но под снегом ступени обледенели, и на полпути Теон поскользнулся и упал на одно колено. От боли он почти выронил девочку и на миг испугался, что здесь и останется. Но Холли помогла ему встать, и в конце концов они вдвоём смогли отвести Джейни на стену.

Теон, тяжело дыша, прислонился к зубцу. Снизу слышались крики: в снегу Френья сражалась с шестерыми стражниками.

— Куда? — закричал он Холли. — Куда теперь? Как мы выберемся?

Ярость на лице прачки сменилась ужасом.

— О, твою же мать. Верёвка, — истерично хохотнула она. — Верёвка осталась у Френьи.

И тут она вскрикнула, схватившись за живот: из него торчала стрела. Холли прижала к ране ладони, и по её пальцам потекла кровь.

— Поклонщики на внутренней стене… — выдохнула она перед тем, как вторая стрела пробила ей грудь.

Холли схватилась за ближайший зубец и упала. Сшибленный ею снег похоронил её с тихим хлопком.

Слева от них кричали. Джейни Пуль уставилась на Холли, укрытую краснеющим снежным одеялом. Теон знал, что арбалетчикам на внутренней стене нужно перезарядить оружие. Он посмотрел направо, но оттуда к ним тоже бежали люди с мечами. Вдалеке, на севере проревел рог. «*Станнис*, — подумал он отчаянно. — *Станнис — наша единственная надежда, если сможем до него добраться*». Завывал ветер. Они с девушкой оказались в ловушке.

Выстрелил арбалет. Стрела прошла в футе от него, сбив снег в соседней амбразуре. Не было никаких признаков Абеля, Рябины, Белки и остальных. Они с девочкой остались одни. «*Если нас захватят живьём, то доставят Рамси*».

Теон обхватил Джейни за талию и прыгнул.

Глава 52. Дейенерис

Небо жгло безжалостной лазурью, и на нём не было ни облачка.

«*Кирпичи скоро накалятся на солнце*, — думала Дени. — *Внизу, на песке, бойцы почувствуют жар даже сквозь подошвы сандалий*».

Чхику стащила с плеч королевы шёлковый халат, а Ирри помогла спуститься в купальню. На воде играли лучи утреннего солнца, рассеянные тенью раскидистой хурмы.

— Если уж придется открыть ямы, разве вашему величеству обязательно там присутствовать? — спросила Миссандея, моющая королевские волосы.

— Половина Миэрина явится туда посмотреть на меня, милая.

— Ваше величество, — возразила Миссандея, — недостойная просит позволения сказать, что половина Миэрина придет туда смотреть, как льется кровь и умирают люди.

«*Она права*, — подумала королева, — *но это ничего не меняет*».

Вскоре Дени была чище некуда и с плеском

поднялась на ноги. Капли воды, словно бисеринки, блестели на её груди и стекали по бёдрам. Солнце ползло по небосводу вверх — скоро начнёт собираться народ. Дени с гораздо большим удовольствием плескалась бы весь день в благоухающем бассейне, кушала с серебряных подносов охлаждённые фрукты и грезила о доме с красной дверью, но королева принадлежит своему народу, а не себе.

Чхику принесла мягкое полотенце, чтобы вытереть Дени досуха.

— Кхалиси, какой токар наденете сегодня? — спросила Ирри.

— Жёлтый шёлковый.

Королеве кроликов не пристало выходить в люди без больших ушей. Жёлтый шёлк легок и прохладен, а в яме будет то ещё пекло. «*Красный песок обожжёт ноги смертникам*».

— И сверху длинную красную вуаль.

Вуаль не даст песку, подхваченному ветром, попасть ей в рот. «*А на красном не будет видно пятен крови*».

Пока Чхику расчесывала Дени волосы, а Ирри, беззаботно щебеча о сегодняшних боях, красила королеве ногти, в покои заглянула Миссандея.

— Ваше величество! Король приглашает вас

присоединиться к нему, когда оденетесь. Ещё пришел принц Квентин со своими дорнийцами и просит вас на пару слов, если вам угодно.

«*Сегодня мне мало что будет угодно*».

— В другой раз.

Сир Барристан ждал их у подножия Великой Пирамиды рядом с разукрашенным открытым паланкином, окружённым Медными Тварями. «*Сир Дедуля*», — подумала Дени. В подаренных ему королевой доспехах, он, несмотря на свой преклонный возраст, всё ещё выглядел высоким и красивым.

— Я бы чувствовал себя спокойнее, если бы вас сегодня охраняли Безупречные, ваше величество, — сказал старый рыцарь, когда Хиздар отошел поздороваться с кузеном. — Половина этих Медных Тварей — непроверенные в бою вольноотпущенники.

«*А другая — миэринцы, на которых едва ли можно положиться*», — мог бы добавить он. Селми не доверял никому из миэринцев, даже бритоголовым.

— И таковыми и останутся, если только мы не проверим их.

— Мало ли кто может прятаться под маской, ваше величество. Вот человек в маске совы: та

ли это сова, что охраняла вас вчера и позавчера? Откуда нам знать?

— Если Медным Тварям не буду доверять я, с чего же им станут доверять миэринцы? Под этими масками скрываются хорошие, смелые люди. Я доверяю им свою жизнь, — улыбнулась ему Дени. — Вы напрасно волнуетесь, сир. Когда вы со мной, какая ещё защита мне нужна?

— Я один, и я стар, ваше величество.

— Со мной будет и Силач Бельвас.

— Как скажете, — понизил голос сир Барристан. — Ваше величество, мы освободили Мерис, как вы велели. Перед уходом она попросила разрешения поговорить с вами. Вместо этого с ней встретился я. Женщина утверждает, что Принц в Лохмотьях со своими Гонимыми Ветром с самого начала собирались перейти на вашу сторону. Он прислал Мерис именно для того, чтобы вести с вами тайные переговоры, но дорнийцы оказались предателями и выдали их, прежде чем она успела к вам пробиться.

«*Предательство на предательстве*, — устало подумала королева. — *Неужели это никогда не кончится*?»

— Вы верите в это, сир?

— Не особенно, ваше величество, но это её

слова.

— Так они перейдут к нам, если потребуется?

— Говорит, что перейдут. Но не бесплатно.

— Заплатите, столько попросят. Миэрину нужно железо, а не золото.

— Для Принца в Лохмотьях деньги не главное, ваше величество. Мерис говорит, что он хочет Пентос.

— Пентос? — королева сощурилась. — Как я могу отдать ему Пентос? Это же за полмира от нас.

— Мерис предполагает, что он согласится подождать. Пока мы не двинемся на Вестерос.

«*А если я никогда не двинусь на Вестерос*?»

— Пентос принадлежит пентошийцам. И там живет магистр Иллирио. Это он устроил мою свадьбу с кхалом Дрого и подарил драконьи яйца. Это он прислал мне вас, Бельвас а и Гролео. Я его вечная должница и не собираюсь отплатить магистру, отдав его город какому-то наемнику. Нет.

Сир Барристан склонил голову.

— Ваше величество мудры.

— Случалось ли вам видеть столь благоприятный день, любовь моя? — осведомился вернувшийся Хиздар зо Лорак. Он помог Дени взобраться в паланкин с двумя стоявшими бок о бок высокими тронами.

— Для вас, может, и благоприятный, но не для тех, кому придется умереть ещё до захода солнца.

— Все люди смертны, — ответил Хиздар, — но не всем дано погибнуть со славой под восторженные крики толпы.

Он махнул рукой солдатам у ворот.

— Открывайте.

Над разноцветными кирпичами, которыми была вымощена площадь перед пирамидой королевы, дрожал раскалённый воздух. Повсюду толпились люди: некоторые ехали в носилках или портшезах, кто-то — верхом на осле, многие пришли пешком. Девять из десяти двигались на запад, спускаясь к Яме Дазнака по широкой мощёной улице. Те, кто проходил недалеко от пирамиды, завидев выплывающий из неё паланкин, разразились приветственными возгласами, а за ними закричали и остальные.

«*Как странно*, — подумала королева. — *Они приветствуют меня на той самой площади, где я когда-то распяла сто шестьдесят три их Великих Господина*».

Грохот барабана, который несли перед королевской процессией, разгонял народ с дороги. В промежутках между ударами бритоголовый

глашатай в кольчуге из отполированных медных дисков криком повелевал толпе расступиться.

БУМ.

— Они идут!

БУМ.

— Уступите дорогу!

БУМ.

— Королеве!

БУМ.

— Королю!

БУМ.

За барабанщиком маршировали выстроившиеся по четверо в ряд Медные Твари. Часть из них вооружилась тяжёлыми палицами, остальные — лёгкими дубинками. На всех были складчатые юбки, кожаные сандалии и лоскутные плащи, сшитые из разноцветных квадратов — в тон разноцветным кирпичам Миэрина. Маски блестели на солнце: быки и вепри, ястребы и цапли, львы, тигры, медведи, змеи с раздвоенными языками и ужасные василиски.

На дух не переносивший лошадей Силач Бельвас в обитом бляшками кожаном жилете шагал перед королевской четой. Его покрытое шрамами смуглое брюхо колыхалось на каждом шагу. Ирри и Чхику сопровождали королеву верхом вместе

с Агго и Ракхаро, следом за ними в расписном портшезе с навесом, защищавшим от палящих лучей, следовал Резнак. Сир Барристан Селми в сияющей на солнце броне ехал рядом с Дени. С его плеч ниспадал выбеленный как кость длинный плащ, а на левой руке красовался большой белый щит. За рыцарем следовал дорнийский принц Квентин Мартелл с двумя своими спутниками.

Процессия медленно ползла по длинной мощеной улице.

БУМ.

— Они идут!

БУМ.

— Наша королева. Наш король.

БУМ.

— Уступите дорогу!

Дени слышала, как позади спорят ее служанки, обсуждая, кто выиграет сегодняшний финальный поединок. Чхику ставила на громадного, больше похожего на быка, чем на человека, Гогора, у которого даже было бронзовое кольцо в носу. Ирри настаивала, что цеп Белакво-Костолома сокрушит великана. «*Мои служанки — дотракийки*, — подумала Дени. — *В каждом кхаласаре вздит смерть*». В тот день, когда она выходила замуж за кхала Дрого, на свадебном пиру сверкали аракхи,

и одни мужчины умирали, пока другие пили и овладевали женщинами. Среди конных владык жизнь и смерть ходили рука об руку, и брызги крови на свадьбе считались благословением. Её новая свадьба скоро утонет в крови — благословения хоть отбавляй.

БУМ-БУМ-БУМ-БУМ-БУМ-БУМ, наращивая темп, гневно и нетерпеливо загрохотал барабан. Сир Барристан обнажил меч — процессия вдруг замерла между бело-розовой пирамидой Палов и зелёно-чёрной пирамидой Накканов.

Дени обернулась.

— Почему мы остановились?

Хиздар приподнялся с трона.

— Нам преградили путь.

Поперёк дороги лежал перевёрнутый паланкин. Один из его носильщиков, не выдержав жары, рухнул на мостовую.

— Помогите этому человеку, — распорядилась Дени. — Уберите несчастного с улицы, пока его не затоптали, и дайте ему еды и воды. Он выглядит так, словно не ел две недели.

Сир Барристан беспокойно поглядывал по сторонам. С террас на них холодно и недружелюбно смотрели гискарцы.

— Ваше величество, не нравится мне эта оста-

новка. Это может быть ловушка. Дети Гарпии...

— ... усмирены, — заверил его Хиздар зо Лорак. — Зачем им угрожать моей королеве, когда она сделала меня своим королём и супругом? Теперь помогите этому человеку, как повелела моя милая королева.

Он взял Дени за руку и улыбнулся.

Медные Твари повиновались приказу. Дени наблюдала за их работой.

— Эти носильщики до моего прихода были рабами. Я их освободила, но паланкины от этого не стали легче.

— Верно, — согласился Хиздар, — но теперь им платят за переноску тяжестей. До вашего прихода над этим носильщиком стоял надсмотрщик и кнутом спускал с него шкуру. Сейчас же ему оказывают помощь.

Так и было. Медная Тварь в маске вепря протянула носильщику бурдюк с водой.

— Думаю, я должна радоваться даже маленьким победам, — произнесла королева.

— Шажок вперед, потом еще шажок, и скоро мы побежим. Вместе мы построим новый Миэрин. — Дорогу впереди, наконец, расчистили. — Двигаемся дальше?

Ей оставалось только кивнуть.

«*Шажок, еще шажок — но куда же я иду*?»

На воротах Ямы Дазнака застыли в схватке не на жизнь, а на смерть два огромных бронзовых воина. У одного был меч, у другого топор. По замыслу скульптора тела и оружие бьющихся насмерть мужчин образовывали арку.

«*Искусство смерти*», — подумала Дени.

Со своей террасы она не раз видела бойцовые ямы. Меньшие из них испещрили лицо Миэрина точно оспины, а большие походили на мокнущие язвы, красные и влажные. Но с этой не могла сравниться ни одна другая. Король с королевой, сопровождаемые с двух сторон Силачом Бельвасом и сиром Барристаном, прошли под бронзовыми статуями и оказались на краю огромной кирпичной чаши, окольцованной рядами разноцветных скамей.

Хиздар зо Лорак повел королеву вниз мимо чёрных, фиолетовых, голубых, зелёных, белых, жёлтых и оранжевых рядов к последнему — красному, где багряные кирпичи были того же цвета, что и песок на арене. Вокруг разносчики продавали колбаски из собачатины, жареный лук и нерожденных щенков на палочке, но Дени не было нужды их покупать. Хиздар позаботился о том, чтобы в королевскую ложу принесли графины

с охлаждённым вином и подслащённой водой, фиги, финики, дыни, гранаты, орехи, перцы и большую миску саранчи в меду. Силач Бельвас, воскликнув: «*Саранча*!», тут же присвоил миску себе и начал пригоршнями пихать угощение в рот.

— Очень вкусно, — порекомендовал Хиздар. — Вам стоит попробовать, любовь моя. Прежде чем окунуть в мед, саранчу обваляли в пряностях, так что она одновременно сладкая и острая.

— Понятно, почему с Бельваса пот льет в три ручья, — ответила Дени. — Пожалуй, мне хватит и фиг с финиками.

На той стороне бойцовой ямы рассаживались Милости в своих разноцветных одеяниях, собравшись вокруг аскетичной фигуры Галаззы Галар — единственной из всех носившей зелёное. Великие господа Миэрина занимали красные и оранжевые скамьи. Лица женщин были скрыты под вуалями, а мужчины расчесали и уложили напомаженные волосы в форме рогов, рук и пик. Родня Хиздара из древнего рода Лораков, похоже, предпочитала носить пурпурные, фиолетовые и лиловые токары, их соседи, Палы — токары с розовыми и белыми полосами. Юнкайские послы, все в жёлтом и каждый со своими рабами

и прислужниками, расположились в ложе по соседству с королевской. Не столь знатным миэринцам достались скамьи повыше и подальше от кровавого зрелища. На чёрных и фиолетовых — самых верхних и дальних от арены — теснились вольноотпущенники и простой люд. Там же разместили и наёмников. Заметив среди них обветренное лицо Бурого Бена и огненно-красные бакенбарды и длинные косы Кровавой Бороды, Дени увидела, что капитаны сидели вместе с рядовыми солдатами.

Её царственный супруг поднялся с места и воздел руки.

— Великие господа! Сегодня моя королева пришла сюда, чтобы показать, как она любит вас — свой народ. Её милостью и по её повелению я дарую вам искусство смерти. Миэрин! Покажи королеве Дейенерис, как ты её любишь!

Десять тысяч глоток заревели благодарности, потом двадцать тысяч, потом все, сколько их было в амфитеатре. Её не называли по имени — немногие могли его выговорить — вместо этого они кричали: «*Мат*ь!» На древнем мёртвом языке Гиса это звучало как «*Миса*». Зрители топали ногами, шлепали себя по животам и орали: «*Миса! Миса! Миса*!», пока вся арена, казалось, не начала

сотрясаться в такт крику. Дени захлестнул гул трибун. «*Я вам не мать*! — хотелось ей крикнуть им в ответ. — *Я мать ваших рабов — тех мальчишек, что умирали на этой арене, пока вы лакомились медовой саранчой*». Сидевший сзади неё Резнак наклонился и прошептал ей на ухо:

— Ваше великолепие, послушайте только, как они вас любят.

«*Нет*, — понимала она, — *они любят свое искусство смерти*». Когда рёв трибун стал стихать, королева позволила себе сесть. Королевская ложа находилась в тени, но в голове у Дени до сих пор гудело.

— Чхику, — попросила она, — будь любезна, налей сладкой воды. У меня в горле пересохло.

— Честь пролить сегодня первую кровь выпала Краззу, — сообщил ей Хиздар. — В мире не встречалось лучшего бойца, чем он.

— Бельвас был лучше, — заявил Силач Бельвас.

Кразз был миэринцем из простонародья — рослым мужчиной с гребнем жёстких чёрно-рыжих волос, сбегавших ровно посередине головы. В противники ему попался чернокожий копейщик с Летних Островов. Выпады копьём какое-то время удерживали Краззa на расстоянии, но стоило ему поднырнуть со своим коротким мечом под

копьё, и противник был сражен. А затем Кразз вырезал из груди чернокожего красное и истекающее кровью сердце, поднял его над головой, и откусил кусок.

— Кразз верит, что сердца храбрых людей сделают его сильнее, — объяснил Хиздар. Чхику одобрительно поддакнула. Дени однажды пришлось съесть сердце жеребца, чтобы придать силы её нерожденному сыну, но это не спасло Рейего от мейеги, убившей его в материнском чреве. «*Три измены должна ты испытать. Мирри Маз Дуур — первая, Джорах — вторая, Бурый Бен Пламм — третья*». Покончено ли с изменами?

— Ага! — довольно воскликнул Хиздар. — Вот и Пятнистый Кот. Поглядите, моя королева, как он двигается. Просто ходячая поэма.

Противник, подобранный Хиздаром для «ходячей поэмы», оказался ростом с Гогора и толщиной с Бельваса, но слишком медлительным. Бойцы рубились в шести футах от ложи Дени, когда Пятнистый Кот подсёк соперника под ноги. Великан рухнул на колени. Кот поставил ему ногу на спину, ухватил за голову и перерезал глотку от уха до уха. Красный песок впитал кровь, а ветер унёс предсмертные слова. Толпа взорвалась одобрительными криками.

— Плохо дрался, красиво умер, — подвел итог Силач Бельвас . — Бельвас не любит, когда они кричат.

Прикончив последнюю саранчу в меду, Бельвас рыгнул и отпил большой глоток вина.

Бледные квартийцы, чернокожие с Летних Островов, меднокожие дотракийцы, тирошийцы с синими бородами, ягнячьи люди, выходцы из Джогос Нхая, угрюмые браавосийцы, пятнистые полулюди из джунглей Сотороса — все они пришли из разных концов света, чтобы умереть в бойцовой яме Дазнака.

— Вот многообещающий боец, моя дорогая, — отозвался было Хиздар о лиссенийском юноше с развевающимися на ветру длинными белокурыми волосами, но тут противник ухватил лиссенийца за эти самые волосы, выбил из равновесия и выпустил ему кишки. Мертвым юный гладиатор казался ещё младше, чем выглядел с мечом в руках.

— Мальчик, — произнесла Дени. — Это был всего лишь мальчик.

— Шестнадцати лет от роду, — возразил Хиздар. — Взрослый мужчина, вольный рискнуть своей жизнью ради золота и славы. Сегодня в Яме Дазнака не умрет ни один ребенок, как решила в

своей мудрости моя великодушная королева.

«*Еще одна маленькая победа. Может, я и не могу сделать мой народ хорошим*, — сказала про себя Дени, — *но, по крайней мере, я могу попытаться сделать его чуточку менее дурным*».

Дейенерис запретила бы и бои с участием женщин, но Барсена Черноволосая заявила, что у неё столько же прав рисковать своей жизнью, сколько и у любого мужчины. Кроме того, королева хотела запретить и потешные сражения, в которых калеки, карлики и старухи сходились между собой с мясницкими ножами, факелами и молотами, и чем более неумелыми оказывались бойцы, тем веселее выглядела потеха. Однако Хиздар настаивал, что народ полюбит королеву ещё сильнее, если она будет смеяться вместе с ним, и добавил, что без подобных потех калекам, карликам и старухам придется голодать. Так что Дени отступила.

Старинный обычай предписывал отправлять на арену преступников, и королева согласилась его восстановить, но ограничила список преступлений.

— Убийц и насильников можно принуждать к боям, равно как и пойманных на незаконной работорговле, но воров или должников так нака-

зывать нельзя.

Зверей тоже всё-таки допустили на арену. На глазах Дени слон без труда разделался с шестёркой красных волков. Затем в кровавой схватке сошлись бык и медведь, порвавшие друг друга до смерти.

— Мясо не пропадает, — подчеркнул Хиздар. — Мясники приготовят из туш сытную похлебку для бедняков. Любой, кто явится к Вратам Судьбы, получит миску.

— Хороший закон, — одобрила Дени. «*И таких немного*». — Надо позаботиться о том, чтобы эта традиция не прерывалась.

После зверей выступали ряженые: шестеро пеших против шестерых конных. Первые вооружились щитами и полуторными мечами, вторые — дотракийскими аракхами. Ряженые рыцари были в кольчугах, ряженые дотракийцы — совсем без брони. Первое время, казалось, что преимущество на стороне всадников — они растоптали двух противников и отрубили ухо третьему, но потом выжившие «рыцари» начали рубить коней, а всадников одного за другим стащили с лошадей и убили — к величайшему недовольству Чхику.

— Это был не настоящий кхаласар, — объявила

она.

— Надеюсь, что эти трупы не пойдут в вашу сытную похлебку, — сказала Дени, глядя, как с арены утаскивают убитых.

— Лошади — пойдут, — ответил Хиздар. — Люди — нет.

— От конины и лука становишься сильнее, — вставил Бельвас.

После этого был первый шутовской бой за день — поединок между двумя ряжеными в рыцарей карликами, которых выставил один из приглашенных на игры юнкайских лордов. Первый карлик ехал верхом на собаке, второй на свинье. Деревянные доспехи уродцев блистали свежей краской: у одного на гербе красовался олень узурпатора Роберта Баратеона, у другого — золотой лев дома Ланнистеров. Очевидно, их нарисовали ради королевы. Проделки шутов вскоре заставили Бельваса хрюкать от смеха, хотя Дени улыбалась слабо и натянуто. Когда карлик в красных доспехах вывалился из седла и принялся гоняться за свиньей по песку, а коротышка на собаке поскакал за ним вслед, лупцуя противника деревянным мечом по ягодицам, королева сказала:

— Да, это мило и глупо, но...

— Терпение, дорогая, — успокоил Хиздар. — Сейчас выпустят львов.

Дейенерис недоуменно поглядела на него.

— Львов?

— Трёх. Вот будет неожиданность для шутов!

Дени нахмурилась.

— У карликов деревянные мечи и деревянные доспехи. Как, по-вашему, они смогут драться со львами?

— Как-нибудь, — ответил Хиздар, — может, они нас чем-нибудь удивят. Хотя, скорее, примутся вопить, бегать по арене и пытаться вскарабкаться на стены ямы. Вот в чем суть потехи.

Дени это не понравилась.

— Я запрещаю.

— Великодушная королева, вы же не хотите разочаровать ваш народ?

— Вы обещали мне, что бойцы в яме будут взрослыми людьми, добровольно решившими рискнуть жизнью ради золота и славы. Эти карлики не давали своего согласия сражаться деревянными мечами против львов. Прекратите это. Немедленно.

Король сжал губы, и на какое-то мгновение в его безмятежных глазах Дени померещилась вспышка гнева.

— Слушаю и повинуюсь. — Хиздар подозвал к себе распорядителя боев. — Никаких львов, — приказал он, когда тот с кнутом в руках подбежал к королевской чете.

— Ни одного, ваше великолепие? В чём же тогда будет потеха?

— Так велела моя королева. Я запрещаю причинять вред карликам.

— Публике это не понравится.

— Тогда выпускайте Барсену. Уж она-то им угодит.

— Вашей милости лучше знать. Распорядитель щелкнул кнутом и выкрикнул приказ. Карликов выгнали с арены вместе с их свиньёй, собакой и всем прочим. Зрители негодующе кричали, закидывая уродцев камнями и гнилыми плодами.

Однако трибуны взревели снова, когда на пески шагнула обнажённая, если не считать набедренной повязки и сандалий, Барсена Черноволосая. Рослая, смуглая женщина лет тридцати двигалась со звериной грацией пантеры.

— Барсену обожают, — объяснил Хиздар, когда бурная овация затопила яму. — Мне не приходилось видеть более отважной женщины.

Силач Бельвас пробурчал:

— Драться с бабами — не отвага. Драться с Си-

лачом Бельвасом было бы отважно.

— Сегодня она сражается с вепрем, — уточнил Хиздар.

«*Да*, — подумала Дени, — *потому что ты не смог найти женщину ей в противницы, сколько бы ни тряс мошной*».

— И, похоже, не с деревянным мечом.

Вепрь оказался громадным — с клыками длиной с человеческое предплечье и крошечными пылавшими яростью глазками. Дени задумалась, не так ли выглядел тот самый вепрь, что убил Роберта Баратеона. «*Ужасное создание, ужасная смерть*». На какое-то мгновение ей стало почти жалко узурпатора.

— Барсена очень проворна, — заметил Резнак. — Она будет плясать вокруг вепря, ваше великолепие, и наносить порез каждый раз, когда тот проносится мимо. Вот увидите: перед тем как упасть, зверь утонет в крови.

Началось всё как и сказал Резнак: вепрь кинулся на Барсену, та отпрянула в сторону, её клинок блеснул на солнце серебром.

— Ей надо было взять копье, — сказал сир Барристан, когда Барсена отскочила во второй раз. — Так с вепрями не сражаются.

Он говорил совсем как чей-то вечно цепляю-

щийся к мелочам старый дед, как его и называл Даарио.

Клинок Барсены окрасился красным, но после этого вепрь замер.

«*Он умнее быка*, — догадалась Денни, — *и не бросится на неё снова*».

Барсена это тоже поняла. Она приблизилась к зверю, покрикивая и перекидывая нож из руки в руку. Когда вепрь попятился назад, воительница выругалась и полоснула его по рылу, намереваясь разъярить... и это у неё получилось. На этот раз Барсена на какое-то мгновение замешкалась с прыжком, и кабаний клык распорол ей левую ногу от колена до промежности.

Из тридцати тысяч глоток вырвался стон. Зажав рваную рану рукой, Барсена уронила нож и, хромая, попыталась отойти в сторону, но не успела она пройти и двух футов, как вепрь набросился на неё вновь. Дени отвернулась.

— Вот это достаточно отважно? — спросила она Силача Бельваса, когда арену огласил истошный крик.

— Драться со свиньями отважно, а так громко орать — нет. У Бельваса болят уши, — евнух потер огромное пузо, вдоль и поперёк располосованное старыми белыми шрамами. — И живот у Бельваса

тоже болит.

Вепрь зарылся рылом в утробу Барсены и начал вытягивать кишки наружу. Пахло так, что королева уже не могла этого перенести. Жара, мухи, крики толпы... «*Мне нечем дышать*». Откинув затрепетавшую на ветру вуаль, она стала стаскивать токар. Жемчужины тихонько позвякивали друг о друга, когда королева принялась разматывать с себя шелк.

— Кхалиси? — спросила Ирри. — Что вы делаете?

— Снимаю большие уши.

На арену вышла дюжина служителей с копьями — отогнать вепря от тела и увести назад в загон. С ними был и распорядитель боев с длинным шипастым кнутом в руках. Когда распорядитель щелкнул им на зверя, королева поднялась со скамьи.

— Сир Барристан, проводите меня обратно в мой сад?

Хиздар, похоже, растерялся.

— Но ведь предстоят еще бои. Потешный — с шестью старухами, и три поединка. Белакво и Гогор!

— Белакво победит, — заявила Ирри. — Это все знают.

— Нет, *не* знают, — возразила Чхику. — Белакво умрёт.

— Умрёт либо один, либо другой, — отрезала Дени. — А выживший — умрёт в другой раз. Это всё какая-то ошибка.

— Бельвас съел слишком много саранчи. — По широкому смуглому лицу Бельваса было видно, что его мутит. — Бельвасу надо молока.

Хиздар не обращал на евнуха никакого внимания.

— Ваше великолепие, народ Миэрина собрался здесь ради того, чтобы воздать почести нашему браку. Слышали, как они вам рады? Не отвергайте их любовь.

— Это моим большим ушам они радовались, а не мне. Дорогой супруг, прошу увести меня с этой бойни. — Она слышала, как внизу хрюкает вепрь, как орут на него копьеносцы и щёлкает кнут распорядителя.

— Милая госпожа, не надо. Останьтесь ещё ненадолго, на один потешный бой и один поединок. Закройте глаза, никто не заметит, все будут смотреть на Белакво и Гогора. У них не будет времени на...

По его лицу пронеслась тень.

Шум и крики стихли. Десять тысяч голосов

умолкли, и все взгляды обратились к небесам. Дени почувствовала на щёках тёплый ветер и сквозь грохот сердцебиения расслышала хлопанье крыльев.

Двое копьеносцев ринулись в укрытие, распорядитель застыл на месте с кнутом в руках. Вепрь с сопением вернулся к телу Барсены. Силач Бельвас застонал, поднялся с сиденья и рухнул на колени.

В вышине, на фоне солнца тёмным силуэтом парил дракон. С чёрной чешуей и кроваво-красными глазами, рогами и спинными пластинами. Самый крупный из драконов Дени, который на воле вырос ещё больше. Теперь его чёрные как смоль крылья достигали в размахе двадцати футов. С громоподобным шумом Дрогон взмахнул ими ещё раз, сметая песок с арены. Вепрь поднял голову, хрюкнул… и превратился в живой чёрно-красный факел. Даже находясь в тридцати футах от дракона, Дени ощутила жар. Умиравший кабан издал жалобный крик, почти как человек. Дрогон приземлился на тушу и вонзил когти в дымящееся мясо. Приступив к трапезе, он не делал различия между Барсеной и вепрем.

— Боги, — застонал Резнак, — он же её сожрёт!

Сенешаль прикрыл рот рукой. Силача Бельваса

шумно рвало. На длинном и бледном лице Хиздара зо Лорака появилось странное выражение — смесь страха, похоти и восторга. Он облизнул губы. На глазах Дени Палы, спотыкаясь и подобрав подолы путавшихся под ногами токаров, устремились вверх по лестницам, только бы оказаться подальше. За ними, расталкивая друг друга, последовали некоторые другие зрители, но большинство осталось на своих местах.

Один из трёх копейщиков, отправленных прогнать вепря обратно в загон, вообразил себя героем. Возможно, он был пьян или тронулся рассудком, а может безответно любил Барсену Черноволосую, или же до него дошли слухи о девочке по имени Хаззея. Возможно, он просто хотел, чтобы его подвиг воспели барды, но так или иначе, мужчина устремился вперед с копьём в руках. Красный песок летел у него из-под ног, с трибун донеслись крики. Дрогон поднял голову, с клыков капала кровь. Герой вскочил зверю на спину и всадил железный наконечник копья в основание длинной чешуйчатой шеи дракона.

Дени и Дрогон вскричали в один голос.

Герой налёг на копье всем своим весом, загоняя наконечник поглубже. Дрогон выгнулся вверх, шипя от боли и молотя хвостом из стороны в

сторону. На глазах королевы он вытянул длинную змеиную шею и развернул чёрные крылья. Драконоборец потерял равновесие и кувырком полетел на песок. Он ещё пытался подняться, когда зубы дракона мёртвой хваткой сомкнулись на его предплечье.

— Нет! — только и успел выкрикнуть копьеносец. Дрогон вырвал ему руку и отшвырнул в её сторону, словно собака, швыряющая грызуна в крысиной яме.

— Убейте его! — закричал Хиздар зо Лорак остальным копейщикам. — Убейте зверя!

Сир Барристан крепко держал королеву.

— Отвернитесь, ваше величество.

— Отпустите меня! — Дени вырвалась из его хватки. Мир точно замер, когда она перескочила через парапет. Приземлившись на арене, Дени потеряла сандалию и на бегу чувствовала под ногой горячий колючий песок. Сир Барристан кричал ей что-то вдогонку. Силача Бельваса всё ещё рвало. Королева побежала быстрее.

Бежали и копьеносцы: кто-то с копьём в руках к дракону, кто-то бросился наутек, швыряя оружие наземь. Герой корчился на песке, из разодранного в клочья обрубка руки хлестала яркая кровь.

Оставшееся в спине у Дрогона копьё раскачива-

лось, когда дракон бил крыльями по воздуху. Из раны поднимался дым. Когда другие копьеносцы приблизились к зверю, он дохнул на них огнем, и двоих охватило чёрное пламя. Хлеставший из стороны в сторону драконий хвост зацепил пытавшегося подкрасться сзади распорядителя боёв и ударом разрубил того надвое. Ещё один нападающий тыкал дракону копьём в глаза, пока Дрогон не поймал врага челюстями и не выпустил ему кишки. Миэринцы вокруг орали, изрыгали проклятия, выли. Дени слышала, как кто-то тяжело бежит за ней по пятам.

— Дрогон! — закричала она. — Дрогон!

Тот повернул голову, из оскаленной пасти валил дым. Драконья кровь, капающая на арену, тоже курилась дымом. Дрогон вновь ударил крыльями, взметнув в воздух багряный песок. Дени, кашляя и спотыкаясь, шагнула в горячее красное облако. Дракон щелкнул зубами.

— Нет, — вот и всё, что она успела сказать. «*Нет, не ешь меня — разве ты меня не узнаешь*?» Чёрные зубы сомкнулись в считанных дюймах от её лица. «*Он хочет оторвать мне голову*». Песок попал в глаза королеве, она споткнулась о труп распорядителя и упала на спину.

Дрогон зарычал, рёв заполнил бойцовую яму.

Дени охватил жаркий, точно из печи, ветер. Длинная чешуйчатая шея дракона вытянулась в её сторону, и в оскалившейся пасти королева увидела застрявшие между зубами обломки костей и ошмётки горелого мяса. Драконьи глаза горели огнем. «*Я смотрю в адское пекло, но отвернуться нельзя.* — В этом она была уверена, как ни в чём другом. — *Если я побегу, он меня изжарит и съест*».

В Вестеросе септоны проповедовали, что есть семь преисподних и семь небес, но Семь Королевств и тамошние боги были за тридевять земель. Дени подумалось: если она умрёт здесь, прискачет ли с травянистых равнин лошадиный бог дотракийцев и заберёт ли её в свой звёздный кхаласар, чтобы она скакала по небосводу вместе со своим солнцем и звёздами? Или же злобные боги Гиса пошлют за ней гарпий, чтобы те утащили её душу на вечные муки? Дрогон зарычал ей в лицо, его дыхание было так горячо, что от него могла покрыться пузырями кожа. Дени слышала, как за плечом справа кричит Барристан Селми:

— Меня! Съешь меня! Сюда! Я тут!

В тлеющих красных плошках — глазах Дрогона — Дени видела своё отражение. Какой маленькой она себе показалась, какой слабой, хрупкой,

напуганной. «*Нет, он не должен увидеть мой страх*». Она поползла по песку, оперлась на труп распорядителя, и её пальцы сомкнулись на рукояти кнута. Это прикосновение прибавило ей храбрости: кожа на рукояти была теплой, словно живая. Дрогон взревел снова, так громко, что королева едва не выронила кнут. Затем дракон попытался ухватить её зубами.

Дени ударила его кнутом.

— Нет! — закричала она, вложив в удар все силы, что у неё оставались. Дракон отдернул голову. — Нет! — воскликнула она снова. — НЕТ!

Шипы царапнули драконью морду. Дрогон вздыбился, тень от его крыльев накрыла королеву. Дени хлестала его кнутом по чешуйчатому брюху ещё и ещё, пока у неё не заболела рука. Длинная змеиная шея дракона выгнулась, точно согнутый лук. Зашипев, дракон дохнул на Дени чёрным пламенем. Дени пригнулась, уклонившись от огня, взмахнула кнутом и закричала:

— Нет, нет, нет! ЛЕЖАТЬ!

Ответный рык дракона был полон страха, ярости и боли. Его крылья ударили по воздуху раз, другой...

... и сложились. Дракон зашипел последний раз и улегся на брюхо. Чёрная кровь текла из

оставленной копьём раны и, падая на опаленный песок, курилась дымом.

«*Он — огонь во плоти*, — подумала королева, — *и я тоже*».

Дейенерис Таргариен взобралась на спину дракона, ухватила торчащее копьё и вырвала его из раны. Наконечник наполовину оплавился, железо раскалилось докрасна и светилось. Королева отбросила копьё в сторону. Дрогон извивался под ней, его мышцы сокращались — дракон собирал силы. В воздухе повисло облако песка. Дени не могла ни видеть, ни дышать, ни думать. Чёрные крылья затрещали, словно гром, и вдруг багряные пески остались далеко внизу.

У Дени закружилась голова, и она зажмурила глаза. Открыв их снова, сквозь пелену слёз и пыли она увидела внизу толпу миэринцев, валившую по лестницам вверх и наружу на улицу.

Кнут всё ещё был у неё в руках. Дени стегнула Дрогона по шее и закричала:

— Выше!

Другой рукой она схватилась за его спину, вцепившись пальцами в чешую. Чёрные крылья Дрогона били по воздуху. Дени чувствовала под бедрами жар драконьего тела. Её сердце колотилось, точно желало выпрыгнуть из груди.

«*Да*, — думала она, — *да, сейчас, сейчас, давай, давай, неси меня, неси, ЛЕТИ*!»

Глава 53. Джон

Тормунд Великанья Смерть не был высок, но боги дали ему широкую грудь и массивный живот. За силу его лёгких Манс Налётчик звал его Тормунд Трубящий в Рог и часто говорил, что когда Тормунд смеется, с гор сходят лавины. Его гневный крик напоминал Джону рев мамонтов.

В тот день Тормунд ревел часто и громко. Он бушевал, кричал, бил кулаком о стол так сильно, что опрокинул кувшин и разлил воду. Рог с мёдом всегда был у него под рукой, и слюна, брызжущая изо рта изрыгавшего угрозы Тормунда, оказалась сладкой. Он обозвал Джона «трусом, лжецом и предателем», обругал его «подставляющим зад поклонщиком с чёрным сердцем, вором и вороной-падальщиком», обвинил его в желании «трахнуть в задницу весь вольный народ». Дважды он швырнул в голову Джона свой рог, правда, предварительно осушив его — Тормунд был не таков, чтобы позволить пропасть хорошему меду. Джон позволил вылить на себя весь этот поток грязи, но ни разу не повысил голос и не ответил на угрозу угрозой. Однако и не уступил больше,

чем собирался.

В конце концов, когда снаружи палатки пролегли послеполуденные тени, Тормунд Великанья Смерть — Краснобай, Трубящий в Рог, Ледолом, Тормунд Громовой Кулак, Медвежий Муж, Медовый Король Красных Палат, Собеседник Богов и Отец Тысяч — протянул руку.

— Значит, договорились, и пусть боги простят меня. Я знаю тысячу матерей, которые никогда не смогут.

Джон пожал протянутую руку. В его голове звучали слова клятвы: «*Я меч во тьме. Я дозорный на стене. Я огонь, отгоняющий холод, свет, приносящий зарю, рог, пробуждающий спящих. Я щит, обороняющий царство человека*». И новая строчка специально для него: «*Я страж, что открыл ворота и позволил врагу войти внутрь*». Он бы многое отдал, чтобы узнать, правильно ли поступает. Но он слишком далеко зашёл, чтобы повернуть назад.

— По рукам, — ответил Джон.

Рукопожатие Тормунда было костедробильным. Это в нём не изменилось. И борода была такой же, как раньше, но лицо под этими белыми зарослями сильно похудело, а румяные щёки избороздили глубокие морщины.

— Манс должен был убить тебя, когда мог, — сказал Тормунд, пытаясь превратить руку Джона в месиво из плоти и кости. — Золото за овсянку, и мальчики... жестокая цена. Что случилось с тем славным пареньком, которого я знал?

«*Его сделали лордом-командующим*».

— Как говорится, честная сделка оставляет обе стороны недовольными. Три дня?

— Если я проживу так долго. Кое-кто из моих людей плюнет в меня, услышав об этих условиях, — Тормунд отпустил руку Джона. — Твои вороны тоже будут ворчать, насколько я их знаю. И я тоже должен быть недоволен. Я убил больше ваших чёрных засранцев, чем могу сосчитать.

— Вероятно, будет лучше, если ты не станешь так громко упоминать об этом, когда появишься к югу от Стены.

— Ха! — захохотал Тормунд. Это тоже не изменилось: он всё ещё смеялся легко и часто. — Мудрые слова. Я не хочу, чтобы твои вороны заклевали меня до смерти, — он хлопнул Джона по спине. — Когда мой народ будет в безопасности за вашей Стеной, мы разделим мясо и мёд. Но пока... — одичалый снял браслет с левой руки и кинул его Джону, затем повторил то же с таким же браслетом на правой. — Первый взнос. Я по-

лучил их от своего отца, а тот — от своего. Теперь они твои, вороватый чёрный ублюдок.

Браслеты были из старого золота — массивные и тяжелые, с выгравированными древними рунами Первых Людей. Тормунд Великанья Смерть носил их, сколько Джон его знал, они казались такой же неотъемлемой его частью, как и борода.

— Браавосец расплавит браслеты ради золота. Такая жалость. Наверное, тебе стоит оставить их себе.

— Нет. Я не позволю, чтобы болтали, дескать, Тормунд Громовой Кулак заставил вольный народ расстаться с сокровищами, а свои оставил себе, — он ухмыльнулся. — Но я попридержу кольцо, которое ношу на члене. Оно будет побольше этих штучек. Для тебя сошло бы вместо ожерелья.

Джон не смог сдержать смех:

— Ты совсем не меняешься.

— О, я меняюсь. — Улыбка растаяла, как снег летом. — Я не тот, что был в Красных Палатах. Я видел слишком много смертей, да и вещей похуже тоже. Мои сыновья... — лицо Тормунда омрачилось горем. — Дормунд пал в битве за Стену, а он был почти мальчишка. Это сделал один из рыцарей твоего короля, какой-то ублюдок в се-

рых латах и с молью на щите. Я видел тот удар, но мой мальчик умер, прежде чем я смог добраться к нему. А Торвинд... его забрал холод. Этот всегда болел, а однажды ночью умер. И хуже всего, до того как мы об этом узнали, он восстал — бледный с голубыми глазами. Мне пришлось позаботиться о нём самому. Это было тяжело, Джон, — слезы блестели в глазах Тормунда. — По-правде говоря, он не стал настоящим мужчиной, но когда-то он был моим маленьким мальчиком, и я любил его.

Джон положил руку ему на плечо:

— Мне очень жаль.

— С чего бы? Разве не ты всё это устроил? На твоих руках кровь, да, также как и на моих. Но не его кровь, — Тормунд покачал головой. — У меня есть ещё два сильных сына.

— А твоя дочь?..

— Мунда, — улыбка Тормунда вернулась. — Веришь, взяла этого Рика Длинное Копье себе в мужья. У парня член долог, да ум короток, но он хорошо к ней относится. Я сказал ему, что если он хоть раз причинит ей боль, я оторву ему хрен и им же изобью его до крови. — Он снова от души хлопнул Джона. — Тебе пора возвращаться. Если я задержу тебя дольше, они решат, что мы тебя съели.

— Тогда, до рассвета. Три дня, считая с сегодняшнего. Мальчики — первые.

— Я расслышал тебя и первые десять раз, ворона. Кто-нибудь бы мог подумать, что мы не доверяем друг другу, — он плюнул. — Мальчики — первые, ага. Мамонты пойдут в обход. Убедись, что Восточный Дозор ждёт их. Я позабочусь, чтобы не было драк и спешки у твоих треклятых ворот. Мы пойдем красиво, по порядку, как утята — друг за дружкой. А я буду матушкой-уткой. Ха! — Тормунд выпустил Джона из своей палатки.

Снаружи царил яркий и безоблачный день. Солнце вернулось на небо после двухнедельного отсутствия, и голубовато-белая Стена на юге сверкала. Существовала поговорка, которую Джон слышал от стариков в Чёрном Замке: «*Настроение Стены меняется чаще, чем у Безумного Короля Эйериса*», говорили старики, или, иногда «*Настроение Стены меняется чаще, чем у женщины*». В облачные дни Стена казалась белым утесом, а в безлунные ночи — чёрной как уголь. Во время снежных бурь Стена выглядела слепленной из снега. Но в такие дни, как этот, любой бы увидел, что она — изо льда. В такие дни Стена сияла ярко, как кристалл септона: каждая трещинка и впадина заполнена солнечным све-

том, и кажется, что в полупрозрачных волнах танцуют и умирают замёрзшие радуги. В такие дни Стена была прекрасна.

Старший сын Тормунда стоял рядом с лошадьми и разговаривал с Кожаным. Торегг Высокий, так его звали среди вольного народа. Хотя он был выше Кожаного не более чем на дюйм, зато перерос своего отца на целый фут. Гарет по кличке Конь, здоровенный парень из Кротового городка, жался к огню. Он и Кожаный были единственными людьми, которых Джон взял с собой на переговоры. Более внушительный эскорт был бы знаком страха, а если бы Тормунд замыслил кровопролитие, то двадцать бойцов принесли бы не больше пользы, чем двое. Единственной защитой, в которой Джон, действительно нуждался, был Призрак. Лютоволк чуял врагов, даже тех, кто прятал неприязнь за улыбкой.

Но Призрака не было видно. Джон стянул с руки чёрную перчатку, сунул два пальца в рот и свистнул.

— Призрак! Ко мне!

Наверху внезапно захлопали крылья. Ворон Мормонта слетел с ветви старого дуба и уселся на седло.

– *Зерно*! — прокричал он. — *Зерно, зерно, зерно*!

— Ты тоже следовал за мной?

Джон потянулся согнать птицу, но вместо этого погладил её перья. Ворон настороженно взглянул на него.

– *Сноу*, — каркнул он, понимающе кивая головой.

В этот момент между двумя деревьями возник Призрак, рядом с ним шла Вель.

«*Они выглядят идеальной пара*». Вель оделась во все белое: белые шерстяные штаны, заправленные в сапоги из белёной кожи, белый плащ из медвежьей шкуры, сколотый на плече вырезанным из чардрева ликом, белая туника с костяными застежками. Даже её дыхание было белым... но глаза — синими, длинная коса — цвета тёмного меда, а щёки горели румянцем от холода. Давненько Джон не видел столь восхитительного зрелища.

— Вы пытались украсть моего волка? — спросил он.

— Почему бы и нет? Если бы у каждой женщины был лютоволк, мужчины стали бы куда любезней. Даже вороны.

— Ха! — хохотнул Тормунд Великанья Смерть. — Не вздумай вступать с ней в перепалку, лорд Сноу, она слишком умна для таких, как ты и я.

Лучше быстренько укради её, пока Торегг не опомнился и не взял её первым.

Что там говорил о Вель этот мужлан Акселл Флорент? «*Созревшая девушка, и весьма привлекательная. Хорошие бёдра, хорошие груди — отлично подходит для деторождения*». Все вполне, правда, но женщина одичалых — нечто большее. Она доказала это, разыскав Тормунда, что не смогли сделать опытные разведчики Дозора. «*Возможно, она не принцесса, но смогла бы стать достойной женой любого лорда*».

Однако этот мост был сожжён давным-давно, и Джон сам бросил факел.

— Я охотно позволяю Тореггу прийти к ней, — сообщил он. — Я же дал клятву.

— Она не будет возражать. Ведь так?

Вель похлопала по длинному костяному ножу у бедра:

— Лорд Ворона может прокрасться в мою постель любой ночью, когда осмелится. После кастрации ему будет гораздо легче держать клятву.

— Ха! — снова фыркнул Тормунд. — Слышал, Торегг? Держись от неё подальше. У меня уже есть дочь, второй не нужно.

Качая головой, вождь одичалых нырнул обратно в палатку.

Пока Джон чесал Призрака за ухом, Торегг привёл Вель лошадь. Она всё ещё ездила на серой косматой лошадке, которую Малли дал ей в тот день, когда она покидала Стену. Чахлое создание, слепое на один глаз. Повернув лошадь к стене, Вель спросила:

— Как поживает маленькое чудовище?

— Вырос вдвое больше, чем был, когда вы уезжали, и кричит втрое громче. Когда ему хочется сиську, в Восточном Дозоре, слышно как он вопит. — Джон оседлал свою лошадь.

Вель ехала рядом.

— Итак... я привела вам Тормунда, как и обещала. Что теперь? Мне придется вернуться в старую камеру?

— Ваша старая камера занята. Королева Селиса потребовала Королевскую Башню для себя. Вы помните Башню Хардина?

— Ту, которая выглядит так, будто вот-вот рухнет?

— Она так выглядела веками. Я приказал подготовить для вас верхний этаж, миледи. У вас будет больше места, чем в Королевской Башне, хотя, возможно, там и не так удобно. Никто никогда не называл это место Дворцом Хардина.

— Я всегда предпочту свободу удобству.

— Внутри замка вы будете свободны, но я с сожалением должен сказать, что вы остаетесь пленницей. Впрочем, обещаю, что вас не потревожат нежеланные гости. Башню Хардина охраняют мои люди, а не воины королевы. И в холле спит Вун Вун.

— Великан-охранник? Даже Далла не могла похвастаться этим.

Выглядывая из палаток и навесов под голыми деревьями, одичалые Тормунда смотрели, как они проезжают. Джон заметил, что на каждого боеспособного мужчину приходилось три женщины и столько же детей, измождённых созданий с впалыми щеками и голодными глазами. Когда Манс Налётчик вел вольный народ к Стене, его последователи гнали перед собой большие стада овец, коз и свиней, но теперь остались лишь мамонты. В мамонтах много мяса, и Джон не сомневался, что их бы тоже закололи, если бы не свирепость великанов.

Джон видел и следы болезни. Это встревожило его больше, чем он мог выразить. Если даже отряд Тормунда оказался голодающим и больным, что же случилось с тысячами, которые последовали за Матушкой Кротихой в Суровый Дол?

«*Коттер Пайк должен скоро добраться до них.*

Если ветра попутные, его флот, может быть, сейчас уже возвращается в Восточный Дозор, и с ними столько вольного народа, сколько смогло втиснуться на борт».

— Как прошло с Тормундом? — спросила Вель.

— Спросите меня через год. Самое сложное впереди. Я ещё должен убедить своих же братьев отведать то варево, что приготовил. Боюсь, вкус не понравится никому.

— Позвольте мне помочь.

— Вы уже помогли. Вы привели ко мне Тормунда.

— Я могу сделать больше.

«*Почему бы и нет*? — подумал Джон. — *Все уверены, что она — принцесса*». Внешностью Вель вполне подходила на эту роль, а держалась девушка на коне так, словно родилась в седле. «*Принцесса-воительница*, — решил он, — *не какое-нибудь нежное создание, которое сидит в башне, расчёсывая волосы в ожидании, что её спасёт какой-нибудь рыцарь*».

— Я должен поставить королеву в известность об этом соглашении, — сказал он. — Вы можете встретиться с ней, если найдёте в себе достаточно сил, чтобы преклонить колено.

Не стоило оскорблять её величество, ещё не

открыв рта.

— Могу я смеяться, пока преклоняю колено?

— Нет, не можете. Это не игра. Наши народы разделяет река крови — старая, глубокая, багровая. Станнис Баратеон — один из тех, кто одобряет переселение одичалых в королевство. Мне понадобится поддержка его королевы, чтобы завершить то, что я начал.

Игривая улыбка Вель пропала.

— Клянусь вам, лорд Сноу. Я буду достойной принцессой одичалых для вашей королевы.

«*Она не моя королева*, — мог бы ответить он. — *По правде, я с нетерпением жду её отъезда. И если боги милостивы, она заберёт с собой и Мелисандру*».

Остаток пути они проехали в молчании. Призрак бежал по пятам. Ворон Мормонта следовал за ними до ворот, а потом, хлопая крыльями, поднялся вверх, пока остальные спешивались. Конь с факелом отправился вперёд, освещая путь через ледяной туннель.

Когда Джон и его спутники появились с южной стороны Стены, у ворот их ждала небольшая группа чёрных братьев. Среди них находился Ульмер из Королевского Леса. Старый лучник вышел вперёд, чтобы говорить от имени остальных.

— Простите, милорд, но парни интересуются. Будет ли мир? Или кровь и железо?

— Мир, — ответил Джон Сноу. — Через три дня Тормунд Великанья Смерть проведёт своих людей через Стену. Как друзей, а не врагов. Возможно, некоторые даже пополнят наши ряды и станут нашими братьями. Нам придется быть гостеприимными. А сейчас — возвращайтесь к вашим обязанностям, — Джон передал поводья своей лошади Атласу. — Я должен встретиться с королевой Селисой. — Её величество сочла бы неуважением, если бы он сразу же не явился к ней. — После этого мне нужно написать несколько писем. Принеси в мою комнату пергамент, перья и чернильницу. Затем позови Марша, Ярвика, Септона Селладора, Клидаса. — Селладор, наверняка, полупьян, а Клидас — плохая замена настоящему мейстеру, но кроме них у него никого не было. «*Пока не вернётся Сэм*». — И северян. Флинта с Норри. Кожаный, ты тоже должен придти.

— Хобб печет луковые пироги, — сказал Атлас. — Должен ли я предложить им разделить с вами ужин?

Джон поразмыслил.

— Нет. Попроси их присоединиться ко мне на

вершине Стены на закате. — Он повернулся к Вель. — Миледи. Следуйте за мной, пожалуйста.

— Ворона приказывает, и пленница должна подчиняться. — Её тон был игривым. — Ваша королева, должно быть, свирепа, если у взрослых мужчин в её присутствии подгибаются ноги. Может, вместо шерсти и меха мне стоило надеть кольчугу? Эту одежду я получила от Даллы, мне бы не хотелось заляпать её кровью.

— Если бы слова ранили до крови, у вас была бы причина опасаться. Думаю, вашей одежде ничто не угрожает, миледи.

Они прошли к Королевской Башне по только что расчищенным дорожкам мимо сугробов грязного снега.

— Я слышала, у вашей королевы длинная чёрная борода.

Джон знал, что ему не стоит улыбаться, но всё-таки улыбнулся.

— Только усики. Очень тонкие. Можно пересчитать все волоски.

— Какое разочарование.

Невзирая на все разговоры о желании быть хозяйкой своей новой крепости, Селиса Баратеон не спешила менять удобства Чёрного Замка на тени Твердыни Ночи. Естественно, она окружи-

ла себя стражами — у дверей стояли четверо воинов: двое — снаружи на лестнице, ещё двое — внутри у жаровни. Ими командовал сэр Патрик с Королевской Горы, в рыцарских одеяниях белого, голубого и серебряного цветов, и плаще, усеянном пятилучевыми звездами. Когда его представили Вель, он опустился на одно колено, чтобы поцеловать её перчатку.

— Вы ещё прекраснее, чем мне говорили, принцесса, — объявил он. — Королева много рассказывала о вашей красоте.

— Как странно, она же меня никогда не видела, — Вель потрепала сэра Патрика по голове. — Ну, встаньте же, сир-поклонщик. Встать, встать.

Это прозвучало так, будто она говорила с собакой.

Джон едва сдержал смех. С каменным лицом он сообщил рыцарю, что они просят у королевы аудиенции. Сэр Патрик послал одного из латников вскарабкаться по лестнице и узнать, примет ли их её величество.

— Но волк должен остаться тут, — настаивал сэр Патрик.

Джон ожидал этого. В присутствии лютоволка королева Селиса делалась почти такой же нервной, как и при виде Вун Вег Вун Дар Вуна.

— Призрак, останься.

Они застали её величество за шитьём у очага. Звеня бубенчиками на рогах, её шут танцевал вокруг под одному лишь ему слышимую музыку.

— Ворона, ворона! — закричал Пестряк, увидев Джона. — На дне морском вороны белы, как снег, я знаю, знаю, о-хо-хо.

Принцесса Ширен свернулась в оконной нише, капюшон скрывал безобразные следы серой хвори, изуродовавшей её лицо.

На присутствие леди Мелисандры ничто не указывало. За это Джон был благодарен. Рано или поздно ему придется встретиться с красной жрицей, но он предпочел бы, чтобы это произошло не в присутствии королевы.

— Ваше величество, — Джон опустился на колено.

Вель последовала его примеру.

Королева Селиса отложила своё шитьё.

— Вы можете встать.

— С разрешения вашего величества, могу я представить вам леди Вель? Её сестра Далла была...

— ... матерью того вопящего младенца, что не дает нам спать по ночам. Я знаю, кто она, лорд Сноу, — фыркнула королева. — Вам повезло, что

она вернулась к нам прежде короля, моего мужа, иначе это могло для вас плохо кончиться. Очень плохо.

— Вы — принцесса одичалых? — спросила Ширен у Вель.

— Некоторые так меня называют, — ответила Вель. — Моя сестра была женой Манса Налётчика, Короля-за-Стеной. Она умерла, дав жизнь его сыну.

— Я тоже принцесса, — объявила Ширен, — но у меня никогда не было сестры. Когда-то у меня был двоюродный брат, но он уплыл прочь. Всего лишь бастард, но я любила его.

— Честно говоря, Ширен, — прервала её мать, — я уверена, что лорд-командующий пришёл сюда не для того, чтобы слушать о внебрачных отпрысках Роберта. Пестряк, будь хорошим шутом и уведи принцессу в её комнату.

Колокольчики на его шапке зазвенели.

— Прочь, прочь, — пропел шут. — Пойдём со мной на дно морское, прочь, прочь, прочь.

Он взял маленькую принцессу за руку и вприпрыжку вывел её из комнаты.

Джон заговорил:

— Ваше величество, вождь вольного народа согласился на мои условия.

Королева Селиса ответила на это еле заметным кивком.

— Мой лорд-муж всегда стремился дать прибежище этим диким людям. До тех пор, пока они соблюдают мир и следуют королевским законам, они желанные гости в нашем королевстве, — она поджала губы. — Я слышала, среди них есть и великаны.

— Почти две сотни, ваше величество. И более восьмидесяти мамонтов, — ответила ей Вель.

Королева содрогнулась.

— Ужасные создания. — Джон не смог бы сказать, кого именно она имела в виду — мамонтов или великанов. — Правда, такие звери могут быть полезны моему лорду-мужу в битвах.

— Скорее всего, ваше величество, — согласился Джон, — но мамонты слишком велики, чтобы пройти через ворота.

— Нельзя ли эти ворота расширить?

— Это... было бы неразумно, я думаю.

Селиса фыркнула.

— Как скажете. Не сомневаюсь, что вы разбираетесь в этих вещах. Где вы хотите поселить одичалых? Конечно же, Кротовый городок недостаточно велик, чтобы вместить... сколько их?

— Четыре тысячи, ваше величество. Они помо-

гут нам укрепить покинутые твердыни и лучше защитить Стену.

— Я так поняла, что эти замки — в руинах. Мрачные места, унылые и холодные, немногим лучше, чем горы камней. В Восточном Дозоре говорили о крысах и пауках.

«*К этому времени холод уже убил пауков*, — подумал Джон, — *а с приходом зимы крысы могут стать отличным источником пищи*».

— Вы правы, ваше величество... но даже руины — это хоть какой-то кров. И Стена будет стоять между ними и Иными.

— Вижу, вы всё тщательно продумали, лорд Сноу. Я уверена, король Станнис будет удовлетворён, вернувшись с войны победителем.

«*Если вообще вернётся*».

— Конечно, — продолжала королева, — одичалые должны признать Станниса своим королем и Рглора своим богом.

«*Ну вот мы и встретились лицом к лицу на узкой тропинке*».

— Простите меня, ваше величество. Но это не входило в те условия, о которых мы договорились.

Лицо королевы застыло.

— Большое упущение.

Теплые нотки в её голосе вмиг улетучились.

— Вольный народ не преклоняет колен, — сказала ей Вель.

— Тогда их нужно заставить.

— Сделайте это, ваше величество, и мы поднимемся вновь при первой же возможности, — пообещала Вель. — Встанем с клинками в руках.

Губы королевы плотно сжались, а подбородок задрожал.

— А ты дерзка. Впрочем, этого и стоило ожидать от одичалой. Мы должны найти тебе мужа, который обучит тебя вежливости, — королева перевела взгляд на Джона. — Я не одобряю этого, лорд-командующий. И мой лорд-муж не одобрит. Нам обоим известно, что я не могу помешать вам открыть ваши ворота, но обещаю — вы ответите за это, когда король вернется с войны. Возможно, вы захотите передумать.

— Ваше величество, — Джон снова опустился на колено, но на этот раз Вель к нему не присоединилась.– Мне очень жаль, что мои действия вас огорчили. Я поступил так, как счел наилучшим в сложившейся ситуации. Позволите вас покинуть?

— Да. И немедленно.

Когда они вышли из покоев и отошли достаточно далеко от королевской стражи, Вель дала волю своему гневу.

— Вы соврали о её бороде. У неё на подбородке волос больше, чем у меня между ног. А дочь... её лицо...

— Серая хворь.

— Мы зовем её Серой смертью.

— Для детей она смертельна не всегда.

— К северу от Стены — всегда. Болиголов — отличное средство, но подушка или клинок тоже подходят. Если бы этому несчастному ребенку дала жизнь я, то уже давно подарила ему милосердную смерть.

Такую Вель Джону ещё не приходилось видеть.

— Принцесса Ширен — единственный ребенок королевы.

— Мне жаль их обоих. Это дитя — нечисто.

— Если Станнис выиграет свою войну, Ширен станет наследницей Железного Трона.

— Тогда мне жаль ваши Семь Королевств.

— Мейстеры говорят, что серая хворь не...

— Мейстеры могут верить во что им угодно. Спросите лесную ведьму, если хотите знать правду. Серая смерть засыпает лишь для того, чтобы вновь проснуться. Дитя нечисто!

— Она кажется милой девчушкой. Вы не можете знать...

— Я могу. Вы ничего не знаете, Джон Сноу, — Вель схватила его за руку. — Я хочу, чтобы чудовища здесь не было. Его и его кормилиц. Нельзя оставлять его в башне рядом с мёртвой девочкой.

Джон отбросил ее руку.

– Она не мертва.

— Мертва. Её мать не видит этого. И, похоже, вы тоже. Но все-таки смерть рядом. — Отойдя от него, она остановилась и обернулась. — Я дала вам Тормунда Великанью Смерть. Дайте мне моё чудовище.

— Отдам, если смогу.

— Смогите. Вы у меня в долгу, Джон Сноу.

Джон смотрел, как Вель уходит прочь.

«*Она не права. Не может быть права. Серая хворь не настолько смертельна, как она утверждает, только не для детей*».

Призрак снова исчез. Солнце склонилось к западу. «*Чаша вина со специями была бы сейчас очень кстати. А ещё лучше — две чаши*». Но с этим придется подождать. Он должен встретиться с врагами. Худшими врагами: своими братьями.

Джон нашел Кожаного ожидающим у подъём-

ной клетки. Они отправились наверх вдвоём, и чем выше поднимались, тем сильнее становился ветер. На высоте пятидесяти футов от каждого порыва клетка ходила ходуном, время от времени царапая Стену, и тогда ледяные кристаллы дождём падали с неё вниз, сверкая на солнце. А когда она поднялась выше самых высоких башен замка, на высоту четыреста футов, ветер вцепился зубами в чёрный плащ и рвал его так, что тот шумно хлопал по железным прутьям. На высоте семи сотен ветер резал насквозь.

«*Стена — моя*, — напомнил себе Джон, когда подъемщики разворачивали клетку, — *по крайней мере, ещё два дня*».

Джон спрыгнул на лёд, поблагодарил рабочих и кивнул стоявшим на страже копейщикам в шерстяных капюшонах, за которыми не было видно лиц, только глаза. Но Джон узнал Тая по спадавшему на спину спутанному жгуту грязных чёрных волос, а Оуэна — по колбаске, засунутой в ножны у бедра. Джон мог бы угадать, кто это, и без этих примет — только по их манере стоять.

«*Хороший лорд должен знать своих людей*», — сказал однажды в Винтерфелле отец им с Роббом.

Джон подошел к краю Стены и взглянул вниз

на поле, где полегло войско Манса Налётчика. Хотел бы он знать, где Манс теперь.

«*Нашел ли он тебя, маленькая сестричка? Или ты была лишь уловкой, чтобы я отпустил его*?»

Прошло так много времени с тех пор, когда Джон в последний раз видел Арью. Как она выглядит сейчас? Узнал бы он её вообще? «*Арья-непоседа. Её лицо всегда было перепачкано*». Сохранила ли она тот маленький меч, который по его просьбе выковал для неё Миккен? «*Коли их острым концом*», сказал он ей. Хороший совет для брачной ночи, если хотя бы половина того, что он слышал о Рамси Сноу, была правдой.

«*Привези ее домой, Манс. Я спас твоего сына от Мелисандры, и скоро спасу четыре тысячи людей твоего вольного народа. Ты обязан вернуть этот долг — спасти одну маленькую девочку*».

В Зачарованном лесу на севере между деревьев ползли послеполуденные тени. На западе небо горело алым, но на востоке проглядывали первые звёзды. Джон Сноу сжимал и разжимал пальцы правой руки, вспоминая все свои потери. «*Сэм, милый толстый дурак, ты жестоко подшутил надо мной, когда сделал меня лордом-командующим. У лорда-командующего нет друзей*».

— Лорд Сноу? — позвал Кожаный. — Клетка

поднимается.

— Я слышу, — Джон отошел от края.

Первыми поднялись вожди Флинт и Норри, одетые в меха и железо. Норри выглядел, как старый лис — морщинистый, щуплый, но хитроглазый и проворный. Торген Флинт был на полголовы ниже, но весил вдвое больше — тучный неповоротливый мужчина с грубыми и большими, словно окорока, руками и красными на костяшках пальцами. Ковыляя по льду, он тяжело опирался на терновую трость. Следующим показался Боуэн Марш, кутавшийся в медвежью шкуру. За ним — Отелл Ярвик. Потом — полупьяный септон Селладор.

— Следуйте за мной, — сказал Джон.

Они прошли по Стене на запад, по посыпанным гравием дорожкам навстречу заходящему солнцу. Отойдя на пятьдесят ярдов от тёплого навеса, Джон заговорил:

— Вы знаете, почему я позвал вас. Через три дня на рассвете ворота откроют, чтобы Тормунд и его люди прошли за Стену. Нам нужно подготовиться.

Его заявление было встречено молчанием. Потом Отелл Ярвик сказал:

— Лорд-командующий, это тысячи...

— ... тощих, смертельно усталых, голодных, оказавшихся далеко от дома одичалых. — Джон указал на огни их костров: — Вон они. Четыре тысячи, как утверждает Тормунд.

— Я бы сказал три, судя по кострам. — Считать и отмеривать было коньком Боуэна Марша. — В два раза больше, чем тех в Суровом Доле с лесной ведьмой. И сэр Денис пишет о громадных лагерях в горах возле Сумеречной Башни...

Джон не стал этого отрицать.

— Тормунд говорит, что Плакальщик вновь хочет попытать счастья на Мосту Черепов.

Старый Гранат дотронулся до своего шрама. Он получил его, защищая Мост Черепов в прошлый раз, когда Плакальщик пытался пробиться через Теснину.

— Конечно же, лорд-командующий не собирается позволить пройти и этому... этому демону?

— Без особой радости. — Джон не забыл посланных ему Плакальщиком голов, с кровавыми дырами вместо глаз. «*Чёрный Джек Бульвер, Волосатый Хэл, Гарт Серое Перо. Я не могу за них отомстить, но не забуду их имен*». — Но да, мой лорд, и ему тоже. Нельзя выбирать, кто из вольного народа пройдёт, а кто нет. Мир — значит, мир для всех.

Норри откашлялся и плюнул:

— Можно также заключить мир с волками и воронами.

— Мои подземелья — вот где мирно, — пророкотал Старый Флинт. — Отдайте Плакальщика мне.

— Сколько разведчиков убил Плакальщик? — возмутился Отелл Ярвик. — Сколько женщин он изнасиловал, убил или украл?

— Трёх из моего родного селения, — добавил Старый Флинт. — А тех девушек, кого не берет, он ослепляет.

— Когда мужчина надевает чёрное, его преступления прощаются, — напомнил им Джон. — Если мы хотим, чтобы люди вольного народа сражались вместе с нами, мы должны простить их старые грехи, как мы простили нашим людям.

— Плакальщик не примет клятву, — настаивал Ярвик. — Он не наденет плащ. Даже другие налётчики не доверяют ему.

— Не обязательно доверять человеку, чтобы использовать его. — «*Иначе как бы я мог использовать вас*». — Нам нужен Плакальщик и такие, как он. Кто знает лес, лучше, чем одичалые? Кто лучше знает наших врагов, чем люди, которые сражались с ними.

— Всё, что знает Плакальщик — это насилие и убийство, — настаивал Ярвик.

— Когда одичалые перейдут через Стену, у них будет втрое больше людей, чем у нас, — произнес Боуэн Марш. — И это только отряд Тормунда. Добавим бойцов Плакальщика и тех в Суровом Доле — и получим силу, способную покончить с Ночным Дозором за одну ночь.

— Одной численностью войны не выигрываются. Вы их не видели. Половина из них — ходячие мертвецы.

— Я бы предпочел, чтобы они были лежачими мертвецами, — сказал Ярвик, — с вашего позволения.

— Я этого не позволю, — голос Джона был также холоден, как ветер, рвущий их плащи. — В этом лагере есть дети, сотни детей, тысячи. И женщины.

— Копьеносицы.

— Некоторые. А также матери, старухи, вдовы и девицы... неужели бы вы обрекли их на смерть, мой лорд?

— Братья не должны ссориться, — сказал септон Селладор. — Преклоним колени и помолимся Старице, чтобы осветила нам путь к мудрости.

— Лорд Сноу, — спросил Норри, — где вы соби-

раетесь держать этих ваших одичалых? Не на *моих* землях, надеюсь.

— Ага, — согласился Старый Флинт. — Хотите селить их в Даре — ваше дело, но смотрите, чтоб они не разбрелись, а не то я отошлю вам их головы. Зима близко, мне не нужны лишние рты.

— Одичалые останутся на Стене, — заверил их Джон. — Большинство поселится в наших заброшенных замках. — У Дозора были гарнизоны в Ледовом Пороге, Долгом Кургане, Тёмном Чертоге, Сером Дозоре и Глубоком Озере, все сильно недоукомплектованные, но десять замков все ещё стояли совершенно пустые и заброшенные. — Мужчины с жёнами и детьми, девочки-сироты и осиротевшие мальчики до десяти лет, старухи, вдовые матери, женщины, не желающие сражаться. Копьеносиц мы пошлем в Долгий Курган присоединиться к их сёстрам, а одиноких мужчин — в другие восстановленные твердыни. Те, кто наденет чёрное, останутся здесь, отправятся в Восточный Дозор или в Сумеречную Башню. Тормунд займет Дубовый Щит, чтобы оставаться неподалёку.

Боуэн Марш вздохнул.

— Если они не убьют нас своими мечами, то сделают это своими желудками. Интересно, как

лорд-командующий предлагает кормить Тормунда и его тысячи?

Джон предвидел этот вопрос.

— Через Восточный Дозор. Мы доставим еду морем — столько, сколько будет нужно. Из речных и штормовых земель, из Долины Аррен. Из Дорна и Простора, через узкое море из Свободных Городов.

— И за эту еду будет заплачено... чем, позвольте спросить?

«*Золотом из Железного Банка Браавоса*», мог бы ответить Джон, но вместо этого сказал:

— Я согласился с тем, что люди вольного народа оставят себе меха и шкуры. Это будет им необходимо, чтобы согреться, когда придет зима. Все остальное добро они должны сдать. Золото и серебро, янтарь, самоцветы, украшения, все ценности. Мы перевезём все это через узкое море и продадим в Свободных Городах.

— О, всё богатство одичалых, — усмехнулся Норри. — Этого хватит на целый мешок ячменя. Или даже на два.

— Лорд-командующий, почему бы также не потребовать от одичалых сдать оружие? — спросил Клидас.

В ответ на это Кожаный рассмеялся.

— Ты хочешь, чтобы вольный народ дрался вместе с вами против общего врага. Как мы сможем сделать это без оружия? Ты хочешь, чтобы мы кидались в мертвецов снежками? Или дашь нам палки, чтобы лупить их?

«*Оружие большинства одичалых не многим лучше палок*», подумал Джон. Деревянные дубинки, каменные топоры, молоты, копья с закалёнными в огне концами, ножи из кости, камня и драконьего стекла, плетёные щиты, костяные доспехи, варёная кожа. Тенны обрабатывали бронзу, а налётчики, вроде Плакальщика, носили сталь и железные мечи, снятые с трупов... но даже те часто были старые, выщербленные после долгих лет использования, покрытые пятнами ржавчины.

— Тормунд Великанья Смерть никогда добровольно не разоружит своих людей, — сказал Джон. — Он не Плакальщик, но и не трус. Если бы я его об этом попросил, дошло бы до кровопролития.

Норри перебирал пальцами свою бороду.

— Вы можете засунуть ваших одичалых в те разрушенные форты, лорд Сноу, но как вы заставите их там оставаться? Что помешает им двинуться на юг, в богатые тёплые земли?

– *Наши* земли, — уточнил Старый Флинт.

— Тормунд дал мне слово. Он будет служить здесь с нами до весны. Плакальщик и остальные командиры поклянутся в том же или мы не позволим им пройти.

Старый Флинт покачал головой.

— Они предадут нас.

— Слово Плакальщика ничего не значит, — сказал Отелл Ярвик.

— Они — безбожные дикари, — произнес септон Селладор. — Даже на юге знают о предательствах одичалых.

Кожаный скрестил руки.

— Там внизу была битва. Я был на другой стороне, помните? Теперь я ношу ваше чёрное и учу ваших мальчишек убивать. Кое-кто назвал бы меня предателем. Возможно, так оно и есть... но я не более дикарь, чем вы, воронье. У нас тоже есть боги. Те же боги, которых почитают и в Винтерфелле.

— Боги Севера, с тех пор, как была возведена Стена, — сказал Джон. — Этими богами поклялся Тормунд. Он сдержит свое слово. Я знаю его, как знал Манса Налётчика. Как вы помните, я был с ними в походе одно время.

— Я не забыл, — ответил лорд- стюард.

«*Нет*, — подумал Джон. — *Я и не ждал, что забудешь*».

— Манс Налётчик тоже произнес клятву, — продолжал Марш. — Он обещал не носить короны, не жениться, не иметь сыновей. Потом он изменил обету, сделал все эти вещи и повёл на королевство грозную орду. И остатки этой орды ждут под Стеной.

— Сломленные остатки.

— Сломанный меч можно перековать. Сломанным мечом можно убить.

— У вольного народа нет ни законов, ни господ, — сказал Джон, — но своих детей они любят. По крайней мере, это вы признаете?

— Нас не заботят их дети. Мы боимся отцов, не сыновей.

— Как и я. Поэтому я настоял на заложниках. — «*Я не доверчивый дурачок, за кого вы меня принимаете... и не полуодичалый, не важно, чему вы верите*». — Сотня мальчиков от восьми до шестнадцати лет. По сыну от каждого вождя и командира, остальные выбраны по жребию. Мальчики будут служить в качестве пажей и оруженосцев, освободив наших людей для других обязанностей. Однажды некоторые, возможно, решат надеть чёрное. Случались и более стран-

ные вещи. Остальные будут залогом преданности их отцов.

Северяне переглянулись.

— Заложники, — задумчиво произнес Норри. — Тормунд согласился на это?

«*Иначе ему бы пришлось смотреть, как умирают его люди*».

— Моя кровавая цена, так он это назвал, — сказал Джон Сноу, — но он заплатит её.

— Да, почему бы и нет? — старый Флинт ударил тростью по льду. — Воспитанники, так мы их всегда называли, когда Винтерфелл требовал от нас мальчиков, но они были заложниками, и никто от этого не пострадал.

— Кроме тех, чьи господа разозлили Короля Зимы, — сказал Норри. — Те вернулись домой укороченные на голову. Так скажи мне, мальчик... если эти твои друзья-одичалые окажутся лжецами, хватит ли у тебя смелости сделать то, что нужно?

«*Спроси у Яноса Слинта*».

— Тормунд Великанья Смерть знает, что лучше не испытывать моё терпение. Возможно, в ваших глазах я зелёный юнец, лорд Норри, но все-таки я сын Эддарда Старка.

Но даже это не убедило лорда-стюарта.

— Вы говорите, что эти мальчишки будут служить нам оруженосцами. Но, конечно, лорд-командующий не имел в виду, что они будут обучаться владению оружием?

Джон разозлился.

— Нет, милорд, я собирался научить их шить кружевные портки. Конечно же, их будут обучать военному искусству. Они также будут сбивать масло, рубить дрова, чистить конюшни, выносить ночные горшки, доставлять послания... и между этими занятиями их будут обучать владению копьем, мечом и луком.

Марш покраснел ещё больше.

— Простите мою резкость, лорд-командующий, но я не могу выразиться более мягко. То, что вы предлагаете — измена. Восемь тысяч лет люди Ночного Дозора стояли на стене и сражались с этими одичалыми. Теперь вы предлагаете впустить их, поселить в наших замках, кормить, одевать и учить сражаться. Позвольте, я напомню вам: *вы дали клятву*.

— Я знаю, в чём клялся. — Джон произнес слова: *— Я меч во тьме. Я дозорный на стене. Я огонь, отгоняющий холод, свет, приносящий зарю, рог, пробуждающий спящих. Я щит, обороняющий царство человека.* Эти ли слова произнесли вы,

когда давали клятву?

— Да. Вы же знаете, лорд-командующий.

— Вы уверены, что я ничего не забыл? Слова о короле и его законах, и о том, как мы обязаны защищать каждый фут его земли, и держаться за каждый разрушенный замок? Где эта часть? — Джон подождал ответа — все молчали. — Я щит, обороняющий царство человека. Вот слова клятвы. Так скажите мне, милорд, — кто же эти одичалые, если не люди?

Боуэн Марш открыл рот, но не вымолвил ни слова. Краска залила его шею.

Джон Сноу отвернулся. Последний луч солнца начал угасать. Джон смотрел, как трещины на Стене из алых становятся серыми, потом чёрными, как огненные полосы превращаются в реки чёрного льда. Внизу леди Мелисандра уже разводила свой костер и начинала молиться: «*Бог Света, защити нас, ибо ночь темна и полна ужасов*».

— Зима близко, — наконец, произнес Джон, прервав неловкую тишину, — и вместе с ней — белые ходоки. Стена — это то место, где мы их остановим. Стену воздвигли для того, чтобы их остановить... но её должны охранять люди. Разговор окончен. Нам предстоит многое сделать,

прежде чем мы откроем ворота. Людей Тормунда нужно будет накормить, одеть и расселить. Некоторые из них больны и нуждаются в уходе. Это бремя достанется тебе, Клидас. Спаси столько, столько сможешь.

Клидас моргнул тусклыми розовыми глазами.

— Я постараюсь, Джон. То есть, милорд.

— Все телеги и повозки должны быть готовы перевезти людей вольного народа в их новые дома. Отелл, проследите за этим.

Ярвик скривился:

— Есть, лорд-командующий.

— Лорд Боуэн, вы должны будете собрать плату. Золото и серебро, янтарь, ожерелья и браслеты, цепочки. Рассортируйте это всё, сосчитайте и убедитесь, что всё в целости доставлено в Восточный Дозор.

— Да, лорд Сноу, — ответил Боуэн Марш.

И Джон подумал: «*Лёд, сказала она, и кинжалы во тьме. Алая замёрзшая кровь и обнажённая сталь*». Его правая рука сжалась в кулак. Поднимался ветер.

Глава 54. Серсея

Каждая новая ночь казалась холоднее предыдущей.

В камере не было ни очага, ни жаровни. Единственное окно находилось слишком высоко для глаз. К тому же оно было слишком маленькое, чтобы в него протиснуться, но достаточно большое, чтобы пропускать холод. Первую рубаху, которую ей дали, Серсея разорвала, требуя вернуть свою одежду, но в результате осталась голышом дрожать от холода. Когда принесли другую рубашку, она натянула её через голову и поблагодарила, давясь словами.

Окно пропускало и шум. Только так королева могла узнавать о том, что творилось в городе. Приносившие еду септы ничего ей не рассказывали.

Это бесило. Как же она узнает о возвращении Джейме, когда тот явится на помощь? Серсея лишь надеялась, что он не помчится вперед своей армии, как законченный глупец. Чтобы разобраться с оборванными ордами Нищих Братьев, окружавших Великую Септу, ему понадобится

каждый воин. Она часто спрашивала о своём брате-близнеце, но тюремщицы не отвечали. Спрашивала она и о сире Лорасе. По последним донесениям, раненный при штурме Рыцарь Цветов умирал на Драконьем Камне. «*Пусть сдохнет*, — думала Серсея. — *И поскорее*». Смерть мальчишки освободит место в Королевской Гвардии, и это может её спасти. Но септы молчали о Лорасе Тирелле точно так же, как и о Джейме.

Лорд Квиберн оказался её первым и последним посетителем. Теперь вселенная Серсеи состояла из четырех человек: её самой и трёх набожных и непробиваемых тюремщиц. Ширококостная и мужеподобная сердитая септа Юнелла с мозолистыми руками и грубым лицом. Морщинистая септа Моэлла с жёсткими белыми волосами, маленькими подозрительно прищуренными глазками и острым, точно лезвие бритвы, взглядом. Низкорослая, толстая, с крупной грудью, оливковой кожей и пропахшая прокисшим молоком септа Сколерия.

Эти три женщины приносили ей пищу и воду, выносили ночной горшок и каждые несколько дней забирали постирать сорочку. Серсее оставалось лишь голой ютиться под одеялом, ожидая, пока не вернут одежду. Иногда Сколерия зачи-

тывала ей отрывки из Семиконечной Звезды и молитвенника, но в остальное время никто из них с Серсеей не разговаривал и не отвечал на вопросы.

Она ненавидела и презирала всех трёх женщин почти так же сильно, как и предавших её мужчин.

Ложные друзья, коварные слуги, мужчины, что клялись в вечной любви, даже родня… Все они покинули её в трудную минуту. Этот слабак Осни Кеттлблэк, сломавшийся под ударами хлыста и открывший «его воробейству» тайны, которые должен был унести с собой в могилу. Его братья-голодранцы, всем ей обязанные, сидели сиднем и ничего не делали. Ауран Уотерс — её адмирал — удрал с построенными ею дромонами. Ортон Мерривезер сбежал в Длинный Стол, прихватив с собой Таэну — единственную, кто в эти тяжелые времена был для королевы истинным другом. Харрис Свифт и великий мейстер Пицель бросили её в плену и передали власть тому самому человеку, который сплел против неё заговор. Меррина Транта и Бороса Блаунта, поклявшихся защищать короля, не было видно. Даже когда-то клявшийся ей в любви кузен Лансель стал одним из обвинителей, а родной дядя отказался помочь

ей править, когда она была готова сделать его Десницей короля.

И Джейме…

Нет, в это она не могла поверить, и не поверит. Джейме тут же примчался бы, знай он о её беде. «*Приезжай немедля*, — написала ему Серсея. — *Спаси меня. Ты нужен мне как никогда прежде. Я люблю тебя. Люблю. Люблю. Приезжай*». Квиберн поклялся, что обязательно доставит письмо брату, стоявшему в Речных Землях со своей армией. Но Квиберн не вернулся. Не исключено, что он убит, а его насаженная на пику голова красуется на воротах замка. Или, быть может, он томится в каменном мешке под Красным Замком, а письмо так и не отправлено. Королева спрашивала о Квиберне сотню раз, но тюремщицы не отвечали. Наверняка она знала только одно: Джейме не пришёл.

«*Пока не пришёл*, — говорила она себе. — *Но скоро придёт, и тогда «его воробейство» со своими сучками запоют по-другому*».

Её бесила собственная беспомощность.

Она угрожала, но угрозы разбивались о каменные лица, а уши оставались к ним глухи. Она приказывала, но на приказы не обращали внимания. Она взывала к милосердию Матери,

напирала на свойственное женщинам взаимопонимание, но, похоже, обеты сделали этих трёх сморщенных септ бесполыми. Серсея пыталась обаять их: разговаривала вежливо и кротко принимала каждое новое оскорбление. Они были непоколебимы. Она предлагала им награду, покровительство, почести, золото, места при дворе. От обещаний толку было не больше, чем от угроз.

И она молилась. Ах, как же она молилась! Раз уж они этого хотели, она ползала на коленях, словно какая-то уличная девка, а не дочь Утёса. Серсея молила о помощи, об избавлении, о Джейме. Вслух она просила богов защитить себя, невинную страдалицу, а в мыслях — покарать обвинителей внезапной, мучительной смертью. Серсея молилась так истово, что её колени покрылись ссадинами и начали кровоточить, а язык распух и настолько отяжелел, что она едва им не давилась. В своей камере Серсея вспомнила все молитвы, которым её учили в детстве, и придумала новые, взывая к Матери и Деве, Отцу и Воину, Старице и Кузнецу. Даже к Неведомому. «*В ненастье любой бог пригодится*». Семеро оказались столь же глухи, как и их земные слуги. Серсея рассказала им всё, что было у неё на душе,

пошла на всё, кроме слёз. «*Этого они никогда не дождутся*», — твердила она себе.

Её бесила собственная слабость.

Если бы боги даровали ей силу, как Джейме и этому самодовольному дураку Роберту, она сумела бы сбежать сама. «*Ах, будь у меня меч и умей я им владеть*». В душе она была воином, но боги в своей слепой злобе дали ей слабое женское тело. Поначалу королева пыталась бороться, но септы одолели — их было больше, и они оказались сильнее. Со стороны септы выглядели просто уродливыми старухами, но молитвы, тяжёлая работа и порка послушниц сделали их твёрдыми как кремень.

И они не давали ей покоя ни днём, ни ночью. Стоило королеве сомкнуть глаза, как кто-нибудь из тюремщиц будил её и требовал исповедаться в своих грехах. Её обвиняли в супружеской неверности, блуде, государственной измене и даже в убийстве, поскольку Осни Кеттлблэк признался, что задушил верховного септона по её приказу.

— Покайтесь в убийствах и блуде, — обычно брюзжала септа Юнелла, тряся королеву.

Септа Моэлла уверяла Серсею, что спать ей не дают грехи:

— Только невинным дарован спокойный сон.

Покайтесь в своих грехах и будете спать, как младенец.

Пробуждение, сон и вновь пробуждение. С каждым разом ночи становилось всё холоднее и мучительнее, и не было ни одной, которую не разорвали бы на куски грубые руки её тюремщиц. Час совы, час волка, час соловья, восход луны и заход, рассвет и закат проносились мимо, словно в пьяном бреду. Который теперь час? Какой день? Где она? Сон это или явь? Те урывки сна, что ей дозволялись, исполосовали мозг, словно бритва. Серсея слабела день ото дня и чувствовала себя всё более истощённой и больной. Она уже не понимала, как долго находится в этой камере, на вершине одной из семи башен Великой Септы Бейелора. «*Я здесь состарюсь и умру*», — думала она в отчаянии.

Этого допустить нельзя. Сын и королевство нуждаются в ней. Нужно выйти на свободу любой ценой. Пусть её мир сжался до клетушки в шесть квадратных футов, ночного горшка, продавленного тюфяка и тонкого, как её надежды, коричневого шерстяного кусачего одеяла, но она всё ещё оставалась наследницей лорда Тайвина и дочерью Утёса.

Вымотанная недосыпанием, дрожащая от холо-

да, что каждую ночь прокрадывался в её камеру на вершине башни, терзаемая то лихорадкой, то голодом Серсея, наконец, поняла, что должна сознаться.

Той же ночью пришедшая чтобы её растормошить септа Юнелла обнаружила королеву стоящей на коленях.

— Я согрешила, — произнесла Серсея. Её язык распух, а губы потрескались и кровоточили. — Тяжко согрешила. Теперь я это понимаю. Как я могла так долго быть слепа? Мне явилась Старица с высоко поднятым светочем, и в его святом сиянии я узрела путь. Я хочу очиститься, искупить вину. Пожалуйста, милая септа, молю тебя, отведи меня к верховному септону, чтобы я могла сознаться в своих преступлениях и распутстве.

— Я передам ему, ваше величество, — ответила септа Юнелла. — Его святейшество будет очень доволен. Только исповедью и искренним раскаянием можно спасти наши бессмертные души.

Больше её не тревожили, и Серсея провела остаток долгой ночи в благословенном и ничем не прерываемом сне. В кои-то веки сова, волк и соловей незаметно сменили друг друга, а Серсее снился бесконечный и упоительный сон, в котором Джейме был её мужем, и их сын — жив

и здоров.

С наступлением утра королева почувствовала себя почти прежней. Когда пришли тюремщицы, она вновь затянула ту же волынку, рассказывая о своем решении покаяться в грехах и получить прощение за всё, что сотворила.

— Мы рады это слышать, — произнесла септа Моэлла.

— С вашей души спадёт тяжкий груз, — уверила септа Сколерия. — После этого вы почувствуете себя намного лучше, ваше величество.

«*Ваше величество*». Эти два простых слова взволновали её. За долгое время плена тюремщицы нечасто утруждали себя даже такой простой любезностью.

— Его святейшество ждёт, — сказала септа Юнелла.

Серсея покорно склонила голову.

— Не позволите ли вы мне прежде принять ванну? Я не могу предстать перед ним в таком виде.

— Вы помоетесь позже, если позволит его святейшество, — ответила септа Юнелла. — Сейчас вас должна беспокоить чистота бессмертной души, а не пустые хлопоты о плоти.

Будто опасаясь, что Серсея может сбежать, септы втроём повели её вниз по лестнице башни:

впереди шла септа Юнелла, а позади септы — Моэлла и Сколерия.

— Меня так давно никто не навещал, — проворковала Серсея, пока они спускались. — Как себя чувствует король? Как мать я волнуюсь за своё дитя.

— Его величество в добром здравии, — ответила септа Сколерия, — и в безопасности, днём и ночью. Королева всегда с ним.

«*Это я королева*!» Она сглотнула и, улыбнувшись, произнесла:

— Рада это слышать. Томмен очень её любит. Я никогда не верила тем ужасам, что про неё говорили.

Неужели Маргери Тирелл удалось увильнуть от обвинений в супружеской неверности, блуде и государственной измене?

— Состоялся суд?

— Скоро будет, — ответила септа Сколерия, — но её брат…

— Тсс, — септа Юнелла оглянулась на товарку. — Слишком много болтаешь, глупая старуха. Не нам рассуждать о таких вещах.

Сколерия склонила голову.

— Молю простить меня.

Остаток спуска они преодолели в молчании.

«Его воробейство» принял её в своей келье — простой семиугольной комнате, где топорно вытесанные лики Семерых смотрели с каменных стен почти так же угрюмо и неодобрительно, как и сам его святейшество. Когда Серсея вошла, верховный септон сидел за грубо сколоченным столом и что-то писал. Он совсем не изменился со времени их последней встречи — с того самого дня, когда её схватили и посадили под замок. Всё тот же суровый седовласый измождённый мужчина с острыми чертами лица и полными подозрения глазами. Одет он был не в роскошную рясу своих предшественников, а в бесформенную доходящую до лодыжек рубаху из некрашеной шерсти.

— Ваше величество, — произнёс верховный септон вместо приветствия. — Как я понимаю, вы желаете исповедаться.

Серсея упала на колени.

— Желаю, ваше святейшество. Старица пришла ко мне во сне с высоко поднятым светочем…

— Не сомневаюсь. Юнелла, останься и запиши то, что расскажет её величество. Сколерия, Моэлла можете идти.

Он сложил пальцы домиком, как тысячу раз делал её отец.

Септа Юнелла села позади королевы, расправила пергамент и окунула перо в мейстерские чернила. Серсея вдруг испугалась.

— Когда я признаюсь, мне разрешат…

— С вашим величеством поступят согласно грехам.

«*Безжалостен*», — в который раз подумалось ей. Она помолчала, приводя мысли в порядок.

— Тогда, Матерь, помилуй меня. Я признаю, что возлежала с мужчинами вне уз брака. Сознаюсь в этом.

— С кем? — Взгляд верховного септона застыл на ней.

Серсея слышала, как за спиной поскрипывала пером Юнелла.

— С моим кузеном Ланселем Ланнистером и Осни Кеттлблэком.

Оба сознались в том, что спали с ней, открещиваться от их слов бесполезно.

— И с его братьями тоже. С обоими.

Кто знает, что могли рассказать Осфрид и Осмунд. Лучше признать слишком много, чем слишком мало.

— Это не оправдывает моего греха, ваше святейшество, но я была одинока и напугана. Боги забрали у меня короля Роберта — моего воз-

любленного и защитника. Я осталась одна в окружении интриганов, ложных друзей и изменников, замышлявших смерть моих детей. Я не знала, кому верить… И я… Я использовала единственное доступное средство, чтобы привязать к себе Кеттлблэков.

— Подразумеваете ваши женские прелести?

— Мою плоть, — она задрожала и закрыла лицо рукой, а затем продемонстрировала мокрые от слёз глаза. — Да. Пусть Дева простит меня. Но я поступила так не ради удовольствия, а ради моих детей и моего королевства. Кеттлблэки… Они суровы и жестоки, они грубо со мной обращались, но что мне оставалось делать? Томмен нуждался в защите людей, которым я могла довериться.

— Его величество охраняла Королевская Гвардия.

— Королевская Гвардия и пальцем не шевельнула, когда его брат Джоффри умирал на собственном свадебном пиру. Я видела гибель сына и не вынесу потери ещё одного. Я грешила, распутничала, но всё это ради Томмена. Простите, ваше святейшество, но я раздвину ноги перед каждым мужчиной в Королевской Гавани, если того потребует безопасность моих детей.

— Прощение даруют только боги. А что насчёт

сира Ланселя, вашего кузена и оруженосца вашего мужа? Его вы тоже пустили к себе в постель, чтобы завоевать преданность?

— Лансель…

Серсея запнулась. «*Осторожно*, — сказала она себе, — *Лансель всё ему рассказал*».

— Лансель любил меня. Он совсем ещё мальчишка, но я никогда не сомневалась в его преданности мне и моему сыну.

— И всё же вы совратили его.

— Мне было одиноко, — она подавила рыдание. — Я потеряла мужа, сына, отца. Я была регентшей, но королева остаётся женщиной, а женщины слабы, нас легко ввести в искушение… Вашему святейшеству известно, как оно бывает. Даже святые септы порой грешат. Лансель был добр и нежен, а я нуждалась в утешении и ободрении, которых больше не от кого было ждать… Это дурно, знаю, но женщине необходимо быть любимой, ей нужен рядом мужчина, ей… ей…

Она разрыдалась.

Верховный септон и не думал её утешать. Наблюдая за рыданиями Серсеи, он буравил её тяжелым взглядом, застыв, словно изваяния Семерых в расположенной над ними септе. Время шло. Наконец её глаза покраснели и зачесались, а

слёзы иссякли. Серсея чувствовала себя на грани обморока.

Но «его воробейство» ещё не закончил.

— Это обычные грехи, — произнёс он. — Безнравственность вдов хорошо известна, все женщины в глубине души распутны и склонны крутить мужчинами, прельщая их своими чарами и красотой. Это не измена, если только вы не прелюбодействовали ещё при жизни его величества короля Роберта.

— Никогда, — прошептала она, дрожа. — Никогда, клянусь.

Он не обратил на это внимания.

— Ваше величество обвиняется и в других преступлениях, куда более серьёзных, чем просто блуд. Вы признаёте, что сир Осни Кеттлблэк был вашим любовником, а сир Осни утверждает, что удушил моего предшественника по вашему приказу. Он также признаёт, что по вашему же приказу лжесвидетельствовал против королевы Маргери и её кузин, солгав о её супружеской неверности, блуде и государственной измене.

— Нет! — воскликнула Серсея. — Это ложь! Я люблю Маргери как дочь. А по поводу остального… Я ругала верховного септона, признаю. Этот ставленник Тириона запятнал нашу святую веру

своей слабостью и пороками. Ваше святейшество знает это не хуже меня. Возможно, Осни решил угодить мне таким образом. Если так, то часть вины лежит на мне… Но убийство? Нет. В этом я невиновна. Отведите меня в септу, я предстану перед судилищем Отца и поклянусь в правдивости моих слов.

— В своё время, — ответил верховный септон. — Вас также обвиняют в заговоре с целью убийства вашего мужа, нашего покойного возлюбленного короля Роберта, первого этого имени.

«*Лансель*», — мелькнуло в голове у Серсеи.

— Роберта убил кабан. Меня что же, считают оборотнем? Варгом? Уж не приписывают ли мне и смерть Джоффри, моего дорогого сыночка, моего первенца?

— Нет. Только смерть вашего мужа. Вы это отрицаете?

— Да, отрицаю. Перед богами и людьми, я отрицаю это.

Верховный септон кивнул.

— Последнее и самое тяжкое обвинение: говорят, что король Роберт не отец ваших детей, что они бастарды — плоды прелюбодеяния и кровосмешения.

— Это заявляет Станнис, — тут же ответила

Серсея. — Ложь, ложь, бесстыдная ложь! Станнис сам хочет сесть на Железный Трон, но на его пути стоят племянники, и ему ничего не остаётся, как объявить их незаконными. То мерзкое письмо… В нём нет ни капли правды. Я отрицаю это обвинение.

Верховный септон опёрся ладонями о стол и поднялся на ноги.

— Хорошо. Лорд Станнис отвернулся от истины Семерых ради культа красного демона. Этой ереси не место в Семи Королевствах.

Его слова почти успокоили Серсею, и она кивнула.

— Тем не менее, — продолжил его святейшество, — эти обвинения слишком ужасны, чтобы не проверить их правдивость. Если ваше величество говорит правду, суд несомненно докажет вашу невиновность.

«*Всё-таки суд*».

— Я созналась…

— … в некоторых грехах — да. Прочие вы отрицаете. Суд отделит истину от лжи. Я попрошу Семерых отпустить грехи в которых вы покаялись и помолюсь, чтобы вас признали невиновной по остальным обвинениям.

Серсея медленно поднялась с колен.

— Склоняюсь перед мудростью вашего святейшества, — произнесла она. — Я лишь молю о капле милосердия Матери, я… Я так давно не видела моего сына, пожалуйста…

Лицо верховного септона было будто высечено из камня.

— Вам не пристало приближаться к королю, пока полностью не очиститесь от скверны. Вы сделали первый шаг в направлении истинного пути, и поэтому я допущу к вам других посетителей. По одному в день.

Королева снова разрыдалась. На этот раз искренне.

— Вы так добры. Благодарю вас.

— Мать милосердна. Благодарите её.

Поджидавшие Моэлла и Сколерия повели её назад в башню. Юнелла шла следом.

— Мы все молились за вас, ваше величество, — сказала септа Моэлла по пути наверх.

— Да, — поддакнула септа Сколерия. — Должно быть, вам стало намного легче, вы чувствуете себя чистой и невинной, как дева утром перед свадьбой.

«*Утром перед свадьбой я трахала Джейме*», — вспомнила королева.

— Это так, — сказала она. — Я словно заново ро-

дилась, как будто вскрылся нарыв, и я, наконец, стала выздоравливать. Это окрыляет.

Как же хочется двинуть локтем в лицо септы Сколерии и спустить её с винтовой лестницы! И если боги будут милосердны, старая морщинистая сука налетит на септу Юнеллу и прихватит её с собой.

— Приятно снова видеть вашу улыбку, — сказала Сколерия.

— Его святейшество предупредил, что мне разрешены свидания?

— Да, — подтвердила септа Юнелла. — Только скажите, ваше величество, кого вы хотите видеть, и мы пошлем за ним.

«*Джейме, мне нужен Джейме*». Но если брат в городе, то почему не пришёл к ней? Джейме обождёт, пока она получше не разберётся, что творится за стенами Великой Септы Бейелора.

— Моего дядю, — попросила Серсея. — Сира Кивана Ланнистера, брата моего отца. Он в городе?

— Да, — ответила септа Юнелла. — Лорд-регент поселился в Красном Замке. Мы пошлём за ним немедленно.

— Благодарю, — задумчиво произнесла Серсея.

«*Лорд-регент, вот оно что*?» Это её совсем не удивило.

Как оказалось, преимущества смирения и раскаяния не ограничились очищением души от грехов. Вечером королеву перевели в камеру побольше, расположенную двумя этажами ниже. Там было окно, в которое она могла выглянуть, и тёплые мягкие одеяла на постели. А когда пришло время ужинать, вместо чёрствого хлеба и овсянки ей подали жареного каплуна, зелёный салат с толчёным орехом и пюре из репы с маслом. Этой ночью она впервые за время заточения улеглась в постель с полным желудком и спокойно проспала всю ночь напролёт.

На рассвете следующего дня пришел её дядя.

Серсея ещё завтракала, когда дверь отворилась, и вошёл сир Киван Ланнистер.

— Оставьте нас, — велел он тюремщицам.

Септа Юнелла увела Сколерию с Моэллой и закрыла за собой дверь. Королева поднялась на ноги.

За то время, что они не виделись, сир Киван постарел. Это был грузный широкоплечий толстяк, его тяжёлую челюсть обрамляла коротко подстриженная белокурая борода, а над покатым лбом рос ёжик светлых волос. Сир Киван был одет в тяжёлый тёмно-красный шерстяной плащ с застежкой в виде львиной головы.

— Спасибо, что пришёл, — поздоровалась королева.

Дядя нахмурился.

— Лучше присядь. Я должен тебе кое-что рассказать…

Садиться ей не хотелось.

— По твоему голосу ясно, что ты всё ещё сердишься на меня. Прости меня, дядя. Мне не следовало обливать тебя вином, но…

— Да какое мне дело до вина? Лансель мой сын, Серсея. Твой родной племянник. Если я и сердит на тебя, то из-за него. Твой долг был присматривать за мальчиком, направлять, найти ему достойную девушку из хорошей семьи. Вместо этого ты…

— Знаю, знаю.

«*Лансель хотел меня больше, чем я его. И, готова поклясться, всё ещё хочет*».

— Я была одинока, слаба. Пожалуйста, дядя. Ах, дядя. Так приятно увидеть твоё лицо, твоё милое-милое лицо. Я поступала дурно, знаю, но ты же меня не разлюбишь?

Она обвила его руками и поцеловала в щёку.

— Прости меня. Прости.

Сир Киван не сразу ответил на объятия, но потом быстрым неловким движением сжал её

плечи.

— Ну, довольно, — произнес он всё ещё холодным спокойным голосом. — Ты прощена. Теперь сядь. Я принёс дурные вести, Серсея.

Его слова напугали её.

— Что-то случилось с Томменом? Только не это! Я так боялась за сына. Никто ничего мне не рассказывает. Пожалуйста, скажи, что Томмен жив и здоров!

— С его величеством всё хорошо. Он часто спрашивает о тебе.

Сир Киван, положив руки ей на плечи, отодвинул её от себя.

— Тогда Джейме? Что-то с Джейме?

— Нет. Джейме всё ещё где-то в Речных Землях.

— Где-то? — Ей не понравилось, как это прозвучало.

— Он занял Древорон и принял капитуляцию лорда Блэквуда, — ответил дядя, — но на обратном пути в Ривердан оставил свою армию и уехал с женщиной.

— С женщиной? — растеряно уставилась на него Серсея. — С какой женщиной? Зачем? Куда они отправились?

— Никто не знает. Мы больше не получали

от него вестей. Женщина может быть дочерью Вечерней Звезды, леди Бриенной.

«*Ах, эта*». Королева помнила Тартскую Деву — огромное, уродливое, неуклюжее существо, наряженное в мужскую броню. «*Джейме никогда бы не бросил меня ради такого создания. Мой ворон не добрался до него, иначе бы он вернулся*».

— Мы получили сообщения о наёмниках, высаживающихся по всему югу, — продолжил сир Киван. — На Тарте, на Ступенях, на Мысе Гнева… Я бы очень хотел знать, где Станнис раздобыл деньги на вольный отряд? У меня здесь недостаточно сил, чтобы разделаться с ними. Войска есть у Мейса Тирелла, но он и пальцем не пошевелит, пока дело его дочери не будет улажено.

«*Палач всё быстро уладил бы*». Серсее было наплевать на Станниса и его наёмников. «*Забери его Иные, и Тиреллов в придачу. Поубивали бы друг друга — королевству стало бы только лучше*».

— Пожалуйста, дядя, вытащи меня отсюда.

— Как? Силой?

Сир Киван нахмурился, подошёл к окну и выглянул наружу.

— Мне пришлось бы превратить это святое место в бойню. И у меня нет людей. Большую часть наших сил твой брат увёл в Ривердан. У меня нет

времени на создание новой армии.

Он повернулся к ней.

— Я поговорил с его святейшеством. Он не освободит тебя, пока ты не искупишь свои грехи.

— Я призналась.

— Я сказал: искупишь. Перед городом. Шествие…

— Нет.

Она знала, что собирается сказать её дядя, и не хотела этого слышать.

— Никогда. Передай ему, если будешь снова с ним говорить. Я королева, а не какая-то портовая шлюха.

— Тебе не причинят вреда. Никто не тронет…

— Нет, — отрезала она. — Я лучше умру.

Сир Киван был непреклонен.

— Если ты действительно этого хочешь, то твоё желание может скоро исполниться. Его святейшество полон решимости судить тебя за цареубийство, богоубийство, кровосмешение и государственную измену.

— Богоубийство? — она едва не расхохоталась. — Когда это я убила бога?

— Верховный септон — глас Семерых здесь, на земле. Покусившийся на него, посягает на самих богов.

Она хотела возразить, но дядя предупреждающе поднял руку.

— Не стоит говорить о таких вещах. Не здесь. Дождёмся суда.

Он обвёл камеру красноречивым взглядом.

«*Кто-то подслушивает*». Даже тут, даже сейчас она не смела говорить открыто. Серсея вздохнула.

— Кто будет меня судить?

— Вера, — ответил дядя. — Если только ты не станешь настаивать на испытании поединком. В этом случае тебя будет защищать рыцарь Королевской Гвардии. Вне зависимости от исхода, твоему правлению пришёл конец. Я буду служить регентом Томмена, пока он не достигнет зрелости. Мейс Тирелл назначен королевским десницей. Великий мейстер Пицель и сир Харрис Свифт сохранят прежние должности, но лорд-адмирал теперь Пакстер Редвин, а Рендилл Тарли принял пост верховного судьи.

«*Оба знаменосцы Тирелла*». Управление государством передано её врагам и родне королевы Маргери.

— Маргери тоже обвиняется. Как и её кузины. Почему её воробьи освободили, а меня — нет?

— На этом настоял Рендилл Тарли. Он первым

добрался до Королевской Гавани, когда разразилась эта буря, и привёл с собой армию. Девиц Тирелл всё равно будут судить, но обвинения против них слабые, как признаёт его святейшество. Все мужчины, объявленные любовниками королевы, либо с самого начала отрицали обвинения, либо отреклись от своих показаний. За исключением твоего искалеченного певца, который наполовину спятил. Поэтому верховный септон передал девушек на попечение Тарли, а лорд Рендилл поклялся доставить их на суд, когда придёт время.

— А её обвинители? — спросила королева. — У кого они?

— Осни Кеттлблэк и Лазурный Бард здесь, под септой. Близнецов Редвинов признали невиновными, Хэмиш-Арфист скончался. Остальные в темницах под Красным Замком в распоряжении твоего Квиберна.

«*Квиберн*», — подумала Серсея.

Это хорошо, по крайней мере, у неё осталась одна соломинка, за которую можно ухватиться. Эти были у лорда Квиберна, а лорд Квиберн умеет творить чудеса. «*И ужасы. Ужасы он тоже умеет творить*».

— Есть ещё кое-что. Хуже. Может, присядешь?

— Присяду?

Серсея отрицательно качнула головой. Что может быть хуже? Её будут судить за государственную измену, в то время как маленькая королева и её кузины упорхнули на свободу, словно птицы.

— Говори, в чём дело?

— Мирцелла. У нас плохие новости из Дорна.

— Тирион! — выпалила она. Тирион отправил её малышку в Дорн, а Серсея послала сира Бейлона Сванна вернуть её домой. Все дорнийцы — змеи, а Мартеллы — худшие из них. Красный Змей даже пытался защитить Беса и был на волосок от победы, которая спасла бы карлика от обвинений в убийстве Джоффри. — Это он! Бес всё это время был в Дорне, а теперь захватил мою дочь.

Сир Киван одарил её ещё одним мрачным взглядом.

— На Мирцеллу напал дорнийский рыцарь по имени Герольд Дейн. Она жива, но ранена. Он порезал ей лицо, она… Мне жаль… Она потеряла ухо.

— Ухо.

Серсея в ужасе уставилась на дядю. «*Она совсем ещё дитя, моя драгоценная красавица принцес-*

са».

— Он отрезал ей ухо. А принц Доран и его дорнийские рыцари, где они были? Они не смогли защитить одну маленькую девочку? Где был Арис Окхарт?

— Он погиб, защищая её. Как говорят, Дейн зарубил его.

Королева помнила, что Меч Зари был из Дейнов, но он давно погиб. Кто этот сир Герольд и почему он хотел навредить её дочери? В этом нет ни малейшего смысла, разве что…

— Тирион потерял половину носа в битве на Черноводной. Порезать лицо, отрезать ухо… Это Бес приложил свою грязную руку.

— Принц Доран не упоминает твоего брата. А Бейлон Сванн пишет, что Мирцелла во всём винит Герольда Дейна по прозвищу Тёмная Звезда.

Она горько рассмеялась.

— Как бы его не прозвали, он орудие моего брата. У Тириона есть друзья в Дорне. Бес планировал это с самого начала. Это Тирион сосватал Мирцеллу принцу Тристану. Теперь я понимаю зачем.

— Ты видишь Тириона в каждой тени.

— Он порождение теней. Он убил Джоффри. Убил отца. Ты думал, он на этом остановится? Я опасалась, что Тирион до сих пор в Королевской

Гавани, плетёт интриги против Томмена, но он, должно быть, отправился в Дорн, чтобы сначала уничтожить Мирцеллу.

Серсея металась по камере.

— Я должна быть с Томменом. Королевская Гвардия бесполезна, как соски на панцире, — она развернулась к своему дяде. — Ты сказал, что сир Арис пал?

— От руки Тёмной Звезды, да.

— Мёртв. Ты уверен, что он мёртв?

— Так нам сказали.

— Тогда в Королевской Гвардии освободилось место. Его нужно заполнить немедленно. Томмена следует защитить.

— Лорд Тарли составляет список достойных рыцарей на рассмотрение твоему брату, но пока Джейме не вернётся…

— Белый плащ даёт король. Томмен хороший мальчик. Скажи ему, кого выбрать, и он выберет.

— И кого бы ты хотела, чтобы он назвал?

У неё не было готового ответа. «*Моему бойцу понадобится новое имя, как и новое лицо*».

— Квиберн знает. Доверь это ему. Между нами были разногласия, дядя, но ради нашего кровного родства и ради любви, которую ты питал к моему отцу, ради Томмена и его бедной изувеченной

сестры сделай, как я прошу. Ступай к лорду Квиберну от моего имени, принеси ему белый плащ и скажи, что время пришло.

Глава 55. Рыцарь Королевской гвардии

— Вы служили королеве, — заявил Резнак мо Резнак. — Король желает, чтобы при дворе его окружали собственные люди.

«*Я и сейчас служу королеве. Сегодня, завтра, всегда, до последнего вздоха — её или моего*». Барристан Селми отказывался поверить, что Дейенерис Таргариен мертва.

Возможно, именно это послужило причиной его отстранения. «*Хиздар выпроваживает нас одного за другим*». Силач Бельвас, стоявший одной ногой в могиле, сейчас находился в храме под присмотром Синих Милостей... Хотя Селми отчасти подозревал, что жрицы завершат начатое медовой саранчой. Скахаза Бритоголового сняли с должности. Безупречные вернулись в казармы. Чхого, Даарио Нахарис, адмирал Гролео и Безупречный по имени Герой остались заложниками юнкайцев. Агго и Ракхаро вместе с остальным кхаласаром королевы отправили за реку на поиски их пропавшей кхалиси. Даже Миссандею освободили от прежних обязанно-

стей: король решил, что ему не подобает держать в качестве глашатая ребенка и к тому же бывшую рабыню. «*Теперь моя очередь*».

В своё время он воспринял бы эту отставку как бесчестье — но то было в Вестеросе. В этом миэринском гадюшнике честь казалась чем-то столь же нелепым, как шутовской наряд. И это недоверие было взаимным: пусть Хиздар зо Лорак и был супругом королевы, но для Барристана Селми он никогда не станет королём.

— Если его величество желает, чтобы я покинул двор...

— Его лучезарность, — поправил сенешаль. — Нет-нет-нет, вы меня не поняли. Его милость собирается принять делегацию юнкайцев, чтобы обсудить с ними условия отвода их войск. Юнкайцы могут попросить... э... возмещения за тех, кто пал жертвой драконьей ярости. Вопрос деликатный. Король считает, что лучше, если послы увидят на троне короля-миэринца под защитой миэринских же воинов. Уверен, вы понимаете это, сир.

«*Гораздо больше, чем тебе кажется*».

— Можно узнать, на кого его величество возлагает свою охрану?

Резнак мо Резнак улыбнулся своей заискиваю-

щей улыбочкой.

— Грозным воинам, преданным его милости. Гогору Гиганту, Краззу, Пятнистому коту, Белакво Костолому. Все — герои.

«*Все — гладиаторы*». Сир Барристан не был удивлён. Положение Хиздара зо Лорака на троне было шатким. В Миэрине уже тысячу лет не было короля, и, более того, кое-кто из старой знати считал, что можно было подыскать кандидатуру получше. За стенами города стояли юнкайцы со своими наёмниками и союзниками. Внутри орудовали Дети Гарпии.

И с каждым днём у короля становилось всё меньше защитников. Хиздар допустил в отношении Серого Червя грубейшую ошибку, стоившую ему Безупречных. Когда его величество попытался поставить их под начало своего кузена, как прежде поступил с Медными Тварями, Серый Червь известил короля, что Безупречные — свободные люди и не подчиняются никому, кроме своей матери. Что до Медных Тварей, одна их половина — вольноотпущенники, а другая — бритоголовые, которые, вполне возможно, сохранили верность Скахазу мо Кандаку. Гладиаторы оставались единственной надежной опорой короля Хиздара среди полчищ врагов.

— Да сохранят они его величество от всех бед, — тон сира Барристана не выдал его истинных чувств. Он научился скрывать их ещё в Королевской Гавани много лет назад.

— Его *великолепие*, — подчеркнул Резнак мо Резнак. — Ваши прочие обязанности останутся неизменными, сир. Если мир будет нарушен, его лучезарность, как и прежде, желает, чтобы именно вы повели войска против врагов нашего города.

«*Хотя бы на это у него хватило ума*». Белакво Костолом и Гогор Гигант могли служить Хиздару защитниками, но одна мысль о том, что кто-то из них поведет армию в бой, казалась настолько смехотворной, что старый рыцарь едва не улыбнулся.

— Я к услугам его величества.

— Не «*величества*», — недовольно произнес сенешаль. — Это вестеросский титул. Его великолепие, его лучезарность или его милость.

«*"Его тщеславие" сгодилось бы лучше*».

— Как скажете.

Резнак облизнул губы.

— Тогда на сегодня всё.

На этот раз его елейная улыбка говорила, что пора откланяться, и сир Барристан удалился,

благодарный за возможность избавиться от вони духов сенешаля. «*Мужчина должен пахнуть потом, а не цветами*».

Великая пирамида Миэрина была восьмисот футов в высоту от основания до вершины. Сенешаль жил на втором этаже. Покои королевы и самого сира Барристана занимали верхний этаж. «*Долгий подъём для человека моего возраста*», — думал старый рыцарь, взбираясь по лестнице. По делам королевы ему приходилось взбираться по лестнице пять-шесть раз в день, что могли подтвердить боли в коленях и в пояснице. «*Придёт день, когда я уже не смогу одолеть эти ступени*, — размышлял он, — *и этот день наступит скорее, чем мне хотелось бы*». Прежде чем это случится, надо удостовериться, что хотя бы несколько его воспитанников будут готовы занять его место рядом с королевой. «*Когда они будут готовы, я сам посвящу их в рыцари и дам каждому коня и золотые шпоры*».

В покоях королевы было тихо и безлюдно. Хиздар не стал здесь жить — он предпочёл обустроить собственные покои глубоко в недрах Великой пирамиды, где его со всех сторон окружали массивные кирпичные стены. Меззара, Миклаз, Квезза и прочие маленькие пажи короле-

вы — на самом деле, конечно, заложники, хотя и Селми, и сама королева их полюбили настолько, что трудно было думать о них как о заложниках — ушли вместе с королем, а Ирри и Чхику уехали вместе с другими дотракийцами. Осталась только Миссандея, похожая на несчастное маленькое привидение, бродящее в покоях королевы на вершине пирамиды.

Сир Барристан вышел на террасу. Небо над Миэрином было цвета мертвечины: тусклое, белое, тяжёлое — сплошная пелена облаков от горизонта до горизонта. Солнце скрылось за этой облачной стеной — оно зайдёт незримо для глаз, как незримо взошло этим утром. Ночь будет жаркой — одной из тех душных, липких, влажных ночей, когда не хватает воздуха. Вот уже три дня как собирался дождь, но ни капли так и не упало. «*Ливень стал бы спасением — он отмыл бы город дочиста*».

Отсюда виднелись четыре меньшие пирамиды, западные стены города и военные лагеря юнкайцев на берегу Залива Работорговцев, над которыми, точно какая-то чудовищная змея, вился в воздухе густой столб жирного дыма. «*Юнкайцы жгут своих мертвецов*, — понял Селми. — *Бледная кобылица скачет по их осадным*

лагерям». Несмотря на все усилия королевы, болезнь распространялась, как внутри города, так и снаружи. Миэринские рынки закрылись, улицы опустели. Король Хиздар держал открытыми бойцовские ямы, но публики было мало. Сообщали, что миэринцы начали избегать даже Храма Милостей.

«*Работорговцы непременно придумают, как обвинить Дейенерис и в этом*», — с горечью подумал сир Барристан.

Он почти слышал, как они перешептываются — Великие Господа, Дети Гарпии, юнкайцы и все остальные — говорят один другому, что его королева мертва. Половина города в это верила, пусть пока и не находила в себе храбрости произнести это вслух. «*Но, думаю, это ненадолго*».

Сир Барристан чувствовал себя очень усталым и старым. «*И куда ушли все эти годы*?». В последнее время, наклоняясь к воде, чтобы напиться, Селми видел, как из воды на него смотрит незнакомое лицо. Когда вокруг его бледно-голубых глаз успели появиться морщины? Когда волосы из золотистых стали снежно-седыми? «*Много лет назад, старик. Десятилетия*».

И всё же казалось, будто только вчера его посвятили в рыцари после турнира в Королевской

Гавани. Он до сих пор помнил прикосновение к плечу меча короля Эйегона — лёгкое, точно девичий поцелуй. Слова обета застревали в горле. В тот вечер на пиру он ел рёбрышки дикого вепря, приготовленные по-дорнийски с драконьим перцем, которые были такими острыми, что обжигали рот. Прошло сорок семь лет, а сир Барристан всё ещё помнил их вкус. Но он не смог бы вспомнить, чем отужинал десять дней назад, даже если бы от этого зависела судьба всех семи королевств. «*Скорее всего, варёной собакой. Или какой-нибудь другой мерзостью, такой же гадкой на вкус*».

Уже не в первый раз Селми дивился, какая же странная судьба зашвырнула его сюда. Он был вестеросским рыцарем, жителем Штормовых Земель и Дорнийских Марок — его место в Семи Королевствах, а не на этих знойных берегах Залива Работорговцев. «*Я приехал сюда, чтобы отвезти Дейенерис домой*». Но он потерял её, так же как потерял её отца и брата. «*Даже Роберта. Я и его подвел*».

Возможно, Хиздар был мудрее, чем казалось сиру Барристану. «*Десять лет назад я догадался бы, что собирается сделать Дейенерис. Десять лет назад я бы успел её остановить*». Вместо

этого, когда Дейенерис спрыгнула в яму, он замер от удивления, а затем бессмысленно бросился за ней по багряным пескам, выкрикивая её имя. «*Я становлюсь старым и медлительным*». Неудивительно, что Нахарис дразнил его «дедулей». «*Если бы тогда Даарио находился подле королевы, то смог бы он меня опередить*?». Селми решил, что знает ответ на этот вопрос — хотя он ему и не понравился.

Прошлой ночью ему опять приснился тот день: стоящий на коленях Бельвас блюет желчью и кровью, Хиздар зовет драконоборцев, мужчины и женщины в ужасе разбегаются, толкаются на лестницах, лезут друг на друга, кричат и визжат. А Дейенерис...

«*Её волосы загорелись. Она держала в руке кнут и кричала, а потом очутилась на спине дракона и улетела*». Песок, поднятый в воздух взмахом крыльев Дрогона, запорошил сиру Барристану глаза, но сквозь пелену слёз старый рыцарь увидел, как чудовище вылетает из ямы и его огромные крылья бьют по плечам бронзовых воинов у ворот.

Остальное он узнал уже потом. За воротами началась сильная давка. Внизу обезумевшие от запаха дракона лошади в ужасе вставали на дыбы, молотя подкованными железом копытами.

Повсюду раскиданы прилавки с едой и паланкины, упавших людей нещадно топтали ногами. В дракона стреляли из арбалетов и метали копья. Некоторые достигли цели. Разъяренный дракон метался по воздуху, его раны дымились, а девушка цеплялась за его спину. И тогда Дрогон выдохнул пламя.

Медные Твари собирали тела весь остаток дня и большую часть ночи. Всего они насчитали двести четырнадцать погибших и втрое больше раненых и обожжённых. К тому времени Дрогон покинул город — в последний раз, когда его видели, дракон летел над Скахазадханом на север. Никто не нашел ни следа Дейенерис Таргариен. Некоторые клялись, что видели, как она упала. Другие уверяли, что дракон унес её, чтобы сожрать. «*Они ошибаются*».

Сир Барристан знал о драконах только то, что говорилось в известных всем с детства сказках, но также он знал Таргариенов. Дейенерис летела на драконе *верхом* — точно так же, как в древности Эйегон летал на Балерионе.

— Быть может, она летит домой, — произнёс он вслух, обращаясь к самому себе.

— Нет, — прошептал позади голосок. — Она не поступила бы так, сир. Она не отправилась бы

домой без нас.

Сир Барристан обернулся:

— Миссандея. Дитя. Как долго ты тут стоишь?

— Недолго. Недостойная просит извинить её, если побеспокоила вас, — Миссандея заколебалась. — Скахаз мо Кандак хочет побеседовать с вами.

— Бритоголовый? Ты с ним говорила?

Что за безрассудство? Между Скахазом и королём старая вражда, а девочка достаточно умна, чтобы это понимать. Скахаз высказывался категорически против замужества королевы, и Хиздар не мог этого забыть.

— Он здесь? В пирамиде?

— Он приходит и уходит, когда пожелает, сир.

«*Да, это он может*».

— Кто тебе сказал, что Скахаз хочет со мной поговорить?

— Медная Тварь в маске совы.

«*Он был в маске совы, когда говорил с тобой. Сейчас он может быть шакалом, тигром, ленивцем*». Сиру Барристану с самого начала не понравились эти маски, а теперь он возненавидел их как никогда прежде. Честным людям незачем скрывать свои лица. А Бритоголовый...

«*О чём он только думает*?» После того, как Хиздар передал командование Медными Тварями

своему кузену Маргазу зо Лораку, Скахаза назначили Хранителем Реки, управляющим всеми паромами, канализацией и оросительными каналами по Скахазадхану на пятьдесят лиг. Однако Бритоголовый отверг эту древнюю и почётную должность — как её назвал Хиздар — и предпочёл удалиться в скромную пирамиду Кандаков. «*Теперь, когда его не защищает королева, приходя сюда, он подвергает себя большой опасности*». А если кто-то увидит, как сир Барристан разговаривает с Скахазом, под подозрение попадет и сам рыцарь.

Не нравилось ему эта затея. Она попахивала коварством, обманом и заговором — всем тем, о чём он надеялся забыть вместе с Пауком, лордом Мизинцем и им подобными. Барристана Селми нельзя было назвать книгочеем, но он нередко просматривал страницы Белой Книги с записями деяний его предшественников. Некоторые были героями, другие — слабаками, подлецами и трусами. Большинство же было обычными людьми, просто быстрее и сильнее других, и лучше владеющих мечом и щитом, но так же легко поддающимися гордыне, честолюбию, похоти, любви, гневу, зависти, алчности, властолюбию и всем прочим слабостям, которым подвержены

остальные смертные. Лучшие из белых рыцарей преодолели свои слабости, исполнили свой долг и умерли с оружием в руках. Худшие же...

«*Худшие — те, кто играл в игру престолов*».

— Ты сможешь снова найти эту сову? — спросил он Миссандею.

— Недостойная может попробовать, сир.

— Скажи ему, что я встречусь с... с нашим другом... после заката, в конюшнях.

После захода солнца главные ворота пирамиды закрывали и запирали на засов. В конюшнях в это время было безлюдно.

— Только убедись, что это та самая сова. — Будет худо, если об этом услышит не та Медная Тварь.

— Недостойная понимает.

Миссандея повернулась, собираясь уйти, помедлила мгновение и сказала:

— Говорят, юнкайцы окружили город скорпионами, чтобы стрелять железными стрелами в небо, если Дрогон вернется.

Сир Барристан тоже об этом слышал.

— Не так-то просто убить дракона в небесах. В Вестеросе многие пытались сбить Эйегона и его сестёр, и никому это не удалось.

Миссандея кивнула. Трудно сказать, обнадежила её эта весть или нет.

— Сир, как вы думаете, они её найдут? Степи такие огромные, а драконы не оставляют следов на небе.

— Агго и Ракхаро — кровь её крови... и кому знать Дотракийское море лучше, чем самим дотракийцам? — Он сжал плечо наатийки. — Если такое вообще возможно, они её найдут.

«*Если она еще жива*». По степным травам рыскали и другие кхалы, конные владыки с кхаласарами из десятков тысяч всадников. Но не стоило говорить об этом девочке.

— Я знаю, что ты её очень любишь. Клянусь, я защищу её.

Слова, похоже, немного успокоили девочку.

«*И всё же слова — ветер*, — подумал сир Барристан. — *Как я могу защитить королеву, когда меня нет рядом*?»

Барристан Селми знавал многих королей. Он родился в беспокойные времена правления Эйегона Невероятного, любимого простым людом, и рыцарство получил из его рук. В двадцать три года Селми получил белый плащ из рук Джейехериса, сына Эйегона — после того, как сир Барристан убил Мейелиса Чудовище в Войне Девятигрошовых Королей. В этом же плаще он стоял у Железного Трона, когда безумие пожирало

сына Джейехериса — Эйериса. «*Стоял, смотрел, слушал — но ничего не делал*».

Нет. Это несправедливо. Он исполнял свой долг. Но в иные ночи сир Барристан размышлял, что бы произошло, исполняй он свой долг не так хорошо? Он принёс свои обеты перед лицом богов и людей и не мог поступиться честью, нарушив их... но исполнять эти обеты в последние годы правления Эйериса стало тяжело. Он видел такое, что больно вспоминать, и не раз задумывался, сколько крови на его собственных руках. Не отправься он в Синий Дол, чтобы спасти Эйериса из темницы лорда Дарклина, король, вероятно, умер бы там, когда Тайвин Ланнистер разорял город. Потом на Железный Трон взошел бы принц Рейегар — возможно, ради того чтобы исцелить страну. Синий Дол был звёздным часом Барристана Селми, но воспоминания о нём отдавали горечью.

По ночам его преследовали прошлые неудачи. «*Три мёртвых короля: Джейехерис, Эйерис, Роберт. Рейегар, который стал бы королем лучше любого из них. Принцесса Элия и её дети: Эйегон — всего лишь младенец, Рейенис и её котенок*». Все они мертвы, а он, поклявшийся защищать их, всё ещё живет. Теперь и Дейенерис, его сия-

ющая королева-дитя. «*Нет. Она не умерла — я не поверю в это*».

Во второй половине дня сир Барристан получил возможность ненадолго отвлечься от своих раздумий. Он проводил эти часы в зале для тренировок на третьем ярусе пирамиды, упражняясь со своими подопечными, обучая их искусству владения мечом и щитом, копьем и боевым конем... и рыцарству — тому самому кодексу чести, который делает рыцаря чем-то большим, чем раб-гладиатор. После его смерти Дейенерис понадобятся защитники её возраста, и сир Барристан твердо вознамерился предоставить королеве таковых.

Мальчикам, которых он учил, было от восьми до двадцати лет. На первых занятиях их было больше шестидесяти, но для многих тренировки оказались чересчур суровыми. Осталось меньше половины, однако некоторые подавали большие надежды. «*Теперь, когда не надо охранять королеву, у меня больше времени на тренировки с ними*, — понял он, переходя от пары к паре и наблюдая, как они сходятся друг с другом, вооружённые затупленными мечами и копьями. — *Храбрые мальчики. Низкого происхождения, да, но кое-кто из них станет хорошим рыцарем, и они любят королеву. Если бы не она, все они закончили бы*

свои дни в бойцовых ямах. У короля Хиздара есть гладиаторы, но Дейенерис получит рыцарей».

— Щит не опускать! — прикрикнул он. — Покажи мне свои удары. Теперь вместе. Удар снизу, сверху, снизу, снизу, сверху, снизу...

В этот вечер Селми вынес на террасу свой нехитрый ужин и поел на закате. В лиловых сумерках на великих ступенчатых пирамидах один за другим загорались огни — разноцветные кирпичи Миэрина становились сначала серыми, а потом чёрными. Внизу на улицах и в переулках собирались тени, сливаясь в реки и озера. В сумерках город казался безмятежным, даже прекрасным. «*Это мор, а не мир*», — сказал себе старый рыцарь, допив последний глоток вина.

Он не хотел привлекать к себе внимание, поэтому после ужина снял свой придворный наряд и сменил белое облачение рыцаря Королевской Гвардии на бурый дорожный плащ с капюшоном, какой может носить любой простолюдин. Однако меч и кинжал Селми оставил при себе. «*Это может оказаться ловушкой*». Он не слишком доверял Хиздару, а Резнаку мо Резнаку — и того меньше. Надушенный сенешаль мог быть в этом замешан — он мог пытаться завлечь рыцаря на тайную встречу, поймать там его с Скахазом и

обвинить обоих в заговоре против короля. «*Если Бритоголовый замыслил измену, он не оставляет мне выбора, кроме как арестовать его. Пусть мне это и не нравится, но Хиздар — супруг моей королевы. Мой долг — служить ему, а не Скахазу*».

Или всё-таки нет?

Первейшая обязанность рыцаря Королевской Гвардии — охранять короля от любого вреда и угрозы. Помимо этого, белые рыцари клянутся повиноваться приказам короля, хранить его тайны, давать совет, когда тот требуется, и держать рот на замке, когда у короля нет в нём нужды, угождать его прихотям и защищать его имя и честь. Строго говоря, только сам король решал, должны ли гвардейцы охранять кого-то ещё или нет, даже когда речь шла о членах королевской семьи. Некоторые короли считали в порядке вещей направлять Королевскую Гвардию на охрану своих жён, детей, братьев, сестёр, теток и дядьев, ближних и дальних родичей, а иногда даже любовниц и бастардов. Но другие предпочитали использовать для таких дел служилых рыцарей и дружинников, а свою семёрку всегда держать при себе как личную стражу.

«*Если бы королева приказала мне охранять Хиздара, у меня не осталось бы другого выбора,*

кроме как повиноваться». Но Дейенерис Таргариен так и не собрала полноценную Королевскую Гвардию даже для себя самой и не дала никаких приказов касаемо своего супруга.

«*Всё было проще, когда у меня был лорд-командующий, чтобы решать подобные вопросы,* — подумал Селми. — *Теперь я сам лорд-командующий, и трудно понять, какой путь верный*».

Добравшись до последнего лестничного пролёта, сир Барристан оказался в полном одиночестве в освещённом факелами коридоре внутри массивных кирпичных стен пирамиды. Как он и ожидал, огромные створки ворот были закрыты и заперты на засов. Снаружи ворота охраняли четверо Медных Тварей, ещё четверо находились внутри — рослые мужчины в масках вепря, медведя, полевки и мантикоры. С ними-то и столкнулся старый рыцарь.

— Всё спокойно, сир, — отчитался ему медведь.

— Продолжайте нести службу. — Сир Барристан нередко обходил пирамиду по ночам, чтобы удостовериться, что та в безопасности.

Глубже в недрах пирамиды, у железных дверей перед ямой, где на цепях держали Визериона и Рейегаля, стояли ещё четыре Медные Твари. В свете факелов блестели их маски — обезьяна,

баран, волк и крокодил.

— Их покормили? — спросил сир Барристан.

— Так точно, сир, — ответила обезьяна. — По овце каждому.

«*Интересно, надолго ли им этого хватит*?» Драконы росли, и вместе с ними росли и их аппетиты.

Пришло время искать Бритоголового. На пути в дальнюю часть конюшен сир Барристан миновал слонов и серебряную кобылицу королевы. Когда он проходил мимо, закричал осёл, да несколько лошадей встрепенулись в свете фонаря. В остальном вокруг было темно и тихо.

Затем от одного из пустых стойл отделилась тень, оказавшаяся ещё одной Медной Тварью — в складчатой черной юбке, поножах и мускульной кирасе.

— Кошка? — удивившись, спросил Барристан Селми, заметив медь под капюшоном. Когда Бритоголовый начальствовал над Медными Тварями, он предпочитал маску в виде змеиной головы, грозную и величественную.

— Кошки гуляют, где захотят, — ответил знакомый голос Скахаза мо Кандака. — На них никто не обращает внимания.

— Если Хиздар узнает, что вы здесь...

— И кто ему скажет? Маргаз? Маргазу известно то, что я позволяю ему знать. Не забывай, Твари всё ещё мои, — голос Бритоголового заглушался маской, но Селми расслышал в нем гнев. — Я нашел отравителя.

— Кто он?

— Кондитер Хиздара. Его имя ничего тебе не скажет — он просто орудие в чужих руках. Дети Гарпии схватили его дочь и пообещали, что вернут её целой и невредимой, как только королева умрет. Дейенерис спасли Бельвас и дракон, а вот девочку спасти было некому — её вернули отцу во мраке ночи в виде девяти частей. Каждая за прожитый ей год.

— Но почему? — сира Барристана терзали сомнения. — Дети Гарпии перестали убивать. Заключённый Хиздаром мир...

— ... Фальшивка. Поначалу это было не так, нет. Юнкайцы боялись нашей королевы, её Безупречных, её драконов. Эти края уже знавали драконов — Юрхаз зо Юнзак читал исторические трактаты и знает об этом, Хиздар тоже. Так почему бы им не заключить мир? Дейенерис этого хотела — они оба это видели. Она так сильно хотела мира. Ей бы следовало повести войска на Астапор, — Скахаз придвинулся ближе. — Так обстояли дела. Но в

бойцовой яме всё изменилось. Дейенерис больше нет, Юрхаз мёртв. На месте старого льва осталась стая шакалов. Кровавой Бороде… уж кому-кому, а ему мир не нужен. Есть ещё кое-что. Гораздо хуже. Волантис отправил против нас свой флот.

— Волантис. — Селми почувствовал, как дрогнула его правая рука. «*Мы заключили мир с Юнкаем, не с Волантисом*». — Вы уверены?

— Уверен. Мудрые Господа знают об этом, знают и их друзья — Гарпии, Резнак, Хиздар. Когда волантийцы прибудут, этот король откроет им ворота. Всех, кого освободила Дейенерис, снова поработят — цепи наденут даже на тех, кто никогда не был рабом. Твоя жизнь может закончиться в бойцовой яме, старик. Кразз сожрет твое сердце.

Голова сира Барристана загудела.

— Нужно сообщить Дейенерис.

— Найди её для начала, — Скахаз вцепился ему в предплечье, пальцы у Бритоголового были точно стальные. — Мы не можем ждать её возвращения. Я переговорил со Свободными Братьями, с Детьми Матери, с Храбрыми Щитами. Они не верят Лораку. Мы должны разбить юнкайцев, но для этого нам нужны Безупречные. Серый Червь к тебе прислушается — поговори с ним.

— Ради чего? — «*Он же говорит об измене. Это заговор*».

— Ради жизни, — глаза Бритоголового под медной кошачьей маской походили на чёрные озера. — Нам надо ударить прежде, чем прибудут волантийцы. Прорвём осаду, перебьём работорговцев, разгоним наёмников. Юнкайцы не ожидают нападения. У меня есть лазутчики в их лагерях. Они говорят, что там мор, который становится страшнее день ото дня. Дисциплина никуда не годится. Господа чаще пьяны, чем трезвы, сходятся на пирушках, рассказывают друг другу о сокровищах, которые поделят между собой, когда Миэрин падет, и спорят, кто из них главнее. Кровавая Борода и Принц в Лохмотьях друг друга терпеть не могут. Никто не ждет битвы — не сейчас. Они считают, что заключенный Хиздаром мир нас убаюкал.

— Но Дейенерис подписала мирный договор, — возразил сир Барристан. — Не годится разрывать его без разрешения королевы.

— А если она мертва? — резко спросил Скахаз. — Что тогда? Я скажу, чего она хотела бы от нас: чтобы мы защищали её город. Её детей.

Её дети — вольноотпущенники. «*Миса — так её называли все те, чьи цепи она разбила. Мать*». Бритоголовый прав, Дейенерис хотела бы, чтобы

её детей защитили.

— А как же Хиздар? Он все еще её супруг. Её король. Ее муж.

— Её отравитель.

«*Так ли это*?».

— Где доказательства?

— Корона, которую он носит — вот доказательство. Трон, на котором он сидит. Открой глаза, старик. Это всё, что ему было нужно от Дейенерис, всё, чего он хотел. Когда он заполучил власть — зачем ею с кем-то делиться?

«*И правда, зачем*?»

Внизу в яме было так жарко. Сир Барристан всё ещё видел дрожащий над багряными песками воздух, чувствовал запах крови, пролитой ради развлечения, и слышал, как Хиздар уговаривает свою королеву отведать саранчу в меду. «*Очень вкусно... сладкая и острая... а сам не попробовал ни кусочка,* — Селми потер лоб. — *Я не приносил присяги Хиздару зо Лораку, а если бы и принёс, он всё равно вышвырнул меня, точь-в-точь как Джоффри*».

— Этот... этот кондитер, я хочу сам его допросить. С глазу на глаз.

— Ах, вот как? — Бритоголовый скрестил на груди руки. — Конечно. Допрашивай его. Как

пожелаешь.

— Если... если то, что он скажет, убедит меня... если я присоединюсь к вам в этом... этом... Вы должны пообещать, что Хиздару зо Лораку не причинят никакого вреда, пока... если не... докажут, что он как-то был в этом замешан.

— Да что ты так печешься о Хиздаре, старик? Если он сам не Гарпия, то уж точно её первенец.

— Я знаю наверняка лишь то, что он супруг королевы. Я хочу, чтобы вы дали мне слово, иначе, клянусь, я встану у вас на пути.

Скахаз хищно улыбнулся.

— Значит даю слово. Никакого вреда Хиздару, пока его вину не подтвердят. Но когда у нас будут доказательства, я собираюсь убить его собственными руками. Я хочу вытащить из Хиздара кишки и показать ему, прежде чем позволю умереть.

«*Нет*, — подумал старый рыцарь. — *Если Хиздар пытался убить мою королеву, я сам о нём позабочусь, но его смерть будет быстрой и чистой*».

Боги Вестероса были далеко, но сир Барристан Селми всё-таки помолчал немного, помолившись про себя и попросив Старицу осветить ему путь к мудрости. «*Ради детей*, — сказ он себе. — *Ради города. Ради моей королевы*».

? Я поговорю с Серым Червём, — произнес он.

Глава 56. Железный жених

«Горе» появилось на рассвете — его чёрные паруса четко вырисовывались на бледно-розовом утреннем небе.

«*Пятьдесят четвёртый, и приплыл в одиночку*», — раздражённо подумал Виктарион, когда его разбудили. Он тихо проклял Штормового Бога за его жадность — гнев чёрным пламенем жёг его нутро: «*Где мои корабли*?»

Виктарион вышел в море с Щитовых островов с девяносто тремя кораблями, оставшимися от сотни, некогда составлявшей Железный Флот. Флот, который принадлежал не кому-то из лордов, а самому Морскому Трону, флот, чья команда набиралась со всех островов. Эти корабли были меньше огромных боевых дромонов зелёных земель, но втрое больше любой обычной ладьи. С крепким корпусом и мощным тараном, они могли достойно встретить королевский флот в битве.

После долгого пути вдоль пустынных и безжизненных берегов Дорна с их водоворотами и мелями они достигли Ступеней, где запаслись

зерном, дичью и свежей водой. Там «Железная Победа» захватила пузатое торговое судно — большой ког «Благородная Леди», гружёный солёной треской, китовым жиром и маринованной сельдью, который шел в Старомест через Чаячий Город, Синий Дол и Королевскую Гавань. Эта снедь оказалась приятным дополнением к их запасам. Они захватили ещё пять судов в Редвинских Проливах и у побережья Дорна — три кога, галеас и галеру, и это увеличило флот до девяносто девяти единиц.

Девяносто девять кораблей покинули Ступени в составе трёх гордых эскадр с приказом встретиться у южного мыса Кедрового Острова. Но до края света добрались лишь сорок пять. К месту встречи мелкими группами, а иногда поодиночке приплыли двадцать два корабля из эскадры самого Виктариона, четырнадцать — из отряда Хромого Ральфа и только девять из тех, что отправились с Рыжим Ральфом Стоунхаузом. Сам Рыжий Ральф пропал. Кроме того, флот пополнился девятью судами, добытыми в море, таким образом, всего набралось пятьдесят четыре... но захваченные корабли были когами, рыбацкими лодками, торговыми и рабовладельческими судами, а не боевыми ладьями. В битве они

представляли собой плохую замену потерянным кораблям Железного Флота.

Последним три дня тому назад показался «Губитель Дев». За день до него с юга приплыли вместе три корабля — захваченная «Благородная Леди» шла между «Кормильцем Воронов» и «Железным Поцелуем». Но два дня перед этим не было никого, а до этого явились «Безголовая Жиенна» и «Страх», а до них было ещё два дня пустынного моря и безоблачного неба после появления Хромого Ральфа с остатками эскадры. Он привел с собой «Лорда Квеллона», «Белую Вдову», «Плач», «Скорбь», «Левиафана», «Железную Леди», «Пиратский Ветер», «Боевой Молот» и ещё шесть кораблей, два из которых, сильно потрепанные штормами, шли на буксире.

— Шторма, — посетовал Хромой Ральф, приковыляв к Виктариону. — Три больших бури и скверные ветра между ними. Красные ветра из Валирии, пахнущие пеплом и серой, и чёрные ветра, принёсшие нас к её губительным берегам. Наше плавание было проклято с самого начала. Вороний Глаз боится тебя, милорд, иначе зачем ему отсылать тебя так далеко? Он рассчитывает, что мы не вернёмся.

Виктарион думал о том же, когда попал в пер-

вый шторм неподалеку от Старого Волантиса.

«*Боги ненавидят братоубийц,* — решил он, — *иначе Эурон Вороний Глаз уже принял бы дюжину смертей от моей руки*».

В тот раз море бесновалось, палуба вздымалась и ухала вниз под ногами, и он видел, как «Пир Дагона» и «Красный Прилив» столкнулись с такой силой, что оба корабля разнесло в щепки. «*Дело рук моего братца*», — подумал Виктарион. И это были лишь первые потери в его эскадре. Но далеко не последние.

Потому он отвесил Хромому две пощёчины и сказал:

— Первая — за корабли, которые ты потерял, вторая — за болтовню о проклятьях. Заикнись об этом ещё раз, и я прибью твой язык к мачте. Вороний Глаз умеет делать немых, и я тоже. — В левой руке пульсировала боль, из-за которой Виктарион говорил жёстче, чем требовалось, но он всегда выполнял свои обещания. — Корабли ещё придут. Шторма закончились. Я соберу свой флот.

Обезьяна на мачте насмешливо взвыла, будто чувствуя его разочарование. «*Грязная шумная тварь*». Он мог бы послать человека поймать её, но обезьянам нравилась такая игра, и они были

куда ловчее матросов. Вой отдавался в ушах, из-за чего пульсирующая боль в руке казалась ещё сильнее.

— Пятьдесят четыре, — пророкотал Виктарион.

Нельзя было надеяться, что все корабли Железного Флота выдержат столь длинный путь... Но Утонувший Бог мог оставить ему семьдесят или даже восемьдесят кораблей. «*Если бы с нами был Мокроголовый или какой-нибудь другой жрец*». Виктарион принёс жертву перед отплытием и ещё одну на Ступенях, где разделил свой флот на три части, но, по-видимому, он произнёс неправильные молитвы. «*Это так, или же Утонувший Бог здесь не имеет силы*». Виктарион всё больше начинал опасаться, что они слишком далеко заплыли в странные моря, где даже боги были подозрительными... Но эти сомнения он доверил только своей смуглянке, у которой не было языка, чтобы ответить.

Когда на горизонте показалось «Горе», Виктарион призвал к себе Одноухого Вульфа.

— Я хочу поговорить с Сусликом. Передай мои приказы Хромому Ральфу, Бескровному Тому и Чёрному Пастуху. Все охотничьи отряды отозвать, лагерь снять к рассвету. Загрузить как можно больше фруктов и загнать на корабли сви-

ней. Мы сможем резать их по мере надобности. «Акула» останется здесь, чтобы сообщать отставшим, куда мы уплыли. — Ей всё равно требовался длительный ремонт — после штормов от неё остался лишь остов. Таким образом, в его распоряжении остались только пятьдесят три корабля, но тут уж ничего не поделаешь. — Снимаемся с якоря завтра — с вечерним приливом.

— Как прикажете, — ответил Вульф. — Но новый день может принести новый корабль, лорд-капитан.

— Верно. А десять дней могут принести десять кораблей. Или ни одного. Мы потратили слишком много дней, высматривая паруса на горизонте. Наша победа будет ещё слаще, если мы одержим её меньшим флотом.

«*И я должен добраться до королевы драконов раньше, чем волантийцы*».

В Волантисе он увидел, как на галеры загружают провизию. Кажется, весь город был навеселе. Моряки, солдаты и ремесленники танцевали на улицах с аристократами и жирными торговцами, в каждом трактире и кабаке провозглашались тосты за новых триархов. Все только и говорили, что о золоте, драгоценностях и рабах, которые наводнят Волантис, как только драконья короле-

ва умрёт. Виктарион Грейджой смог выдержать лишь один день. Он заплатил золотом за снедь и воду, хоть это и считалось позором для железных людей, и приказал своим кораблям выйти в море.

Шторма должны были рассеять и задержать волантийцев так же, как и корабли самого Виктариона. С божьей помощью многие из них утонули или сели на мель. Но не все. Ни один бог не мог быть столь благосклонен, и уцелевшие зелёные галеры уже могли обогнуть Валирию. «*Большие боевые дромоны, кишащие солдатами-рабами, будут двигаться на север — к Миэрину и Юнкаю. Если Штормовой Бог пощадил их, они приплывут в Залив Скорби. Триста кораблей, а, возможно, даже пятьсот*». Их союзники уже под Миэрином: юнкайцы и астапорцы, войска из Нового Гиса, Кварта, Толоса, и Штормовой Бог знает откуда ещё. Даже флот самого Миэрина, покинувший город перед его падением. И против всех них у Виктариона было только пятьдесят четыре корабля. Пятьдесят три, если не считать «Акулу».

Вороний Глаз проплыл полсвета, он пиратствовал и грабил от Кварта до Высокодрева, заходил в порты нечестивцев, где швартовались только безумцы. Эурон осмелился заплыть в Дымящееся

Море и выжил, чтобы поведать об этом. «*И всё это с одним-единственным кораблем. Если он смог обмануть богов, смогу и я*».

— Есть, капитан, — сказал Одноухий Вульф. Он не стоил и половины Нута-Цирюльника, но его украл Вороний Глаз. Сделав Нута лордом Дубового Щита, брат переманил к себе лучшего из людей Виктариона. — Мы и в правду поплывем в Миэрин?

— Куда ж ещё? Королева драконов ждёт меня в Миэрине.

«*Прекраснейшая из женщин на свете, если верить моему брату. Её волосы серебряно-золотые, а глаза — аметисты*».

Не наивно ли надеяться, что Эурон тогда сказал правду? «*Возможно*». Скорее всего, королева окажется девкой с рябым лицом и висящими до колен сиськами, а её драконы — всего лишь татуированными ящерицами из болот Сотороса. «*Но если она такова, как утверждал Эурон...*» Они слышали россказни о красоте Дейенерис Таргариен из уст пиратов на Ступенях и толстых торговцев в Старом Волантисе. Может быть, это правда. Эурон не собирался дарить её Виктариону, нет — Вороний Глаз хотел забрать добычу себе. «*Послав меня как слугу, чтобы я достал*

её, он взвоет, когда я потребую её себе». Пусть парни ворчат. Они слишком далеко заплыли и слишком многое потеряли, чтобы Виктарион мог вернуться назад без добычи.

Железный капитан сжал в кулак здоровую руку.

— Сходи, убедись, что мои приказы выполняются. Найди мейстера, где бы тот ни прятался, и пришли его в мою каюту.

— Есть! — Вульф захромал прочь.

Виктарион Грейджой вернулся на нос корабля, чтобы осмотреть свой флот. Паруса на заполнивших море ладьях были убраны, вёсла вставлены в уключины. Корабли стояли на якорях или лежали на белом песчаном берегу. «*Кедровый Остров*». Где же кедры? Похоже, сгинули четыреста лет назад. Виктарион дюжину раз высаживался на берег поохотиться, но ещё не видел ни одного кедра.

Женоподобный мейстер, навязанный ему Эуроном в Вестеросе, утверждал, что когда-то это место называлось «Островом Ста Битв», но люди, сражавшиеся в тех битвах, давно превратились в пыль. «*Обезьяний Остров, вот как его следовало бы назвать*». Также тут жили свиньи: множество визгливых поросят в кустарнике, а также

самые крупные и самые чёрные кабаны на свете из виденных железнорожденными. Наглые твари, которых не пугало присутствие человека. «*Впрочем, они быстро научатся*» — подумал Виктарион. Кладовые Железного Флота заполнялись копчеными окороками, солониной и беконом.

Но обезьяны... они были бедствием. Виктарион запретил своим парням приносить на борт этих демонских отродий, но каким-то образом половина его кораблей оказалась наводнена ими. Этой участи не избежала даже его собственная «Железная Победа». Даже сейчас он видел несколько тварей, прыгавших с мачты на мачту и с корабля на корабль. «*Эх, был бы у меня арбалет*!»

Виктариону не нравилось это море, не нравилось бесконечное безоблачное небо, не нравилось раскалённое солнце, которое пекло голову и так сильно нагревало палубу, что она обжигала босые ноги. Ему не нравились шторма, которые, казалось, налетали из ниоткуда. Возле Пайка тоже часто штормило, но там, по крайней мере, можно было заранее почувствовать приближение бури. А эти южные шторма вероломны как женщины. Даже вода тут была неправильного цвета — мерцающе-бирюзовая у берега и тёмно-синяя, почти чёрная, на глубине. Виктарион скучал по родным

серо-зелёным водам с их валами и бурунами.

Кедровый Остров ему тоже не нравился. Да, охота здесь хороша, но леса какие-то уж слишком зелёные и тихие, полные кривых деревьев и странных ярких цветов, каких не видел прежде ни один человек из его команды. Возле разрушенных дворцов и разбитых статуй утонувшего Велоса, находившегося в полулиге севернее стоянки флота, притаились неведомые ужасы. В последний раз, когда Виктарион ночевал на берегу, его сны были тёмными и тревожными, и он проснулся с полным крови ртом. Мейстер сказал, что Виктарион прокусил себе язык во сне, но он принял это за знамение Утонувшего Бога. Предупреждение о том, что захлебнётся кровью, если задержится здесь надолго.

Говорили, что когда Валирию настиг Рок, стена воды вышиною в три сотни футов обрушилась на остров, утопив сотни тысяч мужчин, женщин и детей. Выжили лишь несколько рыбаков, вышедших в тот день в море, да горстка копьеносцев из Велоса, чей пост находился в каменной башне на самом высоком холме острова: оттуда они наблюдали, как бушующее море поглощало окрестные холмы и долины. Прекрасный Велос с его дворцами из кедра и розового мрамора сгинул

в одно мгновение. Та же судьба постигла древние кирпичные стены и ступенчатые пирамиды рабовладельческого порта Гозая на северной оконечности острова.

«*Там, где много утопленников, будет силён и наш Бог*», — думал Виктарион, выбрав этот остров для встречи трёх частей своего разделённого флота. Но он не был жрецом. Что, если он ошибался? Быть может, Утонувший Бог уничтожил остров в порыве ярости. Брат Эйерон знал бы точно, но Мокроголовый вернулся на Железные Острова, чтобы проповедовать против Вороньего Глаза и его власти. «*Ни один безбожник не может сидеть на Морском Троне*», — повторил он про себя слова брата. Но все капитаны и короли голосовали на вече за Эурона и выбрали его вместо Виктариона и других богобоязненных людей.

Утреннее солнце так отражалось в водной ряби, что на яркие блики было больно смотреть. У Виктариона раскалывалась голова, хотя он не мог ответить — из-за солнца, больной руки или обуревавших его сомнений. Он спустился в прохладный сумрак своей каюты. Смуглянка знала, чего он хочет, без слов. Когда Виктарион опустился в свое кресло, она взяла из миски мягкую влажную тряпицу и положила ему на лоб.

— Хорошо, — сказал он. — Хорошо. А теперь — руку.

Смуглянка не ответила. Эурон отрезал ей язык, прежде чем подарить брату. Виктарион не сомневался, что перед этим Вороний Глаз переспал с ней. Таков был характер брата. «*Дары Эурона отравлены*, — напомнил себе капитан, когда смуглянка впервые взошла на борт. — *Я не нуждаюсь в его объедках*». Он решил перерезать ей глотку и выбросить в море, принеся кровавую жертву Утонувшему Богу. Но почему-то до сих пор так и не сделал этого.

С тех пор они пережили многое. Виктарион мог говорить со смуглянкой. Она же никогда не пыталась ответить.

— «Горе» — последний корабль, — сказал он, пока она снимала его перчатку. — Остальные потерялись, опоздали, или затонули.

Он скривился, когда женщина сунула кончик ножа под грязное полотно, обмотанное вокруг его левой руки.

— Кто-нибудь скажет, что я не должен был разделять флот. Дураки! Девяносто девять кораблей — слишком громоздкое чудовище, чтобы гнать его на край света. Оставь я их вместе, быстрые корабли стали бы заложниками медленных. Да и

где найти провизию для стольких ртов? Ни один порт не захочет видеть так много судов в своих водах. Шторма разметали бы нас, как листья по Летнему Морю.

Вместо этого он разделил большой флот на эскадры и послал каждую своим курсом в Залив Работорговцев. Капитан дал Рыжему Ральфу Стоунхаузу самые быстрые корабли, чтобы плыть пиратским путём вдоль северного побережья Сотороса. Каждый моряк знал, что необходимо сторониться мёртвых городов, разлагающихся на его знойном берегу. Но в грязных и кровавых поселениях на Островах Василиска, кишащих рабами, работорговцами, жуликами, шлюхами, охотниками, пятнистыми людьми и кое-кем похуже, всегда было вдоволь провизии для людей, не боявшихся заплатить за неё железную цену.

Большие, тяжелые, медленные корабли отправились в Лис, чтобы продать пленников, захваченных на Щитах — женщин и детей из Города Лорда Хьюэтта и с других островов, а также мужчин, решивших, что лучше сдаться, чем умереть. Виктарион презирал слабаков, но продажа оставила скверный привкус во рту. Сделать мужчину рабом, а женщину — морской женой, это честно и правильно, но люди не козы или ку-

ры, чтобы продавать и покупать их за деньги. Он был рад оставить торг на долю Хромого Ральфа, который использовал выручку для того, чтобы нагрузить провизией свои большие корабли для длинного и медленного пути на восток.

Корабли, доставшиеся самому Виктариону, крались вдоль Спорных Земель, чтобы загрузиться провизией, вином и свежей водой в Волантисе прежде чем свернуть на юг, огибая Валирию. Это был наиболее привычный путь на восток — с активным движением, обещавшим большую добычу, и мелкими островами, где можно было укрыться от шторма, сделать ремонт, и при необходимости пополнить свои запасы.

— Пятьдесят четыре корабля — слишком мало, — рассказывал он смуглянке, — но я не могу больше ждать. Единственный способ... — Он зарычал, когда женщина сорвала повязку вместе с коркой запекшейся крови. Обнажившаяся плоть была зелёной и чёрной там, где меч рассек его тело. — Единственный способ победить — застать рабовладельцев врасплох, как я однажды сделал в Ланниспорте. Обрушиться с моря и разогнать их, а потом схватить девчонку и унестись домой прежде, чем нас настигнут волантийцы.

Виктарион не был трусом, но не был и дураком

— невозможно разбить три сотни кораблей, имея пятьдесят четыре.

— Она станет моей женой, а ты её служанкой.

Немая служанка не разболтает чужие секреты.

Он продолжал бы говорить, но тут пришел мейстер и робко, как мышь, поскрёбся в дверь каюты.

— Входи, — позвал Виктарион, — и запри дверь. Ты знаешь, зачем ты здесь.

— Лорд-капитан.

В серой робе и с маленькими каштановыми усами мейстер походил на мышонка. «*Может он полагает, что усы делают его более мужественным*?»

Очень молодого — примерно двадцати двух лет от роду — мейстера звали Кервин.

— Могу я осмотреть вашу руку? — спросил он.

«*Дурацкий вопрос*». В некоторых делах мейстеры бывали полезны, но по отношению к Кервину Виктарион чувствовал лишь презрение. С гладкими розовыми щечками, мягкими руками и каштановыми кудрями тот выглядел женственней, чем большинство девушек. Когда Кервин впервые взошел на палубу «Железной победы», у него на лице была глупая улыбочка. Но однажды ночью на Ступенях он улыбнулся не тому

человеку, и Бартон Хамбл выбил ему четыре зуба. Вскоре после этого Кервин приполз к капитану жаловаться, что четверо матросов затащили его в трюм и использовали как женщину.

— Вот как можно положить этому конец, — посоветовал ему Виктарион, вонзая кинжал в стол между ними.

Кервин взял клинок — просто побоялся отказаться, как решил капитан, — но так им и не воспользовался.

— Вот моя рука, — сказал Виктарион. — Разглядывай сколько влезет.

Мейстер Кервин опустился на колено, чтобы получше рассмотреть рану, и даже обнюхал её, словно собака.

— Я снова должен выпустить гной. Цвет... лорд-капитан, рана не заживает. Возможно, мне придётся отнять вашу руку.

Они уже обсуждали это раньше.

— Если отнимешь мне руку, я тебя убью. Но сначала привяжу к борту и предложу всей команде отблагодарить твою задницу. Смирись с этим.

— Будет больно.

— Больно бывает всегда. — «*Жизнь — это боль, идиот. Блаженство ждёт нас лишь в чертогах Утонувшего Бога*». — Делай уже.

Мальчик — невозможно было назвать кого-то столь розового и мягкого мужчиной — прижал лезвие кинжала к ладони капитана и резанул. Прорвавшийся гной был густым и жёлтым, как скисшее молоко. Смуглянка скривила нос, мейстер задержал дыхание, и даже самому Виктариону скрутило живот.

— Режь глубже. Выдави весь. Покажи мне кровь.

Мейстер Кервин нажал на кинжал, углубляя разрез. В этот раз было больно, но вместе с гноем хлынула и кровь — тёмная, почти чёрная в свете фонаря.

Кровь — это хорошо. Виктарион одобрительно заворчал. Он сидел не шевелясь, пока мейстер колол, выдавливал и вычищал гной лоскутами мягкой ткани, прокипяченной в уксусе. Когда он закончил, чистая вода в его миске превратилась в грязную жижу. От одного её вида затошнило бы любого человека.

— Забирай эту мерзость и уходи, — Виктарион кивнул на смуглянку. — Перевязать меня сможет и она.

Даже когда мальчишка исчез, вонь никуда не делась. В последнее время от неё невозможно было избавиться. Мейстер предлагал чистить

рану на палубе — на свежем воздухе и под лучами солнца. Но Виктарион запретил. Его команда не должна этого видеть. Они уплыли за полмира от дома, — слишком далеко, чтобы позволить им смотреть, как ржавеет их железный капитан.

Тупая настойчивая боль все еще пульсировала в его левой руке. Когда он сжал кулак, боль стала острой, словно ладонь проткнули ножом.

«*Не ножом — мечом. Длинным мечом в руке призрака*». Серри, вот как его звали. Рыцарь и наследник Южного Щита. «*Я убил его, но он продолжает жалить меня из могилы. Из пекла, куда я послал его, он пронзает мою руку сталью и проворачивает в ране клинок*».

Виктарион помнил ту битву, как будто она случилась вчера. Его разбитый щит бесполезно свисал с руки, и когда сверкнул, опускаясь, меч Серри, Виктарион схватился за него рукой. Юнец оказался куда сильнее, чем выглядел, — клинок пробил закалённую сталь латной рукавицы, стёганую перчатку под ней и вонзился в плоть.

«*Всего лишь царапина*», — чуть позже сказал себе Виктарион. Он промыл рану, полил её уксусом, перевязал и забыл о ней, надеясь, что со временем боль утихнет, и рука заживет сама.

Вместо этого рана загноилась, и Виктарион

стал гадать, а не был ли клинок Серри отравлен? С чего ещё рана могла отказываться заживать? Эта мысль бесила его. Настоящий мужчина не убивает ядом. Во Рву Кейлин болотные дьяволы стреляли в его бойцов отравленными стрелами, впрочем, от столь презренных существ иного и не стоило ожидать. Но Серри был рыцарем, благородных кровей. А яд — оружие трусов, женщин и дорнийцев.

— Если не Серри, то кто? — спросил он смуглянку. — Может, это делает мой мейстер-мышонок? Мейстеры знают заклятия и другие трюки. Он может использовать отраву в надежде, что я позволю ему оттяпать мне руку. — Чем больше он об этом думал, тем более вероятным это казалось. — Вороний Глаз всучил мне это жалкое существо.

Эурон забрал Кервина из Зелёного Щита, где тот служил лорду Честеру, заботясь о воронах и обучая детей, а, может, наоборот. Наверное, мышонок пищал, когда один из немых подручных Эурона доставил его на борт «Железной Победы», таща за удобную цепь на шее.

— Если это месть, то он ошибся. Это Эурон увез его со Щитов, опасаясь, что мейстер наладит почтовую связь с врагами.

Брат также дал им с собой три клетки с воро-

нами, чтобы Кервин мог послать отчет об их странствиях, но Виктарион запретил выпускать птиц. «*Пусть Вороний Глаз помучается от безвестности*».

Смуглянка перевязывала его руку чистым полотном, шесть раз обматывая вокруг ладони, когда в дверь заколотил Длинноводный Пайк. Он пришел сказать, что на борт поднялся капитан «Горя» вместе с пленником:

— Говорит, что притащил нам колдуна, капитан. Выловил его из моря.

— Колдуна?

Неужели Утонувший Бог прислал ему подарок прямо сюда, на дальний край света? Его брат Эйерон мог бы ответить, но Мокроголовый видел величие водных чертогов Утонувшего Бога перед тем, как вернуться к жизни. Как и положено человеку, Виктарион испытывал перед своим богом здоровый страх, но при этом продолжал верить в сталь. Скривившись, он размял раненую руку, надел перчатку и встал.

— Ну, показывай своего колдуна.

Дожидавшийся его на палубе капитан «Горя» был небольшого роста, заросший, невзрачный, получивший от рождения имя Спарр. Подчинённые называли его Сусликом.

— Лорд-капитан, — сказал он, когда появился Виктарион, — это Мокорро. Подарок от Утонувшего Бога.

Колдун выглядел устрашающе — ростом с Виктариона, но вдвое толще, с похожим на валун животом и спутанными белыми волосами, напоминавшими львиную гриву. У него была чёрная кожа. Не орехово-коричневая, как у жителей Летних Островов, что плавали на лебединых кораблях, не красновато-коричневая, как у табунщиков-дотракийцев, не серо-землистая, как у смуглянки, а чёрная. Чернее угля, гагата и воронова крыла. «*Обожжённая*, — подумал Виктарион, — *как у человека, которого поджаривали над огнем, пока его плоть не обуглилась, покрывшись хрустящей коркой, и стала дымящимися кусками отваливаться от костей*». Пламя, опалившее колдуна, всё ещё танцевало на его щеках и лбу, а глаза пронзительно смотрели между застывших, словно маска, языков пламени. «*Татуировки раба*, — узнал капитан. — *Печать зла*».

— Мы нашли его зацепившимся за обломок мачты, — сказал Суслик. — Он провел в воде десять дней, после того как утонуло его судно.

— Проведи он десять дней в воде, то был бы уже мёртв или безумен из-за того, что пил солёную

воду.

Солёная вода была священна. Эйерон Мокроголовый и другие жрецы благословляли ею людей, и, время от времени, делали несколько глотков для укрепления веры, но ни один смертный не мог пить из глубокого моря в течение нескольких дней и при этом надеяться выжить.

— Ты утверждаешь, что ты маг? — спросил пленника Виктарион.

— Нет, капитан, — ответил чёрный человек на общем наречии. Его голос был таким глубоким, что, казалось, шёл из морских глубин. — Я всего лишь смиренный раб Рглора, Владыки Света.

«*Рглор. Значит, это красный жрец*». Виктарион видел таких людей в чужих городах, где те заботились о священном пламени. Они носили дорогие красные одеяния из шёлка, бархата и тонкой овечьей шерсти. Этот же был одет в полинявшие, белые от соли лохмотья, облегавшие его толстые ноги и клочьями свисавшие с торса... Но когда капитан присмотрелся к этим отрепьям, стало ясно, что раньше они могли быть и красными.

— Розовый жрец, — провозгласил Виктарион.

— Жрец демонов, — сказал Одноухий Вульф, и сплюнул.

— Возможно, его одежды загорелись, и он прыг-

нул за борт, чтобы потушить их, — предположил Длинноводный Пайк, вызвав взрыв хохота.

Даже обезьяны развеселились. Они трещали друг с другом, сидя на снастях высоко над людьми, и одна швырнула вниз горсть своего же дерьма, изгадив палубу.

Виктарион Грейджой не доверял смеху. Этот звук рождал в нем неприятное чувство, как будто именно он был объектом насмешек. В детстве Эурон Вороний Глаз часто высмеивал его. Как и Эйерон, прежде чем стать Мокроголовым. Их издевательства, как правило, маскировались под восхваления, и порой Виктарион не понимал, что над ним подшутили, до тех пор пока не слышал смех. Тогда он испытывал ярость, клокотавшую в горле так, что начинал задыхаться. Поэтому Виктарион ненавидел и обезьян. Их проделки никогда не вызывали улыбку на лице капитана, хотя его матросы хохотали, улюлюкали и свистели.

— Отправьте его обратно к Утонувшему Богу, пока он не наложил на нас проклятье! — подстрекал Бартон Хамбл.

— Судно затонуло, и только колдун зацепился за обломки, — сказал Одноухий Вульф. — Где же команда? Может, её сожрали вызванные им

демоны? Что произошло с кораблем?

— Шторм. — Мокорро скрестил руки на груди. Он не казался испуганным, хотя все мужчины вокруг грозили ему смертью. Даже скакавшим с воплями по тросам обезьянам он не понравился.

Виктарион колебался. «*Он вышел из моря. Зачем Утонувший Бог выбросил его, если не для того, чтобы мы его нашли*?» У Эурона были ручные колдуны. Вероятно, Утонувший Бог желал, чтобы и у Виктариона появился такой же.

— Почему ты говоришь, что этот человек — колдун? — спросил он Суслика. — Я вижу перед собой только оборванного красного жреца.

— Я думал также, лорд-капитан... но он многое *знает*. Он знал, что мы плывем в Залив Работорговцев, до того как ему об этом сказали, и о том, что ты будешь здесь, у этого острова, — маленький человек запнулся. — Лорд-капитан, он сказал мне... он сказал мне, что ты умрешь, если мы не доставим его к тебе.

— Что *я* умру? — фыркнул Виктарион.

Он уже собирался приказать: «*Перережьте ему глотку и выбросьте в море*», — когда пульсирующая боль в раненой руке поднялась вверх почти до локтя, и стала такой мучительной, что слова в горле превратились в желчь. Он запнулся и

схватился за поручень, чтобы не упасть.

— Колдун проклял капитана! — вскрикнул кто-то.

Остальные подхватили вопль.

– Перерезать ему глотку! Убить, пока он не призвал на нас демонов!

Длинноводный Пайк первым обнажил кинжал.

— НЕТ! — проревел Виктарион. — Назад! Все назад! Пайк, убери клинок. Суслик, возвращайся на свой корабль. Хамбл, отведи колдуна в мою каюту. Остальным вернуться к работе.

Мгновение он боялся, что его не послушаются. Моряки стояли вокруг, перешептываясь, половина с клинками в руках, и каждый ждал решения остальных. Вокруг них дождём шлепалось обезьянье дерьмо — шлеп, шлеп, шлеп. Никто так и не пошевелился, пока Виктарион не схватил колдуна за руку и не потащил его к люку.

Когда он открыл дверь каюты, смуглянка обернулась к нему с безмолвной улыбкой... но увидев красного жреца, оскалилась и яростно, по-змеиному, зашипела. Виктарион ударил её тыльной стороной здоровой ладони, опрокинув на пол.

— Тихо, женщина. Вина нам обоим! — Он обернулся к черному человеку. — Суслик сказал

правду? Ты видел мою смерть?

— Это, и многое другое.

— Где? Когда? Я умру в битве? — Его здоровая рука сжималась и разжималась. — Если ты мне лжешь, я расколю твою башку словно тыкву и позволю обезьянам сожрать твои мозги.

— Твоя смерть сейчас с нами, мой лорд. Дай мне свою руку.

— Мою руку? Что ты знаешь о моей руке?

— Я видел тебя в ночных огнях, Виктарион Грейджой. Ты пришел, шагая между языками пламени, неумолимый, лютый, и кровь капала с твоего огромного топора. Но ты не замечал щупалец, державших тебя за запястья, шею, лодыжки. Эти чёрные нити заставляли тебя танцевать.

– *Танцевать*? — Виктарион рассвирепел. — Твои ночные огни лгут! Я не был рожден для танцев, и я не марионетка! — Он сорвал перчатку и ткнул воспаленной рукой в лицо жреца. — Вот! Ты это хотел увидеть?

Свежая повязка уже была пропитана кровью и гноем:

— У человека, от которого я это получил, была роза на щите. Я оцарапал руку о шип.

— Малейшая царапина может оказаться смертельной, лорд-капитан, но я исцелю вас, если

позволите. Понадобится клинок. Лучше всего серебряный, но сойдёт и железо. И жаровня. Я должен зажечь огонь. Будет боль. Чудовищная. Невиданная вами до этого. Но когда мы закончим, в руку вернется жизнь.

«*Они все одинаковы, эти люди магии. Мышонок тоже предупреждал о боли*».

— Я железнорожденный, жрец. Я смеюсь над болью. Ты получишь, что тебе нужно... но если не сможешь вылечить мою руку, я сам перережу тебе глотку и скормлю тебя морю.

Мокорро поклонился, его тёмные глаза сияли.

— Да будет так.

В этот день больше никто не видел капитана, но команда «Железной победы» слышала, как из его каюты доносились звуки дикого смеха — зычного, тёмного и безумного. Длинноводный Пайк и Одноглазый Вульф попытались открыть дверь каюты, но обнаружили, что она заперта. Позже послышалось странное, похожее на детский плач пение, как сказал мейстер — на высоком валирийском. Именно тогда обезьяны покинули корабль, с визгом попрыгав в воду.

На закате море стало чёрным как чернила, распухшее солнце залило небо кроваво-красным светом, и тогда Виктарион снова вышел на па-

лубу. Его торс был обнажен, левая рука покрыта кровью по локоть. Команда собралась вокруг него, перешептываясь и переглядываясь, и он воздел обожжённую почерневшую руку. Тёмный дым струился с его пальцев, когда он указал на мейстера.

— Этому — перережьте глотку и выбросьте в море, и тогда ветра будут благоприятными на всем нашем пути в Миэрин.

Мокорро видел это в своих огнях. Он также видел невесту на свадьбе, но что с того? Она будет не первой, кого Виктарион Грейджой сделал вдовой.

Глава 57. Тирион

Знахарь зашёл в палатку, бормоча любезности, но одного вдоха зловонного воздуха и взгляда на Йеззана зо Каггаза ему оказалось достаточно, чтобы заткнуться.

— Бледная кобылица, — сообщил он Сладости.

«*Да неужели*? — подумал про себя Тирион. — *Ну кто бы мог подумать? Впрочем, любой, у кого есть нос, даже я с моим обрубком*».

Йеззан сгорал в лихорадке, корчась в луже собственных экскрементов — коричневой слизи с вкраплениями крови… и подтирать его жёлтый зад выпало Йолло и Пенни. Их хозяин не мог поднять собственную тушу даже с посторонней помощью, и его иссякающих сил едва хватало на то, чтобы перевернуться на другой бок.

— Моё умение тут бессильно, — объявил знахарь. — Жизнь благородного Йеззана в руках богов. Если можете, сбивайте жар. Говорят, помогает. Принесите ему воды. — Поражённые бледной кобылицей всегда страдают от жажды, выпивая галлоны между испражнениями. — Давайте чистой свежей воды столько, сколько он

сможет выпить.

— Только не речной, — уточнил Сладость.

— Ни в коем случае. — С этими словами знахарь испарился.

«*Мы тоже должны бежать*», — подумал Тирион. Он был рабом в золотом ошейнике с колокольчиками, сопровождавшими каждый его шаг задорным звоном, одной из особенных драгоценностей Йеззана — честью, мало чем отличавшейся от смертного приговора. Йеззан зо Каггаз предпочитал держать своих любимцев рядом, поэтому, пока господину становилось всё хуже, Йолло, Пенни, Сладости и другим ходячим драгоценностям надлежало пребывать подле его тела.

Бедный старый Йеззан. Лорд-сало оказался не таким уж плохим хозяином. Сладость не ошибся. Прислуживая на ночных попойках, Тирион узнал, что среди юнкайских вельмож Йеззан был главным сторонником заключения мира с Миэрином. Большинство других господ просто выжидали время, пока подойдут армии Волантиса. Некоторые предлагали немедленно начать штурм города, иначе волантийцы присвоят себе славу и большую часть добычи. Йеззан не собирался участвовать в этом. Он также противился

тому, чтобы вернуть миэринских заложников в виде снарядов для требушетов, как предлагал наёмник Кровавая Борода.

Но за два дня всё может круто измениться. Два дня назад Нянька был крепок и здоров. Два дня назад Йеззан ещё не слышал призрачный стук копыт бледной кобылицы, а флотилии Волантиса находились на два дня пути дальше. А сейчас…

— Йеззан умрёт? — спросила Пенни своим пожалуйста-скажи-что-нет голосом.

— Все умирают.

— Я имела в виду — от хвори.

Сладость посмотрел на них в отчаянии.

— Йеззан не должен умереть. — Гермафродит водил пальцами по лбу их необъятного хозяина, приглаживая его мокрые от пота волосы. Юнкаец застонал, и по его ногам хлынул очередной поток коричневой жижи. Заляпанная пятнами постель ужасно воняла, но они никак не могли подвинуть его тушу.

— Некоторые хозяева перед смертью освобождают своих рабов, — сообщила Пенни.

Сладость захихикал. Это был пренеприятный звук.

— Только самых любимых. Они освобождают их от горестей этого мира, чтобы те могли сопро-

вождать своего любимого господина в могилу и прислуживать ему на том свете.

Сладость знал наверняка. Ему бы первому перерезали глотку.

— Серебряная королева… — начал было козлоногий мальчик.

— …мертва, — перебил Сладость. — Забудь о ней! Дракон унёс её за реку. Она утонула в дотракийском море.

— В траве утонуть нельзя, — возразил козлоногий.

— Будь мы свободными, — сказала Пенни, — мы смогли бы найти королеву. Или, по крайней мере, отправиться на её поиски.

«*Ты верхом на своей псине, а я на свинье, гоняясь за драконом по всему дотракийскому морю*». — Тирион поскрёб свой шрам, чтобы не захохотать.

— Дракон уже продемонстрировал, что питает слабость к жареной свининке. А жареный карлик в два раза вкуснее.

— Это было просто пожелание, — мечтательно произнесла Пенни. — Мы могли бы уплыть. Корабли снова ходят, война ведь окончена.

«Серьёзно?» — Тирион был склонен сомневаться в этом. Подписи на пергаменте поставлены, но войны ведутся не на бумаге.

— Мы могли бы отправиться морем в Кварт, — продолжала Пенни. — Брат всегда рассказывал, что улицы там вымощены нефритом, а городские стены — одно из чудес света. Вот увидите, когда мы покажем там наше представление, золото и серебро польются на нас дождём.

— Некоторые из кораблей в гавани квартийские, — напомнил ей Тирион. — Ломас Долгоход видел стены Кварта. Мне достаточно и его книг. Забираться ещё восточнее у меня желания нет.

Сладость обтёр пылающее лицо Йеззана влажной тряпкой.

— Йеззан должен выжить. Иначе мы все умрём вместе с ним. Бледная кобылица уносит с собой не каждого седока. Хозяин поправится.

Это была явная ложь. Случилось бы чудо, проживи Йеззан ещё день. Насколько понимал Тирион, жирный лорд и так умирал от какой-то ужасной заразы, подхваченной им в Соторосе. Хворь лишь приближала его конец, по сути, являвшийся милостью. Но для себя карлик такого подарка не желал.

— Знахарь сказал, что ему нужна свежая вода. Давайте займёмся этим.

— Ты очень добр, — оторопело пролепетал Сладость. С его стороны это было нечто большее, чем

просто боязнь за свою жизнь. Он единственный из сокровищ Йеззана, кто, похоже, и в самом деле любил своего необъятного хозяина.

— Пенни, пойдём со мной. — Тирион откинул полог шатра и вывел её в раскалённое миэринское утро. Воздух был душным и давящим, но всё равно казался настоящим избавлением от миазмов пота, дерьма и болезни, пропитавших покои роскошного павильона Йеззана.

— Вода поможет хозяину, — сказала Пенни. — Раз знахарь это говорит, значит, так и должно быть. Прекрасная свежая водичка.

— Прекрасная свежая водичка не помогла Няньке.

Бедный старый Нянька. Вчера на закате воины Йеззана закинули в труповозку его тело — ещё одну жертву бледной кобылицы. Когда люди умирают каждый час, никто не горюет по поводу очередной смерти, особенно такого презираемого человека, как Нянька. Другие рабы Йеззана отказались подходить к надсмотрщику, после того как у того начались судороги, поэтому ухаживать за ним и поить пришлось Тириону. Разведённое водой вино, подслащенный лимонный сок и немного чудесного горячего супа из собачьих хвостов с ломтиками грибов. Пей, Нянюшка

— надо чем-то заменять бьющую фонтаном из твоей задницы воду, смешанную с дерьмом. Последним, что произнёс Нянька, было: «*Нет*», — а последнее, что он услышал: «*Ланнистеры всегда платят свои долги*».

Тирион скрывал это от Пенни, но теперь она должна осознать, как на самом деле обстояли дела с их господином.

— Если Йеззан доживёт до рассвета, я очень удивлюсь.

Она схватила его за руку.

— А что будет с нами?

— У него есть наследники. Племянники.

Четверо прибыли с Йеззаном из Юнкая, чтобы командовать его рабами-воинами. Одного убили во время вылазки таргариенские наёмники, но трое других, скорее всего, разделят между собой рабов Жёлтой необъятности. Маловероятно, что среди племянничков найдётся хоть один, разделяющий увлечение Йеззана калеками, уродцами и ошибками природы.

— Кто-то из них, вероятно, унаследует нас, а, может, мы вновь отправимся на аукцион.

— Нет! — Глаза Пенни расширились. — Только не это! Пожалуйста.

— Меня тоже не привлекает подобная перспек-

тива.

В нескольких ярдах от них шестеро рабов-воинов Йеззана, сидя на корточках, играли в кости и передавали из рук в руки бурдюк с вином. Одним из них был сержант по прозвищу Шрам, здоровяк с жутким нравом, гладкой, как камень, головой и поистине бычьими плечами. «*Ума у него тоже, как у быка*», — вспомнил Тирион, ковыляя к ним.

— Шрам! — рявкнул он. — Благородному Йеззану нужна свежая чистая вода. Возьми двоих, и принесите столько вёдер, сколько сможете унести. Да поживей.

Воины оторвались от игры. Шрам, хмурясь, поднялся на ноги.

— Что ты сказал, карлик? Ты кем себя возомнил?

— Ты знаешь, кто я. Йолло. Один из драгоценностей нашего повелителя. А теперь делай, как велено.

Воины загоготали.

— Давай, Шрам, — подначил один из них, — и поживей. Обезьянка Йеззана приказывает тебе.

— Ты не можешь приказывать воинам, — ответил Шрам.

— Воинам? — изобразил удивление Тирион. — Я вижу только рабов. Ты, как и я носишь ошейник.

Жестокий удар Шрама сбил Беса с ног и рассёк губу.

— Ошейник Йеззана. Не твой.

Тирион вытер кровь с рассечённой губы тыльной стороной ладони, попытался встать, но одна нога подвела его, и он снова повалился на колени. Чтобы подняться, ему понадобилась помощь Пенни.

— Сладость говорит, что хозяину нужна вода, — как можно раболепнее проскулил он.

— Сладость может поиметь сам себя. Для этого он и создан. Всякие уродцы нам подавно не указ.

«*Нет, конечно*», — подумал Тирион. Он быстро научился тому, что даже среди рабов есть лорды и простолюдины. Гермафродит долго был у их хозяина особым любимцем, которого холили и лелеяли, и другие рабы благородного Йеззана ненавидели его за это.

Воины привыкли получать приказы от своих господ и надсмотрщиков. Но Нянька мёртв, а Йеззан так ослаб, что не мог даже назвать имя своего наследника. Что касается трёх племянников, то при первом же стуке копыт бледной кобылицы эти отважные свободные люди сразу вспомнили о неотложных делах в других местах.

— В-воды, — сжавшись, произнёс Тирион. —

Только не речной, сказал знахарь. Чистой, свежей колодезной воды.

— Ну и отправляйтесь за ней, — проворчал Шрам. — Да поживей.

— Мы? — Тирион обменялся беспомощным взглядом с Пенни. — Вода тяжёлая. Мы не такие сильные, как вы. А можно… можно нам взять повозку с мулом?

— Ноги свои возьмите.

— Нам придётся раз десять ходить.

— Да хоть сто. Мне насрать.

— Нас всего двое… не сможем принести столько воды, сколько нужно хозяину.

— Возьмите своего медведя, — предложил Шрам. — Он ни на что не годен, кроме как таскать воду.

Тирион попятился.

— Как скажете, хозяин.

Шрам ухмыльнулся. Хозяин — о, ему это понравилось.

— Морго, принеси ключи. Наполните вёдра и живо назад, карлик. Ты знаешь, что бывает с рабами, пытающимися сбежать.

— Принеси вёдра, — попросил Тирион Пенни, а сам отправился с человеком по имени Морго забрать сира Джораха Мормонта из его клетки.

Рыцарь плохо приспособился к жизни в неволе. Когда его вызывали изображать медведя, похищающего прекрасную деву, он становился угрюмым, подыгрывать не желал и лишь вяло переставлял ноги, снисходя до участия в их шутовском балагане. Не пытаясь бежать и не угрожая насилием своим тюремщикам, Джорах либо просто игнорировал их приказы, либо в ответ ворчал сквозь зубы проклятия. Это совсем не нравилось Няньке, который выразил своё неудовольствие тем, что посадил Мормонта в железную клетку и приказал бить того каждый вечер, как только солнце утонет в Заливе Работорговцев. Рыцарь молча сносил побои. Были слышны лишь проклятия колошмативших его рабов и глухие удары дубинок о почерневшее и избитое тело сира Джораха.

«*Он словно спрятался в раковину*, — подумал Тирион, когда в первый раз увидел, как наказывают рыцаря. — *Мне следовало придержать язык и позволить Зарине купить его. Возможно, это было бы милосерднее*».

Щурясь, Мормонт вышел из тесной клетки. У него под глазами залегли чёрные круги, спина покрылась коркой запёкшейся крови, а разбитое лицо так распухло, что он почти утратил челове-

ческий облик. Рыцарь был практически голый, если не считать набедренной повязки — грязного обрывка жёлтой тряпки.

— Поможешь им таскать воду, — велел ему Морго.

Сир Джорах ответил лишь мрачным взглядом. «*Видимо, кое-кто предпочитает умереть свободным, чем жить рабом*». Тирион, к счастью, этой бедой не страдал, но если бы Мормонт убил Морго, другие рабы не стали бы разбираться.

— Пойдём, — позвал карлик прежде, чем рыцарь выкинул что-то отважное и глупое, и заковылял прочь, надеясь, что Джорах последует за ним.

В кои-то веки боги были благосклонны — Мормонт пошёл следом.

Два ведра для Пенни, два для Тириона и четыре для сира Джораха — по два в каждую руку. Ближайший колодец находился к юго-западу от Ведьмы, поэтому они двинулись в этом направлении, весело позвякивая на ходу колокольчиками. Никто не обращал на них никакого внимания. Они были просто рабами, идущими за водой для своего хозяина. Ошейник давал определённые преимущества, особенно позолоченный ошейник с выгравированным на нём именем Йеззана

зо Каггаза. Звон колокольчиков объявлял об их ценности каждому, имеющему уши. Раб был важен ровно настолько, насколько важен его хозяин. Йеззан являлся одним из богатейших людей Жёлтого Города и привёл на войну шесть сотен рабов-воинов, даже если при этом выглядел чудовищным жёлтым слизняком и вонял мочой. Ошейники позволяли им ходить в границах лагеря везде, где вздумается.

Пока Йеззан не умрёт.

На ближайшем поле Лязгающие лорды муштровали своих воинов. Сковывавшие рабов цепи издавали громкий металлический звук, когда те, маршируя с длинными копьями плечом к плечу, выстраивались в боевые порядки. Неподалёку другие рабы сооружали из камня и песка насыпи под баллистами и скорпионами, наводя орудия в небо, чтобы защитить лагерь в случае, если чёрный дракон вернётся. Вид этих потных, изрыгавших проклятия людей, с трудом затаскивавших на подъём тяжёлые машины, вызвал у карлика улыбку. Кроме того, повсюду — буквально у каждого второго человека — виднелись арбалеты, и на бедре висел колчан со стрелами.

Вздумай кто-нибудь спросить мнение Тириона, он бы ответил, что все их старания напрасны.

Ручное чудище королевы нельзя сбить такими игрушками, если только один из этих длинных болтов от скорпиона не попадёт чудовищу прямо в глаз. Дракона не так-то уж легко убить. Пощекочи его всем этим — и только разозлишь.

Глаза — вот самое уязвимое место чудовища. Глаза и мозг. А вовсе не подбрюшье, как рассказывалось в некоторых старых сказках. Чешуя на брюхе была почти такой же крепкой, как на спине и боках. И уж точно не шея. Это уж совсем безумие. С тем же успехом несостоявшиеся драконоборцы могли пытаться потушить костёр, размахивая копьём. «*Смерть исходит из пасти дракона*, — писал септон Барт в своей «Необычной Истории», — *но туда смерть не зайдёт*».

Чуть дальше два легиона из Нового Гиса, сдвинув щиты, сошлись в схватке стена на стену. Сержанты в железных полушлемах с гребнями из конского волоса выкрикивали команды на каком-то собственном неразборчивом диалекте. Для неопытного наблюдателя гискарцы выглядели более устрашающе, чем юнкайские рабы-воины, но Тириона терзали сомнения. Может легионеры вооружены и организованы по образу и подобию Безупречных… да вот только евнухи другой жизни не знали, а гискарцы были

свободными гражданами, призванными на срочную трёхлетнюю службу.

Очередь у колодца вытянулась на четверть мили.

На расстоянии дня пути от Миэрина имелось всего несколько колодцев, поэтому ждать всегда приходилось долго. Большая часть юнкайского войска брала воду для питья прямо из Скахазад-хана, и ещё до предупреждения знахаря Тирион знал, что это очень плохая затея. Те, кто поумнее, старались избегать мест слива нечистот, черпая воду выше по реке, но, в любом случае, ещё выше по течению находился город.

То, что на расстоянии дневного перехода от Миэрина, до сих пор оставались чистые колодцы, лишний раз подтверждало, что Дейенерис Таргариен всё ещё очень неопытна в вопросах осадного искусства. Ей следовало отравить все колодцы, и юнкайцам пришлось бы пить речную воду. Интересно посмотреть, сколько тогда продлилась бы осада? Тирион не сомневался, что именно так поступил бы его лорд-отец.

Каждый раз, когда их троица продвигались вперёд, колокольчики на ошейниках тихонько позвякивали. «*Какой же радостный звук, от него так и хочется кому-нибудь выковырять ложкой*

глаза. К этому времени Утка, Хэлдон Полумейстер и Гриф со своим юным принцем уже должны были приплыть в Вестерос. И я с ними… но нет, мне обязательно нужно было поиметь шлюху. Отцеубийства, видимо, недостаточно, мне потребовались ещё щель и вино, чтобы утопить своё горе, и вот он я в чуждой мне части света, в рабском ошейнике с золотыми колокольчиками, возвещающими своим звоном о моём прибытии. Если я правильно подберу танец, может даже смогу пробренчать "Рейнов из Кастамере"».

Не было лучшего места, чем очередь к колодцу, чтобы разузнать последние новости и слухи.

— Я уверен в том, что видел, — говорил старый раб в ржавом железном ошейнике, пока Тирион и Пенни плелись в очереди. — А видел я, как дракон выдёргивал руки и ноги, разрывал людей пополам, сжигал их до костей и пепла. Многие побежали, пытаясь выбраться из той ямы, но я пришёл на представление и, клянусь всеми богами Гиса, я его увидел. Я сидел в фиолетовом ряду, поэтому вряд ли дракон стал бы на меня нападать.

— Королева забралась на спину дракону и улетела, — утверждала высокая темнокожая женщина.

— Она пыталась, — возразил старик, — но не смогла удержаться. Арбалеты ранили дракона, и, говорят, стрела угодила королеве прямо промеж её миленьких розовых сисек. И тогда она упала. Умерла в канаве, раздавленная колёсами повозки. Я знаю девку, которая знает мужика, который видел, как та померла.

В этой компании умнее было бы промолчать, но Тирион не смог сдержаться.

— Тело так и не нашли, — произнёс он.

— А ты-то что можешь об этом знать? — нахмурился старик.

— Они там были, — вступилась темнокожая женщина. — Это ведь те дерущиеся карлики, что выступали для королевы.

Старик прищурился на них так, словно только что увидел Тириона и Пенни.

— Вы те, что катались на свиньях.

«*Наша слава бежит впереди нас*». Тирион изобразил реверанс и не стал указывать на то, что одна из свиней в действительности была собакой.

— Хрюшка, на которой я езжу, на самом деле моя сестра. У нас носы одинаковые, вы разве не заметили? Её заколдовал злой волшебник, но если вы одарите её долгим сочным поцелуем, она

превратится в прекрасную женщину. Да только вот незадача, узнав её получше, вы вновь захотите её поцеловать, чтобы вернуть ей прежний облик.

Вокруг раздался взрыв смеха. Даже старик не удержался.

— Так значит, вы её видели, — сказал рыжий мальчик позади них. — Вы видели королеву. Она такая же красивая, как о ней говорят?

«*Я заметил только стройную девушку с серебристыми волосами, одетую в токар*, — мог бы ответить им Тирион. — *Её лицо скрывала вуаль, и у меня не получилось приблизиться к ней достаточно близко, чтобы хорошенько разглядеть. Я скакал на свинье*».

Дейенерис Таргариен сидела в хозяйской ложе рядом со своим гискарским королём, но глаза Тириона были прикованы к стоявшему за ней рыцарю в бело-золотых доспехах. Хотя его лицо было скрыто, карлик узнал бы Барристана Селми где угодно.

«*По крайней мере, в этом Иллирио был прав*, — подумал тогда Тирион. — *А узнает ли Селми меня? И что сделает, если узнает?*»

Он тогда чуть не открылся, но что-то его удержало — осторожность, трусость, инстинкт, назовите

как хотите. Тирион не мог себе представить иного приёма со стороны Барристана Смелого, кроме враждебного. Селми никогда не одобрял присутствия Джейме в своей драгоценной Королевской Гвардии. До восстания старый рыцарь считал, что тот слишком молод и неопытен, а после говорил, что Цареубийце следует сменить белый плащ на чёрный.

Грехи же Тириона были ещё страшнее. Джейме убил безумца. Тирион всадил стрелу в пах собственному отцу, которого сир Барристан знал и которому служил много лет. И всё же, несмотря на всё это, он мог бы рискнуть, но Пенни как раз нанесла удар по его щиту, и момент был безвозвратно упущен.

— Королева смотрела, как мы сражались, — рассказывала Пенни другим рабам в очереди, — только тогда мы её и видели.

— Дракона-то вы должны были видеть, — настаивал старик.

«*Хотелось бы*». — Боги не снизошли ради Тириона даже до такой малости. В тот момент, когда Дейенерис Таргариен улетала, Нянька заковывал их лодыжки в кандалы, чтобы на обратном пути к хозяину карлики не вздумали удрать. Если бы только надсмотрщик отправился отдыхать после

того, как доставил их на ту бойню, или бросился спасаться вместе с другими работорговцами, когда дракон спустился с небес, оба карлика могли бы не торопясь уйти на свободу. Или, скорее, сбежать, звеня своими колокольчиками.

— Да и был ли там, вообще, дракон? — пожимая плечами, спросил Тирион. — Всё, что я знаю — ни одной мёртвой королевы не нашли.

Старик не сдавался.

— Ну, трупов-то там насчитали сотни. Их стащили в яму и сожгли, хотя половина уже и так была с румяной корочкой. Может, обгоревшую, окровавленную и раздавленную королеву просто не узнали. А может наоборот, да только решили не говорить, чтоб вы, рабы, не шумели.

— Мы рабы? — возмутилась темнокожая женщина. — Сам-то ты тоже в ошейнике.

— Ошейник Газдора, — похвастался старик. — Знаю его с рождения. Мы с ним почти как братья. Рабы вроде вас, мусор из Астапора и Юнкая, постоянно хнычут о свободе, но я не отдал бы свой ошейник даже драконьей королеве, предложи она взамен отсосать у меня. Человек при хорошем хозяине — это гораздо лучше.

Тирион не стал с ним спорить. Самым коварным в оковах было то, как быстро к ним

привыкаешь. На его взгляд, жизнь большинства рабов не отличалась от жизни прислуги в Кастерли Рок. Правда, некоторые рабовладельцы и надсмотрщики грубы и жестоки, но тоже самое можно сказать и о некоторых лордах Вестероса, об их стюардах и управляющих. Большинство юнкайцев обращались со своей собственностью довольно прилично, пока те выполняли свою работу и не доставляли хлопот… и этот старик в своём ржавом ошейнике с его отчаянной преданностью лорду-щекотрясу не был чем-то из ряда вон выходящим.

— Газдор Великодушный? — льстиво произнёс Тирион. — Наш хозяин рассказывал о его уме.

Йеззан на самом деле сказал, что в его левой ягодице ума больше, чем у Газдора и его братьев вместе взятых. Однако Тирион рассудил, что разумнее не приводить сказанное дословно.

Полдень пришёл и ушёл, пока они с Пенни добрались до колодца. Зачерпывавший воду тощий одноногий раб подозрительно зыркнул на них.

— Нянька всегда сам приезжает за водой для Йеззана с четырьмя рабами и повозкой, запряжённой мулом.

Он вновь закинул ведро в колодец. Послышался лёгкий всплеск. Одноногий подождал, пока

ведро наполнится, а затем потащил его наверх. Его тощие, на первый взгляд, но жилистые руки обгорели на солнце и облезали.

— Мул сдох, — объяснил Тирион. — И Нянька тоже, бедолага. А теперь и сам Йеззан оседлал бледную кобылицу, и ещё шестеро его воинов исходят на дерьмо. Можно мне два полных ведра?

— Как скажешь. — На этом разговор закончился.

«*Опа, уж не услышал ли ты стук копыт*?» — Ложь насчёт воинов заставила одноногого шевелиться гораздо быстрее.

Они двинулись назад. Каждый из карликов тащил два ведра, полных до краёв чудной водичкой, а сир Джорах нёс по два ведра в каждой руке. Становилось жарче, воздух был плотным и влажным, как мокрая шерсть, и с каждым шагом ноша становились всё тяжелее. Долгая прогулка для коротких ног. Вода выплёскивалась из вёдер при каждом шаге, обливая ноги, покуда колокольчики вызванивали походный марш.

«*Если б я только знал, отец, что всё обернётся вот так, то, может, сохранил тебе жизнь*».

В полумиле к востоку, в том месте, где подожгли палатку, в небо поднимался тёмный шлейф дыма. Жгут умерших прошлой ночью.

— Сюда, — сказал Тирион, мотнув головой направо.

— Мы не так шли, — удивлённо взглянула на него Пенни.

— Не стоит нам дышать этим дымом, полным зловредных испарений. — Это не было ложью. Не совсем.

Пенни вскоре запыхтела, сгибаясь под тяжестью своих вёдер.

— Мне нужно передохнуть.

— Как скажешь. — Радуясь остановке, Тирион поставил ношу на землю. Ноги свело жуткой судорогой, поэтому он нашёл подходящий камень и уселся на него растереть ляжки.

— Я могу помассировать, — предложила Пенни. — Я знаю, где расположены узлы.

Несмотря на зародившуюся в нём привязанность к этой девушке, ему всё ещё становилось не по себе от её прикосновений.

Он обернулся к сиру Джораху.

— Если тебя изобьют ещё пару раз, ты станешь уродливее меня, Мормонт. Скажи, у тебя хоть какие-то силёнки остались?

Большой рыцарь поднял чёрные глаза и посмотрел на него, как на недоразумение.

— Достаточно, чтобы свернуть тебе шею, Бес.

— Это хорошо, — Тирион взялся за вёдра. — В таком случае, нам сюда.

Пенни наморщила лоб:

— Нет. Нужно налево, — указала она пальцем. — Вон она, Ведьма.

— А вон то — Злая Сестра, — мотнул головой Тирион в обратном направлении. — Верь мне. Так, как я говорю, быстрее.

Карлик зашагал, звеня колокольчиками, не сомневаясь, что Пенни идёт следом.

Иногда он завидовал глупеньким мечтам этой девушки. Она напоминала ему Сансу Старк, девочку-невесту, на которой он женился, а потом потерял. Несмотря на все ужасы, которые пришлось пережить Пенни, она каким-то образом осталась доверчивой. Ей нужно поумнеть. Она старше Сансы и, к тому же, карлица, а ведёт себя, словно благородная дама и писаная красавица, а не рабыня в труппе уродцев. По ночам Тирион часто слышал, как она молится. Напрасная трата слов.

«*Если и есть боги, которые могли бы её услышать, то это как раз те чудовища, что мучают нас себе на потеху. Кто ещё создал бы такой мир, полный неволи, крови и боли? Кто ещё сотворил бы нас такими*?»

Иногда ему хотелось отвесить ей пощёчину, встряхнуть, наорать — что угодно, лишь бы она очнулась от своих грёз. «*Никто нас не спасёт!* — хотелось ему крикнуть ей. — *Худшее впереди!*» И всё же, по какой-то причине, он не мог произнести этих слов. Вместо того чтобы хорошенько двинуть по её уродливому лицу, чтобы сбить шоры с её глаз, он всякий раз обнаруживал, что сжимает её плечи или обнимает её. Каждое прикосновение — ложь.

«*Я расплачивался с ней таким количеством фальшивой монеты, что она почти уверена, что богата*».

Он скрыл от неё даже правду о Яме Дазнака.

«*Львы. Они собирались натравить на нас львов. Да уж, вот была бы ирония*». — Может у него хватило бы времени на короткий, горький смешок прежде, чем его разорвали бы на части.

Никто никогда не рассказывал ему о том, какой конец им уготован, во всяком случае, вслух, но догадаться было не сложно. Под кирпичами Ямы Дазнака, в мире, скрытом под местами для зрителей, в тёмном царстве гладиаторов и обслуживавшей их, живых и мёртвых, прислуги — кормивших их поваров, вооружавших их торговцев железом, пускавших им кровь, бривших

и перевязывавших им раны цирюльников, ублажавших их до и после битв шлюх и трупоносов, утаскивавших проигравших с песка баграми и цепями.

Первым сигналом Тириону послужило выражение лица Няньки. После их представления они с Пенни вернулись в освещённую факелами камеру, где бойцы собирались до и после поединков. Кто-то точил оружие, кто-то приносил жертвы странным богам или успокаивал нервы маковым молочком, прежде чем отправиться на смерть. Те, кто уже сразился и победил, играли в углу в кости, смеясь так, как могут смеяться только те, кто только что смотрел в лицо смерти и выжил.

Нянька расплачивался с кем-то из работников Ямы за проигранную ставку, когда краем глаза заметил Пенни, ведущую Хрустика. Замешательство в его глазах исчезло в одно мгновение, но Тирион успел понять, что оно означало.

«*Нянька не ждал нас обратно*. — Он оглядел лица других. — *Никто из них не думал, что мы вернёмся. Мы должны были там умереть*».

Мозаика сложилась, когда Тирион услышал, как укротитель зверей громко пожаловался устроителю боёв.

— Львы голодны. Уже два дня не ели. Мне ска-

зали их не кормить, я и не кормил. Королева должна оплатить расходы на мясо.

— Скажи ей об этом в следующий раз, когда она соберёт двор, — огрызнулся устроитель боёв.

Даже теперь Пенни ни о чём не подозревала. Вспоминая Яму, она в основном переживала за то, что не все зрители смеялись. «*Они бы обоссались от смеха, если бы спустили львов*», — чуть не сказал ей Тирион, но вместо этого сжал её плечо.

Пенни внезапно остановилась.

— Мы идём не туда.

— Нет, туда, — Тирион опустил вёдра на землю. Ручки оставили глубокие борозды на его пальцах. — Нам вот к тем палаткам.

— Младшие Сыновья? — странная улыбка рассекла лицо сира Джораха. — Если надеешься найти там помощь, то ты не знаешь Бурого Бена Пламма.

— О, ещё как знаю. Мы с Пламмом сыграли пять партий в кайвассу. Бурый Бен ушлый, упрямый, нельзя сказать, что глупый… но очень осторожный. Предпочитающий, чтобы рисковал его противник, а он в это время будет выжидать, выбирая, что ему предпринять по ходу сражения.

— Сражения? Какого сражения? — отпрянула Пенни. — Мы должны вернуться обратно. Хозяи-

ну нужна чистая вода. Если нас не будет слишком долго, нас выпорют. И Милашка с Хрустиком там остались.

— Сладость о них позаботится, — солгал Тирион. Скорее всего, Шрам и его друзья скоро закатят пир с ветчиной, беконом и острой тушёной собачатиной, но Пенни не нужно об этом знать. — Нянька мёртв, а Йеззан умирает. Пока нас хватятся, уже стемнеет. Лучшего шанса, чем сейчас, у нас не будет.

— Нет. Ты же знаешь, как они поступают с беглыми рабами. Ты знаешь. Пожалуйста. Они не позволят нам бежать из лагеря.

— А мы и не бежим из лагеря. — Тирион поднял свои вёдра и, не оглядываясь, быстро заковылял прочь.

Мормонт шагал рядом. Через мгновение Тирион услышал, как вслед за ними вниз по песчаному склону к стоящим кругом рваным палаткам торопится Пенни.

Когда они приблизились к коновязям, появился первый охранник — стройный копейщик с малиновой бородой, выдающей в нём тирошийца.

— Кто это у нас тут? И что у вас в вёдрах?

— Вода, — ответил Тирион, — если вам угодно.

— Я бы предпочел пиво. — Тириону в спину

упёрся наконечник копья — второй охранник подобрался к ним сзади, и в его голосе он услышал речь Королевской Гавани. Мразь с Блошиного Конца. — Потерялся, карлик? — требовательно спросил охранник.

— Мы хотим присоединиться к вашему отряду.

Выскользнувшее из рук Пенни ведро опрокинулось, и половина воды пролилась, прежде чем она успела его поднять.

— У нас в отряде и так предостаточно шутов. Зачем нам ещё трое? — Тирошиец поддел кончиком копья ошейник Тириона, звякнув золотым колокольчиком. — Я вижу беглого раба. Трёх беглых рабов. Чей ошейник?

— Жёлтого Кита. — Это был уже третий охранник, привлечённый их голосами, тощий, заросший щетиной субъект, с красными от кислолиста зубами.

«*Сержант*, — сообразил Тирион по тому, как двое других пред тем отступили. На месте правой кисти у него торчал крюк. — *Бледная ублюдочная тень Бронна, или я Бейелор Благословенный*».

— Это те самые карлики, которых пытался купить Бен, — косясь, сказал сержант копейщикам. — А вот здоровяк… ладно, его тоже ведите. Всех троих.

Тирошиец махнул копьём. Тирион направился вперёд. Другой наёмник — юноша, по сути, ещё мальчик, с пушком на щеках и волосами цвета грязной соломы, подхватил Пенни под руку:

— Ого, а у моего-то есть сиськи, — засмеялся он и, чтобы убедиться, сунул руку под тунику Пенни.

— Веди, давай! — рявкнул сержант.

Юноша закинул Пенни на плечо. Тирион шагал со всей поспешностью, на которую только были способны его онемевшие ноги. Он знал, куда они идут: туда, где на противоположной стороне от костровой ямы стояла большая палатка. За долгие годы, проведённые под солнцем и дождём, краска на её разноцветных стенах из парусины потрескалась и выцвела. Пара наёмников проводила их взглядами, какая-то лагерная девка захихикала им вслед, но никто не сдвинулся с места, чтобы вмешаться.

В палатке они обнаружили походные стулья и стол на козлах, оружейную стойку с копьями и алебардами, покрытый протёртыми коврами десятков разномастных оттенков пол и трёх командиров. Первый — стройный и элегантный, с остроконечной бородкой, мечом брави и в розовом дублете с разрезами. Второй — полный,

лысеющий, с чернильными пятнами на пальцах, сжимавший в руке перо.

Третьим был тот, кого искал Тирион.

— Капитан, — поклонился карлик.

— Мы поймали их, когда они пытались пробраться в лагерь. — Юноша сбросил Пенни на ковёр.

— Беглые, — объявил тирошиец. — С вёдрами.

— С вёдрами? — переспросил Бурый Бен Пламм но, не получив ответа, произнёс:

— Возвращайтесь на свои посты, парни. И никому об этом ни слова.

Когда те ушли, он улыбнулся Тириону:

— Пришёл ещё разок сыграть в кайвассу, Йолло?

— Если желаете. Мне нравится вас побеждать. Слышал, вы дважды изменник, Пламм. Такой человек мне по душе.

Улыбка Бурого Бена никогда не касалась его глаз. Он рассматривал Тириона так, как человек изучает говорящую змею.

— Зачем вы здесь?

— Чтобы осуществить ваши мечты. Вы пытались купить нас на аукционе. Потом хотели выиграть нас в кайвассу. Даже с нормальным носом, я не был так хорош собой, чтобы пробу-

дить подобную страсть… кроме как в человеке, которому известна моя подлинная ценность. Ну, вот я здесь, можете забирать. А теперь, будьте другом, отправьте за кузнецом и снимите с нас эти ошейники. Надоело звякать каждый раз, когда я стряхиваю.

— Мне не нужны неприятности с вашим благородным хозяином.

— У Йеззана есть более срочные дела, чем поиск трёх пропавших рабов. Он скачет на бледной кобылице. И с чего бы им искать нас здесь? У вас достаточно мечей, чтобы отбить охоту у любого, кто вздумает тут что-то разнюхивать. Малый риск, ради великой прибыли.

— Они притащили с собой хворь. В наши палатки, — зашипел щёголь в розовом дублете с разрезами и повернулся к Бену Пламму. — Отрезать ему голову, капитан? Остальное можно скинуть в отхожую яму.

Он вытащил меч, тонкий клинок брави с украшенным драгоценными камнями эфесом.

— Будьте крайне осторожны с моей головой, — посоветовал Тирион. — Не стоит проливать на себя и капли моей крови. Она переносит заразу. Вам придётся выварить нашу одежду или сжечь её.

— Я думаю, не спалить ли её вместе с тобой, Йолло?

— Меня зовут не так. Но вам это известно. С того самого момента, когда вы в первый раз меня увидели.

— Возможно.

— Я тоже знаю вас, милорд, — продолжал Тирион. — Вы менее фиолетовый и более коричневый, чем Пламмы на моей родине, но если ваше имя не лжет, вы — вестеросец по крови, если не по рождению. Дом Пламмов — присягнул Кастерли Рок, и так уж вышло, что мне частично известна его история. Уверен, что ваша ветвь проросла из косточки, выплюнутой за Узкое море. Я даже готов поспорить, что вы — младший сын Визериса Пламма. Вы понравились драконам королевы, верно?

Казалось, это позабавило наёмника.

— Кто тебе это сказал?

— Никто. Большинство историй, что рассказывают о драконах, это лапша для дураков. Говорящие драконы, драконы, охраняющие золото и самоцветы, четырёхногие драконы с чревом размером со слона, драконы, загадывающие загадки сфинксам… глупости всё это. Но в старых книгах есть и правда. Я не только знаю, что дра-

коны королевы были вами очарованы, но мне вдобавок известно, почему.

— Моя мать говорила, что в отце была капля драконьей крови.

— Две капли. Или член длиной в шесть футов. Знаете эту сказку? Я знаю. Так вот, вы из умных Пламмов, поэтому вам известно, что за мою голову можно получить титул лорда… в Вестеросе, который находится на другом конце света, и к тому времени, как вы туда доберётесь, останется только череп с личинками. Моя дражайшая сестрица не признает, что голова моя, и обдурит вас с обещанной наградой. Знаете ведь этих королев. В большинстве своём — переменчивые дряни, а Серсея хуже всех.

Бурый Бен почесал бороду.

— Тогда можно доставить тебя живым и дергающимся. Или засунуть твою голову в банку и засолить.

— Или сговориться со мной. Это самый разумный шаг, — ухмыльнулся Тирион. — Я родился младшим сыном. Этот отряд — моя судьба.

— Младшим Сыновьям не требуются скоморохи, — презрительно бросил браво в розовом. — Нам нужны бойцы.

— Одного я вам привёл. — Тирион ткнул паль-

цем в Мормонта.

— Это существо? — засмеялся браво. — Уродливый здоровяк, но одних шрамов недостаточно, чтобы стать Младшим Сыном.

Тирион закатил свои разноцветные глаза.

— Лорд Пламм, кто эти два ваших друга? Розовый меня раздражает.

Браво скривил губы, а парень с пером в руке ухмыльнулся наглости карлика. Но тут Джорах Мормонт назвал их по именам:

— Чернильница — казначей отряда. А павлин зовёт себя Каспорио Мудрым, хотя Каспорио Мудень было бы точнее. Редкая мразь.

Хоть разбитое лицо Мормонта и стало неузнаваемо, но его голос не изменился. Каспорио удивлённо уставился на него, а у Пламма, от улыбки, вокруг глаз собрались морщинки.

— Джорах Мормонт? Ты ли это? Что ж, сейчас в тебе меньше спеси, чем до твоего поспешного бегства. Мы всё ещё должны называть тебя сиром?

Распухшие губы сира Джораха искривились в гротескной улыбке.

— Дай мне меч и можешь звать меня как хочешь, Бен.

Каспорио попятился назад.

— Ты… она же тебя прогнала…

— Я вернулся. Считайте меня глупцом.

«*Влюбленным глупцом*».

Тирион прочистил горло.

— Можете посудачить о старых временах позже… после того как я закончу объяснять, почему моя голова на плечах для вас полезнее. Вы увидите, лорд Пламм, насколько щедрым я могу быть с друзьями. Если не верите, спросите Бронна. Спросите Шаггу, сына Дольфа. Спросите Тиммета, сына Тиммета.

— И кто же это? — поинтересовался человек, звавшийся Чернильницей.

— Добрые парни, присягнувшие мне своими мечами и получившие отличную награду за службу, — пожал плечами Тирион. — Ладно, насчет добрых я солгал. Они кровожадные ублюдки, очень похожие на вас.

— Может и так, — произнёс Бурый Бен. — А может, ты выдумал эти имена. Шагга, говоришь? Это что, женское имя?

— У него довольно большие сиськи. В следующий раз, как встречу, загляну ему между ног, чтобы убедиться. Это набор для кайвассы там лежит? Вытаскивайте его и сыграем. Но сначала, думаю, мне нужно выпить вина. Моя глотка суха как старая кость, и, похоже, мне придётся много

говорить.

Глава 58. Джон

Этой ночью ему снились воющие в лесу одичалые, наступавшие под рёв боевых рогов и гром барабанов. «Бум-ДУМ-бум-ДУМ-бум-ДУМ» — раздавался грохот, подобный стуку тысячи сердец, бьющихся в унисон. У одних одичалых были копья, у других — луки, у третьих — топоры. Некоторые ехали на запряжённых собаками размером с пони костяных колесницах. Среди них топали великаны ростом в сорок футов с огромными, как дубы, молотами.

— Держаться! Отбросить их обратно! — призывал Джон Сноу, стоя в одиночестве на Стене.

— Огня! Скормите их огню!

Но никто не отозвался.

«*Они все ушли. Бросили меня*».

Снизу засвистели горящие стрелы, оставляя за собой огненный след. Чучела братьев в пылающих плащах падали вниз.

— Сноу! — кричал орёл, пока враги, будто пауки, карабкались по льду. Джон был одет в броню из чёрного льда, но зажатый у него в руке клинок пылал алым светом. Когда мертвецы доползали

до гребня Стены, он снова отправлял их на тот свет. Джон убил старика и безбородого мальчишку, великана, тощего мужчину с подпиленными зубами, девушку с копной рыжих волос. Слишком поздно он узнал в ней Игритт, и она исчезла так же быстро, как и появилась.

Мир растворился в красной дымке. Джон колол, резал, рубил. Он проткнул мечом Донала Нойе и вспорол брюхо Глухому Дику Фолларду. Куорен Полурукий рухнул на колени, тщетно пытаясь остановить бьющую из раны на шее кровь.

— Я лорд Винтерфелла! — закричал Джон.

Перед ним появился Робб с мокрыми от тающего снега волосами. Длинный Коготь снёс ему голову. Потом скрюченная рука грубо сжала плечо Джона. Он развернулся…

…и проснулся. Ворон клевал его в грудь.

— Сноу! — вопила птица.

Джон смахнул его. Ворон закричал, выражая своё недовольство, и, вспорхнув на столбик кровати, злобно взирал оттуда на хозяина в предрассветном сумраке.

Наступил новый день. Был час волка. Довольно скоро взойдёт солнце, и четыре тысячи одичалых потекут нескончаемым потоком через Стену. «*Безумие*». Джон Сноу взъерошил волосы обо-

жжённой рукой и снова задумался о том, что он делает. Когда ворота откроются, назад пути не будет. «*Это Старый Медведь должен был иметь дело с Тормундом. Это должен был быть Джереми Риккер, Куорен Полурукий, Деннис Маллистер или какой-нибудь другой опытный человек. Это должен был быть мой дядя*». Но уже слишком поздно для таких мыслей. Любой выбор таит свои опасности, любое решение имеет свои последствия. Он разыграет эту партию до конца.

Под доносившееся из темноты с другого конца комнаты бормотание ворона Мормонта, Джон встал и оделся.

– *Зерно,* — прокаркала птица. — *Король. Сноу, Джон Сноу, Джон Сноу*.

Странно. На памяти Джона ворон никогда прежде не произносила его имя полностью.

Джон перекусил в подвале со своими офицерами. Поджаренный хлеб, яичница, кровяные колбаски и перловка, запитые водянистым жёлтым пивом, составили его завтрак. За едой они вновь обсудили план действий.

— Всё готово, — убеждал его Боуэн Марш. — Если одичалые выполнят условия сделки, всё пройдёт так, как вы и приказывали.

«*А если нет, то всё может превратиться в*

кровавую бойню».

— Помните, — сказал Джон, — люди Тормунда голодные, замёрзшие и напуганные. Некоторые из них ненавидят чёрных братьев не меньше, чем кое-кто из вас ненавидит их. Мы идём по тонком льду. И мы, и они. Одна трещина — и все утонут. Если сегодня суждено пролиться крови, то пусть первый удар нанесём не мы, или, клянусь старыми и новыми богами, я отрублю голову тому, кто это сделает.

С ним согласились, покивали, ответили:

— Как прикажете, будет сделано, да-да, милорд. — А затем по очереди вышли на мороз, опоясавшись мечами и надев тёплые чёрные плащи.

Последним стол покинул Скорбный Эдд Толетт, приехавший ночью с шестью телегами из Долгого Кургана. Теперь чёрные братья называли эту крепость Дырой Шлюх. Эдда отправили, чтобы взять столько копьеносиц, сколько могли вместить телеги, а после того, как всё закончится, вернуть их обратно к их сёстрам по копью.

Джон смотрел, как тот подбирает куском хлеба растёкшийся желток. Странно, но он был рад вновь увидеть угрюмое лицо Эдда.

— Как идут восстановительные работы? — поинтересовался лорд-командующий у своего

прежнего стюарда.

— Ещё лет на десять должно хватить, — как всегда мрачно ответил Толетт. — Сперва, когда мы только заселились, это место кишело крысами. Копьеносицы перебили мерзавок. Теперь оно кишит копьеносицами. Порой мне хочется, чтобы было наоборот.

— Как тебе служится под началом Железного Эммета? — спросил Джон.

— В основном под началом Эммета служит Чёрная Мерис. А у меня есть мулы. Крапива утверждает, что мы с ними родня. По правде, рожи-то у нас и в самом деле одинаково вытянутые, но мне до их упрямства далеко. В любом случае, на моё счастье, я не встречал их матерей, — он прикончил свою яичницу и вздохнул. — Люблю хорошую глазунью. Прошу, м'лорд, не дайте одичалым сожрать всех наших кур.

Снаружи небо на востоке только начало светлеть, и на нём не было ни облачка.

— Похоже, подходящий день для такого дела, — заметил Джон. — Ясный, тёплый и солнечный.

— Стена заплачет, и зима почти пришла. Это неестественно, м'лорд. Если хотите знать моё мнение, дурной знак.

Джон улыбнулся.

— А если бы шёл снег?

— Ещё хуже.

— А какая погода пришлась бы тебе по душе?

— Та, при которой я сидел бы внутри, — ответил Скорбный Эдд. — Если угодно м'лорду, мне нужно вернуться к моим мулам. Они без меня тоскуют. Не могу сказать того же о копьеносицах.

На том они и расстались: Толетт пошёл к восточной дороге, где его ожидали телеги, Джон Сноу — к конюшням. Атлас оседлал и взнуздал его коня — норовистого серого жеребца с чёрной и блестящей, точно мейстерские чернила, гривой. Джон не выбрал бы такого коня для похода, но этим утром для него важно выглядеть представительно, а для этой задачи жеребец подходил в самый раз.

Джону никогда не нравилось окружать себя охраной, но сегодня казалось разумным взять с собой несколько надёжных людей. Ожидавшие его спутники в кольчугах, стальных полушлемах и чёрных плащах, вооружённые длинными копьями и заткнутыми за пояс мечами и кинжалами, представляли собой мрачное зрелище. Выбирая людей для этой задачи, Джон отсеял всех стариков и зелёных мальчишек. Его выбор пал на восемь человек в самом расцвете сил: Тая и Мал-

ли, Лью-Левшу, Большого Лиддля, Рори, Фалка Блоху и Гаррета Зелёное Копьё. Вдобавок к ним он взял Кожаного — нового мастера над оружием Чёрного Замка, чтобы показать вольному народу, что даже тот, кто воевал на стороне Манса в битве под Стеной, может получить достойное место в Ночном Дозоре.

К тому времени, как они собрались у ворот, небо на востоке полыхало тёмно-красным румянцем. «*Звёзды гаснут*», — подумал Джон. Вновь взойдя на небосвод, они засияют над миром, который изменился навсегда. Несколько наблюдателей из числа людей королевы стояли у затухающего ночного костра леди Мелисандры. Взглянув на Королевскую Башню, Джон заметил за окном красную вспышку. Королевы Селисы не было видно.

Время пришло.

— Открыть ворота, — спокойно произнёс Джон Сноу.

– *ОТКРЫТЬ ВОРОТА*! — проревел Большой Лиддль громоподобным голосом.

Семьюстами футами выше его услышали стражники и поднесли к губам боевые рога. Отражаясь от Стены, звук заполнил весь окружающий мир: «*Аху-у-у-у*!» Один длинный сигнал, тысячу

лет или даже больше возвещавший о том, что разведчики возвращаются домой. Сегодня он значил нечто иное. Сегодня рог звал вольный народ в их новые дома.

На обоих концах длинного туннеля распахнулись ворота и открылись железные решётки. Наверху на льду заиграли лучи восходящего солнца: розовым, золотым и лиловым. Скорбный Эдд прав, Стена скоро заплачет. «*Боги, пусть она рыдает в одиночестве*».

Атлас повёл их подо льдом, освещая сумрак туннеля железным фонарём. Джон шёл за юношей, ведя под уздцы своего коня. Следом шагала охрана, а за ними — Боуэн Марш с парой десятков стюардов, каждому из которых поручили своё задание. Наверху Ульмер из Королевского Леса охранял Стену. Рядом с ним стояли сорок лучших лучников Чёрного Замка, готовые ответить дождём стрел на любые неприятности внизу.

К северу от Стены верхом на низеньком мохнатом коньке, выглядевшем слишком хилым, чтобы выдержать вес своего ездока, поджидал Тормунд Великанья Смерть. Его сопровождали шестьдесят воинов и два уцелевших сына: высокий Торегг и молодой Дрин.

— Хар! — произнёс Тормунд. — Телохранители,

что ли? А как же доверие, ворона?

— Ты привёл больше людей, чем я.

— И правда. Ступай сюда, парень. Я хочу, чтобы мой народ посмотрел на тебя. У меня тысячи тех, кто никогда не видел лорда-командующего. Взрослые люди, которых в детстве пугали, что твои разведчики съедят их, если те будут плохо себя вести. Они должны увидеть обычного длинноликого парня в старом чёрном плаще. И понять: нечего бояться Ночного Дозора.

«*Не хотел бы я, чтобы они усвоили этот урок*». Джон стянул перчатку с обожжённой руки, сунул два пальца в рот и свистнул. Из ворот выбежал Призрак. Лошадь Тормунда шарахнулась в сторону, и одичалый едва не вылетел из седла.

— Нечего бояться? — повторил Джон. — Призрак, стоять.

— Ты ублюдок с чёрным сердцем, лорд Ворона.

Тормунд Трубящий-в-Рог поднял ко рту свой боевой рог. Звук, точно раскат грома, отразился ото льда, и первые представители вольного народа потянулись к воротам.

От рассвета до заката Джон смотрел, как проходят одичалые.

Сначала прошли заложники — сотня парней от восьми до шестнадцати лет.

— Твоя кровная плата, лорд Ворона, — объявил Тормунд. — Надеюсь, что плач их несчастных матерей не потревожит твои сны.

Некоторых мальчишек сопровождали к воротам родители или другие родичи, но большинство из них шли одни. Четырнадцатилетние и пятнадцатилетние были уже почти мужчинами и не хотели, чтобы их видели цепляющимися за женские юбки.

Двое стюардов пересчитывали проходивших мимо мальчишек, записывая имя каждого на длинных свитках пергамента. Третий собирал в качестве платы их ценности и тоже всё учитывал. Ребята шли в незнакомое место, чтобы служить тем, с кем тысячи лет враждовали их друзья и родные, но Джон не видел слёз, не слышал плач матерей. «*Это — люди зимы*, — напомнил он себе. — *Там, откуда они родом, слёзы замерзают на щеках*». Ни один заложник не задержался и не пытался ускользнуть, когда наступал его черёд войти в этот мрачный туннель.

Почти все мальчишки были худыми, некоторые на последней стадии истощения, с тощими ногами и руками-веточками. Джон и не ждал ничего иного. В остальном ребята отличались лишь телосложением, ростом и цветом волос. Он видел

высоких и низких, шатенов и брюнетов, золотистых и рыжеватых блондинов, просто рыжих — поцелованных огнём, совсем как Игритт. Он видел парней со шрамами, хромых мальчишек, рябых мальчишек. У ребят постарше на щеках пробивался пушок, а над губой росли тонкие маленькие усики. Впрочем, попался один парень с такой же густой бородой, как у Тормунда. Кто-то из них был одет в прекрасные мягкие меха, кто-то — в вываренную кожу и разрозненные части доспехов, большинство — в шерсть и тюленьи шкуры, а кое-кто и вовсе в лохмотья. Один даже шёл голышом. У многих было оружие: заострённые деревянные копья, каменные молоты, ножи из кости, камня или драконьего стекла, палицы, сети, у некоторых попадались даже изъеденные ржавчиной старые мечи. Рогоногие весело шагали босиком по сугробам. Другие мальчишки привязали к сапогам «медвежьи лапы» и ступали по снегу, не проваливаясь сквозь наст. Шесть парней приехали на лошадях, два — на мулах. Двое братьев пришли с козлом. У самого высокого заложника, вымахавшего до шести с половиной футов роста, было совсем ещё детское лицо, а самым низким оказался коренастый мальчик, утверждавший, что ему девять, но выглядевший

никак не старше шести.

Отдельно записывали сыновей известных одичалых. Тормунд называл их, когда те проходили мимо.

— Этот парень — сын Сорена Щитолома, — указал он на высокого мальчугана. — А тот, с рыжими волосами — Геррика Королевской Крови. Его послушать, так он потомок Реймунда Рыжебородого. Если хочешь знать правду — младшего брата Рыжебородого.

Два мальчика выглядели, как близнецы, но Тормунд уверял, что они кузены и между ними год разницы.

— Первый зачат от Харля-Охотника, второй — от Харля-Красавчика, обоих родила одна женщина. Отцы ненавидят друг друга. На твоём месте, я бы отправил одного в Восточный Дозор, а другого — в Сумеречную Башню.

Другие заложники, по его словам, были сыновьями Хоуда-Странника, Брогга, Девина Шкуродела, Кайлига Деревянное Ухо, Морны Белой Маски, Великого Моржа…

— Великий Морж? В самом деле?

— У них на Стылом Берегу странные имена.

Трое заложников оказались сыновьями Альфина Убийцы Ворон, печально известного разбой-

ника, убитого Куореном Полуруким. По крайней мере, так утверждал Тормунд.

— Они не похожи на родных братьев, — отметил Джон.

— Сводные братья, рождены от разных матерей. Член у Альфина был крохотный, ещё меньше твоего, но он не стеснялся совать его куда попало. Заделал по сыну в каждой деревне.

Об одном приземистом пареньке с крысиным лицом Тормунд сказал:

— Это отродье Варамира Шестишкурого. Помнишь Варамира, лорд Ворона?

Джон помнил.

— Оборотень.

— Да, был им. А кроме того, злобным коротышкой. Наверняка, мёртв уже. Никто не видел его после битвы.

Двое мальчишек оказались переодетыми девочками. Заметив это, Джон отправил за ними Рори и Большого Лиддля. Одна пришла вполне спокойно, другая лягалась и кусалась. «*Это могло плохо кончиться*».

— У этих двух известные отцы?

— Хар! У этих худышек? Не похоже. Выбрали по жребию.

— Это девочки.

— Правда? — Тормунда покосился на них из своего седла. — Мы с лордом Вороной поспорили, у кого из вас хозяйство больше. Снимайте штаны, чтоб мы могли посмотреть.

Одна из девушек покраснела, а другая взглянула на них с вызовом и сказала:

— Оставь нас в покое, Тормунд Великанья Вонь. Дай пройти.

— Хар! Ты победил, ворона. Хрена нет ни у одной, но у малявки есть яйца. Будущая копьеносица.

Он позвал своих людей.

— Ступайте, найдите им девчачью одежду, пока лорд Сноу не обмочил подштанники.

— Мне нужны два парня вместо них.

— С чего бы это? — Тормунд почесал бороду. — По моему, заложник есть заложник. Этот твой большой острый меч срубит с той же лёгкостью срубит голову девчонке, как и мальчишке. Отцы и дочерей любят. По крайней мере, большинство отцов.

«*Меня волнуют не их отцы*».

— Манс пел когда-нибудь об Отважном Денни Флинте?

— Нет, насколько я помню. Кем он был?

— Девушкой, которая переоделась мальчиком,

чтобы принять чёрное. Печальная песня о ней прекрасна, а то, что с ней произошло, нет.

По некоторым версиям песни призрак девушки до сих пор бродит по Твердыне Ночи.

— Я отошлю девочек в Долгий Курган.

Единственными мужчинами там были Железный Эммет и Скорбный Эдд, которым он доверял. Джон не мог сказать того же обо всех своих братьях.

Одичалый понял.

— Ну и мерзкие же вы птицы, вороны, — сплюнул он. — Значит, ещё два парня. Ты их получишь.

Когда мимо них прошествовали девяносто девять заложников, чтобы пройти под Стеной, Тормунд Великанья Смерть представил сотого.

— Мой сын Дрин. Пригляди, чтобы с ним хорошо обращались, или я зажарю твою чёрную печёнку и съем.

Джон присмотрелся к мальчику. «*Ровесник Брана, вернее, Бран был бы его возраста, если бы его не убил Теон*». Но Дрин совсем не такой милый, как Бран. Коренастый мальчишка с короткими ногами, сильными руками и широким красным лицом — миниатюрная копия своего отца с копной тёмно-каштановых волос.

— Он будет моим собственным пажом, — пообещал Джон.

— Слышал, Дрин? Смотри, не зазнайся, — сказал Тормунд и посоветовал Джону:

— Время от времени ему необходима хорошая трёпка. Но берегись его зубов — кусается.

Он снова потянулся за своим рогом, поднял и протрубил ещё один сигнал.

К этому времени появились воины. И совсем не сотня. «*Пять сотен*, — прикинул Джон, когда те показались из-под деревьев. — *А может, и не меньше тысячи*». Верхом ехал только один из десяти, но каждый был вооружён. На спинах они несли круглые плетёные щиты, обтянутые шкурами или варёной кожей, с изображениями змей, пауков, отрубленных голов, окровавленных молотов, демонов и разбитых черепов. Кто-то напялил украденную сталь — помятые остатки доспехов, снятых с погибших разведчиков, — кто-то надел доспехи из костей, как Гремучая Рубашка, но на всех были меха и кожа.

Среди воинов шли и копьеносицы с длинными развевающимися на ветру волосами. Джон не мог смотреть на них, не вспоминая Игритт: отблеск огня в её волосах, её лицо, когда она раздевалась для него в пещере, звук её голоса.

— Ничего ты не знаешь, Джон Сноу, — повторяла она ему сотню раз.

«*Это было правдой и тогда, и сейчас*».

— Ты мог бы послать женщин первыми, — сказал он Тормунду. — Девушек и матерей.

Одичалый задумчиво на него посмотрел.

— Да, мог бы. А ты со своими воронами мог бы решить закрыть эти ворота. Несколько воинов на той стороне, и ворота останутся открытыми, не правда ли? — ухмыльнулся он. — Я купил твою проклятую лошадь, Джон Сноу, но это не значит, что мы не в состоянии пересчитать ей зубы. Не думай, что я и мои люди не верим тебе. Мы доверяем тебе настолько, насколько ты доверяешь нам.

Тормунд фыркнул.

— Ты хотел воинов, так? Ну, вот и они. Каждый стоит шести твоих чёрных ворон.

Джон не смог сдержать улыбку.

— И пока они поберегут оружие для нашего общего врага, я доволен.

— Я дал тебе слово, разве нет? Слово Тормунда Великанья Смерть, твёрдое, как железо.

Он повернулся и сплюнул.

В веренице вояк находились отцы многих заложников. Проезжая мимо, одни бросали хо-

лодные взгляды и касались рукоятей мечей, а другие улыбались, как давно потерянному родичу, хотя некоторые из этих улыбок смущали Джона сильнее любого взгляда. Никто не преклонил колено, но многие приносили клятвы.

— В чём поклялся Тормунд, клянусь и я, — заявил темноволосый Брогг — очень немногословный человек.

Сорен Щитолом на дюйм склонил голову и прорычал:

— Топор Сорена твой, Джон Сноу, если он тебе понадобится.

Рыжебородый Геррик Королевская Кровь привёл троих дочерей.

— Они станут прекрасными жёнами и подарят своим мужьям сильных сыновей королевской крови, — похвалялся он. — Как и их отец, они потомки Реймунда Рыжебородого, который был королём за Стеной.

Джон знал, что для вольного народа кровь ничего не значит. Это объяснила ему Игритт. Дочерям Геррика достались такие же огненно-рыжие волосы, как и у неё, хотя у Игритт были спутанные кудри, а у них — длинные и прямые локоны. «*Поцелованные огнём*».

— Три принцессы, одна прекраснее другой,

— ответил Джон их отцу. — Я прослежу, чтобы их представили королеве.

Джон подозревал, что Селисе Баратеон эти три девушки понравятся больше, чем Вель. Они моложе и намного скромнее. «*Достаточно хорошенькие, хотя их отец кажется дураком*».

Хоуд-Странник поклялся на мече. Джон никогда не видел более зазубренного и измятого куска стали. Девин Шкуродел подарил ему шапку из тюленьей кожи, Харль-Охотник — ожерелье из медвежьих когтей. Ведьма-воительница Морна подняла свою маску из чардрева, поцеловала его затянутую в перчатку руку и поклялась быть его мужчиной или женщиной, по его желанию. А одичалые всё шли и шли, шли и шли.

Каждый воин, проходя мимо, снимал свои сокровища и бросал их в одну из телег, установленных стюардами у ворот. Янтарные подвески, золотые ожерелья, украшенные драгоценными камнями кинжалы, серебряные броши с самоцветами, браслеты, кольца, чаши из чернёного серебра и золотые кубки, боевые рога и рога для питья, гребень из зелёного нефрита, ожерелье из речного жемчуга — всё собиралось и записывалось Боуэном Маршем. Один человек сдал рубаху из серебряных пластин, которую, наверняка,

сделали для какого-то великого лорда. Другой положил сломанный меч с тремя сапфирами на рукояти.

Встречались и более необычные вещи: игрушечный мамонт из шерсти настоящего мамонта, фаллос из слоновой кости, шлем из головы единорога вместе с самим рогом. Джон не брался судить, сколько еды можно купить на это в Вольных Городах.

После всадников потянулись обитатели Стылого Берега. Перед Джоном одна за другой проехала дюжина больших костяных колесниц, громыхая совсем как Гремучая Рубашка. Половина колесниц как и прежде катилась на колёсах, а у другой половины их заменили полозьями, и те легко скользили поверх сугробов, где обычные повозки проваливались и утопали в снегу.

Колесницы тащили собаки — чудовищные создания, огромные, как лютоволки. Женщины были одеты в тюленьи шкуры, некоторые прижимали к груди малышей. Старшие дети шли за матерями и смотрели на Джона тёмными и твёрдыми, как зажатые у них в руках камни, глазами. Некоторые мужчины водрузили на шапки оленьи рога, некоторые — моржовые бивни. Друг друга они недолюбливали, как скоро заметил

Джон. Замыкали шествие несколько тощих северных оленей и огромные псины, щёлкавшие зубами на отстающих.

— С этими держись настороже, Джон Сноу, — предупредил его Тормунд. — Дикий народ. Мужчины дурные, женщины и того хуже.

Он снял с седла мех и предложил Джону.

— Вот. Возможно, это сделает их не такими страшными, как кажется. Заодно согреешься на ночь. Нет, пей ещё, оставь себе. Глотни хорошенько.

Внутри оказалась такая крепкая медовуха, что у Джона из глаз брызнули слёзы, а в груди расползлись языки пламени. Он сделал большой глоток.

— Ты хороший человек, Тормунд Великанья Смерть. Для одичалого.

— Быть может, лучше, чем большинство. Не такой хороший, как некоторые.

Солнце всё выше взбиралось по ярко-синему небу, а поток одичалых не иссякал. Незадолго до полудня движение остановилось: телега, запряжённая волами, застряла на одном из поворотов внутри туннеля. Ко времени, как Джон Сноу пришёл посмотреть, что произошло, телегу уже накрепко заклинило. Столпившиеся позади неё люди угрожали прямо тут же разрубить повозку

на куски и пустить вола на мясо, а возница и его родня клялись убить тех, кто попытается это сделать. С помощью Тормунда и его сына Торегга, Джону удалось удержать одичалых от резни, но на то, чтобы расчистить путь, ушёл почти час.

— Вам нужны ворота побольше, — посетовал Тормунд Джону, бросив мрачный взгляд на небо, где показалось несколько тучек. — Слишком, мать твою, медленно идём. Будто пытаемся выпить Молочную через соломинку. Хар. Будь у меня Рог Джорамуна, я б хорошенько в него дунул, и мы перебрались бы через руины.

— Мелисандра сожгла Рог Джорамуна.

— Неужто? — Тормунд хлопнул себя по ляжке и присвистнул. — Она сожгла тот превосходный большой рог, ага. Чертовски жаль, скажу я тебе. Ему была тысяча лет. Мы нашли его в могиле великана, и никто из нас никогда не видел такого огромного рога. Вот почему Манс дал тебе понять, что это Рог Джорамуна. Он хотел, чтобы вы, вороны, поверили, будто в его силах сдуть вашу проклятую Стену. Но мы так и не разыскали настоящий рог, несмотря на все наши старания. Отыщи мы его, и каждому поклонщику в твоих Семи Королевствах хватило бы льда, чтобы всё лето охлаждать вино.

Джон, нахмурившись, повернулся в седле. «*И подул Джорамун в Рог Зимы и пробудил из земли великанов*». Этот огромный рог, окованный золотом, с вырезанными древними рунами… Солгал ли ему тогда Манс или теперь лжёт Тормунд? «*Если находка Манса лишь отвлекающий манёвр, то где же настоящий рог*?»

К полудню солнце спряталось за тучи, день стал серым и ветреным.

— Снежное небо, — мрачно произнёс Тормунд.

Другие видели то же самое предзнаменование в этих низких белых тучах. Похоже, это заставило их поторопиться, но страсти накалились. Одного человека пырнули ножом за попытку проскользнуть вперёд тех, кто часами ждал своей очереди. Торегг выбил кинжал из руки нападавшего, вытащил обоих из колонны и отправил в лагерь одичалых — пусть начнут свой путь сначала.

— Тормунд, — произнёс Джон, наблюдая, как четыре старухи тащат к воротам набитую детьми тележку, — расскажи мне о нашем враге. Я бы хотел знать об Иных всё, что возможно.

Одичалый потёр губы.

— Не здесь, — буркнул он. — Не по эту сторону вашей Стены.

Бывалый вояка беспокойно взглянул на уку-

танные белыми плащами деревья.

— Знаешь ли, они всегда поблизости. Они не выходят днём, пока сияет это старое солнце, но не думай, что это значит, что их нет. Тени никогда не уходят. Может, ты их не видишь, но они всегда следуют за тобой по пятам.

— Они беспокоили вас по пути на юг?

— Они никогда не нападали открыто, если ты это имеешь в виду, но они всё же всегда были с нами, покусывая нас за пятки. Мы потеряли больше верховых, чем я могу сосчитать. Отставший или заплутавший в лесу мог сразу попрощаться с жизнью. Каждую ночь мы окружали наши лагеря кольцом огня. Они не очень-то любят огонь, это уж точно. Но когда идёт снег… снег, дождь со снегом или холодный дождь, чертовски трудно найти сухую древесину или разжечь огонь. А холод… В некоторые ночи наши костры будто съёживались и умирали. После таких ночлегов по утрам всегда находишь несколько мертвецов. Если только они не находят тебя первыми. Той ночью, когда Торвинд… Мой мальчик… Он…

Тормунд отвернулся.

— Знаю, — сказал Джон Сноу.

Тормунд повернулся к нему.

— Ничего ты не знаешь. Да, я слышал, ты убил

мертвеца. Манс убил сотню. Человек может сражаться с мёртвыми, но когда приходят их хозяева, когда поднимается белый туман… Как ты будешь сражаться с туманом, ворона? Тени с зубами… Воздух такой холодный, что больно дышать, словно в груди застрял нож… Ты не знаешь… Не можешь знать… Способен ли твой меч разрезать холод?

«*Посмотрим*», — подумал Джон, вспоминая рассказы Сэма о том, что тот нашёл в старых книгах. Длинный Коготь выковали в пламени древней Валирии, в драконьем огне и укрепили заклинаниями. «*Драконья сталь*», — назвал её Сэм. Крепче, чем обычная, легче, твёрже, острее… Но слова в книгах — это одно. Настоящей проверкой станет битва.

— Ты прав, — ответил Джон. — Я не знаю. И если боги будут милосердны, никогда не узнаю.

— Боги редко милосердны, Джон Сноу. — Тормунд кивнул на небо. — Тучи собираются. Уже темнеет и холодает. Твоя Стена больше не плачет.

Он повернулся и подозвал своего сына Торегга.

— Езжай назад в лагерь, и заставь их пошевеливаться. Слабых, больных, трусов, сонь — поднимай на ноги всех. Если потребуется, подожги

их проклятые палатки. С наступлением ночи ворота должны закрыться. Любому, кто к этому времени не перейдёт за Стену, лучше начинать молиться, чтобы Иные добрались до него раньше меня. Понял?

— Да.

Торегг ударил пятками свою лошадь и поскакал в конец колонны.

А одичалые шли и шли. День становился всё темнее, как и предсказывал Тормунд. Тучи затянули небо от края до края. Похолодало. У ворот стало больше толкотни: люди, козы и волы спихивали друг друга с пути. «*Это больше чем нетерпение*, — понял Джон. — *Они напуганы. Воины, копьеносицы, разбойники — все боятся этого леса, теней, движущихся среди деревьев. Они хотят оказаться за Стеной до того, как наступит ночь*».

На ветру заплясала снежинка. Потом ещё одна. «*Потанцуй со мной, Джон Сноу*, — подумал он. — *Скоро ты станцуешь со мной*».

А одичалые всё шли и шли. Одни торопились, спеша через поле былой битвы. Другие — старые, молодые, слабые — вообще еле двигались. Ещё утром поле покрывало толстое одеяло старого снега со сверкавшим на солнце настом. Теперь

поле стало бурым, чёрным и скользким. Шествие вольного народа превратило землю в слякоть и грязь: деревянные колёса и лошадиные копыта, роговые, костяные и железные полозья, свиные копытца, тяжёлые сапоги, раздвоенные копыта коров и волов, голые чёрные ступни рогоногих — все оставили свой след. Разбитая дорога замедляла ход колонны ещё сильнее.

— Вам нужны ворота побольше, — снова пожаловался Тормунд.

После полудня не переставая, шёл снег, но река одичалых превратилась в ручей. Среди деревьев на месте их оставленного лагеря поднимались клубы дыма.

— Торегг, — объяснил Тормунд. — Сжигает мёртвых. Всегда есть те, кто ложатся спать и никогда не просыпаются. Ты находишь их в палатках, если у них есть палатки, скорчившимися и замёрзшими. Торегг знает, что делать.

К тому времени как из леса появился Торегг в сопровождении дюжины всадников, вооружённых мечами и копьями, ручей уже превратился в струйку.

— Мой арьергард, — обнажив щербатые зубы, улыбнулся Тормунд. — У вас, ворон, есть разведчики. У нас тоже. Я оставил их в лагере на случай,

если на нас нападут до того, как все успеют уйти.

— Твои самые лучшие люди.

— Или самые плохие. Каждый из них убивал ворон.

Среди всадников шествовал один пеший с каким-то огромным монстром, следующим за ним по пятам. «*Вепрь*, — понял Джон. — *Чудовищный вепрь*». Существо было вдвое крупнее Призрака. Его тело покрывала жёсткая чёрная щетина, а из пасти торчали клыки длиной с человеческую руку. Джон никогда не видел такого огромного и уродливого кабана. Идущий рядом с ним человек тоже не блистал красотой — громадный, хмурый детина с плоским носом, заросшей щетиной массивной челюстью и маленькими, близко посаженными чёрными глазками.

— Боррок. — Тормунд обернулся и сплюнул. — Оборотень.

Это был не вопрос, каким-то образом он знал.

Призрак повернул голову. Падающий снег притупил запах вепря, но теперь белый волк учуял его и, встав перед Джоном, оскалил зубы в безмолвном рыке.

— Нет! — крикнул Джон. — Призрак, сидеть. Стой. Стой!

— Кабаны и волки, — произнёс Тормунд. —

Сегодня тебе лучше посадить твоё чудище под замок. Я прослежу, чтобы Боррок сделал то же со своим свином.

Он взглянул на темнеющее небо.

— Они последние, не больно-то торопились. Чую, снегопад будет всю ночь. Пришло время и мне взглянуть, что лежит по ту сторону от этой льдины.

— Езжай вперёд, — сказал ему Джон. — Хочу быть последним, кто пройдёт через лёд. Присоединюсь к тебе на пиру.

— Пир? Хар! Вот это слово я рад слышать.

Одичалый повернул своего конька к Стене и шлёпнул его по крупу. Торегг с всадниками последовали за ним, спешившись у ворот, чтобы провести своих лошадей под Стеной. Боуэн Марш задержался, чтобы понаблюдать, как его стюарды затаскивают в туннель последние телеги. Остались только Джон Сноу со своей стражей.

Оборотень остановился в десяти ярдах. Его чудовище, принюхиваясь, рылось в грязи. Лёгкий снежок присыпал горбатую чёрную спину вепря. Тот, хрюкнув, склонил голову, и на какое-то мгновение Джону показалось, что кабан вот-вот атакует. Стоявшие по бокам от лорда-командующего братья опустили свои копья.

— Брат, — произнёс Боррок.

— Ты лучше проходи. Мы собираемся закрывать ворота.

— Закрывайте, — отозвался Боррок. — Заприте их покрепче. Они идут, ворона.

Он улыбнулся самой отвратительной улыбкой, которую приходилось видеть Джону, и пошёл к воротам. Вепрь поспешил за ним. Падающий снег засыпал их следы.

— Ну вот, всё и закончилось, — сказал Рори, когда те ушли.

«*Нет*, — подумал Джон Сноу. — *Всё только начинается*».

Боуэн Марш ожидал его на южной стороне Стены с дощечкой, исписанной цифрами.

— Сегодня через ворота прошли три тысячи сто девятнадцать одичалых, — сообщил лорд-стюард. — Шестьдесят твоих заложников отправили в Восточный Дозор и Сумеречную Башню после того, как накормили. Эдд Толетт увёз шесть телег с женщинами обратно в Долгий Курган. Прочие остались с нами.

— Ненадолго, — пообещал ему Джон. — Тормунд собирается увести своих людей в Дубовый Щит в течение одного-двух дней. Оставшиеся тоже уйдут, когда мы определим, куда их отправить.

— Как скажете, лорд Сноу.

Его слова прозвучали сухо, а тон ясно давал понять, куда бы он их отправил.

Замок, куда вернулся Джон, сильно отличался от того, что он покинул утром. Всё время, пока он знал это место, Чёрный замок был обителью тишины и теней, где небольшая группа мужчин в чёрном слонялась, словно призраки, среди развалин крепости, которая когда-то служила домом в десять раз большему количеству людей. Всё это изменилось. Теперь в тех окнах, которые Джон Сноу никогда прежде не видел освещёнными, горели огни, а двор заполняли незнакомые голоса. Вольный народ бродил по ледяным дорожкам, знававшим годами лишь чёрные сапоги ворон. У старых Кремневых казарм Джон наткнулся на дюжину человек, забрасывающих друг друга снежками. «*Играют*, — изумился он. — *Взрослые люди играют, словно дети, перебрасываясь снежками, как когда-то Бран и Арья, а до них и мы с Роббом*».

Но старый арсенал Донала Нойе оставался, как и прежде, тёмным и тихим, а комнаты лорда-командующего позади холодной оружейной — ещё темнее. Не успел Джон снять плащ, как Даннел, просунув голову в дверь, объявил, что Клидас

принёс сообщение.

— Проводи его.

Джон запалил от углей в жаровне вощёный фитиль и зажёг им три свечи.

Вошёл красный и моргающий Клидас, сжимая пергамент в дряблой руке.

— Прошу прощения, лорд-командующий. Понимаю, что вы, должно быть, устали, но думаю, что вы захотите увидеть это незамедлительно.

— Ты поступил правильно.

Джон прочёл:

«*У Сурового Дола с шестью кораблями. Бурные воды. "Чёрный Грач" затонул со всей командой, два лиссенийских корабля сели на мель на Скейне, "Коготь" дал течь. Здесь очень скверно. Одичалые едят тела умерших. Мертвецы в лесу. Браавосские капитаны возьмут на свои корабли только женщин и детей. Ведьма называет нас работорговцами. Попытались захватить "Штормовую Ворону", шесть членов экипажа погибли, и много одичалых. Осталось восемь воронов. Мертвецы в воде. Пошлите помощь по суше, море бушует.*

С "Когтя", писано рукой мейстера Хармуна».

Ниже Коттер Пайк поставил свой сердитый росчерк.

— Плохие новости, милорд? — спросил Клидас.

— Довольно плохие.

«*Мертвецы в лесу, мертвецы в воде. Из одиннадцати отплывших кораблей осталось шесть*». Джон, хмурясь, свернул пергамент. «*Ночь собирается*, — подумал он, — *и начинается моя война*».

Глава 59. Отвергнутый рыцарь

— Все на колени перед его великолепием Хиздаром зо Лораком, четырнадцатым этого благородного имени, королём Миэрина, наследником Гиса, октархом Старой Империи, владетелем Скахазадхана, супругом Матери Драконов и кровью Гарпии, — ревел глашатай. Его голос, отражаясь от мраморного пола, звенел среди колонн.

Сир Барристан Селми сунул руку под плащ и высвободил меч в ножнах. Никому не дозволялось носить меч в присутствии короля, за исключением его телохранителей. Селми, по-видимому, все ещё считали входящим в их число, пусть король и дал ему отставку. По крайней мере, отобрать меч никто не пытался.

Дейенерис Таргариен предпочитала принимать просителей, восседая на простой полированной эбеновой скамье, покрытой подушками, которые сир Барристан подложил королеве для удобства. Король Хиздар заменил скамью двумя внушительными тронами из позолоченного дерева с высокими спинками, вырезанными в форме драконов. Король восседал на правом

троне с золотой короной на голове и усыпанным камнями скипетром в бледной руке. Второй трон оставался пустым.

«*Внушительный трон*, — подумал сир Барристан. — *Но никаким драконьим троном, как бы искусно его не вырезали, не заменить дракона во плоти*».

Справа от двух тронов стоял Гогор-Гигант — громила со зверским изуродованным шрамами лицом. Слева расположился Пятнистый Кот с переброшенной через плечо шкурой леопарда, а за ним — Белакво-Костолом и хладнокровный Кразз. «*Все опытные убийцы*, — думал Селми, — *но одно дело — противостоять врагу в бойцовых ямах, когда о его выходе возвещают пением рогов и барабанным боем, и совсем другое — обнаружить затаившегося убийцу до того, как тот нанесёт удар*».

День ещё только начинался, и всё же рыцарь чувствовал сильную усталость, как если бы сражался всю ночь напролёт. Чем старше становился сир Барристан, тем, казалось, меньше сна ему требовалось. Будучи оруженосцем, он мог проспать десять часов подряд и всё ещё позёвывать, плетясь на тренировочное поле. В тридцать шесть он находил, что пяти часов более

чем достаточно. А этой ночью он и вовсе почти не сомкнул глаз. Спальней ему служила маленькая клетушка за покоями королевы, изначально предназначавшаяся для рабов. Её скромная обстановка состояла лишь из кровати, ночного горшка, шкафа для одежды да стула на случай, если Селми захочется присесть. На прикроватном столике рыцарь держал восковую свечу и маленькую фигурку Воина. Хотя сир Барристан не был набожен, фигурка немного скрашивала его одиночество в этом странном, чуждом городе, и именно к Воину обратился Селми в тёмные часы ночи. «*Защити от сомнений, что меня гложут*, — молил он. — *И дай мне силу свершить правое дело*». Но ни молитвы, ни рассвет не принесли ему уверенности.

Столько народу, как теперь, старый рыцарь в этом зале не видел никогда, но в первую очередь ему бросилось в глаза отсутствие многих лиц: Миссандеи, Бельваса, Серого Червя, Агго, Чхого и Ракхаро, Ирри и Чхику, Даарио Нахариса. На месте Бритоголового стоял толстяк в мускульной кирасе, львиной маске и юбке из кожаных полосок, из-под которой виднелись массивные ноги: Маргаз зо Лорак, родственник короля и новый командующий Медных Тварей. Он уже

успел заслужить изрядное презрение Селми, знававшего в Королевской Гавани людей такого сорта — раболепных перед вышестоящими, жестоких к подчинённым, столь же безрассудных, сколь хвастливых, и, к тому же, чересчур самодовольных.

«*Скахаз также может находиться в зале, скрывая своё уродливое лицо под маской*», — сообразил Селми. Сорок Медных Тварей стояли между колоннами, и свет факелов озарял надраенную медь их масок. Бритоголовый может оказаться любым из них.

Зал наполняло гудение сотен приглушённых голосов, отражавшихся от колонн и мраморного пола и сливавшихся в грозный недовольный рокот. Этот звук напоминал Селми жужжание осиного гнезда за мгновение до того, как рой, клубясь, вырвется наружу. А на лицах в толпе он видел гнев, печаль, подозрение и страх.

Едва новый королевский глашатай призвал двор к порядку, как начались безобразия. Одна женщина запричитала о брате, убитом в бойцовой Яме Дазнака, другая о поломке своего паланкина. Какой-то толстяк сорвал повязки и выставил напоказ свою обожжённую, сочившуюся сукровицей руку. А когда мужчина в голубом

с золотом токаре начал говорить о Харгазе-Герое, стоявший сзади вольноотпущенник грубо толкнул его на пол. Потребовалось шесть Медных Тварей, чтобы разнять дерущихся и вытащить их из зала. «*Лиса, ястреб, тюлень, цикада, лев и жаба*». Селми задумался, значима ли маска для тех, кто её носит? Надевают ли они всегда одну и ту же или каждый день меняют личины?

— Спокойствие! — умолял Резнак мо Резнак. — Пожалуйста! Я отвечу, если вы только…

— Правда ли это? — зашумела какая-то вольноотпущенница. — Наша Мать мертва?

— Нет и ещё раз нет! — взвизгнул Резнак. — Королева Дейенерис возвратится в Миэрин в своё время, во всей своей мощи и величии. А до тех пор его милость король Хиздар будет…

— Он мне не король! — выкрикнул вольноотпущенник.

Мужчины начали толкаться.

— Королева не мертва! — провозгласил сенешаль. — Её кровники отправились на поиски вдоль Скахазадхана и возвратят её величество любящему супругу и преданным подданным. У каждого из них по десять отборных всадников, и у каждого всадника по три резвых лошади, так что они могут двигаться быстро и удаляться на

большие расстояния. Королева будет найдена.

Следующим заговорил высокий гискарец в парчовом одеянии, голосом столь звучным, сколь и бесстрастным. Король Хиздар заёрзал на своём драконьем троне, пытаясь своим каменным выражением лица выразить одновременно озабоченность и невозмутимость. И снова ответил сенешаль.

Сир Барристан пропустил его елейные слова мимо ушей. Годы, проведённые в Королевской Гвардии, научили рыцаря умению слушать, не слыша, что было особенно полезно, когда выступал известный пустомеля. Позади, у дальнего конца зала Селми заметил дорнийского наследника и двух его спутников. «*Не следовало им приходить. Мартелл не осознаёт, в какой оказался опасности. У него не было при этом дворе друзей, кроме Дейенерис, а теперь и та исчезла*». Старого рыцаря занимало, сколько из сказанного они понимают. Даже он сам не всегда улавливал смысл гискарского жаргона, на котором изъяснялись работорговцы, особенно когда те говорили быстро.

По крайней мере, принц Квентин сосредоточенно слушал. «*Вот сын своего отца*». Невысокий и коренастый, с некрасивым лицом, он казался

порядочным парнем. Рассудительный, благоразумный, исполненный сознанием долга… но не из тех, что заставляют девичье сердце биться чаще. А Дейенерис Таргариен, кем бы ещё она ни являлась, всё же была юной девушкой, как она и сама себя называла, когда ей хотелось разыграть невинность. Как и полагается доброй королеве, Дени в первую очередь думала о народе — иначе никогда бы не вступила в брак с Хиздаром зо Лораком — но в глубине души до сих пор жаждала поэзии, страстей и смеха. «*Ей хочется огня, а Дорн послал ей землю*».

Можно делать припарки из лечебной грязи при лихорадке для снятия жара. Можно посадить семена в почву и вырастить урожай для того, чтобы кормить детей. Земля будет питать вас, тогда как пламя только охватит, но глупцы, дети и юные девушки всегда выбирают пламя.

Позади принца сир Геррис Дринкуотер что-то шептал Айронвуду. Сир Геррис представлял собой именно то, чем не являлся Квентин Мартелл: высокий, худой, привлекательный, с грацией фехтовальщика и остроумием придворного. Селми не сомневался, что многие дорнийские девицы перебирали пальцами эти светлые пряди волос и срывали поцелуями с этих губ дразнящую

улыбку. «*Будь принцем этот, всё могло пойти по-другому*», — не мог не подумать Селми… но, на его вкус, было в Дринкуотере что-то неуловимо приторное. «*Не всё то золото, что блестит*», — размышлял старый рыцарь. Он знавал подобных людей и раньше.

Что бы там не шептал сир Геррис, это наверняка было нечто забавное, так как его большой лысый друг неожиданно фыркнул от смеха — достаточно громко, так что сам король повернул голову в сторону дорнийцев. Увидев принца, Хиздар зо Лорак нахмурился.

Сиру Барристану не понравился этот мрачный взгляд. И когда король кивком головы подозвал своего родственника Маргаза поближе, и, наклонившись вперёд, зашептал тому на ухо, это не понравилось Селми ещё больше.

«*Я не клялся Дорну*», — напомнил себе старый рыцарь. Но Ливен Мартелл был его собратом в те дни, когда связывающие рыцарей Королевской Гвардии узы были ещё крепки. — «*Я не мог помочь принцу Ливену на Трезубце, но сейчас могу помочь его племяннику*». Квентин отплясывает в гадюшнике, даже не замечая змей. Его затянувшееся пребывание здесь, даже после того как Дейенерис отдала себя другому мужчине пред

лицом богов и людей, привело бы в ярость любого мужа, а теперь тут больше нет королевы, чтобы защитить принца от гнева Хиздара. Хотя…

Догадка оглушила сира Барристана, как пощёчина. Квентин Мартелл вырос при дорнийском дворе. Заговоры и яды ему не в новинку. И не только принц Ливен приходился ему дядей. «*Он родня Красному Змею*». Дейенерис взяла в супруги другого мужчину, но если Хиздар умрёт, она станет свободна для нового брака. «*Мог Бритоголовый ошибиться? Кто может утверждать, что та самая саранча предназначалась Дейенерис Таргариен? Ложа-то принадлежит королю. Что если в жертвы с самого начала был намечен Хиздар зо Лорак*?» Его смерть разрушила бы хрупкий мир. Дети Гарпии возобновили бы убийства, а юнкайцы продолжили войну. Возможно, у Дейенерис не осталось бы лучшего выбора, чем Квентин и его брачный договор.

Сир Барристан всё ещё боролся с этим подозрением, когда услышал поступь тяжёлых сапог, поднимавшихся по каменным ступеням позади зала. Прибыли юнкайцы. Процессию Жёлтого города возглавляли три мудрых господина, каждый со своим вооружённым эскортом. Один рабовладелец был облачён в токар из тёмно-бордового

шёлка с золотой каймой, второй — в токар в голубую и оранжевую полоску, третий — в вычурную кирасу с инкрустациями в виде эротических сцен, выполненных из гагата, нефрита и перламутра. Их сопровождал капитан наёмников Кровавая Борода с радостно-кровожадным выражением на лице и переброшенным через массивное плечо кожаным мешком.

«*Не Принц в Лохмотьях*, — отметил Селми. — *И не Бурый Бен Пламм*». Сир Барристан спокойно оглядел Кровавую Бороду. «*Дай мне малейший повод сплясать с тобой танец мечей, и поглядим, кто будет смеяться последним*».

Резнак мо Резнак, извиваясь, протиснулся вперёд.

— Мудрые господа, вы делаете нам честь. Его лучезарность король Хиздар шлёт приветствие друзьям из Юнкая. Мы понимаем...

— Поймите-ка вот это. — Кровавая Борода вытащил из мешка отрубленную голову и швырнул её в сенешаля.

Резнак издал испуганный писк и отскочил в сторону. Голова пролетела мимо него, отскочила и, оставляя кровавые пятна, покатилась по пурпурному мраморному полу, прямо к подножию драконьего трона короля Хиздара. Стоявшие

вдоль всего зала Медные Твари вскинули копья наперевес. Гогор-Гигант загородил собой королевский трон, а Пятнистый Кот и Кразз встали стеной у него по бокам.

Кровавая Борода засмеялся.

— Он мёртвый. Не кусается.

Сенешаль с опаской приблизился к голове и осторожно поднял её за волосы.

— Адмирал Гролео.

Сир Барристан бросил взгляд в сторону трона. Послужив стольким королям, рыцарь не мог не представить, как бы те встретили такой вызов. Эйерис отпрянул бы в ужасе и, скорее всего, порезался о шипы Железного Трона, а затем визгливо крикнул своим рыцарям, чтобы те изрубили юнкайцев на кусочки. Роберт бы взревел, требуя свой молот, чтобы отплатить Кровавой Бороде той же монетой. Даже Джейехерис, по мнению многих слабый, приказал бы схватить Кровавую Бороду и юнкайских рабовладельцев.

Хиздар же застыл, и сидел как вкопанный. Резнак положил отрубленную голову на атласную подушку в ногах короля и отошёл подальше, скривив рот от отвращения. Даже за несколько ярдов сир Барристан чувствовал сильный цветочный аромат духов сенешаля.

Мертвец смотрел вдаль укоризненным взглядом. Его борода побурела от запёкшейся крови, но из шеи до сих пор стекали алые струйки. На вид потребовалось более одного удара, чтобы отделить голову от тела. Столпившиеся в дальнем конце зала просители начали разбегаться. Один из Медных Тварей, сорвав с себя медную маску ястреба, извергал свой завтрак.

Барристану Селми было не привыкать к отрубленным головам. Но эта… он пересёк полсвета со старым мореплавателем — из Пентоса в Кварт и далее в Астапор. «*Гролео был хорошим человеком и не заслужил такой кончины. Он просто хотел вернуться домой*». Рыцарь напрягся в ожидании.

— Что, — наконец произнёс король Хиздар, — это не… мы недовольны, это… что это значит… что…

Рабовладелец в тёмно-бордовом токаре предъявил пергамент.

— Я имею честь передать это послание от совета господ, — он развернул свиток. — Здесь написано: «*Семеро вошли в Миэрин, чтобы подписать мирные соглашения и присутствовать на праздничных играх в бойцовой Яме Дазнака. В обеспечение их безопасности нам предоставили семь заложников. Жёлтый Город оплакивает*

своего благородного сына Юрхаза зо Юнзака, погибшего страшной смертью, будучи гостем в Миэрине. За кровь следует платить кровью».

У Гролео осталась жена в Пентосе. Дети и внуки. «*Почему из всех заложников именно он*?» Чхого, Герой и Даарио Нахарис — все они командовали бойцами, но Гролео — адмирал без флота. «*Тянули ли они жребий на соломинках или посчитали его наименее ценным для нас, наименее заслуживающим мщения*? — спрашивал себя рыцарь… но легче было задать вопрос, чем ответить. — *Не мастер я такие узлы распутывать*».

— Ваше величество, — воззвал сир Барристан. — Если вам угодно, напомню, что благородный Юрхаз умер случайно. Он споткнулся на ступенях, пытаясь спастись бегством от дракона, и был затоптан собственными рабами и сопровождающими. Или же его сердце разорвалось от страха. Он был стар.

— Кто здесь говорит без разрешения короля? — спросил юнкайский лорд в полосатом токаре, малявка со скошенным подбородком и торчащими изо рта зубами. Он напомнил Селми кролика. — Разве лорды Юнкая обязаны прислушиваться к болтовне стражников? — Жемчужины на его токаре задрожали.

Хиздар зо Лорак, похоже, не мог оторвать взгляд от головы. Только когда Резнак прошептал что-то ему на ухо, король наконец-то встряхнулся.

— Юрхаз зо Юнзак был вашим верховным командующим, — произнёс Хиздар. — Кто из вас сейчас говорит за Юнкай?

— Все мы, — ответил кролик. — Совет господ.

Король Хиздар обрёл немного уверенности.

— Тогда все вы несёте ответственность за это нарушение мирного соглашения.

Юнкаец в кирасе ответил ему.

— Мирное соглашение не было нарушено. Кровь оплачена кровью, жизнь за жизнь. В знак доброй воли мы возвращаем трёх ваших заложников. — Железные шеренги позади него разошлись в стороны. Вперёд вывели трёх миэринцев, придерживая их за токары — двух женщин и мужчину.

— Сестра, — натянуто произнёс Хиздар зо Лорак. — Родичи. — Он указал на кровоточащую голову. — Уберите это с глаз долой.

— Адмирал был моряком, — напомнил ему сир Барристан. — Возможно, ваше великолепие потребует от юнкайцев вернуть нам его тело, чтобы похоронить в морских волнах?

Лорд с кроличьими зубами взмахнул рукой.

— Если вашей лучезарности угодно, это будет сделано. В знак нашего уважения.

Резнак мо Резнак шумно прочистил горло.

— Не в обиду вам будет сказано, но мне всё же кажется, что её милость королева Дейенерис предоставила вам… хм… семь заложников. Трое других…

— Трое других останутся нашими гостями, — заявил юнкайский лорд в кирасе, — пока драконы не будут уничтожены.

Зал сперва затих, а затем его наполнили шепоток и бормотание, тихие проклятья и мольбы, будто осы роились в гнезде.

— Драконы… — произнёс король Хиздар.

— …чудовища, как все могли засвидетельствовать в бойцовой Яме Дазнака. Мир невозможен, пока они живы.

— Её великолепие королева Дейенерис — Мать Драконов. Только она может… — напомнил Резнак.

Кровавая Борода насмешливо оборвал его.

— Её нет. Сгорела и сожрана. Сорняки прорастают сквозь её разбитый череп.

В ответ раздался рёв. Одни начали шуметь и ругаться. Другие топали ногами и одобрительно свистели. Зал не успокоился, пока Медные Твари

не ударили древками копий об пол.

Сир Барристан не сводил взгляда с Кровавой Бороды. «*Он прибыл разграбить город, а хиздаровский мир обманул его надежды на добычу. Этот сделает всё от него зависящее, только бы начать кровопролитие*».

Хиздар зо Лорак медленно поднялся со своего драконьего трона.

— Я должен посовещаться со своим советом. Приём окончен.

— Все на колени перед его великолепием Хиздаром зо Лораком, четырнадцатым этого древнего имени, королём Миэрина, наследником Гиза, октархом Старой Империи, владетелем Скахазадхана, супругом Матери Драконов и кровью Гарпии, — воззвал глашатай.

Медные Твари, чеканя шаг, прошли между колонн и выстроились шеренгой, а затем начали медленно двигаться строем, вытесняя просителей из зала.

В отличие от большинства, дорнийцам не требовалось идти далеко. Как и подобало его званию и положению, Квентину Мартеллу предоставили помещение двумя этажами ниже в самой Великой Пирамиде — просторные покои из нескольких комнат, собственной уборной и

окружённой стеной террасы. Возможно, именно поэтому принц со спутниками замешкались в ожидании, пока давка уменьшится, и лишь потом двинулись к лестнице.

Сир Барристан задумчиво разглядывал их. «*Чего бы желала Дейенерис*?» — спросил он себя. И решил, что знает. Взметнув белым плащом, старый рыцарь, широко шагая, пересёк зал и перехватил дорнийцев наверху лестницы.

— Двор вашего отца никогда не был и вполовину таким оживлённым. — Услышал Селми зубоскальство Дринкуотера.

— Принц Квентин, — позвал старый рыцарь. — Могу я попросить вас на пару слов?

Квентин Мартелл развернулся.

— Сир Барристан. Конечно. Мои покои этажом ниже.

«*Нет*».

— Не моё дело советовать вам, принц Квентин… но на вашем месте я бы туда не возвращался. Вам и вашим друзьям следует спуститься вниз и удалиться.

Принц Квентин уставился на него.

— Покинуть пирамиду?

— Отбыть из города. Вернуться в Дорн.

Дорнийцы обменялись взглядами.

— Наше оружие и доспехи в тех комнатах, — возразил Геррис Дринкуотер. — Не считая большей части оставшихся у нас денег.

— Мечи можно заменить, — настаивал сир Барристан. — Я могу снабдить вас достаточным количеством денег для возвращения в Дорн. Принц Квентин, король сегодня обратил внимание на ваше присутствие. И остался недоволен.

Геррис Дринкуотер засмеялся.

— Стоит ли нам опасаться Хиздара зо Лорака? Вы же только что видели его дрожащим от страха перед юнкайцами. Ему послали *голову,* а он стерпел.

Квентин Мартелл кивнул, соглашаясь.

— Принцу подобает размышлять, прежде чем действовать. Этот король… Не знаю, что о нём и думать. Правда королева тоже предостерегала меня против него, но…

— Она предостерегала вас? — Селми нахмурился. — Почему же вы до сих пор здесь?

Принц Квентин вспыхнул.

— Брачный договор…

— …был составлен двумя покойниками и там нет ни слова ни о королеве, ни о вас. Он отдаёт руку вашей сестры брату королевы — ещё одному мертвецу. Этот договор не имеет силы. До того

как вы заявились сюда, её величество о нём и не ведала. Ваш отец хорошо хранит секреты, принц Квентин. Боюсь, слишком хорошо. Знай королева об этом договоре в Кварте, она могла бы вообще не повернуть в сторону Залива Работорговцев, но вы прибыли слишком поздно. Мне не хочется сыпать соль на ваши раны, но у её величества новый муж и старый возлюбленный, и, похоже, она предпочитает вам их обоих.

В тёмных глазах принца вспыхнул гнев.

— Этот гискарский лордик не годится в супруги королеве Семи Королевств.

— Не вам об этом судить. — Сир Барристан сделал паузу, размышляя, не наговорил ли он уже слишком много. «*Нет. Скажи ему всё остальное*». — В тот день в бойцовой Яме Дазнака кое-какая еда в королевской ложе была отравлена. Только по случайности всю её съел Силач Бельвас. Синие Милости говорят, что евнуха спасли только вес и необычайная сила, но он был на грани. И всё ещё может умереть.

На лице Квентина отразилось явное потрясение:

— Яд… предназначался для Дейенерис?

— Для неё или для Хиздара. Может, и для обоих. Хотя ложа принадлежит ему, и все распоряже-

ния делались его величеством. Если отравление было делом его рук… тогда ему нужен козёл отпущения. Кто подходит более, чем соперник, прибывший издалека, не имеющий друзей при этом дворе? Кто подходит лучше, чем поклонник, с презрением отвергнутый королевой?

Квентин Мартелл побледнел.

– *Я*? Я никогда бы… вы не можете думать, что я имею какое-то отношение к этому…

«*Это правда, или он король лицедеев*».

— Другие могут подумать, — сказал сир Барристан. — Красный Змей был вашим дядей. И у вас достаточно причин желать смерти королю Хиздару.

— У других тоже, — высказал мнение Геррис Дринкуотер. — Например, у Нахариса. Королеве он приходился…

— … возлюбленным, — завершил сир Барристан, прежде чем дорнийский рыцарь мог сказать что-либо порочащее честь королевы. — Именно так вы их называете в Дорне, верно? — Он не ожидал ответа. — Принц Ливен был мне собратом. В те дни рыцари Королевской Гвардии не хранили друг от друга секретов. Я знаю, что он завёл возлюбленную и не стыдился этого.

— Нет, — сказал Квентин, покраснев, — но…

— Даарио убил бы Хиздара в один момент, если бы осмелился, — продолжил сир Барристан. — Но не ядом. Ни за что. И в любом случае, его здесь не было. Тем не менее, Хиздар с радостью приписал бы ему ту саранчу… но королю, возможно, всё ещё понадобятся Вороны-Буревестники, а они не будут служить убийце своего капитана. Нет, мой принц. Если его величеству понадобится отравитель, он посмотрит в вашу сторону, — старый рыцарь сказал всё, что можно было открыть без риска. Через несколько дней, если им улыбнётся удача, Хиздар зо Лорак перестанет править Миэрином… но никому не пойдёт на пользу, если принц Квентин пострадает в предстоящей резне. — Если вы должны оставаться в Миэрине, лучше держитесь подальше от двора и надейтесь, что Хиздар о вас забудет, — завершил сир Барристан. — Но выбрать корабль в Волантис было бы мудрее, мой принц. Какой бы выбор вы не сделали, я желаю вам удачи.

Не прошёл рыцарь и трёх ступеней, как Квентин Мартелл окликнул его.

— Барристан Смелый, так вас называют.

— Кое-кто.

Селми завоевал это имя десяти лет от роду. Новоиспечённый оруженосец, тщеславный и

гордый собой, имел глупость вбить себе в голову, что может соперничать с опытными бывалыми рыцарями. Поэтому он позаимствовал боевого коня и кое-какие латы из запасов лорда Дондаррриона и записался на турнир в Чёрной Гавани как таинственный рыцарь. «*Даже герольд смеялся. Мои руки были так тонки, что, взяв копьё наперевес, я только и мог, что удерживать его, не давая наконечнику пропахать борозду в земле*». Лорд Дондаррион был бы вправе стянуть юнца с лошади и отшлёпать, но Принц Стрекоз пожалел пустоголового мальчишку в доспехе не по росту и удостоил чести, приняв его вызов. Они съехались один раз — больше и не потребовалось. А после принц Дункан помог Барристану подняться на ноги и снял с него шлем.

— Мальчик, — возвестил он толпе. — Смелый мальчик. «*Пятьдесят три года назад. Сколько из тех, кто присутствовал тогда в Чёрной Гавани, до сих пор живы*?»

— Как, по-вашему, каким прозвищем меня наградят, вернись я в Дорн без Дейенерис? — спросил принц. — Квентин Осмотрительный? Квентин Малодушный? Квентин Трус?

«*Опоздавший принц*» — подумал старый рыцарь… но самое меньшее, чему учила служба

в Королевской Гвардии — это держать язык за зубами.

— Квентин Мудрый, — предположил он. И понадеялся, что так и будет.

Глава 60. Неугодный жених

Уже почти наступил час призрака, когда появившийся наконец сир Геррис Дринкуотер сообщил, что ему удалось разыскать Боба, Книжника и Старого Костлявого Билла в одном из самых непривлекательных подвалов города, где те хлестали жёлтое вино, наблюдая, как обнажённые рабы убивали друг друга голыми руками и подпиленными зубами.

— Боб вытащил нож и предложил побиться об заклад, что дезертиры набиты жёлтым дерьмом, — рассказал сир Геррис. — Поэтому я дал ему золотой дракон, осведомившись, достаточно ли тот для него жёлтый. Он попробовал монету на зуб и спросил, что я хочу купить, а услышав ответ, убрал нож и поинтересовался, пьян я или свихнулся.

— Пусть думает, что хочет. Лишь бы доставил наше послание, — ответил Квентин.

— Это он устроит. Держу пари, вы даже встретитесь лишь для того, чтобы Оборвыш приказал Милашке Мерис вырезать тебе печень и зажарить с луком. Лучше бы мы послушались Селми.

Когда Барристан Смелый советует бежать, умные люди обувают сапоги. Нужно найти корабль до Волантиса, пока порт ещё открыт.

При одном упоминании о корабле лицо сира Арчибальда позеленело.

— Никаких кораблей. Я скорее допрыгаю до Волантиса на одной ноге.

«*Волантис*, — подумал Квентин. — *А потом Лис и дом. Обратно по своим следам, но с пустыми руками. Три храбрых человека погибли, и ради чего*?»

Будет здорово вновь увидеть Зеленокровную, посетить Солнечное Копьё и Водные Сады, вдохнуть свежий горный воздух Айронвуда вместо мерзких горячих и влажных испарений Залива Работорговцев. Квентин знал, что отец не упрекнёт его ни словом, но глаза будут полны разочарования. Сестра станет его презирать, а Песчаные Змейки примутся насмехаться и провожать тонкими, как лезвие меча, улыбками. А лорд Айронвуд, названный отец, отправивший с ним в качестве телохранителя собственного сына…

— Я вас не держу, — заявил Квентин друзьям. — Мой отец поручил это дело мне, а не вам. Если хотите, отправляйтесь домой любым способом. Я остаюсь.

Громадина пожал плечами.

— Тогда мы с Дринком тоже остаёмся.

Следующей ночью у дверей принца появился Дензо Дхан с ответными условиями.

— Он встретится с вами завтра у рынка специй. Ищите дверь с пурпурным лотосом. Постучитесь дважды и скажите условное слово — «свобода».

— Договорились, — ответил Квентин. — Со мной будут Арч и Геррис. Он может привести двух мужчин, не больше.

— Как пожелаете, мой принц. — Вежливые слова, но тон был преисполнен злобного ехидства. В глазах певца войны притаилась откровенная насмешка. — Приходите на закате, и убедитесь, что за вами не следят.

Дорнийцы вышли из Великой пирамиды за час до заката на случай, если заблудятся по дороге или не сразу найдут пурпурный лотос. Квентин с Геррисом опоясались мечами, а Громадина закинул за плечи боевой молот.

— Ещё не поздно отказаться от этой глупой затеи, — напомнил Геррис, когда они пробирались по зловонному переулку к старому рынку специй. В воздухе воняло мочой, а впереди слышался грохот железных ободьев труповозки.

— Старый Костлявый Билл любит повторять,

что Милашка Мерис способна продержать человека целый месяц на грани смерти. Мы им солгали, Квент. Использовали их для того, чтобы добраться сюда, а потом перебежали к Воронам-Буревестникам.

— По приказу.

— Да, но Оборвыш не подразумевал, что мы сделаем это по-настоящему, — возразил великан. — По нашей милости остальные его ребята — сир Орсон, Дик-Соломинка, Хангерфорд, Деревянный Уилл и прочие всё ещё сидят в темнице. Старому Оборванцу это не понравится.

— Верно, — согласился принц Квентин, — зато ему нравится золото.

Геррис рассмеялся.

— Какая жалость, что у нас его нет. Ты веришь в этот мир, Квент? Я — нет. Половина города называет убийцу дракона героем, а вторая при его упоминании приходит в неистовство.

— Харзу, — произнёс Громадина.

Квентин нахмурился.

— Вроде, его зовут Харгаз.

— Хиз-дар, Хум-зум, Хаг-наг — да какая разница? Я всех их называю Харзу. И никакой он не убийца драконов. Всё, что он сделал, так это дал поджарить свою задницу до чёрной хрустящей

корочки.

— Но он был храбрым.

«*Хватило бы у меня самого смелости встретиться с чудовищем, вооружившись только копьём*?»

— Ты хотел сказать,что он храбро умер.

— Умер он с воплями, — поправил Арч.

Геррис положил руку на плечо Квентина.

— Даже если королева объявится снова, она всё ещё будет замужем.

— Овдовеет, если я слегка приглажу короля Харзу своим молоточком, — предложил великан.

— Хиздар, — поправил Квентин. — Его зовут Хиздар.

— Один поцелуй моего молота и поминай как звали, — ответил Арч.

«*Они не понимают*. — Его друзья утратили истинную цель путешествия. — *Путь ведёт через неё, а не к ней. Дейенерис — ключ к победе, а не сама победа*».

— Она сказала мне: «У дракона три головы. Моя свадьба не должна означать краха ваших чаяний. Я знаю, ради чего вы явились. Пламя и кровь». Вам известно, что во мне самом течёт капля крови Таргариенов. Я могу проследить свою родословную до…

— Да в задницу твою родословную, — заявил Геррис. — Драконам будет наплевать на твою кровь, разве только им понравится её вкус. Невозможно приручить дракона уроками истории. Они монстры, а не мейстеры. Квент, ты уверен, что хочешь именно это?

— Именно это я должен сделать. Ради Дорна. Ради отца. Ради Клетуса, Вилла и мейстера Кедри.

— Они мертвы, — напомнил Геррис. — Им всё равно.

— Все погибли, — согласился Квентин, — и ради чего? Чтобы доставить меня сюда, и я мог жениться на королеве драконов. Клетус назвал это «великим приключением». Дорога демонов, бурные моря, и в конце пути — самая прекрасная женщина на свете. Сказка, которую не стыдно рассказать внукам. Вот только у Клетуса никогда не будет детей, если только он не заделал бастарда той девке из таверны. Вилл никогда не погуляет на свадьбе. В их смерти должен быть какой-то смысл.

Геррис указал на привалившийся к кирпичной стене труп, окружённый роем зелёных мух.

— А у этой смерти тоже есть смысл?

Квентин с отвращением взглянул на тело.

— Этот умер от кровавого поноса. Держитесь от

него подальше. — Бледная кобылица проникла за городские стены. Неудивительно, что улицы почти опустели. — Безупречные пришлют за ним телегу.

— Не сомневаюсь. Но я спросил не об этом. Смысл есть у жизни, а не у смерти человека. Я тоже любил Вилла с Клетусом, но это их не вернёт. Ты ошибаешься, Квент. Наёмникам доверять нельзя.

— Они точно такие же люди, как и все остальные. Они жаждут золота, славы и власти. Вот во что я верю.

«В это, а так же в свою судьбу. Я принц Дорна, и в моих жилах течёт драконья кровь».

К тому времени, когда они отыскали пурпурный лотос, нарисованный на древней деревянной двери каменной лачуги, притулившейся среди точно таких же развалюх в тени великой жёлто-зелёной пирамиды Раздара, солнце уже скрылось за городскими стенами. Квентин, как и было сказано, дважды постучал. Из-за двери ответил грубый голос, проворчав что-то на неразборчивом диалекте Залива Работорговцев — ужасной смеси старого гискарского и высокого валирийского. Принц на том же языке произнёс:

— Свобода.

Дверь отворилась. Первым, из предосторожности, через порог шагнул Геррис, потом Квентин, Громадина шёл замыкающим. Сладковатый запах витавших в воздухе клубов дыма перебивала сильная вонь мочи, прокисшего вина и тухлого мяса. Внутри это место оказалось больше, чем выглядело снаружи. Оно простиралось вправо и влево в соседние пристройки, и то, что с улицы казалось дюжиной разных строений, на самом деле являлось одним длинным помещением.

В это время дня оно было заполнено меньше чем наполовину. Лишь несколько посетителей удостоили дорнийцев взглядом — кто скучающим, кто враждебным, а кто-то и заинтересованным. Прочие собрались в дальнем конце комнаты вокруг бойцовской ямы, в которой двое обнажённых людей полосовали друг друга ножами под одобрительные возгласы зрителей.

Квентин нигде не увидел тех, с кем он пришёл встретиться. Потом отворилась дверь, которую он поначалу не приметил. Оттуда появилась морщинистая старуха в тёмно-красном токаре, окаймлённом крошечными золотыми черепами. Кожа старухи была белой, как молоко кобылицы, а сквозь жидкие волосы просвечивал череп.

— Дорн, — произнесла она. — Моя Зарина, Пур-

пурный Лотос. Идти низ, там их найти. — Она приоткрыла дверь и знаком пригласила войти.

За дверью оказалась довольно крутая деревянная винтовая лестница. На этот раз первым двинулся Громадина, а Геррис стал замыкающим. Принц снова шёл посредине. «*Это подземелье*». Спуск был долгим и таким тёмным, что Квентину пришлось ощупывать каждую ступеньку, чтобы не свалиться. В конце пути сир Арчибальд вытащил кинжал.

Они попали в каменный зал в три раза больше заведения наверху. Вдоль стен, насколько хватало взгляда, выстроились ряды огромных деревянных бочек. Единственным источником света служили красный фонарь, висевший на вбитом в стену крюке, и чёрная сальная свеча, стоявшая на перевёрнутом бочонке, заменявшем стол.

Вдоль винных бочек прохаживался Кагго Трупобой со своим чёрным аракхом на боку. Милашка Мерис стояла в обнимку с арбалетом. Её глаза были холодны и безжизненны, словно пара серых камней. Едва дорнийцы вошли внутрь, как Дензо Дхан запер дверь и встал перед ней, скрестив руки на груди.

«Их на одного больше», — отметил Квентин.

Принц в Лохмотьях собственной персоной сидел за импровизированным столом, потягивая вино из чаши. В желтоватом свете свечи его седые волосы казались почти золотистыми, зато мешки под глазами своим размером напоминали седельные сумки. Принц был одет в дорожный плащ из коричневой шерсти, под которым поблескивала серебристая кольчуга. Явное вероломство или обычная предосторожность? «*Старый наёмник — осторожный наёмник*». Квентин подошёл к столу и произнёс:

— Милорд, в этом плаще вас не узнать.

— Ты про мои обноски? — пожал плечами пентошиец. — Всего-то рваньё… однако, это тряпьё вселяет в моих врагов страх, а на поле боя вид лохмотьев, развевающихся на ветру, прибавляет моим бойцам куда больше мужества, чем любое знамя. А если мне охота куда-то отправиться незамеченным, достаточно их снять — и я становлюсь скромным и неприметным.

Он указал на скамью напротив.

— Садись. Я так понимаю, ты у нас принц. Если б сразу знать. Выпьешь? Зарина может принести еды. Хлеб у неё чёрствый, а жаркое просто отвратительно — сплошные жир да соль с парой кусочков мяса. Она утверждает, что это собача-

тина, но, по-моему, больше смахивает на крысу. Впрочем, это не смертельно. Думаю, нужно бояться только тогда, когда пища выглядит заманчиво. Отравители всегда выбирают самые изысканные блюда.

— Вы привели трёх парней, — возмутился сир Геррис. — А мы договаривались о двух.

— Мерис не парень. Мерис, дорогуша, сними рубашку и покажи.

— В этом нет необходимости, — ответил Квентин. Если слухи правдивы, то под рубашкой у Милашки Мерис вместо отрезанной груди остались только шрамы. — Согласен, Мерис женщина, но вы всё равно обошли условия.

— Изворотливый оборванец, вот такой я негодяй. Два или три — разница невелика, надо признать, но тоже чего-то стоит. В нашем мире человек должен использовать каждую кроху, дарованную ему богами. Это знание досталось мне дорогой ценой. И я дарю его тебе в знак моих добрых намерений. — Он снова махнул в сторону сидений. — Присаживайся и расскажи, зачем звал. Обещаю, что не стану тебя убивать, не выслушав для начала. Это самое малое, что я могу сделать для брата-принца. Квентин, верно?

— Квентин из дома Мартеллов.

— Лягушонок шло тебе больше. Не в моих привычках пить с лгунами и дезертирами, но вы меня заинтриговали.

Квентин сел. «*Одно неверное слово, и через мгновение всё обернётся резнёй*».

— Прошу прощения за наш обман. Единственные корабли, которые плыли в сторону Залива Работорговцев, были те, на которых вы отправлялись на войну.

Принц в Лохмотьях пожал плечами.

— У каждого предателя своя история. Ты не первый, кто поклялся служить мне мечом, взял деньги, а потом сбежал. У всех есть *причины*. «Мой младший сын болен», или «моя жена наставила мне рога», или «мужики заставили меня отсосать». Тот, последний, был таким очаровательным мальчиком, но это не извиняет его дезертирства. А другой сказал, что у нас так плохо кормят, что ему пришлось сбежать, чтоб не захворать. Поэтому я отрубил дезертиру ногу, зажарил и скормил ему. После этого я сделал его нашим поваром. Кстати, с тех пор еда значительно улучшилась, и когда его контракт истёк, он подписал новый. Что же до вас… благодаря вашим лживым языкам несколько моих лучших людей заперты в темнице королевы, а я сомневаюсь, что вы хотя

бы умеете готовить.

— Я дорнийский принц, — возразил Квентин. — И у меня есть долг перед отцом и моим народом. У нас тайный свадебный договор.

— Да-да, я слышал. И едва серебряная королева увидела эти закорючки на пергаменте, она сразу же упала в твои объятья, так?

— Нет, — подала голос Милашка Мерис.

— Ах, нет? А, припоминаю. Твоя невеста улетела на драконе. Ну что ж, когда она вернётся, ты, безусловно, пригласишь нас на свадьбу. Ребята из отряда с удовольствием выпьют за ваше счастье. Лично я обожаю вестеросские свадьбы. Особенно первую провожание, вот только… о, погоди-ка… — он обернулся к Дензо Дхану.

— Дензо, не ты ли мне рассказывал, что драконья королева вышла замуж за какого-то гискарца?

— За миэринского господинчика. И богатенького.

Принц в Лохмотьях развернулся назад к Квентину.

— Не может быть! Абсолютно невозможно. А как же ваш свадебный договор?

— Она над ним посмеялась, — снова вмешалась Милашка Мерис.

«Дейенерис не смеялась». Остальные миэринцы могли видеть в нём забавного неудачника, вроде изгнанника с Летних Островов, которого король Роберт пригрел в Королевской Гавани, но королева всегда общалась с Квентином вежливо.

— Мы прибыли слишком поздно, — ответил он.

— Какая жалость, что вы не дезертировали от меня раньше. — Принц в Лохмотьях сделал глоток вина. — Итак… принц Лягушонок не женится. Поэтому вы прискакали обратно ко мне? Может, три моих храбрых дорнийца решили выполнить контракты?

— Нет.

— Какая жалость.

— Юрхаз зо Юнзак мёртв.

— Старые вести. Я видел, как он умер. Бедолага заметил дракона и хотел сбежать, но споткнулся по дороге. А потом его затоптала тысяча ближайших друзей. Без сомнения, Жёлтый Город омоется слезами. Значит, вы позвали меня выпить в память о нём?

— Нет. Юнкайцы уже выбрали нового главнокомандующего?

— Совет никак не может сойтись во мнениях. Йеззан зо Каггаз мог получить большинство го-

лосов, но он тоже умер. Мудрые господа устроили сменное командование. Сегодня нашим командующим избрали того, кого ваши товарищи в отряде прозвали Пьяным Завоевателем. Завтра это будет лорд Дрожащие Щёки.

— Кролик, — поправила Мерис. — А Дрожащие Щёки был вчера.

— Благодарю за поправку, радость моя. Наши юнкайские друзья были очень милы и предоставили расписание. Постараюсь получше его выучить.

— Вас нанимал Юрхаз зо Юнзак.

— Он подписал контракт от лица своего города, только и всего.

— Миэрин и Юнкай заключили мирный договор. Теперь осаду снимут, а войска распустят. Не будет ни сражения, ни резни, ни разграбления города.

— Жизнь полна разочарований.

— Как вы думаете, сколько ещё юнкайцы будут продолжать выплачивать содержание четырём вольным отрядам?

Принц в Лохмотьях хлебнул вина и ответил:

— Неприятный вопрос. Но такова уж судьба наёмников. Одна война заканчивается, другая начинается. К счастью, всегда найдутся те, кто

что-то друг с другом не поделили. Возможно, даже здесь. Прямо сейчас, пока мы выпиваем, Кровавая Борода науськивает наших общих приятелей юнкайцев преподнести королю Хиздару ещё одну голову. Освобождённые и рабовладельцы косятся на шеи друг друга и точат ножи, Дети Гарпии плетут заговоры в пирамидах, бледная кобылица скачет без разбору по рабам и хозяевам, наши друзья из Жёлтого Города с надеждой вглядываются в море, а где-то в степях дракон поедает нежную плоть Дейенерис Таргариен. Кто правит Миэрином сегодня? А кто будет завтра утром? — пентошиец пожал плечами. — Только в одном я уверен. Кому-то пригодятся наши мечи.

— Они нужны мне. Вас наймёт Дорн.

Принц в Лохмотьях оглянулся на Милашку Мерис.

— А нашему Лягушонку не откажешь в нахальстве. Может, мне стоит ему напомнить? Мой дорогой принц, последний подписанный с тобою договор ты использовал, чтобы подтереть им свою хорошенькую розовую попку.

— Я удвою плату, обещанную вам юнкайцами.

— И расплатишься золотом немедленно после подписания договора?

— Заплачу часть, когда мы доберёмся до Волан-

тиса. Остальное в Солнечном Копьё. Мы взяли с собой в плаванье золото, но когда присоединились к отряду, его было бы трудно спрятать, поэтому мы передали деньги на хранение в банк. Я могу предъявить бумаги.

— А, бумаги! Но нам заплатят *вдвойне*.

— Будет вдвое больше бумаг, — ответила Милашка Мерис.

— Остальное получите в Дорне, — настойчиво повторил Квентин. — Мой отец — человек чести. Если я подпишу договор, он выполнит его условия. Даю слово.

Принц в Лохмотьях допил вино, перевернул чашу и поставил её на бочку между ними.

— Итак. Позволь я уточню, верно ли понял. Известный лжец и клятвопреступник желает заключить с нами договор, за который платит обещаниями. А что за служба? Интересно. Может, моим Гонимым Ветром придётся разбить юнкайцев и разграбить Жёлтый Город? Или победить дотракийский кхаласар в чистом поле? А может, проводить тебя домой к папочке? Или ты настаиваешь, чтобы мы доставили мокрую от желания Дейенерис Таргариен в твою постель? Скажи правду, принц Лягушонок. Что тебе нужно от меня и моих людей?

— Я хочу, чтобы вы помогли мне украсть дракона.

Кагго Трупобой расхохотался. Милашка Мерис скривила губы в ухмылке. Дензо Дхан присвистнул.

Принц в Лохмотьях только откинулся на стуле и заявил:

— Двойной платы недостаточно за драконов, наследничек. Это должно быть ясно даже лягушке. Драконы стоят дорого. А те, кто платят одними обещаниями, должны хотя бы пообещать гораздо *больше*.

— Если вы хотите тройную плату…

— Я хочу Пентос, — ответил Принц в Лохмотьях.

Глава 61. Возрождённый грифон

В первую очередь он отправил лучников.

Под командованием Чёрного Балака была тысяча луков. В юности Джон Коннингтон относился к пешим воинам-стрелкам с привычным для рыцаря презрением. В изгнании он стал мудрее — по-своему, стрела так же смертоносна, как и меч. Потому перед дальним плаванием он настоял, чтобы Бездомный Гарри Стрикленд разделил отряд Балака на десять подразделений по сотне бойцов, и разместил каждое из них на отдельном судне.

Шесть кораблей из десяти смогли удержаться в походном строю и доставить солдат на Мыс Гнева. Остальные четыре задерживались, но волантийцы заверяли, что те вот-вот прибудут. Гриф подозревал, что суда, скорее всего, заблудились или пристали где-то в других местах. Так или иначе, на данный момент у Братства имелось шесть сотен стрелков, хотя для их замысла хватило бы и двух.

— Они попытаются послать воронов, — сказал Коннингтон Чёрному Балаку. — Следите за мей-

стерской башней. Вот здесь, — указал он на карте, нарисованной им на илистой почве лагеря. — Сбивайте всех птиц, вылетевших из замка.

— Сделаем, — ответил уроженец Летних Островов.

Треть бойцов Балака была вооружена арбалетами, ещё треть — восточными двуизогнутыми луками из рогов и сухожилий. Их превосходили тисовые длинные луки, использовавшиеся стрелками вестеросского происхождения. Но лучше всех были огромные луки из золотодрева, с которыми не расставались сам Чёрный Балак и пятьдесят его сородичей. Дальше мог пускать стрелы только лук, сделанный из кости дракона. Однако какое бы оружие не держали в руках люди Балака, все они были меткими, испытанными ветеранами, доказавшими своё мастерство в сотне битв, налётов и стычек, и в очередной раз подтвердившие своё умение у Гнезда Грифонов.

Замок стоял на берегу Мыса Гнева — на высоком тёмно-красном каменном утёсе, окружённом с трёх сторон бушующими водами Залива Кораблекрушений. Единственный подход к крепости был защищён кордегардией. Позади неё располагался длинный голый склон, прозванный Коннингтонами Горлом Грифона. Его штурм мог

вылиться в кровавую бойню, так как Горло не давало возможности укрыться от копий, камней и стрел защитников, засевших в двух круглых башнях у главных ворот замка. А достигнув их, штурмующие были обречены подставить свои головы под поток кипящего масла. По расчётам Грифа, потери могли составить с сотню человек, а может и больше.

Они потеряли всего четверых.

Вблизи кордегардии лес не вырубали. И Франклин Флауэрс под прикрытием ветвей сумел подобраться аж на расстояние двадцати ярдов от укрепления, прежде чем его люди появились из-за деревьев с заранее заготовленным в лагере тараном. Удар деревом о дерево привлёк пару защитников к зубцам стены, но лучники Чёрного Балака свалили их прежде, чем те протёрли от сна глаза. Оказалось, что ворота кордегардии были закрыты, но не заперты на засов. Они отворились от второго удара, и бойцы сира Франклина успели пробежать половину Горла до того, как в замке протрубили сигнал тревоги.

Первый ворон появился, когда их штурмовые крючья перемахнули через наружную стену. Второй — на пару мгновений позже. Птицы не пролетели и ста ярдов, как их сбили стрелы. На

первого бойца, достигшего ворот, какой-то стражник сбросил ведро с маслом. Однако у него не было времени разогреть его, и само ведро принесло куда больше вреда, чем его содержимое. Вскоре в полудюжине мест вдоль стены зазвенели мечи. Люди Золотого Братства протискивались между зубцами и бежали по галерее с криками «Грифон! Грифон!» — древним боевым кличем Дома Коннингтон, приводящим защитников замка в ещё большее смятение.

Всё было кончено в считанные минуты. Гриф верхом на белом коне проскакал по Горлу бок о бок с Бездомным Гарри Стриклендом. Когда они приблизились к замку, он увидел, как из башни мейстера выпорхнул третий ворон, но лишь для того, чтобы получить ещё одно перо от самого Чёрного Балака.

— Больше никаких сообщений, — приказал Гриф во дворе сиру Франклину Флауэрсу. Следующим из башни вылетел сам мейстер. При падении он так причудливо махал руками, что его самого можно было принять за очередную птицу.

На этом сопротивление закончилось. Уцелевшие защитники сложили оружие. Вот так быстро Гнездо Грифонов вновь вернулось к нему, и он, Джон Коннингтон, опять стал лордом.

— Сир Франклин, — сказал Гриф, — проверьте главную башню и кухни и выведите наружу всех, кого найдёте. Мало, сделай то же самое в башне мейстера и оружейной. Сир Брендел, на вас конюшни, септа и казармы. Сгоните всех во двор, и постарайтесь никого не убивать без необходимости. Мы хотим заполучить Штормовые Земли, и не обязательно для этого проливать кровь. Не забудьте посмотреть под алтарём Матери, там есть потайная лестница в секретное убежище. И другая, под северо-западной башней, которая ведёт прямо к морю. Никто не должен уйти.

— Не уйдут, м'лорд, — пообещал Франклин Флауэрс.

Коннингтон мельком взглянул на них, а затем поманил к себе Полумейстера.

— Хэлдон, позаботься о воронах. У меня есть сообщения, которые нужно отправить сегодня вечером.

— Будем надеяться, они оставили для нас парочку птиц.

Даже Бездомный Гарри был впечатлён стремительностью их победы.

— Никогда бы не подумал, что это окажется так легко, — сказал капитан-генерал, когда они заходили в главный зал взглянуть на резной по-

золоченный грифоний трон, с которого правило пятьдесят поколений Коннингтонов.

— Дальше будет сложнее. Нам удалось застать их врасплох, но это не может продолжаться вечно, даже если Чёрный Балак перестреляет всех воронов королевства.

Стрикленд изучал выцветшие гобелены на стенах, стрельчатые окна с мозаикой из красного и белого стекла, стойки с копьями, мечами и боевыми молотами.

— Пусть приходят. Пока у нас есть провизия, в этой крепости мы сможем выстоять против армии в двадцать раз больше нашей. Так ты говоришь, из замка есть выход к морю?

— Внизу. Скрытая бухта под утёсом, появляющаяся только во время отлива.

Коннингтон не собирался позволить им заявиться сюда. Гнездо Грифонов было крепким, но маленьким замком, и пока они будут сидеть здесь, то тоже будут казаться маленькими. Однако неподалёку располагался другой замок, значительно больше и неприступнее. Захвати его, и королевство задрожит.

— Прошу прощения, капитан-генерал, мой лорд-отец погребён под септой, и прошло слишком много лет с тех пор, как я в последний раз

молился за него.

— Конечно, милорд.

Однако когда они расстались, Джон Коннингтон не пошёл в септу. Вместо этого ноги повели его на крышу восточной башни, самой высокой в Гнезде Грифонов. Взбираясь, он вспоминал предыдущие восхождения — сотни подъёмов вместе со своим лордом-отцом, любившим оглядывать сверху леса, скалы и море, зная, что всё видимое им принадлежит Коннингтонам; и один единственный раз, когда он взошёл на башню с Рейегаром Таргариеном. Принц Рейегар возвращался тогда из Дорна и остановился тут вместе со свитой на пару недель. «Он был так молод, а я ещё моложе. Юнцы, совсем мальчишки». Во время приветственного пира принц достал свою арфу с серебряными струнами и сыграл для присутствующих «Песню о любви и смерти», вспомнил Джон Коннингтон, и когда Рейегар закончил играть, каждая женщина, присутствовавшая в зале, плакала. Само собой, мужчины не лили слёз. И уж точно не его отец, любивший только свои земли. Лорд Армонд Коннингтон потратил весь вечер на то, чтобы привлечь принца на свою сторону в тяжбе с лордом Морригеном.

Дверь на крышу поддалась с большим тру-

дом, её явно не открывали много лет. Гриф был вынужден надавить на неё плечом, чтобы та наконец отворилась. Когда Джон Коннингтон поднялся на башню, открывшийся вид был столь же опьяняющим, как и раньше: утёс с его истерзанными ветром, похожими на зубчатые шпили скалами; рычащее беспокойное море у подножия замка, напоминающее какого-то невиданного не знающего отдыха, зверя; бесконечные лиги неба и облаков, лес в осеннем наряде.

— Земли твоего отца прекрасны, — сказал тогда принц Рейегар, стоя на том самом месте, где сейчас стоял Джон. И он, мальчишка, ответил ему:

— Однажды всё это будет моим. — Как будто это могло произвести впечатление на наследного принца, будущего повелителя всей страны — от Арбора до Стены.

В конце концов, Гнездо Грифонов перешло к Джону, но лишь на несколько коротких лет. Отсюда лорд Коннингтон правил своими обширными, простиравшимися на многие лиги на запад, север и юг владениями, так же как до него правили его отец и отец его отца. Однако его отец и дед никогда не лишались своих владений. А он их потерял. «Я поднялся слишком высоко, любил слишком сильно, отважился слишком на

многое. Я хотел ухватить звезду, но, переоценив свои силы, потянулся чересчур далеко и упал».

После Колокольной Битвы, когда Эйерис Таргариен в безумном приступе неблагодарности и подозрения лишил его всех титулов и отправил в изгнание, права на землю и титул остались у Дома Коннингтонов, перейдя к его кузену, сиру Рональду. Джон сам назначил его кастеляном своего замка перед тем, как отправиться в Королевскую Гавань и примкнуть к принцу Рейегару. По окончании войны Роберт Баратеон довершил разрушение дома грифонов. Кузену Рональду позволили сохранить голову и замок, но не титул. Он стал просто рыцарем Гнезда Грифонов, а девять десятых его земель были пожалованы его соседям — лордам, поддержавшим притязания Роберта.

Прошли годы с тех пор, как Рональд Коннингтон умер. Рыцарем Гнезда Грифонов стал теперь его сын Роннет, который сейчас отсутствовал — воевал в Речных Землях. Это было даже к лучшему. По опыту Джона Коннингтона, люди всегда дерутся за то, что считают своим — даже если оно добыто воровством. Его совершенно не прельщала идея отметить своё возвращение убийством кого-нибудь из родичей. Отец Красного Роннета без колебаний воспользовался падением своего

лорда-кузена, однако его сын в то время был лишь ребёнком. Джон Коннингтон даже не испытывал к скончавшемуся сиру Рональду той ненависти, которую тот заслуживал. Все ошибки Гриф допустил сам.

Он потерял владения у Каменной Септы по причине собственной самонадеянности.

Джон Коннингтон знал, что раненый Роберт Баратеон в одиночестве укрывается где-то в этом городе. Ему было известно, что насаженная на копьё голова Роберта сразу положит конец восстанию по всей стране. Однако он был молод и полон спеси. А как иначе? Король Эйерис назначил его своим Десницей и отдал под командование армию. Он был полон решимости доказать, что достоин этого доверия, достоин любви Рейегара, и, убив своими руками мятежника, навеки бы вписал своё имя в историю Семи Королевств.

Джон ворвался в Каменную Септу, перекрыл выходы из города, и поиски начались. Его рыцари проверяли дом за домом, вламываясь во все двери и обыскивая каждое помещение. Он даже послал людей копаться в сточных канавах, но Роберт всё равно ускользал от него. Баратеона укрывали горожане, скрывая его то в одном тайнике, то в другом, но всегда на шаг опережая королевских

солдат. Весь этот город был гнездом измены и предательства. Под конец узурпатора спрятали аж в борделе. «Что это за король, который прячется под женскими юбками?» И вот, в то время, когда поиск был в самом разгаре, Эддард Старк и Хостер Талли во главе армии повстанцев подошли к городу. Затем произошла битва под колокольный звон, Роберт появился из борделя с клинком в руке и чуть не прикончил Джона на ступенях старой септы, давшей имя этому городу.

Впоследствии Джон Коннингтон многие годы убеждал себя, что на нём вины нет, что он сделал всё возможное. Его солдаты обыскали все трущобы и лачуги, он сулил королевское прощение и награды, взял заложников, выставил их напоказ в вороньих клетках и публично поклялся, что им не дадут пищи и воды до тех пор, пока Роберта не приведут к нему. Всё оказалось напрасно.

— Даже Тайвин Ланнистер не смог бы сделать большего, — настойчиво убеждал он однажды ночью Чёрное Сердце на первом году своего изгнания.

— Тут ты не прав, — возразил ему Майлз Тойн, — лорд Тайвин не стал бы утруждать себя поисками. Он спалил бы этот город вместе с жителями. Мужчин и детей, грудных младенцев, благород-

ных рыцарей и праведных септонов, свиней и шлюх, крыс и повстанцев — он сжёг бы их всех. А когда пламя утихло бы, и остались бы только прах и пепел, он послал бы своих людей найти кости Роберта Баратеона. Позднее, когда Старк и Талли появились бы со своими войсками, он предложил бы им обоим королевское прощение, те бы его приняли и разошлись по домам с поджатыми хвостами.

«Майлз был прав, — размышлял Джон Коннингтон, прислонившись к стене твердыни своих предков. — Я стремился к славе, жаждал убить Роберта в поединке и не хотел прослыть мясником. А Роберт ускользнул от меня и зарубил Рейегара на Трезубце».

— Я подвёл отца, — сказал он себе, — но я не подведу его сына.

К тому времени, когда Коннингтон спустился, его люди собрали гарнизон замка и выживших жителей во дворе. Сир Роннет действительно находился где-то на севере с Джейме Ланнистером, но в Гнезде Грифонов ещё оставались грифоны. Среди пленников были младший брат Роннета Раймонд, сестра Алин и его побочный сын, дерзкий рыжеволосый мальчишка по имени Рональд Шторм. Такие заложники могут пригодится,

если Красный Роннет вернётся и попытается возвратить себе замок, украденный его отцом. Коннингтон распорядился заключить их под стражу в западной башне замка. Девчонка залилась слезами, а маленький бастард попытался укусить ближайшего к нему копейщика.

— Вы, оба, прекратите, — отрезал Гриф. — Если Красный Роннет не окажется полным дураком, вам не причинят вреда.

Только несколько пленников служили в замке во времена, когда Джон Коннингтон ещё был лордом: ослепший на один глаз седой сержант, пара прачек, конюх, бывший во времена восстания Роберта на побегушках в конюшне, невероятно разжиревший повар и оружейник замка. Во время плавания Гриф первый раз за много лет позволил себе не стричь бороды. К его удивлению, она всё ещё была рыжей, пусть и с пробивающейся местами сединой. Облачённый в длинную красно-белую тунику с вышитыми на ней двумя расположенными друг против друга грифонами его Дома, он выглядел постаревшей, суровой копией молодого лорда, друга и товарища принца Рейегара. Но мужчины и женщины Гнезда Грифонов всё ещё смотрели на него как на чужака.

— Некоторые из вас меня уже знают, — заявил он им. — Остальные познакомятся. Я ваш полноправный лорд, вернувшийся из изгнания. Мои враги говорили вам, что я мёртв. Как вы видите, все эти истории — вымысел. Служите мне так же честно, как моему кузену, и никто не причинит вам вреда.

Он заставил их одного за другим, выйти из строя, спросил у каждого имя, а затем приказал преклонить колени и принести присягу на верность. Всё прошло гладко. Четверо выживших во время атаки солдат гарнизона — старый сержант и трое мальчишек — положили свои мечи к его ногам. Никто не упирался. Никто не умер.

Этой ночью в большом зале победители праздновали победу за столами, уставленными блюдами с жареным мясом и свежевыловленной рыбой, запивая всё это крепкими ароматными красными винами из погребов замка. Джон Коннингтон восседал на грифоньем троне, разделив стол на высоком месте с Бездомным Гарри Стриклендом, Чёрным Балаком, Франклином Флауэрсом и тремя взятыми в плен юными грифонами. Эти дети были его родственниками, и он чувствовал себя обязанным с ними познакомиться. Однако когда маленький бастард заявил: — Мой отец

убьёт тебя! — он решил, что узнал их достаточно. Распорядившись вернуть их обратно в камеры, Гриф, извинившись, покинул зал.

Хэлдон Полумейстер не присутствовал на пиру. Лорд Джон нашёл его в мейстерской башне, склонившимся над кучей свитков и окружённым развёрнутыми картами.

— Надеешься определить, где могут находиться наши оставшиеся войска?

— Если бы я мог, милорд.

Из Волон Териса отплыли десять тысяч воинов со всем своим вооружением, лошадьми и слонами. Почти половина из них добрались до Вестероса, к запланированному месту высадки — пустынному пространству на краю Дождевого Леса... землям, хорошо известным Джону Коннингтону, ведь когда-то они принадлежали ему.

Ещё несколько лет назад он никогда бы не посмел высадиться на Мысе Гнева. Лорды Штормовых Земель тогда были слишком фанатично преданы Дому Баратеонов и королю Роберту. Но с гибелью Роберта и его брата Ренли всё изменилось. Станнис был слишком суровым и холодным человеком, чтобы вызывать горячую любовь своих вассалов даже будучи рядом. А сейчас он находился за полмира от них. Любить же Ланни-

стеров у Штормовых лордов было мало причин. Джон Коннингтон не остался без друзей в этих землях. «Некоторые из старейших лордов ещё помнят меня, а их сыновья слышали обо мне истории. И каждый из них знает о Рейегаре и его маленьком сыне, чью голову разбили о холодную каменную стену».

К счастью, корабль, на котором плыл Гриф, одним из первых достиг места назначения. Самым важным тогда было обустроить лагерь, собрать людей, как только те сойдут на берег, и быстро продвигаться, пока местные лорды не обнаружили опасность. И здесь Золотое Братство продемонстрировало свою выучку. Хаос, который неминуемо задержал бы марш войск, поспешно собранных из мелкопоместных рыцарей и местных ополченцев, в данном случае был немыслим. Эти солдаты следовали традициям, установленным Злым Клинком, и впитали понятие о воинской дисциплине с материнским молоком.

— Завтра к этому же времени мы должны занять три замка, — сказал Коннингтон. Силы, которыми захватили Гнездо Грифонов, составляли четверть всей доступной им мощи. Сир Тристан Риверс отправился на захват трона Дома Морриген в Вороньем Гнезде, а Ласвел Пик

— одновременно с ним в Дом Дождей, твердыню Вайлдов, оба с приблизительно такими же силами. Остатки их людей под командованием казначея братства, волантийца по имени Горис Эдориен, находились в лагере, охраняя принца и место высадки. Остаётся надеяться, что их армия будет расти — к ним до сих пор каждый день подтягивались корабли.

— У нас всё ещё слишком мало лошадей.

— И совсем нет слонов, — напомнил ему Полумейстер. Ни один из больших кораблей, перевозивших слонов, пока не появился. В последний раз они видели их в Лисе перед тем, как шторм разметал половину флота. — Лошадей можно найти и в Вестеросе. Слоны…

— Пока не нужны.

Вне всякого сомнения, эти огромные твари могли бы оказаться полезными в решающем бою. Однако пройдёт немало времени, прежде чем войска принца станут достаточно сильными, чтобы встретиться с врагом в поле.

— В этих свитках написано что-нибудь полезное?

— О, больше, чем ожидалось, милорд. — Хэлдон тонко улыбнулся. — Ланнистеры с лёгкостью наживают врагов, но, похоже, плохо умеют удер-

живать друзей. Судя по тому, что я прочитал, их союз с Тиррелами трещит по швам. Королева Серсея и королева Маргери сцепились в схватке за маленького короля, как две сучки над цыплячьей костью. К тому же обе обвинены в блуде и супружеской измене. Мейс Тирелл бросил осаду Штормового Предела, чтобы возвратиться в Королевскую Гавань и спасти свою дочь. Он оставил лишь небольшой отряд для того, чтобы люди Станниса не могли высунуть нос из замка.

Коннингтон сел.

— Продолжай.

— На севере Ланнистеры опираются на Болтонов, в речных землях — на Фреев. Оба рода издавна славятся коварством и жестокостью. Лорд Станнис Баратеон продолжает противостоять им, а железнорожденные ещё и провозгласили короля на своих островах. Никто ни разу не упомянул Долину, похоже, Аррены не принимают участия в этой сваре.

— А что Дорн? — Долина была далеко, а Дорн рядом.

— Младший сын принца Дорана обручён с Мирцеллой Баратеон. Это позволяет считать, что дорнийцы встали на сторону Ланнистеров. Однако одна их армия находится на Костяном

Перевале, а другая — в Проходе Принца. И они просто ждут...

— Ждут, — нахмурился Коннингтон. — Но чего?

Без Дейенерис и её драконов Дорн был их главной надеждой.

— Пиши в Солнечное Копьё. Доран Мартелл должен узнать, что его племянник выжил и вернулся, чтобы заявить права на отцовский трон.

— Как скажете, милорд. — Полумейстер склонился над другим свитком. — Мы едва ли смогли бы найти лучшее время для нашей высадки. У нас есть возможные друзья и союзники как на одной стороне, так и на другой.

— Но нет драконов, — сказал Джон Коннингтон, — так что для того, чтобы привлечь этих союзников на свою сторону, мы должны что-то им предложить.

— Золото и земли — обычное вознаграждение.

— Если бы они у нас были. Некоторых могут удовлетворить обещания земель и золота, но Стрикленд и его люди рассчитывают, что первыми смогут заявить права на земли и замки, отнятые у их предков, бежавших в изгнание. Нет.

— Милорд всё равно имеет нечто очень ценное,

— напомнил Хелдон Полумейстер. — Рука принца Эйегона. Брачный союз, который приведёт один из великих Домов под наши знамёна.

«Невеста для нашего светлого принца». Джон Коннингтон слишком хорошо помнил свадьбу принца Рейегара. Элия никогда не была достойной партией. С самого начала она казалась хрупкой и болезненной, и рождение детей сделало её только слабее. Родив принцессу Рейенис, она на полгода слегла в постель, а рождение принца Эйегона чуть её не убило. После этого мейстеры сказали принцу Рейегару, что Элии больше не выносить ребёнка.

— Однажды Дейенерис Таргариен может вернуться домой, — ответил Коннингтон Полумейстеру. — Чтобы жениться на ней, Эйегон должен быть свободен.

— Милорд лучше знает, как поступить, — ответил Хэлдон. — В этом случае, мы могли бы предложить нашим возможным друзьям приз поменьше.

— И что бы ты предложил?

— Вас. Вы неженаты. Вы знатный лорд, ещё способный зачать дитя, наследников нет, если не считать ваших кузенов, которых мы только что всего этого лишили. Вы отпрыск древнего рода

с прекрасным, крепким замком и обширными, богатыми землями, которые, вне всяких сомнений, будут вам возвращены и, возможно, даже преумножены благодарным королём сразу после нашей победы. У вас слава воина, и как Десница короля Эйегона, вы будете говорить от его лица и фактически править этим королевством. Я полагаю, что многие из честолюбивых лордов стремились бы выдать свою дочь за такого мужчину. Возможно, даже сам принц Дорнийский.

Ответом Джона Коннингтона был долгий холодный взгляд. Иногда Полумейстер раздражал его почти так же, как тот карлик.

— Я так не думаю.

«По моим рукам карабкается смерть. Ни один мужчина, ни, тем более, женщина, не должны знать об этом». Он встал.

— Приготовь письмо принцу Дорану.

— Как прикажете, милорд.

Джон Коннингтон спал этой ночью в господских покоях, на когда-то принадлежавшей его отцу кровати под пыльным навесом из красно-белого бархата. Он проснулся на рассвете от шума дождя и робкого стука слуги, пришедшего узнать, чем его новый господин желает позавтракать.

— Варёные яйца, жареный хлеб и бобы. И кув-

шин вина. Самого дрянного вина из погребов.

— Самого... дрянного, м'лорд?

— Ты слышал, что я сказал.

Когда пищу и вино принесли, он запер дверь, вылил весь кувшин в миску и опустил туда руку. Уксусные примочки и обтирания были лечением, которое леди Лемора назначила карлику, опасаясь, что тот подхватил серую хворь. Но ежедневное требование кувшина уксуса может его выдать. Вино должно сгодиться, но Гриф не видел смысла тратить на это хорошее вино. На всех пальцах, кроме большого, ногти уже почернели, а на среднем серость перебралась за второй сустав. «Я должен их отрезать, — подумал он. — Но как объяснить отсутствие двух пальцев?» Он не смел признаться в том, что болен серой хворью. Как это ни странно, но люди, которые бесстрашно пойдут в бой и готовы на смертельный риск ради товарища, в мгновение ока отвернутся от него, если окажется, что он заражён серой хворью. «Мне следовало дать утонуть этому треклятому карлику».

Позже тем же днём одетый и облачённый в перчатки Коннингтон проверил состояние замка и послал весть Бездомному Гарри Стрикленду и его капитанам, созывая их на военный совет. В его

покоях собралось девять человек: Коннингтон и Стрикленд, Хэлдон Полумейстер, Чёрный Балак, сир Франклин Флауэрс, Мало Яйн, сир Брендел Берн, Дик Коль и Лаймонд Пиз. У Полумейстера были хорошие новости.

— В лагерь пришли вести от Марка Мандрейка. Как оказалось, волантийцы по ошибке высадили его с почти пятью сотнями бойцов на берег острова Эстермонт. Он взял Зелёный Камень.

Остров Эстермонт располагался недалеко от Мыса Гнева, но его захват никогда не был их целью.

— Эти треклятые волантийцы так стремятся избавиться от нас, что готовы высаживать на любой клочок земли, который увидят, — сказал Франклин Флауэрс. — Спорю, что наших парней разбросало по половине этих треклятых Ступеней.

— И моих слонов, — скорбно добавил Гарри Стрикленд. «Он скучает по своим слонам, бедный Бездомный Гарри».

— У Мандрейка не было с собой лучников, — сообщил Лаймонд Пиз. — Успел ли Зелёный Камень отправить воронов с вестью о нападении?

— Думаю, успели, — ответил Джон Коннингтон, — но что там будет написано? В лучшем случае,

что-нибудь невнятное о неизвестных морских разбойниках.

Ещё до отплытия из Волон Териса он проинструктировал капитанов не расчехлять знамёна. Ни трехглавого дракона принца Эйегона, ни своих грифонов, ни черепов и золотых штандартов Братства. «Пусть Ланнистеры думают, что это Станнис Баратеон, пираты со Ступеней, лесные разбойники или кто-нибудь ещё. Чем более запутанными и противоречивыми будут вести, приходящие в Королевскую Гавань, тем лучше. Чем медленнее опомнится Железный Трон, тем больше у них времени набраться сил и привлечь на свою сторону союзников. На Эстермонте должны быть корабли. Это же остров».

— Хэлдон, пошли приказ Мандрейку: он должен оставить в крепости гарнизон, а оставшихся людей вместе со всеми пленниками знатного происхождения переправить на Мыс Гнева.

— Как прикажете, милорд. Так сложилось, что Дом Эстермонтов имеет кровные связи с обеими королевскими семьями. Это хорошие заложники.

— И хорошие выкупы, — радостно добавил Бездомный Гарри.

— Кроме того, наступило время отправить

весть принцу Эйегону, — сообщил лорд Джон.

— За стенами Гнезда Грифонов он будет в большей безопасности, чем в лагере.

— Я пошлю гонца, — вызвался Франклин Флауэрс, — но помяните моё слово, пареньку не очень понравится сидеть в безопасности. Он хочет находиться в гуще событий.

«Все мы были такими в его возрасте», — погрузился в воспоминания лорд Джон.

— Не наступило ли время поднять его знамя? — спросил Пиз.

— Ещё нет. Пусть Королевская Гавань думает, что это всего лишь возвращение лорда-изгнанника, пытающегося с помощью наёмников возвратить себе принадлежащее по праву рождения. Старая знакомая песня. Я даже напишу королю Томмену что-нибудь в этом роде и попрошу помилования и восстановления в правах владения землёй и титулом. Это даст им пищу для размышлений. А пока они будут колебаться, обдумывая ответ, мы пошлём тайные послания нашим возможным друзьям в Штормовых Землях и Просторе. И в Дорне.

Это был ключевой шаг. Мелкие лорды могут присоединиться к ним из страха или в надежде на награду, но только принц Дорнийский об-

ладает достаточной силой, чтобы сокрушить Ланнистеров и их союзников. «Прежде всего, нам нужно заполучить Дорана Мартелла».

— На это мало шансов, — сказал Стрикленд. — Эти дорнийцы боятся собственных теней. Их нельзя назвать храбрецами.

«Не больше, чем тебя».

— Принц Доран — осторожный человек, это правда. Он никогда не примкнёт к нам, пока не будет уверен, что победа будет за нами. Поэтому мы должны убедить его, показав свою силу.

— Если у Пика и Риверса всё получится, мы удержим большую часть Мыса Гнева, — привёл довод Стрикленд. — Четыре замка за прошедшие дни — отличное начало. Но у нас пока только половина войска. Нужно подождать, когда подтянутся остатки моих людей. Кроме того, у нас нехватка лошадей, и нет слонов. Подождём, говорю я вам. Давайте соберёмся с силами, привлечём кое-каких мелких лордов под наши знамёна, позволим Лисоно Маару разослать шпионов, чтобы понять, что ожидать от наших врагов.

Коннингтон смерил обрюзгшего капитан-генерала прохладным взглядом. «Этот человек не Чёрное Сердце, не Злой Клинок и не Мэйелис Монстр. Он скорее дождётся, когда замёрзнут все

семь преисподних, чем рискнёт заработать ещё пару мозолей».

— Мы пересекли полмира не для того, чтобы ждать. Наша наилучшая возможность — ударить быстро и сильно, до того как Королевская Гавань узнает, кто мы такие. Я собираюсь захватить Штормовой Предел. Это почти неприступный замок и последний плацдарм Станниса Баратеона на юге. Если у нас всё получится, мы будем иметь надёжный оплот, куда при необходимости можно отступить. И эта победа покажет, насколько мы сильны.

Капитаны Золотого Братства обменялись взглядами.

— Если Штормовой Предел до сих пор удерживается сторонниками Станниса, то мы просто отнимем у него замок. Но не у Ланнистеров, — возразил Брендел Берн. — Почему бы не объединиться с Баратеоном и не выступить против Ланнистеров вместе?

— Станнис — брат Роберта. Он из рода, низвергшего Дом Таргариенов, — напомнил ему Джон Коннингтон. — Более того, Станнис находится в тысяче лиг отсюда. Со всеми скудными силами, которыми он располагает. Нас разделяет целая страна. Только добраться до него займёт полгода,

и ему почти нечего нам предложить.

— Если Штормовой Предел так неприступен, то как мы его захватим? — спросил Мало.

— Хитростью.

Бездомный Гарри Стрикленд покачал головой.

— Нам следует выждать.

— Да, мы подождём, — подтвердил Джон Коннингтон. — Десять дней. Не больше. Столько времени займут наши приготовления. Утром одиннадцатого дня мы выступаем на Штормовой Предел.

Принц присоединился к ним четыре дня спустя, прискакав во главе колонны из сотни всадников и трёх слонов, оглашавших округу своим рёвом. С ним была леди Лемора, снова одетая в белое платье септы. Чуть впереди в развевающемся на плечах снежно-белом плаще следовал сир Ролли с Утиного Поля.

«Надёжный человек, и верный, — подумал Коннингтон, глядя на спешившегося Утку. — Но недостойный звания рыцаря Королевской Гвардии». Он приложил все свои силы, отговаривая принца от того, чтобы дать Утке этот плащ, доказывая, что такие почести лучше оставить для прославленных рыцарей, чья преданность придаст ему славы, и для младших сыновей великих

лордов, чья поддержка была бы так кстати в грядущей борьбе. Однако юноша был непоколебим.

— Если нужно, Утка умрёт за меня, — сказал он. — И это всё, что мне нужно от моих Королевских Гвардейцев. Цареубийца был знаменитым рыцарем и сыном великого лорда.

По крайней мере, я убедил его не отдавать просто так оставшиеся шесть плащей, иначе за Уткой сейчас плелись бы шесть точно таких же утят, ещё более не подходящих на роль Королевских Гвардейцев.

— Проводите его величество в мои покои, — приказал лорд Джон. — Немедленно.

Однако принц Эйегон Таргариен был не столь послушным, как мальчик по имени Молодой Гриф. Прошёл почти час, прежде чем он наконец явился в сопровождении Утки.

— Лорд Коннингтон, — заявил юноша, — мне нравится ваш замок.

«Земли вашего отца прекрасны», — сказал он. Его серебряные волосы развевались на ветру, а глаза были тёмно-лиловыми, темнее чем у этого мальчика.

— Я того же мнения, ваше величество. Пожалуйста, присядьте. Сир Ролли, в вашем присутствии больше нет нужды.

— Нет, я хочу, чтобы он остался. — Принц уселся. — Мы говорили со Стриклендом и Флауэрсом. Они рассказали нам о штурме Штормового Предела, который вы планируете.

Джон Коннингтон подавил приступ раздражения.

— И что же, Бездомный Гарри старался убедить вас отложить его?

— Да, пытался, — ответил принц. — Но я не согласился. Гарри ведёт себя, как старая дева, верно? Вы были правы на его счёт, милорд. Я хочу, чтобы штурм начался... с одним изменением. Я намерен его возглавить.

Глава 62. Жертва

На деревенском лугу люди королевы складывали костры.

«*Или верней сказать — на снегу*»? Повсюду лежали сугробы по колено, кроме участка, где их разгребли, чтобы топорами, кирками и лопатами выкопать ямы в замёрзшей земле. Завывал западный ветер, наметая всё больше снега с замёрзших озёр.

— Ты же не хочешь на это смотреть, — произнесла Али Мормонт.

— Не хочу, но буду.

Аша Грейджой — дочь кракена, а не какая-то там изнеженная девица, которой не вынести омерзительного зрелища.

День выдался тёмным, холодным и голодным, так же как вчера и позавчера. Большую его часть они продрожали возле прорубленных ими в самом маленьком из замёрзших озёр лунок, неловко сжимая рукавицами леску. Ещё недавно можно было рассчитывать на улов в одну-две рыбины, а жители Волчьего леса, более опытные в зимней рыбалке, вытаскивали даже по четы-

ре-пять. Сегодня Аша не разжилась ничем, кроме пробирающего до костей озноба. Али преуспела не больше. Прошло три дня с тех пор, как у них в последний раз был улов.

Медведица сделала ещё попытку.

– *Мне* не нужно на это смотреть.

«*Это ведь не тебя хотят сжечь люди королевы*».

— Тогда ступай. Даю слово, что не убегу. Куда мне идти? В Винтерфелл? — расхохоталась Аша. — Говорят, он всего в трёх днях езды.

Шестеро людей королевы устанавливали два огромных сосновых столба в ямы, которые выкопали полдюжины их товарищей. Аше не нужно было спрашивать, зачем. Она знала. «*Столбы*». Скоро наступит ночь, и красного бога надо накормить. «*Подношение крови и огня*, — так называли это люди королевы, — *чтобы Владыка Света обратил на нас свой пламенный взор и растопил этот треклятый снег*».

— Даже в этой юдоли страха и тьмы Владыка Света защитит нас, — вещал сир Годри Фарринг собравшимся, пока столбы забивали в ямы.

— Что может ваш южный бог сделать со снегом? — спросил Артос Флинт. Его чёрная борода покрылась корочкой льда. — На нас сошёл гнев

старых богов. Это их мы должны ублажать.

— Да, — согласился Вулл Большое Ведро. — Красный Рахлу тут ничего не значит. Вы только рассердите старых богов, наблюдающих со своего острова.

Крестьянская деревушка притулилась между двумя озёрами. То, что побольше, было усеяно небольшими заросшими лесом островками, торчавшими из воды, словно замёрзшие кулаки какого-то утонувшего великана. На одном из таких островков росло древнее кривое чардрево, чей ствол и ветви не уступали белизной окружавшему снегу. Восемь дней назад Аша вместе с Али Мормонт отправились на остров, чтобы поближе рассмотреть ствол с раскосыми красными глазами и окровавленным ртом. «*Это всего лишь сок*, — уговаривала она себя. — *Красный сок, текущий в этих чардревах*». Но переубедить себя оказалось невозможно: разум твердил одно, а глаза видели другое, и видели они замёрзшую кровь.

— Это вы, северяне, навлекли на нас этот снег, — утверждал Корлисс Пенни. — Вы и ваши демонические деревья. Рглор спасёт нас.

— Рглор нас погубит, — возразил Артос Флинт.

«*Чума на обе ваши веры*», — подумала Аша Грейджой.

Сир Годри Убийца Великанов, осмотрев столбы, толкнул один, чтобы убедится в его устойчивости.

— Хорошо. Хорошо. Сойдёт. Сир Клейтон, приведите жертву.

Сир Клейтон Саггс был надёжной правой рукой Годри. «*Или отсохшей рукой*?» Аша не любила сира Клейтона. Фарринг, похоже, искренне верил в красного бога, а Саггс просто жесток. Она видела, как тот, разинув рот, алчными глазами пялится на ночные костры. «*Не бога он любит, а огонь*», — решила она. Когда Аша спросила сира Джастина, всегда ли Саггс был таким, тот скривился.

— На Драконьем Камне он играл на деньги с палачами и предлагал им помощь в допросе пленников, особенно если попадались молоденькие женщины.

Аша не удивилась. Она не сомневалась, что Саггс получил бы особое удовольствие, если бы сжигали её. «*Если буря не прекратится*».

Уже девятнадцатый день их отряд оставался в трёх днях пути от Винтерфелла. «*Сотня лиг от Темнолесья до Винтерфелла. Три сотни миль полёта ворона*». Вот только никто из них не был вороном, а буря всё не унималась. Каждое утро, надеясь увидеть солнце, Аша просыпалась лишь

для того, чтобы увидеть очередной снегопад. Буря погребла каждую хижину, каждый навес под горами грязного снега. Скоро сугробы станут такими высокими, что поглотят и общинный дом.

Не осталось никакой еды, кроме павших лошадей, рыбы из озера, которой с каждым днём удавалось наловить всё меньше и меньше, и той скудной добычи, что могли раздобыть фуражиры в этих холодных, мёртвых лесах. Поскольку рыцари и лорды короля забирали львиную долю конины, простым солдатам мало что доставалось. Неудивительно, что они начали есть мертвецов.

Аша пришла в такой же ужас, как и все остальные, когда Медведица рассказала ей, что четырёх человек Писбури застали за разделыванием кого-то из людей покойного лорда Фелла. Те срезали куски плоти с бёдер и ягодиц мертвеца, в ожидании, когда прожарится нанизанное на вертел предплечье. Впрочем, Аша не удивилась. Она могла поклясться, что эти четверо были не единственные, кто отведал человечины во время их страшного похода, но первые, кого на этом поймали.

По королевскому указу четвёрка Писбури заплатит за своё пиршество жизнями… на костре, дабы положить конец буре. Так требовали люди

королевы. Аша Грейджой не верила в красного бога, но молилась, чтобы они оказались правы. Если это не поможет, то будут и другие сожжения, и сир Клейтон Саггс сможет исполнить своё заветное желание.

Сир Клейтон привёл четверых людоедов, раздетых донага, со связанными за спиной руками. Младший из них плакал, ковыляя по снегу. Ещё двое шли как мёртвые, уставившись себе под ноги. Аша поразилась, как обыденно выглядели эти мужчины. «*Не чудовища*, — поняла она, — *просто люди*».

Старший из четвёрки был их сержантом. Он один вёл себя дерзко, выплёскивая злобу на людей королевы, когда те копьями подгоняли его вперёд.

— Пошли вы все, вместе со своим красным богом, — шипел он. — Слышишь меня, Фарринг? *Убийца Великанов?* Я смеялся, когда сдох твой грёбаный кузен, Годри. Нужно было нам и его съесть, так уж он прекрасно пах, когда его поджаривали. Держу пари, паренёк-то, наверняка, был вкусным, мягким и сочненьким.

От удара древком копья мужчина рухнул на колени, но не замолчал. Поднявшись, он сплюнул кровь и выбитые зубы, и начал снова.

— Член, поджаренный на вертеле, самое вкусное. Жирная маленькая колбаска.

Он не унялся, даже когда его стали заковывать в цепи.

— Корлисс Пенни, иди сюда. Что за имя такое, Пенни? Столько стоила твоя мамаша? А ты, Саггс, проклятый бастард, ты…

Сир Клейтон не сказал ни слова. Единственный удар меча рассёк горло сержанта, залив грудь брызнувшей кровью.

Плакса зарыдал ещё сильней, сотрясаясь от каждого всхлипа всем телом — таким тощим, что Аша могла пересчитать все рёбра.

— Нет, — взмолился он, — пожалуйста, труп это был, труп, а нам хотелось есть, пожалуйста…

— Сержант оказался самым смышлёным, — сказала Аша Медведице. — Подначил Саггса убить его.

Она задумалась, сработает ли этот фокус второй раз, если наступит её черёд.

Четыре жертвы приковали спиной к спине — по двое к каждому столбу. Там они и висели — трое живых и один мертвец, пока приверженцы Владыки Света складывали им под ноги разрубленные брёвна и сломанные ветки, поливая дрова маслом. Приходилось торопиться.

Снег как всегда валил вовсю, и древесина скоро совсем отсыреет.

— Где король? — спросил Корлисс Пенни.

Четыре дня назад от холода и голода умер один из оруженосцев короля — парень по имени Брайен Фарринг, родственник сира Годри. Станнис Баратеон стоял с мрачным лицом у погребального костра, пока тело парня предавали огню. Затем король удалился в сторожевую башню и с тех пор не появлялся… Хотя время от времени его величество видели на крыше башни на фоне сигнального огня, горевшего днём и ночью.

— Разговаривает с красным богом, — уверяли одни.

— Взывает к леди Мелисандре, — утверждали другие.

По мнению Аши, то и другое означало, что пропащий король молит о помощи.

— Канти, ступай, найди его величество и доложи, что всё готово, — приказал Годри ближайшему к нему солдату.

— Король здесь, — произнёс голос Ричарда Хорпа.

Поверх панциря сир Ричард Хорп надел стёганый дублет с гербом — три бабочки «Мёртвая голова» на серо-жёлтом поле. За Хорпом шёл

король Станнис. Позади, опираясь на трость из терновника и стараясь не отставать, ковылял Арнольф Карстарк. Лорд Арнольф нашёл их восемь дней назад. Северянин привёл с собой сына, трёх внуков, четыре сотни копейщиков, четыре десятка лучников, дюжину всадников, мейстера с клетью воронов… но провизии захватил лишь для себя и своих людей.

Аше объяснили, что на самом деле Карстарк не лорд, а лишь кастелян Кархолда на то время, пока настоящий лорд остаётся в плену у Ланнистеров. Старик был худым, сгорбленным и кривобоким — его левое плечо на полфута было выше правого, с цыплячьей шеей, косыми серыми глазами, жёлтыми зубами и серо-белой всклокоченной бородой. Если бы не несколько прядей седых волос, то его можно было бы назвать плешивым. Аше были чем-то неприятны улыбки Карстарка. Но если верить слухам, то именно ему достанется Винтерфелл, если замок удастся взять. Когда-то, в далёком прошлом, род Карстарков отделился от родового дерева Старков, к тому же лорд Арнольф был первым знаменосцем Эддарда Старка, присягнувшим Станнису.

Из того что знала Аша, Карстарки верили в тех же самых старых богов севера, которым покло-

нялись Вуллы, Норри, Флинты и другие горные кланы. Она задумалась, не для того ли король повелел лорду Арнольфу присутствовать при сожжении, чтобы тот самолично убедился в могуществе красного бога.

При виде Станниса двое прикованных к столбам мужчин взмолились о милосердии. Король выслушал их молча, сжав челюсти, а потом сказал Годри Фаррингу:

— Можете начинать.

Убийца Великанов вознёс руки.

— Владыка Света, услышь нас!

— Владыка Света, защити нас, — пели люди королевы, — ведь ночь темна и полна ужасов.

Сир Годри поднял голову к чернеющему небу.

— Благодарим тебя за солнце, что согревает нас. Умоляем вернуть его нам, о, Владыка, чтобы оно осветило путь к твоим врагам.

Снежинки таяли у него на лице.

— Благодарим тебя за звёзды, что присматривают за нами по ночам. Умоляем снять пелену, что скрывает их, чтобы мы могли вновь возрадоваться их сиянию.

— Владыка Света, защити нас, — молили люди королевы, — и разгони эту беспощадную тьму.

Вперёд вышел сир Корлисс Пенни и взмахнул

над головой зажатым в руках факелом, раздувая пламя. Один из пленников начал скулить.

— Рглор, — пел сир Годри, — мы преподносим тебе четырёх грешников. С чистым и радостным сердцем предаём их твоему очистительному пламени, чтобы выжечь тьму из их душ. Пусть их грешная плоть обгорит и почернеет, чтобы их души восстали и вознеслись к свету свободными и непорочными. Прими их кровь, о, Владыка, и растопи ледяные цепи, что сковывают твоих слуг. Внемли страданиям и даруй силу нашим мечам, чтобы мы могли пролить кровь твоих врагов. Прими жертву и укажи нам путь к Винтерфеллу, чтобы мы могли одолеть нечестивцев.

— Владыка Света, прими жертву, — отозвалась сотня голосов.

Сир Корлисс зажёг факелом первый костёр, а затем швырнул его к подножию второго.

Взвились ввысь струйки дыма. Пленники закашлялись. Заплясали первые язычки огня, застенчивые, как девы, порхающие и вьющиеся вокруг брёвен и ног узников. Через миг столбы поглотило пламя.

— Он был мёртв! — взвыл плакса, когда огонь лизнул его ноги. — Мы нашли его мёртвым… пожалуйста… мы хотели есть…

Пламя добралось до его мошонки. Когда загорелись волосы вокруг его члена, мольба перешла в долгий неописуемый визг.

Аша Грейджой почувствовала привкус желчи во рту. На Железных Островах она видела, как жрецы её народа резали глотки рабам и отдавали их тела морю во славу Утонувшего Бога. Это было жестоко, но происходившее сейчас оказалось куда хуже.

«*Закрой глаза*, — говорила она себе. — *Заткни уши. Отвернись. Тебе не обязательно на это смотреть*». Люди королевы пели гимны во славу красного Рглора, но Аша не могла разобрать слов из-за воплей. Жар от костра обжигал ей лицо, но она всё равно дрожала. Воздух наполнился дымом и смрадом горящей плоти. Одно из тел всё ещё билось в раскалённых цепях, удерживавших его на столбе.

Через какое-то время крики прекратились.

Король Станнис без единого слова зашагал прочь, назад в уединение своей сторожевой башни. «*Обратно к своему сигнальному огню*, — поняла Аша, — *искать ответы в пламени*». Арнольф Карстарк поковылял было за ним, но сир Ричард Хорп взял старика за руку и повёл к общинному дому. Зрители стали расходиться,

каждый к своему костру и тому скудному ужину, который удалось раздобыть.

Клейтон Саггс незаметно пристроился к Аше.

— Железной щёлке понравилось представление?

От его дыхания несло луком и элем. «*А глазки-то у него поросячьи*», — подумала Аша. Отлично подходят человеку с крылатой свиньёй на щите и плаще. Саггс подошёл к ней так близко, что она могла сосчитать угри у него на носу, и сказал:

— Когда на столбе закорчишься ты, народу соберётся куда больше.

Он был прав. Волки её не любили. Железнорожденная, она была в ответе за преступления своего народа: за Ров Кейлин, за Темнолесье, за Торрхенов Удел, за столетия набегов на Каменный Берег, за всё, что Теон натворил в Винтерфелле.

— Отпустите меня, сир.

Каждый раз, когда Саггс заговаривал с ней, она тосковала по своим топорам. Аша владела боевым танцем не хуже любого островитянина, каждый из десяти её пальцев мог бы это подтвердить. «*Если б только я могла станцевать с этим*». Лицам некоторых мужчин очень шла борода, лицу Клейтона Саггса подошёл бы топор между глаз. Но топора у неё было, и она сделала то,

что ей оставалось — попыталась вывернуться. Сир Клейтон только усилил хватку, затянутые в перчатку пальцы впились ей в руку, словно стальные когти.

— Миледи попросила вас, её отпустить, — произнесла Али Мормонт. — Вам лучше послушать её, сир. Леди Ашу не сожгут.

— Сожгут, — ответил Саггс. — Мы слишком долго терпели среди нас эту демонопоклонницу.

И всё же он отпустил руку Аши. С Медведицей без нужды не ссорятся.

В этот момент появился Джастин Масси.

— У короля иные планы на свой трофей, — сказал он с лёгкой улыбкой.

Его щёки раскраснелись от холода.

— У короля? Или у тебя? — презрительно фыркнул Саггс. — Можешь планировать, что твоей душе угодно, Масси. Её всё равно предадут огню. Её и её королевскую кровь. Красная Женщина всегда говорит, что королевская кровь обладает особой силой. Например, чтобы умилостивить нашего Владыку.

— Пусть Рглор удовольствуется теми четырьмя, что мы только что ему послали.

— Четыре низкородных мужлана. Нищенское подношение. Отбросы вроде них не остановят

снег. А она может.

В разговор вступила Медведица.

— А если ты сожжёшь её, а снег не перестанет идти, что тогда? Кого ты спалишь следующим? Меня?

Аша не могла больше держать язык за зубами.

— А почему не сира Клейтона? Может, Рглору понравится один из его людей. Верующий, который станет петь ему гимны, пока пламя будет лизать его хрен.

Сир Джастин захохотал. Саггсу было не так весело.

— Хихикай на здоровье, Масси. Посмотрим, кто будет смеяться, если снегопад не прекратится.

Он окинул взглядом мертвецов на столбах и отошёл к сиру Годри и людям королевы.

— Мой защитник, — обратилась Аша к Джастину Масси. Тот заслуживал этих слов, каковы бы ни были его мотивы. — Благодарю вас за спасение, сир.

— Это не прибавит тебе друзей среди людей королевы, — сказала Медведица. — Ты перестал верить в красного Рглора?

— Я потерял веру в нечто большее, чем он, — ответил Масси, его дыхание курилось белой дымкой. — Но в ужин я всё ещё верю. Присоеди-

нитесь ко мне, миледи?

Али Мормонт тряхнула головой.

— Нет аппетита.

— У меня тоже. Но вам всё же стоит впихнуть в себя немного конины, иначе потом будете жалеть. Когда мы вышли из Темнолесья, у нас было восемь сотен лошадей. Прошлой ночью насчитали всего шестьдесят четыре.

Это её не удивило. Почти все могучие боевые кони пали, включая того, что принадлежал Масси. Большинство верховых лошадей постигла та же участь. Даже низкорослые лошадки северян страдали из-за нехватки корма. Но зачем им лошади? Станнис больше никуда не двигался. Солнце, луна и звёзды не показывались так давно, что Аша начала думать, не приснились ли они ей.

— Я поем.

Али тряхнула головой.

— А я нет.

— Тогда позвольте мне присмотреть за леди Ашей, — сказал сир Джастин. — Даю слово, я не дам ей сбежать.

Медведица неохотно согласилась, пропустив насмешку мимо ушей. На том они и расстались: Али пошла в свою палатку, Аша и Джастин Масси — в общинный дом. Идти было недалеко, но

сугробы были глубокими, ветер — порывистым, а ноги Аши превратились в глыбы льда. Лодыжку на каждом шагу пронзала боль.

Тесный и убогий общинный дом был самой крупной постройкой в деревне. Поэтому его заняли лорды и полководцы, а Станнис поселился в каменной сторожевой башне на берегу озера. Два стражника охраняли вход, опёршись на высокие копья. Один из них открыл перед Масси смазанную створку двери, и сир Джастин провёл Ашу внутрь, к блаженному теплу.

Походные скамьи и столы располагались по обе стороны помещения, рассчитанного на пятьдесят человек. Впрочем, сейчас там теснилось вдвое больше народу. Посередине земляного пола была выкопана костровая траншея, а в крыше проделан ряд дымовых отверстий. Волки сидели по одну сторону траншеи, рыцари и южные лорды — по другую.

Южане, по мнению Аши, смотрелись довольно жалко — измождённые, с впалыми щеками, некоторые бледные и болезненные, другие с красными и обветренными лицами. Северяне, напротив, выглядели сильными и здоровыми: одетые в меха и сталь грузные румяные мужчины с густыми кустистыми бородами. Наверняка, они

тоже голодали и мёрзли, но переход дался северянам намного легче благодаря их низкорослым лошадям и «медвежьим лапам».

Аша стащила меховые рукавицы и, поморщившись, размяла пальцы. Ногам стало больно, как только замёрзшие ступни начали отогреваться. Селяне, уходя, оставили хороший запас топлива, поэтому воздух был полон дыма и крепкого земляного аромата горящего торфа. Стряхнув налипший снег, Аша повесила свой плащ на колышек у двери.

Сир Джастин нашёл им места на скамье и принёс ужин на двоих: эль и куски конины, обугленные снаружи и сырые внутри. Глотнув эля, Аша набросилась на мясо. Порция была меньше, чем в прошлый раз, но её желудок всё же заурчал от запаха пищи.

— Благодарю, сир, — произнесла она. По её подбородку стекали кровь и жир.

— Джастин, я настаиваю.

Масси разрезал своё мясо на кусочки и подцепил один из них кинжалом.

Дальше за столом Вилл Фоксглоув рассказывал соседям, что через три дня Станнис возобновит поход на Винтерфелл. Он услышал об этом от одного из конюхов, ухаживавших за лошадьми

короля.

— Его величество видел в пламени победу, — уверял Фоксглоув. — Победу, о которой тысячелетиями будут петь и в замках лордов, и в крестьянских хижинах.

Джастин Масси поднял взгляд от конины.

— Холодный счёт этой ночью достиг восьмидесяти. — Он вытащил из зубов кусок хряща и бросил ближайшей собаке. — Если мы выдвинемся, погибнут сотни.

— Останься мы тут, погибнут тысячи, — возразил сир Хэмфри Клифтон. — Я скажу: выступить или умереть.

— А я отвечу: выступить и умереть. Придём мы к Винтерфеллу, и что? Как мы его захватим? Половина наших людей настолько слабы, что едва переставляют ноги. Ты бросишь их на штурм стен? На постройку осадных башен?

— Нам следует остаться здесь, пока погода не переменится, — высказался сир Ормунд Уайлд, бледный старый рыцарь, чей характер так не соответствовал имени. Аша слышала сплетни, что некоторые солдаты делают ставки на то, кто из великих рыцарей и лордов умрёт следующим. Сир Ормунд считался явным фаворитом. «*Интересно, сколько поставили на меня*? — задумалась Аша.

— *Возможно, ещё не поздно заключить пари*».

— Здесь у нас, по крайней мере, есть убежище, — стоял на своём Уайльд, — а в озёрах водится рыба.

— Слишком мало рыбы и слишком много рыбаков, — мрачно произнёс лорд Писбури.

У него была веская причина хмуриться. Это его людей только что сжёг сир Годри, и кое-кто в этом самом зале утверждал, что Писбури точно знал, чем те занимались, а может и сам участвовал в их трапезах.

— Он прав, — проворчал Нед Вудс — разведчик из Темнолесья. Его называли Безносым Недом, потому что две зимы назад он отморозил себе кончик носа. Вудс знал Волчий Лес как никто другой. Даже самые гордые лорды короля научились прислушиваться к его мнению. — Я знаю эти озёра. Вы сотнями сидите на них, точно черви на трупе. Прорубили столько лунок, что удивительно, как лёд до сих пор не провалился. Некоторые места вблизи острова похожи на изъеденный крысами сыр.

Он покачал головой.

— С озёрами покончено. Вы выудили из них всё что возможно.

— Вот ещё одна причина выступить, — заявил

Хэмфри Клифтон. — Если нам уготована погибель, умрём с оружием в руках.

Те же споры звучали и прошлой ночью, и позапрошлой. «*Выступить и умереть, остаться и умереть, отступить и умереть*».

— Ты волен погибнуть, как пожелаешь, Хэмфри, — сказал Джастин Масси. — Что до меня, я лучше доживу до весны.

— Так можно и трусом прослыть, — ответил лорд Писбури.

— Уж лучше трусом, чем людоедом.

Лицо Писбури исказилось от внезапной ярости.

— Ты…

— Смерть — это часть войны, Джастин. — У входа стоял сир Ричард Хорп с промокшими от тающего снега волосами. — Те, кто пойдут с нами, получат свою долю добычи, которую мы заберём у Болтона и его бастарда, и ещё большую долю бессмертной славы. Тем, кто слишком слаб, чтобы идти, придётся позаботиться о себе самим. Но даю слово, мы отправим им еду, как только возьмём Винтерфелл.

— Вы не захватите Винтерфелл!

— Нет, захватим, — послышался возглас с высокого стола, где сидел Арнольф Карстарк со своим

сыном и тремя внуками. Лорд Арнольф поднялся, как поднимается насытившийся стервятник. Одной рукой, покрытой пятнами, он опирался на плечо своего сына.

— Мы возьмём замок ради Неда и его дочери. Да и ради Молодого Волка, с которым так жестоко расправились. Если понадобится, я со своими людьми укажу путь. Я говорил то же самое его величеству, нашему доброму королю. «Выступим», — сказал я ему, — «и до того, как сменится луна, искупаемся в крови Фреев и Болтонов».

Мужчины затопали ногами и застучали кулаками по столу. Сплошь северяне, как заметила Аша. По другую сторону траншеи южные лорды восседали на скамьях в молчании.

Джастин Масси дождался, пока шум стихнет, а потом сказал:

— Ваша отвага достойна восхищения, лорд Карстарк, но отвагой не проломишь стены Винтерфелла. Скажите на милость, как вы собираетесь захватить замок? Забросаете снежками?

Ему ответил один из внуков лорда Арнольфа:

— Мы срубим деревья на тараны, чтобы сломать ворота.

— И погибнете.

Подал голос другой внук:

— Сделаем лестницы, будем штурмовать стены.

— И погибнете.

Заговорил Артор Карстарк — младший сын лорда Арнольфа:

— Мы построим осадные башни.

— И погибнете, погибнете, погибнете… — сир Джастин закатил глаза. — Боги милосердные, вы, Карстарки, все безумны?

— Боги? — произнёс Ричард Хорп. — Ты забываешься, Джастин. Тут лишь один бог. Не говори о демонах в нашем обществе. Лишь Владыка Света может спасти нас. Ты не согласен?

Он положил ладонь на рукоять своего меча, будто для большей внушительности, но его глаза не отрывались от лица Джастина Масси.

Сир Джастин сник под этим взглядом.

— Владыка Света, да. Моя вера так же сильна, как и твоя, Ричард, и ты знаешь это.

— Я не в вере твоей сомневаюсь, Джастин, а в мужестве. Ты предрекал поражение на каждом нашем шагу на пути из Темнолесья. Возникает сомнение, на чьей же ты стороне?

Масси покраснел.

— Я не собираюсь выслушивать оскорбления.

Дёрнув свой мокрый плащ со стены с такой си-

лой, что Аша услышала треск рвущейся ткани, он прошёл к выходу мимо Хорпа. Порыв холодного ветра ворвался в зал, взметая золу из костровой траншеи и раздувая огонь немного ярче.

«*Быстро же он сломался*, — подумала Аша. — *Мой защитник сделан из сала*». Но, тем не менее, сир Джастин был одним из немногих, кто возразил бы, задумай люди королевы её сжечь. Поэтому она поднялась, надела плащ и вышла в бурю вслед за ним.

Она заблудилась, не успев пройти и десяти ярдов. Аша видела сигнальный огонь на вершине сторожевой башни — слабый парящий в воздухе оранжевый огонёк. Остальная деревня исчезла. Оставшейся в одиночестве посреди белого царства снега и тишины Аше пришлось пробираться сквозь высокие сугробы, доходившие ей до бёдер.

— Джастин? — позвала она.

Ответа не последовало. Где-то слева девушка услышала ржание лошади. «*Напугана, бедняжка. Небось, догадывается, что завтра станет чьим-то ужином*». Аша плотнее закуталась в плащ.

Она вслепую пробиралась обратно к лугу. Сосновые столбы всё ещё стояли на месте. Они обуглились, но не догорели. Аша увидела, что

цепи на мертвецах уже остыли, но всё так же крепко сжимают тела стальными объятиями. Примостившийся на одном из трупов ворон рвал клочья горелой плоти с почерневшего черепа. Снежная крошка, засыпав пепел у подножия костров, уже дошла мертвецам до лодыжек. «*Старые боги хотят их похоронить*, — подумала Аша. — *Эти жертвы — не их работа*».

— Хорошенько посмотри на них, щёлка, — произнёс позади неё низкий голос Клейтона Саггса. — Станешь такой же хорошенькой, когда тебя поджарят. Скажи мне, а кальмары визжат?

«*Бог моих предков, если ты слышишь меня в своих подводных чертогах, пошли мне один маленький метательный топор*». Утонувший Бог не ответил ей. Он редко отвечал. В этом состоит трудность общения с богами.

— Ты не видел сира Джастина?

— Этого высокомерного идиота? Что тебе от него надо, щёлка? Если хочешь потрахаться, то как мужчина я лучше Масси.

«*Снова щёлка*?» Странно, что мужчины вроде Саггса используют это слово, чтобы унизить женщину, при том что это единственная часть, которую они в ней ценят. А Саггс ещё хуже Среднего Лиддля. «*Когда он использует это слово, то*

именно так и думает».

— Твой король кастрирует насильников, — напомнила она.

Сир Клейтон усмехнулся.

— Король почти ослеп, пялясь в огонь. Но не бойся, щёлка, я не изнасилую тебя. Иначе потом пришлось бы тебя убить, а я уж лучше посмотрю, как ты сгоришь.

«*Опять эта лошадь*».

— Ты слышал?

— Что слышал?

— Лошадь. Нет, лошадей. Больше одной.

Она повернула голову, прислушиваясь. Снег искажал звук, и было сложно понять, откуда тот раздаётся.

— Это какая-то кальмарская игра? Я не слышу… — Саггс нахмурился. — Проклятая преисподняя. Всадники.

Он завозился со своим поясом, замешкавшись из-за мешавших рукам рукавиц, и вытащил из ножен свой длинный меч.

К тому времени всадники уже были здесь.

Они появились из бури, словно отряд призраков. На маленьких лошадях восседали могучие наездники, казавшиеся ещё больше из-за громоздких мехов. Висевшие у них на бёдрах мечи,

дребезжа в ножнах, пели свою стальную песню. Аша заметила боевой топор у седла одного из седоков и боевой молот за спиной другого. Имелись и щиты, но настолько облепленные снегом и льдом, что гербы было не разглядеть. Несмотря на всю одетую на неё шерсть, меха и варёную кожу, Аша чувствовала себя голой. «*Рог*, — подумала она, — *мне нужен рог, чтобы поднять лагерь на ноги*».

— Беги, глупая щёлка! — заорал сир Клейтон. — Беги и предупреди короля. Лорд Болтон напал!

Саггс скотина, но в храбрости ему не откажешь. Он зашагал по снегу с мечом в руке, встав между всадниками и королевской башней. Позади него, подобно оранжевому оку какого-то бога, мерцал сигнальный огонь.

— Кто едет? Стой! *Стой!*

Предводитель придержал лошадь перед Саггсом. Остальные, на вид десятка два, остались позади. У Аши не было времени сосчитать сколько их точно. Там, в буре, вслед за этими могут следовать сотни других. В темноте и буране может скрываться всё войско Русе Болтона. Впрочем…

«*Их слишком много для разведки и слишком мало для авангарда*». А двое одеты во всё чёрное.

«Ночной Дозор», — внезапно дошло до неё.

— Кто вы? — спросила Аша.

— Друзья, — ответил странно знакомый голос. — Мы искали вас под Винтерфеллом, но нашли только Амбера Воронье Мясо, бьющего в барабаны и трубящего в рога. Добраться до вас оказалось непросто.

Всадник спрыгнул с седла, откинул капюшон и поклонился. Его борода была так густа и так сильно обледенела, что Аша сперва его не признала. Но вдруг поняла кто это.

— Трис? — спросила она.

— Миледи. — Тристифер Ботли преклонил колено. — Девица тоже здесь. Роггон, Злой Язык, Пальцатый, Грач… нас шестеро — все, кто мог ехать верхом. Кромм умер от ран.

— Кто это? — спросил Клейтон Саггс. — Ты один из её людей? Как вы выбрались из подземелий Темнолесья?

Трис поднялся и стряхнул снег с колен.

— Сибилле Гловер предложили за нас хороший выкуп, и она решила принять его во имя короля.

— Какой выкуп? Кто стал бы платить за морские отбросы?

— Я, сир, — сказавший это выехал вперёд на своей низкорослой лошадке. Он был так высок,

худ и длинноног, что они только чудом не волочились по земле. — Я нуждался в надёжной охране, чтобы меня в безопасности доставили к королю, а леди Сибилла хотела избавиться от парочки голодных ртов.

Шарф скрывал черты лица длинноногого, а на голову была нахлобучена самая странная шляпа, которую приходилось видеть Аше со времён последнего плавания в Тирош: башня без полей из какой-то мягкой материи, как будто друг на друга поставили три цилиндра.

— Мне дали понять, что здесь я смогу найти короля Станниса. У меня к нему неотложное дело.

— И кто же, семь вонючих преисподних, ты такой?

Длинноногий изящно соскользнул с мохнатой лошадки, снял свою необычную шляпу и поклонился.

— Имею честь быть Тихо Несторисом, скромным слугой Железного Банка Браавоса.

Вот уж с кем Аша Грейджой меньше всего ожидала столкнуться в ночи, так это с браавосским банкиром. Нелепица какая-то. Смех, да и только.

— Король Станнис занял сторожевую башню. Уверена, сир Клейтон с радостью проводит вас к нему.

— Это было бы прекрасно. Время дорого, — банкир изучал её своими проницательными тёмными глазами. — Если не ошибаюсь, вы леди Аша из дома Грейджой.

— Я Аша из дома Грейджой. Леди или нет, мнения расходятся.

Браавосиец улыбнулся.

— Мы привезли вам подарок. — Он кивнул стоявшим позади людям. — Мы надеялись найти короля у Винтерфелла. Но, увы, та же самая буря поглотила замок. Под стенами мы встретили Морса Амбера с войском зелёных мальчишек, ожидавших прихода короля. Он вручил нам вот это.

«*Старик и девушка*», — подумала Аша, глядя на двух человек, которых грубо толкнули в снег перед ней. Девушка, хоть и закутанная в меха, сильно дрожала. Не будь она так напугана, её можно было бы назвать хорошенькой, несмотря на почерневший от мороза кончик носа. Старик… мало кому он показался бы привлекательным. Аша видела чучела, на которых было больше плоти. Его лицо напоминало обтянутый кожей череп, а волосы были белые и грязные. И от него *воняло*. При виде этого старика Ашу замутило от отвращения.

Он поднял глаза.

— Сестра. Вот видишь. В этот раз я тебя узнал.

У Аши замерло сердце.

— Теон?

Его губы растянулись в нечто похожее на усмешку. Половины зубов недоставало, а оставшиеся были разбиты и расколоты.

— Теон, — повторил он. — Меня зовут Теон. Нужно помнить своё *имя*.

Глава 63. Виктарион

По чёрным волнам под серебряной луной Железный Флот гнался за добычей.

Они заметили её именно там, где и предсказал чёрный жрец Мокорро — в теснине между Кедровым Островом и изрезанными холмами астапорского побережья.

— Гискарцы! — прокричал Длинноводный Пайк из «вороньего гнезда».

С бака Виктарион Грейджой наблюдал за приближающимся парусом. Вскоре он смог различить поднимающиеся и опускающиеся вёсла и длинный белый след кильватерной струи, сверкавший в лунном свете, как шрам на поверхности моря.

«*Это не военный корабль*, — понял Виктарион. — *Торговая галера. Большая*». Прекрасная добыча. Он дал знак капитанам начать преследование, взять судно на абордаж и захватить его.

К этому времени капитан галеры, осознав опасность, повернул на запад и направил судно к Кедровому Острову, вероятно, надеясь укрыться в какой-нибудь тайной бухте или заманить пресле-

дователей на зубчатые рифы северо-восточного берега. Но его галера была тяжело нагружена, а ветер благоприятствовал железнорожденным. «Горе» и «Железная Победа» ринулись наперерез добыче, в то время как быстрая «Пустельга» и ловкий «Танцор» загоняли её. Но даже тогда гискарский капитан не спустил флага. Наконец «Плач» настиг жертву, ободрав её левый борт и расщепив вёсла. Оба корабля плыли так близко к населённым призраками руинам Гозая, что матросы могли слышать обезьяний гомон, доносившийся из озарённых первыми лучами солнца разрушенных пирамид города.

Захваченное судно называлось «Заря Гискара» — так сказал капитан галеры, когда его в цепях доставили к Виктариону. Оно возвращалось в Новый Гис через Юнкай после торговли в Миэрине. Капитан не говорил на нормальных языках, только на гортанном гискарском, полном рыка и шипения. Это был самый уродливый язык, который Виктарион Грейджой когда-либо слышал. Мокорро перевёл слова капитана на Общий язык Вестероса. Война в Миэрине выиграна, утверждал капитан, королева драконов — мертва, и городом теперь правит какой-то гискарец по имени Хиздак.

За ложь Виктарион вырвал ему язык. Дейенерис Таргариен *не мертва*, заверил Мокорро. Его красный бог Рглор показал её лицо в священных огнях. Железный капитан не терпел лжи, поэтому связанного по рукам и ногам гискарца принесли в жертву Утонувшему богу, выбросив за борт.

— Твой красный бог получит то, что ему причитается, — пообещал жрецу Виктарион, — но морями правит Утонувший бог.

— Нет богов, кроме Рглора и Иного, чьё имя запретно.

Жрец-колдун был облачён в мрачно-чёрное одеяние, отороченное по краям, воротнику и манжетам тонкой золотой нитью. На борту «Железной Победы» не нашлось красной одежды, но Мокорро не подобало ходить в тех просоленных отрепьях, что были на нём, когда Суслик выловил его из воды. Поэтому Виктарион приказал Тому Тайдвуду пошить новое одеяние из всего, что оказалось под рукой. Он даже пожертвовал на это парочку своих туник чёрно-золотого цвета Дома Грейджоев, гербом которого был золотой кракен на чёрном поле. Такими же были знамёна и паруса кораблей. Багрово-алые мантии красных жрецов были чужды железнорожденным, и Виктарион надеялся, что его люди легче примут

Мокорро, одетого в цвета Грейджоев.

Увы, зря надеялся. В чёрном с головы до ног, татуированный маской красно-оранжевых языков пламени, жрец выглядел ещё более зловещим, чем раньше. Команда избегала его, когда он ходил по палубе, а матросы плевались, если на них случайно падала его тень. Даже Суслик, выловивший красного жреца из моря, убеждал Виктариона отдать того Утонувшему богу.

Но Мокорро знал эти странные берега, как никто из железнорожденных, также как и повадки драконов. «*Вороний Глаз сохранил своим магам жизнь, чем я хуже*?» Его чёрный колдун был могущественнее эуроновских, даже если взять всех троих и слепить из них одного. Мокроголовый бы заартачился, но Эйерон был далеко — вместе со своим благочестием.

Потому Виктарион сжал свою сожжённую руку в могучий кулак и сказал:

— «Заря Гискара» — неподходящее имя для корабля Железного Флота. Ради тебя, маг, я переименую его в «Гнев Красного Бога».

Его маг наклонил голову.

— Как капитан прикажет.

И кораблей Железного флота вновь стало пятьдесят четыре.

На следующий день на них обрушился внезапный шквал, как и предсказывал Мокорро. Когда дожди унеслись, оказалось, что три корабля исчезли. Виктарион понятия не имел — пошли ли те ко дну, сели на мель или сбились с курса.

— Им известно, куда мы идём, — объявил он команде. — Если они ещё на плаву, мы с ними встретимся.

У железного капитана не было времени ждать отставших. Не теперь, когда его невеста окружена врагами.

«*Прекраснейшая из женщин нуждается в моём топоре*».

Кроме того, Мокорро заверил, что три корабля не потеряны. Каждую ночь жрец-колдун разжигал огонь на баке «Железной Победы» и вышагивал вокруг пламени, монотонно читая молитвы. Его чёрная кожа блестела в свете огня, как полированный оникс, и порой Виктарион мог поклясться, что языки пламени, вытатуированные на лице, тоже танцевали, кружась, изгибаясь и растворяясь друг в друге, меняя цвет с каждым поворотом головы жреца.

— Чёрный жрец призывает к нам демонов, — произнёс вслух один из гребцов.

Когда об этом доложили Виктариону, тот при-

казал бичевать парня, пока кровь не покрыла спину несчастного от плеч до ягодиц. И когда Мокорро сказал:

— Твои заблудшие овцы вернутся в стадо у острова под названием Ярос.

Капитан ответил:

— Молись об этом, жрец. Или ты будешь следующим, кто отведает кнута.

Море было сине-зелёным, а на пустом синем небе сияло солнце, когда Железный Флот захватил второе судно к северо-западу от Астапора.

На сей раз это был когг из Мира под названием «Голубь», шедший из Юнкая в Новый Гис с грузом ковров, сладких молодых вин и мирийских кружев. Его капитан владел мирийской трубой. Она заставляла далёкие вещи выглядеть близкими: две стеклянные линзы по обеим сторонам ряда латунных трубок, прилаженных друг к другу так искусно, что каждый сегмент проскальзывал в предыдущий, пока труба не становилась короче кортика. Виктарион потребовал это сокровище себе. Он переименовал когг в «Сорокопута» и распорядился, чтобы команду захваченного судна задержали до получения выкупа. Эти люди были не рабами или работорговцами, а свободными жителями Мира и бывалыми моряками, и стоили

больших денег. «Голубь» плыл из Мира и не принёс свежих новостей о Миэрине или Дейенерис, только устаревшие известия о дотракийцах у Ройна, передвижениях Золотого Братства и других вещах, о которых Виктарион уже знал.

— Что ты видишь? — спросил капитан чёрного жреца ночью, когда Мокорро стоял перед своим костром. — Что ждёт нас завтра? Опять дождь?

Ему казалось, что в воздухе пахло дождём.

— Серое небо и шквальный ветер, — ответил Мокорро, — но не дождь. Сзади крадутся тигры, а впереди дожидается твой дракон.

«*Твой дракон*». Виктариону нравилось, как это звучит.

— Скажи мне что-нибудь, чего я не знаю, жрец.

— Капитан приказывает, и я повинуюсь, — сказал Мокорро.

Команда прозвала его Чёрное Пламя, это имя дал ему Стеффар Заика, который не мог выговорить «Мокорро». Но как ни зови, жрец имел силу.

— Линия побережья идёт здесь с запада на восток, — сказал он Виктариону. — И там, где она повернёт на север, тебе попадутся ещё два зайца. Быстрые, со множеством ног.

Так и случилось. В этот раз жертвами стала па-

ра длинных, стройных и быстрых галер. Хромой Ральф увидел их первым, но те легко обогнали «Скорбь» и «Гиблое Дело», поэтому Виктарион послал вдогонку «Железное Крыло», «Пустельгу» и «Поцелуй Кракена». У него не было кораблей быстрее, чем эти. Погоня заняла почти целый день, но, в конце концов, обе галеры взяли на абордаж в коротких, кровопролитных схватках. Виктарион узнал, что галеры шли порожняком в Новый Гис, чтобы загрузить провиант и оружие для гискарских легионов, стаявших лагерем под стенами Миэрина... и чтобы доставить новых легионеров на смену умершим.

— Те люди пали в бою? — спросил Виктарион.

Команды галер отрицали это. Причиной смертей был кровавый понос. Они называли болезнь бледной кобылицей, и, вслед за капитаном «Зари Гискара», повторили ложь о смерти Дейенерис Таргариен.

— Передайте ей мой поцелуй в любом аду, где отыщите, — сказал Виктарион.

Он послал за топором и, не сходя с места, отрубил капитанам головы. А затем казнил их команды, оставив в живых лишь прикованных к вёслам рабов. Он сам разбил их цепи, заявив, что отныне они свободны, и им дозволено пополнить

ряды Железного Флота. Это великая честь, о которой мечтают все мальчики Железных Островов.

— Королева драконов освобождает рабов, также поступаю и я, — провозгласил Виктарион.

Он переименовал галеры — в «Призрак» и «Тень».

— Я хочу, чтобы они вернулись и охотились на юнкайцев, — рассказал он ночью темнокожей женщине, поимев её в своё удовольствие. Флот приближался к цели, и становился к ней всё ближе с каждым днём. — Мы падём на них, словно молния, — продолжал Виктарион, сжимая грудь женщины.

Ему было интересно, что чувствовал его брат Эйерон, когда Утонувший Бог говорил с ним. Виктарион почти слышал голос бога, доносящийся из морских глубин. «*Служи мне достойно, мой капитан*, — казалось, гремели волны, — *именно для этого я тебя сотворил*».

Но он накормит и красного бога, бога огня Мокорро. Рука, которую вылечил жрец, выглядела чудовищно. От локтя до кончиков пальцев она стала тёмной и грубой, словно кабанья шкура. Иногда Виктарион сжимал кулак, и кожа трескалась и дымилась. Но при этом рука была сильнее, чем когда бы то ни было.

— Теперь со мной два бога, — сказал он темнокожей. — Ни один враг не выстоит против двух богов сразу.

Он повалил её на спину и взял ещё раз.

Когда по левому борту показались утёсы Яроса, Виктарион увидел три потерянных судна. Те ждали его, как и предсказал Мокорро. Виктарион дал в награду жрецу золотое ожерелье.

Теперь капитану предстояло сделать выбор: рискнуть в проливах или повести Железный флот в обход острова? Воспоминания о Светлом Острове до сих пор терзали железного капитана. Станнис Баратеон обрушился на Железный Флот одновременно с юга и с севера, запер его в канале между островом и материком и нанёс Виктариону сокрушительное поражение. Но плаванье вокруг Яроса могло стоить нескольких драгоценных дней. Вблизи Юнкая движение в проливах было очень оживлённым, но Виктарион не ждал встречи с юнкайскими военными кораблями до того, как флот приблизится к Миэрину.

«*Как бы поступил Вороний Глаз*?» Поразмышляв над этим некоторое время, он дал знак своим капитанам.

— Плывём через проливы.

Ещё перед тем, как берега Яроса исчезли за их

кормой, были захвачены три судна. Пузатый галеас достался Суслику и его «Горю», торговая галера — «Змею» Манфрида Мерлина. Трюмы добычи были заполнены товарами, винами, шелками, пряностями, редкой древесиной и редчайшими благовониями, но сами суда стали ещё более ценным призом. Позже, в тот же день, «Семь Черепов» и «Бич Невольника» захватили рыбацкий кеч — маленький, медленный и грязный, вряд ли стоящий потраченных усилий. Виктарион разгневался, узнав, что потребовалось целых два корабля, чтобы пленить рыбаков. Но именно из их уст он услышал о возвращении чёрного дракона.

— Серебряная королева исчезла, — сообщил капитану владелец кеча. — Она улетела на своём драконе за Дотракийское море.

— Где это Дотракийское море? — требовательно спросил Виктарион. — Я поведу Железный Флот через него и найду королеву, где бы она ни была.

Рыбак громко рассмеялся:

— Вот это было бы зрелище. Дотракийское море состоит из травы, глупец.

Не стоило ему так говорить. Виктарион сдавил его горло сожжённой рукой и поднял в воздух. Он бил рыбака спиной о мачту, сдавливая его шею,

пока лицо юнкайца не стало таким же чёрным, как пальцы, терзавшие его плоть. Человек брыкался и корчился, безуспешно пытаясь вырваться из хватки капитана.

— Никто, назвав Виктариона Грейджоя глупцом, не выживет, чтобы похвастаться этим.

Когда капитан разжал пальцы, безвольное тело рыбака рухнуло на палубу. Длинноводный Пайк и Том Тайдвуд швырнули его через борт. Ещё одно подношение Утонувшему Богу.

— Твой Утонувший Бог — демон, — сказал после этого чёрный жрец Мокорро. — Он не более, чем прислужник Иного, тёмного бога, чьё имя запретно.

— Берегись, жрец, — предупредил Виктарион. — На борту этого корабля есть верующие люди, которые вырвут тебе язык за подобное богохульство. Твой красный бог получит то, что ему причитается, клянусь. Моё слово — железо. Спроси любого из моих парней.

Чёрный жрец склонил голову.

— В том нет нужды. Бог Света показал мне твою значимость, лорд капитан. Каждую ночь в моих огнях я вижу славу, что тебя ожидает.

Такие слова понравились Виктариону Грейджою, о чём он в ту же ночь поведал темнокожей

женщине.

— Мой брат Бейлон был великим человеком, — сказал он, — но я сделаю то, что оказалось ему не под силу. Железные Острова вновь станут свободными и Старый Обычай вернётся. Даже Дагон не мог достичь этого.

Прошло почти сто лет с тех пор, как Дагон Грейджой сидел на Морском Троне, но железнорождённые всё ещё рассказывали легенды о его набегах и битвах. Во времена Дагона на Железном Троне сидел слабый король, чьи слезящиеся глаза следили за узким морем, где бастарды и изгнанники замышляли восстание. И лорд Дагон вышел из Пайка, чтобы завоевать Закатное Море.

— Он бросил вызов льву в его логове и завязал узлами хвост лютоволка, но даже Дагон не смог победить драконов. Но я сделаю королеву драконов моей. Она разделит моё ложе и выносит мне много сильных сыновей.

Той ночью кораблей Железного Флота насчитывалось уже шестьдесят.

К северу от Яроса чужие паруса стали появляться всё чаще. Недалеко находился Юнкай, и берег между Жёлтым Городом и Миэрином кишел торговцами. Суда с товарами шныряли туда-сюда, поэтому Виктарион повёл Железный Флот в более

глубокие воды, вне пределов видимости земли. Но даже там они встречали другие корабли.

— Не дайте никому ускользнуть и предупредить наших врагов, — скомандовал железный капитан.

Не вырвался никто.

Тем утром, когда «Горе», «Девка-воительница» и «Железная Победа» самого Виктариона захватили галеру работорговцев из Юнкая в водах севернее Жёлтого Города, море было зелёным, а небо серым. В трюмах перевозились двадцать надушенных юношей и восемьдесят девушек, предназначенных для домов удовольствий Лиса. Команда галеры не ожидала опасности так близко от родных берегов, и железнорождённые без труда захватили судно. Его звали «Послушная Дева».

Виктарион предал работорговцев мечу, а потом послал своих людей вниз, снять оковы с гребцов.

— Теперь вы будете грести для меня. Гребите хорошо, и разбогатеете. — Девушек он поделил между капитанами. — Жители Лиса сделали бы из вас шлюх, — сказал он им, — но мы спасли вас. Теперь вам придётся обслуживать только одного мужчину, а не многих. Тех, кто угодит своим капитанам, они сделают морскими жёнами, а это

почётное положение.

Надушенных мальчиков он обмотал цепями и бросил в море. Они были неестественными созданиями, и корабль пах лучше, очищенный от их присутствия.

Для себя Виктарион потребовал семь отборных девиц. У одной были красно-золотые волосы и усыпанная веснушками грудь. Другая выбрила все волосы на своём теле. Третья — кареглазая, с каштановыми волосами, робкая, словно мышь. Четвёртая имела самые огромные сиськи, из всех, что он видел. Пятая была малюткой, с прямыми чёрными волосами, золотой кожей и глазами цвета янтаря. Шестая — белая, как молоко, с золотыми кольцами в сосках и нижних губах. Седьмая же чёрная, как чернила кальмара. Работорговцы Юнкая обучили их пути семи вздохов, но Виктариону было нужно не это. До того, как он прибудет в Миэрин и получит свою королеву, ему вполне хватало и темнокожей для удовлетворения своих аппетитов. Зачем человеку свечи, когда его ждёт солнце?

Галею он переименовал в «Вопль Работорговца». Вместе с ней железный флот насчитывал шестьдесят один корабль.

— Каждое захваченное судно делает нас силь-

нее, — заверил Виктарион своих железнорожденных, — но теперь сражения станут труднее. Завтра или послезавтра мы должны встретиться с военными кораблями. Мы входим в воды Миэрина, где нас поджидают вражеские флоты. Мы столкнёмся с кораблями из всех трёх Рабовладельческих Городов — из Толоса, Элирии и Нового Гиса, даже из Кварта. — Виктарион остерёгся упомянуть зелёные галеры из Старого Волантиса, которые, наверно, уже плыли через Залив Скорби. — Эти работорговцы — слабаки. Вы видели, как они бежали от нас, как визжали, когда мы предали их мечу. Каждый из вас стоит двадцати, ведь только мы сделаны из железа. Помните это, когда мы впервые заметим паруса работорговцев. Не давайте пощады и не ждите. Кому нужна пощада? Мы — железнорожденные, два бога оберегают нас. Мы захватим их корабли, сокрушим их надежды и окрасим их воды кровью!

Его речь была одобрена громким криком. Капитан ответил кивком, и, помрачнев, подозвал семерых девушек, самых прекрасных из найденных на борту «Послушной Девы». Он поцеловал каждую в щёки и рассказал об уготованной им чести, хотя те не понимали его слов. Затем девушек поместили на захваченный ранее рыбацкий

кеч, оттолкнули его от борта и подожгли.

— Этим даром невинности и красоты мы чествуем обоих богов, — провозгласил Виктарион, когда военные корабли Железного Флота проплывали мимо охваченного пламенем кеча. — Пусть эти девушки возродятся в свете, неосквернённые мирской похотью, или спустятся в водные залы Утонувшего Бога, чтобы пировать, танцевать и веселиться, пока не иссохнут моря.

Виктариону казалось, что прежде чем дымящийся кеч проглотила морская пучина, вопли красавиц превратились в счастливую песнь. Вскоре поднялся сильный ветер, который наполнил их паруса и помчал флот на север, на восток и снова на север, к Миэрину и его пирамидам из разноцветного кирпича.

«*Под пение ветра я лечу к тебе, Дейенерис*», — думал железный капитан.

Той ночью он впервые извлёк на свет драконий рог, найдённый Вороньим Глазом в дымящихся руинах великой Валирии: витой, шести футов длиной, сверкающе-чёрный, окаймлённый червонным золотом и тёмной валирийской сталью. «*Адский рог Эурона*». Виктарион провёл по нему рукой. Рог оказался тёплым и гладким, как бёдра темнокожей, и таким блестящим, что там, в

глубине капитан мог видеть своё искажённое отражение. На обвивающих рог обручах были вырезаны странные магические письмена.

— Валирийские руны, — назвал их Мокорро.

Это Виктарион знал и сам.

— Что они говорят?

— Много и многое. — Чёрный жрец указал на одну из золотых полосок. — Здесь имя этого рога. «*Я — Заклинатель Драконов*». Тебе когда-нибудь довелось услышать его?

— Однажды.

Один из полукровок его брата — чудовищный мужчина, огромный, с бритой головой, браслетами из золота, гагата и жадеита на мускулистых руках, с ястребом, вытатуированным на груди — протрубил в адский рог во время королевского веча на Старом Вике.

— Тот звук... обжигал. Мои кости словно горели в огне, опаляя плоть изнутри. Письмена раскалились докрасна, а затем добела, пока на них не стало больно смотреть. Казалось, этот рёв никогда не утихнет. Словно длинный вопль. Тысяча воплей в одном.

— А человек, трубивший в рог, что с ним?

— Он умер. Его губы покрылись волдырями, а птица истекла кровью. — Капитан ударил себя

в грудь. — Ястреб, вот здесь. Кровь капала с его перьев. Я слышал, что тот человек весь выгорел внутри, но может это просто байка.

— Правдивая байка. — Мокорро повернул рог, изучая странные знаки, вившиеся через вторую золотую полосу. — Здесь говорится: «Ни один смертный, протрубив в меня, не останется в живых».

Виктарион с горечью размышлял о вероломстве брата. «*Дары Эурона всегда отравлены*».

— Вороний Глаз клялся, что этот рог заставит драконов исполнять мою волю. Но какая польза от этого мертвецу?

— Твой брат сам не трубил в рог. И ты не должен, — Мокорро указал на полосу стали. — Вот. «Кровь за огонь, огонь за кровь». Не важно, кто дует в рог. Драконы придут к его хозяину. Ты должен заявить свои права, подкреплённые кровью.

Глава 64. Маленькая уродливая девочка

Одиннадцать служителей Многоликого — прежде она никогда не видела так много одновременно — собрались той ночью под храмом. Только молодой лорд и толстяк вошли через переднюю дверь, остальные пробрались тайными путями — через туннели и потайные ходы. Они носили обычные чёрно-белые балахоны, но, заняв своё место, каждый стянул капюшон и показал выбранное им на сегодня лицо. Подобно дверям храма наверху, высокие стулья были сделаны из чёрного дерева и чардрева. Спинки эбеновых украшали лики, вырезанные из чардрева, а спинки стульев из чардрев — лики из чёрного дерева.

На противоположной стороне зала стоял послушник с кувшином тёмно-красного вина. У неё же была вода. Когда один из служителей хотел пить, то поднимал глаза или сгибал палец, и кто-то из них или оба подходили и наполняли его чашу. Но большую часть времени они стояли в бесплодном ожидании какого-нибудь знака.

«*Я вырезана из камня*, — напомнила она себе. — *Я статуя, как Морские Владыки, что выстроились вдоль Канала Героев*».

Вода была тяжёлой, но руки девочки были сильными.

Жрецы говорили на браавосском, хотя однажды на несколько минут трое из них принялись жарко спорить на Высоком Валирийском. Слова девочка понимала, но беседовавшие говорили тихо, и разобрать что-то удавалось не всегда.

— Я знаю этого человека, — услышала она жреца с лицом чумного.

— Я знаю этого человека, — эхом отозвался толстяк, когда она наполняла ему чашу.

Но красавец сказал:

— Я доставлю дар этому человеку, я не знаком с ним.

Позже те же слова, но о ком-то другом, повторил косой.

После трёх часов разговоров и распития вина жрецы разошлись... все, кроме доброго человека, женщины-призрака и служителя со следами чумы на лице. Его щёки были покрыты мокнущими язвами, волосы выпали, в уголках глаз засохла сукровица, а из одной ноздри капала кровь.

— Наш брат желает говорить с тобой, дитя, —

сказал добрый человек. — Садись, если хочешь.

Девочка опустилась на стул из чардрева с лицом из чёрного дерева. Кровоточащие язвы её не пугали. Она слишком много времени провела в Чёрно-Белом Доме, чтобы бояться фальшивых лиц.

— Кто ты? — спросил чумнолицый, оставшись с ней наедине.

— Никто.

— Неправда. Ты — Арья из Дома Старк, кусающая губы и не умеющая лгать.

— Была. Но теперь — нет.

— Зачем ты здесь, лгунья?

— Чтобы служить. Учиться. Менять своё лицо.

— Сперва измени своё сердце. Дар Многоликого — не детская забава. Ты стала бы убивать ради личных целей, для своего удовольствия. Будешь отрицать?

Она закусила губу:

— Я...

Он отвесил ей пощёчину.

От удара жгло щёку, но девочка знала, что заслужила это.

— Спасибо. — Ещё несколько пощёчин, и она, возможно, научится не кусать губы. Так делала Арья, не ночная волчица. — Я отрицаю это.

— Лжёшь. Я вижу правду в твоих глазах. Глаза у тебя волчьи, и ты жаждешь крови.

«*Сир Грегор*, — не могла не подумать она. — *Дансен, Рафф-Красавчик, сир Илин, сир Меррин, королева Серсея*». Заговори она, и пришлось бы врать, а он бы заметил. Девочка промолчала.

— Говорят, ты была кошкой. Бродила по улицам, пахнущим рыбой, продавала моллюсков и мидии за гроши. Ничтожная жизнь, подходящая для такого ничтожного создания, как ты. Попроси, и она вернётся. Толкай тележку, расхваливай своих моллюсков, будь довольна. У тебя слишком мягкое сердце, чтобы стать одной из нас.

«*Он хочет отослать меня*».

— У меня нет сердца. Лишь дыра. Я убила много людей. Я могла бы убить тебя, если бы захотела.

— Это было бы тебе приятно?

Она не знала правильного ответа.

— Возможно.

— Тогда тебе здесь не место. В этом доме не упиваются смертью. Мы не воины, не солдаты, не самодовольные бретёры, раздувшиеся от гордости. Мы убиваем не для того, чтобы услужить какому-нибудь лорду, набить кошелёк, потешить наше тщеславие. Мы никогда не приносим дар ради собственного удовлетворения. Мы не выби-

раем, кого убивать. Мы лишь слуги Многоликого Бога.

— Валар дохаэрис. — «*Все люди должны служить*».

— Слова ты знаешь, но для служения слишком горда. Слуга должен быть скромен и послушен.

— Я слушаюсь. Я могу быть скромнее всех.

Это заставило его рассмеяться:

— Уверен, ты станешь самой богиней скромности. Но можешь ли ты заплатить цену?

— Какую цену?

— Цена — это ты. Всё, что у тебя есть, всё, чего бы ты хотела. Мы забрали твои глаза и вернули. В следующий раз заберём твои уши, и ты будешь ходить в тишине. Ты отдашь нам свои ноги и станешь ползать. Ты перестанешь быть дочерью, не станешь ни женой, ни матерью. Твоё имя станет ложью, и даже лицо будет чужим.

Она едва опять не прикусила губу, но на этот раз спохватилась. «*Моё лицо — тёмный пруд, скрывающий всё, не показывающий ничего*». Она подумала обо всех именах, которые носила: Арри, Ласка, Голубёнок, Кошка Каналов. Она подумала о той глупой девочке из Винтерфелла, которую звали Арья-Лошадка. Имена ничего не значили.

— Я могу заплатить цену. Дайте мне лицо.

— Лица нужно заслужить.

— Скажите как.

— Дать определённому человеку определённый дар. Можешь сделать это?

— Какому человеку?

— Ты его не знаешь.

— Я многих не знаю.

— Он один из них. Незнакомец. Не из тех, кого ты любишь, кого ненавидишь, с кем знакома. Убьёшь его?

— Да.

— Тогда к утру ты снова станешь Кошкой Каналов. Носи её лицо, наблюдай, слушайся. А мы посмотрим, действительно ли ты достойна служить Многоликому.

Так на следующий день она вернулась к Бруско и его дочерям в дом на канале. Увидев её, Бруско широко распахнул глаза, а Брея онемела от удивления.

— Валар моргулис, — поздоровалась Кошка.

— Валар дохаэрис, — отозвался Бруско.

И после этого всё пошло так, будто она никогда и не уходила.

Впервые она увидела человека, которого ей предстояло убить, позже тем же утром, когда катила свою тележку по мощёным улицам перед

Пурпурной Гаванью. Мужчина был немолод, сильно за пятьдесят.

«*Он жил слишком долго,* — попыталась убедить себя девочка. — *Почему ему должно достаться так много лет, а моему отцу — так мало*?»

Но у Кошки Каналов не было отца, и она оставила эту мысль при себе.

— Моллюски и мидии! — выкрикнула Кошка, когда он проходил мимо. — Устрицы и креветки! Жирные зелёные мидии!

Она даже улыбнулась ему. Порой этого было достаточно, чтобы люди остановились и купили товар. Старик не улыбнулся в ответ, а лишь сердито зыркнул на неё и прошёл мимо, хлюпая по луже. Брызги замочили ей ноги.

«*Невежа,* — подумала она, глядя ему вслед. — *А лицо суровое и злое*».

Нос у старика был узким и острым, губы — тонкими, глаза — маленькими и близко посаженными. Волосы поседели, но бородка клинышком всё ещё оставалась чёрной. Кошка подумала, что борода подкрашена, и удивилась, почему бы не выкрасить заодно и волосы? Одно плечо у него было выше другого, отчего фигура выглядела перекошенной.

— Он дурной человек, — объявила она тем ве-

чером, вернувшись в Чёрно-Белый Дом. — Губы у него жестокие, глаза злые, а бородка негодяйская.

Добрый человек усмехнулся:

— Как и во всех людях, в нём есть и свет, и тьма. Не тебе его судить.

Это привело её в замешательство:

— Его осудили боги?

— Кое-кто из богов, возможно. Для чего они нужны, если не для того, чтобы судить людей? Но Многоликий Бог не оценивает души. Он преподносит свой дар и лучшим из людей, и худшим. Иначе хорошие жили бы вечно.

Руки старика — худшее, что в нём есть, решила Кошка на следующий день, наблюдая за ним из-за тележки. Длинные и костлявые пальцы постоянно двигались: почёсывали бороду, дёргали за ухо, барабанили по столу, и дёргались, дёргались, дёргались. «*Его руки похожи на два белых паука*». Чем больше она смотрела на них, тем больше ненавидела.

— Он слишком много двигает руками, — рассказывала она в храме. — Должно быть, полон страха. Дар принесёт ему покой.

— Дар всем людям приносит покой.

— Когда я убью его, он посмотрит мне в глаза и

поблагодарит.

— Если он это сделает, значит, ты провалилась. Лучше всего, если он вовсе тебя не заметит.

Старик был кем-то вроде торговца, заключила Кошка после нескольких дней слежки. Его дело наверняка касалось моря, хотя она никогда не видела, чтобы тот ступал на палубу корабля. Он проводил дни, сидя в супной лавке возле Пурпурной Гавани с остывающей у его локтя миской луковой похлёбки. Старик перекладывал бумаги, ставил печати, резким тоном разговаривал с множеством капитанов, судовладельцев и других торговцев, никто из которых, казалось, его не любил.

Но всё же они несли ему деньги: кожаные кошельки, набитые золотом, серебром и квадратными железными монетами Браавоса. Старик тщательно пересчитывал деньги, сортировал и аккуратно складывал одинаковые в стопки. Он никогда не смотрел на монеты. Вместо этого старик прикусывал их, всегда левой стороной рта, где ещё сохранились зубы. Время от времени он крутил монетку по столу и прислушивался к звуку, с которым она останавливалась.

А когда все монеты были пересчитаны и опробованы на зуб, старик корябал что-то на пергаменте,

ставил на него свою печать и отдавал капитану. В других случаях он качал головой и отпихивал монеты обратно. Когда он так поступал, собеседник краснел и сердился или бледнел и пугался.

Кошка не понимала.

— Они платят ему золотом и серебром, а взамен получают писанину. Они глупы?

— Некоторые, возможно. Но большинство из них просто осторожны. Кое-кто рассчитывает обмануть его, но он не из тех, кого легко провести.

— Но что он им *продаёт*?

— Он даёт каждому расписку. Если их корабли сгинут во время бури или будут захвачены пиратами, он обещает выплатить стоимость судна и его груза.

— Так это своего рода пари?

— Можно и так сказать. Пари, которое каждый капитан надеется проиграть.

— Да, но если они выигрывают...

— ... они теряют свои корабли, а часто — и жизни. Море опасно, а осенью — как никогда. Без сомнений, многие утонувшие в бурю капитаны нашли некоторое утешение в этих расписках, зная, что их вдовы и дети, оставшиеся в Браавосе, не будут нуждаться. — Грустная улыбка тронула его губы. — Одно дело — подписать такую бумагу,

и другое — соблюсти договор.

Кошка поняла. «*Один из них, должно быть, ненавидит его. Один из них пришёл в Чёрно-Белый Дом и молился, чтобы бог забрал старика*». Она спросила, кто это был, но добрый человек не сказал ей.

— Тебе не стоит совать нос в такие дела, — ответил он. — Кто ты?

— Никто.

— Никто не задаёт вопросов. — Он взял её за руки. — Если ты не можешь сделать этого, только скажи. В этом нет ничего зазорного. Одни рождены служить Многоликому, а другие — нет. Скажи только слово, и я избавлю тебя от этого задания.

— Я сделаю это. Я сказала, что могу. Я сделаю.

Но *как*? Это было сложнее.

Старика охраняли двое — худой и высокий как жердь и низкий толстяк. Они ходили с ним повсюду с того момента, как тот покидал свой дом утром и до тех пор, пока не возвращался вечером. Они следили, чтобы никто не подходил близко к старику без его позволения. Однажды по пути домой из супной лавки на него едва не налетел какой-то пьянчуга, но высокий встал между ними и резким толчком опрокинул забулдыгу на землю. В супной лавке низкий всегда первым

пробовал луковую похлёбку. Прежде чем отпить свой глоток, старик достаточно долго выжидал, пока варево остынет, и чтобы убедиться, что с его охранником всё в порядке.

— Он боится, — поняла девочка, — или даже знает, что кто-то хочет его убить.

— Он не знает, — поправил добрый человек, — но подозревает.

— Стражи сопровождают его даже в уборную, — сказала она, — но он туда с ними не ходит. Высокий парень проворнее. Я подожду, пока он пойдёт отлить, зайду в суповую лавку и заколю старика в глаз.

— А второй страж?

— Медлительный и глупый. Я могу убить и его.

— Ты что, мясник на поле брани, рубящий каждого вставшего у него на пути?

— Нет.

— Надеюсь. Ты слуга Многоликого, а мы, что служим ему, даём его дар только тем, кто был выбран и отмечен.

Она поняла. «*Убить его. Убить только его*».

Ей понадобилось ещё три дня, прежде чем она нашла подход, и ещё день тренировок с ножичком-когтем. Рыжий Рогго научил девочку пользоваться им, но она не срезала ни одного

кошелька с тех пор, как у неё забрали глаза. Она хотела убедиться, что не потеряла навык. «*Ловко и быстро, вот так, без возни*», — говорила себе девочка, снова и снова извлекая крохотный клинок из рукава. Когда девочка осталась довольна своими навыками, она стала точить нож об оселок до тех пор, пока лезвие не заблестело серебряно-голубым в свете свечей. Другая часть подготовки была посложнее, но ей помогла женщина-призрак.

— Я доставлю дар завтра, — объявила девочка за завтраком.

— Многоликий будет доволен. — Добрый человек встал. — Кошка Каналов известна многим. Если её заметят за этим делом, у Бруско и его дочерей будут проблемы. Пришло время получить другое лицо.

Девочка не улыбнулась, но в душе порадовалась. Она уже потеряла Кошку однажды и горевала по ней. Не хотелось бы потерять её снова.

— Как я буду выглядеть?

— Уродливо. Завидев тебя, женщины будут отводить взгляд. Дети станут глазеть и показывать пальцами. Сильные мужчины пожалеют тебя, а кое-кто и уронит слезу. Тот, кто тебя увидит,

забудет нескоро.

Добрый человек снял с крюка железный фонарь и повёл её мимо спокойного чёрного бассейна и безмолвных богов к ступеням в дальней части храма. Женщина-призрак следовала за ними по пути вниз. Никто не разговаривал. Единственным звуком было мягкое шуршание туфель по ступенькам. Восемнадцать ступеней привели к хранилищам, где в стороны, как растопыренные пальцы, расходились пять арочных проходов. Внизу ступени становились уже и круче, но девочка тысячу раз бегала по ним вверх-вниз и ничуть не боялась спуска. Ещё двадцать две ступени, и они оказались в подземелье. Туннели здесь сжимались и изгибались, чёрными червоточинами проходя сквозь сердце огромной скалы. Один проход был закрыт тяжёлой железной дверью. Жрец повесил фонарь на крюк, просунул руку за пазуху и достал богато украшенный ключ.

Руки девочки покрылись мурашками. «*Святилище*». Они собирались спуститься ещё ниже, на третий уровень, к потайным комнатам, куда допускались лишь жрецы.

Ключ щёлкнул три раза, очень тихо, когда добрый человек поворачивал его в замке. Висевшая на хорошо смазанных железных петлях дверь

беззвучно распахнулась. За ней обнаружились очередные вырубленные в камне ступени. Жрец снова снял фонарь и продолжил указывать путь. Девочка следовала за светом, считая на ходу. «*Четыре, пять, шесть, семь*». Она обнаружила, что жалеет о своей палке. «*Десять, одиннадцать, двенадцать*». Девочка знала, сколько ступеней разделяли храм и подвал, подвал и подземелье, и даже сосчитала ступеньки узкой витой лестницы, ведущей на чердак, и планки крутой деревянной стремянки, которая поднималась к двери на крышу, и открытой всем ветрам площадке снаружи.

Но эта лестница была ей незнакома, и оттого опасна. «*Двадцать один, двадцать два, двадцать три*». С каждой ступенькой воздух, казалось, становился чуть холоднее. Досчитав до тридцати, девочка осознала, что они опустились даже ниже уровня каналов. «*Тридцать три, тридцать четыре*». Как глубоко они собираются забраться?

Она досчитала до пятидесяти четырёх, когда ступени, наконец, закончились около ещё одной железной двери, но на этот раз незапертой. Добрый человек распахнул её и прошёл вперёд. Девочка последовала за ним, женщина-призрак шагала по пятам. В темноте раздавалось эхо шагов. Добрый человек поднял фонарь и широко

открыл заслонки. Свет озарил окружающие их стены.

На неё смотрела тысяча лиц.

Они висели на стенах спереди и сзади, высоко и низко, всюду, куда бы она ни взглянула, куда бы ни повернулась. Она видела старые лица и молодые, бледные и смуглые, гладкие и морщинистые, веснушчатые и испещрённые шрамами, хорошенькие и невзрачные, лица мужчин и женщин, мальчиков, девочек и даже младенцев, улыбающиеся лица и хмурые, лица полные алчности, ярости и похоти, безволосые лица и покрытые щетиной. «*Маски*, — сказала она себе, — *это всего лишь маски*». Но лишь успев об этом подумать, она уже знала, что не права. Это настоящая кожа.

— Они пугают тебя, дитя? — спросил добрый человек. — Ещё не поздно нас покинуть. Ты действительно этого хочешь?

Арья закусила губу. Она не знала, чего хочет. «*Уйди я, куда мне податься*?» Она омыла и раздела сотни трупов, мертвецы не пугали её. «*Они приносят тела сюда, вниз, и срезают их лица, ну и что*?» Она ночная волчица, её не напугать клочками кожи. «*Шкурки, всего-то навсего, они не могут мне навредить*».

— Давай же! — выпалила она.

Он провёл девочку через комнату, мимо ряда боковых ответвлений. Свет фонаря поочерёдно озарил каждый из них. Стены одного из проходов были сложены из человеческих костей, а свод поддерживали колонны черепов. Другой — вёл к винтовой лестнице, которая спускалась ещё ниже. «*Сколько же тут подвалов*? — задумалась она. — *Бесконечные они, что ли*?»

— Сядь, — велел жрец.

Девочка села.

— Теперь закрой глаза, дитя. — Она закрыла глаза. — Будет больно, — предупредил он, — но боль — цена силы. Не двигайся.

«*Спокойная, как камень*», подумала девочка, замерев. Острое лезвие резало быстро. Вообще-то металл должен был быть холодным на ощупь, но вместо этого показался тёплым. Она чувствовала, как по лицу течёт кровь, струящийся красный занавес ниспадает ей на брови, щёки и подбородок. Теперь она поняла, почему жрец заставил её закрыть глаза. Когда кровь достигла губ, вкус оказался солёно-медным. Девочка лизнула и вздрогнула.

— Принеси мне лицо, — произнёс добрый человек.

Женщина-призрак не ответила, но было слышно, как шуршат по каменному полу её туфли.

— Выпей это, — сказал добрый человек девочке и всунул ей в руку кубок.

Она залпом осушила его. Питьё оказалось очень кислым, будто вгрызаешься в лимон. Тысячу лет назад она знала девочку, которой нравились пирожки с лимоном. «*Нет, это была не я, а всего лишь Арья*».

— Скоморохи меняют личины с помощью лицедейских уловок, — проговорил добрый человек, — а волшебники используют чары. Сплетают свет, тень и желание, чтобы создать обманывающую глаза иллюзию. Ты научишься и этим искусствам, но наша работа основательнее. Мудрец уловку разоблачит, чары под взглядом зорких глаз тают, но лицо, которое ты наденешь, ни в чём не уступит твоему родному. Не открывай глаза. — Она почувствовала, как пальцы зачёсывают назад её волосы. — Не шевелись. Ты почувствуешь себя странно. Может закружиться голова, но двигаться тебе нельзя.

Затем с тихим шорохом поверх старого лица натянули новое. Сухая и жёсткая кожа царапнула по лбу, но пропитавшись кровью, стала мягкой и податливой. Щёки девочки потепле-

ли и раскраснелись. Она почувствовала, как в груди заколотилось сердце, и не сразу смогла восстановить дыхание. На горле сомкнулись пальцы, твёрдые, как камень, удушающие. Её руки вскинулись, чтобы схватить противника, но там никого не было. Она преисполнилась ужаса и услышала звук, отвратительный хруст, сопровождаемый ослепляющей болью. Перед ней плавало лицо — толстое, бородатое, жестокое, с перекошенным от ярости ртом. Она услышала, как жрец сказал:

— Дыши, дитя. Выдохни страх. Стряхни тени. Он мёртв. Она мертва. Её боль ушла. *Дыши*.

Девочка глубоко, судорожно вдохнула и поняла, что это — правда. Никто её не душил, никто не бил. Но всё равно поднятая к лицу рука дрожала. Хлопья засохшей крови, чёрной в свете фонаря, рассыпались под прикосновением её пальцев. Она ощупала свои щёки, потрогала веки, прошлась пальцами по подбородку.

— Моё лицо осталось прежним.

— Правда? Ты уверена?

Уверена ли она? Перемен не ощущалось, но ощутимы ли они вообще? Она провела рукой по лицу сверху вниз, как когда-то Якен Хгар в Харренхолле. У него тогда лицо пошло рябью и

изменилось. У неё не получилось ничего.

— На ощупь такое же.

— Для тебя, — ответил жрец. — Выглядит оно иначе.

— Для чужих глаз твой нос и челюсть сломаны, — произнесла женщина-призрак. — Одна сторона твоего лица вдавлена там, где проломлена скула, и половины зубов у тебя нет.

Девочка пощупала во рту языком, но не нашла дырок или сломанных зубов. «*Колдовство*, — подумала она. — *У меня новое лицо. Уродливое, разбитое лицо*».

— Некоторое время тебе могут сниться кошмары, — предупредил добрый человек. — Отец бил её так часто и так жестоко, что она никогда не расставалась с болью и страхом, пока не пришла к нам.

— Вы убили его?

— Она просила дар для себя, не для отца.

«*Вам следовало убить его*».

Наверное, он прочёл её мысли.

— В конце концов, смерть пришла к нему, как приходит ко всем людям. Как должна прийти к одному человеку завтра. — Он поднял фонарь. — Мы здесь закончили.

Пока. Когда они шли назад к лестнице, казалось,

за ней следят пустые глазницы лиц на стенах. На мгновение она почти увидела, как шевелятся их губы, нашёптывая тёмные и сладкие тайны друг другу так тихо, что невозможно расслышать.

Той ночью сон к ней не шёл. Запутавшись в одеялах, девочка металась на постели в холодной тёмной комнате, но куда бы она ни повернулась, всюду были лица. «*У них нет глаз, но они смотрят на меня*». Она видела лицо своего отца на стене. Рядом с ним висело лицо её леди-матери, под ними — три брата в ряд. *«Нет. Это была какая-то другая девочка. Я — никто, и мои единственные братья носят чёрно-белые одеяния*». Но всё же там были чёрный певец, мальчик-конюший, которого она убила Иглой, прыщавый оруженосец из таверны на перекрёстке и, наконец, стражник, чьё горло она перерезала, спасая северян в Харренхолле. Щекотун тоже висел на стене. Чёрные дыры, заменявшие ему глаза, сочились злобой. Его вид напомнил ей то чувство, с которым она вонзала кинжал ему в спину — и снова, и снова, и снова.

Наконец, в Браавос пришёл день, серый, тёмный и облачный. Девочка надеялась на туман, но боги не прислушались к её мольбам, как оно всегда и бывает. Воздух был чист и холоден, впри-

дачу дул пронизывающий ветер. «*Хороший денёк для смерти*», — подумала девочка. Непрошеная молитва слетела с её губ. «*Сир Грегор, Дансен, Рафф-Красавчик, сир Илин, сир Мерин, королева Серсея*». Она произнесла имена шёпотом. В Чёрно-Белом Доме никогда не знаешь, кто может подслушивать.

В подвалах было полно старой одежды, оставшейся от тех, кто пришёл в Чёрно-Белый Дом испить покой из храмового бассейна. Здесь можно найти всё, что угодно: от нищенских лохмотьев до шёлка и бархата богачей. «*Безобразная девочка и одеваться должна безобразно*», — решила она и выбрала грязный коричневый плащ с обтрепавшимся подолом, зелёную заплесневелую тунику, пахнущую рыбой, и пару тяжёлых ботинок. В последнюю очередь она спрятала в ладони свой маленький нож.

В спешке не было нужды, и девочка решила пройти к Пурпурной Гавани длинным кружным путём. Она перешла по мосту на Остров Богов. Кошка Каналов продавала здесь моллюсков и мидии среди храмов, когда у Талеи, дочери Бруско, шла лунная кровь, вынуждавшая её остаться в постели. Девочка почти ожидала увидеть сегодня Талею за торговлей, возможно, у входа в Запо-

ведник, где у каждого забытого божка имелся покинутый маленький алтарь, но это было наивно. День слишком холодный, и Талее никогда не нравилось вставать в такую рань. Когда уродливая девочка прошла мимо, статуя снаружи святилища Плачущей Госпожи Лисса рыдала серебряными слезами. В садах Геленеи стояло позолоченное дерево в сотню футов высотой и с листьями чеканного серебра. Свет факелов мерцал за окнами свинцового стекла в деревянном чертоге Владыки Гармонии, выставляя во всей красе бабочек полусотни разновидностей.

Девочка вспомнила, как однажды во время прогулки Морячка рассказывала истории о чужих этому городу богах.

— Это дом Великого Пастуха. А та твердыня с тремя башенками принадлежит Трёхглавому Триосу. Первая голова пожирает умирающих, а из третьей появляются возрождённые. Не знаю, для чего предназначена средняя. Тут — Камни Безмолвного Бога, а там — вход в лабиринт Создателя Узоров. По словам жрецов Узора, только те, что научились его проходить, могут найти путь к мудрости. За ним, у канала — Храм Аквана Красного Быка. Каждый тринадцатый день его служители перерезают горло белоснежного те-

лёнка и предлагают нищим чаши крови.

Видимо, сегодня был не тринадцатый день, лестница Красного Быка пустовала. Боги-братья Семош и Селлосо спали в храмах-близнецах на разных сторонах Чёрного Канала, соединённых резным каменным мостом. Девочка перешла на ту сторону и спустилась к докам, потом прошла через Порт Старьёвщика и мимо полузатопленных шпилей и куполов Утонувшего Города.

Когда девочка проходила мимо «Счастливого Порта», оттуда, пошатываясь, вышли несколько лиссенийских моряков, но шлюх она не увидела. Корабль был закрыт и покинут, труппа актёров, без сомнения, ещё спала. Но впереди на причале, у иббенийского китобоя девочка заметила старого приятеля Кошки, Тагганаро. Он перебрасывался мячом с Кассо, Королём Тюленей, пока его новый карманник обрабатывал толпу зевак. Когда девочка на миг остановилась посмотреть и послушать, Тагганаро взглянул на неё равнодушно, но Кассо тявкнул и хлопнул плавниками. «*Он узнал меня, или почуял рыбу*» — подумала девочка и поспешила уйти.

К тому времени, как она достигла Пурпурной Гавани, старик уже устроился в супной лавке за своим привычным столом. Пересчитывая

монеты в кошельке, он торговался с капитаном корабля. Высокий худой телохранитель стоял у него за спиной. Низкорослый толстяк сидел у двери, откуда мог хорошо разглядеть каждого входящего. Это не имело значения. Она не собиралась входить. Вместо этого она взгромоздилась на верхушку деревянной сваи в двадцати ярдах от лавки. Порывы ветра дёргали её за одежду призрачными пальцами.

Даже в такой промозглый серый день порт был людным местом. Она видела моряков, рыскающих в поисках шлюх, и шлюх, ищущих моряков. Мимо прошла парочка пьяно шатавшихся и опиравшихся друг на друга бретёров в потрёпанных роскошных нарядах и с громыхающими на бёдрах клинками. Пронёсся красный жрец, его багрово-алые одеяния хлопали на ветру.

Был почти полдень, когда она заметила нужного человека, богатого судовладельца, который, по её наблюдениям, уже трижды приходил к старику. Высокий, лысый и дородный, он носил тяжёлый коричневый бархатный плащ, подбитый мехом, и кожаный пояс ему в тон, украшенный серебряными лунами и звёздами. Одна нога судовладельца плохо сгибалась после какого-то несчастья, и поэтому он ходил медлен-

но, опираясь на трость.

Уродливая девочка рассудила, что он подходит не хуже любого другого и будет получше многих. Девочка спрыгнула со столба и направилась за мужчиной. Дюжина размашистых шагов — и она прямо за ним с ножом-когтем наготове. Кошелёк судовладельца висел на правом боку, на поясе, но девочке мешал плащ. Её клинок взметнулся, острый и стремительный, один взмах, рассёкший бархат — и мужчина ничего не почувствовал. Рыжий Рогго улыбнулся бы, увидев это. Её рука скользнула в прореху, разрезала кошелёк, наполнилась золотом...

Верзила обернулся:

— Что...

Её кисть запуталась в полах плаща, когда девочка вытаскивала руку. Монеты дождём посыпались под ноги.

— Воровка!

Верзила замахнулся на неё тростью. Она подсекла его больную ногу, отпрыгнула и, когда тот упал, стрелой помчалась прочь, обогнав мать с ребёнком. Монеты падали, проскальзывая у неё меж пальцев, скакали по земле. За спиной раздавались крики «*Держи вора*!» Проходивший мимо трактирщик с огромным, как котёл, брюхом

неуклюже попытался схватить её за руку, но она обежала вокруг него, метнулась мимо хохочущей шлюхи и очертя голову кинулась к ближайшему переулку.

Кошка Каналов знала эти переулки, и уродливая девочка их помнила. Она бросилась налево, перепрыгнула низкую стену, перемахнула через маленький канал и пробралась в незапертую дверь какого-то пыльного сарая. Все звуки погони к тому времени стихли, но лучше убедиться. Девочка укрылась за ящиками и стала ждать, обхватив колени руками. Она просидела так почти час, потом решила, что уже можно идти, взобралась прямо по стене здания и по крышам прошла почти до Канала Героев. К этому времени судовладелец наверняка уже подобрал монеты и палку, и поковылял в супную лавку. Он мог уже пить горячую похлёбку и жаловаться старику на уродливую девочку, которая пыталась стащить его кошелёк.

Добрый человек ждал её в Чёрно-Белом Доме, сидя на краю храмового бассейна. Уродливая девочка опустилась рядом с ним и положила монету на бортик бассейна, между ними. Она была золотая с драконом на одной стороне и королём на другой.

— Золотой вестеросский дракон, — сказал добрый человек. — И как ты до этого докатилась? Мы — не воры.

— Это не было воровством. Я взяла его монету, но оставила нашу.

Добрый человек понял.

— А этой монетой и другими из своего кошелька он заплатил одному человеку. Вскоре после этого сердце человека остановилось. Так? Весьма прискорбно. — Жрец поднял монету и бросил в пруд. — Тебе многому нужно научиться, но, может быть, ты не безнадёжна.

Той же ночью ей вернули лицо Арьи Старк.

Ей также принесли балахон, мягкий плотный балахон послушника, чёрный с одной стороны и белый — с другой.

— Носи его, когда ты здесь, — сказал жрец, — но знай, что в ближайшее время он нечасто тебе понадобится. Завтра ты отправишься к Изембаро, чтобы приступить к своему начальному обучению. Возьми из подвалов любую одежду, которую пожелаешь. Городская стража ищет одну уродливую девочку, которая часто посещала Пурпурную Гавань, поэтому будет лучше, если ты получишь и новое лицо. — Он взял её за подбородок, повернул её голову туда-сюда и кивнул. — Думаю, на

этот раз хорошенькое. Такое же красивое, как и твоё собственное. Кто ты, дитя?

— Никто, — ответила она.

Глава 65. Серсея

В последнюю ночь заключения королеве не спалось. Стоило закрыть глаза, как воображение рисовало картины того, что ожидало её завтра.

«*У меня будет охрана*, — успокаивала она себя. — *Они не подпустят ко мне толпу. Никому не позволят ко мне притронуться*». По крайней мере, это его воробейство ей обещал.

Но всё равно было страшно. В день отплытия Мирцеллы в Дорн, в дни голодных мятежей, золотые плащи стояли вдоль всего пути следования процессии, однако это не помешало толпе прорвать их ряды, разорвать в клочья старого жирного верховного септона и раз пятьдесят изнасиловать Лоллис Стокворт. Если даже это невзрачное, безмозглое, да ещё и полностью одетое существо вызвало похоть у этих животных, то как же они возжелают королеву?

Серсея металась по камере, как львица в клетке. Совсем как те львы — наследие времён её деда — что жили в глубинах Кастерли Рок, когда она была ребёнком. Серсея с Джейме подначивали друг друга залезть к ним в клетку. Однажды

она даже осмелилась просунуть руку между прутьями и коснуться одного огромного рыжевато-бурого зверя. Серсея всегда была смелее брата. Лев повернул голову и посмотрел на неё большущими золотыми глазами. А потом лизнул ей пальцы. Язык у него был шершавым как щётка, но она всё равно не убирала руку, пока Джейме, схватив её за плечи, не оттащил от клетки.

— Твой черёд, — заявила она ему после. — Дёрни его за гриву, если не слабо.

«*Он так и не дёрнул. Это я должна была родиться мужчиной, а не он*».

Босая и дрожащая от холода, она мерила шагами камеру, завернувшись в тонкое одеяло. Скорее бы утро. К вечеру всё закончится. «*Небольшая прогулка — и я дома, с Томменом, в моих покоях в крепости Мейегора*». Дядя сказал, что другого пути к спасению нет. Но так ли это? Она доверяла дяде не больше, чем этому верховному септону. «*Я всё ещё вправе отказаться. Можно настаивать на своей невиновности и поставить всё на суд*».

Но нельзя позволить Вере судить себя, как собиралась сделать Маргери Тирелл. Может розочке это и сослужит хорошую службу, но у Серсеи мало друзей среди септ и воробьёв из окружения нового верховного септона. Вся её надежда — на

суд поединком, а для этого ей позарез нужен защитник.

«*Если бы только Джейме не потерял руку…*»

Но что толку думать об этом? У Джейме больше нет правой руки, да и сам он пропал, исчез где-то в речных землях вместе с этой бабой, Бриенной. Королеве нужно найти другого защитника, иначе по сравнению со всем остальным сегодняшнее испытание покажется ей цветочками. Враги обвиняют её в измене. Надо добраться до Томмена во что бы то ни стало. «*Он любит меня. Он не откажет родной матери. Джофф был упрямым и непредсказуемым, но Томмен — милый малыш, хороший маленький король. Он сделает так, как ему скажут*». Оставшись взаперти, она погибнет, а единственный путь попасть в Красный Замок — согласиться на шествие. Верховный септон был непоколебим, а сир Киван сказал, что и пальцем его не тронет.

— Сегодня со мной ничего не случится, — произнесла вслух Серсея, когда первые лучи солнца коснулись её окна. — Пострадает лишь моя гордость.

Пустые слова.

«*Может, Джейме ещё приедет*». Она представила, как тот скачет в утреннем тумане в

сверкающих в лучах восходящего солнца доспехах. «*Джейме, если ты когда-нибудь любил меня…*»

Утром за ней явились тюремщицы. Процессию возглавляли септы Юнелла, Моэлла и Сколерия. За ними следовали четыре послушницы и две одетые в серые одежды молчаливые сестры, неожиданное появление которых напугало королеву. «*Зачем они здесь? Я умру*?» Молчаливые сёстры приходили к умершим.

— Верховный септон обещал, что мне не причинят вреда.

— Так и будет.

Септа Юнелла поманила послушниц. Они принесли щелочное мыло, таз тёплой воды, ножницы и длинную бритву. При виде стали кожа Серсеи покрылась мурашками. «*Они хотят меня обрить. Венец моих унижений, как будто всего остального мало*». Но её мольбы им не дождаться. «*Я Серсея из Дома Ланнистеров, львица Утёса, полноправная королева Семи Королевств, законная дочь Тайвина Ланнистера. А волосы отрастут*».

— Приступайте, — сказала она.

Старшая из молчаливых сестёр взяла ножницы. Наверняка, ей это не в новинку: члены их ордена

часто приводили в порядок тела убитой знати, прежде чем вернуть останки близким. В том числе они подравнивали бороды и стригли волосы. Первым делом женщина обкорнала королеву. Серсея сидела, не шелохнувшись, под мерное чиканье ножниц, неподвижная, как каменное изваяние. Волосы золотым потоком струились на пол. У неё не было возможности нормально ухаживать за ними в камере, но даже спутанные и грязные они сияли на солнце. «*Моя корона*, — подумалось королеве. — *Они уже забрали у меня другую корону, а теперь крадут и эту*». Когда локоны и кудри ворохом легли у ног Серсеи, одна из послушниц намылила ей голову, а молчаливая сестра сбрила остатки волос.

Серсея надеялась, что это всё. Но нет.

— Снимите одежду, ваше величество, — скомандовала септа Юнелла.

— Здесь? — спросила королева. — Зачем?

— Мы должны остричь вас полностью.

«*Остричь*, — подумала она, — *как овцу*». Серсея рывком стянула рубашку через голову и швырнула на пол.

— Делайте, что требуется.

Всё повторилось: мыло, тёплая вода и бритва. Они начали с подмышек, потом — ноги, и в самом

конце — покрытый тонким золотистым пушком лобок. Пока молчаливая сестра, примостившись на четвереньках, брила королеву между ног, Серсея вспоминала, как Джейме много раз стоял на коленях в той же самой позе и целовал внутреннюю поверхность её бёдер, и как это её возбуждало. Его поцелуи всегда были горячи, бритва же — холодна, как лёд.

Когда всё закончилось, на свете не осталось женщины более нагой и беззащитной. «*Ни волоска не оставили: вдруг укроюсь за ним*?» У неё вырвался горький смешок.

— Вашему величеству весело? — спросила септа Сколерия.

— Нет, септа, — ответила Серсея.

«*Но придёт день, когда тебе вырвут язык раскалёнными щипцами — вот тогда я от души повеселюсь*».

Одна из послушниц принесла ей рясу — мягкое белое одеяние септ, чтобы уберечь взоры верующих от вида обнажённой плоти, пока Серсея будет спускаться по лестнице и идти по храму. «*Спасите нас Семеро, какие лицемеры*!»

— Мне дадут сандалии? — спросила она. — На улицах грязно.

— Не грязнее ваших грехов, — сказала септа

Моэлла. — По приказу его святейшества вы должны предстать в том виде, в каком вас создали боги. На вас были сандалии, когда вы появились из чрева матери?

— Нет, септа, — пришлось ответить Серсее.

— Вот и ответ на ваш вопрос.

Зазвонил колокол. Долгое заточение королевы подходило к концу. В одеянии септы было уютно и тепло, и Серсея плотнее закуталась в мягкую ткань.

— Пойдёмте, — сказала она.

На другом конце города её ждёт сын. Чем быстрее она выйдет, тем скорее с ним увидится.

Они начали спускаться к выходу. Грубо отёсанные каменные ступени царапали голые ступни Серсеи Ланнистер. Она прибыла в септу Бейелора по-королевски — в носилках, а покидала лысой и босой. «*И всё же я ухожу. Остальное неважно*».

На башне звонили колокола, созывая горожан стать свидетелями её позора. Великая септа была полна верующих, пришедших на заутреннюю службу. Молитвы эхом отдавались под куполом, но стоило появиться процессии с королевой, как неожиданно воцарилась тишина. Серсея шла вдоль центрального прохода, мимо того места, где после убийства был выставлен гроб её отца,

и тысяча глаз неотрывно следила за каждым её шагом. Не глядя по сторонам, она быстро шла мимо. Босые ноги шлёпали по холодному мраморному полу. Взгляды были почти осязаемы. И казалось, что Семеро тоже смотрят на неё из-за своих алтарей.

В Чертоге Лампад Серсею ожидала дюжина Сынов Воина. С их плеч ниспадали радужные плащи, а венчающие большие шлемы кристаллы хрусталя мерцали в свете лампад. Посеребрённые доспехи были начищены до зеркального блеска, но она знала, что под панцирем все они носят власяницу. На каплевидных щитах красовался один и тот же знак — сверкающий во мраке хрустальный меч, древний символ тех, кого в народе прозвали Мечами.

Капитан преклонил колено.

— Может, ваше величество помнит меня. Я сир Теодан Истинный, его святейшество поручил мне командование вашим эскортом. Мы с братьями проследим, чтобы с вами ничего не случилось по пути через город.

Серсея окинула взглядом лица стоявших за ним людей. А вот и он — Лансель, её двоюродный брат, сын сира Кивана, тот самый, что когда-то клялся ей в любви, до того как решил, что богов

любит больше. «*Мой родич и мой предатель*». Она ему этого не забудет.

— Встаньте, сир Теодан. Я готова.

Рыцарь поднялся, повернулся и поднял руку. Двое его людей шагнули к высоким дверям и распахнули их настежь. Серсея вышла наружу, щурясь от яркого света, как крот, вылезший из своей норы.

Резкий ветер раздувал подол её рясы и хлопал им по ногам. Утренний воздух был полон старой доброй вони Королевской Гавани. Серсея вдохнула запахи кислого вина, свежего хлеба, гнилой рыбы, ночных испражнений, дыма, пота и лошадиной мочи. И ни один цветок никогда ещё не пах слаще. Пока Сыны Воина строились вокруг, Серсея замерла наверху мраморных ступеней септы Бейелора, съёжившись в своём одеянии.

Вдруг её пронзила мысль, что она уже стояла на этом самом месте — в тот день, когда лорд Эддард Старк лишился головы. «*Этого не должно было случиться. Джофф должен был пощадить его и сослать на Стену*». Лордом Винтерфелла стал бы старший сын Старка, а Санса осталась бы при дворе заложницей. Варис с Мизинцем проработали все условия, а Нед Старк, проглотив свою драгоценную честь, признался в измене,

чтобы спасти пустую головёнку своей дочурки. «*Я подобрала бы Сансе хорошую партию. Из Ланнистеров. Не Джоффа, конечно, но Лансель мог бы сгодиться, или кто-то из его младших братьев*». Петир Бейлиш, помнится, предложил сам взять её в жёны, но это, конечно, было невозможно. Он слишком низкого происхождения. «*Если бы только Джофф сделал, как ему сказали, то Винтерфелл никогда бы не начал войны, а отец разобрался бы с братьями Роберта*».

Вместо этого Джофф отдал приказ отрубить Старку голову, а лорд Слинт и сир Илин Пейн тут же его выполнили. «*Это произошло прямо здесь*», — вспомнила королева, глядя на то самое место. Горячая кровь ещё бежала по ступеням, когда Янос Слинт поднял за волосы голову Неда Старка, и путь назад был отрезан.

Воспоминания казались такими далёкими. Джоффри умер, как и все сыновья Старка. Даже её отец погиб. А она снова стоит на ступенях Великой Септы. Только сейчас толпа пялится на неё, а не на Эддарда Старка.

На широкой вымощенной мрамором площади внизу собралась толпа не меньше, чем в день казни Старка. Глаза, глаза повсюду. Мужчин и женщин, казалось, было поровну. У некоторых на

плечах дети. Попрошайки и воришки, торгаши и трактирщики, кожевники и конюхи, лицедеи и уличные шлюшки — вся эта мразь пришла поглазеть на унижение королевы. А между ними мелькали чумазые небритые Нищие Братья, вооружённые топорами и копьями и облачённые кто в потрескавшуюся кожу, кто в помятые доспехи, кто в ржавые кольчуги, поверх которых белели груботканые туники с изображением семиконечной звезды. Армия оборванцев его воробейства.

Где-то в глубине души она всё ещё ждала, что Джейме появится и спасёт её от унижения. Но брата нигде не было видно, как и её дяди. Ничего удивительного — в их последнюю встречу сир Киван предельно ясно объяснил свою позицию. Её позор не должен запятнать честь Кастерли Рок. Сегодня Львы не будут её сопровождать. Это испытание для неё и только для неё.

Справа от Серсеи расположилась септа Юнелла, слева — Моэлла, а позади — Сколерия. Если королева попытается сбежать или начнёт сопротивляться, то три старые карги затащат её обратно в храм, и в этот раз ей оттуда уже не выйти.

Серсея вскинула голову. За площадью, за морем

грязных лиц, жадных глаз и разинутых ртов, вдали, на другом краю города, возвышался Великий холм Эйегона. Укрепления и башни Красного Замка рдели румянцем в лучах восходящего солнца. «*Не так уж и далеко*». Стоит ей войти в ворота замка, и худшее останется позади. Она снова окажется рядом с сыном. У неё будет защитник для суда поединком. Дядя пообещал. «*Томмен ждёт меня. Мой маленький король. Я смогу. Я должна*».

Септа Юнелла шагнула вперёд.

— Пред вами грешница, — провозгласила она. — Серсея из Дома Ланнистеров, вдовствующая королева, мать его величества короля Томмена, вдова его величества короля Роберта, повинная в вопиющем прелюбодеянии и лжи.

Септа Моэлла встала по правую руку от королевы.

— Эта грешница покаялась и молила об отпущении грехов и прощении. Его святейшество потребовал, чтобы в доказательство своего покаяния, она оставила свою гордость и притворство и предстала перед добрыми жителями этого города в том виде, в котором создали её боги.

Завершила речь септа Сколерия.

— Эта грешница, чьи тайны и секреты теперь

вышли на свет божий, со смиренным сердцем сегодня пройдёт перед вами во искупление своих грехов нагая пред взором богов и людей.

Серсее был год, когда умер её дед. Вступив в права лорда, её отец первым делом изгнал из Кастерли Рок алчную любовницу-простолюдинку своего отца. С неё сорвали шелка и бархат, на которые был так щедр лорд Титос, и драгоценности, на которые та сама наложила руку. А затем отправили по улицам Ланниспорта голышом, чтобы запад увидел, что она на самом деле из себя представляет.

Серсея была тогда слишком мала, чтобы помнить этот спектакль, но много раз слышала эту историю от прачек и стражников, которые видели всё своими глазами. Они вспоминали, как та баба рыдала и умоляла о снисхождении, как изо всех сил цеплялась за свои одежды, когда ей приказали раздеться, и как тщетно пыталась прикрыть руками грудь и срамное место, пока ковыляла нагая и босая по улицам в своё изгнание.

— Надменная гордячка, вот кем она была до того, — сказал как-то один стражник. — Так вознеслась, будто забыла, из какой грязи вылезла. Но как только её раздели, оказалось, что это обычная шлюха.

Если сир Киван и его воробейство считают, что она поведёт себя также, то серьёзно заблуждаются. В её жилах течёт кровь лорда Тайвина. «*Я — львица. Я не унижусь перед ними*».

Королева стянула одеяние через голову.

Она обнажилась одним спокойным неторопливым движением, как будто раздевалась в собственных покоях перед тем, как принять ванну, и на неё смотрели только её служанки. Под порывом пронизывающего ветра Серсею пробрала дрожь, и королева с трудом удержалась, чтобы не прикрыться руками подобно дедовой шлюхе. Пальцы сжались в кулаки, ногти впились в ладони. Отовсюду за ней следили жадные взгляды. Но что они видят? «*Я — красавица*», — напомнила себе Серсея. Сколько раз Джейме это повторял? Даже Роберт это признавал, когда, напившись в стельку, приходил к ней в постель исполнять супружеский долг.

«*Хотя на Неда Старка они смотрели точно также*».

Нужно идти. Обнажённая, обритая, босая Серсея начала медленно спускаться по широким мраморным ступеням. Руки и ноги покрылись гусиной кожей, но она шла с высоко поднятой головой, как и подобает королеве. Сопровождаю-

щие окружили её со всех сторон: впереди Нищие Братья, расталкивая людей, расчищали путь сквозь толпу, слева и справа от королевы шагали Мечи, а сзади шли септы Юнелла, Сколерия и Моэлла, сопровождаемые послушницами в белом.

— Шлюха! — заорал кто-то.

Женский голос. Женщины всегда более жестоки по отношению к другой женщине.

Серсея не обратила на это внимания. «*Это не последнее оскорбление. Будут ещё, и похуже. Для этих отбросов нет большей радости, чем позубоскалить над теми, кто стоит выше них*». Раз нельзя заткнуть им рты, то надо делать вид, что не слышишь и не видишь. Лучше не отводить глаз от виднеющегося вдали Великого холма Эйегона, от сверкающих башен Красного Замка. Там её ждёт спасение, если дядя выполнит свою часть сделки.

«*Он хотел этого. Он и его воробейство. И розочка тоже, не сомневаюсь. Я согрешила и обязана искупить вину, мой позор должен видеть весь город до последнего попрошайки. Они думают, что это сломит меня, станет моим концом, но они ошибаются*».

Септа Юнелла и септа Моэлла шли рядом с королевой, а септа Сколерия семенила следом,

звоня в колокольчик.

— Позор! — выкрикивала старая грымза. — Позор грешнице, позор, позор!

Откуда-то справа к ней присоединился голос мальчишки из пекарни:

— Пирожки с мясом, три пенса, горячие пирожки!

Мрамор под ногами был холодным и скользким, и приходилось ступать осторожно, чтобы не упасть. Процессия миновала безмятежно возвышавшегося на своём постаменте Бейелора Благословенного, чьё лицо воплощало саму доброту. По его виду и не скажешь, каким дураком он был. Династия Таргариенов породила королей и хороших, и плохих, но ни одного не любили так, как Бейелора — мягкосердечного набожного короля-септона, одинаково сильно любившего простолюдинов и богов, но посадившего под замок собственных сестёр. Удивительно, как его статуя не рассыпалась в прах при виде голой груди Серсеи. Тирион говаривал, что король Бейелор ужасно боялся собственного члена. Однажды он изгнал из Королевской Гавани всех шлюх, и когда тех выталкивали за городские ворота, он молился за этих женщин, боясь при этом поднять на них глаза.

— Потаскуха! — Снова женский голос.

Что-то прилетело из толпы. Какой-то гнилой овощ, коричневый и склизкий. Он просвистел у неё над головой и шлёпнулся у ног одного из Нищих Братьев.

«*Я не боюсь. Я — львица*». Серсея шла дальше.

— Горячие пирожки! — кричал мальчишка. — Тут горячие пирожки!

— Позор, позор, позор грешнице, позор, позор! — завывала септа Сколерия, названивая в колокольчик.

Нищие Братья шагали впереди и расчищали узкий проход, щитами расталкивая людей в стороны. Серсея следовала за ними, не опуская головы и глядя вдаль. С каждым шагом Красный Замок всё ближе. С каждым шагом всё ближе её сын и спасение.

Казалось, они шли по площади целую вечность. Но, наконец, мрамор сменился булыжной мостовой, по обе стороны которой возвышались торговые лавки, конюшни и дома, и начался спуск с холма Висеньи.

Здесь шествие замедлилось. Улица была крутой и узкой, а толпа напирала со всех сторон. Нищие Братья отгоняли людей с дороги, пытаясь отодвинуть их в сторону, но отступать было особо

некуда и те, кто стоял в последних рядах, толкали толпу обратно. Серсея пыталась идти с высоко поднятой головой, но в результате наступила на что-то скользкое и влажное, и упала бы, не подхвати её под руку септа Юнелла.

— Вашему величеству стоит смотреть под ноги.

Серсея выдернула руку.

— Хорошо, септа, — покорно произнесла она, хотя от злости ей хотелось плюнуть той в лицо.

Королева шла, облачённая лишь в собственную гордость и покрывшуюся мурашками кожу. Она искала глазами Красный Замок, но высокие деревянные здания со всех сторон загораживали обзор.

— Позор, позор! — вещала септа Сколерия, а её колокольчик всё позвякивал.

Серсея попыталась ускорить шаг, но тут же уткнулась в украшенные звёздами туники, так что пришлось снова замедлиться. Прямо посреди дороги какой-то мужик продавал с тележки нанизанное на палочки жареное мясо, и пока Нищие Братья прогоняли его с пути, процессия остановилась. Мясо подозрительно смахивало на крысятину, но шедший от него запах аппетитно щекотал ноздри, и, когда путь снова расчистился,

половина зевак расходились в сторону с палочками в руках, жуя на ходу.

— Не хотите попробовать, ваше величество? — крикнул здоровенный детина с огромным пузом, поросячьими глазками и чёрной нечёсаной бородой, напомнившей Серсее о Роберте. Когда она с отвращением отвернулась, мужчина швырнул в неё палочку с мясом. Та попала ей в ногу и, отскочив, упала на дорогу, но на бедре Серсеи остался кроваво-жирный след от недожаренного мяса.

Крики теперь казались громче, чем на площади, наверное, потому, что толпа стала гораздо ближе. Чаще всего доносились «шлюха» и «грешница», но кричали и «братова подстилка», и «сука», и «изменница». Время от времени раздавались возгласы в честь Станниса или Маргери. Мостовая была грязной, а проход — таким узким, что Серсея даже не могла обойти лужи. «*От промокших ног пока никто не умер*», — успокаивала она себя. Хотелось верить, что лужи остались после дождя, хотя это вполне могло быть и лошадиной мочой.

Из окон и с балконов тоже кидались всякой дрянью: летели полусгнившие фрукты и тухлые яйца, которые, разбиваясь о мостовую, источали серное зловоние, лилось пиво. Потом кто-то

швырнул через головы Нищих Братьев и Сынов Воина дохлую кошку. От удара о землю тушка лопнула, забрызгав голени Серсеи внутренностями и личинками.

Она шла дальше. «*Я слепа и глуха, а они — жалкие черви*», — говорила она себе.

— Позор, позор! — пели септы.

— Каштаны, горячие жареные каштаны! — кричал уличный торговец.

— Королева-шлюха! — торжественно провозгласил пьяница с балкона и с издёвкой поднял кружку:

— Да здравствуют королевские сиськи!

«*Слова — это ветер. Они не могут меня ранить*».

На полпути с холма Висеньи Серсея поскользнулась на каких-то нечистотах и в первый раз упала, разбив колено до крови. Септа Юнелла помогла ей подняться. По толпе покатился нестройный хохот, какой-то мужик предложил облобызать ей колено, чтобы не болело. Серсея оглянулась. На вершине холма всё ещё виднелись огромный купол и семь кристальных башен Великой Септы Бейелора.

«*Неужели я так мало прошла*?»

Но хуже всего было то, что она больше не виде-

ла Красного Замка.

«*Где же он? Где*?..»

— Ваше величество. — К ней подошёл капитан, чьё имя Серсея позабыла — Надо идти. Толпа становится неуправляемой.

«*Именно так*, — подумала она. — *Неуправляемой*».

— Я не боюсь…

— И зря.

Он схватил её за руку и потянул за собой. Опираясь на него, Серсея шла вниз, пошатываясь и вздрагивая на каждом шагу. Спуск казался бесконечным. «*Это Джейме должен вести меня*». Он бы вытащил свой золотой меч и прорубил путь прямо через толпу, вырезая глаза каждому, кто посмел бы взглянуть на неё.

Дорога была скользкой, неровной, покрытой трещинами и слишком грубой для её нежных ног. Она наступила пяткой на что-то острое — то ли камень, то ли осколок стекла — и вскрикнула от боли.

— Я же просила дать мне сандалии, — рявкнула Серсея септе Юнелле. — Уж обувь-то вы могли бы мне дать!

Рыцарь снова резко дёрнул её за руку, как какую-то служанку. «*Он что, забыл, кто я*?» Она

— королева Вестероса. Он не имеет права лапать её своими грязными руками.

У подножия холма спуск стал более пологим, а улица расширилась. На вершине холма Эйегона вновь показался Красный Замок, сверкающий багрянцем в лучах утреннего солнца. «*Нужно идти дальше*». Она вырвалась из крепкой хватки сира Теодана.

— Не надо меня тащить, сир.

Пошатываясь, она двинулась вперёд, оставляя на камнях кровавые следы.

Она шла через грязь и навоз, окровавленная, замёрзшая, хромающая. Вокруг гудели голоса.

— У моей жены сиськи получше будут! — выкрикнул какой-то мужик.

Возница, которому приказали убрать с дороги фургон, осыпал проклятиями Нищих Братьев.

— Позор, позор, позор грешнице, — бубнили септы.

— Смотрите сюда! — закричала из окна борделя шлюха, задирая юбки для мужчин на улице. — Здесь побывало в два раза меньше хренов, чем у неё!

И всё звонили, звонили колокола.

— Это не королева, — сказал какой-то мальчишка. — Это какая-то старая кошёлка, как моя мать.

«*Вот моя расплата,* — подумала Серсея. — *Я тяжко согрешила — и это моё искупление. Скоро всё закончится, останется позади, и можно будет об этом забыть*».

Ей начали мерещиться знакомые лица. Лысый мужчина с пышными бакенбардами неодобрительно глядел вниз из окна, хмурясь в точности, как её отец, и на мгновение так сильно напомнил ей лорда Тайвина, что она споткнулась. Возле фонтана сидела промокшая от брызг девушка и обвиняюще смотрела на Серсею глазами Мелары Хезерспун. Она видела Неда Старка вместе с маленькой Сансой с её рыжевато-каштановыми волосами и лохматую серую собаку, наверное, её волка. Каждый пробирающийся через толпу ребёнок превращался в братца Тириона, насмехающегося над ней в точности так, как он смеялся, когда умер Джоффри. А вот и сам Джофф, её сын, её первенец, её прекрасный мальчик с золотыми кудрями и милой улыбкой. Какие у него красивые губы, какой он…

Тут она упала во второй раз.

Когда ей помогли подняться на ноги, Серсея дрожала, как лист на ветру.

— Пожалуйста, — взмолилась она. — Матерь, будь милосердна. Я же покаялась.

— Да, покаялись, — согласилась септа Моэлла. — А это — ваше искупление.

— Осталось немного, — сказала септа Юнелла. — Видите? — она показала рукой. — Всего-то подняться на холм.

«*Подняться на холм. Всего-то*». Это действительно было так. Они стояли у подножия Великого холма Эйегона, и прямо над ними возвышался замок.

— Шлюха! — заорал кто-то.

— Братова подстилка! — присоединился ещё один голос. — Дрянь!

— Не хотите отсосать, ваше величество? — Мужик в мясницком фартуке, ухмыляясь, вытащил из штанов член.

Ничего, она почти что дома.

Начался подъём.

Именно здесь насмешки и оскорбления стали самыми жестокими. Путь процессии не проходил через Блошиный Конец, поэтому его обитатели, чтобы насладиться зрелищем, устроились внизу на склонах Великого холма Эйегона. Лица, злобно взирающие на королеву из-за щитов и копий Нищих Братьев, казались безобразными, чудовищными, жуткими. Под ногами повсюду сновали свиньи и голые дети. В толпе, как та-

раканы, кишели нищие калеки и карманники. Серсея видела человека с острозаточенными зубами, старух с зобами размером с голову, шлюху, вокруг плеч и груди которой обвилась огромная полосатая змея, мужчину с открытыми язвами на щеках и на лбу, из которых сочился серый гной. Все эти люди ухмылялись, облизывались и улюлюкали, пока она, тяжело дыша на подъёме, ковыляла мимо. Некоторые выкрикивали ей непристойные предложения, другие оскорбляли.

«*Слова — это ветер*, — думала Серсея. — *Слова не могут меня ранить. Я — прекрасна, я самая прекрасная женщина во всём Вестеросе. Так говорит Джейме, а он никогда бы мне не солгал. Даже Роберт, тот самый Роберт, который никогда меня не любил, даже он видел, что я красавица, и хотел меня*».

Но чувствовала себя Серсея совсем иначе: старой, потасканной, грязной и безобразной. На животе остались растяжки от вынашивания детей, грудь была уже не такая упругая, как в молодости. Сейчас её не поддерживало платье, и она обвисла. «*Не надо было делать этого. Я была их королевой, но теперь они все увидели. Все, все увидели… Я не должна была этого допускать*». В платье и короне она была королевой. Голая,

окровавленная, хромающая, она была всего лишь женщиной, не так уж сильно отличающейся от их жён, больше похожая на их матерей, чем на хорошеньких молоденьких дочек-девственниц. «*Что я натворила*?!»

Глаза защипало и заволокло пеленой. Нельзя плакать. Не надо. Только не перед этими червями. Серсея вытерла глаза тыльной стороной ладони. От сильного порыва холодного ветра она задрожала, как осиновый лист.

Вдруг посреди толпы она увидела ту старую ведьму с обвисшими сиськами и покрытой бородавками зеленоватой кожей. Как и все остальные, та пялилась на Серсею, и её жёлтые гноящиеся глазки светились злобой.

– *Быть тебе королевой*, — прошипела она, — *пока не придёт другая, моложе и красивее. Она свергнет тебя и отнимет всё, что тебе дорого*.

И тут слёзы хлынули неудержимым потоком. Они жгли щёки, как кислота. Серсея вскрикнула, одной рукой прикрыла грудь, а другой промежность, и бросилась бежать. Она неловко карабкалась вверх по склону, проталкиваясь вперёд мимо ряда Нищих Братьев, пригнувшись к земле и расставив ноги. Через какое-то время она споткнулась и упала, поднялась и через деся-

ток ярдов упала вновь. После этого она помнила только, что ползла, карабкалась вверх на карачках, будто собака, а жители Королевской Гавани расступались перед ней, хохотали, свистели и хлопали в ладоши.

Потом толпа вдруг поредела и исчезла. Перед ней возникли ворота замка и линия копейщиков в алых плащах и позолоченных полушлемах. Послышался знакомый резкий голос дяди, сердито отдающего распоряжения. По бокам мелькнули белоснежные плащи и молочного цвета доспехи — сир Борос Блаунт и сир Меррин Трант кинулись к ней.

— Мой сын! — закричала она. — Где он? Где Томмен?!

— Не здесь. Ни один сын не должен видеть позора своей матери, — резко ответил сир Киван. — Прикройте её.

Джослин склонилась к королеве и накинула ей на плечи чистое мягкое покрывало из зелёной шерсти, чтобы скрыть её наготу. Вдруг их накрыла большая, заслонившая солнце тень. Серсея почувствовала, как сзади её коснулась холодная сталь, и огромные руки в латных перчатках подняли её в воздух как пушинку, как она когда-то поднимала маленького Джоффри. У неё

закружилась голова. «*Великан*, — подумала она, пока тот, широко шагая, нёс её к караульной. Говорят, в богом забытой глуши за Стеной ещё водятся великаны. — *Но это же просто сказки. Может, это сон*?»

Но нет. Её спаситель был настоящим. Восьми, если не выше, футов роста, с толстыми, как стволы деревьев, ногами, с грудной клеткой, которой позавидовала бы тягловая лошадь, и плечами, которые сделали бы честь и быку. На нём красовалась позолоченная кольчуга и покрытые белой эмалью доспехи, сверкающие как девичьи грёзы. Лицо скрывал большой шлем. С его гребня ниспадало семь шёлковых плюмажей, окрашенных в радужные цвета Веры. Пара золотых семиконечных звёзд скрепляла развевающийся на ветру плащ.

«*Белый плащ*».

Сир Киван выполнил свою часть сделки. Томмен, её дорогой малыш, дал её защитнику место в Королевской Гвардии.

Серсея не заметила, как появился Квиберн, но внезапно тот оказался рядом, еле поспевая за широкими шагами её чемпиона.

— Ваше величество, — сказал он. — Как хорошо, что вы снова с нами. Позвольте представить

вам нового члена Королевской Гвардии. Это сир Роберт Сильный.

— Сир Роберт, — прошептала Серсея, когда они входили в замок.

— Позволю себе добавить, ваше величество, сир Роберт принёс святой обет молчания, — сказал Квиберн. — Он поклялся, что не вымолвит ни слова до тех пор, пока жив хоть один враг вашего величества, а зло не изгнано из королевства.

«*Отлично*, — подумала Серсея Ланнистер. — *Просто отлично*!».

Глава 66. Тирион

Кипа листов пергамента пугала своей высотой. Тирион взглянул на неё и вздохнул.

— Я так понял, что вы тут как братья. По-вашему, это и есть братская любовь? А где же доверие? Где дружба, братские узы, глубокая привязанность, ведомая только мужчинам, сражавшимся бок о бок и вместе проливавшим кровь?

— Всему своё время, — сказал Бурый Бен Пламм.

— После того, как ты подпишешь, — подтвердил Чернильница, затачивая перо.

Каспорио Мудрый коснулся эфеса своего меча.

— Если хочешь пролить кровь, я с радостью сделаю тебе подобное одолжение.

— Очень мило с твоей стороны, — ответил Тирион. — Но я, пожалуй, откажусь.

Чернильница положил перед Тирионом пергаменты и сунул ему в руки перо.

— Вот чернила. Они из самого Старого Воланти-са и не выцветают так же долго, как и настоящие мейстерские. Тебе нужно только подписывать и передавать бумаги мне. Остальное я сделаю сам.

— А могу я их сначала прочитать? — осклабился Тирион

— Если хочешь. Они, в общем-то, все одинаковые, кроме тех, что в самом низу, но, в своё время, мы доберёмся и до них.

«*О, я в этом не сомневаюсь*». Большинству людей вступление в отряд не стоило ничего, но он к большинству не относился. Тирион обмакнул перо в чернильницу, склонился над первым пергаментом, сделал паузу и поднял глаза.

— Предпочитаете, чтобы я подписался как Йолло или Хугор Хилл?

— Предпочитаешь, чтобы тебя вернули наследникам Йеззана или просто обезглавили? — сощурился Бурый Бен.

Карлик рассмеялся и поставил подпись на пергаменте: «Тирион из Дома Ланнистеров». Передав его Чернильнице, он пробежался пальцами по кипе.

— Тут их сколько… штук пятьдесят? Шестьдесят? Я думал, Младших Сыновей не меньше пяти сотен.

— На данный момент пятьсот тринадцать, — уточнил Чернильница. — Когда ты поставишь подпись в нашей книге, станет пятьсот четырнадцать.

— Так расписки получит лишь один из десяти? Вряд ли это справедливо. Я думал у вас в наёмничьих отрядах всё честь по чести и поровну. — Он подписал следующий лист.

Бурый Бен усмехнулся.

— Так и есть — честь по чести. Но не поровну. Младшие Сыновья не отличаются от обычной семьи…

— … а в каждой семье есть бедные родственники. — Тирион подписал очередную расписку. Пергамент с шелестом перешёл в руки казначея.

— В подземельях Кастерли Рок есть клетки, в которых мой лорд-отец держал худших из наших. — Он окунул перо в чернильницу и нацарапал: «Тирион из Дома Ланнистеров», пообещав выплатить подателю сего сотню золотых драконов.

«*Каждое движение пера делает меня немного беднее… вернее, сделало бы, не будь я уже нищим*». Однажды он может горько пожалеть о том, что ставил эти подписи. «*Но не сегодня*». Тирион сдул чернильную каплю, передал пергамент казначею и подписал следующий. И ещё один. И ещё. И ещё.

— Должен вам сообщить, что меня это сильно задевает, — сказал он им в перерыве между листами. — В Вестеросе слово Ланнистера ценится

на вес золота.

Чернильница пожал плечами.

— Тут не Вестерос. По эту сторону Узкого моря мы свои обещания записываем. — Каждый переданный ему лист казначей посыпал мелким песком, чтобы тот впитал излишек чернил, а затем стряхивал и откладывал в сторону.

— А долги, писанные вилами на воде, часто, так сказать... забываются?

— Только не нами. — Тирион подмахнул очередной лист. И ещё один. Он вошёл в ритм. — Ланнистер всегда платит свои долги.

— Это да, но слово наёмника ничего не стоит, — усмехнулся Пламм.

«*Ну, твоё слово точно не стоит*, — подумал Тирион, — *и хвала за это богам*».

— Верно, но я стану наёмником только когда распишусь в вашей книге.

— Ждать недолго, — пообещал Бурый Бен. — Станешь, как покончишь с расписками.

— Я танцую так быстро, как только могу.

Его тянуло смеяться, но это поломало бы всю игру. Пламм наслаждался ею, и Тирион не собирался мешать ему веселиться. «*Пусть продолжает думать, что нагнул меня и отымел в задницу, а я расплачусь за стальные мечи бумажными*

драконами». Если Тирион доберётся до Вестероса, чтобы потребовать своё по праву рождения, то для расчёта в его распоряжении окажется всё золото Кастерли Рок. Если же нет, значит он будет мёртв, и его новые братья смогут подтереться этими бумагами. Некоторым из них хватит ума появиться со своими писульками в Королевской Гавани, в надежде убедить его милую сестрицу исполнить обещания младшего братца. «*Хотел бы я быть тараканом в тростнике на полу, чтобы посмотреть на эту картину*».

На полпути к основанию кипы текст пергаментов изменился. Все расписки на сто драконов предназначались сержантам. Дальше суммы внезапно выросли. Теперь Тирион уже обещал выплатить подателю сего тысячу золотых драконов. Он покачал головой, рассмеялся и поставил подпись. Потом ещё одну. И ещё одну.

— Итак, — произнёс он, ставя каракули на пергаменте, — каковы будут мои обязанности в отряде?

— Ты слишком уродлив, чтобы отсасывать у Боккоко, — сказал Каспорио, — но в качестве мишени для лучников сгодишься.

— Ты даже не представляешь, насколько. — Тирион пропустил издёвку мимо ушей. — Ма-

ленький человек с большим щитом может свести лучников с ума. Так мне сказал некто поумнее тебя.

— Будешь работать с Чернильницей, — ответил Бурый Бен Пламм.

— Точнее, работать *за* Чернильницу, — заявил казначей. — Вести записи в книгах, считать монету, составлять контракты и письма.

— С радостью, — согласился Тирион. — Я люблю книги.

— А что тебе ещё остаётся? — фыркнул Каспорио. — Взгляни на себя. Драться ты ростом не вышел.

— Как-то я заведовал всеми сточными трубами Кастерли Рок, — кротко сказал Тирион. — Некоторые из них были забиты годами, но у меня вновь зажурчали как миленькие.

Он снова обмакнул перо в чернила — ещё дюжина расписок — и дело сделано.

— Я мог бы присматривать за вашими маркитантками. Не можем же мы допустить, чтобы наши ребята не сливали?

Эта острота Бурому Бену не понравилась.

— Держись подальше от шлюх, — предупредил он. — Большинство из них заразны и все болтливы. Ты не первый беглый раб, которого

мы приняли в отряд, но это не повод кричать на каждом углу о том, что ты здесь. Не вздумай разгуливать там, где тебя могут увидеть. Оставайся внутри, насколько возможно, сри в ведро. Возле сортиров слишком много глаз. И не выходи за пределы лагеря без моего разрешения. Можно нарядить тебя оруженосцем и выдать за дружка Джораха, но не все на это купятся. Когда Миэрин будет взят, и мы окажемся на пути в Вестерос, можешь сколько угодно гарцевать в золоте и багрянце. Но до тех пор…

— … спрячусь под камнем и не издам ни звука. Даю слово. — «Тирион из Дома Ланнистеров», поставил он ещё одну подпись, на этот раз размашисто.

Это был последний пергамент. Остались лишь три расписки, отличные от других. Две были написаны на искусно выделанной телячьей коже, и в них указывались имена: Каспорио Мудрому — десять тысяч драконов, столько же Чернильнице, которого в действительности звали Тиберо Истарион.

— Тиберо? — спросил Тирион. — Звучит почти как ланнистерское имя. Ты что, из давно потерянного колена?

— Возможно. Я тоже всегда плачу свои долги.

Как и положено казначею. Подписывай.

Тирион подписал.

Последняя расписка, на имя Бурого Бена, была написана на пергаменте из овечьей кожи. «*Сто тысяч золотых драконов, пятьдесят мер плодородной земли, замок и титул лорда. Ну и ну. Этот Пламм обходится дорого*». Тирион ущипнул свой шрам, и подумал, не стоит ли разыграть негодование. Когда дерёшь мужика в зад, без визгу не обходится. Можно было бы изрыгнуть проклятия, богохульства, пафосно заявить, что это грабёж среди бела дня, отказаться — ненадолго — подписывать документ, а потом нехотя сдаться, продолжая протестовать. Но ему надоел весь этот балаган, поэтому Тирион скривился, подписал и вернул свиток Бурому Бену.

— Большой у тебя член, молва не соврала, — посетовал он. — Считайте, что отымели меня весьма тщательно и со знанием дела, лорд Пламм.

Бурый Бен подул на подпись.

— На здоровье, Бес. А теперь ты станешь одним из нас. Чернильница, тащи книгу!

Обтянутая кожей и скреплённая железными петлями книга оказалась такой большой, что на ней можно было легко сервировать ужин. Под тяжёлым деревянным переплётом хранились

имена и даты, охватывающие более столетия.

— Младшие Сыновья — один из самых старых вольных отрядов, — сообщил Чернильница, переворачивая страницы. — Это уже четвёртая книга. Туда вписано имя каждого, кто вступил в наши ряды: когда пришли в отряд, где сражались, сколько прослужили, как погибли — всё указано в книге. Тут есть и имена известных людей, некоторые родом из ваших Семи Королевств. Эйегор Риверс прослужил с нами год, прежде чем основал своё Золотое Братство. Вы зовёте его Злым Клинком. Светлый Принц, Эйерион Таргариен, также был Младшим Сыном. И Родрик Старк, Бродячий Волк тоже числился в наших рядах. Нет, не этими чернилами. Вот, держи. — Казначей откупорил новый пузырёк, и поставил его на стол.

— Красные? — вскинул голову Тирион.

— Такова традиция отряда, — пояснил Чернильница. — Было время, когда каждый новобранец вписывал своё имя собственной кровью, но, как потом оказалось, из крови получаются хреновые чернила.

— Ланнистеры чтут традиции. Одолжи-ка мне свой нож.

Чернильница поднял бровь, пожал плечами и, вынув из ножен кинжал, передал его рукоятью

вперёд. «*Всё ещё болит. Полумейстер, спасибо тебе большое*», — подумал Тирион, прокалывая подушечку большого пальца. Он выдавил в чернильницу каплю крови и поменял кинжал на новое перо. «Тирион из Дома Ланнистеров, лорд Кастёрли Рок», вывел он большими жирными буквами прямо под подписью Джораха Мормонта, выглядевшей намного скромнее.

«*Готово*». Карлик качнулся назад на походном табурете.

— Это всё, что от меня требуется? Клятву принести не надо? Младенца убить? Капитану отсосать?

— Соси, что хочешь. — Чернильница развернул к себе книгу и посыпал страницу мелким песком. — Большинству из нас достаточно подписи, но мне до жути не хочется расстраивать нового собрата по оружию. Добро пожаловать в Младшие Сыновья, лорд Тирион.

«*Лорд Тирион*». Карлику понравилось, как это звучит. Может, у Младших Сыновей и нет сияющей славы Золотого Братства, но в течение столетий они одержали немало знаменитых побед.

— А какие-нибудь другие лорды служили в отряде?

— Безземельные лорды, — ответил Бурый Бен. — Вроде тебя, Бес.

Тирион соскочил со стула.

— Мой прежний брат меня совершенно не устраивал. Надеюсь, новые окажутся лучше. Когда я получу доспехи и оружие?

— А на свинье покататься не хочешь? — спросил Каспорио.

— Ух ты! Не знал, что твоя жена тоже в отряде, — парировал Тирион. — Предложение щедрое, но я бы предпочёл коня.

Наёмник побагровел, а вот казначей громко расхохотался, и даже Бурый Бен хмыкнул.

— Чернильница, проводи его к обозу. Пусть выберет из имущества отряда снаряжение по вкусу. И девка тоже. Надень на неё шлем и какой-нибудь доспех — может, кто-нибудь и примет её за парня.

— Лорд Тирион, за мной. — Чернильница придержал полог палатки, помогая карлику выкарабкаться наружу. — Я скажу Ухвату, чтобы он проводил вас к повозкам. Возьми с собой свою женщину и встречай его у палатки повара.

— Она не моя женщина. Может, заберёшь её себе? В последнее время она только и делает, что дрыхнет да таращится на меня.

— Тебе следует бить её посильнее и трахать почаще, — услужливо подсказал казначей. — Бери её с собой или брось, делай, что хочешь. Ухвату плевать. Найди меня, когда выберешь доспех, я внесу тебя в ведомость.

— Как скажешь.

Тирион нашёл Пенни в углу их палатки. Та спала, свернувшись калачиком на тонком соломенном тюфяке под ворохом грязного постельного белья. Когда он потыкал её носком башмака, девушка заворочалась, моргнула и зевнула.

— Хугор? Что такое?

— Заговорила, значит, да? — Это было лучше, чем её обычное мрачное молчание. «*Всё из-за брошенных животных. А ведь должна меня благодарить за то, что я вызволил нас обоих из рабства*». — Ты так всю войну проспишь.

— Мне грустно, — снова зевнула она. — И я устала. Очень устала.

«*Устала или больна*?» Тирион опустился на колени у её тюфяка.

— Ты выглядишь бледной.

Он потрогал её лоб. Здесь жарко, или Пенни начинает лихорадить? Тирион не посмел задать этот вопрос вслух. Даже сильные мужчины, такие как Младшие Сыновья, боялись оседлать блед-

ную кобылицу. Заподозри они, что Пенни больна, её бы прогнали, не раздумывая ни секунды. «*И даже, возможно, несмотря на все расписки, вернули бы нас наследникам Йеззана*».

— Я расписался в их книге. Старым добрым способом — кровью. Теперь я Младший Сын.

Пенни уселась, протирая глаза ото сна.

— А я? Можно и мне расписаться?

— Думаю, нет. Некоторые вольные отряды принимали в свои ряды женщин, но … ну, они же не Младшие Дочери, в конце концов.

— Мы, — ответила она. — Раз ты один из них, ты должен говорить «мы», а не «они». Кто-нибудь видел Хрюшку-Милашку? Чернильница сказал, что поспрашивает о ней. Или Хруста — что-нибудь слышно о Хрусте?

«*Только если верить словам Каспорио*». Неочень-то-мудрый помощник командира уверял, что три юнкайских охотника за рабами шатаются по лагерям, выспрашивая о двух беглых карликах. По словам Каспо, один из них нёс длинное копьё с насаженной на него собачьей головой. Однако такие новости не поднимут Пенни с постели.

— Пока ничего нового, — солгал он. — Пойдём, нужно подобрать тебе доспех.

— Доспех? Зачем? — Она озадаченно взглянула

на него.

— Как говаривал мой старый мастер над оружием: никогда не иди в бой голым. Верю ему на слово. Кроме того, теперь, когда я стал наёмником, мне нужен меч для сдачи внаём.

Пенни по-прежнему не шевелилась. Тирион схватил её за запястье, рывком поднял на ноги и швырнул в лицо охапку одежды.

— Одевайся. Надень плащ с капюшоном и не поднимай головы. Мы должны походить на пару мальчишек, на тот случай, если нас высматривают охотники за рабами.

Когда укутанные в плащи с капюшонами карлики появились из-за угла, Ухват уже ждал их возле палатки повара, жуя кислолист.

— Слышал, что вы двое будете сражаться вместе с нами, — сказал сержант. — Наверняка, в Миэрине все просто обоссались от страха. Кто-то из вас когда-нибудь убивал человека?

— Я убивал, — ответил Тирион. — Давлю людей, как мух.

— И чем же?

— Топором, кинжалом, острым словцом. Хотя моё наиболее смертоносное оружие — арбалет.

Ухват почесал щетину кончиком своего крюка.

— Мерзкая это штука, арбалет. И сколько ты

им убил?

— Девятерых.

Его отец, бесспорно, стоил, как минимум, девятерых. Лорд Кастерли Рок, Хранитель Запада, Щит Ланниспорта, Десница короля, муж, брат, отец, отец, отец.

— Девятерых.

Ухват фыркнул и сплюнул, выставив на обозрение рот полный красной слизи. Возможно, он целился Тириону под ноги, но попал в колено. Было совершенно очевидно, что он думает про «девятерых». Засунув в рот два красных от сока кислолиста пальца, офицер свистнул.

— Кем! Поди сюда, сраный ходячий нужник! — Прибежал Кем. — Отведи лорда и леди Бесов к повозкам, пусть Молот выдаст им что-нибудь из отрядной стали.

— Молот, скорее всего, пьян в усрань, — предупредил Кем.

— Нассы ему на рожу. Это его разбудит.

Ухват развернулся к Тириону и Пенни.

— Раньше у нас не водилось всяких уродских карликов, но мальчишек всегда хватало. Сыновей той или иной шлюхи, дурачков, убежавших из дома в поисках приключений, давальщиков, оруженосцев и прочих. Может что-то из их дерьма и

придётся вам по размеру. Само собой, это дерьмо было на них, когда они умерли, но я уверен, что таких отчаянных сраных головорезов, как вы, это не волнует. Девятерых, ты сказал? — Он покачал головой и ушёл.

Младшие Сыновья держали доспехи отряда в шести больших повозках, поставленных в ряд в центре лагеря. Кем показывал дорогу, пользуясь копьём словно посохом.

— Как парень из Королевской Гавани оказался в вольном отряде? — спросил его Тирион.

Юноша подозрительно сощурился:

— А кто тебе сказал, что я из Королевской Гавани?

— Никто. — «*От каждого твоего слова так и прёт Блошиным Концом*». — Это сразу видно, по твоему уму. Говорят, парней умнее, чем в Королевской Гавани не сыскать.

Это, похоже, озадачило Кема.

— Кто так говорит?

— Да все. — «*Я говорю*».

— С каких это пор?

«*С тех самых, как я это придумал. Только что*».

— Да уже целую вечность, — солгал он. — Мой отец так говаривал. Ты знал лорда Тайвина, Кем?

— Десницу? Видел разок, как тот скакал вверх по холму. На его людях были красные плащи и шлемы с маленькими львами. Шлемы мне нравились, — его губы сжались. — А Десница не нравился никогда. Он разграбил город. А потом разгромил нас на Черноводной.

— Ты был там?

— Со Станнисом. Лорд Тайвин пришёл с призраком Ренли и ударил нам во фланг. Я бросил копьё и побежал, но тот проклятый рыцарь у кораблей сказал: «А где твоё копьё, мальчик? У нас тут не место трусам», и они отчалили, а меня бросили, и тысячи других тоже. Потом пошли слухи, что твой отец отправлял их на Стену как приверженцев Станниса, поэтому я перебрался через Узкое море и присоединился к Младшим Сыновьям.

— Скучаешь по Королевской Гавани?

— Немного. Скучаю по одному мальчику, он… он был моим другом. И по своему брату, Кеннету, но он умер на мосту из кораблей.

— Слишком много хороших людей полегло в тот день. — Тирион поскрёб ногтем отчаянно чесавшийся шрам.

— И по жрачке тоже скучаю, — мечтательно произнёс Кем.

— Твоя мать хорошо готовит?

— Стряпню моей матери не стали бы есть даже крысы. Но была одна харчевня — никто не готовил такую похлёбку, как у них. Полная всяких кусочков и такая густая, что ложка стояла торчком. Ты когда-нибудь ел там похлёбку, полумуж?

— Пару раз. Певцовый суп, так я его называю.

— Это почему?

— Он так вкусен, что хочется петь.

Кему это понравилось.

— Певцовый суп. Закажу в следующий раз, когда окажусь в Блошином Конце. А ты по чему скучаешь, Полумуж?

«*По Джейме*, — подумал Тирион. — *По Шае, Тише. По своей жене, я скучаю по жене, которую едва знал*».

— По вину, шлюхам и деньгам, — ответил он. — Особенно по деньгам. На них можно купить вина и шлюх.

«*А ещё мечи и Кемов, чтобы их вооружить*».

— А правда, что ночные горшки в Кастерли Рок из чистого золота? — спросил его Кем.

— Не стоит верить всему, что слышишь. Особенно, когда дело касается Ланнистеров.

— Говорят, что все Ланнистеры — изворотливые змеи.

— Змеи? — рассмеялся Тирион. — Слышишь,

как мой отец извивается в могиле? Мы *львы* или, во всяком случае, так нам нравиться думать. Но разницы нет, Кем. Наступи на хвост змее или льву, и в том и в другом случае умрёшь.

К этому времени они подошли к так называемой оружейной. Кузнец, пресловутый Молот, оказался жутковатым на вид детиной, у которого левая рука была в два раза шире в обхвате, чем правая.

— Он чаще пьян, чем трезв, — сказал Кем. — Бурый Бен пока терпит, но однажды мы найдём себе настоящего оружейника.

Подмастерьем Молота был тощий рыжий паренёк по прозвищу Гвоздь. «*Ну, конечно же. А как ещё его могли звать*?» — подумал Тирион.

Молот отсыпался после пьянки, как и предсказывал Кем, но Гвоздь не возражал против того, чтобы карлики пошарили в повозках.

— По большей части, железо дерьмовое, — предупредил он их, — но что подойдёт, забирайте.

Повозки, крытые заскорузлой кожей, натянутой на деревянные дуги, были доверху набиты старым оружием и доспехами. Увидев их Тирион вздохнул, вспомнив сиявшие стойки начищенных мечей, копий и алебард в оружейной Ланнистеров под Кастерли Рок.

— Быстро не управимся, — объявил он.

— Тут попадается и вполне приличная сталь, если сможешь отыскать, — пророкотал чей-то бас. — Неказистая, но меч остановит.

Из-за повозки вышел высокий рыцарь, с головы до ног облачённый в отрядную сталь. Его правый понож отличался от левого, горжет изъела ржавчина, а богатые узорчатые наручи украшала инкрустация в виде чернёных цветов. На правую руку рыцарь нацепил латную перчатку из грубой стали, на левую — ржавую кольчужную рукавицу. Через соски на мускульном доспехе была продета пара металлических колец, а закрытый шлем украшали бараньи рога, один из которых был обломан.

Рыцарь снял шлем, открыв покалеченное лицо Джораха Мормонта. «*Теперь он выглядит настоящим наёмником, ничего общего с тем почти сломленным существом, которое мы вытащили из клетки Йеззана*», — отметил Тирион. Синяки почти исчезли, опухоли на лице в основном спали, поэтому Мормонт снова стал похож на человека… хотя и не похожим на себя прежнего. Маска демона, которую работорговцы выжгли на его правой щеке как опасному и непокорному рабу, уже никуда не денется. Сира Джораха нико-

гда нельзя было назвать привлекательным, но с клеймом его лицо стало выглядеть устрашающе.

Тирион ухмыльнулся.

— Пока я выгляжу симпатичней тебя, горевать не о чем. — Он обернулся к Пенни. — Ты начнёшь с той повозки, а я с этой.

— Будет быстрее, если мы станем искать вместе. — Она вытащила ржавый полушлем, и, хихикнув, напялила его себе на голову. — Ну, как я выгляжу, страшной?

«*Ты выглядишь как скоморох с горшком на голове*».

— Это полушлем. А тебе нужен закрытый шлем.

Тирион нашёл один такой и всучил ей вместо её находки.

— Он мне велик, — эхом донёсся из железяки голос Пенни. — Я в нём ничего не вижу.

Она сняла шлем и отшвырнула его в сторону.

— А чем плох полушлем?

— Лицо открыто, — ущипнул её за нос Тирион. — Мне нравится смотреть на твой нос. Я бы хотел, чтобы ты его сохранила.

— Тебе нравится мой нос? — её глаза округлились от удивления.

«*О, Семеро, спасите меня*». Тирион отвернулся

и принялся рыться в куче старых доспехов, всё глубже залезая в повозку.

— А ещё какие-нибудь части моего тела тебе нравятся? — спросила Пенни.

Возможно, она хотела, чтобы это прозвучало игриво, но вышло печально.

— Мне нравятся все твои части, — ответил Тирион, в надежде сменить тему, — а ещё больше — мои собственные.

— А зачем нам доспехи? Ведь мы всего лишь шуты и только притворяемся, что сражаемся.

— Ты очень неплохо притворяешься, — ответил Тирион, осматривая дырявую, словно побитую молью, кольчужную рубашку. «*Какая моль может жрать кольчугу*?» — Притворившись мёртвой можно выжить в битве. А можно и обзаведясь хорошим доспехом.

«*Хотя, боюсь, хороших тут весьма и весьма немного*». У Зелёного Зубца он сражался в разномастных железках из повозок лорда Леффорда и с остроконечным горшком на голове, выглядевшем на нём, как перевёрнутое помойное ведро. Здешняя сталь была ещё хуже. Не просто старая или плохо подогнанная, но к тому же мятая, треснувшая и хрупкая. «*Это тут запёкшаяся кровь или просто ржавчина*?» Он принюхался, но

разобрать так и не смог.

— Гляди, вот арбалет, — ткнула пальцем Пенни.

Тирион посмотрел.

— Я не могу натягивать арбалет с помощью стремени — мои ноги слишком коротки, а вот лебёдка подойдет лучше.

Хотя, по правде говоря, арбалет он не хотел — слишком уж долго его перезаряжать. Даже спрячься он в выгребной яме в ожидании, пока враги вздумают облегчиться, больше одной стрелы вряд ли выпустишь.

Вместо арбалета Тирион вытащил кистень, взмахнул им, и положил обратно. «*Слишком тяжёлый*». Он забраковал боевой молот (чересчур длинный), шипастую булаву (тоже неподъёмная), и дюжину мечей, прежде чем выбрал себе подходящий кинжал — славный клинок с трёхгранным лезвием.

— Этот может сгодиться, — сообщил Тирион.

Лезвие немного заржавело, но стало от этого только опаснее. Он подобрал обтянутые кожей деревянные ножны, и вложил в них клинок.

— Маленький меч для маленького человечка? — пошутила Пенни.

— Это боевой кинжал, и сделан он для больших

людей. — Тирион показал ей на старый длинный меч. — Вот это меч. Попробуй-ка.

Пенни взяла оружие в руки, взмахнула и нахмурилась.

— Слишком тяжёлый.

— Сталь тяжелее дерева. Но рубани этой штукой человеку по шее, и голова покатится как арбуз. — Он забрал у неё меч и осмотрел его более внимательно. — Скверная сталь. Да ещё и зазубренная. Вот тут, видишь? Так что беру свои слова обратно. Если хочешь сносить головы, тебе нужен клинок получше.

— Я *не хочу* сносить головы.

— И не нужно. Бей пониже колена. Икры, сухожилия, лодыжки… Даже великаны падают, если подрезать им ноги. А упав, будут не выше тебя ростом.

Пенни взглянула на него так, словно вот-вот собиралась разрыдаться.

— Прошлой ночью мне приснилось, что мой брат, жив. Мы с ним верхом на Хрюшке-Милашке и Хрусте изображали рыцарей для какого-то знатного лорда, и люди кидали нам розы. Мы были так счастливы…

Тирион отвесил ей пощёчину.

Вообще-то скорее лёгкий шлепок, даже не оста-

вивший следа на щеке, небольшое движение запястья, не прикладывая силы. Но всё равно её глаза наполнились слезами.

— Если хочешь видеть сны, отправляйся в постель, — сказал он Пенни. — Когда проснёшься, мы всё ещё будем беглыми рабами посреди осадного лагеря. Хруст мёртв. Свинья, скорее всего, тоже. А теперь выбери доспех, надень его, и не обращай внимания, если тот будет жать. Балаган остался в прошлом. Сражайся, прячься или исходи на дерьмо, выбор за тобой, но в сталь ты закуёшься.

Пенни приложила ладонь к ударенной щеке.

— Нам вообще не стоило сбегать! Мы не наёмники. Мы вообще не воины. С Йеззаном было не так уж и плохо. Ни капельки. Нянька иногда бывал жесток, но Йеззан-то — нет. Он нас любил, мы были его… его…

– *Рабами*. Ты хочешь сказать, *рабами*.

— Рабами, — согласилась она, залившись краской. — Но особенными рабами. Как Сладость. Его сокровищами.

«*Его комнатными собачонками*, — подумал Тирион. — *И он так нас любил, что отправил в яму на съеденье львам*».

Доля правды в её словах была. Рабы Йеззана

ели лучше многих крестьян в Семи Королевствах и реже умирали с голоду зимой. Конечно, невольники — имущество. Их можно покупать и продавать, сечь и клеймить, сношать, разводить. В этом смысле они не отличаются от собак или лошадей. Но большинство хозяев неплохо относятся к своим псам и лошадям. Гордец сказал бы, что скорее умрёт свободным, чем согласится жить в рабстве, но гордость стоит недорого. Когда доходит до дела, такие люди оказываются редки, как зубы дракона. Иначе мир не полнился бы невольниками. «*Человека нельзя сделать рабом против воли*, — отметил карлик. — *Выбор есть всегда, пусть даже между оковами и смертью*».

Тирион Ланнистер не являлся исключением. Поначалу из-за языка он заработал несколько шрамов на спине, но вскоре научился искусству ублажать Няньку и благородного Йеззана. Джорах Мормонт боролся дольше и отчаянней, но закончил ровно тем же.

«*А Пенни, та вообще…*»

Пенни искала нового хозяина с того самого дня, когда её братец лишился головы. «*Ей нужен кто-то, кто будет заботиться о ней, руководить ею*».

Однако сказать ей об этом прямо было бы слиш-

ком жестоко. Вместо этого Тирион заметил:

— Даже особенные рабы Йеззана не сбежали от бледной кобылицы. Многие из них скончались, и Сладость первым.

О том, что их громадный хозяин умер в день их побега, ему рассказал Бурый Бен Пламм. О судьбе других обитателей цирка уродцев Йеззана ничего не знали ни Бен, ни Каспорио, ни другие наёмники… но только ложь могла остановить стенания Милашки Пенни, вот Тирион и лгал.

— Если хочешь снова стать рабыней, то когда эта война закончится, я поищу тебе доброго хозяина и продам тебя за такую цену, чтобы мне хватило на обратную дорогу домой, — пообещал ей Тирион. — Я найду милого юнкайца, который навесит на тебя ещё один золотой ошейник с маленькими колокольчиками, чтоб те звенели при каждом твоём шаге. Но до этого ещё надо дожить. Мёртвого скомороха никто не купит.

— Как и мёртвого карлика, — произнёс Джорах Мормонт. — Скорее всего, все мы к концу битвы будем кормить червей. Юнкайцы проиграли войну, хотя, возможно, до них это не сразу дойдёт. У Миэрина есть армия Безупречных, лучшая пехота в мире. У Миэрина есть драконы. Целых три, когда вернётся королева. А она вернётся.

Должна вернуться. А на нашей стороне четыре десятка юнкайских лордёнышей, и у каждого свои необученные обезьяны. Рабы на привязи, рабы в цепях… Они бы ещё привели отряды слепцов и парализованных детей.

— О, я знаю, — согласился Тирион. — Младшие Сыновья на стороне проигрывающего. Им снова нужно переметнуться, причём немедленно. — Он ухмыльнулся. — Предоставь это мне.

Глава 67. Низвергатель королей

Заговорщики — две тени, бледная и тёмная — встретились в тишине арсенала на втором уровне Великой Пирамиды среди стоек с копьями, связок арбалетных болтов и трофеев давно забытых битв.

— Сегодня ночью, — сообщил Скахаз мо Кандак. Из-под капюшона лоскутного плаща выглядывала медная маска летучей мыши-вампира. — Все мои люди будут на месте. Пароль — «Гролео».

— Гролео.

«*Думаю, вполне уместно*».

— Да. Когда принесли голову... вы же были при дворе?

— Одним из сорока стражников, и все мы ждали, пока ничтожество на троне отдаст приказ, чтобы мы могли зарубить Кровавую Бороду с остальными. Думаешь, юнкайцы посмели бы преподнести Дейенерис голову заложника?

«*Нет*», — подумал Селми.

— Хиздар, кажется, был потрясён.

— Притворство. Ты сам видел, что его собственную родню из рода Лораков вернули целой и

невредимой. Юнкайцы ломали перед нами комедию, и главным фигляром был благородный Хиздар. Дело не в Юрхазе зо Юнзаке — другие работорговцы и сами с радостью затоптали бы старого дурака. Всё это затевалось ради того, чтобы дать Хиздару предлог для убийства драконов.

Это заставило сира Барристана задуматься.

— Разве он осмелится?

— Он осмелился покуситься на жизнь своей королевы. Почему же с её ручными зверушками должно быть иначе? Если мы не вмешаемся, Хиздар будет тянуть время, давая всем понять, как ему это не по душе, чтобы Мудрые Господа получили возможность избавиться от Вороны-Буревестника и кровного всадника. Вот *тогда* он и возьмётся за дело. Им нужно убить драконов до прибытия волантисского флота.

«*Да, этого они и хотят*». Всё складывалось, но это не значило, что план пришёлся по нраву Барристану Селми.

— Этому не бывать. — Его королева — Мать Драконов, и он не мог позволить причинить вред её детям. — Час волка. Самое тёмное время ночи, когда весь мир спит.

Впервые он услышал эту поговорку из уст Тайвина Ланнистера у стен Синего Дола.

«*Он дал мне сутки на вызволение Эйериса. Если не вернёшься с королём к рассвету следующего дня, десница предаст город огню и мечу — так он мне сказал. В час волка я вошёл в Синий Дол и в час волка мы из него вышли*».

— На рассвете Серый Червь и Безупречные запрут ворота на засов.

— Лучше всего атаковать как раз на рассвете, — предложил Скахаз. — Неожиданно выйдем из ворот, пересечём осадные линии и перебьём юнкайцев, пока те вылезают из постелей.

— Нет. — Они уже обсуждали это предложение раньше. — У нас с Юнкаем мир, подписанный и скреплённый печатью её королевского величества. Мы не нарушим его первыми. Как только Хиздар окажется в наших руках, соберём совет, который будет управлять городом вместо него. Затем потребуем от юнкайцев вернуть заложников и увести армии от города. Если они откажут, тогда и только тогда мы сообщим им о разрыве мирного договора и после этого дадим бой. Ваш план бесчестен.

— А твой глуп, — буркнул Бритоголовый. — Время самое подходящее. Наши вольноотпущенники готовы и рвутся в бой.

Селми знал, что это так. Саймону Полосатой

Спине из Свободных Братьев и Моллоно Йос Доб из Храбрых Щитов не терпелось ринуться в битву, показать себя и смыть юнкайской кровью все те горести, что им пришлось пережить в рабстве. Только Марселен, командир Детей Матери, разделял сомнения сира Барристана.

— Мы уже об этом говорили. Вы согласились, что будет по-моему.

— Согласился, — заворчал Бритоголовый, — но это было ещё до Гролео, до его головы. У работорговцев нет чести.

— Зато у нас она есть, — ответил сир Барристан.

Бритоголовый что-то пробормотал по-гискарски себе под нос, а затем сказал:

— Как прикажешь. Хотя, сдаётся мне, нам ещё предстоит выполнить кое-что, идущее против твоей стариковской чести. Что делать с охраной Хиздара?

— Его величество спит под присмотром двух телохранителей. Один дежурит у дверей опочивальни, другой внутри, в смежном алькове. Сегодня это будут Кразз и Железнокожий.

— Кразз, — пробурчал Бритоголовый. — Терпеть его не могу.

— До крови может и не дойти, — сказал сир Бар-

ристан. — Я собираюсь поговорить с Хиздаром. Если он поймёт, что мы не собираемся его убивать, то может приказать своей охране сдаться.

— А если нет? Хиздар не должен от нас уйти.

— Не уйдёт. — Селми не боялся Краззa, а уж тем более Железнокожего.

Они всего лишь гладиаторы. Хиздар подобрал для своей стражи внушающие страх сборище бывших бойцовых рабов, но телохранители из них получались неважные. Они были быстры, сильны, свирепы и умели владеть оружием, но в кровавых потехах не научишься охранять королей. В яме им объявляли противника под рёв рогов и гром барабанов, а после схватки победителю бинтовали раны и подносили маковое молочко от боли, и он знал, что опасность миновала и можно пить и праздновать до следующего боя. Но для рыцаря Королевской Гвардии битва по-настоящему не заканчивается никогда. Угроза может явиться отовсюду и ниоткуда, в любое время дня и ночи. Трубы не оповестят о появлении врага — вассалы, слуги, друзья, братья, сыновья, даже жёны могут прятать кинжалы под плащами и замышлять убийство. Для рыцаря Королевской Гвардии на час сражений приходится десять тысяч часов, когда он, не смыкая глаз,

ждёт, безмолвно стоя в тени. Новые обязанности опостылели бойцовым рабам Хиздара и сделали их нетерпеливыми, а скучающие охранники всегда нерадивы и реагируют замедленно.

— Я займусь Краззом, — сказал сир Барристан. — Просто позаботьтесь о том, чтобы мне не пришлось разбираться ещё и с Медными Тварями.

— Не бойся. Мы закуём Маргаза в цепи, прежде чем тот успеет поднять тревогу. Я же говорил, что Медные Твари мои.

— Ещё вы говорили, что у вас есть люди и среди юнкайцев?

— Шпионы и лазутчики. Правда, у Резнака их больше.

«*Резнаку нельзя доверять. У него сладкий запах, да дурной душок*».

— Кому-то надо будет освободить заложников. Если не вернём своих людей, юнкайцы используют их против нас.

Скахаз фыркнул в носовые прорези маски.

— Легко сказать «освободить», но трудно сделать. Пусть работорговцы грозятся.

— А если они не ограничатся угрозами?

— Ты что, будешь по ним скучать, старик? По евнуху, дикарю и наёмнику?

«*Герой, Чхого и Даарио*».

— Чхого — кровный всадник королевы, кровь её крови. Они вместе вышли из Красной Пустыни. Герой — ближайший помощник Серого Червя. А Даарио...

«*Она любит Даарио*». Любовь светилась в глазах королевы, когда та смотрела на капитана, звучала в её голосе, когда Дейенерис о нём говорила.

— Даарио тщеславен и безрассуден, но он дорог её величеству. Его надо спасти до того, как Вороны-Буревестники решат взять дело в свои руки. Это может получиться — я когда-то уже вывел из Синего Дола в целости и сохранности отца нашей королевы, где его держал в плену мятежный лорд, но...

— ... но тебе никогда не пройти через юнкайский лагерь незамеченным. Там каждая собака знает тебя в лицо.

«*Я могу скрыть лицо, как и ты*», — подумал Селми, но был вынужден признать, что Бритоголовый прав. Со времён Синего Дола прошла целая жизнь. Он уже слишком стар для таких подвигов.

— Тогда нам понадобится какой-то другой способ, кто-то ещё. Тот, кого бы юнкайцы знали, и чьё присутствие в их лагере осталось бы незамеченным...

— Даарио прозвал тебя «сир Дедуля», — напомнил ему Скахаз. — Уж не стану говорить, как он называет меня. Будь заложниками мы с тобой, рискнул бы он ради нас своей шкурой?

«*Вряд ли*», — подумал рыцарь, но вслух произнёс:

— Он мог бы.

— Если бы мы горели, Даарио поссал бы на нас — иной помощи от него вряд ли дождёшься. Пусть Вороны-Буревестники выберут себе нового капитана, который будет знать своё место. Если королева не вернётся, на свете одним наёмником станет меньше. Кому о нём горевать?

— А если вернётся?

— Она станет плакать, рвать на себе волосы и клясть юнкайцев, но не нас. На наших руках крови не будет. Ты сможешь её утешить, рассказав какую-нибудь историю из давних времён — она их любит. Бедный Даарио, храбрый капитан... она никогда его не забудет, нет... но для всех нас лучше, если он умрёт, верно? И для самой Дейенерис тоже.

«*Лучше для Дейенерис и для Вестероса*». Дейенерис любила своего капитана, но в ней говорила женщина, а не королева. «*Принц Рейегар любил леди Лианну, и за это заплатили жизнями тыся-*

чи людей. Дейемон Чёрное Пламя любил первую Дейенерис и, лишившись её, поднял восстание. Злой Клинок и Кровавый Ворон оба любили Ширу Морскую Звезду, и Семь Королевств утонули в крови. Принц Стрекоз так любил Дженни из Старых Камней, что отказался от короны, и Вестерос заплатил за этот брак трупами». Все три сына Эйегона Пятого вопреки желанию отца женились по любви. Поскольку этот невероятный монарх и сам в своё время уступил чаянию сердца, выбирая себе королеву, он разрешил сыновьям поступить по-своему, и тем самым нажил заклятых врагов, когда мог приобрести верных друзей. За этим, с неизбежностью смены дня и ночи, последовали измена и смута, и всё закончилось в Летнем Замке чародейством, огнём и горем.

«*Её любовь к Даарио — это яд. Он действует медленнее, чем саранча в меду, но убивает так же надёжно*».

— Остаётся ещё Чхого, — сказал сир Барристан. — Он и Герой. Оба дороги её величеству.

— У нас тоже есть заложники, — напомнил ему Скахаз Бритоголовый. — Если работорговцы убьют одного из наших, мы убьём одного из них.

Мгновение сир Барристан не мог понять, о чём речь. Затем его осенило.

— Королевские виночерпии?

— Заложники, — поправил его Скахаз мо Кандак. — Граздар и Квезза родня Зелёной Милости. Меззара из Мерреков, Кезмия из Палов, Аззак — Гхазин. Бхаказ из Лораков, приходится родичем самому Хиздару. Все они — сыны и дочери пирамид. Жаки, Кваззары, Улезы, Хазкары, Дхазаки, Иеризаны — дети Великих Господ.

— Невинные девочки и мальчишки с умильными мордашками. — За то время, что те прислуживали королеве, сир Барристан успел узнать их всех: Граздара с его мечтами о славе, робкую Меззару, ленивого Миклаза, самовлюблённую хорошенькую Кезмию, волоокую Квеззу с ангельским голоском, Даззара-плясуна и всех остальных. — Дети.

— Дети Гарпии. Только кровью можно отплатить за кровь.

— Так сказал юнкаец, принёсший нам голову Гролео.

— И был прав.

— Я этого не позволю.

— Какой прок от заложников, если их нельзя трогать?

— Возможно, нам стоит предложить юнкайцам троих детей за Даарио, Героя и Чхого, — сделал

уступку сир Барристан. — Её величество...

— ... её здесь нет. Решать, что делать, должны мы с тобой, и ты знаешь, что я прав.

— У принца Рейегара было двое детей, — рассказал ему сир Барристан. — Маленькая девочка Рейенис и грудной младенец Эйегон. Когда Тайвин Ланнистер взял Королевскую Гавань, его люди убили обоих. Лорд Тайвин велел завернуть окровавленные тела в красные плащи, как подарок для нового короля.

«*И что сказал Роберт, когда их увидел? Улыбнулся ли он*?» Барристан Селми был тяжело ранен на Трезубце и избежал возможности лицезреть дары лорда Тайвина, но мысли о них долго не давали ему покоя. «*Если бы я увидел, как тот улыбается над окровавленными останками детей Рейегара, ни одна армия на свете не помешала бы мне убить его*».

— Я не пойду на убийство детей. Либо так, либо я во всём этом не участвую.

Скахаз усмехнулся.

— И упрямый же ты старик. Твои умильные мордашки вырастут и станут Детьми Гарпии. Убей их сейчас или придётся сделать это позже.

— Человека казнят за совершённые злодеяния, а не за те, которые он, возможно, совершит в

будущем.

Бритоголовый снял со стены боевой топор, осмотрел его и проворчал:

— Да будет так. Хиздару и нашим заложникам не причинят вреда. Доволен, сир Дедуля?

«*Не с чего мне быть довольным*».

— Договорились. В час волка. Не забудь.

— Я таких вещей не забываю, сир. — Хотя медная пасть летучей мыши не шевелилась, сир Барристан понял, что под маской собеседник ухмыляется. — Долго же Кандак ждал этой ночи.

«*Этого я и боялся*». Если король Хиздар не причастен к покушению на королеву, то, о чём они сегодня договорились, — измена. Но как он может быть непричастен? Селми сам слышал, как Хиздар уговаривал Дейенерис попробовать отравленную саранчу и потом кричал своим людям, чтобы те убили дракона. «*Если мы не вмешаемся, Хиздар прикончит драконов и откроет ворота врагам королевы. Выбора у нас нет*». Но, сколько бы раз старый рыцарь ни прокручивал в голове эту мысль, он не мог найти в ней ничего благородного.

Остаток долгого дня тянулся с медлительностью улитки.

Селми знал, что где-то король Хиздар совещает-

ся с Резнаком мо Резнаком, Маргазом зо Лораком, Галаззой Галар и прочими своими миэринскими советниками, обсуждая, как лучше всего ответить на требования Юнкая… но Барристана Селми на такие советы больше не приглашали. К тому же теперь ему было некого охранять. Вместо этого он обошёл пирамиду сверху донизу, проверяя, все ли часовые на постах. На это он убил всё утро. Время после полудня сир Барристан посвятил своим сиротам, и даже сам взял щит и меч, чтобы устроить старшим подросткам тренировку пожёстче.

Когда Дейенерис Таргариен взяла Миэрин и освободила мальчиков из оков, кое-кого из них уже тренировали для бойцовых ям. Они хорошо владели мечом, коротким копьём и боевым топором и до того, как их начал обучать сир Барристан. Некоторые, наверное, уже готовы. «*Для начала Тумко Ло, мальчик с Островов Василиска*». Парень чёрен, как мейстерские чернила, но быстр и силён — прирождённый фехтовальщик, лучший, из тех, кого видел Селми со времён Джейме Ланнистера. «*И ещё Ларрак. Ларрак-Кнут*». Сиру Барристану боевое искусство Ларрака не нравилось, но в его умении сомневаться не приходилось. Юнцу ещё предстояло годы и годы учиться владеть рыцарским оружием — мечом,

длинным копьём, булавой, — но с кнутом и трезубцем в руках он был смертоносен. Старый рыцарь предупреждал мальчика, что против врага в доспехах кнут бесполезен... пока не увидел, как Ларрак им орудует: захлёстывает ноги и заставляет противников потерять равновесие. «*Ещё не рыцарь, но боец славный*».

Ларрак и Тумко были его лучшими учениками. И лхазарянин, которого другие мальчишки прозвали Рыжим Ягнёнком, хотя тот пока брал свирепостью, а не умением. Может ещё братья, трое гискарцев из простонародья, проданных в рабство за долги отца.

Получается шестеро. «*Шесть из двадцати семи*». Селми мог надеяться на лучший результат, но и это неплохое начало. Другие мальчики, по большей части, были младше и привыкли обращаться с ткацкими станками, плугами или ночными горшками, а не с мечами и щитами. Но они вовсю старались и быстро учились. Несколько лет в качестве оруженосцев — и Селми представит королеве шесть новых рыцарей. Что до тех, кто не сможет закончить подготовку, что ж, не каждому мальчишке суждено стать рыцарем. «*Государству ведь нужны свечники, трактирщики и оружейники*». В Миэрине это так

же верно, как и в Вестеросе.

Сир Барристан смотрел, как упражняются сироты, и размышлял, есть ли смысл в том, чтобы произвести Тумко, Ларрака и Рыжего Ягнёнка, в рыцари прямо здесь и сейчас. Чтобы посвятить кого-то в рыцари, нужно быть рыцарем, а если сегодня ночью что-то пойдёт не так, завтра он может оказаться на плахе или в темнице. Кто тогда совершит обряд над его оруженосцами? С другой стороны, репутация юного рыцаря хотя бы частично зависит от доброй или дурной славы того, кто даровал ему титул. Едва ли он сослужит своим сиротам хорошую службу, если станет известно, что свои шпоры те получили от предателя — не исключено, что свежеиспечённые рыцари отправятся в заточение вслед за ним. «*Они заслуживают большего*, — решил сир Барристан. — *Лучше долгая жизнь в качестве оруженосца, чем короткая в качестве запятнанного рыцаря*».

Когда день сменился вечером, Селми велел своим ученикам отложить мечи и щиты и собраться вокруг него. Он рассказывал им, что значит быть рыцарем.

— Честь, а не меч делает человека рыцарем, — произнёс он. — Без чести рыцарь — самый обычный убийца. Лучше умереть с честью, чем

жить без неё.

Мальчики смотрели на него с удивлением, но однажды, думал их наставник, они поймут.

После этого сир Барристан вернулся на вершину пирамиды и застал Миссандею читающей среди груд книг и свитков.

— Останься сегодня здесь, дитя, — сказал он ей. — Что бы ни случилось, что бы ты ни видела или услышала, не покидай покоев королевы.

— Недостойная повинуется, — ответила девочка. — Если ей дозволено спросить...

— Лучше не надо. — Сир Барристан в одиночестве вышел в сад на террасе.

«*Я не создан для этого*», — подумал он, глядя на раскинувшийся внизу город. Пирамиды просыпались одна за другой, на них загорались фонари и факелы, а внизу на улицах сгущались тени. «*Заговоры, интриги, шепотки, обманы, тайны внутри тайн. И как я во всё это ввязался*?»

Должно быть, ему уже давно следовало привыкнуть к таким вещам. И Красный Замок хранил собственные секреты. «*Даже Рейегар*». Принц Драконьего Камня никогда не доверял Барристану Селми так, как доверял Эртуру Дейну, и подтверждением тому послужил Харренхолл. «*В год ложной весны*».

Воспоминания о нём всё ещё отдавали горечью. Старый лорд Уэнт объявил, что устроит турнир, вскоре после того, как его посетил брат, сир Освелл Уэнт, рыцарь Королевской Гвардии. С лёгкой руки Вариса король Эйерис уверовал, что сын плетёт заговор с целью его свержения и весь этот турнир у Уэнта затевался лишь затем, чтобы дать Рейегару предлог встретиться с множеством лордов, собравшихся в одном месте. Со времён Синего Дола Эйерис и носу не казал за порог Красного Замка, но тут вдруг заявил, что поедет в Харренхолл вместе с принцем Рейегаром. И с этого момента всё пошло наперекосяк.

«*Будь я рыцарем получше... если бы я спешил принца в последней схватке, как спешил многих других, королеву любви и красоты выбирал бы я...*»

Рейегар предпочёл Лианну Старк из Винтерфелла. Барристан Селми сделал бы иной выбор. Не королеву — её и на турнире-то не было. Не Элию Дорнийскую, хотя она была добра и любезна. Если бы Рейегар выбрал её, страна избежала бы войны и многих горестей. Барристан короновал бы юную девушку, недавно появившуюся при дворе, одну из фрейлин Элии... хотя по сравнению с Эшарой Дейн, дорнийская принцесса выглядела

кухонной замарашкой.

Даже сейчас, много лет спустя, сир Барристан помнил улыбку Эшары и её смех. Ему достаточно было лишь смежить веки, чтобы перед глазами возникло её лицо, длинные тёмные волосы, спадающие по плечам, и колдовские пурпурные глаза. «*У Дейенерис точно такие же глаза*». Иногда, когда королева глядела на него, старому рыцарю казалось, что он смотрит на дочь Эшары...

Но дочь Эшары родилась мёртвой, и вскоре его дама сердца бросилась с башни, обезумев от горя по потерянному ребёнку, и, возможно, из-за того, кто обесчестил её в Харренхолле. Эшара Дейн умерла, так и не узнав, что сир Барристан любил её. «*Да и откуда ей*?» Он был рыцарем Королевской Гвардии и принёс обет безбрачия — ничего хорошего из признания в любви не вышло бы. «*Но и из молчания не вышло ничего хорошего. Если бы я спешил Рейегара и объявил Эшару королевой любви и красоты, взглянула бы она на меня, а не на Старка*?»

Он никогда уже об этом не узнает. Но из всех ошибок, совершённых Барристаном Селми за всю жизнь, эта тревожила его больше всего.

Небо хмурилось, горячий влажный воздух за-

труднял дыхание, и всё-таки у рыцаря по спине бегали мурашки. «*Дождь*, — подумал он. — *Надвигается буря. Если не сегодня ночью, то с утра*». Сир Барристан задумался, доживёт ли он до бури. «*Если у Хиздара есть свой собственный Паук, меня можно записать в покойники*». Но коль скоро это так, он намерен умереть как жил — с мечом в руке.

Когда на западе за парусами снующих по Заливу Работорговцев кораблей угас последний луч света, сир Барристан вернулся в пирамиду, вызвал пару прислужников и велел им нагреть воды для мытья. После дневной тренировки с оруженосцами он был весь в грязи и поту.

Принесённая вода оказалась еле тёплой, но Селми лежал в ванне, пока та совсем не остыла, и тёр кожу до красноты. Почувствовав себя чище некуда, рыцарь встал, вытерся и оделся в белое. Чулки, короткие штаны, шёлковая туника, стёганый дублет — всё свежевыстиранное и выбеленное. Затем последовали доспехи, те самые, что королева преподнесла ему в знак признания. Искусно сработанная позолоченная кольчуга, звенья — гибкие, как хорошая кожа, латы покрыты эмалью — твёрдой, как лёд, и сияющей, как свежевыпавший снег. Кинжал на одно бедро, меч

на другое — оба висят на белом ремне с золотыми бляшками. Наконец, сир Барристан накинул на себя длинный белый плащ и застегнул его на плечах.

Шлем он оставил на крюке. Узкая прорезь для глаз ограничивала обзор, а ему ещё понадобится смотреть по сторонам. Ночью в залах пирамиды темным-темно, и враги могли напасть с любой стороны. Кроме того, пусть украшавшие шлем вычурные драконьи крылья и услаждают взор, но не дадут соскользнуть в сторону вражескому мечу или топору. Лучше сир Барристан прибережёт шлем для следующего турнира, если по милости Семерых будет участвовать ещё хоть в одном.

Вооружившись и надев доспехи, старый рыцарь сидел и ждал в сумраке своей комнатушки, прилегавшей к покоям королевы. Во тьме перед ним проплывали лица всех королей, которым он служил и которых подвёл, и лица собратьев по службе в Королевской гвардии. Многие ли из них решились бы совершить то, на что он решился? «*Некоторые — безусловно. Но не все. Кое-кто без колебаний зарубил бы Бритоголового как предателя*». За стенами пирамиды пошёл дождь. Сир Барристан сидел во мраке и слушал. «*Дождь похож на слёзы,* — думалось ему, — *точно плачут*

мёртвые короли».

Время пришло.

Великую Пирамиду Миэрина построили в подражание Великой Пирамиде Гиса, величественные руины которой в своё время посетил Ломас Долгоход. Как и её древняя предшественница, в чьих алых мраморных чертогах сейчас жили одни летучие мыши да пауки, миэринская пирамида могла похвастаться тридцатью тремя уровнями — боги Гиса почему-то считали это число священным. Сир Барристан в одиночестве начал долгий спуск. Его белый плащ струился за спиной. Рыцарь пошёл не по парадной лестнице из узорчатого мрамора, а по предназначенной для слуг — более узкому, крутому и прямому спуску, скрытому в толще кирпичных стен.

Двенадцатью уровнями ниже Селми нашёл Бритоголового. Грубое лицо Скахаза было спрятано под той же самой маской, что и утром — летучая мышь-вампир. С Бритоголовым было шесть Медных Тварей в одинаковых масках изображавших насекомых.

«*Саранча*», — сообразил Селми.

— Гролео, — произнёс он.

— Гролео, — ответила саранча.

— Если понадобится, у меня есть ещё саранча,

— сообщил Скахаз.

— Шестерых хватит. Что со стражниками у дверей?

— Там мои люди. У вас не будет проблем.

Сир Барристан поймал Бритоголового за руку.

— Не проливайте крови, разве что не останется другого выхода. Наутро соберём совет и объясним городу, что мы сделали и ради чего.

— Как скажешь. Удачи, старик.

На этом они разошлись. Медные Твари последовали за сиром Барристаном, продолжившим спуск по лестнице.

Покои короля располагались в самом сердце пирамиды, на шестнадцатом и семнадцатом уровнях. Добравшись до них, Селми обнаружил, что двери во внутренние помещения надёжно заперты и охраняются парой Медных Тварей. Из-под капюшонов лоскутных плащей выглядывали маски крысы и быка.

— Гролео, — сказал сир Барристан.

— Гролео, — отозвался бык. — Третий коридор справа.

Тот, что был в маске крысы, отомкнул цепь. Сир Барристан и его спутники вступили в узкий, освещённый факелами коридор для слуг со стенами из чёрного и красного кирпича. Шаги заговорщи-

ков отдавались эхом от пола — они миновали два коридора и свернули в третий справа.

Перед резными дверями в королевские покои стоял Железнокожий, молодой гладиатор, пока ещё не выбившийся в первые бойцы на арене. Его щёки и лоб покрывали замысловатые чёрно-зелёные татуировки — то были древние валирийские колдовские письмена, которые, как предполагалось, должны сделать кожу и мышцы гладиатора твёрдыми как сталь. Такие же изображения украшали грудь и руки Железнокожего, правда, неизвестно, могут ли они действительно остановить меч или топор.

Но с татуировками или без, Железнокожий всё равно выглядел грозно — гибкий и жилистый парень был на голову выше сира Барристана.

— Кто идёт? — закричал он, размахивая двуручным топором, тем самым преграждая им путь. Увидев сира Барристана и медную саранчу, гладиатор снова опустил топор. — Старый сир.

— Если король позволит, мне нужно кое-что ему сказать.

— Время позднее.

— Время позднее, но дело неотложное.

— Могу спросить. — Железнокожий постучал древком топора в двери королевских покоев. При-

открылась щель, из неё выглянул детский глаз, и тонкий голосок из-за дверей спросил, в чём дело. Железнокожий ответил. Сир Барристан услышал, как убирают тяжёлый засов, и, наконец, двери распахнулись.

— Только вы один, — сказал Железнокожий. — Пусть Твари подождут здесь.

— Как пожелаете. — Сир Барристан кивнул саранче, и один из стражников ответил тем же. В одиночестве Селми вошёл в дверь.

Занятые королём тёмные лишённые окон и окружённые со всех сторон кирпичными стенами в восемь футов толщиной покои, внутри были просторны и роскошны. Огромные балки из чёрного дуба подпирали высокие потолки, а полы устилали шёлковые квартийские ковры. На стенах висели бесценные гобелены, древние, по большей части поблекшие, с картинами былых побед Старой Гискарской Империи. На самом большом из них изображалось, как выживших солдат разбитой валирийской армии прогоняют под ярмом и заковывают в цепи. Арочный вход в королевскую опочивальню охраняла пара искусно вырезанных из сандалового дерева, отполированных и натёртых маслом фигур любовников. Сиру Барристану они внушали от-

вращение, хотя, без сомнения, статуи должны были своим видом распалять страсть. «*Чем скорее мы отсюда уйдём, тем лучше*».

Комната освещалась только железной жаровней. Возле неё стояли юные виночерпии королевы: мальчик Драказ и девочка Квезза.

— Миклаз пошёл будить короля, — сообщила Квезза. — Принести вина, сир?

— Нет, спасибо.

— Садитесь, — предложил Драказ, показывая на скамью.

— Я постою.

За ведущей в опочивальню аркой слышались голоса, и один из них принадлежал королю.

Прошло несколько минут, прежде чем король Хиздар зо Лорак, Четырнадцатый Его Благородного Имени, вышел из опочивальни, зевая и затягивая на ходу пояс роскошного зелёного атласного халата, отделанного жемчугом и серебряной нитью. Другой одежды на короле не было. Это хорошо: обнажённый человек чувствует себя уязвимым и менее склонен совершать самоубийственные подвиги.

Через полупрозрачную занавесь на входе в опочивальню сир Барристан разглядел обнажённую женщину, её грудь и бёдра слегка прикрывал

колышущийся шёлк.

— Сир Барристан. — Хиздар снова зевнул. — Который час? Появились вести о моей милой королеве?

— Нет, ваше величество.

Хиздар вздохнул.

— «Ваше великолепие», пожалуйста. Хотя в такой час скорее бы подошла «ваша сонливость».

Король прошёл к буфету, чтобы налить себе вина, но на дне графина осталось всего ничего. На лице Хиздара мелькнула тень раздражения.

— Миклаз, вина. Немедленно.

— Да, ваша милость.

— И прихвати с собой Драказа. Графин арборского золотого и ещё один сладкого красного. Только не нашей жёлтой мочи, благодарю покорно. И если я ещё раз обнаружу свой графин пустым, мне, видно, придётся выпороть твою хорошенькую розовую попку.

Мальчик выскочил за дверь, и король снова повернулся к Селми.

— Мне приснилось, что вы нашли Дейенерис.

— Сны могут лгать, ваше величество.

— Лучше уж «ваша лучезарность». Что привело вас ко мне в столь поздний час, сир? Какие-то беспорядки в городе?

— В городе всё спокойно.

— Да? — Хиздар растерялся. — Так зачем вы пришли?

— Чтобы задать вопрос. Ваше великолепие, вы — Гарпия?

Винная чаша, выскользнув из пальцев Хиздара, отскочила от ковра и покатилась.

— И вы явились под покровом ночи ко мне в опочивальню, чтобы спросить об этом? Вы сошли с ума? — Похоже, только сейчас король заметил на рыцаре кольчугу и латы. — Что... почему... как ты смеешь?

— Яд — ваших рук дело, ваше великолепие?

Король Хиздар отступил на шаг.

— Саранча? Это... это дорниец. Квентин, так называемый принц. Спросите Резнака, если мне не верите!

— У вас есть доказательства? Или у Резнака?

— Нет, иначе бы я уже велел их арестовать. Возможно, это стоило сделать в любом случае. Не сомневаюсь, что Маргаз вырвет у них признание. Эти дорнийцы — все отравители, поголовно. Резнак говорит, что они поклоняются змеям.

— Они едят змей, — ответил сир Барристан. — Это были ваша яма, ваша ложа, ваша скамья. Сладкое вино, мягкие подушки, фиги, дыни и

саранча в меду. Это вы их приготовили. Вы настойчиво предлагали её величеству попробовать саранчу, но сами не съели ни одной.

— Я... от острой пищи мне делается нехорошо. Она же была моей женой, моей королевой — зачем мне её травить?

«*Была, сказал он. Для него она мертва*».

— Только вы можете ответить на этот вопрос, ваше великолепие. Возможно, вам захотелось заменить её другой женщиной. — Сир Барристан кивнул на девушку, испуганно выглядывавшую из опочивальни. — Скажем, вот этой?

Король ошарашено оглянулс.

— Этой? Это просто рабыня для постельных утех. — Он воздел руки. — Я оговорился — не рабыня, свободная женщина, обученная доставлять удовольствие. Даже у короля бывают свои нужды, и она... это вас не касается, сир. Я никогда не причинил бы вреда Дейенерис. Никогда!

— Вы настойчиво предлагали королеве попробовать саранчу. Я сам слышал.

— Я думал, что ей понравится лакомство. — Хиздар отступил ещё на шаг. — Острое и сладкое одновременно.

— Острое, сладкое и отравленное. Я своими собственными ушами слышал, как вы приказы-

вали служителям в яме убить Дрогона. Кричали об этом.

Хиздар облизнул губы:

— Чудовище пожирало тело Барсены. Драконы охотятся на людей. Оно убивало, сжигало...

— ... сжигало тех, кто хотел причинить вред вашей супруге. Вполне вероятно, Детей Гарпии, ваших друзей.

— Они мне не друзья!

— Это вы так говорите, но когда вы потребовали прекратить убийства, они повиновались. С чего бы, если вы не один из них?

Хиздар покачал головой и на этот раз промолчал.

— Скажите честно, — попросил сир Барристан, — вы любили её, хоть немного? Или вы вожделели только корону?

— Вожделел? И вы смеете говорить мне «вожделел»? — Короля перекосило от злости. — Да, я вожделел корону... но и вполовину не так сильно, как она вожделела своего наёмника! Может, это её драгоценный капитан пытался её отравить из-за того, что она дала ему отставку. И если бы я тоже поел саранчи, что ж, для него было бы только лучше.

— Даарио убийца, но не отравитель. — Сир Бар-

ристан наступал на короля. — Так вы — Гарпия? — На сей раз, он положил руку на рукоять своего меча. — Скажите правду, и я обещаю вам быструю безболезненную смерть.

— Вы зарвались, сир, — огрызнулся Хиздар. — Меня утомили эти вопросы, да и ваше общество тоже. Я больше не нуждаюсь в ваших услугах. Немедленно покиньте Миэрин, и я сохраню вам жизнь.

— Если вы не Гарпия, то сообщите мне его имя. — Сир Барристан извлёк меч из ножен. В свете жаровни кромка клинка казалась полосой оранжевого огня.

Хиздар не выдержал.

— Кразз! — взвизгнул он, пятясь в сторону опочивальни. — Кразз! КРАЗЗ!

Сир Барристан услышал, как где-то слева от него открылась дверь, и повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как из-за гобелена появляется Кразз. Гладиатор двигался медленно, пошатываясь спросонья, но в руке сжимал своё излюбленное оружие, длинный кривой дотракийский аракх. Аракх — оружие удальца, предназначенное для того, чтобы на скаку наносить глубокие рубленые раны. «*Верная смерть для полуголого противника на арене или на поле*

боя». Но в ближнем бою длина аракха давала не такое уж значительное преимущество, к тому же Барристан Селми был закован в латы и кольчугу.

— Я пришёл сюда за Хиздаром, — сказал рыцарь. — Брось оружие и не вмешивайся, и я не причиню тебе вреда.

Кразз захохотал.

— Старик, я съем твоё сердце.

Двое мужчин были примерно одного роста, но бледнокожий, с тусклыми глазами и гребнем жёстких рыже-чёрных волос, спускавшимся ото лба до основания шеи, Кразз был на два стоуна тяжелее и на сорок лет моложе.

— Приступай, — сказал ему Барристан Отважный, и Кразз приступил.

Впервые за весь день Селми почувствовал уверенность. «*Вот для чего я родился*, — подумал он. — *Танец, сладкая песня стали, меч в моей руке и враг передо мной*».

Гладиатор действовал быстро, невероятно быстро, быстрее любого, с кем сиру Барристану доводилось драться. В ручищах Краззa аракх превратился в нечто свистящее и расплывчатое, в стальной вихрь, который, казалось, обрушивался на старого рыцаря сразу с трёх сторон. И большая часть ударов метила в голову. Кразз совсем не

дурак. Без шлема Селми был наиболее уязвим выше шеи.

Рыцарь хладнокровно парировал удары, его полуторный меч встречал каждый взмах аракха и отбивал в сторону. Клинки вновь и вновь звенели друг о друга. Сир Барристан отступал. Краем глаза он видел чашниц, таращившихся на поединок огромными побелевшими глазами размером с куриное яйцо. Кразз выругался и, замахнувшись сверху, ударил снизу, впервые обойдя клинок старого рыцаря. Но аракх гладиатора только без толку скрежетнул по белой стальной поножи. Ответный удар Селми задел плечо противника, разрезав тонкую ткань и полоснув по телу. Жёлтая туника Кразза порозовела, а затем окрасилась в красный.

— Только трусы надевают на себя железо, — заявил Кразз, описывая круги вокруг рыцаря.

В бойцовых ямах доспехов никто не носил. Зрители приходили туда ради крови, ради смерти, ради увечий и предсмертных криков — музыки багряных песков.

Сир Барристан повернулся навстречу врагу.

— Этот «трус» сейчас убьёт тебя, сир. — Гладиатор не был рыцарем, но своей отвагой заслужил подобное обращение. Кразз не умел драться с

противниками в доспехах, и сир Барристан видел это в его глазах: сомнение, смятение, первые проблески страха. Гладиатор снова пошёл в атаку, на этот раз с криком, словно звук мог поразить врага так, как не могла поразить сталь. Аракх полоснул внизу, вверху, снова внизу.

Селми парировал удар в голову и принял на доспех остальные, а его собственный меч рассёк гладиатору щеку от уха до рта и прочертил влажную красную полосу по груди. Кровь хлынула из ран, но это, казалось, только разъярило Краззa. Он подхватил свободной рукой жаровню и перевернул её, рассыпав головешки и горячие угли Селми под ноги. Сир Барристан перескочил через них. Кразз рубанул его по руке и попал, но аракх только поцарапал эмаль, налетев на сталь.

— В яме я отрубил бы тебе руку, старик.

— Мы не в яме.

— Сними доспехи!

— Ещё не поздно сложить оружие. Сдавайся.

— Умри, — зашипел Кразз... но, занося аракх, задел концом клинка одну из драпировок на стенах и зацепился за неё. Больше сиру Барристану ничего не требовалось — он вспорол гладиатору живот, отбил неловкий удар аракха и добил Краззa, стремительным движением пронзив его

сердце. Потроха гладиатора вывалились наружу клубком скользких угрей.

Кровь и внутренности запачкали королевские шёлковые ковры. Селми отступил на шаг назад с окровавленным мечом в руке. Кое-где под рассыпанными угольками тлели ковры и слышались всхлипывания несчастной Квеззы.

— Не бойся, — успокоил её старый рыцарь. — Я не причиню тебе вреда, дитя. Мне нужен только король.

Он начисто вытер меч о занавесь и вошёл в опочивальню. Хиздар зо Лорак, Четырнадцатый Его Благородного Имени, скулил, спрятавшись за гобелен.

— Пощады! — взмолился он. — Я не хочу умирать.

— Мало кто хочет. Но всем приходится, несмотря ни на что. — Сир Барристан убрал меч в ножны и рывком поднял Хиздара на ноги. — Идёмте. Я отведу вас в темницу. — К этому времени Медные Твари уже должны были обезоружить Железнокожего. — Вы останетесь в заключении до возвращения королевы. Если обвинения против вас не подтвердятся, вам не причинят вреда. Даю слово рыцаря.

Он взял короля за руку и вывел из спальни, чув-

ствуя себя слегка не в себе, словно с похмелья.

«*Я был королевским гвардейцем. Кто я теперь*?»

Вернувшиеся с вином для Хиздара Миклаз и Драказ застыли в дверях, прижав к груди графины, и вытаращенными глазами пялились на труп Краззa. Квезза всё ещё плакала, но Джежена стала её утешать, обняв младшую девочку и поглаживая её по волосам. Другие чашницы стояли за их спинами и смотрели.

— Ваша милость, — сказал Миклаз, — благородный Резнак мо Резнак просил п-передать, чтобы вы как можно скорее вышли.

Мальчик обращался к королю так, словно тут не было ни сира Барристана, ни распластавшегося на ковре мертвеца. Кровь Краззa понемногу окрашивала шёлк в красный цвет.

«*Скахаз должен был взять Резнака под стражу до тех пор, пока мы не удостоверимся в его верности. Что-то пошло не так*?»

— Вышел куда? — спросил пажа сир Барристан. — Куда сенешаль просит выйти его величество?

— Наружу. — Миклаз словно только сейчас заметил рыцаря. — Наружу, сир. На т-террасу. Посмотреть.

— Посмотреть на что?

— На д-д-драконов. Драконы на свободе, сир.

«*Спасите нас Семеро*», — подумал старый рыцарь.

Глава 68. Укротитель драконов

Ночь прокралась мимо на ленивых чёрных лапах. Час летучей мыши сменился часом угря, потом часом призраков. Уставившись в потолок, принц валялся на кровати, грезя наяву, вспоминая, воображая, беспокойно ворочаясь под льняной простынёй, взволнованный мыслями об огне и крови.

Наконец, придя в отчаяние от бездействия, Квентин Мартелл отправился в гостиную, в темноте налил в чашу вина и выпил. Его вкус принёс сладкое успокоение, поэтому принц зажёг свечу и налил ещё. «*Вино поможет мне уснуть*», — убеждал он себя, но знал, что это не так.

Дорниец долго смотрел на горящую свечу, потом отставил чашу в сторону и поднёс руку к пламени. Ему пришлось собрать всю волю в кулак, чтобы приблизить ладонь к огню, дав тому лизнуть плоть, но едва это случилось, с криком отдёрнул руку.

— Квентин, ты что, свихнулся?

«*Нет, просто испугался. Я не хочу сгореть*».

— Геррис, это ты?

— Я услышал, как ты ходишь.

— Не могу заснуть.

— И ожоги тебе помогут? Думаю, немного тёплого молока и колыбельная справятся лучше. А ещё я могу отвести тебя в храм Милости и помочь выбрать там девушку.

— Ты хотел сказать шлюху.

— Они называют их «милостями», причём разных цветов. Трахаются только «красные». — Геррис уселся за стол напротив Квентина. — На мой взгляд, дома нашим септам следует завести такой же обычай. Ты заметил, что старые септы всегда похожи на сушёные сливы? Вот до чего и тебя может довести целомудрие.

Квентин кинул взгляд на террасу, где в непроглядной ночной мгле прятались деревья. До него донёсся еле слышный стук капель.

— Дождь? Все твои шлюхи разбежались.

— И вовсе не все. В садах удовольствий есть такие маленькие комнатки, где они сидят каждую ночь, пока их не выберет кто-то из мужчин. А те, кого не выбрали, должны дожидаться восхода, чувствуя себя отверженными и одинокими. Мы могли бы их утешить.

— Ты хотел сказать, что они утешат меня.

— И это тоже.

— Мне не нужны утешения подобного рода.

— Не согласен. На Дейенерис Таргариен свет клином не сошёлся. Хочешь умереть девственником?

Квентин вовсе не хотел умирать.

«Я хочу вернуться обратно в Айронвуд и поцеловать обеих сестричек. Хочу жениться на Гвинет Айронвуд, наблюдать, как расцветает её красота и завести с ней ребёнка. Хочу выступать на турнирах, хочу охотиться с копьём и соколом, навестить свою мать в Норвосе, хочу прочесть хотя бы часть присланных отцом книг. Хочу, чтобы Клетус, Уилл и мейстер Кедри снова были живы».

— Думаешь, Дейенерис обрадуется, узнав, что я переспал с какой-то шлюхой?

— Возможно. Мужчинам девственницы нравятся, а вот женщины любят тех, кто знает, что с ними делать в постели. Это своего рода фехтование, и не помешает потренироваться, чтобы не ударить в грязь лицом.

Шутка задела за живое. Ни разу Квентин не чувствовал себя настолько мальчишкой, как когда стоял перед Дейенерис Таргариен, умоляя её выйти за него замуж. Мысли о ночи с нею ужасали принца чуть ли не сильнее, чем её драконы.

Что, если он не сумеет ей угодить?

— У Дейенерис есть любовник, — оправдываясь, заявил он. — И мой отец отправил меня сюда не для того, чтобы развлекать королеву в спальне. Ты знаешь, зачем мы здесь.

— Ты не можешь на ней жениться. У неё уже есть муж.

— Она не любит Хиздара зо Лорака.

— Разве любовь имеет отношение к браку? Как принц, ты должен это знать. Говорят, твой отец женился по любви. И много радости ему это принесло?

«Мало и редко». Доран Мартелл провёл половину семейной жизни врозь со своей супругой, а вторую половину — постоянно ссорясь с ней. Некоторые утверждали, что это был единственный порыв в жизни отца, которому тот уступил, прислушавшись к зову сердца, а не разума, в чём теперь раскаивался.

— Не все опасности приводят к поражению, — отстаивал своё мнение Квентин. — Это — мой долг. Моя судьба.

«*Ты ведь мой друг, Геррис. Почему же насмехаешься над моей надеждой? Меня и так мучают сомнения, зачем подливать масло в огонь моих страхов*?»

— Это моё великое приключение.

— В таких приключениях гибнут люди.

Он был прав. Об этом тоже упоминалось в сказаниях. Герой отправлялся в путь вместе с друзьями и спутниками, встречался с опасностью и с триумфом возвращался домой. Вот только не все его спутники доживали до этого дня. — «*Но герой в них никогда не погибает. Я должен быть этим героем*».

— Всё, что мне нужно — немного смелости. Ты бы хотел, чтобы Дорн запомнил меня как неудачника?

— Дорн скоро забудет обо всех нас.

Квентин пососал обожжённый край ладони.

— Дорн помнит Эйегона и его сестёр. Драконов не так просто забыть. Он и Дейенерис запомнит.

— Не запомнит, если она умерла.

— Она жива. — «*Должна быть жива*».

— Просто потерялась, но я её найду.

«*И тогда она взглянет на меня так же, как на своего наёмника. Как только я докажу, что достоин её руки*».

— И как? Восседая на драконе?

— Я с шести лет езжу верхом на лошадях.

— И раза три они тебя сбрасывали.

— Это никогда меня не останавливало.

— Но тебя никогда не скидывали на землю с высоты в тысячу футов, — напомнил Геррис. — А ещё лошади редко превращают своих седоков в кучку обугленных костей и пепла.

«*Об этой опасности мне известно*».

— Не желаю больше ничего слушать. Я разрешил вам уйти. Найди корабль, Геррис, и беги домой. — Принц встал из-за стола, задул свечу и забрался обратно в постель на влажные от пота простыни.

«*Нужно было поцеловать одну из близняшек Дринкуотеров или даже обеих. Нужно было целовать, пока была возможность. Нужно было отправиться в Норвос, повидать мать и родные для неё места, чтобы она знала, что я её не забыл*».

Он слышал, как снаружи, барабаня по кирпичам, идёт дождь.

К тому времени, как приблизился час волка, непрерывный ливень хлестал по земле мощными холодными потоками, угрожавшими в скором времени превратить мощённые кирпичом улицы Миэрина в реки. В предрассветной прохладе дорнийцы перекусили фруктами и хлебом с сыром и запили всё козьим молоком. Геррис налил было себе в кубок вина, но Квентин его остановил.

— Никакой выпивки. После будет время напиться.

— Надеюсь на это, — сказал Геррис.

На террасу выглянул Громадина.

— Я знал, что пойдёт дождь, — мрачно заявил он. — Прошлой ночью кости так и ныли. Они всегда ноют к дождю. Драконам это не понравится. Вода и огонь не уживаются друг с другом, это факт. Стоит развести хороший костёр, так чтоб ярко пылал, и вот те на — начинает капать дождь, и что ты получаешь в итоге? Сырые дрова и погасший огонь.

Геррис хмыкнул:

— Драконы не из дерева сделаны, Арч.

— Некоторые из него самого. Тот старый король Эйегон, который похотливый, чтобы нас завоевать, делал драконов из дерева. Правда, всё закончилось скверно.

«*То же может случиться и с нами*», — подумал принц. Его мало волновали глупости и ошибки Эйегона Недостойного, но он был полон сомнений и опасений. У Квентина разболелась голова от неуклюжих шуток его друзей.

«*Они не понимают. Может они и дорнийцы, но я — это сам Дорн. Через много лет, уже после моей смерти, в песнях воспоют только моё имя*».

Он резко вскочил.

— Пора!

Его товарищи поднялись на ноги. Сир Арчибальд допил свою порцию молока и тыльной стороной громадной ладони стёр с верхней губы молочные усы.

— Я прихвачу наши маскарадные костюмы.

Он вернулся с узлом, полученным от Принца в Лохмотьях на второй встрече. Внутри находились три длинных сшитых из множества квадратных лоскутков плаща с капюшонами, три дубинки, три коротких меча и три маски из начищенной до блеска меди: бык, лев и обезьяна.

В общем, в узле было всё, чтобы превратиться в Медных Тварей.

— Они могут спросить пароль, — передавая вещи, предупредил Принц в Лохмотьях. — *«Пёс»*.

— Вы в этом уверены? — уточнил Геррис.

— Настолько, что готов поставить на это жизнь.

Квентин понял его верно.

— Мою жизнь.

— Да, её самую.

— Как вы узнали пароль?

— Мы случайно наткнулись на парочку Медных Тварей, и Мерис вежливо у них поинтересова-

лась. Но тебе, как принцу, дорниец, скажу, что для твоей же пользы лучше не задавать подобных вопросов. У нас в Пентосе есть поговорка: не спрашивай булочника, что он кладёт в пирожки. Бери и ешь.

«*Бери и ешь*». Квентин согласился, в этом был определённый смысл. Арч заявил:

— Я буду быком.

Квентин передал ему маску.

— Тогда я — львом.

— Значит, из меня вы сделали мартышку. — Геррис прижал маску обезьяны к лицу. — Как они вообще дышат в этих штуковинах?

— Просто надень, и всё. — Принц не был настроен шутить.

Помимо прочего, в узле лежал кнут — жуткая штуковина из старой кожи с рукоятью из меди и кости, достаточно прочная, чтобы спустить шкуру с вола.

— А это нам зачем? — спросил Арч.

— Таким Дейенерис усмирила чёрную тварь. — Квентин взял кнут и повесил его на пояс. — Арч, прихвати свой молот. Он нам пригодится.

Попасть ночью в Великую Пирамиду было не так-то просто. На закате все двери закрывались на замки и засовы и оставались запертыми до

первых лучей солнца. Каждый вход охраняли стражники, а многочисленные караулы патрулировали нижнюю террасу, откуда были видны проходившие внизу улицы. Раньше охрану пирамиды несли Безупречные, теперь же — Медные Твари. Квентин надеялся, что это единственное отличие.

Караул обычно сменялся на восходе, но до него было ещё около получаса, когда трое дорнийцев спустились по лестнице, предназначенной для слуг. Окружающие стены были сложены из кирпичей полусотни оттенков, но в темноте все они казались серыми, пока Геррис не подносил к ним свой факел. За весь долгий путь приятели не встретили ни души. Тишину нарушало лишь шарканье их сапог по истёртым кирпичам.

Главные ворота пирамиды выходили на центральную площадь Миэрина, поэтому дорнийцы направились к дверям, расположенным со стороны переулка. Тут находился вход, которым раньше пользовались рабы, отправляясь с поручениями своих хозяев. Через него же проходили простолюдины и торговцы с товарами.

Бронзовые двери были заперты на железный засов. Возле них стояли две Медных Твари, вооружённые дубинками, копьями и короткими

мечами. На их медных масках крысы и лисы играли блики от горящего факела. Квентин взмахом руки приказал Громадине держаться в тени, а сам вместе с Геррисом направился вперёд.

— Что-то вы рано, — заявил лис.

Квентин пожал плечами:

— Если хочешь, можем уйти. Милости просим отстоять и нашу смену. — Он знал, что говорит погискарски не слишком правильно, но половина Медных Тварей были освобождёнными рабами из разных стран света, так что его акценту никто не удивился.

— Хрен тебе, — огрызнулся крыс.

— Говори пароль, — сказал лис.

— Пёс, — ответил дорниец.

Медные Твари переглянулись. На три секунды Квентин испугался, что что-то перепутал, или Милашка Мерис с Принцем в Лохмотьях выпытали не тот пароль, но тут лис буркнул:

— Ну и пёс с вами. Дверь ваша.

Они ушли, и принц перевёл дыхание.

У них было не так уж много времени. Скоро должна была появиться настоящая смена караула.

— Арч, — позвал принц, и, сверкая маской быка, появился Громадина. — Засов. Быстро!

Железный прут был толстым и тяжёлым, но зато отлично смазанным. Сир Арчибальд поднял его без затруднений, и пока отставлял в сторону, Квентин открыл двери. Геррис, шагнул внутрь, помахав факелом:

— Тащите, скорее!

В соседнем переулке, ожидая сигнала, стоял фургон мясника. Возница хлестнул мула и вывел повозку, оглушительно прогрохотав обитыми железом колёсами по каменной кладке мостовой. На полу фургона были навалены разрубленная на четыре части туша быка и две туши овец. За повозкой появились полдюжины пеших сопровождающих. Пятеро были в плащах и масках Медных Тварей, но Милашка Мерис переодеваться не стала.

— Где твой лорд? — спросил Квентин.

— У меня нет *лорда*, — ответила женщина. — Твой приятель-принц ждёт неподалёку с полусотней ребят, если ты спрашивал про него. Тащи дракона, и он, как и обещал, позаботится о безопасном отходе. Здесь же командует Кагго.

Сир Арчибальд окинул фургон кислым взглядом.

— А дракон поместится в этой тележке? — спросил он.

— Должен. В неё влезает пара быков, — ответил Убийца Мёртвых. Исполосованное шрамами лицо было скрыто под маской кобры, но подвешенный к поясу знакомый чёрный *аракх* выдавал его с головой. — Нам сказали, эти твари мельче, чем чудище королевы.

— В яме они растут медленнее. — Судя по тому, что удалось прочесть Квентину по этому вопросу, то же самое происходило в Семи Королевствах. Ни один из драконов, выведенных и выращенных в драконьей яме Королевской Гавани, не мог похвастаться размерами Вхагар или Мераксес, и, тем более, Чёрного Ужаса — монстра короля Эйегона Завоевателя.

— Вы взяли достаточно цепей?

— Сколько у тебя драконов? — спросила Милашка Мерис. — Тех цепей, что спрятаны в фургоне под мясом, хватит на десяток.

— Отлично. — Квентин чувствовал лёгкое головокружение. Всё происходящее казалось нереальным. В какой-то момент ему даже почудилось, что это такая игра, а в следующий миг — что он попал в кошмар, в дурной сон, в котором открывает тёмную дверь, зная, что за ней скрывается ужас и смерть, но остановиться не в силах. Ладони вспотели и стали скользкими.

Принц вытер их о штаны и сказал:

— У ямы больше охраны.

— Знаем, — ответил Геррис. — Нужно подготовиться.

— Уже готовы, — сказал Арч.

Живот Квентина скрутил спазм. Он испытывал острое желание облегчиться, но знал, что сейчас отлучиться не посмеет.

— Что ж, тогда сюда. — Это был редкий случай, когда принц чувствовал себя маленьким мальчиком, но, тем не менее, Геррис, Громадина, Мерис с Кагго и остальные Гонимые Ветром его послушались. Двое наёмников извлекли откуда-то из тайника в фургоне арбалеты.

Сразу за конюшней нижний ярус Великой Пирамиды превращался в запутанный лабиринт, но Квентин Мартелл уже был здесь с королевой и запомнил дорогу. Они миновали три огромные кирпичные арки, прошли вглубь пирамиды по крутому каменному спуску, оставили позади темницы, пыточные камеры и пару глубоких каменных резервуаров. Шаги гулко отражались от стен, позади гремел фургон. По пути Громадина прихватил со стены ещё один факел, чтобы освещать дорогу.

Наконец перед ними показалась двустворча-

тая дверь, заржавевшая и запертая на длинную толстую цепь, каждое звено которой было толщиной в человеческую руку. Квентину Мартеллу хватило лишь раз взглянуть на размер и мощь этих дверей, чтобы задуматься о разумности его плана. И, что ещё хуже, обе створки были явно помяты изнутри, словно нечто пыталось пробиться сквозь них. Толстое железо потрескалось и раскололось в трёх местах, а слева верхний угол двери выглядел частично оплавленным.

Охраняли вход четверо солдат из Медных Тварей. Трое были вооружены копьями, четвёртый — сержант — коротким мечом и кинжалом. На нём была маска в виде головы василиска. Лица других стражей закрывали маски, изображавшие каких-то насекомых.

«*Саранча*», — догадался Квентин.

— Пёс, — произнёс он.

Сержант замер.

Этого было достаточно, чтобы Квентин понял: что-то не так.

— Взять их, — прохрипел принц, увидев, как рука василиска метнулась к короткому мечу.

Сержант двигался быстро, но Громадина его опередил, бросив факел в ближайшую саранчу и выхватив из-за спины боевой молот. Меч ва-

силиска ещё только покидал ножны, когда боёк молота врезался ему в висок, пробив медную маску, плоть и череп. Сержант успел сделать полшага в сторону, потом его колени подогнулись и он осел на пол. Тело нелепо задёргалось.

Квентин зачаровано смотрел на это, чувствуя, как внутри всё переворачивается. Его собственный меч оставался в ножнах. Он даже не подумал его вытащить. Взгляд принца был прикован к бьющемуся в агонии сержанту. В свете упавшего на пол, но не погасшего факела искажённая, вытянутая тень дёргавшегося в конвульсиях умиравшего человека выглядела чудовищно и нелепо. Мартелл не заметил нацеленного в него копья стражника, пока Геррис, врезавшись в принца, не оттолкнул его сторону. И хотя наконечник лишь царапнул щеку львиной головы, удар всё равно оказался таким сильным, что едва не сорвал маску. — «*Оно было пущено прямо мне в горло*», — изумлённо подумал Квентин.

Окружённый саранчой Геррис выругался. Мартелл услышал шаги бегущих людей. Один из стражей отвлёкся на выскочивших из темноты наёмников, чем и воспользовался Геррис. Обогнув копьё, он скользнул к Медной Твари и ткнул мечом под медную маску туда, где находилось

горло. Грудь второго солдата пронзила арбалетная стрела.

Последний из саранчи, бросив копьё, закричал:

— Сдаюсь! Я сдаюсь!

— Нет. Ты умрёшь. — Одним взмахом *аракха* Кагго отсёк ему голову. Валирийская сталь прошла сквозь плоть, кости и хрящи, словно сквозь масло. — Слишком много шума, — пожаловался он. — Нас слышали все, у кого есть уши.

— Пёс? — спросил Квентин. — Паролем на сегодня должен был быть «пёс». Так почему они не дали нам пройти? Нам сказали, что...

— А ты не забыл, как тебе говорили, что весь твой план безумен? — вмешалась Милашка Мерис. — Делай то, ради чего пришёл.

«*Драконы*, — подумал Квентин Мартелл. — *Да, мы пришли за драконами*». — Он чувствовал, что его вот-вот стошнит. — «*Что я вообще здесь делаю? Отец, почему? За четыре секунды умерло четыре человека, и ради чего*?»

— Пламя и кровь, — прошептал он, — кровь и пламя. — Собравшаяся у его ног лужа крови понемногу впитывалась в кирпичный пол. За этими дверями его ждало пламя. — Цепи... у нас нет ключа...

— А вот и ключик, — ответил Арч, резко взмахнув боевым молотом. От удара бойка по замку посыпались искры. Удар, ещё и ещё. На пятом замок развалился, и цепи грохнулись вниз, загремев так громко, что Квентин был уверен, что их услышала вся пирамида.

— Тащите фургон. — Сытые драконы, куда послушнее. — «*Пусть перекусят жареной бараниной*».

Арчибальд Айронвуд взялся за створки и распахнул железные ворота. Заржавевшие петли хором заскрипели так, что от этого звука должны были проснуться те, кто проспал взлом замка. Внезапно повеяло жаром и сильным запахом пепла, серы и горелой плоти.

По ту сторону дверей было темно. Тьма казалась угрюмой, мрачной, живой, угрожающей и голодной. Квентин чувствовал, что в ней, свернувшись, поджидает нечто.

«*Воин, придай мне смелости*, — взмолился принц. Он не желал этого делать, но не видел иного пути. — *Для чего же ещё Дейенерис показала мне драконов? Она хотела, чтобы я доказал, что достоин её*».

Геррис подал ему факел, и молодой человек шагнул внутрь.

«*Зелёный — Рейегаль, а белый — Визерион*, — напомнил он себе. — *Приказывая, нужно называть их по именам. Говорить с ними спокойно, но строго. Подчинить их себе, как Дейенерис подчинила Дрогона в бойцовской яме*». — Одетая лишь в тонкий шёлк девушка была одна, но не знала страха. «*Мне не следует бояться. Она справилась, и я смогу*». Главное не показывать страха. «*Животные чувствуют страх, и драконы...*» А что он, собственно, знает про драконов? «*Что вообще люди о них знают? Они вымерли почти столетие назад*».

Неподалёку виднелся край ямы. Квентин осторожно двинулся вперёд, водя факелом из стороны в сторону. Стены, пол и потолок словно всасывали свет. «*Они опалены*, — понял принц. — *Кирпичи обгорели дочерна и покрылись слоем пепла*». С каждым шагом воздух становился горячее. Принц начал потеть.

Прямо перед ним появились два глаза.

Бронзовые, ярче полированных щитов, пышущие жаром, они словно раскалились изнутри, пылая за завесой дыма, вырывавшегося из ноздрей дракона. Свет факела Квентина выхватил из темноты тёмно-зелёную чешую — цвета мха из самой глухой чащи леса во время сумерек, как

раз перед тем, как исчезают последние отблески дня. И тут дракон открыл свою пасть, и всё вокруг залило светом и жаром. За частоколом чёрных острых зубов принц заметил отсвет спящего огня, сиявшего в сотню раз ярче факела в руках. Голова дракона была крупнее лошадиной. Шея вздымалась всё выше, будто какой-то медленно разворачивавшийся гигантский змей поднимал голову, не сводя своих глаз с жертвы.

«*Зелёный*, — напомнил себе принц. — *Его шкура зелёная*».

— Рейегаль, — позвал он, но голос сорвался и вместо этого вышел лишь невнятный хрип.

«*Лягушонок*, — пронеслось у него в мозгу, — *я вновь превращаюсь в Лягушонка*».

— Еду, — внезапно вспомнив, квакнул он. — Тащите еду.

Громадина его услышал, выхватил из фургона одну из бараньих туш за задние ноги и, размахнувшись, бросил в яму.

Рейегаль поймал тушу на лету, запрокинул голову, и из его пасти вырвалась струя пламени, похожая на оранжево-жёлтый с зелёными прожилками вихрь. Зажарившийся прямо в воздухе баран не успел коснуться кирпичей, как на нём уже сомкнулись драконьи челюсти. Вокруг

туши даже не успел погаснуть ореол пламени. Завоняло палёной шерстью и серой. — «*Запах драконов*».

— Я думал, их тут двое, — сказал Громадина.

«*Визерион. Точно. Где же Визерион*?»

Принц опустил свой факел, чтобы получше разглядеть мрак внизу. Он видел, как зелёный дракон отрывает куски от дымящейся бараньей туши. Насыщаясь, дракон хлестал из стороны в сторону длинным хвостом. Его шею опоясывал широкий железный ошейник с трёхфутовым обрывком цепи. Среди почерневших костей, усеивавших пол ямы, валялись разломанные звенья — искорёженные и частично оплавленные куски металла.

«*В последний раз, когда я видел Рейегаля, он был прикован к стене и полу*, — вспомнил принц, — *а Визерион свисал с потолка*». Квентин отступил назад, поднял факел и задрал голову.

Мгновение он не мог разглядеть ничего, кроме почерневших от драконьего дыхания сводов. Но посыпавшийся сверху пепел привлёк взгляд, выдав чьё-то движение. Там пряталось что-то светлое.

«*Он сделал себе пещеру*, — понял принц. — *Процарапал нору в кирпиче*». Великая Пирамида

покоилась на основательном и массивном фундаменте, способном выдержать вес огромного наземного сооружения. Даже внутренние стены были втрое толще любой крепостной стены. Но Визерион с помощью когтей и пламени вырыл себе в этих стенах достаточно большое логово, чтобы в нём спать.

«*И мы только что его разбудили*». Принц заметил, как изнутри стены, где та, изгибаясь, переходила в свод потолка, появились кольца огромной белой змеи. Вниз посыпался пепел и осколки битого кирпича. Наружу высунулись змеиные шея и хвост, и, наконец, показалась драконья голова с длинными рогами. В темноте, словно два золотых уголька, горели его глаза. Зашуршали, расправляясь, крылья.

Все планы Квентина тут же улетучились из головы. Он услышал, как Кагго Убийца Мёртвых что-то кричит своим наёмникам. «*Цепи. Он отправил их принести цепи*», — понял дорниец. Первоначально планировалось накормить драконов, а затем опутать вялых от сытости зверюг цепями — так же, как поступила когда-то королева. Хотя бы одного дракона, но лучше — обоих.

— Ещё мяса, — сказал Квентин. — «*Когда твари сыты, они становятся сонными*». Он видел, как

это случается со змеями в Дорне, но в этом случае, с такими чудищами... — Несите... несите...

Визерион слетел с потолка, широко распахнув бледные кожаные крылья. С его шеи, размашисто качаясь, свисал обрывок цепи. Пламя дыхания дракона осветило яму — светло-золотое пламя с красными и оранжевыми отсветами — и от взмахов белых крыльев в затхлый воздух взвилось облако горячего пепла и серы.

Чья-то рука схватила Квентина за плечо. Факел выпал, покатился по полу и свалился в яму, так и не потухнув. Принц оказался лицом к лицу с медной маской обезьяны. «*Геррис*».

— Квент, ничего не выйдет. Они слишком дикие. Они...

С рёвом, способным обратить в бегство сотню львов, дракон приземлился между дорнийцами и дверью. Поворачивая голову из стороны в сторону, Визерион оглядывал незваных гостей — дорнийцев, Гонимых Ветром, Кагго. Дольше всего, принюхиваясь, тварь задержала взгляд на Милашке Мерис.

«*Женщина*, — понял Квентин. — *Он чувствует женщину, и ищет Дейенерис. Хочет увидеть мать и не понимает, почему её нет*».

Квентин вывернулся из хватки Герриса.

— Визерион, — позвал он. — «*Белого зовут Визерион*». На миг принц испугался, что перепутал клички. — Визерион! — вновь позвал он, хватаясь за свисавший с пояса кнут. «*Она сумела усмирить чёрную тварь кнутом. Мне нужно действовать так же*».

Дракон узнал своё имя. Он повернул голову, и его взгляд на три долгих мгновения задержался на дорнийском принце. За сверкающими чёрными кинжалами драконьих зубов сверкнуло бледное пламя. Глаза чудовища походили на два озера расплавленного золота, а из ноздрей поднимался дым.

— Сидеть, — приказал Квентин. Потом он закашлялся, снова и снова.

Воздух наполнился дымом и удушливой вонью серы. Визерион потерял к принцу интерес. Дракон развернулся к Гонимым Ветром и направился прямиком к выходу. Возможно, он учуял запах крови мёртвых стражей или мяса в фургоне мясника. Или же просто только что заметил, что выход свободен.

Квентин слышал, как закричали наёмники. Кагго вопил о цепях, а Милашка Мерис орала кому-то убраться с дороги. На земле дракон двигался неуклюже, словно человек, ползущий на

четвереньках, но всё же быстрее, чем мог вообразить дорнийский принц. Когда Гонимые Ветром, замешкавшись, не успели освободить дракону путь, тот снова зарычал. Квентин услышал звон цепей и глухой треск арбалета.

— Нет! — заорал он. — Нет! Не надо, *не надо*! — Но было поздно. «*Какой дурак*», — только и успел подумать принц, когда отскочивший от шеи Визериона арбалетный болт исчез во мраке. На месте удара вспыхнула красно-золотая полоска огня — драконьей крови.

Стрелок потянулся к колчану, но на его шее тут же сомкнулись зубы. Медная Тварь в свирепой тигриной маске выронил оружие и попытался разжать челюсти Визериона, но в этот момент из пасти тигра вырвалось пламя. Глаза солдата лопнули с тихим хлопком, и вниз потекла расплавленная медь. Дракон вырвал горло наёмника и проглотил. Обожжённое тело со стуком упало на пол.

Остальные Гонимые Ветром отшатнулись назад. Это было слишком даже для Милашки Мерис. Визерион повернул свою рогатую голову, выбирая между ними и своей жертвой, но спустя какой-то миг забыл про наёмников и склонил шею, чтобы полакомиться очередным куском

мертвеца — на этот раз ногой.

Квентин развернул кнут.

— Визерион! — теперь его голос звучал громче. Он сможет, он справится. Отец отправил его на другой конец света ради этого шанса, и он его не подведёт. — *ВИЗЕРИОН!* — Кнут резко щёлкнул в воздухе, пробудив эхо в почерневших стенах.

Светлая голова твари поднялась. Огромные золотые глаза сузились. Из драконьих ноздрей взвились вверх витые струйки дыма.

— Сидеть! — приказал принц. — «*Нельзя дать ему почуять мой страх*». — Сидеть, сидеть, *сидеть*! — Он взмахнул кнутом и стегнул им дракона по морде. Визерион зашипел.

Вдруг на Квентина налетел порыв горячего ветра, и принц услышал шум кожаных крыльев. Воздух наполнился пеплом и золой, раздался чудовищный рёв, усиленный эхом, отразившимся от опалённых, почерневших кирпичей. До Мартелла донеслись дикие крики друзей. Геррис звал его по имени, а Громадина вопил что есть сил:

— Сзади! Сзади! *Сзади!*

Квентин обернулся и поднял левую руку, чтобы прикрыть глаза от обжигающего ветра. — «*Рейегаль*, — вспомнил он. — *Зелёный — Рейегаль*».

Когда принц вновь взмахнул кнутом, то увидел,

что тот горит вместе с державшей его рукой. И он сам тоже, всё его тело.

«*Ох*!» — подумал Квентин, и закричал.

Глава 69. Джон

— Пускай умирают, — сказала королева Селиса.

Именно такого ответа Джон Сноу и ждал. *«Эта королева не устаёт разочаровывать».* И всё же от этого было не легче.

— Ваше величество, — продолжал упорствовать он, — тысячи одичалых в Суровом Доле голодают. Среди них много женщин…

— …и детей, да. Очень печально.

Королева притянула дочь поближе и поцеловала в щёку. *«В щёку, не обезображенную серой хворью»,* — заметил Джон.

— Нам, конечно, жаль малышей, но приходится внять голосу разума. У нас нет лишней еды, и они слишком молоды, чтобы пригодиться моему супругу-королю на войне. Лучше им переродиться в свет.

Это был лишь более мягкий способ сказать *«пускай умирают».*

В комнате было людно. Принцесса Ширен стояла рядом с креслом матери, Пестряк, скрестив ноги, сидел у её ног. Сир Акселл Флорент встал

позади королевы, Мелисандра Асшайская расположилась у очага, рубин на шее пульсировал при каждом её вдохе. У красной женщины тоже имелась своя свита — оруженосец Деван Сиворт и двое стражников, которых оставил ей Станнис.

Защитники королевы Селисы выстроились у стены — ряд рыцарей в сияющих доспехах: сир Малигорн, сир Бенетон, сир Нарберт, сир Патрек, сир Дорден, сир Брюс. Учитывая количество кровожадных одичалых, наводнивших Чёрный Замок, королева Селиса держала свои верные щиты при себе днём и ночью. Услышав об этом, Тормунд Великанья Смерть проревел:

— Боится, что её утащат? Надеюсь, Джон Сноу, ты ей никогда не рассказывал, какой у меня большой член. Это любую женщину напугало бы. Я всегда хотел усатую. — Он долго ещё хохотал.

«Сейчас он бы не смеялся».

Джон потратил впустую достаточно времени.

— Прошу прощения, что побеспокоил, ваше величество. Ночной Дозор займётся этим делом.

Королева раздула ноздри.

— Всё ещё собираетесь ехать в Суровый Дол, у вас это на лице написано. Я уже ответила — *пускай умирают*, но вы продолжаете упорствовать в этой безумной глупости. Не отрицайте.

— Я поступлю так, как считаю нужным. При всём уважении, ваше величество, Стена моя, как и это решение.

— Так-то оно так, — согласилась Селиса, — но вы ответите за него, когда вернётся король. Боюсь, и за другие решения тоже. Впрочем, вижу, что вы глухи к голосу разума. Делайте, что хотите.

— Лорд Сноу, кто возглавит эту вылазку? — подал голос сир Малигорн.

— Хотите вызваться, сир?

— Я похож на дурака?

Пестряк подпрыгнул.

— Я возглавлю её! — Его колокольчики весело зазвенели. — Мы войдём в море и выйдем из него. Мы поедем под волнами на морских конька́х, а русалки будут дуть в раковины, возвещая наш приход, о, о, о!

Все захохотали. Даже королева Селиса позволила себе слегка улыбнуться. Джону было не так весело.

— Я не попрошу своих людей о том, чего бы ни сделал сам. Их поведу я.

— Как отважно с вашей стороны, — произнесла королева. — Мы одобряем. Потом какой-нибудь бард наверняка сложит о вас волнующую балладу, а мы получим более благоразумного

лорда-командующего.

Она сделала глоток вина.

— Давайте обсудим другие дела. Акселл, будь любезен, приведи короля одичалых.

— Сейчас, ваше величество.

Сир Акселл вышел и вернулся мгновение спустя с Герриком Королевской Кровью.

— Геррик из дома Рыжебородых! — провозгласил он. — Король одичалых.

Геррик Королевская Кровь был высок, длинноног и широкоплеч. Как оказалось, королева нарядила его в старую одежду короля. Вымытый и ухоженный, с чистыми длинными рыжими волосами и подстриженной бородой, в зелёном бархате и горностаевом полуплаще, одичалый выглядел совсем как южный лорд. *«Войди он в тронный зал в Королевской Гавани, никто бы и бровью не повёл»,* — подумал Джон.

— Геррик — истинный и законный король одичалых, — сказала королева. — По мужской линии он прямой потомок их великого короля Реймунда Рыжебородого, в то время как матерью узурпатора Манса Налётчика была какая-то простолюдинка, а отцом — один из ваших чёрных братьев.

«Нет, — мог бы сказать Джон, — *Геррик — пото-*

мок младшего брата Реймунда Рыжебородого». Для вольного народа это значит не больше, чем если бы он происходил от лошади Реймунда Рыжебородого. *«Ничего они не знают, Игритт. И, что хуже, ничему не учатся».*

— Геррик любезно согласился отдать свою старшую дочь моему дорогому Акселлу, чтобы Владыка Света связал их святыми узами, — сообщила королева Селиса. — Остальные его дочери выйдут замуж в тот же день. Средняя дочь — за сира Брюса Баклера, а младшая — за сира Малигорна из Красного Пруда.

— Сиры. — Джон кивнул указанным рыцарям. — Желаю вам обрести счастье с вашими суженными.

— На дне морском люди женятся на рыбах, — звеня колокольчиками, пританцовывал Пестряк. — Женятся, женятся, женятся.

Королева Селиса снова шмыгнула носом.

— Четыре свадьбы сыграть так же легко, как и три. Давно пора пристроить эту женщину, Вель, лорд Сноу. Я решила, что она выйдет замуж за моего надёжного и верного рыцаря, сира Патрека с Королевской Горы.

— Вель об этом сообщили, ваше величество? — спросил Джон. — У вольного народа заведено,

что, когда мужчина хочет женщину, он её похищает, чтобы таким образом доказать свою силу, хитрость и отвагу. Ухажёр рискует быть серьёзно избитым, если его поймает родня женщины. И ещё серьёзнее, если девушка посчитает его недостойным.

— Дикий обычай, — заметил Акселл Флорент.

Сир Патрек только усмехнулся.

— Ни один мужчина не подвергал сомнению мою отвагу. Женщина тоже не будет.

Королева Селиса поджала губы.

— Лорд Сноу, поскольку леди Вель незнакома с нашими обычаями, я могу объяснить ей, каковы обязательства благородной леди перед своим лордом мужем.

«Думаю, зрелище будет то ещё». Джон задумался, продолжала бы королева настаивать, чтобы Вель стала женой одного из своих рыцарей, если бы узнала, как та относится к принцессе Ширен?

— Как пожелаете, — произнёс он, — хотя, если мне позволят говорить откровенно…

— Нет. Думаю, что нет. Можете быть свободны.

Джон опустился на колено, склонил голову и удалился.

Спускаясь, он перешагивал две ступени разом и кивал стражникам королевы. Её величество

поставила своих людей на каждой лестничной площадке, чтобы защититься от кровожадных одичалых. На полпути его окликнули сверху:

— Джон Сноу!

Джон обернулся.

— Леди Мелисандра.

— Нам надо поговорить.

— Правда?

«Думаю, что нет».

— Миледи, у меня есть обязанности.

— Именно о ваших обязанностях и пойдёт речь.

Шурша подолом своих алых юбок, она скорее проплыла по лестнице, а не спустилась.

— Где твой лютоволк?

— Спит в моих покоях. Её величество не позволяет Призраку приближаться к ней. Она утверждает, что он пугает принцессу. И пока Боррок со своим вепрем неподалёку, я не осмелюсь его выпустить.

Оборотень отправится с Сореном Щитоломом в Каменную Дверь, как только вернутся телеги, повёзшие племя Обдирателя Тюленей в Зелёный Дозор. До тех пор Боррок останется жить в одной из древних гробниц у замкового кладбища. Общество давно умерших людей, похоже, подходило

ему лучше, чем соседство живых, да и вепрь выглядел довольным, роясь в земле среди старых могил, вдали от других животных.

— Это существо размером с быка, а клыки у него длинные, будто мечи. Если Призрака выпустить, они сцепятся, и тогда один из них не переживёт этой встречи, а то и оба.

— Боррок — наименьшая из твоих забот. Эта вылазка…

— Одно твоё слово могло заставить королеву изменить мнение.

— В этом Селиса права, лорд Сноу. *Пускай умирают.* Ты не можешь их спасти. Твои корабли погибли…

— Осталось шесть. Больше половины флота.

— Твои корабли погибли. *Все*. Ни один человек не вернётся. Я видела это в своём пламени.

— Твоё пламя, как известно, лжёт.

— Я совершала ошибки, признаю, но…

— Серая девочка на умирающей лошади. Кинжалы во тьме. Обещанный принц, рождённый среди дыма и соли. Мне кажется, что вы совершаете одни лишь ошибки, миледи. Где Станнис? Что с Гремучей Рубашкой и его копьеносицами? *«Где моя сестра?»*

— Ты получишь ответы на все свои вопросы.

Посмотри на небо, лорд Сноу. Когда найдёшь там ответы, пошли за мной. Зима почти пришла. Я твоя единственная надежда.

— Пустая надежда.

Джон повернулся и ушёл от неё.

Кожаный ходил взад-вперёд по двору.

— Торегг вернулся, — доложил он, когда Джон вышел. — Его отец расселил своих людей в Дубовом Щите и возвратится к полудню с восьмьюдесятью воинами. Что сказала бородатая королева?

— Её величество не может нам помочь.

— Слишком занята выщипыванием волосков на подбородке, верно? — Кожаный сплюнул. — Не важно. Людей Тормунда и наших будет достаточно.

«Достаточно, чтобы добраться до места. Возможно». Джона беспокоил путь назад. Возвращение замедлят тысячи одичалых, многие из которых больны и оголодали. *«Людской поток, движущийся медленнее, чем замёрзшая река».* Они окажутся уязвимы. *«Мертвецы в лесу. Мертвецы в воде».*

— А сколько достаточно? — спросил он у Кожаного. — Сто? Двести? Пять сотен? Тысяча?

«Стоит взять побольше людей или поменьше?»

Маленький отряд быстрее доберётся до Сурового Дола… Но к чему мечи, если нет еды? Матушка Кротиха и её люди уже дошли до того, что едят мертвецов. Чтобы их накормить, понадобятся телеги и повозки, а также тягловые животные для упряжек: лошади, волы, собаки. Вместо того чтобы пронестись через лес, они будут обречены ползти.

— Ещё многое надо решить. Передай всем, что я хочу собрать командиров в Щитовом Чертоге с началом вечерней стражи. К тому времени Тормунд вернётся. Где мне найти Торегга?

— Наверняка с маленьким чудовищем. Слышал, ему приглянулась одна из кормилиц.

«Ему приглянулась Вель. Раз одна сестра побывала королевой, может и другая». Тормунд раньше подумывал о том, чтобы стать Королём за Стеной, пока Манс его не одолел. Торегг Высокий вероятно грезит о том же. *«Лучше он, чем Геррик Королевская Кровь».*

— Ладно, — произнёс Джон. — Я могу поговорить с ним и позже.

Он посмотрел поверх Королевской Башни. Стена была матово-белой, небеса над ней — ещё белее. *«Снежное небо».*

— Хоть бы не случилось ещё одной бури.

Арсенал охраняли дрожавшие на ветру Малли и Блоха.

— Почему бы вам не погреться внутри? — спросил Джон.

— Мы бы рады, м'лорд, — ответил Фалк Блоха, — но ваш волк нынче не расположен к гостям.

Малли подтвердил.

— Он меня чуть не укусил.

– *Призрак?* — Джон был потрясён.

— Ага, если только у вашей светлости нет другого белого волка. Никогда не видел его таким, м'лорд. Таким диким, я имею в виду.

Войдя внутрь, Джон убедился в правоте караульного. Большому белому лютоволку не лежалось на месте. Он метался из одного конца арсенала в другой, мимо холодного горна и обратно.

— Спокойно, Призрак, — произнёс Джон. — Сидеть. Призрак, сядь. *Сидеть*.

Но когда он попробовал коснуться волка, тот ощетинился и оскалил зубы.

«Всё этот проклятый вепрь. Даже здесь Призрак чует его вонь».

Ворон Мормонта тоже казался взбудораженным.

– *Сноу*! — всё время кричала птица. — *Сноу*,

Сноу, Сноу!

Джон прогнал птицу, велел Атласу развести огонь, потом отправил его за Боуэном Маршем и Отеллом Ярвиком.

— И принеси ещё кувшин пряного вина.

— Три чаши, м'лорд?

— Шесть. Малли и Блохе, похоже, нужно чего-нибудь согревающего. И тебе тоже.

Когда Атлас вышел, Джон снова сел за изучение карт земель к северу от Стены. Кратчайший путь к Суровому Долу лежит вдоль побережья… из Восточного Дозора. Леса у моря не такие густые, местность в основном равнинная с холмами и солончаками. И когда на побережье завывают осенние шторма, с неба чаще сыплется не снег, а холодный дождь, град и ледяная крупка. *«Великаны в Восточном Дозоре, и Кожаный говорит, что некоторые из них смогут помочь».* Из Чёрного Замка путь труднее, он пролегает через самое сердце Зачарованного леса. *«Если у Стены снег такой глубокий, то насколько всё хуже там?»*

Вошли сопящий Марш и угрюмый Ярвик.

— Ещё одна буря, — объявил первый строитель. — Как нам работать в такую погоду? Мне нужно больше людей.

— Используйте вольный народ.

Ярвик мотнул головой.

— От них больше вреда, чем пользы. Неряшливые, небрежные, ленивые… Пусть и сильные, но непослушные. Не спорю, среди них попадаются неплохие плотники, но мало каменотёсов и ни одного кузнеца. А нам нужно восстановить из руин все эти крепости. Это невозможно сделать, милорд. Я говорю вам правду. Невозможно.

— Это будет сделано, — сказал Джон. — Или им придётся жить в руинах.

Правителю нужно окружать себя людьми, способными дать честный совет. Марш и Ярвик не были подхалимами, и это к лучшему… но от них редко был *толк*. Всё чаще и чаще, ещё до того как задать вопрос, Джон уже заранее знал, что они ему ответят.

Особенно когда дело касалось вольного народа, чуждого им до мозга костей. Когда Джон отдал Каменную Дверь Сорену Щитолому, Ярвик предостерёг, что крепость слишком изолирована. Откуда им знать, какое зло станет замышлять Сорен среди этих холмов? Когда он даровал Дубовый Щит Тормунду Великаньей Смерти, а Врата Королевы — Морне Белой Маске, Марш отметил, что теперь у Чёрного Замка по обе стороны есть враги, способные легко отрезать их от осталь-

ной Стены. А Борок, по словам Отелла Ярвика, мог создать собственную свинячью армию из диких кабанов, которых полно в лесах к северу от Каменной Двери. Кто поручится, что он так не поступит?

В Морозном Холме и Мёрзлых Вратах всё ещё не хватало гарнизонов, и Джон спросил советников, кто из оставшихся вождей и командиров одичалых подходит, чтобы их занять.

— У нас есть Брогг, Гавин-Торговец, Великий Морж… Хоуд-Странник сам по себе, как говорит Тормунд, но ещё есть Харль-Охотник, Харль-Красавчик, Слепой Досс… У Игона Старого Отца много людей, но в большинстве это его сыновья и внуки. Он взял восемнадцать жён, половину уводом. Кто из них…

— Никто, — ответил Боуэн Марш. — Я сужу об этих людях по их делам. Петлю они заслужили, а не наши замки.

— Да, — согласился Отелл Ярвик. — Скверно, хуже, совсем никуда — с этаким выбором ждёт нас беда. Милорд мог бы с таким же успехом показать нам волчью стаю и предложить выбрать, какому зверю подставить глотки.

И с Суровым Долом вышло то же самое. Атлас разливал вино по чашам, пока Джон рассказывал

об аудиенции у королевы. Марш внимательно слушал, не обращая внимания на пряное вино, а Ярвик выпил одну чашу, потом другую. Но не успел Джон закончить, как лорд-стюард произнёс:

— Её величество мудра. Пускай умирают.

Джон откинулся на спинку стула.

— Другого совета у вас нет, милорд? Тормунд приведёт восемьдесят человек. Сколько из них нужно послать? Использовать ли великанов? Копьеносиц из Бочонка? Если с нами будут женщины, это может успокоить людей Матушки Кротихи.

— Тогда пошлите женщин. Пошлите великанов. Пошлите грудных младенцев. Такого ответа желает милорд? — Боуэн Марш потёр шрам, полученный на Мосту Черепов. — Отправьте их всех. Чем больше мы потеряем, тем меньше голодных ртов останется.

От Ярвика было не больше пользы.

— Если одичалые в Суровом Доле нуждаются в спасении, пусть здешние одичалые придут им на помощь. Тормунд знает, как добраться до Сурового Дола. Его послушать, так он сам может спасти их всех своим огромным хозяйством.

«Это бессмысленно, — подумал Джон. — *Бес-*

смысленно, тщетно, безнадёжно».

— Спасибо за ваш совет, милорды.

Атлас помог им снова облачиться в плащи. Пока советники шли через арсенал, Призрак принюхивался к ним, подняв хвост и ощетинившись. *«Мои братья».* Ночной дозор нуждался в вожаках, наделённых мудростью мейстера Эйемона, знаниями Сэмвела Тарли, отвагой Куорена Полурукого, твёрдой силой Старого Медведя, состраданием Донала Нойе. А вместо этого получил этих двоих.

Снаружи валил сильный снегопад.

— Ветер южный, — заметил Ярвик. — Снег сдувает прямо на Стену, видите?

Он был прав. Джон заметил, что винтовую лестницу засыпало почти до первой площадки. Деревянные двери ледяных камер и кладовых исчезли под белой насыпью.

— Сколько у нас человек в ледяных камерах? — спросил он Боуэна Марша.

— Четверо живых и двое мёртвых.

«Трупы». Джон почти забыл про них. Он надеялся узнать что-то новое об оживших мертвецах, с помощью привезённых из рощи чардрев трупов, но те упрямо оставались мёртвыми.

— Нужно раскопать эти камеры.

— Десять стюардов и десять лопат с этим справятся, — сказал Марш.

— Используйте и Вун Вуна.

— Как прикажете.

Десять стюардов и один великан быстро разделались с сугробами, но даже когда двери расчистили, Джон не был удовлетворён.

— К утру их опять засыплет. Лучше убрать оттуда пленников, не то задохнутся.

— Карстарка тоже, м'лорд? — спросил Фалк Блоха. — Может, пусть себе дрожит до самой весны?

— Хотелось бы.

В последнее время Креган Карстарк принялся выть по ночам и бросаться замёрзшими испражнениями в каждого, кто приносил ему еду. Любви к пленнику стражникам это не прибавило.

— Заберите его в башню лорда-командующего. Подвал подойдёт. — Хотя бывшее жилище Старого Медведя частично обвалилось, там будет теплее, чем в ледяных камерах. Подвалы башни по большей части уцелели.

Креган сперва пинал стражников, а когда его схватили, принялся извиваться, толкаться и даже кусаться. Но люди Джона были крупнее, моложе и сильнее ослабевшего от холода узника. Его вытащили наружу, невзирая на сопротивле-

ние, и поволокли, утопая по бёдра в снегу, к его новому дому.

— Что лорд-командующий прикажет делать с телами? — спросил Марш, когда живых увели.

— Оставьте там.

Ничего страшного, если мертвецов засыплет снегом. В конце концов, ему, конечно, придётся их сжечь, но до тех пор они будут скованы железными цепями внутри камер. Этого, а ещё того факта, что они были мертвы, должно хватить, чтобы обезопасить себя от них.

Тормунд Великанья Смерть со своими бойцами нагрянул как раз вовремя, когда закончили убирать снег. Похоже, пришло лишь пятьдесят человек вместо тех восьмидесяти, что Торегг пообещал Кожаному. Но Тормунда не зря прозвали Хвастуном. Одичалый прибыл с раскрасневшимся лицом, на ходу требуя рог эля и чего-нибудь горячего закусить. Его борода заледенела, а усы заиндевели.

Кто-то уже рассказал Громовому Кулаку про Геррика Королевскую Кровь и его новый облик.

— Король одичалых?! — проревел Тормунд. — Хар! Скорей уж король дырки в моей волосатой заднице.

— У него царственный вид, — сказал Джон.

— У него маленький красный член вдобавок к рыжим волосам, вот и всё. Реймунд Рыжебородый и его сыновья погибли на Длинном Озере, спасибо твоим проклятым Старкам и Пьяному Великану. Но не его младший брат, прозванный Красной Птицей. Не задумывался, с чего такое имя? — Рот Тормунда растянулся в щербатой улыбке. — Потому что он первым упорхнул с поля битвы. Барду, что сочинил о ней песню, нужна была рифма к *«бежит и не стыдится»*, так что…

Тормунд вытер нос.

— Если рыцарям твоей королевы нужны его дочки, пусть берут.

– *Дочки*! — закричал ворон Мормонта. — *Дочки, дочки*!

Это ещё больше развеселило Тормунда.

— Мозговитая птица. Сколько хочешь за неё, Сноу? Я отдал тебе сына, самое меньшее, чем ты можешь меня отблагодарить — отдать мне эту проклятую птицу.

— Мог бы, — согласился Джон, — но ты наверняка его съешь.

Тормунд и над этим посмеялся.

– *Съешь*, — мрачно проговорил ворон, хлопая чёрными крыльями. — *Зерно? Зерно? Зерно?*

— Нужно обсудить вылазку, — сказал Джон.

— Я хочу, чтобы мы придерживались единого мнения в Щитовом Чертоге, мы должны…

Его прервал Мали, с мрачным лицом высунувшийся из двери с сообщением, что Клидас принёс письмо.

— Скажи, пусть оставит тебе. Я прочитаю его позже.

— Как скажете, м'лорд, вот только… Клидас сам не свой… он скорее белый, чем красный, если понимаете о чём я… И его трясёт.

— Тёмные крылья, тёмные вести, — буркнул Тормунд. — Так вы, поклонщики, говорите?

— Мы говорим: *холод — убивает, а жар — пожирает*, — ответил ему Джон. — Мы говорим: *не пей с дорнийцем при полной луне.* Мы много чего говорим.

Малли добавил пару слов.

— Моя старая бабушка всегда говорила: *летние друзья растают, что летний снег, но зимние друзья — друзья навек.*

— Думаю, довольно с нас мудрости на сегодня, — произнёс Джон Сноу. — Будь любезен, приведи Клидаса.

Малли был прав. Старый стюард дрожал и был бледен, как снег.

— Я веду себя глупо, лорд-командующий, но…

Это письмо пугает меня. Видите?

На свитке было написано лишь одно слово — *«Бастарду»*. Не *«лорду Сноу»*, не *«Джону Сноу»* и не *«лорду-командующему»*. Просто *«Бастарду»*. И письмо было запечатано каплей твёрдого розового сургуча.

— Вы были правы, придя незамедлительно, — сказал Джон. *«И не напрасно испугались»*. Он взломал печать, развернул пергамент и прочёл:

«Твой фальшивый король мёртв, бастард. Сгинул вместе с войском в семидневной битве. У меня его волшебный меч, передай это красной шлюхе.

Друзья твоего фальшивого короля мертвы. Их головы торчат на стенах Винтерфелла, приди посмотри, бастард. Твой фальшивый король лгал, как и ты. Ты сказал всему свету, что сжёг короля за Стеной. А вместо этого послал его в Винтерфелл, чтобы украсть у меня жену.

Я верну свою жену назад. А ты, если хочешь вернуть Манса Налётчика, приди и возьми. Я посадил его в клетку, чтобы весь север убедился в твоём обмане. В клетке холодно, но я дал ему тёплый плащ из шкур шести шлюх, что пришли вместе с ним в Винтерфелл.

Я хочу свою жену назад. Я хочу королеву фальши-

вого короля. Я хочу его дочь и его красную ведьму. Я хочу принцессу одичалых.

Я хочу его маленького принца, дикаря-младенца. И я хочу своего Вонючку. Пришли их мне, бастард, и я не потревожу ни тебя, ни твоих чёрных ворон. Не отдашь — я вырежу твоё сердце, бастард, и съем».

И подпись:

«Рамси Болтон,
Законнорождённый правитель Винтерфелла».

— Сноу, — произнёс Тормунд Великанья Смерть. — Ты выглядишь так, будто из этой бумажки только что выкатилась голова твоего отца.

Джон Сноу ответил не сразу.

— Малли, проводи Клидаса обратно, в его покои. Ночь темна, и дорожки скользкие от снега. Атлас, ступай с ними. — Он передал Тормунду письмо. — Вот, прочти сам.

Одичалый с сомнением покосился на письмо и вернул его.

— Неприятно это говорить… но у Тормунда Громового Кулака были дела поинтересней, чем учиться заставлять бумагу разговаривать с собой. Она ведь никогда не говорит ничего хорошего, верно?

— Не часто, — признал Джон Сноу.

«Тёмные крылья, тёмные вести». Возможно, эти древние мудрые слова были правдивее, чем он думал.

— Оно от Рамси Сноу. Я прочитаю, что он написал.

Когда он закончил, Тормунд присвистнул.

— Хар. Паршиво, мать твою. Что там про Манса? Засунул в клетку, так? Как это возможно, если сотни людей видели, как твоя красная ведьма сожгла его?

«Это был Гремучая Рубашка, — едва не ответил Джон. — *Это было колдовство. Чары, как она говорит».*

— Мелисандра… Она сказала: посмотри на небо, — он положил письмо. — Ворон прилетел в бурю. Она видела его приближение.

«Когда найдёшь там ответы, пошли за мной».

— Может быть, всё это обман. — Тормунд потёр подбородок. — Будь у меня хорошее гусиное перо и склянка мейстерских чернил, я мог бы написать, что член у меня длиной и толщиной с руку, но правдой это бы не стало.

— У него Светозарный. Он говорит о головах на стенах Винтерфелла. Он знает о копьеносицах и об их числе.

«Он знает о Мансе Налётчике».

— Нет. Там правда.

— Не скажу, что ты ошибаешься. Что собираешься делать, ворона?

Джон согнул пальцы правой руки. *«Ночной Дозор не принимает ничью сторону».* Он стиснул кулак и снова разжал. *«То, что ты предлагаешь, не что иное, как измена».* Он подумал о Роббе, о снежинках, тающих у того в волосах. *«Убей мальчишку и пусть родится мужчина».* Он подумал о Бране, который как обезьянка взбирался на стену башни. О беззвучном смехе Рикона. О расчёсывающей мех Леди и напевающей Сансе. *«Ничего ты не знаешь, Джон Сноу».* Он подумал об Арье, о её волосах, спутанных, словно птичье гнездо. *«Я дал ему тёплый плащ из шкур шести шлюх, что пришли вместе с ним в Винтерфелл… Я хочу свою жену назад… Я хочу свою жену назад… Я хочу свою жену назад»…*

— Я думаю, нам лучше изменить план, — сказал Джон Сноу.

Они проговорили почти два часа.

Со сменой караула на место Фалка и Мали у дверей арсенала заступили Конь и Рори.

— За мной, — приказал им Джон, когда время пришло.

Призрак попытался было последовать за ними, но Джон схватил его за загривок и затолкал назад. Среди собравшихся в Щитовом Чертоге может оказаться Боррок. Меньше всего ему сейчас нужно, чтобы его волк набросился на вепря этого оборотня.

Щитовой Чертог был одним из старейших в Чёрном Замке: длинный, насквозь продуваемый пиршественный зал из тёмного камня, чьи дубовые стропила за века почернели от дыма. В те времена, когда Ночной Дозор был куда более многочисленным, стены были завешены рядами ярко раскрашенных деревянных щитов. Тогда, как и сейчас, обычай требовал от надевшего чёрное рыцаря сменить прежний герб на угольный цвет братства. Ставшие ненужными щиты собирали в Щитовом Чертоге.

Сотни рыцарей, сотни гербов. Стены Щитового Чертога украшали ястребы и орлы, драконы и грифоны, солнца и олени, волки и виверны, мантикоры и быки, деревья и цветы, арфы и копья, крабы и кракены, красные львы, золотые львы и львы в клетку, совы и бараны, девы и русалки, жеребцы и звёзды, вёдра и пряжки, ободранные люди, повешенные люди, сожжённые люди, топоры и мечи, черепахи и единороги, медведи и

перья, пауки, змеи, скорпионы и множество других эмблем, сверкавших таким разнообразием цветов, которому позавидовала бы любая радуга.

Но когда рыцарь умирал, его щит снимали и отправляли с прежним владельцем на погребальный костёр или в могилу. Шли годы и века, и всё меньше и меньше рыцарей принимали обет. Настал день, когда рыцарям Чёрного Замка стало бессмысленно обедать отдельно. Щитовой Чертог забросили. В последние сто лет им пользовались лишь изредка. Тёмный, грязный, полный сквозняков зал как обеденный оставлял желать лучшего. Зимой его было не протопить. В подвалах завелось множество крыс, массивные деревянные стропила изъели черви и оплели бахромой пауки.

Но там хватало места, чтобы вместить две сотни человек, и ещё половину этого числа, если сесть поплотнее. Когда Джон с Тормундом вошли, весь зал загудел, точно осы в гнезде. Одичалых было раз в пять больше, чем ворон, судя по тому, как мало чёрного он видел. Щитов осталось меньше дюжины, да и те все облупились и потрескались. Печальное, серое зрелище. Но вдоль стен, в железных кольцах, горели новые факелы, а столы и скамьи по приказу Джона заменили. Как ска-

зал ему однажды мейстер Эйемон, мужчины на удобных сиденьях больше склонны слушать, а стоящие мужчины — кричать.

Во главе зала располагался покосившийся помост. Джон взобрался на него в сопровождении Тормунда и поднял руки, призывая к молчанию. Осы лишь зажужжали громче. Тогда Тормунд поднёс к губам боевой рог и протрубил. Звук заполнил помещение, отражаясь от стропил над головой. Повисла тишина.

— Я собрал вас здесь, чтобы обсудить, как вызволить людей из Сурового Дола, — начал Джон Сноу. — Тысячи людей вольного народа застряли там и умирают от голода, и мы получили сообщения о мертвяках в лесу.

Слева от себя он заметил Марша и Ярвика. Отелл был окружён своими строителями, рядом с Боуэном Маршем стояли Вик Посошник, Лью-Левша и Альф из Раннимада. Справа, скрестив руки на груди, сидел Сорен Щитолом. Дальше перешёптывались Гавин-Торговец и Харль-Красавчик. Игон Старый Отец сидел в окружении своих жён, Хоуд-Странник — в одиночестве. Боррок прислонился к стене в тёмном углу. К счастью, его вепря поблизости видно не было.

— Корабли, которые я послал на спасение Ма-

тушки Кротихи и её людей, разбил шторм. Мы должны отправить подмогу по суше или дать им умереть.

Как заметил Джон, двое из рыцарей королевы тоже пришли. Сир Нарберт и сир Бенетон стояли у входа в зал. Но отсутствие остальных людей королевы бросалось в глаза.

— Я надеялся возглавить вылазку и привести сюда всех вольных людей, которые смогут пережить путешествие.

Взгляд Джона привлёк проблеск красного в задней части зала. Пришла леди Мелисандра.

— Но теперь я понял, что не могу идти в Суровый Дол. Командовать будет Тормунд Великанья Смерть, которого вы все знаете. Я обещал дать ему столько людей, сколько потребуется.

— А где будешь ты, ворона? — прогрохотал Боррок. — Спрячешься в Чёрном Замке со своей белой псиной?

— Нет. Я поеду на юг.

И тогда Джон зачитал им письмо Рамси Сноу.

Щитовой Чертог обезумел.

Внезапно все завопили и повскакали на ноги, потрясая кулаками. *«Вот тебе и польза удобных скамеек».* Люди размахивали мечами, били топорами о щиты. Джон Сноу взглянул на Тормунда.

Великанья Смерть вновь протрубил в свой рог, в два раз дольше и громче, чем в первый раз.

— Ночной Дозор не участвует в войнах Семи Королевств, — напомнил им Джон, когда вернулось некое подобие тишины. — Не нам воевать с болтоновским бастардом, мстить за Станниса Баратеона, защищать его вдову и дочь. Эта *тварь*, которая делает плащи из кожи женщин, поклялась вырезать моё сердце, и я собираюсь заставить его ответить за эти слова… Но я не попрошу моих братьев предать их обеты.

— Ночной Дозор позаботится о Суровом Доле. Я поеду в Винтерфелл один, если только… — Джон сделал паузу. — … Есть здесь кто-нибудь, кто пойдёт за мной?

Рёв послужил желанным ответом на его надежды — крик такой громкий, что два старых щита свалились со стены. Сорен Щитолом вскочил на ноги, как и Странник. Торегг Высокий, Брогг, Харль-Охотник и Харль-Красавчик, Игон Старый Отец, Слепой Досс, даже Великий Морж. *«У меня есть мечи*, — подумал Джон Сноу. — *И мы идём за тобой, Бастард»*.

Он заметил, как Ярвик и Марш выходят со своими людьми. Пусть. Теперь он в них не нуждался. Не было и желания их удерживать. *«Никто не*

сможет сказать, что я заставил своих братьев нарушить обеты. Если это клятвопреступление, то виновен я и только я». Тут Тормунд похлопал его по спине, улыбаясь щербатой ухмылкой от уха до уха.

— Хорошо сказано, ворона. А теперь неси медовуху! Завоюй сердца и напои. Вот так творятся великие дела. Мы ещё сделаем из тебя одичалого, парень. Хар!

— Я пошлю за элем, — машинально произнёс Джон.

Он осознал, что Мелисандра исчезла, как и рыцари королевы. *«Следовало сначала пойти к Селисе».*

«Она вправе знать, что её господин мёртв».

— Извини. Я оставлю тебя спаивать их.

— Хар! Задача, для которой я прекрасно подхожу. Ступай!

Джон покинул Щитовой Чертог в сопровождении Коня и Рори. «*Я должен поговорить с Мелисандрой после встречи с королевой,* — подумал он. — *Раз уж она смогла увидеть ворона в буре, то найдёт для меня Рамси*». Потом он услышал крики… и рёв до того громкий, что, казалось, Стена содрогнулась.

— Это из Башни Хардина, м'лорд, — сказал

Конь.

Он хотел что-то добавить, но тут раздался вопль.

«Вель», — сразу подумалось Джону. Но кричала не женщина. *«Там умирает мужчина».* Он перешёл на бег. Конь и Рори поспешили за ним.

— Может, мертвяки? — спросил Рори.

Джон задумался: могли ли трупы выбраться из цепей?

К тому времени, как они добрались до Башни Хардина, вопли прекратились, но Вун Вег Вун Дар Вун всё ещё ревел. Великан размахивал окровавленным телом, держа его за ногу. Вот так же маленькая Арья размахивала своей куклой, точно кистенём, отбивая нападение овощей, которыми её кормили. *«Но Арья никогда не раздирала свои куклы на куски».* Правая рука мертвеца отлетела на несколько ярдов, снег под ней постепенно краснел.

— Отпусти его! — закричал Джон. — Вун Вун, *отпусти его*!

Вун Вун не слышал или не понимал. Великан и сам истекал кровью из ран от меча на животе и на руке. Он бил мёртвого рыцаря о серый камень башни, снова и снова, снова и снова, пока голова трупа не стала красной и мягкой, как спелый

арбуз. На ветру хлопал белый шерстяной плащ рыцаря, с серебристой каймой и синими звёздами. Повсюду летели кровь и осколки костей.

Люди высыпали из окружающих строений и башен. Северяне, вольный народ, люди королевы…

— Встаньте в линию, — приказал Джон Сноу. — Держите их подальше. Всех, особенно рыцарей.

Погибшим был сир Патрек с Королевской Горы. От его головы почти ничего не осталось, но герб был столь же приметным, как и лицо. Джон не хотел, чтобы сир Малигорн, сир Брюс или ещё кто-нибудь из соратников попытался за него отомстить.

Вун Вег Вун Дар Вун снова взвыл, вывернул оставшуюся руку сира Патрека и оторвал. Она отделилась от плеча, брызнув ярко-красной кровью. *«Будто дитя обрывает лепестки ромашки»,* — подумал Джон.

— Кожаный, поговори с ним, успокой. Древний Язык, он понимает Древний язык. Остальные, держитесь подальше. Уберите клинки, вы его пугаете.

Они что не видят, что великан ранен? Джон должен был положить этому конец, пока ещё кто-нибудь не погиб. Они не представляют, насколько силён Вун Вун. *«Рог, мне нужен рог».* Он

заметил, как сверкнула сталь, и развернулся.

– *Никакого оружия!* — закричал Джон. — Вик, убери этот нож…

«*Подальше*», — вертелось на языке, но когда Вик Посошник резанул его по горлу, вместо слов изо рта вырвался только хрип. Джон увернулся, но нож слегка поцарапал ему кожу. *«Меня ранили».* Когда он положил руку на шею сбоку, между пальцев хлынула кровь.

– *За что?*

— Ради Дозора.

Вик снова замахнулся. На этот раз Джон схватил его за запястье и выворачивал руку, пока тот не выронил кинжал. Долговязый стюард отступил, воздев руки, будто говоря: *«Не я, это был не я».* Вокруг кричали. Джон потянулся к Длинному Когтю, но пальцы не слушались его. Почему-то он не мог вытащить меч из ножен.

Потом перед ним оказался Боуэн Марш, по его щекам бежали слёзы.

— Ради Дозора.

Он ткнул Джона в живот, а, когда убрал руку, кинжал остался торчать в теле.

Джон упал на колени. Он нащупал рукоять кинжала и вытащил. Рана дымилась на ночном морозе.

— Призрак, — прошептал он. Его захлестнула волна боли.

«Коли их острым концом». Когда третий кинжал ударил промеж лопаток, Джон захрипел и упал лицом в снег. Четвёртого кинжала он не почувствовал. Только холод…

Глава 70. Десница королевы

Дорнийский принц умирал три дня.

Он испустил последний прерывистый вздох на рассвете. Было темно и пасмурно, с небес лил холодный дождь, превращая кирпичные мостовые старого города в реки. Ливень загасил самые страшные пожары, но с лежавшей теперь в руинах пирамиды Хазкаров всё ещё поднимались клоки дыма, а огромная чёрная пирамида Иеризанов, где обустроил своё логово Рейегаль, в сумраке выглядела, словно толстая бабища, увешанная мерцающими оранжевыми самоцветами.

«*Быть может, боги всё-таки не остались глухи к нашим бедам*, — подумал сир Барристан Селми, глядя на мигающие вдалеке угольки. — *Не случись дождя, весь Миэрин уже сгорел бы в пожарах*».

Драконов нигде не было, но рыцарь и не ожидал их увидеть. Ливень им не нравился. Появившаяся у горизонта на востоке тонкая красная полоска, предвещавшая скорый восход солнца, напомнила Селми первую кровь, сочащуюся из свежей раны. Зачастую, даже когда разрез глубок, кровь

выступает наружу прежде, чем раненый почувствует боль.

Старый рыцарь стоял у парапета на самом верхнем ярусе Великой Пирамиды и всматривался в небо. Он поступал так каждое утро, зная, что рассвет настанет, и надеясь, что вместе с солнцем вернётся королева. «*Она не могла нас оставить, она не бросила бы свой народ*», — уверял себя рыцарь, когда услышал донёсшийся из королевских покоев предсмертный хрип принца.

Сир Барристан зашёл внутрь. С его белого плаща стекала дождевая вода, а сапоги оставляли мокрые следы на полу и коврах. По его приказу Квентина Мартелла уложили на кровать королевы: тот был рыцарем и к тому же дорнийским принцем. Дать ему умереть в той самой постели, ради которой он пересёк полмира — дело благое. Постель была безнадёжно испорчена: простыни, покрывала, подушки и перины провоняли кровью и дымом, но сир Барристан не сомневался, что Дейенерис его простит.

Миссандея сидела у кровати. Она не отходила от умирающего ни днём, ни ночью, исполняя все его желания, которые тот мог ещё хоть как-то выразить. Давала принцу воду и маковое молочко, когда у юноши хватало сил пить; прислуши-

валась к тем немногим вымученным словам, которые дорниец время от времени выговаривал, задыхаясь; читала ему вслух, когда он затихал; спала на стуле рядом с его постелью. Сир Барристан просил нескольких пажей королевы помогать Миссандее, но зрелище сожжённого заживо тела оказалось чересчур страшным даже для самого храброго из них. И Синие Милости, несмотря на то что за ними четырежды посылали по приказу Селми, так и не явились. Возможно, последнюю из них уже унесла бледная кобылица.

Маленькая наатийка подняла взгляд на вошедшего.

— Достопочтенный сир, принц перестал страдать. Дорнийские боги забрали его домой. Видите? Он улыбается.

«*Откуда тебе знать? У него не осталось губ*». Было бы куда милосерднее, если бы драконы сожрали его. По крайней мере, он бы умер быстро. Это же... «*Сгореть заживо — страшная смерть. Неудивительно, что половина преисподних являют собой пекло*».

— Прикрой его.

Миссандея накинула край покрывала на лицо Квентина.

— Что с ним сделают, сир? Он так далеко от дома.

— Я прослежу, чтобы принц вернулся в Дорн.

«*Но как? Горсткой пепла*?» Сжечь это тело ещё раз у сира Барристана рука бы не поднялась. «*Надо отделить его плоть от костей. Не вываривать, а отдать жукам*». Этим в Семи Королевствах занимались молчаливые сёстры, но тут, в Заливе Работорговцев, до ближайшей из них было не меньше десяти тысяч лиг.

— Иди ложись, дитя. Поспишь, наконец, в собственной постели.

— Если недостойная осмелится сказать, сир, вам лучше бы поступить так же. Вы полночи глаз не смыкали.

«*Уже много лет, дитя. Со времён Трезубца*». Великий мейстер Пицель как-то сказал ему, что у стариков потребность во сне меньше, чем у молодых, но дело было не только в этом. Сир Барристан достиг того возраста, когда появляется страх закрыть глаза и не открыть их снова. Другие люди, возможно, мечтают умереть во сне, но для рыцаря Королевской Гвардии это неподходящая смерть.

— Ночи чересчур долги, — ответил он Миссандее, — а дел у меня более чем предостаточно. И

здесь, и в Семи Королевствах. Но с тебя на сегодня хватит, дитя. Ступай отдохни.

«*И если боги смилостивятся, тебе не приснятся драконы*».

Когда девочка ушла, старый рыцарь отвернул ткань, чтобы в последний раз взглянуть на лицо Квентина Мартелла — или на то, что от того осталось. Большая часть обугленной плоти отслоилась, обнажив кости черепа, а глаза превратились в лужицы гноя. «*Лучше бы он и не покидал Дорн или оставался лягушонком. Не всем суждено танцевать с драконами*». Селми вновь набросил на мальчика покрывало и задумался, прикроет ли кто-то вот так же королеву, или её неоплаканное тело так и останется лежать в высоких травах Дотракийского моря, устремив в небеса невидящий взгляд, пока с костей не опадёт гниющая плоть.

— Нет, — произнёс он вслух. — Дейенерис жива. Она улетела верхом на драконе, прямо у меня на глазах.

Селми повторял эти слова уже сотню раз... и с каждым днём в них верилось всё труднее. «*Её волосы вспыхнули, я ведь и это заметил. Она горела... и пусть я не видел падения, сотни миэринцев готовы поклясться, что наблюдали его*».

В город незаметно прокрался день. И хотя дождь не прекратился, на востоке забрезжил слабый свет, и вместе с солнцем в королевские покои явился Бритоголовый.

Скахаз был облачён всё в тот же наряд: чёрная юбка в складку, поножи и мускульная кираса. А вот зажатый под мышкой шлем в виде волчьей головы с высунутым языком был новым.

— Ну что, — спросил Бритоголовый вместо приветствия, — дурачок помер, верно?

— Принц Квентин скончался перед рассветом. — Селми не удивляло, что Скахаз об этом прознал. В пирамиде слухи расходились быстро. — Совет уже собран?

— И ожидает внизу чести лицезреть десницу.

«*Я не десница,* — хотела выкрикнуть какая-то часть его сознания. — *Я просто рыцарь, телохранитель королевы. Я не желал власти*». Но когда королевы нет, а король в цепях, кому-то надо взять правление в свои руки, а Бритоголовому сир Барристан не доверял.

— Есть вести от Зелёной Милости?

— Она пока ещё не вернулась в город. — Скахаз возражал против отправления жрицы на переговоры, да и сама Галазза Галар приняла возложенную на неё миссию без восторга. Отпра-

виться к врагу ради мира она не возражала, но настаивала, что для переговоров с Мудрыми господами гораздо лучше подойдёт Хиздар зо Лорак. Но сира Барристана было не так легко сломить, и в конце концов Зелёная Милость кивнула в знак согласия и поклялась приложить все усилия.

— Как город? — спросил Селми Бритоголового.

— Все ворота закрыты и заперты согласно твоему приказу. Мы ловим по городу наёмников и юнкайцев. Пойманных выгоняем вон или заключаем под стражу. Вне всякого сомнения, большинство затаилось в пирамидах. На стенах и башнях, на случай штурма, выставлены Безупречные. На площади собралось сотни две знатных горожан, они стоят в токарах под дождём и громко требуют аудиенции. Толпа хочет освобождения Хиздара, моей казни, и чтобы ты убил драконов. Прошёл слух, что рыцари знают толк в этом деле. Из пирамиды Хазкаров всё ещё вытаскивают трупы. Великие господа Иеризан и Улез бросили свои пирамиды на произвол судьбы, оставив их драконам.

Всё это сир Барристан знал и без Скахаза.

— Сколько убито сегодня ночью? — спросил он, заранее страшась ответа.

— Двадцать девять.

— Двадцать девять? — Куда хуже, чем он мог предполагать. Дети Гарпии продолжили свою кровавую жатву два дня назад: три убийства в первую ночь, девять во вторую. Но двадцать девять вместо девяти за одну-единственную ночь...

— И ещё до полудня будет тридцать. Что ты бледнеешь, старик? Чего же ты ожидал? Гарпия хочет, чтобы Хиздара выпустили на волю, поэтому послал своих детей на улицы с ножами в руках. Как и раньше, все убитые — вольноотпущенники и бритоголовые. Один из них был моим человеком — из Медных Тварей. Возле каждого трупа нарисован мелом или выцарапан на стене символ Гарпии. Кое-где оставлены и надписи: «Смерть драконам», «Харгаз — Герой». Была ещё «Смерть Дейенерис», но её смыл дождь.

— Плата за кровь...

— Две тысячи девятьсот золотых с каждой пирамиды, да, — проворчал Скахаз. — Её соберут... но потеря нескольких монет не остановит Гарпию. Для этого нужна кровь.

— Это ты так считаешь.

«*Речь снова про заложников — дай Бритоголовому волю, он всех перережет*».

— Мы уже тысячу раз об этом говорили. Нет.

— Десница королевы, — с отвращением проце-

дил Скахаз. — А, по-моему, старушечья десница, морщинистая и хилая. Надеюсь, Дейенерис вернётся как можно скорее. — Он закрыл лицо медной волчьей маской. — Твой совет начинает беспокоиться.

— Совет королевы, а не мой. — Селми снял мокрый плащ, надел сухой, повесил меч на пояс и вместе с Бритоголовым спустился по лестнице.

В это утро в зале с колоннами не было просителей. Хотя сир Барристан и принял титул десницы, но не дерзнул сам выслушивать просителей в отсутствие королевы и не разрешил делать это Скахазу мо Кандаку. По приказу рыцаря нелепые драконьи троны Хиздара выкинули вон, но десница пока что не стал возвращать в зал так любимую Дейенерис простую скамью с подушками. Вместо этого в центре зала поставили большой круглый стол и высокие стулья, чтобы присутствующие могли беседовать как равные.

Когда сир Барристан вместе со Скахазом Бритоголовым спустились по мраморной лестнице, сидевшие за столом встали. На совете присутствовали Марселен из Детей Матери и Саймон Полосатая Спина, командир Свободных Братьев. Храбрые Щиты выбрали себе нового командира — чернокожего выходца с Летних Островов по

имени Тал Торак. Их прежнего капитана Моллоно Йос Доба унесла бледная кобылица. Безупречных представлял Серый Червь, и при нём три сержанта-евнуха в остроконечных бронзовых шлемах. Вороны-Буревестники прислали двух видавших виды наёмников: лучника по имени Джокин и угрюмого, покрытого шрамами, вооружённого топором воина, известного под кличкой Вдовец. Эти двое вместе командовали отрядом в отсутствие Даарио Нахариса. Большая часть кхаласара королевы отправилась под началом Агго и Ракхаро искать Дейенерис в Дотракийском море, но за оставшихся всадников пришёл говорить кривой колченогий *джакка рхан* Роммо.

На противоположной стороне стола сир Барристан посадил четырёх бывших телохранителей короля Хиздара — гладиаторов Гогора Гиганта, Белакво Костолома, Камаррона Несчётного и Пятнистого Кота. Селми настоял на их присутствии, вопреки всем возражениям Скахаза Бритоголового. Они уже один раз помогали Дейенерис Таргариен взять город, и об этом не стоило забывать. Пусть гладиаторы и жестокие убийцы с руками по локоть в крови, но они по-своему были верны... королю Хиздару, конечно, но и королеве тоже.

Последним в зал тяжёлой походкой вошёл Силач Бельвас.

Евнух заглянул смерти в лицо, подошёл к ней так близко, что мог бы поцеловать её в губы, был заклеймён ею. Он потерял добрых два стоуна веса и испещрённая сотней зарубцевавшихся шрамов тёмно-коричневая кожа, когда-то туго обтягивавшая внушительные грудь и пузо, висела теперь дряблыми складками, колыхавшимися при ходьбе, точно халат на три размера больше. Шагал евнух медленно и, казалось, не вполне уверенно.

В любом случае, появление Бельваса обрадовало старого рыцаря. В своё время они вместе пересекли полмира, и сир Барристан знал, что может положиться на евнуха, если дело дойдёт до битвы.

— Бельвас. Мы все рады, что ты смог к нам присоединиться.

— Белобородый, — улыбнулся Бельвас. — Где печёнка и лук? Силач Бельвас уже не такой сильный, как раньше, ему надо есть, чтобы снова стать большим. Силача Бельваса отравили. Кто-то должен умереть.

«*Кто-то умрёт. Умрут, точнее сказать*».

— Садись, друг мой.

Когда Бельвас устроился за столом, скрестив на

груди руки, сир Барристан начал:

— Этим утром, перед самым рассветом, умер Квентин Мартелл.

Вдовец хохотнул.

— Повелитель драконов.

— А, по-моему, просто дурак, — заявил Саймон Полосатая Спина.

«*Нет, всего лишь мальчишка*». Сир Барристан ещё не забыл те глупости, которые сам совершал в юности.

— Не говорите дурно о мёртвых. Принц заплатил за содеянное чудовищную цену.

— А остальные дорнийцы? — спросил Тал Торак.

— В настоящий момент взяты под стражу.

Они не оказали никакого сопротивления. Арчибальд Айронвуд, когда его обнаружили Медные Твари, прижимал к груди обожжённое, дымящееся тело принца. Судя по его обгоревшим рукам, дорниец сбил ими пламя, охватившее Квентина Мартелла. Геррис Дринкуотер стоял над ними с мечом, но бросил клинок, как только увидел стражников-саранчу.

— Мы посадили их в одну камеру.

— И пусть вздёрнут на одной виселице, — предложил Саймон Полосатая Спина. — Они

выпустили в город двух драконов.

— Откройте ямы и дайте дорнийцам мечи, — попросил Пятнистый Кот. — Я убью их обоих, и весь Миэрин будет выкрикивать моё имя.

— Бойцовые ямы останутся закрыты, — постановил Селми. — Кровь и шум только приманят к себе драконов.

— Быть может, всех троих, — предположил Марселен. — Чёрное чудовище уже однажды прилетело к нам — почему бы ему не явиться вновь? На этот раз вместе с нашей королевой.

«Или без неё». Если Дрогон вернётся в Миэрин без Дейенерис на спине, город утонет в крови и огне — уж в этом сир Барристан не сомневался. Даже те, кто сейчас сидит за этим столом, вскоре сцепятся друг с другом. Пусть Дейенерис Таргариен всего лишь молоденькая девушка, но это она и только она удерживала всех их вместе.

— Её величество вернётся тогда, когда вернётся, — произнёс сир Барристан. — Мы загнали в Яму Дазнака тысячу овец, наполнили Яму Гразза быками, а Золотую Яму — дикими зверями, собранными Хиздаром зо Лораком для игрищ.

Пока что драконы удовлетворялись бараниной и, проголодавшись, возвращались в Яму Дазнака. Сир Барристан ещё не слышал, чтобы хоть один

из них охотился за людьми — в стенах города или за ними. После смерти Харгаза-героя ни один миэринец не был убит драконами — кроме нескольких работорговцев, которым хватило глупости встать на дороге у Рейегаля, когда тому вздумалось обустроить себе логово на вершине пирамиды Хазкаров.

— Нам надо обсудить более срочные вопросы. Я послал Зелёную Милость к юнкайцам заключить договор об освобождении наших заложников и к полудню ожидаю её с ответом.

— Со словами, — сказал Вдовец. — Воронам-Буревестникам ли не знать юнкайцев. У них вместо языков черви, гнущиеся и так, и этак. Зелёная Милость доставит нам червивые слова, а не капитана.

— Если деснице королевы будет угодно вспомнить, Мудрые господа держат в плену и нашего Героя, — напомнил Серый Червь. — И конного владыку Чхого, который приходится королеве кровным всадником.

— Кровь от крови её, — подтвердил дотракиец Роммо. — Его надо освободить. Этого требует честь *кхаласара*.

— Его освободят, — пообещал сир Барристан, — но для начала нам надо подождать, пока Зелёная

Милость не добьётся...

Скахаз Бритоголовый грохнул кулаком по столу.

— Зелёная Милость ничего не добьётся! Может, пока мы тут сидим, она сговаривается с юнкайцами. Соглашения, говоришь, заключить? Соглашения о чём?

— О выкупе, — ответил сир Барристан. — За каждого заложника столько золота, сколько он весит.

— Мудрым господам не нужно наше золото, сир, — возразил Марселен. — Любой из них богаче ваших вестеросских лордов.

— Но наёмникам золото ещё как нужно. А заложники им ни к чему. Если юнкайцы откажутся от выкупа, мы, таким образом, вобьём клин между ними и наёмниками.

«*По крайней мере, я на это надеюсь*». Этот план предложила Миссандея — самому Селми подобная мысль никогда бы не пришла в голову. В Королевской Гавани взятками занимался Мизинец, а раздоры между врагами короны сеял лорд Варис. Обязанности сира Барристана были куда как проще и честнее. «*Миссандее одиннадцать лет, а она не глупее половины сидящих за этим столом и мудрее всех их*».

— Я дал Зелёной Милости указание предложить выкуп только на общем собрании всех юнкайских командиров.

— Они всё равно откажут, — настаивал Саймон Полосатая Спина. — Скажут, что хотят, чтобы драконов убили, а королю вернули власть.

— Я молюсь, чтобы твои предсказания не сбылись.

«*И опасаюсь, что сбудутся*».

— Твои боги за тридевять земель, сир дедуля, — произнёс Вдовец. — Вряд ли они услышат твои молитвы. И когда юнкайцы пришлют старуху обратно с наказом плюнуть тебе в глаза, что дальше?

— Пламя и кровь, — еле слышно произнёс Барристан Селми.

На некоторое время над столом повисла тишина. Потом Силач Бельвас шлёпнул себя по животу:

— Это лучше, чем печёнка и лук.

Скахаз Бритоголовый, пристально глядя на десницу сквозь прорези в маске волка, спросил:

— Так ты разорвёшь мир, заключённый королём Хиздаром, старик?

— Разобью вдребезги. — Когда-то, давным-давно, принц назвал юного Селми Барристаном

Отважным, и частица того мальчика до сих пор жила в сердце старого рыцаря. — Мы построили сигнальный костёр на вершине пирамиды, где раньше стояла Гарпия. Пропитали дерево маслом и прикрыли сверху от дождя. Когда придёт час атаки — надеюсь, этого не случится, — мы зажжём этот костёр. Вам огонь послужит сигналом вывести людей из ворот и бросить в бой. Каждому предстоит сыграть свою роль в сражении, так что все вы должны быть готовы в любое время, днём и ночью. — Рыцарь поднял руку, подзывая ждущих наготове оруженосцев. — Я приготовил карты, на которых отмечены позиции наших врагов, их лагеря, осадные линии, размещение требушетов. Если нам удастся разбить работорговцев, наёмники их покинут. Я знаю, что у вас есть сомнения и вопросы — огласите их здесь и сейчас. Выйдя из-за этого стола, все мы должны мыслить, как один человек, и руководствоваться одной целью.

— Тогда лучше послать за едой и напитками, — предложил Саймон Полосатая Спина. — Это надолго.

Совещание отняло у них весь остаток утра и большую часть дня. Капитаны и военачальники спорили над картами, как торговки рыбой над

ведром с крабами. Уязвимые места, сильные места, как лучше разместить немногочисленных миэринских лучников, стоит ли пустить слонов на прорыв юнкайских линий или лучше оставить в резерве, кому отдать честь возглавить первую атаку, стоит ли разместить кавалерию на флангах или в авангарде.

Сир Барристан предоставил высказаться каждому. Тал Торак считал, что лучше всего, прорвав осадные линии, двинуться прямиком на Юнкай: Жёлтый Город окажется почти беззащитен, так что у юнкайцев не останется никакого выбора, кроме как снять осаду и погнаться за миэринской армией. Пятнистый Кот заявил, что надо предложить врагу поединок: пусть каждая сторона выставит по бойцу, и их схватка решит исход войны. Силач Бельвас одобрил эту мысль, но желал бы сам выйти вместо Кота. Камаррон Несчётный предложил захватить корабли, стоящие у берега реки, и по Скахазадхану переправить три сотни гладиаторов в тыл юнкайцам. Все присутствующие соглашались, что Безупречные — лучшие бойцы в миэринской армии, но не могли договориться, как именно их использовать. Вдовец предлагал ударить ими как железным кулаком по самому сердцу юнкайских сил. Марселен пред-

почитал поставить их на обоих концах боевого порядка, чтобы отбивать любые попытки врага сломить миэринские фланги. Саймон Полосатая Спина хотел разделить Безупречных на три части и присоединить к трём отрядам вольноотпущенников. По его словам, Свободные Братья были храбры и рвались в бой, но если не укрепить их ряды Безупречными, в сражении с закалёнными в битвах наёмниками необстрелянным воинам может не хватить дисциплинированности. Серый Червь сказал только, что Безупречные выполнят любой приказ.

А когда совет всё обговорил, обсудил и принял окончательные решения, Саймон Полосатая Спина напомнил ещё кое о чём.

— Будучи рабом в Юнкае, я помогал хозяину заключать контракты с вольными отрядами и видел, сколько им платят. Я знаю наёмников и уверен, что юнкайцы не смогут заплатить им достаточно, чтобы те выстояли перед драконьим пламенем. Так что, я спрашиваю вас... если мир будет разорван и мы вступим в бой, явятся ли драконы? Присоединятся ли и они к битве?

«*Они явятся*, — мог бы ответить сир Барристан. — *Шум, крики, стоны и запах крови выманят их на поле боя точно так же, как рёв толпы в Яме*

Дазнака привлёк Дрогона на багряные пески. Но прилетев, отличат ли драконы одну армию от другой?» Он почему-то сомневался в этом, так что произнёс только:

— Что драконы сделают, то и сделают. Может, с их появлением хватит и тени крыльев, чтобы сломить и обратить в бегство работорговцев.

После этого сир Барристан поблагодарил собравшихся и распустил совет.

Когда все уже разошлись, в зале остался Серый Червь.

— Ваши слуги будут наготове, когда загорится сигнальный костёр. Но деснице следует знать: когда мы пойдём в бой, юнкайцы, без сомнения, убьют заложников.

— Я постараюсь сделать всё, что в моих силах, чтобы этого не случилось, друг мой. У меня есть... идея. Но прошу меня извинить. Уже давно пора сообщить дорнийцам, что их принц умер.

Серый Червь склонил голову.

— Недостойный повинуется.

Сир Барристан спустился в подземелья вместе с двумя своими свежеиспечёнными рыцарями. Как известно, горе и чувство вины способны довести самых хороших людей до безумия, а Арчибальд Айронвуд и Геррис Дринкуотер несли свою часть

ответственности за гибель друга. Но у дверей их темницы сир Барристан велел Туму и Рыжему Ягнёнку подождать снаружи, а сам вошёл и сообщил дорнийцам, что принц отмучился.

Большой и лысый сир Арчибальд ничего не ответил. Он сидел на краю койки и разглядывал свои забинтованные льняными повязками руки. Сир Геррис грохнул кулаком по стене.

— Я говорил ему, что это безрассудство. Я умолял его вернуться домой. Все видели, что эта сучка королева ни во что его не ставит. Квентин пересёк весь мир, чтобы предложить ей свою любовь и верность, а она рассмеялась ему в лицо.

— Она не смеялась, — возразил Селми. — Знай вы её, вы бы так не подумали.

— Она его отвергла. Он преподнёс ей своё сердце, а она выбросила этот дар и ушла трахаться со своим наёмником.

— Лучше следите за своим языком, сир. — Рыцарю не нравился этот Геррис Дринкуотер, и он не мог позволить дорнийцу хулить Дейенерис. — Смерть принца Квентина — дело его собственных рук, да и ваших тоже.

— Наших? Нас-то за что винить, сир? Да, Квентин был нашим другом. И не без дури в голове, по правде говоря. Впрочем, все мечтатели глупцы.

Но прежде всего он был нашим принцем. Повиноваться ему было нашим долгом.

С этим Барристан Селми спорить не мог. Он и сам большую часть жизни покорно выполнял приказы пьяниц и безумцев.

— Принц опоздал.

— Квентин преподнёс ей своё сердце, — повторил сир Геррис.

— Ей нужны мечи, а не сердца.

— Он дал бы ей и копья Дорна.

— Неплохо бы. — Едва ли кто-то ещё так отчаянно желал, чтобы королева ответила дорнийскому принцу благосклонностью, как Барристан Селми. — И всё же он опоздал, и это безрассудство... подкупить наёмников, выпустить на город двух драконов... безумие, даже хуже, чем безумие. Измена.

— Он сделал всё это ради любви к королеве Дейенерис, — настаивал Геррис Дринкуотер. — В доказательство того, что достоин её руки.

Старому рыцарю этот разговор надоел.

— Принц Квентин сделал всё это ради Дорна. Вы принимаете меня за какого-то слабоумного деда? Я всю жизнь служил при королях, королевах и принцах. Солнечное Копьё собиралось восстать против Железного Трона. Нет, не трудитесь это

отрицать. Доран Мартелл — не тот человек, что будет созывать копья без надежды на успех. Сюда принца Квентина привёл долг. Долг, честь, жажда славы... но не любовь. Квентин прибыл сюда за драконами, а не за Дейенерис.

— Вы не знали его, сир. Он...

— Он мёртв, Дринк. — Айронвуд поднялся на ноги. — Словами его не вернуть. И Клетус мёртв, и Уилл. Так что закрой свой проклятый рот, пока я не заткнул его кулаком. — Огромный рыцарь повернулся к Селми: — Что вы хотите с нами сделать?

— Скахаз Бритоголовый хочет вас повесить. Вы убили четырёх его человек. Людей *королевы*. Двое из них были вольноотпущенниками и следовали за её величеством от самого Астапора.

Айронвуда это не удивило.

— Люди-звери, верно. Я убил только одного — с головой василиска. С остальными разделались наёмники. Но это одно и то же, я понимаю.

— Мы защищали Квентина, — сказал Дринк-уотер. — Мы...

— Молчи, Дринк. Он знает. — Огромный рыцарь вновь обратился к сиру Барристану: — Захоти вы нас повесить, не пришли бы сюда и не заводили разговоров. Значит, дело не в этом, верно?

— Нет. — Этот великан не такой тугодум, как кажется. — Мне будет больше проку от вас живых, чем от мёртвых. Послужите мне, и я посажу вас на корабль, который доставит вас назад в Дорн, и отдам вам кости принца Квентина, чтобы вы могли вернуть их его лорду-отцу.

Сир Арчибальд скривился.

— И почему опять корабль? Хотя да, кому-то надо отвезти Квента домой. Что от нас требуется, сир?

— Ваши мечи.

— Мечей у вас тысячи.

— Вольноотпущенники королевы ещё не бывали в бою. Наёмникам я не доверяю. Безупречные — доблестные солдаты... но не воины. Не *рыцари*. — Он помолчал. — Расскажите мне про вашу попытку украсть драконов.

Дорнийцы переглянулись. Затем Геррис Дринкуотер начал:

— Квентин сказал Принцу в Лохмотьях, что сможет ими управлять, что это у него в крови. Он по крови Таргариен.

— Кровь дракона.

— Да. Наёмники должны были помочь нам заковать зверюг в цепи, чтобы потом доставить их в гавань.

— Оборванец обещал найти нам корабль, — добавил Айронвуд. — Большой корабль — на тот случай, если мы заполучим обоих драконов. И Квент собирался лететь на одном из них. — Он взглянул на свои забинтованные руки. — Но вам же известно, что стоило нам забраться в подземелье, как всё пошло прахом. Драконы оказались слишком дикими. Цепи... да там было полно разломанных цепей с расколотыми костями вперемешку. И преогромных, звенья с вашу голову величиной. И Квент, спасите его Семеро, выглядел так, словно вот-вот наложит в штаны. Кагго и Мерис не слепые, они это видели. Потом у одного из арбалетчиков не выдержали нервы. Или, может, они с самого начала собирались убить драконов, а нас только использовали, чтобы подобраться поближе. С этим Голодранцем никогда не угадаешь. Как ни крути, мы попали впросак. Стрела только разозлил драконов, а они и так были не в лучшем настроении. А потом... всё стало совсем плохо.

— И Гонимых Ветром как ветром сдуло, — продолжил сир Геррис. — Квент кричал, охваченный огнём, а они убежали. Кагго, Милашка Мерис — все, только покойник лежать остался.

— И чего ты ожидал, Дринк? Кошка убивает

мышку, свинья валяется в дерьме, а наёмник удирает как раз тогда, когда он больше всего нужен. Нельзя винить того, кто таков от природы.

— Он прав, — согласился сир Барристан. — Что принц Квентин обещал Принцу в Лохмотьях в обмен за помощь?

Ответа не последовало. Сир Геррис глядел на сира Арчибальда, а сир Арчибальд разглядывал свои руки, пол и дверь.

— Пентос, — предположил сир Барристан. — Он обещал им Пентос. Так и скажите. От слов принцу Квентину теперь нет ни вреда, ни пользы.

— Верно, — печально подтвердил сир Арчибальд. — Пентос. Они оба расписались на бумаге.

«Вот он, шанс».

— Мы до сих пор держим в темницах Гонимых Ветром. Этих лжедезертиров.

— Помню, — сказал Айронвуд. — Хангерфорд, Соломинка и прочие. Некоторые не такие уж плохие люди — для наёмников. Остальные — ну, петля по ним плачет. Что вы хотите с ними сделать?

— Я собираюсь отослать их назад к Принцу в Лохмотьях. И вас вместе с ними. Два человека среды тысяч в юнкайских лагерях легко затеряются. Я хочу, чтобы вы передали Принцу в Лохмотьях

сообщение. Скажете, что вы посланы мной, а я говорю от имени королевы. Пообещайте, что он получит желаемое, если доставит в город наших заложников целыми и невредимыми.

Сир Арчибальд скривился.

— Голодранец с оборванцами скорее отдадут нас Милашке Меррис. Они на это не пойдут.

— Почему? Задача не так уж сложна. — «*По сравнению с похищением драконов*». — Я когда-то вывел отца нашей королевы из Синего Дола.

— То было в Вестеросе, — возразил Геррис Дринкуотер. — А это Миэрин.

— Арч не удержит меч своими руками.

— Ему и не придётся. С вами будут наёмники — если я не ошибся в выборе.

Геррис Дринкуотер откинул назад копну волос с белой прядью.

— Дадите нам немного времени на обсуждение?

— Нет, — ответил Селми.

— Я в деле, — принял решение сир Арчибальд. — До тех пор, пока в нём нет никаких проклятущих кораблей. И Дринк тоже со мной. — Огромный рыцарь ухмыльнулся. — Он этого пока не знает, но он тоже в деле.

Вот и всё.

«*По крайней мере, лёгкую часть я выполнил*», — думал Барристан Селми, взбираясь назад по лестнице на вершину пирамиды. Трудную он доверил дорнийцам — его дед, наверняка, перевернулся от этого в гробу. Дорнийцы всё же были рыцарями, по крайней мере, так назывались, хотя только в Айронвуде чувствовался нужный стержень. Достоинства же Дринкуотера ограничивались смазливым личиком, хорошо подвешенным языком и роскошной шевелюрой.

К тому времени, как старый рыцарь добрался до вершины пирамиды, тело принца Квентина уже убрали. Когда сир Барристан вошёл в покои королевы, шесть юных пажей и чашниц, усевшись в кружок прямо на полу, играли в какую-то детскую игру: крутили по очереди лежавший в центре круга кинжал. Когда тот останавливался, дети срезали прядь волос у того, на кого указывало остриё. Сир Барристан в детстве играл в Доме Урожая в нечто похожее со своими кузинами... правда, в Вестеросе, как ему помнилось, в правила ещё входили поцелуи.

— Бхаказ, — позвал он. — Чашу вина, пожалуйста. Гразхар, Аззак, стерегите дверь, я жду Зелёную Милость. Проводите её внутрь, как только она появится. Никого другого прошу не

пускать.

Аззак вскочил на ноги.

— Слушаю и повинуюсь, лорд-десница.

Сир Барристан вышел на террасу. Дождь прекратился, но завеса синевато-серых облаков скрывала заходящее солнце, погружавшееся в Залив Работорговцев. Над почерневшими руинами пирамиды Хаздаров на ветру развевались, словно ленточки, несколько дымков. Далеко на востоке, за городскими стенами, над цепью холмов рыцарь разглядел бледные крылья. *«Визерион»*. Охотится, или летает ради удовольствия. Селми задумался, где пропадает Рейегаль? До сих пор зелёный дракон вёл себя куда опаснее белого.

Бхаказ принёс ему вино, и старый рыцарь, сделав один долгий глоток, послал мальчика за водой. Несколько чаш вина, может, и помогут уснуть, но ему понадобится ясная голова, когда с переговоров с врагом вернётся Галазза Галар. Так что вино он допил разбавленным. Стемнело. Сир Барристан очень устал и был полон сомнений. Дорнийцы, Хиздар, Резнак, план атаки… правильно ли он поступает? Этого ли хотела бы от него Дейенерис? «*Не для этого я родился*». И другие Белые Плащи служили до него десницами — не часто, но такое бывало. Он читал о них в Белой

Книге. Рыцарь задавался вопросом: случалось ли его предшественникам испытывать то же смятение и неуверенность в себе, что и он?

— Лорд-десница. — Гразхар стоял в дверях со свечкой в руке. — Пришла Зелёная Милость. Вы просили известить.

— Впустите её. И зажгите свечи.

Галаззу Галар сопровождали четыре Розовые Милости. Её окружала такая аура мудрости и достоинства, что сир Барристан не мог не восхититься жрицей. «*Вот сильная женщина, что всегда была верным другом Дейенерис*».

— Лорд-десница, — поздоровалась Зелёная Милость. Её лицо скрывала мерцающая зелёная вуаль. — Разрешите сесть? Мои старые кости так и ноют.

— Гразхар, кресло Зелёной Милости.

Розовые Милости выстроились за спиной жрицы, опустив глаза в пол и сложив руки.

— Могу ли я предложить вам выпить? — спросил сир Барристан.

— Не откажусь. Горло у меня пересохло от разговоров. Как насчёт сока?

— Как пожелаете. — Он поманил Кезмию и велел ей принести жрице кубок лимонного сока, подслащённого мёдом. Чтобы выпить, жрице

пришлось снять вуаль, и Селми вновь увидел, как она стара. «*На двадцать лет старше меня, если не больше*».

— Будь королева здесь, уверен, она вместе со мной благодарила бы вас за всё, что вы для нас сделали.

— Её великолепие всегда отличались великодушием. — Галазза Галар допила сок и снова накинула вуаль. — Есть ли успехи в поисках нашей милой королевы?

— Пока что нет.

— Я буду молиться за неё. И, осмелюсь спросить, что с королём Хиздаром? Дозволят ли мне встретиться с его лучезарностью?

— Надеюсь, в скором времени. Уверяю вас, ему не причинили вреда.

— Рада слышать. Мудрые господа Юнкая спрашивали о нём. Вряд ли вас удивит, если я скажу, что они хотят восстановить благородного Хиздара на престоле, принадлежащем ему по праву.

— Его восстановят, если будет доказано, что он не пытался убить нашу королеву. До этого времени Миэрином будет править совет верных и справедливых. В этом совете приготовлено место и для вас. Я знаю, вам есть чему научить нас всех, ваша щедрость. Мы нуждаемся в вашей

мудрости.

— Боюсь, вы пытаетесь умаслить меня пустой лестью, лорд-десница, — сказала Зелёная Милость. — Если вы на самом деле считаете меня мудрой, послушайтесь моего совета. Освободите благородного Хиздара и верните ему трон.

— Это может сделать только королева.

Зелёная Милость вздохнула под вуалью.

— Мир, который мы так старались взрастить, колеблется, как лист на осеннем ветру. Настали суровые времена. Смерть скачет по нашим улицам верхом на бледной кобылице из трижды проклятого Астапора. В небесах парят драконы — пожиратели детей. Сотни миэринцев садятся на корабли и плывут в Юнкай, Толос, Кварт, куда угодно, где их только согласятся принять. Пирамида Хазкаров превратилась в дымящиеся руны, и многие представители этого древнего рода полегли под её закопчёнными камнями. Пирамиды Улезов и Иеризанов превратились в логова чудовищ, а их владельцы — в бездомных попрошаек. Мой народ потерял надежду, отвернулся от богов, стал по ночам предаваться пьянству и разврату.

— И убийствам. Сегодня ночью Дети Гарпии лишили жизни тридцать человек.

— Прискорбно это слышать. Тем больше при-

чин освободить благородного Хиздара зо Лорака, который однажды уже прекратил эти убийства.

«*И как же он это сделал, если сам не был Гарпией*?»

— Её величество отдала Хиздару руку и сердце, сделала его королём и супругом, восстановила искусство смерти в ответ на его мольбы. А он отплатил ей отравленной саранчой.

— Он отплатил ей миром. Не отталкивайте этот мир, сир, умоляю вас. Мир — это жемчужина, которой нет цены. Хиздар — из рода Лораков, и он никогда бы не замарал руки ядом. Он невиновен.

— Откуда вам знать?

«*Если, конечно, вам не известен настоящий отравитель*».

— Боги Гиса сказали мне.

— Мои боги — Семеро, и Семеро мне ничего такого не говорили. Ваша мудрость, вы доставили юнкайцам моё предложение?

— Всем лордам и капитанам Юнкая, как вы мне и повелели... но, боюсь, вам не понравится их ответ.

— Они отказали?

— Именно так. Мне сказали, что никаким золотом не выкупить ваших людей. Только кровь драконов дарует им свободу.

Именно этого ответа и ожидал сир Барристан. Пожалуй, именно на него он и надеялся. Селми сжал губы.

— Я знаю, что это не те речи, которые вы желали услышать, — добавила Галазза Галар. — Но я вижу в них смысл. Драконы — ужасные чудовища. Юнкайцы боятся их... и не без причины, вы с этим не поспорите. Наши летописи говорят о драконьих владыках грозной Валирии и о том разорении, которому они подвергли народы Старого Гиса. Даже ваша юная королева, славная Дейенерис, именовавшая себя Матерью Драконов... мы видели, как она горела в тот день в яме... даже она не смогла защититься от ярости драконов.

— Её величество не... она...

— ...мертва. Пусть боги даруют ей сладкий сон. — Под вуалью блеснули слёзы. — И пусть её драконы тоже умрут.

Не успел Селми подыскать слова для ответа, как снаружи раздался тяжёлый топот. Двери распахнулись, и в покои ворвался Скахаз мо Кандак в сопровождении четырёх Медных Тварей. Когда Гразхар попытался загородить ему путь, Бритоголовый оттолкнул мальчишку.

Сир Барристан вскочил на ноги.

— В чём дело?

— Требушеты! — прорычал Бритоголовый. — Все шесть.

Галазза Галар встала.

— Таков ответ Юнкая на ваши предложения, сир. Я предупреждала, что вам он не понравится.

«*Так значит, они выбрали войну. Да будет так*». Сир Барристан почувствовал себя до странности легко. Война была для него делом понятным.

— Если они думают, что могут сломить Миэрин, швыряя в нас камни...

— Не камни, — голос старухи был полон горя и страха. — Трупы.

Глава 71. Дейенерис

Холм был похож на каменный остров в море травы.

Спуск с него занял у Дени половину утра, и она совершенно выбилась из сил, пока добралась до подножия. Мышцы болели, её лихорадило. Руки до крови ободрались о камни. «*И всё-таки они заживают*», — подумала девушка, потрогав лопнувший пузырь от ожога. Кожа на руках покраснела и стала болезненно-чувствительной, из трещин сочилась бледная сукровица, но, тем не менее, раны заживали.

Снизу холм казался ещё больше. Дени назвала его Драконьим Камнем в честь древней крепости, в которой родилась. Она не помнила тот настоящий Драконий Камень, но этот забудет не скоро. Склоны внизу заросли колючими кустарниками и травой, выше начинались беспорядочные завалы из голых камней, громоздившиеся чуть не до небес. Там, среди разбитых валунов, острых как лезвия гребней и остроконечных вершин, в неглубокой пещере устроил своё логово Дрогон. Дени поняла, что он жил там всё это время, когда

впервые увидела холм. Воздух пропах пеплом, все камни и деревья поблизости были опалены и закопчены, а земля устлана жжёными и раздробленными костями. Но для дракона это место стало домом.

Ей ли было не знать, как тянет домой.

Два дня назад, взобравшись на вершину скалы, она заметила на юге воду — тонкую полоску, блеснувшую на закате. «*Ручей*», — догадалась Дени. Пусть он невелик, но приведёт её к большему ручью, этот больший ручей впадёт в какую-нибудь мелкую речушку, а в этой части света все реки — притоки Скахазадхана. А когда Дени найдёт Скахазадхан, ей останется только идти вниз по течению до самого Залива Работорговцев.

Честно говоря, она предпочла бы вернуться в Миэрин верхом на драконе. Но Дрогон, судя по всему, не разделял этого желания.

Драконьи владыки старой Валирии управляли своими драконами с помощью заклинаний и звуков колдовских рогов. Дейенерис пришлось обходиться криком и кнутом. На спине дракона она будто заново училась ездить верхом. Прежде, когда Дени хлестала свою Серебрянку по правому боку, кобыла сворачивала влево — инстинкт заставлял лошадь уходить от опасности. Теперь же,

когда она била кнутом Дрогона по правому боку, дракон сворачивал именно направо — инстинкт побуждал дракона атаковать. Иногда, казалось, не имело значения, куда пришёлся удар, а иногда зверь летел туда, куда ему хотелось, и нёс хозяйку с собой. Ни кнут, ни крик не могли заставить Дрогона повернуть, если он не желал поворачивать. Со временем Дени поняла, что кнут скорее раздражает его, чем причиняет боль — драконья чешуя была твёрже рога.

Но как бы далеко ни залетал дракон в течение дня, к ночи какой-то инстинкт заставлял его возвращаться на Драконий Камень. «*Это его дом, а не мой*». Её дом в Миэрине, там, где остались супруг и любовник. Конечно же, там её место.

«*Я должна иди дальше. Если оглянусь, я погибла*».

За ней следовали воспоминания: плывущие внизу облака, несущиеся по траве лошади, крошечные как муравьи, серебристая луна, до которой почти можно дотянуться рукой, блестевшие на солнце ярко-голубые реки. «*Увижу ли я это ещё раз*?» На спине Дрогона она чувствовала себя гораздо целостнее, чем прежде. Высоко в небесах отступали все беды мира. Как можно от такого отказаться?

И всё же ей пора. Это дети могут проводить жизнь в играх, она же взрослая женщина — королева, супруга, мать для тысяч людей. Она нужна своим детям. Дрогон склонился перед кнутом, должна подчиниться и Дейенерис. Снова надеть корону и вернуться на свою эбеновую скамью и в объятия благородного супруга.

«*К Хиздару с его вялыми поцелуями*».

Этим утром солнце нещадно палило с лазоревой синевы. На небе не было ни облачка. Это хорошо. Одежды Дени превратились в лохмотья, которые не слишком-то грели. Одна сандалия слетела во время шального полёта из Миэрина, другую Дени оставила у пещеры Дрогона, рассудив, что лучше идти совсем босой, чем в одной сандалии. Токар и вуали она бросила в бойцовой яме, а её льняная сорочка не могла противостоять жарким дням и холодным ночам Дотракийского моря и была испачкана потом, травой и грязью К тому же, Дени оторвала полосу от подола, чтобы перевязать себе голень. «*Я наверняка выгляжу как оборванка, голодная оборванка*, — думала Дени, — *но если не похолодает, не замёрзну*».

На Драконьем Камне было одиноко, боль и голод тяготили её... и всё же Дени чувствовала себя до странности счастливой. «*Пара ожогов, пу-*

стой желудок, холод по ночам... разве это имеет значение, когда ты можешь летать? Я охотно пережила бы всё снова».

«*Чхику и Ирри наверняка ждут в Миэрине на вершине её пирамиды*», — говорила она себе. А ещё милая служанка Миссандея и все маленькие пажи. Они принесут ей еды, и королева сможет искупаться в бассейне под хурмой. Как же здорово будет вновь почувствовать себя чистой — Дейенерис не надо было смотреться в зеркало, чтобы знать, насколько ужасно она выглядит.

Ещё Дени ужасно хотела есть. Однажды утром она нашла на середине южного склона немного дикого лука, а позже в тот же день — какой-то овощ с красноватыми листьями, должно быть, какую-то странную разновидность капусты. Что бы это ни было, после их съедения плохо ей не стало. Кроме этих находок и рыбы, выловленной в полном дождевой воды прудике у пещеры Дрогона, она кое-как пробавлялась драконьими объедками: горелыми костями и остатками дымящегося мяса, наполовину обугленными, наполовину сырыми. Дени знала, что этого недостаточно. Однажды она пнула босой ногой треснувший овечий череп, и тот, подпрыгивая, покатился вниз по склону холма. Глядя, как он катится под уклон

в море травы, Дейенерис Таргариен поняла, что должна следовать за ним.

Скорым шагом она отправилась в путь сквозь высокую траву. Пальцы ног приятно погружались в тёплую землю, а росшая вокруг трава была с неё ростом. «*Когда я ездила верхом на Серебрянке рядом с моим солнцем и звёздами во главе его кхаласара, она не казалась такой высокой*». Дени шла и похлопывала себя по бедру кнутом распорядителя игр. Кнут да одетые на ней лохмотья — вот и всё, что она прихватила с собой из Миэрина.

Зелёное царство, через которое пролегал её путь, уже не было изумрудного цвета, как летом. Даже здесь чувствовалось дыхание осени и не такой уж далёкой зимы. Трава была бледнее, чем помнилось Дени — какая-то тусклая, чахлая, уже готовая пожелтеть, а затем и вовсе стать бурой. Трава умирала.

Дейенерис Таргариен не понаслышке знала Дотракийское море — великий травяной океан, раскинувшийся от Квохорского леса до Матери Гор и Утробы Мира. Впервые Дени увидела его ещё совсем девочкой, недавно обручённой с кхалом Дрого, направляясь с ним в Вейес Дотрак, чтобы предстать перед старухами дош кхалина.

Тогда у неё перехватило дыхание от зрелища бескрайних лугов. «*Небо было голубое, трава зелёная, а я полна надежд*». Её сопровождал сир Джорах, её грубый старый медведь; о ней заботились Ирри, Чхику и Дореа; её солнце и звёзды обнимал её по ночам, и его сын рос в чреве Дени. «*Рейего. Я собиралась назвать его Рейего, и дош кхалин в один голос заявил, что тот станет Жеребцом, который покроет весь мир*». Она не была так счастлива с тех полузабытых времён, когда жила в Браавосе в доме с красной дверью.

Но в красной пустыне всё её счастье обратилось в прах. Её солнце и звёзды упал с лошади, мейега Мирри Маз Дуур убила Рейего в чреве матери, а потом Дени собственными руками задушила ту пустую оболочку, что осталась от кхала Дрого. После этого великий кхаласар Дрого распался. Ко Поно объявил себя кхалом Поно и увёл с собой множество всадников и рабов. Ко Чхаго объявил себя кхалом Чхаго и увёл ещё больше. Маго, кровный всадник покойного кхала, изнасиловал и убил Ероих — девушку, которую когда-то спасла от него Дейенерис. Только благодаря тому, что в огне и дыму погребального костра родились драконы, никто не уволок Дени в Вейес Дотрак доживать остаток дней среди старух дош кхалина.

«*Огонь не причинил мне вреда, лишь сжёг мои волосы*». В Яме Дазнака произошло то же самое — это она помнила, хотя происходившее потом словно заволокло туманом. «*Там было много людей, они кричали и толкались*». Она помнила встающих на дыбы лошадей, перевёрнутую тележку с рассыпавшимися дынями. Снизу прилетело копье, а за ним град арбалетных болтов — один пронёсся так близко, что оцарапал Дени щёку. Другие отскакивали от чешуи Дрогона, застревали там или пробивали насквозь перепонку на драконьих крыльях. Она помнила, как бился под ней дракон, содрогаясь при каждом попадании, а она отчаянно цеплялась за его чешуйчатую спину. Раны дымились — на глазах Дени вспыхнул один из пробивших драконье тело болтов. Другой, сбитый ударом драконьих крыльев, отлетел в сторону. Внизу метались объятые пламенем люди, воздев к небу руки, точно захваченные муками какого-то безумного танца. Женщина в зелёном токаре подхватила плачущего ребёнка и повалила его на землю, прикрывая от огня своим телом — Дени успела разглядеть цвет её одежд, но не лицо. Женщина лежала на кирпичной мостовой, обняв ребёнка, а по ней бежали люди, в том числе и горящие.

Потом всё это растаяло, звуки отдалились, люди стали маленькими, как муравьи, копья и стрелы за спиной падали вниз на излёте — Дрогон прокладывал себе дорогу в небо. Всё выше, и выше, и выше возносил он Дени, высоко над пирамидами и ямами, расправив крылья, чтобы поймать тёплый восходящий поток над прокалёнными солнцем кирпичами Миэрина. «*Если я упаду и разобьюсь — оно всё равно того стоило*», — подумала тогда она.

Они летели на север, за реку. Дрогон парил на порванных и ободранных крыльях сквозь облака, трепещущие на ветру точно знамёна какой-то призрачной армии. Дени разглядела внизу берега Залива Работорговцев и старую валирийскую дорогу, которая бежала под ними через пески и пустоши, пока не исчезла на западе. «*Дорога домой*». Затем внизу не осталось ничего кроме колышущейся травы.

«*Как давно был этот первый полёт? Тысячу лет назад*?» Иногда ей казалось, что так оно и было.

Чем выше поднималось солнце, тем сильнее оно припекало, и вскоре у Дени загудела голова. Её волосы отрастали, но слишком медленно.

— Мне нужна шляпа, — сказала себе Дени. На Драконьем Камне она попыталась соорудить

себе головной убор, сплетая стебли травы, как это делали на её глазах дотракийские женщины в кхаласаре Дрого, но либо ей попалась какая-то не такая трава, либо просто не хватало умения. Все плетёные шляпы разваливались у неё в руках. «*Попробуй снова*, — говорила она себе, — *в следующий раз получится лучше. Ты кровь дракона, что тебе стоит сделать какую-то шляпу*?» Дени предпринимала всё новые и новые попытки, но последняя оказалась ничуть не успешнее первой.

После полудня она нашла тот самый поток, который заметила с вершины холма. Это был родничок, ручеёк, струйка не шире руки Дени... а её руки становились тоньше с каждым днём, проведённым на Драконьем Камне. Она зачерпнула воду пригоршней и умылась. Сложив ладони ковшиком, Дейенерис задела костяшками пальцев ил на дне ручейка. Будь её воля, она пожелала бы воды почище и попрохладнее... но нет, если бы её желания что-то значили, она пожелала бы спасителей.

Дени всё ещё надеялась, что её будут искать. За ней, возможно, отправится сир Барристан — глава её Королевской Гвардии, поклявшийся оберегать жизнь королевы, как свою собствен-

ную. А для её кровных всадников Дотракийское море было родным, и они тоже поклялись ей жизнью. Её супруг, благородный Хиздар зо Лорак, может отправить людей на поиски. И Даарио... Дени представляла, как он едет к ней на коне через высокую траву, улыбается, и его золотой зуб блестит в последнем луче заходящего солнца.

Вот только Даарио отдали в заложники юнкайцам, как гарантию того, что юнкайским командирам не причинят вреда в Миэрине. «*Даарио и Герой, Чхого и Гролео, и трое родных Хиздара*». Сейчас, конечно, всех заложников уже должны были освободить. Но...

Хотелось бы знать, висят ли ещё мечи её капитана на стене опочивальни, ожидая возвращения хозяина? «*Оставляю тебе моих девочек*, — сказал он. — *Сохрани их для меня, любимая*». И тем более хотелось бы знать, знают ли юнкайцы о том, как дорог ей капитан. В тот день, когда заложники отправились в юнкайский лагерь, Дени задала этот вопрос сиру Барристану.

— Они могли об этом услышать, — ответил рыцарь. — Нахарис мог даже хвастаться... величайшим... расположением... вашего величества. Простите мою прямоту, но скромность не входит в число добродетелей капитана. Он очень гордит-

ся... своим искусством фехтования.

«*Он похваляется, что спит со мной, хотели вы сказать*. — Но у Даарио должно хватить ума, не хвастаться этим хотя бы среди её врагов. — *Впрочем, неважно — сейчас юнкайцы уже на пути домой*». Вот ради чего она сделала то, что сделала. Ради мира.

Дени оглянулась — там над лугами, точно стиснутый кулак, вздымался Драконий Камень. «*На вид так близко. Я иду уже несколько часов, а всё кажется, что до него рукой подать*». Ещё не поздно вернуться — в пруду с дождевой водой у пещеры Дрогона водится рыба. Она уже поймала одну рыбёшку в первый день на Драконьем Камне, сможет поймать ещё. И в пещере есть обугленные кости с огрызками мяса, оставшиеся после трапез Дрогона.

«*Нет*, — сказала себе Дени. — *Если оглянусь, я погибла*». Можно годами жить среди раскалённых на солнце валунов Драконьего Камня — днём летать на Дрогоне, а в сумерках, пока великое травяное море из золотого становится оранжевым, доедать его объедки — но не для такой жизни она была рождена. Так что Дени вновь развернулась спиной к далёкому холму, и осталась глуха к песне о полёте и свободе, что

пел ей ветер, игравший между каменистыми вершинами холма.

Ручей бежал на юго-восток — это всё, что она могла о нём сказать. Дени зашагала вдоль него. «*Приведи меня к реке — единственное, о чём я прошу. Приведи меня к реке, а с остальным я управлюсь сама*».

Часы текли медленно, ручей извивался то туда, то сюда, и она шла вдоль него, отбивая по ноге такт сложенным кнутом и стараясь не думать о том, сколько ей ещё идти, о головной боли и пустом желудке. «*Ещё шаг. Другой. Ещё один. Ещё*». Что ей оставалось делать?

В её море было тихо. Иногда поднимался ветер, и трава начинала вздыхать — стебли тёрлись друг о друга, перешёптываясь на языке, известном одним богам. Время от времени, обтекая камень, журчал ручеёк, под босыми ногами хлюпала грязь. Вокруг жужжали насекомые — ленивые стрекозы, блестящие зелёные осы и жалящая мошкара, почти невидимая глазу. Дени рассеянно прихлопывала насекомых, когда те садились на руки. Однажды ей на глаза попалась крыса, пьющая из ручья, но при приближении Дени зверёк дал дёру, пробежал между стеблями и скрылся в высокой траве. Иногда она слышала,

как поют птицы. От этого звука у Дени заурчало в животе, но у неё не было силков, чтобы ловить птиц, и пока что она не набрела ни на одно гнездо. «*Раньше я мечтала летать*, — подумала она, — *а теперь, полетав, мечтаю воровать яйца*».

Это её рассмешило.

— Люди безумны, а боги ещё безумнее, — сказала она траве, и трава одобрительно зашептала.

Трижды в этот день она замечала в небе Дрогона. Один раз так далеко, что его можно было принять за орла, парящего среди высоких облаков, но Дени уже знала, как выглядит дракон, даже если тот казался маленьким пятнышком. Второй раз Дрогон пролетел против солнца, расправив чёрные крылья, и вокруг потемнело. Последний раз он пронёсся прямо у Дени над головой — так близко, что она услышала, как хлопают его крылья, и на какое-то мгновение решила, что дракон охотится на неё, но тот безразлично пролетел мимо, и отправился куда-то на восток. «*Ну вот и хорошо*», — подумала она.

Вечер едва не застал её врасплох. Когда солнце позолотило далёкую вершину Драконьего Камня, Дени наткнулась на обвалившуюся и заросшую травой низкую каменную стену — возможно, часть разрушенного храма или господской

усадьбы. За стеной находились ещё развалины — старый колодец и круги в траве, там, где раньше стояли хижины. «*Видимо*, — решила Дени, — *эти дома соорудили из соломы и глины, но годы, ветер и дождь превратили их в ничто*». Дени нашла восемь кругов, прежде чем солнце окончательно зашло, но дальше в траве могли скрываться и другие.

Стена оказалась крепче, чем хижины. И хотя её высота не превышала трёх футов, в углу, где к ней примыкала другая стена пониже, можно было хоть как-то укрыться от непогоды, ведь ночь была уже на носу. Дени забилась в этот угол, обустроив себе гнёздышко из сорванных пучков росшей среди развалин травы. Она очень устала, к тому же натёрла свежие мозоли — совершенно одинаковые на пальцах левой и правой ног. «*Это от долгой ходьбы*», — подумала она, хихикнув.

Темнело. Дени устроилась в пристанище и закрыла глаза, но сон всё не приходил. Ночь была холодной, земля твёрдой, желудок пустым. Дени задумалась о Миэрине, о своём возлюбленном Даарио и о супруге Хиздаре, об Ирри, Чхику и милой Миссандее, о сире Барристане, Резнаке и Скахазе Бритоголовом. «*Испугались ли они, что я погибла? Дракон унёс меня на спине — решат ли*

они, что он меня съел?» Ей было интересно, остаётся ли Хиздар королём. Он получил корону из её рук, но сможет ли удержать власть в отсутствие Дени? «*Он хотел убить Дрогона. Я сама слышала, как он кричал: “Убейте его! Убейте зверя!”, и его лицо пылало вожделением*». И Силач Бельвас тогда стоял на коленях, хрипя и дрожа. «*Яд, это был яд. Саранча в меду. Хиздар настойчиво предлагал её мне, но всё съел Бельвас*». Она сделала Хиздара королём, пустила его в свою постель, открыла для него бойцовые ямы — у него не было причин желать ей смерти. Кто же это тогда? Резнак, её надушенный сенешаль? Юнкайцы? Дети Гарпии?

Вдалеке завыл волк. От этого звука ей стало грустно и одиноко, но голод никуда не делся. Когда над лугами взошла луна, Дени наконец погрузилась в беспокойную дрёму.

Ей снились сны. Все её заботы и тяготы исчезли, и она будто парила в небесах — снова летела, кружилась, смеялась, танцевала, а звёзды скользили вокруг неё и шептали в уши: «*Чтобы попасть на север, ты должна отправиться на юг, чтобы попасть на запад — нужно пойти на восток. Чтобы продвинуться вперёд, ты должна вернуться назад, чтобы обрести свет — нужно пройти через тень*».

— Куэйта? — позвала Дени. — Где ты, Куэйта?

Затем она увидела. «*Её маска соткана из звёздного света*».

— Помни, кто ты, Дейенерис, — шептали женским голосом звёзды. — Драконы знают, а знаешь ли ты?

Наутро всё тело у неё затекло и болело, по рукам, ногам и лицу ползали муравьи. Когда Дени поняла, в чём дело, то отбросила охапку высохшей бурой травы, что служила ей периной и одеялом, и вскочила на ноги. Всё её тело было покрыто укусами — мелкими красными пупырышками, воспалёнными, зудящими. «*И откуда взялись эти муравьи*?» Дени смахнула их с рук, ног и живота. Она ощупала руками голову с колючими остатками сгоревших волос и обнаружила, что и там ползают муравьи, и один бежит вниз к основанию шеи. Дени стряхнула их на землю и растоптала босыми ногами. Сколько же их было...

По ту сторону стены обнаружился муравейник. Дени удивилась, как насекомым удалось перебраться через стену и найти её. Для них эта полуразвалившаяся постройка должна казаться огромной, как вестеросская Стена. «*Самая большая стена в мире*», — говорил ей когда-то Визерис

с такой гордостью, словно сам её построил.

Визерис рассказывал ей сказки о рыцарях столь бедных, что им приходилось спать под древними межами у малопроезжих дорог Семи Королевств. Дени дорого бы дала за возможность поспать под хорошей широкой межой. «*И лучше бы без муравейника*».

Солнце только вставало, и в ярко-синем небе ещё задержались несколько самых ярких звёзд. «*Быть может, одна из них — кхал Дрого. Он в ночных землях, сидит на своём свирепом жеребце и улыбается мне*».

Позади среди лугов всё ещё виднелся Драконий Камень. «*Так близко. Я, наверное, отошла уже на много лиг, но кажется, что к нему можно вернуться за час*». Ей хотелось лечь, закрыть глаза и забыться сном. «*Нет, я должна идти. Ручей, просто шагай по ручью*».

Дени потребовалось некоторое время, чтобы удостовериться, что она идёт в правильном направлении. Забрести не в ту сторону и потерять ручей, было бы совсем нехорошо.

— Мой друг, — сказала она вслух. — Если буду держаться поближе к другу, я не потеряюсь.

Будь у Дени больше храбрости, она спала бы у самой воды, но ночью к ручью на водопой при-

ходили дикие звери. Она видела их следы. Волку или льву Дени была бы на один зуб, но и такая добыча лучше, чем пустое брюхо.

Определив, в какой стороне юг, она начала считать шаги и на восьмом вышла к ручью. Дени сложила руки ковшиком и зачерпнула воды попить. У неё сразу свело живот, но лучше уж спазмы в желудке, чем жажда. Ей больше нечего было пить, разве что утреннюю росу, осевшую на высокой траве, и нечего есть, разве что саму траву. «*Можно есть муравьёв*». Мелкие жёлтые муравьи были слишком малы, чтобы ими прокормиться, но в траве ползали и красные, побольше.

— Я заблудилась в море, — вздыхала она, плетясь вдоль змеящегося ручья, — может, мне попадутся крабы или хорошая жирненькая рыбка.

Кнут мягко похлопывал её по бедру: туп-туп-туп. Шаг за шагом, и ручей приведёт её домой.

Вскоре после полудня она набрела на куст у ручья. Кривые ветви были усыпаны твёрдыми зелёными ягодами. Дени подозрительно их осмотрела, затем сорвала одну и раскусила. Ягода оказалась терпкой и вязкой, и от неё во рту остался горьковатый, смутно знакомый привкус.

— В кхаласаре такими ягодами приправляли

жареное мясо, — решила она.

Эта мысль, будучи высказанной вслух, показалась ей вполне убедительной. В животе бурчало, и Дени принялась рвать ягоды обеими руками и запихивать в рот.

Через час у неё началась такая резь в животе, что она не смогла идти дальше. Весь остаток дня её рвало зелёной слизью. «*Если останусь здесь, то умру. Может, я уже сейчас умираю*». Прискачет ли с травянистых равнин конный бог дотракийцев и заберёт ли её в свой звёздный кхаласар, чтобы она ехала по небосводу вместе с кхалом Дрого? В Вестеросе умерших Таргариенов предавали огню, но кто зажжёт ей здесь погребальный костёр? «*Моё тело станет кормом для волков и воронов*, — печально думала она, — *и черви поселятся в моей утробе*». Она обратила взгляд к Драконьему Камню — он казался меньше, чем раньше, и было видно, как с обточенной ветром вершины поднимается дым. «*Дрогон вернулся с охоты*».

Закат застал её стонущей на корточках в траве. Испражнения становились с каждым разом всё жиже и пахли всё мерзостней, к восходу луны из Дени выходила лишь коричневая вода. Чем больше она пила, тем больше испражнялась, а чем

больше испражнялась, тем больше ей хотелось пить, и жажда гнала её к ручью — снова и снова глотать воду. Смежив, наконец, веки, Дени уже не знала, хватит ли ей сил снова открыть глаза.

Ей приснился покойный брат.

Визерис выглядел точно так же, как в тот последний раз, когда она его видела: рот искривлён от боли, волосы обгорели, лицо почернело и дымилось там, где по лбу и щекам стекало расплавленное золото, залепляя глаза.

— Ты мёртв, — сказала ему Дени.

«*Убит.* — Хотя губы брата не шевелились, шёпот Визериса всё равно звучал у неё в ушах. — *Ты никогда меня не оплакивала, сестра. Тяжело умирать неоплаканным*».

— Когда-то я тебя любила.

«*Когда-то*, — повторил он так горько, что Дени поёжилась. — *Ты должна была стать моей женой и рожать мне детей с серебряными волосами и пурпурными глазами, чтобы сохранить чистоту драконьей крови. Я о тебе заботился. Я объяснил тебе, кто ты есть. Я кормил тебя. Я продал корону нашей матери, чтобы тебя прокормить*».

— Ты бил меня. Ты пугал меня.

«*Только когда ты будила дракона. Я любил тебя*».

— Ты продал меня. Ты предал меня.

«*Нет, это ты меня предала. Ты восстала против меня, против родного брата. Они меня обманули — твой муж-лошадник и его вонючие дикари. Они оказались обманщиками и лгунами. Они обещали мне золотую корону, а дали это*». Визерис дотронулся до расплавленного золота, стекавшего у него по лицу, и его палец задымился.

— Ты получил бы свою корону, — ответила ему Дени. — Моё солнце и звёзды завоевал бы её для тебя, стоило только подождать.

«*Я ждал предостаточно. Я ждал всю свою жизнь. Я был их королём, законным королём. А они надо мной посмеялись*».

— Тебе надо было остаться в Пентосе с магистром Иллирио. Кхал Дрого должен был представить меня дош кхалину, но тебе незачем было ехать с нами. Это был твой выбор, твоя ошибка.

«*Разве ты хочешь разбудить дракона, глупая маленькая шлюшка? Кхаласар Дрого был моим. Я купил его, все сто тысяч крикунов. Я заплатил за них твоей девственностью*».

— Ты так и не понял. Дотракийцы не покупают и не продают — они дарят подарки и получают их. Если бы ты подождал...

«*Я ждал. Короны, трона, тебя. Прошло столько лет, и всё, что я получил — горшок расплавленного золота. Почему драконьи яйца подарили тебе? Надо было отдать их мне. С драконом я бы заставил весь мир запомнить девиз нашего рода*».

Визерис захохотал и смеялся до тех пор, пока у него от лица не отвалилась дымящаяся челюсть, а изо рта не хлынули кровь и расплавленное золото.

Когда Дени, задыхаясь, проснулась, её бёдра были мокрыми от крови.

Сначала она даже не осознала этого. Только начало светать, и высокая трава тихо шелестела под ветром. «*Нет, пожалуйста, дайте мне ещё поспать, я так устала*». Она попыталась зарыться поглубже в кучу травы, которую нарвала перед сном. Часть стеблей казалась мокрой на ощупь. Неужели опять шёл дождь? Она села, испугавшись, что во сне справила нужду под себя. На поднесённых к лицу пальцах Дени почувствовала запах крови. «*Я умираю*?» Потом она увидела на небе бледный месяц, повисший высоко над травой, и поняла, что это просто лунные кровотечения.

Если бы ей не было так плохо и так страшно, эта мысль принесла бы облегчение. Вместо это-

го Дени затрясло. Она вытерла руки о землю и сорвала пучок травы, чтобы вытереть им кровь между ног. «*Драконы не плачут*». У неё текла кровь, но это было лишь женское кровотечение. «*А ведь луна вовсе не полная — как такое может быть*?» Она попыталась вспомнить, когда у неё в последний раз были месячные. В последнее полнолуние? В предыдущее? В позапрошлое? «*Нет, быть не может, что так давно*».

— Я — кровь дракона, — громко сказала она траве.

«*Была*, — прошептала та в ответ, — *пока не заковала своих драконов в цепи в темноте*».

— Дрогон убил девочку. Её звали... звали... — Дени не помнила, как звали девочку, и от этого так расстроилась, что заплакала бы, если бы драконий жар не спалил её слёзы. — У меня никогда не будет своей маленькой девочки. Я была Матерью Драконов.

«*Да*, — сказала трава, — *но ты отвернулась от своих детей*».

Желудок сводило от голода, ноги были стёрты до кровавых волдырей, а боль в животе стала только сильнее — точно в кишках у неё извивались и кусались змеи. Дени дрожащими руками зачерпнула пригоршню воды с илом. К полудню

вода станет тёплой, но сейчас на утренней прохладе она была почти ледяной и не давала глазам Дени слипнуться. Ополоснув лицо, она обнаружила у себя на бёдрах свежую кровь — лохмотья, оставшиеся от нижней сорочки, пропитались ею насквозь. Красного было столько, что Дени испугалась. «*Лунные крови, это просто мои лунные крови.* — Но она не помнила, чтобы раньше из неё так сильно текло. — *Может, это от воды*?» Если дело в воде, она обречена. Ей придётся либо пить, либо умереть от жажды.

— Иди, — скомандовала себе Дени. — Следуй за ручьём, и он выведет тебя к Скахазадхану. Там тебя найдёт Даарио.

Но сил у неё хватило только на то, чтобы подняться на ноги. Она так и осталась стоять, чувствуя, как горит её истекающее кровью тело. Дени подняла взгляд к пустым, синим небесам, щурясь на солнце. «*Прошло уже пол-утра*», — осознала она и испугалась. Дени с трудом заставила себя сделать шаг, потом другой, и вот уже снова шла вниз по течению.

День становился всё жарче, солнце пекло ей голову через обгоревшие остатки волос. Под подошвами ног плескалась вода. Дени шла прямо по ручью — как давно? Мягкая бурая грязь при-

ятно обволакивала пальцы ног и унимала боль от волдырей.

«*По ручью или по твёрдой земле, но я должна идти. Вода течёт под гору. Ручей выведет меня к реке, а река приведёт домой*».

Только на самом деле это было не так.

Миэрин не был ей домом и никогда бы им не стал. В этом городе странные люди поклонялись странным богам и носили странные причёски, в нём работорговцы кутались в окаймлённые бахромой токары, милость богов обретали через блуд, убийство считалось искусством, а собака — лакомством. Миэрин навсегда останется городом Гарпии, а Дейенерис никогда не стать гарпией.

«*Никогда,* — вторила ей трава хриплым голосом Джораха Мормонта. — *Я ведь предупреждал, ваше величество. Оставьте этот город в покое. Я говорил: ваша война в Вестеросе*».

Это тоже был всего лишь шёпот, но Дени почему-то казалось, что рыцарь шагает за ней по пятам. «*Мой медведь*, — подумала она, — *мой старый милый медведь, что любил меня и предал*». Ей так не хватало сира Джораха — хотелось увидеть его некрасивое лицо, обнять и прижаться к его груди, но Дени знала: стоит ей обернуться, как сир Джорах исчезнет.

— Я сплю, — пробормотала она. — Сон наяву, сон на ходу. Я одна, и я потерялась.

«*Потерялась, потому что задержалась в городе, где никогда не должна была быть*, — тихо, как ветер, шептал сир Джорах. — *Одна, потому что прогнала меня прочь*».

— Ты предал меня. Ты доносил обо мне ради золота.

«*Ради дома. Вернуться домой — вот всё чего я хотел*».

— И меня. Ты хотел меня. — Дени видела это в глазах Мормонта.

«*Это так*», — грустно прошептала трава.

— Ты поцеловал меня. Я никогда тебе этого не позволяла, но ты это сделал. Ты продал меня моим врагам, но всё равно поцеловал.

«*Я дал вам хороший совет. Сказал: приберегите свои мечи и копья для Вестероса. Оставьте Миэрин миэринцам и двигайтесь на запад. Вы не прислушались*».

— Я должна была взять Миэрин, или пришлось бы смотреть, как мои дети умирают от голода в пути. — У Дени перед глазами стояла вереница тел, оставшихся при переходе через Красную пустыню. Подобное зрелище она бы не хотела увидеть ещё раз. — Я должна была взять Миэрин,

чтобы накормить мой народ.

«*Вы взяли Миэрин*, — произнёс он, — *и всё-таки задержались в нём*».

— Чтобы быть королевой.

«*Вы и есть королева*, — ответил её медведь. — *Королева Вестероса*».

— Это так далеко, — пожаловалась она. — Тогда я устала, Джорах. Меня утомила война. Я хотела отдохнуть, смеяться, сажать деревья и смотреть, как они растут. Я всего лишь юная девушка.

«*Нет. Вы — кровь дракона.* — Шёпот становился всё тише, точно сир Джорах отставал. — *Драконы не сажают деревьев. Помните это. Помните, кто вы есть и кем должны были стать. Помните ваш девиз*».

— «Пламя и кровь», — ответила Дейенерис колышущейся траве.

Оступившись о камень, Дени вскрикнула от боли и упала на одно колено, вопреки всему надеясь, что медведь подхватит её и поможет подняться на ноги. Обернувшись, чтобы поискать его взглядом, она увидела лишь бегущий бурый ручей... и траву, что всё ещё слегка шевелилась.

«*Ветер*, — сказала она себе, — *это он ворошит стебли, из-за него они качаются*». Вот только никакого ветра не было. Солнце нависло прямо над

головой, мир застыл жарким маревом. В воздухе роилась мошкара, над ручьём парила стрекоза, дёргаясь в разные стороны. И трава шевелилась без всякой причины.

Дени сунула руку в воду, нащупала камень размером с кулак и вытащила его из ила — оружие так себе, но всё же лучше, чем голые руки. Краем глаза она заметила, как стебли снова зашевелились, на этот раз справа. Теперь трава склонялась, точно перед королём, но король не вышел к ней. Мир вокруг был зелёным и пустым, зелёным и тихим, жёлтым и угасающим.

«*Надо встать*, — приказала она себе. — *Надо идти. Надо идти вниз по ручью*».

За стеной травы она услышала тихий серебряный перезвон.

«*Колокольчики*, — с улыбкой подумала Дейенерис, вспомнив кхала Дрого, её солнце и звёзды, и колокольчики, которые он прикреплял к своим волосам. — *Когда солнце встанет на западе и опустится на востоке. Когда высохнут моря и ветер унесёт горы как листья. Когда чрево моё вновь зачнёт и я рожу живое дитя, тогда кхал Дрого вернётся ко мне*».

Но ничего из этого так и не случилось. «*Колокольчики*», — вновь подумала Дени. Кровные

всадники нашли её.

— Агго, — прошептала она. — Чхого. Ракхаро.

А может с ними приехал и Даарио?

Зелёное море расступилось, и из него появился всадник. У него была чёрная блестящая коса, кожа цвета полированной меди и миндалевидные глаза. В волосах звенели колокольчики, он носил пояс из медальонов и расписной жилет, аракх на одном бедре и кнут на другом. С седла свисали охотничий лук и колчан со стрелами.

«*Один-единственный всадник. Разведчик*». Такие разведчики всегда ехали перед кхаласаром, чтобы найти в степи дичь, добрую зелёную траву для лошадей и высматривать врагов, где бы те ни прятались. Если он обнаружит Дени, то убьёт, изнасилует или уведёт в плен, в лучшем случае — отошлёт назад к старухам дош кхалина, куда должны отправляться хорошие кхалиси после смерти своих кхалов.

Однако разведчик не заметил Дени. Её скрыла трава, а он смотрел на что-то совсем другое. Дени проследила за его взглядом и увидела парящую тень с широко распростёртыми крыльями. Дракон был ещё в миле от них, а разведчик замер в седле, пока скакун под ним не начал панически ржать. Тогда дотракиец будто очнулся ото сна,

развернул коня и поскакал прочь сквозь высокую траву.

Дени проводила его взглядом. Когда стук копыт стих вдалеке, она закричала. Она звала до тех пор, пока не сорвала голос... и Дрогон явился, выдыхая струи дыма, и трава согнулась под ним. Дейенерис вскарабкалась ему на спину. Она провоняла кровью, потом и страхом, но всё это уже не имело значения.

— Чтобы идти вперёд, я должна вернуться назад, — сказала Дени.

Она сжала драконью шею босыми ногами, затем лягнула его, и Дрогон взмыл в небо. Дени потеряла кнут, поэтому руками и ногами направила дракона на северо-восток — куда ускакал разведчик. Дрогон охотно повиновался — наверное, учуял страх всадника.

Десяток мгновений — и они нагнали дотракийца, несущегося во весь опор далеко внизу. Справа и слева Дени видела в траве опалённые проплешины. «*Дрогон здесь уже побывал*», — поняла она. Следы его охоты испещрили зелёное травяное море цепочкой серых островков.

Впереди появился большой табун лошадей, а с ним и всадники, человек двадцать или больше, но при виде дракона все развернулись и обрати-

лись в бегство. Когда тень накрыла лошадей, те кинулись врассыпную. Кони мчались по траве, взрывая землю копытами, их бока покрылись пеной... но, какими бы быстрыми они ни были, всё же летать не умели. Скоро один из скакунов стал отставать от прочих, дракон с рёвом спикировал на него, и в мгновение ока бедное животное превратилось в живой факел — однако продолжало с диким ржанием нестись вперёд, пока Дрогон не опустился на него сверху и не сломал ему хребет. Дени из всех сил вцепилась в драконью шею, чтобы не свалиться с неё.

Туша оказалась слишком тяжёлой, чтобы унести её назад в логово, так что Дрогон принялся пожирать добычу на месте, разрывая обугленное мясо. Вокруг горела трава, а воздух застило дымом и запахом горелого конского волоса. Умирающая от голода Дени спустилась с драконьей спины и присоединилась к трапезе, голыми обожжёнными руками отрывая куски дымящегося мяса от лошадиной туши. «*В Миэрине я была королевой, носила шелка и лакомилась фаршированными финиками и ягнёнком в меду*, — вспомнилось ей. — *Что бы сказал мой благородный супруг, если бы увидел меня сейчас*?»

Без сомнения Хиздар пришёл бы в ужас. Но

Даарио...

Даарио бы засмеялся, отрезал своим аракхом кусок конины и присел рядом с ней на корточки, чтобы поесть.

Когда небо на западе окрасилось в цвет кровоподтёка, она услышала приближающийся стук копыт. Дени поднялась на ноги, вытерла руки о рваную сорочку и встала рядом со своим драконом.

Такой её увидел кхал Чхаго, когда полсотни вооружённых всадников вылетели из плывущего над землёй дыма.

Эпилог

— Я не изменник, — заявил рыцарь Грифонов. — Я верен королю Томмену, и вам тоже.

Его слова перемежало мерное «кап-кап-кап» — с плаща рыцаря стекал растаявший снег, и на пол уже набежала лужица. В Королевской Гавани снег шёл почти всю ночь, на улице намело сугробы по щиколотку. Сир Киван Ланнистер поплотнее укутался в собственный плащ.

— Это вы так говорите, сир. Слова — ветер.

— Тогда дайте мне подтвердить их с мечом в руках. — В свете факелов длинные рыжие волосы и борода Роннета Коннингтона горели огнём. — Отправьте меня против дяди, и я принесу вам его голову вместе с головой этого липового дракона.

У западной стены тронного зала выстроились ланнистерские копейщики в багряных плащах и увенчанных львами полушлемах. Гвардейцы Тиреллов в зелёных плащах стояли у противоположной стены. Холод в тронном зале был вполне ощутим, и хотя здесь не было ни королевы Серсеи, ни королевы Маргери, их незримое присутствие отравляло атмосферу — точно привидения на

пиру.

За столом сидели пятеро членов малого королевского совета, а за ними огромным чёрным зверем притаился Железный Трон. Его шипы, зубцы и лезвия терялись во мраке. Киван Ланнистер буквально чувствовал трон спиной, и от этого между его лопаток бежали мурашки. Было нетрудно представить, как там наверху восседает старый король Эйерис, истекая кровью из свежих порезов и злобно взирая вниз. Но сегодня трон пустовал — лорд-регент рассудил, что в присутствии Томмена нет надобности. Куда милосерднее оставить мальчика вместе с королевой-матерью. Лишь Семерым известно, сколько ещё матери и сыну оставаться вместе — до суда над Серсеей... или, может, до её казни.

Ответил Мейс Тирелл.

— В надлежащее время мы сами разберёмся и с вашим дядей, и с его мальчишкой-самозванцем.

Новый десница короля сидел на собственном дубовом троне в форме руки — именно таким сиденьем его лордству вздумалось потешить своё тщеславие в тот же самый день, когда сир Киван согласился даровать ему вожделенный пост.

— Вы останетесь здесь, пока мы не будем готовы выступить на врага. Тогда и только тогда вы

получите возможность доказать свою верность трону.

Сир Киван не возражал.

— Проводите сира Роннета назад в его покои, — велел он. Недосказанным осталось: «*И проследите, чтобы там он и оставался*». Сколь бы громко ни протестовал рыцарь Грифонов, он всё же находился под подозрением. По слухам, наёмниками, высадившимися на юге, командовал его родич.

Когда эхо шагов Коннингтона затихло вдали, великий мейстер Пицель неуклюже тряхнул головой.

— Однажды его дядя стоял ровно на том же месте и уверял короля Эйериса, что принесёт тому голову Роберта Баратеона.

«*Вот что случается, когда человек доживает до таких преклонных лет, как Пицель: всё, что ты видишь или слышишь, напоминает о том, что видел или слышал, когда был молодым*».

— Сколько солдат сир Роннет привёл в город? — поинтересовался сир Киван.

— Двадцать, — ответил лорд Рендилл Тарли, — и по большей части они из прежней шайки Григора Клигана. Спорю, что ваш племянник Джейме отдал этих бандитов под начало Кон-

нингтона, чтобы от них избавиться. Они и дня не пробыли в Девичьем Пруду, как один из них совершил убийство, а другого обвинили в изнасиловании. Мне пришлось повесить первого и оскопить второго. Будь моя воля, то сослал бы их всех в Ночной Дозор вместе с Коннингтоном. Стена — вот место для подобного отребья.

— Каков хозяин, таковы и псы, — заявил Мейс Тирелл. — Согласен, чёрные плащи для них самое то. Таких людей в городской страже я не потерплю.

Золотые плащи не так давно пополнились сотней его собственных хайгарденцев, и, очевидно, его лордство решил встать на пути любых попыток уравновесить их число западниками.

«*Чем больше я ему даю, тем больше он хочет*». Киван Ланнистер начинал понимать, почему Серсея так невзлюбила Тиреллов. Но сейчас не самое подходящее время вступать с ними в открытый конфликт. Рендилл Тарли и Мейс Тирелл — оба привели армии в Королевскую Гавань, тогда как лучшие силы Ланнистеров оставались в Речных Землях и таяли там на глазах.

— Люди Горы всегда были отменными бойцами, — произнёс он примирительным тоном. — И может статься, что в борьбе с этими наёмниками

нам понадобится каждый меч. Если это действительно Золотое Братство, как уверяют шептуны Квиберна...

— Называйте их как угодно, — ответил Рендилл Тарли. — По-любому, это всего лишь шайка авантюристов.

— Возможно, — согласился сир Киван. — Но чем дольше мы закрываем глаза на их авантюры, тем сильнее становятся захватчики. Я приказал подготовить карту — карту вторжения. Великий мейстер?

Нарисованная на тончайшем пергаменте мейстерской рукой карта оказалась просто великолепной и такой большой, что заняла весь стол.

— Здесь. — Пицель ткнул в карту покрытой старческими пятнами рукой. Рукав его мантии задрался, обнажив дряблое бледное предплечье. — Вот тут и тут. По всему побережью и на островах. Тарт, Ступени, даже Эстермонт. А по последним сообщениям, Коннингтон выступил на Штормовой Предел.

— Если это действительно Джон Коннингтон, — уточнил Рендилл Тарли.

— Штормовой Предел, — проворчал лорд Мейс Тирелл. — Коннингтон не сможет захватить Штормовой Предел, будь он самим Эйегоном

Завоевателем. А если и возьмёт замок, что с того? Сейчас там стоит гарнизон Станниса. Пусть замок перейдёт из рук одного соперника в руки другого — нам-то, что за беда? Я возьму его снова, как только суд докажет невиновность моей дочери.

«*И как вы собираетесь взять его снова, если не взяли в первый раз*?»

— Понимаю, милорд, но...

Тирелл не дал ему закончить.

— Обвинения, выдвинутые против моей дочери — гнусная клевета. Я вновь спрашиваю: зачем нам участвовать в этом фарсе? Пусть король Томмен объявит мою дочь невиновной, сир, и раз и навсегда положит конец этому сумасшествию.

«*Если мы так поступим, за спиной Маргери всю её оставшуюся жизнь будут перешёптываться*».

— Никто не подвергает сомнению невиновность вашей дочери, милорд, — солгал сир Киван. — Но его святейшество настаивает на суде.

Лорд Рендилл фыркнул.

— До чего мы докатились! Короли и верховные лорды должны плясать под воробьиный щебет?

— Мы со всех сторон окружены врагами, лорд Тарли, — напомнил ему сир Киван. — Станнис на севере, железные люди на западе, наёмники на юге. Бросим вызов Верховному септону — и по

сточным канавам Королевской Гавани потечёт кровь. Если набожным людям покажется, что мы идём против богов — это только подтолкнёт их присоединиться к тому или другому претенденту на трон.

Мейс Тирелл оставался непоколебим.

— Как только Пакстер Редвин очистит наши моря от железных людей, мои сыновья отобьют Щиты. От Станниса нас избавят либо снега, либо Болтон. Что до Коннингтона...

— Если это он, — вставил лорд Рендилл.

— ...что до Коннингтона, — повторил Тирелл, — какие победы за ним числятся, что нам стоит его бояться? Он мог покончить с восстанием Роберта в Каменной Септе — и потерпел неудачу. И Золотое Братство тоже всегда терпело неудачи. Если кто-то поспешит к ним присоединиться — так для державы только на пользу избавиться от подобных олухов.

Сиру Кивану хотелось бы разделить уверенность десницы. Он немного знал Джона Коннингтона — это был гордый юноша, самый своенравный из той стайки лордёнышей, что окружали Рейегара Таргариена, состязаясь за благосклонность принца. «*Самонадеянный, но способный и активный*». Благодаря этим качествам и уме-

нию владеть оружием Безумный король Эйерис избрал его десницей. Бездействие старого лорда Мерривезера дало восстанию пустить корни и разрастись, и Эйерису требовался кто-то молодой и решительный, чтобы противопоставить его молодому и решительному Роберту.

— Не по летам, — заявил лорд Тайвин Ланнистер, когда вести о выборе короля достигли Кастерли Рок. — Коннингтон чересчур юн, чересчур дерзок, чересчур жаждет славы.

Колокольная битва подтвердила его правоту. Сир Киван ожидал, что после этого Эйерису не останется выбора, кроме как снова призвать Тайвина ко двору... но Безумный король обратился к лордам Челстеду и Россарту, за что поплатился жизнью и короной. «*Но всё это было так давно. Если это и в правду Джон Коннингтон, он уже другой человек. Старше, крепче, закалённее... опаснее*».

— У Коннингтона может быть и не только Золотое Братство. Говорят, у него там претендент-Таргариен.

— Мальчишка-самозванец, вот кто у него там, — отозвался Рендилл Тарли.

— Возможно. А может, и нет. — Киван Ланнистер стоял здесь, в этом самом зале, когда Тайвин

положил к подножию Железного Трона трупы детей принца Рейегара, завёрнутые в багряные плащи. В девочке все признали принцессу Рейенис, но мальчик... «*Безликий ужас: кости, мозги, кровь, пара прядей белокурых волос. Никто не стал толком его разглядывать. Тайвин сказал, что это принц Эйегон, и мы все ему поверили*».

— Похожие слухи приходят и с востока. Ещё одна Таргариен, и уж в её происхождении сомневаться не приходится. Дейенерис Бурерожденная.

— Она безумна, как и её отец, — заявил лорд Мейс Тирелл.

«*Тот самый отец, кого Хайгарден и дом Тиреллов поддерживали до самого печального конца и даже после*».

— Может она и безумна, но если у нас на западе запахло палёным, значит, на востоке уж точно что-то горит, — возразил сир Киван.

Великий мейстер Пицель закивал.

— Драконы. До Староместа дошли те же самые слухи, слишком многочисленные, чтобы не принимать их в расчёт. Говорят о лунноволосой королеве с тремя драконами.

— На другом краю света, — уточнил Мейс Тирелл. — Королева Залива Работорговцев? Ну и

пожалуйста.

— Грех спорить, — вздохнул сир Киван, — но Дейенерис от крови Эйегона Завоевателя, и не думаю, что она останется в Миэрине навечно. Если она высадится на наших берегах и примкнёт к лорду Коннингтону с его принцем, кто бы он ни был, самозванец или нет... мы должны уничтожить Коннингтона и его претендента прямо сейчас, пока Дейенерис Бурерожденная не отправилась на запад.

Мейс Тирелл скрестил на груди руки.

— Я как раз собираюсь этим заняться, сир. *После* суда.

— Наёмники воюют за деньги, — заявил великий мейстер Пицель. — Если мы предложим им достаточно золота, то, возможно, убедим Золотое Братство выдать нам лорда Коннингтона вместе с претендентом.

— Ага, будь у нас это золото в наличии, — подал голос сир Харис Свифт. — Увы, милорды, в сокровищницах водятся одни крысы да тараканы. Я послал ещё одно письмо мирийским банкирам. Если они согласятся возместить королевский долг браавосцам и выдать нам ещё один займ, возможно, нам не придётся поднимать налоги. В противном случае...

— Магистры Пентоса, как известно, тоже дают деньги в рост, — напомнил сир Киван. — Попробуйте договориться с ними.

Скорее всего, от пентошийцев будет ещё меньше толку, чем от мирийских менял, но попытка не пытка. Если им не удастся найти новый источник денег или убедить Железный Банк пойти на уступки, единственным выходом будет уплатить по долгам короны ланнистерским золотом. Прибегнуть к новым налогам он не смел — во всяком случае, не сейчас, когда Семь Королевств полыхали мятежами. Половина лордов в стране не отличают налогообложения от деспотии и наперегонки кинутся к первому попавшемуся узурпатору, который даст им возможность выгадать хоть ломаный грош.

— Если и этого не выйдет, возможно, вам лично придётся отправиться в Браавос на переговоры с Железным Банком.

Сир Харис струхнул.

— Мне?

— Вы — мастер над монетой, — сурово произнёс лорд Рендилл.

— Да. — Пучок белых волос на подбородке Свифта задрожал от возмущения. — Должен ли я напоминать, что эти беды не моих рук дело?

Не все здесь имели возможность набить мошну при разграблении Девичьего Пруда и Драконьего Камня.

— На что это вы намекаете, Свифт? — вспылил Мейс Тирелл. — Уверяю вас, ничего ценного на Драконьем Камне мы не обнаружили. Люди моего сына обшарили каждую пядь этого унылого промозглого островка и не нашли там ни единого самоцвета, ни крупинки золота и ни следа тамошних пресловутых драконьих яиц.

Киван Ланнистер когда-то видел Драконий Камень собственными глазами и сейчас сильно сомневался, что Лорас Тирелл обшарил каждую пядь древней твердыни. Её, как-никак, воздвигли валирийцы, а всё, что они делали, попахивало колдовством. А сир Лорас был молод и, как и все юноши, склонен к скоропалительным суждениям. К тому же во время штурма замка он получил тяжелейшее ранение. Но негоже напоминать сейчас Тиреллу, что его любимый сын несовершенен.

— Хранись на Драконьем Камне какие-то сокровища, их бы обнаружил Станнис, — объявил десница.

— Давайте продолжим, милорды. Не забывайте, у нас две королевы под обвинением в государ-

ственной измене. Моя племянница известила меня, что выбрала испытание поединком. За неё выступит сир Роберт Стронг.

— Безмолвный великан, — скривился лорд Рендилл.

— Скажите, сир, откуда он вообще взялся? — потребовал ответа Мейс Тирелл. — Почему мы никогда о нём не слышали? Он не разговаривает, не показывает лица, его ни разу не видели без доспехов. Откуда нам знать, рыцарь ли он вообще?

«*Откуда нам знать, живой ли он вообще*?» Меррин Трант говорил, что Стронг никогда не ест и не пьёт, а Борос Блаунт и вовсе уверял, что не видел, чтобы его новый товарищ по гвардии посещал уборную. «*Да и зачем ему? Мертвецы не испражняются*». Кивана Ланнистера мучило сильное подозрение по поводу того, кто на самом деле скрывается под сияющими белыми доспехами «сира Роберта». И, без сомнения, Мейс Тирелл и Рендилл Тарли это подозрение разделяли. Но какое бы лицо не таилось под шлемом Стронга, пока что оно должно оставаться тайной: безмолвный великан — единственная надежда племянницы Кивана. «*И будем надеяться, что он, в самом деле, так грозен, как выглядит*».

Но Мейс Тирелл, похоже, не видел дальше угро-

зы, нависшей над его собственной дочерью.

— Его величество призвал сира Роберта в Королевскую Гвардию, — напомнил ему Киван, — да и Квиберн за него поручился. Так или иначе, милорды, нам необходимо, чтобы сир Роберт выиграл поединок. Если мою племянницу признают виновной, законность её детей окажется под вопросом. Если Томмен перестанет быть королём, то и Маргери перестанет быть королевой. — Он сделал паузу, чтобы эта мысль дошла до Тирелла. — Что бы ни натворила Серсея, она всё ещё дочь Утёса и моя родня. Я не дам ей умереть собачьей смертью, но позабочусь вырвать ей когти. Я распустил прежнюю стражу Серсеи и заменил своими людьми. Вместо прежних фрейлин отныне ей прислуживают септа и три послушницы, отобранные Верховным септоном. В дальнейшем вдовствующая королева не будет иметь голоса ни в государственных делах, ни в воспитании Томмена. После суда я намереваюсь вернуть её в Кастерли Рок и проследить, чтобы там она и оставалась. Думаю, этого достаточно.

Прочее он оставил недосказанным. Серсею уже списали в утиль, её власти пришёл конец. Все поварята и попрошайки в городе видели её позор, все кожевники и все шлюхи от Блошиного

Конца до Вонючей Канавы пялились на её наготу, вдоволь наглядевшись на груди, живот и срамное место. Какая королева после такого сможет вернуться к власти? В золоте, шелках и изумрудах Серсея была королевой, почти богиней. Без одежды — просто человеком, стареющей женщиной с растяжками на животе и начинающими обвисать грудями... как с удовольствием замечали и показывали своим мужьям и любовникам вздорные бабы в толпе. «*Лучше жить с позором, чем умереть с достоинством*», — подумал про себя сир Киван.

— Моя племянница больше не создаст нам никаких неудобств, — пообещал он Мейсу Тиреллу. — Даю слово, милорд.

Тирелл неохотно кивнул.

— Как скажете. Моя Маргери предпочла суд Веры, чтобы всё королевство могло убедиться в её невинности.

«*Если она так невинна, как вы пытаетесь нас убедить, зачем вам удерживать армию в столице на то время, когда Маргери предстанет перед обвинителями*?» — мог бы сказать Киван.

— Уверен, осталось недолго, — ответил он вместо этого и повернулся к великому мейстеру Пицелю.

— Что-нибудь ещё?

Великий мейстер сверился с бумагами.

— Надо разобраться в деле с наследством Росби. Выдвинуто шесть претензий...

— Росби можно обсудить и потом. Что ещё?

— Нужно приготовиться к возвращению принцессы Мирцеллы.

— Вот что бывает, когда связываешься с дорнийцами, — сказал Мейс Тирелл. — Не сомневаюсь, девочке можно подобрать жениха и получше.

«Скажем, вашего собственного сына Уилласа? Её обезобразил один дорниец, его искалечил другой?»

— Не сомневаюсь, — произнёс сир Киван, — но у нас и без Дорна достаточно врагов. Если Доран Мартелл примкнёт к Коннингтону и поддержит этого самозваного дракона, для всех нас дела могут пойти очень плохо.

— Может, мы сумеем убедить наших дорнийских друзей разделаться с лордом Коннингтоном, — противно захихикал сир Харис Свифт. — Это бы сберегло нам немало крови и избавило от многих бед.

— Наверняка, — устало согласился сир Киван. Пора заканчивать. — Благодарю, милорды. В следующий раз соберёмся через пять дней — после

суда над Серсеей.

— Как скажете. И да придаст Воин силу руке сира Роберта. — Сказано это было с неохотой, и вместо поклона Мейс Тирелл лишь чуть кивнул головой. Но сир Киван был благодарен и за эту малость.

Рендилл Тарли покинул зал вместе со своим сюзереном, их копейщики в зелёных плащах шагали следом. «*Настоящая опасность исходит от Тарли*, — подумал сир Киван, глядя, как они уходят. — *Человек ограниченный, но практичный и со стальной волей, лучший солдат, каким только может похвастаться Простор. И как бы мне перетянуть его на нашу сторону*?»

— Лорд Тирелл меня не любит, — угрюмо сказал мейстер Пицель, когда десница вышел. — Вся эта история с лунным чаем... я никогда бы не сказал ничего подобного, но мне велела вдовствующая королева! С позволения лорда-регента, я спал бы спокойнее, если бы вы выделили мне парочку своих гвардейцев.

— Лорду Тиреллу это не понравится.

Сир Харис Свифт подёргал себя за бородку.

— Мне тоже нужна охрана. Опасные нынче времена.

«*Именно*, — подумал Киван Ланнистер, — *и*

Пицель не единственный член малого совета, которого десница хочет заменить». У Мейса Тирелла был свой собственный кандидат на должность лорда-казначея — его дядя, лорд-сенешаль Хайгардена, которого в народе прозвали Жирный Гарт. «*Меньше всего мне нужен ещё один Тирелл в малом совете*». Перевес и так уже был не на его стороне. Сир Харис приходился ему тестем, и на Пицеля тоже можно положиться — но Тарли присягнул на верность Хайгардену, как и Пакстер Редвин, лорд-адмирал и мастер над кораблями, что сейчас ведёт флот вокруг Дорна на бой с железными людьми Эурона Грейджоя. Когда Редвин вернётся в Королевскую Гавань, силы в совете будут равны: три на три, Ланнистеры против Тиреллов.

Седьмой голос получит дорнийка, которая везёт Мирцеллу домой. «*Леди Ним. Но не настоящая леди, если хоть половина сообщений Квиберна верна*». Незаконнорожденная дочь Красного Змея, не уступающая отцу дурной славой и решительно настроенная занять то самое место в совете, что так недолго занимал принц Оберин. Сир Киван пока не считал нужным сообщить о её приезде Мейсу Тиреллу. Он знал, что десницу это не обрадует. «*Кто нам по-настоящему необходим, так*

это Мизинец. У Петира Бейлиша дар извлекать золотых драконов из воздуха».

— Наймите людей Горы, — предложил сир Киван. — Рыжему Роннету они уже не понадобятся.

Он не думал, что Мейсу Тиреллу хватит глупости покуситься на жизнь Пицеля или Свифта, но если под охраной те почувствуют себя спокойнее — пусть заводят охранников.

Втроём они вышли из тронного зала. По двору вился подхваченный ветром снег — зверь в клетке, рвущийся на волю.

— Доводилось ли вам так мёрзнуть? — спросил сир Харис.

— Не лучшее время, рассуждать о морозе, стоя на холоде, — ответил Великий мейстер Пицель и медленно заковылял по двору назад в свои покои.

Остальные двое задержались на ступеньках лестницы в тронный зал.

— Нет у меня веры этим мирийским банкирам, — пожаловался тестю сир Киван. — Лучше вам готовиться к поездке в Браавос.

Такая перспектива совсем не прельщала сира Хариса.

— Если понадобится. Но я уже говорил: это не моя вина.

— Нет. Это Серсея решила, что Железный Банк подождёт возврата долгов. Мне что — её в Браавос отправить?

Сир Харис моргнул.

— Её величество... это... это...

Сир Киван пришёл ему на выручку.

— Это была шутка, и прескверная. Идите, погрейтесь у тёплого очага. Я собираюсь сделать то же самое.

Лорд-регент натянул перчатки и пошёл через двор, низко сгибаясь под порывами ветра. Плащ хлопал и вился у него за спиной.

Сухой ров вокруг крепости Мейегора завалило снегом на три фута в глубину, торчавшие внизу пики заиндевели. В твердыню не было другого входа или выхода, кроме подвесного моста, перекинутого через этот ров. На дальнем конце моста всегда стоял на часах рыцарь Королевской Гвардии — сегодня эта обязанность была возложена на сира Мерина Транта. Нынче, когда Бейлон Сванн охотился в Дорне за беглым рыцарем Тёмной Звездой, Лорас Тирелл лежал тяжело раненый на Драконьем Камне, а Джейме бесследно сгинул в Речных Землях, в столице остались только четверо Белых Мечей. К тому же сир Киван засадил в темницу Осмунда Кеттлблэка заодно с его братом

Осфридом, как только Серсея призналась в том, что оба были её любовниками. Таким образом, для защиты юного монарха и королевской семьи остались только Трант, слизняк Борос Блаунт и немое чудовище Квиберна — Роберт Стронг.

«*Мне нужно найти для Королевской Гвардии новые мечи*». Томмена должны охранять семь настоящих рыцарей. В прошлом рыцари Королевской Гвардии служили всю жизнь, но Джоффри отправил сира Барристана Селми в отставку, чтобы освободить место своему псу Сандору Клигану. Киван мог бы воспользоваться этим прецедентом. «*Мне стоило бы надеть белый плащ на Ланселя*, — подумалось ему. — *Тут он сыщет больше почёта, чем у Сынов Воина*».

Киван Ланнистер повесил намокший от талого снега плащ в своей гостиной, стянул башмаки и велел слуге подкинуть дров в камин.

— Не помешала бы и чаша пряного вина, — сказал он, устроившись у очага. — Похлопочи об этом.

У огня лорду-регенту скоро стало теплее. Вино приятно согревало нутро, но от него хотелось спать, так что выпить ещё одну чашу он не решился. До конца дня было далеко, предстояло ещё читать донесения и писать письма. «*И по-*

ужинать с Серсеей и королём». Хвала богам, после своего искупительного шествия Серсея стала безропотной и покорной. Приставленные к ней послушницы сообщали, что одну треть дня королева проводит с сыном, вторую в молитвах и ещё треть в ванне. Она мылась четыре или пять раз в сутки, тёрлась щётками из конского волоса и едким мыльным щёлоком, точно пытаясь соскрести с себя кожу.

«*Ей уже никогда не смыть с себя грязь, сколько ни скребись*». Сир Киван вспоминал, какой Серсея была в детстве — живой и шаловливой, а когда расцвела — разве была на свете девица краше? «*Согласись Эйерис женить на ней Рейегара, скольких бы смертей удалось избежать*?» Серсея подарила бы принцу детей, которых тот всегда хотел — львят с пурпурными глазами и серебряными гривами... с такой-то женой Рейегар не стал бы заглядываться на Лианну Старк. И северянка, как помнилось Кивану, была по-дикарски красива, но никакому факелу, как бы ярко тот ни горел, не сравниться с восходящим солнцем.

Но негоже лорду-регенту кручиниться о проигранных битвах и упущенных возможностях — это удел стариков, отживших своё. Рейегар женился на Элии Дорнийской, Лианна Старк

умерла, Серсею под венец повёл Роберт Баратеон, и всё пошло так, как пошло. А его судьба сегодня идти в покои племянницы и встретиться с Серсеей лицом к лицу.

«*Нечего мне винить себя,* — думал сир Киван. — *Не сомневаюсь, что Тайвин бы меня понял. Это его дочь навлекла позор на нашу семью, а не я. Всё, что я сделал, было на благо рода Ланнистеров*».

Нельзя сказать, что его брат не совершал ничего подобного. Под старость, после смерти их с Тайвином матери, отец взял себе в любовницы смазливую дочку свечника. Нет ничего удивительного в том, что овдовевший лорд укладывает девицу из низкого сословия греть себе постель... но лорд Титос вскоре начал сажать дочку свечника за свой стол, осыпать подарками и почестями, даже спрашивать её совета в государственных делах. И года не прошло, как срамница сама стала увольнять слуг, раздавать приказания рыцарям домашней гвардии, даже говорить от имени его лордства, когда тому нездоровилось. Её влияние всё росло, и в скором времени в Ланниспорте судачили, что если кто-то хочет донести своё прошение до ушей лорда, надо преклонить колено перед дочкой свечника и обращаться к её подолу... ибо уши Титоса Ланнистера растут

между ног его дамы сердца. У неё даже хватило наглости носить украшения покойной супруги своего покровителя.

Всё это продолжалось ровно до того дня, когда сердце их лорда-отца не выдержало — он как раз поднимался по крутой лестнице в постель любовницы. Все те корыстолюбцы, что обхаживали фаворитку и набивались ей в друзья, вмиг пропали, когда Тайвин велел раздеть её догола и провести через весь Ланниспорт к гавани, точно обычную шлюху. Хотя ни один мужчина пальцем её не тронул, по пути власть женщины испарилась без следа. Без сомнения, Тайвину и в страшном сне не могло присниться, что та же судьба постигнет его золотую дочь.

— Это было необходимо, — пробормотал сир Киван в чашу с недопитым вином. Его святейшество надо было умаслить — Томмену в грядущих битвах понадобится поддержка Веры. И Серсея... золотое дитя выросло в тщеславную, глупую и жадную женщину. Оставь её править — и она бы погубила Томмена, как раньше Джоффри.

Ветер снаружи крепчал и скрёбся в ставни покоев лорда-регента. Сир Киван усилием воли поднялся на ноги. Пора встретиться с львицей в её логове. «*Ей мы вырвали когти. Джейме, однако*

же...». Нет, не стоит об этом думать.

Сир Киван надел старый поношенный дублет — на тот случай, если племяннице опять придёт в голову плеснуть ему вином в лицо — но пояс с мечом оставил на спинке кресла. Носить меч в присутствии Томмена дозволялось лишь рыцарям Королевской Гвардии.

Когда сир Киван вошёл в королевские покои, на страже юного короля и его матери стоял сир Борос Блаунт — в эмалированных чешуйчатых латах, белом плаще и полушлеме. Выглядел рыцарь неважно. В последнее время Борос заметно погрузнел, лицо у него отяжелело и приобрело нездоровый цвет. К тому же рыцарь прислонился к стене, точно стоять ровно для него было чересчур тяжело.

Ужин подавали три послушницы — аккуратные девочки из хороших семей лет двенадцати-шестнадцати. В облачениях из мягкой белой шерсти они казались одна другой чище и невиннее, но верховный септон настаивал, чтобы ни одна девочка не проводила в услужении королеве больше семи дней, дабы Серсея не развратила служанок. Они ведали королевским гардеробом, носили ей воду для мытья, наливали вино, меняли постель поутру. Еженощно одна делила

кровать с королевой — чтобы точно знать, что никто другой туда не пробирается. Две другие спали в смежном покое вместе с приглядывавшей за ними септой.

Долговязая рябая девица провела лорда-регента к королеве. Серсея встала ему навстречу и легко поцеловала в щёку.

— Дорогой дядя, как любезно с твоей стороны отужинать с нами.

Королева была одета скромно, как подобает матери семейства — в тёмно-коричневое платье, зашнурованное до самого горла, и зелёную накидку с капюшоном, прикрывавшим бритую голову. «*Раньше Серсея выставила бы её напоказ, украсив золотой короной*».

— Садись, — сказала племянница. — Вина?

— Чашу. — Он сел, но остался настороже.

Веснушчатая послушница наполнила их чаши горячим вином с пряностями.

— Томмен сказал мне, что лорд Тирелл собирается восстановить Башню Десницы, — сообщила Серсея.

Сир Киван кивнул.

— По его словам, новая башня будет вдвое выше той, что ты сожгла.

Серсея издала горловой смешок.

— Длинные копья, высокие башни... лорд Тирелл пытается нам на что-то намекнуть?

Киван улыбнулся. «*Хорошо, что она не разучилась смеяться*». Когда он спросил, получает ли Серсея всё необходимое, королева ответила:

— Со мной обходятся хорошо. Девочки очень милы, добрые септы следят, чтобы я молилась вовремя. Но, когда мою невиновность докажут, я бы просила разрешить Таэне Мерривезер встретиться со мной. Она может привезти ко двору сына — Томмену нужно общество сверстников, мальчиков знатных кровей.

Просьба была вполне скромная, и сир Киван не видел причины отказывать. Он потом сможет сам взять маленького Мерривезера на воспитание, а леди Таэну отослать вместе с Серсеей в Кастерли Рок.

— Я пошлю за ней после суда, — пообещал он.

Ужин начался с перлового супа на говяжьем бульоне, за ним последовали перепела и жареная щука длиной чуть ли не в три фута, а с ней репа, грибы и вдоволь горячего хлеба с маслом. Сир Борос пробовал каждое блюдо, прежде чем поставить его перед королём. Для рыцаря королевской гвардии занятие унизительное, но, возможно, единственное, на что Блаунт теперь и годился...

и мудрое, если учесть, какой смертью умер брат Томмена.

Кивану Ланнистеру давно уже не доводилось видеть короля таким счастливым. От первого блюда и до десерта Томмен взахлёб рассказывал о подвигах своих котят, скармливая им кусочки щуки с собственной королевской тарелки.

— Плохой кот сегодня ночью опять приходил к моему окну, — сообщил он Кивану, — но сир Попрыгунчик зашипел на него, и тот убежал по крышам.

— Плохой кот? — развеселился сир Киван. «*Милый мальчик*».

— Старый чёрный котяра с рваным ухом, — объяснила Серсея. — Мерзкая тварь с гнусным нравом. Как-то он оцарапал Джоффри руку до крови. — Она скорчила гримасу. — Я знаю, кошки в замке нужны, чтобы ловить крыс, но этот кот... он нападал на воронов на воронятне.

— Я прикажу крысоловам поставить на него ловушку. — На памяти сира Кивана его племянница никогда не была такой тихой, такой покорной, такой пристойной.

«*Оно и к лучшему*, — думал он, но в то же время жалко. — *Её огонь угас — тот, что пылал так ярко*».

— Ты не спросила о брате, — сказал он, пока они ждали пирожные с кремом — любимое лакомство короля.

Серсея вскинула голову, зелёные глаза заблестели в свете свечи.

— Джейме? Есть новости о нём?

— Никаких. Серсея, быть может, тебе стоит готовиться к...

— Будь он мёртв, я бы знала. Мы пришли в этот мир вместе, дядя, и без меня он его не покинет. — Она сделала глоток вина. — Вот Тирион может уйти, когда пожелает. Сдаётся мне, о нём тоже нет новостей.

— В последнее время никто не пытался продать нам голову карлика.

Серсея кивнула.

— Дядя, могу я спросить тебя кое о чём?

— О чём пожелаешь.

— Твоя жена... ты собираешься взять её ко двору?

— Нет.

Дорна была нежна душой и уютно себя чувствовала только дома, в окружении друзей и родни. Она хорошо ладила с детьми, мечтала о внуках, молилась семь раз на дню, любила шитьё и цветы. В Королевской Гавани она была бы не

счастливее томменовского котёнка, попади тот в яму со змеями.

— Моя леди-жена не любит путешествий. Её место в Ланниспорте.

— Мудра та женщина, что знает своё место.

Такие речи лорду-регенту не понравились.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что сказала. — Серсея протянула пустую чашу, и рябая девочка наполнила её снова. Принесли пирожные с кремом, и беседа приняла более лёгкий оборот. А когда Борос Блаунт проводил Томмена с котятами в опочивальню, разговор, наконец, зашёл о предстоящем суде.

— Братья Осни не станут сидеть сложа руки и смотреть, как тот умирает, — предупредила дядю Серсея.

— Я и не думал, что станут. Оба арестованы по моему приказу.

Серсея, похоже, растерялась.

— За что?

— За прелюбодеяние с королевой. По словам его святейшества, ты призналась, что спала с обоими — не забыла, часом?

Серсея покраснела.

— Нет. Что ты собираешься с ними сделать?

— Отправлю на Стену, если они признают свою

вину. Если не признают — могут сразиться с сиром Робертом. Не надо было людям подобного склада залетать так высоко.

Серсея понурила голову.

— Я... Я в них ошиблась

— Ты, сдаётся мне, ошиблась в великом множестве людей.

Он добавил бы и ещё кое-что, но темноволосая щекастая послушница вернулась в комнату и сообщила:

— Милорд, миледи, прошу извинить, что прерываю вас, но там внизу посыльный. Великий мейстер Пицель просит лорда-регента как можно скорее прийти.

«*Чёрные крылья, чёрные вести*, — подумал сир Киван. — *Неужели Штормовой Предел пал? Или пришло письмо с севера от Болтона*?»

— Может, это новости о Джейме, — предположила королева.

Был только один способ узнать. Сир Киван встал.

— Прошу меня извинить.

Перед уходом он опустился на одно колено и поцеловал племяннице руку. Если безмолвный великан подведёт Серсею, быть может, больше никто её не поцелует.

Прибежавший от Пицеля мальчик лет восьми или девяти, был так закутан в меха, что походил на медвежонка. Трант не пропустил его в крепость Мейегора и заставил ждать на подвесном мосту.

— Иди погрейся, малыш, — сказал сир Киван, сунув в ручонку посланника пенни. — Я прекрасно знаю дорогу к вороньей башне.

Снегопад, наконец, прекратился. За рваной завесой облаков плыла луна, белая и пухлая, словно снежный шар. С неба светили холодные, далёкие звёзды. Сир Киван шёл через внутренний двор, и замок казался ему совершенно незнакомым местом, где каждая башня и каждая цитадель отрастила ледяные клыки, а все привычные тропинки исчезли под белым покрывалом. Один раз прямо у его ног разбилась длинная, как копьё сосулька.

«*Осень в Королевской Гавани*, — угрюмо подумал он. — *Каково же сейчас на Стене*?»

Дверь открыла девочка-служанка — тощее существо в подбитом мехом облачении, висевшем на ней мешком. Сир Киван отряхнул снег с башмаков, снял плащ и бросил его служанке.

— Меня ждёт Великий мейстер, — объявил он. Девочка торжественно и безмолвно кивнула и

указала на лестницу.

Покои Пицеля располагались прямо под воронятней — просторные комнаты, загромождённые связками трав, мазей и настоек, стеллажами и шкафами, ломившимися от книг и свитков. Сиру Кивану всегда здесь было неприятно жарко — но не в этот раз. Сразу за дверями дыхнуло холодом. В камине остались только чёрный пепел да догорающие угольки. Вокруг расставленных в разных местах парочки мерцающих свечей образовались островки тусклого света.

Остальное помещение тонуло во мраке... за исключением открытого окна, где, переливаясь в лунном свете, кружились подхваченные ветром снежинки. На подоконнике переминался с ноги на ногу ворон — бледный, огромный, взъерошенный. Киван Ланнистер в жизни не видел таких воронов — больше любого охотничьего ястреба в Кастерли Рок, больше самой крупной совы. Падавший снег плясал вокруг ворона, а луна посеребрила его перья.

«*Не серебряный. Белый. Птица белая*».

В отличие от своих сородичей, белые вороны Цитадели не носили вестей. Когда их рассылали по городам и весям из Староместа, это делалось ради единственной цели: объявить о смене вре-

мён года.

— Зима, — сказал сир Киван. Слово повисло в воздухе белым облачком. Он отвернулся от окна.

И вдруг что-то тяжёлое, словно кулак великана, ударило его в грудь между рёбрами. Удар вышиб из Кивана дух и заставил отшатнуться назад. Белый ворон поднялся в воздух, светлые крылья хлопнули у самой головы лорда-регента. Сир Киван не то сел, не то упал на подоконник. «*Что... кто...* — Арбалетный болт вошёл ему в грудь почти по самое оперение. — *Нет. Нет, так же умер мой брат*». Вокруг древка выступила кровь.

— Пицель, — в смятении пробормотал он. — Помогите... я...

И тут он увидел Пицеля. Великий мейстер сидел за своим столом, его голова покоилась на огромном переплетённом в кожу томе. «*Спит*», — решил Киван... но, моргнув, разглядел тёмно-красную зияющую рану на пятнистом черепе старика и запачкавшую страницы книги лужицу крови под головой. Вокруг свечи, в озере растопленного воска островками плавали кусочки кости и мозга.

«*Он просил охрану*, — подумалось сиру Кивану. — *Следовало дать ему охрану*». Неужели Серсея всё это время была права? Неужели это дело рук

его племянника?

— Тирион? — позвал он. — Где?..

— Очень далеко, — ответил смутно знакомый голос.

Его обладатель стоял в тени у книжного шкафа — пухлый, бледнолицый, сутулый, с арбалетом в мягких напудренных руках и шёлковыми шлёпанцами на ногах.

— Варис?

Евнух опустил арбалет.

— Сир Киван. Простите меня, если сможете. Я не держу на вас зла, и сделал это не из дурного умысла, а ради государства, ради детей.

«*У меня есть дети, у меня есть жена. Ах, Дорна*». — Боль захлестнула Кивана, он закрыл глаза, но потом открыл их снова.

— В замке... в замке сотни ланнистерских гвардейцев.

— Но, к счастью, не в этой комнате. Меня удручает эта ситуация, милорд. Вы не заслуживаете одинокой смерти в такую холодную тёмную ночь. Таких как вы много — хороших людей, служащих дурному... но вы угрожали переиграть всё то, что так хорошо устроила королева: собирались примирить Хайгарден с Кастерли Рок, дать маленькому королю поддержку Веры, объединить

под властью Томмена Семь Королевств. Так что...

В покои ворвался порыв ветра, и сира Кивана затрясло.

— Вам холодно, милорд? — спросил Варис. — Простите меня. Великий мейстер обмарался перед смертью, вонь была так отвратительна, что я чуть не задохнулся.

Сир Киван попытался встать, но силы оставили его. Он уже не чувствовал под собой ног.

— Я решил, что арбалет подойдёт в самый раз. У вас было столько общего с лордом Тайвином — почему бы и нет? Ваша племянница решит, что вас убили Тиреллы, возможно, при потворстве Беса. Тиреллы заподозрят её. Кто-нибудь непременно припишет убийство дорнийцам. Подозрения, склоки и взаимное недоверие подточат основание трона маленького короля — и в то же время Эйегон поднимет своё знамя над Штормовым Пределом, и к нему стекутся лорды Семи Королевств.

— Эйегон? — Какое-то время он не понимал, о чём речь. Потом вспомнил: младенец, укутанный в багряный плащ, ткань пропиталась кровью и мозгами. — Мёртв. Он мёртв.

— Нет, — голос евнуха зазвучал торжественнее. — Он здесь. Эйегона начали готовить к правле-

нию прежде, чем он научился ходить. Его обучили владеть оружием, как подобает рыцарю, и не только это. Он умеет читать и писать, говорит на нескольких языках, изучал историю, право и поэзию. Септа наставляла его в таинствах веры с тех пор, как мальчик дорос до их понимания. Он жил среди речного народа, трудился в поте лица, плавал по реке, чинил сети и сам стирал свою одежду, когда в том была нужда. Он может выудить рыбу, приготовить пищу и перевязать рану, ему известно, что значит быть голодным, преследуемым, что значит бояться. Томмену внушили, что королевский сан — его право. Эйегон знает, что королевский сан — это долг, что прежде себя король должен ставить народ, жить и править ради народа.

Киван Ланнистер пытался позвать... стражу, жену, брата... но речь покинула его, и только кровь текла изо рта. Его вновь затрясло.

— Простите. — Варис заломил руки. — Вы мучаетесь, вижу — а я тут стою и болтаю, как глупая старуха. Пора заканчивать.

Евнух сложил губы трубочкой и тихо свистнул.

Сира Кивана сковывало холодом, каждый вдох давался тяжело и отзывался новым уколом боли.

Он уловил в покоях какое-то движение, услышал мягкий топот ног в шлёпанцах по камню. Из темноты вынырнул ребёнок — бледный мальчик в рваной хламиде, не старше девяти-десяти лет. Ещё один поднялся из-за кресла великого мейстера. Тут же была и девчушка, что открыла ему дверь. Они окружили Кивана — с полдюжины детей с бледными личиками и тёмными глазами. Мальчики и девочки.

И в руках у них были кинжалы.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ВЕСТЕРОС

МАЛЬЧИК-КОРОЛЬ

ТОММЕН I БАРАТЕОН — первый этого имени, король андалов, ройнаров и Первых Людей, властитель Семи Королевств, мальчик 8 лет.

– **королева МАРГЕРИ** из дома Тиреллов, жена короля, дважды вдова, третий раз замужем, обвинена в государственной измене, заключена в Великой септе Бейелора.

– **МЕГГА, АЛЛА** и **ЭЛИНОР ТИРЕЛЛ** — кузины и компаньонки королевы, обвинены в разврате.

– **АЛИН АМБРОЗ** — жених Элинор Тирелл, оруженосец.

– **СЕРСЕЯ** из дома Ланнистеров, мать короля, вдовствующая королева, леди Кастерли-Рок, обвинена в государственной измене, содержится в заключении в Великой септе Бейелора.

Его брат и сестра:

– **король ДЖОФФРИ I БАРАТЕОН** — старший брат Томмена, отравлен на свадебном пиру.

– **принцесса МИРЦЕЛЛА БАРАТЕОН** — старшая сестра Томмена, взятая принцем Дораном Мартеллом на воспитание в Солнечное Копьё, помолвлена с принцем Тристаном, сыном Дорана Мартелла, девочка 9 лет.

– **Сир ПОПРЫГУНЧИК, Леди УСАТКА И НОСОЧЕК** — котята Томмена.

Дяди короля:

– **сир ДЖЕЙМЕ ЛАННИСТЕР** по прозвищу **ЦАРЕУБИЙЦА** — брат-близнец королевы Серсеи, лорд-командующий Королевской гвардией.

– **ТИРИОН ЛАННИСТЕР** по прозвищу **БЕС** — карлик, осуждённый за цареубийство.

* * *

Прочие родственники короля:

– **ТАЙВИН ЛАННИСТЕР** — дед Томмена, лорд Кастерли-Рок, Хранитель Запада, десница короля, убит в собственной уборной своим сыном Тирионом.

– **сир КИВАН ЛАННИСТЕР** — брат деда Том-

мена, регент и защитник государства, женат на Дорне Свифт.

Дети сира Кивана:

– **сир ЛАНСЕЛЬ ЛАННИСТЕР** — рыцарь Святого Ордена Сынов Воина.
– **ВИЛЛЕМ** — брат-близнец Мартина, убит в Риверране.
– **МАРТИН** — брат-близнец Виллема, оруженосец.
– **ДЖЕНИ** — девочка 3-х лет.

– **ДЖЕННА ЛАННИСТЕР** — сестра лорда Тайвина, замужем за сиром Эммоном Фреем.

– **сир КЛЕОС ФРЕЙ** — сын Дженны Ланнистер и Эммона Фрея, убит разбойниками.

сир ТАЙВИН ФРЕЙ по прозвищу **ТАЙ** — сын сира Клеоса.
ВИЛЛЕМ ФРЕЙ — сын сира Клеоса, оруженосец.

– **сир ЛИОНЕЛЬ ФРЕЙ** — сын леди Дженны.
– **ТИОН ФРЕЙ** — сын леди Дженны, убит в Риверране.
– **УОЛДЕР ФРЕЙ** по прозвищу **УОЛДЕР РЫЖИЙ** — сын леди Дженны, паж в Кастерли-Рок.

– **сир ТИГЕТТ ЛАННИСТЕР** — брат лорда Тайвина, женат на Дарлиссе Марбранд

– **ТИРЕК ЛАННИСТЕР** — сын Тигетта Ланнистера, оруженосец, пропал во время мятежа в Королевской Гавани.

– **леди ЭРМИСАНДА ХАЙФОРД** — годовалый ребёнок, жена Тирека.

– **ГЕРИОН ЛАННИСТЕР** — брат лорда Тайвина, пропал за морем.

– **ДЖОЙ ХИЛЛ** — дочь-бастард Гериона.

* * *

Малый королевский совет короля Томмена:

– **сир КИВАН ЛАННИСТЕР** — лорд-правитель.
– **лорд МЕЙС ТИРЕЛЛ** — десница короля.
– **великий мейстер ПИЦЕЛЬ** — советник и лекарь.
– **сир ДЖЕЙМЕ ЛАННИСТЕР** — лорд-командующий Королевской гвардией.
– **лорд ПАКСТЕР РЕДВИН** — гранд-адмирал, мастер над кораблями.
– **КВИБЕРН** — бывший мейстер Цитадели, слывущий некромантом, мастер над шептунами.

Бывший Малый совет королевы Серсеи:

– **лорд ДЖАЙЛС РОСБИ** — лорд-казначей и мастер над монетой, умер от чахотки.

– **лорд ОРТОН МЕРРИВЕЗЕР** — верховный судья и мастер над законом, бежал в свой замок Длинный Стол после ареста королевы Серсеи.

– **АУРАН УОТЕРС** — бастард из Дрифмарка, бывший гранд-адмирал и мастер над кораблями, бежал в море с королевским флотом после ареста королевы Серсеи.

* * *

Королевская гвардия короля Томмена:

– **сир ДЖЕЙМЕ ЛАННИСТЕР** — лорд-командующий.

– **сир МЕРРИН ТРАНТ**

– **сир БОРОС БЛАУНТ** — исключён из Королевской гвардии и впоследствии восстановлен.

– **сир БЕЙЛОН СВАНН** — находится в Дорне с принцессой Мирцеллой.

– **сир ОСМУНД КЕТТЛБЛЭК**

– **сир ЛОРАС ТИРЕЛЛ, РЫЦАРЬ ЦВЕТОВ**

– **сир АРИС ОКХАРТ** — погиб в Дорне.

* * *

Двор короля Томмена в Королевской Гавани:

– **ЛУНАТИК** — королевский шут и дурак.

– **ПЕЙТ** — мальчик для битья при короле Томмене, мальчик 8 лет.

– **ОРМОНД ИЗ СТАРОМЕСТА** — королевский арфист и бард.

– **сир ОСФРИД КЕТТЛБЛЭК** — брат сира Осмунда и сира Осни, командир городской стражи.

– **НОХО ДИМИТТИС** — посол Железного банка Браавоса.

— {**сир ГРЕГОР КЛИГАН**} по прозвищу **СКАЧУЩАЯ ГОРА**, умер от ран, полученных отравленным копьём.

– **РЕННИФЕР ЛОНГУОТЕРС** — главный тюремщик подземелий Красного Замка.

* * *

Предполагаемые любовники королевы Маргери:

– **УОТ** — певец, называющий себя Лазурным бардом, схвачен и сошёл с ума от пыток.

— {**ХЭМИШ-АРФИСТ**} — старый певец, умер в темнице.

– **сир МАРК МАЛЛЕНДОР**, потерявший ручную обезьянку и половину руки в битве на Черно-

водной.

– **сир ТАЛЛАД** по прозвищу **ВЫСОКИЙ** — межевой рыцарь.

– **сир ЛАМБЕРТ ТОРНБЕРРИ**

– **сир БАЙЯРД НОРКРОСС**

– **сир ХЬЮ КЛИФТОН** — стражник личной гвардии королевы Маргери.

– **ДЖАЛАБХАР КСО** — принц долины Красных Цветов, изгнанник с Летних островов.

– **сир ХОРАС РЕДВИН** — объявлен невиновным и освобождён.

– **сир ХОББЕР РЕДВИН** — объявлен невиновным и освобождён.

* * *

Главный обвинитель королевы Серсеи:

– **сир ОСНИ КЕТТЛБЛЭК** — брат сира Осмунда и сира Осфрида, арестован служителями Веры.

* * *

Служители Веры:

– **ВЕРХОВНЫЙ СЕПТОН** — отец Верующих, Глас Семерых на Земле, старый и хрупкий человек.

– **септа ЮНЕЛЛА, септа МОЭЛЛА, септа СКОЛЕРИЯ** — тюремщицы королевы.

– **септон ТОРБЕРТ, септон РЕЙНАРД, септон**

ЛЮЦЕОН, септон ОЛЛИДОР — Праведные.

– **септа ЭГЛЕНТИНА, септа МЕЛИСЕНТА** — служительницы Великой септы Бейелора.

– **сир ТЕОДАН УЭЛЛС**, называющий себя сиром Теоданом Истинным, набожный командир ордена Сынов Воина.

— «**Воробьи**» — нищие люди, свирепые в своей вере.

* * *

Жители Королевской Гавани:

– **КАТАЯ** — хозяйка дорогого публичного дома.

– **АЛАЙЯ** — дочь Катаи.

– **ДАНСИ, МАРЕЯ** — девицы из заведения Катаи.

– **ТОБХО МОТТ** — мастер-оружейник.

* * *

Лорды Королевских земель, присягнувшие Железному Трону:

– **РЕНФРЕД РИККЕР** — лорд Синего Дола

– **сир РУФУС ЛИК** — одноногий рыцарь на службе у Риккера, кастелян замка в Синем Доле.

— {**ТАНДА СТОКВОРТ**} — леди Стокворт, умерла

от перелома бедра.

— {**ФАЛИСА**} — старшая дочь леди Стокворт, замучена до смерти в темницах.

— {**СИР БАЛЬМАН БЁРЧ**} — муж леди Фалисы, убит в поединке.

– **ЛОЛЛИС** — младшая дочь леди Стокворт, слабоумная.

– **ТИРИОН ДУБИЛЬНЫЙ** — новорожденный младенец, сын Лоллис, рождённый после того, как её изнасиловала толпа простолюдинов.

– **сир БРОНН ЧЕРНОВОДНЫЙ** — муж леди Лоллис, наёмник, ставший рыцарем.

– **мейстер ФРЕНКЕН** — на службе в Стокворте.

Знамя короля Томмена — чёрный на золотом увенчанный короной олень Баратеонов и золотой на тёмно-красном лев Ланнистеров.

* * *

КОРОЛЬ НА СТЕНЕ

– **СТАННИС БАРАТЕОН** — первый этого имени, второй сын лорда Стеффона Баратеона и леди Кассаны из дома Эстермонтов, лорд Драконьего

Камня, провозгласивший себя королем Вестероса.

Вместе с королем Станнисом в Чёрном замке:

– **леди МЕЛИСАНДРА АСШАЙСКАЯ** по прозвищу **КРАСНАЯ ЖЕНЩИНА** — жрица Рглора, Владыки Света.

Его рыцари и присягнувшие воины:

– **сир РИЧАРД ХОРП** — главнокомандующий короля Станниса.
– **сир ГОДРИ ФАРРИНГ** по прозвищу **УБИЙЦА ВЕЛИКАНОВ**– **сир ДЖАСТИН МАССИ**
– **лорд РОБИН ПИСБУРИ**
– **лорд ХАРВУД ФЕЛЛ**
– **сир КЛЕЙТОН САГГС, сир КОРЛИСС ПЕННИ** — люди королевы и верные последователи Владыки Света
– **сир ВИЛЛЕМ ФОКСГЛОУВ, сир ХЭМФРИ КЛИФТОН, сир ОРМУНД УАЙЛД, сир ХАРРИС КОББ** — рыцари.
– **ДЕВАН СИВОРТ**, **БРАЙЕН ФАРРИНГ** — оруженосцы короля Станниса.
– **МАНС НАЛЁТЧИК,** Король-за-Стеной — пленник короля Станниса.

— новорожденный сын Манса, «Принц Одичалых».

– **ЛИЛЛИ** — кормилица сына Манса, одичалая.

— новорожденный сын ЛИЛЛИ, прозванный «чудовищем», рождён от её отца {Крастера}.

* * *

В Восточном-Дозоре-у-Моря:

– **королева СЕЛИСА** — из дома Флорентов, жена короля Станниса.

– **принцесса ШИРЕН** — дочь Станниса и Селисы, девочка 11 лет.

– **ПЕСТРЯК** — полоумный шут принцессы Ширен.

– **сир АКСЕЛЛ ФЛОРЕНТ** — дядя принцессы Ширен, именующий себя десницей королевы.

– **сир НАРБЕРТ ГРАНДИСОН, сир БЕНЕТОН СКАЛЬС, сир ПАТРИК С КОРОЛЕВСКОЙ ГОРЫ, сир ДОРДЕН МРАЧНЫЙ, сир МАЛИГОРН КРАСНОПРУДНЫЙ, сир ЛАМБЕРТ БЕЛОВОДНЫЙ, сир ПЕРКИН ФОЛЛАРД, сир БРЮС БАКЛЕР** — рыцари и присягнувшие королеве Селисе воины.

– **сир ДАВОС СИВОРТ** по прозвищу **ЛУКОВЫЙ РЫЦАРЬ** — лорд Дождливого Леса, адмирал Узкого моря, десница короля Станниса.

– **САЛЛАДОР СААН** из вольного города Лисса, пират и контрабандист, владелец флотилии галей и капитан «Валирийки».

– **ТИХО НЕСТОРИС** — посол Железного банка Браавоса.

Станнис избрал своим знаменем огненное сердце Владыки Света: красное сердце в оранжевых языках пламени на жёлтом поле, внутри которого заключён чёрный увенчанный короной олень дома Баратеонов.

* * *

КОРОЛЬ ОСТРОВОВ И СЕВЕРА

Грейджои из Пайка считают себя наследниками Серого короля из эры Героев. Легенды гласят, что Серый король правил морем и взял себе в жены русалку. Эйегон Завоеватель прервал род последнего короля Железных островов, но позволил железнорожденным самим выбирать своих правителей, согласно древним обычаям. Они выбрали лорда Викона Грейджоя из Пайка. Герб Грейджоев — золотой кракен на чёрном поле. Их девиз — «Мы не сеем».

– **ЭУРОН ГРЕЙДЖОЙ** по прозвищу **ВОРОНИЙ**

ГЛАЗ — третий этого имени со времен Серого короля, король Железных островов и Севера, король Соли и Камня, Сын морского ветра, лорд-жнец Пайка, капитан «Молчаливой».

— {**БЕЙЛОН ГРЕЙДЖОЙ**} — старший брат Эурона, король Железных островов и Севера, девятый этого имени со времен Серого короля, погиб, упав с моста.

– **леди АЛАННИС** из дома Харло, вдова Бейлона

их дети:

— {**РОДРИК**} — убит во время первого мятежа Бейлона.
— {**МАРОН**} — убит во время первого мятежа Бейлона.
—**АША** — капитан «Чёрного ветра», завоевательница Темнолесья, выдана замуж за Эрика Айронмейкера.
– **ТЕОН,** прозванный северянами **ТЕОН-ПЕРЕВЁРТЫШ**, в плену в Дредфорте.

– **ВИКТАРИОН** — младший брат Эурона, лорд-капитан Железного флота, капитан «Железной Победы».

– **ЭЙЕРОН** по прозвищу **МОКРОГОЛОВЫЙ** — младший брат Виктариона, жрец Утонувшего бога.

* * *

Капитаны Эурона и присягнувшие воины:

– **ТОРВОЛЬД ЧЕРНОЗУБЫЙ, КОСОЙ ДЖОН МАЙР, РОДРИК СВОБОДНЫЙ, РЫЖИЙ МОРЯК, ЛЕВША ЛУКАС КОДД, КВЕЛЛОН ХАМБЛ, СЕДОЙ ХАРРЕН, БАСТАРД ХЭММЕТ ПАЙК, КАРЛ НЕВОЛЬНИК, КАМЕННАЯ РУКА, РАЛЬФ-ПАСТУХ, РАЛЬФ ИЗ ЛОРДПОРТА**.

Члены команды Эурона:

— {**КРАГОРН**} — умер, дунув в адский рог.

Лорды-знаменосцы Эурона:

– **ЭРИК АЙРОНМЕЙКЕР,** по прозвищам **ЭРИК МОЛОТОБОЕЦ** и **ЭРИК СПРАВЕДЛИВЫЙ** — лорд-стюард Железных островов, кастелян Пайка, старик, ранее прославленный капитан и пират, муж Аши Грейджой.

Лорды Пайка:

– **ГЕРМУНД БОТЛИ** — лорд Лордспорта.
– **УОЛДОН ВИНЧ** — лорд Железного холма.

Лорды Старого Вика:

– **ДУНСТАН ДРАММ** — лорд Старого Вика.
– **НОРН ГУДБРАЗЕР** — владетель Старого Камня.
– **РОД СТОУНХАУЗОВ**.

Лорды Большого Вика:

– **ГОРОЛЬД ГУДБРАЗЕР** — лорд Хаммерхорна.
– **ТРИСТОН ФАРВИНД** — лорд Тюленьего мыса.
– **СПАРР**
– **МИЛРИД МЕРЛИН** — лорд Пебблтона.

Лорды Оркмонта:

– **АЛИН ОРКВУД** по прозвищу **ОРКВУД С ОРКМОНТА**– **БЕЙЛОН ТАУНИ**

Лорды Соляного Утёса:

– **ДОННОР САЛТКЛИФ**
– **САНДЕРЛИ**

Лорды Харло:

– **РОДРИК ХАРЛО** по прозвищу **ЧТЕЦ** — лорд Харло, лорд Десяти Башен, Харло с Харло.
– **ЗИГФРИД ХАРЛО** по прозвищу **ЗИГФРИД СЕРЕБРОВОЛОСЫЙ** — брат деда Родрика Харло, владетель Харлохолла.

– **ХОТО ХАРЛО** по прозвищу **ГОРБУН ХОТТО** — владетель Башни Мерцания, кузен Родрика Харло.

– **БОРЕМУНД ХАРЛО** по прозвищу **БОРЕМУНД ГОЛУБОЙ** — владетель Ведьминого холма, кузен Родрика Харло.

Лорды малых островов и утёсов:

– **ГИЛБЕРТ ФАРВИНД** — лорд Одинокого Света.

Железные люди — завоеватели:

на Щитовых островах:

– **АНДРИК-НЕУЛЫБА** — лорд Южного Щита.
– **НУТ-ЦИРЮЛЬНИК** — лорд Дубового Щита.
– **МАРОН ВОЛЬМАРК** — лорд Зелёного Щита.
– **ХАРРАС ХАРЛО** — лорд Серого Щита, рыцарь Серого Сада.

во Рву Кейлин:

– **РАЛЬФ КЕННИНГ** — управляющий и командир.
– **АДРАК ХАМБЛ,** однорукий.
– **ДАГОН КОДД,** людоед.

в Торхенновом Уделе:

– **ДАГМЕР** по прозвищу **ЩЕРБАТЫЙ** — капитан

«Пеноходца».

в Темнолесье:

– **АША ГРЕЙДЖОЙ** — дочь кракена, капитан «Чёрного ветра».

– **КВАРЛ-ДЕВИЦА** — любовник Аши, воин.

– **ТРИСТИФЕР БОТЛИ** — бывший любовник Аши, наследник Лордспорта, изгнанный из своих земель.

– **РОГГОН РЫЖЕБОРОДЫЙ, ЗЛОЙ ЯЗЫК, РОЛЬФ КАРЛИК, ЛОРРЕН ДЛИННЫЙ ТОПОР, ГРАЧ, ПАЛЬЦАТЫЙ, ШЕСТИПАЛЫЙ ХАРЛ, ДЕЙЛ ДРЕМАЛКА, ЭРЛ ХАРЛО, КРОММ, ХАГЕН РОГ** и его прекрасная рыжеволосая дочь — члены экипажа корабля Аши.

– **КВЕНТОН ГРЕЙДЖОЙ** — кузен Аши.

– **ДАГОН ГРЕЙДЖОЙ** по прозвищу **ДАГОН-ПЬЯНИЦА** — кузен Аши.

* * *

ПРОЧИЕ ДОМА, БОЛЬШИЕ И МАЛЫЕ

ДОМ АРРЕНОВ

Аррены происходят от Королей Горы и Долины. Герб Арренов — месяц и сокол, белые на небесно-синем поле. Дом Арренов не принимал участия в

войне Пяти Королей.

– **РОБЕРТ АРРЕН** — болезненный ребёнок, прозванный Сладким Робином, лорд Орлиного Гнезда, Защитник Долины, мальчик 8 лет.

— **{ЛЕДИ ЛИЗА}** — из дома Талли, мать Роберта, вдова лорда Джонна Аррена, была выброшена через Лунную Дверь и погибла.

– **ПЕТИР БЕЙЛИШ** по прозвищу **МИЗИНЕЦ** — попечитель Роберта, лорд Харренхолла, лорд-правитель Трезубца, лорд-хранитель Долины.

– **АЛЕЙНА СТОУН** — внебрачная дочь лорда Петира, девушка 13 лет, в действительности — Санса Старк.

– **сир ЛОТОР БРЮН** — на службе у лорда Петира, капитан его стражи в Орлином Гнезде.

– **ОСВЕЛЛ** — седой воин на службе у Петира, также известный по прозвищу **КЕТТЛБЛЭК**.

– **сир ШАДРИК из Тенистой Долины** по прозвищу **БЕЗУМНАЯ МЫШЬ** — межевой рыцарь на службе у лорда Петира.

– **сир БИРОН КРАСИВЫЙ, сир МОРГАРТ ВЕСЕЛЫЙ** — межевые рыцари на службе у лорда Петира.

Его домочадцы и сторонники:

– **мейстер КОЛЕМОН** — советник, целитель и учитель.

– **МОРД** — грубый тюремщик с зубами из чистого золота.

– **ГРЕТЧЕЛЬ, МЭДДИ** и **МИЛА** — служанки.

Его знаменосцы, лорды Гор и Долины:

– **ДЖОН РОЙС** по прозвищу **БРОНЗОВЫЙ ДЖОН** — лорд Рунного Камня.

– **сир АНДАР** — сын лорда Джона и наследник Рунного Камня.

– **лорд НЕСТОР РОЙС** — главный стюард Долины и кастелян Лунных Врат.

– **сир АЛБАР** — сын и наследник Ройса.

– **МИРАНДА** по прозвищу **РАНДА** — дочь Ройса, вдова, по её собственным словам, «недопользованная».

– **МИЯ СТОУН** — незаконнорожденная дочь короля Роберта.

– **ЛИОНЕЛЬ КОРБРЕЙ** — лорд Дома Сердец.

– **сир ЛИН КОРБРЕЙ** — брат Лионеля, владелец прославленного меча Леди Отчаянье.

– **сир ЛУКАС КОРБРЕЙ** — младший брат Ли-

онеля.

– **ТРИСТОН САНДЕРЛЕНД** — лорд Трёх Сестёр.

– **ГОДРИК БОРРЕЛЛ** — лорд Сладкой Сестры.

– **РОЛЛАНД ЛОНГТРОП** — лорд Длинной Сестры.

– **АЛЕСАНДОР ТОРРЕНТ** — лорд Малой Сестры.

– **АНЬЯ УЭЙНВУД** — леди Железного Дуба.

– **сир МОРТОН** — старший сын и наследник леди Аньи.

– **сир ДОННЕЛ** — второй сын леди Аньи, Рыцарь Ворот.

—**ВИЛЛИС** — младший сын леди Аньи.

– **ГАРОЛЬД ХАРДИНГ** по прозвищу **ГАРРИ НАСЛЕДНИК** — воспитанник леди Аньи, оруженосец.

– **сир САЙМОНД ТЕМПЛТОН** — рыцарь Девяти Звёзд.

– **ДЖОН ЛИНДЕРЛИ** — лорд Змеиного леса.

– **ЭДМУНД ВАКСЛИ** — Рыцарь Викендена.

– **ГЕРОЛЬД ГРАФТОН** — лорд Чаячьего города.

— {**ЭОН ХАНТЕР**} — лорд Длинного Лука, недавно скончавшийся.

– **сир ГИЛВУД** по прозвищу **МОЛОДОЙ ЛОРД ХАНТЕР** — старший сын лорда Эона.

– **сир ЮСТАС** — второй сын лорда Эона.

– **сир ХАРЛАН** — младший сын лорда Эона.

домочарцы Молодого Лорда Хантера:

– **мейстер ВИЛЛАМЕН** — советник, целитель, наставник.

– **ХОРТОН РЕДФОРТ** — лорд Редфорта, трижды женатый.

– **сир ДЖАСПЕР, сир КРЕЙГТОН, сир ДЖОН** — сыновья лорда Редфорта.

– **сир МИШЕЛЬ** — младший сын лорда Редфорда, ныне женат на Юцилле Ройс из Рунного камня.

– **БЕНЕДАР БЕЛЬМОР** — лорд Громогласия.

Вожди кланов в Лунных Горах:

– **ШАГГА, сын Дольфа** — из клана Каменных Ворон, ныне главарь бандитов в Королевском лесу.

– **ТИММЕТ, сын Тиммета** — из клана Обгорелых.

– **ЧИЛЛА, дочь Чейка** — из клана Черноухих.

– **КРАВН, сын Калора** — из клана Лунных Братьев.

Девиз дома Арренов — «Высокий как честь».

* * *

ДОМ БАРАТЕОНОВ

Самый молодой из Великих домов, дом Баратеонов возник во время Завоевания, когда Орис Баратеон, по слухам, внебрачный брат Эйегона Завоевателя, сверг и убил Аргилака Надменного, последнего Короля Шторма. Эйегон наградил его замком Аргилака, его землями, и его дочерью. Вместе с девушкой, Орис унаследовал герб и девиз её дома.

Спустя 283 года после завоевания Эйегона, Роберт Баратеон, лорд Штормового Предела, сверг Безумного короля Эйериса II и занял Железный Трон. Он имел право занять престол, поскольку его бабушка была дочерью короля Эйегона V Таргариена, но Роберт предпочитал говорить, что он завоевал корону своим боевым молотом.

— {**РОБЕРТ БАРАТЕОН**}, первый этого имени, король андалов, ройнаров и Первых Людей, властитель Семи Королевств и защитник государства, убит кабаном на охоте.

– **королева СЕРСЕЯ** — из дома Ланнистеров, жена Роберта.

их дети:

— {**король ДЖОФФРИ I БАРАТЕОН**}, первый этого имени, отравлен на свадебном пиру.

– **принцесса МИРЦЕЛЛА,** отдана на воспитание в Солнечное Копьё, помолвлена с принцем Тристаном Мартеллом.

– **король ТОММЕН БАРАТЕОН,** первый этого имени.

Братья Роберта:

– **СТАННИС БАРАТЕОН** — мятежный лорд Драконьего Камня, претендент на Железный Трон.

– **ШИРЕН** — дочь Станниса, девочка 11 лет.

— {**РЕНЛИ БАРАТЕОН**} — мятежный лорд Штормового Предела, претендент на Железный Трон, убит близ Штормового Предела, посреди своей армии.

Бастарды Роберта Баратеона:

– **МИЯ СТОУН** — на службе у лорда Нестора Ройса в Лунных Вратах, девушка 19 лет.

– **ДЖЕНДРИ** — разбойник в Речных землях, не ведающий о своём происхождении.

– **ЭДРИК ШТОРМ** — признанный королём бастард от леди Дилины из дома Флорентов, бежал в Лисс.

родственник и попечитель Эдрика:
– **сир ЭНДРЮ ЭСТЕРМОНТ**,

гвардейцы и защитники Эдрика:
– **сир ГЕРАЛЬД ГОВЕР, ЛЕВИС-РЫБНИК, сир ТРИСТОН С РУБЕЖНОГО ХОЛМА, ОРНЕР БЛЭКБЕРРИ**

— **{БАРРА}** — внебрачная дочь Роберта от шлюхи в Королевской Гавани, убита по приказу королевы Серсеи.

Прочие родственники короля Роберта Баратеона:

– **сир ЭЛДОН ЭСТЕРМОНТ** — брат деда Роберта, лорд Зелёного Камня.
– **сир ЭЙЕМОН ЭСТЕРМОНТ** — кузен Роберта, сын Элдона.
– **сир АЛИН ЭСТЕРМОНТ** — кузен Роберта, сын Элдона.
– **сир ЛОМАС ЭСТЕРМОНТ** — кузен Роберта, сын Элдона.
– **сир ЭНДРЮ ЭСТЕРМОНТ** — кузен Роберта, сын Элдона.

* * *

Штормовые лорды, знаменосцы Штормово-

го Предела:

– **ДАВОС СИВОРТ** — лорд Дождливого Леса, адмирал Узкого моря, десница короля Станниса.

– **МАРИЯ** — дочь плотника, жена Давоса.
— {**ДЕЙЛ**, **АЛЛАРД**, **МАТТОС**, **МАРИК**} — сыновья Давоса, погибшие в битве на Черноводной.
– **ДЕВАН** — сын Давоса, оруженосец короля Станниса.
– **СТАННИС** и **СТЕФФОН** — сыновья Давоса.

– **сир ГИЛБЕРТ ФАРРИНГ** — кастелян Штормового Предела.

– **БРАЙЕН** — сын Гилберта, оруженосец короля Станниса.
– **сир ГОДРИ ФАРРИНГ** по прозвищу **УБИЙЦА ВЕЛИКАНОВ** — кузен Гилберта.

– **ЭЛВУД МЕДОУЗ** — лорд Травяного замка, сенешаль Штормового Предела.
– **СЕЛВИН ТАРТ** по прозвищу **ВЕЧЕРНЯЯ ЗВЕЗДА** — лорд Тарта.

– **БРИЕННА** по прозвищуам **ТАРТСКАЯ ДЕВА** и **БРИЕННА КРАСОТКА** — дочь Селвина.

– **ПОДРИК ПЕЙН** — оруженосец Бриенны, мальчик 10 лет.

– **сир РОННЕТ КОННИНГТОН** по прозвищу **РЫЖИЙ РОННЕТ** — Рыцарь Грифонов.

– **РЕЙМОНД** и **АЛИНА** — брат и сестра Роннета.

– **РОНАЛЬД ШТОРМ** — незаконнорожденный сын Роннета.

– **ДЖОН КОННИНГТОН** — кузен Роннета, бывший лорд Штормового Предела и десница короля, изгнан Эйерисом II Таргариеном, по слухам, умер от пьянства.

– **ЛЕСТЕР МОРРИГЕН** — лорд Вороньего Гнезда.

– **сир РИЧАРД МОРРИГАН** — брат и наследник Лестера.

— {**СИР ГАЙЯРД МОРРИГАН**} по прозвищу **ГАЙЯРД ЗЕЛЁНЫЙ** — брат Лестера, погиб в битве на Черноводной.

– **АРСТАН СЕЛМИ** — лорд Дома Урожая.

– **сир БАРРИСТАН СЕЛМИ** — брат его деда.

– **КАСПЕР УАЙЛД** — лорд Дождливого Дома.

– **сир ОРМУНД УАЙЛД** — дядя Каспера, престарелый рыцарь.

– **ХАРВУД ФЕЛЛ** — лорд Фелвуда.

–

ХУГО ГРЕНДИСОН по прозвищу **СЕДОБОРОДЫЙ** — лорд Обозрения.

– **СЕБАСТОН ЭРРОЛ** — лорд Дома Снопов.

– **КЛИФФОРД СВАН** — лорд Каменного Холма.

– **БЕРИК ДОНДАРРИОН** по прозвищу **ЛОРД-МОЛНИЯ** — лорд Черноводной, разбойник в Речных землях, не раз объявленный мёртвым.

— {**БРЮС КАРОН**} — лорд Ночной Песни, убитый сиром Филипом Футом в битве на Черноводной.

– **сир ФИЛИП ФУТ** — убийца Брюса Карона, одноглазый рыцарь, новый Лорд Ночной Песни.

– **сир РОЛАНД ШТОРМ** по прозвищу **БАСТАРД ИЗ НОЧНОЙ ПЕСНИ** — сводный брат Брюса, претендент на его владения.

– **РОБИН ПИСБУРИ** — лорд Бобового Поля.

– **МЭРИ МЕРТИНС** — лорд Туманного Леса.

– **РАЛЬФ БАКЛЕР** — лорд Бронзовых Врат.

– **сир БРЮС БАКЛЕР** — кузен Ральфа.

Герб Баратеонов — увенчанный короной олень, чёрный на золотом поле. Их девиз — «Нам ярость».

* * *

ДОМ ФРЕЕВ

Фреи были знаменосцами дома Талли, но их преданность иногда вызывала сомнения. В начале войны Пяти Королей Робб Старк заручился поддержкой лорда Уолдера, обязавшись вступить в брак с одной из его дочерей или внучек. Когда вместо этого он женился на леди Жиенне Вестерлинг, Фреи, сговорившись с лордом Болтоном, убили Молодого Волка и его знаменосцев на так называемой Красной Свадьбе.

– **УОЛДЕР ФРЕЙ** — лорд Переправы.

— {**Леди ПЕРРА**} из дома Ройсов, первая жена Уолдера.

их дети и внуки:

— {**сир СТЕВРОН**} — старший сын лорда Уолдера, умер от ран после битвы при Окскроссе.

– **сир ЭММОН ФРЕЙ** — второй сын лорда Уолдера.

– **сир ЭЙЕНИС ФРЕЙ** — третий сын лорда Уолдера, командующий армией Фреев на Севере.

– **ЭЙЕГОН КРОВАВЫЙ** — сын Эйениса, разбойник.

– **РЕЙЕГАР** — сын Эйениса, посол в Белой Гавани.

– **ПЕРРИАНА** — старшая дочь лорда Уолдера, замужем за сиром Леслином Хэем.

— {**леди СИРЕННА**} из дома Сваннов, вторая жена Уолдера.

их дети:

– **сир ДЖАРЕД ФРЕЙ** — четвёртый сын лорда Уолдера, посол в Белой Гавани.
– **септон ЛЮЦЕОН** — пятый сын лорда Уолдера, служитель Великой септы Бейелора в Королевской Гавани.

— {**леди АМАРЕЯ**} из дома Кракехоллов, третья жена Уолдера.

их дети и внуки:

– **сир ХОСТИН ФРЕЙ** — шестой сын лорда Уолдера, известный рыцарь, женат на Беллене Хэвик.
– **ЛИТЕН** — вторая дочь лорда Уолдера, замужем за лордом Люциасом Випреном.
– **САЙМОНД** — седьмой сын лорда Уолдера, казначей, посол в Белой Гавани.
– **сир ДАНВЕЛ ФРЕЙ** — восьмой сын лорда Уолдера.

— {**МЕРРЕТ ФРЕЙ**} — девятый сын лорда Уолдера, повешен разбойниками.

– **МЕРРЕТА УОЛДА** по прозвищу **ТОЛСТАЯ УОЛДА** — дочь Меррета, замужем за Русе Болтоном, лордом Дредфорта.
– **УОЛДЕР** по прозвищу **УОЛДЕР МАЛЫЙ** — мальчик 8 лет, сын Меррета, оруженосец Рамси Болтона.

— {**сир ДЖЕРЕМИ ФРЕЙ**} — десятый сын лорда Уолдера, утонул.
– **сир РАЙМУНД ФРЕЙ** — одиннадцатый сын лорда Уолдера.

— {**леди АЛИССА**} из дома Блэквудов, четвёртая жена Уолдера.

их дети и внуки:

– **ЛОТАР ФРЕЙ** по прозвищу **ЛОТАР ХРОМОЙ** — двенадцатый сын лорда Уолдера.
– **сир ДЖЕММОС** — тринадцатый сын лорда Уолдера.

– **УОЛДЕР** по прозвищу **УОЛДЕР БОЛЬШОЙ** — мальчик 9 лет, сын Джеммоса, оруженосец Рамси Болтона.

– **сир УЭЙЛЕН ФРЕЙ** — четырнадцатый сын

лорда Уолдера.

– **леди МОРЬЯ** — третья дочь лорда Уолдера, замужем за сиром Флементом Браксом.

– **ТИТА** по прозвищу **ДЕВИЦА ТИТА** — четвертая дочь лорда Уолдера.

— {**леди САРИЯ**} из дома Уэнт, пятая жена лорда Уолтера, от неё он потомства не имел.

— { **леди БЕТАНИ**} из дома Росби, шестая жена лорда Уолдера.

их дети:

— **сир ПЕРВИН ФРЕЙ** — пятнадцатый сын лорда Уолдера.

— **сир БЕНФРИ ФРЕЙ** — шестнадцатый сын лорда Уолдера, умер от раны, полученной на Красной Свадьбе.

— **мейстер ВИЛЛАМЕН** — семнадцатый сын лорда Уолдера, несущий службу в Длинном Луке.

— **ОЛИВЕР** — восемнадцатый сын лорда Уолдера, был оруженосцем Робба Старка.

— **РОСЛИН** — пятая дочь лорда Уолдера, была выдана замуж за лорда Эдмара Талли на Красной Свадьбе, беременна.

— {**леди АННАРА**} из дома Фарринг, седьмая жена Уолдера.

их дети:

— **АРВИН** — шестая дочь лорда Уолдера, девица 14 лет.

— **ВЕНДЕЛ** — девятнадцатый сын лорда Уолдера, паж в Сигарде.

— **КОЛЬМАР** — двадцатый сын лорда Уолдера, мальчик 11 лет, предназначен в септоны.

— **УОЛТИР** по прозвищу **ТИР** — двадцать первый сын лорда Уолдера, мальчик 10 лет.

— **ЭЛМАР** — двадцать второй и самый младший из сыновей лорда Уолдера, мальчик 9 лет, ранее был помолвлен с Арьей Старк.

— **ШИРЕЯ** — седьмая и самая младшая дочь лорда Уолдера, девочка 7 лет.

– **леди ЖОЙЕЗ** из дома Эренфорд, восьмая жена Уолдера, беременна.

Незаконнорожденные дети лорда Уолдера от разных матерей:

– **УОЛДЕР РИВЕРС** по прозвищу **БАСТАРД УОЛДЕР**– **МЕЙСТЕР МЕЛВИС** — на службе в Росби.

– **ДЖЕЙН РИВЕРС, МАРТИН РИВЕРС, РУГЕР РИВЕРС, РОНЕЛ РИВЕРС, МЕЛЛАРА РИВЕРС** и другие.

* * *

ДОМ ЛАННИСТЕРОВ

Ланнистеры из Кастерли-Рока остаются самыми сильными союзниками короля Томмена в борьбе за Железный Трон. Они утверждают, что происходят от Ланна Умного, легендарного хитреца века Героев. Золото утёса Кастерли-Рок и Золотого Зуба сделало их самыми богатыми из всех великих домов. Их герб — золотой лев на красном поле. Их девиз — «Услышь мой рёв!»

— **{ТАЙВИН ЛАННИСТЕР}** — лорд Кастерли-Рока, Щит Ланниспорта, Хранитель Запада и десница короля, убит своим сыном-карликом в своей же уборной.

Дети Лорда Тайвина:

– **СЕРСЕЯ** — сестра-близнец Джейме, вдова короля Роберта I Баратеона, содержится в заключении в Великой септе Бейелора.

– **сир ДЖЕЙМЕ** по прозвищу **ЦАРЕУБИЙЦА** — брат-близнец Серсеи, лорд-командующий Королевской гвардией.

– **ДЖОСМИН ПЕКЛЬДОН, ГАРРЕТ ПЭГ, ЛЬЮИС**

ПАЙПЕР — оруженосцы Джейме.

– **сир ИЛИН ПЕЙН** — лишенный языка рыцарь, впоследствии Королевское Правосудие и палач.

– **сир РОННЕТ КОННИНГТОН** по прозвищу **РЫЖИЙ РОННЕТ** — Рыцарь Грифонов, послан в Девичий Пруд с пленником.

– **сир АДДАМ МАРБРАНД, сир ФЛЕМЕНТ БРАКС, сир ЭЛИН СТАКСПИР, сир СТЕФФОН СВИФТ, сир ХЭМФРИ СВИФТ, сир ЛАЙЛ КРАКЕХОЛЛ** по прозвищу **МОГУЧИЙ ВЕПРЬ, сир ДЖОН БЕТЛИ** по прозвищу **БЕЗБОРОДЫЙ ДЖОН** — рыцари на службе у сира Джейме в Риверрране.

– **ТИРИОН ЛАННИСТЕР** по прозвищу **БЕС** — карлик и отцеубийца, бежавший за Узкое море.

* * *

Его домочадцы в Кастерли-Роке:

– **МЕЙСТЕР КРЕЙЛЕН** — целитель, советник и наставник.

– **ВИЛАРР** — капитан гвардии.

– **сир БЕНЕДИКТ БРУМ** — мастер над оружием.

– **БЕЛОЗУБЫЙ УОТ** — певец.

* * *

Братья и сестры лорда Тайвина и их домочадцы:

– **сир КИВАН ЛАННИСТЕР** — брат лорда Тайвина, женат на леди Дорне из дома Свифтов.

– **леди ДЖЕННА** — сестра лорда Тайвина, жена сира Эммона Фрея, ныне носящего титул лорда Риверрана.

— {**сир КЛЕОС ФРЕЙ**} — старший сын Дженны, женат на Джейн из дома Дарри, убит разбойниками.

– **сир ТАЙВИН ФРЕЙ** по позвищу **ТАЙ** — старший сын Клеоса, наследник Риверрана.
– **ВИЛЛЕМ ФРЕЙ** — второй сын Клеоса, оруженосец.
– **сир ЛИОНЕЛЬ ФРЕЙ, {ТИОН ФРЕЙ}, УОЛДЕР ФРЕЙ** по прозвищу **РЫЖИЙ УОЛДЕР** — младшие сыновья леди Дженны.

— {**сир ТИГЕТТ ЛАННИСТЕР**} — брат лорда Тайвина, умер от оспы.

– **ТИРЕК** — сын Тигетта, пропал без вести и, вероятно, погиб.

– **леди ЭРМИСАНДА ХАЙФОРД** — юная жена Тирека, годовалый младенец.

— {**ГЕРИОН ЛАННИСТЕР**} — брат лорда Тайвина, пропал за морем.

—**ДЖОЙ ХИЛЛ** — внебрачная дочь Гериона, девочка 11 лет.

* * *

Прочие родственники лорда Тайвина:

— {**сир СТАФФОРД ЛАННИСТЕР**} — кузен и брат жены лорда Тайвина, убит в битве при Окскроссе.

– **СЕРЕННА** и **МИРИЭЛЬ** — дочери Стаффорда.
– **СИР ДАВЕН ЛАННИСТЕР** — сын Стаффорда.

– **сир ДАМИОН ЛАННИСТЕР** — кузен лорда Тайвина, женат на леди Шире Кракехолл.

– **сир ЛЮЦИОН** — сын Дамиона.
– **ЛАННА** — дочь Дамиона, замужем за лордом Антарио Джастом.

– **леди МАРГО** — кузина лорда Тайвина, замужем за лордом Титусом Пеком.

* * *

Знаменосцы и присягнувшие воины, лорды Запада:

– **ДАМОН МАРБРАНД** — лорд Эшмарка.
– **РОЛАНД КРАКЕХОЛЛ** — лорд Кракехолла.

– **СЕБАСТЬЯН ФАРМАН** — лорд Светлого Острова

– **ТИТОС БРАКС** — лорд Харнваля.

– **КВЕНТИН БАНФОРТ** — лорд Банфорта.

– **сир ХАРИС СВИФТ** — тесть сира Кивана Ланнистера.

– **РЕГЕНАРД ЭСТРЕН** — лорд Виндхолла.

– **ГАВЕН ВЕСТЕРЛИНГ** — лорд Крэга.

– **лорд СЕЛЬМОНД СТАКСПИР**

– **ТЕРРЕНС КЕННИНГ** — лорд Кайса.

– **лорд АНТАРИО ДЖАСТ**

– **лорд РОБИН МОРЛЕНД**

– **леди АЛИСАННА ЛЕФФОРД**

– **ЛЕВИС ЛИДДЕН** — лорд Глубокого Логова.

– **лорд ФИЛИП ПЛАММ**

– **лорд ГАРРИСОН ПРЕСТЕР**

– **сир ЛОРЕНТ ЛОРХ** — рыцарь-землевладелец.

– **сир ГАРТ ГРИНФИЛД** — рыцарь-землевладелец.

– **сир ЛАЙМОНД ВИКАРИ** — рыцарь-землевладелец.

– **сир РЕЙНАРД РУТТИГЕР** — рыцарь-землевладелец.

– **сир МАНФРИД ЙЮ** — рыцарь-землевладелец.

– **сир ТИБОЛЬТ ХИЗЕРСПУН** — рыцарь-землевладелец.

* * *

ДОМ МАРТЕЛЛОВ

Дом Мартеллов последним из Семи Королевств присягнул на верность Железному Трону. Среди всех народов Семи Королевств дорнийцы стоят особняком — свой вклад в это внесли происхождение этого народа, его обычаи, география и история Дорна. В войне Пяти Королей Дорн поначалу участия не принимал. После помолвки принцессы Мирцеллы Баратеон с принцем Тристаном Мартеллы объявили себя сторонниками короля Джоффри.

Герб Мартеллов — красное солнце, пронзенное золотым копьём. Их девиз — «Непреклонные, несгибаемые, несдающиеся».

– **ДОРАН НИМЕРОС МАРТЕЛЛ** — лорд Солнечного Копья, принц дорнийский.

– **МЕЛЛАРИО** из вольного города Норвоса, жена Дорана.

их дети:

– **принцесса АРИАННА** — наследница Солнечного Копья.

– **принц КВЕНТИН** — только что посвященный в рыцари воспитанник лорда Айронвуда из Айронвуда.

– **принц ТРИСТАН,** помолвлен с Мирцеллой Баратеон.

– **сир ГАСКОЙН** с Зеленокровной, рыцарь на службе у принца Тристана.

* * *

Брат и сестра принца Дорана Мартелла:

— {**ПРИНЦЕССА ЭЛИЯ**}, изнасилована и убита во время штурма Королевской Гавани.

— {**РЕЙЕНИС ТАРГАРИЕН**} — маленькая дочь Элии, убита во время штурма Королевской Гавани.

— {**ЭЙЕГОН ТАРГАРИЕН**} — грудной младенец, сын Элии, убит во время штурма Королевской Гавани.

— {**принц ОБЕРИН** по прозвищу **КРАСНЫЙ ЗМЕЙ**}, убит сиром Григором Клиганом в поединке.

– **ЭЛЛАРИЯ СЭНД** — любовница Оберина, внебрачная дочь лорда Хармена Уллера.

его внебрачные дочери по прозвищу «Песчаные Змейки»:

– **ОБАРА** — 28 лет, дочь Оберина от шлюхи в Староместе.

– **НИМЕРИЯ** (по прозвищу **ЛЕДИ НИМ**) — 25 лет, дочь Оберина от аристократки из города Волантиса.

– **ТИЕНА** — 23 года, дочь Оберина от септы.

– **САРЕЛЛА** — 19 лет, дочь Оберина от купчихи с Летних островов — капитана «Воздушного Поцелуя».

– **ЭЛИЯ** — 14 лет, дочь Оберина от Элларии Сэнд.

– **ОБЕЛЛА** — 12 лет, дочь Оберина от Элларии Сэнд.

– **ДОРЕЯ** — 8 лет, дочь Оберина от Элларии Сэнд.

– **ЛОРЕЗА** — 6 лет, дочь Оберина от Элларии Сэнд.

* * *

Двор принца Дорана:

в Водных Прудах:

– **АРЕО ХОТАХ** из Норвоса, капитан его стражи.

– **мейстер КАЛЕОТТ** — советник, целитель и наставник.

в Солнечном Копье:

– **мейстер МИЛЬС** — советник, целитель и наставник.
– **РИКАССО** — сенешаль Солнечного Копья, слепой старик.
– **сир МАНФРИ МАРТЕЛЛ** — кастелян Солнечного Копья.
– **леди АЛИСА ЛЕДИБРАЙТ** — лорд-казначей.

* * *

– **принцесса МИРЦЕЛЛА БАРАТЕОН** — воспитанница Дорана, помолвлена с принцем Тристаном.

— {сир АРИС ОКХАРТ} — личный телохранитель Мирцеллы, убит Арео Хотахом.
— РОЗАМУНДА ЛАННИСТЕР — горничная и компаньонка Мирцеллы, её дальняя родственница.

* * *

Знаменосцы Дорана Мартелла, лорды Дорна:

– **АНДЕРС АЙРОНВУД** — лорд Айронвуда, за-

щитник Каменной тропы и Королевская Кровь.

– **ИНИС** — старшая дочь Андерса, замужем за Рионом Аллирионом.
– **сир КЛЕТУС** — сын и наследник Андерса.
– **ГВЕНЕТ** — младшая дочь Андерса, девочка 12 лет.

– **ХАРМЕН УЛЛЕР** — лорд Адовой рощи.
– **ДЕЛОННА АЛЛИРИОН** — леди Дара Богов.

– **сир РИОН АЛЛИРИОН** — сын и наследник Делонны.

– **ДАГОС МАНВУДИ** — лорд Королевской Гробницы.
– **ЛАРРА БЛЭКМОНТ** — леди Чёрной Горы.
– **НИМЕЛЛА ТОЛАНД** — леди Призрачного Холма.
– **КВЕНТИН КОРГИЛЬ** — лорд Песчаного Камня.
– **СИР ДИЗЕЛЬ ДАЛТ** — рыцарь Лимонной Рощи.
– **ФРАНКЛИН ФАУЛЕР** по прозвищу **СТАРЫЙ ЯСТРЕБ** — лорд Небесной Сферы, хранитель Перевала Принца.
– **сир САЙМОН САНТАГАР** — рыцарь Одинокой Рощи.

– **ЭДРИК ДЕЙН** — лорд Звездопада, мальчик 13 лет, оруженосец сира Берика Дондарриона.

– **ТРИБОР ДЖОРДЕЙН** — лорд Тора.

– **ТРЕМОНД ГАРГАЛЕН** — лорд Соленого Берега.

– **ДЕЙРОН ВАЙТ** — лорд Красных Дюн.

* * *

ДОМ СТАРКОВ

Старки ведут свой род от Брандона Строителя и Королей Зимы. Тысячи лет они правили Винтерфеллом как короли Севера, пока Торрхен Старк, король Преклонивший Колено, не присягнул Эйегону Завоевателю, отказавшись от битвы. Когда лорд Эддард Старк из Винтерфелла был казнён королём Джоффри, северяне подняли мятеж против Железного Трона, и провозгласили Робба Старка — сына лорда Эддарда — Королём Севера. Во время войны Пяти Королей Робб Старк выиграл все сражения, но был предан и убит Фреями и Болтонами в Близнецах на свадьбе своего дяди.

— {**РОББ СТАРК**} по прозвищу **МОЛОДОЙ ВОЛК** — король Севера и Трезубца, лорд Винтерфелла, убит на Красной Свадьбе.

— {**СЕРЫЙ ВЕТЕР**} — лютоволк Робба, убит на Красной Свадьбе.

Его законнорожденные братья и сестры:

– **САНСА** — сестра Робба, замужем за Тирионом из дома Ланнистеров.

— {**ЛЕДИ**} — лютоволчица Сансы, убита в замке Дарри.

– **АРЬЯ** — сестра Робба, девочка 11 лет, пропала без вести, считается погибшей.

– **НИМЕРИЯ** — лютоволчица Арьи, рыщет в речных землях.

– **БРАНДОН** по прозвищу **Бран** — мальчик-калека 9 лет, наследник Винтерфелла, считается погибшим.

– **ЛЕТО** — лютоволк Брана.

– **РИКОН** — брат Робба, мальчик 4 лет, считается погибшим.

– **ЛОХМАТЫЙ ПЁСИК** — лютоволк Рикона, чёрный и дикий.

– **ОША** — защитница Рикона, одичалая, пленница в Винтерфелле.

* * *

– **ДЖОН СНОУ** — незаконнорожденный брат Робба, лорд-командующий Ночного Дозора.

– **ПРИЗРАК** — лютоволк Джона, белый и спокойный.

Родственники короля Робба Старка:

– **БЕНДЖЕН СТАРК** — дядя Робба, Первый разведчик Ночного Дозора, пропал без вести за Стеной, предположительно погиб.

— {**ЛИЗА АРРЕН**} — тётя Робба, леди Орлиного Гнезда.

– **РОБЕРТ АРРЕН** — сын Лизы, лорд Орлиного Гнезда и Защитник Долины, болезненный мальчик.

– **ЭДМАР ТАЛЛИ** — дядя Робба, лорд Риверрана, захвачен в плен на Красной Свадьбе.

– **леди РОСЛИН** — из дома Фреев, молодая жена Эдмара, носит его ребёнка.

– **сир БРИНДЕН ТАЛЛИ** по прозвищу **ЧЁРНАЯ РЫБА** — брат деда Робба, в прошлом кастелян Риверрана, ныне объявлен вне закона.

* * *

Знаменосцы Винтерфелла, лорды Севера:

– **ДЖОН АМБЕР** по прозвищу **БОЛЬШОЙ ДЖОН** — лорд Последнего Очага, находится в плену в Близнецах.

— {**ДЖОН** по прозвищу **МАЛЕНЬКИЙ ДЖОН**} — старший сын Большого Джона и его наследник, убит на Красной Свадьбе.

– **МОРС ВОРОНЬЕ МЯСО** — дядя Большого Джона, кастелян Последнего Очага.

– **ХОЗЕР СМЕРТЬ ШЛЮХАМ** — дядя Большого Джона, также кастелян Последнего Очага.

— {**КЛЕЙ СЕРВИН**} — лорд Сервин, убит в Винтерфелле.

– **ДЖОНЕЛЛИ** — его сестра, девица 32 лет.

– **РУСЕ БОЛТОН** — лорд Дредфорта.

— {**ДОМЕРИК**} — законнорожденный сын Русе, умер от болезни живота.

– **УОЛТОН** по прозвищу **ЖЕЛЕЗНЫЕ ИКРЫ** — капитан стражи Русе Болтона.

– **РАМСИ БОЛТОН** по прозвищу **БАСТАРД БОЛТОН** — незаконнорожденный сын Русе, лорд

Хорнвуда.

– **УОЛДЕР ФРЕЙ** и **УОЛДЕР ФРЕЙ** по прозвищам **БОЛЬШОЙ УОЛДЕР** и **МАЛЫЙ УОЛДЕР** — оруженосцы Рамси.

– **КОСТЯНОЙ БЕН** — псарь в Дредфорте.

— {**Вонючка**} — вонючий слуга и оруженосец, по ошибке убитый вместо Рамси.

«Бастардовы мальчики» — слуги, оруженосцы и телохранители Рамси Болтона:

– **ЖЕЛТЫЙ ХРЕН, ДЭЙМОН СТАНЦУЙ-ДЛЯ-МЕНЯ, КИСЛЫЙ АЛИН, ЖИВОДЁР, ВОРЧУН**

— {**РИКАРД КАРСТАРК**} — лорд Карлхолда, обезглавлен Молодым Волком за убийство пленников.

— {**ЭДДАРД**} — сын лорда Рикарда, убит в Шепчущем Лесу.

— {**ТОРРХЕН**} — сын лорда Рикарда, убит в Шепчущем Лесу.

– **ХАРРИОН** — сын лорда Рикарда, в плену в Девичьем Пруду.

– **ЭЛИС** — дочь лорда Рикарда, девушка 15 лет.

– **АРНОЛЬФ** — дядя лорда Рикарда, кастелян в Карлхолде.

– **ГРЕГАН** — старший сын Арнольфа.
– **АРТОР** — младший сын Арнольфа.

– **ВИМАН МАНДЕРЛИ** — лорд Белой Гавани, очень толстый.

– **сир ВИЛИС МАНДЕРЛИ** — старший сын и наследник Вимана, содержится в плену в Харренхолле.

– **ЛЕОНА** — из дома Вулфилдов, жена Вилиса.

– **ВИНФРИД** — старшая дочь Вилиса, девица 19 лет.
– **ВИЛЛА** — младшая дочь Вилиса, девица 15 лет.

— {**сир ВЕНДЕЛ МАНДЕРЛИ**} — второй сын лорда Ваймана, убит на Красной Свадьбе.
– **сир МАРЛОН МАНДЕРЛИ** — кузен лорда Ваймана, командует гарнизоном в Белой Гавани.
– **МЕЙСТЕР ТЕОМОР** — советник, наставник и целитель.
– **ВЕКС** — мальчик 12 лет, прежде бывший оруженосцем Теона Грейджоя, немой.
– **сир БРАТИМУС** — старый одноногий и одноглазый рыцарь и пьяница, кастелян Волчьего Логова.
– **ГАРТ** — тюремщик и палач.

– **ЛЕДИ ЛУ** — топор Гарта.

– **ТЕРРИ** — юный ключник.

– **МЕЙДЖ МОРМОНТ** по прозвищу **МЕДВЕДИЦА** — леди Медвежьего острова.

— {**ДЕЙСИ**} — старшая дочь и наследница Мейдж, убита на Красной Свадьбе.
– **АЛИСАНА** по прозвищу **МОЛОДАЯ МЕДВЕДИЦА** — дочь Мейдж.
– **ЛИРА, ЮРЕЛЛА, ЛИАННА** — дочери Мейдж Мормонт.
– **ДЖИОР МОРМОНТ** — брат Мейдж, лорд-командующий Ночного Дозора, убит собственными людьми.

– **сир ДЖОРАХ МОРМОНТ** — сын Джиора, изгнанник.

– **ХОУЛЕНД РИД** — лорд Сероводья, озёрный житель.

– **ЯНА** — жена Хоуленда, озёрная жительница.

их дети:

– **МИРА** — юная охотница.
– **ЖОЙЕН** — мальчик, который видит зеленые сны.

– **ГАЛБАРТ ГЛОВЕР** — владелец Темнолесья, не женат.

– **РОБЕРТ ГЛОВЕР** — брат и наследник Галбарта.

– **СИБИЛЛА** — из дома Локи, жена Роберта.

– **БЕНДЖИКОТ БРАНЧ, БЕЗНОСЫЙ НЕД ВУДС** — воины-северяне в Темнолесье.

— {**сир ХЕЛМАН ТОЛХАРТ**} — владелец Торрхенова Удела, убит в Синем Доле.

— {**БЕНФРЕД**} — сын и наследник Хелмана, убит «железными людьми» на Каменном Берегу.

– **ЭДДАРА** — дочь Бенфреда, захвачена в плен в Торрхеновом Уделе.

– **ЛЕОБАЛЬД** — младший брат сира Хелмана, убит в Винтерфелле.

– **БЕРЕНА** — из дома Хорнвудов, жена Леобальда, захвачена в плен в Торрхеновом Уделе.

– **БРАНДОН** и **БЕРЕН** — сыновья Берены, также захвачены в плен в Торрхеновом Уделе.

– **РОДРИК РИСВЕЛЛ** — лорд Родников.

– **БАРБРИ ДАСТИН** — дочь Родрика, леди Барроутон, вдова лорда Виллама Дастина.

– **ХАРВУД СТАУТ** — человек леди Барбри, мелкий землевладелец в Барроутоне.

— {**БЕТАНИ БОЛТОН**} — дочь Родрика, вторая жена лорда Русе Болтона, умерла от лихорадки.

– **РОДЖЕР РИСВЕЛЛ, РИКАРД РИСВЕЛЛ, РУСЕ РИСВЕЛЛ** — кузины и знаменосцы лорда Рисвелла.

– **ЛИЭСА ФЛИНТ** — леди Вдовьего Дозора.

– **ОНДРИ ЛОКИ** — лорд Старого замка, старик.

* * *

Вожди горных кланов:

– **ХЬЮГО ВУЛЛ** по прозвищу **БОЛЬШОЕ ВЕДРО** или **ВУЛЛ**

– **БРАНДОН НОРРИ** по прозвищу **НОРРИ**

– **БРАНДОН НОРРИ** по прозвищу **МОЛОДОЙ** — сын Брандона.

– **ТОРРЕН ЛИДДЛЬ** по прозвищу **ЛИДДЛЬ**

– **ДУНКАН ЛИДДЛЬ** по прозвищу **БОЛЬШОЙ ЛИДДЛЬ** — старший сын Торрена, брат Ночного Дозора.

– **МОРГАН ЛИДДЛЬ** по прозвищу **СРЕДНИЙ ЛИДДЛЬ** — второй сын Торрена.

– **РИКАРД ЛИДДЛЬ** по прозвищу **МАЛЫЙ ЛИДДЛЬ** — третий сын Торрена.

– **ТОРГЕН ФЛИНТ** по прозвищу **ФЛИНТ** или **СТАРЫЙ ФЛИНТ** — из Первых Флинтов.

– **ЧЁРНЫЙ ДОННЕЛ ФЛИНТ** — сын и наследник Торгена.

– **АРТОС ФЛИНТ** — второй сын Торгена, сводный брат Чёрного Доннела.

Герб Старков: серый лютоволк Старков, бегущий по белоснежному полю. Девиз Старков: «Зима близко».

* * *

ДОМ ТАЛЛИ

Лорд Эдмин Талли из Риверрана был одним из первых речных лордов, присягнувших на верность Эйегону Завоевателю. Эйегон вознаградил его, сделав дом Талли главой над всеми землями Трезубца.

Герб Талли — прыгающая форель, серебряная, на поле из синих и красных волн. Их девиз — «Семья, долг, честь».

– **ЭДМУР ТАЛЛИ** — лорд Риверрана, захвачен-

ный на собственной свадьбе, находится в плену у Фреев.

– **леди РОСЛИН** из дома Фреев, носит ребёнка Эдмура.

— {**леди КЕЙТИЛИН СТАРК**} — сестра Эдмура, вдова лорда Эддарда Старка из Винтерфелла, убита на Красной Свадьбе.

— {**ЛЕДИ ЛИЗА АРРЕН**} — сестра Эдмура, вдова лорда Джона Аррена из Долины, погибла в Орлином Гнезде.

– **сир БРИНДЕН ТАЛЛИ** по прозвищу **ЧЁРНАЯ РЫБА** — дядя Эдмура, кастелян Риверрана, ныне объявлен вне закона.

Его домочадцы в Ривердане:

– **МЕЙСТЕР ВИМАН** — советник, лекарь, и наставник.
– **сир ДЕСМОНД ГРЕЛ** — мастер над оружием.
– **сир РОБИН РИГЕР** — капитан гвардии Риверрана.
– **ДЛИННЫЙ ЛЬЮ, ЭЛВУД, ДЕЛП** — гвардейцы.
– **УТЕРАЙДС УЭЙН** — стюард Риверрана.

* * *

Знаменосцы лорда Эдмура, лорды Трезубца:

—**ТИТОС БЛЭКВУД** — лорд Древорона.

– **БРИНДЕН** — старший сын и наследник Титоса.
— {**ЛУКАС**} — второй сын Титоса, убит на Красной Свадьбе.
– **ХОСТЕР** — третий сын Титоса, мальчик-книгочей.
– **ЭДМУНД** и **АЛИН** — младшие сыновья Титоса.
– **БЕТАНИ** — дочь Титоса, девочка 8 лет.
— {**РОБЕРТ**} — младший сын Титоса, умер от кишечной болезни.

– **ДЖОНОС БРАКЕН** — лорд Каменной Ограды.

– **БАРБАРА, ДЖЕЙН, КЕЙТИЛИН, БЕСС, АЛИСАННА** — дочери Джоноса.
– **ХИЛДИ** — лагерная шлюха.

– **ДЖЕЙСОН МАЛЛИСТЕР** — лорд Сигарда, пленник в собственном замке.

– **ПАТРИК** — сын Джейсона, заключён в тюрьму вместе со своим отцом.
– **сир ДЕНИС МАЛЛИСТЕР** — дядя лорда Джейсона, служит в Ночном Дозоре.

– **КЛИМЕНТ ПАЙПЕР** — лорд Розовой Девы.

– **сир МАРК ПАЙПЕР** — сын и наследник Климента, захвачен в плен на Красной Свадьбе.

– **КАРИЛ ВЕНС** — лорд Отдыха Странника.
– **НОРБЕРТ ВЕНС** — слепой лорд Атранты.
– **ТЕОМАР СМОЛВУД** — лорд Желудей.
– **ВИЛЬЯМ МУТОН** — лорд Девичьего Пруда.

– **ЭЛЕАНОР** — дочь и наследница Вильяма, девочка 13 лет, замужем за Диконом Тарли с Рогова Холма.

– **ШЕЛЛА УЭНТ** — бывшая леди Харренхолла.
– **сир ХАЛМОН ПЭГ.**
– **лорд ЛАЙМОНД ГУДБРУК.**

* * *

ДОМ ТИРЕЛЛОВ

Тиреллы обрели могущество как стюарды Королей Простора. Тиреллы утверждают, что они ведут свой род от Гарта Зелёной Руки, короля-садовника из Первых Людей, носившего корону из цветов и винограда. Когда Мерн IX, последний король дома Гарденеров, погиб на Огненном поле, его стюард Харлен Тирелл сдал Хайгарден Эйего-

ну Завоевателю, за что Эйегон пожаловал ему замок и весь Простор.

В начале войны Пяти Королей лорд Мейс Тирелл принял сторону Ренли Баратеона и отдал ему руку своей дочери Маргери. После смерти Ренли Хайгарден заключил союз с домом Ланнистеров, и Маргери стала невестой короля Джоффри.

Герб Тиреллов — золотая роза на травянисто-зелёном поле. Их девиз — «Вырастая — крепнем».

– **МЕЙС ТИРЕЛЛ** — лорд Хайгардена, Хранитель Юга, Защитник Дорнийских Марок, верховный маршал Простора.

– **леди АЛЕРИЯ** — урожденная Хайтауэр из Староместа, жена Мейса.

Их дети:

– **УИЛЛАС** — наследник Хайгардена.

– **сир ГАРЛАН** по прозвищу **ГАЛАНТНЫЙ** — второй сын Мейса, получивший титул лорда Брайтуотера.

– **леди ЛЕОНЕТТА** — из дома Фоссовеев, жена Гарлана.

– **сир ЛОРАС, РЫЦАРЬ ЦВЕТОВ** — младший сын Мейса, брат Королевской гвардии, ранен на

Драконьем Камне.

– **МАРГЕРИ** — дочь Мейса, трижды замужняя и дважды овдовевшая.

Компаньонки и фрейлины Маргери:

– **МЕГГА, АЛЛА** и **ЭЛИНОР ТИРЕЛЛ** — **кузины Маргери.**

– **АЛИН АМБРОЗ** — жених Элинор, оруженосец.

– **леди АЛИСАННА БУЛЬВЕР, леди АЛИСА ГРЕЙСФОРД, леди ТАЕНА МЕРРИВЕЗЕР, МЕРЕДИТ КРЕЙН** по прозвищу **МЕРРИ, септа НЕСТОРИКА** — придворные дамы Маргери.

– **леди ОЛЕННА ТИРЕЛЛ** по прозвищу **КОРОЛЕВА ШИПОВ** — из дома Редвинов, вдова, мать Мейса.

Сёстры Мейса Тирелла:

– **леди МИНА** — жена Пакстера Редвина, лорда Бора.

– **сир ХОРАС РЕДВИН** по прозвищу **ОРЯСИНА** — сын Мины, брат-близнец Хоббера.

– **сир ХОББЕР РЕДВИН** по прозвищу **БОББЕР** — сын Мины, брат-близнец Хораса.

– **ДЕСМЕРА РЕДВИН** — дочь Мины, девица 16 лет.

– **леди ЯННА** — младшая сестра Мейса Тирелла, замужем за сиром Джоном Фоссовеем.

Дядья Мейса Тирелла:

– **ГАРТ ТИРЕЛЛ** по прозвищу **Жирный** — дядя Мейса, лорд-сенешаль Хайгардена.

– **ГАРС** и **ГАРРЕТ ФЛАУЭРСЫ** — внебрачные сыновья Гарта.

– **сир МОРИН ТИРЕЛЛ** — дядя Мейса, лорд-командующий городской стражей Староместа.
– **МЕЙСТЕР ГОРМОН** — дядя Мейса, служащий в Цитадели.

* * *

Домочадцы Месса в Хайгардене:

– **мейстер ЛОМИС** — советник, целитель и наставник.
– **АЙГОН ВИРВЕЛ** — капитан гвардии.
– **сир ВОРТИМЕР КРЕЙН** — мастер над оружием
– **МАСЛОБОЙ** — шут необычайной толщины.

* * *

Его знаменосцы, лорды Простора:

– **РЕНДИЛЛ ТАРЛИ** — лорд Рогова Холма, командующий армией короля Томмена на Трезубце.

– **ПАКСТЕР РЕДВИН** — лорд Бора.

– **сир ХОРАС** и **СИР ХОББЕР** — сыновья-близнецы Пакстера.
– **мейстер БАЛЛАБАР** — лекарь лорда Пакстера.

– **АРВИН ОКХАРТ** — леди Старой Дубравы.
– **МАТИС РОВАН** — лорд Золотой Рощи.
– **ЛЕЙТОН ХАЙТАУЭР** — Глас Староместа, лорд Гавани.
– **ХАМФРИ ХЬЮВЕТТ** — лорд Дубового Щита.

– **ФАЛИЯ ФЛАУЭРС** — внебрачная дочь Хамфри.

– **ОСБЕРТ СЕРРИ** — лорд Южного Щита.
– **ГУТОР ГРИММ** — лорд Серого Щита.
– **МОРИБАЛЬД ЧЕСТЕР** — лорд Зелёного Щита.
– **ОРТОН МЕРРИВЕЗЕР** — лорд Длинного Стола.

– **ЛЕДИ ТАЭНА** — жена Ортона, родом из Мира.
– **РАССЕЛ** — сын Таэны, мальчик 6 лет.

– **лорд АРТУР АМБРОЗ**

– **ЛОРЕНТ КАСВЕЛЛ** — лорд Горького Моста.

* * *

Его рыцари и присягнувшие воины:

– **сир ДЖОН ФОССОВЕЙ** — из Фоссовеев зелёного яблока.
– **сир ТАНТОН ФОССОВЕЙ** — из Фоссовеев красного яблока.

Герб Тиреллов — золотая роза на травянисто-зелёном поле. Их девиз — «Вырастая — крепнем».

* * *

БРАТЬЯ НОЧНОГО ДОЗОРА

– **ДЖОН СНОУ** — бастард из Винтерфелла, 998-й лорд-командующий Ночного Дозора.

– **ПРИЗРАК** — белый лютоволк Джона.

– **ЭДДИСОН ТОЛЕТТ** (по прозвищу **СКОРБНЫЙ ЭДД)** — стюард Джона.

* * *

в Чёрном замке:

– **МЕЙСТЕР ЭЙЕМОН (ТАРГАРИЕН)** — целитель и советник, слепой мейстер, ста двух лет от роду.

– **КЛИДАС** — стюард Эйемона.

– **СЭМВЕЛ ТАРЛИ** — стюард Эйемона, толстяк и книжник.

– **БОУЭН МАРШ** — лорд-стюард Ночного Дозора.

– **ТРЁХПАЛЫЙ ХОББ** — стюард и старший повар.

— {**ДОНАЛ НОЙЕ**} — однорукий кузнец и оружейник, убит в воротах великаном Могучим Мегом.

– **ОУЭН** по прозвищу **ОЛУХ, ТИМ ТОН-ТОН, МАЛЛИ, ГУГЕН, ДОННЕЛ ХИЛЛ** по прозвищу **МИЛАШКА, ЛЬЮ-ЛЕВША, ДЖЕРЕН, ВИК ПОСОШНИК** — стюарды.

– **ОТЕЛЛ ЯРВИК** — первый строитель.

– **ПУСТОЙ САПОГ, ХАЛДЕР, АЛБЕТТ, КЕГС, АЛЬФ ИЗ РАННИМАДА** — строители.

– **септон СЕЛЛАДОР** — заядлый пьяница.

– **ЧЁРНЫЙ ДЖЕК БУЛЬВЕР** — Первый Разведчик

– **ДАЙВЕН, КЕДЖ БЕЛОГЛАЗЫЙ, БЕДВИК** по прозвищу **ВЕЛИКАН, МЯГКОЛАПЫЙ, ГАРТ СЕРОЕ ПЕРО, УЛЬМЕР ИЗ КОРОЛЕВСКОГО ЛЕСА, ЭЙЕТАН**,

ГАРРЕТ ЗЕЛЁНОЕ КОПЬЁ, ПИПАР по прозвищу

ПИП, ГЛЕННН по прозвищу **ЗУБР, БЕРНАРР** по прозвищу **БУРЫЙ БЕРНАРР, ТИМ СТОУН, РОРИ, БОРОДАТЫЙ БЕН, ТОМ ЯЧМЕННОЕ ЗЕРНО, ГОДИ БОЛЬШОЙ ЛИДДЛЬ, ЛУКА ИЗ ЛОНГТАУНА, ВОЛОСАТЫЙ ХЭЛ** — разведчики.

– **КОЖАНЫЙ** — одичалый, вступивший в Ночной Дозор.

– **сир АЛЛИСЕР ТОРНЕ** — мастер над оружием.

– **лорд ЯНОС СЛИНТ** — бывший командующий городской стражей в Королевской Гавани и бывший лорд Харренхолла.

– **ЖЕЛЕЗНЫЙ ЭММЕТ** — из Восточного Дозора, мастер над оружием.

– **ГАРЕТ** по прозвищу **КОНЬ**, близнецы **ЭРРОН** и **ЭМРИК**, **АТЛАС**, **ХОП-РОБИН** — новобранцы.

* * *

в Сумеречной башне:

– **сир ДЕННИС МАЛЛИСТЕР** — командующий Сумеречной башней.

– **УОЛЛАС МАССИ** — стюард и оруженосец Дениса.

– **мейстер МАЛЛИН** — целитель и советник.

— **{КУОРЕН ПОЛУРУКИЙ, ОРУЖЕНОСЕЦ ДАЛБРИДЖ, ЭББЕН}** — разведчики из Сумереч-

ной башни, погибшие за Стеной.

– **КАМЕННЫЙ ЗМЕЙ** — разведчик из Сумеречной башни, пропавший на Воющем перевале.

* * *

в Восточном Дозоре у Моря:

– **КОТТЕР ПАЙК** — командующий Восточным Дозором.

– **МЕЙСТЕР ХАРМУН** — целитель и советник.

– **СИЗАРЬ** — капитан «Чёрной птицы».

– **сир ГЛЕНДОН ХЬЮЭТТ** — мастер над оружием.

– **сир МЕЙНАРД ХОЛТ** — капитан «Когтя».

– **РАСС ЯЧМЕННОЕ ЗЕРНО** — капитан «Штормовой вороны».

* * *

ОДИЧАЛЫЕ, ИЛИ ВОЛЬНЫЙ НАРОД

– **МАНС НАЛЁТЧИК** — Король-за-Стеной, пленник в Чёрном замке.

— **{ДАЛЛА}** — жена Манса, умерла при родах.

— его сын, младенец, рождённый в бою, пока не имеет имени.

– **ВЕЛЬ** — сестра Даллы, «Принцесса Одичалых», пленница в Чёрном замке.

— **{ЯРЛ}** — любовник Велль, погиб, упав со Стены.

* * *

Капитаны, вожди и разведчики одичалых:

– **КОСТЯНОЙ ЛОРД** по прозвищу **ГРЕМУЧАЯ РУБАШКА** — предводитель одного из отрядов, пленник в Чёрном замке.

— **{ИГРИТТ}** — молодая воительница, любовница Джона Сноу, убита во время нападения на Чёрный замок.

– **РИК** по прозвищу **ДЛИННОЕ КОПЬЁ** — член банды Гремучей Рубашки.

– **РАГВИЛ, ЛЕНАЛ** — члены банды Гремучей Рубашки.

– **ТОРМУНД** по прозвищам **ВЕЛИКАНЬЯ СМЕРТЬ, КРАСНОБАЙ, ТРУБЯЩИЙ В РОГ, ЛЕДОЛОМ, ГРОМОВОЙ КУЛАК, МЕДВЕЖИЙ МУЖ, СОБЕСЕДНИК БОГОВ, ОТЕЦ ТЫСЯЧ, МЕДОВЫЙ КОРОЛЬ КРАСНЫХ ПАЛАТ.**

– **ТОРЕГГ ВЫСОКИЙ, ТОРВИРД СМИРНЫЙ, ДОРМУНД** — сыновья Тормунда.

– **ДРИН** — дочь Тормунда.

– **ПЛАКАЛЬЩИК** — разбойник и предводитель отряда.

— {**ХАРМА** по прозвищу **СОБАЧЬЯ ГОЛОВА**} — женщина-предводительница одного из отрядов. Убита под Стеной.

– **ХЕЛЛЕК** — брат Хармы.

— {**СТИР**} — магнар теннов, убит при штурме Чёрного замка.

– **СИГОРН** — сын Стира, новый магнар теннов.

– **ВАРАМИР** по прозвищу **ВАРАМИР ШЕСТИШКУРЫЙ** — оборотень и варг, в детстве носивший имя **КОМОК**.

– **ОДНОГЛАЗЫЙ, ХИТРЮГА, ОХОТНИК** — волки Варамира.

— {**ЖЕЛВАК**} — брат Комка, убит собакой.

– **ХАГГОН** — приёмный отец Варамира, оборотень и охотник.

– **РЕПЕЙНИЦА** — копьеносица, уродливая и сильная.

— {**ВЕРЕСК, ГРИЗЕЛЛА**} — давно погибшие оборотни.

– **БОРРОК** по прозвищу **Вепрь** — внушающий страх оборотень.

– **ГЕРРИК КОРОЛЕВСКАЯ КРОВЬ** — родственник Реймунда Рыжебородого.

— три дочери Геррика.

– **СОРЕН ЩИТОЛОМ** — прославленный воин.

– **МОРНА БЕЛАЯ МАСКА** — ведьма-воительница, налётчица.

– **ИГОН СТАРЫЙ ОТЕЦ** — вождь клана, имеющий 18 жен.

– **ВЕЛИКИЙ МОРЖ** — вождь Стылого Берега.

– **МАТУШКА КРОТИХА** — лесная ведьма и прорицательница.

– **БРОГГ**, **ГАВИН ТОРГОВЕЦ, ХАРЛЬ ОХОТНИК, ХАРЛЬ КРАСАВЧИК, ХОУД СТРАННИК, СЛЕПОЙ ДОСС, КАЙЛИГ ДЕРЕВЯННОЕ УХО, ДЕВИН ШКУРОДЕЛ** — вожди Вольного Народа.

— {**ОРЕЛЛ** по прозвищу **ОРЕЛЛ-ОРЁЛ**} — оборотень. Убит Джоном Сноу на Воющем перевале.

— {**МЕГ МАР ТУН ДОБ ВЕГ** по прозвищу **МЕГ МОГУЧИЙ**} — великан, убитый Доналом Нойе в воротах Чёрного замка.

– **ВУН ВЕГ ВУН ДАР ВУН** по прозвищу **ВУН ВУН** — великан.

– **РЯБИНА, ХОЛЛИ, БЕЛКА, ИВА ВЕДЬМИНЫ ГЛАЗКИ, ФРЕНЬЯ, МИРТЛЕ** — копьеносицы, пленницы на Стене.

ЗА СТЕНОЙ

в Зачарованном Лесу:

– **БРАНДОН СТАРК** по прозвищу **БРАН** — принц

Винтерфелла и наследник Севера, мальчик-калека 9 лет.

его друзья и защитники:

– **МИРА РИД** — дочь лорда Хоуленда Рида из Сероводья, девушка 16 лет.

– **ЖОЙЕН РИД** — брат Миры, мальчик 13 лет.

– **ХОДОР** — слабоумный парень семи футов роста.

– **ХОЛОДНЫЕ РУКИ** — проводник Брана, Миры, Жойена и Ходора, человек в чёрном, возможно, в прошлом брат Ночного Дозора, теперь окутанный тайной.

* * *

в замке Крастера:

изменники, в прошлом люди Ночного Дозора:

– **НОЖ** — убийца Крастера.

– **ОЛЛО КОСОРУЧКА** — убийца лорда-командующего Джиора Мормонта.

– **ГАРТ ИЗ ЗЕЛЕНОПОЛЬЯ, МАУНИ, ГРАББС, АЛАН ИЗ РОСБИ** — бывшие разведчики.

– **КОЛЧЕНОГИЙ КАРЛ, СИРОТКА ОСС, ГУГНИВЫЙ БИЛЛ** — бывшие стюарды.

в пещерах под полым холмом:

– **ТРЁХГЛАЗАЯ ВОРОНА** или **ПОСЛЕДНИЙ ЗЕЛЕНЫЙ ПРОВИДЕЦ** — колдун и ходящий-во-снах, в прошлом брат Ночного Дозора по имени Бринден, теперь скорее дерево, чем человек.

Дети Леса, которые поют песню земле, последние из их умирающей расы:

– **ЛИСТ, ПЕПЕЛ, ВЕСЫ, ЧЁРНЫЙ НОЖ, СНЕЖНЫЕ ЛОКОНЫ, УГОЛЬ**.

* * *

ЭССОС – КОНТИНЕНТ ЗА УЗКИМ МОРЕМ

В БРААВОСЕ

– **ФЕРРЕГО АНТАРИОН** — морской лорд Браавоса, немощный и болезненный.

– **КВАРРО ВОЛЕНТИН** — Первый Меч Браавоса, его защитник.

– **БЕЛЛИГЕРА ОТЕРИС** по прозвищу **ЧЁРНАЯ ЖЕМЧУЖИНА** — знатная куртизанка, названная в честь пиратской королевы того же самого имени.

– **ЛЕДИ В ВУАЛИ, МОРСКАЯ КОРОЛЕВА, ЛУННАЯ ТЕНЬ, ДОЧЬ ЗАКАТА, СОЛОВУШКА,**

ПОЭТЕССА — знатные куртизанки.

– **ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК** и **БРОДЯЖКА** — слуги Многоликого Бога в Чёрно-белом доме.

– **УММА** — храмовая повариха.

– **КРАСАВЕЦ, ТОЛСТЯК, МОЛОДОЙ ЛОРД, СУРОВЫЙ, КОСОЙ, ГОЛОДНЫЙ** — тайные слуги Многоликого бога.

– **АРЬЯ** из дома Старков, новобранец на службе в Чёрно-белом доме, также известная как **АРРИ, НЭН, ЛАСКА, ГОЛУБЁНОК, СОЛИНКА** и **КОШКА С КАНАЛОВ**.

– **БРУСКО** — рыбак.

– **ТАЛЕЯ** и **БРЕЯ** — дочери Бруско.

– **МЕРАЛИН** по прозвищу **МЕРРИ** — хозяйка «Счастливого порта», борделя в Тряпичном порту.

– **МОРЯЧКА** — шлюха в «Счастливом порту».

– **ЛАННА**, её дочь, юная шлюха.

– **РЫЖИЙ РОГГО, ГИЛОРО ДОТАРИ, ГИЛЕНО ДОТАРИ, АКТЁР ПО ПРОЗВИЩУ КВИЛЛ, КОССОМО-ФОКУСНИК** — клиенты «Счастливого порта».

– **ТАГГАНАРО** — портовый карманник и вор.

– **КАССО, КОРОЛЬ ТЮЛЕНЕЙ** — дрессированный тюлень Тагганаро.

– **СФРОНА** — портовая шлюха и убийца.
– **ПЬЯНАЯ ДОЧКА** — шлюха с изменчивым настроением.

В СТАРОМ ВОЛАНТИСЕ

Царствующие Триархи:

– **МАЛАКВО МЕЙЕГИР** — триарх Волантиса, тигр.
– **ДОНИФОС ПЕЙЕНИМОН** — триарх Волантиса, слон.
– **НЕССОС ВАССАР** — триарх Волантиса, слон.

* * *

народ Волантиса:

– **БЕНЕРРО** — верховный служитель Рглора, Владыки Света
– **МОКОРРО** — жрец Рглора, правая рука Бенерро.
– **ПОРТОВАЯ ВДОВА** — богатая свободная горожанка, также известная как Шлюха Вогарро.
– **ВДОВЬИ СЫНОВЬЯ** — телохранители и охранники Портовой Вдовы.

– **ПЕННИ** — карлица-скоморох
– **ХРЮШКА-МИЛАШКА** — свинья Пенни.
– **ХРУСТ** — пёс Пенни.

— {**ГРОШ**} — брат Пенни, убит и обезглавлен.

– **ЭЛИОС КВЕЙДАР** — кандидат в триархи.
– **ПАРКЕЛЛО ВЕЙЕЛАРОС** — кандидат в триархи.
– **БЕЛИЧО СТЕЙЕГОН** — кандидат в триархи.
– **ГРАЗДАН МО ЭРАЗ** — посол Юнкая.

* * *

В ЗАЛИВЕ РАБОТОРГОВЦЕВ

В Юнкае, Жёлтом городе:

– **ЮРХАЗ ЗО ЮНЗАК** — главнокомандующий армии Юнкая и их союзников, рабовладелец и знатный человек безупречного происхождения
– **ЙЕЗЗАН ЗО КАГГАЗ** по прозвищу **ЖЁЛТЫЙ КИТ**, чудовищно толстый, болезненный и очень богатый.

– **НЯНЬКА** — раб-надсмотрщик Йеззана.
– **СЛАДОСТЬ** — раб-гермафродит, игрушка Йезанна.
– **ШРАМ** — раб-офицер Йеззана.
– **МОРГО** — раб-воин Йеззана.

—**МОРГАЗ ЗО ЖЕРЗИН** по прозвищу **ПЬЯНЫЙ ЗАВОЕВАТЕЛЬ** — знатный пьяница.

—**ГОРЗАК ЗО ЭРАЗ** по прозвищу **МЯГКОЛИЦЫЙ** — знатный рабовладелец.

—**ФЕЙЕЗАР ЗО ФЕЙЕЗ** по прозвищу **КРОЛИК** — знатный рабовладелец.

—**ГАЗДОР ЗО АНЛАГ** по прозвищу **ДРОЖАЩИЕ ЩЁКИ** — знатный рабовладелец.

—**ПЕЙЕЗАР ЗО МУРАК** по прозвищу **МАЛЕНЬКИЙ ГОЛУБЬ** — знатный рабовладелец.

—**ЧЕЗДАР ЗО РЕЙЕЗН, МЕЙЕЗОН ЗО РЕЙЕЗН, ГРАЗДАН ЗО РЕЙЕЗН** — знатные братья, по прозвищу **Звенящие Лорды.**

– **КАРЕТНИК, ЗВЕРОЛОВ, НАПУДРЕННЫЙ ГЕРОЙ** — знатные рабовладельцы.

в Астапоре, Красном городе:

–

КЛЕОН ВЕЛИКИЙ по прозвищу **КОРОЛЬМЯСНИК**–**КЛЕОН ВТОРОЙ** — его преемник, бывший королем 8 дней.

– **КОРОЛЬ-ГОРЛОРЕЗ** — брадобрей, прирезавший Клеона Второго, чтобы украсть его корону

– **КОРОЛЕВА-ШЛЮХА** — наложница короля Клеона Второго, завладевшая троном после его смерти.

* * *

КОРОЛЕВА ЗА УЗКИМ МОРЕМ

– **ДЕЙЕНЕРИС ТАРГАРИЕН**, известная также как **ДЕЙЕНЕРИС БУРЕРОЖДЁННАЯ, НЕОПАЛИМАЯ и МАТЬ ДРАКОНОВ** — первая этого имени, королева Миэрина, королева андалов, ройнаров и Первых Людей, властительница Семи Королевств и защитница государства, кхалиси Дотракийского моря.

– **ДРОГОН, ВИЗЕРИОН** и **РЕЙЕГАЛЬ** — драконы Дейенерис.

— {**РЕЙЕГАР**} — брат Дейенерис, принц Драконьего Камня, убит Робертом Баратеоном в битве на Трезубце.

— {**РЕЙЕНИС**} — дочь Рейегара, убита при взятии Королевской Гавани.

— {**ЭЙЕГОН**} — сын Рейегара, грудной младенец, убит при взятии Королевской Гавани.

— {**ВИЗЕРИС**} — брат Дейенерис, третий этого имени, прозванный **КОРОЛЁМ-ПОПРОШАЙКОЙ**, убит кхалом Дрого, «короновавшим» его расплавленным золотом.

— {**ДРОГО**} — муж Дейенерис, дотракийский

кхал, умер от ран.

— **{РЕЙЕГО}** — нерождённый сын Дейенерис от Дрого, убит в её чреве колдуньей Мирри Маз Дуур.

* * *

Её защитники:

– **сир БАРРИСТАН СЕЛМИ** по прозвищу **БАРРИСТАН СМЕЛЫЙ** — лорд-командующий Королевской гвардии.

Его помощники, оруженосцы, которых он готовит стать рыцарями:

– **ТУМКО ЛО** — с островов Василиска.
– **ЛАРРАК** по прозвищу **Кнут** — из Миэрина.
– **РЫЖИЙ ЯГНЁНОК** — лхазарянин, освобождённый из рабства.
– **ПАРНИ** — три брата-гискарца.

– **СИЛАЧ БЕЛЬВАС** — евнух, ранее раб-гладиатор.

Её кровные всадники:

– **ЧХОГО**, Кнут, кровь от её крови.
– **АГГО**, Лук, кровь от её крови.
– **РАКХАРО**, Аракх, кровь от её крови.

* * *

Её капитаны и командиры:

– **ДААРИО НАХАРИС** — экстравагантный тирошийский наёмник, командир отряда Ворон-Буревестников.

– **БЕН ПЛАММ** по прозвищу **БУРЫЙ БЕН** — безродный наёмник, командир отряда Младших Сыновей.

– **СЕРЫЙ ЧЕРВЬ** — евнух, командир Безупречных — войска солдат-евнухов.

– **ГЕРОЙ** — капитан Безупречных, заместитель Серого Червя.

– **ХРАБРЫЙ ЩИТ** — копьеносец-Безупречный.

– **МОЛЛОНО ЙОС ДОБ** — командир Храбрых Щитов, отряда освобождённых рабов.

– **САЙМОН ПОЛОСАТАЯ СПИНА** — командир Свободных Братьев, отряда освобождённых рабов.

– **МАРСЕЛЕН** — командир Детей Матери — отряда освобождённых рабов; евнух, брат Миссандеи.

– **ГРОЛЕО ИЗ ПЕНТОСА** — бывший капитан торговой барки «Садулеон», теперь адмирал без флота.

– **РОММО** — *джакка рхан д*отракицев.

* * *

Двор Дейенерис в Миэрине:

– **РЕЗНАК МО РЕЗНАК** — сенешаль Дейенерис, лысый и угодливый.

– **СКАХАЗ МО КАНДАК** по прозвищу **БРИТОГОЛОВЫЙ** — бритоголовый командир Медных Зверей — городской стражи.

* * *

Служанки и горничные Дейенерис:

– **ИРРИ** и **ЧХИКУ** — дотракийки, девушки 16 лет.

– **МИССАНДЕЯ** — наатийка, писец и переводчик.

– **ГРАЗДАР, КВЕЗЗА, МЕЗЗАРА, КЕЗМИЯ, АЗЗАК, БХАКАЗ, МИКЛАЗ, ДАЗЗАР, ДРАКАЗ, ЖЕЗАНА** — дети в пирамиде Дейенерис в Миэрине, её пажи и чашницы.

* * *

жители Миэрина, высокого и низкого рода:

– **ГАЛАЗЗА ГАЛАР** — Зелёная Милость, верховная жрица Храма Милости.

– **ГРАЗДАМ ЗО ГАЛАР** — кузен Галаззы, знатный человек.

—**ХИЗДАР ЗО ЛОРАК** — богатый и знатный

миэринец древнего рода.

– **МАРГАЗ ЗО ЛОРАК** — кузен Хиздара.

– **РИЛОНА РИ** — освобождённая женщина-арфистка.

— **{ХАЗЗЕЯ}** — дочь фермера, девочка 4 года.

–**ГОГОР-ГИГАНТ, КРАЗЗ, БЕЛАКВО-КОСТОЛОМ, КАМАРРОН НЕСЧЁТНЫЙ, БЕССТРАШНЫЙ ИТОК, ПЯТНИСТЫЙ КОТ, БАРСЕНА ЧЕРНОВОЛОСАЯ, ЖЕЛЕЗНОКОЖИЙ** — бывшие рабы-гладиаторы.

* * *

Её ненадежные союзники, лживые друзья и явные враги:

– **сир ДЖОРАХ МОРМОНТ** — бывший лорд Медвежьего острова.

— **{МИРРИ МАЗ ДУУР}** — божья жена и мейега, служительница храма Великого Пастуха в Лхазаре.

– **КСАРО КСОАН ДАКСОС** — купеческий старшина Кварта.

– **КУЭЙТА** — женщина в маске, заклинательница теней из Асшая.

– **ИЛЛИРИО МОПАТИС** — магистр вольного города Пентоса, устроивший брак Дейенерис с кхалом Дрого.

– **КЛЕОН ВЕЛИКИЙ** — Король-Мясник Аста-

пора.

* * *

Женихи Дейенерис:

в Заливе работорговцев:

– **ДААРИО НАХАРИС** — экстравагантный тирошийский наёмник, командир отряда Воронов Буревестников.

– **ХИЗДАР ЗО ЛОРАК** — богатый и знатный миэринец.

– **СКАХАЗ МО КАНДАК** по прозвищу **БРИТОГОЛОВЫЙ** — не слишком знатный миэринец.

– **КЛЕОН ВЕЛИКИЙ** — Король-Мясник Астапора.

* * *

в Волантисе:

– **принц КВЕНТИН МАРТЕЛЛ** — старший сын Дорана Мартелла, лорда Солнечного Копья и принца дорнийского.

Его компаньоны и воины:

— {**сир КЛЕТУС АЙРОНВУД**} — наследник Айронвуда, убит пиратами.

– **сир АРЧИБАЛЬД АЙРОНВУД** по прозвищу **ГРОМАДИНА** — кузен Клетуса.
– **сир ГЕРРИС ДРИНКУОТЕР**
— {**сир ВИЛЛЕМ УЭЛЛС**} — убит пиратами.
— {**мейстер КЕДРИ**} — убит пиратами.

* * *

на Ройне:

ЮНЫЙ ГРИФ — синеволосый мальчик 18 лет.

– **ГРИФ** — приёмный отец Юного Грифа, в прошлом наёмник Золотого Братства.

их компаньоны, учителя и защитники:

– **сир РОЛЛИ С УТИНОГО ПОЛЯ** по прозвищу **УТКА** — рыцарь.
– **септа ЛЕМОРА** — служительница Веры.
– **ХЭЛДОН** по прозвищу **ПОЛУМЕЙСТЕР** — учитель Юного Грифа.
– **ЯНДРИ** — хозяин и капитан «Скромницы».
– **ИСИЛЛА** — жена Яндри.

* * *

в море:

– **ВИКТАРИОН ГРЕЙДЖОЙ** по прозвищу **ЖЕЛЕЗНЫЙ КАПИТАН** — лорд-капитан Желез-

ного флота.

— наложница Виктариона, женщина с отрезанным языком, дар Эурона Вороньего Глаза.

– **мейстер КЕРВИН** — лекарь Виктариона, в прошлом мейстер на Зелёном Щите, дар Эурона Вороньего Глаза.

его команда на «Железной Победе»:

– **ОДНОУХИЙ ВУЛЬФ, РАГНОР ПАЙК, ДЛИННОВОДНЫЙ ПАЙК, ТОМ ТАЙВУД, БАРТОН ХАМБЛ, КВЕЛЛОН ХАМБЛ, СТЕФФАР ЗАИКА**

его капитаны:

– **РОДРИК СПАРР** по прозвищу **СУСЛИК** — капитан «Горя».

– **РЫЖИЙ РАЛЬФ СТОУНХАУЗ** — капитан «Рыжего шута».

– **МАНФРИД МЕРЛИН** — капитан «Змея».

– **ХРОМОЙ РАЛЬФ**, — капитан «Лорда Квеллона».

– **ТОМ КОДД** по прозвищу **БЕСКРОВНЫЙ ТОМ** — капитан «Плача».

– **ДЕЙЕГОН-ПАСТУХ** по прозвищу **ЧЁРНЫЙ ПАСТУХ** — капитан «Кинжала».

Таргариены считают, что происходят от кро-

ви дракона, смешанной с кровью великих родов древней Валирии. Их родовой признак — лиловые, фиалковые или фиолетовые глаза и золотисто-серебряные волосы. Чтобы сохранить чистоту крови, мужчины из дома Таргариенов женились обычно на своих сёстрах, кузинах и племянницах. Основатель династии Эйегон Завоеватель был женат на обеих своих сёстрах и имел сыновей от каждой из них.

Герб Таргариенов — трёхглавый дракон, красный на чёрном поле. Три головы символизируют Эйегона и его сёстер.

Девиз Таргариенов — «Пламя и кровь».

* * *

МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ ИЗ ОТРЯДОВ ВОЛЬНЫХ НАЁМНИКОВ

ЗОЛОТОЕ БРАТСТВО — десять тысяч наёмных воинов без хозяина:

– **БЕЗДОМНЫЙ ГАРРИ СТРИКЛЕНД** — капитан-генерал.

– **УОТКИН** — оруженосец и чашник Гарри.

— **{СИР МИЛЬС ТОЙН** по прозвищу **ЧЁРНОЕ СЕРДЦЕ}** — прошлый капитан-генерал, умерший четыре года назад.

– **ЧЕРНЫЙ БАЛАК** — беловолосый выходец с Летних островов, командир лучников.

– **ЛИСОНО МААР** — наёмник из Лиса, командир разведчиков.

– **ГОРИС ЭДОРИЕН** — наёмник из Волантиса, казначей отряда.

– **сир ФРЕНКЛИН ФЛАУЭРС** — бастард из Сидрхолла, наёмник из Простора.

– **сир МАРК МАНДРЕЙК** — бывший раб, покрытый шрамами.

– **сир ЛАСВЕЛ ПИК** — бывший лорд.

– **ТОРМАН** и **ПАЙКВУД** — братья Ласвела.

– **сир ТРИСТАН РИВЕРС** — бастард, разбойник, изгнанник.

– **КАСПОР ХИЛЛ, ХАМФРИ СТОУН, МАЛО ЖЕЙН, ДИК КОУЛ, УИЛЛ КОУЛ, ЛОРИМАС МАДД, ДЖОН ЛОТСТОН, ЛАЙМОНД ПЕЙС, СИР БРЕНДЕЛ БРИН, ДУНКАН СТРОНГ, ДЕНИС СТРОНГ, КАНДАЛЬНИК, ЮНЫЙ ДЖОН МАДД** — офицеры отряда.

— {**СИР ЭЙЕГОР РИВЕРС** по прозвищу **ЗЛОЙ КЛИНОК**} — бастард короля Эйегона IV Таргариена, основатель отряда.

— {**МЕЙЕЛИС I ЧЕРНОЕ ПЛАМЯ** по прозвищу **МЕЙЕЛИС ЧУДОВИЩЕ**} — капитан-генерал от-

ряда. Претендент на трон Вестероса, член Банды Девяти, погиб во время войны Девятигрошевых Королей.

* * *

ГОНИМЫЕ ВЕТРОМ — две тысячи конных и пеших воинов, наёмники на службе у Юнкая:

– **ПРИНЦ-в-ЛОХМОТЬЯХ** — в прошлом знатный человек из Пентоса, капитан и основатель отряда.

– **КАГГО** по прозвищу **ТРУПОБОЙ** — правая рука Принца-в-Лохмотьях.

– **ДЕНЗО ДХАН** — певец и воин, левая рука Принца-в-Лохмотьях.

– **ХЬЮГО ХАНГЕРФОРД** — офицер отряда, бывший казначей, потерявший три пальца.

– **сир ОРСОН СТОУН, сир ЛЮЦИФЕР ДЛИННЫЙ, ДЕРЕВЯННЫЙ УИЛЛ, ДИК-СОЛОМИНКА, РЫЖИЙ ДЖЕК** — наёмники из Вестероса.

– **МИЛАШКА МЕРИС**, палач отряда.

– **КНИЖНИК** — наёмник из Волантиса и любитель почитать книги.

– **БОБ** — арбалетчик родом из Мира.

– **СТАРЫЙ КОСТЛЯВЫЙ БИЛЛ** — пожилой летниец.

– **МИРИО МИРАКИС** — наёмник из Пентоса.

* * *

РОТА КОШКИ — три сотни воинов на службе у Юнкая:

– **КРОВАВАЯ БОРОДА** — капитан и командующий.

* * *

ДЛИННЫЕ КОПЬЯ — 800 всадников на службе у Юнкая:

– **ГИЛО РИГАН** — капитан и командующий.

* * *

МЛАДШИЕ СЫНОВЬЯ — пять сотен всадников на службе у королевы Дейенерис:

– **БУРЫЙ БЕН ПЛАММ** — капитан и командующий.

– **КАСПАРИО** по прозвищу **МУДРЫЙ КАСПАРИО** — браво, заместитель Бена Пламма.

– **ТИБЕРИО ИСТАРИОН** по прозвищу **ЧЕРНИЛЬНИЦА** — казначей отряда.

– **МОЛОТ** — пьяный кузнец и оружейник.

– **ГВОЗДЬ** — ученик Молота.

– **УХВАТ** — однорукий офицер.

– **КИМ** — юный наёмник, родом из Блошиного

Конца.

– **БОКОККО** — рубака с дурной репутацией.

– **УЛАН** — офицер отряда.

* * *

ВОРОНЫ-БУРЕВЕСТНИКИ — пять сотен всадников на службе у королевы Дейенерис

– **ДААРИО НАХАРИС** — капитан и командующий.

– **ВДОВЕЦ** — заместитель Даарио.

– **ДЖОКИН** — командир лучников.

Благодарности

Предыдущая книга была для меня проклятьем. Эта — тремя с половиной проклятьями. Поэтому я хочу выразить благодарность моим многострадальным издателям: Джейн Джонсон и Джою Чемберлену из «Вояджера», а также Скотту Шеннону, Ните Тоблиб и Анне Гроэль из «Бантама».

Их понимание, здоровый юмор и мудрые советы помогли мне преодолеть проблемы, и я всегда буду благодарен им за терпение.

Благодарю также моих вечно терпеливых и бесконечно отзывчивых агентов: Криса Лоттса, Винса Герардиса, потрясающего Кая Маккаули и покойного Ральфа Вичинанцу. Ральф, мне жаль, что ты не с нами сегодня.

Особая благодарность Стивену Бучеру, бродячему австралийцу, чья помощь сохраняет мой компьютер смазанным и жужжащим каждый раз, когда он заглядывает в Санта-Фе за буррито на Рождество и беконом с перцем халапеньо.

На домашнем фронте хочу поблагодарить своих близких друзей Мелинду Снодграсс и Даниэля Абрахама за их одобрение и поддержку, веб-

мастера Пати Найджел, которая поддерживает мой уголок в интернете, и удивительную Раю Голден за еду, иллюстрации и неисчерпаемую жизнерадостность, которая делала светлее самые темные дни в Черепашьей Долине. Даже если она попыталась украсть мою кошку.

Я долго танцевал этот танец, но мог бы танцевать и вдвое дольше, если бы не мой верный (но и язвительный) ассистент, а временами и спутник Тай Франк, который заботится о моём компьютере в отсутствие Стивена, отваживает ненасытные толпы виртуальных фанатов от моего виртуального порога, состоит на побегушках, ведёт мою отчётность, варит кофе, подтверждает свои слова делом и просит десять тысяч за замену лампочки - и в то же время по средам пишет свои собственные сногсшибательные книги.

И в конце — но далеко не последний раз — выражаю любовь и благодарность моей жене, Пэррис, которая станцевала со мной каждое па этого Танца. Я люблю тебя, Фиппс!

Об авторе

Джордж Р. Р. Мартин издал свой первый рассказ в 1971 году и с тех пор стал профессиональным писателем.

Он писал и фэнтези, и ужасы, и научную фантастику, и за грехи свои, потерял десять лет в Голливуде как сценарист и продюсер, работая над сериалами «Сумеречная зона», «Красавица и чудовище», а также другими фильмами и телепередачами, которые так и не вышли в свет.

В девяностые годы он вернулся к своей первой любви — прозе и начал работу над серией книг в жанре эпического фэнтези «Песнь Льда и Огня». Всякий раз, когда у него появляется свободное время, он возвращается в Санта-Фе, штат Нью-Мехико, к своей жене Пэррис и своим четырем котам.

www.georgerrmartin.com

БОНУС: Глава из «Ветров зимы» – Теон

Королевский голос захлёбывался от гнева.

— Вы пират похлеще Салладора Саана!

Теон Грейджой открыл глаза. Его плечи горели, руки не слушались. На миг он испугался, что вернулся в прежнюю камеру под Дредфортом, а мешанина воспоминаний у него в голове — лишь обрывки какого-то лихорадочного сна. *«Я спал»* — сообразил он. Или же вырубился от боли. Попытавшись двинуться, Теон закачался из стороны в сторону, царапая спину о камень. Он висел на внутренней стене башни, прикованный за запястья парой покрытых ржавчиной железных колец.

В воздухе стояла вонь горящего торфа. Полом служила сильно утоптанная земля. Деревянные ступени лестницы спиралью вились вдоль стен к крыше. Окон он не заметил. Башня была сырой, тёмной и неуютной. Всю мебель составляли стул с высокой спинкой да грубый стол на трёх подпорках. Нужник отсутствовал, но в полумраке ниши Теон увидел ночной горшок. Единственным ис-

точником света были стоявшие на столе свечи. Ноги Теона болтались в шести футах над землёй.

— Долги моего брата, — ворчал король, — и обязательства Джоффри, хотя этот мерзкий ублюдок мне и роднёй-то не приходился.

Теон дёрнулся в своих оковах. Он узнал этот голос. *«Станнис».*

Грейджой сдавленно рассмеялся. Руки пронзило болью от плеч до запястий. Всё, что он сделал, всё, что пережил: Ров Кейлин, Барроутон и Винтерфелл, Абель со своими прачками, Воронье Мясо и Амберы, побег в метель — всё лишь для того, чтобы сменить одного мучителя на другого.

— Ваше величество, — тихо произнёс второй голос. — Прошу прощения, но ваши чернила замёрзли.

«Браавосец, — понял Теон. — *Как там его звали? Тихо…Тихо чего-то там…»*

— Может, немного тепла?..

— Я знаю способ побыстрей.

Станнис вытащил кинжал, и Теону на миг показалось, что его величество заколет им банкира. *«Из этого и капли крови не выжмешь, милорд»*, — мог бы сказать он королю. Станнис приложил лезвие к подушечке большого пальца своей левой руки и резанул.

— Вот так. Подпишусь собственной кровью. Это должно осчастливить ваших хозяев.

— Что угодно вашему величеству, угодно и Железному Банку.

Станнис обмакнул перо в сочащуюся из пальца кровь и нацарапал своё имя на куске пергамента.

— Выезжайте сегодня же. Вскоре на нас может напасть лорд Болтон. Не хочу, чтобы вы угодили в сражение.

— Я бы и сам предпочёл уехать. — Браавосец спрятал свиток в деревянную трубку. — Надеюсь иметь честь вновь навестить ваше величество, когда вы сядете на ваш Железный Трон.

— Хотите сказать: надеетесь вернуть ваше золото. Приберегите свои любезности. Мне нужны от Браавоса деньги, а не пустая учтивость. Передайте страже снаружи, что мне нужен Джастин Масси.

— С удовольствием. Железный Банк всегда рад услужить, — поклонился банкир.

После его ухода вошёл другой человек — рыцарь.

Теон смутно помнил, что королевские рыцари сновали туда-сюда всю ночь. Этот, похоже, один из приближённых короля. Худой, темноволосый,

с тяжёлым взглядом и лицом, обезображенным оспинами и старыми шрамами, одет он был в выцветший плащ с изображением трёх бабочек.

— Сир, — объявил рыцарь, — мейстер ждёт снаружи, а лорд Арнольф Карстарк сообщил, что будет весьма рад позавтракать с вами.

— С сыном?

— И с внуками тоже. Лорд Вулл также просит вашей аудиенции. Он хочет…

— Знаю я, чего он хочет. — Король указал на Теона. — Его. Вулл желает его смерти. Флинт, Норри… все они хотят, чтобы он умер. За убитых им мальчиков. Месть за их драгоценного Неда.

— Вы удовлетворите их желание?

— Пока от живого перевёртыша больше пользы. У него есть сведения, которые могут нам пригодиться. Приведите этого мейстера. — Король схватил со стола пергамент и пробежался по нему глазами. *«Письмо»,* — понял Теон. Сломанная печать была из чёрного воска, твёрдого и блестящего. *«Я знаю, что там говорится»,* — подумал он, хихикая.

Станнис поднял глаза.

— Перевёртыш зашевелился.

— Теон. Меня зовут Теон.

Нужно помнить своё имя.

— Я знаю твоё имя. Я знаю, что ты сделал.

— Я спас её.

Внешняя стена Винтерфелла восьмидесяти футов в высоту, но под тем местом, откуда он спрыгнул, снега навалило на высоту не менее сорока. *«Холодная белая подушка».* Девушка пострадала сильнее. *«Джейни, её зовут Джейни, но она никогда им этого не скажет».* Теон упал на неё и сломал ей несколько рёбер.

— Я спас девушку, — повторил он. — Мы *улетели.*

Станнис фыркнул.

— Вы упали. Её спас Амбер. Если бы Морса Воронье Мясо и его людей не оказалось у замка, Болтон вернул бы вас обоих в два счёта.

«Воронье Мясо». Теон вспомнил. Высокий и могучий старик с красным лицом и косматой белой бородой восседал на мохнатом коньке, завернувшись в огромную белую шкуру с медвежьей головой в качестве капюшона. Ниже виднелась запачканная наглазная повязка из белой кожи, напомнившая Теону о дяде Эуроне. Ему хотелось сорвать её с лица Амбера и убедиться, что под ней лишь пустая глазница, а не чёрный глаз, сияющий злобой, но вместо этого он проскулил сквозь сломанные зубы:

— Я…

— …перевёртыш и братоубийца, — закончил за него Воронье Мясо. — Попридержи-ка свой лживый язык, не то лишишься его.

Но Амбер пригляделся к девушке повнимательней своим единственным глазом.

— Ты младшая дочь?

Джейни кивнула.

— Арья. Меня зовут *Арья.*

— Да, Арья из Винтерфелла. Когда последний раз я гостил в этих стенах, ваш повар приготовил нам бифштекс и пирог с почками и подал их с элем, на мой взгляд, лучшим, что я когда-либо пробовал. Как его звали, этого повара?

— Гейдж, — тут же ответила Джейни. — Он был хорошим поваром. Когда у нас были лимоны, он всегда пёк с ними пирожки для Сансы.

Воронье Мясо пробежал пальцами по своей бороде.

— Теперь уже мёртв, наверно. Да и кузнец ваш тоже. В стали он знал толк. Как его звали?

Джейни задумалась. *«Миккен,* — подумал Теон. *— Его звали Миккен».* Кузнец не пёк для Сансы лимонных пирожков и потому в прекрасном мирке, который та делила со своей подружкой Джейни Пуль, ему не придавали такого значения,

как повару. «*Вспоминай, будь ты неладна. Твой отец служил стюардом, он управлял всем хозяйством. Кузнеца звали Миккен, Миккен, Миккен. Его казнили у меня на глазах!*»

— Миккен, — произнесла Джейни.

Морс Амбер промычал:

— Угу.

Теон так и не узнал, что тот собирался сказать или сделать дальше, ведь в тот самый миг прибежал парень с копьём в руках и прокричал, что решётку на главных воротах Винтерфелла поднимают. *«И как тогда ухмыльнулся Воронье Мясо…»*

Теон повернулся в цепях и посмотрел вниз, на короля.

— Воронье Мясо нашёл нас, да, и послал сюда, к вам, но спас её я. Сами у неё спросите.

Она подтвердит.

– *Ты спас меня*, — прошептала Джейни, когда он тащил её сквозь снег.

Она побледнела от боли, но провела рукой по его щеке и улыбнулась.

— Я спас *леди Арью*, — прошептал Теон в ответ, и в тот самый миг их окружили копейщики Морса Амбера.

— Это моя награда? — спросил он Станниса,

слегка стукнув ногой по стене.

Плечи горели от боли. Под тяжестью его веса руки вырывались из суставов. Как долго я здесь вишу? Снаружи всё ещё ночь? В башне не было окон, поэтому он никак не мог этого узнать.

— Раскуйте меня, и я послужу вам.

— Как послужил Русе Болтону и Роббу Старку? — фыркнул Станнис. — Ну, уж нет. У нас для тебя припасена кончина погорячее, перевёртыш. Но только после того, как мы с тобой закончим.

«Он намерен убить меня». Эта мысль, как ни странно, его успокоила. Смерть не пугала Теона Грейджоя. Смерть избавила бы от боли.

— Тогда кончайте со мной, — попросил он короля. — Отрубите мне голову и насадите на копьё. Я убил сыновей лорда Эддарда, я должен умереть. Но поскорее. *Он идёт.*

— Кто идёт? Болтон?

— Лорд Рамси, — прошипел Теон. — Сын, не отец. Вы не должны позволить ему взять его… Русе… Русе в безопасности в стенах Винтерфелла со своей новой толстой женой. *Рамси* идёт.

— Ты хотел сказать Рамси Сноу. Бастард.

– *Никогда не называйте его так!* — брызжа слюной, взвизгнул Теон. — Рамси *Болтон,* не Рамси Сноу. Только не Сноу. Нужно помнить его *имя,*

иначе он причинит вам боль.

— Пусть попробует. Под любым именем.

Дверь открылась, впустив порыв холодного чёрного ветра и кружащийся снег. Рыцарь бабочек вернулся с явившимся по зову короля мейстером в накинутой поверх серой одежды тяжёлой медвежьей шкуре. Следом вошли два рыцаря, каждый нёс клетку с вороном. Один из вошедших оказался тем самым, что сопровождал Ашу, когда банкир доставил к ней Теона. Здоровяк с крылатой свиньёй на плаще. Второй был ещё выше: широкоплечий, мускулистый, в плаще, скреплённом горящим сердцем, и в панцире из посеребрённой стали с чернением, несмотря на вмятины и царапины, сиявшем при свете свечей.

— Мейстер Тибальд, — провозгласил рыцарь бабочек.

Рыжий сутулый мейстер опустился на колени, не сводя взгляда своих близко посаженных глаз с висевшего на стене Теона.

— Ваше величество. Чем могу служить?

Станнис ответил не сразу. Нахмурившись, он изучал стоявшего перед ним человека.

— Встаньте.

Мейстер поднялся.

— Вы мейстер Дредфорта. Как получилось, что вы оказались здесь, с нами?

— Лорд Арнольф взял меня с собой для ухода за его ранеными.

— За ранеными? Или за его воронами?

— Теми и другими, ваше величество.

— Теми и другими! — рявкнул Станнис. — Мейстерский ворон летает лишь в одно место, и только туда. Верно?

Мейстер отёр рукавом пот со лба.

— Н-не совсем, ваше величество. Большинство — да. Немногих можно обучить летать между двумя замками. Такие птицы очень ценятся. И совсем редко нам удаётся найти ворона, способного выучить названия трёх, четырёх или пяти замков и летать в любой из них по команде. Такие умные птицы появляются на свет лишь раз в столетье.

Станнис указал на чёрных птиц в клетках.

— Полагаю, эти две не настолько сообразительны.

— Нет, ваше величество. К сожалению.

— Тогда скажите мне: куда обучена летать эта парочка?

Мейстер Тибальд не ответил. Теон Грейджой слабо лягнул ногой и чуть слышно засмеялся. *«Попался!»*

— Отвечайте. Отпусти мы этих птиц, они вернулись бы в Дредфорт? — Король наклонился вперёд. — Или, может, вместо этого полетели бы в Винтерфелл?

Мейстер Тибальд обмочился. Теон не мог видеть с того места, где он висел, растекающегося тёмного пятна, но запах мочи был резким и сильным.

— Мейстер Тибальд лишился дара речи, — сказал Станнис своим рыцарям. — Годри, сколько клеток вы нашли?

— Три, ваше величество, — ответил рыцарь в посеребрённом панцире. — Одна оказалась пуста.

— В-ваше величество, мой орден поклялся служить, мы…

— Мне известно всё о ваших обетах. Я хочу лишь знать, что в том письме, которое вы послали в Винтерфелл. Может, вы сообщили лорду Болтону, где нас найти?

— С-сир, — гордо выпрямился сутулый Тибальд, — правила моего ордена запрещают мне разглашать содержимое писем лорда Арнольфа.

— Похоже, ваши обеты сильнее вашего мочевого пузыря.

— Ваше величество должны понять…

– *Разве*? — пожал плечами король. — Ну, раз вы так говорите. В конце концов, вы учёный человек. На Драконьем Камне у меня был мейстер, он был мне почти что отцом. Я испытываю глубочайшее уважение по отношению к вашему ордену и его обетам. Однако же сир Клейтон не разделяет моих чувств. Все свои знания он получил в переулках Блошиного Конца. Поручи я вас ему, он задушил бы вас вашей же цепью или выковырял вам ложкой глаз.

— Лишь один, ваше величество, — отозвался лысеющий рыцарь крылатой свиньи. — Другой бы оставил.

— Сколько глаз нужно мейстеру для чтения писем? — поинтересовался Станнис. — Думаю, одного вполне достаточно. Я бы не хотел лишать вас возможности служить своему господину. Однако же, на нас в любой момент могут напасть люди Русе Болтона, так что вы должны понять, почему я скуп на любезности. Спрошу ещё раз. Что было в сообщении, которое вы отправили в Винтерфелл?

Мейстера затрясло.

— К-карта, ваше величество.

Король откинулся на спинку стула.

— Уберите его отсюда, — приказал он. — Воро-

нов оставьте.

На его шее запульсировала вена.

— Заприте эту серую тварь в одной из хижин, пока я не решу, как с ним поступить.

— Будет сделано, — произнёс высокий рыцарь.

Мейстер исчез в очередном порыве холода и снега. Остался лишь рыцарь трёх бабочек.

Станнис сердито взглянул на Теона.

— Как оказалось, ты здесь не единственный перевёртыш. Если бы у всех лордов Семи Королевств была только одна шея...

Он повернулся к рыцарю.

— Сир Ричард, пока я буду завтракать с лордом Арнольфом, вы обезоружите его людей и возьмёте их под стражу. В большинстве своём они будут спать. Не причиняйте им вреда, если не окажут сопротивления. Возможно, они не знали. Расспросите об этом кого-нибудь из них… Но, вежливо. Если им ничего не известно об этой измене, то надо дать им возможность доказать свою преданность.

Король жестом отослал приближённого.

— Пришлите Джастина Масси.

«Ещё один рыцарь», — понял Теон, когда вошёл Масси: белокурый, с аккуратно постриженной светлой бородой и густыми прямыми волосами

— настолько блёклыми, что казались скорее белыми, чем золотыми. На его рубахе была изображена тройная спираль — древний знак древнего дома.

— Мне сказали, что я понадобился вашему величеству, — произнёс он, преклонив колено.

Станнис кивнул.

— Проводишь банкира-браавосца обратно к Стене. Выбери шестерых человек понадёжнее и возьми двенадцать лошадей.

— Под седло или на обед?

Королю было не до смеха.

— Я хочу, сир, чтобы вы отправились до полудня. Лорд Болтон может напасть в любой момент, и крайне важно, чтобы банкир вернулся в Браавос. Будешь сопровождать всю дорогу через Узкое море.

— Если предстоит битва, то моё место здесь, с вами.

— Твоё место там, где я скажу. У меня пять сотен мечей ничем не хуже тебя, если не лучше, но у тебя хорошие манеры и бойкий язык — именно те качества, от которых мне больше проку в Браавосе, а не здесь. Железный Банк открыл для меня свои закрома. Возьми у них деньги и купи корабли и наёмников. Отряд с хорошей репутацией,

если таковой отыщется. Я бы предпочёл Золотое Братство, если они свободны. При необходимости поищи их в Спорных Землях. Но сначала найми столько мечей, сколько сможешь в Браавосе, и отправь их ко мне через Восточный Дозор. И лучников тоже, нам нужно больше луков.

Сир Джастин откинул прядь волос, упавшую ему на один глаз и сказал:

— Капитаны вольных отрядов охотнее присоединятся к лорду, чем к простому рыцарю, ваше величество. У меня нет ни титула, ни земель, с чего им продавать мне свои мечи?

— Приди к ним с полными пригоршнями золотых драконов, — язвительно ответил король. — Это сможет их убедить. Двадцати тысяч бойцов хватит. Не возвращайся с меньшим количеством.

— Сир, могу ли я говорить открыто?

— Если только быстро.

— Вашему величеству следует отправиться в Браавос вместе с банкиром.

— Таков твой совет? Я должен бежать? — лицо короля потемнело. — Насколько я помню, то же ты советовал мне и на Черноводной. Когда удача изменила нам, я позволил тебе и Хорпу загнать меня назад на Драконий Камень, словно побитую

дворнягу.

— Бой был проигран, ваше величество.

— Да, так ты и сказал: *«Бой проигран, сир. Отступите сейчас, чтобы сразиться вновь».* А теперь ты хочешь, чтобы я удрал за Узкое море…

— …да, чтобы собрать армию. Как сделал Злой Клинок после битвы на Красном поле, где пал Дейемон Чёрное Пламя.

— Не стоит при мне молоть чепухи об истории, сир. Дейемон Чёрное Пламя был мятежником и узурпатором, Злой Клинок — бастардом. Спасаясь бегством, он поклялся вернуться, чтобы посадить одного из сыновей Дейемона на Железный Трон. Не посадил. Слова — ветер, а ветер, что уносит изгнанников за Узкое море, редко возвращает их обратно. Этот мальчик, Визерис, тоже твердил о возвращении. Он проскользнул у меня меж пальцев на Драконьем Камне лишь для того, чтобы всю жизнь обхаживать наёмников. В Вольных городах его называли королём-попрошайкой. Что ж, я не попрошайничаю и не побегу снова. Я наследник Роберта, законный король Вестероса. Моё место с моими людьми. Твоё — в Браавосе. Отправляйся вместе с банкиром и сделай, как я велю.

— Как прикажете, — ответил сир Джастин.

— Может случиться, что мы проиграем эту битву, — мрачно произнёс король. — В Браавосе ты можешь услышать о моей смерти. Это даже может оказаться правдой. Но ты всё равно найдёшь мне наёмников.

Рыцарь запнулся.

— Ваше величество, если вы умрёте…

— …ты отомстишь за мою смерть и посадишь мою дочь на Железный Трон. Или погибнешь, пытаясь это сделать.

Сир Джастин положил ладонь на рукоять меча.

— Клянусь вам рыцарской честью.

— Да, и прихвати с собой дочь Старка. Доставь её лорду-командующему по пути в Восточный Дозор. — Станнис постучал по пергаменту, лежавшему перед ним. — Настоящий король платит свои долги.

«Ага, оплати, — подумал Теон. — *Оплати фальшивой монетой».* Джон Сноу мгновенно разглядит подмену. Угрюмый бастард лорда Старка знал Джейни Пуль и всегда любил свою сводную сестрицу Арью.

– Чёрные братья сопроводят вас до Чёрного замка, – продолжал король. — Железные люди останутся здесь, предположительно чтобы

сражаться за нас. Ещё один подарок Тихо Несториса. К тому же они бы вас только задержали. Железные люди созданы для кораблей, а не для лошадей. Леди Арье понадобится компаньонка. Возьми Алисанну Мормонт.

Сир Джастин снова отбросил волосы.

– А леди Аша?

Король немного подумал над этим.

– Нет.

– Однажды вашему величеству потребуется захватить Железные острова. Это получится куда легче, когда дочь Бейлона Грейджоя будет вашей пешкой, если один из верных вам людей станет ей мужем и господином.

– Ты? — нахмурился король. — Эта женщина замужем, Джастин.

– Формальный брак, не осуществлённый. Эго легко отменить. Жених к тому же стар. Наверняка скоро умрёт.

«От меча в брюхе, если вы добьётесь своего, сир-червяк». Теон знал, как мыслят эти рыцари.

Станнис сжал губы.

— Послужи мне на славу в этом деле с наёмниками и, может быть, твоё желание исполнится. До этого женщина останется моей пленницей.

Сир Джастин склонил голову.

— Понимаю.

Это, похоже, лишь разозлило короля.

— Мне нужно от тебя не понимание, а повиновение. Ступайте, сир.

В этот раз, когда рыцарь выходил, мир снаружи показался скорее белым, чем чёрным.

Станнис Баратеон прошёлся по комнате. Башня была маленькой, сырой и тесной. Несколько шагов приблизили короля к Теону.

— Сколько людей у Болтона в Винтерфелле?

— Пять тысяч. Шесть. Или больше. — Он улыбнулся королю жуткой гримасой разбитых и расколотых зубов. — Больше, чем у вас.

— Сколько из них он может послать против нас?

— Не более половины.

Конечно же, это лишь догадка, но она показалась ему правильной. Русе Болтон не тот человек, чтобы брести вслепую через снег даже с картой. Он оставит главные силы в резерве, придержит своих лучших людей при себе под охраной массивных двойных стен Винтерфелла.

— Замок переполнен. Люди были готовы глотки друг другу резать, особенно Мандерли и Фреи. Их и послал за вами его светлость — тех, от которых он с радостью бы избавился.

— Виман Мандерли. — Король презрительно скривил рот. — Лорд Слишком-Жирный-Чтобы-Сесть-На-Коня. Слишком жирный, чтобы присоединиться ко мне, но в Винтерфелл он явился. Слишком жирный, чтобы преклонить колено и обещать мне свой меч, но теперь обнажил меч ради Болтона. Я послал своего Лукового лорда с ним договориться, а Лорд-Слишком-Жирный убил его и водрузил его голову и руки на стены Белой Гавани, на радость Фреям. А Фреи… Красная Свадьба забыта?

— Север помнит. Красную Свадьбу, пальцы леди Хорнвуд, разрушение Винтерфелла, Темнолесье и Торрхенов Удел — они помнят всё.

«Брана и Рикона. Которые были всего лишь сыновьями мельника».

— Фреи и Мандерли никогда не объединят силы. Они придут за вами, но по отдельности. Лорд Рамси последует за ними. Он хочет вернуть свою жену. Он хочет своего Вонючку. — Теон то ли смеялся, то ли хныкал. — Вашему величеству стоит опасаться только лорда Рамси.

Станниса это рассердило.

— Я одолел твоего дядю Виктариона и его Железный Флот у Прекрасного острова, когда твой отец короновался в первый раз. Я в течение года

удерживал Штормовой Предел против всей мощи Простора и отобрал Драконий Камень у Таргариенов. Я разбил Манса Налётчика у Стены, хотя он в двадцать раз превосходил меня числом. Скажи мне, перевёртыш, какие такие победы одержал Бастард Болтона, чтобы я его боялся?

«Вы не должны так называть его!» Волна боли захлестнула Теона Грейджоя. Он закрыл глаза и скривился, а открыв их вновь, произнёс:

— Вы его не знаете.

— А он не знает меня.

– *Знает меня!* — закричал один из воронов, которых оставил мейстер, и захлопал большими чёрными крыльями по решёткам клетки.

– *Знает!* — закричал он снова.

Станнис обернулся.

— Прекратить этот шум!

Позади него открылась дверь. Пришли Карстарки.

По пути к столу согнутый и скрюченный кастелян Кархолда тяжело опирался на трость. Плащ лорда Арнольда был сшит из добротной серой шерсти, подбитой чёрным горностаем, и скреплялся серебряной звездой. *«Богатое одеяние,* — подумал Теон, — *на жалком подобии человека.* Он знал, что видел этот плащ прежде, как и

его обладателя. *«В Дредфорте. Как же, помню. Он ужинал с лордом Рамси и Амбером Смерть Шлюхам той ночью, когда Вонючку выпустили из темницы».*

Шедший рядом со стариком мужчина мог быть только его сыном. Теон рассудил, что тому около пятидесяти. Его круглое мягкое лицо напоминало бы отцовское, случись лорду Арнольфу растолстеть. За ним вошли трое мужчин помоложе. *«Внуки»*, — догадался Теон. Один из них был облачён в кольчугу с короткими рукавами. Остальные оделись для завтрака, не для битвы. *«Глупцы».*

— Ваше величество, — склонил голову Арнольф Карстарк. — Какая честь.

Он поискал глазами, где присесть, но вместо этого заметил Теона.

— А это кто?

Узнавание пришло почти сразу же. Лорд Арнольф побледнел.

Его тупой сын так ничего и не понял.

— Стульев нет, — заметил олух.

Один из воронов закричал в клетке.

— Только для меня. — Король Станнис сел. — Не Железный Трон, но здесь и сейчас сойдёт и такой.

Дюжина мужчин вошли в дверь башни, воз-

главляемые рыцарем бабочек и высоким мужчиной в посеребрённом панцире.

— Вы уже покойники, осознайте это, — продолжил король. — Осталось лишь определить, каким способом вы умрёте. Не советовал бы тратить моё время на отрицания. Покаетесь — умрёте так же легко, как лорд Рикард от руки Молодого Волка. Солжёте — взойдёте на костёр. Выбирайте.

— Выбираю это! — Один из внуков схватился за меч и попытался его обнажить.

Этот вариант оказался плохим. Не успел клинок внука покинуть ножен, как два королевских рыцаря ринулись на него. В итоге его кисть шлёпнулась в грязь, из обрубка руки хлынула кровь, а один из братьев устремился к лестнице, спотыкаясь и зажимая рану в животе. Пошатываясь, он взобрался на шесть ступеней, прежде чем упасть и с грохотом скатиться на землю.

Ни Арнольф Карстарк, ни его сын не пошевелились.

— Уведите их, — приказал король. — Меня тошнит от одного их вида.

Всех пятерых моментально связали и вывели. Потерявший правую руку лишился сознания от кровопотери, но его брат с раной в животе кричал за двоих.

— Так я поступаю с предателями, перевёртыш, — сообщил Теону Станнис.

— Меня зовут *Теон.*

— Как пожелаешь. Скажи-ка мне, *Теон*, сколько мужей с Морсом Амбером у Винтерфелла?

— Ни одного. Они не мужи, — улыбнулся он собственной шутке. — У него одни мальчишки. Я их видел.

Не считая горстки полуискалеченных сержантов, воины, которых привёл из Последнего Очага Воронье Мясо, едва доросли до того, чтобы бриться.

— Копья и топоры старше, чем руки, которые их сжимают. Это у Амбера Смерть Шлюхам в замке мужи. Видел я и их. Старики — все, до последнего, — хихикнул Теон. — Морс прихватил зелёных мальчишек, а Хозер — седобородых. Все настоящие мужчины ушли с Большим Джоном и погибли на Красной Свадьбе. Вы это хотели узнать, ваше величество?

Король Станнис пропустил колкость мимо ушей.

— Мальчишки! — только и сказал он, с отвращением. — Мальчишки недолго смогут удерживать лорда Болтона.

— Недолго, — согласился Теон. — Совсем недол-

го.

– *Недолго!* — завопил ворон из клетки.

Король злобно зыркнул на птицу.

— Банкир-браавосец сказал, что сир Эйенис Фрей мёртв. Это дело рук какого-то мальчишки?

— Двадцати зелёных мальчишек с лопатами, — ответил Теон. — Снег валил целыми днями — настолько сильно, что замковых стен не разглядеть и за десять ярдов. Так же и люди на стенах не видели, что происходит у них под носом. Потому Воронье Мясо послал своих мальчишек копать ямы перед замковыми воротами, а потом подул в рог, чтобы выманить лорда Болтона. Взамен он получил Фреев. Снег укрыл ямы, и те въехали прямо в них. Как я слышал, Эйенис сломал себе шею, но сир Хостин, к сожалению, потерял только лошадь. Теперь, небось, гневается.

Станнис, как ни странно, улыбнулся.

— Разгневанные враги меня не беспокоят. Гнев притупляет разум, а Хостин Фрей и без того глуп, если хотя бы половина того, что я о нём слышал, правда. Пусть приходит.

— Он придёт.

— Болтон просчитался, — заявил король. — Всё, что ему было нужно сделать, так это сидеть в своём замке до тех пор, пока мы не умрём с

голоду. Вместо этого он отправил часть своего войска на бой с нами. Его рыцари будут на лошадях — нашим придётся сражаться пешими. Его люди будут хорошо накормлены — наши пойдут в бой с пустыми животами. Не важно кто. Сир Тупица, лорд Слишком-Жирный, Бастард — пусть приходят. Мы удерживаем позицию, и я намерен обратить это нам на пользу.

— Позицию? — произнёс Теон. — Какую позицию? Эту? Эту позорную башенку? Эту жалкую деревушку? У вас нет ни возвышенности, ни стен, чтобы укрыться за ними, нет естественной защиты.

— Пока что.

– *Пока что!* — закричали в унисон обе птицы.

Потом одна каркнула, а другая пробормотала:

— *Дерево, дерево, дерево.*

Распахнулась дверь. Мир за ней был белым. Вошёл рыцарь трёх бабочек и, потоптавшись, чтобы сбить облепивший ноги снег, доложил:

— Ваше величество, Карстарки захвачены. Кое-кто сопротивлялся и поплатился за это жизнью. Большинство были совсем сбиты с толку и сдались добровольно. Мы загнали их в общинный дом и там заперли.

— Отлично.

— Они говорят, что не знали. Те, которых мы допросили.

— Ещё бы.

— Мы можем допросить их получше…

— Нет. Я верю им. Карстарк не мог бы надеяться сохранить свою измену в тайне, если бы поделился замыслами с каждым простолюдином в отряде. Какой-нибудь пьяный копейщик однажды проговорился бы ночью в постели шлюхи. Им не требовалось знать. Они люди Кархолда. В нужный момент они подчинились бы своим господам, как и делали всю жизнь.

— Как скажете, сир.

— Каковы ваши потери?

— Погиб один из людей лорда Писбури, и двое моих ранены. Но, если угодно вашему величеству, народ начинает волноваться. Сотнями собрались вокруг башни, гадая, что происходит. Слухи об измене у всех на устах. Никто не знает, кому можно верить, или кого могут схватить следующим. Северяне особенно…

— Мне нужно с ними поговорить. Вулл всё ещё ждёт?

— Вместе с Артосом Флинтом. Вы примете их?

— Скоро. Но сначала кракен.

— Как прикажете, — рыцарь вышел.

«Моя сестра, — подумал Теон, — *моя милая сестрица»*. Хотя руки полностью потеряли чувствительность, он ощутил, как скручиваются его внутренности, совсем как тогда, когда этот бледный банкир-браавосец представил его Аше в качестве дара. Воспоминание всё ещё терзало его. Дородный лысеющий рыцарь, сопровождавший сестру, почти сразу принялся звать на помощь, так что спустя короткое время Теона поволокли к королю. *«Этого времени хватило»*. Его глубоко задело то, как Аша восприняла их встречу: потрясение во взгляде, жалость в голосе, скривившийся от отвращения рот. Вместо того, чтобы обнять его, она отшатнулась прочь.

— С тобой это сделал бастард? — спросила сестра.

— Не называй его так.

Потом слова потоком полились из Теона. Он пытался всё ей рассказать: про Вонючку и Дредфорт, про Киру и ключи, про то, что лорд Рамси никогда не забирал ничего кроме кожи, если только не попросить прямо. Он рассказал, как спас девушку, спрыгнув с замковой стены в сугроб.

— Мы улетели. Пусть Абель сложит об этом песню, мы *улетели*.

Потом ему пришлось рассказать о том, кто

такой Абель, и о прачках, которые не были настоящими прачками. К этому времени Теон понял, как странно и бессвязно всё это звучало, но остановиться не мог. Он так замёрз, так страдал, так устал… он слаб, так слаб, так ужасно слаб.

«Она должна понять. Она моя сестра». Он никогда не желал причинить вред Брану или Рикону. Вонючка заставил его убить тех мальчишек, не он-Вонючка, а тот, другой.

— Я не братоубийца, — настаивал Теон.

Он рассказал ей, как ему приходилось спать вместе с сучками Рамси, предупредил, что Винтерфелл полон призраков.

— Мечи исчезли. Четыре, по-моему, или пять. Не помню. Каменные короли гневаются.

К этому времени его трясло, он дрожал как лист на осеннем ветру.

— Сердце-древо знало моё имя. Старые боги. Я слышал, как они прошептали *«Теон»*. Ветра не было, но листья шевелились. Они сказали *«Теон».* Меня зовут Теон.

Произносить имя было приятно. Чем чаще говоришь его, тем вернее не забудешь.

— Ты должна знать своё имя, — сказал он сестре. — Ты… ты назвалась мне Эсгред, но это неправда. Тебя зовут *Аша.*

— Верно, — произнесла сестра так тихо, что он испугался, не заплачет ли она.

Теон ненавидел женский плач. Джейни Пуль рыдала всю дорогу сюда от Винтерфелла, ревела, пока её лицо не стало бордовым, точно свёкла, и слёзы не замёрзли на щеках. А всё потому, что он велел ей быть Арьей, иначе волки могут отправить их назад.

— Тебя обучали в борделе, — напомнил он ей, шепча в самое ухо, чтобы другие не услышали. — Джейни немногим лучше шлюхи, ты должна остаться Арьей.

Он не хотел её обидеть, так нужно для её же блага и для его тоже. *«Она должна помнить своё имя».* Когда кончик её носа почернел от мороза и один из всадников Ночного Дозора сказал, что она может его лишиться, Джейни разрыдалась и из-за этого.

— Всем будет безразлично, как выглядит Арья, пока она остаётся наследницей Винтерфелла, – утешал её он. — Сотни мужчин пожелают взять её в жёны. Тысячи.

Воспоминание заставило Теона скорчиться в его цепях.

— Опустите меня, — взмолился он. — Ненадолго, потом можете снова подвесить.

Станнис Баратеон взглянул на него, но не ответил.

«Дерево! — закричал ворон. — *Дерево, дерево, дерево».*

Другая птица отчётливо произнесла *«Теон»*, когда в дверь вошла Аша.

С ней был Кварл Девица и Тристифер Ботли. Теон провёл детство на Пайке в компании Ботли. *«Зачем она притащила своих собачек? Собирается вызволить меня силой?»* Если она попытается, они закончат как Карстарки.

Королю тоже не понравилось их присутствие.

— Ваши защитники могут подождать снаружи. Если я решу причинить вам вред, два человека не заставят меня передумать.

Железнорождённые поклонились и вышли. Аша преклонила колено.

— Ваше величество, неужели обязательно приковывать моего брата вот так? Это дурная награда за то, что он доставил вам девчонку Старков.

Рот короля дёрнулся.

— У вас дерзкий язык, миледи. Совсем как у вашего брата-перевёртыша.

— Благодарю, ваше величество.

— Это не комплимент. — Станнис долго смотрел на Теона. — В деревне нет темницы, а у меня

больше пленников, чем я рассчитывал, когда мы здесь остановились.

Он знаком приказал Аше подняться.

— Можете встать.

Она выпрямилась.

— Браавосец выкупил семерых моих людей у леди Гловер. Я с радостью заплачу выкуп за моего брата.

— На всех ваших Железных островах не хватит на это золота. Его руки по локоть в крови. Фарринг убеждает меня отдать его Рглору.

— Ещё, конечно же, Клейтон Саггс.

— Он, Корлисс Пенни и все остальные. Даже сир Ричард, который любит Владыку Света только тогда, когда это ему выгодно.

— Хор красного бога знает одну-единственную песенку.

— И пусть поют её, пока богу нравится, как она звучит. Люди лорда Болтона окажутся здесь скорее, чем нам хотелось бы. Нас разделяет лишь Морс Амбер, а, по словам твоего брата, его войско состоит из одних лишь зелёных мальчишек. Людям нравится думать, что их бог с ними, когда они идут в бой.

— Не все ваши люди поклоняются этому богу.

— Знаю. Я не такой дурак, как мой покойный

брат.

— Теон — последний выживший сын моей матери. Смерть его братьев сокрушила её, а его смерть уничтожит то, что от неё осталось… Но я пришла не для того, чтобы молить вас сохранить ему жизнь.

— Мудро с вашей стороны. Мне жаль вашу мать, но я не милую перебежчиков. Особенно этого. Он убил двух сыновей Эддарда Старка. Ни один северянин не останется у меня на службе, если я сколько-нибудь смягчу его участь. Ваш брат должен умереть.

— Тогда сделайте это собственноручно, ваше величество. — Холод в голосе Аши заставил Теона задрожать в своих оковах. — Отведите его за озеро, к островку, где растёт чардрево, и отрубите ему голову вашим волшебным мечом. Так поступил бы Эддард Старк. Теон убил сыновей лорда Эддарда. Отдайте его богам лорда Эддарда. Старым богам севера. Отдайте его древу.

Внезапно раздался дикий стук: это вороны мейстера принялись прыгать и хлопать крыльями внутри клеток. Их чёрные перья разлетались в стороны, когда они бились о решётки с громкими и хриплыми криками.

– *Древо*! — вопила одна из птиц. — *Древо, дре-*

во…

А вторая кричала только:

— *Теон, Теон, Теон!*

Теон Грейджой улыбнулся. *«Они знают моё имя»,* — подумал он.